

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Archaeological news

17
(2010–2011)

St.-PETERSBURG
2011

Археологические вести

17

(2010–2011)

ДБ

Санкт-Петербург
2011

УДК 902/904
ББК 63, 4

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. НОСОВ (главный редактор),
академик РАН В. Л. ЯНИН, член-корреспондент РАН Н. А. МАКАРОВ, Н. В. ХВОЩИНСКАЯ (зам. главного редактора),
М. Ю. ВАХТИНА, Т. С. ДОРОФЕЕВА (ответственный секретарь),
Н. Ю. СМИРНОВ, Л. Г. ШАЯХМЕТОВА

Рецензенты:

доктор исторических наук Г. В. ДЛУЖНЕВСКАЯ
кандидат исторических наук В. Н. СЕДЫХ

Археологические вести / Ин-т истории материальной культуры РАН. — 1992. —
Вып. 17 / [Гл. ред. Е. Н. Носов]. — СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011. — 408 с.

ISBN 978-5-86007-684-6

«Археологические Вести» № 17 — очередной выпуск ежегодника ИИМК РАН.

В выпуск включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Впервые вводятся в научный оборот материалы раннеашельской стоянки Карахач в северной Армении, новых палеолитических памятников в устье Северного Донца, Дагомысской пещеры на Западном Кавказе, многослойного поселения Ягодинка 2 эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и позднесредневекового оборонительно-жилого комплекса Надымского городка на территории Северо-Западной Сибири. Кроме того, рассматриваются вопросы первоначального заселения человеком лесной зоны в центре Русской равнины, хронологии памятников с ямочно-гребенчатой керамикой Среднего Поволжья, технологии изготовления сланцевых макроорудий на Оленеостровской мезолитической стоянке, хозяйственного уклада на поселениях эпохи бронзы на Южном Урале и Северном Казахстане, а также особенности погребальных обычаев населения Прикарпатья в позднеримское время и реконструкция процесса ткачества на горизонтальном станке в средневековом Новгороде. В ряде статей дается анализ отдельных категорий археологического материала, в частности стел Северной Месопотамии эпохи неолита, раннескифских наверший псалиев, украшений с выемчатой эмалью, амулетов из средневекового Новгорода и кожаных изделий из культурных слоёв древнерусских городов. Специальный раздел сборника содержит четыре работы по актуальным проблемам археологии. Одна из них посвящена характеру одежды скотоводов Внутренней Азии в контексте географической обстановки, вторая — главным храмам и праздникам древнегреческих божеств в городах Северного Причерноморья, третья — «фрако-киммерийским» древностям и последняя — контактам населения Приильменья и Поволховья с народами Балтики в IX–X вв. В сборнике представлена информация о II (XVIII) Всероссийском археологическом съезде и о международной выставке достижений техники обработки кремня в конце эпохи каменного века; дан обзор новейших отечественных и зарубежных публикаций. Особый раздел посвящен истории науки. Среди авторов сборника — ученые из России, Украины, Молдовы, Франции.

Для археологов, этнографов, историков.

ISBN 978-5-86007-684-6

На обложке иллюстрации к статье

В. Е. Куликов, Е. Ю. Медникова, Ю. И. Елихина, С. С. Миняев.

Опыт исследования войлочного ковра из Ноин-Улы методом полиполяризации.

- © Институт истории материальной культуры РАН, 2011
- © Коллектив авторов, 2011
- © Российская академия наук и издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»,
продолжающееся издание «Археологические вести» (разработка,
оформление), 1992 (год основания), 2011
- © Редакционно-издательское оформление.
Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2011
- © А. Л. Бакланова, обложка, 2011

Содержание

Наши юбиляры

Ганна Ивановна Зайцева. К 70-летию со дня рождения	11
Александр Ефимович Матюхин. К 70-летию со дня рождения	12

Новые открытия и исследования

<i>В. П. Любин, Е. В. Беляева.</i> Раннеашельский памятник Карахач в северной Армении	13
<i>Н. К. Анисюткин.</i> Новые данные к проблеме первоначального заселения человеком территории «лесной зоны» в центре Русской равнины	20
<i>А. Е. Матюхин.</i> Новые палеолитические памятники в устье Северского Донца	33
<i>И. В. Федюнин.</i> Шубное: новые материалы к интерпретации памятника	44
<i>С. А. Кондратьев.</i> К вопросу о хронологии памятников с ямочно-гребенчатой керамикой Среднего Поволжья	51
<i>А. Ю. Тарасов.</i> Технология изготовления сланцевых макроорудий на Оленеостровской мезолитической стоянке	58
<i>Т. В. Корниенко.</i> Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор	70
<i>С. А. Кулаков, Г. Ф. Барышников, В. А. Трифонов.</i> Новый памятник археологии на Западном Кавказе	96
<i>А. К. Каспаров.</i> О типах хозяйственного уклада на поселениях эпохи бронзы на Южном Урале и в Северном Казахстане	104
<i>Т. В. Цыбрий.</i> Комплекс сооружений эпохи поздней бронзы поселения Ягодинка 2 на Нижнем Дону	113
<i>В. Е. Куликов, Е. Ю. Медникова, Ю. И. Елихина, С. С. Миняев.</i> Опыт исследования войлочного ковра из Ноин-Улы методом полиполяризации	119
<i>А. Д. Могилев.</i> Раннескифские навершия псалиев юга Восточной Европы	122
<i>М. О. Стрельник, М. А. Хомчик.</i> О функциональном назначении отдельной группы кухонной посуды (II тыс. до н. э.—I тыс. н. э.)	129
<i>Л. В. Вакуленко.</i> Погребальные обычаи населения Прикарпатья в позднеримский период (по археологическим данным)	136
<i>И. В. Зиньковская.</i> Новые находки украшений круга выемчатых эмалей в Верхнем Подонье	144
<i>Ю. И. Елихина.</i> Культы Шивы и Ганеши в искусстве Хотана	149

<i>С. Л. Санкина.</i> Данные антропологии к проблеме заселения Ижорского плато. Могильник Ново-Сиверская-2	154
<i>Е. А. Тянина.</i> Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных	159
<i>М. М. Савенкова.</i> Реконструкция процесса ткачества на горизонтальном станке в средневековом Новгороде (по материалам Новгородской археологической экспедиции)	169
<i>Д. О. Осипов.</i> К вопросу об атрибуции одной из категорий кожаных изделий	184
<i>О. В. Кардаш.</i> Надымский городок в XV–XVI вв. (по результатам полевых исследований 2006–2008 гг.)	193
<i>А. В. Курбатов.</i> Рабочая одежда и обувь средневековых горожан	203

Актуальные проблемы археологии

<i>А. В. Соколов.</i> Этнографический и археологический костюмы скотоводов Внутренней Азии в контексте географической обстановки (опыт сравнения)	216
<i>А. С. Русяева.</i> О главных храмах и праздниках древнегреческих божеств в городах Северного Причерноморья	226
<i>О. Г. Левицкий, М. Т. Кацуба.</i> Курганы у с. Котюжень на юге Среднего Поднестровья и проблема «фрако-киммерийских» древностей (опыт изучения «пустых» погребений)	239
<i>В. М. Горюнова, А. В. Плохов.</i> Контакты населения Приильменя и Поволховья с народами Балтики в IX–X вв. по керамическим материалам	259

Обзоры и рецензии

Археология и палеогеография Берингии: новые данные, старые проблемы <i>Hoffecker J. F., Elias S. A. Human Ecology of Beringia.</i> New York: Columbia University Press, 2007. 304 p. (Рец. Я. В. Кузьмина)	281
Современное введение в археологию <i>Gamble C. Archaeology: the basics.</i> London; New York: Routledge, 2000 (2 nd ed. 2008). 256 p. (Рец. Л. С. Клейна)	292
Сибирское воспитание Мерхарта <i>Merhart Gero, von. Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen.</i> Hrsg. Von H. Parzinger. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2008. 287 p., 59 figs. (Рец. Л. С. Клейна)	299
Пересмотр катакомной общности (о дискуссионном труде С. Ж. Пустовалова) <i>Пустовалов С.Ж. Соціальний лад катакомбного суспільства</i> <i>Північного Причорномор'я. Київ: Шлях, 2005. 412 с., табл., ил.</i> (Рец. Л. С. Клейна)	302
Читая «Поливанов Яр» <i>Попова Т. А. Многослойное поселение Поливанов Яр. К эволюции</i> <i>трипольской культуры в Среднем Поднестровье. СПб.: МАЭ РАН, 2003. 240 с., ил.</i> (Рец. Н. Н. Скакун, Е.В. Цвек)	316

Сотрудничество Восток—Запад

- С. А. Васильев.*
II (XVIII) Всероссийский археологический съезд (Суздаль, 23–27 октября 2008) 323
- Н. Н. Скакун, Е. В. Цвек, Б. Матева, Ж.-С. Марке.*
Международная выставка уникальных достижений техники обработки кремня в конце каменного века 326

История науки

- Ю. И. Елихина.*
Хотанская коллекция Государственного Эрмитажа 330
- А. С. Вдовин.*
«...Для представления на высочайшее воззрение...»: история находки четырех серебряных сосудов 340
- Е. Г. Панкратова.*
Археологическое изучение Фанагории в 20–30-х гг. XX в. 347
- Н. Ю. Смирнов.*
Возвращенная рукопись (из публицистического наследия А. Н. Бернштама) 353
- С. А. Скорый.*
«Горячо желаю продолжить учебу..., специализируясь по скифо-сарматскому периоду»
(к 90-летию со дня рождения В.А.Ильинской) 366
- Вал. А. Булкин, О. В. Овсянников.*
Жизнь человека: Пскович Юрий Павлович Спегальский и его Отечество
(к 100-летию со дня рождения) 375

Персоналии

- А. Н. Кирпичников, И. Стасюк.*
Памяти Евгения Александровича Рябинина (19.05.1948–17.12.2010) 395

Хроника

- С. А. Кулаков.*
Институт истории материальной культуры РАН в 2008–2009 гг. 398
- Список сокращений 407

Contents

Our Jubilees

Ganna Ivanovna Zaytseva. To the 70 th Anniversary	11
Alexander Efimovich Matyukhin. To the 70 th Anniversary	12

New discoveries and studies

<i>V. P. Lyubin, E. V. Belyaeva.</i> Early Acheulian Site of Karakhach in Northern Armenia	13
<i>N. K. Anisyutkin.</i> New Evidence Concerning the Problem of the Original Settlement of the «Forest Zone» in the Centre of the Russian Plain	20
<i>A. E. Matyukhin.</i> New Palaeolithic Sites at the Mouth of the Seversky Donets	33
<i>I. V. Fedyunin.</i> Shubnoye: New Evidence for Interpretation of the Archaeological Site	44
<i>S. A. Kondrat'yev.</i> On the Chronology of Sites with Pit-Comb Ware in the Middle Volga Region	51
<i>A. Yu. Tarasov.</i> The Technology of Making Chert Macrotools at the Oleneostrovskaya Mesolithic Camp-Site	58
<i>T. V. Kornienko.</i> Pillars of Northern Mesopotamia of the Early Neolithic Period: Preliminary Review	70
<i>S. A. Kulakov, G. F. Baryshnikov, V. A. Trifonov.</i> A New Archaeological Site in the Western Caucasus	96
<i>A. K. Kasparov.</i> The types of Economic Structure at Settlements of the Bronze Age in the Southern Ural Region and Northern Kazakhstan	104
<i>T. V. Tsybriy.</i> A Complex of Structures of the Late Bronze Age at the Settlement-Site of Yagodinka 2 on the Lower Don	113
<i>V. E. Kulikov, E. Yu. Mednikova, Yu. I. Elikhina, S. S. Minyaev.</i> Experiments for the Study of a Felt Carpet from Noyon Uul by the Method of Polypolarization	119
<i>A. D. Mogilov.</i> Early Scythian Cheek-Piece Terminals from the South of Eastern Europe	122
<i>M. A. Strel'nik, M. A. Khomchik.</i> Functions of a Certain Group of Cooking Ware (2 nd Millennium BC – 1 st Millennium AD)	129
<i>L. V. Vakulenko.</i> Funerary Traditions of the Population of the Carpathian Region in the Late-Roman Period (Archaeological Evidence)	136
<i>I. V. Zin'kovskaya.</i> New Finds of Ornaments with the Émaux Champlévé on the Upper Don River	144
<i>Yu. I. Elikhina.</i> The Cults of Shiva and Ganesha in the Art of Khotan	149

<i>S. L. Sankina.</i> Cranio-metric Data to the Problem of Settlement of the Ingrian Plateau. Burial Ground of Novo-Siverskaya-2	154
<i>E. A. Tyanina.</i> Amulets Made from Animal Teeth and Bones in Mediaeval Novgorod	159
<i>M. M. Savenkova.</i> Reconstruction of the Techniques of Weaving using Horizontal Loom in Medieval Novgorod (new finds of the Novgorod Archaeological Expedition)	169
<i>D. O. Osipov.</i> Attribution of a Category of Leather Objects	184
<i>O. V. Kardash.</i> Nadym'sky Gorodok in the 15 th and 16 th Centuries: Results of Field Investigations of 2006–2008	193
<i>A. V. Kurbatov.</i> Work Clothes and Footwear of Russian Mediaeval Townsmen	203

Topical problems of archaeology

<i>A. V. Sokolov.</i> Ethnographic and Archaeological Costumes of Pastoralists of Interior Asia in the Context of Geographical Environment (comparative essay)	216
<i>A. S. Rusyaeva.</i> The Main Temples and Feasts Devoted to Greek Gods in Cities of the Northern Black Sea Littoral	226
<i>O. G. Levitskiy, M. T. Kashuba.</i> Kurgans Near the Village of Cotiujeni in the South of the Middle Dniester Region and the Problem of the «Thraco-Cimmerian» Antiquities (Studies of the «Empty» Burials)	239
<i>V. M. Goryunova, A. V. Plokhov.</i> Contacts of the Populace of the Volkhov and Ilmen Areas with Peoples of the Baltic Region in the 9 th – 10 th Centuries (evidence of pottery)	259

Review articles and book reviews

Archaeology and Palaeogeography of Beringia: New Evidence and Old Problems <i>Hoffecker J. F., Elias S. A.</i> Human Ecology of Beringia. 304 pp., 2007. New York: Columbia University Press. (Rev. by Ya. V. Kuz'min)	281
Modern Introduction to Archaeology <i>Gamble C.</i> Archaeology: the basics. 256 p., 2000 (2 nd ed. 2008). London and New York: Routledge (Rev. by L. S. Klein)	292
Siberian Training of Merhart <i>Gero von Merhart.</i> Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen. Hrsg. Von H. Parzinger. 2008. 287 pp., 59 figs. 2008. Wien; Köln; Weimar: Böhlau (Rev. by L. S. Klein)	299
Revision of the Catacomb Community (debatable work by S. Zh. Pustovalov) <i>S. Zh. Pustovalov.</i> Sotsial'nyi lad katakombnogo suspil'stva Pivnichnogo Prichornomor'ya. 412 p., pls., figs. 2005. Kyiv: Shlyakh, in <i>Ukrainian</i> . (Rev. by L. S. Klein)	302
Reading the «Polivanov Yar» <i>Popova T. A.</i> Mnogosloynoe poselenie Polivanov Yar. K evolyutsii tripol'skoj kul'tury v Srednem Podnestrov'e. 240 p., figs. 2003. St.-Petersburg: MAE RAN. (Rev. by N. N. Skakun & E. V. Tsvek)	316

The East–West cooperation

- S. A. Vasil'ev.*
 II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress (Suzdal, October 23–27, 2008) 323
- N. N. Skakun, E. V. Tsvek, B. Mateeva, J.-S. Marke.*
 International Exhibition about the Unique Advances in the Technique of Working Flint
 in the Final Stone Age 326

History of science

- Yu. I. Elikhina.*
 The Khotan Collection of the State Hermitage 330
- A. S. Vdovin.*
 «... to Present for the Imperial Consideration...»: History of Discovery of Four Silver Vases 340
- E. G. Pankratova.*
 Archaeological Investigation of Phanagoria in the 1920–1930s. 347
- N. Yu. Smirnov.*
 A Manuscript Redeemed (from the literary heritage of A.N. Bernshtam) 353
- S. A. Skoryy.* «I eagerly want to continue training..., specializing in the Scytho-Sarmatian period»
 (to the 90th anniversary of V. A. Il'inskaya) 366
- Val. A. Bulkin, O. V. Ovsyannikov.*
 Life of a Man: Pskov Citizen Yuriy Pavlovich Spegal'skiy and his Fatherland
 (to the 100th anniversary) 375

Personalia

- A. N. Kirpichnikov, I. Stasyuk.*
 In memory of Evgeniy Aleksandrovich Ryabinin (19.05.1948–17.12.2010) 395

Chronicle

- S. A. Kulakov.*
 IIMK RAS in 2008–2009 398
- List of abbreviations 407

Наши юбиляры

Ганна Ивановна Зайцева К 70-летию со дня рождения

Редакция «Археологических вестей» от всей души поздравляет Ганну Ивановну Зайцеву с юбилеем, который прошел 11 июля 2010 г. Путь в институт археологического профиля для Ганны Ивановны был непрост. Закончив в 1963 г. Горьковский политехнический институт, а затем аспирантуру на кафедре органической химии Ленинградского технологического института (1968 г.), свою трудовую деятельность она начала во ВНИИ гидролизной промышленности, где проработала старшим научным сотрудником до 1979 г., откуда перешла трудиться в наш институт. Долгое время Ганна Ивановна возглавляла Лабораторию археологической технологии. Под ее руководством был создан обширный банк данных радиоуглеродных дат как отдельных памятников, так и целых археологических культур от палеолита до средневековья. Г. И. Зайцева — автор более чем ста пуб-

ликаций в отечественных и зарубежных изданиях. В различные годы она вела преподавательскую деятельность в ряде институтов нашего города. На кафедре археологии в СПбГУ Ганна Ивановна читала курс «Естественные методы в археологии».

Ганна Ивановна обладает неумемной энергией, творческим подходом к делу, настойчивым характером и недюжинными организаторскими способностями. Ее постоянно заботит модернизация лаборатории, благодаря чему наша лаборатория находится на уровне ведущих однопрофильных лабораторий мира по качеству проводимых анализов. Надо отметить большую роль Ганны Ивановны в налаживании международного сотрудничества. Она активный участник и талантливый организатор многочисленных международных встреч и конференций. Пожелаем Ганне Ивановне крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов.

Александр Ефимович Матюхин

К 70-летию со дня рождения

16 августа 2010 г. исполнилось 70 лет ведущему научному сотруднику Отдела палеолита ИИМК РАН, доктору исторических наук Александру Ефимовичу Матюхину. В его лице сочетается специалист в области технологии и экспериментального изучения функций древнейших каменных орудий и высококвалифицированный полевик-палеолитчик, знаток среднего и нижнего палеолита юга Русской равнины.

Начав археологическую деятельность на Нижнем Дону, А. Е. Матюхин с 1977 г. работает в ЛОИА—ИИМК, первоначально в экспериментально-трассологической лаборатории, а затем в Секторе/Отделе палеолита нашего института.

На протяжении многих лет А. Е. Матюхин увлеченно разрабатывал вопросы интерпретации функций древнейших галечных орудий, проводя серии экспериментов (как не вспомнить его шумевшие опыты по разделке туш слонов и жирафов в Ленинградском зоопарке!).

Полевая деятельность А. Е. Матюхина связана с районом устья Северского Донца, где он открыл и исследовал группу разновременных палеолитических стоянок и мастерских, а в последнее время возобновил изучение древнейших памятников региона — стоянок Михайловское и Хрящи.

Научные интересы А. Е. Матюхина никогда не замыкались в узорегиональных рамках. Его всегда интересовали общие вопросы становления человека и общества, связи антропологического типа и культуры древних людей, реконструкции технологии и социальных структур далекого прошлого. Нельзя не упомянуть традиционные связи А. Е. Матюхина с родной ему донской археологией. Он является одним из инициаторов создания Донского археологического общества, верным другом и помощником местных археологов.

Поздравляя А. Е. Матюхина, пожелаем ему крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и творческих успехов.

Новые открытия и исследования

Раннеашельский памятник Карахач в северной Армении¹

В. П. Любин, Е. В. Беляева²

До настоящего времени ашельские индустрии с бифасами на Кавказе как в пещерных стоянках (Азых, Кударо I и III, Цона, Ахштырь, Треугольная), так и на местонахождениях и стоянках открытого типа (Яштух, Сатани-дар, Лаше-Балта, Джрабер, Абадзехская, Азербиевская и др.) по совокупности всех данных (биостратиграфические, геологические, технико-морфологические критерии, абсолютные датировки) относились в целом к верхнему ашелю или, в отдельных случаях, к концу среднего ашеля (Любин, 1989; Любин, Беляева, 2004; 2006; Щелинский, 2007). Были известны только две абсолютные даты, отбивающие, как считалось, нижнюю хронологическую границу появления ашеля на Кавказе. Они были получены для самых нижних ашельских уровней пещер Кударо III и Треугольная. Первая, радиотермолюминесцентная дата равнялась 560 ± 112 тыс. лет назад (Любин, Куликов, 1991), а вторая, ЭПР-дата — 583 ± 25 тыс. лет назад (Молодьков, 2007). Таким образом, ашель фиксировался на рубеже около 0,6 млн лет назад (начало среднего плейстоцена). В то же время имелись данные о намного более древнем, доашельском периоде заселения Кавказа еще в раннем плейстоцене: $^{40}\text{Ar}/^{39}\text{Ar}$ дата вулканического пепла, образующего самый нижний слой доашельского или олдованского памятника Дманиси в Южной Грузии, составила $1,81 \pm$

0,05 млн лет назад (Lumley et al., 2002). Долгое время не удавалось обнаружить следы присутствия на Кавказе других раннепалеолитических индустрий ашельского или доашельского типа в промежутке более 1 млн лет, который отделяет Дманиси от упомянутых выше памятников.

В последние годы происходит существенный сдвиг в наших знаниях о заселении Кавказа в раннем и среднем плейстоцене. Недавно индустрии, относимые к олдовану и датируемые по фаунистическим и иным данным в диапазоне 2,0–1,2 млн лет назад, были открыты на Северном Кавказе — в горном Дагестане (Айникаб, Мухкай, Гегалашур) (Амирханов, 2007а) и на Таманском полуострове (Богатыри, Родники, Кермек) (Щелинский, 2010). В прикаспийской части Дагестана обнаружена стоянка Дарвагчай, помещаемая в диапазон 0,6–0,8 млн лет назад и доставившая материалы, определяемые либо как раннепалеолитическая микроиндустрия (Деревянко, 2006), либо как своеобразный ашельский комплекс (Амирханов, 2007б). Одновременно были выявлены и другие архаичные ашельские индустрии, имеющие явно доверхнеашельский технико-морфологический облик, — на стоянке Кинжал в Центральном Предкавказье (Любин, Беляева, 2007) и на ряде местонахождений и стратифицированных стоянок на севере Армении (Асланян и др., 2007; Любин, Беляева, 2006).

Стратифицированные памятники северной Армении (Мурадово, Куртан, Карахач), открытые и исследовавшиеся в 2004–2010 гг. совместной Армяно-Российской экспедицией под руководством С. А. Асланяна, представляют особую ценность для изучения хронологии и эволюции ашель-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 11-06-12017-офи-м-2011).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

© В. П. Любин, Е. В. Беляева, 2011

ских индустрий Кавказа. Памятники эти, расположенные на Лорийском плато в 30–40 км к югу от Дманиси, являются многослойными стоянками с многометровыми вулканогенными напластованиями. Исследования их находятся в начальной стадии, но уже сейчас можно утверждать, что культурные последовательности этих памятников отражают разные стадии развития ашеля — от раннего до верхнего. Сравнение динамики технико-типологических характеристик индустрий, а также естественнонаучных показателей (литолого-стратиграфические данные, петрографический анализ и т. д.) позволяет намечать корреляцию этих колонок и предполагать их частичную взаимодополняемость.

Отсутствие или крайняя скудость био-стратиграфических материалов (фауна, пыльца) являются определенной помехой для установления хронологии данных памятников, однако этот недостаток компенсируется возможностью получать абсолютные даты по содержащимся в них вулканическим пеплам. На сегодня удалось получить четыре уран-свинцовые (U–Pb) даты. Для пепла в Куртане получена дата около 1,37 млн лет назад, а для мощного пеплового слоя в Карахаче — три даты в интервале 1,68–1,91 млн лет назад (С. Л. Пресняков, личное сообщение). В отличие от Куртана, где палеопочвы с ашельскими находками залегают над продатированным пеплом, в Карахаче ашельские изделия найдены как в самом пепловом слое, так и в пачке отложений под ним. Таким образом, несмотря на то что исследования Карахача только начинаются, этот памятник заслуживает первостепенного внимания и немедленного введения в научный оборот.

Карьер Карахач расположен в западной части Лорийской котловины. Он находится в высокогорье (около 1800 м над уровнем моря), в подножье юго-восточной оконечности Джавахетского (Кечутского) хребта. Карьер имеет вид гигантской траншеи длиной до 350–400 м и шириной около 80 м, которая пересекает низкий и пологий отвершек этого хребта. Северный борт карьера имеет высоту до 12–15 м, а южный, прорезавший более низкий участок склона, — 7–10 м. Карьер вскрыл толщу вулканогенных отложений, в нижней части которой залегает мощный (до 4–6 м) слой вулканического пепла, используемого местными жителями как добавка к цементу. Промышленная разработка карьера прекращена, но периодически выемка пепла продолжается, и местами можно наблюдать свежие вскрытия. Однако ковши небольших экскаваторов захватывают

только пепловый слой, образуя подбои под вышележащей толщей рыхлых щебнисто-глыбовых отложений. Поскольку опасное нависание верхней толщи препятствует ее зачистке и тщательному изучению, приходится пока характеризовать ее на основе визуального осмотра. Нижняя часть стен карьера в некоторых местах закрыта мощными осыпями, образованными в основном пеплом, а также продуктами обрушения верхней толщи, что ограничивает в выборе участков для зачистки пеплового слоя.

Тем не менее проведенные в карьере Карахач наблюдения и зачистки в целом позволяют сделать литолого-стратиграфическое описание вскрытых в нем отложений. В строении обоих бортов карьера существует значительное сходство. Оба они состоят из трех пачек, отличающихся по литологическим характеристикам. Верхняя пачка сложена суглинками, насыщенными щебнисто-глыбовым обломочным материалом, варьирующим по количеству и размерности. Вторая пачка образована пепловыми отложениями, а третья, вскрытая только шурфами, содержит глинисто-супесчаные слои с окатанным обломочником в виде валунов и гравия. Верхняя пачка имеет наибольшую мощность (4–10 м) на северной стене карьера и в целом определяется как агломерат (Э. Х. Харазян, личное сообщение), то есть рыхлые отложения с беспорядочным скоплением неокатанных крупных и средних обломков. В то же время в средней части этой пачки заметна полоса более мелкого щебневатого обломочника, а в нижней части, близ контакта с пепловым слоем, виден отчетливый горизонт крупных блоков. По-видимому, в формировании этой толщи участвовали как вулканические, так и делювиально-коллювиальные процессы. На южном борту карьера верхняя пачка не столь значительна по мощности и менее отчетливо дифференцируется по вертикали.

Вторая, пепловая пачка осадков, доставившая ашельские артефакты, представляет особый интерес. В кровле этой пачки местами заметна более или менее мощная желтовато-серая полоса, возникающая, по всей видимости, в процессе химического выветривания или каолинизации поверхности пеплов в условиях гумидного климата. Подошва пепла на обоих бортах, как это было установлено шурфами, налегала на тонкий (0,03–0,05 м) слой пемзы оолитовой (сферолитовой) структуры. Подобная структура пемзы в виде мелких шариков возникала тогда, когда на поверхность свежесвыпавшего пепла падали редкие

капли дождя (Шукин, 1964. С. 343). На северном, более прогреваемом солнцем борту карьера изначально серый по окраске пепловый слой, оказавшись в зоне аэрации в результате контакта с воздухом и водой, приобрел выраженную розовато-красноватую окраску. Как отмечает Э. Х. Харазян, розоватый цвет появляется при выветривании и окислении роговообманкового андезито-дацита (Харазян и др., 1983). На более затененном южном борту пепел имел более серую окраску.

Наряду с этими вторичными различиями в окраске пепла наблюдается фациальная изменчивость пепловой пачки, отражающая, очевидно, особенности ее накопления. В пепловой пачке северного борта, особенно в верхней ее половине, залежали обломки шлаков и значительное количество окатанных и неокатанных обломков различных вулканитов (роговообманковый андезито-дацит, оливиновый долерит и др.). Среди них были и каменные орудия. На южной же стене встречались только обломки шлаков, сосредоточенные в верхней части пачки. В нижней части этой толщи залежали чистые пеплы.

Неоднородность пепловой толщи и присутствие в ней наряду с пирокластическими продуктами, выбрасываемыми в процессе извержения, окатанных обломков других пород, а также каменных орудий говорит о том, что деятельность вулкана, сформировавшего эти отложения, была довольно длительной и носила, видимо, характер периодических пароксизмов. Уровень со шлаками в верхней части пеплового слоя на южной стенке указывает на взрывные извержения. Между крупными пароксизмами были, видимо, и некоторые периоды относительного покоя, когда начинали действовать другие факторы осадконакопления (осыпи, плоскостной смыв и т. п.). В то же время, поскольку в пепловой толще не сформировались сколько-нибудь заметные инородные прослои, промежутки между отдельными пеплопадами едва ли были значительными. Наблюдения, говорящие о множественности и длительности пеплопадов, подтверждаются и другими независимыми данными. Выполненный в Центральной аналитической лаборатории ВСЕГЕИ анализ двух образцов пепла, отобранных на южной стене непосредственно над слоем пемзы и метром выше, установил, что они имеют несколько разный гранулометрический и химический состав. Обе пробы показали принадлежность к андезито-дацитовому типу, но верхняя имела более кислый состав. В пользу длительного формирования пепловой пачки Карахача свидетельствуют также абсолют-

ные датировки пепла, поскольку специалисты по датированию отмечают, что методические аспекты измерений не могут отвечать за столь большой разброс абсолютных U—Pb дат (С. Л. Пресняков, личное сообщение).

Третья свита осадков, подстилающая толщу пеплов, была выявлена только в двух шурфах, поставленных в 2010 г. у обоих бортов карьера. Оба шурфа выявили сходную стратиграфическую картину, но мы опишем только второй из них, расположенный у южной стены, где были вскрыты уровни с ашельскими орудиями. Этот шурф (2 × 2 м) был доведен до глубины 2,4 м от современного дна карьера, которое почти совпадает с подошвой пепла. Под пеплом были выявлены четыре литологических уровня.

1. Желтовато-коричневая глина (до 0,3 м).
2. Рыжевато-суглинок (0,7 м), насыщенный глыбами и валунами ошлакованного дацита и других вулканических пород.
3. Коричневато-серый плотный суглинок с гравием и гальками вулканических пород (0,8 м).
4. Серовато-желтая цементированная супесь с гравием и гальками вулканических пород (видимая мощность 0,6 м).

Каменные изделия раннеашельского облика залежали начиная с глубины 0,7 м, то есть в низах слоя 2 и в обоих подстилающих слоях (3 и 4).

Наличие каменных изделий в пепле и в отложениях, перекрытых пеплом, побудило предпринять усилия по абсолютному датированию пепловых осадков. Как отмечалось, в Карахаче были взяты три образца пепла. Первый образец для датирования был взят в 2009 г. из нижнего уровня пеплового слоя на северной стене карьера. В нем были обнаружены цирконы удлиненно-призматической формы, которая возникает при быстрой кристаллизации в остывающих продуктах извержений. Возраст этих цирконов, следовательно, отражает время извержения пепла. Датирование U—Pb методом с помощью SHRIMP—II показало абсолютный возраст $1,901 \pm 0,042$ млн лет назад (Presnyakov et al., 2010). Аналогичным образом были датированы образцы пепла, взятые в 2010 г. над шурфом № 2. Для этого пепла, перекрывающего отложения с каменными орудиями, получены две U—Pb даты: $1,727 \pm 0,028$ млн лет назад (подошва пепла) и $1,684 \pm 0,019$ млн лет назад (1 м выше подошвы пепла) (С. Л. Пресняков, личное сообщение). Эти даты в целом согласуются с абсолютной $^{40}\text{Ar}/^{39}\text{Ar}$ датой вулканического пепла в культурных отложениях олдованской стоянки Дманиси, расположенной примерно в 30 км к се-

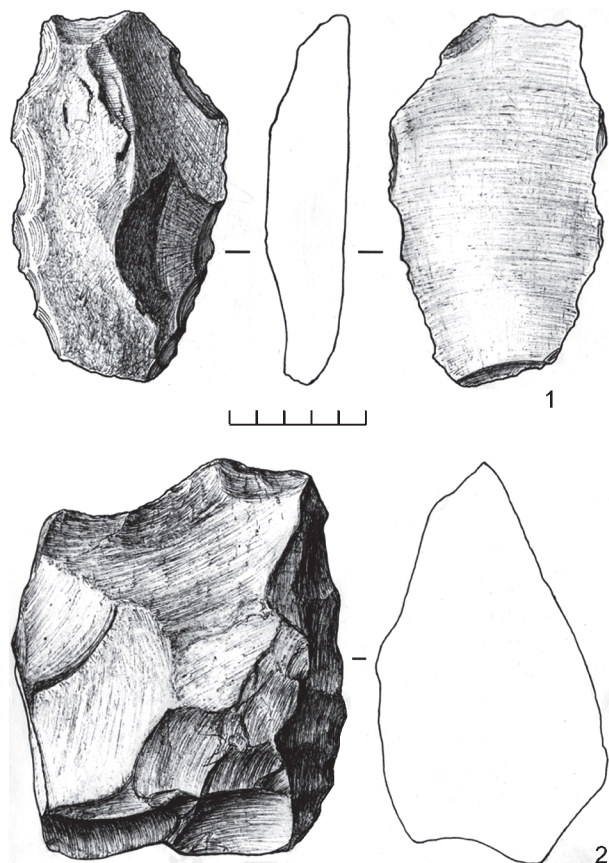

Рис. 1. Карахач:

1 — пластинчатый отщеп (северный борт карьера, прослой мелкого обломочника в верхней пачке отложений); 2 — чоппер подчетыреугольных очертаний (северный борт карьера, осыпь, под толщей пепла)

Fig. 1. Karakhach:

1 — blade-flake (northern edge of the quarry, intercalation of fine debris in the upper bed of the deposits); 2 — chopper of nearly tetragonal outlines (northern edge of the quarry, talus, under the bed of ashes)

веро-северо-востоку от Карахача, — $1,81 \pm 0,05$ млн лет назад (Lumley et al., 2002).

Количество каменных изделий, найденных в карьере Карахач, пока не очень велико, но вполне достаточно для предварительного анализа. Первые несомненные артефакты были обнаружены при осмотре осыпей у северной стены карьера в 2006 г. Сборы подъемного материала на осыпях производились затем в 2007, 2009 и 2010 гг. Небольшие зачистки нижних уровней отложений, сделанные в ряде пунктов вдоль этой стены, удостоверяли, что изделия выпадали из толщи пеплов. В одном случае, однако, находка была сделана в слое мелкого обломочника выше пеплового слоя. Изделия не образовывали явных уровней и встречались не повсеместно, а в виде небольших скоплений или единичных находок.

Вопрос о характере стратификации изделий в пепловом слое пока не вполне ясен и может решаться двояко. Изделия могли быть переотложены, попадая в пепел в результате плоскостного смыва с более высоких точек склона вместе с другим обломочным материалом, но также могли быть оставлены на своем месте людьми, приходившими сюда между пеплопадами. В любом случае, эти находки должны быть, очевидно, древнее перекрывающих их пепловых отложений.

В соответствии со своим залеганием все каменные изделия из карьера Карахач могут быть подразделены на три коллекции, в которые отбирались только морфологически выразительные изделия. Первая коллекция включает пока единственный предмет, найденный в обломочнике, перекрывающем толщу пепла, и представляет собой пластинчатый отщеп (рис. 1, 1). Вторая коллекция (43 артефакта) состоит из изделий, извлеченных из толщи пепла или выпавших из него. В ее составе пять нуклеусов (одноплощадочный, двуплощадочный и аморфные), три чоппера, пять грубо оформленных рубиловидных изделий, включая частичные бифасы, грубые острия, скребла, скребки, долотовидные, комбинированные и зубчато-выемчатые орудия. Породы, из которых изготавливались орудия, представляют собой развитые в этом районе роговообманковый андезит-дацит (определение Э. Х. Харазяна, личное сообщение) и оливниновый долерит (определение А. Х. Мнацаканян, личное сообщение). При расщеплении эти породы образуют слабораковистый излом с шероховатой поверхностью, что влияло, несомненно, на обработку орудий. Большинство орудий отличается массивностью и грубой отделкой. Лезвия, как правило, выровнены плохо, рабочие элементы и обушки оформлены посредством полукрутой и крутой краевой оббивки, порой даже в виде вертикальных обрубов. Оббивка иногда имеет прерывистый зубчатый характер, а на дистальных концах снятий наблюдаются заломы.

Приведем описание двух наиболее выразительных находок из пепловой толщи. Первая из них найдена в осыпи и представляет собой чоппер подквадратных очертаний (рис. 1, 2), три края которого оформлены крутыми или отвесными обрубами, а четвертый, имеющий выпукло-вогнутую форму, приострен полукрутыми снятиями с одной стороны и плоскими с другой. Три обушковых края позволяют удобно захватывать это орудие, несмотря на его массивность ($14,5 \times 12,0 \times 7,0$ см). Второе орудие (рис. 2, 2) было извлечено из низов пеплового слоя на самой северо-восточной око-

нечности северного борта карьера. Оно может быть определено как чоппер либо как очень массивное скребло ($14,7 \times 11,5 \times 5,3$ см) с дугообразным лезвием, приостренным аккуратными равно-великими снятиями. Прямое основание орудия образовано крутой гладкой гранью, обеспечивавшей, видимо, его захват.

Вторая коллекция ашельских орудий из Карахача представляет собой более древнюю индустрию, найденную в отложениях, вскрытых под пеплом в шурфе у южной стены. Эти изделия не связаны с находками из пепла ни стратиграфически (между ними и пеплом лежат слои глины и крупного обломочника), ни по исходному сырью и морфологическим особенностям. Сырьем для них служили весьма прочные породы: слоистый афировый дацит и андезит порфировой структуры (определение А. Х. Мнацаканян, личное сообщение). Все предметы окатаны и некоторые довольно сильно, что говорит о нахождении их в водном потоке. Однако значительная концентрация изделий в данном месте, тем более с учетом отбора в коллекцию лишь наиболее выразительных форм, свидетельствует против дальнего перемещения этих предметов.

Коллекция из шурфа (41 экз.) включает пик, три чоппера, 10 скребел, два небольших грубо обработанных бифаса, а также скребки, клювовидные и комбинированные орудия. Малый объем коллекций из пепла и из шурфа позволяет сегодня провести лишь предварительное сравнение этих материалов. Наиболее существенное и бросающееся в глаза отличие находок из шурфа состоит в том, что почти все они сделаны из слоистых плиток. Эти плитки фактически заменяли сколы-заготовки и при преобладании краевой оббивки или ретуши придавали изделиям двояко-плоское сечение. Лишь отдельные орудия изготовлены из обломков иной формы. Таков, видимо, четырехгранный пик ($17,8 \times 13,7 \times 7,4$ см), рабочий элемент которого — закругленный дистальный боек — лежит в плоскости наиболее широкой и плоской грани предмета (рис. 3).

Для атрибуции индустрии, залегающей под пеплом, очень важны два небольших частичных бифаса, сделанных из массивных плиток. Первый бифас ($10,4 \times 7,8 \times 5,3$ см), оббитый только в дистальной половине, оформлен крайне экономно: четыре глубоких снятия, по два с каждой стороны, выделяют короткое симметричное острие (рис. 4, 1). Второе орудие ($10,5 \times 7,7 \times 4,6$ см) может быть определено как обушковый частичный бифас подчетыреугольных очертаний с поперечным

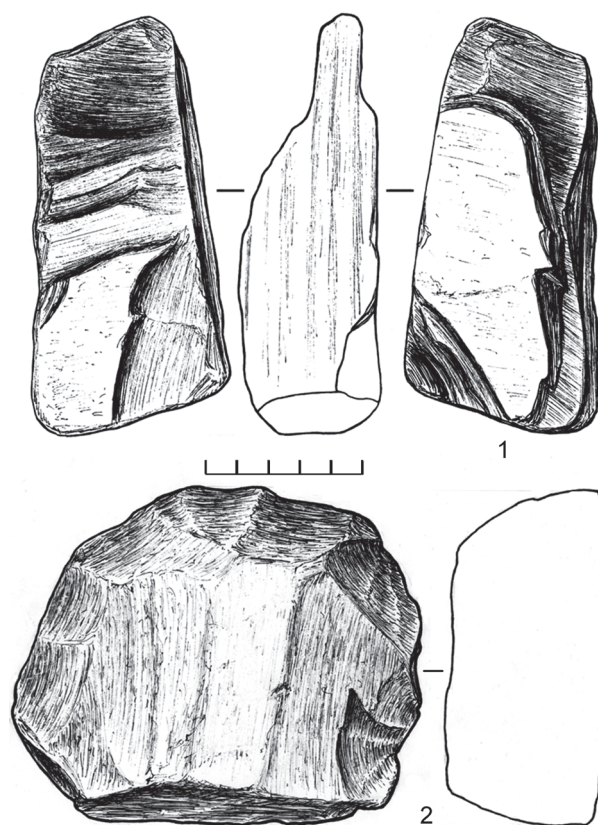

Рис. 2. Карахач:

1 — долотовидное орудие на плитчатой заготовке (южный борт карьера, шурф № 2, слой 3); 2 — чоппер или массивное скребло (северный борт карьера, толща пепла)

Fig. 2. Karakhach:

1 — scaled piece on a slab blank (southern edge of the quarry, Pit № 2, level 3); 2 — chopper or crude scraper (northern edge of the quarry, layer of ashes)

лезвием (рис. 4, 2). Поверхности большинства сколов, оформляющих эти орудия, являются плоскими, поскольку они отделялись согласно плоско-параллельной текстуре плиток-заготовок. Многие такие сколы заканчиваются заломами. Роль исходного слоистого сырья в формообразовании изделий еще более наглядна на примере долотовидного орудия ($14,1 \times 6,8 \times 4,8$ см), обработка которого жестко регламентировалась параллельными слойками породы (рис. 2, 1).

Довольно богатый орудийный набор обеих индустрий Карахача, наличие в нем пиков и, в особенности, бифасов наряду с общими архаичными технико-морфологическими чертами позволяет относить эти материалы к раннему ашелю. Раннеплейстоценовый возраст их подтверждается абсолютными датами. Разумеется, наши работы в Карахаче пока задели лишь верхушку «айсберга»: подлинный палеолитический потен-

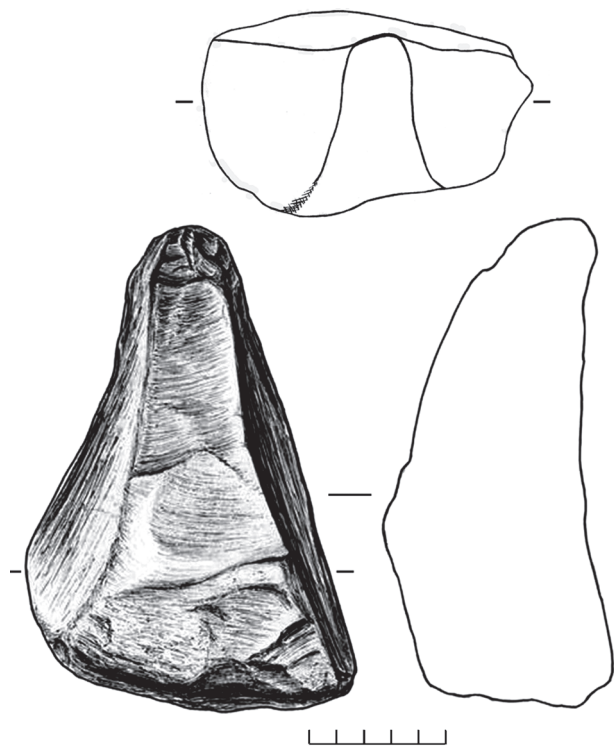

Рис. 3. Карахач:
Четырехгранный пик с округлым бойковым концом
(южный борт карьера, шурф № 2, слой 3)

Fig. 3. Karakhach:
tetrahedral pic with a rounded striking end (southern edge of
the quarry, Pit № 2, level 3)

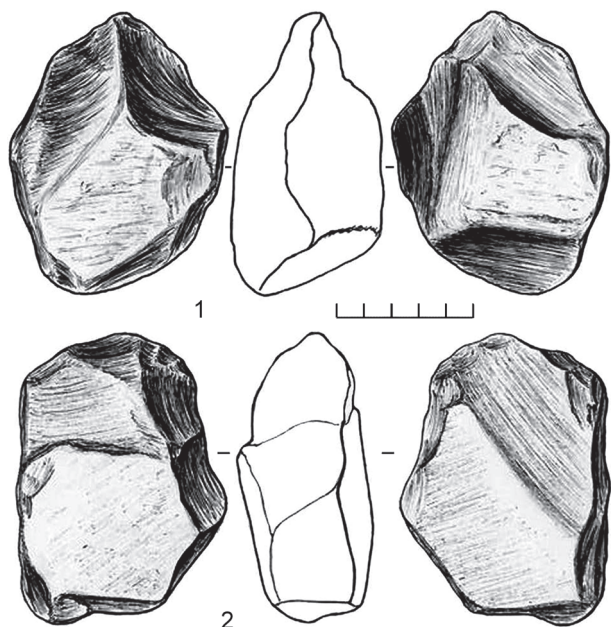

Рис. 4. Карахач:
1, 2 — рубильца на плитчатых заготовках (южный борт
карьера, шурф № 2, слой 3)

Fig. 4. Karakhach:
1, 2 — small hand-axe-diminutive on slab blanks (southern
edge of the quarry, Pit № 2, level 3)

циал этого необычного ашельского памятника, культурные отложения которого отделены друг от друга пеплопадами и стерильными уровнями, еще предстоит выяснить. Однако даже первые материалы из Карахача, представленные в этой статье, ведут к коренным переменам в прежних представлениях об ашеле Кавказа и побуждают ставить новые вопросы. Во-первых, эти данные дают все основания говорить о том, что индустрии с бифасами появились на Кавказе еще в виде раннего ашеля. Сходные с индустрией Карахача находки из нижних слоев еще двух памятников (Мурадово, Куртан), открытых Армяно-Российской экспедицией в Лорийской котловине, мы также считаем возможным относить к раннему ашелю. Во-вторых, полученные для раннеашельской индустрии Карахача абсолютные даты близки как древнейшим датировкам раннеашельских индустрий Восточной Африки, так и датировке олдованской стоянки Дманиси, соседствующей с раннеашельскими памятниками Армении. Необходимо, разумеется, приумножить и уточнить эти абсолютные датировки, но уже сейчас они позволяют предположить, что распространение носителей раннеашельских индустрий из Африки на Кавказ могло быть довольно быстрым и что они могли сосуществовать там с олдованом. В свете новых данных допустима также и иная постановка вопроса, о которой на основе других материалов ранее писал Х. А. Амирханов (Амирханов, 2007б) и которая подразумевает возможность не аллохтонного, а автохтонного происхождения ашеля Кавказа. Изучение и решение данных вопросов потребует еще огромных усилий, но последние открытия в северной Армении внушают большие надежды.³

Амирханов, 2007а — Амирханов Х.А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. М., 2007.

Амирханов, 2007б — Амирханов Х.А. Ранний ашель Кавказа в свете новых исследований в Дагестане: проблема истоков и основные типологические характеристики // Кавказ и

³ Считаем непреложным долгом поблагодарить С. А. Асланяна за организацию и финансовое обеспечение многолетних исследований Карахача и других ашельских памятников Армении. Выражаем также признательность всем тем, кто принимал участие в этих работах или обеспечивал разнообразную помощь и поддержку, — Э. Харазяну, Г. Саркисяну, А. Пилипосяну, Р. Мкртчян, А. Мнацаканян, Ж. Степанян, С. Карапетяну, Л. Хачатрян и др. Особую благодарность приносим Л. М. Всевиову (Отдел БАН при ИИМК РАН) за огромный вклад в исследования Карахача в 2010 г.

- первоначальное заселение человеком Старого света / Под ред. Х. А. Амирханова, С. А. Васильева, Е. В. Беляевой. СПб., 2007.
- Асланян и др.*, 2007 — *Асланян С. А., Беляева Е. В., Колпаков Е. М., Любин В. П., Саркисян Г. М., Суворов А. В.* Работы армяно-российской археологической экспедиции в 2003–2006 гг. // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб., 2007. № 2.
- Деревянко*, 2006 — *Деревянко А. П.* Раннепалеолитическая микролитическая индустрия в Евразии: миграции или конвергенция? // Археология, этнография, антропология Евразии. Новосибирск, 2006. № 1 (25).
- Любин*, 1989 — *Любин В. П.*, Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии / Ред. П. И. Борисковский. Л., 1989 (Палеолит мира).
- Любин, Беляева*, 2004 — *Любин В. П., Беляева Е. В.* Стоянка Homo erectus в пещере Кударо I (Центральный Кавказ). СПб., 2004.
- Любин, Беляева*, 2006 — *Любин В. П., Беляева Е. В.* Ранняя преистория Кавказа. СПб., 2006.
- Любин, Беляева*, 2007 — *Любин В. П., Беляева Е. В.* Исследования палеолита на Ставрополье в 2001–2002 годах // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь, 2007. Вып. 7.
- Любин, Куликов*, 1991 — *Любин В. П., Куликов О. А.* О возрасте древнейших палеолитических памятников Кавказа // Советская археология. М., 1991. № 4.
- Молодьков*, 2007 — *Молодьков Г. М.* ЭПР-анализ субфоссильных моллюсков // Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы / Под ред. Л. В. Головановой и В. Б. Дороницева. СПб., 2007.
- Харазян и др.*, 1983 — *Харазян Э. Х., Сафарян В. Г., Маркосян Л. Е., Узунян В. Ш., Амарян В. М.* Геологическая съемка масштаба 1:50000 на территории северо-западной части Армянской ССР. Ереван, 1983.
- Щелинский*, 2007 — *Щелинский В. Е.* Палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа (памятники открытого типа). СПб., 2007.
- Щелинский*, 2010 — *Щелинский В. Е.* Памятники раннего палеолита Приазовья // Человек и древности / Отв. редакторы И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М., 2010.
- Шукин*, 1964 — *Шукин И. С.* Общая геоморфология. М., 1964. Т. 2.
- Presnyakov et al.*, 2010 — *Presnyakov S. L., Belyaeva E. V., Lyubin V. P., Rodionov N. V., Berezhnaya N. G., Sergeev S. A.* SHRIMP–II U–Pb dating of Zircons from Volcanic Ashes with the Early Paleolithic Artefacts (Karakhach locality, Armenia): New Evidence for the Earliest occupation of Eurasia (1,9 Ma) // The 5th SHRIMP Workshop and International Workshop on Advances in High Resolution Secondary Ion Mass Spectrometry (HR–SIMS) and LA–ICPMS Geochronology: Application to Geological Processes. Abstract volume / M. Santosh, A. Kroner, Yu Wan (eds.). Beijing, China, 2010.
- Lumley et al.*, 2002 — *Lumley H. (de), Lordkipanidze D., Feraud G., Garcia T., Perrenoud Ch., Falqueres Ch., Gagnepain J., Saos T., Voinchet P.* Datation par la methode Ar/Ar de la couche de cendres volcaniques (couche VI) de Dmanissi (Georgie) qui a livre des restes d'hominides fossiles de 1,81 Ma // C. R. Palevol. Paris, 2002. Vol. 1.

Early Acheulian Site of Karakhach in Northern Armenia

V. P. Lyubin, E. V. Belyaeva

Up to recently, all the evidence available suggested that the Acheulian industries with bifaces expanded to the Caucasus at the late evolutionary stage (Late Acheulian). The first stratified Middle and Early Acheulian sites in the Caucasus were discovered by a Russian-Armenian expedition in the north of Armenia (Lori Plateau) in 2003–2010. Of most interest is the site of Karakhach where the Early-Acheulian artefacts (choppers, pics, crude bifaces etc.) were found both in the volcanic ash layer and in deposits under the ash. Multidisciplinary studies of the ash samples and U–Pb dating of the extracted zircons have shown that the ash layer was formed without re-deposition during a long-

time series of eruptions. The obtained succession of U–Pb-dates (1.901±0.042m BP, 1.727±0.028m BP and 1.684±0.019m BP) is considered to represent reliable estimates of ages both of the ash deposits and of the Early Acheulian artefacts enclosed in them. The artefacts found under the ash layer are undoubtedly somewhat older. Chronologically, the Karakhach site is close to the earliest Acheulian sites of East Africa and corresponds to the Dmanisi site (about 1.8m BP) that is the oldest Oldowan site of the Caucasus and Eurasia. The results of studying the Karakhach site shed a new light on the problem of initial human dispersals from Africa to Eurasia.

Новые данные к проблеме первоначального заселения человеком территории «лесной зоны» в центре Русской равнины¹

Н. К. Анисюткин²

Введение. Проблема первоначального заселения древним человеком той части Восточной Европы, где ныне расположена так называемая «лесная зона», остается до сих пор недостаточно изученной археологами. Эта территория Центральной России, включающая в частности долину реки Оки и прилегающие районы, в плейстоцене была либо в значительной мере покрыта ледником, либо находилась в относительной близости от него, что позволило некоторым исследователям сделать предположение о непригодности этих мест для постоянного проживания популяций ископаемых людей в течение значительного отрезка четвертичного времени. Предполагалось, что первоначальное заселение, к примеру, долины среднего течения реки Оки произошло в раннюю пору современной (то есть голоценовой) эпохи (Ефименко, 1953. С. 629). Вопрос о времени первоначального заселения и освоения данной территории до сих пор остается открытым.

Сегодня хорошо известно, что в зависимости от ритмичности и интенсивности климатических колебаний площади, занятые ледниками, постоянно изменялись, исчезая во время межледниковых периодов совсем или сильно сокращались во время межстадиалов. Это хорошо заметно на примере последнего микулинского (рисс-вюрмского) межледниковья, во время которого (примерно 120 тыс. лет назад) ледниковый покров исчезал даже в горах Скандинавии. Данное межледниковье может быть принято за своеобразную «точку отсчета», с которой, как считают некоторые ученые, могло начаться бесспорное освоение обширных

пространств Восточной Европы (Долуханов, 2000). Правда, пока чисто теоретически, нельзя исключать и того, что человек появился здесь еще раньше. На подобную возможность указывал в свое время С. Н. Замятнин (Замятнин, 1961).

В какой-то мере об этом свидетельствуют единичные находки ручных рубил ашельского облика, обнаруженные на данной территории. Упомяну известное орудие типично ашельского облика с территории Тверской области, выявленное еще в начале XX в. (Вишневецкий, 1924. Рис. 8).

Данные палеогеографии указывают на то, что в течение плейстоцена на рассматриваемой территории были (особенно во время межледниковий) весьма благоприятные условия для обитания древнейших людей. В частности, во время последнего микулинского (120–110 тыс. лет назад) межледниковья в Приокском районе отмечено широкое распространение лесов. В наиболее благоприятное время здесь господствовали даже широколиственные леса (Асеев, 1961. С. 279). Севернее, на территории современной Вологодской области, во время более раннего лихвинского (миндель-рисского) межледниковья (около 350–400 тыс. лет назад) были распространены пихтово-еловые леса с примесью таких широколиственных пород, как граб, липа, вяз и дуб (Соколова, Хомутова, 1966. С. 52). Гораздо более комфортные природные условия были в бассейне верхней Волги, где для времени последнего микулинского межледниковья выявлены настоящие широколиственные леса (Чеботарева и др., 1961. С. 48). Все это указывает на возможность освоения этой части Русской равнины не только в межледниковые периоды, но и при относительно теплых интерстадиалах последнего и предпоследнего оледенений. Не исключено, что во время очень холодных стадиалов коллективы первобытных людей откочевывали в южном направлении.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 11-06-00380а).

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

© Н. К. Анисюткин, 2011

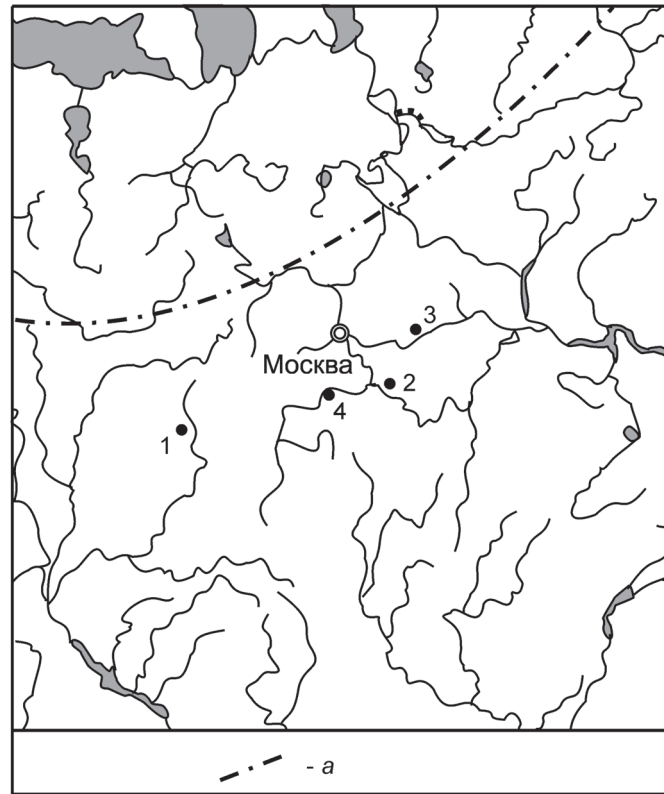

Рис. 1. Палеолитические памятники в пределах лесной зоны Восточной Европы: 1 — Бетово, Коршево 1 и 2, Хотылево 1 и 2; 2 — Зарайская стоянка; 3 — Сунгирь; 4 — Лысая гора. Условные обозначения: *a* — граница распространения последнего валдайского оледенения

Fig. 1. Palaeolithic sites in the forest zone of Eastern Europe: 1 — Betovo, Korshevo-1 and Korshevo-2, Khotylevo-1 and Khotylevo-2; 2 — campsite of Zarayskaya; 3 — Sungir'; 4 — Mt. Lysaya. Notations: *a* — the boundary of the distribution of the last Valdai glaciation

В настоящее время на территории центральной части Русской равнины, входящей в лесную зону, уже известно некоторое количество палеолитических памятников. Сегодня бесспорным является освоение данной территории во второй половине верхнего плейстоцена, то есть в эпоху позднего палеолита. Достаточно назвать такие широко известные стоянки, как Сунгирь, Хотылево 2 и Зарайская (Амирханов, 2000). Радиоуглеродные даты, полученные для этих стоянок, варьируют от 27 до 16 тыс. лет тому назад (Радиоуглеродная хронология..., 1997. С. 60–61). Они отчетливо указывают на то, что эта территория была уже заселена в течение значительной части верхнего палеолита (рис. 1).

К настоящему времени накапливаются данные о том, что древнейший человек обитал здесь, как минимум, уже в среднем палеолите (в эпоху мустье). Местонахождение Золотариха с каменными изделиями мустьероидного облика, открытое в бассейне реки Оки еще в 1947 г., изучалось В. П. Любиным в 1960 г. Эти исследования

позволили их автору отнести данную небольшую коллекцию к мустьерской эпохе (Любин, Петраков, 1964).

Мустьерские стоянки с сохранившимися культурными слоями (Хотылево 1, Бетово, Коршево 1 и 2) найдены позднее на соседней территории верхнего течения реки Десны. Не исключено, что первые люди появились здесь и раньше, во время межстадиалов днепровского оледенения (200–250 тыс. лет назад), в моренных отложениях которого найдены немногочисленные, но выразительные кремневые изделия. В данном случае речь идет о местонахождениях в районе села Неготино, расположенных в бассейне реки Десны (Тарасов, 1989; 1991), где кремневые изделия архаичного облика связаны с отложениями морены днепровского (рисского) времени. Правда, все эти интересные находки были сделаны на юго-западной окраине этой зоны.

В этой связи следует вспомнить очень интересные сведения о находках каменных изделий раннепалеолитического облика в пределах Москов-

ской области, опубликованные краеведом С. П. Потоцким еще в 1961 г. (*Потоцкий*, 1961). Они не были, к сожалению, проверены и не вошли в список достоверных палеолитических местонахождений СССР (*Праслов*, 1984), хотя одно из этих местонахождений (Красностанское) и было условно включено в число раннепалеолитических (*Береговая*, 1984. С. 7). К сожалению, и в наше время упомянутые находки так и остались неопределенными. Этому способствовало, прежде всего, то обстоятельство, что данная статья была написана неспециалистом, описания каменных изделий и их рисунки выполнены неграмотно и почти не читаются, а сами пункты находок архаичных кремневых изделий не были позднее обследованы ни геологами-четвертичниками, ни специалистами по палеолиту.

В этом отношении существенный интерес представили находки единичных архаичных кремневых изделий, которые были обнаружены Северо-Западной археологической экспедицией Государственного Эрмитажа на крайнем северо-западе данной зоны — в галечниках Западной Двины.³

Речь идет об единичных кремневых изделиях ашело-мустьерского облика, которые я предварительно определил как нижнепалеолитические, вкладывая в это понятие широкий смысл, как это было принято ранее (в 50-е гг. XX в.). Эти находки А. М. Микляев показал также нашему известному специалисту по палеолиту Н. Д. Праслову, который, как мне сообщили, определил их тем же временем. Эти предметы, наиболее вероятно происходящие из четвертичных (микулинских?) галечников Западной Двины, были позднее опубликованы совместно с А. М. Микляевым и А. Н. Мазуркевичем в сборнике «Древности Северо-Западной России» (*Микляев, Мазуркевич, Аниюткин*, 1995).

В этой связи естественно встает вопрос о возможности заселения тех территорий Центральной России, которые в значительной мере находились в зоне воздействия плейстоценовых оледенений и, прежде всего, последнего валдайского оледенения.

Известно, что среднепалеолитические памятники из аналогичной природно-ландшафтной зоны достаточно хорошо представлены в пределах

³ С этими кремневыми изделиями я был ознакомлен в свое время начальником экспедиции А. М. Микляевым, с которым плодотворно сотрудничал в течение многих лет, включая не только годы нашей совместной работы в Государственном Эрмитаже (с 1963 по 1975 г.), но и значительно позднее.

северной части Центральной Европы, в частности, — в Германии и в Польше (*Bosinski*, 1967; *Fiedler*, 1993; *Burdukiewicz et al.*, 1994).

Характеристика комплексов кремневых изделий ашело-мустьерского облика. Обнаруженные сейчас пункты и местонахождения каменных изделий ашело-мустьерского облика, в свете новых исследований на Верхней Оке, о которых пойдет речь ниже, представляют значительный интерес, вселяя надежду на выявление бесспорных палеолитических памятников с удовлетворительной стратиграфией.

В данном случае необходимо обратить особое внимание на интересные находки архаичных кремневых изделий, обнаруженных на Верхней Оке (в г. Калуге) археологом Б. В. Грудинкиным. Среди них — остроконечник мустьерского облика, скребла на клектонских отщепках, а также выразительные бифасиальные формы, некоторые из которых по форме и характеру вторичной обработки практически аналогичны ашельским ручным рубилам (*Грудинкин*, 2001. С. 94–97).

С этими коллекциями, хранящимися в Калужском государственном краеведческом музее, мне удалось ознакомиться в 1999 г. благодаря любезности Б. В. Грудинкина. К большому сожалению, все упомянутые артефакты обнаружены на поверхности, а поэтому датировки их могут быть приняты лишь только как более или менее вероятные. К тому же данные материалы, собранные непосредственно в пределах города Калуга, растворены в массе более поздних, явно неолитических кремневых изделий, что дает возможность скептикам отнести все «архаичные» формы, включая также выразительные ручные рубила, к голоценовому времени.

Кроме того, удалось также посетить и ряд интересных местонахождений и пунктов архаичных находок, обнаруженных и частично изученных этим исследователем. Однако отнесение части данной коллекции из сборов Б. В. Грудинкина к среднему палеолиту, предложенное нами на научном заседании в 2000 г., не нашло поддержки у многих сотрудников Отдела палеолита ИИМК РАН. Большинство из них обращало особое внимание на спорные предметы, которыми (по инициативе Б. В. Грудинкина) была перегружена коллекция кремневых изделий, вызывая сомнения в гомогенности сборов.⁴

⁴ Эти каменные изделия были известны только на основе небольшой выборки из коллекции С. В. Зверева и, разумеется, не демонстрировались на заседании Отдела палеолита.

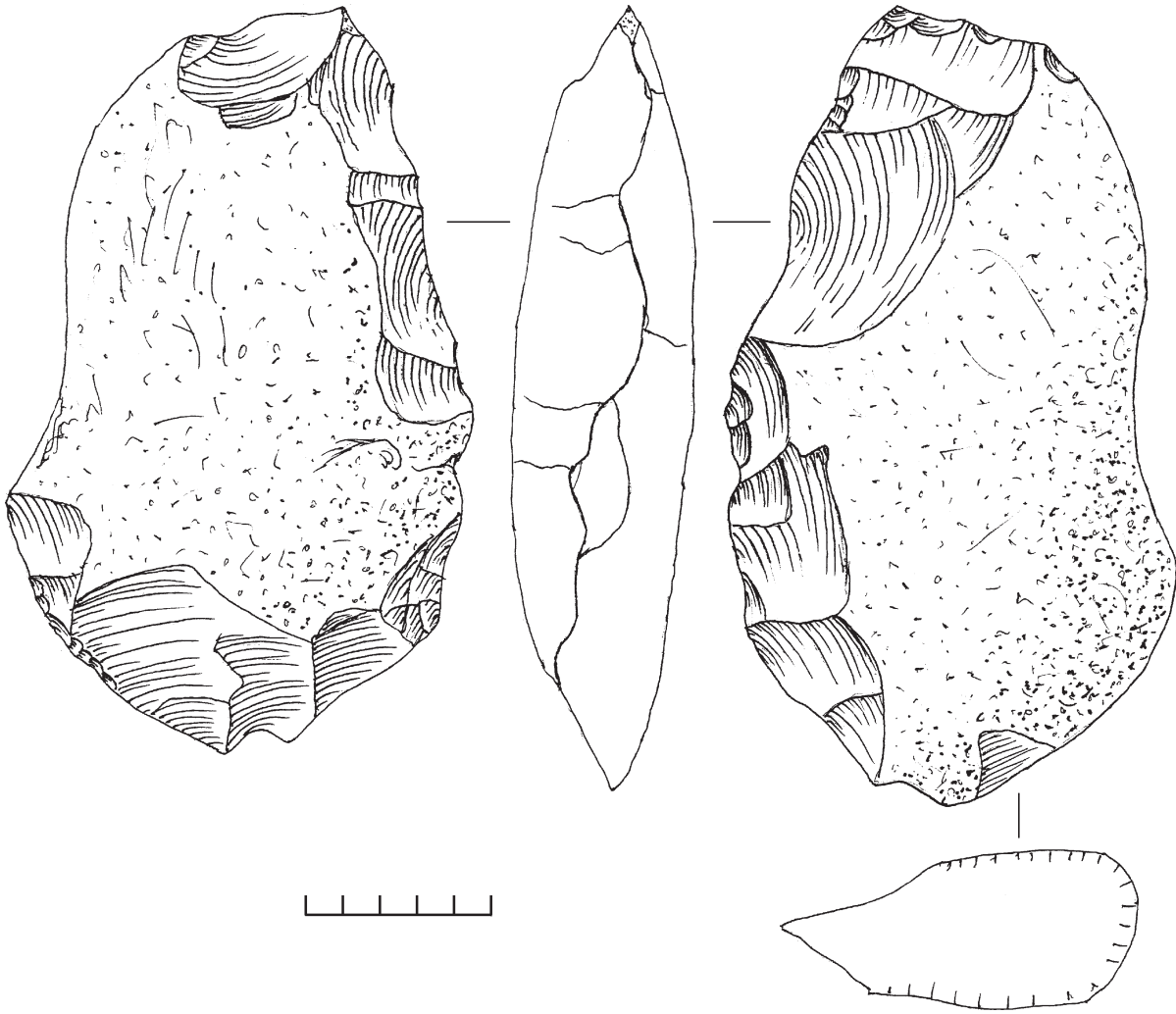

Рис. 2. Лысая гора. Кремневый бифас из устья оврага у с. Соломасово (сборы С.В. Зверева)

Fig. 2. Lysaya Gora. Flint biface from the mouth of a ravine near the village of Solomasovo (found by S.V. Zverev)

Во время поездки 1999 г. в г. Алексин нам с Б. В. Грудинкиным удалось ознакомиться со сборами кремневых изделий местного краеведа-любителя С. В. Зверева. Из его большой коллекции кремневых псевдоартефактов удалось выделить всего 15 предметов с несомненными следами обработки. Среди них выявлены изделия весьма архаичного облика, включая типичный бифас с естественным обушком (рис. 2),⁵ заготовку бифаса, выразительный отщеп от оббивки бифаса (рис. 3, 2), зубчатое орудие (рис. 4, 1), скребло (рис. 4, 4), дисковидный (рис. 4, 5) и одноплощадочный нуклеусы, а также несколько выразительных отщепов. Все кремневые изделия этой коллекции, собранной, по словам С. В. Зверева, в устье оврага на правом берегу реки Вашаны у села Соломасово, вполне сопоставимы, на мой взгляд, с аналогич-

ными (но преимущественно стратифицированными) изделиями ашело-мустьерского облика (то есть среднего палеолита) с территории юга и юго-запада Русской равнины.

При обследовании места сборов С. В. Зверева были проведены археологические разведки на правом берегу Верхней Оки, в окрестности села Соломасово Алексинского района Тульской области. Здесь удалось (в 2001 г.) найти интересную стоянку с хорошо сохранившимся культурным слоем финала верхнего палеолита (Анисюткин, 2002), которая изучалась затем в 2002 г. На ней обнаружен хорошо сохранившийся культурный слой, который залегал на глубине 3,5 м от современной дневной поверхности (Анисюткин, Лисицын, 2007). Здесь же, в разрезе, но на противоположном (восточном) мысу, выявлены интересные находки кремневых изделий архаичного облика, которые неотличимы от кремней из коллекции С. В. Зверева. Они нередко имеют патину и по-

⁵ Все рисунки каменных изделий выполнены Н. К. Анисюткиным.

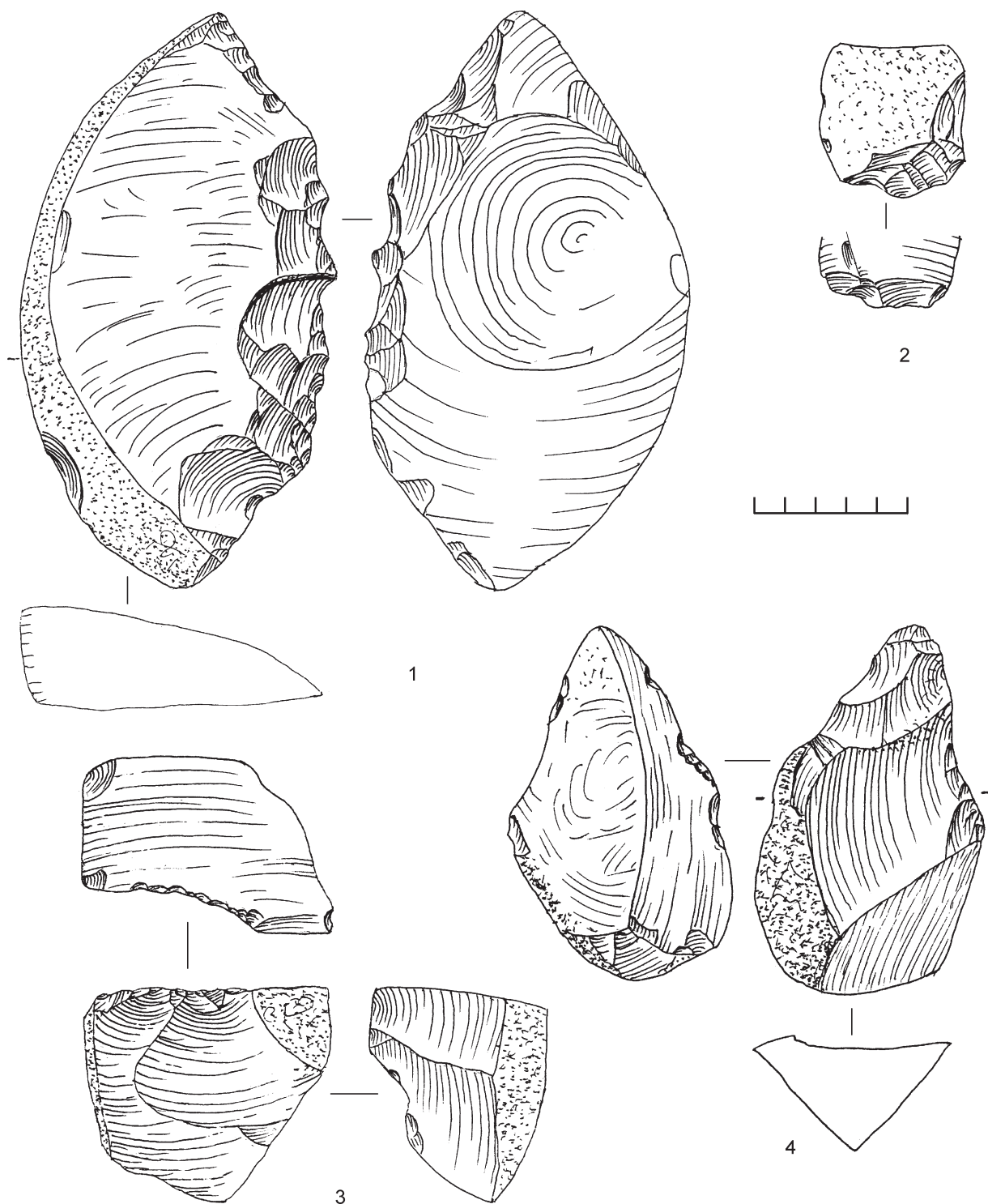

Рис. 3. Лысая гора:

1 — бифас с естественным обушком из шурфа 2 (галечник восточного мыса); 2 — отщеп оббивки бифаса; 3 — нуклеус из русловой фации аллювия первой террасы в раскопе стоянки Вашана; 4 — острие кинсон (найдено в основании отложений аллювия террасы в раскопе стоянки Вашана) (сборы С.В. Зверева)

Fig. 3. Lysaya Gora:

1 — biface with a natural butt from Pit 2 (pebble-layer on the eastern promontory); 2 — a flake from making a biface; 3 — nucleus from riverbed alluvium facia of the first terrace at the excavation of the site of Vashana; 4 — Kinson point (from the base of alluvial deposits at the terrace of the site of Vashana) (found by S.V. Zverev)

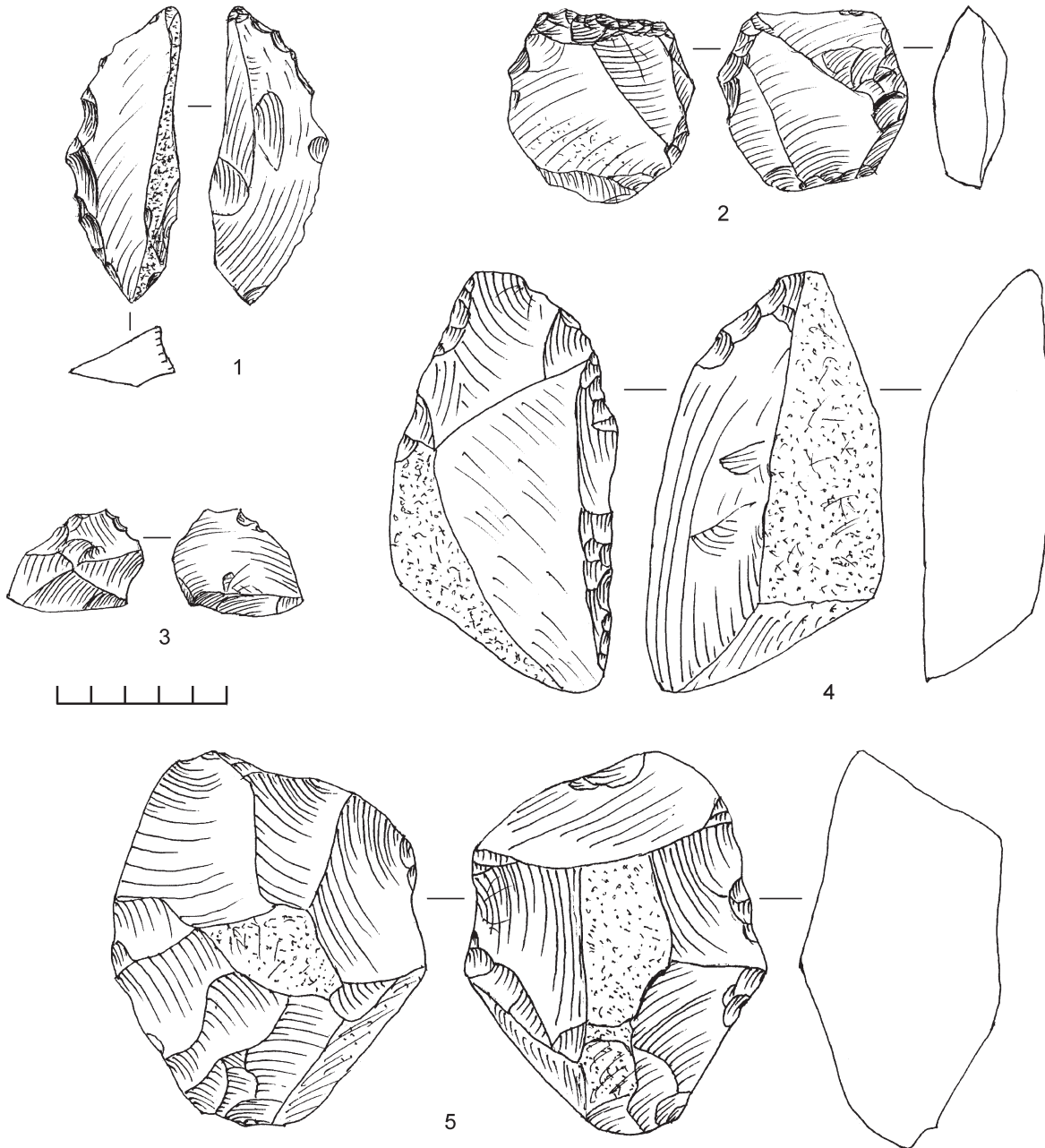

Рис. 4. Лысая гора:

1 — зубчатое орудие из галечника (шурф 1); 2 — нуклеус из галечника восточного мыса (шурф 1); 3 — отщеп из галечника восточного мыса (шурф 2); 4 — скребло, 5 — нуклеус дисковидный (сборы С.В. Зверева)

Fig. 4. Lysaya Gora.

1 — denticulate tool from pebble-level (Pit 1); 2 — core from pebble-level at the eastern promontory (Pit 1); 3 — flake from pebble-level at the eastern promontory (Pit 2); 4 — side-scraper, 5 — discoid core (found by S.V. Zverev)

верхность, характерную для изделий из достаточно древних (аллювиальных) плейстоценовых отложений.

Проведенные исследования устья оврага с водотоком при его впадении в реку Вашану, включая шурфовку восточного мыса, позволили установить, что архаичные кремневые изделия залегают в галечнике, лежащем на скальном (известняко-

вом) цоколе, перекрытом двухметровой толщей рыхлых отложений, включающих также выразительную ископаемую почву болотно-лугового типа.

Стоянка с культурным слоем финального верхнего палеолита получила название «Вашана». Она расположена на левом (западном) мысу глубокого оврага и связана с пятиметровыми отложения-

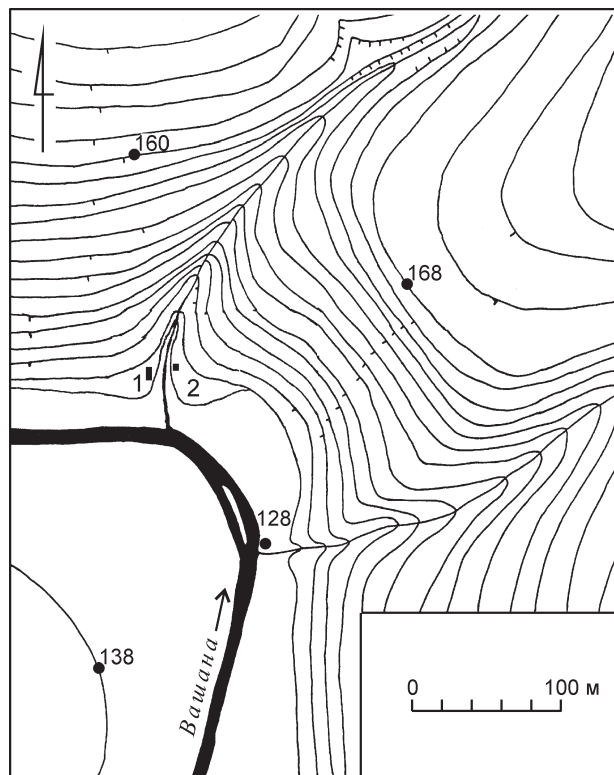

Рис. 5. Ситуационный план стоянки Вашана и местонахождения Лысая гора:

1 — стоянка Вашана; 2 — местонахождение Лысая гора

Fig. 5. Situational plan of the site of Vashana and site of (Mt. Lysaya):

1 — site of Vashana; 2 — site of Lysaya Gora

ми «вложенной террасы», основание которой находится на 4 м ниже скального основания восточного мыса с находками раннепалеолитического облика. Этот мыс и прилегающий к нему известняковый массив известен у местного населения (по данным С. В. Зверева) под названием «Лысая гора» (рис. 5). В известняках имеются выходы кремня, который, видимо, использовался первобытными людьми для изготовления каменных орудий.

В шурфе № 1 (2 × 2 м), поставленном на восточном мысу, напротив западного мыса с культурным слоем финального верхнего палеолита, каменные изделия среднего палеолита были выявлены в слое галечника (рис. 6).

Стратиграфия показывает, что отложения, подстилающие ископаемую почву, четко фиксируют многократные разрушения нижележащих слоев, преимущественно связанные с воздействием водных потоков. Разрушения слоев были результатом как подъема уровня реки Вашаны (пойменная фация аллювия), так и более поздних явлений. Несколько горизонтов, содержа-

щих прослойки щебня, галечника и полуокатанных обломков камней, хорошо прослеживаются в более чем 3-метровом разрезе раскопа западного мыса, на котором расположена стоянка Вашана.

Галечник с кремневыми изделиями архаичного облика местонахождения Лысая гора лежит на известняковом цоколе, видимо, более древней террасы восточного мыса, который почти на 4 м выше цоколя террасы западного мыса. Этот галечник имеет сложное происхождение: с одной стороны, перед нами русловой аллювий реки Вашаны, а с другой — материал, вероятно, снесенный с более высоких точек древнего рельефа. Впрочем, удовлетворительная сохранность поверхности каменных изделий, происходящих из галечника, указывает на то, что они не претерпели существенного перемещения.

Слой 5 с находками кремневых изделий из шурфа 1, перекрытый пойменными отложениями, расположен на глубине около 2 м от современной дневной поверхности.

В данном слое галечника, который не был разобран на всей площади, найдено несколько выразительных кремневых артефактов, включая два ядрища, клювовидное острие, поперечное скребло на массивном отщепе, зубчатое орудие, четыре отщепы и чопперовидное орудие.

Во втором шурфе (2 × 1 м), поставленном на том же мысу, но выше по склону от первого шурфа, то есть ближе к подножию крутого склона, найдено только два кремневых изделия, которые также были связаны с базальным щебнисто-галечниковым слоем, перекрытым непосредственно голоценовыми отложениями с незначительным горизонтом размыва. Одно из кремневых изделий — отщеп с ретушью, а второе — частичный бифас с обушком, изготовленный на естественном кремневом отщепе сравнительно крупных размеров (рис. 3, 1). Обушком является естественная поверхность кремневой гальки. Относительно острый рабочий край выделен частичной двусторонней обработкой. По форме и характеру вторичной обработки это орудие аналогично бифасу из сборов С. В. Зверева. В частности, они оба имеют овальную форму, острые концы, выпуклые рабочие края, выделенные двусторонней ретушью, и естественные (сохраняющие галечную поверхность) обушки. Различие состоит в том, что более крупный бифас из сборов С. В. Зверева имеет более систематическую двустороннюю обработку, следующую вдоль выпуклого рабочего края (рис. 2).

Сходные бифасы, в целом, характерны для микока Центральной Европы, напоминая бифа-

сиальные ножи с естественными обушками, которые определяются такими немецкими исследователями, как Keilmessern (*Bosinski, 1967*). При атрибуции данной коллекции логично применить понятие «средний палеолит» в том смысле, как оно воспринимается исследователями Центральной Европы, включая расширенный период существования данных каменных индустрий от позднего ашеля до финального мустье, то есть во время кислородно-изотопных стадий 7 и 5 (от 200 до 50 тыс. лет тому назад).

Технология расщепления кремневых изделий данного комплекса, представленного 35 предметами, имеет отчетливые признаки среднего палеолита. Анализ немногочисленных нуклеусов (рис. 4, 5; 7, 1) и сколов с них, а также изделий с вторичной обработкой, показал господство плоскостного расщепления, но без леваллуазских элементов. Среди отщепов, в основном средних и крупных размеров (крупнее 60 мм), преобладают массивные формы с гладкими и скошенными ударными площадками, реже двугранными, фасетированных не обнаружено. Отчетливо выражена клектонская техника первичного расщепления. Вторичная обработка представлена преимущественно оббивкой и чешуйчатой ретушью. Встречены скребла (рис. 4, 4; 8, 2). Выемчатые и зубчатые формы орудий редки (рис. 4, 1). Хорошо выражена двусторонняя обработка, представленная как характерными орудиями, так и двумя типичными отщепами оббивки бифасов (рис. 3, 2; 8, 3).

Несмотря на малочисленность коллекции, представлены все элементы каменных индустрий, включая характерные формы ядрищ, отщепов и орудий. Среди последних отсутствуют поздние элементы и соответствующие категории кремневых орудий (скребки, резцы, проколки). Нет призматических нуклеусов и сколов с них, включая подлинные пластинки и пластины.

В целом, мы имеем дело с выразительным и гомогенным комплексом типично среднепалеолитического облика. Правда, если принять во внимание найденные в галечнике отдельные окатанные кремневые изделия, в их числе архаичное клювовидное орудие (рис. 8, 1), чоппер (рис. 8, 5) и уплощенное ядрище с радиальной системой расщепления (рис. 4, 2), возможно выделение в коллекции более ранней группы среднепалеолитических артефактов. Однако это предположение требует дополнительных обоснований.

Если исходить из технико-типологических показателей, то очевидно сопоставление данной коллекции со средним палеолитом. Всем извест-

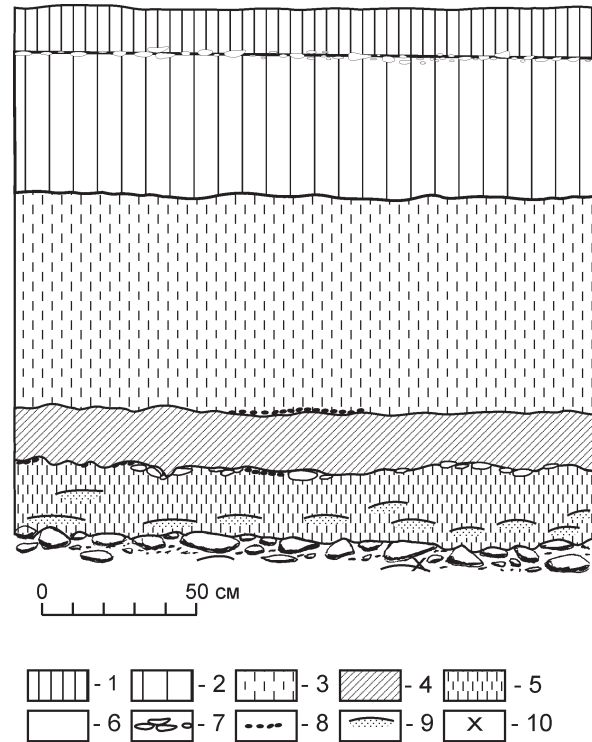

Рис. 6. Лысая гора («восточный мыс»). Разрез западной стенки шурфа 1.

Условные обозначения: 1 — современный почвенно-растительный слой; 2 — почва голоценового времени; 3 — суглинок серо-коричневого цвета; 4 — ископаемая почва; 5 — суглинок коричневого цвета с прослойками песка; 6 — галечник с каменными изделиями; 7 — дресва и мельчайшие осколки камней галька и полуокатанные обломки; 8 — линзы песка; 9 — место находки поперечного скребла на массивном кремневом отщепе

Fig. 6. Lysaya Gora («eastern promontory»). Section of the west edge of Pit 1.

Notations: 1 — present-day layer of soil and vegetation; 2 — soil of the Holocene period; 3 — gray-brown loam; 4 — ancient soil; 5 — brownish loam with sand intercalations; 6 — pebble level containing stone artefacts; 7 — slack and fine rock debris, pebbles and partly rounded debris; 8 — sand lenses; 9 — findspot of the transversal side-scraper on a massive flint flake

но, что сходные в таксономическом отношении комплексы следует рассматривать в качестве геологически синхронных, если тому нет серьезных контраргументов (*Жирихин и др., 2008. С. 35*). Подтверждения этому многочисленны: с ними археологи сталкиваются постоянно.

В качестве альтернативы вышеизложенной интерпретации, учитывая отсутствие отчетливой стратиграфии, казалось бы, можно предположить, что речь идет о неолитических (энеолитических) мастерских, где архаичные и бифасиаль-

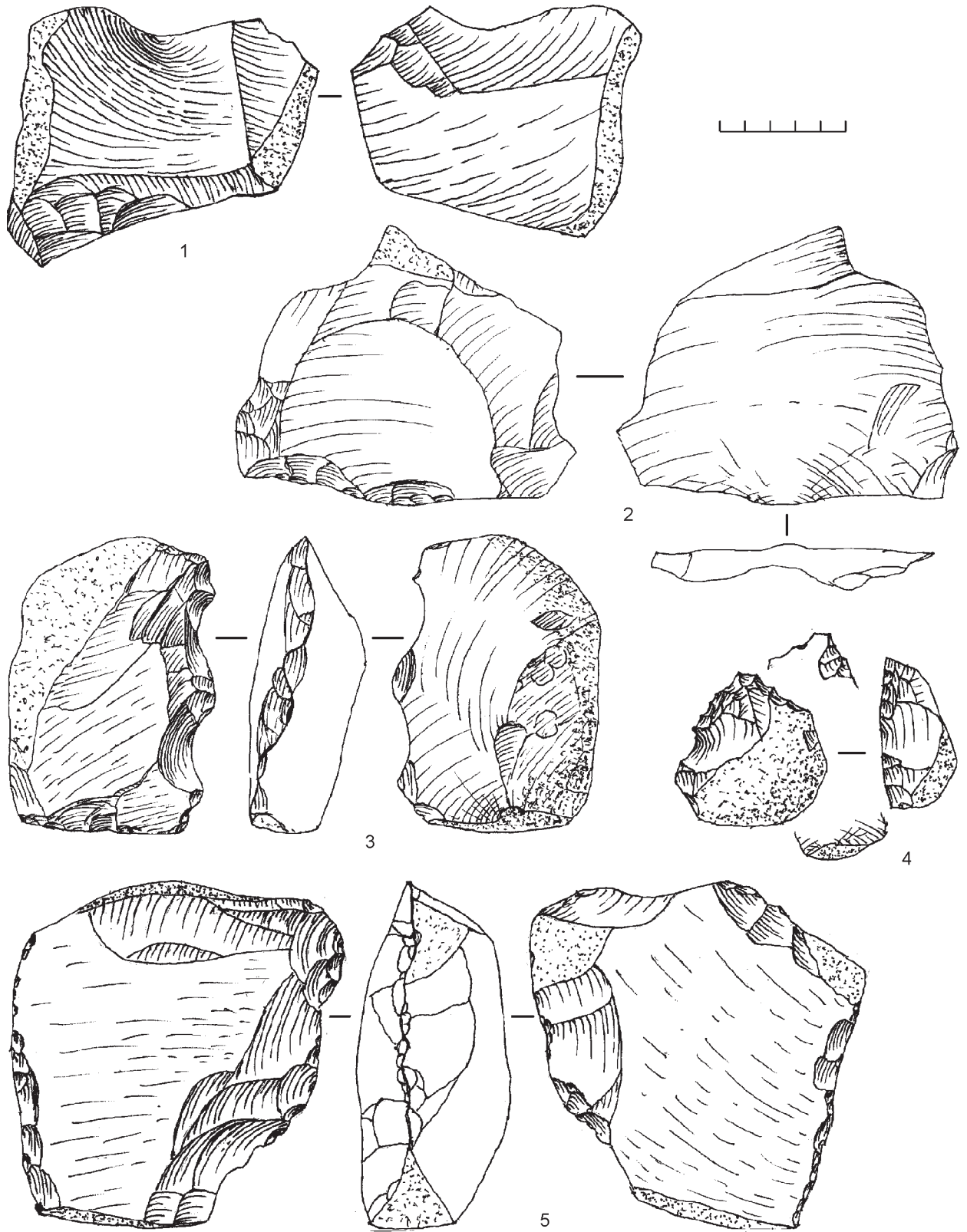

Рис. 7. Лысая гора (сборы С.В. Зверева в 2007–2009 гг.):

1 — одноплощадочный нуклеус; 2 — отщеп леваллуа; 3 — зубчатое скребло на массивном отщепе; 4 — тайякское острие; 5 — частично обработанный бифас (Keilmesser)

Fig. 7. Lysaya Gora (collected by S.V. Zverev in 2007–2009):

1 — single-platform core; 2 — Levallois flake; 3 — denticulate side-scraper on a massive flake; 4 — Tayac point; 5 — partly finished biface (Keilmesser)

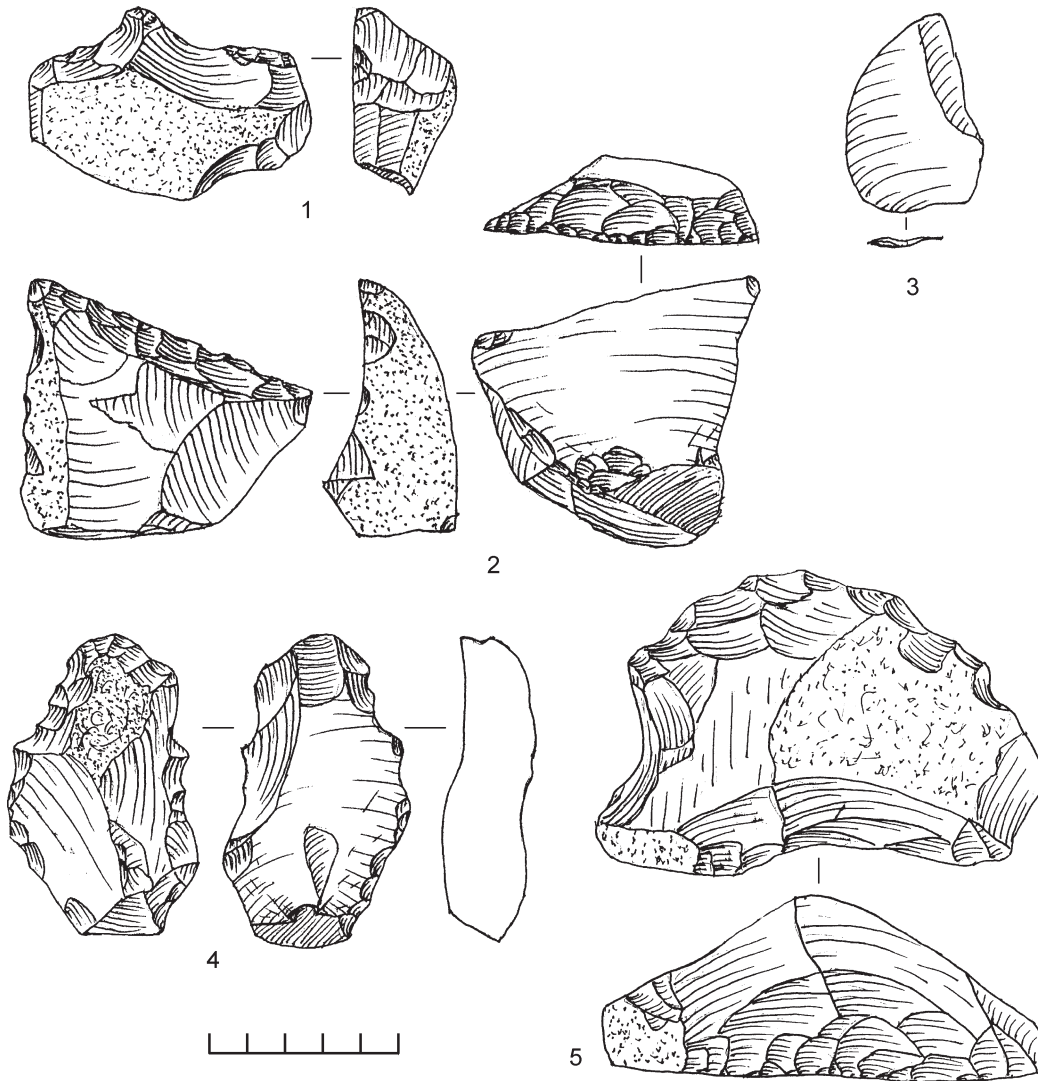

Рис. 8. Лысая гора:

1 — клювовидное острие на обломке кремня (галечник в шурфе 1); 2 — скребло поперечное на массивном отщепе (галечник в шурфе 1); 3 — отщеп оббивки бифаса (стоянка Вашана — верх пойменного аллювия); 4 — комбинированное орудие (зубчатое + атипичный скребок) на клектонском отщепе (подъемный материал в основании склона на стоянке Вашана); 5 — чоппер с двумя рабочими краями (галечник в шурфе 1)

Fig. 8. Lysaya Gora:

1 — bec on a flint fragment (pebble-level in Pit 1); 2 — transversal side-scraper on a massive flake (pebble-level in Pit 1); 3 — flake from making a biface (site of Vashana — the top of the flood-plain alluvium); 4 — combined tool (denticulate + atypical end-scraper) on a Clacton flake (surface find from the foot of the slope at the site of Vashana); 5 — chopper with two cutting edges (pebble-level in Pit 1)

ные формы обычны. Но это не так. Известные нам комплексы каменных изделий из памятников этого времени, и прежде всего мастерских (*Крижевская*, 1960; *Гурина*, 1972), существенно отличаются от материалов рассматриваемой коллекции Лысой горы. Для материалов мастерских голоценового (как и верхнепалеолитического) времени характерно наличие некоторого числа массивных кремневых отщепов, но при полном господстве краевого расщепления с объемных нуклеусов призматического типа. Среди орудий

всегда преобладают формы, типичные для индустрий голоценового возраста. Это, прежде всего, рубящие орудия. Элементы и формы среднего палеолита здесь атипичны и, как правило, малочисленны.

Раскопки 2001–2002 гг. позволили обнаружить здесь же в устье оврага, но на противоположном (западном) мысу, как уже отмечалось выше, хорошую стоянку с кремневыми изделиями финального верхнего палеолита. Цоколь террасы на месте этой стоянки, представленный крупными об-

ломками известняка, находится значительно ниже цоколя восточного мыса, где в галечниках найдены кремневые изделия архаичного облика.

Культурный слой данной палеолитической стоянки, которая получила название «Вашана», со специфической фауной крупных млекопитающих (бизон и северный олень) имеет две радиоуглеродные даты порядка 10 тыс. лет назад (Анисюткин, 2002). Дата — 9600 ± 1000 (Ле-6514) получена по древесному углю, а вторая дата — 9680 ± 160 (Ле-6644) — по кости. Слой, перекрытый почвой болотно-лугового типа, лежит на значительной глубине в гумусированном горизонте (ископаемой почве?). Весьма вероятно, если учесть довольно архаичную фауну и особенности стратиграфии, считать эти даты несколько омоложенными.

В плейстоценовых слоях разреза обнаружено несколько переотложенных кремневых изделий ашело-мустьерского облика, среди которых наибольший интерес представляют найденные ниже культурного слоя (то есть древнее 10 тыс. лет назад) орудие типа «кинсон» (Quinson) (рис. 3, 4), отщеп и ядрище. Орудие типа «кинсон», аналогии которому обычно встречаются в комплексах раннего и среднего палеолита Европы, выявлено в основании аллювиальных отложений террасы (или террасовидного уступа), то есть оно бесспорно плейстоценовое. В верхней части данного аллювия, на глубине 4,2 м, обнаружен выразительный одноплощадочный нуклеус с ортогональной системой скалывания (рис. 3, 3), характерной для среднего палеолита, а также тонкий кремневый отщеп от оббивки бифаса.

Упомянутые выше находки отдельных каменных изделий в несомненно четвертичных отложениях стоянки Вашана позволяют сделать однозначный вывод о том, что эти материалы несомненно древнее 10 тыс. лет. Они совершенно непохожи на известный нам региональный ранний мезолит и верхний палеолит, чьи коллекции неотличимы от верхнего палеолита более южных районов. Кремневые изделия коллекции Лысой горы имеют явно среднепалеолитический облик.

Еще несколько выше, в кровле пойменной фации аллювия террасы, на которой расположена стоянка Вашана (4,0 м от поверхности), выявлены скопление древесных угольков и кремневые изделия верхнепалеолитического облика. Среди них типичный для верхнего палеолита пренуклеус («гигантолит»), торцовый нуклеус и пластинчатый отщеп. В перекрывающих субэаральных отложениях, но уже выше культурного слоя (низ литологического слоя 9), найдены единичные

кремневые изделия верхнего палеолита, а также переотложенные кремневые изделия архаичного облика, в их числе два отщепа и атипичное ядрище небольших размеров.

Данные архаичные артефакты по степени сохранности и по морфологии не отличаются от предметов из коллекции С. В. Зверева и из галечника шурфов 1 и 2, соответствуя единому комплексу. Совокупность имеющихся в настоящее время данных указывает на то, что все артефакты частично переотложены с крутой поверхности высокой террасы, в известняковом цоколе которой древнейшие люди добывали кремль и изготавливали здесь же каменные орудия. Не исключено, что использовалось и сырье непосредственно из речного галечника.

Во время раскопок 2009 г. удалось ознакомиться с новыми сборами С. В. Зверева, сделанными в районе Лысой горы. Были выявлены: одноплощадочный нуклеус, крупный отщеп леваллуа, зубчатое орудие на массивном отщепе, острие типа тайяк и частичный бифас с естественным обушком (Keilmesser) (рис. 7).

Сегодня можно полагать, что эти архаичные изделия, включая предметы из подъемного материала, имеют явно плейстоценовый возраст значительно древнее финального плейстоцена. На это указывают находки кремневых изделий среднепалеолитического облика в пойменном аллювии террасы, залегающие значительно ниже культурного слоя с датой 10 тыс. лет назад. Определенные указания на древность демонстрируют и находки аналогичных артефактов в галечнике восточного мыса более высокой (и соответственно более древней) террасы, на котором расположено местонахождение Лысая гора.

Заключение. Данные находки в определенной мере подтверждают мои предположения, сделанные ранее на материалах из района Западной Двины, о том, что человек заселял эти районы задолго до времени верхнего палеолита. Возможно, если принять во внимание общий характер обнаруженных кремневых изделий, где хорошо представлены бифасиальные формы и типичные мустьерские орудия, сопоставление коллекции Лысой горы с одним из вариантов восточноевропейского микока. Последний весьма характерен именно для северных районов Восточной и Центральной Европы (Степанчук, 2006). Правда, учитывая специфичность кремневых изделий комплекса Лысой горы, я не имею оснований для хронологического сближения его именно с индустриями восточного микока. Возраст послед-

него, как известно, ограничен пределами позднего плейстоцена (кислородно-изотопные стадии 5, 4, 3). Некая архаичность технологии первичного расщепления и вторичной обработки дает основание для возможного удревления коллекции Лысой горы вплоть до рисского времени.

Эти важные находки каменных изделий, происходящие с территории верхнего течения реки Оки, позволяют поставить вопрос о заселении данного региона Восточной Европы уже в среднем палеолите, то есть где-то 250–100 тыс. лет назад. Они дают возможность надеяться на то, что в дальнейшем удастся выявить стратифицированные стоянки, которые представят более убедительные и конкретные доказательства освоения человеком данной территории уже в глубочайшей древности.

- Амирханов, 2000 — Амирханов Х. А. Зарайская стоянка. М., 2000.
- Анисюткин, 1973 — Анисюткин Н. К. Орудия клювовидных форм в раннем и среднем палеолите // СА. 1973. № 1.
- Анисюткин, 2002 — Анисюткин Н. К. Открытие палеолита в Тульской области // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур: Материалы Междунар. конф., посвящ. 90-летию А. Н. Рогачева (Санкт-Петербург, 12–14 ноября 2002 г.) / Ред. Н. Д. Праслов. СПб., 2002.
- Анисюткин, Лисицын, 2007 — Анисюткин Н. К., Лисицын С. Н. Стоянка Вашана — памятник рубежа плейстоцена и голоцена в Тульской области // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене-голоцене / Ред. М. Г. Жилин. М., 2007.
- Асеев, 1961 — Асеев А. А. Палеогеография долины Средней и Нижней Оки в четвертичное время // Материалы по изучению четвертичного периода. М., 1961. Т. 2.
- Береговая, 1984 — Береговая Н. А. Палеолитические местонахождения СССР (1958–1970 гг.) / Под ред. П. И. Борисковского. Л., 1984.
- Вишневский, 1924 — Вишневский Б. Н. Доисторический человек в России (Каменный век) // Осборн Г. Ф. Человек древнего каменного века. Среда, жизнь, искусство. Л., 1924.
- Гурина, 1972 — Гурина Н. Н. Кремнеобрабатывающая мастерская в верховье р. Днепра // Палеолит и неолит СССР. М., 1972. Т. 7: Посвящается 60-летию П. И. Борисковского (МИА. № 185).
- Грудинкин, 2001 — Грудинкин Б. В. Проблемы и перспективы изучения палеолита Верхней Оки // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Калуга, 2001. Ч. 1.
- Долуханов, 2000 — Долуханов П. М. Истоки этноса. СПб., 2000.
- Ефименко, 1953. — Ефименко П. П. Первообытное общество: Очерки по истории палеолитического времени. Киев, 1953.
- Жирихин и др., 2008 — Жирихин В. В., Пономаренко А. Г., Расницын А. П. Введение в палеоэтомологию. М., 2008.
- Замятнин, 1961. — Замятнин С. Н. Очерки по палеолиту. М.; Л., 1961.
- Крижевская, 1960 — Крижевская Л. Я. Кремнеобрабатывающая неолитическая мастерская и поселение на северо-востоке Башкирии // Палеолит и неолит СССР. М.; Л., 1960. Т. 4 / Под ред. А. П. Окладникова (МИА. № 79).
- Любин, Петраков, 1964 — Любин В. П., Петраков И. И. Мустьерское местонахождение Золотариха близ г. Белев Тульской области // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. М., 1964. № 29.
- Микляев, Мазуркевич, Анисюткин, 1995 — Микляев А. М., Мазуркевич А. Н., Анисюткин Н. К. Еще раз о находках архаичных кремневых изделий в верховьях Западной Двины // Древности Северо-Западной России: Сб. материалов науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова. СПб., 1995.
- Потоцкий, 1961 — Потоцкий С. П. Следы раннего палеолита в бассейнах рек Оки и Москвы в Московской области // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. М., 1961. № 26.
- Праслов, 1984 — Праслов Н. Д. Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М., 1984 (Археология СССР).
- Радиоуглеродная хронология..., 1997 — Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Америки: Проблемы и перспективы / Под ред. А. А. Синицына и Н. Д. Праслова. СПб., 1997.
- Соколова, Хомутова, 1966 — Соколова В. Б., Хомутова В. И. Средне- и нижнечетвертичные отложения центральной части Вологодской области // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. М., 1966. № 31.
- Степанчук, 2006 — Степанчук В. Н. Нижний и средний палеолит Украины. Черновцы, 2006.
- Тарасов, 1989 — Тарасов Л. М. Периодизация палеолита бассейна Верхней Десны // Четвертичный период. Палеонтология и археология. Кишинев, 1989.
- Тарасов, 1991 — Тарасов Л. М. Палеолит бассейна Десны: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1991.
- Чеботарева и др., 1961 — Чеботарева Н. С., Недошивина М. А., Столярова Т. И. Московско-валдайские (микулинские) межледниковые отложения в бассейне Верхней Волги и их значение для палеогеографии // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. М., 1961. № 26.
- Bosinski, 1967 — Bosinski G. Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa // Fundamenta R.A. Kuhn; Graz, 1967. Bd 4.
- Burdukiewicz et al., 1994 — Burdukiewicz M., Śnieszko Z., Winnicki J. A Lower Palaeolithic settlement at Tzebnica (S. W. Poland) // Ethnographische-Archäologische Zeitschrift. Berlin, 1994. Bd 35.
- Fiedler, 1993 — Fiedler L. Zu den Artefakten des Homo erectus heidelbergensis // Ethnographische-Archäologische Zeitschrift. Berlin, 1993. Bd 34.

New Evidence Concerning the Problem of the Original Settlement of the «Forest Zone» in the Centre of the Russian Plain

N. K. Anisyutkin

This paper is a publication of archaeological materials relatively recently (2000–2001) revealed by the author in the region of the Upper Oka River (near the village of Solomasovo, not far from the town of Aleksin, Tula oblast). These finds through the aggregate of their technological and typological indications may be dated to the Middle Palaeolithic period. Separate stone objects from this collection, including impressive bifaces, nuclei, flakes and tools (a total of 33 items), have been found re-deposited in layers of the second half of the Late Pleistocene, below the cultural level of the final Upper Palaeolithic dated by radiocarbon to c. 10,000 BP. This fact suggests that the re-deposited archaic flint objects of a Middle-Palaeolithic appearance, which arbitrarily may be attributed to the «Eastern Micoque», cannot be related with Neolithic workshops but are considerably more ancient than the Mesolithic and Upper-Palaeolithic.

Previously, finds dated to the genuine Middle Palaeolithic were known here only in more southern areas (Zolotorikha) and to the south-west, in the valley of the Desna River, where typical Mousterian sites (Betovo, Korshevo 1 and 2) have been revealed with well-preserved cultural layers. On the contrary, at the latitude of the Upper Oka, no indisputable finds of the mid-Palaeolithic period so far have been found. The distinctive materials from the surroundings of the town of Aleksin are here the first finds of this type.

As shown by investigations of 1999–2001 carried out by N.K. Anisyutkin jointly with the Tula archaeologist B.V. Grudinkin, the basic collection of flint objects of a mid-Palaeolithic appearance comes from a pebble deposit lying at the base of Holocene and Final Pleistocene layers at a low terrace of the Vashana River (tributary of the Oka). The socle of that terrace, a fragment of which has been found at the eastern slope of the ravine cutting a limestone massif (Mt. Lysaya), is located 4–5 m higher than the socle of the terrace with the site of the final Palaeolithic. In the cultural level of that site, the objects of the Late Palaeolithic period were found together with fragmentary bones of reindeer and bison.

Considerably lower than this cultural level were found re-deposited flint tools of a mid-Palaeolithic appearance including a Quinson-type point. These artefacts had drifted down from destroyed workshops of the Palaeolithic period situated on the slope of a more elevated ancient terrace. In its socle there are outcrops of flint. Possibly, if one takes into account the differing preservation of the surfaces and the archaic character of the flint tools, there can have been two non-synchronous Middle Palaeolithic complexes here.

The finds of flint artefacts indicate that this part of Central Russia (the «forest zone») was settled not only in the Late Palaeolithic but considerably earlier, i.e. at least as early as the Middle Palaeolithic period within 200,000–40,000 BP.

Новые палеолитические памятники в устье Северского Донца

А. Е. Матюхин¹

За последние двадцать лет в устье Северского Донца, основного притока реки Дон, на территории Константиновского района Ростовской области открыто и исследовано несколько мустьерских и позднепалеолитических памятников (рис. 1). Прежде всего, назовем многослойные памятники в балке Бирючьей, широко освещенные автором в многочисленных публикациях (см., напр., Матюхин, 1994. С. 25–37; 2000. С. 27–44; 2001. С. 5–14; 2002а. С. 34–40; 2002б. С. 11–28; 2005. С. 44–61; 2006а. С. 157–182; 2006б. С. 142–161; 2007. С. 20–42). Наиболее представительным является памятник Бирючья балка 2, на котором выделено семь мустьерских и четыре позднепалеолитических горизонта. Индустрии мустьерских горизонтов, наряду с традиционными, демонстрируют также пластинчатый способ расщепления. Характерным элементом позднепалеолитических индустрий являются двусторонние треугольные наконечники. Данная индустрия может быть отнесена к кругу индустрий стрелецкого типа и имеет возраст в пределах 31–26 тыс. лет тому назад (Otte et al., 2006. P. 185). Основная часть памятников в балке Бирючьей относится к мастерским по изготовлению двусторонних наконечников, то есть орудий. Мастерские по первичной обработке кремня с целью получения сколов менее характерны.

Среди остальных памятников в устье Северского Донца назовем позднепалеолитические стоянки Михайловская балка (Матюхин, 2002а. С. 34–40), которая по условиям залегания и типологии инвентаря близка к расположенной рядом (но на берегу Дона) стоянке Золотовка 1 (Праслов, Щелинский, 1996). Это — заключительная пора позднего палеолита. Нельзя не упомянуть допустьерские местонахождения Хрящи и Ми-

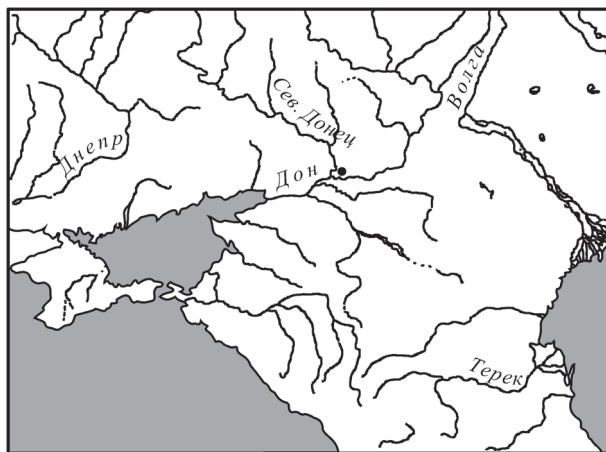

Рис. 1. Расположение памятников в балках Бирючьей и Кременской на карте Юга европейской части России

Fig. 1. Sites in balkas of Biryuchya and Kremenskaya in a map of the south of European Russia

хайловское, открытые Г. И. Горецким (Горецкий, 1952. С. 302–309) и впоследствии исследованные Н. Д. Прасловым (Праслов, 1968. С. 22–56; 1984. С. 96–98).

В балке Кременской, расположенной вблизи балки Бирючьей, до недавнего времени систематические археологические исследования не проводились. Балка Кременская располагается к северо-востоку от балки Бирючьей, под углом, сливаясь с ней в устье. К пойме Северского Донца выходит лишь балка Бирючья (рис. 2). Правый борт Кременской балки сложен преимущественно сланцами и песчаниками каменноугольного периода, которые во многих местах выходят на поверхность. Лишь в самом устье балки наблюдается перекрытие более древних коренных пород меловыми отложениями. Левый склон балки сложен мощной пачкой лессовидных суглинков. Здесь коренные породы фиксируются на значительной глубине.

Полевые исследования в балке проводились в 2006–2008 гг. Всего выявлено четыре пункта находок: Кременская балка 1, 2, 3, 4 (рис. 2). Расстоя-

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

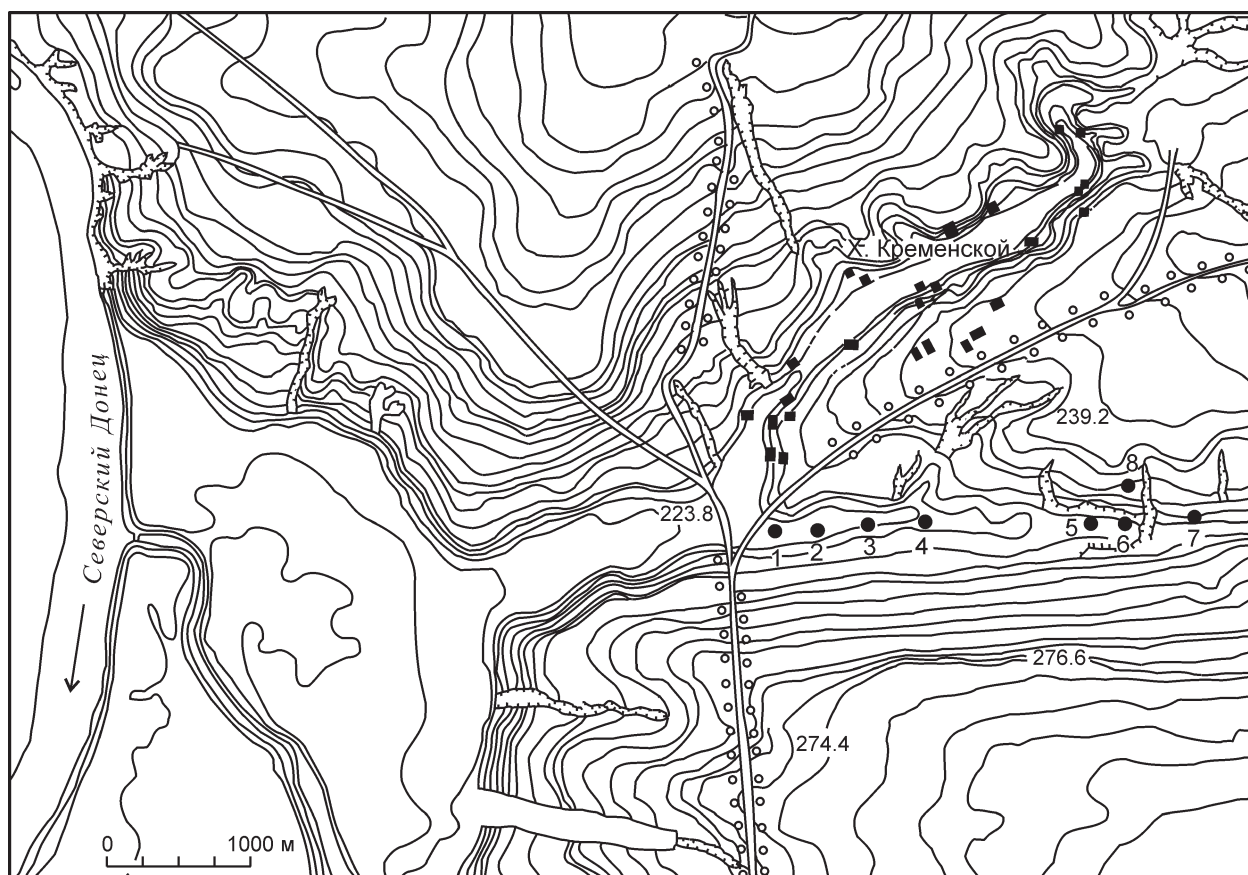

Рис. 2. План расположения памятников в балках Бирючьей (1–9) и Кременской (10–13):

1 — Бирючья балка 1в; 2 — Бирючья балка 1б; 3 — Бирючья балка 1а; 4 — Бирючья балка 1; 5 — Бирючья балка 2б; 6 — Бирючья балка 2; 7 — Бирючья балка 2а; 8 — Бирючья балка 3; 9 — Бирючья балка 4; 10 — Кременская балка 2; 11 — Кременская балка 3; 12 — Кременская балка 4; 13 — Кременская балка 1

Fig. 2. Plan of sites in balkas of Biryuchya (1–9) and Kremenskaya (10–13):

1 — Biryuchya Balka 1v; 2 — Biryuchya Balka 1b; 3 — Biryuchya Balka 1a; 4 — Biryuchya Balka 1; 5 — Biryuchya Balka 2b; 6 — Biryuchya Balka 2; 7 — Biryuchya Balka 2a; 8 — Biryuchya Balka 3; 9 — Biryuchya Balka 4; 10 — Kremenskaya Balka 2; 11 — Kremenskaya Balka 3; 12 — Kremenskaya Balka 4; 13 — Kremenskaya Balka 1

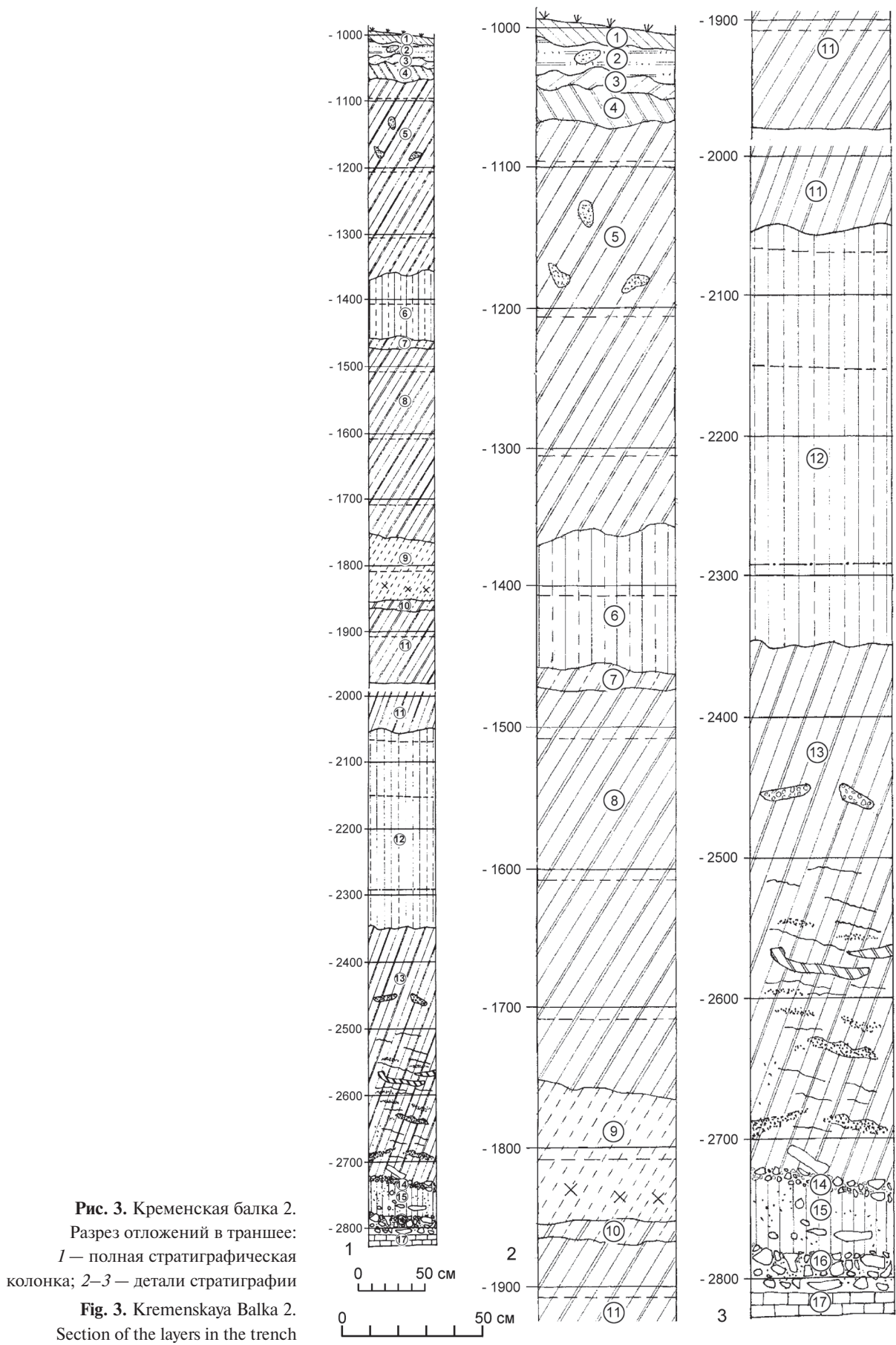
ние между пунктами составляет от 100 до 400 м. На них проводились различные по объему раскопочные работы. Наиболее полно были исследованы Кременская балка 2 и 4.

Рассмотрим указанные пункты.

Кременская балка 1. Пункт приурочен к водораздельному склону балки. Он ближе всех находится к балке Бирючьей (рис. 2). В шурфе 2 × 1 м установлено, что кремневые изделия (около 30 экз.) залегают в самом верхнем прослое суглинка. Они встречены на глубине около 0,3 м и сосредоточены по вертикали. Не исключено, что изделия частично переотложены. Преобладают отщепы и осколки. Нуклеусы и пластины не обнаружены. К орудиям относится отщеп с нерегулярной ретушью.

Кременская балка 2. Располагается на расстоянии 400 м от пункта 1 (рис. 2). Первые кремне-

вые изделия в виде небольшого скопления были обнаружены на вершине крутого склона балки высотой около 15 м. В зоне скопления находок разбит раскоп № 1 размерами 5 × 3 м. Для установления стратиграфии отложений и поиска горизонтов находок заложены траншея и два шурфа (рис. 2). В 2007 г. на склоне балки рядом с траншеей на уровне скопления находок заложен раскоп № 2 площадью около 14 кв. м (рис. 2). Наиболее полно стратиграфия отложений склона балки выявлена в траншее и шурфе № 1, которым она заканчивается (рис. 3). В разрезе наблюдается чередование бурых суглинков, некоторые из которых имеют значительную мощность. Интересна тонкая прослойка темно-бурого гумусированного суглинка, подстилающего белесовато-бурый суглинок, содержащий кремневые изделия. Не исключено, что речь идет об ископаемой почве.

В шурфе № 2 выявлены коричневатый суглинок с содержанием песка и два прослоя конгломерата. Редкие кремневые изделия обнаружены в суглинке и нижнем прослое. Конгломерат состоит из обломков мергеля, сланца, мелких линз песка и суглинка. Коренными породами здесь являются мергели, подстилающие прослой конгломерата. Коренные песчаники и сланцы не установлены. Скорее всего, обломки в конгломерате имеют аллювиально-проллювиальное происхождение.

В раскопе № 1, расположенном на вершине склона балки, основная часть кремневых изделий связана не с палевым суглинком с белоглазкой, а с гумусированной супесью, то есть современной почвой. Сравнивая местоположение находок на пунктах 1, 2 и 3, уместно сделать заключение, что когда-то на вершине склона изделия залегали в суглинке, который был загрязнен в результате смыва почвы с водораздельного склона балки. Однако этот смыв не привел к заметному изменению конфигурации скоплений кремневых изделий. Последние слабо оглажены и повреждены.

Наиболее уверенно стратиграфическая позиция кремневых изделий установлена в траншее и раскопе № 2. Здесь в средней толще отложений склона балки, в прослое бурого суглинка четко установлены два уровня залегания находок. Первый располагается на глубине более 6 м, второй — 8,5 м от поверхности. Помимо кремневых изделий обнаружены кости животных и мелкие зольные пятна. Наконец, третий уровень связан с конгломератом. Таким образом, в траншее и шурфе № 2, а также в двух раскопах выявлено всего четыре уровня находок, залегающих на разной глубине. Самые нижние отметки обнаружены на глубине 17–18 м от вершины склона балки (рис. 3).

Опишем теперь каменные изделия из раскопов 1 и 2, траншеи и шурфов. Все предметы изготовлены из кремня. Основная часть изделий из раскопа № 1 связана с почвенным слоем (горизонты 1–2).

Обратим внимание на относительно большое число нуклеусов, нуклевидных обломков и отщепов (табл. 1). Преобладают нуклеусы с параллельным плоскостным расщеплением. Нуклеусов с объемным и полуобъемным расщеплением меньше (рис. 4, 2). Некоторые нуклеусы несут на своей поверхности следы хаотичных ударов, что свидетельствует о процессах не только расщепления, но и дробления камня (рис. 4, 1). Отщепы с корочным покрытием явно преобладают над отщепами без корки. Больше всего выделено грубых отщепов с массивным сечением. Сколы оформления нукле-

Таблица 1. Кременская балка 2. Раскоп № 1. Общий список находок горизонтов 1–2

Table 1. Kremenskaya Balka 2. Excavation № 1. General list of finds from horizons 1–2

Наименование находок	Количество	Процентное соотношение
Желваки и обломки кремня без обработки	13	1,18
Желваки и обломки кремня с единичными сколами	15	1,37
Нуклевидные обломки	114	10,39
Нуклеусы	85	7,74
Отщепы	732	66,72
Пластины и пластинки	5	0,45
Осколки и чешуйки	75	6,83
Сколы оформления	41	3,73
Орудия	11	1,01
Всего	1091	100

усов малохарактерны. Среди орудий (11 экз.) выделены отбойники (5 экз.), скребки (2 экз.), отщепы с ретушью и выемками (4 экз.). Пластины и пластинки малочисленны, что требует объяснения.

Таким образом, инвентарь горизонтов 1–2 представлен, в основном, продуктами первичного расщепления. Это, главным образом, нуклеусы, оставленные на начальной стадии расщепления, в том числе пробные. Регулярное скалывание с нуклеусов отщепов-заготовок не производилось. Вероятно, основная цель расщепления желваков и обломков заключалась в получении заготовок нуклеусов.

Кремневые изделия, обнаруженные в палевом суглинке, слегка окатаны и повреждены и в такой же степени патинированы. Выделено несколько предметов хорошей сохранности. Всего обнаружено порядка 25 кремневых изделий. Отметим параллельный плоскостной нуклеус, отщепы и единичную пластину. На одном из ребер нуклеуса имеется забитость, указывающая на использование его в качестве отбойника.

Опишем теперь изделия из раскопа № 2. Первый уровень находок включает 25 изделий: нуклевидные обломки (2 экз.), нуклеусы (3 экз.), отщепы (10 экз.), пластины (1 экз.), осколки (4 экз.), чешуйки (4 экз.), орудия (1 экз.). Все нуклеусы оставлены на средней стадии расщепления. Они относятся к полуобъемным и параллельным плоскостным. Отщепов больше, чем осколков и чешуек. Обнаружена всего одна пластина. Орудием является отщеп с ретушью.

Нуклеусы относятся, в основном, к подпризматическим и параллельным плоскостным (рис. 4, 5, 8, 11). Выразительные призматические нуклеусы не обнаружены. Больше всего в коллекции обоих

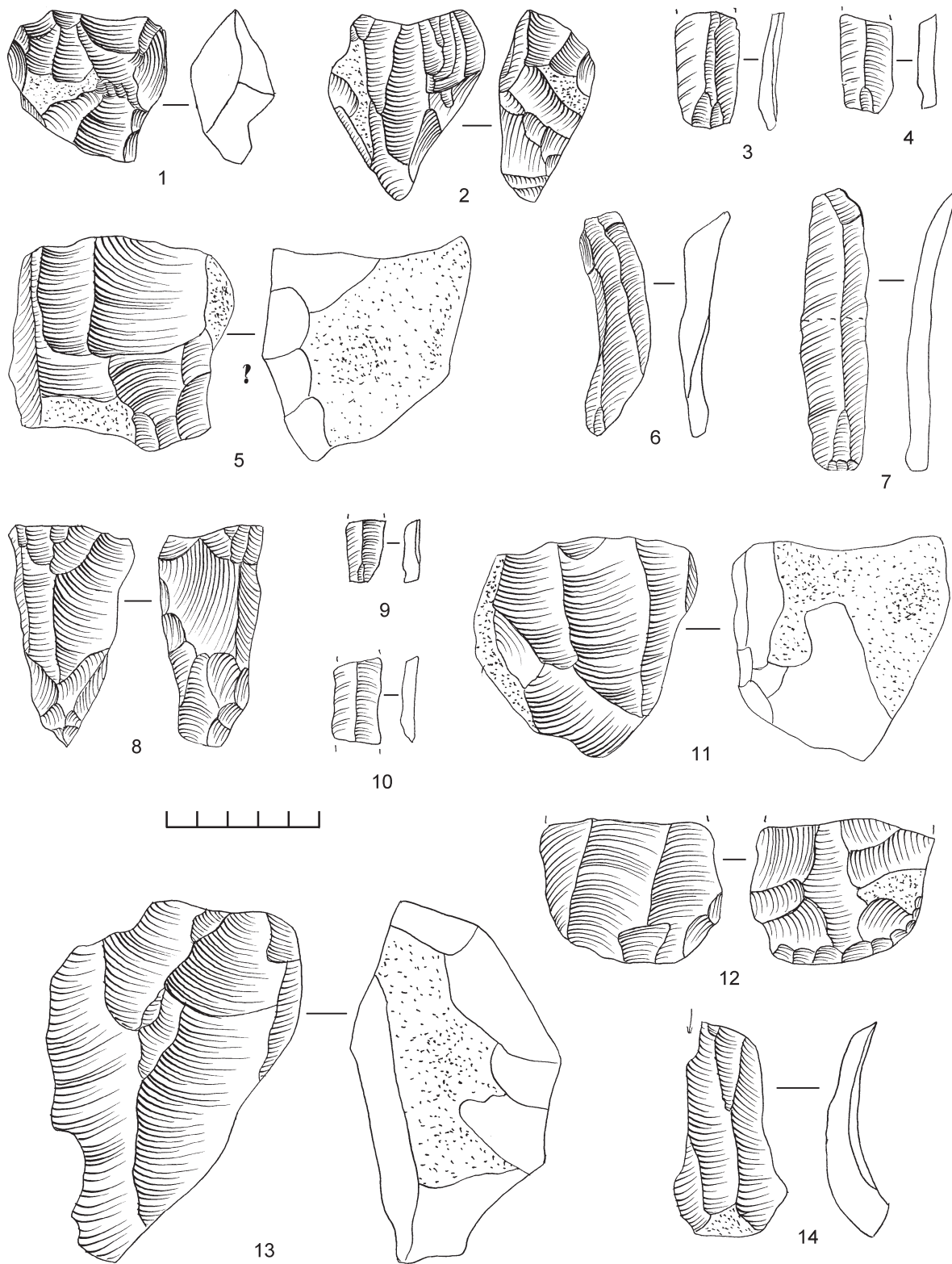

Рис. 4. Кремневая балка 2.

Кремневые изделия: 1–2, 5, 8, 11, 12 — нуклеусы; 3–4, 6–7, 9–10 — пластины и пластинки; 13 — орудие с двусторонней обработкой; 14 — пластина с резцовым сколом.

1–2 — раскоп 1; 3–14 — раскоп 2

Fig. 4. Kremenskaya Balka 2.

Flint artefacts: 1–2, 5, 8, 11, 12 — cores; 3–4, 6–7, 9–10 — blades and microblades; 13 — bifacially chipped tool; 14 — blade burin spall.

1–2 — Excavation 1; 3–14 — Excavation 2

Таблица 2. Кременская балка 2. Раскоп № 2.
Общий список находок горизонтов 2–3

Table 2. Kremenskaya Balka 2 Excavation № 2.
General list of finds from horizons 2–3

Наименование находок	Количество	Процентное соотношение
Желваки и обломки кремня без обработки	2	0,76
Желваки и обломки кремня с единичными сколами	3	1,14
Нуклевидные обломки	9	3,42
Нуклеусы	17	6,46
Отщепы	120	45,62
Пластины и пластинки	16	25,09
Осколки и чешуйки	33	12,54
Сколы оформления	9	3,42
Орудия	4	1,52
Всего	263	100

условных горизонтов выделено отщепов. Бросается в глаза относительно большое количество пластин и пластинок (рис. 4, 3–4, 6–7, 9–10). Целые пластинчатые сколы с правильной огранкой единичны (рис. 4, б). В основном, они представлены фрагментами. Орудий мало. К ним относятся пластина с резцовым сколом (рис. 4, 14), скребло, отщеп с ретушью и обломок двустороннего орудия (рис. 4, 12).

Проведенное краткое описание показывает, что в инвентаре горизонтов 2–3 (3-й уровень) преобладают продукты первичного расщепления. Можно считать, что пластинчатые сколы являются основным типом изделий данного инвентаря. Очевидно, последний следует связывать с мастерской по первичному расщеплению кремня с целью получения пластин и пластинок.

Исходя из технико-типологических характеристик изделий из раскопов 1 и 2, оправданно ставить вопрос о том, что все они относятся к позднему палеолиту (в том числе и залегающие в почвенном слое). В то же время приходится констатировать, что изделия залегают в пределах огромной толщи суглинков (около 8,5 м). Имеющийся между двумя уровнями позднепалеолитических находок промежуток, безусловно, указывает на их различный возраст в рамках позднего палеолита.

Кремневые изделия, обнаруженные в подошве отложений в шурфах № 1 и 2, малочисленны. Среди находок из нижнего конгломерата в шурфе № 2 заслуживают внимания подпризматический нуклеус (рис. 4, 13) и леваллуазский отщеп. Остальные изделия представлены грубыми отщепами, осколками и чешуйками.

Кременская балка 3. Памятник располагается на расстоянии 200 м к западу от Кременской балки 2 (рис. 2). На этом участке склон балки доволь-

но пологий. В средней части склона, ближе к основанию, на проселочной дороге обнаружены кремневые изделия. В шурфе размерами 2 × 1 м, поставленном в зоне находок, установлено чередование палевого и бурых суглинков. Общая мощность вскрытых в шурфе отложений около 3,5 м. Коренные породы не выявлены. Кремневые изделия зафиксированы в буром суглинке, начиная с глубины 1,5 м от поверхности. Среди изделий преобладают осколки, чешуйки и отщепы. Пластины малочисленны. Нуклеусы указывают на параллельный плоскостной способ расщепления. Призматические нуклеусы не обнаружены. Наиболее интересным изделием является почти целый двусторонний наконечник подтреугольных очертаний.

Кременская балка 4. Пункт располагается на расстоянии 100 м к востоку от Кременской балки 2 (рис. 2). Был открыт в 2007 г. В том же году поставлена траншея шириной 1 м, которая прорезала почти весь довольно крутой склон балки. Были зафиксированы два уровня находок. В 2008 г. в зоне расположения находок был разбит раскоп общей площадью 14 кв. м. Траншея доведена до коренных пород.

Склон балки на данном участке, как и на Кременской балке 2, сложен преимущественно бурыми и желтовато-бурыми суглинками значительной мощности. Прослой бурого суглинка, содержащий находки, заметно заизвесткован. В раскопе в верхнем прослое желтовато-бурого суглинка на глубине 1610 см от нулевой отметки обнаружен фрагмент позвоночника крупного копытного, возможно, бизона. Кремневые изделия при этом не найдены. Самые верхние (единичные) каменные предметы зафиксированы на глубине 1664–1686 см от нулевой отметки в кровле бурого суглинка. Далее, после перерыва находки встречаются вплоть до его подошвы. Наконец, находки отмечены в кровле белесовато-бурого суглинка. Проблемы вызывает определение в этой толще отчетливых уровней находок. Скорее всего, речь может идти об одной культурной толще (уровне). В то же время какие-то определенные интервалы в заселении этого места, видимо, имелись. Мы более склоняемся к предположению, что речь идет о двух уровнях находок.

Практически все предметы из разных уровней изготовлены из кремня. Сильная патинизация для них не характерна. На некоторых изделиях отмечена слабая (часто односторонняя) патина, отдельные находки не патинированы вовсе. Оглаженность и поврежденность очень слабая. На

большей их части отмечен односторонний известковый натек. Рассмотрим изделия, связанные с 1-м и 2-м уровнями.

В горизонте 1 (уровень 1) обнаружено 16 предметов: отщепы (4 экз.), осколки и чешуйки (11 экз.) и отбойник (1 экз.). Все они изготовлены из кремня. Отбойник выполнен на сланцевой гальке. Отщепы, осколки и чешуйки, безусловно, являются отходами производства. Похожие типы изделий встречены в инвентаре горизонта 1 на Кременской балке 2.

Таблица 3. Кременская балка 4.

Общий список изделий основного уровня

Table 3. Kremenskaya Balka 4.

General list of artefacts from the basic level

Наименование находок	Количество	Процентное соотношение
Желваки и обломки кремня с единичными сколами	1	0,11
Нуклевидные обломки	24	2,76
Нуклеусы	31	3,57
Отщепы	378	43,54
Пластины и пластинки	124	14,28
Осколки и чешуйки	280	36,25
Сколы оформления	23	2,64
Орудия	6	0,8
Всего	867	100

Большая часть нуклеусов представляет параллельный плоскостной способ расщепления. Преобладают одно- и двуплощадочные нуклеусы. Выделено шесть нуклеусов с параллельным объемным и полуобъемным расщеплением (рис. 5, 16–18). Отщепы по типам распределены следующим образом: первичные (28 экз.), полупервичные (90 экз.), с частичной коркой (39 экз.), без корки (176 экз.). Основная часть отщепов является отходами производства (рис. 5, 5). Заготовки редки. Пластинчатые сколы представлены главным образом фрагментами (рис. 5, 2–3, 6, 9–11, 13–14). Целые сколы единичны. Пластины (102 экз.) явно преобладают над пластинками (13 экз.) и микропластинками (1 экз.). Общее число пластин, сколов оформления, а в равной мере наличие нуклеусов с объемным и полуобъемным расщеплением указывают на то, что пластинчатое расщепление занимает важное место в инвентаре данного уровня.

Как видно из таблицы 3, орудия составляют менее 1% от общего числа изделий. Выделены следующие типы орудий: треугольные наконечники (1 экз.), скребки (1 экз.), заготовка орудия (1 экз.), отщепы с ретушью (3 экз.). Скребок выполнен на отщепе, его рабочее лезвие имеет выпуклые очер-

тания (рис. 5, 1). Интересна заготовка орудия (рис. 5, 15). Наибольший интерес представляет двусторонний треугольный наконечник (рис. 5, 4). Близкие по форме и обработке наконечники выявлены в индустрии памятника Бирючья балка 2.

С учетом небольшого числа орудий, относительно высокого процента содержания пластинчатых сколов уместно полагать, что индустрия основного уровня Кременской балки 4 относится к мастерским по изготовлению пластинчатых сколов. Нельзя исключить того, что многие сколы были унесены древними изготовителями за пределы мастерской. С другой стороны, необходимо принимать во внимание присутствие двустороннего треугольного острия. Будущие работы на Кременской балке 4 прояснят этот важный вопрос.

Таким образом, в инвентаре четырех пунктов, расположенных в балке Кременской, преобладают продукты первичного расщепления. Судя по наличию в индустриях верхней толщи, прежде всего на Кременской балке 2 и 4, довольно выразительных призматических нуклеусов и пластинчатых сколов, а также треугольных наконечников, оправданно говорить об их позднепалеолитическом возрасте. Показательно, что эти находки сосредоточены в пачке суглинков мощностью более 7 м. Иная картина установлена для позднепалеолитических горизонтов Бирючьей балки 2. Здесь мощность толщи суглинков с находками всех горизонтов не превышает 2 м. На рассмотренных пунктах (особенно на Кременской балке 2 и 4) выделено несколько позднепалеолитических горизонтов. Находки, обнаруженные в подошве отложений, следует связывать с мустье. Находки этого возраста малочисленны. По аналогии с индустриями памятников в балке Бирючьей логично оценивать возраст позднепалеолитических индустрий в балке Кременской в пределах 31–28 тыс. лет назад. Это ранняя пора позднего палеолита. На данный возраст указывает и наличие треугольных наконечников и пластин с преимущественно двускатной огранкой, характерной для инвентаря мустьерских горизонтов.

Индустрии в балке Кременской с технико-типологической точки зрения связываются в первую очередь с мастерскими по первичной обработке кремня с целью получения пластинчатых сколов. Однако может оказаться, что это мастерские смешанного профиля. Рассматривая вопрос об отличии мастерских в балках Бирючьей и Кременской, следует принимать во внимание два фактора: культурный и технологическо-целевой. Последний представляется нам вполне реальным. Други-

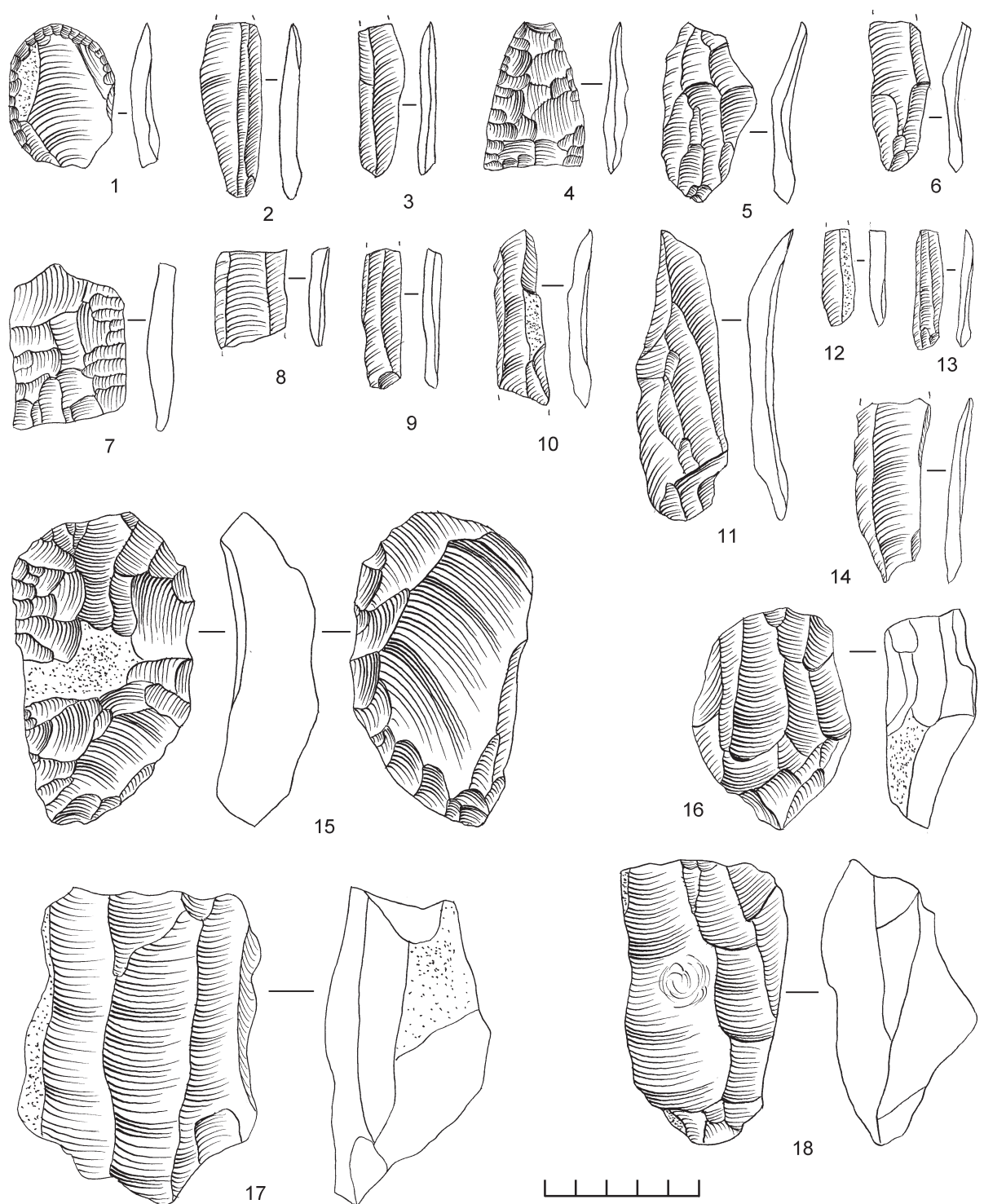

Рис. 5. Кремневые изделия:

1 — скребок; 2–3, 6–7, 11–14 — пластины и пластинки; 4, 8 — двусторонние наконечники; 5 — отщеп; 15 — заготовка орудия; 16–18 — нуклеусы.

1–7, 11–17 — Кременская балка 4; 8–10 — Бирючья балка 4

Fig. 5. Flint artefacts:

1 — scraper; 2–3, 6–7, 11–14 — blades and microblades; 4, 8 — bifacial points; 5 — flake; 15 — tool blank; 16–18 — cores.

1–7, 11–17 — Kremenskaya Balka 4; 8–10 — Biryuchya Balka 4

ми словами, речь идет о различных производственных целях одного коллектива людей.

Индустрия, подобная таковым Кременской балки 2 и 4, установлена на памятнике Бирючья балка 16 (Матюхин, 2001. С. 5–24). За пределами Нижнего Дона назовем мастерские в Приазовье (Павлова, 1952. С. 51–55; Борисковский, 1953. С. 362–369), Антоновка 1 на территории Донецкой области Украины (Гладких, 1969. С. 261–268), Миньевский Яр на правом берегу Северского Донца на территории Украины (Ефименко, 1928. С. 5–10), Коршево 1 в долине Десны (Тарасов, 1986. С. 146–153) и др. В инвентаре всех указанных мастерских орудия малочисленны.

Бирючья балка 4. Пункт был открыт в 2007 г. в ходе проведения несогласованных дорожных работ в охранной зоне, установленной для памятников в балке Бирючьей Ростовским областным управлением культуры. Он приурочен к вершине правого склона балки Бирючьей (рис. 2). Заметим, что основная часть памятников в балке связана, напротив, с ее левым бортом. Памятник располагается на границе с водораздельным склоном балки Кременской.

Первые находки были собраны в неглубоком котловане, вырытом бульдозером. Находки располагались на поверхности верхнего суглинка. В 2008 г. на одном из участков котлована заложен раскоп площадью 9 кв. м. В современном почвенном слое собраны лишь единичные предметы. Относительно насыщенным оказался 1-й горизонт (подпочва). Основная часть находок (свыше 650 предметов) связана с палевым суглинком с белоглазкой (горизонт 2). Мощность горизонта — 0,15–0,20 м. Ниже находок становится меньше, а затем они вовсе исчезают. Другими словами, в раскопе установлены два уровня находок.

Таблица 4. Бирючья балка 4. Раскоп № 1.
Общий список изделий

Table 4. Biryuchya Balka 4. Excavation № 1.
General list of artefacts

Наименование находок	Горизонт 1 (кол-во, %)	Горизонт 1 (кол-во, %)
Нуклеидные изделия	3 (2,01)	26 (3,91)
Нуклеусы	2 (1,34)	4 (0,60)
Отщепы	44 (29,53)	127 (19,09)
Пластины и пластинки	5 (3,35)	18 (2,70)
Осколки и чешуйки	94 (63,08)	488 (73,38)
Сколы оформления	1 (0,67)	2 (0,30)
Орудия	—	1 (0,15)
Всего	149	666

В первую очередь обратим внимание на довольно близкое сходство по содержанию находок в обоих горизонтах. Некоторое отличие в процентном соотношении количества отщепов и осколков не представляется существенным. Более явным следует признать отчетливое преобладание чешуек и осколков (в том числе мелких) над отщепами. Для инвентаря Кременской балки 4 эти показатели были отличными. Ниже, в сравнении с последним, и процент пластинчатых сколов (рис. 5, 8, 12). Крайне мало нуклеусов. Иными словами, в инвентаре Бирючьей балки 4 преобладают продукты, связанные с процессом не первичного расщепления, а изготовления орудий. Однако этому противоречит почти полное отсутствие последних. Из орудий обнаружен всего один треугольный наконечник (рис. 5, 7). Вполне возможно, что орудия данного типа будут обнаружены при проведении дальнейших работ на памятнике. Предварительно можно отнести Бирючью балку 4 к мастерским по изготовлению треугольных наконечников.

Таким образом, исследуемые в балке Кременской памятники по многим показателям отличаются от открытых в балке Бирючьей. В первую очередь это касается стратиграфической позиции находок и типологии их индустрий. Позднепалеолитические изделия рассредоточены в широком диапазоне высотных отметок. Если находки, обнаруженные на значительной глубине, могут быть отнесены к ранней поре позднего палеолита, то изделия, залегающие в верхней пачке суглинков, должны оказаться моложе. Показательно, что на ряде пунктов в балке Кременской (2 и 4) треугольные наконечники (редкие) обнаружены на значительной глубине, в то время как на памятниках в балке Бирючьей они располагаются в верхних прослоях суглинка. Этот вопрос еще подлежит решению.

В любом случае, оправданно говорить о том, что треугольные острия, обнаруженные на памятниках в балках Бирючьей и Кременской, могут иметь близкий возраст. Положительный ответ на этот вопрос может быть получен при определении абсолютных дат для пунктов в балке Кременской. Отличие индустрий двух указанных памятников может быть объяснено, с одной стороны, культурными, а с другой — отличиями в характере технологической деятельности древних коллективов.

Борисковский, 1953 — Борисковский П. И. Палеолит Украины. М.; Л., 1953 (МИА. № 40).

- Гладких*, 1969 — *Гладких М. И.* Некоторые итоги исследования позднепалеолитического местонахождения Антоновка 3 // *Материалы по четвертичному периоду Украины*. Киев, 1969.
- Горецкий*, 1952 — *Горецкий Г. И.* Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье // *Советская археология*, 1952. Т. 16.
- Ефименко*, 1928 — *Ефименко П. П.* Стоянки каменного века в окрестностях г. Изюма // *Древности Изюмщины*. Изюм, 1928. Вып. 3 (на укр. яз.).
- Матюхин*, 1994 — *Матюхин А. Е.* Палеолитические мастерские в бассейне Нижнего Дона // *Археологические вести*. СПб., 1994. № 3.
- Матюхин*, 2000 — *Матюхин А. Е.* Позднепалеолитическая мастерская Бирючья балка (Бирючья балка 1в) // *Донская археология*. Ростов-н/Д., 2000. № 1.
- Матюхин*, 2001 — *Матюхин А. Е.* Позднепалеолитическая мастерская Бирючья балка 1б (предварительное сообщение) // *Археологические записки [Донского археологического общества]*. Ростов-н/Д., 2001. Вып. 1.
- Матюхин*, 2002а — *Матюхин А. Е.* Михайловская балка — новый палеолитический памятник в устье Северского Донца (предварительное сообщение) // *Археологические вести*. СПб., 2002. № 9.
- Матюхин*, 2002б — *Матюхин А. Е.* Многослойная палеолитическая мастерская Бирючья балка 1а // *Археологические записки [Донского археологического общества]*. Ростов-н/Д., 2002. Вып. 2.
- Матюхин*, 2005 — *Матюхин А. Е.* Позднепалеолитические индустрии с двусторонними острьями долины Северского Донца // *Археологические вести*. СПб., 2005. № 12.
- Матюхин*, 2006а — *Матюхин А. Е.* Мустьерские горизонты многослойного палеолитического памятника Бирючья балка 2 на Северском Донце // *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону*. Азов, 2006. Вып. 21.
- Матюхин*, 2006б — *Матюхин А. Е.* Многослойные палеолитические памятники в устье Северского Донца // *Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное*. СПб., 2006.
- Матюхин*, 2007 — *Матюхин А. Е.* Бирючья балка 2. Многослойный палеолитический памятник на Северском Донце // *Археологические вести*. СПб., 2007. № 14.
- Павлова*, 1952 — *Павлова К. В.* Раскопки кремневой мастерской у хут. Новоклиновки в Приазовье // *КСИИМК*. 1952. Вып. 48.
- Праслов*, 1968 — *Праслов Н. Д.* Палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л., 1968.
- Праслов*, 1984 — *Праслов Н. Д.* Ранний палеолит Русской равнины и Крыма // *Палеолит СССР*. М., 1984 (Археология СССР).
- Праслов*, *Щелинский*, 1996 — *Праслов Н. Д.*, *Щелинский В. В.* Верхнепалеолитическое поселение Золотовка 1 на Нижнем Дону. СПб., 1996.
- Тарасов*, 1986 — *Тарасов Л. М.* Многослойная стоянка Коршево 1 // *Палеолит и неолит*. Л., 1986.
- Otte et al.*, 2006. — *Otte M.*, *Matyukhin A. E.*, *Flas D.* La chronologie de Biryuchya balka (region de Rostov, Russie) // *Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное*. СПб., 2006.

New Palaeolithic Sites at the Mouth of the Seversky Donets

A. E. Matyukhin

The present communication is a review of newly revealed Palaeolithic sites at the mouth of the Seversky Donets River. These sites are distributed throughout the Konstantinovsky region being concentrated in two neighbouring *balkas* (ravines): Biryuchya and Kremenskaya, immediately close to the farmstead of Kremensky (Fig. 1). As reported in detail in numerous communications, during the recent 20 years the author has been conducting excavations of long-lived Palaeolithic sites in the Biryuchya Balka.

The investigations of sites in the Kremenskaya balka (Fig. 2) began in 2005. Here, four findspots were revealed located in different areas of the balka's slope. Area 1 is situated on the watershed slope of the balka. The finds here come from the upper benches of loam and include products of primary flaking. Also the finds

from Kremenskaya Balka 3 are connected with the upper pack of loams. Of most interest are areas 2 and 4. Here, the Late-Palaeolithic artefacts are deposited in the bench of the upper loams, as well as at a depth of 6–7 m from the surface (Fig. 3). In the two areas both, aggregations of finds have been recorded in an undisturbed state. Totally, three levels of Late-Palaeolithic artefacts have been revealed. The industries include primarily various types of cores (Figs. 4, 1–2, 5, 8, 11; 5, 16–18), flakes (Fig. 5, 5) and blades (Figs. 4, 3–7, 9–10; 5, 2–3, 6, 11–14). The debris from flaking are not so numerous. Tools constitute less than 1% of the total amount of artefacts. The types of the tools are represented only by single items. These are side-scrapers, burin-shaped tools (Fig. 5, 14), end-scrapers (Fig. 5, 1), retouched flakes, blanks (Fig. 5, 15)

and bifacial tools (Fig. 5, 4). The industries of the both areas are attributed as workshops of primary flaking (production of blades). The workshops in the Kremenskaya Balka generally differ from those in the Biryuchya Balka. In the latter, mainly workshops for manufacturing bifacial points are found. The sites in the two balkas both are dated to the Upper Palaeolithic period. The lowest finds from the Kremenskaya Balka 2 may be attributed as Mousterian (Fig. 4, 12).

The number of new sites includes the area of Biryuchya Balka 4. Archaeological excavations have revealed two levels of artefacts here. The artefacts found

in both levels are similar in terms of their basic technological and typological features. Among the finds, flakes, debris and scales are predominating. The blades are very rare (Fig. 5, 9, 10). A bifacial triangular point is identified as a tool (Fig. 5, 8). Similar tools have been found in a number of industries at other sites in the Biryuchya Balka. One of the causes of concentration of numerous sites at the mouth of the Seversky Donets is favourable landscape and climatic conditions, including the hunting grounds, as well as outcrops of flint which primitive man used for his needs during a fairly long period.

Шубное: новые материалы к интерпретации памятника

И. В. Федюнин¹

Палеолитическая стоянка Шубное на правобережье Среднего Дона (бассейн р. Ольшанка — притока р. Тихая Сосна) была открыта С. Н. Замятниным в 1925 г. Памятник дополнительно обследовался в 1933 г. (*Замятнин*, 1952). Литологические условия овражно-балочной системы, к обнажениям которой были приурочены находки, изучались геологом П.А. Никитиным (*Никитин*, 1952).

Материалы памятника, отнесенные автором исследований к «ашельскому или раннемустьерскому времени» (*Замятнин*, 1952. С. 60), неоднократно использовались в более поздних культурно-хронологических построениях. В частности, А. А. Формозов относил их к мустьерскому периоду (*Формозов*, 1959. С. 40). Однако в дальнейшем эта стоянка оказалась надолго «забыта» большинством исследователей палеолита.

Причина проста: во второй половине XX в. хронология палеолита Русской равнины была пересмотрена и в значительной степени омоложена. В свете этого предположение об «ашельской или раннемустьерской» принадлежности памятника стало требовать очень серьезной аргументации, а ее не было. Немногочисленность находок из Шубного, опубликованных С. Н. Замятниным, их невысокие диагностические свойства, а также вероятная переотложенность слоя, исследованного в 1925 и 1933 гг., не позволяли сделать однозначных выводов о хронологической и периодизационной принадлежности стоянки. Кстати, заметим: даже эти немногочисленные материалы, хранившиеся в Острогжском краеведческом музее, бесследно исчезли в годы Великой Отечественной войны.

Между тем в последние годы проблема заселения центра и севера Европы в раннем палеолите вновь обрела актуальность. А. А. Чубур даже пред-

принял попытку вернуться к точке зрения С. Н. Замятниина, отстаивавшего такую возможность. Однако доказательная база, на которой основывается автор, по сути, не претерпела изменений по сравнению с серединой XX в. А. А. Чубур вынужден оперировать данными все о тех же случайных находках и немногочисленных, малоисследованных спорных местонахождениях (*Чубур*, 2007. С. 7–11). В их ряду материалы Шубного 1925 и 1933 гг. (весьма ущербные в источниковедческом плане) занимают едва ли не центральное место.

В самое последнее время в научной литературе наконец появились достоверные (хотя и отрывочные) свидетельства того, что проникновение раннепалеолитических человеческих групп на Русскую равнину действительно происходило (*Саблин, Гиря*, 2009). В свете этого представляется чрезвычайно интересным вернуться к исследованиям стоянки Шубное. Возможно, ее материалы смогут пролить новый свет на какие-то аспекты указанной проблемы. Однако для этого, безусловно, требуются новые раскопки памятника, уточнение его стратиграфии, пополнение коллекции и получение аналитических данных на современном уровне.

Попытки найти стоянку по данным публикаций предпринимались автором в 2005–2008 гг., но не увенчались успехом. Причины этого — как в изменении ландшафта местности с 1920-х гг. и перемещении ориентиров, к которым привязывался С. Н. Замятнин (перепланировка с. Шубное, появление с. Стрелица), так и в отсутствии вообще точных координат памятника. Кроме того, исследователь использовал местные названия балок и оврагов, не отмеченные ни на одной из топографических карт, в том числе и XVIII в. Общение с местным населением также не дало никакой информации относительно места расположения стоянки.

В 2009 г. автором были проанализированы подборка карт XIX–XX вв. и данные спутниковых снимков местности в районе сел Шубное и Стре-

¹ Россия, 394043, Воронеж, ул. Ленина, 86. Воронежский государственный педагогический университет. Кафедра Отечественной истории.

© И. В. Федюнин, 2011

лица. В ходе этой работы удалось установить, что в результате природных процессов несколько оврагов, впадающих в балку «Шубненский Яр» (совр. «Шубненский лог»), за последние 100 лет выросли в несколько раз, совершенно изменив топографическую картину местности. Проведенные исследования дали искомые ориентиры. В результате во время очередной разведки у с. Шубное памятник был обнаружен.

Материалы, представленные находками обработанных кварцитов, перемежающихся с костями животных и необработанными кварцитовыми отдельностями, были выявлены в западном борту суходола, проходящего по дну безымянного оврага (вероятнее всего, «Сухой лог», по С. Н. Замятину), в верховьях которого расположено с. Стрелица (рис. 1). Фиксирование мест концентрации находок с помощью приемника GPS позволило составить карту распространения находок.²

Вопрос о первоначальной стратиграфической позиции полученных нами материалов пока до конца не ясен. Подробное описание геологических условий местности, приведенное П. А. Никитиным, было основано на 19 обнажениях, вскрывших асимметричное строение оврага. Находки плейстоценовой фауны и обработанных кварцитов встречались в генетически идентичных обнажениях № 11–15, были приурочены к слою местных и эрратических валунов (Никитин, 1952. С. 65–66). В 2009 г. находки собирались еще ниже, на уровне верха борта молодого суходола, проходящего по дну оврага. Кварциты и кости залегали беспорядочно в оползших суглинках, местами перекрытых современной почвой, образуя достаточно компактные, плотно насыщенные скопления. Скорее всего, такое залегание явилось следствием активных склоновых процессов: материалы были вынесены водными потоками по дну древних, ныне погребенных ложбин. Обнажения, исследованные С. Н. Замятиным и П. А. Никитиным, в настоящее время задернованы, поэтому соотнести позиции находок 1920–1930-х гг. и 2009 г. невозможно. Однако общее направление дальнейших поисков ясно: оно может осуществляться по линиям, перпендикулярным продольной оси оврага, по двум его бортам — от мест современных обнажений с материалами.

Каменный инвентарь. Сборами получены 142 изделия, из которых семь орудий (5 %). О причинах

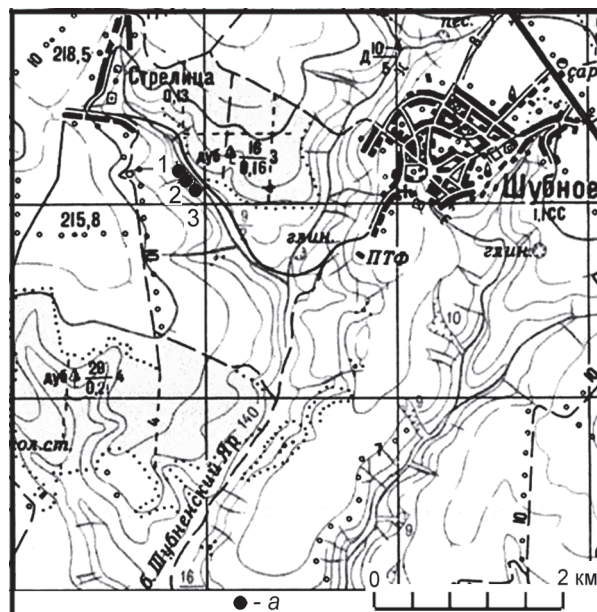

Рис. 1. Шубное. План местности.

Условные обозначения: *a* — место находки

Fig. 1. Shubnoye. Plan of the locality: *a* — findspot.

Notations: *a* — find place

такого соотношения находок пока судить рано: возможно, оно обусловлено близостью исходного сырья. Обработанные предметы изготовлены из крупнозернистого бучакского песчаника (кварцита) (96,5 %) или, в отдельных случаях, из местного галечного кремня (3,5 %). В цветовой гамме изделий преобладает темный спектр: серо-зеленый — 115 экз. (80 %), темно-серый — 23 экз. (16 %), красно-коричневый — 2 экз. (1,5 %), единичны предметы черного и черно-коричневого цветов (1,5 %). Часть находок патинизирована (глубокая регулярная бежевая патина — 19%, нерегулярная белесая, в виде отдельных вкраплений — 24,6 %, слабая, нерегулярная, голубоватая — 30 %) либо покрыта карбонатной коркой (7 % предметов). Межфасеточные грани и острые края ряда изделий окатаны (30 % находок), на многих имеется псевдоретушь. К разновидности механических повреждений отнесены также так называемые клетонские выемки, не образующие видимой системы на изделиях. С другой стороны, к орудиям причислены сколы с регулярными выемками, образующими зубчато-выемчатое лезвие.

Существенным недостатком коллекции являются ее плохие диагностические свойства, обусловленные качеством исходного сырья: во многих случаях направления сколов не видны, «волны» раковистого излома фиксируются только в случае сильного удара, когда происходило ступенчатое сминание профиля заготовки.

² Ввиду активизации деятельности «черных» археологов в Воронежской области точные данные расположения памятника не приводятся.

О технике расщепления можно судить лишь в общих чертах на основе имеющихся нуклеусов и серии сколов. Первый нуклеус изготовлен из крупного короткого отщепа, с противоположных краев которого производилось встречное скалывание, перпендикулярное продольной линии заготовки (рис. 2, 1). К аналогичному типу относятся еще две находки, также из отщепов, с той лишь разницей, что встречные или однонаправленные снятия здесь производились вдоль продольной линии скола, со стороны брюшка (рис. 2, 3, 12). Разница в месте нанесения сколов была обусловлена, видимо, необходимостью получения наиболее длинной заготовки путем отделения ее вдоль длинной оси отщепа. При этом в индустрии памятника много сомнительных нуклеусов из отщепов, которые исключались из подсчетов, так как в каждом из случаев было невозможно точно установить факт нанесения скола на площадку после снятия заготовки.

Большинство сколов коллекции связано с начальными этапами расщепления, на многих присутствует валунная корка (9 % первичных, 72 % полупервичных и 18 % вторичных сколов). Показательно, что немногочисленные орудия изготовлены на вторичных сколах. Имеющаяся выборка показала равномерный рост количества находок длиной от 40 мм до 100 мм при том, что 13 % предметов представляют собой макроизделия длиной 110–190 мм. Соотношение основных типов сколов представлено в таблице 1.

Среди сколов выделяются толстые, с площадкой, расположенной под прямым углом к телу заготовки, напоминающие скол «с ныряющим окончанием» (рис. 2, 2) и «ребристый» (рис. 2, 7); отщепы с ортогональным оформлением спинки (рис. 2, 4); со следами центростремительных снятий (рис. 2, 6); прямые, правильные, подходящие под определение «скола леваллуа» П. Е. Нехорошева (выделено 34 экз., 27 %) (рис. 2, 8, 9) (*Нехо-*

рошев, 1999. С. 23–40); крупные пластинчатые отщепы (рис. 2, 5) и пластины (рис. 2, 10, 11).

Первичное расщепление велось жестким (каменным?) отбойником, поэтому в коллекции большое количество сильно профилированных толстых сколов. Встречены разбитые ударные площадки. Техника расщепления была направлена на получение отщепов. Прием редуцирования ударных площадок населению известен не был. Угол между ударной площадкой и брюшком сколов составляет, за двумя исключениями, 120–130°. Среди площадок, помимо гладких, выразительна серия двугранных и линейных. Последние связаны, скорее всего, с производством бифасов. В целом, находки, связанные с первичным раскалыванием, свидетельствуют о плоскостной технике расщепления.

К орудиям отнесено шесть предметов, причем с определенной долей условности. Два из них являются скорее заготовками. Одна заготовка орудия подтреугольной формы с бифасиальной обработкой была брошена после неудачных попыток снять валунную корку с одной стороны, образующую обух под тупым углом к лезвийной части (рис. 3, 3). Другая, судя по всему, была оставлена после нанесения неожиданно глубокого скола утончения, сделавшего заготовку асимметричной (рис. 3, 1). Орудие изготовлено на крупном длинном сколе путем обработки с брюшка, по форме подтреугольное, с выделенным преднамеренно или случайно черенком.

Найдены два ножа: на крупном сколе с «естественным» обушком, по форме близком так называемому сколу в виде дольки апельсина (рис. 3, 2), и меньшим по размерам, с обушком, покрытым коркой (рис. 3, 7). Аккомодационная часть первого орудия у дистального конца заготовки подправлена несколькими вертикальными снятиями. Лезвия обоих орудий имеют следы утилизации в виде краевой более или менее регулярной ретуши.

Таблица 1. Шубное. Характеристика сколов

Table 1. Shubnoye. Characterization of spalls

Ударная площадка	Кол-во	Процент	Варианты оформления спинки скола	Кол-во	Процент
Гладкая	66	55	Бессистемная	14	12
В виде «летающей птицы»	2	1,5	Бипродольная	3	2
Двугранный	16	13,5	Гладкая	30	24
Покрытая коркой	19	16	Ортогональная	3	2
Линейная	10	8	Подперекрестная	8	6
Фасетированная	1	1	Продольная	63	50
Разбита	6	5	Радиальная	5	4
Всего посчитано	120	100	Всего посчитано	126	100

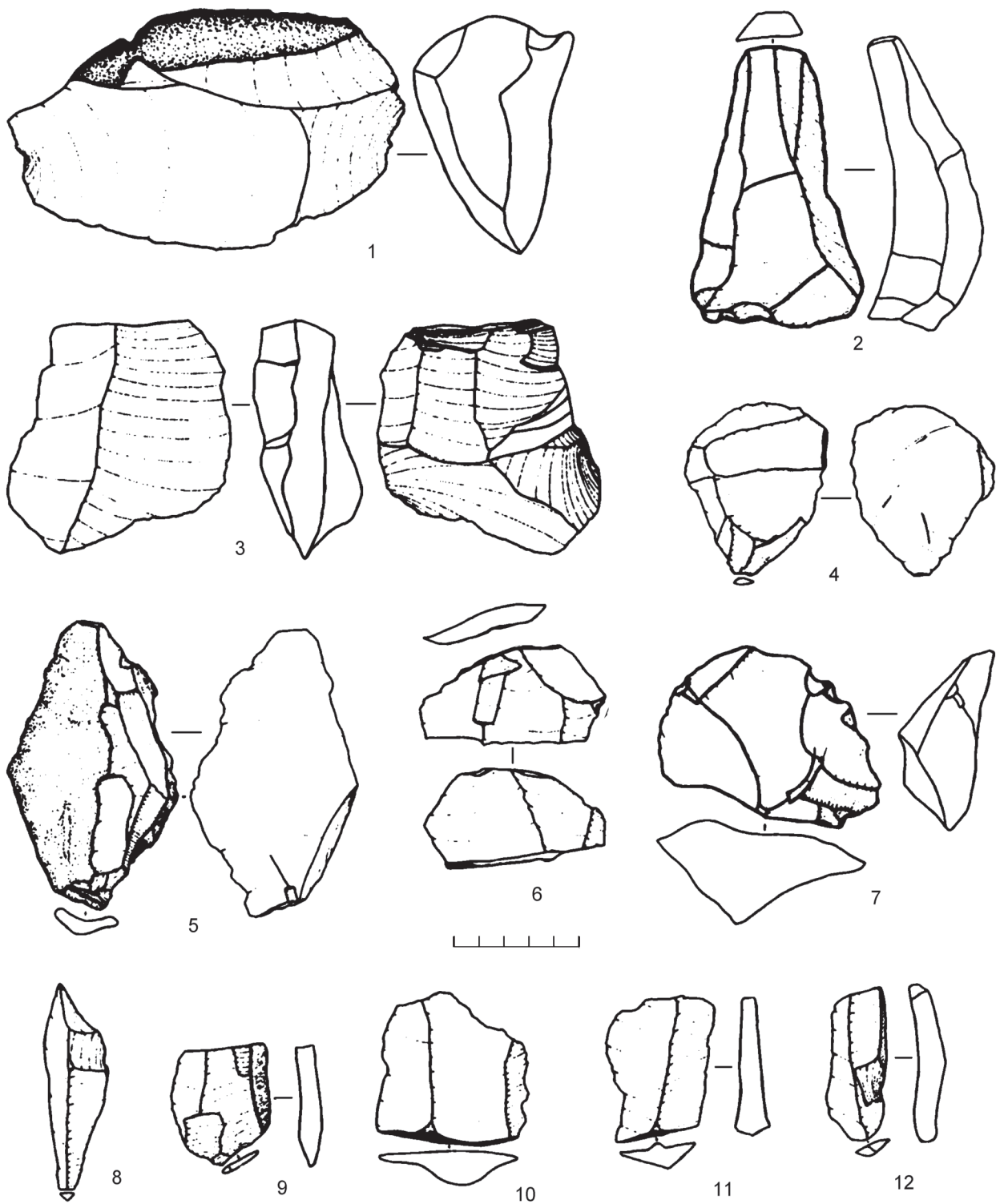

Рис. 2. Шубное. Нуклеусы и сколы (кварцит)

Fig. 2. Shubnoye. Nuclei and spalls (quartzite)

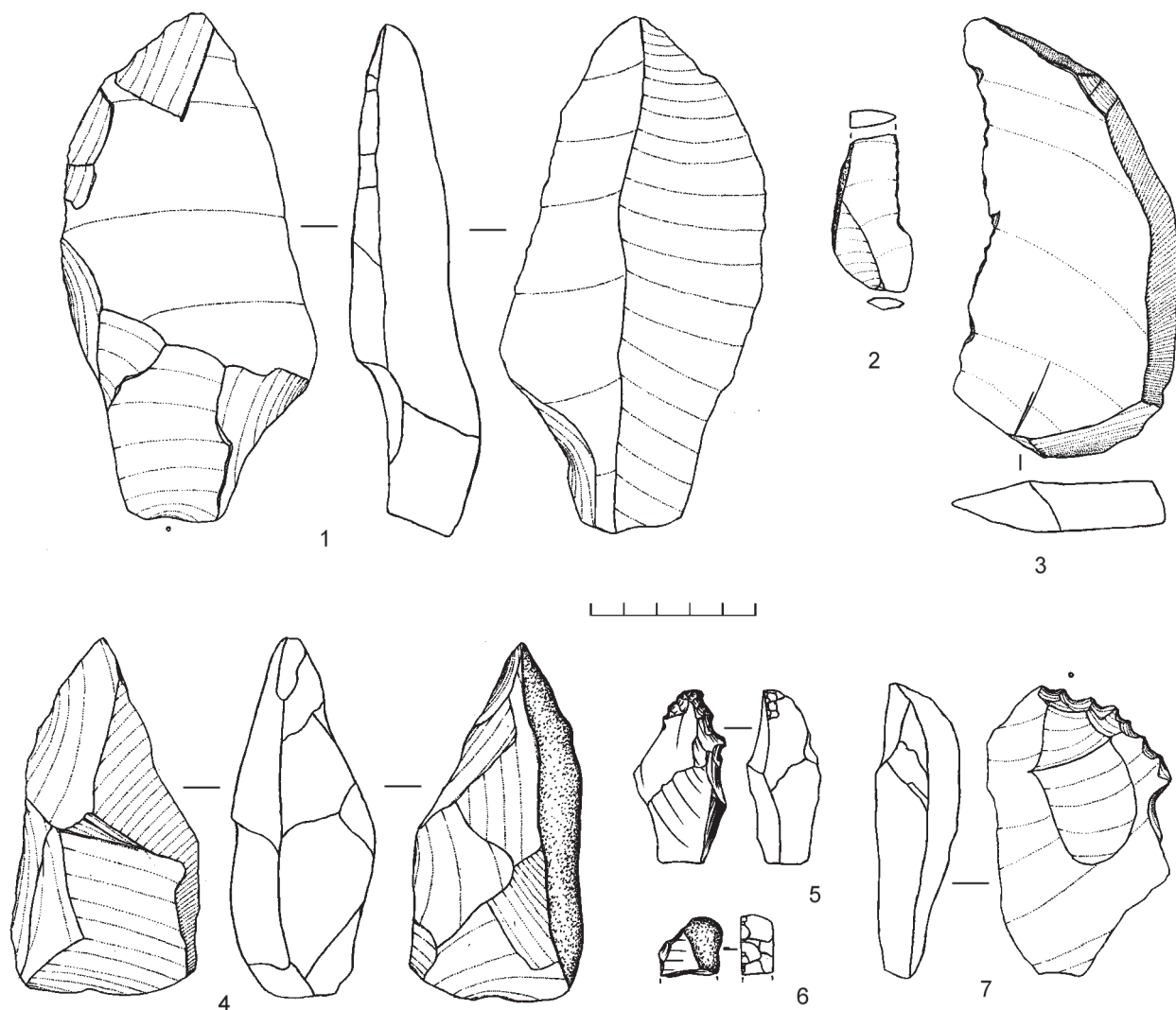

Рис. 3. Шубное.

Орудия и заготовки орудий: 1–3, 6, 7 — кварцит; 4, 5 — кремнь

Fig. 3. Shubnoye.

Tools and blanks: 1–3, 6, 7 — quartzite; 4, 5 — flint

Другие орудия представлены длинным сколом с диагонально скошенной с брюшковой стороны проксимальной частью в виде регулярного зубчато-выемчатого оформления края (рис. 3, 6); скребковым орудием с зауженным фронтом на кремневом обломке с углом лезвия 68° (рис. 3, 4), и еще одним неопределимым обломком орудия с отвесной ретушью по краю (рис. 3, 5).

Обращает на себя внимание существенная доля в коллекции крупных потенциальных и реальных заготовок, сближающая ее с материалами стоянки Бела Гора (Федюнин, 2009), а в более широком диапазоне — с памятниками типа Калитвенка I в соседней Ростовской области, исследовавшимися А. Е. Матюхиным (Матюхин, 1988).

Выводы. Полученная в 2009 г. коллекция изделий из камня пока еще сравнительно немногочисленна. Это обусловлено небольшим объемом проведенных исследований. Однако даже предварительное изучение памятника ставит целый ряд вопросов, требующих своевременного решения.

1. Наиболее актуальным является вопрос о первоначальной стратиграфической позиции имеющихся материалов, который может быть решен только путем стационарных исследований.

2. Из этого вопроса вытекает другой — о гомогенности коллекции. Подъемный материал выглядит достаточно однородным, за исключением нескольких пластинчатых сколов.

3. Исследования С. Н. Замятнина дали большое количество фаунистических остатков и не-

сколько обработанных изделий. Напротив, наши изыскания представили обратную картину (определена только одна кость лошади³). Такая ситуация может быть обусловлена как естественной сортировкой предметов в результате склоновых процессов, так и возможным наличием специальных зон первичного расщепления и «кухонной» деятельности на некогда существовавшем памятнике.

4. Вопрос хронологии стоянки является наиболее острым. Находки фауны и обработанных кварцитов извлекались С. Н. Замятниным из валунного слоя, перекрытого толщей суглинка мощностью 8–12 м, представляющего собой морену раннеплейстоценового Донского ледника. При этом исследователем отмечался факт перемещения предметов в древности вниз по склону оврага (*Замятнин*, 1952. С. 52). В. И. Громовым были определены многочисленные остатки лошади и мамонта, а также найденные в меньшем количестве кости тура, носорога, благородного оленя, гигантского оленя, пещерного льва и лисицы, пещерной гиены (Там же. С. 54). Никакими другими хронологическими привязками мы пока не располагаем.

5. Типологическое (и неразрывно связанное с ним трасологическое) исследование коллекции также является одной из важнейших задач дальнейших исследований. Пока в этом плане можно высказать лишь некоторые соображения. Присутствие биполярной техники расщепления, преобладание гладких и двугранных ударных площадок сколов, расположенных под углом к длинной оси заготовки, находки сколов с центростремительным оформлением спинки, в виде «дольки апельсина», зубчато-выемчатых орудий, заготовок орудий с бифасиальной обработкой представляют собой черты, характерные для мустьерской эпохи. Однако нельзя забывать о том, что такого рода изделия могут встречаться и на памятниках верхнего палеолита. В то же время архаичность бифасов из статьи С. Н. Замятина 1952 г., отмеченная А. А. Чубуром на основании аналогий со среднеашельскими находками Сатани-Дар (*Чубур*, 2007. С. 7–11), является, скорее всего, признаком того, что изделия из публикации не являлись орудиями. Такие предметы найдены и в 2009 г. Скорее всего, все они были брошены на промежуточной стадии изготовления, везде присутствует технологический «брак», сделавший невозможным даль-

нейшую обработку. Следов утилизации, если не считать за нее псевдоретушь и скругленность граней изделий, имеющих на большинстве находок, нет. Другими косвенными свидетельствами в пользу принадлежности стоянки не к самому раннему мустье являются находки трехгранного симметричного скола, напоминающего так называемый «реберчатый», и нескольких обломков грубых пластин, хотя они могут иметь случайный характер. Собственный опыт автора в деле исследования голоценовых мастерских по расщеплению кварцита в Среднем Похоперье позволяет говорить об отсутствии аналогий с кварцитами из Шубного, за исключением технологических приемов, имеющих всеобщее распространение (*Федюнин*, 2006). На территории Среднего Дона наиболее близким Шубному является комплекс стоянки Белая Гора (*Федюнин*, 2009). Однако материалы этого памятника, представляющего собой мастерскую по первичному расщеплению кварцита, выглядят моложе, по сравнению с коллекцией Шубного, из-за присутствия там призматической техники раскалывания. Впрочем, дальнейшее проведение аналогий — сравнение мастерской и стоянки, которой, судя по всему, является Шубное, — вряд ли будет более результативным. Вообще, в определении периодизационного статуса памятника следует соблюдать осторожность — до получения новых надежных данных. Пока лишь можно отметить, что имеющиеся у нас материалы относятся к доверхнепалеолитическому периоду.

6. В целом, можно констатировать: памятник, даже в том виде, в котором он дошел до нас, представляет собой очень перспективный объект для стационарного комплексного исследования. По результатам раскопок могут быть поставлены и решены весьма актуальные вопросы современного палеолитоведения.

Замятнин, 1952 — *Замятнин С.Н.* Находки межледниковой фауны и оббитых кварцитов у с. Шубного Воронежской области // Учен. зап. МГУ. М., 1952. Вып. 158.

Матюхин, 1988 — *Матюхин А. Е.* Макроорудия из палеолитических мастерских // РА, 1988. № 2.

Нехорошев, 1999 — *Нехорошев П. Е.* Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.

Никитин, 1952 — *Никитин П. А.* Предварительные данные по геологии окрестностей с. Шубного Острогожского района // Учен. зап. МГУ. М., 1952. Вып. 158.

Саблин, *Гиря*, 2009 — *Саблин М. В., Гиря Е. Ю.* Артефакт из Ливенцовки — свидетельство присутствия человека на территории Восточной Европы в интервале 2,1–1,97 млн

³ Автор выражает признательность А. А. Чубуру за помощь в определении фаунистических остатков.

- лет назад // Древнейшие миграции человека в Евразии: Материалы Междунар. симпозиума (6–12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия). Новосибирск, 2009.
- Федюнин*, 2006 — *Федюнин И. В.* Мезолитические памятники Среднего Дона. Воронеж, 2006.
- Федюнин*, 2009 — *Федюнин И. В.* Отчет о разведке в бассейне р. Казынка (окрестности с. Четвериково) в Калачеевском районе Воронежской области в 2008 г. // Архив ОПИ ИА РАН. М., 2009.
- Формозов*, 1959 — *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
- Чубур*, 2007 — *Чубур А. А.* Первоначальное заселение человеком среднерусской возвышенности: к постановке проблемы // Успехи современного естествознания. М., 2007. № 7.

Shubnoye: New Evidence for Interpretation of the Archaeological Site

I. V. Fedyunin

In 2009, the camp-site of Shubnoye, studied by S.N. Zamyatnin in 1920s–1930s in the south-west of the Middle Don River area, was found and investigated anew. The materials from this site were undeservedly «forgotten» by Soviet researchers, while in the post-Soviet period they were used for various, sometimes dubious constructions on the early Palaeolithic of the Russian Plain.

The new collection yielded by the site allows us to put forward a number of problems on its chronology, including the question of its Mousterian age, the validity of the analogies suggested by researchers and, finally, on the economic specifics of the site, as well as to define the major tasks of its further investigation.

The closest parallels to Shubnoye on the Middle Don are found among the collection from the site of Belaya Gora.

К вопросу о хронологии памятников с ямочно-гребенчатой керамикой Среднего Поволжья

С. А. Кондратьев¹

Решение проблемы хронологии памятников с ямочно-гребенчатой керамикой Среднего Поволжья невозможно без обращения к материалам Волго-Окского междуречья. Это обусловлено не только территориальной близостью, но и тем, что именно Волго-Окское междуречье является наиболее вероятным исходным пунктом проникновения в Среднее Поволжье традиции ямочно-гребенчатой орнаментации посуды. Кроме того, благодаря более чем вековой истории изучения, хронология материалов ямочно-гребенчатого типа в Волго-Окском междуречье в настоящее время установлена наиболее достоверно.

В тесной связи с этой проблемой стоит вопрос о характере изменений в технологии изготовления и орнаментации посуды, происходивших на разных отрезках времени. В историографии по данному вопросу выделяются две точки зрения.

Первая была высказана Б. С. Жуковым в конце 1920-х гг. и впоследствии развивалась рядом исследователей. Посуду с орнаментом в виде чередующихся зон ямочного и гребенчатого орнамента Б. С. Жуков выделил в один «комплекс круглоямочно-гребенчатой керамики». Хронологические изменения данного комплекса, по Б. С. Жукову, выражаются в группировке элементов орнамента в геометрические фигуры, появлении неорнаментированных зон на сосудах, удлинении и большем разнообразии гребенчатых штампов, а также, что наиболее важно, в «уменьшении значения круглоямочного элемента...» (Жуков, 1929. С. 69).

Подобные схемы развития орнамента, когда на раннем этапе ямочный элемент доминирует над остальными, а впоследствии занимает вспомогательное положение по отношению к оттискам гребенчатого и других штампов, были предложены

и другими авторами: А. Я. Брюсовым — для рязанской культуры (Брюсов, 1952. С. 58–71), В. М. Раушенбах — для льяловской (Раушенбах, 1970. С. 35–78), А. Х. Халиковым (хотя и не в полной мере, так как на позднем этапе, по его периодизации, происходит возвращение к орнаментальным традициям раннего этапа) — для балахнинской (Халиков, 1969. С. 92–114).

Что касается собственно хронологии, то А. Я. Брюсов (Брюсов, 1952. С. 46) и М. Е. Фосс (Фосс, 1952. С. 154) время формирования льяловской культуры относили к III тыс. до н. э. В. М. Раушенбах определяла период ее существования концом IV–третьей четвертью II тыс. до н. э. (Раушенбах, 1970. С. 46). В. П. Третьяков датировал льяловские стоянки IV–первой половиной III тыс. до н. э. (Третьяков, 1966. С. 10).

Другие культуры с ямочно-гребенчатой керамикой в Волго-Окском междуречье, считавшиеся в этот период производными от льяловской, датировались позже IV тыс. до н. э.: белевская (Полякова, 1973. С. 151) и рязанская (Цветкова, 1973. С. 99) — первой половиной III–серединой II тыс. до н. э., а балахнинская — концом III–второй половиной II тыс. до н. э. (Цветкова, 1963. С. 57–59).

Вторая точка зрения оформилась сравнительно недавно. Суть ее состоит в том, что в орнаменте самой ранней ямочно-гребенчатой керамики гребенчатые элементы (или их заменители) преобладают над ямочными, потом происходит увеличение доли ямок. На позднем этапе распространяется посуда с так называемым редкоямочным орнаментом. Эта точка зрения высказывалась в работах В. В. Сидорова (Сидоров, 1986), Ю. Б. Цетлина (Цетлин, 1991) и А. В. Энгватовой (Энгватова, 1997). Кроме того, важно, что она подтверждается данными стратиграфии, палинологии и методом радиоуглеродного датирования.

Хронологические рамки льяловской культуры Волго-Окского междуречья в настоящее время

¹ Россия, 443099, Самара, ул. М. Горького, 65/67. Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. Кафедра отечественной истории и археологии.

определяются интервалом от конца V тыс. до н. э. до середины III тыс. до н. э. (*Цетлин*, 1991. С. 118) либо до начала III тыс. до н. э. (*Энговатова*, 1997. С. 120).

Степень изученности данного вопроса для Среднего Поволжья несколько иная. Памятники с ямочно-ребенчатой керамикой этого региона датировались чаще всего на основании немногочисленных стратиграфических наблюдений, дающих информацию о последовательности смены археологических культур на них, а также на представлениях о хронологии этих культур в соседних регионах.

Так А. Х. Халиков датировал памятники с ямочно-ребенчатой керамикой в бассейне р. Волги ниже устья р. Оки III тыс. до н. э. (*Халиков*, 1969. С. 109–113), В. П. Третьяков — III—началом II тыс. до н. э. (*Третьяков*, 1972. С. 74), а В. В. Никитин наиболее ранние из них относил к рубежу IV—III тыс. до н. э. (*Никитин*, 1996. С. 71).

Позднее, с появлением нового взгляда на хронологию ямочно-ребенчатой керамики Волго-Окского междуречья и выработкой новой периодизации льяловской культуры, с ней начали соотносить материалы Среднего Поволжья. Это нашло отражение в работах В. В. Никитина (*Никитин*, 2004. С. 244–245) и В. В. Ставицкого (*Ставицкий*, 1999. С. 173–174).

В настоящее время появилась возможность несколько конкретизировать хронологию памятников Среднего Поволжья с помощью метода радиоуглеродного датирования по керамике.

Для территории Марийского Поволжья раньше имелась одна радиоуглеродная дата, полученная по углю, взятому из размытого очага жилища на Починковской дюне — 4730 ± 40 лет назад (КИ-3150) (*Никитин*, 1996. С. 175). Сейчас получено восемь дат по образцам с поселений Дубовское III, VIII, XII, Отарское VI (рис. 1, 1–4) и Галанкина Гора II (рис. 1, 5).

Все датированные фрагменты керамики по своим характеристикам сопоставимы с материалами архаичного и раннего этапов льяловской культуры. Их орнамент имеет строгую горизонтальную зональность, глубокие конические ямки нанесены в один ряд, разделяющий зоны, орнаментированные оттисками ребенчатого штампа либо его заменителем. В отличие от самой ранней льяловской посуды, тесто этих фрагментов не перенасыщено дресвой (*Энговатова*, 1997. С. 56). Впрочем, этот показатель не является обязательным, так как в материалах архаичного этапа также присутствует посуда с примесью песка либо

вовсе без искусственных примесей (*Сидоров, Ставицкий*, 2003. С. 110).

По современным представлениям, архаичный этап льяловской культуры датируется от рубежа V—IV тыс. до н. э. до первой четверти IV тыс. до н. э., а ранний — от первой четверти IV до середины IV тыс. до н. э. (*Энговатова*, 1998. С. 245).

Для керамики с поселения Дубовское III, орнаментированной горизонтальными рядами наклонных оттисков ребенчатого штампа, разделенных ямками, получена дата 5930 ± 80 лет назад (Ki-14535) (*Выборнов и др.*, 2008. С. 71). Она хорошо соотносится с датами 5810 ± 90 лет назад (Ki-14425) и 5930 ± 80 лет назад (Ki-14449) — полученными по керамике Отарского VI поселения, имеющей аналогичный орнамент (Там же. С. 70).

С поселения Дубовское VIII продатирована керамика, орнамент которой состоит из одиночных рядов конических ямок, разделяющих зоны, украшенные горизонтальными поясками ребенчатого штампа и плюсневыми оттисками («собачий нос») в четыре ряда (рис. 2, 1). Для нее получены даты 5880 ± 90 лет назад (Ki-15735) и 5720 ± 80 лет назад (Ki-15736).

Керамика Дубовского XII дала дату 5970 ± 90 лет назад (Ki-15737). Фрагменты ее были орнаментированы горизонтальными поясками оттисков ребенчатого штампа, разделенными одиночными рядами ямок (рис. 2, 2).

Все приведенные даты относятся к первой—началу второй четверти IV тыс. до н. э. и укладываются в хронологические рамки архаичного и раннельяловского этапов.

Более поздние даты получены по керамике поселения Галанкина Гора II. Фрагменты орнаментированы рядами вертикально и наклонно поставленных оттисков ребенчатого штампа, разделенных ямками в один ряд (рис. 2, 4). Полученные определения — 5430 ± 90 лет назад (Ki-15734) и 5610 ± 80 лет назад (Ki-15733).

В целом керамический материал этого памятника находит аналогии в раннельяловских комплексах. Значительная часть сосудов имеет примесь дресвы в тесте. Венчики прямые либо слабоотогнутые, в основном с округлым срезом. Ямки в орнаменте играют роль разделителя и на подавляющем большинстве сосудов нанесены в один ряд. Распространены наклонные, вертикальные и горизонтальные оттиски ребенчатого штампа, на двух сосудах ребенчатый штамп образует косую решетку. Единичные фрагменты орнаментированы оттисками косозубого штампа и прочерченными линиями.

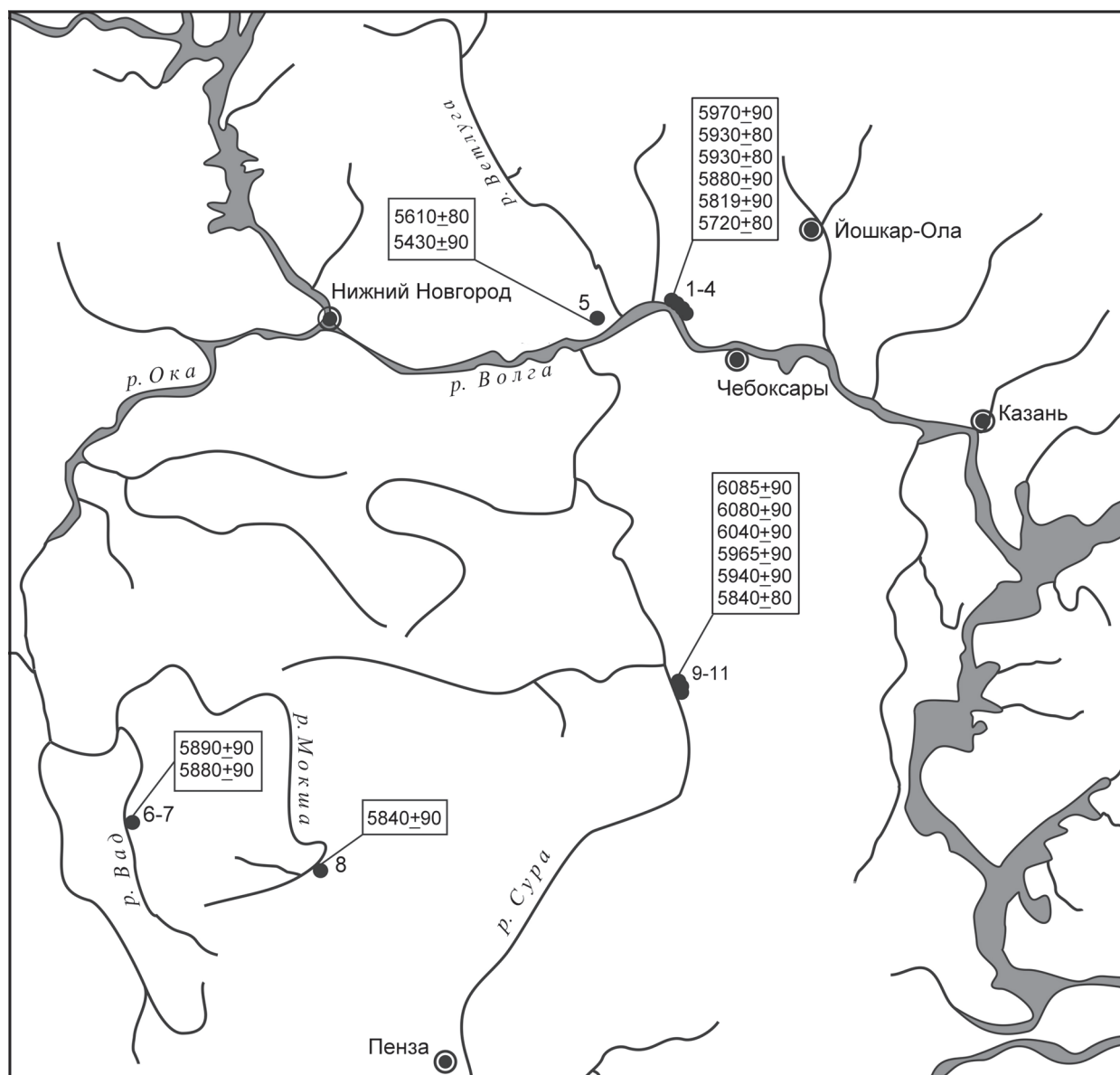

Рис. 1. Памятники с ямочно-гребенчатой керамикой Среднего Поволжья (по материалам которых получены радиоуглеродные даты):

1 — Дубовское III; 2 — Дубовское VIII; 3 — Дубовское XII; 4 — Отарское VI; 5 — Галанкина Гора II; 6 — Имерка IV; 7 — Имерка VIII; 8 — Озименки II; 9 — Утож I; 10 — Черненькое озеро III; 11 — Вьюново озеро II.

*Даты не калиброваны

Fig. 1. Sites with pit-comb Ware in the Middle Volga Region (which yielded materials for obtaining radiocarbon dates):

1 — Dubovskoye III; 2 — Dubovskoye VIII; 3 — Dubovskoye XII; 4 — Otarskoye VI; 5 — Galankina Gora II; 6 — Imerka IV; 7 — Imerka VIII; 8 — Ozimenki II; 9 — Utyuzh I; 10 — Chernen'koye Ozero III; 11 — V'yunovo Ozero II.

*Uncalibrated dates

И хотя можно было бы ожидать более ранних дат по описанным выше материалам, полученные определения близки к середине IV тыс. до н. э., то есть занимают промежуточное положение между ранним и средним этапами льяловской культуры, что не сильно противоречит относительной датировке данного комплекса.

Также следует учитывать то, что территория Марийского Поволжья находится на периферии

зоны распространения ямочно-гребенчатой керамики. Следовательно, развитие керамических традиций здесь, скорее всего, отличалось от Волго-Окского междуречья.

Материалы ямочно-гребенчатого типа в Приокшанье хронологически неоднородны. К такому выводу пришел В. В. Ставицкий, сопоставив керамику этого региона с материалами Волго-Окского междуречья. По его мнению, на памят-

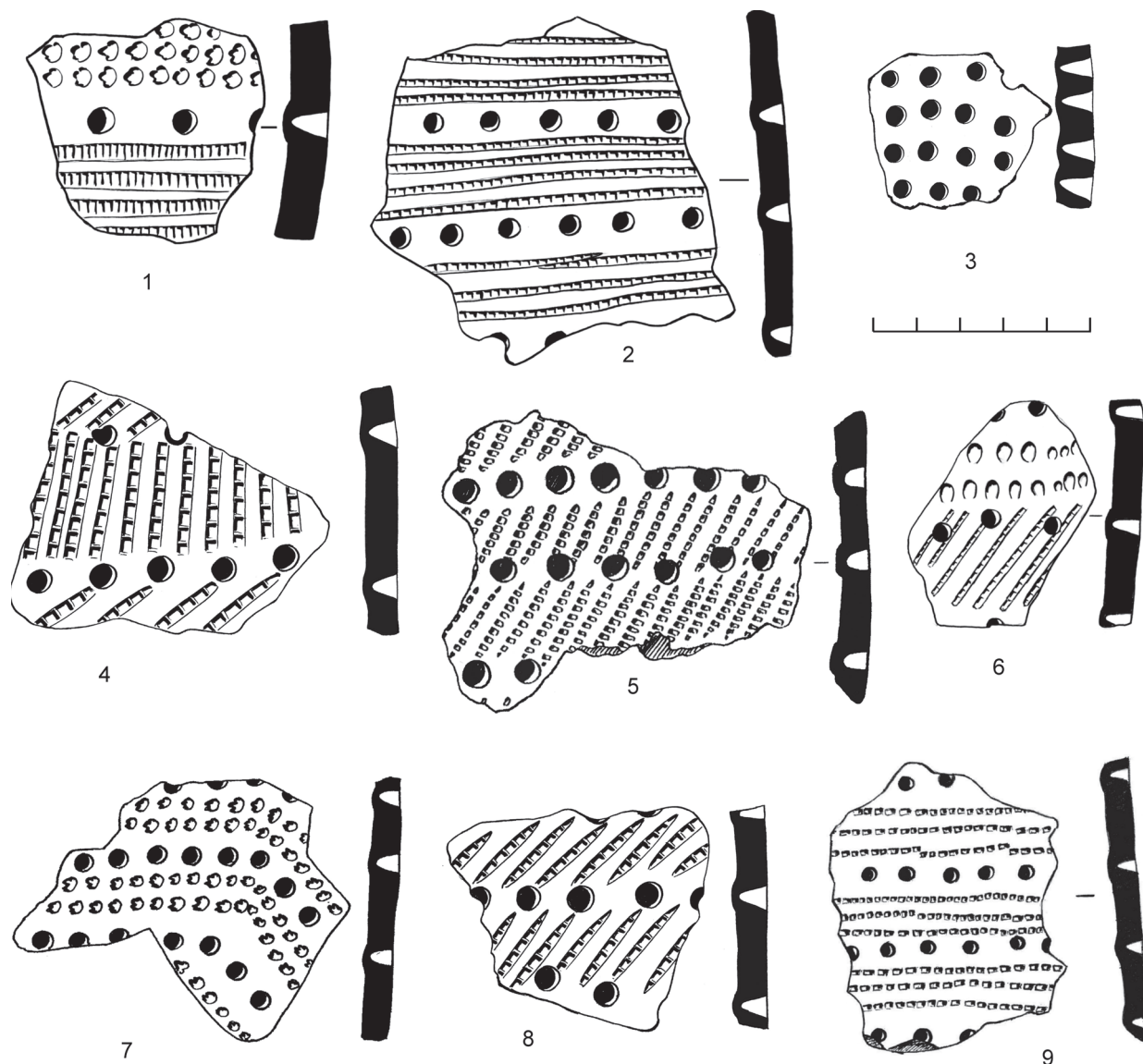

Рис. 2. 1–9 — Датированные образцы ямочно-гребенчатой керамики

Fig. 2. 1–9 — Radiocarbon-dated examples of pit-comb Ware

никах Примокшанья представлена керамика раннего и среднего этапов льяловской культуры, которые относятся к периоду от первой до последней четверти IV тыс. до н. э. (Ставицкий, 1999. С. 173–174).

Еще до исследования стратифицированных памятников в Волго-Окском междуречье вопрос о хронологии ямочно-гребенчатой керамики имеркских стоянок рассматривали В. П. Третьяков и А. А. Выборнов. По данным стратиграфических наблюдений за распределением максимумов залегания групп гребенчато-накольчатой и ямочно-гребенчатой керамики и радиоуглеродной дате 5660 ± 100 лет назад (Le-2313) по слою стоянки Имерка III, где эти группы керамики залегали совместно, они определили хронологиче-

ские рамки памятников с ямочно-гребенчатой керамикой в данном регионе IV тыс. до н. э. (Третьяков, Выборнов, 1988. С. 34–35).

В настоящее время радиоуглеродные даты получены по материалам стоянок Имерка IV, VIII на р. Вад (рис. 1, 6–7) и Озименки II на Верхней Мокше (рис. 1, 8).

По мнению В. В. Ставицкого, основная масса ямочно-гребенчатой керамики стоянки Имерка IV относится к среднему этапу льяловской культуры. Действительно, большую часть ямочно-гребенчатой керамики этого памятника по ряду признаков (многорядовые ямочные композиции, отход от строгой горизонтальной зональности орнамента и усложнение композиций, присутствие полулунных оттисков) следует относить к

среднему этапу. Однако в материалах этой стоянки также присутствуют фрагменты, сопоставимые с керамикой раннельяловского облика. Для датировки были взяты фрагменты сосуда, орнаментированного плюсневыми оттисками (рис. 2, 7). Аналогичные оттиски встречаются на посуде архаичного и раннего этапов (*Энговатова*, 1997. С. 56–58). Однако известны случаи, когда этот элемент орнамента «доживает» и до позднего этапа (*Сидоров, Ставицкий*, 2003. С. 118). Кроме того, сомнение относительно вероятности ранней даты выбранного образца могло вызвать то, что орнамент на данном сосуде был нанесен не строго горизонтально, а волнообразно, образуя местами даже подобие ромбов в сочетании с ямками (*Ставицкий*, 1999. С. 159. Рис. 61, 1). Тем не менее полученная дата — 5880 ± 90 лет назад (Ki-16167) близка датировке раннельяловской керамики, что может свидетельствовать о появлении подобного стиля орнамента в Примокшанье уже в первой четверти IV тыс. до н. э.

Ямочно-гребенчатая керамика стоянки Имерка VIII также хронологически неоднородна. А. И. Королев и В. В. Ставицкий выделили здесь два комплекса — ранний, имеющий аналогии в материалах раннельяловского этапа, и поздний, синхронный с посудой развитого этапа льяловской культуры. Керамика со сплошным орнаментом из ямочных элементов, по мнению авторов, в большинстве своем связана с поздним комплексом, так как на посуде среднего этапа льяловской культуры ямки играют более заметную роль, выглядят крупнее и располагаются плотнее (*Королев, Ставицкий*, 2000. С. 30–34). Для датирования были взяты фрагменты сосуда, орнаментированного только ямками (рис. 2, 3). Полученная дата — 5890 ± 90 лет назад (Ki-16036) — более ранняя, чем хронологические рамки среднего этапа. Судя по всему, ее нужно соотносить с ранним комплексом ямочно-гребенчатой керамики этого поселения.

Данных по хронологии керамики, сопоставимой со среднельяловскими типами, для этого региона пока нет. Для решения этой проблемы необходимо датировать посуду поздних комплексов стоянок Имерка IV, VIII и др.

Ямочно-гребенчатая керамика стоянки Озименки II находит аналогии в посуде раннего этапа льяловской культуры, что было отмечено и авторами раскопок. В орнаментации посуды распространены оттиски наклонно и горизонтально поставленного гребенчатого штампа, короткоовального зубчатого. Присутствуют оттиски плюсневого и косозубого штампов, практически нет

полулунных вдавлений. Композиция имеет строгую горизонтальную зональность. Зоны, орнаментированные штампом, разделены ямками, нанесенными в один или два ряда. По аналогии с раннельяловским слоем поселения Воймежное I материалы стоянки Озименки II были датированы второй четвертью IV тыс. до н. э. (*Выборнов и др.*, 2007. С. 78–79). Радиоуглеродное определение по керамике (рис. 2, 5) — 5840 ± 90 лет назад (Ki-14571) (Там же. С. 70) — близко к этой датировке.

В бассейне р. Суры до недавнего времени памятники с ямочно-гребенчатой керамикой практически не были известны. В связи с открытием и исследованием группы стоянок в Среднем Поволжье встает вопрос об их относительной и абсолютной хронологии. Радиоуглеродные определения получены по образцам с трех памятников — Утюж I, Черненькое озеро III и Вьюново озеро II (рис. 1, 9–11).

Керамика этих памятников по ряду признаков очень близка. Основную долю орнаментальных мотивов составляют оттиски гребенчатого штампа, которые нанесены наклонно, горизонтально, реже вертикально, либо образуя косую решетку. Часто применялись наклонные овальные ямчатые вдавления, в единичных случаях — прочерченные линии и плюсневые оттиски (*Кондратьев*, 2008. С. 137–138).

Радиоуглеродные даты были получены для образцов, в орнаменте которых присутствуют мотивы, наиболее характерные для этой группы памятников: Утюж I — горизонтальные оттиски гребенки, разделенные одним рядом конических ямок (рис. 2, 9), — 5940 ± 90 лет назад (Ki-15641), 6080 ± 90 лет назад (Ki-15640); Черненькое озеро III — ряды наклонных оттисков гребенчатого штампа, разделенные одним рядом конических ямок (рис. 2, 8), — 5840 ± 80 лет назад (Ki-15195), 6040 ± 90 лет назад (Ki-15200); Вьюново озеро II — ряды наклонных оттисков гребенчатого штампа и наклонных овальных ямчатых вдавлений, разделенные одним рядом ямок (рис. 2, 6), — 5965 ± 90 лет назад (Ki-15620), 6085 ± 90 лет назад (Ki-15626). Эта керамика находит аналогии в материалах раннельяловского этапа, однако полученные даты несколько древнее хронологических рамок этого периода льяловской культуры и относятся к рубежу V–IV тыс. до н. э.

Таким образом, полученные даты дают основание предполагать, что время бытования памятников с керамикой ямочно-гребенчатого типа в Среднем Поволжье определяется первой половиной IV тыс. до н. э. Несмотря на незначительные

расхождения с периодизацией и хронологией льяловской культуры, мы можем сопоставлять материалы этих двух регионов, по крайней мере в рамках раннего этапа. Что же касается материалов более позднего времени, то керамических комплексов, достоверно сопоставимых со средним и, особенно, поздним этапом льяловской культуры, на территории Среднего Поволжья известно гораздо меньше. Посуда, имеющая аналогии в материалах среднего этапа, известна в Примокшанье (Ставицкий, 1999. С. 174), а в льяловских материалах позднего этапа — в Марийском Поволжье (Никитин, 2004. С. 243). Однако данных об их абсолютной хронологии пока нет.

- Брюсов, 1952 — Брюсов А. Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
- Выборнов и др., 2007 — Выборнов А. А., Королев А. И., Ставицкий В. В. Неолитическая керамика стоянки Озименки II на р. Мокше // Верхнедонской археологический сборник. Липецк; СПб., 2007. Вып. 3.
- Выборнов и др., 2008 — Выборнов А. А., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В. К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: западный регион // РА, 2008. № 4.
- Жуков, 1929 — Жуков Б. С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. М.; Л., 1929. № 1.
- Кондратьев, 2008 — Кондратьев С. А. О своеобразии ямочно-гребенчатой керамики Верхнего Примокшанья и Среднего Посурья // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Пенза, 2008. Т. 1, вып. 2.
- Королев, Ставицкий, 2000 — Королев А. И., Ставицкий В. В. Неолитическая керамика поселения Имерка 8 // Древности Окско-Сурского междуречья. Саранск, 2000. Вып. 2.
- Никитин, 1996. — Никитин В. В. Каменный век марийского края. Йошкар-Ола, 1996 (Труды марийской археологической экспедиции. Т. 4).
- Никитин, 2004 — Никитин В. В. Культура носителей ямочно-гребенчатой посуды Средней Волги в системе Волго-Окского неолита // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004.
- Полякова, 1973 — Полякова Г. Ф. Неолитические племена верхнего течения р. Оки // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. М., 1973 (МИА. № 172).
- Раушенбах, 1970 — Раушенбах В. М. Племена льяловской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М., 1970.
- Сидоров, 1986 — Сидоров В. В. Льяловская культура западной части Волго-Окского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
- Сидоров, Ставицкий, 2003 — Сидоров В. В., Ставицкий В. В. Локальные варианты льяловской культуры бассейна реки Оки // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Пенза, 2003.
- Ставицкий, 1999 — Ставицкий В. В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза, 1999.
- Третьяков, 1966 — Третьяков В. П. Неолитические племена Волго-Окского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1966.
- Третьяков, 1972 — Третьяков В. П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л., 1972.
- Третьяков, Выборнов, 1988 — Третьяков В. П., Выборнов А. А. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев, 1988.
- Фосс, 1952. — Фосс М. Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР. М., 1952 (МИА. № 29).
- Халиков, 1969. — Халиков А. Х. Древнейшая история Среднего Поволжья. М., 1969.
- Цветкова, 1963 — Цветкова И. К. Стоянки балахинской культуры в области нижнего течения Оки // Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья. М.; Л., 1963 (МИА. № 110: Труды Горьковской археологической экспедиции).
- Цветкова, 1973 — Цветкова И. К. Неолитические племена рязанского течения р. Оки // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. Л., 1973 (МИА. № 172).
- Цетлин, 1991 — Цетлин Ю. Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. М., 1991.
- Энговатова, 1997 — Энговатова А. В. Древние охотники и рыболовы Подмосковья. По материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы — Воймежное I. М., 1997.
- Энговатова, 1998 — Энговатова А. В. Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Тверской археологический сборник. Тверь, 1998. Вып. 3.

On the Chronology of Sites with Pit-Comb Ware in the Middle Volga Region

S. A. Kondrat'yev

The problem of the chronology of sites with pit-comb ware in the Middle Volga region so far has not been ultimately solved. Besides, some areas of this vast region have been only poorly studied. With revealing new sites with pit-comb ware the question arises of their dating. In solving this problem, materials of the Lyalovo culture of the Volga-Oka interfluvial area can be of help. Indeed, its chronology is now most reliably defined. Besides the territorial closeness, this is due also to the fact that the Volga-Oka interfluvial area is the most probable origin of dispersal of the tradition of pit-comb pottery decoration to the Middle-Volga region.

Now a possibility has appeared to make the chronology of the sites at the Middle Volga more precise due to the method of the radio-carbon dating of the pottery. Samples from 11 sites of the Middle Volga region have yielded 17 uncalibrated dates (Fig. 1). All the fragments dated are in terms of their features similar to materials of the Archaic and the early stages of the Lyalovo culture (Fig. 2). According to the modern notions, the Archaic stage is dated to the period from the turn between the 5th and 4th millennium to the first quarter

of the 4th millennium BC, whereas the early stage is dated from the first quarter of the 4th to the middle of the 4th millennium BC (*Энговатова*, 1998. P. 245). The dates yielded by the pottery, with slight exceptions, belong to the period from the turn of the 4th millennium to the mid-4th millennium BC.

These dates suggest that the time of occupation of the sites with pit-comb pottery in the Middle Volga area is the first half of the 4th millennium BC. Notwithstanding a slight discrepancy with the periodization and chronology of the Lyalovo culture, we are able to compare the materials from these two regions, at least within the frame of the early stage. As to the evidence of the later period, considerably less numerous complexes, reliably comparable to that of the middle and particularly the late phases of the Lyalovo culture, are known. Pottery with parallels among the finds from the middle stage of the Lyalovo culture is reported from the Moksha River region (*Ставицкий*, 1999. P. 174), and that of the late stage is found in the Mari Volga area (*Никитин*, 2004. P. 243). However, there are so far no data on their absolute chronology.

Технология изготовления сланцевых макроорудий на Оленеостровской мезолитической стоянке¹

А. Ю. Тарасов²

Оленеостровская мезолитическая стоянка, расположенная в непосредственной близости от Оленеостровского могильника и исследованная несколькими поколениями археологов (Гурина, 1956. С. 423–429; Филатова, 1971; 2004б; Панкрушев, 1978. С. 102–104), является одним из эталонных памятников для позднего мезолита бассейна Онежского озера. Одной из основных особенностей этой стоянки является значительное количество предметов, связанных с изготовлением рубящих орудий (макроорудий) из сланца, превышающее общее количество предметов, относящихся к другим категориям инвентаря. В связи с этим даже высказывалось мнение, что памятник является стоянкой-мастерской (Панкрушев, 1958), позднее поставленное под сомнение (Филатова, 1971). Недавние (2007 г.) раскопки на памятнике, проведенные по современной методике экспедицией ИИМК РАН и Музея Кижы, и результаты изучения полученного каменного инвентаря с использованием технологического и трасологического (Поплевко, 2009) анализа подтвердили мнение В. Ф. Филатовой о том, что на стоянке была представлена разнообразная хозяйственная деятельность, не сводившаяся только к производству макроформ.

Вместе с тем полученный за все годы исследований стоянки богатый технологический контекст индустрии макроформ, в котором представлены все этапы «жизненного цикла» рубящих инструментов, начиная от поиска сырья и заканчивая утилизацией сломанных предметов, позволяет подробно реконструировать техноло-

гию производства макроорудий в позднем мезолите Южной Карелии. Описанию основных особенностей этой технологии посвящена данная статья. В работе анализируются предметы из раскопок Г. А. Панкрушева в 1955–1957 гг., В. Ф. Филатовой — в 1972 г., а также материалов из раскопа 2007 г. (рис. 1–3) (табл. 1).

Сырьевая основа индустрии. В почве Южного Оленьего острова, как и во многих местах Южной Карелии, содержится огромное количество обломочного сланцевого материала, представленного валунами, гальками и плитками разного размера. Эти отдельности сырья часто естественным образом (то есть без участия человека) расслаиваются вдоль плоскостей сланцеватости (Геологический словарь, 1978. С. 338). Взятые из почвы, а также, вероятно, подобранные вдоль береговой линии острова куски сланца и являлись сырьем для производства макроорудий. Установлено, что в большинстве случаев исходными заготовками для орудий служили сланцевые плитки (251 экз.), встречаются заготовки — крупные отщепы (33 экз.), а также округлые гальки и небольшие валуны (39 экз.).

Свойства сланца, важные для обработки и качества готовых инструментов, изменяются в очень широких пределах. Основным таким свойством можно считать твердость, хотя следует также учитывать зернистость и сланцеватость. Твердое (6–7 по шкале Мооса) и однородное, то есть мелкозернистое и слабо предрасположенное к расслаиванию на плитки, сырье можно считать наиболее качественным, поскольку твердое лезвие дольше сохраняется более или менее острым. В то же время значительная твердость сырья увеличивает время, необходимое для абразивной обработки.

При анализе готовых орудий и заготовок из Оленеостровской стоянки было проведено определение указанных выше характеристик сырья по трехбалльной шкале — «сильно», «средне», «слабо» (оценка зернистости и сланцеватости произ-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 08-01-00410а «Комплекс археологических памятников на Южном Оленьем острове Онежского озера»).

² Россия, 185610, Петрозаводск, Пушкинская ул., 11. Институт языка, литературы, истории Карельского Научного центра РАН.

© А. Ю. Тарасов, 2011

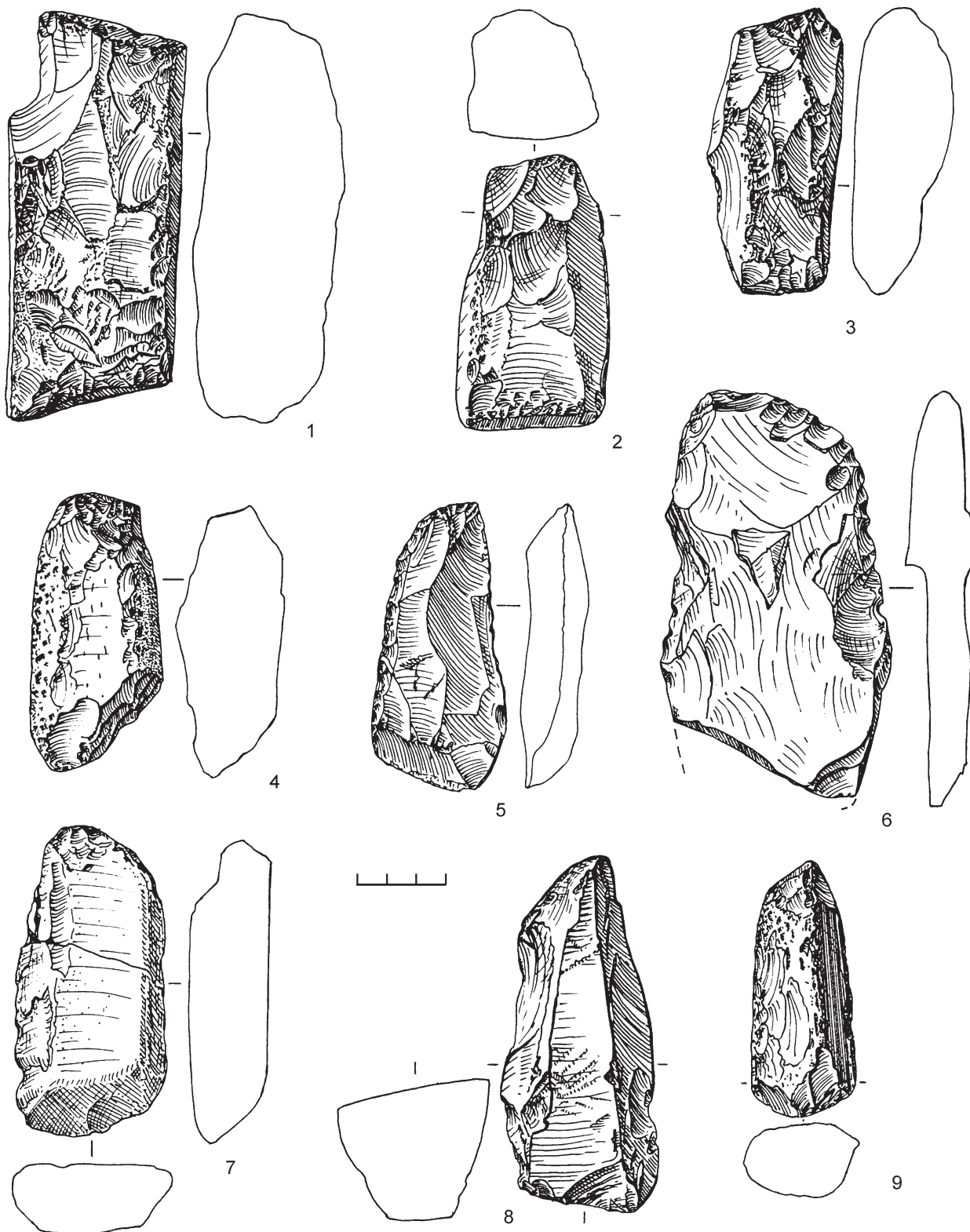

Рис. 1. Заготовки макроорудий из Оленеостровской стоянки (раскоп 2007 г.), сланец
 Fig. 1. Blanks for macro-tools from the Oleneostrovskaya camp-site (excavation of 2007), chert

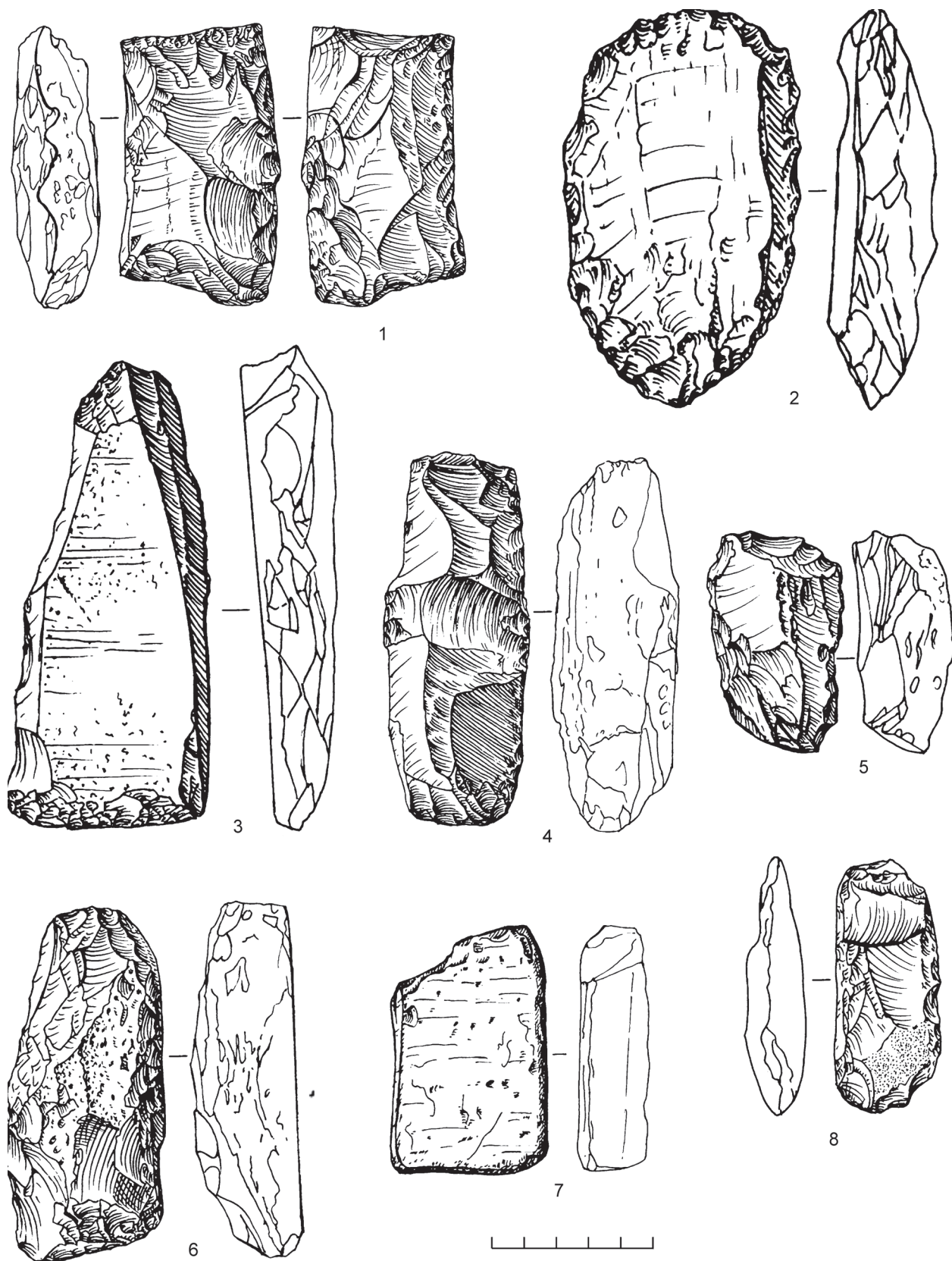

Рис. 2. Макроорудия из Оленеостровской стоянки, сланец: 1–7 — заготовки, 8 — тесло.

1, 4, 6–7 — раскоп 1956 г.; 2–3 — раскоп 1957 г.; 5 — раскоп 1955 г.; 8 — раскоп 1972 г.

Fig. 2. Macrotools from the Oleneostrovskaya camp-site, chert: 1–7 — blanks, 8 — adze.

1, 4, 6–7 — excavation of 1956; 2–3 — excavation of 1957; 5 — excavation of 1955; 8 — excavation of 1972.

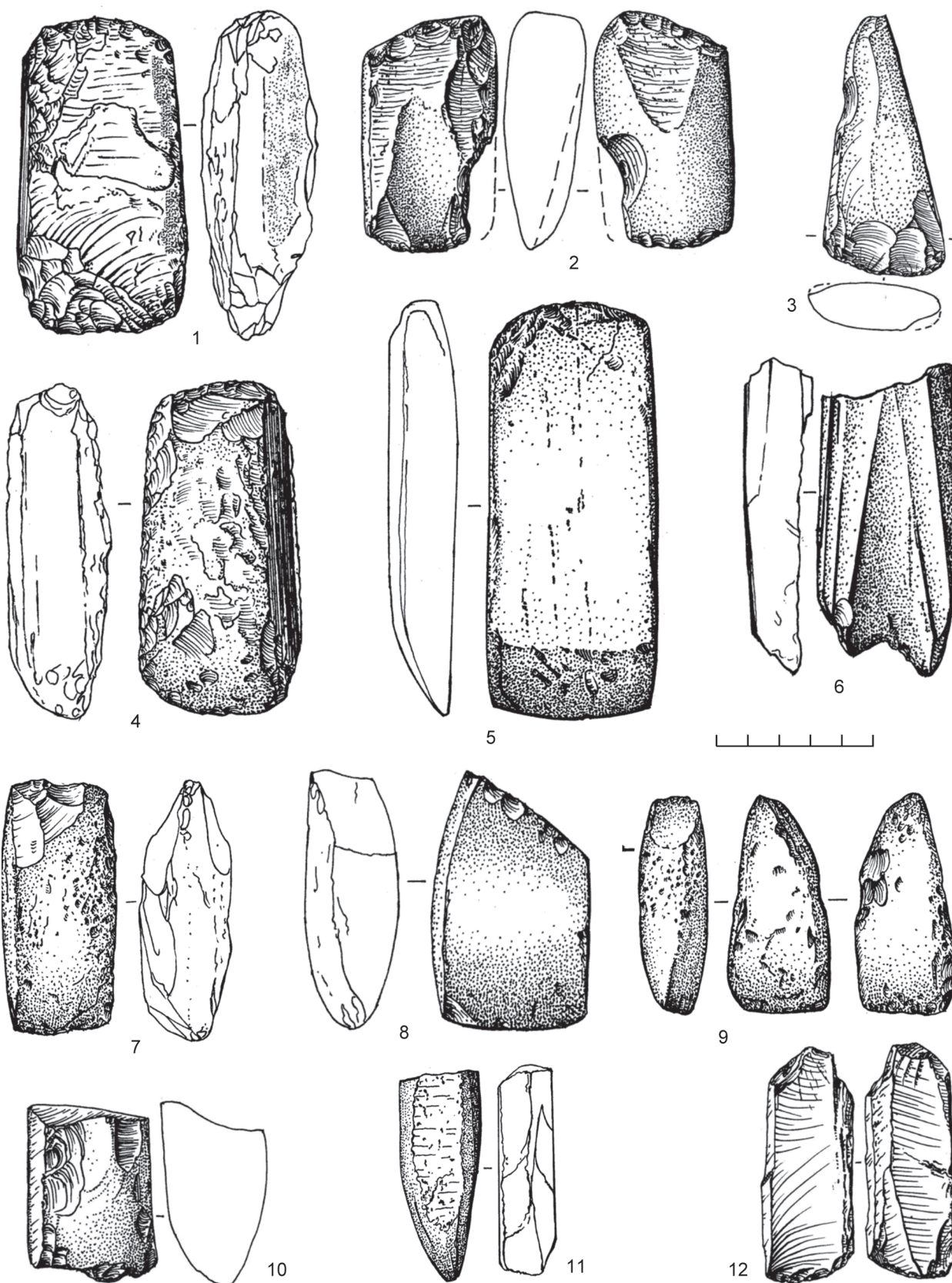

Рис. 3. Готовые макроорудия из Оленеостровской стоянки, сланец: 1, 4, 7, 9-10 — топор; 2, 5, 12 — желобчатое тесло (?); 3, 6, 8 — тесло; 11 — киркообразное орудие.

1, 4-6 — раскоп 1955 г.; 2-3, 10, 12 — раскоп 2007 г.; 7, 11 — раскоп 1957 г.; 8-9 — раскоп 1956 г.

Fig. 3. Finished macrotools from the site of Oleneostrovskaya, chert: 1, 4, 7, 9-10 — axe; 2, 5, 12 — fluted adze (?); 3, 6, 8 — adze; 11 — pick-like tool.

1, 4-6 — excavation of 1955; 2-3, 10, 12 — excavation of 2007; 7, 11 — excavation of 1957; 8-9 — excavation of 1956.

Таблица 1. Оленеостровская стоянка. Количественный состав проанализированных коллекций макроорудий
Table 1. Oleneostrovskaya camp-site. Quantitative composition of the examined collections of macrotools

	Годы раскопок	1955	1956	1957	1972	2007	Всего
Сколы	Отщепы	3	23	75	319	5671	6091
	Опилки	5	20	24	2	16	67
	Сколы со шлиф. орудий	9	10	7	3	99	128
	Всего	17	53	106	324	5786	6286
Орудия и заготовки	Тесла	2	7	1	1	2	13
	Желобчатые тесла	1	2	2		2	7
	Топоры	3	3	5		2	13
	Стамески			2			2
	Киркообразные орудия		3				3
	Клин		1				1
	Макросверло		1				1
	Обломки	9	13	6	4	2	34
	Заготовки	30	79	60	28	89	286
	Всего	45	109	76	33	97	360
	Всего находок	62	162	182	357	5883	6646

водилась «на глаз»). Наиболее частым оказалось сочетание невысокой твердости (меньше 5 по шкале Мооса) и средних показателей зернистости и сланцеватости (156 экз., 43 %). Также довольно многочисленны образцы с небольшой твердостью, средней зернистостью и сильно выраженной сланцеватостью (58 экз., 16 %). В целом, абсолютно преобладают изделия из мягкого материала: 279 экз. (77, 3 % орудий и заготовок).

Соотношение изделий из твердого и мягкого материала среди завершенных орудий и заготовок различается не очень существенно: 53 из 97 готовых орудий сделаны из мягкого сланца, среди заготовок — 231 из 264. Таким образом, можно утверждать, что мягкое сырье не выбраковывалось в процессе обработки и действительно применялось для создания большинства орудий на стоянке. По всей видимости, такое распределение отражает примерное соотношение кусков сланца разного качества на острове. Намеренный отбор более качественного материала не фиксируется.

Данная особенность подбора сырья вполне сочетается с особенностями технологии, которая, как будет показано, предполагала минимум обработки, преимущественное использование очень простых техник и приводила в итоге к изготовлению орудий не очень высокого качества.

Технологический анализ индустрии сланцевых макроорудий. Технологический анализ основывается на методике, предложенной в работах Е. Ю. Гиря (Гиря, 1997) и П. Е. Нехорошева (Нехорошев,

1999). Необходимо упомянуть, что технология изготовления макроорудий в Карелии предполагала два основных этапа: создание общей формы орудия, главным образом с помощью техник расщепления, и завершающая абразивная обработка. Абразивные техники могли использоваться и на первом (формообразующем) этапе. Однако на данном этапе сфера их применения была довольно ограниченной, поскольку попытка изготовить орудие только с помощью шлифовки из куска, с которого требуется удалить очень большой объем лишней породы, вела бы к очень большой потере времени. В каменном веке для такой операции могла использоваться только мускульная сила человека. Поэтому такие абразивные техники, как шлифовка и полировка, применялись преимущественно на этапе чистовой (вторичной) обработки, задача которой заключалась в выравнивании неровностей микрорельефа заготовки и окончательной заточке лезвия.

Последовательность расщепления. Основные приемы обработки. В ходе морфологического анализа орудий и заготовок, основываясь на закономерностях процесса расщепления, установленных в том числе и благодаря собственным экспериментальным работам, был выделен ряд технологических приемов, использовавшихся для создания общей формы орудий. Под приемом понимается способ конкретного применения той или иной техники, действия, направленные в соответствии с конкретной целью на изменение морфо-

логии обрабатываемого предмета. Вывод об использовании того или иного приема делался на основании особенностей расположения и ориентировки сколов или следов использования абразивных техник (пиление, шлифование) на предмете расщепления. Определения делались для заготовок и готовых орудий, у которых вторичная абразивная обработка не уничтожила полностью следы от обработки на этапе формообразования.

Выделены следующие приемы:

1) «Краевой бифас» — грубая двусторонняя обработка, негативы сколов короткие, концентрируются «по краям изделия» (рис. 2, 2, 8).

2) Грубый бифас — грубая двусторонняя обработка, затрагивающая всю поверхность изделия и полностью изменяющая форму естественной заготовки (рис. 1, 5; 2, 5).

3) Унифас (рис. 1, 7) и «двусторонний унифас» (рис. 1, 1, 3, 6; 2, 1; 3, 10). Прием предполагает снятие сколов с широких граней заготовки, обычно параллельно плоскостям сланцеватости, при использовании боковых граней заготовки в качестве площадки (рис. 4, 1). Отличительной чертой такого приема является то, что угол скалывания очень быстро становится тупым, поскольку в проксимальной части сколы обычно толще, чем в дистальной. Если направление снятия сколов параллельно плоскостям сланцеватости на заготовке, расщепление при таких углах скалывания проблемой не является.

4) Поперечные сколы с боковой грани заготовки-плитки (рис. 1, 8; 2, 3).

5) Плоская подтедка бруска с боковых сторон, предварительно обработанных поперечными сколами (flake-axe), использовалась только на предметах, первичными заготовками для которых послужили крупные отщепы.

6) Длинный скол. Прием, выделенный В. Ф. Филатовой (Филатова, 2004а. С. 76), заключается в отсечении боковой грани плитчатой заготовки при использовании торцевой поверхности в качестве площадки, наподобие резцового скола.

7) Использование биполярной техники.

Все вышеперечисленные приемы являются приемами техник расщепления.

К приемам абразивных техник, использовавшимся на этапе формообразования, относятся:

8) Пиление (42 экз., рис. 2, 7; 3, 8; 4, 2).

9) Шлифование без предварительного расщепления. Использовалось только для обработки таких исходных заготовок, которые требовали минимальной подправки для превращения их в орудие (рис. 3, 3, 11).

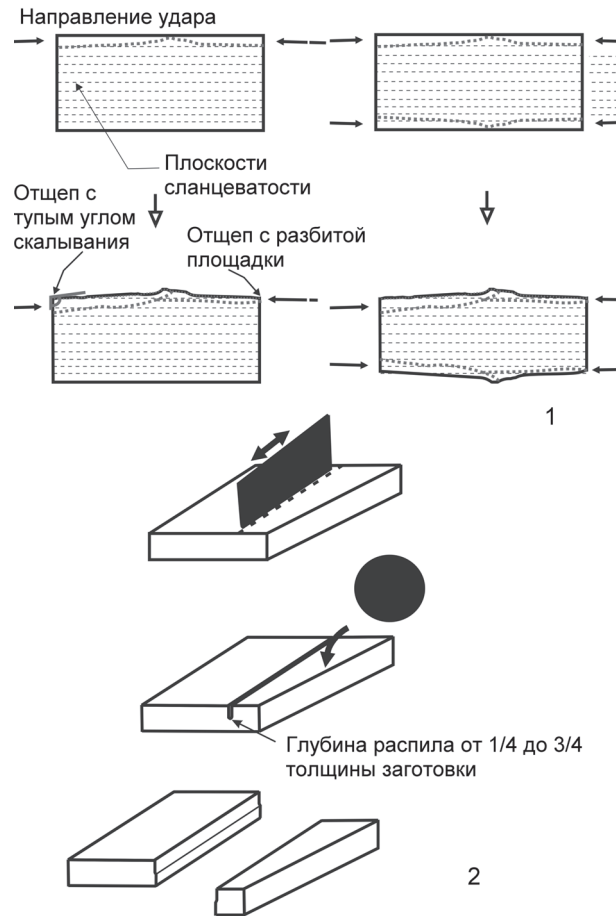

Рис. 4. Формообразующие приемы: 1 — «унифас» и «двусторонний унифас»; 2 — одностороннее пиление
 Fig. 4. Shaping techniques: 1 — «unifasc» and «two-sided unifasc»; 2 — one-sided sawing

Наконец, наряду с техниками расщепления и абразивными использовался также пикетаж, который является промежуточным между ними: как и техники расщепления, основанный на ударе, он предполагает удаление за один технологический акт незначительного объема поверхностного слоя породы, раздробленного в результате удара.

10) Пикетаж. Использование данной техники рассматривается как формообразующий прием в тех случаях, когда следы от ее использования покрывают значительную площадь поверхности изделий (рис. 3, 9).

Очень часто на одной заготовке можно видеть следы использования двух или трех приемов (рис. 1, 2, 4, 9; 2, 4, 6; 3, 1, 4, 7). В общей сложности, комбинированные варианты отмечены для 106 предметов (39 %). Наиболее распространенной является комбинация пиления и «двустороннего унифаса» или «унифаса» (57 экз., 21 %) (рис. 1, 2, 9; 3, 1, 4). Частота использования указанных приемов представлена на графике (рис. 5, 1). При его под-

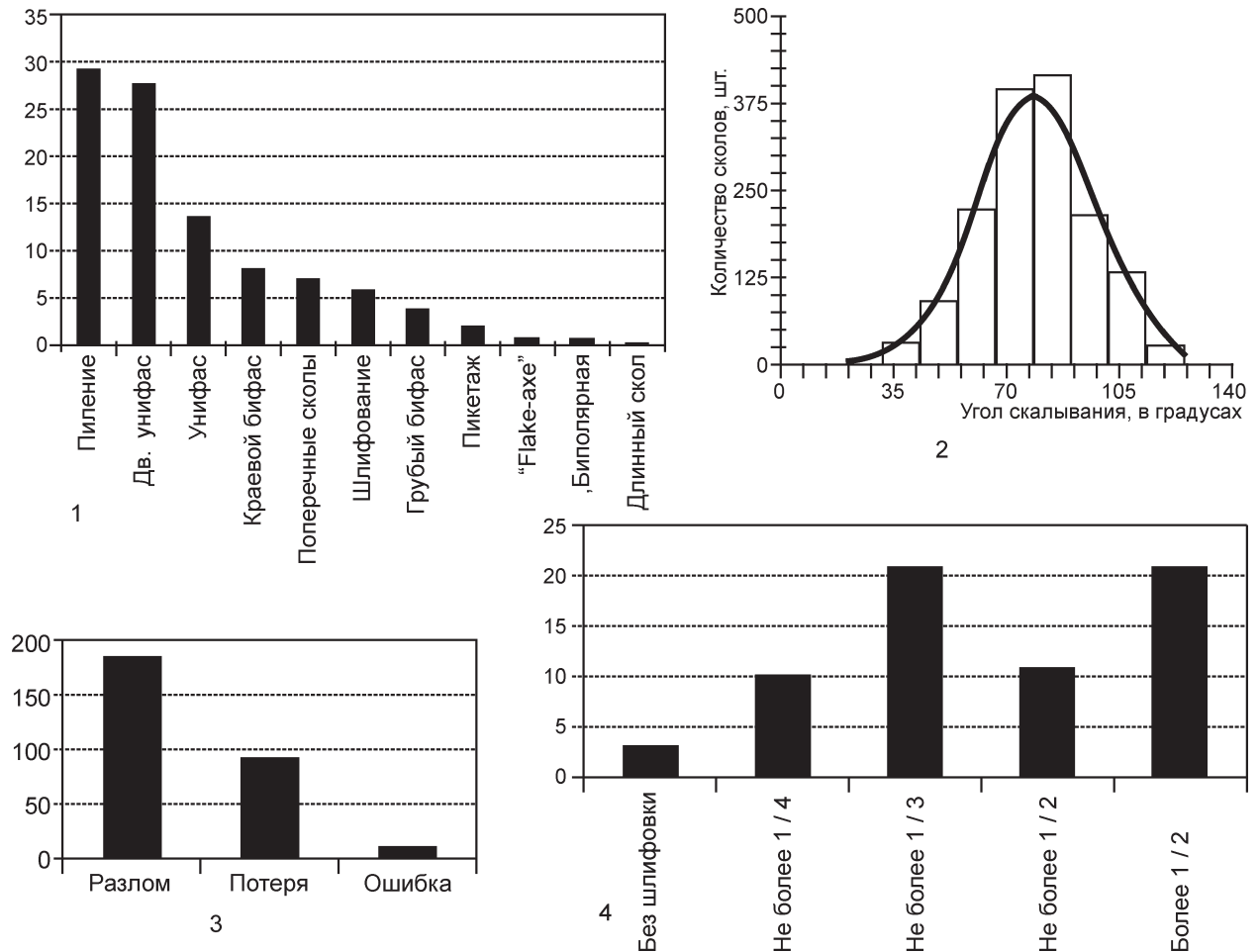

Рис. 5. Некоторые статистические характеристики: 1 — частота использования различных формообразующих приемов (в процентах); 2 — угол скалывания сланцевых отщепов, в градусах; 3 — причины выбраковывания заготовок (в процентах); 4 — количество орудий, зашлифованных на различной площади (в процентах)

Fig. 5. Statistic characteristics: 1 — the frequency of application of different Shaping techniques (percents); 2 — angle of flaking chert, degrees; 3 — the reasons for rejecting the blanks (percents); 4 — amount of tools ground through different areas (percents)

готовке учитывался каждый отдельный случай, то есть предмет, который имеет следы использования более чем одного приема, считался более одного раза.

Все описанные приемы обработки заготовок достаточно простые и не требуют высокой квалификации мастера. Одновременно с этим они предполагают очень невысокую степень преобразования формы исходной заготовки. По сути дела, с их помощью, во-первых, отсекается лишняя часть заготовки, во-вторых, удаляются наиболее выступающие участки. Среди приемов расщепления, представленных на памятнике, наиболее сложным, приводившим к особенно высокой степени изменения формы исходной заготовки можно считать «грубый бифас». Хотя и при его использовании расщепление оставалось конкретно-ситуационным и перманентным (Гиря, 1997. С. 49).

Показательно, что этот прием одновременно является и одним из наиболее редко используемых. Также в числе самых редких оказываются шлифование и пикетаж, которые, не являясь сложными с технической точки зрения, требовали больших временных затрат, если с их помощью удалять большой объем лишнего материала.

Сколы-отходы. Характеристика техники скола. Среди сланцевых отщепов с сохранившейся проксимальной частью (2669 экз.) преобладают сколы с «разбитыми» площадками (48 %). Они напоминают вершины или, чаще, ребра биполярных сколов. Как правило, они очень тонкие. Такого рода сколы, несомненно, были получены с помощью удара жестким отбойником; признаков подготовки зоны расщепления они не имеют. Наибольшая их часть снималась в ходе использования приемов, обозначенных выше как «унифас» и

«двусторонний унифас» (рис. 4). Преобладание таких сколов в выборке соответствует тому, что заготовки с признаками использования названных приемов встречаются чаще всего.

На втором месте по численности — отщепы с площадками, сформированными одним сколом (37,5 %). Площадка покрыта коркой у 10 % отщепов, фасетированные площадки — у 4,5 %. Столь малое число свидетельствует, что двусторонняя обработка для изготовления сланцевых макроорудий применялась относительно редко, что уже было отмечено в ходе описания заготовок и готовых орудий. Наконец, один раз встречена площадка, сформированная распилом.

Углы скалывания в среднем равняются 79° (минимальное значение в выборке — 20°, максимальное — 125°). Очень значительное число отщепов имеют углы скалывания более 90° (рис. 5, 2). Это является результатом частого использования приемов «унифас» и «двусторонний унифас».

Среди отходов производства сланцевых орудий, как уже указывалось, имеются опилки — мелкие отпиленные куски сланцевых отдельностей сырья, а также сколы, снятые с пиленых заготовок и содержащие участки пиленой поверхности на площадке, дорсальном или вентральном фасе. В коллекции 2007 г. — таких отходов всего 16 экз. и 50 экз. — в коллекциях более ранних работ на памятнике. Относительно небольшое число этих предметов в сравнении с количеством заготовок и орудий, при обработке которых использовалось пиление, вероятнее всего, объясняется тем, что часто отпиленные куски были довольно крупными. Они сами могли становиться заготовками и по этой причине были включены в число заготовок.

О применяемой при расщеплении технике скола можно судить как по некоторым деталям морфологии готовых орудий и заготовок, так и на основании характеристик отщепов, являвшихся отходами производства макроорудий. Характеристики абсолютного большинства заготовок и готовых орудий позволяют предполагать, что при их обработке использовался удар жестким отбойником. Об этом свидетельствуют глубокие негативы сколов, наличие хорошо различимой забитости в точке приложения ударов больше чем у половины заготовок (192 экз., 67,1 %), иногда также затрагивающей более широкие участки поверхности в результате нескольких неудачных попыток снять скол («ненамеренный» пикетаж зафиксирован на 39 заготовках). Только в одном случае очень плоские и широкие негативы сколов позволили предполагать использование мягкого отбойника.

На трех отщепах (0,1 %) присутствовали следы пиления, предшествовавшего отделению этих сколов с помощью расщепления. Данные сколы получились, очевидно, во время отделения лишних кусков породы от пиленой заготовки. Остальные 27,4 % не имели признаков, свидетельствующих о технологии их получения. В их числе фрагментированные сколы без проксимальной части (39,3 % от данной выборки), бесформенные осколки (3,1 %); остальные предметы представлены обломками расслоившихся плиток, которые могут быть результатом как деятельности человека, так и действия природных факторов.

У 73,1 % сланцевых сколов с сохранившейся проксимальной частью имеются различные невооруженным глазом трещины и выщербины в точке приложения удара. У 3,7 % — помимо трещин в проксимальной части также заметны участки забитости — «ненамеренного пикетажа». У 86,1 % сколов с сохранившейся проксимальной частью имеется выраженный выпуклый ударный бугорок. Эти данные свидетельствуют о преобладающем использовании техники удара жестким отбойником. Отсутствие ударного бугорка почти у половины выборки можно объяснить влиянием сланцеватости, поскольку при снятии скола параллельно плоскости сланцеватости бугорок может не образовываться.

Метрические признаки сколов в данном случае затруднительно использовать для установления техники скола, поскольку помимо характера силового импульса, приложенного для их отделения от заготовки, как это имеет место в случае с кремнем и кварцем (Тарасов, 2008), сильное влияние на их размеры оказывала также сланцеватость. Сколы, снятые жестким отбойником параллельно плоскости сланцеватости, часто получаются такими же широкими и тонкими, как и сколы, полученные с помощью удара мягким отбойником. Кроме этого, поверхность расщепления сланцевых заготовок слабо выпуклая, и это также способствует образованию более широких сколов. Среднее отношение ширины скола к его толщине в выборке равняется 4,7. Средняя ширина площадок — 0,4 см.

Несмотря на то что в подавляющем большинстве случаев характеристики сколов позволяют диагностировать удар жестким отбойником, у некоторого количества отщепов отмечены признаки, характерные для обработки мягким ударным инструментом. Наиболее показательным среди них является наличие «губы» — невысокого карниза над ударным бугорком. Данный при-

знак зафиксирован у 149 отщепов (6,7 % выборки). У 42,6 % (63 экз.) сколов с «губой» отмечено использование приемов подготовки зоны расщепления (редуцирования и горизонтальной подтески площадки). Всего признаки подготовки зоны расщепления отмечены у 113 сколов, то есть более половины из этого числа приходится на сколы с «губой».

Особенности абразивного пиления. Значительная серия предметов со следами пиления позволяет дать более подробную характеристику использования этой техники на поселении. Пиление производилось с помощью абразивных пил из песчаника, кварцита и сланца (*Шахнович, Тарасов, 2000*). В составе проанализированных коллекций с Оленеостровской стоянки имеется всего 71 экз. пил, включая целые предметы и обломки. Применялось только одностороннее пиление, которое осуществлялось только на одной грани и не доводилось до противоположной. После завершения пиления лишняя часть отбивалась (рис. 4, 2), что нередко приводило к поперечному незапланированному разлому заготовки. Двустороннее пиление, при котором делаются два распила навстречу друг другу, в коллекции Оленеостровской стоянки не отмечено ни разу.

В тех случаях, когда пиление и расщепление сочетаются, расщепление обычно следует за пилением. Тем не менее в ходе анализа отходов пиления

— опилок — отмечено, что в некоторых случаях перед пилением заготовку оббивали (13 экз.), а в одном случае еще и начали шлифовать.

Причины выбраковки заготовок. На этапе формообразования особенно высока вероятность того, что заготовка будет выбракована и не станет готовым орудием. Количество заготовок, выбракованных по той или иной причине, показано на гистограмме (рис. 5, 3). Подавляющее большинство было выбраковано в результате разлома. Крайне незначительное количество неустраняемых ошибок расщепления свидетельствует в данном контексте о большой простоте технологии, при которой, если заготовка не ломается, она с большой вероятностью может быть завершена. Однако качество ее в любом случае будет не очень высоким. Разлом был основной причиной выбраковки заготовок вне зависимости от приемов их обработки.

Абразивная обработка. В большинстве случаев абразивная обработка небрежная, покрывающая небольшую площадь поверхности изделий (рис. 3; 5, 4). Полировка (гладкая и блестящая поверхность) отмечена у 17 предметов. Однако во всех случаях она ограничивается лезвием, и поэтому могла возникнуть от трения по деревянным поверхностям в ходе использования орудий.

Шлифовка производилась с помощью шлифовальных плит из кварцита, песчаника и сланца.

Таблица 2. Оленеостровская стоянка. Варианты сочетания формы готовых макроорудий в сечении и в плане

Table 2. Oleneostrovskaya camp-site. 'Section/plan' combinations of finished macrotools

		Форма в сечении										Всего
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Форма в плане	1	1										1
	2	2				2						4
	3	4				6						10
	4	1				4			1	1		7
	5	3		2		1						6
	6	3	1			1			1			6
	7	1										1
	8			1								1
	9			1								1
	10	1	1									2
	не установлена	5	7		1		2	1	1	1	1	19
Всего		21	9	4	1	14	2	1	1	3	2	58

Пояснения к табл. 2:

форма в сечении: 1 — асимметричное 6–8-угольное; 2 — 6–8-угольное; 3 — асимметрично-линзовидное; 4 — асимметрично-овальное; 5 — асимметрично-прямоугольное; 6 — прямоугольное; 7 — полукруглое; 8 — усеченное линзовидное; 9 — прямоугольное с округлыми боковыми краями; 10 — прямоугольное с выпуклой спинкой;
форма в плане: 1 — асимметрично-острообушная; 2 — острообушная; 3 — асимметрично-прямоугольная; 4 — прямоугольная; 5 — асимметрично-трапециевидная; 6 — трапециевидная; 7 — зауженная к обуху; 8 — зауженная к лезвию; 9 — асимметричная зауженная к обуху и лезвию; 10 — зауженная к обуху и лезвию

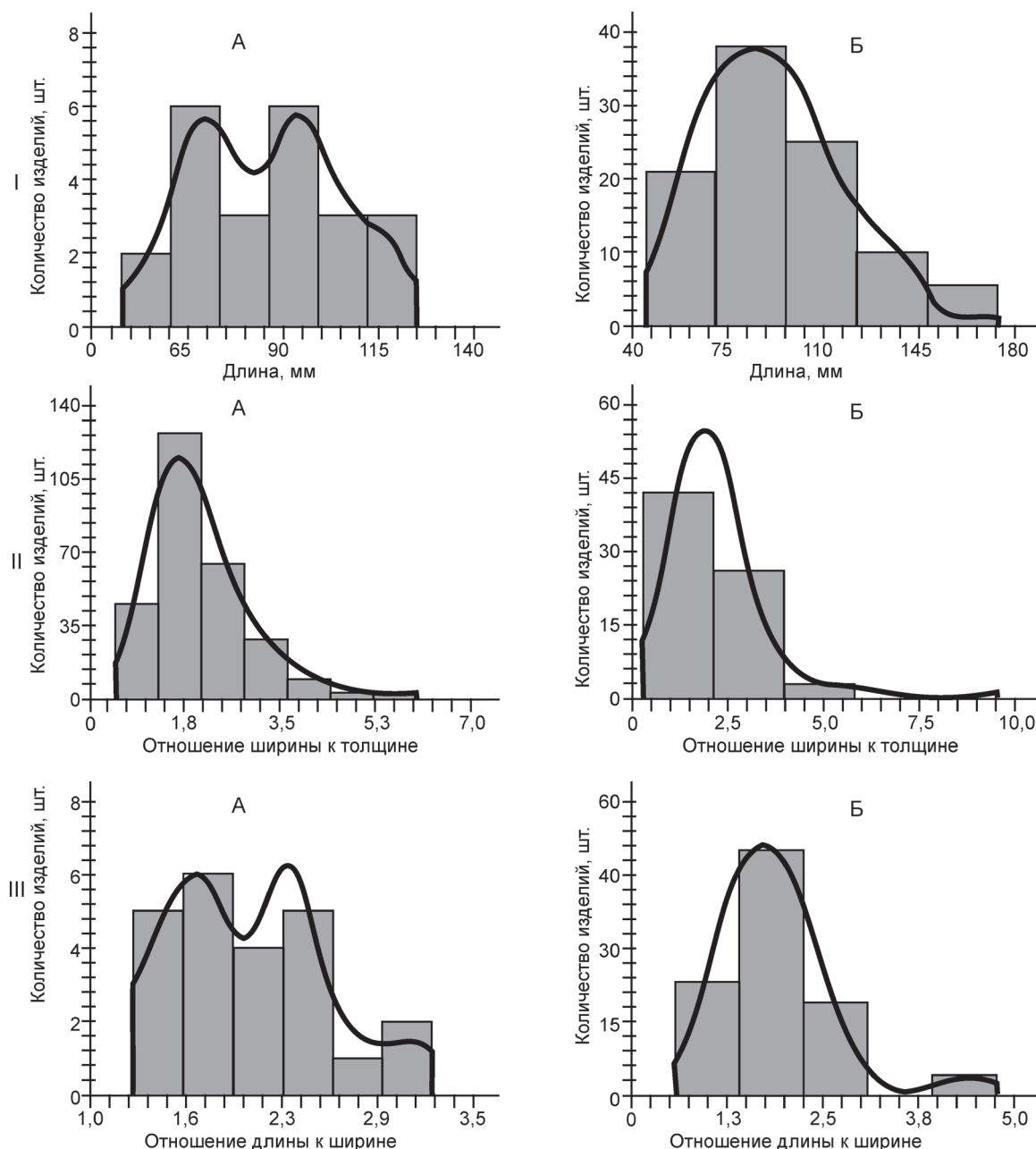

Рис. 6. Метрические признаки готовых орудий и заготовок:

I — длина, мм (А — орудия, Б — заготовки); II — отношение ширины к толщине (А — орудия, Б — заготовки);

III — отношение длины к ширине (А — орудия, Б — заготовки)

Fig. 6. Metric indications of finished tools and blanks:

I — length, mm (A — tools, Б — blanks); II — ratio between the width and thickness (A — tools, Б — blanks); III — ratio between the length and width (A — tools, Б — blanks)

В проанализированных коллекциях имеются 128 таких предметов, преимущественно обломки. Как можно судить по анализу микрорельефа зашлифованных поверхностей, шлифовка заключалась в трении сразу довольно широких поверхностей заготовок о шлифовальную плиту. Более эффективная многогранная шлифовка, при которой происходит стачивание продольных ребер загото-

вок с образованием продольных узких граней на зашлифованной поверхности (Тарасов, 2003), не применялась.

Характеристика готовых орудий. Форма готового изделия в рамках данной индустрии определялась формой заготовки и выбранными приемами обработки, слегка модифицировавшими ее. Завершающая абразивная обработка, в большин-

стве случаев очень слабая, видоизменяла форму предмета в минимальной степени. При таком подходе для готовых орудий характерна значительная вариабельность морфологических признаков и, как правило, отсутствие четких геометрических форм.

Встреченные комбинации формы орудий в сечении и в плане представлены в таблице (табл. 2). Обращает внимание очень слабая степень морфологической стандартизации — наиболее часто встретившееся сочетание (асимметрично-прямоугольное сечение и асимметрично-прямоугольная форма в плане) отмечено всего шесть раз. То, что предметы с 6–8-угольным и прямоугольным (в основном, асимметричным прямоугольным) сечением встречаются чаще других вариантов (табл. 2), объясняется преобладанием среди первичных заготовок плиток, частым использованием техники пиления и приема «двусторонний унифас» в ходе обработки. В результате такой оббивки «срезались» ребра заготовки и она приобретала 6–8-угольное сечение.

Метрические показатели, зафиксированные для целых готовых орудий и заготовок, очень схожие (рис. 6). Это сходство подтверждает ранее сделанный вывод о том, что технология данной индустрии была нацелена на минимальное изменение исходной заготовки.

Выводы. На стоянке обрабатывались сланцевые плитки, гальки и валуны, как правило, невысокого качества, подобранные непосредственно в ее окрестностях. Отсутствие стремления к поиску наиболее качественного сырья в данной индустрии сочеталось с выбором наиболее простых и быстрых способов обработки, которые, однако, означали ограниченные возможности при формообразовании и делали менее вероятным создание действительно качественных орудий. Технология была нацелена на минимальную подправку исходных заготовок и предполагала устранение наиболее выступающих участков и оформление лезвия. В связи с простотой технологии привлечение особо профессионального труда в рамках данной индустрии было маловероятно. Готовые предметы не имеют строгой геометрической формы, отличаются небольшими размерами. Скорее всего, орудия изготавливались в небольших количествах для собственного употребления.

Технология первичной обработки сланцевых макроформ по основным параметрам не отличается от той, которая представлена в выборках из близлежащего поселения Южный Олений остров 2 (Тарасов и др., 2007). Однако главной осо-

бенностью рассматриваемой коллекции является чрезвычайно частое использование пиления, даже если оно чаще применялось в комбинации с расщеплением. Процент макроорудий, при обработке которых использовалась эта техника, является максимальным среди всех стоянок каменного века в Карелии. Однако в этой связи следует заметить, что выборка из коллекций раскопок разных лет на Оленеостровской стоянке неоднородна в этом отношении. Абсолютное большинство заготовок со следами пиления происходит из раскопа Г. А. Панкрушева 1956–1957 гг. (92 экз.), отсюда же происходит и большинство опилок (44 экз.). В его раскопе 1955 г. таких заготовок заметно меньше (19 экз., опилок всего 5 экз.), но все же больше, чем в других оставшихся выборках. В раскопе В. Ф. Филатовой 1972 г. обнаружена всего одна заготовка со следами пиления и всего один опилки; в раскопе 2007 г. — 3 заготовки и 16 опилок. На стоянке Южный Олений остров 2, которая предположительно является чуть более ранней, хотя несомненных доказательств ее более раннего возраста у нас нет, встречены всего два опилки (среди 79 заготовок и готовых орудий и 1073 отщепов). Очевидно, что раскопы Г. А. Панкрушева были заложены на таком участке, где в силу каких-то причин произошла концентрация именно пиленых изделий.

Представленная на Оленеостровской стоянке технологическая традиция изготовления макроорудий может считаться эталонной для позднего мезолита Карелии. Как показывают результаты изучения комплексов макроорудий раннеолитической культуры сперрингс, сменившей на данной территории мезолитическую культуру Обонежья, эта традиция продолжала существовать и в раннем неолите. Для комплексов культуры сперрингс также характерны использование преимущественно мягкого сырья, применение набора несложных техник, слабая завершающая абразивная обработка, низкая степень морфологической стандартизации и частое отсутствие строгих геометрических форм орудий (Тарасов, 2009). В связи с этим вряд ли можно согласиться с мнением В. Ф. Филатовой (Филатова, 2004а; 2004б. С. 120; 2006. С. 26–27), противоречащим ее же более ранней точке зрения (Филатова, 1972), о полном разрыве традиций между позднемезолитическими и раннеолитическими комплексами в Южной Карелии.

- Гиря*, 1997 — *Гиря Е. Ю.* Технологический анализ каменных индустрий: Методика микро- и макроанализа орудий труда. СПб., 1997.
- Гурина*, 1956 — *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956 (МИА. № 47).
- Нехорошев*, 1999 — *Нехорошев П. Е.* Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.
- Панкрушев*, 1958 — *Панкрушев Г. А.* Новые археологические данные по древнейшей истории Карелии // Вопросы истории Карелии: Сб. статей / Отв. ред. Я.А. Балагуров. Петрозаводск, 1958 (Труды Карел. филиала АН СССР. Вып. 10).
- Панкрушев*, 1978 — *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Л., 1978. Ч. 1: Мезолит.
- Поплевко*, 2009 — *Поплевко Г. Н.* Первые данные трасологического исследования материалов Оленеостровской мезолитической стоянки (Южный Олений остров 1) // Записки ИИМК РАН. СПб., 2009. № 5.
- Тарасов*, 2003 — *Тарасов А. Ю.* Центр изготовления каменных макроорудий энеолитического времени на территории Карелии // Археологические вести. СПб., 2003. № 10.
- Тарасов*, 2008 — *Тарасов А. Ю.* Метрические критерии техники скола при анализе продуктов расщепления кварца: Опыт экспериментального изучения // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. СПб., 2008. Т. 1: Археология: Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки.
- Тарасов*, 2009 — *Тарасов А. Ю.* Адаптация к локальной сырьевой базе, технологическое развитие каменных индустрий и социальное развитие древних обществ: на примере культур Карелии периода неолита—раннего железного века // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды эпохи мезолита—средневековья. Петрозаводск, 2009.
- Тарасов и др.*, 2007 — *Тарасов А. Ю., Мурашкин А. И., Герман К. Э.* Новые исследования на Южном Оленьем острове Онежского озера // Кольский сборник, посвящ. 60-летию Владимира Яковлевича Шумкина. СПб., 2007.
- Филатова*, 1971 — *Филатова В. Ф.* Комплекс орудий Оленеостровской стоянки на Онежском озере // Палеолит и неолит. М., 1971 (КСИА. Вып. 126).
- Филатова*, 1972 — *Филатова В. Ф.* К вопросу о связи каменных орудий памятников с чистым комплексом керамики сперрингс и позднемезолитических // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.
- Филатова*, 2004а — *Филатова В. Ф.* К вопросу о характере взаимодействий культур мезолита и неолита в Карелии // Евразия: Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы: Тез. докл. науч. конф. (16–19 ноября 2004 г.). М., 2004.
- Филатова*, 2004б — *Филатова В. Ф.* Мезолит бассейна Онежского озера. Петрозаводск, 2004.
- Филатова*, 2006 — *Филатова В. Ф.* Вопросы происхождения и этнокультурной принадлежности населения эпохи мезолита // Проблемы древней этнокультурной истории населения Карелии (мезолит—средневековье). Петрозаводск, 2006.
- Шахнович, Тарасов*, 2000 — *Шахнович М. М., Тарасов А. Ю.* Пилы и пиление: Некоторые наблюдения относительно аспектов технологии и особенностей бытования в каменном веке Карелии // Тверской археологический сборник. 2000. Вып. 4.

The Technology of Making Chert Macrotools at the Olenestrovskaya Mesolithic Camp-Site

A. Yu. Tarasov

The Oleny Ostrov (Olenestrovskaya or Deer Island) Mesolithic site located near the famous Oleny Ostrov (Olenestrovsky) burial ground is considered as a reference site for the Late Mesolithic period in Lake Onega region. A representative collection of chert cutting tools and the debris left from their making allows us to reconstruct the technology of their manufacture during the final Mesolithic in the region under consideration. This collection includes numerous flakes, blanks at various stages of treatment, finished tools (complete or fragmentary) and chips from the polished tools.

For making tools, local soft chert found in the soil of the island was used. The primary working of chert was executed mainly by means of simple techniques of smashing the rock against a boulder as well as abrasive sawing. The percentage of tools with traces of sawing

is here the greatest among all the Karelian Stone Age sites. The secondary abrasive treatment is distinctive through its carelessness, the polish covering no more than a half of the surface of the finished tools.

The technique of making cutting tools at the site under consideration included gathering lumps of the raw material that needed minimum of correction and the methods which changed the shape of the objects to the least extent with chopping only the most protruding areas off. Therefore the tools are distinguished by their asymmetric appearance, small size and a poor degree of the morphological standardisation. The simplicity of such a technology and poor quality of the finished artefacts suggest that this industry did not necessitate the attraction of any specialized labour. Probably, the tools were manufactured at a time and at small quantities demanded by a single collective.

Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор¹

Т. В. Корниенко²

Исследования последних десятилетий на территории Северной Сирии, Ирака и Юго-Восточной Турции в значительной степени расширили наши представления о докерамическом неолите

идеологическом отношении (рис. 1). Полученные на сегодняшний день результаты опровергли господствовавшую до того точку зрения о «вторичности» и «периферийности» неолита Южного Тавра

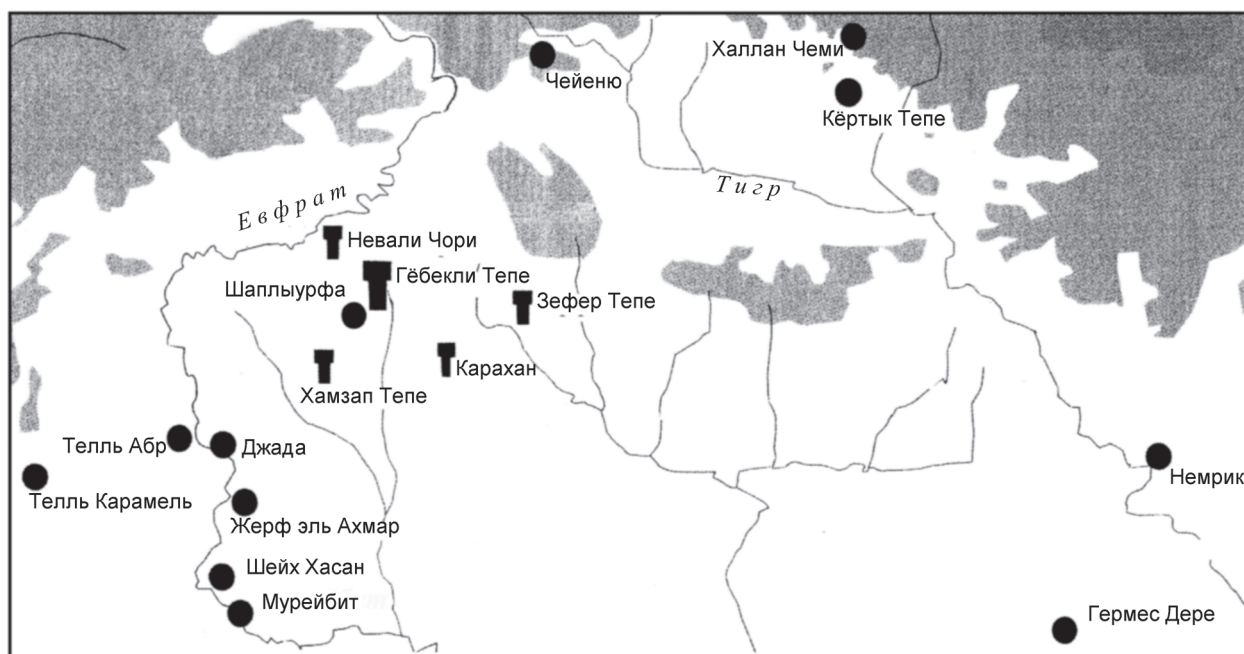

Рис. 1. Карта Верхней Месопотамии с обозначением упоминающихся в статье памятников эпохи докерамического неолита

Fig. 1. Map of the Upper Mesopotamia marking the sites of the Pre-Pottery Neolithic

Верхней Месопотамии. Перед нами предстали общества переходного типа, поднявшиеся на принципиально новую ступень экономического развития и достаточно развитые в социальном и

по отношению к левантийскому «центру». Прослеживается местное, самобытное становление первых производящих обществ Верхнего Двуречья, имеющих определенные параллели с обществами, оставившими синхронные левантийские памятники. По различным типам данных выявляются и заметные отличия в развитии традиций этих двух больших регионов в ранненеолитическую эпоху (см., напр.: *Aurenche, Kozłowski, 1999; Verhoeven, 2002a; 2002b; Kozłowski, Aurenche, 2005*).

Одним из неожиданных открытий при исследовании материалов столь раннего времени стало обнаружение на территории поселений Север-

¹ Отдельные положения статьи были представлены в виде докладов на V и VII тематических научных конференциях, проводимых кафедрой археологии СПбГУ; XVI Сергеевских чтениях МГУ; II (XVIII) и III (XIX) всероссийских археологических съездах.

² Россия, 394043, Воронеж, ул. Ленина, 86. Воронежский государственный педагогический университет.

© Т. В. Корниенко, 2011

ной Месопотамии монументальных общественных построек особого назначения, богато оформленных выдающимися образцами искусства эпохи поздней первобытности (*Schirmer*, 1983; 1990; *Hauptmann*, 1993; 2000; *Schmidt*, 1998; 2006; 2008a; *Stordeur*, 2000; *Stordeur et al.*, 2001; *Yartah*, 2004; 2005). Среди них присутствуют замечательные экземпляры крупномасштабной скульптуры, а кроме того, монолитные, часто несущие на себе рельефы антропо- и зооморфного содержания стелы или столбы, о которых и пойдет речь в данной работе. Судя по предварительным отчетам, к настоящему времени в обозначенном регионе археологами зафиксировано от 500 до 600 и более подобных объектов. Несмотря на разрозненность и различную информативность имеющихся данных, уже сейчас представляется возможным дать общий их обзор, провести сравнительный анализ по формальным признакам и некоторым содержательным аспектам, сделать предварительные выводы. Особое внимание в каждом отдельном случае необходимо обращать на контекст обнаружения интересующих нас находок.

Впервые архитектура эпохи докерамического неолита на территории Северной Месопотамии исследовалась подробно в ходе раскопочных работ на Чайёню Тепеси, начатых в 1964 г., продолжавшихся не одно десятилетие и давших весьма интересные результаты. Памятник продемонстрировал непрерывную хронологическую последовательность культурных слоев с эпохи PPNA вплоть до этапа PPNC/EPN. Зафиксировано, что начиная со времени EPPNB (так называемой субфазы «домов с каналами») планировка поселения заметно упорядочилась, в том числе в его границах выделились зоны различного функционального назначения: помимо производственного участка и жилого пространства с этого времени и до последней стадии существования ранненеолитического Чайёню в восточной части поселения функционировал особый сектор (*Schirmer*, 1983; 1990; *Çambel*, 1985. S. 187; *Özdoğan*, *Özdoğan*, 1990; *Özdoğan*, 1995; 1999; 2008). Он включал в себя большое, открытое, специальным образом оформленное пространство и расположенные вокруг него общественные неординарные строения, сохранившие следы совершения там ритуальных действий. Эти постройки теперь вошли в научную литературу под именами собственными — «Здание с плитами» (Flagstone Building — F), «Дом черепов» (Skull Building — BM) и «Здание с мозаичным полом» (Terrazzo Floor Building — T) (рис. 2).

В северо-западном углу «Здания с мозаичным полом» в переотложенном состоянии были открыты большая известняковая глыба, скульптурно обработанная в виде головы антропоморфного существа, и лежащая каменная плита, на кромке которой схематично выполнено рельефное изображение человеческого лица, «размером с тарелку». Данные объекты долго считались уникальными для своего времени. Однако впоследствии подобные скульптурные произведения в большом количестве оказались встречены на других ранне-неолитических памятниках Северной Месопотамии. В нашем случае особый интерес вызывает наличие в общественных постройках Чайёню Тепеси находок, родственных по своему значению отмеченным выше, но при этом представляющих иную категорию объектов. Это монолитные вертикально установленные прямоугольные в сечении каменные плиты. В «Здании с плитами» зафиксированы два подобных объекта в центре помещения и один рядом с примыкающей к стене скамьей. Еще две каменные плиты первоначально были установлены в раннем (овальной планировки) варианте «Дома черепов» (BM1).³ Кроме того, данной категории объектов близки парные, обладающие, как мы это увидим ниже, схожей с вертикально установленными каменными плитами символикой, выступающие из стен зданий пилястры, которые присутствуют во всех трех сооружениях особого назначения. Отмеченные объекты располагались в помещениях весьма продуманно, в четком соответствии друг другу и иным архитектурным элементам зданий.

В качестве примера подробнее остановимся на оформлении «Здания с мозаичным полом», которое перестраивали 2–3 раза, сохраняя при этом основные его характеристики (рис. 2, 2). Внешние размеры лучше сохранившегося варианта строения составляют 11,75 × 9 м, внутренние — 9,80 × 7,50 м. С трех сторон стены сооружения имели толщину от 0,80 до 1,20 м. Юго-восточная стена была тоньше — около 0,40 м. В ней находился вход. На всех четырех стенах данной постройки с внутренней стороны имелось две пилястры. Ширина выступов составляла 1 м, толщина — 0,25 м. Именно поэтому В. Ширмер⁴ сделал заключение, что пи-

³ Во время его перестройки они оказались замурованными в различных частях позднейшего прямоугольного «Дома черепов» (BM2) (*Özdoğan*, 1999. P. 50).

⁴ Раскопки Чайёню осуществлялись под руководством Х. Чембел и Р. Брейдвуда совместно Стамбульским и Чикагским университетами. В 1978–1988 гг. в работах на Чай-

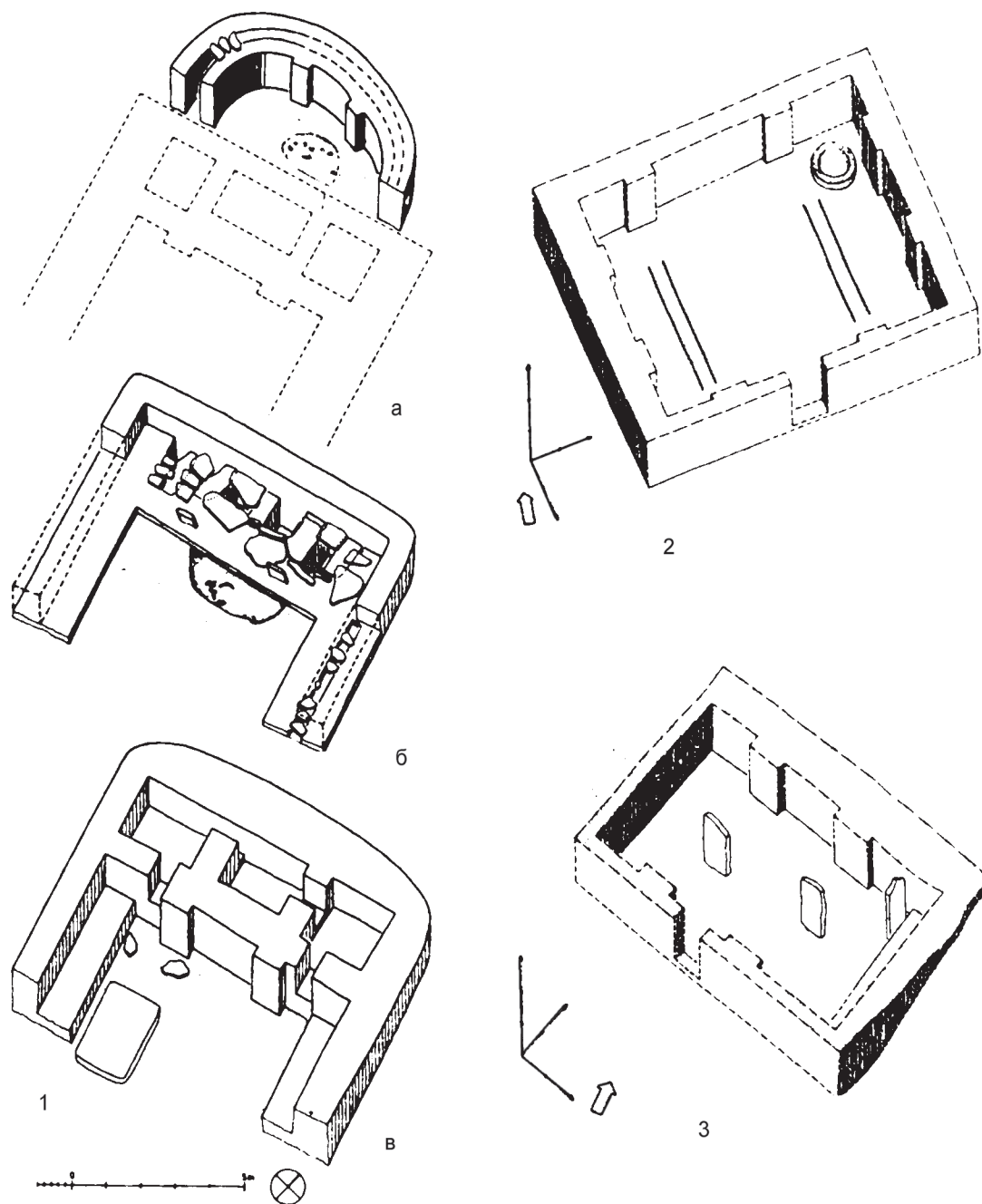

Рис. 2. Чайёню Тепеси. Изометрическая реконструкция общественных сооружений культового назначения: 1 — Дом Черепов (а — древнейшего слоя — ВМ 1; б, в — более поздних слоев — ВМ 2) (Schirmer, 1990. Fig. 12); 2 — здание с мозаичным полом (Schirmer, 1990. Fig. 13); 3 — Здание с плитами (Schirmer, 1990. Fig. 11)

Fig. 2. Çayönü Tepesi. Isometric reconstruction of public cult installations:

1 — House of Skulls (a — the most ancient level — ВМ 1; б, в — later levels — ВМ 2); 2 — house with a mosaic floor; 3 — House with Slabs

лястры не являлись поддерживающим крышу устройством, а имели «образный характер» (Schirmer, 1983. S. 464, 466–469, Abb. 2–4). Сложное

ёню активное участие вместе со своими сотрудниками и студентами принимал профессор университета в Карлсруэ В. Ширмер, директор Института истории строительства.

оформление пола, несомненно, показывает, что создатели придавали ему важное символическое значение. Пол представлял собой красно-оранжево-белую мозаику, сделанную из мелких камней, скрепленных гипсом. В основании мозаики находились два ряда каменной кладки. Внизу лежали белые известняковые плиты, тщательно подо-

гнанные друг к другу, предварительно оббитые и скрепленные гипсовым раствором. Верхний слой был выложен мелкой цветной галькой на гипсовом растворе. Центр помещения пересекали две пары параллельных полос из белой гальки. Белые линии как будто соединяли пилястры противоположных длинных стен постройки. В то же время протяженность линий точно совпадает с внешними сторонами пилястровых выступов коротких стен (Брейдвуд, Чембел, 1984. С. 74; Бадер, 1989. С. 221). Таким образом, лаконичный, но выразительный рисунок на мозаичном полу этого общественного сооружения четко соотносился со всеми четырьмя парами пилястровых выступов здания.

Как отмечалось, все названные постройки общественного назначения Чайёню Тепеси располагались в восточном секторе поселения вокруг значительного по площади открытого пространства, которое на протяжении долгого времени своего существования оформлялось специальным образом и, судя по всему, также служило местом общественных собраний (рис. 3). Интересно, что в период LPPNB (субфазы «клеточных» строений) территория этого участка была сначала покрыта неровными булыжниками и утрамбована, позже

большая ее часть послужила основанием для так называемой Площади («Plaza») размером 60×20 м, аккуратно вымощенной обожженными кирпичами. Красноватая поверхность обновлялась по меньшей мере трижды. На самом раннем уровне там были установлены два ряда стел и две большие плиты. К сожалению, определение точного количества стел и подробное их описание в предварительных публикациях отсутствуют. Однако, судя по плану, представленному в недавно вышедшей работе (Özdoğan, 2008. Fig. 35), их было 8. Авторы раскопок отмечают, что установленные каменные объекты сильно различались по своим размерам и форме. Самая высокая стела достигала 2 м в высоту. Высота самой маленькой — около метра. По крайней мере, на одной из стел сохранились следы красной краски, другие также имели признаки моделирования (Özdoğan, Özdoğan, 1990. P. 74). Во время второй перестройки Плазы стелы преднамеренно сломали и похоронили вместе с плитами под следующим слоем обожженных кирпичей — характерное для того времени обращение с вышедшими из употребления объектами культа. По мнению Х. Чембел, Плаза, очевидно, использовалась для ритуального разделывания

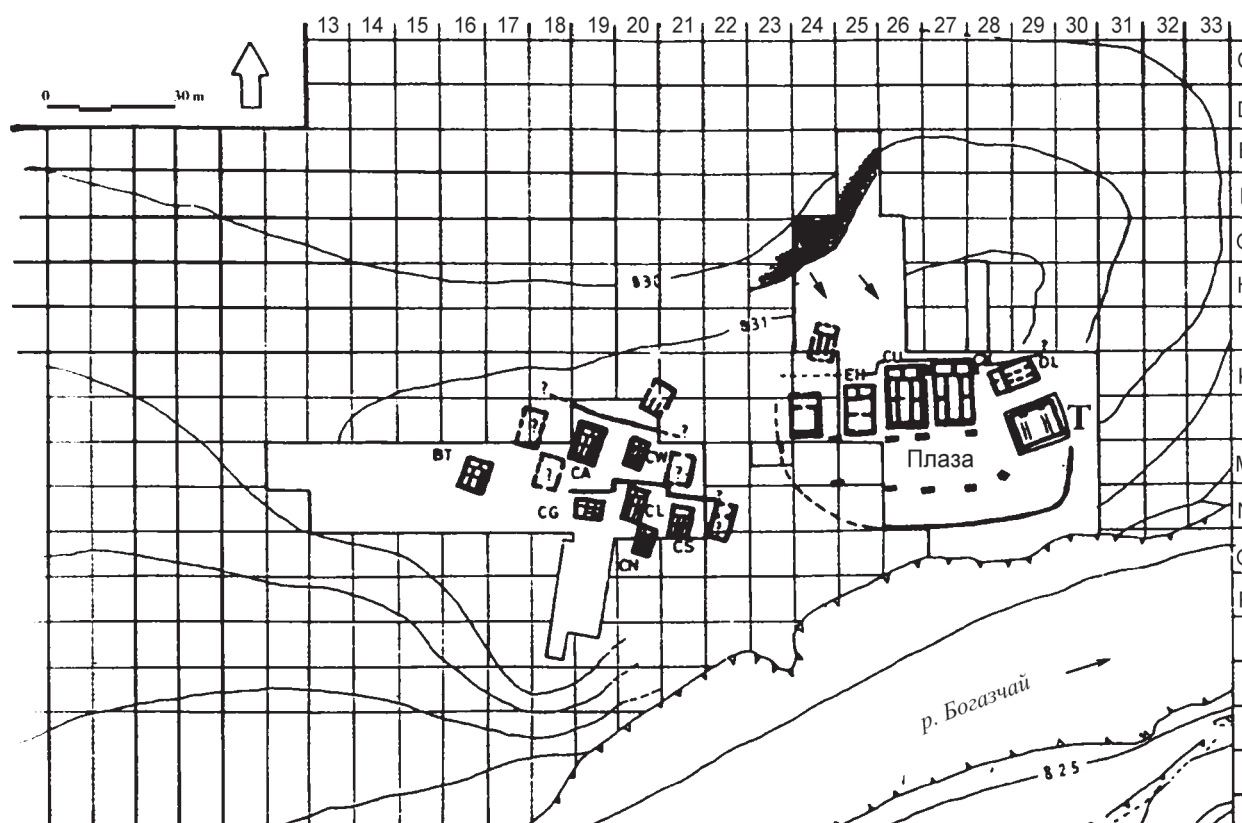

Рис. 3. Чайёню Тепеси. Слой субфазы «клеточных» строений. План раскопа (Özdoğan, 2008. Fig. 35)

Fig. 3. Çayönü Tepesi. Level of the sub-phase of «cage» buildings. Plan of the excavation

туш животных во время коллективных праздничных трапез, что подтверждается наличием здесь большого количества костей и специальных орудий (Çambel, 1985. P. 187). Как отмечает А. Оздоган, многое указывает на то, что по своим функциям Площадь являлась «открытым» эквивалентом «уникальных зданий» Чайёню (Özdoğan, 1995. P. 87).

Исследования конца 80-х—начала 90-х гг. XX в. немецко-турецкой археологической экспедицией памятника эпохи PPNA, PPNB — Невали Чори тоже выявили особую зону на поселении (западная окраина). Там на краю откоса, отделенного от основной территории ручьем и специально для этого возведенной массивной стеной, были открыты остатки трех последовательно функционировавших, специфически оформленных монументальных сооружений (Строение I, II, III), приемы строительства которых, планировка и интерьер во многом совпадают с подобными характеристиками общественных зданий Чайёню Тепеси. Эти сооружения, как и другие сопоставимые с ними с территории Верхнего Двуречья, были рассмотрены нами в нескольких предыдущих работах (Корниенко, 2002б; 2004; 2005; 2006. С. 16–84; Kornienko, 2009), где отмечалось, что достигающие высоты 3 м и более монолитные Т-образные каменные стелы, несомненно, являлись доминирующими элементами в оформлении общественных строений Невали Чори.

От самого раннего Строения I уцелела лишь часть юго-восточной стены, соответственно, мы не имеем прямых свидетельств о размещении и особенностях его убранства. Однако обломки каменных стел и скульптур из этого здания были использованы при возведении на том же месте более поздних сооружений. Так в восточном углу Сооружения II была замурована скульптура птицы (высота — 50 см), напоминающая летящего

пеликана, с изогнутой шеей и проработанной головой (клюв отбит). Это изображение имеет в основании каменный выступ-шип, который, по всей вероятности, был предназначен для крепления. Из изображений существ смешанной зооантропоморфной природы интересна фигура высотой 0,6 м, которая также первоначально укреплялась на каком-то основании. Верхняя часть представляет собой человека с согнутыми и положенными на живот руками. Голова хорошо моделирована, в углубленные глаза вставлены зрачки из пока еще не определенного материала. Под длинными, спускающимися на спину волосами, проработанными гравированной сеткой, изображен птичий хвост. Приемы моделирования лица и прически этой скульптуры напоминают другую голову, запечатленную в рельефе и выполненную более чем в натуральную величину (высота — 0,29 м). Фрагмент верхней части стелы или колонны, возможно, первоначально украшавшей древнее культовое сооружение, был найден в переотложенном состоянии в жилом районе поселения замурованным в стене дома 3 (слой III) (Hauptmann, 1993. P. 59–66, fig. 19–26). В северо-восточной скамье Строения II обнаружена скульптура в виде стоящей птицы (высота — 34 см) с выгравированными перьями. Голова у скульптуры была отбита. Позже стало понятно, что фигура птицы являлась элементом сложной композиции скульптурно оформленной колонны (высота — более 1 м), восстановленной археологами из нескольких обнаруженных фрагментов. В эту композицию были включены изображения птиц, женских голов и фигур (Hauptmann, 1999. P. 75–76, fig. 14; рис. 6, б). Работавший над реконструкцией этого строения К. Шмидт сопоставляет подобные объекты докерамического неолита с тотемными столбами индейцев юго-западного побережья Северной Америки (Köksal-Schmidt, Schmidt, 2010. P. 74, fig. 2).

Рис. 4. Общественные здания культового назначения:

1 — Жерф эль Ахмар, Строение EA 53: а — общий вид сооружения, фотография (Stordeur et al., 2001. Fig. 8.1); б — план сооружения (Stordeur et al., 2001. Fig. 9.1); в — приближенный вид примыкающей к стене скамьи и вмурованного в нее основания для столба, украшенных рельефными рисунками, фотография (Stordeur et al., 2001. Fig. 8.2); г — изометрическая реконструкция сооружения (Stordeur et al., 2001. Fig. 9.2);

2 — Невали Чори, Строения II и III:

а — общий вид раскопанного Строения II, фотография (Hauptmann, 1999. Fig. 7); б — аксонометрическая реконструкция Строения II (Hauptmann, 1999. Fig. 9); в — общий вид раскопанного Строения III, фотография (Hauptmann, 1999. Fig. 8); г — аксонометрическая реконструкция Строения III (Hauptmann, 1999. Fig. 9)

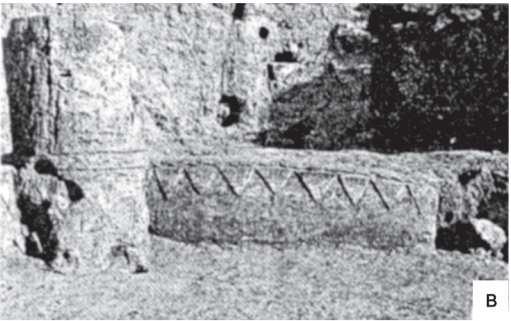
Fig. 4. Public cult buildings:

1 — Jerf el Ahmar, Building EA 53: а — general view and photograph; б — plan; в — presumable view of the bench adjoining the wall and the pillar base immured in it, relief designs, photograph; г — isometric reconstruction of the installation;

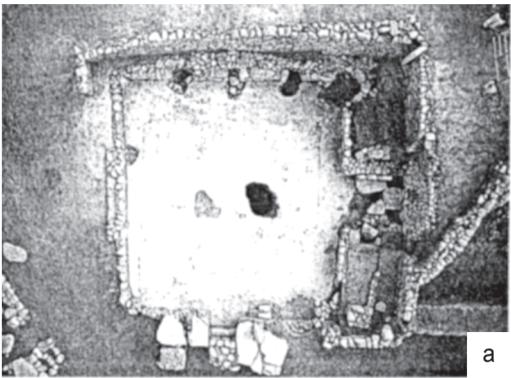
2 — Nevali Çori, Buildings II and III: а — general view of excavated Building II, photo; б — axonometric reconstruction of Building II; в — general view of excavated Building III; г — axonometric reconstruction of Building III

a

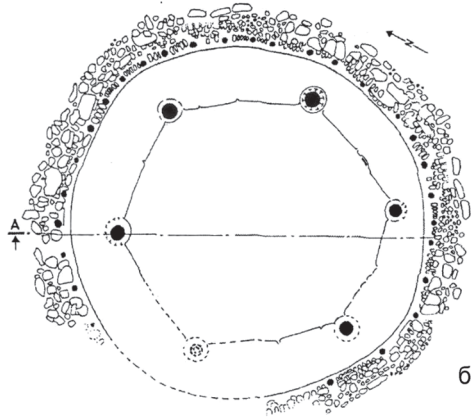
B

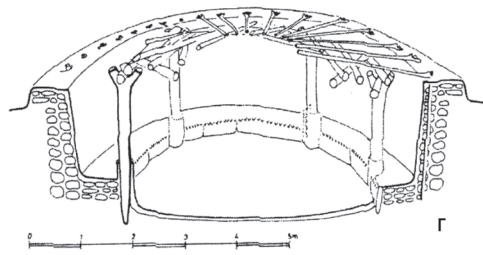
a

B

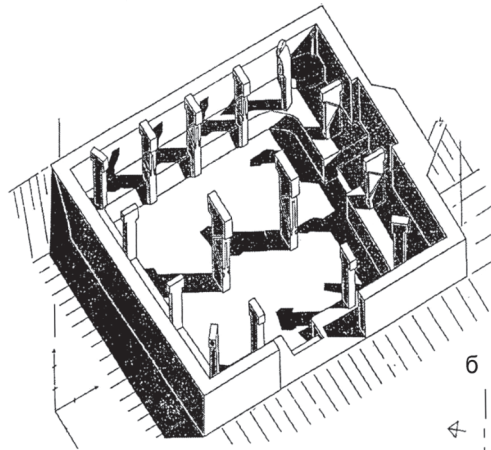

б

г

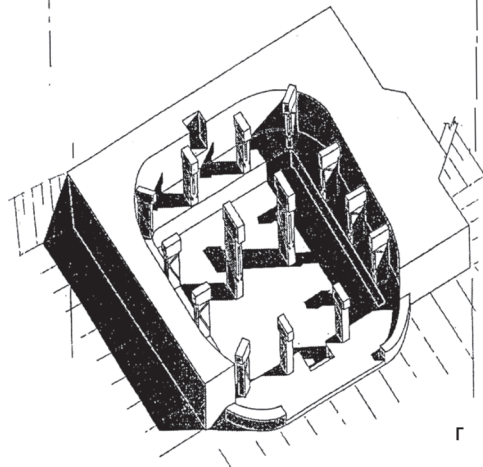
1

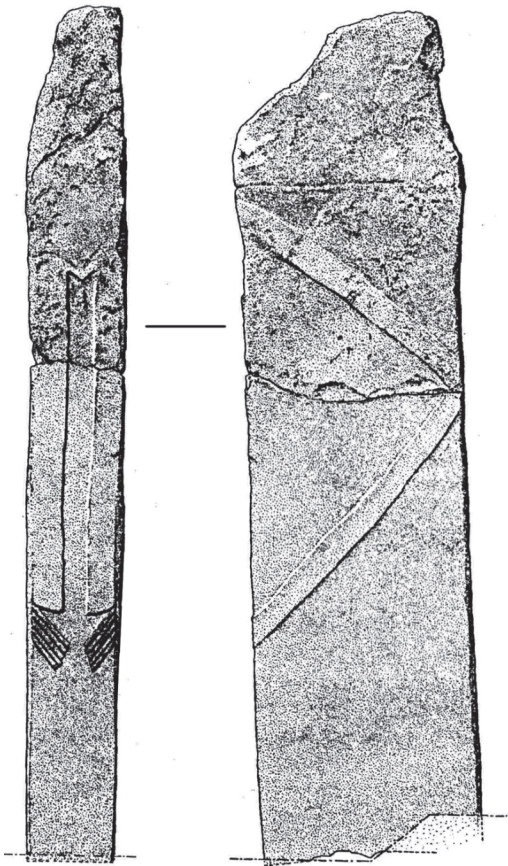
б

4

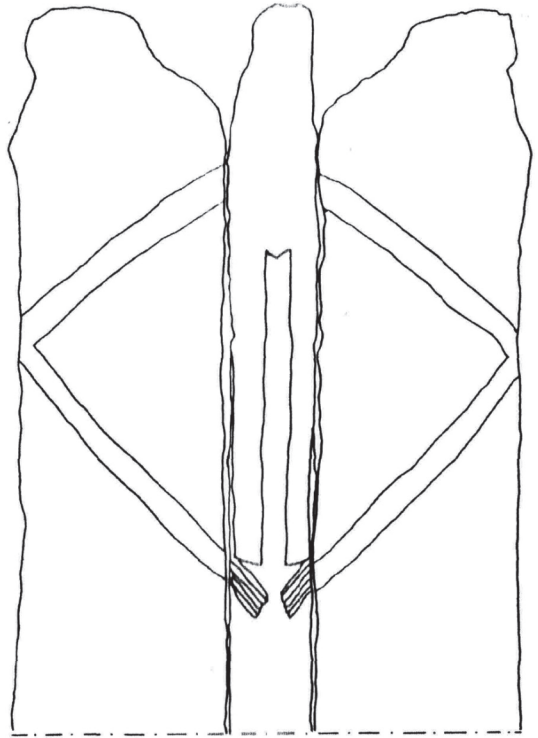
2

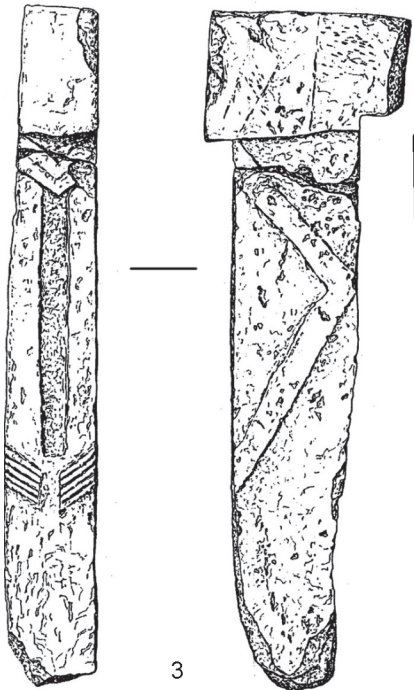
г

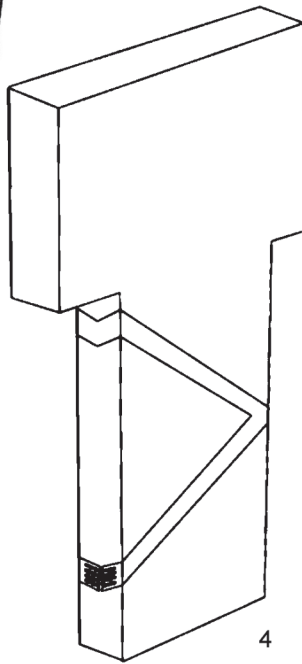
1

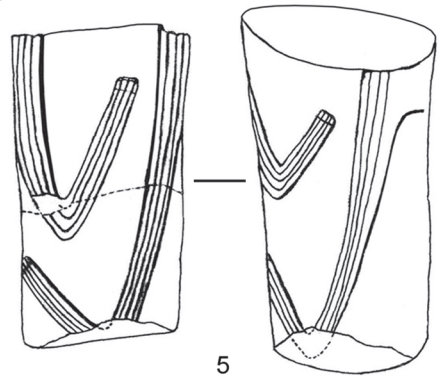
2

3

4

5

Остатки следующего по времени Строения II сохранились намного лучше. 13 монолитных вертикально установленных скульптурно оформленных плит своими основаниями приблизительно на одинаковом расстоянии друг от друга были включены в широкую примыкающую к стенам по периметру помещения скамью (рис. 4, 2 а, б). Присутствие двух центральных стел в Строении II очень вероятно, но однозначных материальных свидетельств этого археологи не обнаружили. Строение III, включавшее в свое основание остатки более раннего, сохранило в примыкающей к стенам скамье следы 10 однотипных столбов (рис. 4, 2 в, г). Один из них, перемещенный со своего места и расколотый на три фрагмента, был найден лежащим на полу. Первоначально он был Т-образной формы, капитель частично сохранилась. Общая высота стелы — 2,35 м, сечение прямоугольное — 0,44 × 0,33 м. На широких боковых гранях имеется барельефное изображение согнутых рук, переходящее на узкую грань, где показаны тщательно исполненные пятипалые кисти (рис. 5, 1, 2). Подобный вид имели и остальные столбы (рис. 5, 3), реконструируемые из фрагментов (*Mellink*, 1989. P. 107; *Hauptmann*, 1993. P. 48–50, fig. 9–12, 16). В центре помещения находились две наиболее крупные стелы. Южная (юго-восточная) плита была перемещена еще в древности. В углублении от ее основания, ниже уровня пола лежал обломок Т-образного навершия еще одного каменного столба. От двух центральных стел, когда-то вмурованных в пол, *in situ* обнаружена только нижняя половина северной (северо-западной). Верхняя ее часть найдена отдельно. Параметры прямоугольного сечения стержня столба — 0,80 × 0,33 м. Первоначальная высота стелы — 3 м. На ее широких сторонах читаются барельефные изображения двух слегка согнутых рук, которые на передней узкой грани изображены полосами, оканчивающимися внизу пятипалыми кистями (*Ibid.* P. 51). Понятно, что Т-образная капитель столба обозначает голову в профиль, а сама стела изображает фигуру человекоподобного существа в сильно стили-

зованном виде. Выполненные подобным образом столбы, впервые встреченные на рассматриваемом памятнике, впоследствии были открыты на Гёбекли Тепе. В литературе они получили название «стел типа Невали Чори». Композиционно и стилистически такие стелы оказались сопоставимы с находками из других мест раннего неолита на территории Верхнего Двуречья (сравнить рис. 5, 1–2, 3, 4; рис. 6, 1–6; рис. 7, 1, 2, 3, 4).

Немецкий археолог К. Шмидт предложил использовать понятие «стола» («*stola*») для определенных элементов рельефного оформления стел типа Невали Чори и других типологически схожих с ними вертикально установленных Т-образных каменных плит. Речь идет о двух прямо и параллельно друг другу спускающихся от «шеи» выступающих полос на передней узкой грани стержня стел. Полосы эти не примыкают друг к другу, а образуют между собой свободное пространство. С анатомической точки зрения, по мнению К. Шмидта, рельефные полосы передней грани стержня столбов объяснению не поддаются. Он отмечает, что по виду это одежда, напоминающая столу католического священника. Спускающиеся сверху «ленты» закачиваются чуть выше положенных на живот кистей рук. В области «шеи» описываемые полосы бывают V-образно соединены. К. Шмидт считает, что таким образом изображена завязанная на шее, свободно спадающая одежда (*Schmidt*, 2006. S. 73; 2008a. S. 62). Эта гипотеза, на наш взгляд, сомнительна. В частности, она не подтверждается более реалистичными скульптурными антропоморфными изображениями (рис. 7, 1–4), сопоставимыми композиционно, стилистически и пространственно-хронологически со стелами типа Невали Чори. Одно из них происходит из ранненеолитических слоев старого центра г. Шанлыурфа. Второе, являясь случайной находкой, сейчас выставлено на экспозиции музея г. Газиантеп. Третье, датированное более точно переходным РРНА/ЕРРNB временем, обнаружено при раскопках Шейх Хасана. Четвертое фиксируется также как случайная находка и происходит из се-

Рис. 5. Стелы типа Невали Чори и сопоставимый с ними фрагмент колонны:

1, 2 — Невали Чори, Строения III, столб, собранный из фрагментов, высота 2,35 м (*Hauptmann*, 1993. Fig. 16; *Müller-Neuhof*, 2006. Fig. 7); 3 — Невали Чори, Строения III, хорошо сохранившийся столб, высота 2,4 м (*Hauptmann*, 2000. Abb. 7); 4 — Гёбекли Тепе, изометрическая реконструкция стел типа Невали Чори (*Schmidt*, 2006. Abb. 43a); 5 — Тель Абр 3, фрагмент стелы (55 × 22 × 22 см), обнаружен в переотложенном состоянии (*Yartah*, 2004. Fig. 16)

Fig. 5. Stelae of the Nevali Çori type and a fragment of a similar pillar.

1, 2 — Nevali Zori, Buildings III, a pillar constructed of fragments, height 2.35 m; 3 — Nevali Zori, Buildings III, well-preserved pillar, height 2.4 m; 4 — Göbekli Tepe, isometric reconstruction of stelae of the Nevali Zori type; 5 — Tell 'Abr 3, fragment of a stele (55 × 22 × 22 cm), found in a re-deposited condition

веро-западной по отношению к Шанлыурфе провинции Адиаман (*Çelik*, 2000a. P. 4–6, fig. 2; *Hauptmann*, 2000. S. 4–13, Add. 9a–d; *Müller-Neuhof*, 2006. P. 32–38, fig. 1–7). Никаких признаков похужей на столу одежды на этих реалистичных изображениях не наблюдается. Тогда как согнутые в локтях руки со сложенными на животе ладонями, статичность фигур, V-образное оформление шеи и, для скульптурных стел из Газиантепа и Адиамана, подчеркнута T-образный профиль, безусловно, повторяют иконографические каноны столбов типа Невали Чори. Более вероятной представляется изначальная интерпретация Г. Хауптманна рельефно выделенных на передней грани стержня полос в качестве демонстрации тех же показанных на широких плоскостях в согнутом виде рук, которые на передней стороне (в соответствии и с боковым и с анфасным вариантами) заканчиваются тщательно проработанными изображениями пятипалых кистей (*Hauptmann*, 1993. P. 48–50, fig. 9–12; рис. 5, 1–3). Данный стилистический прием понятен, учитывая весьма схематичное, в геометрических формах представление человекоподобных фигур прямоугольными в разрезе плитами Невали Чори. Если следовать интерпретации Г. Хауптманна, зритель должен был видеть изображение рук и в профиль и анфас, что в целом способствовало закреплению антропоморфного восприятия стелы, а также акцентировало внимание собственно на положении рук этих человекоподобных существ — жесте, который четко повторяется и в более реалистичных скульптурных изображениях ранненеолитического периода.⁵

⁵ Помимо названных выше скульптур из Шейх Хасана, г. Шанлыурфы, г. Газиантепа и провинции Адиаман к этому времени относится похужая по форме (передающей ту же позу) и технике исполнения, маленьких размеров (3,1 × 1,5 × 0,6 см), реалистичная антропоморфная фигурка, обнаруженная при раскопках Гёбекли Тепе. На этой фигурке признаки изображения одежды в виде столы также отсутствуют (*Müller-Neuhof*, 2006. Fig. 3a, 3b, 4; *Vor 12 000 Jahren...*, 2007. S. 275, No. 28).

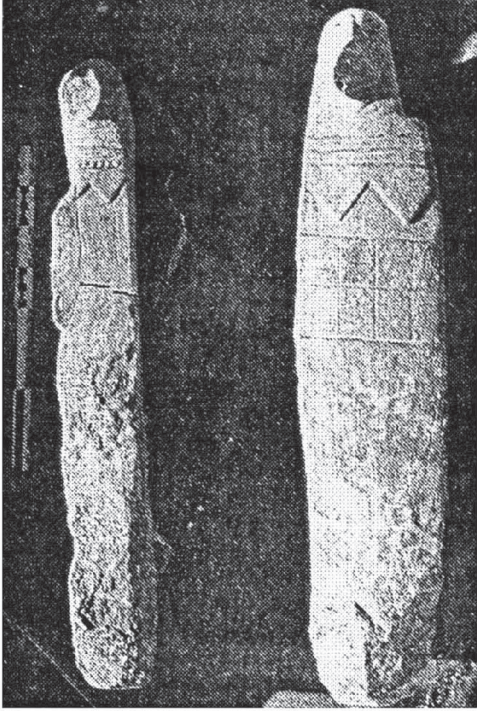
Рис. 6. Символически украшенные стелы:

1 — Жерф эль Ахмар, EA 100 (*Stordeur et al.*, 2001. Fig. 11); 2 — Гёбекли Тепе, Сооружение D, столб 43 (*Schmidt*, 2008a. Abb. 8); 3 — Гёбекли Тепе, здание с львиными стелами, столбы I (высота 1,60 м), и II (высота 1,45 м) (*Schmidt*, 1998. Abb. 10); 4 — Гёбекли Тепе, Сооружение B, столб 1, высота 3,15 м (*Schmidt*, 1998. Abb. 13–14); 5 — Гёбекли Тепе, Сооружение B, столб 2, высота 3,15 м (*Schmidt*, 1998. Abb. 15); 6 — Невали Чори, рисунок-реконструкция «тотемной колонны», высота фрагмента более 1 м (*Schmidt*, 2006. Abb. 16)

Fig. 6. Stelae with symbolic decorations:

1 — Jerf el Ahmar, EA 100; 2 — Göbekli Tepe, Building D, pillar 43; 3 — Göbekli Tepe, building with lion stelae, pillars I (height 1.60 m) and II (height 1.45 m); 4 — Göbekli Tepe, Building B, pillar 1, height 3.15 m; 5 — Göbekli Tepe, Building B, pillar 2, height 3.15 m; 6 — Nevalı Çori, figure reconstruction of a «totem column», height of the fragment over 1 m

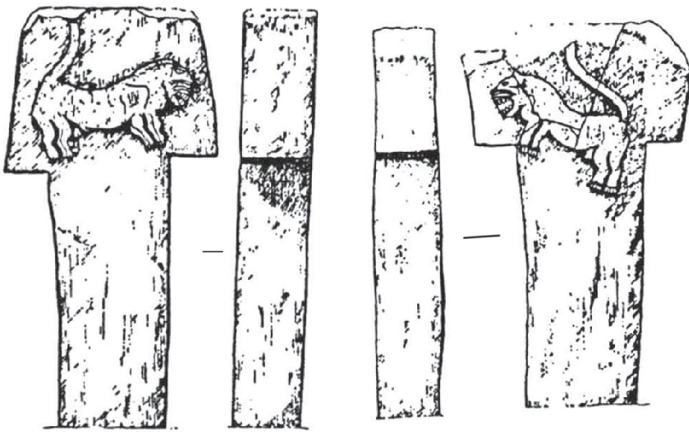
Одновременно с раскопками в Турции, которые проходили в рамках спасательных работ при строительстве плотины Табка и Тихринского водохранилища, в 70–90-е гг. XX–в начале XXI в. начинаются активные исследования, главным образом силами франко-сирийских археологических миссий, долинных поселений верхнего Евфрата на территории Сирии. Различной степени изученными памятниками раннего неолита здесь являются Мурейбит, Жерф эль Ахмар, Телль Абр 3, Джада эль Магхара, Шейх Хасан и др. Полученные материалы показывают, что, начиная с эпохи PPNA, в данном районе на поселениях возводятся общественные сооружения сначала многофункциональные по своему назначению, однако в переходный PPNA/PPNB период они отчетливо приобретают вид сооружений специально культовой направленности. По своим характеристикам такие постройки, в частности, исследованные в Жерф эль Ахмаре (рис. 4, 1) и Телль Абре 3, сопоставимы с культовыми сооружениями более северных памятников раннего неолита, расположенных в предгорной и горной зонах, — Халлан Чеми, Чайёню, Невали Чори и Гёбекли Тепе (*Kornienko*, 2009). В том числе остатки столбов, вмурованных в примыкающую к стене скамью, а также отдельно стоящих декорированных центральных столбов и стел на сегодняшний день обнаружены в общественных сооружениях Жерф эль Ахмара (EA 53, EA 100) и Телль Абра 3 (B2). Данные объекты иногда отличаются по материалу и технике исполнения от северных аналогов. Большинство из них было сделано из стволов тополей, обработанная поверхность которых покрывалась гипсовой обмазкой. Застывшая обмазка сохранила следы охры и других красителей, а также остатки выгравированного декора. И только наиболее важные центральные пары стел были выполнены из монолитных, принесенных издалека блоков известняка. Эти стелы, гармонируя с пилястровыми деревянными столбами, в сечении имеют округлую форму. В высоту, превышая рост человека, они все же не столь массивны, как вер-

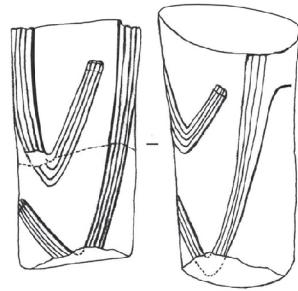
1

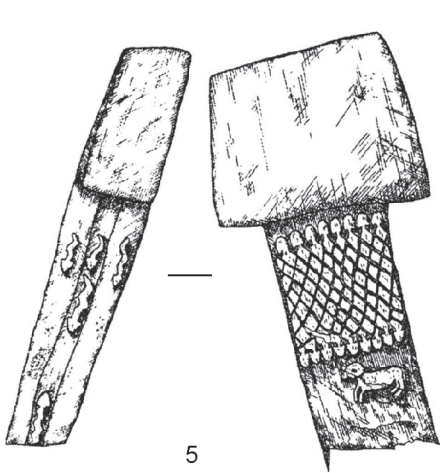
2

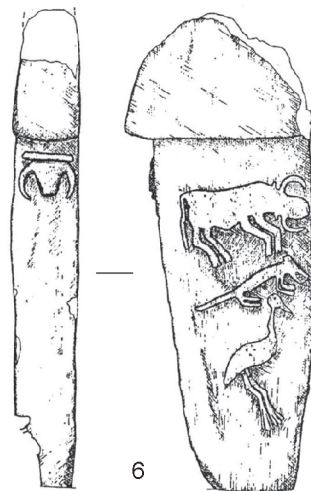
3

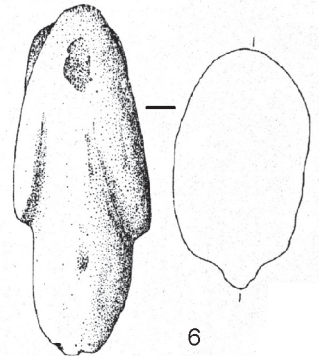
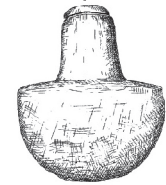
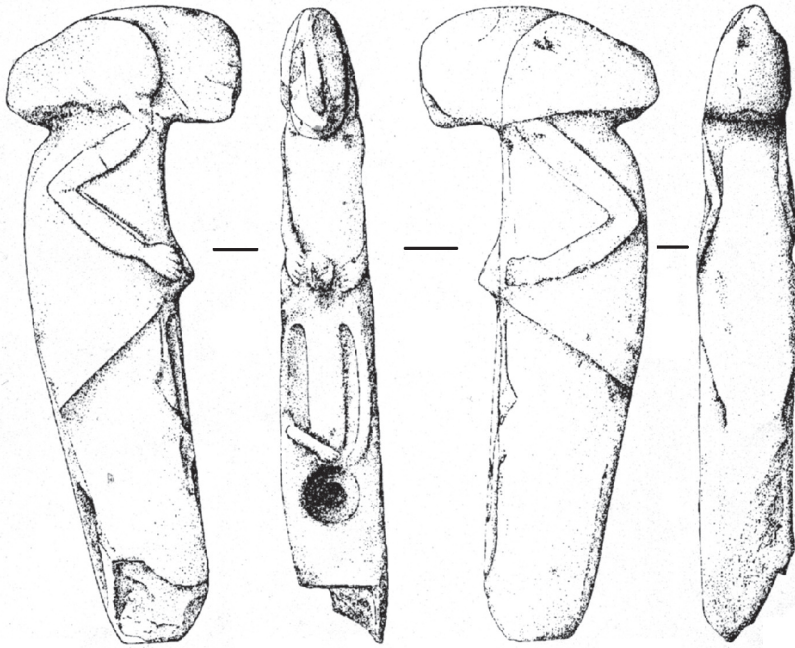
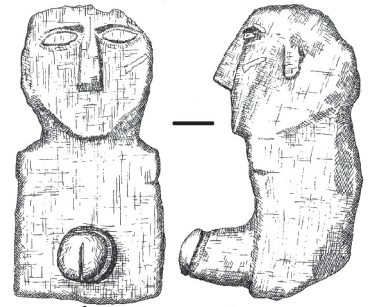
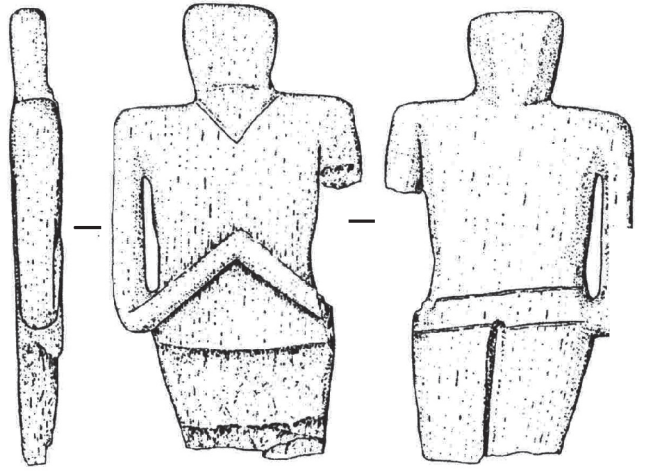
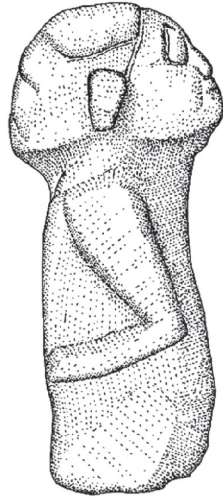
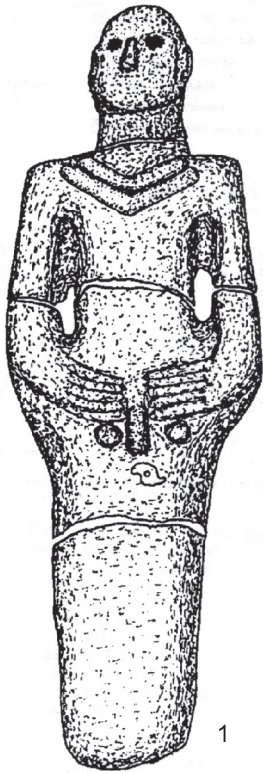
4

5

6

тикально установленные плиты Чайёню, Невали Чори и Гёбекли Тепе. До сих пор не встречены среди пилястр и столбов долинных поселений Северной Месопотамии Т-образные объекты. Такие отличия в форме, а также, в большинстве случаев, материале, размерах и технике исполнения следует объяснять, прежде всего, естественными причинами. Это, с одной стороны, удаленность рассматриваемых поселений от источников известняка, следовательно, сложность перемещения монолитных блоков этого материала на большие расстояния, а с другой — доступность и, соответственно, традиция широкого использования дерева и глины для домостроительства в этих местах. Лишь центральные пары столбов в общественных постройках долинных поселений Верхнего Двуречья, как уже отмечалось, выполнены из целых блоков известняка. Дефицит камня, очевидно, сказался здесь и на отказе от создания у стел массивных Т-образных наверший. Тем не менее хорошо сохранившаяся центральная пара каменных стел из сооружения ЕА 100 Жерф эль Ахмара представляет собой фигуры неких существ, высота которых превышает 2 м (*Stordeur et al.*, 2001. P. 40, fig. 11) (рис. 6, 1). Обнаруженный на Телль Абре 3 в переотложенном состоянии фрагмент из известняка, имеющий почти цилиндрическую форму (55 × 22 × 22 см), судя по всему, может являться частью стелы из общественного строения В2. Поверхность этого объекта несет выкрашенный охрой рельефный рисунок (рис. 5, 5). Авторы раскопок с большой долей уверенности трактуют его как изображение (с обозначенными плечами и кистями) согнутых в локтях рук антропоморфного персонажа (*Yartah*, 2004. P. 149, fig. 16) — знакомый мотив по стелам типа Невали Чори и близким им скульптурным изображениям.

В целом, доступные нам данные о стелах, столбах и пилястрах долинных поселений среднего Евфрата, обладая иногда в формальных характеристиках местной спецификой, позволяют соотносить их по контексту обнаружения, принципам моделирования и расположения с вертикально установленными каменными плитами и столбами сакральных зон теллей предгорных и горных районов Верхнего Двуречья.

Во многих отношениях неординарным памятником докерамического неолита Северной Месопотамии является Гёбекли Тепе. Удаленный от источников воды и производственного сырья, возвышающийся над плато и занимающий доминирующее положение в округе в радиусе 200 км Гёбекли Тепе предоставил нам свидетельства (монументальная архитектура и скульптура) существования здесь в эпоху PPNA, PPNB крупного межплеменного культового центра (*Schmidt*, 1998; 2001; 2006; 2008a; 2008b). Памятник активно изучается с 1995 г. немецко-турецкой археологической экспедицией под руководством К. Шмидта. Судя по полученным материалам, в отличие от обычных поселений данного периода, вся территория Гёбекли Тепе была занята постройками специального назначения. В архитектуре этого памятника, так же как и в конструкциях особого участка Невали Чори, доминирующими символическими объектами, несомненно, являются Т-образные столбы. В древнейшем слое III, который датируется докерамическим неолитом А (9600–8800 г. до н. э., даты калиброванные), они достигают монументальных размеров — более 5 м в высоту. Большинство из них примыкает с внутренней стороны к стенам круглоплановых каменных сооружений, окружая пары центральных, особенно важных, исходя из самого расположе-

Рис. 7. Антропоморфные скульптуры эпохи докерамического неолита, территория Юго-Восточной Турции:

1 — статуя из известняка, обнаружена во время строительных работ в старом центре г. Шанлыурфы, высота 1,90 м (*Çelik*, 2000a. Fig. 2); 2 — скульптура с двумя лицами, случайная находка из известняка, хранится в музее г. Газиантепа, высота 59 см (*Schmidt*, 2006. Abb. 43); 3 — миниатюрная алебастровая скульптура из Шейх Хасана, высота 11,9 см (*Müller-Neuhof*, 2006. Fig. 2); 4 — стела из известняка, случайная находка, происходит из провинции Адияман, хранится в музее г. Газиантепа, высота 80 см (*Hauptmann*, 2000. Abb. 9a–d); 5 — итифаллическая протома из известняка Гёбекли Тепе, высота 40,5 см (*Schmidt*, 2006. Abb. 28); 6 — скульптурное изображение фаллоса, случайная находка в районе Килисика, известняк, высота 38 см (*Hauptmann*, 2000. Abb. 10).

Fig. 7. Anthropomorphic sculptures of the Pre-Pottery Neolithic, South-Eastern Turkey:

1 — limestone statue found during construction works in the old centre of the city of Şanlıurfa, height 1.90 m; 2 — a sculpture with two faces, chance find of limestone, housed in the museum of the city of Gaziantepa, height 59 cm; 3 — miniature alabaster sculpture from Sheikh Hasan, height 11.9 cm; 4 — limestone stele, chance find, comes from the province of Adiyaman, kept in the museum of the city of Gaziantepa, height 80 cm; 5 — ithyphallic limestone protome from Göbekli Tepe, height 40.5 cm; 6 — sculptural representation of phallus, chance find from vicinity of Kisilik, limestone, height 38 cm.

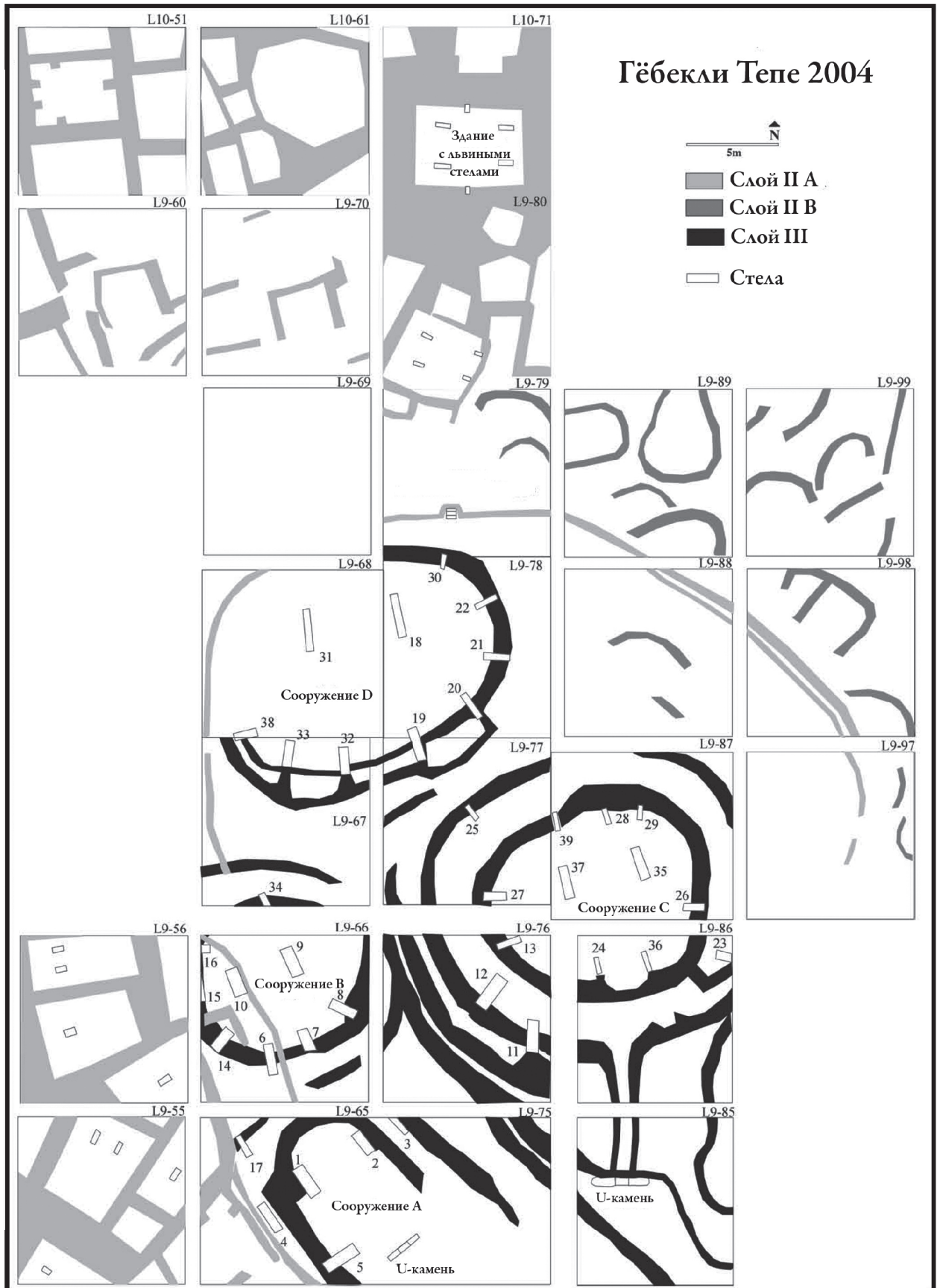

Рис. 9. Гёбекли Тепе. План основного участка раскопок (*Schmidt, 2006. Abb. 76*)

Fig. 9. Göbekli Tepe. Plan of the main area of excavations

ния, оформления и наибольших размеров, стел (рис. 9; 10, 2; 11). В слое III на южном склоне телля к настоящему моменту исследуются четыре больших круглоплановых сооружения: А—D. В каждом обнаружено от 10 до 14 Т-образных стел. Между тем проведенная геомагнитная съемка показывает, что в общей сложности здесь следует ожидать открытия не менее 20 подобных сооружений, соответственно более 200 столбов. Из них около 50 стел уже изучается (*Schmidt*, 2006. S. 226; 2008b; *Köksal-Schmidt, Schmidt*, 2010). Более половины столбов слоя III имеют выразительные рельефы, большинство из которых показывают изображения птиц, животных, рептилий, насекомых и пауков, иногда в довольно сложных композициях и упорядоченных сочетаниях. Помимо этого встречаются повторяющиеся на различных стелах абстрактные символы. На столбе 43 в группе с другими изображениями зафиксирована фигурка мужчины без головы (рис. 6, 2). Другое антропоморфное изображение выявлено на одном из фрагментов стелы, найденном в переотложенном состоянии. В двух случаях среди стел III слоя Гёбекли Тепе встречены столбы типа Невали Чори: речь идет о центральных столбах Сооружения D — 18 и 31. Оба имеют на «груди» символы: восточный столб (18) последовательность знаков — две части, составляющие Н-образную фигуру, далее круг и полумесяц; а западный (31) — букранию. Кроме того, на столбе 18 под выполненной рельефно правой рукой показана фигурка лисы. «Ясно, что данные символы двух отдельно поставленных столбов содержали важное послание своим современникам, — отмечает Шмидт. — Однако как понять его нам? Обозначает ли букрания мужчину, а составляющие Н-образной фигуры, круг и полумесяц женщину? В этом случае столб, обозначающий женщину, имел бы под правой рукой лису, в то время как мужской столб (на сегодня) других атрибутов не имеет. Но поскольку толкование символов по половым признакам такое же спорное, как и другие попытки интерпретации, то наберемся терпения. Возможно, однажды дополнительные находки позволят нам отдать предпочтение одному или другому решению, а может быть, мы никогда не выйдем за пределы описания находок»⁶ (*Schmidt*, 2006. S. 169, 171).

Композиции столбов 1, 12, 33, 38, 43 передают сложные сюжетные картины, которые, судя по

всему, имеют некое повествовательное обрядово-мифологическое значение, хорошо понимаемое жителями Верхнего Двуречья эпохи раннего неолита. Как один из примеров трактовки подобных сюжетов К. Шмидт приводит возможную интерпретацию столба 1 (рис. 6, 4), одного из пары центральных стел Сооружения А или «Здания со змеями». Рельеф на левой стороне стержня этого столба показывает сетобразное переплетение змей, под которым видна фигурка барана. На передней грани стержня столба находятся две широкие вертикально спускающиеся рельефно выделенные «ленты» («stola», по К. Шмидту), они обрамляют сделанную в технике контррельефа полосу примерно такой же ширины. На описанных полях изображены пять змей. Что именно данный мотив и комбинация с переплетенными змеями обозначают, остается неясным, однако К. Шмидт решается на смелые рассуждения. «Сетка» из змей и баран на столбе 1, по его мнению, могут иллюстрировать ритуал, зафиксированный впоследствии хеттским источником II тыс. до н. э. Речь идет о так называемом мотиве «козла отпущения»: все грехи и пороки в ритуале переносятся на козла, а животное в конце процедуры изгоняется в пустыню и там предоставляется своей судьбе. Таким образом, силы зла изгоняются из человеческого сообщества. Отголоски этого ритуала сохранились до нашего времени: всем и сейчас понятно словосочетание «козел отпущения». А поскольку до сегодняшнего дня в общественном сознании хеттская история козла отпущения уже пережила почти четыре тысячелетия, то не кажется изначально абсурдной точка зрения о том, что ее возраст можно увеличить в три раза. Поэтому К. Шмидт видит в змеиной «сетке» угрожающее человеку зло, а в баране — козла отпущения. Если эта интерпретация верна, что, конечно, недоказуемо, то на столбе 1 изображен в символическом виде конкретный ритуал. Пять змей на передней грани столба трактуются К. Шмидтом как дополнительные иллюстрации вездесущего зла. Само антропоморфное существо, чей образ передает столб 1, в соответствии со всем вышесказанным может восприниматься в качестве лица, осуществляющего ритуал (*Schmidt*, 2006. S. 119–120). Приведенный пример, прежде всего, в общих чертах показывает, насколько широк спектр толкований изображений Гёбекли Тепе. Очевидна относительность таких объяснений — возможно, автор на правильном пути, а возможно, истина где-то рядом. Если есть желание в противоположность слабо обоснованным гипотезам глубже понять богатое иконографическое наследие строителей Гёбекли Тепе,

⁶ Здесь и далее перевод с немецкого Александра Степановича Пашенко, которому автор статьи выражает искреннюю признательность за уже длительное и плодотворное сотрудничество.

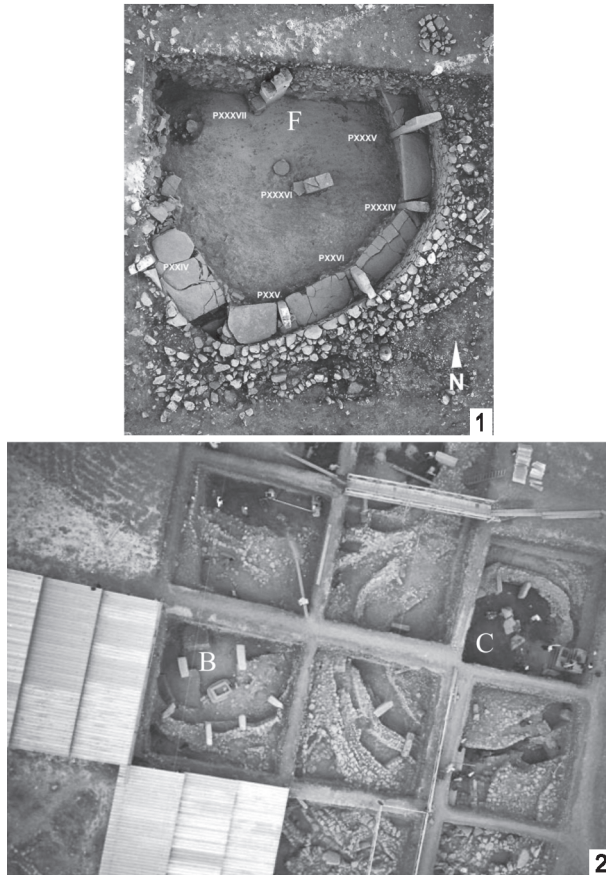

Рис. 10. Гёбекли Тепе, фотографии раскопок:
1 — слой II В, сооружение F (Schmidt, 2008a. Abb. 10);
2 — слой III, сооружения В и С (Schmidt, 2008a. Abb. 4)

Fig. 10. Göbekli Tepe, photos of excavations:
1 — level II В, building F; 2 — level III, buildings B and C

то от таких предположений, опирающихся на отдельные сюжеты, следует отказаться, что признает и сам К. Шмидт. Необходимо собирать многочисленные данные, анализировать и устанавливать связи, которые позволят подняться над уникальными археологическими фактами до понимания основных тенденций в развитии сложного материального и духовного мира наших далеких предшественников (Ibid. S. 120–122). С этим заключением нельзя не согласиться.

В слое II, который является более молодым и датируется временем EPPNB и MPPNB (раннего и среднего докерамического неолита В — 8800–8000 г. до н. э., даты калиброванные), если сравнивать с материалами слоя III, в архитектуре, как замечает К. Шмидт, уменьшается все как по размерам, так и по количеству. Однако символика Т-образных столбов сохраняется, только теперь они имеют высоту не 4–5 м, а 1,5–2 м. Помещения этого слоя прямоугольные, до 6 м в длину и 2–4 м в ширину. Иногда в сооружениях столбы отсут-

ствуют; иногда их несколько, как правило, скомпонованных по два, что можно рассматривать в качестве рудимента центральной пары столбов монументальных сооружений более раннего времени (Schmidt, 2008a. S. 61). Для различия между стенами слоя III и слоя II в документации раскопок первые обозначаются арабскими цифрами, вторые — римскими. Всего в слое II сейчас обнаружено около 20 свободно стоящих парами или вмурованных в стены столбов. Кроме того, в помещениях слоя II нередко фиксируются парно сочетающиеся выступы-пилястры в стенах (рис. 9). В так называемом «Здании с львиными стенами» помимо четырех стоящих отдельно столбов обнаружена единственная пилястра, которая по своему расположению строго соответствует вмурованной в противоположную стену стеле типа Невали Чори (Schmidt, 2006. S. 228–233, Abb. 101). Данный факт говорит в пользу высказанного нами ранее предположения о том, что продуманно сооруженные выступы в стенах особых помещений, соотносящиеся с другими элементами символического оформления, по своему значению соответствовали содержанию стел и вертикально установленных плит. В целом материалы Гёбекли Тепе не только географически расширяют зону распространения стел типа Невали Чори, но и хронологически подтверждают длительный период их использования — на этапах PPNA и PPNB.

Определение периода функционирования исследующихся вдали от основного раскопа на Гёбекли Тепе круглоплановых Сооружений Е (так называемого «Скального храма») и F требует своего уточнения в будущем. Но уже сейчас понятно, что материалы, полученные при изучении этих конструкций, отражают общие принципы устройства рассматриваемого комплекса. В «Скальном храме», соотносимом, судя по ряду характеристик, с постройками древнейшего слоя III, фиксируются следы центральных столбов. В Сооружении F находятся центральные и окружающие их, уходящие в примыкающую к стене по периметру помещения каменную скамью стелы, большинство сохранилось *in situ* (рис. 10, 1). Некоторые признаки, в том числе размеры стел (1,5–2 м), указывают на возможную принадлежность этой конструкции слою II (Schmidt, 2008a. S. 67–69, Abb. 10, 9). Вместе с тем круговая планировка является характерной для более древнего времени. Соответственно, Сооружение F, вероятно, относится к раннему уровню второго слоя — слою II В. Некоторые столбы Сооружения F украшены рельефами зооморфного вида. В одном случае — фраг-

мент стелы XXV — зафиксировано антропоморфное изображение анфас (Ibid. S. 69).

В «Здании с львиными стелами», более позднего слоя ПА, на трех столбах имеются рельефные изображения. Помимо уже отмеченного вмурованного в стену столба типа Невали Чори изображения есть на восточной паре свободно стоящих Т-образных стел, обнаруженных *in situ* (Schmidt, 2006. S. 233–234). Навершия их на одной из боковых сторон украшены рельефными фигурами крупных представителей семейства кошачьих, приготовившихся к прыжку (рис. 6, 3).

Раскопки 2009 и 2010 гг. в районе южного склона Гёбекли Тепе (сектор L9 — 46, слой II) открыли небольшое прямоугольное помещение, в северо-восточной стене которого был замурован скульптурно оформленный, сделанный из известняка столб (рис. 7). В его изображениях угадываются три, возможно, четыре фигуры, расположенные одна над другой. Голова верхней по сохранившимся деталям — ушам и глазам — трактуется авторами раскопок как голова хищника (медведя/льва/леопарда?) (Köksal-Schmidt, Schmidt, 2010). Ее передняя часть была уничтожена в древности. Выделена шея. Дальше по бокам идет знакомый мотив согнутых в локтях рук/лап с пятипальными кистями, сложенными на животе, из которого выступает голова следующей фигуры, тоже со сбитым лицом. Одновременно этот выступ может обозначать фаллос/пупок/живот верхнего существа (сравнить с рис. 7, 1, 4). Под второй фигурой, также имеющей согнутые в локтях руки/лапы, обозначена голова и руки/лапы третьей, показанные теперь спереди, сложенные на животе/фаллосе/голове (?) следующего изображения. Под этим выступом находится скол, и далее изображения отсутствуют. Ниже рук/лап двух верхних существ, по бокам этой колонны с каждой стороны, рельефно выступают изображения крупных змей. Они могут обозначать также ноги/задние лапы большого существа при рассмотрении его в профиль. Тут нужно уточнить, что каждая идущая ниже фигура меньше предыдущей, выступая, соответственно, из ее живота (или фаллоса). Этот удивительный прием, в скульптуре достигающий «эффекта матрешки», вполне вероятно, передает, как и в случае с русской игрушкой, идею родства и преемственности.

Подробное рассмотрение и анализ поражающих воображение своим разнообразием и необычными композициями, искусно выполненных рельефов, горельефов и скульптур на столбах Гёбекли Тепе — задача отдельной работы. Здесь мы ограни-

Рис. 11. Гёбекли Тепе, слой III:

1, 2 — фотографии раскопок сооружения D (Schmidt, 2006, Abb. 73, 79)

Fig. 11. Göbekli Tepe, level III:

1, 2 — photos of excavations of building D

чимся лишь несколькими наблюдениями, которые будут полезны для лучшего понимания функционального назначения самих стел. На сегодняшний день среди рельефных фигур самые популярные — изображения змей и других рептилий, лис, кабанов, водоплавающих птиц и насекомых, а также букраний. К. Шмидт связывает присутствие крупных фигур животных с практикой изображения тотемов (Schmidt, 2006. S. 226; 2008a. S. 70–71). Эта гипотеза, на наш взгляд, весьма перспективна и требует серьезной разработки.

Композиционное размещение рельефов, горельефов и скульптурных фигур на стелах Гёбекли Тепе формально можно разделить на несколько групп:

1) Изображения рук, выполненные на передней и боковых гранях стелы, придающие ей черты антропоморфного существа (стелы типа Невали Чори — столбы 18 и 31 слоя III, а также вмурованный в стену столб из «Здания с львиными стелами» слоя II).

2) Одиночные фигуры, которые могут находиться как на боковых гранях стержня или на вер-

1

2

шая столба, так и на его «груди», «лбу», «животе» или «затылке» (букrania на «груди» столба 2, 31, 38, змея на «животе» столба 5, змея на «лбу» столба 19, кабан на «лбу» столба 26, лис на правой стороне столба 9, лис на левой стороне столба 10 и др.).

3) Фигуры животных, расположенные друг над другом в ряд. В некоторых случаях они взаимодействуют между собой (как, например, надвигающаяся сверху вниз на быка змея на передней грани стержня столба 20), а иногда изображены статично, в так называемом геральдическом стиле (три фигуры животных на левой грани столба 21, три фигуры животных на правой стороне столба 2 — рис. 6, 5 — и др.).

4) В отдельную группу стоит выделить ряды абстрактных знаков и соответствующих им по размеру миниатюрных фигурок животных (передняя грань стержней столбов 18 и 33). В случае со столбом 33 такой ряд, идущий по всей передней грани стержня стелы, оформлен особым образом с двух сторон (рис. 12). В целом он оставляет впечатление специально выстроенной длинной последовательности символов, судя по контексту, несомненно, сакрального содержания. В связи с чем К. Шмидт считает тут допустимым говорить о «неолитических иероглифах» именно как о «священных знаках» без стоящей за ними фонетизации, что являлось бы уже характеристикой настоящей письменности (Schmidt, 2006. S. 178–187, 221–225, Abb. 91, 92).

5) Следует отметить настоящие сценические рельефные композиции, участники которых изображены вместе и взаимодействуют между собой. Пропорции фигур в таких сценах редко соблюдаются (левая сторона столба 1, боковые стороны столба 33, правая сторона стержня столба 38, правая сторона столба 12, правая сторона столба 43).

6) Наконец, в самостоятельную группу выделяются состоящие из нескольких фигур скульптурно оформленные столбы, так называемые «тотемные колонны». Фигуры там странным образом соединены, как будто прорастают одна из другой, представляемые ими существа часто имеют смешанную зоантропоморфную природу, а скульптурные и рельефные детали читаются неоднозначно. В Гёбекли Тепе один такой объект сохранил-

Рис. 12. Гёбекли Тепе, слой III, сооружение D. Передняя грань стержня столба 33, фотография раскопок (Schmidt, 2006. Abb. 91, 92)

Fig. 12. Göbekli Tepe, level III, building D. The front side of the core of pillar 33, photo of excavations

ся полностью (сектор L9 — 46, слой II). В Невали Чори были неоднократно встречены фрагменты подобных столбов (рис. 6, 6 и 7).

Выделенные нами композиционные группы рельефов стел Гёбекли Тепе не являются строго закрытыми или четко разграниченными между собой. Наоборот, в большинстве случаев они совмещаются. Наиболее, казалось бы, простые с точки зрения построения композиции примеры — одиночные фигуры лис на столбах 9 и 10, которые формально относятся к группе 2, в общем архитектурном контексте Сооружения В представляют собой пару одинаковых, расположенных друг напротив друга, синхронно «прыгающих на посетителя» из центра помещения животных. То же самое можно сказать и о рельефах кошачьих хищников на парных столбах в «Здании с львиными стелами». В то же время все показанные на боковых гранях идущих по кругу Т-образных столбов крупные животные, как правило, повернуты/смотрят в центр помещения (Сооружения А-D). То есть по значению такие композиции следует относить скорее к группе 5. Сценические группы (пункт 5), имеющиеся на боковых гранях, иногда соседствуют с расположенными друг над другом в ряд фигурами животных (пункт 3), выполненными ниже на боковой поверхности стержня (столб 12), или же гармонично переходят на переднюю грань (столб 33), окаймляя с двух сторон последовательность «иероглифов» (пункт 4). Рельеф стел типа Невали Чори — столбы 18 и 31 (пункт 1) совмещен с единичными фигурами животных (пункт 2) и рядом абстрактных знаков (пункт 4). Рельеф стел типа Невали Чори (пункт 1) неоднократно повторен в «тотемной колонне» Гёбекли Тепе (пункт 6) и т. д.

Таким образом, стелы Гёбекли Тепе представляют собой сложные многоплановые и многоуровневые, а значит, и многозначные памятники. Их Т-образная форма позволяет выделять несколько «полей» передачи и восприятия информации. Передняя грань — «лоб», «грудь», «живот», нижний уровень. Боковые грани (отдельно левая и правая) — боковые стороны наверший, три вертикальных регистра (верхний, средний, нижний) боковых сторон стержня. Задняя грань — «затылок», три вертикальных регистра (верхний, средний, нижний) тыльной стороны стержня стелы. Кроме того, в отдельное поле нужно выделить верхнюю плоскость навершия Т-образной стелы. Отмеченные поля размещения рельефов на стелах Гёбекли Тепе хорошо различаются. И на минимальном локальном уровне понимание рельефа

укладывается в эти пространства. Однако так же оно должно распространяться на всю грань той или иной стороны столба, а потом уже выходить на уровень восприятия стелы в целом, учитывая при этом, что сама стела является одной из нескольких в конкретном сооружении культового назначения, занимая там совершенно определенное место, от чего изначально зависят ее размеры и оформление. В случае с Гёбекли Тепе мы имеем дело с хорошо организованным сложнейшим архитектурным комплексом, состоящим из многих подобных сооружений, где каждому архитектурному элементу отведено свое место. Анализ широкой базы материалов Северной Месопотамии эпохи раннего неолита показывает, что строительство данного комплекса осуществлялось несколькими поколениями проживающих в округе племен.

Симптоматично, что многие из названных изображений со стел Гёбекли Тепе и других ранненеолитических площадок Верхнего Двуречья встречаются в виде вырезанных рисунков, рельефов или скульптурного оформления на иных категориях объектов самого Гёбекли и одновременных ему памятниках Северной Месопотамии: Кёртык Тепе, Телль Карамеля, Невали Чори, Халлан Чеми, Чайёню Тепеси, Телль 'Абра 3, Жерфель Ахмара, Мурейбита, Немрик 9, Гермес Дер. К таким категориям относятся каменные сосуды и пестики, поперечно-желобчатые изделия («утюжки»), каменные плитки и плиты. В целом эта коллекция археологических материалов подтверждает существование на данной территории единой системы информационного пространства, участники которой хорошо понимали значение отмеченных последовательностей знаков, единичных и композиционных изображений фигур, преимущественно зооморфного и зооантропоморфного вида. Очевидно, за такими картинками стоит мифологическое восприятие и объяснение мироустройства сообществами Северной Месопотамии ранненеолитического периода, в жизнедеятельности которых охота и умение взаимодействовать с дикой природой продолжали играть еще главную роль.

Итак, для эпохи докерамического неолита в Северной Месопотамии наибольшее количество примеров, свидетельствующих о символическом значении архитектурных комплексов и отдельных деталей, отмечается при исследовании материалов Гёбекли Тепе. Т-образные стелы автор раскопок однозначно называет главным определяющим символом данного комплекса (*Schmidt*, 2006. S. 116). Вместе с тем помимо главного культового

центра племен, проживавших в периоды PPNA, PPNB в рассматриваемом регионе, присутствие Т-образных стел как основных маркеров сакрального пространства зафиксировано стационарными раскопками в Невали Чори и, кроме того, разведочными работами в Хамзан Тепе, Зефер Тепе и Карахан Тепе (рис. 1). То есть на памятниках, расположенных наиболее близко к Гёбекли. Все они находятся в границах современного вилайета Урфы, с центром в г. Шанлыурфа, на территории Юго-Восточной Турции. При этом надо иметь в виду, что большая часть данного региона, пока не затронутая сооружением дамб и связанными с ними интенсивными археологическими исследованиями речных долин, до сих пор остается плохо изученной.

К сожалению, лишь краткие сведения опубликованы о присутствии Т-образных столбов в культурном слое Хамзан Тепе. Памятник находится в 10 км южнее Шанлыурфы (*Çelik, 2004. P. 3–4, fig. 4*). В 70 км восточнее г. Шанлыурфа расположен Зефер Тепе. На поверхности этого небольшого холма хорошо сохранившимися, стоящими *in situ* на расстоянии 1,5–2 м друг от друга зафиксированы 16 Т-образных столбов. Их вершины на 30–40 см выступают над поверхностью земли. Еще одна пара Т-образных стел (высотой около 2 м) была случайно обнаружена и выкопана крестьянами в юго-восточном участке телля. На одном из этих столбов просматривается мотив букрании (*Çelik, 2006. P. 23–24, fig. 2–3*). Карахан Тепе находится в 63 км на юго-восток от г. Шанлыурфа. Памятник был открыт в 1997 г. На северном и восточном склонах холма выявлено приблизительно 266 (!) столбов, Т-образные вершины которых на 50–60 см возвышаются над поверхностью земли. Среди изображений на стелах Карахан Тепе фиксируются зооморфные мотивы, в частности изображения змеи, зайца, газели и других животных. Столбы располагаются на расстоянии 1,5–2 м друг от друга и связаны с остатками архитектурных конструкций. Стелы Карахан Тепе, по определению Б. Челик, сопоставимы со стелами Хамзан Тепе, Невали Чори и верхних уровней Гёбекли Тепе (*Çelik, 2000в. P. 6–7, fig. 1–3*). Шмидт отмечает, что одиноко лежащие на почти незаселенном «лунном» ландшафте в районе гор Тектека Зефер Тепе и Карахан были обнаружены случайно. «Если Зефер Тепе скрыт от наблюдателя в широкой долине и уступает по многим показателям Гёбекли Тепе — его можно распознать как раннеолитический объект с Т-образными столбами высотой 1,5–2 м лишь стоя на самом холмике, то Карахан уже из-

дали представляет собой почти сюрреалистический вид, напоминающий картину Сальвадора Дали. Причудливо выступает множество Т-образных наверхий из нетронутого в течение тысячелетий пологого склона холма. Тут, несомненно, речь идет об интереснейшем крупном объекте, отличное состояние которого и имеющиеся признаки монументальной архитектуры в любом случае оправдают намечающиеся исследования» (*Schmidt, 2006. S. 201–202*). Сколько еще неоткрытых памятников подобного рода может находиться в предгорных и горных районах Южного Тавра?

Важно заметить, что среди материалов различных регионов Ближнего Востока традиция установления каменных блоков, стел, столбов, а также определенного вида пилястр, как и само возведение типичных, специальным образом оформленных общественных сооружений культового назначения, наиболее характерна и ярко представлена именно в Северной Месопотамии периода PPNA и PPNB. Отдельные случаи фиксации вертикально установленных каменных плит в общественных постройках культового назначения или на открытых пространствах отмечаются для территории Центрального и Южного Леванта в PPNB и переходный PPNB/PPNC периоды (*Kenyon, 1957; Rollefson, 1998; 2000; Fujii, 2008*). Появившиеся позднее такие объекты Восточного Средиземноморья в целом выглядят гораздо скромнее, чем северомесопотамские, где традиция установления моделированных стел в постройках общественного назначения известна с этапа PPNA. Истоки ее прослеживаются в обычае возведения парных моделированных стел (соединенных между собой глиняной перемычкой) в центральной части круглоплановых «жилищ-святилищ» Гермез Дерэ и Немрик IX раннего PPNA времени на территории Северного Ирака (*Watkins, 1990; 1992; Корниенко, 2004. С. 125–128; Корниенко, 2009. P. 93*).

Продолжение раскопок на упомянутых и еще пока не открытых памятниках докерамического неолита, несомненно, увеличит количество обнаруженных стел. Будет получена более точная информация об их размерах, размещении, оформлении и сопутствующих материалах. Вместе с тем уже сейчас господствующей является трактовка данной группы объектов раннеолитического времени как антропоморфных изображений. Для Невали Чори, Гёбекли Тепе, Зефер Тепе, Карахан Тепе и Хамзан Тепе характерны Т-образные наверхия стел, что само по себе символизирует главу/голову. Объяснение таких столбов как чело-

векоподобных фигур было предложено еще при исследовании Невали Чори. До последнего времени в качестве убедительных доказательств антропоморфности стел приводились нанесенные на них изображения рук и кистей с пальцами. Но недавнее открытие «тотемной колонны» в Гёбекли Тепе ослабило подобную аргументацию. На этой стеле было обнаружено изображение существа с согнутыми в локтях руками/лапами и сложенными на животе пятипальными кистями, как и у стел типа Невали Чори, однако голова его была звериной (рис. 7). Тут уместно вспомнить центральные стелы общественной постройки культового назначения EA 100 в Жерф эль Ахмаре (рис. 6, I). Они имели хорошо моделированные головы и шеи, при этом изображения рук отсутствовали. Исходя из оформления верхних частей стел, авторы раскопок трактуют эти изображения как зооморфные: грифы (по определению Л. Гуришона), хищники (по определению Д. Стордэра) (*Stordeur et al.*, 2001. P. 40, fig. 8–11).

Тем не менее контуры рассматриваемых в профиль наверший Т-образных столбов повторяют в стилизованном виде профиль человеческой головы, в соответствии с пропорциями которой «лицевая» часть наверший у экземпляров Невали Чори значительно длиннее по сравнению с «затылком» (рис. 5, 3). В Гёбекли Тепе изображения рук обнаружены только у некоторых стел, а «лицо» и «затылок» Т-образных столбов Гёбекли Тепе приблизительно одинаковых пропорций (рис. 5, 4). Шмидт был убежден, что все столбы исследуемого им памятника должны пониматься как изображения неких антропоморфных существ — божеств или духов предков (*Schmidt*, 2006. S. 116–122). Открытие 2010 г. внесло в эту теорию коррективы. Теперь, по крайней мере, следует допускать саму возможность зооморфной или зооантропоморфной природы персонажей, запечатленных в некоторых столбах Гёбекли Тепе, как и в упоминавшихся выше ортостатах других поселений эпохи докерамического неолита. Исходя из самого контекста их расположения, приемов оформления, а также иных характеристик, все они, безусловно, являются родственными объектами и выполняли когда-то схожие с Т-образными стелами Невали Чори и Гёбекли Тепе функции.

Тот уровень знаний по исследованию раннеолитических обществ Ближнего Востока, которого уже достигла наука, дает возможность вновь обратиться к некоторым случайным находкам, хранившимся долгие годы в запасниках провинциальных музеев Юго-Восточной Турции, что в

свою очередь дает шанс расширить наши представления об изучаемом периоде. Так, в музее Газиантепа, западного соседа провинции Шанлыурфа, хранится находка, которая заставляет задуматься, не являются ли Т-образные столбы (по крайней мере, в некоторых случаях) изображениями существ с двумя лицами (*Çelik*, 2005. P. 28–29). Эта скульптура, первоначальное местонахождение которой неизвестно, в настоящее время датируется эпохой докерамического неолита. Как и римской бог Янус, она имеет два в противоположные стороны смотрящих лица (рис. 7, 2). Еще одна статуя с двумя лицами была обнаружена в Гёбекли Тепе. Но голова у нее не выдается отчетливо вперед и назад (Т-образно) подобно скульптуре из Газиантепа, которая и дала повод к предположению о том, что Т-образные навершия столбов могли обозначать два лица. Ни на передней, ни на задней частях наверший Т-образных столбов Гёбекли Тепе и Невали Чори мы не находим даже намека на моделирование лица. Поверхности их либо совершенно гладкие, либо, как в случае с некоторыми стелами Гёбекли, заняты изображениями животных. Однако уже отмечалось, что задняя и передняя части наверший Т-образных столбов Гёбекли Тепе, в отличие от Невали Чори, приблизительно пропорциональны, и этот факт говорит в пользу трактовки стел Гёбекли Тепе как изображений персонажей с двумя лицами (*Schmidt*, 2006. S. 116–118, Abb. 43). На экземпляре из Газиантепа изображена пара согнутых рук, которые, несмотря на наличие двух лиц, четко обозначают лицевую и оборотную стороны стелы, как в случае со стелами типа Невали Чори. Для толкования семантики столбов это в принципе ничего не меняет. Соответственно загадка, могут ли являться Т-образные навершия изображениями двух лиц или нет, пока остается нерешенной. В представленном мной на конференции 2002 г. докладе помимо прочего рассматривались двухголовые бюсты из тайника II Айн Гхасалия (Северная Иордания, эпоха PPNB). Во-первых, были указаны некоторые левантйские параллели представляемым сейчас материалам Северной Месопотамии. Во-вторых, сделанные в докладе наблюдения относительно назначения двухголовых бюстов Айн Гхасалия вполне применимы при рассмотрении доказанного и возможного присутствия двулицых персонажей среди находок Южного Тавра (*Корниенко*, 2002а; 2006. С. 79–81).

Случайно обнаруженная еще в 1965 г. скульптурная стела из известняка, идентификация которой проведена недавно, позволяет предположить,

Рис. 8. Гёбекли Тепе, сектор L9–46, слой II. «Тотемный столб» (высота — 1,92 м, средний диаметр — 30 см) (Köksal-Schmidt, Schmidt, 2010. Fig. 1)

Fig. 8. Göbekli Tepe, sector L9–46, level II. «Totem pillar» (height — 1,92 m, average diameter — 30 cm)

что в провинции Адиаман, находящейся северо-западнее провинции Урфа, имеются не открытые пока памятники с характерными культовыми сооружениями. По виду, в том числе своим Т-образным профилем, стела напоминает Т-образные столбы типа Невали Чори. Эта стела, сохранившаяся на высоту 80 см, обладает более выраженными антропоморфными чертами (рис. 7, 4). Изначально она была длиннее, так как меньшая по объему нижняя ее часть, когда-то заглубленная в каменную скамейку или пол, теперь отбита. Т-образная верхняя часть имеет длину 29 и ширину 9,5 см (Hauptmann, 2000. S. 7–8). Лицевая часть выступает вперед, она больше по размеру, чем затылочная. Овальное человеческое лицо, подчеркнуто плоской формы, отличается стилизованным длинным носом. По бокам туловища изображенного персонажа хорошо видны согнутые в локтях руки. Кисти рук сложены у выступающего живота, возможно, фаллоса, который одновременно является головой нижнего персонажа (тоже с согнутыми и сложенными на животе руками). Ин-

терпретация расположенного под этими кистями рук углубления не ясна. Стилистически стелу, поступившую из провинции Адиаман, на основании положения согнутых рук и Т-образного профиля можно сравнить с рельефными антропоморфными Т-образными столбами из Невали Чори и Гёбекли Тепе, а кроме того, с Т-образными столбами из Зефер Тепе, Карахан Тепе и Хамзан Тепе. Учитывая особенности моделирования, ее можно сопоставить с упоминавшейся выше статуей ранненеолитического времени из старого центра г. Шанлыурфа (рис. 7, 1) и довольно обширной для Северной Месопотамии группой итифаллических скульптур эпохи докерамического неолита (рис. 7, 5, 6). Наконец, наличие расположенных друг над другом похожих фигур с согнутыми в локтях и сложенными на животе руками (из живота верхнего персонажа проступает голова нижнего), несомненно, сближает описываемый объект с «тотемным столбом» Гёбекли Тепе (рис. 8). Уточнение периода создания стелы из провинции Адиаман позволяет расширить область распространения данного типа изображений эпохи докерамического неолита, до недавнего времени ограниченную регионом Урфы.

Важным представляется факт, что центральные стелы и пилястры располагались в рамках сакрального пространства ранненеолитических площадок Северной Месопотамии в большинстве случаев парами. Парность почитаемых центральных объектов в святилищах или архаичных храмовых строениях отмечается во многих других культурах Древнего мира. Такая символика соответствует дуалистичности мифологического сознания, бинарности как одной из основ восприятия явлений мира человеком. Тем не менее при рассмотрении оформления парных стел и пилястр Верхнего Двуречья ни в одном случае мы пока не можем однозначно говорить о том, что они изображают классическую пару — «мужчина—женщина». Тогда как парные стелы, в том числе одинаковые, с мужской символикой (см., например: рис. 6, 3) и условно «бесполое» — похожие или различные в оформлении, неоднократно фиксируются в окружении других столбов или пилястр (см., например: рис. 6, 1; 4, 5). Тем не менее, очевидно, не стоит окончательно исключать возможность выявления в будущем значения для некоторых пар столбов: *мужчина-женщина*.

Из того, что нам уже известно об архитектуре и в целом о моделировании пространства людьми ранненеолитического времени в Северной Месопотамии, можно сделать вывод: вертикально ус-

тановленные плиты, столбы и стелы, которые в центре распространения этой традиции имели Т-образную форму, а в ряде случаев могли дублироваться пилястрами, являлись важнейшими маркерами сакрального пространства. При этом не обязательно они были помещены в специальные общественные постройки, но могли располагаться и на открытых площадях (Плаза Чайёню), в участках, огороженных стенами без перекрытий (Сооружение С Гёбекли Тепе и, очевидно, некоторые другие), или, на раннем этапе, внутри жилых помещений (Гермес Дерё, Немрик 9), обеспечивая своим присутствием особую сакральную зону для встречи людей с их сверхъестественными покровителями. Именно в таких центрах, что хорошо фиксируется материальными свидетельствами и этнографическими параллелями, в отведенное для этого время, с определенной периодичностью собирались члены сплоченных коллективов (семьи, рода, племени, конфедерации племен), либо их представители, для проведения продуцирующих обрядов и церемоний, направленных на поддержание установленного миропорядка, всеобщего благополучного воспроизводства и процветания конкретных человеческих объединений. Исследования специфики моделирования подобных сакральных пространств и общего поселенческого контекста дает представление о функционировании многоуровневой социальной организации у населения Верхнего Двуречья в эпоху раннего неолита.

Как показывают уже довольно многочисленные археологические источники (Немрик IX, Гермес Дерё, Урфа, Гёбекли Тепе, Невали Чори, Чайёню, Зефер Тепе, Карахан, Кёртик Тепе, Жерф эль Ахмар, Телль Абр 3, Телль Карамель, Джадда, Букра, Мурейбит и др.), в X–VIII тыс. до н. э. в Верхнем Двуречье существовала широко распространенная система символов, где вертикально установленным плитам, специально оформленным стелам, столбам и пилястрам отводилось центральное место. Подробности ее содержания и функционирования сейчас понять сложно. Однако ясно, что символически выраженные образы того далекого времени служили надежными инструментами, передающими важную информацию современникам и, очевидно, будущим поколениям потомков. Разумеется, символы были здесь только частью сложной многоплановой коммуникационной, а также организующей системы. Жизнь вокруг Гёбекли Тепе основывалась на прочных коллективных связях в регионе. Само возведение строительных сооружений данного комплекса

требовало сплоченности и организации большого союза племен. Все эти факты, не противореча материалам соседних регионов, свидетельствуют в пользу того, что на данном этапе развития населения Ближнего Востока — в эпоху PPNA, PPNB — происходит постепенное установление территориального принципа социальной организации, дополнявшего кровнородственный. В частности на обширной территории Верхнего Двуречья это проявляется в фиксации единого информационного пространства, маркированного распространением общей системы священных символов, а также в перенесении представлений о сакральном центре мироздания из родовых домов-святилищ на общественные сооружения религиозного назначения, включая межплеменные религиозные комплексы, в «места обитания» сверхъестественных покровителей общин и территорий, ими освоенных.

Вопрос — кого воплощали каменные столбы, стелы, пилястры Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита? — в настоящее время остается открытым и остро дискуссионным. В любом случае, из-за своей множественности, стандартности в исполнении, при отсутствии отдельных устойчивых атрибутов или иных индивидуальных характеристик, это не были персонифицированные боги или конкретные особо почитаемые в племенном союзе (племени, роде, семье) умершие предки. До сих пор не известны случаи, чтобы вертикально установленные плиты, столбы, стелы или пилястры Северной Месопотамии эпохи раннего неолита были особым образом связаны с захоронениями.⁷

На наш взгляд, олицетворенные в стелах сверхъестественные силы — переходный вариант

⁷ Тут мы не учитываем свидетельства экстраординарных человеческих жертвоприношений в строениях В2 Телль Абра 3, EA30 и EA7 Жерф эль Ахмара (Корниенко, 2004. С. 141), а также материалы до сих пор уникального комплекса Дома Черепов Чайёню Тепеси, где узкая сакральная специализация самого здания в качестве общественного места захоронения определила наличие там большого количества человеческих останков (Корниенко, 2006. С. 48–49, 51–54). Вместе с тем Шмидт считает, что сакральный комплекс Гёбекли Тепе был посвящен именно культу мертвых (притом, что на этом памятнике сейчас не выявлено ни одного погребения). Он предполагает обнаружить там свидетельства массовых захоронений в нижнем пока еще не затронутом раскопками уровне слоя III (Schmidt, 2006. S. 138–140). Аргументированные сомнения на этот счет высказывались нами в предыдущих работах (Корниенко, 2009; 2010).

от духов предков к божествам-покровителям общины и территории, ею освоенной. В целом являясь воплощением ушедших поколений, они были защитниками ныне живущих коллективов, посредниками в их отношениях с окружающим миром. Судя по рассмотренным материалам, среди них встречаются антропо-, зоо- и зооантропоморфные представители. Вместе с тем, являясь широко распространенным символом эпохи докерамического неолита на территории Верхнего Двуречья, вертикально установленные в сакральных зонах плиты, столбы и пилястры своим специальным оформлением во многих случаях несли многоплановую дополнительную информацию мифологического содержания.

При исследовании проблемы формирования традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху, рассматривая главным образом архитектурные объекты и сопутствующие им археологические данные, мы отмечали, что лишь с эпохи Убейд в Двуречье прочно закрепляется известный еще в ранненеолитическое время обычай символического украшения храмовых, а позже и городских стен пилястрами для ритуальной защиты святилищ и населения города. Традиция обязательного установления стел, маркирующих священное пространство, в сооружениях культового назначения продолжается в шумерское время. Это подтверждают самые ранние из известных на сегодняшний день строительных записей-гимнов в честь возведения храма, так называемых «текстов Гудеа». В них сообщается, что завершалось грандиозное строительство установлением стел в различных частях храма. Причем стелы имели охранительное значение, а символика их была связана с древнейшими, не активными уже к тому времени богами и героями (Емельянов, 2003. С. 82–83). Безусловно, стелы, столбы и пилястры эпохи докерамического неолита, возводимые в общественных постройках культового характера на поселениях Северной Месопотамии, по своему значению сильно отличались от стел и пилястр, известных гораздо позднее в убейдских и шумерских храмах. Последние сохранялись традицией, передающей опыт многих предшествовавших поколений, уже как обязательные охранительные элементы храмового убранства (Корниенко, 2006. С. 169–170).

Шмидт, размышляя над теми же вопросами и привлекая к анализу иные группы источников — шумерские мифы, а также материалы палеоботанических и палеозоологических исследований,

приблизительно в то же время высказал в своей книге следующую гипотезу: «Из шумерской мифологии мы знаем место, называющееся Ду-ку. Это сакральная гора. Здесь, говорят, жили боги Ануннаки — очень древние боги, имена которых не известны. На горе Ду-ку, так гласит предание, была родина овцы и зерна; здесь были изобретены существенные элементы человеческой цивилизации — земледелие, скотоводство, а также ткачество. Гору Ду-ку мы, как правило, идентифицируем с грядой Тавра и Загроса, благоприятный климат которых сделал возможным развитие отмеченных цивилизационных достижений. Если объединить отдельные названные феномены — очень древняя обрабатываемая территория, древние боги без имен и затем стилизованные под человека столбы Гёбекли Тепе, стоящие вокруг двух стел того же вида, однако особой высоты и в доминантном положении, напрашивается вопрос: если объединить все эти пункты, не скрывается ли в Гёбекли Тепе чего доброго гора Ду-ку? А антропоморфные столбы Гёбекли Тепе — не древние ли это боги Ануннаки, вдруг ставшие осязаемыми? Не хранит ли культурная память неожиданно конкретные воспоминания о неолитическом прошлом данного региона? <...> В конце концов, мы снова оказываемся перед главным вопросом, ввиду огромного промежутка времени между ранним неолитом и текстовыми источниками: допустима ли вообще попытка таким образом включать феномен Гёбекли Тепе в контекст древневосточного предания?» (Schmidt, 2006. S. 220–221). Очевидно, не следует исключать саму возможность подобных сопоставлений как дополнительных материалов для размышления во время проведения тщательных исследований с применением комплексного подхода, в том числе метода верификации, при использовании различных групп источников.

В рамках высказанной Шмидтом гипотезы значение столбов Гёбекли Тепе как вероятных прообразов древнейших (безликих, неиндивидуальных) богов Ануннаков,⁸ на наш взгляд, надо распространять на всю группу рассмотренных материальных объектов — вертикально установленных плит, стел, столбов и пилястр, маркиро-

⁸ Ануннаки, как сообщают ранние письменные источники Двуречья, древнейшие божества, предки действующих богов, связанные с Подземным миром и решающие судьбы мертвых. Подробнее об Ануннаках и Священном холме/горе Ду-ку на русском языке см.: Емельянов, 1999. С. 85–86, 94, 99, 100, 104, 125, 151, 159, 211, 215.

вавших сакральное пространство в эпоху докерамического неолита на обширной территории Верхнего Двуречья, где в это время действительно предпринимались первые попытки одомашнивания растений и животных. Данные категории археологических объектов по самому контексту обнаружения, во многих случаях — размерам, стилю и материалу изготовления сопоставимы с известными образцами крупноформатной скульптуры. Для названных групп артефактов встречаются их миниатюрные копии. Эти свидетельства подтверждают наличие содержательных параллелей между обсуждаемыми категориями объектов. Тем не менее произведенный общий обзор имеющихся источников уже сейчас показывает совершенно особое положение стел, столбов и пилястр Северной Месопотамии как наиболее важное и, безусловно, доминирующее в общей многоуровневой системе сакральных символов этого региона.

- Бадер, 1989 — Бадер Н. О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989.
- Брейдвуд, Чембел, 1984 — Брейдвуд Р., Чембел Х. У истоков производящего общества в Юго-Восточной Анатолии // Наука и человечество. М., 1984.
- Емельянов, 1999 — Емельянов В. В. Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака. СПб., 1999.
- Емельянов, 2003 — Емельянов В. В. Ритуал в Древней Месопотамии. СПб., 2003.
- Корниенко, 2002а — Корниенко Т. В. Антропоморфные статуи из тайников Айн Гхасаля // Клады: состав, хронология, интерпретация: Материалы тематической научн. конф. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб., 2002.
- Корниенко, 2002б — Корниенко Т. В. «Храмы» Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита // ВДИ. 2002. № 2.
- Корниенко, 2004 — Корниенко Т. В. Символическое оформление построек раннего докерамического неолита на территории Северной Месопотамии // ВДИ. 2004. № 2.
- Корниенко, 2005 — Корниенко Т. В. К проблеме культового строительства в Северной Месопотамии в эпоху докерамического неолита // Археологические вести. СПб., 2005. № 12.
- Корниенко, 2006 — Корниенко Т. В. Первые храмы Месопотамии. Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. СПб., 2006.
- Корниенко, 2008 — Корниенко Т. В. Три антропоморфные стелы провинциальных музеев Юго-Восточной Турции как свидетельства эпохи докерамического неолита на Евфрате // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: Материалы тематической научн. конф. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб., 2008.
- Корниенко, 2009 — Корниенко Т. В. Гёбекли Тепе — неординарный археологический памятник Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита: к вопросу об интерпретации // Древность: историческое знание и специфика источника / Отв. ред. А. С. Балахванцев. М., 2009. Вып. 4.
- Корниенко, 2010 — Корниенко Т. В. Рец. на книгу К. SCHMIDT. Sie bauten den ersten Tempel. Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger. Die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. München: C.H. Beck, 2006. 282 S. // ВДИ. 2010. № 2.
- Aurenche, Kozłowski, 1999 — Aurenche O., Kozłowski S. K. La naissance du Néolithique au Proche Orient ou le paradis perdu. Paris, 1999.
- Çambel, 1985 — Çambel H. Çayönü, 1984 // Anatolian Studies. 1985. Vol. 35.
- Çelik, 2000a — Çelik B. An Early Neolithic Settlement in the Center of Sanlıurfa, Turkey // Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. 2000. No 2–3.
- Çelik, 2000b — Çelik B. A New Early Neolithic Settlement: Karahan Tepe // Ibid.
- Çelik, 2004 — Çelik B. A New Early Neolithic Settlement in Southeastern Turkey: Hamzan Tepe // Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. 2004. No 2.
- Çelik, 2005 — Çelik B. A New Statue of the Early Pre-Pottery Neolithic Period from Gaziantep, Southeastern Turkey // Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. 2005. No 1.
- Çelik, 2006 — Çelik B. A New Pre-Pottery Site in Southeastern Turkey: Safer Tepe // Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. 2006. No 1.
- Fujii, 2008 — Fujii S. Two Petroglyphs from Wadi Abu Tulayha, a PPNB Agro-pastoral Outpost in the Jafr Basin // Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. 2008. No 1.
- Hauptmann, 1993 — Hauptmann H. Ein Kultgebäude in Nevali Çori // Between the rivers and over the mountains / M. Frangipane et al. (eds). Roma, 1993.
- Hauptmann, 1999 — Hauptmann H. The Urfa Region // Neolithic in Turkey: The Cradle of Civilization / New Discoveries. Ancient Anatolian Civilizations Series 3 / M. Özdoğan, N. Başgelen (eds). Istanbul, 1999.
- Hauptmann, 2000 — Hauptmann H. Ein frühneolithisches Kultbild aus Kommagene // Gottkönige am Euphrat: Neue Ausgrabungen und Forschungen in Kommagene. J. Wagner (Hrsg.). Mainz am Rhein, 2000.
- Kenyon, 1957 — Kenyon K. Digging up Jericho. London, 1957.
- Korniienko, 2009 — Korniienko T. V. Notes on the Cult Buildings of Northern Mesopotamia in the Aceramic Neolithic Period // Journal of Near Eastern Studies. 2009. Vol. 68. No 2.
- Kozłowski, Aurenche, 2005 — Kozłowski S. K., Aurenche O. Territories, Boundaries and Cultures in the Neolithic Near East. Oxford, 2005.
- Köksal-Schmidt, Schmidt, 2010 — Köksal-Schmidt Ç., Schmidt K. The Göbekli Tepe «Totem Pole». A First Discussion of an Autumn 2010 Discovery (PPN, Southeastern Turkey) // Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. 2010. No 1.
- Mellink, 1989 — Mellink M. J. Archaeology in Anatolia // American Journal of Archaeology. 1989. Vol. 93. No 1.

- Müller-Neuhof*, 2006 — *Müller-Neuhof B.* An EPPNB Human Sculpture from Tell Sheikh Hassan // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. 2006. No 2.
- Özdoğan*, 1995 — *Özdoğan A.* Life at Çayönü During the Pre-Pottery Neolithic Period (according to the artifactual assemblage) // *Readings in Prehistory. Studies Presented to Halet Çambel / J. Roodenberg*, ed. Istanbul, 1995.
- Özdoğan*, 1999 — *Özdoğan A.* Çayönü // *Neolithic in Turkey: the Cradle of Civilization: New Discoveries / M. Özdoğan, N. Başgelen* (eds). Istanbul, 1999.
- Özdoğan*, 2008 — *Özdoğan A.* Çayönü // *Türkiye’de Neolitik dönem. Yeni kazılar, yeni bulgular (The Neolithic Period in Turkey: New Excavations, New Findings)*. Anadolu’da Uygarlığın Doğuşu ve Avrupa’ya Yayılımı / M. Özdoğan, N. Başgelen (eds). Istanbul, 2008. Vol. 1, 2.
- Özdoğan*, *Özdoğan*, 1990 — *Özdoğan M., Özdoğan A.* Çayönü. A Conspectus of Recent Work // *Paléorient*. 1990. Vol. 15. No 1.
- Rollefson*, 1998. — *Rollefson G. O.* ‘Ain Ghazal (Jordan): ritual and ceremony III // *Paléorient*. 1998. Vol. 24. No 1.
- Rollefson*, 2000 — *Rollefson G. O.* Ritual and Social Structure at Neolithic ‘Ain Ghazal // *Life in Neolithic Farming Communities: Social Organization, Identity, and Differentiation / Ian Kuijt* (ed.). New York, 2000.
- Schirmer*, 1983 — *Schirmer W.* Drei Bauten des Çayönü Tepesi // *Beiträge zur Altertumskunde Kleinasien — Festschrift für Kurt Bittel / R. M. Böhmer, H. Hauptmann* (Hrsg.). Mainz, 1983.
- Schirmer*, 1990. — *Schirmer W.* Some aspects of building at the «aceramic-neolithic» settlement of Çayönü Tepesi // *World Archaeology*. 1990. Vol. 21. No 3.
- Schmidt*, 1998 — *Schmidt K.* Frühneolithische Tempel. Ein Forschungsbericht zum präkeramischen Neolithikum Obermesopotamiens // *Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft*. 1998. No 130.
- Schmidt*, 2001 — *Schmidt K.* Göbekli Tepe, Southeastern Turkey. A Preliminary Report on the 1995–1999 Excavations // *Paléorient*. 2001. Vol. 26. No 1.
- Schmidt*, 2006 — *Schmidt K.* Sie bauten ersten Tempel. Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger. Die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe. München, 2006.
- Schmidt*, 2008a — *Schmidt K.* Die steinzeitlichen Heiligtümer am Göbekli Tepe // *Colloquium Anatolicum*. Istanbul, 2008. Vol. 7.
- Schmidt*, 2008b — *Schmidt K.* Göbekli Tepe — Enclosure C // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. 2008. No 2.
- Stordeur*, 2000 — *Stordeur D.* New Discoveries in Architecture and Symbolism at Jerf el Ahmar (Syria), 1997–1999 // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. 2000. No 1.
- Stordeur et al.*, 2001 — *Stordeur D., Brenet M., Der Aprehian G. Roux J.-C.* Les bâtiments communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNA (Syria) // *Paléorient*. 2001. Vol. 26. No 1.
- Verhoeven*, 2002a — *Verhoeven M.* Ritual and Ideology in the Pre-Pottery Neolithic B of the Levant and Southeast Anatolia // *Cambridge Archaeology Journal*. 2002. No 12.
- Verhoeven*, 2002b — *Verhoeven M.* Transformations of Society: the Changing Role of Ritual and Symbolism in the PPNB and the PN in the Levant, Syria and South-East Anatolia // *Paléorient*. 2002. Vol. 28. No 1.
- Vor 12 000 Jahren... 2007 — *Vor 12 000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit: Ausstellungskatalog des Badischen Landesmuseums Karlsruhe / Clemens Lichter* (ed.). Stuttgart, 2007.
- Watkins*, 1990 — *Watkins T.* The Origins of House and Home? // *World Archaeology*. 1990. Vol. 21. No 3.
- Watkins*, 1992 — *Watkins T.* The Beginning of the Neolithic: Searching for Meaning in Material Culture Change // *Paléorient*. 1992. Vol. 18. No 1.
- Yartah*, 2004 — *Yartah T.* Tell ‘Abr 3, un village du néolithique précéramique (PPNA) sur le Moyen Euphrate. Première approche // *Paléorient*. 2004. Vol. 30. No 2.
- Yartah*, 2005 — *Yartah T.* Les bâtiments communautaires de Tell ‘Abr 3 (PPNA, Syrie) // *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research*. 2005. No 1.

Pillars of Northern Mesopotamia of the Early Neolithic Period: Preliminary Review

T. V. Kornienko

The evidence now available on the architecture and in general on the space modelling by man in Northern Mesopotamia of the Early Neolithic period suggests that the vertically installed slabs, stelae and pillars, which in the centre of the distribution of this tradition were T-shaped or occasionally duplicated by pilasters, were very important markers of the sacral space. Moreover, not indispensably they were positioned in some special public buildings but may have been

standing in open squares (Plaza Зайдунь) and in areas fenced by walls but unroofed (Installation C of Göbekli Tepe and possibly some other) or, at the earlier stage, inside dwelling rooms (Nemrik IX, Qermes Dere). These installations thus must through their presence have been providing a special zone of intersection of the sacral space and time for people meeting their supernatural protectors. Exactly in the centres of this kind, as is well recorded through material and ethno-

graphic evidence, during special time with a particular cyclic recurrence, members of united collectives (families, kins, tribes, or tribal confederations) or their representatives gathered to observe productive rites and ceremonies. These were intended to support the established world order, general successful reproduction and thriving of particular human aggregations. Studying the specifics in modelling sacral spaces of this type and the general context of settlement patterns gives us an idea of the establishment of a multi-levelled social organisation among the population of the Upper Interfluve during the Early Neolithic period.

As demonstrated by now fairly numerous archaeological sources (Nemrik IX, Qermes Dere, Şanlıurfa, Göbekli Tepe, Nevali Çori, Çayönü Tepesi, Hallan Çemi, Sefer Tepe, Karahan, Körtik Tepe, Jerf el Ahmar, Tell 'Abr 3, Tell Qaramel, Dja'de el-Mughara, Bouqraz, Mureybet etc.), in the Upper Mesopotamia there existed in the 10th-8th millennium BC a widely distributed system of symbols in which of most importance were vertically installed slabs, specially designed stelae, pillars and pilasters. In present days it is difficult to understand in detail the contents and functions of that system. It is clear nevertheless that the symbolical images of those distant times served as reliable instruments transferring important information to the contemporaries and, perhaps, to the next generations. It is understood that the symbols here were only part of a complicated multidimensional system of communication which was organizing people. Activities around Gı̇bekli were based on strong collective ties in the region. The very erection of the building structures of that complex demanded a solidarity and organisation of a large tribal union. These facts, in no way contradicting the evidence from neighbouring regions, suggest that at the given stage of the development of the population of the Near East during the PPNA and PPNB periods, gradual establishment of a territorial principle of social organisation was taking place supplementing the ties

of blood. In particular, throughout the vast area of the Upper Mesopotamia, this fact was manifested in fixation of a common informational space marked by the distribution of a unified system of sacral symbols. The establishment of the new system showed itself also in the transference of the notions about the sacral centre of the universe from the family houses-sanctuaries to public installations of the religious purpose, including intertribal sanctuaries, i.e. to the dwelling places of the supernatural protectors of the communities and of their territories.

The problem of whom did the stone pillars, stelae and pilasters of Northern Mesopotamia personified during the Pre-Pottery Neolithic, so far is unsolved and acutely debated. In any case, due to their diversity, notable standardization of execution, the absence of any special repeated personal attributes or any other individual features, we are not dealing here with personified gods or some particularly worshiped (in the tribe, clan) dead ancestors. Until now no instance is known where vertically installed stone slabs, pillars, stelae or pilasters in Northern Mesopotamia of the Early Neolithic period would have been distinctly linked with particular burials.

It seems possible that the supernatural forces represented by the stelae were a transitional variant between the spirits of ancestors to the gods-protectors of a community and of the territory mastered by the latter. They had a collectivistic basis meaning in general the past generations, protectors of the living collectives and mediators in their relations with the surrounding world. The materials here considered suggest that among them there are anthropo- zoo- and zooanthropomorphic representations. As widely distributed symbols of the Aceramic Neolithic period in the Upper Mesopotamia, the vertically set slabs, pillars and pilasters in the sacral zones, given their special shaping, often bore multidimensional additional information of a mythological content.

Новый памятник археологии на Западном Кавказе

С. А. Кулаков, Г. Ф. Барышников, В. А. Трифонов¹

Пещера, которая будет рассмотрена в данной статье, вызвала интерес археологов тем, что, по рассказам посещавших ее местных жителей, в ней находили разнообразные артефакты и в первую очередь обломки глиняной посуды, кости животных и кремневые изделия.

В 2001 г., во время работы Причерноморской палеолитической экспедиции ИИМК РАН на Ахштырской пещерной стоянке (Адлерский район Большого Сочи), была предпринята попытка найти этот памятник. Только с третьего раза удалось попасть в пещеру, произвести первый ее осмотр и сбор археологического материала на дневной поверхности пещерных отложений (Кулаков, 2003). Тогда было решено произвести более тщательные разведочные работы на памятнике, которые и состоялись в 2002 г.²

Местоположение памятника. Вновь открытый памятник археологии находится в пещере, названной Дагомысской, которая расположена на правом берегу верхнего течения р. Западный Дагомыс. В настоящее время Дагомысская пещера с двумя входами открывается в верхнем отвесном поясе скалистого участка течения реки на абсолютной высоте более 315 м. Относительная высота ее над уровнем реки около 200 м. Пещерная полость выработана в карстующемся известняке приблизительно в 15 км по прямой от берега Чер-

ного моря. Административно она находится на границе сельской территории Центрального района г. Сочи и территории Сочинского национального парка, приблизительно в 2 км на север, в горы, от поселка Третья рота (рис. 1).

Дагомысская пещера очень труднодоступна, попасть в нее можно только снизу, от дороги, по местами чрезвычайно крутому склону, который полностью зарос лесом с густым и колючим подлеском и покрыт обширными каменными осыпями. Подъем осложняет отсутствие каких-либо троп, даже звериных (рис. 2).

Дагомысская пещера представляет собой карстовую полость галерейного типа с двумя входами, один из которых (главный, с высокой входной аркой) имеет четкую юго-восточную экспозицию, второй, низкий — южную. Входные коридоры: основной — широкий и высокий, второй — низкий и узкий соединяются, и далее пещера продолжается в виде галереи, которая вскоре резко сужается и уменьшается до такой степени, что двигаться в ней можно только на коленях и ползком. Скальное дно пещеры во входных коридорах и первых 50 м галереи перекрыты рыхлыми отложениями с субгоризонтальной дневной поверхностью, которая имеет общий легкий наклон к главному, юго-восточному входу (рис. 3).

Стратиграфия памятника. В 2002 г. работы на памятнике были начаты с тщательного осмотра и составления плана пещеры для дневной поверхности той площади, где имеются четко выраженные рыхлые пещерные отложения. Это, по всей видимости, как раз совпало с местом вероятного перегиба скального дна пещеры. После него начинается резкое сужение полости, а рыхлые отложения превращаются в желтую придонную пещерную глину (рис. 3).

Разведочный зондаж — шурф (шурф 02), площадью 1 × 2 м, было решено поставить в месте стыка обоих входных коридоров, в своеобразном маленьком зале. Это решение было вызвано теми соображениями, что в этом месте, где соединяют-

¹ Кулаков С. А. — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

Барышников Г. Ф. — Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 1. Зоологический институт РАН.

Трифонов В. А. — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел Центральной Азии и Кавказа.

² Полевые работы производились при финансовой поддержке РФФИ (проект № 02-06-88001). Географические координаты памятника: 43°45'58" северной широты; 39°42'17" восточной долготы.

© С. А. Кулаков, Г. Ф. Барышников, В. А. Трифонов, 2011

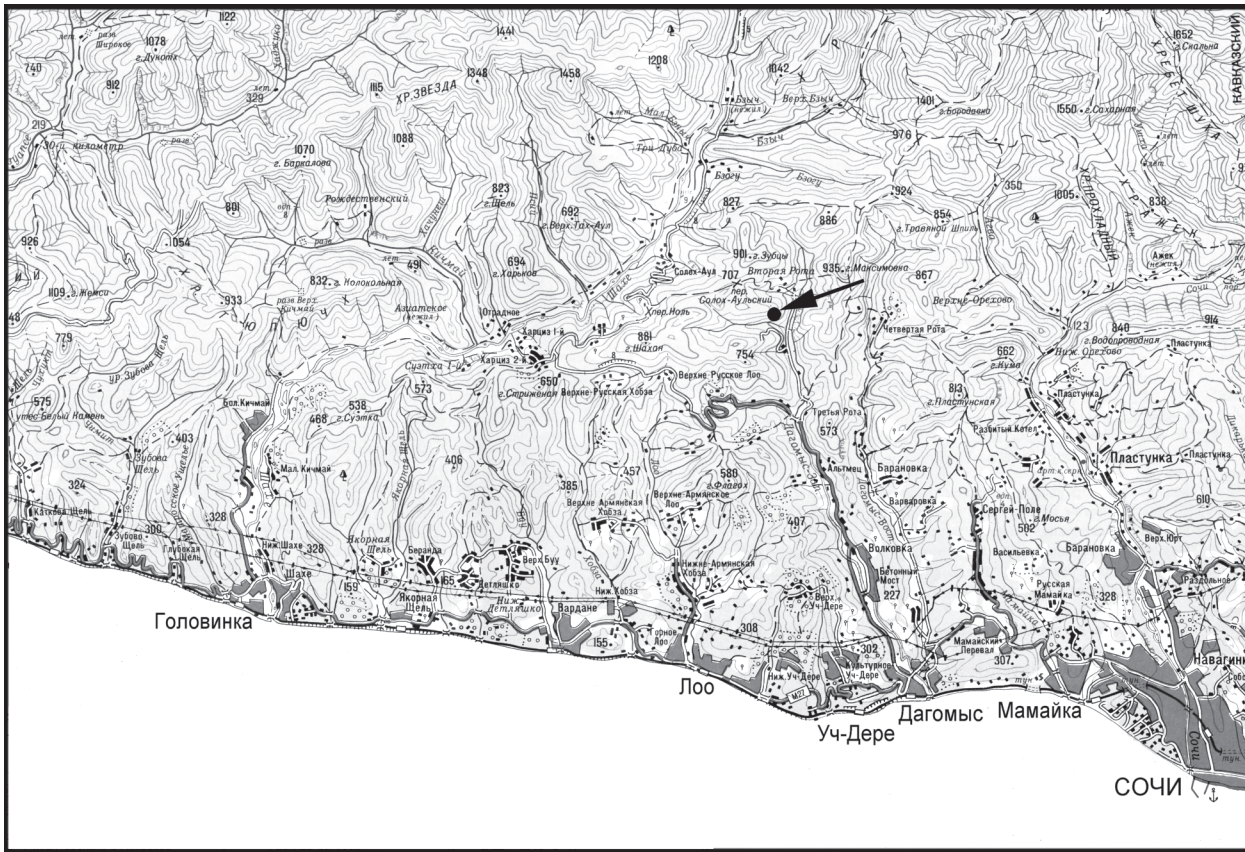

Рис. 1. Центральный район г. Сочи. Местоположение Дагомысской пещерной стоянки

Fig. 1. Central District of the city of Sochi. Situation of the Dagomysskaya (Dagomysian) cave camp-site

ся обе входные части пещеры, при более или менее продолжительном обитании в пещере должны были сохраниться наиболее четкие следы этого в виде артефактов. Кроме того, это место довольно просторное и хорошо освещается и прогревается солнцем (рис. 3).

Сразу же после снятия первых 5 см рыхлых отложений в шурфе вскрылись большие известняковые камни и глыбы. Одна из них перекрыла весь северо-западный угол шурфа и очень мешала при разборке отложений (рис. 4). Рыхлые отложения, вынутые из шурфа, тщательно перебирались при хорошем освещении на главном входе в пещеру. Артефакты и кости животных, находимые в шурфе, размер которых превышал 3 см, тщательно расчищались и фиксировались по глубине от условного нулевого репера. Этот репер был нанесен на выступ скальной колонны в 0,30 м на юг от южной стенки шурфа (рис. 3).

Рыхлые отложения в шурфе разбирались условными раскопочными горизонтами мощностью по 0,05–0,10 м. Все артефакты (кремневые, каменные изделия и керамика) были встречены только в верхней части отложений, максимальная глубина залегания их 0,25–0,30 м от репера. На

глубине чуть более 1 м от репера, на всей площади шурфа рыхлые отложения закончились, было расчищено скальное дно пещеры. К большому сожалению, культуросодержащие отложения в Дагомысской пещере оказались маломощными.

В целом, разобранные в шурфе 02 пещерные отложения представляли собой сильно насыщенные известняковыми разновеликими обломками и щебнем три горизонта суглинков, которые отличались друг от друга только по более интенсивной окрашенности и влажности. Вся толща отложений сильно проработана корнями растений (рис. 5).

В шурфе 02 была установлена следующая стратиграфия отложений (сверху вниз от дневной поверхности) (рис. 5).

1-й горизонт. Бурый суглинок, легкий, рыхлый, комковатый с большим количеством обломочного известнякового материала (крупные и средние обломки, разновеликий щебень, хрящ) и корнями растений. Мощность до 0,40 м.

В этом горизонте были обнаружены все археологические находки на памятнике, которые распределялись равномерно по всей толщине и по всей площади шурфа 02.

Рис. 2. Правый борт р. Западный Дагомыс. Стрелкой указано местоположение Дагомысской пещерной стоянки

Fig. 2. Right bank of the Western Dagomys River. The arrow marks the location of the Dagomysskaya cave camp-site

2-й горизонт. Суглинок темно-бурый, местами до черного, легкий, рыхлый, комковатый, более влажный, чем горизонт 1. Начиная с этого уровня, отложения содержат чрезвычайно много известнякового обломочного материала — мелкие глыбы, крупные, средние и мелкие обломки, разновеликий щебень. Местами отложения состоят полностью из обломочника. Мощность до 0,50 м.

В горизонте были обнаружены только фаунистические остатки.

3-й горизонт. Суглинок темно-бурый, но более светлый, чем горизонт 2, средний, рыхлый, комковатый, но более плотный, чем горизонт 2. Забит щебенкой от мелкой до крупной, много хряща, более крупные обломки редки. Мощность до 0,10 м.

В этом горизонте также встречены только фаунистические находки.

Таким образом, основными находками на всей глубине рыхлых отложений Дагомысской пеще-

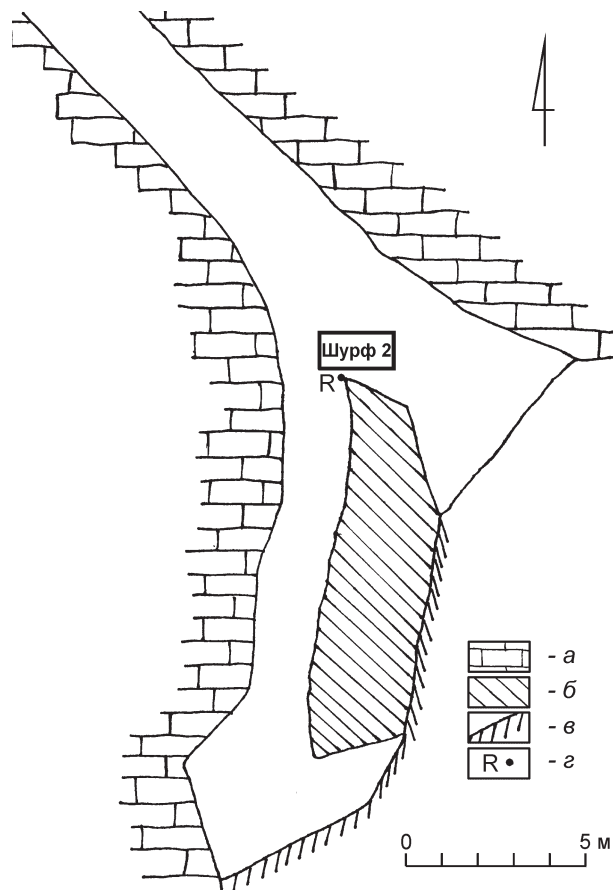

Рис. 3. Дагомысская пещерная стоянка. План полости на уровне дневной поверхности рыхлых отложений.

Условные обозначения: *a* — скальные стены пещеры; *b* — скальная колонна; *v* — скальный обрыв; *z* — нулевой репер

Fig. 3. Dagomysskaya cave site. Plan of the cavity at the ancient level of loose deposits:

Notations: *a* — rock walls of the cave; *b* — rock column; *v* — rock precipice; *z* — zero benchmark

ры были фаунистические остатки — разнообразные кости животных, главным образом кости пещерного медведя. Кости, и крупные и мелкие, как правило, целые и хорошей сохранности.

Археологические находки. Археологическая коллекция из Дагомысской пещеры включает материалы, собранные на поверхности пещерных отложений, и находки из шурфа 02 и состоит из трех кремневых, трех каменных изделий и 135 фрагментов керамики.

Кремневые изделия. 1. Базальный обломок скола (рис. 6, 1). Крупный скол был изготовлен из качественного коричневого кремня, покрыт очень легкой блестящей патиной. Артефакт происходит из 1-го горизонта шурфа. Скол имел выпуклую ретушированную ударную площадку. Оставшийся фрагмент скола имеет субпараллельную грань

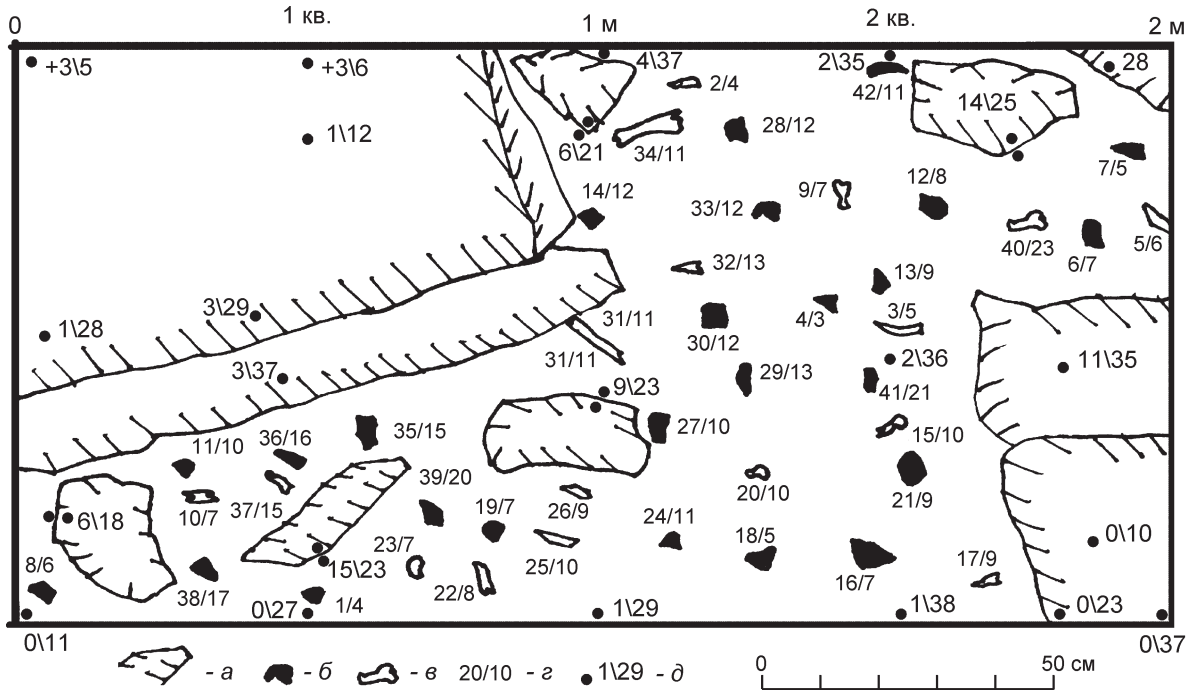

Рис. 4. Дагомысская пещерная стоянка. Шурф 2. План горизонта 1.

Условные обозначения: *a* — крупные известняковые обломки; *b* — артефакты; *v* — фаунистические находки; *z* — номера и глубинные отметки находок; *d* — глубинные отметки слоя

Fig. 4. Dagomysskaya cave site. Pit 2. Plan of horizon 1.

Notations: *a* — large limestone debris; *b* — artefacts; *v* — faunal finds; *z* — numbers and depth marks of the finds; *d* — depth marks of the layer

ку спинки. На краях обломка, с противоположных сторон имеется мелкая ретушь. Ретушь не патинированная, имеющая свежий вид, может быть как следом естественного повреждения скола, так и следом использования (возможно, вторичного) артефакта; 2. Скол — отщеп, изготовленный из серого качественного кремня, покрыт легкой патиной, был подобран на поверхности пещерных отложений в 2001 г. (рис. 6, 2). Это технологический скол — корочный, на спинке и боковых гранях несет естественную поверхность кремневой отдельности. Ударная площадка слегка подправлена; 3. Пренуклеус изготовлен из качественного коричневого кремневого желвака (рис. 6, 3). Изделие имеет некрупные размеры, поверхность расщепления тщательно подготовлена, а ударная площадка, однако, никак не выделена. Судя по всему, это ядрище планировалось как торцовое, но попыток систематического расщепления на нем не было. находка была сделана в 2001 г. на дневной поверхности примерно в месте постановки шурфа.

Таким образом, все три кремневых изделия с памятника не имеют ярко выраженных культурных или хронологических особенностей и могут рассматриваться в широких рамках каменного

века Причерноморья, от среднего палеолита до неолита и бронзы включительно.

Каменные изделия: 1. Песчаниковая (?) галька средних размеров (рис. 7, 1) расчищена в шурфе

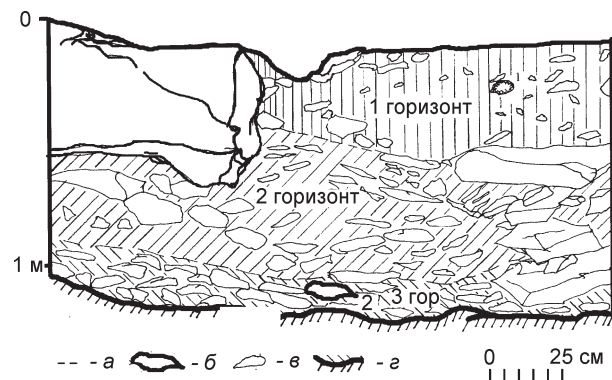

Рис. 5. Профиль северной стены шурфа 2:

1 — фрагмент керамики; 2 — фрагмент крупной кости.

Условные обозначения: *a* — границы стратиграфических горизонтов; *b* — известняковая глыба; *v* — известняковый щебень; *z* — скальное дно пещеры

Fig. 5. Profile of the northern edge of Pit 2:

1 — pottery fragment; 2 — fragment of a large bone.

Notations: *a* — boundaries of stratigraphic units; *b* — limestone boulder; *v* — limestone detritus; *z* — rocky bottom of the cave

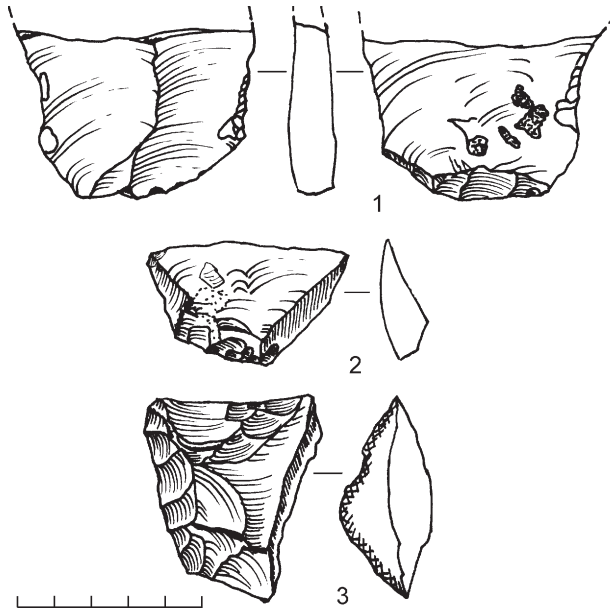

Рис. 6. Дагомысская пещерная стоянка.

Кремневые изделия:

1 — обломок скола; 2 — скол; 3 — пренуклеус

Fig. 6. Dagomysskaya cave site. Flint artefacts:

1 — spall fragment; 2 — spall; 3 — pre-core

в 1-м горизонте, имеет следы использования в качестве отбойника и, возможно, в качестве терочника или песта; 2. Обломок сланцевой (?) гальки (рис. 7, 2), скорее всего, естественного происхождения, имеет подтреугольную форму, обнаружен в 1-м горизонте шурфа 02. Сторона обломка — «основание треугольника» обработана крупной полукрутой и мелкой крутой ретушью и приобрела форму широкого полукруглого лезвия скребла с выступом — острием; 3. Обломок песчаниковой (?) гальки (рис. 7, 3). Крупный обломок имеет явные

следы искусственного расщепления при своем получении. Артефакт происходит из 1-го горизонта шурфа 02.

К сожалению, каменные изделия из коллекции Дагомысской пещерной стоянки также не имеют явных культурных или хронологических особенностей и могут рассматриваться в широких рамках каменного века.

Керамика. Из 135 фрагментов глиняной посуды $\frac{1}{3}$ была расчищена в 1-м горизонте шурфа 02, а $\frac{2}{3}$ коллекции были собраны на поверхности пещерных отложений по всей обследованной площади.

Всего было найдено 135 близких по качеству фрагментов лепной посуды. В качестве отощителя в глину добавлялся толченый кальцит или кварц, белые блестящие включения которого хорошо видны в изломе и на поверхности керамики.

Поверхность керамики заглажена или имеет следы узких (около 1 мм) вертикальных расчесов снаружи (рис. 8, 8) и горизонтальных расчесов изнутри (рис. 8, 9). Обжиг неравномерный. Цвет поверхности от почти черного, темно-серого до различных оттенков коричневого или кирпичного цветов.

Большую часть коллекции представляют фрагменты стенок различных по размеру сосудов с толщиной стенок от 0,5 см до 1 см. Найдено 12 фрагментов венчиков сосудов, три фрагмента плоских днищ, 13 украшенных орнаментом фрагментов и один обломок ручки сосуда (рис. 8).

Все венчики относятся к небольшим по размерам сосудам двух основных форм: горшкам и чашам или мискам. Для горшков характерно невысокое слегка расширяющееся к венчику горло,

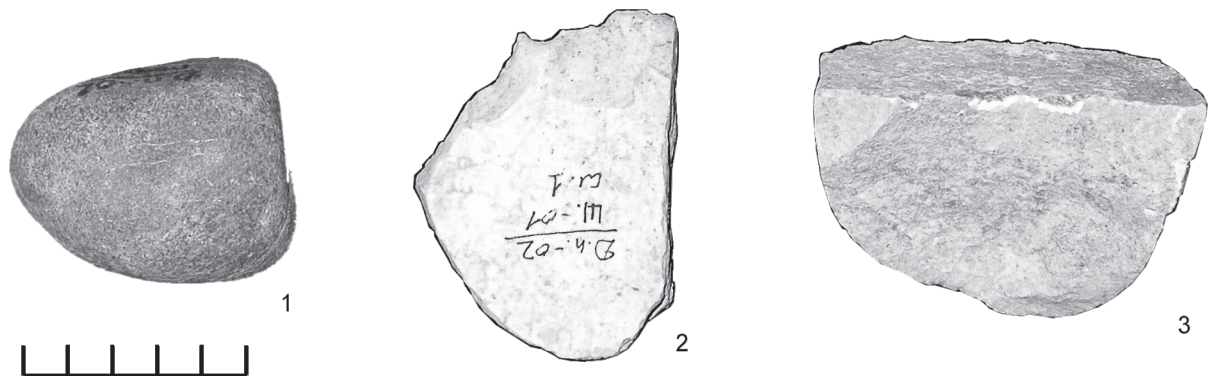

Рис. 7. Дагомысская пещерная стоянка. Каменные изделия:

1 — песчаная галька со следами работы (отбойник — ?; терочник — ?); 2 — фрагмент сланцевой гальки с оббивкой; 3 — фрагмент намеренно расколотой песчаниковой гальки

Fig. 7. Dagomysskaya cave site. Stone artefacts:

1 — sandstone pebble with use-traces (hammer-stone — ?; grindstone — ?); 2 — fragment of chipped chert pebble; 3 — fragment of artificially cleaved sandstone pebble

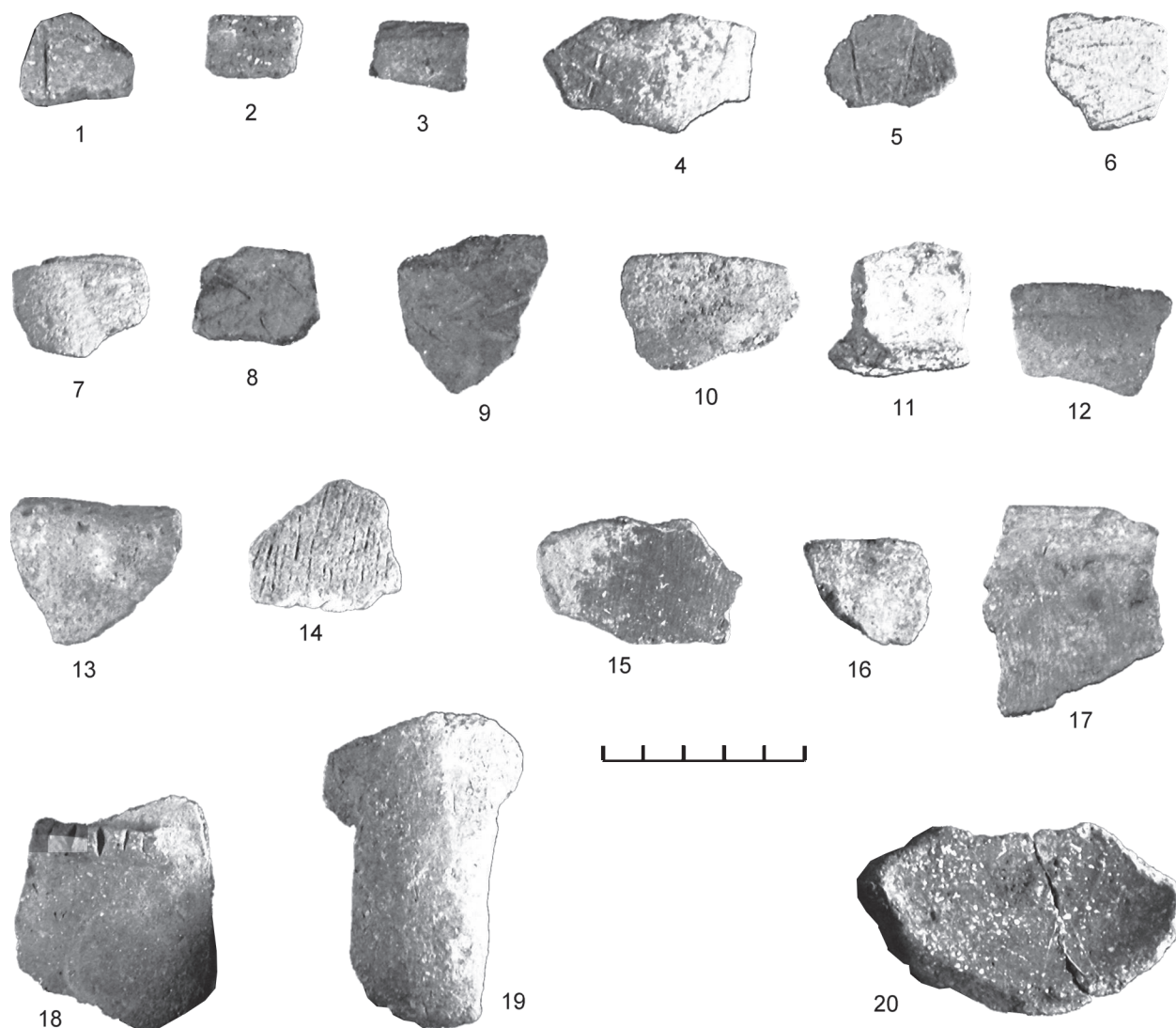

Рис. 8. Дагомысская пещерная стоянка.

Керамика: 1, 4, 5, 8, 9, 14, 15 — фрагменты стенок сосудов с орнаментом; 3, 6, 7, 10, 12, 13, 16–18 — фрагменты венчиков; 11, 20 — обломки днищ; 9 — ручка сосуда

Fig. 8. Dagomysskaya cave site.

Pottery: 1, 4, 5, 8, 9, 14, 15 — fragments of walls of ware with patterns; 2, 3, 6, 7, 10, 12, 13, 16–18 — fragments of rims; 11, 20 — fragments of vessel bases; 19 — fragment of a handle.

плавно переходящее к плечикам сосуда. На одном фрагменте по венчику с наружной стороны проходит широкий заглаженный налепной воротничок, ниже которого на поверхности располагаются следы узких вертикальных расчесов (рис. 8, 1). Диаметр горшков по венчику составляет 15–17 см.

Миски или чаши, судя по венчикам и фрагментам их стенок, представлены двумя различными типами — с вертикальным уплощенным сверху венчиком и с загнутым внутрь приостренным венчиком. Обе разновидности мисок (чаш) орнаментированы. В первом случае орнамент в виде небольших вытянутых вдавлений нанесен в шахматном порядке по уплощенному горизонтальному краю венчика (рис. 8, 7); во втором случае орнамент

в виде ряда наклонно расположенных овальных или подтреугольных вдавлений расположен с наружной стороны под загнутым внутрь венчиком. Диаметр мисок (чаш) по венчику — 12–13 см.

Все найденные фрагменты днищ плоские с четко выделенной закраиной придонной части. Один из фрагментов, вероятно, представляет многоугольное (шестиугольник?) дно (рис. 8, 3). Диаметр днищ составляет 8–10 см.

Орнамент представлен врезными или прочерченными композициями из горизонтальных зигзагов (рис. 8, 4), «елки» (рис. 8, 6), заштрихованными треугольниками (рис. 8, 5) и расположен под венчиком или на плечиках сосудов. Другая разновидность орнамента представлена насечка-

ми, горизонтально расположенными на верхней части тулова, на слегка изогнутом и заглаженном с трех сторон налесте.

Ручка относится к ленточному типу. Ширина ручки около 3 см, толщина около 1 см, высота до места перегиба 6 см (рис. 8, 2).

Вся коллекция керамики, обнаруженная в слое 1, имеет типологические параллели в коллекциях с других памятников дольменной культуры, расположенных на Северо-Западном Кавказе, в том числе Воронцовская пещера, Гуамский грот и поселения Старчики и Даховское.

Судя по этим параллелям, коллекцию из Дагомысской пещеры следует датировать первой половиной III тыс. до Рождества Христова.

Фаунистические находки. Остеологический материал из Дагомысской пещеры немногочислен и принадлежит преимущественно пещерному медведю (табл. 1). Он разделяется на три группы.

Часть костного материала была собрана с современного пола пещеры и помечена как «П.М.». Среди него одна кость птицы и одна кость летучей мыши, которые могли попасть в пещерную полость из разрушившейся погладки совы. Несколько костей медведя и кавказского козла происходят из нижележащих пещерных отложений. Примечателен фрагмент плюсневой кости куницы (*Martes* sp.), который заметно крупнее аналогичных костей современной лесной (*M. martes*) и каменной (*M. foina*) куниц, обитающих ныне на Кавказе.

Во вторую группу входят кости и зубы крупных млекопитающих из слоя 1 в разведочном шурфе. Они принадлежат различным домашним животным (свинья, корова, овца или коза). Несколько

костей пещерного медведя, очевидно, переотложены из более древних горизонтов пещеры. Небольшие размеры запястной кости коровы характерны для крупного рогатого скота эпох неолита или металлов.

Слои 2 и 3 в шурфе содержат исключительно кости пещерного медведя, фоссилзация которых характерна для плейстоцена. В каждом из слоев обнаружены останки как минимум двух особей. Присутствуют почти все элементы скелета, в том числе подъязычная кость и кости грудины. Они свидетельствуют о гибели зверей непосредственно в пещере, где происходило и разложение трупов. Вероятно, Дагомысская пещера использовалась пещерными медведями как зимняя берлога, в которую они залегали на холодный сезон.

Отсутствие серийного материала не позволяет охарактеризовать пещерного медведя. Строение единственного верхнего моляра М2 из слоя 3 типично для пещерного медведя из палеолитических слоев Ахштырской пещеры, позволяет определить его как *Ursus deningeri kudarensis*. Крупные размеры М2 (длина 46,5 мм, ширина 20,4 мм) и отсутствие фасеток стирания на жевательной поверхности делают весьма вероятным принадлежность зуба молодому самцу. Две другие метакарпальные кости из слоя 2 различаются по наибольшей длине (85,2 и 92,6 мм) и принадлежат двум особям. Коленная чашечка из слоя 3 (длина 64,6 мм) заметно меньше таковой из слоя 2 (длина 71,2 мм) и может принадлежать самке.

Таким образом, можно констатировать, что Дагомысская пещера дала новый памятник археологии на Северо-Западном Кавказе, в пределах г. Сочи. Удобная полость пещеры активно ис-

Таблица 1. Видовой состав и количество костных остатков позвоночных из Дагомысской пещеры (раскопки С.А. Кулакова, 2002 г.)

Table 1. Faunal composition and amounts of skeletal remains of vertebrates from the Dagomysskaya Cave (excavations directed by S.A. Kulakov, 2002)

Виды	П. М.	Шурф		
		слой 1	слой 2	слой 3
<i>Домашние</i>				
Свинья, <i>Sus scrofa</i>		3/2		
Корова, <i>Bos taurus</i>		1		
Овца/коза, <i>Ovis/Capra</i>		1		
<i>Дикие</i>				
Птица, <i>Aves</i> sp.	1			
Летучая мышь, <i>Chiroptera</i> sp.	1			
Куница, <i>Martes</i> sp.	1			
Пещерный медведь, <i>Ursus deningeri kudarensis</i>	2/1	27/1	44/2	42/2
Кавказский козел, <i>Capra caucasica</i>	4/1			
<i>Неопределимые</i>	8	47	44	25

пользовалась человеком в эпоху бронзы, в первой половине III тыс. до Рождества Христова, скорее всего, в качестве «постоялого двора» — «убежища» на одном из караванных путей будущего «великого шелкового пути».

Таковы первые результаты изучения нового археологического памятника на Западном Кавка-

зе, исследование Дагомысской пещерной стоянки необходимо продолжать.

Кулаков, 2003 — Кулаков С. А. Отчет о работе Причерноморского палеолитического отряда ИИМК РАН в 2002 году // Архив ИА РАН, ф. 1, р. 1, оп. 1, № 25545.

A New Archaeological Site in the Western Caucasus

S. A. Kulakov, G. F. Baryshnikov, V. A. Trifonov

A newly revealed archaeological site is located in the so-called Dagomysskaya (Dagomysian) Cave. The cave is situated on the right bank of the upper course of the Western Dagomys River, in the upper vertical belt of the rocky area near the river, at an absolute height of over 315 m. The relative height of the cave above river level is about 200 m. In administrative terms it is located at the border between the rural territory of the Central District of the city of Sochi and the area of the Sochi National Park, approximately two kilometres toward the mountains from the village of Tretya Rota 2 (Fig. 1). The Dagomysskaya cave is a cavern of the gallery type with two entrances, of which one is distinctly south-eastern and the other southern. A test pit, with the area of 1 × 2 m, was sunk at the joint of the two entrance corridors. All the artefacts (flint and stone objects and pottery) were encountered only in the upper section of the deposits, 0.25-0.30 m from the bench mark. At a depth slightly more than one metre from the bench mark, throughout the entire area of the pit, the loose deposits ended and the rocky bottom of the cave was cleared out. Generally, the layers removed from test-pit 02 constituted three loamy horizons containing high concentrations of gravel and limestone debris of nearly equal size. The loams differed

from each other only in the intensity of colour and humidity (Fig. 5).

The archaeological collection from the Dagomysskaya Cave is constituted by three flint objects (a spall, a flake, a pre-nucleus — Fig. 6), three lithics (a pebble and 2 fragments of pebbles with traces of use — Fig. 7) and 135 pottery fragments. All the pottery has typological parallels in collections from other sites of the dolmen culture situated in the North-Western Caucasus, including the Vorontsovskaya Cave, Guam Grotto and settlement-sites of Starchiki and Dakhovskoye. As suggested by these parallels, the collection from the Dagomysskaya Cave is to be dated to the first half of the 3rd millennium BC.

Bones and teeth of large mammals from level 1 in the test pit belong to different domestic animals (pig, cow, sheep or goat). Levels 2 and 3 in the test pit contain exclusively bones of cave bear with the fossilization typical to Pleistocene.

It seems thus reasonable to state that the Dagomysskaya Cave represents a new archaeological site in the North-Western Caucasus within the limits of the city of Sochi. This commodious cavern was actively used by man in the Bronze Age, i.e. in the first half of the 3rd millennium BC, most probably as a «hotel» or a «shelter» on one of the caravan routes.

О типах хозяйственного уклада на поселениях эпохи бронзы на Южном Урале и в Северном Казахстане

А. К. Каспаров¹

Природные условия в регионе всегда оказывают влияние на тип хозяйственной деятельности обитателей того или иного поселения. Причем влияние это тем больше, чем на более примитивном уровне производства находится древнее хозяйство и, следовательно, чем более оно оказывается зависимым от факторов окружающей среды. Комплексные палеогеографические исследования показывают, что во второй половине II тыс. до н. э. климат в регионе был более сухим и жарким, с более выраженной континентальностью, и среднегодовая температура была на 2°–4° выше, чем в настоящее время (*Евдокимов, Варфоломеев, 2002*). Тем не менее, как показывают результаты палеобиологических исследований, ландшафтно-климатические условия в регионе благоприятствовали как ведению скотоводческого хозяйства, так и земледелию, хотя и в несколько меньших масштабах.

В настоящей работе предпринята попытка сравнить фаунистические данные с памятников разного времени на территории Северного Казахстана и Южного Зауралья (рис. 1). К сожалению, не все эти материалы опубликованы с достаточной степенью детализации и не всегда датированы с достаточной точностью. Кроме того, некоторые памятники имели чрезвычайно специфический тип хозяйства, обусловленный, вероятно, какими-то особыми причинами или традициями. Таково, например, поселение Ботай, где кости лошади составляют 99,9 %, или поселение Сергеевка, где лошади принадлежит 90 % фаунистических остатков. Ботай в настоящем исследовании не рассматривался вообще. Памятник Сергеевка учитывался, однако данные с него не включались в

подсчеты процентов в среднем по региону. Не рассматривается здесь и поселение Соленое Озеро, где фаунистический материал состоит из остатков только лошади и коровы, которые в сумме не превышают 400 фрагментов. Вообще, в настоящий обзор включены только те памятники, количество костных остатков с которых было не меньше тысячи образцов. Некоторые памятники содержали небольшое количество материала, однако располагались не очень далеко друг от друга, принадлежали к одной культуре и существовали почти одновременно. В таком случае результаты по этим памятникам суммировались. Это относится, например, к таким поселениям, как Камбулат, Шатрово, Верхняя Санарка, Кипель и Замараевское, Новобурунское, Кипельское.

Разумеется, в разных частях такой обширной области, как Северный Казахстан и Южное Зауралье, тип хозяйства заметно различался в соответствии с местными природными условиями в районах расположения памятников. Так на большинстве поселений андроновской эпохи юга Курганской и Челябинской областей корова доминировала в стаде в гораздо большей степени, чем в более южных регионах (*Косинцев, 1989*). Количество ее остатков составляет суммарно на таких памятниках, как Камбулат 1, Шатрово, Верхняя Санарка, Кипель, более 61 % (табл. 1). Сходные данные по этому региону приводятся и в работе В. И. Цалкина (*Цалкин, 1972*) по памятникам Замараевское, Кипельское, Новобурунское. Здесь кости коровы суммарно составляют 66,7 %. Это наибольший процент среди андроновских материалов региона, описанных в литературе. Чуть меньше — 63,5 % костей коровы — на поселении Лисаковское, находящемся приблизительно в этом же районе. На поселении Новоникольское, расположенном в районе Петропавловска, корове принадлежит 55,4 % костных остатков. Особ-

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Лаборатория археологической технологии.

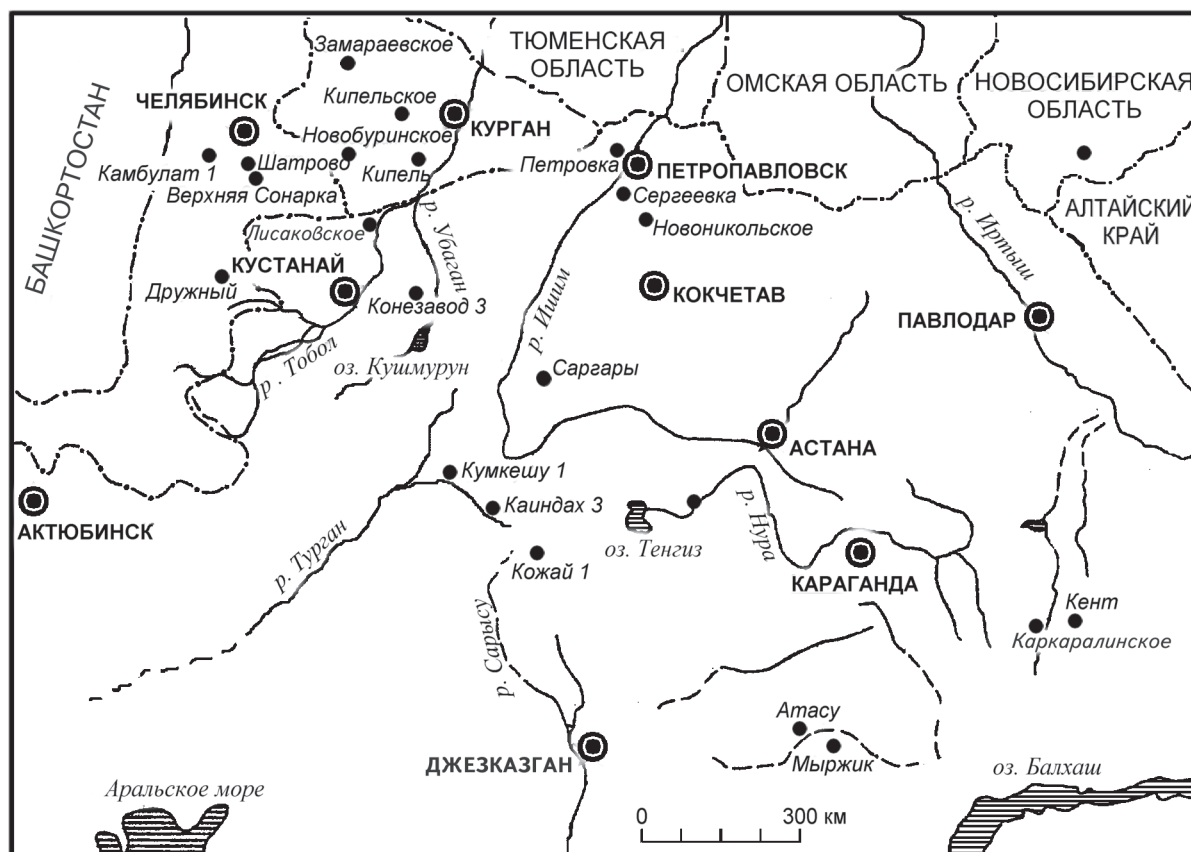

Рис. 1. Поселения эпохи бронзы на Южном Урале и в Северном Казахстане

Fig. 1. Settlement-sites of the Bronze Age in Southern Ural and Northern Kazakhstan

няком в этом ряду стоит поселение Сергеевка, расположенное на правом берегу р. Ишим, неподалеку от одноименного села в Северо-Казахстанской области. На этом поселении 90 % составляют кости лошади, а крупный и мелкий рогатый скот составляют вместе 6,5 %. Однако этот памятник принадлежит более раннему времени. Он датируется началом II тыс. до н. э. Это период, предшествующий формированию хозяйства андроновского типа (Косинцев, Варов, 1993). Также окончательно не установлено, является ли лошадь Сергеевки домашней или это еще дикая форма, которая была просто охотничьей добычей. Сравнительно велика на поселении Сергеевка и доля костей собаки — 1,2 %. Здесь она наибольшая среди памятников севера степной зоны.

Поселение поздней бронзы Дружный 1 в Челябинской области содержит всего 37,4 % костей коровы, но на этом памятнике смешаны слои нескольких культур — федоровской, саргаринской, черкаскульской, и потому фаунистические сборы отсюда не очень показательны (Германов, Косинцев, 1995), хотя все эти культуры входят в андроновскую культурную общность.

Поселение эпохи средней бронзы — Конезавод 3, расположенное в 100 км к востоку от г. Кустанай, имеет такую же структуру костной коллекции. Корове принадлежит 45,5 % костных остатков, лошади — 26,3 %, мелкие каприны составляют 27,0 %, а дикие животные — 0,3 % костей (Ахинжанов и др., 1992).

Памятник Петровка 2, расположенный в 90 км к югу от г. Петропавловска, также содержит сравнительно немного костей коровы — всего 45 %. В слоях поселения перемешаны материалы XVII—IV вв. до н. э., то есть это эпоха средней и поздней бронзы и ранний железный век. Все перечисленные памятники расположены в зоне разнотравных степей (Алехин, 1951). Тем не менее разведение мелкого рогатого скота на них практиковалось в меньшей степени, чем крупного. Некоторую роль играла на этих поселениях также охота.

По тому, насколько велика доля животных диких видов на поселениях, все эти памятники подразделяются на две категории. В первой — доля охотничьих видов составляет 1,5–2,3 %, во второй — количество костных остатков диких животных не превышает 0,5 % материала. К первой ка-

Таблица 1. Процентное соотношение основных видов млекопитающих на поселениях Северного и Центрального Казахстана и Южного Зауралья

Table 1. Percent ratio between the main mammal species at settlement-sites of northern and central Kazakhstan and southern Trans-Ural region

Стоянки	Камбулат, Шатрово, Верхняя Сонарка, Кипель		Замараевское Кипельское, Новобуриинское		Дружный		Ново-никольское 1		Петровка 2		Лисаковское		Конезавод 3		Саргары		Кент		Каркаралинское	
Авторы данных	<i>Цалкин, 1972</i>		<i>Косинцев, 1989</i>		<i>Германов, Косинцев, 1995</i>		<i>Макарова, 1980</i>		<i>Макарова, 1980</i>		Данные автора		<i>Ахинжанов и др., 1992</i>		<i>Ахинжанов и др., 1992</i>		Данные автора		<i>Макарова, 1977</i>	
Века до н. э.	XVI–XIII		XVI–XIII		XIV–IX		XV–IX		XVII–IX		XV–XIV		XVI–IX		XII–IX		XIII–IX		XII–IX	
	Кости	%	Кости	%	Кости	%	Кости	%	Кости	%	Кости	%	Кости	%	Кости	%	Вones	%	Кости	%
Лошадь	322	18,9	89	8,6	858	35	602	17,4	702	25,4	82	3,5	815	26,3	1407	26,8	1078	28,1	312	24,2
Корова	1081	61,4	686	66,7	918	37,4	1907	55,4	1265	45,8	1482	63,5	1411	45,5	1867	35,6	1271	33,2	484	37,7
Мелкий рог. скот	298	16,9	232	22,7	640	26,1	895	26	748	27,1	713	30,6	841	27	1924	36,7	1297	33,9	478	37,1
Свинья	12	0,7	0	0	0	0	5	0,2	25	0,9	1	0,04	10	0,3	1	0,02	3	0,08	0	0
Собака	2	0,1	6	0,6	24	1	20	0,7	20	0,7	2	0,1	20	0,6	26	0,5	19	0,5	5	0,4
Другие виды	36	2	15	1,4	12	0,5	11	0,3	4	0,1	53	2,3	9	0,3	21	0,4	163	4,3	8	0,6
Всего	1751	100	1028	100	2452	100	3440	100	2764	100	2333	100	3106	100	5246	100	3831	100	1287	100

Таблица 1 (продолжение)

Стоянки	Атасу		Мыржик		Кожай 1		Қумкешу 1		Каиндах 3		Сергеевка	
Авторы данных	<i>Ахинжанов и др., 1992</i>		<i>Ахинжанов и др., 1992</i>		Гайдученко, 1998		<i>Калиева Логвин, 1997</i>		<i>Калиева, Логвин, 1997</i>		<i>Косинцев, Варов, 1993</i>	
Века до н. э.	XIII–IX		XIV–IX		середина III тыс. до н. э.		середина III тыс. до н. э.		середина III тыс. до н. э.		XVIII–XVI	
	Кости	%	Кости	%	Кости	%	Кости	%	Кости	%	Кости	%
Лошадь	2321	21,9	126	2,3	46974	66,2	8777	39,1	197	9,8	1817	90
Корова	3071	28,9	1600	29	1483	2,1	12042	53,6	1073	53,4	44	2,2
Мелкий рог. скот	4979	46,9	3562	64,7	0	0	0	0	0	0	86	4,3
Свинья	3	0,03	0	0	0	0	57	0,3	0	0	0	0
Собака	13	0,1	41	0,7	53	0,1	207	0,9	7	0,3	25	1,2
Другие виды	227	2,2	174	3,3	22478	31,6	1362	6,1	734	36,5	47	2,3
Всего	10614	100	5503	100	70988	100	22445	100	2011	100	2019	100

тегории относятся такие памятники, как Новобуринское, Верхняя Сонарка, Сергеевка, Лисаковское. Ко второй — Дружный, Новоникольское, Петровка 2, Кипельское, Конезавод 3. Как можно заметить, количество остатков костей диких животных никогда не бывает большим. Главную роль в охотничьей добыче играли, разумеется, дикие копытные. Такие виды животных, как выдра, бобр или заяц, кости которых никогда не бывают многочисленны, являлись, вероятно, случайной добычей. На памятниках Южного Зауралья и Северного Казахстана суммарно самым многочисленным видом является кулан. Затем следуют косуля и лось. Однако есть и исключения. Так, на памятнике Лисаковское определено 23 кости сайги и 27 костей благородного оленя. Это больше, чем где бы то ни было. Сайга вообще отмечена на крайнем севере Казахстана только дважды, на памятниках Новоникольское и Сергеевка, где найдено по одной кости этой антилопы. На памятнике Петровка 2 обнаружено 25 костей кабана, который тоже довольно редко встречается на других поселениях.

Как мы видим, объектами охоты являлись и лесные животные — благородный олень, косуля, кабан, и животные открытых пространств, что опять-таки определялось характером природных условий в районе поселений. Вероятно, граница степной зоны во время существования наших поселений проходила несколько севернее, и такие животные, как кулан и сайга, были вполне доступны. Однако в районах поселений были и лесные биотопы, что обусловило наличие в рационе их обитателей мяса косули, лося и благородного оленя.

Несколько южнее, вероятно, уже в центре степной зоны располагалось поселение Саргары. Памятник Саргары датируется временем поздней бронзы. То есть он на несколько сотен лет моложе, чем поселения, упоминавшиеся выше. Фаунистическая ситуация на этом поселении уже несколько отличается от таковой на более северных и чуть более ранних памятниках. Прежде всего, доля костей лошади уменьшается здесь до 26,8 %, а коровы — до 35,6 %. Остатки мелкого рогатого скота в Саргары составляют 36,6 %, то есть заметно больше, чем на более северных памятниках. Доля диких видов здесь составляет 0,4 %, то есть поселение Саргары по этому признаку принадлежит ко второй категории памятников (Макарова, 1976).

Следующая группа памятников расположена еще южнее, на границе современных зон ковыльных степей и полупустынь. Это энеолитические

памятники Кожай 1, Кумкешу 1 и Каиндах 3. Хронологически — это середина III тыс. до н. э. К настоящему моменту доказано, что эти памятники являлись сезонными поселениями, обитаемыми в теплые сезоны года (Калиева и др., 1989; Калиева, Логвин, 1997). Выше уже упоминалось, что в энеолите границы зон были сдвинуты к северу, и, вероятно, в районе расположения памятников были почти полупустынные ландшафты. Эти поселения располагаются в 400 км к юго-востоку от современного г. Кустанай в Тургайской области на реках Тургай и Бала-Терсаккан. Через эту территорию проходили пути миграций казахских кочевых племен в историческое время (Таиров, 1993). Становище кочевых скотоводов располагалось на р. Каинды еще в первой половине XX в. (Гайдученко, 1993). Однако это было поселение, обитаемое как раз в зимнее время, в противоположность энеолитическим памятникам, которые являлись летними стоянками. Через эту же территорию проходят миграционные пути стад сайгаков (Таиров, 1993), что, видимо, и обусловило большую доступность этого животного здесь для древних охотников. Вообще, благоприятные условия охоты могут приводить даже к перестройке хозяйственного уклада на поселении. Традиционное скотоводство может отойти на второй план в том случае, когда охота на диких копытных приносит обильную добычу и не вызывает затруднений. Такая ситуация прослеживается, например, на поселениях севера Казахстана и Курганской области (Косинцев, 1989).

Несмотря на то что памятники Кожай 1, Кумкешу 1 и Каиндах 3 расположены относительно близко друг к другу, структура их фаунистических коллекций заметно различается (табл. 1). На стоянке Кожай 1 присутствует огромное количество костей лошади. Доля их в Кожае — 66,2 %. Доля коровы невелика — 2,1 %, свинья отсутствует, а следующую большую группу костных фрагментов — 31,6 % составляют остатки кулана и сайги, которые являлись объектом постоянных и активных охот обитателей стоянки (Гайдученко, 1998). Схожая ситуация наблюдается на стоянке Каиндах 3. Здесь две главные группы остатков — это кости коровы — 53,4 % и опять же диких животных — сайги и кулана — 36,5 %. Доля костей лошади всего 9,8 % (Калиева, Логвин, 1997). На памятнике Кумкешу 1 фаунистическая ситуация немного похожа на ту, которую мы видели на более северных памятниках эпохи развитой бронзы. Лошадь и корова составляют две основные группы костных остатков соответственно 39,1 % и 53,6 %

костных фрагментов. Несколько сотен костей сайги и кулана присутствуют и здесь, однако это лишь 6,1 %.

Объединяет все три рассмотренных памятника то, что на них отсутствуют остатки мелкого рогатого скота. Отсутствие домашних капринов в энеолите некоторые исследователи склонны объяснять доступностью охотничьей добычи, прежде всего сайги. Вероятно, легкость, с которой в эпоху энеолита можно было добывать это стадное копытное, позволяла обитателям упомянутых поселений пренебрегать овцеводством. Можно предполагать, что жители Кожая специализировались на охоте и разведении лошадей, а жители поселения Каиндах — на охоте и разведении крупного рогатого скота. Обитатели Кумкешу уделяли охоте меньше внимания, разводя в основном коров и лошадей. Корова и лошадь на этих памятниках считаются уже домашними (*Калиева, Логвин, 1997*).

Следующая группа памятников — поселения Кент и Каркаралинское — расположена несколько южнее и восточнее. Сейчас это граница зоны степей и полупустынь, однако, как показывают старые карты природной зональности, еще в первой половине прошлого века эта граница проходила севернее.

В районе Кента располагается несколько хорошо исследованных памятников, при раскопках которых обнаружен фаунистический материал, однако он пока не опубликован или опубликован недостаточно полно. Кент находится примерно в 220 км к юго-востоку от Караганды, в области, называемой Казахский мелкосопочник. Каркаралинское расположено в 75 км западнее Кента. Эти поселения отличались по своему статусу. Кент был большим населенным пунктом, насчитывающим многие десятки построек, и, вероятно, являлся крупным региональным административным и экономическим центром. Каркаралинское представляло из себя небольшой поселок, вытянутый вдоль берега реки (*Евдокимов, Варфоломеев, 2002*). В Каркаралинском обнаружено более тысячи определимых костных остатков (*Макарова, 1977; Евдокимов, Варфоломеев, 2002*). Эти памятники принадлежат к бегазы-дандыбаевской культуре, которая является результатом дальнейшей эволюции андроновских культурных традиций, и датируются примерно XIII—IX вв. до н. э. В целом, костные коллекции на этих памятниках во многом сходны (*Макарова, 1977*). По составу фаунистических остатков оба поселения похожи на поселения развитой бронзы более северных регионов. Однако доля мелкого рогатого скота на них

больше и составляет 37,1 % в Каркаралинском и 33,9 % в Кенте, тогда как на более северных памятниках (Новоникольское, Петровка, Дружный, Конезавод 3 и др.) эта величина не бывает выше 27,1 %. Доля костных остатков коровы в Каркаралинском и Кенте — соответственно 37,7 % и 33,2 %. На вышеперечисленных северных памятниках эта величина составляет примерно от 45 % до 66 %. Количество остатков костей лошади на этих двух памятниках тоже в среднем больше такового на северных территориях — там их 20 %, а здесь — 24,2 и 28,1 %. Таким образом, доминирующую позицию занимает крупный и мелкий рогатый скот, на втором месте находится лошадь, собака составляет десятые доли процента, а кости свиньи (или кабана) единичны и отмечены только в Кенте.

Доля охотничьих видов в Кенте 4,3 %, в Каркаралинском заметно меньше — 0,6 %. Кроме того, в материалах Кента присутствуют остатки свиньи в небольшом количестве. Это единственные различия в фаунистической ситуации на этих двух поселениях.

Несколько южнее находятся такие хорошо известные памятники, как Атасу и Мыржик, с которых исследовано соответственно более 10 000 и более 6000 определимых костей (*Ахинжанов и др., 1992; Макарова, 1977*). Это были большие населенные пункты, по размерам сравнимые с Кентом. Находятся они в полупустынной зоне. И эти памятники принадлежат к бегазы-дандыбаевской культуре, то есть полностью синхронны поселениям Кент и Каркаралинское. Однако фаунистическая ситуация отличается заметно. Количество костей капринов здесь гораздо больше — 46,9 % в Атасу и 64,7 % в Мыржик. Лошадь составляет 21,9 % и 2,3 %. Доля костей коровы почти одинакова на обоих памятниках — 28,9 % и 29,0 %. Это заметно меньше, чем в Кенте и Каркаралинском. Собака составляет десятые доли процента, а единичные кости свиньи обнаружены только в Атасу. Доля диких видов, добытых на охоте, сравнительно велика. На Атасу это — 2,2 %, в Мыржике — 3,3 %. Таким образом видно, что в более южных и сухих ландшафтах разведение мелкого рогатого скота имело большее значение. Особенно хорошо это заметно на примере этих двух поселений.

В отличие от Кента и Каркаралинского, на этих памятниках ниже процент костей крупного рогатого скота, а коз и овец выше. Вероятно, условия обитания в окрестностях памятников были более засушливыми, что не благоприятствовало разведению коров.

По разным параметрам памятники можно разделить на несколько категорий. Например, по тому, насколько высок процент диких видов среди млекопитающих. Об этом уже упоминалось выше. На одних памятниках доля диких видов, добывавшихся на охоте, — не более 0,1–0,6 % (Каркаралинское, Дружный, Новоникольское, Петровка, Конезавод 3, Саргары). На других же процент охотничьих видов составляет уже от 1,5 до 6,1 %. Здесь выделяются такие поселения, как Кожай 1 и Каиндах 3, где доля костей диких животных составляет соответственно 31,6 и 36,5 %. Однако они принадлежат к более ранней эпохе.

Можно разделить памятники на группы по процентному соотношению между костями коровы и лошади. По этому признаку условно выделяются три категории: поселения, на которых остатки коровы превышают остатки лошади в пять и более раз (Мыржик, Каиндах 3, Лисаковское, Замараевское, Кипельское, Новобуриновское), поселения с превышением коров не более чем в 2–3 раза (Камбулат, Шатрово, Верхняя Сонарка, Кипель, Новоникольское) и такие, где в процентном соотношении кости коровы превышают кости лошади всего в 1,3–1,8 раза (Конезавод 3, Кент, Каркаралинское, Атасу, Дружный, Саргары, Петровка). Особняком в этом ряду стоят поселения Мыржик и Сергеевка. Здесь, наоборот, доля костей лошади превышает долю костей коровы во много раз.

Памятники различаются также и по тому, насколько велика доля мелкого рогатого скота среди костных фрагментов. Здесь выделяются четыре категории. В первой остатки коз и овец отсутствуют совсем (Кожай 1, Кумкешу 1 и Каиндах 3), во второй их доля от 16 до 27 % (Камбулат, Шатрово, Верхняя Сонарка, Кипель, Замараевское, Новобуриновское, Дружный, Новоникольское, Саргары, Петровка, Конезавод 3), в третьей — остатки капринов составляют 30–37 % (Лисаковское, Кент, Каркаралинское), а в четвертой эта величина колеблется от 43 до 64 % (Атасу, Мыржик, Саргары).

Уловить достоверную связь этих признаков между собой, а также между ними и географическим расположением поселений или их размерами не удалось. Потому выделить какую-либо закономерность в фаунистической картине в рамках каждой конкретной группы представляется затруднительным. Однако в целом, на уровне регионов и природной зональности можно подметить некоторые закономерности.

Итак, в нашем распоряжении оказались данные с памятников среднего–позднего бронзово-

го века, расположенных на самом севере Казахстана и на сопредельных территориях Зауральской области; достаточно представительны материалы из Саргары, что почти в 400 км южнее и датируются поздним бронзовым веком; данные с трех энеолитических памятников Тургайской долины, локализованных ниже, на 50-й параллели, и, наконец, данные с памятников поздней бронзы, расположенных в районе 48-й параллели, то есть еще южнее. В направлении с севера на юг дистанция между первой и последней группами памятников составляет почти тысячу километров, охватывает практически всю степную зону и достигает зоны полупустынь. Эти поселения весьма разнообразны по своему фаунистическому составу, который отражает как природно-ландшафтную ситуацию непосредственно в окрестностях каждого из них, так и культурные традиции населявших их племен.

Самыми северными памятниками являются: Замараевское, Кипельское, Новобуриновское, Верхняя Сонарка, Камбулат, Шатрово, Дружный, Новоникольское, Петровка, Лисаковское, Конезавод 3. Все эти поселения датируются периодом развитой бронзы, то есть временем примерно с XIV по IX в. до н. э. Территория расположения этих памятников — разнотравные степи, дававшие обильный и сочный травостой.

Поселение Саргары датируется поздней бронзой (XII–IX вв. до н. э.), оно располагалось в зоне ковыльных степей, где произрастают в основном ковыли и густокустовые злаки (Алехин, 1951), и таким образом продуктивность зеленой массы на гектар значительно меньше.

Поселения энеолита Кожай 1, Каиндах 3 и Кумкешу 1 располагаются в Тургайской долине, также в зоне ковыльных степей. Однако природные условия речной долины, характерные для этих памятников, вероятно, были достаточно благоприятными для скотоводства и охоты.

Памятники Кент, Каркаралинское, Атасу и Мыржик расположены в зоне полупустынь, заросших полынью и дерновидными злаками. Вероятно, травостой здесь был не очень обилен, хотя и позволял производить выпас скота. Поселения Кент и Каркаралинское располагались в более возвышенной области, в речной долине, поэтому условия обитания там были ближе к северным. Отсюда, видимо, доля остатков костей коровы на них несколько больше, а мелкого рогатого скота меньше, чем на синхронных им памятниках Атасу и Мыржик, которые расположены не столь высоко над уровнем моря.

Таблица 2. Суммированное процентное соотношение между основными видами млекопитающих на археологических памятниках различных регионов Казахстана и Южного Зауралья (энеолит — эпоха бронзы)

Table 2. Summary percent ratio between the main mammal species at archaeological sites of different regions of Kazakhstan and southern Trans-Urals (Eneolithic — Bronze Age)

Стоянки	Камбулат, Шатрово, Верхняя Сонарка, Кипель, Замараевское, Кипельское, Новобуриновское, Дружный, Новоникольское 1, Петровка 2, Конезавод 3	Саргары	Кожай 1, Кумкешу 1, Каиндах 3 (энеолит)	Кент, Каркаралинское, Атасу, Мыржик
Лошадь	23,3	26,8	58,6	18,1
Корова	50,0	35,6	15,3	30,3
Мелкий рог. скот	25,1	36,7	0	48,6
Свинья	0,4	0,02	0,1	0,03
Собака	0,6	0,5	0,3	0,4
Другие виды	0,6	0,4	25,7	2,7
Всего	100	100	100	100

Глядя на таблицу 2, можно заметить, что в период развитой—поздней бронзы количество костей коровы и лошади в направлении с севера на юг в среднем уменьшается. Процент костей лошади на северных памятниках и на поселении Саргары почти одинаков, однако на поселениях Кентской округи и на южных памятниках бегазы-дандыбаевской культуры доля лошади заметно меньше. Количество остатков мелкого рогатого скота заметно увеличивается, а доля собаки практически не меняется.

Данные по энеолитическим памятникам противоречат этой закономерности (табл. 2). Это объясняется тем, что они заметно старше других поселений и потому культурные и хозяйственные традиции там были, вероятно, иные, но отличные друг от друга. На энеолитических поселениях доля костных остатков лошади гораздо больше, чем коровы. Возможно, что лошадь на этих поселениях была еще не вполне одомашнена и являлась в значительной степени охотничьей добычей. А мелкий рогатый скот отсутствовал совсем.

Неизменной во всех рассмотренных случаях и для всех эпох остается лишь роль собаки. Ее костные остатки всегда составляют не более 0,5 %. Причем это никак не зависит от количества остатков костей промысловых видов животных на по-

селении. Это может говорить о том, что для охоты собак не использовали.

Алехин, 1951 — Алехин В. В. Растительность СССР. М., 1951.
Ахинжанов и др., 1992 — Ахинжанов С. М., Макарова Л. А., Нурумов Т. Н. К истории животноводства и охоты в Казахстане (по остеологическому материалу из археологических памятников энеолита и бронзы). Алма-Ата, 1992.

Гайдученко, 1993 — Гайдученко Л. Л. Соотношение остатков домашних и диких животных из казахских поселений разного типа XVIII—XX вв. // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.

Гайдученко, 1998 — Гайдученко Л. Л. Домашняя лошадь и крупный рогатый скот поселения Кожай 1 // *Калиев С. С.* Поселение Кожай 1. Алматы, 1998.

Германов, Косинцев, 1995 — Германов П. Г., Косинцев П. А. Костные остатки поселения поздней бронзы Дружный 1 в Южном Зауралье // Россия и Восток: проблемы взаимодействия (Новосибирск, 23—25 июня 1999 г.): Материалы V Междунар. науч. конф. Челябинск, 1995. Т. 5. № 2.

Евдокимов, Варфоломеев, 2002 — Евдокимов В. В., Варфоломеев В. В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 2002.

Калиева и др., 1989 — Калиева С. С., Гайдученко Л. Л., Логвин В. Н. К вопросу о сезонности поселения Кожай 1 // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии. Новосибирск, 1989.

- Калиева, Логвин, 1997* — *Калиева С. С., Логвин В. Н.* Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай, 1997.
- Косинцев, 1989* — *Косинцев П. А.* Охота и скотоводство у населения лесостепного Зауралья в эпоху бронзы // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.
- Косинцев, Варов, 1993* — *Косинцев П. А., Варов А. И.* Костные остатки из поселения предандроновского времени Сергеевка // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. Петропавловск, 1993.
- Макарова, 1976* — *Макарова Л. А.* Характеристика костного материала из поселения Саргары // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976.
- Макарова, 1977* — *Макарова Л. А.* Животные Атасу и других поселений Центрального Казахстана // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977.
- Макарова, 1980* — *Макарова Л. А.* Кости животных из двух поселений эпохи бронзы в Северном Казахстане // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.
- Таиров, 1993* — *Таиров А. Д.* Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников Урало-Казахстанских степей в I тыс. до новой эры // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.
- Цалкин, 1972* — *Цалкин В. И.* Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье // Основные проблемы териологии. М., 1972 (Труды МОИП, Отд. биологии. Т. 48).

The Types of Economic Structure at Settlements of the Bronze Age in the Southern Ural Region and Northern Kazakhstan

A. K. Kasparov

This paper presents an attempt at comparing faunal evidence from sites of the Middle and Late Bronze Age in the very north of Kazakhstan and adjoining it territories of the Trans-Ural region, as well as at evaluation, on this basis, of the types of economic activities of the synchronous populations throughout different parts of that vast area. A description is presented of finds from sixteen sites of the Bronze Age distributed over the entire region under consideration. In the north—south direction, the distance between the first and last groups of sites amounts to almost a thousand kilometres, embracing practically the entire steppe zone and touching the zone of semideserts. These settlement-sites are extremely diverse in terms of their faunal composition, which reflects both the natural-landscape situation in the direct vicinity of each site and the cultural traditions of its residents.

The results obtained suggest that, on the whole, during the middle and late Bronze Age, the quantity of bones of cow and horse in this region diminishes, on average, from north to south. The percentage of horse at northern sites is almost constant amounting to about

23 percent, while at the settlements around Kent and the southernmost sites of the Begazy-Dandybayev culture, the percentage of horse is markedly less. The quantity of the remains of sheep and goats increases noticeably in the southern direction whereas that of dog is practically invariable.

The evidence yielded by Eneolithic sites runs contrary to this tendency. This fact, however, is due to their being significantly older than other settlements, so that the cultural and economic traditions there probably were different, although also varying from site to site. At Eneolithic settlements, the percentage of skeletal remains of horse is considerably higher than that of cow. Probably, horse had not been yet finally domesticated at those sites, the bones resulting mostly of hunting. At the same time, sheep and goats were altogether absent.

Only the role of dog was invariable in all the situations considered. Bones of dogs everywhere amount to under 0.5% and, moreover, their quantity never depends on that of skeletal remains of hunted animal species at a settlement. This fact suggests that dogs were not used in hunting.

Комплекс сооружений эпохи поздней бронзы поселения Ягодинка 2 на Нижнем Дону

Т. В. Цыбрий¹

В 2005 г. в результате проведенного обследования трассы магистрального газопровода А. В. Цыбрием было открыто многослойное поселение Ягодинка 2. Памятник расположен в 1,0 км к юго-западу от хутора Ягодинка Октябрьского района Ростовской области (рис. 1). Поселение занимает мысовидный участок первой надпойменной террасы левого берега р. Кадамовка, относящейся к системе правых притоков низовий р. Дон. Вероятные размеры поселения, судя по рельефу и распространению подъемных материалов, около 40 000 кв. м. В 2006, 2007 гг. были проведены раскопки памятника отрядом ЗАО «Ростспецархеология» и РРОО «Донское археологическое общество» под руководством В. В. Цыбрия и Т. В. Цыбрий, на площади 11 346 кв. м (рис. 1).

Стратиграфический разрез памятника представляет собой типичный для степной зоны почвенный профиль, визуально слабо расчлененный, плавно осветляющийся книзу вследствие уменьшения гумусовой составляющей. Материнской породой является желтовато-коричневый суглинок стерильный в археологическом отношении. Вмещающие культурные остатки отложения представлены серым гумусированным суглинком мощностью до 0,8 м. Этот слой в верхней части заметно разрушен распашкой. В цветовом или структурном отношении культурные слои памятника в профиле не выражены — относительно редкие и одновременные находки, как правило, равномерно распространены в толще вмещающих отложений. Эти наблюдения свидетельствуют о том, что многие материалы были перемещены вследствие действия природных и антропогенных факторов. Исключением являются компактные скопления находок, маркирующие, несомненно, древнюю поверхность обитания. В профилях за-

фиксированы котлованы сооружений, оставленных поселенцами в различные периоды существования памятника. С уровня кровли серого гумусированного суглинка были впушены углубленные сооружения, относящиеся к финальной бронзе (белозерское время). На этой же глубине зафиксированы синхронные сооружения скопления находок.

Структуру поселка эпохи финальной бронзы характеризуют комплексы связанных крытыми коридорами больших прямоугольных сооружений полуземляночного типа, крупные скопления костей животных и иных культурных остатков (обломки посуды, камни, зола, комки жженого глинистого грунта — *обмазка?*).

Было вскрыто семь больших углубленных сооружений, небольшая полуземлянка со следами кратковременного обитания и остатки плохо сохранившейся наземной конструкции. Большие сооружения образуют два комплекса строений — в восточной и в центральной частях раскопа (рис. 1).

Четыре сооружения, расположенные в восточной части, ориентированы длинной осью по линии северо-запад—юго-восток (рис. 1). Три из них параллельны друг другу и находятся на одной линии, четвертое несколько восточнее. Все углубленные сооружения относятся к типу полуземлянок с глубиной котлована от 0,5 до 1,8 м. Котлованы в плане прямоугольной формы, в разрезе слегка чашевидные вследствие углубления центральной части дна. Стенки при переходе ко дну образуют угол близкий к прямому.

Сооружения № 6/1 и № 14/1 похожи по форме, размерам и конструктивным особенностям. Размеры сооружения № 6/1 28,9 × 10,6 м, сооружения № 14/1 — 22,3 × 12,4 м. В центре обоих сооружений прослежено по одной хозяйственной яме, диаметром около 2 м и глубиной до 1,5 м. В ямах встречены фрагменты керамики, кости животных, развал сосуда. В заполнении много продук-

¹ Россия, 344082, Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 95А, оф. 7. РРОО «Донское археологическое общество».

© Т. В. Цыбрий, 2011

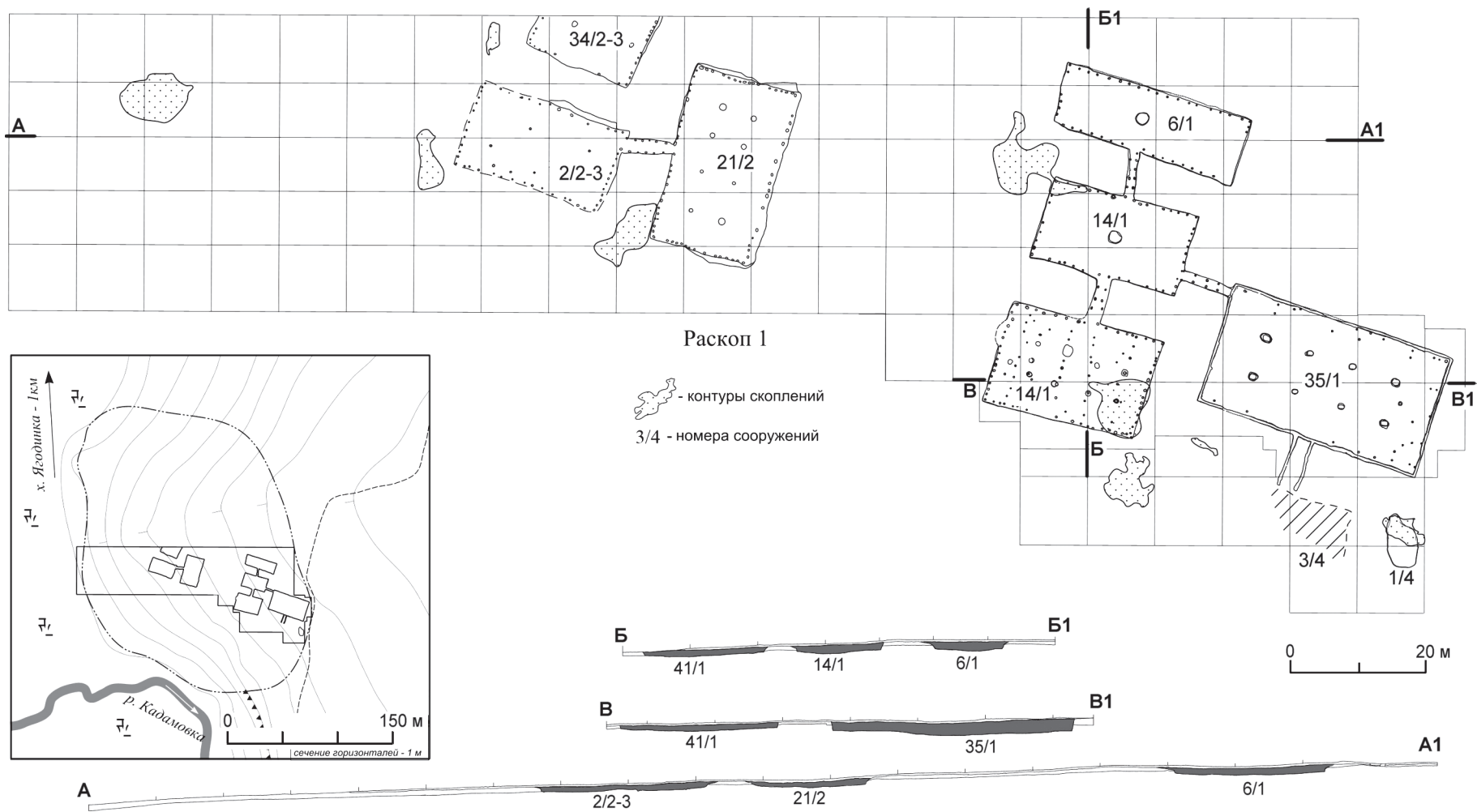

Рис. 1. Поселение Ягодинка 2. Топографический план, план сооружений финальной бронзы, разрезы

Fig. 1. Settlement-site of Yagodinka 2. Topographic plan, plan of structures of the Final Bronze Age, sections

тов горения — золы, углей, комочков прокаленной глины. По периметру стен сооружений прослежены столбовые ямы диаметром 30–35 см и глубиной от 15 до 40 см.

Сооружение № 41/1 близко вышеописанным по форме и размерам (23,0 × 15,5 м), но отличается тем, что в нем столбовые ямы выявлены не только по периметру, но и по всей площади котлована. Эти ямки образуют перпендикулярные к длинной оси сооружения ряды, расстояние между которыми от 3,5 до 6 м. Наличие небольших столбовых ям, расположенных в определенной системе внутри сооружения, свидетельствует, возможно, о делении его на внутренние помещения. Но не исключено, что это элементы конструкции кровли. Кроме столбовых ям прослежено восемь ям большего диаметра (50–70 см), расположенных в два ряда вдоль длинной оси сооружения. В одной из ям найдено скопление бесформенных кусков обожженной глины (остатки конструкции?).

Сооружение № 35/1, самое большое из всех, его размеры 34,2 × 18,7 м, общая площадь составляет 639,5 кв. м, глубина — до 2 м. Типологически оно вполне сопоставимо с вышеописанными, но есть и отличия. Здесь нет столбового ряда — по периметру сооружения вырыта узкая (0,4 м) канава, местами с подбоем под стену, в которой находились остатки бревен или плах, выполнявших, вероятно, роль несущей основы для стен. Прослежено, что с бревнами сопряжены под прямым углом менее массивные элементы конструкции — легкие бревна, доски или жерди. В центре сооружения вдоль длинной оси в две линии расположены восемь больших однотипных ям подпрямоугольной в плане формы, глубиной около 1,5 м, с пестрым заполнением, в котором отмечены продукты горения, редко — фрагменты лепной керамики, кости животных. На дне ям обнаружены скопления глиняной обмазки — возможно, это элементы глинобитных конструкций. Прослежено несколько мелких ям небольшого диаметра, вероятно столбовых. Как правило, они находятся вблизи стен котлована, иных закономерностей в их расположении не отмечено.

Все сооружения этого комплекса последовательно соединены друг с другом углубленными, крытыми, судя по наличию столбовых ям, коридорами. Средняя ширина проходов 1,5 м, протяженность около 6,5 м. Единственный общий для всего комплекса вход шириной до 3,7 м прослежен в сооружении № 35/1 (рис. 1). Он также углублен в грунт, вдоль стен были зафиксированы канавки с остатками сгоревшего дерева. На уров-

не древней дневной поверхности к входу примыкала глинобитная площадка, точную форму и размеры которой установить не удалось.

К востоку от входа и наземной конструкции (рис. 1) было выявлено сооружение № 1/4, полуземляночного типа, овальной в плане формы, длинной осью ориентированное по линии север–юг. Размеры его 8,12 × 4,64 м. В разрезе сооружение чашевидное, переход стенок ко дну плавный, пологий. Дно неровное, бугристое. Прослеженная глубина — 0,56 м. Заполнение котлована неоднородное, представлено мешаным материковым суглинком, протяженная линза которого прослежена вдоль южной стенки сооружения № 35/1 на уровне древней дневной поверхности. Это, вероятно, грунт, происходящий из котлована сооружения № 35/1, что позволяет синхронизировать его с сооружением № 1/4. На полу сооружения № 1/4 прослежен маломощный горизонт обитания, представленный тонкой углистой прослойкой, содержащей кости животных и редкие маловыразительные обломки стенок лепных сосудов.

Сооружения второго комплекса, расположенные в центральной части раскопа (рис. 1), аналогичны вышеописанным, но ориентированы иначе. Самое большое сооружение № 21/2 (27,5 × 16 м) ориентировано по линии север–юг и соединено коридором с перпендикулярно расположенным сооружением № 2/2-3 (23,5 × 13 м). Параллельно сооружению № 21/2 расположено сооружение № 34/2-3, раскопанное частично, так как северная его часть попала в зону действующего газопровода. Везде по периметру стен прослежены столбовые ямы. В центральной части сооружения № 21/2 выявлены восемь ям большего диаметра, чем столбовые, расположенные в два ряда вдоль длинной оси котлована. Такая система расположения ям аналогична прослеженной для сооружений № 41/1 и № 35/1. В некоторых ямах найдены остатки костей животных, фрагменты керамики. В сооружении № 2/2-3 выявлено валикообразное скопление шлака неясного происхождения (видимо, оплавленный до стекловидного состояния грунт), протяженностью около 6 м, более всего напоминающее остатки невысокой глинобитной стены.

В сооружениях обоих комплексов, за исключением небольшой полуземлянки № 1/4, прослежены хорошо сохранившиеся глиняные полы. Очевидно, что они были намеренно обмазаны и, возможно, обожжены, в ряде случаев отмечена слоистость, что можно трактовать как обновление обмазки. На всех объектах пол зафиксирован по

Таблица 1. Радиоуглеродные даты образцов древесного угля из сооружения № 35/1**Table 1.** Radiocarbon dates of charcoal samples from structure № 35/1

Индекс	ВР	Интервалы калиброванного календарного возраста (ВС)
		68,2% вероятности
Ле-7936	3010±25BP	1370 (3,7 %) 1360
		1320 (58,9%) -1210
		1200 (2,6%) 1190
		1140 (3,0%) 1130
		95,4% вероятности
		1380 (11,9%)1330
		1320 (83,5%)1120
Ле-7937	2920±20BP	68,2% вероятности
		1190 (5,3 %) 1180
		1160 (5,2%) 1140
		1130(57,7%) 1040
		95,4% вероятности
		1220 (95,4%)1010
Ле-7938	2890±25BP	68,2% вероятности
		1130 (68,2%) 1010
		95,4% вероятности
		1210 (4,8%)1170
		1160 (90,6%) 970

периметру сооружений, на протяжении 2–2,5 м от стен, а в центральной части он либо отсутствовал, либо сохранился фрагментарно.

Проследить конструктивные особенности гигантских комплексов удалось благодаря масштабу работ. Меньшая площадь раскопа могла дать лишь частичное и, скорее всего, искаженное представление. Уникальная конструкция не имеет прямых аналогий ни на Дону, ни на смежных территориях. Она вызывает много вопросов: каково назначение построек, как осуществлялось и осуществлялось ли вообще перекрытие гигантских котлованов, почему в широких масштабах использовано дерево, а не привычный для поздней бронзы камень, в изобилии представленный на месте, для чего вырыты ряды больших ям в некоторых помещениях, какая социальная структура могла осуществить работы такого объема и т. д.

Косвенными подсказками могут служить определенные наблюдения. Например, возле неко-

торых помещений, на уровне древней дневной поверхности прослежены большие и компактные скопления пищевых костей крупного рогатого скота, возможно, связанные с питанием строителей. На дне и в заполнении конструкций практически отсутствуют развалы сосудов, характерные для жилых помещений, как, впрочем, нет и четких следов производств.

Можно надеяться, что дальнейшее исследование этого интересного памятника позволит ответить на поставленные вопросы, уточнить его культурную принадлежность и определить его место в схеме развития степных племен эпохи поздней бронзы.

Пока вышеописанные постройки на основании радиоуглеродных дат, полученных для сооружения № 35/1 (таблица 1), могут датироваться XII–XI вв. до н. э., а связанная с ними керамика имеет черты, характерные для посуды памятников белозерского времени (рис. 2).

Рис. 2. Керамический комплекс из сооружений на поселении Ягодинка 2:

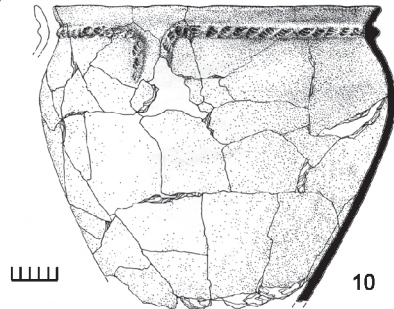
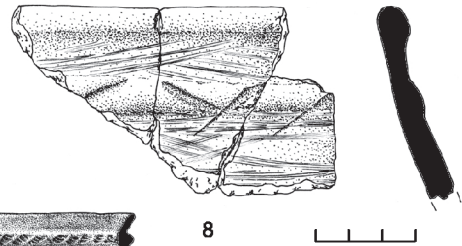
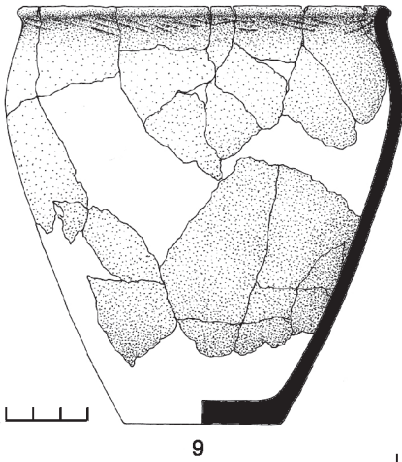
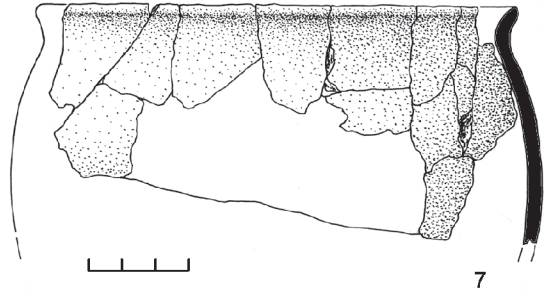
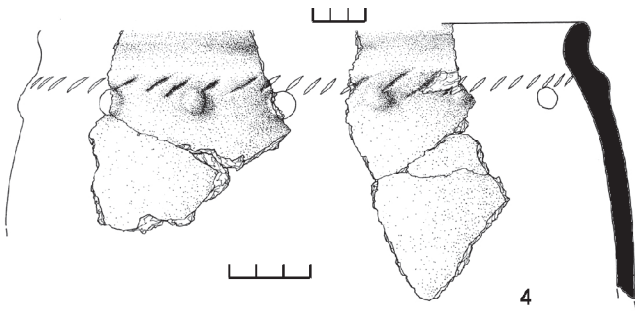
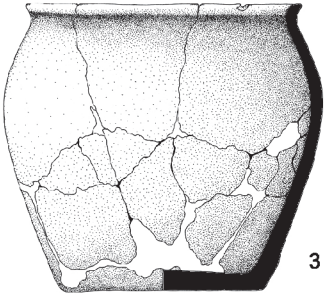
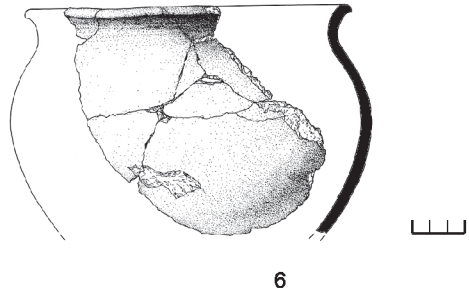
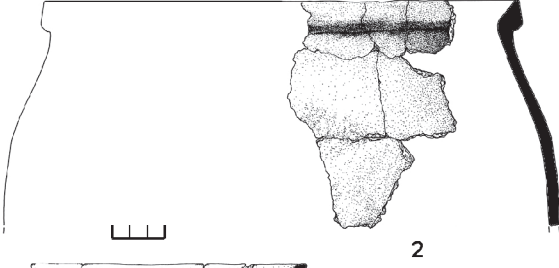
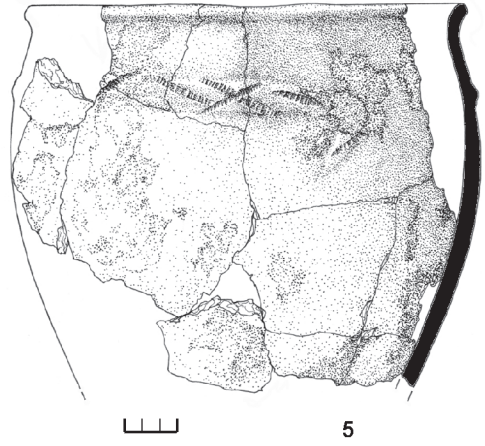
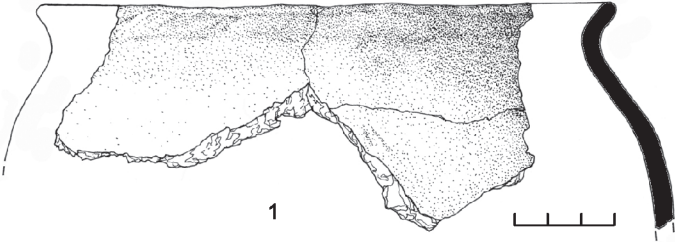
1–3 — сооружение № 6/1; 4 — 14/1; 5–7 — сооружение № 35/1;

8 — сооружение № 41/1; 9 — сооружение № 21/2; 10 — скопление 1 из сооружения 1/4

Fig. 2. Ceramic assemblage from the site of Yagodinka 2:

1–3 — structure № 6/1; 4 — structure № 14/1; 5–7 — structure № 35/1;

8 — structure № 41/1; 9 — structure № 21/2; 10 — accumulation 1 from structure № 1/4

Хотя как отдельные строения, так и образованные ими комплексы представляют собой необычное явление, прямых аналогий которому мы не знаем, в какой-то степени с ними сравнимы большие по площади сооружения эпохи поздней бронзы, известные на поселении Усово Озеро в Украинском Подонцовье (*Березанская*, 1990. С. 16–32), Мосоловском поселении на Среднем Дону (*Пряхин*, 1993. С. 35–76), на памятниках саргаринской

культуры в Северном Казахстане (*Зданович*, 1983. С. 59–77) и некоторых других.

Березанская, 1990 — *Березанская С. С.* Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев, 1990.

Зданович, 1983 — *Зданович С. Я.* Поселения и жилища саргаринской культуры // *Поселения и жилища древних племен Южного Урала.* Уфа, 1983.

Пряхин, 1993 — *Пряхин А. Д.* Мосоловский поселок эпохи поздней бронзы. Воронеж, 1993. Кн. 1.

A Complex of Structures of the Late Bronze Age at the Settlement-Site of Yagodinka 2 on the Lower Don

T. V. Tsybriy

In 2005, owing to surveys conducted along the route of a gas main, A.V. Tsybriy revealed the long-lived settlement of «Yagodinka 2». The site is situated one kilometre south-west from the farmstead of Yagodinka, Oktyabrsky region of Rostov Oblast. The settlement occupied a promontory-like area of the first terrace above the flood plain on the left bank of the Kadamovka River pertaining to the system of the right tributaries in the low reaches of the Don.

The structure of the settlement of the final Bronze Age is characterized by complexes of large rectangular earth dwellings connected through roofed corridors, as well as by large accumulations of animal bones and other cultural remains.

Only due to large-scale excavations it became possible to investigate structural peculiarities of the

gigantic complexes. Their unique construction has parallels neither on the Don River nor in the adjoining areas. There are many questions as to the purpose of these structures, why wood was here used so widely instead of stone habitual to the Late Bronze Age and quite common in the locality, what was the purpose of series of large pits in some of the rooms, what was the social structure of the ancient community which realized the works of such a scale, etc.

It may be expected that a further investigation of this interesting site will enable us to answer the questions put forward, to define more exactly its cultural belonging and its place in the scheme of the development of steppe tribes of the Late Bronze Age.

Опыт исследования войлочного ковра из Ноин-Улы методом полиполяризации

В. Е. Куликов, Е. Ю. Медникова, Ю. И. Елихина, С. С. Миняев¹

Захоронения знати в горах Ноин-Ула (Северная Монголия) являются одним из наиболее известных археологических памятников сюнну (азиатских гуннов). Расположенные здесь могильники были объектом работ Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова в 1924–1925 гг., когда из ряда курганов под руководством С. А. Кондратьева (из кургана 12/24 — под руководством С. А. Теплоухова) было извлечено более 2000 различных предметов, в основном шелковые и шерстяные ткани, войлочные ковры, престижные золотые и серебряные украшения (Краткие отчеты..., 1925; Trever, 1932; Umehara, 1960; Руденко, 1962). Основная коллекция находок, датируемых I в. н. э. (Minaev, Elikhina, 2009), хранится в настоящее время в Отделе Востока Государственного Эрмитажа (Елихина, 2007а).

Различные материалы из ноин-улинской коллекции были предметом как технологического, так и стилистического изучения (Технологическое изучение..., 1932; Лубо-Лесниченко, 1991; 1994; Миняев, 1981). В первую очередь это касается шелковых и шерстяных тканей, а также войлочных ковров, почти сразу после находок подвергшихся химико-технологическому анализу в Лаборатории археологической технологии ГАИМК (ныне ИИМК РАН). Особое внимание при этом было уделено войлочному ковру № 14568 (MP-2300 по описи ГЭ) из кургана 6. Были проведены хими-

ческий, микрохимический, гистологический анализ, исследования окраски, техники обработки вышивкой и т. д. (Воскресенский, Кононов, 1932. С. 76–98; Кононов, 1937). Для установления породы животного, которому принадлежала шерсть для изготовления войлока, шерстяных тканей и нитей, использовались образцы шерсти верблюда, диких и домашних баранов, овец, коз и буйвола. Однако, как отмечено в отчете, «несмотря на обширность привлеченного материала и подробный анализ, не удалось прийти к данным, которые позволяли бы делать категорическое заключение». Предположения, которые были при этом сделаны, сами исследователи признали парадоксальными: материал ковра, по их мнению, имел сходство либо с шерстью суданской овцы, акклиматизированной в древности в Китае, либо высокосортовая шерсть этого животного была привезена из Египта, либо в Китае в ханьское время культивировался исчезнувший затем вид овцы, либо это была дикая овца Монголии, впоследствии полностью истребленная охотой (Воскресенский, Кононов, 1932. С. 81).

В последние годы для определения природы исследуемых образцов шерсти, пуха, волос, растительных волокон и других биологических и археологических объектов в Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН В. Е. Куликовым и Е. Ю. Медниковой был разработан метод полиполяризации, примененный в разработанной там же системе технического зрения (СТЗ).² Полиполяризационный метод исследования получил свое название из-за

¹ В. Е. Куликов, Е. Ю. Медникова — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Лаборатория археологической технологии.

Ю. И. Елихина — Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел Востока.

С. С. Миняев — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел Центральной Азии и Кавказа.

© В. Е. Куликов, Е. Ю. Медникова, Ю. И. Елихина, С. С. Миняев, 2011

² На базе СТЗ создано в мире огромное количество самых различных приборов, начиная с головок наведения ракет, зрения робототехники до простого считывания номеров проверяемых транспортных средств, наблюдения в залах музеев и т. д. Все эти совершенно разные системы объединены общей функцией распознавания образа (идентификация, состав, цвет, определение спектральных характеристик, гистограмм, исследования по зонам и т. д.).

большого количества поляризованных объектов и соответствующих им изображений.

Основная идея предлагаемого метода сводится к получению качественно новой информации от исследуемого объекта путем создания оригинальной оптико-электронной системы, в которой задействован вторичный Ломберт-источник излучения, позволяющий устранить фоновое излучение исследуемого образца (в классической микроскопии оно считается основным и подлежит абберационному расчету). Для повышения качества получаемого изображения в систему введен разработанный специально для этой системы аподизационный узел, позволяющий достичь равномерного освещения образца. Существенным достоинством метода для археологии является крайне малый размер необходимых образцов, что практически не нарушает форму и структуру исследуемого предмета.

Данным методом полиполяризации были исследованы образцы от фрагментов войлочного ковра из кургана 6 могильника Ноин-Ула (одного из четырех войлочных ковров, найденных в этом кургане). Два фрагмента исследованного подгробного ковра (см. с. 1 обложки) были найдены за капиталью наружной стенки северного коридора (по описи ГЭ — МР-1958, КП ГАИМК — № 14377 и 14378) и затем сшиты при реставрации находок.

Для исследования были отобраны следующие фрагменты ковра (см. таблицу), которые сравнивались с эталонными образцами шерсти животных (номера образцов ковра даны по общей описи, включающей и материалы других могильников).

Фотографии эталонов и исследованных образцов, сделанные при помощи полиполяризацион-

ного метода с увеличением 350 крат, приведены на с. 4 обложки. Сопоставление эталонов шерсти различных животных (овца, лошадь, верблюд) и образцов ковра позволяют считать, что для изготовления всех элементов изучаемого фрагмента ковра № МР-1958/1959 была использована шерсть верблюда. В пользу такого заключения свидетельствуют как тонина (величина поперечного сечения отдельного волокна), так и характерная для шерсти верблюда конфигурация срединной части волоса (мозгового вещества), что хорошо заметно при визуальном анализе макрофотографий.

Шерсть верблюда, видимо, использовалась для изготовления и других войлочных и шерстяных изделий, найденных в Ноин-Уле. Об этом свидетельствуют пробные полиполяризационные анализы образцов меха из кургана 6 и фрагментов войлочного ковра из Кондратьевского кургана.

Таким образом, перспективы использования полиполяризационного метода в археологии в целом и для исследования образцов тканей в частности очевидны. Для материалов Ноин-Улы дальнейшей задачей исследования является анализ других образцов войлока и тканей как из кургана 6, так и из других захоронений.

В данной статье авторы не затрагивают вопроса о способах окраски элементов ковра — такая задача является предметом отдельного исследования. Отметим только, что макросъемка в отраженном свете крученой нити спирального орнамента (вишневого цвета) подтверждает предположение А. А. Воскресенского и В. Н. Кононова о том, «что была окраске подвергнута готовая ткань, а не пряжа» (*Воскресенский, Кононов, 1932. С. 94*).

Добавим также, что нельзя исключить окраску шерсти новорожденного верблюжонка (пока

Таблица

№	Образец
06	Войлочная основа ковра
07	Шерстяная бежевая ткань — покрытие основы ковра под спиральным орнаментом
08	Шерстяная коричневая ткань — покрытие основы в центре ковра
09	Нить окантовки орнаментальной полосы
10	Войлок элемента орнамента — «щитовидной фигуры»
11	Войлок элемента орнамента — изображение дерева
11а	То же, нить прошивки изображения дерева
12а	Войлок элемента орнамента — фигура единорога
12б	То же, окантовка фигуры единорога
12в	То же, нить прошивки фигуры единорога
13	Войлок элемента орнамента — «крест»
14	Нить прошивки ковра в виде спирального орнамента вишневого цвета
15	Нить прошивки основы ковра бежевого цвета

не ороговел волос), а также окраску в результате термической обработки пряжи или использования глинистых минералов — водных силикатов с Mn и Sr, которые всегда при легировании окрашивают объекты в красно-бордовые тона.

Воскресенский, Кононов, 1932 — Воскресенский А. А., Кононов В. Н. Химико-технологический анализ ковра № 14568 // Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула / А. А. Воскресенский, Н. П. Тихонов (ред.). Л., 1932 (Известия ГАИМК. Т. 9, вып. 7–9).

Елихина, 2007а — Елихина Ю. И. Коллекция находок из Ноин-Улы, хранящаяся в Эрмитаже (характеристика коллекции) // Рериховское наследие: Труды Междунар. науч.-практич. конф. СПб., 2007. Т. 3: Восток–Запад на берегах Невы.

Кононов, 1937 — Кононов В. Н. Восстановление первоначальных красок ковра из Ноин-Ула. М.; Л., 1937.

Краткие отчеты..., 1925 — Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925.

Лубо-Лесниченко, 1961 — Лубо-Лесниченко Е. И. Древние китайские шелковые ткани и вышивки в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1961.

Лубо-Лесниченко, 1994 — Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на шелковом пути. М., 1994.

Миняев, 1981 — Миняев С. С. Бронзовые изделия Ноин-Улы (по результатам спектрального анализа) // Археология Сибири, Средней Азии и Кавказа. М., 1981 (КСИА. Вып. 167).

Руденко, 1962 — Руденко С. И. Культура хуннов и ноин-улинские курганы. М.; Л., 1962.

Технологическое изучение..., 1932 — Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула / А. А. Воскресенский, Н. П. Тихонов (ред.). Л., 1932 (Известия ГАИМК. Т. 11, вып. 7–9).

Miniaev, Elikhina, 2009 — Miniaev S., Elikhina J. On the Chronology of the Noyon uul Barrows // The Silk Road. 2009. Vol. 7.

Trever, 1932. — Trever K. Excavation in Northern Mongolia. Leningrad, 1932.

Umehara, 1960 — Umehara S. Mōko Noin-Ura hakken no ibutsu (Исследование находок из Ноин-Улы, Северная Монголия). Tōkyō, 1960. (на яп. яз.)

Experiments for the Study of a Felt Carpet from Noyon Uul by the Method of Polypolarization

V. E. Kulikov, E. Yu. Mednikova, Yu. I. Elikhina, S. S. Minyaev

The elite burials in the Noyon Uul (Noin-ula) mountains (North Mongolia) are among the most famous archaeological sites of Hsiungnu (the Asiatic Huns). The burial grounds situated here became in 1924–1925 the object of investigations of the Mongolo-Tibetan Expedition of P.K. Kozlov. Then under direction of S.A. Kondrat'ev, from a number of barrows (and from Kurgan 12/24 under direction of S.A. Teplokhov), over 2,000 various objects were recovered, mostly silken and woollen cloths, felt carpets, as well as gold and silver prestigious ornaments.

In this paper, a method is proposed which yields qualitatively new information on the artefacts by means

of a special optoelectronic system which uses a secondary Lambert-source radiation to eliminate the background luminescence from the object under study (in the classic microscopy the latter radiation is considered as the main one so that an aberration correction is needed). In order to improve the quality of the images obtained, an apodizing filter, developed specially for this system, was introduced providing uniform illumination of the sample. An important merit of this method for archaeology is that a very small size of the samples is needed, thus practically in no way distorting the form and structure of the object under study.

Раннескифские наконечники псалиев юга Восточной Европы¹

А. Д. Моголов²

Одной из ярчайших особенностей культуры скифских племен, пришедших с востока в Северное Причерноморье, наряду с новыми типами вооружения и снаряжения коня, было оригинальное искусство звериного стиля. Заметно отличающийся от предскифских геометрических мотивов скифский звериный стиль является одним из определяющих признаков при атрибуции памятников. Кроме собственно степной территории Северного Причерноморья его яркие сюжеты быстро распространяются по лесостепи Восточной Европы, на Северном Кавказе, в Закавказье и Передней Азии, в Средней Европе. А отдельные мотивы часто украшают оружие, детали конской узда и так называемые «культовые» предметы.

К кругу изделий, декорированных в скифском зверином стиле, относятся и раннескифские костяные псалии с тремя отверстиями и с зооморфными изображениями на верхних и нижних концах. Они получили наибольшее распространение в лесостепном Приднепровье, а в его границах — в Посулье и прилегающих к нему бассейнах рек Сейм, Псёл, Ворскла. Немало этих деталей узды сосредоточено и на Северном Кавказе.

Центральная часть некоторых псалиев была сделана из органического материала, вероятно, дерева, и не сохранилась. От таких изделий — составных псалиев — доходят только костяные (роговые) наконечники, которые могут быть втульчатými или черешковыми. Характеристике этой категории деталей конской узды и посвящена настоящая работа.

Указанные наконечники составных псалиев крепились к несохранившейся центральной части изделия втульчатým, а реже — черешковым способами. При первом способе стержнеобразные концы деревянной (?) основы псалия вставлялись в полость наконечников, которые дополнительно крепились с помощью штифта, проходившего через перпендикулярное отверстие во втулке (оно могло быть как сквозным, так и «глухим»). Черешковые навершия вкладывались в специальные отверстия в концах основы псалия и опять же дополнительно фиксировались перпендикулярным штифтом. В основном наконечники составных псалиев имеют следующие габариты: длина — 1,5–3,5 см, ширина — 1,6–3,3 см. Длина черешковых наверший увеличивается за счет черешка.

В отличие от втульчатых наконечников псалиев, которые известны на большей части территории распространения памятников раннескифской культуры: Северном Кавказе и Украинской лесостепи, черешковые наконечники локализируются в Закавказье и на Северном Кавказе.

Из общего числа учтенных наконечников псалиев (42 экз.) больше всего — 32 экз. происходят с Северного Кавказа.³ Значительно меньшее количество (9 экз.) известно в Украинской лесостепи; в том числе в Тясминской подгруппе — 6, в Западноподольской группе — 2, в Поворсклье — 1. Лишь один предмет найден в Закавказье (рис. 1; 2).

При этом подавляющее большинство наконечников (из которых опубликовано 38) обнаружено в 9 погребениях: курганы 1 (лошади 19–24) и 2

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный на Международной научной конференции «Ранний железный век Евразии (к 100-летию со дня рождения А. И. Тереножкина)» (г. Чигирин, 16–19 мая 2007 г.).

² Украина, 04210, Киев, пр. Героев Сталинграда, 12. Институт археологии НАН Украины. Отдел археологии раннего железного века.

© А. Д. Моголов, 2011

³ К сожалению, не опубликованными полностью остаются комплексы курганов 5 и 10 могильника Новозаведенное II, где найдены такие предметы. Поэтому в будущем приведенные данные придется дополнить. Можно обратить внимание, например, на бронзовый наконечник с птичьей головкой из указанного кургана 5 (*Петренко и др.*, 2004. С. 191).

Рис. 1. Распространение раннескифских наверший псалиев:

1 — Залесье; 2 — Нивра, 3 — Репяховатая Могила; 4 — Бельское городище; 5 — Келермесские курганы; 6 — Новозаведенное; 7 — Кармир-Блур.

Fig. 1. Map of distribution of early Scythian cheek-piece terminals:

1 — Zalesye; 2 — Nivra, 3 — Relyakhovataya Mogila; 4 — townsite of Belsk; 5 — Kelermes barrows; 6 — v. Novozavedennoye; 7 — Karmirblur

(кони 3, 8, 10, 14, 15) Келермесского могильника (раскопки Н. В. Веселовского) (*Галанина, 1997. С. 56, 58, 60, 62*), 5, 7, 10, 13, 14 могильника Новозаведенное II (*Канторович, 2007. Рис. 2, 11; Петренко и др., 2000. С. 245, рис. 2; 2004. Рис. 9, 11*) на Северном Кавказе; оба захоронения Репяховатой Могила в Потясминье (*Ильинская и др., 1980. Рис. 4, 13, 14; 17, 3, 4*). Только 3 предмета происходят из поселений и городищ: Кармир-Блур (комната привратника) в Закавказье (*Пиотровский, 1950. Рис. 64*), Залесское поселение на Западном Подолье, зольник 7 Западного укрепления Бельского городища в Поворсклье (*Гавриш, 2002. Рис. 3, 6*). Одна находка из Нивры в западноподольской группе является случайной (*Бандри́вский, 1996. Рис. 1, 1*).

Рекордсменами по количеству наконечников в могиле являются Келермесские курганы 1 и 2, где найдено соответственно 11 и 9 экземпляров; 6 вещей было в кургане 13 у Новозаведенного II; по 4 — в кургане 14 могильника Новозаведенное II и погребении 1 Репяховатой Могила. В гробнице 2 этого же кургана было 2 предмета, а в новозаведенском кургане № 7 — один.

В погребениях наконечники наиболее часто находят с другими деталями узды, а в Келермесских курганах — еще и рядом с погребенными лошадьми (к сожалению, неизвестно точное место расположения предметов у головы коня).

	Западноподольская группа	Тясминская группа	Ворсклинская группа	Лесостепь Восточной Европы	Северный Кавказ	Закавказье	Всего
					8		8
	2	3		5	6		14
					1	1	2
					2		2
					1		1
		2	1	3	10		13
		1		1			1
Вид не установлен					1		1
Всего	2	6	1	9	32	1	42

Рис. 2. Распределение раннескифских наверший псалиев по разным территориям

Fig. 2. Distribution of cheek-piece terminals in various territories

Навершия псалиев						
Отдел	I с головой барана	II с головой грифобарана		III с головой козла	IV конические	V с копытом
Вид	I.1. Втульчатые	II.1. Втульчатые	II.2. Черешковые	III.1. Втульчатые	IV.1. Втульчатые	V.1. Втульчатые
						

Рис. 3. Классификационное деление раннескифских наверший псалиев

Fig. 3. Classification scheme of cheek-piece terminals

Иногда встречаются парные наконечники одного псалия (обычно верхнее в виде головки животного, а нижнее — копыта): Новозаведенное II, курган 13; погребение 1 Репяховатой Могилы; конь 21 в Келермесском кургане 1. Вероятно, таких случаев было значительно больше, однако отдельные наконечники просто не сохранились. Очевидно, значительно бóльшим было и их число. Достаточно сказать, что если предположить наличие четырех наконечников от двух составных псалиев при каждом из коней (№ 19–24) с набором костяных зооморфных уздечных украшений в одном только кургане 1 Келермесского могильника, то общее количество этих изделий там могло бы возрасти с 11 до 24 экземпляров.

В ходе классификации наконечников составных псалиев были использованы таксоны *отдел* и *вид* (рис. 3). При этом *отделы* выделялись в зависимости от оформления наконечников, а *виды* — от способа их крепления к центральной части псалия (втульчатый или черешковый). При проведении классификации предметов пришлось отка-

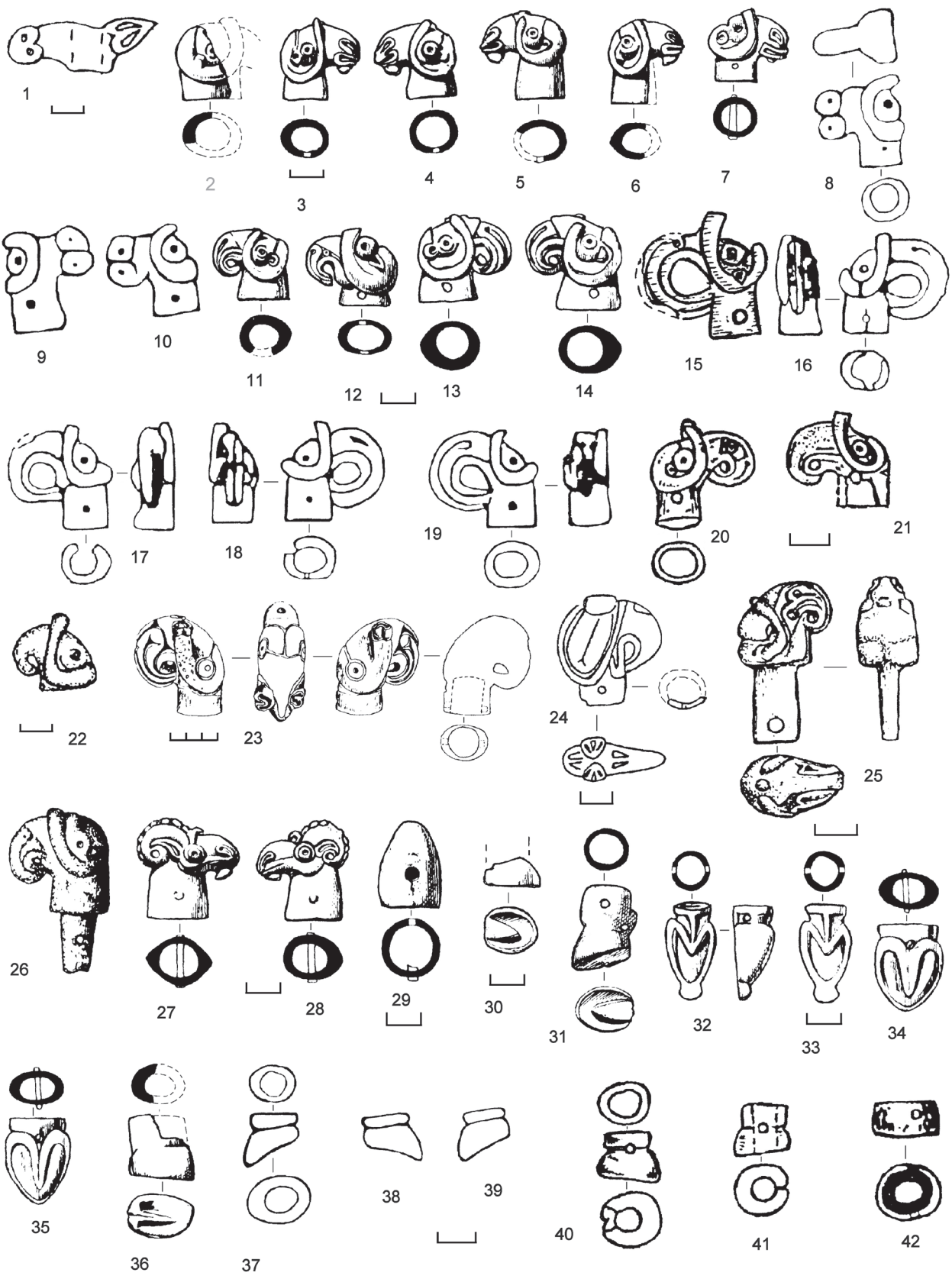
заться от такого, казалось бы, очевидного критерия деления, как «верхний» или «нижний» наконечник. Во-первых, встречаются псалии без зооморфно украшенных концов, так что отнести не декорированные в зверином стиле наконечники к «верхним» или «нижним» без точно известного положения у головы коня невозможно. Во-вторых, известны псалии, у которых оба конца украшены головками, крыльями, лапами и т. д., так что и здесь провести разделение, если бы вдруг появились подобно располагающиеся наконечники, было бы затруднительно. Кроме этого, не задействован при классификации предмет из погребения 2 Репяховатой Могилы, украшенный головкой коня (рис. 4, 1). Он имеет сквозное отверстие, что более свойственно пронизкам, чем наконечникам псалиев. Вероятно, правы были авторы раскопок, отметив, что этот экземпляр использовался в качестве навершия скорее ситуативно: вторично (Ильинская и др., 1980. С. 47). Также трудно отнести к какому-либо отделу предмет из кургана 2 Келермесского могильника (рис. 4, 2),

Рис. 4. Костяные навершия псалиев:

1, 22 — Репяховатая Могила, погребение 2 (Ильинская и др., 1980. Рис. 17, 3, 4); 2, 6, 7, 27–29, 34, 36 — ст. Келермесская, курган 2 (раскопанный Н. И. Веселовским) (Галанина, 1997. Табл. 21, 23); 3–5, 11, 14, 30–33 — ст. Келермесская, курган 1 (раскопанный Н. И. Веселовским) (Галанина, 1997. Табл. 22, 23); 8–10, 37–39 — Новозаведенное II, курган 13 (Петренко и др., 2000. Рис. 2); 15 — Новозаведенное II, курган 5 (Канторович, 2007. Рис. 2, 11); 16–19 — Новозаведенное II, курган 14 (Петренко и др., 2000. Рис. 2); 20, 21, 40, 41 — Репяховатая Могила, погребение 1 (Ильинская и др., 1980. Рис. 4, 13, 14); 23 — Нивра (Бандрівський, 1996. Рис. 1, 1); 24 — Залесье (рис. автора); 25 — Новозаведенное II, курган 7 (Петренко и др., 2004. Рис. 9, 11); 26 — Кармир-Блур (Пиотровский, 1950. Рис. 64); 42 — Западное Бельское городище, зольник 7 (Гавриш, 2002. Рис. 3, 6)

Fig. 4. Bone cheek-piece terminals:

1, 22 — Rpyakhovataya Mogila, burial 2; 2, 6, 7, 27–29, 34, 36 — v. Kelermesskaya, barrow 2 (N. I. Veselovskiy's excavation); 3–5, 11, 14, 30–33 — v. Kelermesskaya, barrow 1 (N. I. Veselovskiy's excavation); 8–10, 37–39 — Novozavedennoye II, barrow 13; 15 — Novozavedennoye II, barrow 5; 16–19 — Novozavedennoye II, barrow 14; 20, 21, 40, 41 — Rpyakhovataya Mogila, burial 1; 23 — Nivra; 24 — Zalesye (fig. by the author); 25 — Novozavedennoye II, barrow 7; 26 — Karmirblur; 42 — Western townsite of Belsk, ash-dump 7

у которого утрачена лицевая часть изображения (баран либо грифобаран).

Было выделено пять отделов наконечников раннескифских псалиев: предметы, украшенные головками *барана* (I), *грифобарана* (II), *козла* (III), а также *конические* (IV) и *с изображением копыта* (V). Они разделяются на 6 видов (рис. 3). Охарактеризуем **виды** наконечников псалиев.

Отдел I. Вид 1. Втульчатые наконечники с изображением головки барана (рис. 4, 3–10). Все 8 экземпляров связаны с Северным Кавказом: курганы 13 (3 предмета) могильника Новозаведенное II; 1 (3 детали при конях 19 и 23) и 2 (2 вещи у лошади 15) Келермесского могильника.

Отдел II. Вид 1. Втульчатые наконечники с изображением головки грифобарана (рис. 4, 11–24). Из 14 экземпляров 9 происходят с Северного Кавказа: курганы 5 и 14 (4 предмета) у Новозаведенного II; курган 1 Келермесского могильника (4 детали при конях 20, 21, 24). Еще 5 предметов найдены в Восточноевропейской лесостепи: Репяховатая Могила (3 вещи) в Потясминье, Залесье и Нивра на Западном Подолье.

Отдел II. Вид 2. Черешковые наконечники с изображением головки грифобарана (рис. 4, 25, 26). Два предмета происходят из Кармир-Блура в Закавказье и кургана 7 могильника Новозаведенное II на Северном Кавказе.

Отдел III. Вид 1. Втульчатые наконечники с изображением головок козлов (рис. 4, 27, 28) были при лошади 10 в кургане 2 Келермесского могильника.

Отдел IV. Вид 1. Втульчатый наконечник конической формы (рис. 4, 29) связан с конем 14 из этого же кургана.

Отдел V. Вид 1. Втульчатые наконечники с изображением копыта (рис. 4, 30–42). Учтено 13 экземпляров. Больше всего (10) — на Северном Кавказе: курганы 13 у Новозаведенного II (3 предмета), курган 1 (4 — при лошадях 21 и 22) и курган 2 (3 — у коней 8 и 15) у ст. Келермесской. Три экземпляра происходят из Приднепровской лесостепи: погребение 1 Репяховатой Могилы (2 предмета) в Потясминье и зольник 7 на Западном укреплении Бельского городища в Поворсклье.

Примечательно, что ареал костяных наконечников составных псалиев совпадает с территорией распространения трехдырчатых костяных и роговых псалиев, основной район концентрации которых — Приднепровская лесостепь и Северный Кавказ. При этом мотивы изображений на наконечниках составных псалиев (головки барана, грифобарана, копыто) находят многочислен-

ные аналогии среди мотивов, декорирующих окончания цельных костяных (роговых) псалиев. Своеобразными являются, пожалуй, лишь экземпляры наконечников в виде козлиных головок. Вместе с тем на цельнокостяных (цельнороговых) псалиях известны мотивы, не встречающиеся на наконечниках: головы лося, хищной птицы, коня с поднятым или прижатом ухом, кошачьего хищника. Вероятно, следует принять во внимание относительную малочисленность наконечников псалиев и не исключать возможности появления в будущем еще неизвестных мотивов оформления.

Изображениями головок хищной птицы, грифобарана, фигуркой кошачьего хищника (рис. 5, 1–9, 11) были украшены костяные и роговые наконечники, найденные в курганах: Темир-Гора (Яковенко, 1972. Рис. 2, 1; 1976. Рис. 1); № 2 (погребение 1) могильника Высочино I; № 7 (могила 8) у Новоалександровки (Кореняко, Лукьяшко, 1982. Рис. 2, 2; 6, 2); № 7 и № 13 могильника Новозаведенное II (Петренко и др., 2000. Рис. 5, 1; 2004. Рис. 9, 12); возле Семеновки (Мурзин, 1984. Рис. 5, 6); № 3 около Нижних Серогоз (Браун, 1906. Рис. 6); № 2 (погребение 1), группы VII Кореновского могильника (Рябкова, 2005. Табл. 3, 22); № 1 (южная могила) первого Краснознаменского кургана (Петренко, 2006. Табл. 105, 4); № 6 Нартанского могильника (Батчаев, 1985. Табл. 21, 23, 24); в погребении 106 у Самтавро (Ильинская, Тереножкин, 1983. С. 29, рис. 1); в Кармир-Блуре (Пиотровский, 1949. Рис. 3, б); в урочище Дарьевка возле Шполы (Ильинская, 1975. Табл. XXXIV, 4).

Многие из этих предметов (как правило, большие по размерам, чем наконечники псалиев) интерпретируются как украшения концов лука (Черненко, 1981. С. 14 и сл.). Атрибуция других затруднена. Нельзя исключать, что некоторые из указанных вещей могли в отдельных случаях использоваться в качестве наконечников псалиев. Если это так, то, возможно, набор образов зооморфных изображений на рассматриваемых нами вещах несколько увеличится. Кроме этого, напомним версию об употреблении в качестве наконечника псалия золотой фигурки оленя (рис. 5, 10) из курганов № 3 или № 4 (Д. Г. Шульца) возле ст. Келермесской (Галанина, 1983. С. 34, рис. 3, 4).⁴ Перечисленные наконечники составных псалиев

⁴ Существует и гипотеза об использовании этой вещи как наконечника гривны или булавки (Кисель, 2003. С. 85, 84).

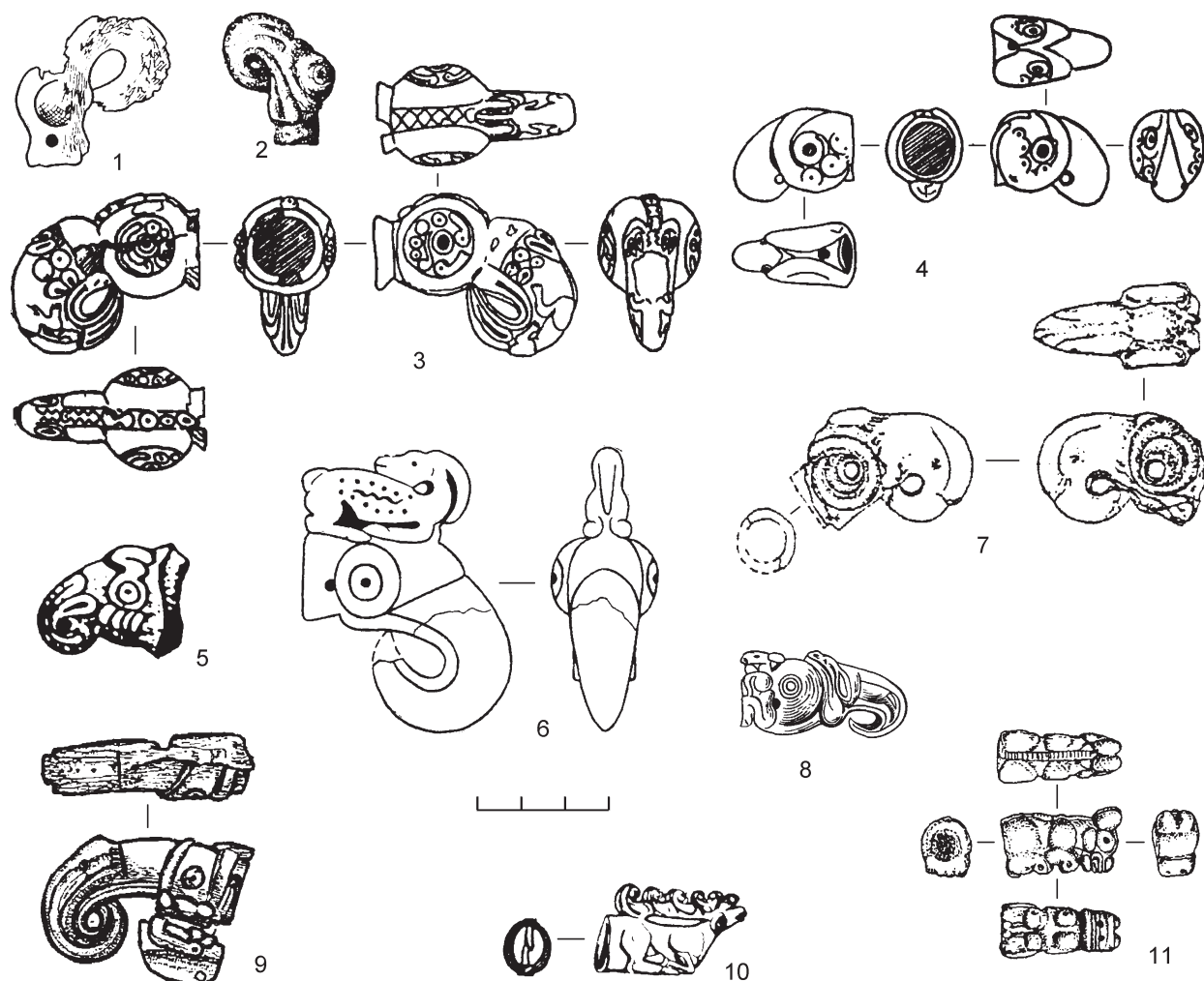

Рис. 5. Наконечники раннескифского времени:

1 — Новоалександровка, курган 7, могила 8 (Кореняко, Лукьяшко, 1982. Рис. 6, 2); 2 — Высочино I, курган 2, погребение 1 (Кореняко, Лукьяшко, 1982. Рис. 2, 2); 3–4 — Нартан, курган 6 (Батчаев, 1985. Табл. 21, 23, 24); 5 — VII Кореновский могильник, курган 2, погребение 1 (Рябкова, 2005. Табл. 3, 22); 6 — Шпола, урочище Дарьевка (Ильинская, 1975. Табл. XXXIV, 4); 7 — Новозаведенное II, курган 13 (Петренко и др., 2000. Рис. 5, 1); 8 — Новозаведенное II, курган 7 (Петренко и др., 2004. Рис. 9, 12); 9 — Кармир-Блур (Пиотровский, 1949. Рис. 3, б); 10 — Темир-Гора (Яковенко, 1976. Рис. 1); 11 — ст. Келермесская, курган 3 или 4 (Д. Г. Шульца) (Галанина, 1983. Рис. 3, 4).

1–10 — кость, 11 — золото

Fig. 5. Cheek-piece terminals of the early Scythian period:

1 — Novoaleksandrovka, barrow 7, grave 8; 2 — Vysochino I, barrow 2, burial 1; 3–4 — Nartan, barrow 6; 5 — Korenovsk VII cemetery, barrow 2, burial 1; 6 — Shpola, Urochishche (stow) of Daryevka; 7 — Novozavedennoye II, barrow 13; 8 — Novozavedennoye II, barrow 7; 9 — Karmirblur; 10 — Temir-Gora; 11 — v. Kelermesskaya, barrow 3 or 4 (D. G. Schultz's excavation). 1–10 — bone, 11 — gold

встречены в памятниках келермесского времени. Причем как в ранних, какими, например, считаются курганы 1 и 2 (Н. И. Веселовского) Келермесского могильника (Галанина, 1997. С. 180), так и в более поздних. Как доказательство последнего можно привести погребение 2 Репяховатой Могилы, где найдена амфора, датируемая исследователями в интервале конца VII—первой половины VI в. до н. э. (Полін, 1987. С. 26, 27; Монахов, 2003. С. 32).

Вероятно, распространение подобных наконечников (как и других деталей снаряжения коня) в середине VII—первой половине VI в. до н. э. на такой большой территории следует связывать с повышенной подвижностью кочевых племен, приносивших свои культурные традиции, и в том числе материальную культуру, в разные, часто отдаленные регионы. Там ее передовые элементы зачастую перенимались местными племенами, а их искусство обогащалось новыми мотивами и образами.

- Бандрівський*, 1996 — *Бандрівський М. С.* Про час появи найраніших зразків скіфського звіриноного стилю на Заході України // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996.
- Батчаев*, 1985 — *Батчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985.
- Браун*, 1906 — *Браун Ф. А.* Отчет о раскопках в Таврической губ. В 1898 г. // ИАК. СПб., 1906. Вып. 19.
- Гавриш*, 2002 — *Гавриш П. Я.* Продовження розкопок зольника № 7 в Західній фортеці Більського городища // АЛЛУ. Полтава, 2002. № 1.
- Галанина*, 1983 — *Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1983 (АСГЭ. Вып. 24).
- Галанина*, 1997 — *Галанина Л. К.* Келермесские курганы. М., 1997.
- Ильинская*, 1975 — *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975.
- Ильинская и др.*, 1980 — *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И.* Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
- Ильинская, Тереножкин*, 1983 — *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.
- Канторович*, 2007 — *Канторович А. Р.* Истоки и вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007.
- Кисель*, 2003 — *Кисель В. А.* Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003.
- Кореняко, Лукьяшко*, 1982 — *Кореняко В. А., Лукьяшко С. И.* Новые материалы раннескифского времени на Левобережье Нижнего Дона // СА. 1982. № 3.
- Монахов*, 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье: Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003.
- Мурзин*, 1984 — *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.
- Петренко*, 2006 — *Петренко В. Г.* Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо, 2006.
- Петренко и др.*, 2000 — *Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р.* Хронология Центральной группы курганов могильника Новозаведенное // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. М., 2000.
- Петренко и др.*, 2004 — *Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р.* Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное II // Археологические памятники раннего железного века юга России. М., 2004.
- Пиотровский*, 1949 — *Пиотровский Б. Б.* Раскопки Урартской крепости на холме Кармир-Блур (Тейшебаини) // КСИИМК. 1949. Вып. 27.
- Пиотровский*, 1950 — *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур. Результаты раскопок 1939–1949. Ереван, 1950. Т. 1.
- Полін*, 1987 — *Полін С. В.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. Київ, 1987. № 59.
- Рябкова*, 2005 — *Рябкова Т. В.* Образы звериноного стиля в эпоху скифской архаики // АСГЭ. 2005. № 37.
- Черненко*, 1981 — *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев, 1981.
- Яковенко*, 1972 — *Яковенко Э. В.* Курган на Темир-Горе // СА. 1972. № 3.
- Яковенко*, 1976 — *Яковенко Э. В.* Древнейший памятник искусства скифов // СА. 1976. № 2.

Early Scythian Cheek-Piece Terminals from the South of Eastern Europe

A. D. Mogilov

The vivid features of the material culture of the Scythian tribes, who once appeared in the northern Black Sea region, included an advanced set of horse gear and the distinctive animal art style. The two components both are organically merged into the early Scythian cheek-piece terminals. These peculiar objects

were widespread in the 7th-6th century BC throughout the vast steppe and forest-steppe regions of Eastern Europe, the North Caucasus and even Transcaucasia. Often they were decorated with various zoomorphic details reflecting the complex gallery of images of the early Scythian art.

О функциональном назначении отдельной группы кухонной посуды

(II тыс. до н. э. – I тыс. н. э.)

М. О. Стрельник, М. А. Хомчик¹

В Национальном музее истории Украины хранится интересная и достаточно многочисленная группа экспонатов, которые довольно долго оставались без должного внимания исследователей. Эти предметы представляют собой плоские лепные глиняные диски, заглаженные или залощенные с лицевой стороны. На их обратной стороне часто заметны следы копоты, многие предметы украшены «орнаментом», который представляет собой различные наколы, ямки, пальцевые защиты, отпечатки ногтя, а также сквозные отверстия, которые могли образовывать примитивный узор или располагаться бессистемно. Диски были распространены на территории лесостепной зоны Украины с конца II тыс. до н. э. и до VII в. н. э. Ими пользовались начиная с эпохи бронзы, они были непременным атрибутом чернолесской, поморской археологических культур, получили распространение в скифской, гето-дакийской, лужицкой, зарубинецкой, киевской и раннеславянских культурах.

Как правило, диски относят к категории кухонной посуды, изредка указывая, что они могли использоваться с ритуальной целью (Пачкова, 1990). В научной литературе эти предметы описываются под разными названиями, чаще всего как «крышки, сковородки или цедилки» (Мелюкова, 1958. С. 63; Максимов, 1972. С. 85; Еременко, Шуклин, 1992. С. 106; Бессонова, Скорый, 2001. С. 87–89). Иногда их называют «дисковидными крышками-тарелками» (Стародавнє населення..., 1974. С. 25), «круглыми, плоскими крышками» (Кухаренко, 1969. С. 98), «глиняными сосудами с отверстиями» (Шрамко, 1996б. С. 33), «глиняными кругами» (Бессонова, Скорый, 2001. С. 89) и даже

«блюдами» (Солтис, Білан, 1999. С. 26). Эти названия отображают неправильную атрибуцию вещей, которые служили обычными противнями и функциональным назначением которых была выпечка лепешек, хлеба или печенья. По нашему мнению, название «диск» (Шербакова, 1983. С. 163; Пачкова, 1990. С. 53; Баран, 1998. С. 168) или «лепешечница-диск» (Пачкова, 2006. С. 95), которым также пользуются исследователи, является наиболее приемлемым для этой группы изделий.

Музейная коллекция насчитывает 285 фрагментов глиняных дисков и 5 целых (отреставрированных) изделий, которые были переданы в музей в составе различных коллекций как «фрагменты глиняной посуды». Почти все они, за исключением двух фрагментов, которые были найдены во время раскопок кургана скифского времени в с. Иванковичи Киевской обл., найдены на поселениях или городищах. Наибольшее количество материала относится к VII–VI вв. до н. э. (107 ед. хр.) и к I в. до н. э.–I в. н. э. (178 ед. хр.). Незначительное количество изделий датируется эпохой бронзы (2 ед. хр.) и V–VII вв. н. э. (3 ед. хр.). Большинство фрагментов было найдено во время исследования заполнения хозяйственных ям и в жилищах, часто вблизи очагов или печей. На поселениях и городищах скифского времени находки дисков концентрируются в определенных местах (Инвентарные книги Национального музея истории Украины далее — НМИУ археологических фондов «а», «в» и «БД»).

Ниже приведено описание музейных коллекций, в состав которых входили диски.

Диски эпохи бронзы. В фонде «а» хранятся два фрагмента дисков, датированных концом II тыс. до н. э. Эти изделия происходят из раскопок 1927–1931 гг. на острове Дубовый (в настоящее время он затоплен водами Днепродзержинского водохранилища), который находился выше современно-

¹ Украина, 01025, Киев, ул. Владимирская, 2. Национальный музей истории Украины.

© М. О. Стрельник, М. А. Хомчик, 2011

го с. Вовниги Солонянского р-на Днепропетровской обл. Оба диска желто-серого цвета, с заглаженной лицевой стороной и незначительным утолщением в центральной части (толщина 1,1–1,3 см). Один из них (НМИУ, инв. № а 201/128) имел диаметр 27–28 см, второй (НМИУ, инв. № а 201/129) — 24–25 см (рис. 1, 1, 2).

Диски периода раннего железного века. В 1938 г. в музей были переданы 7 фрагментов глиняных дисков с заглаженной поверхностью с поселения около г. Немиров Винницкой обл. (НМИУ, инв. № БД-6763/1–7). Они были найдены в том же 1938 г. во время раскопок экспедиции ИА АН СССР и УССР под руководством М. И. Артамонова. Диаметр дисков около 30 см, толщина — 1,3 см.

В 1939–1940 гг. археологическая экспедиция Центрального исторического музея им. Т. Г. Шевченко под руководством И. В. Фабрициус проводила раскопки Шарповского городища (с. Пастырское Смелянского р-на Черкасской обл.), где был обнаружен 31 фрагмент глиняных дисков диаметром 18–32 см и толщиной 0,7–1,6 см (НМИУ, инв. № БД-6762/1–31). Поверхность трех фрагментов была залощена, поверхность остальных — заглажена. Восемь фрагментов имели «орнамент»: наколы на лицевой и обратной сторонах, сквозные отверстия и пальцевые защипы. Аналогичные предметы были найдены во время исследования поселения около с. Иване-Пусте Борщевского р-на Тернопольской обл. в 1958–1960 гг. Экспедиция была организована Государственным республиканским историческим музеем, возглавляла ее сотрудник музея О. Д. Ганина. Во время работы экспедиции было обнаружено 66 фрагментов дисков. Найдены они были, в основном, в раскопе № 2 (НМИУ, инв. № БД-6761/1–66). Диаметр дисков колебался в пределах от 17 до 30 см, наиболее распространенным был диаметр 26–28 см. Толщина дисков тоже менялась от 0,4 до 1,8 см, в зависимости от их диаметра. У подавляющего большинства дисков была также утолщена средняя часть. Диски были изготовлены достаточно качественно. В двух случаях они имели лощеную поверхность, 28 фрагментов были заглажены с обеих сторон, а 30 украшал «орнамент»: разные наколы, сетка, отпечатки ногтя и сквозные отверстия (рис. 1, 3).

В 1981 г. экспедицией Государственного исторического музея УССР под руководством О. Д. Ганиной при раскопках поселения около с. Залесье Борщевского р-на Тернопольской обл. также были обнаружены фрагменты глиняных дисков, один из которых хранится в музее (НМИУ, инв.

№ БД-6764). Диаметр диска — 27 см, толщина — 1,3 см. Поверхность лицевой стороны заглажена, обратной — покрыта пальцевыми защипами, расположенными бессистемно на расстоянии 1 см от края изделия.

И наконец, в 2000 г. в музей поступили материалы из погребения № 1 кургана № 1 (VII–VI в. до н.э.) в с. Иванковичи Васильковского р-на Киевской обл. (НМИУ, инв. № БД-6830, 6831), где в 1994 г. работала археологическая экспедиция центра охраны памятников истории, археологии и искусства Управления культуры Киевской облгосадминистрации, возглавляемая О. Б. Солтисом. Погребальный инвентарь включал два фрагмента глиняного диска диаметром 30 см и толщиной 1,3 см. Поверхность с обеих сторон лощеная, в гончарное тесто были включены примеси слюды. Цвет глины — черно-серый. Захоронение, в котором находился диск, было ограблено еще в древности и все находки располагались в придонном слое ямы на расстоянии 20 см от ее дна. В комплекс входили фрагменты еще 6 сосудов, которые также имели примеси слюды в глине. Кроме керамики в захоронении лежали золотые бляшка и пластина, бисер, мелкие бусины, а также ракушки (Солтис, Білан, 1999. С. 27).

Диски зарубинецкой археологической культуры. Глиняные диски были достаточно частыми находками и на памятниках зарубинецкой культуры (II в. до н. э.—II в. н. э.). Большое их количество (178 экз.) происходит с поселения I в. до н. э.—I в. н. э., исследованного в 1965–1973 гг. в Киеве, на Оболони (коллекционные списки: в-4692 (32 ед.); в-4674 (24 ед.); в-4680 (9 ед.); в-4690 (16 ед.); в-4693 (50 ед.); в-4691 (46 ед.)). Руководителем раскопок была сотрудница музея А. М. Шовкопляс, которая передала в музейное собрание весь комплекс материалов с поселения, вплоть до мельчайших фрагментов стенок посуды. Благодаря этому обстоятельству и удалось отобрать фрагменты средней части дисков, которые отсутствуют в других коллекциях. Возможно, именно этим объясняется и большое количество этой посуды, которая в других населенных пунктах могла просто остаться без должного внимания (Шовкопляс, Терпиловський, 2002; 2003). Диаметр дисков колебался в пределах 17–32 см, самым распространенным был диаметр 25–26 см. Толщина — от 0,7 см до 1,7 см. Все изделия имеют утолщенную среднюю часть и более тонкий край. Почти все они без «орнамента». «Орнамент» в виде насечек, наколов или пальцевых защипов имели лишь 12 фрагментов. Цвет глины — светло-коричневый или крас-

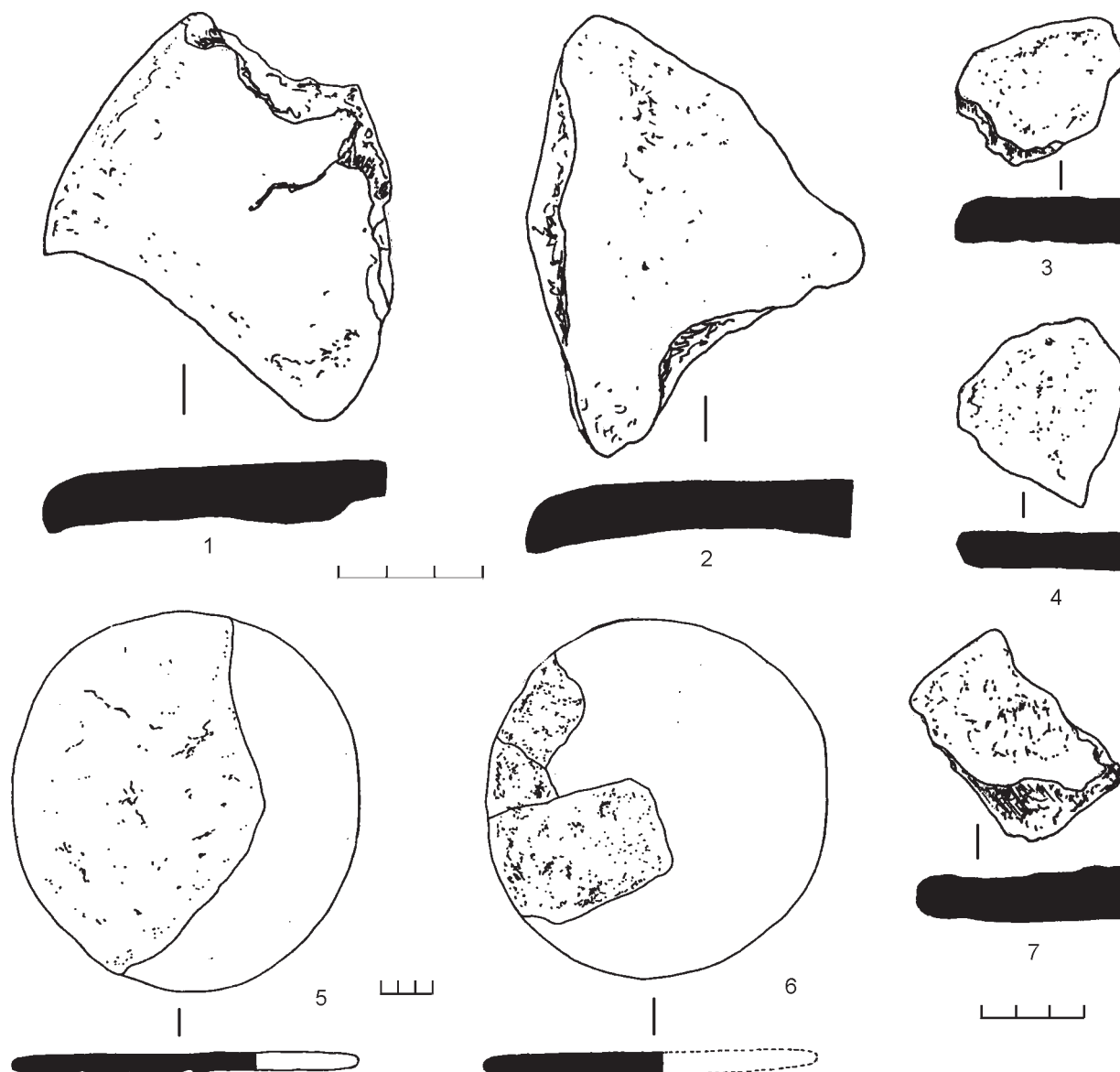

Рис. 1. Глиняные диски II тыс. до н.э. — VII в. н.э.:

1, 2 — остров Дубовый, с. Вовниги Днепропетровской обл. (II тыс. до н.э.); 3 — с. Иване-Пусте, Борщевский р-н, Тернопольской обл. (VI в. до н.э.); 4 — Киев, Оболонь (I в. до н.э. — I в. н.э.); 5 — с. Пеньковка, Чигиринский р-н, Черкасской обл. (V–VII вв.); 6 — с. Опишня, Полтавской обл. (V–VII вв.); 7 — г. Черновцы (V–VII вв.)

Fig. 1. Clay discs of the 2nd mil. BC — 7th cen. AD:

1, 2 — Dubovy Island, v. Vovnigi Dnepropetrovsk Oblast (2nd mil. BC); 3 — v. Ivane-Puste, Borshchevsky District, Ternopol Oblast (4th cen. BC); 4 — Kiev, Obolon' (1st cen. BC — 1st cen. AD); 5 — v. Pen'kovka, Chigirinsky District, Cherkassk Oblast (5th — 7th centuries); 6 — v. Opishnya, Poltava Oblast (5th — 7th centuries); 7 — city of Chernovtsy (5th — 7th centuries)

но-серый. Поверхность с лицевой стороны, как правило, заглаженная, на обратной стороне — шершавая. Диски были найдены почти во всех жилищах и во многих хозяйственных ямах (рис. 1, 4).

Диски V–VII вв. н. э. В музейном собрании хранятся только три фрагмента глиняных дисков, датированных V–VII вв. н. э. (рис. 1, 5–7). В 1948 г. в инвентарную книгу музея записан фрагмент диска диаметром 31 см и толщиной 1–1,4 см из с. Пеньковка Черкасской обл. Диск был изготов-

лен из красно-серой глины, гончарное тесто включало примеси песка, слюды и толченой ракушки. Поверхность изделия с обеих сторон неровная. Второй фрагмент диска диаметром 27 см и толщиной 1,4 см был найден сотрудниками музея в 1940 г. в с. Опишня Полтавской обл. во время археологической разведки. Он также имел неровную поверхность, глина была светло-коричневого цвета и включала примеси кварцевого песка и шамота. И наконец, в 1957 г. Б. О. Тимошуком

был передан музею еще один фрагмент диска с очень неровной поверхностью, который был обнаружен во время археологической разведки Черновицкого краеведческого музея в г. Черновцы, в урочище Роша. Диаметр диска составлял приблизительно 29 см, а его толщина колебалась в пределах 1–1,4 см. Цвет глины — красновато-серый, обжиг неравномерный.

Обращает на себя внимание более тщательное изготовление дисков в период раннего железного века. Все они имеют ровную поверхность, в большинстве случаев заглаженную или лошеную, а также правильную, округлую форму. Глина сероватого, часто светлого, желтоватого или коричневого цветов. Гончарное тесто включало растительные примеси, мелкий песок, шамот, иногда слюду. На обратной стороне почти в половине случаев располагался «орнамент».

Зарубинецкие гончары лепили свои диски из более грубого теста, которое включало как примеси растительного характера, так и крупный шамот, речной песок, толченый камень, слюду. Однако встречаются и изделия из хорошо отмученной глины с примесями мелкого шамота и песка. Цвет глины от светло-желтого до красновато-коричневого и буро-коричневого. Поверхность — от хорошо заглаженной до шершавой, бугристой. Край — неровный, «орнаментирована» приблизительно четвертая часть от общего количества предметов. То же самое касается и дисков V–VII вв. Обжигали диски на открытом огне, о чем свидетельствует двух- или трехслойный слом черепка. В большинстве случаев их делали из той же глины, которая применялась для изготовления посуды.

Значительный интерес вызывает «орнамент», который почти всегда располагался на обратной стороне предметов, в то время как лицевую сторону пытались сделать как можно ровнее (рис. 2). Назначением этого «орнамента» была не декоративная функция, а сугубо технологическая. Шершавая поверхность, зашпы, наколы, сквозные отверстия создавали лучшие условия для более быстрого прогревания диска и подготовки его к работе. На «орнаментированных» дисках выпечка меньше пригорала и быстрее выпекалась. Подтверждением нашей гипотезы могут быть результаты проведенного нами научного эксперимента. С этой целью были изготовлены (по древним образцам) диски без «орнамента» и «орнаментированные». Для эксперимента использовалась обыкновенная русская печь. Диски, которые имели технологический «орнамент», нагрелись быстрее.

Из этнографических источников известно, что глиняные диски никогда не смазывались маслом.

Тесто клали на хорошо разогретый диск-противень, слегка посыпав его перед этим мукой. Затем диск, в свою очередь, ставили на под очага или печи, которая перед тем была уже вытоплена (*Бломквист, 1956*).

Жизнь наших предков была жестко регламентирована, ее невозможно представить без разнообразных языческих праздников и обрядов. Наиболее почитаемыми божествами на территории лесостепной зоны Украины в древности были боги, связанные с культом плодородия. Именно в их честь устраивались праздники, которые почти всегда сопровождались выпечкой, а затем и ритуальным употреблением и принесением в жертву богам культовых лепешек, печенья, хлеба.

Выпечка хлеба (с ритуальной целью) всегда была связана с идеей возникновения, зарождения, началом создания чего-то нового (*Байбурин, 1977*). Это могли быть: начало нового года, приход весны, созревание урожая, свадьба, рождение ребенка, смерть человека (как начало новой, потусторонней жизни), строительство нового дома и т. п. Осетины, которых считают далекими потомками скифов, даже праздновали особый праздник — День хлеба, посвященный началу полевых работ. На праздничном столе ставили вертикально три специальных пирога, которые символизировали Бога, солнце и землю (*Уарзуати, 1995*). Выпекали и особое обрядовое печенье в виде круглых коржиков (символов солнца), которые даже назывались «солнечный огонь», а также фигурки людей и животных. Для приготовления этого печенья месили особое тесто из просяной муки, куда добавляли немного поджаренного зерна. Именно такой состав имела просяная лепешка (VI в. до н. э.), найденная на Пастырском городище (*Петров, 1948*). У осетин домашний очаг и печь считались самыми важными местами в доме, они были тесно связаны с культом предков, служили основой семейного благосостояния. В этой связи не только готовое культовое печенье, но и сами противни были связаны с культом домашнего очага.

Весьма популярной была разнообразная праздничная выпечка в украинских селах. Древние языческие обычаи на протяжении длительного времени приспособлены к христианскому календарю, а конкретные виды печенья стали регламентироваться местными обычаями. Так, на Средокрестие (середина четвертой недели Великого поста) пекли обрядовое печенье в форме круглых лепешек и крестов. Их ели сами, а также давали скоту. Они должны были прибавить силы пахарю, лошадям и волам перед началом сева (*Соколова, 1979*). Когда умирал маленький ребенок, пекли

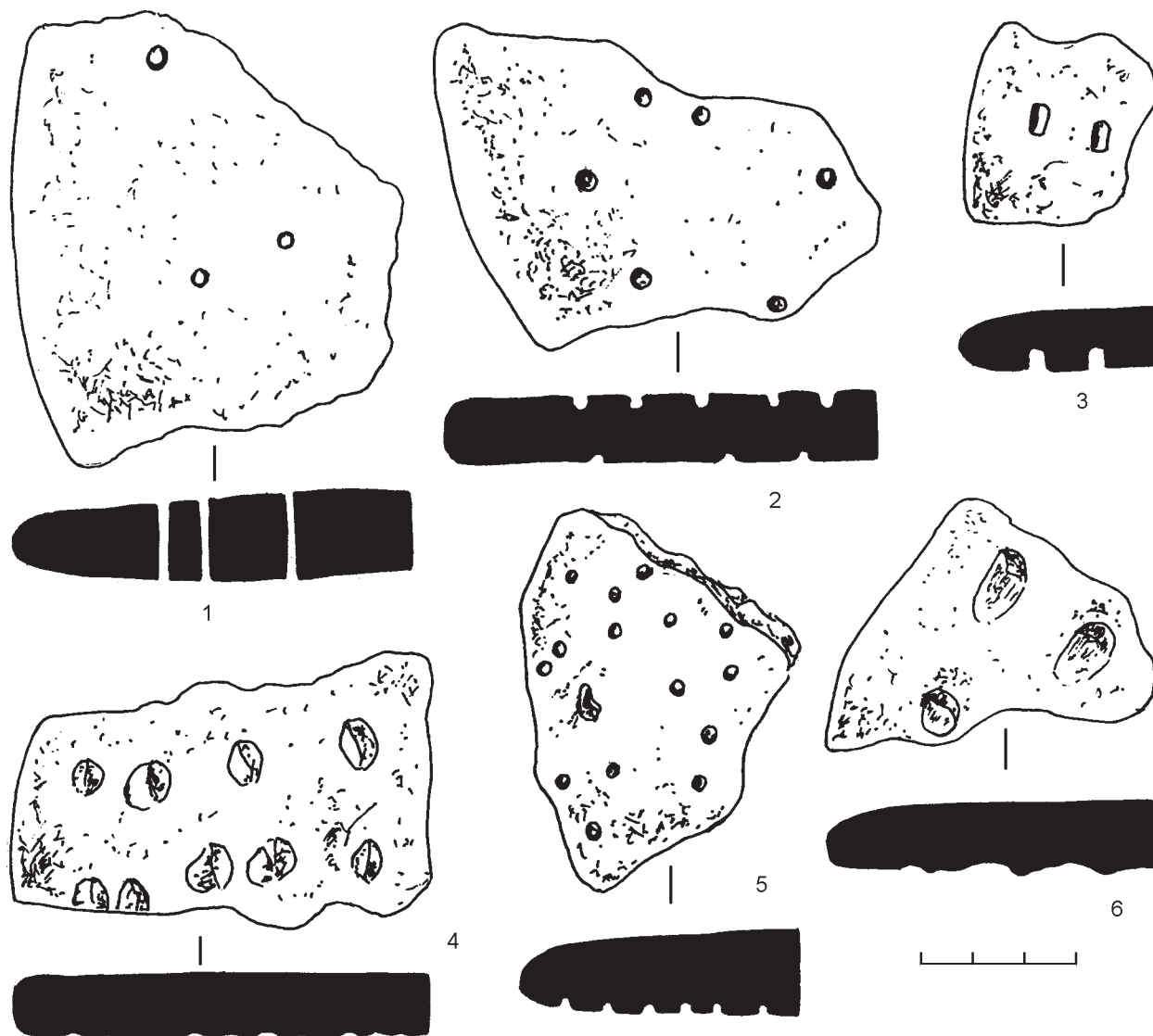

Рис. 2. Технологические «орнаменты» на глиняных дисках:

1 — с. Иване-Пусте, Боршевский р-н, Тернопольской обл. (VI в. до н.э.); 2, 3 — с. Пастырское, Смелянский р-н, Черкасской обл. (VII—VI вв. до н.э.); 4 — с. Залесье, Боршевский р-н, Тернопольской обл. (VII—VI вв. до н.э.); 5, 6 — Киев, Оболонь (I в. до н.э. — I в. н.э.)

Fig. 2. Technological «patterns» on clay discs:

1 — v. Ivane-Puste, Borshchevsky District, Ternopol Oblast (6th cen. BC); 2, 3 — v. Pastyrskoye, Smelyansky District, Cherkassk Oblast (7th — 6th cens. BC); 4 — v. Zalesye, Borshchevsky District, Ternopol Oblast (7th — 6th cens. BC); 5, 6 — Kiev, Obolon' (1st cens. BC — 1st cen. AD)

печенье в виде птички — «голубка». Во время похорон таких «голубков» раздавали детям (Говорун, 2001).

Печенье могло быть как пресным, так и сладким. С давних времен дошел до нас рецепт сладкого печенья-медовика. Мед доводили до кипения, добавляли муку (пшеничную, ржаную, просяную). На одну часть меда брали приблизительно две части муки и месили до тех пор, пока тесто не становилось мягким. Из теста лепили фигурки людей или животных. Выпекали медовики на подсыпанных мукой сухих противнях в горячей

печи (Артюх, 1993). Медовики раздавали детям-засевальщикам и щедровальщикам² на Новый год, колядникам на Рождество, ими повитуха угощала своих «внуков», ими же одаривали своих крестников крестные родители. Медовики долго не портились, могли храниться даже годами.

Возможно, что именно на основе меда пекли культовое печенье и на глиняных дисках. По внешнему виду такое печенье могло быть похоже

² Так в Украине называли певчих во время зимних праздников (Ред.).

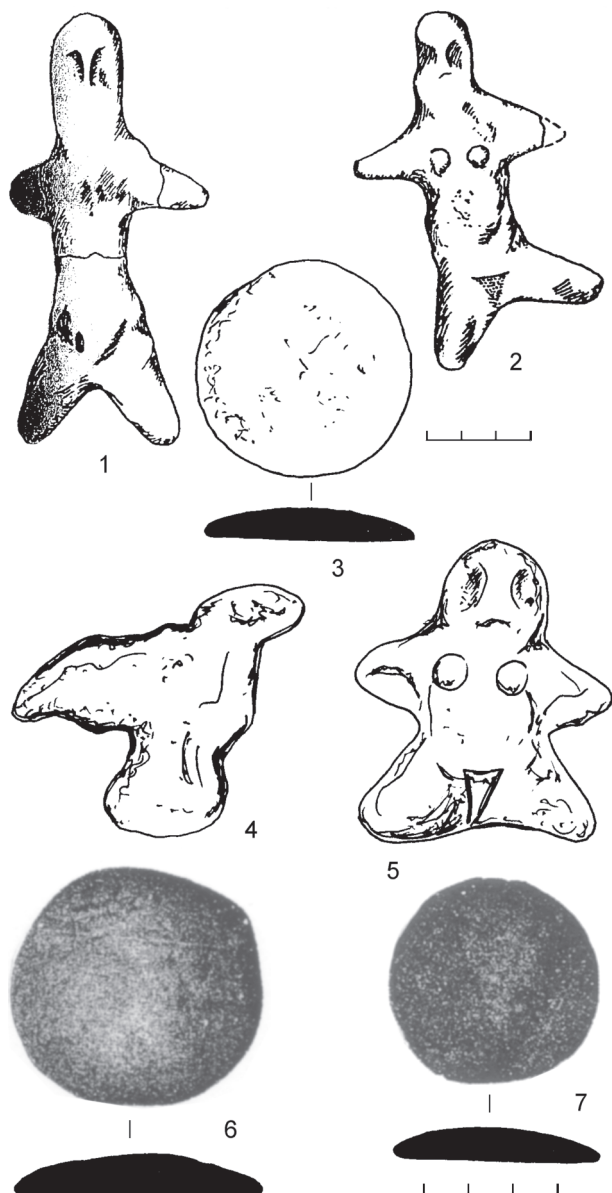

Рис. 3. Фигурки глиняные и выпеченные на дисках из теста:

1, 2, 3 — Бельское городище (VII—III вв. до н.э.);
4, 5, 6, 7 — современная выпечка, полученная в ходе эксперимента

Fig. 3. Clay figurines and dough figurines baked on disks:
1, 2, 3 — townsite of Belskoye (7th — 3rd centuries BC);
4, 5, 6, 7 — cookies baked in the course of modern experiments

на многочисленные глиняные хлебцы и глиняные статуэтки, известные по археологическим раскопкам (Гершкович, 2004). Часто в гончарное тесто, из которого они были изготовлены, добавляли зерно (Шрамко, 1987). И глиняные, и выпеченные, фигурки были жертвой богу плодородия, часто они были его олицетворением, а употребление печенья в пищу могло символизировать единение с высшей силой.

Продолжением нашего эксперимента стало выпекание подобного печенья на дисках. По вышеупомянутому рецепту приготовили тесто. Потом слепили фигурки, используя как образец глиняные женские фигурки (рис. 3, 1, 2), фигурки птичек и хлебцы (рис. 3, 3) из Бельского городища (VII—III вв. до н. э.) (Шрамко, 1996а. С. 81, рис. VII, 2, 3; НМИУ, инв. № Б-7270–7271).

Через 10 минут печенье было готово (рис. 3, 4–7). Изделия оказались неплохими на вкус и пригодными к длительному хранению (по крайней мере, и через несколько лет после эксперимента они не потеряли своих вкусовых качеств). Следовательно, эксперимент позволил обнаружить несколько важных положительных аспектов, способствующих широкому распространению дисков-противней в древности: все диски быстро прогревались (5–10 минут); «орнаментированные» изделия нагревались быстрее; на подсыпанном мукой диске тесто не пригорало и выпекалось равномерно; весь процесс выпечки занимал мало времени; после использования диск можно было не мыть, достаточно было смести остатки муки; возможность достаточно длительного хранения готовых изделий.

Не исключено, что и сами предметы, на которых выпекали культовое печенье (наши глиняные диски), также приобретали определенную святость (Рыбаков, 1981). К этим вещам относились с уважением, они даже сопровождали умерших на «тот свет». Постепенно, на протяжении длительного времени, у людей менялось отношение к самому процессу выпекания. Из ритуального он становится обычным бытовым явлением. Уже в период зарубинецкой культуры (II в. до н. э.—II в. н. э.) печенье изготавливают в каждом доме. Хозяйки имеют по несколько глиняных дисков-противней, а их изготовлению уже не уделяют такого внимания, как раньше. Изделия становятся грубее, реже используется технологический «орнамент», и в начале VIII в. глиняные диски выходят из употребления. Их место занимают глиняные сковородки с небольшим бортиком (Седов, 1982), а позднее — металлические противни.

Артюх, 1993 — Артюх Л. Українська кухня // Українська мінувшина / Гол. ред. С. Головки. Київ, 1993.

Байбурин, 1977 — Байбурин А. К. Восточнославянские гадания, связанные с выбором места для нового жилища // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977.

Баран, 1998 — Баран В. Д. Давні слов'яни. Київ, 1998.

- Бессонова, Скорый*, 2001 — *Бессонова С. С., Скорый С. А.* Мотронинское городище скифской эпохи. Киев; Краков, 2001.
- Бломквист*, 1956 — *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956.
- Гершкович*, 2004 — *Гершкович Я. П.* Феномен зольников белогрудовского типа // РА. 2004. № 4.
- Говорун*, 2001 — *Говорун С.* Стінянські «колачі». За матеріалами фольклорно і етнографічної експедиції в с. Стіна, Томашівського р-ну, Вінницької обл. // Народна творчість та етнографія. 2001. № 1.
- Еременко, Шукин*, 1992 — *Еременко В. Е., Шукин М. Б.* Кимвры, тевтоны, кельто-скифы и некоторые вопросы хронологии рубежа среднего и позднего латена // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992.
- Кухаренко*, 1969 — *Кухаренко Ю. В.* Археология Польши. М., 1969.
- Максимов*, 1972 — *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972.
- Мелюкова*, 1958 — *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье / Отв. ред. К. Ф. Смирнов. М., 1958 (МИА. № 64).
- Пачкова*, 1990 — *Пачкова С. П.* Керамика // Славяне юго-восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.
- Пачкова*, 2006 — *Пачкова С. П.* Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. Киев, 2006.
- Петров*, 1948 — *Петров В. П.* Харчові рештки з Пастирського городища // Археологія. Київ, 1948. № 2.
- Рыбаков*, 1981 — *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981.
- Седов*, 1982 — *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XII вв. М., 1982 (Археология СССР).
- Соколова*, 1979 — *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.
- Солтис, Білан*, 1999 — *Солтис О. Б., Білан Ю. О.* Дослідження кургану ранньоскіфського часу на Київщині // Археологічний літопис Лівобережної України. Київ, 1999. № 2.
- Стародавнє населення..., 1974 — Стародавнє населення Прикарпаття і Волині. Київ., 1974.
- Уарзиати*, 1995 — *Уарзиати В.* Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995.
- Шовкопляс, Терпиловський*, 2002 — *Шовкопляс Г. М., Терпиловський Р. В.* Кераміка рубежу нашої ери з поселення Оболонь (попередні спостереження) // Сучасні проблеми археології. Київ, 2002.
- Шовкопляс, Терпиловський*, 2003 — *Шовкопляс Г. М., Терпиловський Р. В.* Кераміка рубежу нашої ери з поселення Оболонь в Києві // Старожитності першого тисячоліття нашої ери на території України. Київ, 2003.
- Шрамко*, 1987 — *Шрамко Б. А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.
- Шрамко*, 1996а — *Шрамко Б. А.* Комплекс глиняных скульптур Бельского городища // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996. С. 67–87.
- Шрамко*, 1996б — *Шрамко Б. А.* Раскопки В. А. Городцова на Бельском городище в 1906 году (По материалам коллекции ГИМ) // Там же. С. 29–54.
- Щербакова*, 1983 — *Щербакова Т. А.* Раскопки поселения позднеримского времени в с. Чишмикиой // Археологические исследования в Молдавии в 1979–1980 гг. Кишинев, 1983.

Functions of a Certain Group of Cooking Ware (2nd Millennium BC — 1st Millennium AD)

M. A. Strel'nik, M. A. Khomchik

This article considers the clay handmade baking discs (2nd millennium BC — 7th century AD) from the collection of the National Museum of the History of Ukraine. These are flat objects, smoothed or polished on the face side. The back side often has traces of soot and occasionally is decorated by various pits, finger impressions and perforations. This fairly widespread group of stereotyped objects was peculiar to many archaeological cultures. They were used since the Bronze Age having been an invariable attribute of the Chernoleskaya and Pomorskaya archaeological cultures. They were distributed also in the Scythian, Geto-Dacian, Lusatian, Zarubintsy, Kiev and early Slavic cultures. The Museum collection includes 285 fragmentary clay discs of different dates and five complete (restored) items (Fig. 1, 1–7).

Among the important tasks there was elucidation of the function of these objects. They served as ordinary trays for baking cakes, bread and cookies, whereas the

pattern on the back side was not decorative but purely technological to expedite heating (Fig. 2, 1–6).

In addition, a scientific experiment is here described, in the course of which cookies were baked according to an old recipe on specially made clay discs (Fig. 3, 4–7). The shape of the cookies copied that of clay figurines (Fig. 3, 1–3) from the townsite of Belsk (7th–3rd century BC). This experiment has made it possible to elicit a number of important aspects conducive to the wide distribution of the baking discs in antiquity: all the discs could be rapidly heated (5–10 minutes); the «ornamented» ones heated faster; on a disc covered with a bed of flour, the dough was not burnt and was baked uniformly; the entire process of baking took little time; after the use, the discs needed no rinsing it sufficing only to sweep out the rests of the flour; it was possible to keep the finished utensils for a long time.

Also ethnographical parallels were used in analysis of the subject under study.

Погребальные обычаи населения Прикарпатья в позднееримский период (по археологическим данным)

Л. В. Вакуленко¹

В позднееримское время территория Прикарпатья² была занята памятниками культуры карпатских курганов. Своеобразный погребальный обряд — курганы, сооруженные на месте кремации, — особенно выделяет прикарпатские памятники на фоне погребальной обрядности большинства европейских археологических земледельческих культур того времени. Погребальный обряд — один из наиболее существенных и устоявшихся этнографических признаков. Трудно переоценить его значение как предмета изучения для археологической науки, поскольку могильники являются фундаментальным комплексным источником, вмещающим в себя наиболее широкий объем информации о различных сторонах жизни и быта древних обществ.

Как явление характерное для определенного этапа верований и религиозных взглядов погребальный обряд принадлежит к сфере идеологической надстройки. Следует признать, что археологические материалы допускают реконструкцию идеологических представлений древнего населения только на абстрактном уровне. Тем не менее эта идеологическая сфера является настолько важной для общего представления о жизни древнего населения, что исследователи снова и снова делают попытки обнаружить связь между фактами материальной и духовной культуры.

Дискуссии ученых демонстрируют сложность в толковании понятий «обычай» и «обряд», а также разное понимание их соотношения в применении к погребальной практике (Арутюнов, 1981. С. 97; Ольховский, 1993. С. 78–83; Мельник, 1993.

С. 94–97; Гуляев, Ольховский, 1999. С. 10–18). В данном случае мы используем понятие «обычай» в широком смысле, подразумевая любые традиционные действия, в том числе и обрядовые (Мельник, 1993. С. 94). Если принять положение, высказанное В. С. Ольховским, что обычаи являются одним из источников формирования обряда (Ольховский, 1993. С. 83), можно думать, что тот или иной обычай может проявиться в археологических материалах как зафиксированный элемент погребального обряда. Исходя из этого, мы предприняли попытку реконструкции погребальных обычаев у прикарпатского населения, нашедших овещественное отражение в погребальных комплексах и позволяющих предположить их семантический смысл.

Исследователи истории культуры, религиоведы, лингвисты отмечают, что именно кремация была наиболее распространенным типом индоевропейского погребального обряда, который возможно восстановить, сравнив с ритуалами, подробно описанными в индийских, хеттских, древнегреческих, итальянских и других древних и средневековых текстах. Их анализ свидетельствует о сходстве разных индоевропейских погребальных традиций, которые демонстрируют аналогии в обряде кремации на протяжении четырех тысячелетий, от хеттов до средневековых балтов и славян (Иванов, 1987. С. 3–10; 1990. С. 5; Топоров, 1987. С. 13–19). Поэтому сравнение отдельных ритуалов погребального обряда племен культуры карпатских курганов с данными письменных источников, пусть и отдаленных во времени и пространстве, вполне правомерно. В ряде случаев такое сравнение позволяет с большой степенью достоверности раскрыть содержание отдельных фрагментов ритуального сюжета, археологически зафиксированных в его овещественных остатках. В других ситуациях такую же роль играют этнографические параллели.

¹ Украина, 04210, Киев, пр. Героев Сталинграда, 12. Институт археологии НАН Украины.

² Прикарпатье — территория, расположенная вдоль северных и восточных склонов Карпатской дуги по верхнему течению рек Днестра, Прута и Сирета в пределах Украины и Румынии.

© Л. В. Вакуленко, 2011

В обрядовый цикл с момента смерти человека до его погребения входит ряд последовательных ритуальных действий, которые в целом символизируют переход в иной мир. В этнографических и археологических исследованиях, как правило, выделяются четыре (иногда шесть) основных этапа ритуальной церемонии при погребении по обряду кремации (Иванов, 1990. С. 5; Szydlowski, 1964. S. 430–449; Zoll-Adamikowa, 1979. S. 243). Первый этап охватывает все подготовительные действия с момента смерти до поджигания погребального костра, второй — акт кремации покойника, третий — собственно акт погребения, то есть помещение стогривших останков в емкость, выполняющую функцию гроба. К этому же этапу относится и устройство надмогильного сооружения. В четвертый этап входят обряды и ритуалы, которые выполняются после погребения, они связаны, как свидетельствуют этнографические источники, с ритуальным очищением после встречи со смертью, а также с трапезой в честь завершения перехода умершего в иной мир.

Безусловно, археологические материалы не обеспечивают равномерного освещения всех звеньев погребального обряда и не дают возможности воссоздать его в полном объеме. Однако в меру возможного сделаем попытку на основании как прямых, так и опосредствованных данных, полученных при исследовании могильников культуры карпатских курганов, смоделировать те производящиеся при погребении последовательные ритуальные действия, которые нашли отражение в археологических материалах.

Индоевропейский погребальный обряд, зафиксированный в древних текстах, позволяет предположить целый ряд соответствующих действий, которые начинались сразу после смерти человека (Иванов, 1990. С. 6, 7).

Можно предположить, что на первом этапе имели место обрядовые оплакивания, обмывание и умащивание тела умершего. Находки в погребениях обломков обгорелых костяных гребней позволяют думать о ритуальном расчесывании волос. Не исключено, что гребни украшали прическу покойника. Существует также мнение, что гребни в погребениях могли выполнять и магическую функцию (Kietlińska, 1959–1960. S. 98–118).

В погребениях культуры карпатских курганов, как правило, обнаруживают фибулы, оковки поясов, поясные пряжки и пряжки от обуви, бусы, браслеты и другие украшения. Хотя вследствие действия огня от многих из них остались только кусочки оплавленного стекла, серебра или бронзы.

Это свидетельствует, что умершего сжигали в одежде, вместе с украшениями, следовательно, можно предположить существование обряда облачения покойника, известного с глубокой древности. Очевидно, во время первого подготовительного этапа собирались вещи, которые должны были сопровождать погребенного. В карпатских курганах к ним относятся ножи, пряслица, предметы конской упряжи, наконечники стрел, серпы, наконечник пахотного орудия, стеклянные изделия, а также керамическая посуда. Некоторые из этих вещей имеют следы пребывания в огне. Тогда же, очевидно, выбирали животных, предназначенных для жертвоприношения.

С момента смерти и до кремации должно было пройти определенное время. Этнографические и исторические источники свидетельствуют, что продолжительность содержания тела перед погребением зависела от разных факторов. К одним из них относятся климатические условия, которые определяли длительность сохранения останков до обряда погребения. Имело значение и время, необходимое для подготовительных работ.

Письменные источники указывают на зависимость срока хранения тела умершего от степени его зажиточности и социального статуса. Так, в тексте Вульфстона, составленном в IX в., описывается погребальный ритуал эстов, предусматривающий, что покойник должен лежать в своем жилище до сожжения месяц, а иногда и два. А король и люди высшего сословия — еще дольше (Мамузова, 1979. С. 25, 26). В этнографии неоднократно зафиксирована и связь длительности удержания останков покойника в жилище с проявлением родственных чувств. Например, у литовцев погребение ранее, чем на третий день с момента смерти, означало бы, что родичи не сожалеют об умершем и хотят как можно скорее освободиться от него (Милюс, 1990. С. 225).

Что касается погребального обряда культуры карпатских курганов, то на основании косвенных данных можно констатировать, что кремация покойника наверняка не происходила сразу после его смерти. Трудоемкие подготовительные работы, которые было необходимо произвести до обряда кремации, требовали определенного времени. До начала проведения кремации надлежало выбрать место и подготовить его для погребального костра и погребения: накопить грунт, а иногда и камни для сооружения насыпи, заготовить дрова для погребального костра и дерево для погребальных конструкций и др. Напомним, что в культуре карпатских курганов кремацию проводили на

месте погребения. Могильники располагались на возвышенностях, господствующих над окружающей местностью. Подобный выбор места погребения близок индоевропейской погребальной практике.

В процессе раскопок курганов на двух могильниках (Пылыпы-1 и Пылыпы-3) были проведены почвоведческие исследования. Сравнение профилей грунтов на подкурганных площадках и в контрольных шурфах вблизи курганов показали, что площадка для погребального костра готовилась специально. Выбранный участок освобождали от растительности, а на месте, предназначенном для костра и будущего кургана, снимали слой грунта толщиной 18–22 см, включая подстилку из сухой травы и листьев, а также около 14 см минерального грунта (гумусный пласт, элювиальный и частично аллювиальный горизонты).³ Изредка встречаются случаи, когда площадка для костра устраивалась на подсыпке. Это прослежено в курганах № 1 и 2 на могильнике в Пылыпах-2, в кургане № 1 в Каминной, в кургане № 1 в Бороае.

На подготовленной площади сооружались погребальные конструкции, имеющие разное назначение в системе мифологическо-религиозных верований древнего населения. Так, в ряде курганов были обнаружены следы четырехугольных столбовых построек. Можно думать, что это остатки так называемого «домика мертвых», символизировавшего жилище, предоставленное покойному для потусторонней жизни (Вакуленко, 1997. С. 86–96).

Иным было назначение столбовых деревянных⁴ изгородей и ровиков вокруг погребальных костров, выявленных в карпатских курганах (Смишко, 1960. С. 62, 63; Вакуленко, 1997. С. 86–96). Согласно этнографическим параллелям они, вероятно, играли защитную функцию. Так, этнологи, историки религии, психологи отмечают двойственность человеческих чувств в случае смерти близкого человека. С одной стороны, это любовь и скорбь по поводу его потери, с другой — страх перед его трупом и непостижимым духом покойника (Malinowski, 1958. S. 422–428).

Например, амгумские чукчи чувствуют большое уважение к умершим, обращаются к ним за помощью, но при этом опасаются, что те могут

превратиться в злых духов. Поэтому принимаются предупредительные меры, чтобы мертвый не возвратился к живым. Для этого на некотором расстоянии от места погребения проводят разделительную линию, через которую, по мнению участников погребальной церемонии, покойник не может перейти (Горбачева, 1993. С. 74).

Очевидно, для предотвращения возвращения покойника из мира мертвых в мир живых возводились и вышеупомянутые изгороди или выкапывались ровики вокруг погребального костра в карпатских курганах. Возможно, такую же защитную функцию выполняли: большой камень над ямой с урной в кургане «А» из Нижнего Струтиня; скопление гальки над урновым погребением в кургане № 15 того же могильника и над ямным погребением в кургане № 10 в Переросли; слой гальки над ямой с погребением в кургане № 1 в Пидгородье.

Приступая к описанию кремации, мы оставляем в стороне вопрос о причинах возникновения самого обряда кремации вообще и в Прикарпатье в частности, поскольку он не поддается решению на археологических материалах. Причины внедрения кремации могли лежать как в сфере материальной, например требования гигиены, так и духовной. Кроме того, ценность этнографических параллелей, которая неоспорима при реконструкции самого обряда кремации, утрачивается, если речь идет о мотивах применения кремации, поскольку древнее население могло руководствоваться при этом диаметрально противоположными верованиями и чувствами (Schlenter, 1967. S. 58, 73). Например, стремление максимально уничтожить тело покойника, что достигается при кремации, могло быть как следствием боязни перед ним, старанием сделать невозможным его возвращение в мир живых, так, возможно, и желанием освободить его душу для счастливой потусторонней жизни.

В любом случае, кремация — кульминационный момент всего погребального обряда. Именно во время сожжения покойника происходит его переход из мира жизни в царство смерти. Об этом прямо сказано в «Илиаде», когда тень Патрокла жалуется Ахиллу во сне, что души умерших не допускают его душу к обители Аида, пока он не похоронен, но: «Я не приду из Аида тобою огнем приобщенный» (Гомер, XXIII. 75).

В культуре карпатских курганов сохранились многочисленные места сожжения умерших, так называемые «bustum». Таким термином в античной традиции, которую унаследовала современ-

³ Исследования были проведены Д. А. Тютюнником, доцентом географического факультета Киевского национального университета им. Т. Г. Шевченко.

⁴ В одном случае, в кургане № 8, в Переросле, площадка, на которой разжигался костер, была окружена каменной стенкой.

ная археология, называлось место, на котором покойника не только сжигали, но и хоронили. Именно так происходило погребение у прикарпатского населения, то есть на том же месте, где пылал погребальный костер, тем или иным образом хоронили остатки трупосожжения и насыпали курган. Сожжение большого количества древесины, человеческих останков, жертвенных животных требовало времени. Этнографические параллели и данные экспериментов свидетельствуют, что на это уходило несколько часов. Пережженный грунт под курганными насыпями толщиной до 10–12 см указывает на довольно сильное и продолжительное действие огня.

Можно думать, что, как в момент разжигания костра, так и в процессе его горения, продолжалась церемония прощания, сопровождавшаяся определенными ритуалами, жестами, песнями. Одно из таких ритуальных действий фиксируется археологическими материалами. Так, в каждом погребении культуры карпатских курганов непременно присутствуют обломки керамической посуды со следами повторного обжига, часто сильно ошлакованные. Напрашивается вывод, что керамические изделия специально разбивали, бросая в огонь во время кремации. Возможно, это была посуда из дома умершего или приношения сородичей.

Проведение дальнейших работ требовало охлаждения кострища. Можно с уверенностью утверждать, что довольно часто костер заливали водой или другой жидкостью. Об этом свидетельствует характер костного материала. Внезапно охлажденные кости имеют острые края, ломкую структуру, специфический цвет (*Strzałko, Piontek*, 1974. S. 315–324). Действие внезапного охлаждения заметно и на керамических фрагментах. Подобное действие, то есть заливание погребального костра жидкостью, известно с древнейших времен и детально описано. Например, в хеттских источниках повествуется, что женщины, перед тем как выбирать кости из погребального костра, заливают огонь пивом и вином (*Топоров*, 1990. С. 44, 45). В этой связи трудно удержаться, чтобы не привести известное место из «Илиады», где Ахилл обращается к присутствующим на церемонии с призывом: «Время костер угасить; вином оросите багряным / Все пространство, где пламень пылал, и на пепле костерном / сына Мелетия мы соберем драгоценные кости» (Гомер, XXIII. 235).

Очевидно, такая последовательность существовала и в прикарпатском ритуале. После того, как костер угасал или был погашен, начинались

погребальные действия. Археологически выделяются два способа захоронения костных остатков. При первом способе кальцинированные кости выбирали. Более или менее тщательно отобранные кости, иногда промытые, собирали в урну (тип погребения — урновый) или в одну или несколько ямок (тип погребения — ямный). При втором способе кальцинированные кости оставляли на поверхности костра (тип — погребение на горизонте). При всех способах часть костей всегда оставалась на кострище среди древесного угля, фрагментов повторно обожженной керамики и т. п. При этом часто площадку, где пылал костер, старательно выметали, а остатки кострища собирали в одну или несколько кучек на его краю. Остается неизвестным, от чего зависел выбор того или иного типа погребения. Тем не менее складывается впечатление, что пол покойного не влиял на способ погребения. Это подтвердили антропологические исследования костного материала, происходящего из курганов могильника Бранеште-Немцишор (*Mirițoiu, Udrescu*, 1980. P. 209–220). В кургане № 1 останки женщины и ребенка похоронены в ямках, а в кургане № 29 мужское и два детских погребения были в урнах, тогда как женское — оставлено на поверхности костра. Попытка сопоставить тип погребения с инвентарем, который условно был определен как «женский» или «мужской», также показала, что погребения как женщин, так и мужчин совпадают со всеми тремя типами погребений.

В женских погребениях, очевидно, были стеклянные и сердоликовые бусы, возможно, серебряные браслет и гривна. Как элемент женской одежды рассматриваются фибулы с высоким приемником типа AVII (*Мончынська*, 1999. С. 89) и пряслица. Последние не только использовались при прядении, которое было занятием женщин, но и несли культовую нагрузку. В древних культурах пряслица рассматривались как символ солнца и символ женственности (*Киквидзе*, 1988. С. 165, 172–175). «Мужской» инвентарь составляли предметы вооружения и конской сбруи, а также бритвы. Очевидно, между личностью покойника и способом его погребения существовала сложная многокомпонентная связь, которую невозможно обнаружить на археологических материалах. Тем более, когда речь идет о кремации и при крайне ограниченных антропологических определениях. Заметим, что этнографические исследования фиксируют зависимость от разных факторов не только всего комплекса обрядовых действий, но и способа погребения. Здесь имели значение социаль-

ный статус похороненного, его пол и возраст, место жительства, вид хозяйственной деятельности, характер смерти (естественный или насильственный) и т.п. (*Мельник*, 1987. С. 39, 40; *Горбачева*, 1993. С. 74).

Одной из черт погребального обряда в культуре карпатских курганов является наличие сосудов, которые сопровождали погребение и, очевидно, содержали жертвенную пищу и напитки. Такие сосуды в целом виде были далеко не во всех курганах, и вместе с тем они присутствуют при всех типах погребений: ямных, урновых, на горизонте и даже в кенотафах. Большей частью это один-два сосуда. Однако есть случаи, когда количество таких сосудов достигает шести—девяти. Интересная ситуация была зафиксирована в кургане № 1 могильника Браниште-Немцишор. На поверхности костра стояли семь целых сосудов, размещенных по кругу. В центре круга был еще один, содержащий целые, не сожженные тушки двух молочных поросят в возрасте одной недели. Там же были обломки яичной скорлупы (*Mihailescu-Birliba*, 1980. P. 186—187; *Mirițoiu, Udrescu*, 1980. P. 209—220). В погребальном обряде использовалась различная посуда — гончарная столовая и кухонная, реже лепная, а также импортные керамические изделия.

Особенное значение имели напитки. Ведь напиток, как и огонь, с самого начала становится объектом поклонения и является обязательной принадлежностью древних культов (*Киквидзе*, 1988. С. 77). В погребальных комплексах культуры, правда, большей частью в обломках, присутствуют кувшины, вазы, трехручные вазы. Кубки и чаши различной формы часто находятся внутри больших сосудов или рядом с ними. Так, например, керамические кружальные тонкостенные кубки, имитирующие римские провинциальные стеклянные изделия, были внутри гончарных ваз в кургане № 4 в Глубокой и в кургане № 1 в Грушеве-1, чаши в форме маленькой мисочки и горшочков были помещены внутрь гончарных сосудов в курганах № 2 и 12 в Марковцах и в кургане № 9 в Пыльпах-1. В Мышине, в кургане № 5, маленький гончарный кувшин находился в кувшине больших размеров, а в кургане № 4 из Нижнего Струтиня внутри керамического гончарного сосуда найдена стеклянная чаша. Такая же стеклянная чаша стояла верх дном возле амфоры с вином в кургане № 7 в Пыльпах-1 (*Vakulenko*, 1994. P. 67—70). В перевернутом виде был поставлен и маленький лепной сосудик в кургане № 6 в Грушеве-1, а также мисочка и маленький горшо-

чек в кургане № 4 в Стопчатове-2. Едва ли это можно считать случайным. Переворачивание предметов издавна бытует в погребальной обрядности разных народов. Этнографические материалы сохраняют, например, сведения про зафиксированный на Полесье обычай ставить на могилах посуду, перевернутую кверху дном. Схожий обычай существовал у сербов, когда с появлением покойника в доме переворачивали всю посуду. Этнографы рассматривают ритуальное переворачивание посуды в одном семантическом ряду с ритуальным разбиванием посуды в погребальном и свадебном обрядах и с ритуальным выливанием воды из посуды сразу же после смерти одного из членов семьи (*Толстой*, 1990. С. 119—126).

Однако принадлежности для питья, помещенные в погребения римского времени, указывают также и на социальный статус погребенного. Известно, что греко-римские традиции употребления вина и устройства пиршеств были восприняты верхушкой разных варварских племен (*Wielowiejski*, 1970. S. 267). Поэтому присутствие в погребениях «сервизов», пусть и в упрощенной форме, является свидетельством аристократического происхождения и принадлежности умершего к племенной верхушке, прерогативой которой было участие в пиршествах, как при жизни, так и в потустороннем мире (*Bierbrauer*, 1989. S. 39—106; *Магомедов*, 2001. С. 32—33).

В каждом без исключения погребальном комплексе, где были проанализированы остеологические материалы, а это шесть курганов из Браниште-Немцишор (*Mirițoiu, Udrescu*, 1980. P. 209—220) и шесть — из Пыльпов-1,⁵ было выявлено значительное количество костей животных, которых сжигали вместе с умершими. Это кости коня, быка, свиньи, овцы, собаки и птиц.

Среди них главное место принадлежало коню. Его присутствие зафиксировано в каждом из курганов, где проводилось изучение палеозоологических материалов, иногда даже в количестве 2—3 особей (*Ibid.*). Следует заметить, что остеологические материалы, происходящие с поселений, демонстрируют значительное преобладание в стаде крупного рогатого скота, а не коней (*Вакуленко*, 1977. С. 55). Это отличие можно объяснить тем, что кости, найденные при исследовании селищ, являются пищевыми отходами, а мясо крупного рогатого скота, очевидно, чаще употреблялось в пищу. Тем не менее можно думать, что пре-

⁵ Исследования были проведены д-ром биол. наук Е. И. Даниловой и д-ром ист. наук С. П. Сегедой.

обладание именно коней среди жертвенных животных в карпатских курганных погребениях связано с их особой ролью в жизни прикарпатского населения, которая и отразилась в погребальном ритуале. Ритуальное принесение в жертву коней при погребении имеет соответствия в индоевропейских традициях. Специально забитые кони сопровождали на погребальном костре и древнегреческого героя Патрокла, и средневекового князя Швинторога (*Топоров*, 1987. С. 29; 1990. С. 26). Заметим, что приоритетный выбор коней в прикарпатских погребениях отличает их, кроме прочего, от погребений других синхронных культур, где кости коня встречаются лишь в единичных случаях (*Никитина*, 1985. С. 57).

Последним актом погребальной церемонии, которая прослеживается археологически, является сооружение насыпи кургана.

Можно думать, что весь обрядовый погребальный цикл, как об этом свидетельствуют письменные и этнографические источники, завершался поминальным пиром. Тем не менее ни в одном случае следы подобного действия не были подтверждены археологически на могильниках культуры карпатских курганов.

При изучении погребального обряда населения культуры карпатских курганов складывается двойственное впечатление. Так, обращает на себя внимание высокая степень его унифицированности (сожжение на месте и курган), которая между тем согласуется с вариабельностью. Последнее обнаруживается не только в существовании трех типов погребений, но и в других деталях, прослеженных почти в каждом кургане. Они отличаются количеством дополнительных ямок, их заполнением и расположением на подкурганной площадке как при урновом, так и при ямном типе погребения. Различаются планиграфия размещения останков на подкурганной площадке и при погребениях на горизонте земли. Отличает захоронения и наличие разных типов конструкций или их отсутствие.

Безусловно, приведенный выше порядок погребальных действий в прикарпатском ритуале далеко не полон. Более чем проблематичным является толкование причин и мотивов, которые стоят за этими действиями. Историки религии и этнографы не прослеживают импликационную связь между кремацией и верой в жизнь бессмертной души вне могилы. Однако они признают, что в большинстве случаев обряд трупосожжения тесно связан с анимистическими представлениями о смерти и потусторонней жизни, с идеей души,

которая удаляется в иной мир вместе с дымом погребального костра (*Токарев*, 1964. С. 202–204; *Gabalska*, 1972. S. 3–18; *Łowmianski*, 1979. S. 139–146; *Zoll-Adamikowa*, 1983. S. 229–337).

Можно предположить, что подобные верования бытовали и в среде прикарпатского населения. В пользу этого говорит ряд выявленных деталей. Напомним, например, об обычае разбивания посуды и ее переворачивании кверху дном, прослеженном в прикарпатских погребениях. Эти обрядовые акты по своей глубинной семантике являются действиями преобразования, действиями перехода из одного состояния в другое, в сферу общения «этого мира» с «иным миром» (*Толстой*, 1990. С. 126). С верой в нематериальную душу, существование которой в потустороннем мире требовало соответствующего обустройства, очевидно, связано сожжение вместе с покойником предметов быта, животных и даже постройки, которая символизировала жилище, а также наличие сопровождающих сосудов с напитками и пищей.

Обратим еще раз внимание и на тот факт, что у прикарпатских племен имел место исключительно курганный погребальный обряд. Курганы сооружались для всех умерших членов общества, а не в отдельных случаях погребения выдающихся лиц. Антропологические исследования показали, что каждый курган мог быть как индивидуальным захоронением, так и усыпальницей для нескольких человек, вероятно, связанных родственными узами (*Mirişoiu, Udrescu*, 1980. P. 209–220). Курган сохранял место кремации и реальное место погребения, а также был, очевидно, сакральным памятником (*Савостина*, 1990. С. 240; *Топоров*, 1981. С. 311–315).

Итак, погребальный обряд прикарпатского населения в поздне римское время, в той мере, в которой он может быть реконструирован по археологическим материалам, демонстрирует архаизмы, то есть сохранение, пусть и во фрагментарном виде, обычаев, принадлежащих к довольно глубоким хронологическим пластам индоевропейской традиции. Вместе с тем общая схема ритуала и отдельные его звенья находят аналогии и параллели в погребальных традициях более позднего времени. Характерный комплекс признаков погребального обряда культуры карпатских курганов выделяет ее среди соседних культур и является одним из ее главных культууроопределяющих элементов.

- Вакуленко, 1977 — Вакуленко Л. В. Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половини I тисячоліття н. е. Київ, 1977.
- Вакуленко, 1997 — Вакуленко Л. В. Дерев'яні конструкції в карпатських курганах III–IV ст. н. е. // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян: Сб. статей / Отв. ред. В. Д. Баран. Київ, 1997.
- Горбачева, 1993 — Горбачева В. В. Похоронно-погребальна обрядність амгумських чукчей // Историческая этнография. СПб., 1993.
- Гуляев, Ольховский, 1999 — Гуляев В. И., Ольховский В. С. Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999.
- Иванов, 1987 — Иванов Вяч. Вс. Лингвистические материалы к реконструкции погребальных текстов в балтийской традиции // Балто-славянские исследования 1985. М., 1987.
- Иванов, 1990 — Иванов Вяч. Вс. Реконструкция структуры символики и семантики индоевропейского погребального обряда // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
- Киквидзе, 1988 — Киквидзе А. Я. Земледелие и земледельческий культ в Древней Грузии. Тбилиси, 1988.
- Магомедов, 2001 — Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.
- Матузова, 1979 — Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1979.
- Мельник, 1987 — Мельник В. И. Характер смерти и погребальный обряд // Религиозные представления в первобытном обществе. М., 1987.
- Мельник, 1993 — Мельник В. И. Погребальный обычай и погребальный памятник // РА. 1993. № 1.
- Милюс, 1990 — Милюс В. Ритуальная пища литовцев на похоронах и поминках // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
- Мончынська, 1999 — Мончынська М. О так называемых «сарматских» фибулах в Средней и Восточной Европе // Сто лет черняховской культуре: Сб. статей / Гл. ред. М. И. Гладких. Киев, 1999.
- Никитина, 1985 — Никитина Г. Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М., 1985.
- Ольховский, 1993 — Ольховский В. С. Погребальная обрядность // РА. 1993. № 1. С. 78–93.
- Савостина, 1990 — Савостина Е. А. Сакральное пространство и погребальный обряд боспорских гробниц // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. М., 1990.
- Смішко, 1960 — Смішко М. Ю. Карпатські кургани першої половини I тисячоліття нашої ери. Київ, 1960.
- Токарев, 1964 — Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.
- Толстой, 1990 — Толстой Н. И. Переворачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
- Топоров, 1981 — Топоров В. Н. Гора // Мифы народов мира. М., 1981. Т. 2.
- Топоров, 1987 — Топоров В. Н. Заметки по похоронной обрядности // Балто-славянские исследования 1985. М., 1987.
- Топоров, 1990 — Топоров В. Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
- Bierbrauer, 1989 — Bierbrauer V. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters // Peregrinatio Gothica (AB III). 1989.
- Gabalska, 1972 — Gabalska M. Ze studiów nad systemami religijnymi związanymi z obrządkiem ciałałpalnym (próba rekonstrukcji) // Wiadomości Archeologiczne Warszawa, 1972. T. 38. No 1.
- Kietlińska, 1959–1960 — Kietlińska A. Problem tzw. grobów książęcych we wczesnym okresie rzymskim // Wiadomości archeologiczne. 1959–1960. T. 26. No 3–4.
- Łowmianski, 1979 — Łowmianski H. Religia Słowian i jej upadek. Warszawa, 1979.
- Malinowski, 1958 — Malinowski B. Szryce z teorii kultury. Warszawa, 1958.
- Mihailescu-Bîrliba, 1980 — Mihailescu-Bîrliba V. Un nouveau groupe culturel sur le territoire de Roumanie. Les fouilles de Braniște-Nemțișor (comm. de Vinători, dép. de Neamț) // Dacia. N. S., 1980. Vol. 24.
- Mirițoiu, Udrescu, 1980 — Mirițoiu N., Udrescu V. Șt. Considerații antropologice preliminare sur la nécropole de Braniște-Nemțișor (dép. de Neamț) // Dacia, 1980. No 24.
- Schlechter, 1967 — Schlechter U. Brandbestattung und Seelenglauben. Berlin, 1967.
- Strzałko, Piontek, 1974 — Strzałko J., Piontek J. Wpływ spalania w warunkach zbliżonych do kremacji pradziejowych na morfologię kości // Przegląd Antropologiczny. Poznań, 1974. T. 40. Z. 2. 315–326.
- Szydłowski, 1964 — Szydłowski J. Ciałołpalny obrządek w kulturze przeworskiej // Archeologia Polski. 1964. T. 9. Z. 2.
- Vakulenko, 1994 — Vakulenko Liana V. Two Glass Bowls from the Ukrainian Carpathians // Journal of Glass Studies. 1994. Vol. 36.
- Wielowiejski, 1970 — Wielowiejski J. Kontakty Noricum i Pannonii z ludami polnocnymi. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970.
- Zoll-Adamikowa, 1979 — Zoll-Adamikowa H. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciałałpalne słowian na terenie Polski. Cz. II. Analiza. Wnioski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk, 1979.
- Zoll-Adamikowa, 1983 — Zoll-Adamikowa H. Materiały nekropoliczne jako źródło do badania wyobrażeń życia pozagrobowego u pogańskich słowian // Z polskich studiów slawistycznych. Warszawa, 1983. Seria VI.

Funerary Traditions of the Population of the Carpathian Region in the Late-Roman Period (Archaeological Evidence)

L. V. Vakulenko

In the late Roman period, the Carpathian region ranging along the northern and eastern slopes of the Carpathian arc in the upper reaches of the Dniester, Prut and Siret rivers, in the territories of Ukraine and Romania, was occupied by sites of the culture of Carpathian Kurgans. A peculiar funerary rite — barrows constructed on the spot of cremation — distinguishes the Carpathian sites against the background of the majority of the European archaeological agricultural cultures of the same date.

Undoubtedly, archaeological evidence is unable to provide uniform information on each of the links of burial rite and to reconstruct the latter in the full volume. Nevertheless, on the basis of both direct and indirect data yielded by burial grounds of an archaeological culture it is possible to model those sequential activities practiced during interment which have been reflected in archaeological finds.

In ethnographic and archaeological studies, four (occasionally up to six) basic stages are identified in the cremation rite. Their stages, in general, symbolize the transition of the deceased to the other world. Excavations of the near-Carpathian kurgan burials archaeologically trace such activities of the first, preparatory stage as the selection of the place and its preparation for cremation, building of sub-kurgan structures, preparation of sacrificial vessels, food and drinks, as well as possibly the slaughter of sacrificial animals. The second and culminating phase of the funerary ceremony is the cremation. Archaeological evidence of cremation is an area of soil burnt up to 10–12 cm thick by the fire. Among the ritual actions undoubtedly taking place during the process of cremation, only a tradition of throwing

pottery into the pyre has been recorded due to rebaked fragments of ware invariably found in the burials. The features of the osseous remains suggest that the fire was cooled by spilling liquid.

At the third stage, archaeological evidence allows to identify two methods of treating the osseous remains. The first one included more or less careful collecting the bones into an urn (urn burials) or into a pit (pit burials). When applying the second method, the remains were left on the surface of the bonfire (the type of burial — “in the horizon”).

The grave offerings included jars-attachments and sacrificial animals, among which horse was of the primary importance. It may be stated with confidence that a special role in the ritual belonged to drinks because vases, pitchers, cups and bowls, both complete and fragmentary, invariably are found in the graves. It is noteworthy that in a number of cases, vessels for drinking were turned bottom upwards. These facts hardly seem just fortuitous. Turning over objects had long been practiced in mortuary rituals by different peoples. The last act of the funerary ceremony which can be distinguished archaeologically was construction of the mound. No traces of ritual banquets, which would have constitute the fourth stage of the burial ceremony, have been revealed in excavations of the barrows under consideration.

The general scheme of the Carpathian rite, as well as of its separate elements, as far as they can be reconstructed on the basis of archaeological evidence, suggests that among the Carpathian community there existed animistic notions of death and the afterlife and ideas on the soul which withdraws to the other world together with the smoke from the pyre.

Новые находки украшений круга выемчатых эмалей в Верхнем Подонье¹

И. В. Зиньковская²

Одним из самых ярких элементов культур римского времени лесной и лесостепной зон Восточной Европы являются находки бронзовых изделий с выемчатыми эмалями. Они получили свое название по характерной геометрической орнаментации, в которой широко использовались разноцветные эмалевые вставки. Набор изделий этого круга весьма устойчив и включает: украшения (браслеты, разнообразные подвески, нагрудные цепи), детали одежды (фибулы, пряжки, металлические части поясов), а также шпоры. Первая серьезная попытка изучения изделий с выемчатыми эмалями предпринята Г. Ф. Корзухиной. Составленный ею Свод долго ждал своего издания и был опубликован только 1978 г. Местом возникновения стиля восточноевропейских эмалей она считала Прибалтику, а украшения с эмалью датировались ею V—серединой VI в. Довольно поздним временем датировал эти изделия В. В. Седов, допуская их существование вплоть до VII в. (Седов, 1982. С. 44–45). В разработку хронологии изделий круга эмалей наиболее существенный вклад внес Е. Л. Гороховский (Гороховский, 1982), который обоснованно отнес их к более раннему времени — середине II—началу IV вв. Он не только существенно удревнил время их бытования, но и доказал связь этих вещей с позднезарубинецкими и киевскими древностями. Весьма раннее появление эмалей на территории вельбаркской культуры начиная со второй половины II в. н. э. подтвердили и исследования А. Битнер-Врублевской (Bitner-Wróbiewska, 1989). Из последних работ по изделиям с выемчатыми эмалями следует выделить сводку А. М. Обломского и Р. В. Терпиловского (Обломский, Терпиловский, 2007), которые

проанализировали 55 находок из лесостепной полосы Восточной Европы. Они обосновали их датировку второй половиной II—серединой III в. н. э. Близкую точку зрения на хронологию вещей с выемчатыми эмалями чуть раньше высказал А. Г. Фурасьев (Фурасьев, 2002).

В последнее время стали известны новые ареалы распространения изделий круга выемчатых эмалей. Несколько их десятков найдено на Харьковщине (Дидык, 2007). Они присутствуют в древностях так называемого «иняевского типа», открытых А. А. Хрековым в Среднем Прихоперье (Хреков, 1997. С. 328, рис. 2; 2004. С. 111; Мулкиджанян, 1998. С. 173, рис. 6, 7–9). По основным показателям последние близки позднезарубинецким памятникам горизонта Рахны-Почеп (Шукин, 1994), а время их распространения в Прихоперье ограничивается II—серединой III в. Автором выявлена небольшая серия находок круга выемчатых эмалей в степных сарматских и античных некрополях Юго-Востока Европы (Зиньковская, 2009. С. 142–144). Наличие надежных хроноиндикаторов позволило ограничить время их попадания в эти погребения второй половиной II—самым началом III в. н. э.

Таким образом, по современным представлениям основной период бытования вещей с эмалями в Восточной Европе приходится на позднезарубинецкий культурно-хронологический горизонт и начальный этап киевской культуры.

До настоящего времени на территории Верхнего Подонья были известны всего три находки изделий круга выемчатых эмалей (рис. 1). Это бронзовая лунница с красной эмалью, найденная вместе с фибулой римского времени (Кондаков, 1892. С. 30), подковообразная фибула — сьюльгама из Бобровского р-на Воронежской обл. (Амелькин, 1998. С. 188, рис. 1, 2), а также бронзовый литой браслет, найденный при раскопках Семилукского городища, который изначально был атрибутирован как древнерусский (Пряхин, Цыбин, 1996. С. 31–33, рис. 8, 9).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 09-01-56107 а/ц).

² Россия, 394006, Воронеж, Университетская пл., 1. Воронежский государственный университет, исторический факультет, кафедра истории средних веков.

© И. В. Зиньковская, 2011

Подковообразная фибула (рис. 2, 1) хранится в Музее археологии Воронежского государственного педуниверситета. Она имеет массивный треугольный в сечении корпус диаметром 6 см, два плоских круглых щитка на концах, диаметром 2 см, и один прямоугольный щиток посередине. Игла не сохранилась. На концевых щитках — по одному эмалевому полю в виде крестов с расширенными концами. На лопастях креста чередуется красная и зеленая эмаль. На центральном прямоугольном щитке помещены четыре треугольных гнезда, также заполненные эмалью красного и зеленого цветов. По набору основных диагностических признаков эта фибула относится к типу V подтипу 2 классификации Г. Ф. Корзухиной или серии III типу 3 по Е. Л. Гороховскому и имеет пропорции изделий «средней степени массивности» (Корзухина, 1978. С. 29; Гороховский, 1982. С. 25). Фибула представляет собой типичное украшение фазы В развития подковообразных застежек (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 125).

А. О. Амелькин, проанализировав серию подковообразных пряжек-сюльгам с эмальями, обратил внимание на орнаментацию их окончаний в форме «мальтийского креста» и попытался связать их с раннехристианской символикой (Амелькин, 1998. С. 188—191). Однако равноконечный крест как главный символ христианства утверждается не ранее эпохи Константина (первая треть IV в.), а фибулы с эмальями в виде крестов появляются гораздо раньше — не позднее II в. С другой стороны, известен ряд находок позднелатенских бронзовых украшений с такими же «мальтийскими крестами», скорее всего, восходящих к древней кельтской символике.

Бронзовый литой браслет найден в заполнении постройки 23 Семилуцкого городища древнерусского времени (рис. 2, 2). Он хранится в фондах Музея археологии Воронежского госуниверситета. Диаметр браслета — 7 см, ширина браслета по центру — 2,5 см, на концах — 1 см. Сам корпус в сечении — треугольный. Браслет имеет на концах и посередине корпуса треугольные гребни-выступы, длиной 2,5 см. По обе стороны от ребра около центрального гребня браслет орнаментирован пуансоном — параллельными линиями из точек. Он аналогичен известным браслетам из Мощинского клада (Булычев, 1899. Табл. XIII, 4, 10, 13) и относится к типу I классификации Г. Ф. Корзухиной (Корзухина, 1978. С. 34, табл. 26, 3).

В сентябре 2009 г. из Семилуцкого р-на Воронежской обл. в Музей археологии ВГУ поступили новые случайные находки предметов с выемчатыми эмальями.

Рис. 1. Распространение украшений круга выемчатых эмалей в Верхнем Подонье:

1 — с. Терновое Семилуцкий р-н Воронежской обл.;
2 — с. Губарево Семилуцкий р-н Воронежской обл.;
3 — г. Семилуки Воронежской обл.; 4 — г. Бобров Воронежской обл.; 5 — с. Большое Сторожевое, Острогожский р-н Воронежской обл.

Fig. 1. Distribution of ornaments with émaux champlévé throughout the Upper Don region:

1 — v. Ternovoye, Semiluksky District, Voronezh Oblast;
2 — v. Gubarevo, Semiluksky District, Voronezh Oblast;
3 — city of Semiluki, Voronezh Oblast; 4 — city of Bobrov, Voronezh Oblast 5 — v. Bolshoye Storozhevoye, Voronezh Oblast

Бронзовое литое ажурное звено цепи, выполненное в стиле выемчатых эмалей, происходит из окрестностей с. Терновое (рис. 2, 3). Оно украшено чередующимися, покрытыми красной эмалью, сплошными и прорезанными сквозными полями. Длина звена — 12,4 см, ширина — 2,2 см, толщина — 0,4 см. По-видимому, это звено принадлежало нагрудной цепи. Определить же тип цепи (симметричный, асимметричный и пр.) по одному звену не представляется возможным. Близкая аналогия публикуемой находке происходит из с. Большая Салтановка в Киевской обл. (Корзухина, 1978. Табл. 11, 2). Звенья цепей с похожим креплением известны среди находок из Полтавской обл. (Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 153).

Бронзовая треугольная фибула была найдена на Губаревском городище раннего железного века, где есть слой первых веков нашей эры. Фибула имеет треугольные щиток и ножку (рис. 2, 4). На щитке наблюдается чередование покрытых красной эмалью, сплошных и прорезанных сквозных полей, при этом поля, украшенные эмалью, име-

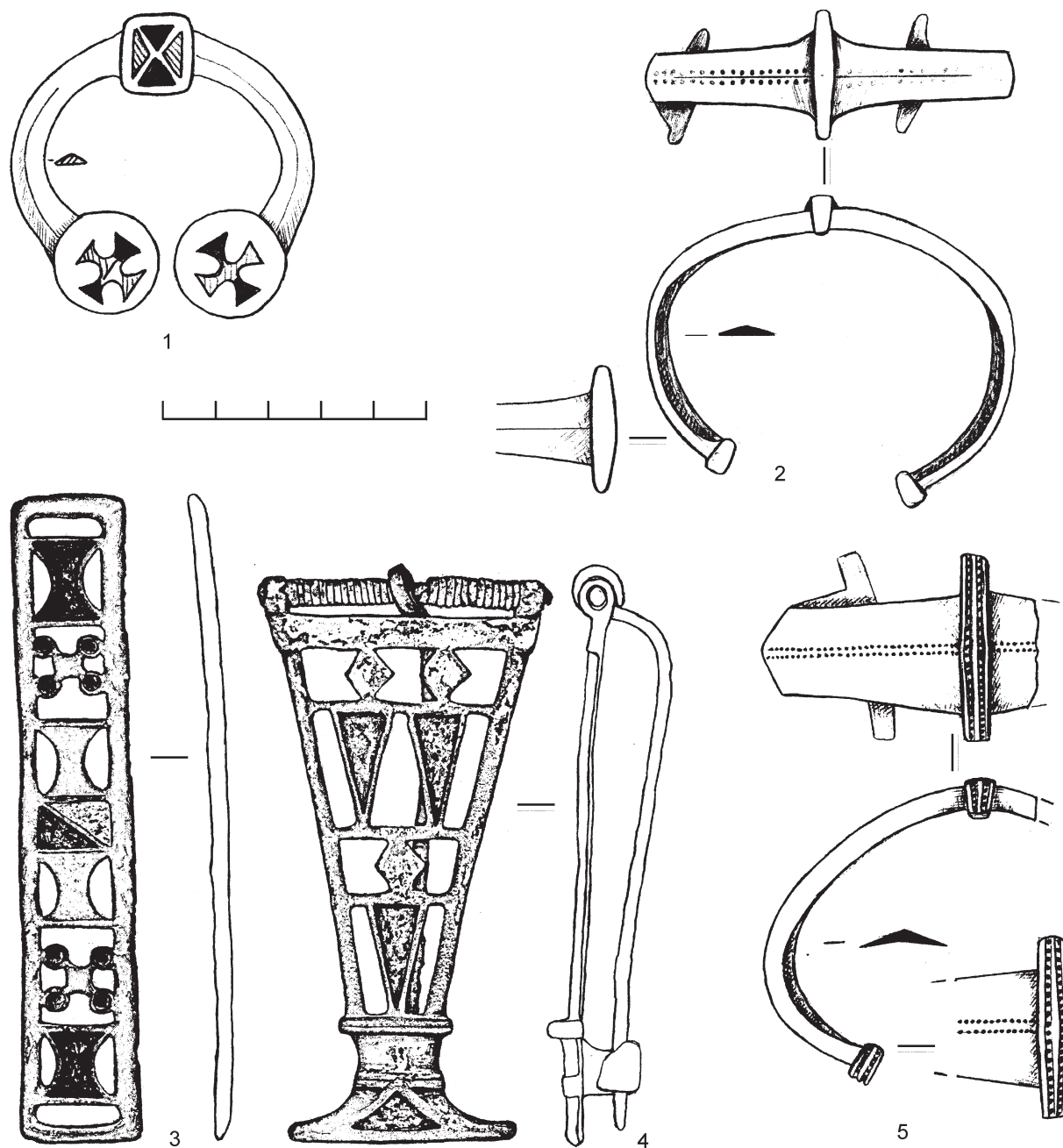

Рис. 2. Украшения круга выемчатых эмалей в Верхнем Подонье:

1 — бронзовая подковообразная фибула-сюльгама из Бобровского р-на; 2 — бронзовый литой браслет из г. Семилуки; 3 — бронзовое ажурное звено цепи — с. Терновое, Семилукский р-н., Воронежской обл; 4 — треугольная фибула — Губаревское городище, Семилукский р-н., Воронежской обл; 5 — бронзовый браслет — с. Большое Сторожевое, Острогожский р-н., Воронежской обл.

Fig. 2. Ornaments with émaux champlévé in the Upper Don region:

1 — bronze horseshoe fibula-syulgama from Borovsky District; 2 — bronze cast bracelet from the city of Semiluki; 3 — bronze openwork link of a chain, v. Ternovoye, Semiluksky District, Voronezh Oblast; 4 — triangular fibula, townsite of Gubarevskoye, Semiluksky District, Voronezh Oblast; 5 — bronze bracelet, v. Bol'shoje Storozhevoye, Ostrogozhsky District, Voronezh Oblast.

ют ромбовидную или треугольную форму. Ножка фибулы — сплошная, треугольная. Ее пружина вставлена в две боковые стойки и намотана на железный стержень. Конец иглы обмотан вокруг пружины.

Общая длина фибулы — 10,8 см, длина щитка — 8,5 см, длина ножки — 2,3 см. Ширина верхней части щитка — 5,5 см, ширина основания ножки — 4,4 см.

Фибула относится к типу III подтипу 1 по классификации Г. Ф. Корзухиной (*Корзухина*, 1978. С. 24) и является характерным предметом второй стадии развития стиля варварских украшений с выемчатой эмалью. Наиболее близкие аналогии происходят из Мощинского клада (Там же. Табл. 18, 1, 2), найденного Н. И. Бульчевым в 1888 г. под валом Мощинского городища Калужской обл. (*Бульчев*, 1899), и из постройки 1 поселения Ездочное-1 на р. Оскол Белгородской обл. (*Зиньковская*, *Медведев*, 2005. Рис. 5, 1).

Летом 2009 г. в Музей археологии ВГПУ поступил фрагментированный бронзовый браслет из с. Большое Сторожевое Острогожского р-на Воронежской обл. По свидетельству краеведа П. М. Золотарева, передавшего находку, он найден на поверхности городища Большое Сторожевое. Известно, что на этом памятнике помимо слоя скифского времени встречалась гончарная сероглиняная керамика первых веков нашей эры (*Медведев*, 1990. С. 168–169, рис. 48, 1–3). Браслет — массивный, литой с треугольным в сечении корпусом (рис. 2, 5). Концы браслета и обод посередине украшены треугольными выступающими наружу гребнями. По борту каждого из них нанесены по две каннелюры, покрытые пуансонным орнаментом. По продольному ребру лицевой стороны браслет также был украшен пуансоном. Длина сохранившейся части браслета — 6 см, ширина браслета — 2 см, ширина гребней на концах браслета — 3,5 см.

Браслет относится к типу I по классификации Г. Ф. Корзухиной (браслеты широкие, трехгранные в сечении, с гребешками). Браслет имеет хорошие аналогии в Мощинском (*Бульчев*, 1899. Табл. XIII) и Шишинском кладах (*Обломский*, 1991. С. 152–203). Подобные браслеты были найдены на поселении Ездочное-1 (*Зиньковская*, *Медведев*, 2005. Рис. 5, 2), на городище Супруты (*Воронцов*, 2008. С. 203, рис. 1, 8), а также на Семилукском городище (рис. 2, 2). Браслет с Семилукского городища и два браслета из Мощинского клада также были орнаментированы пуансоном по продольному ребру лицевой стороны. Пуансонный орнамент характерен для браслета из Мигонис в Литве (*Корзухина*, 1978. Табл. 26, 4), а также для пластинчатых изделий Огубского и Щепиловского городищ (Там же. Табл. 15, 4; *Воронцов*, 2008. С. 203, рис. 1, 9).

Культурно-хронологический контекст публикуемых вещей круга выемчатых эмалей из Среднего и Верхнего Подонья в настоящее время представляет загадку. В I—первой половине III вв. на Верхнем Дону были распространены сарматские

могильники и синхронные им городища местного оседлого населения (*Медведев*, 2008. С. 112–114). Последнее сохраняло древние культурные традиции скифского времени, но испытывало значительное сарматское влияние. Весьма любопытно, что верхнедонские сарматские и «сарматоидные» памятники на западе (Поосколье) и на востоке (Прихоперье) граничат с двумя локальными позднезарубинецкими группировками. На западе — это группа памятников типа Терновки 2 — Картамышшево 2, на востоке — это хоперская группа памятников типа Инясево — Шапкино (*Хреков*, 1997; 2004).

В связи с тем, что в Верхнем Подонье собственно позднезарубинецкие поселения и могильники пока не обнаружены, можно предположить, что появление здесь восточноевропейских вещей круга эмалей связано с миграцией какой-то части позднезарубинецкого населения из Среднего Поднепровья на р. Оскол и далее на р. Хопер во второй половине II в. Однако в каких отношениях носители этой культурной традиции находились с сарматами, явно в это время доминировавшими на Верхнем Дону, пока не ясно. Во всяком случае, ни в одном из лесостепных сарматских погребений, как, впрочем, и в слоях верхнедонских городищ первых веков нашей эры украшения круга выемчатых эмалей пока обнаружены не были. Следует также отметить, что на памятниках второй половины III в. типа Каширки-Седелок на Верхнем Дону вещи круга эмалей также не встречались (*Обломский*, *Терпиловский*, 2007. С. 122).

Скорее всего, пока еще немногочисленные находки в лесостепном Подонье изделий с выемчатыми эмальями дают возможность предполагать наличие здесь нового, ранее неизвестного пласта памятников позднезарубинецкого круга. Их появление в соседних регионах на Осколе и Хопре исследователи связывают с расселением венедов (*Медведев*, 2007. С. 12–13) — еще не славян, но, скорее всего, носителей балто-славянских диалектов (*Шукин*, 1994. С. 203). Однако для окончательного решения этой проблемы необходимы новые исследования, и прежде всего поиск на Верхнем Дону поселений, содержащих слои с характерными позднезарубинецкими материалами.

Амелькин, 1998 — *Амелькин А. О.* Сюльгама с выемчатой эмалью на Среднем Дону // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. Воронеж, 1998.

Бульчев, 1899 — *Бульчев Н. И.* Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.

- Воронцов*, 2008 — *Воронцов А. М.* Хронология памятников мощинской культуры на территории Окско-Донского водораздела // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 2.
- Гороховский*, 1982a — *Гороховский Е. Л.* О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и раннесредневековой художественной культуры. Киев, 1982.
- Гороховский*, 1982b — *Гороховский Е. Л.* Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.
- Гороховський*, 1982 — *Гороховський Е. Л.* Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виємчатою емаллю // Археологія. Київ, 1982. № 38.
- Дидык*, 2007 — *Дидык В. В.* К вопросу о верхней хронологической границе выемчато-эмалевого стиля Поднепровья и Днепровского Левобережья // ХАС. 2007. № 2.
- Зиньковская*, 2009 — *Зиньковская И. В.* О находках изделий с выемчатыми эмальями на Юге Восточной Европы // Пятая кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар, 2009.
- Зиньковская*, *Медведев*, 2005 — *Зиньковская И. В.*, *Медведев А. П.* Позднезарубинецкое поселение Ездочное-1 на р. Оскол // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2005.
- Кондаков*, 1892 — *Кондаков Н. П.* Византийские эмали. СПб., 1892.
- Корзухина*, 1978 — *Корзухина Г. Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмальями V—первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. М., 1978 (САИ. Е 1—43).
- Медведев*, 1990 — *Медведев А. П.* Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990.
- Медведев*, 2007 — *Медведев А. П.* Лесостепное Подонье накануне Средневековья // Средневековые древности Дона. М.; Иерусалим, 2007. Вып. 2.
- Медведев*, 2008 — *Медведев А. П.* Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008.
- Мулкиджанян*, 1998 — *Мулкиджанян Я. П.* Поселение Борисоглебское-4 в Прихоперье // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1998. Вып. 12.
- Обломский*, 1991 — *Обломский А. М.* Этнические процессы на водоразделе Днестра и Дона в I—V вв. н. э. М.; Сумы, 1991.
- Обломский*, *Терпиловский*, 2007 — *Обломский А. М.*, *Терпиловский Р. В.* Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III—начало V в. н. э.). М., 2007 (Раннеславянский мир. Вып. 10).
- Пряхин*, *Цыбин*, 1996 — *Пряхин А. Д.*, *Цыбин М. В.* Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987—1993 гг.) // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж, 1996.
- Седов*, 1982 — *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982 (Археология СССР).
- Фурасьев*, 2002 — *Фурасьев А. Г.* Проблема датировки кладов вещей с выемчатыми эмальями // Клады. Состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002.
- Хреков*, 1997 — *Хреков А. А.* Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья // Проблемы славянской археологии: Труды VI Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1997.
- Хреков*, 2004 — *Хреков А. А.* Древности Прихоперья. Балашов, 2004.
- Шукин*, 1994 — *Шукин М. Б.* На рубеже эр. СПб., 1994.
- Bitner-Wróblewska*, 1989. — *Bitner-Wróblewska A.* Elementy bałtyjskie w kulturze wielbarskiej // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim / Ed. J. Gurba, A. Kokowski. Lublin, 1989. T. 2.

New finds of ornaments with the émaux champlévé on the Upper Don River

I. V. Zin'kovskaya

This paper is a publication of new finds of ornaments with the enamels of the champlévé type in the region of the Upper Don. The finds include bronze bracelets, a link of a chain and brooches. Because no distinct sites of the Late Zarubintsy culture so far have been revealed, it seems that the penetration of East-European enamelled objects here was linked with migration of some Late Zarubintsy populations from the mid-Dnieper region to the Oskol River and further on to the east as far as the Khoper River in the second half of the 2nd century. It must be noted also that at sites

of the second half of the 3rd century, inter alia those of the Kashirki-Sedelok type on the Upper Don, no enamelled ornaments have been found. Probably, the as yet uncommon finds of émaux champlévé from the forest-steppe Don area are a signal of the presence here of some new, unknown before group of sites of the Late Zarubintsy culture. In order to solve finally this problem, further investigations are needed and primarily those concerned with surveying of settlement-sites containing layers with typical late Zarubintsy materials in the Upper Don region.

Культы Шивы и Ганеши в искусстве Хотана

Ю. И. Елихина¹

Хотан населяли разные народы: иранцы, индийцы, китайцы, тюрки, тибетцы. Их традиции и культуры оказали значительное влияние на становление и развитие искусства данного региона. В силу географического положения Хотан имел особые тесные связи с Индией и Кашмир. О значительном индийском влиянии на верования и искусство народов Восточного Туркестана хорошо известно. В Хотане находили немало произведений мелкой пластики индийского происхождения.

Все находки из коллекции Эрмитажа являются подъемным материалом.² Об их происхождении можно судить только по аналогиям с артефактами, найденными экспедицией А. Стейна. На некоторых из них показаны индийские божества Шива и Ганеша.

В Хотане и Шива (санскр. *Śiva*) и Ганеша (санскр. *Gaṇeśa*) представлены в буддийском контексте, так как их изображения происходят из буддийских храмов, на одной из стенных росписей Шива и Ганеша находятся под образами Будд. Эта роспись датируется VIII–IX вв. (*La Route...*, 2009. P. 188).

На сегодняшний день нам известно семь образов Шивы, не считая изображений из коллекции Эрмитажа. Они происходят из разных центров Хотана: два из Дандан-уйлыка, из Хадалика, Кудук-кола и Балавасте. Эти находки хранятся в Британском музее, в музеях Нью-Дели, Лахора и Урумчи. Шива, «благой, приносящий счастье», в хотанских текстах фигурирует под именем Махешвара «Великий господин». Одно из наиболее интересных его описаний встречается в сакском тексте «Рамаяны», найденном в Хотане (*Williams*, 1973. P. 143).

В индийской традиции Шива почитается как один из верховных богов, входящих в триаду, «три-

мурти», наряду с Брахмой и Вишну. Шива рассматривается и как бог-создатель и как бог-разрушитель.

Хорошо известное изображение Шивы в форме Махешвары на деревянной дощечке было найдено экспедицией А. Стейна (*Stein*, 1907. Vol. 2, pl. LX). Оно происходит из буддийского храма в Дандан-уйлыке и хранится в Британском музее. На нем Шива представлен с телом синего цвета, четырехруким и трехликим: у него два лица милостивых и одно гневное. Милостивое лицо желтого цвета принадлежит Уме или Парвати, женской ипостаси Шивы, гневное изображает Бхайраву. Его атрибутами служат Солнце, Луна, ваджра и неопределенный предмет. У престола возлежат два быка.

Другое изображение Шивы из настенной росписи храма в Дандан-уйлыке находится в музее археологии Синцзяна в г. Урумчи. Здесь Шива также показан трехликим и четырехруким, только его тело белого цвета. Его атрибуты Солнце, Луна и птичка хорошо понятны, четвертый сложно определить из-за плохой сохранности росписи (*La Route...*, 2009. P. 188).

В хотанской живописи имеются два изображения Шивы со своей женской ипостасью. Они выполнены на деревянных дощечках и происходят из Дандан-уйлыка и Хадалика. Такое изображение Шивы использовалось для тантрических практик. Но все равно остается не ясным: является ли женская ипостась шакти в индуистском контексте и символизирует активное начало или праджней в буддийском, олицетворяя мудрость и символизируя пустоту. Соединение элементов шактизма и тантры присутствует в индуизме и буддизме ваджраяны.

На четырех изображениях Шива представлен целиком, на остальных он узнаваем по синему цвету тела или атрибутам.

Артефакты из Хотанской коллекции Государственного Эрмитажа не так выразительны, но они также представляют определенный интерес.

К коллекции Соболевского относится маленький фрагмент настенной росписи (его размер

¹ Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел Востока.

² История формирования «Хотанской коллекции Государственного Эрмитажа» изложена в одноименной статье Ю. Е. Елихиной в разделе «История науки». — *Ред.*

© Ю. И. Елихина, 2011

8 × 2 см, инв. № Га-0162; рис. 1, 1), где был представлен Шива. Здесь сохранились только часть изображения быка, рядом видна рука какого-то божества. Среди божеств, представленных в Хотане, только Шива имеет спутником быка.

Фон росписи красно-оранжевого цвета, за головой быка — черного. Если посмотреть на настенные росписи, происходящие из Хотана, то красная, белая и черная краски использовались чаще всего. Иногда к этим оттенкам в росписях и на рельефах из штука добавляются синий, пурпурный и зеленый. Цветовая гамма в живописи Хотана была достаточно однообразна, что подчеркивал еще Б. И. Маршак (*Косолапов, Маршак, 1999. С. 29–34*).

В коллекции Н. Ф. Петровского имеется литой миниатюрный бронзовый рельеф с изображением Шивы. Размер этой фигурки 8 см (инв. № Га-1075; рис. 1, 2). Шива представлен трехликим, двуруким, сзади него находится бык. В правой руке он держит трезубец. Левая рука находится на бедре.

Б. И. Маршак считал, что росписи на дощечках из Дандан-уйлыка датируются второй половиной VIII в. (*Косолапов, Маршак, 1999. С. 29*), хотя специалисты из Британского музея датируют их по-разному: и VI–VIII вв., и даже VI в. (*La Route..., 2009. P. 184–189*).

Из-за плохой сохранности памятников трудно выделить и описать иконографические типы Шивы. В живописи Хотана только один раз представлена тримурти (Индра, Майя-Шри и Брахма). Атрибутом Шивы может служить ваджра, которая имеет разные формы. Одна из форм напоминает палицу, как она изображается в Хадде. Другая напоминает ваджры из Равака. Еще один тип ваджры имеет ромбическую форму, как на теле космического Будды Вайрочаны из Балавасте.

Таким образом, из известных нам изображений Шивы можно сделать вывод, что иконография Шивы среди хотанских изображений различна, но хорошо узнаваема: у него три лика, его ат-

рибутами служат Луна и Солнце, его спутником является бык Нандин.

Культ Шивы проник в Хотан, вероятнее всего, из Кашмира. Шива впервые фигурирует в «Ригведе». Там его атрибутами служат лук, стела и ваджра. «Атхарваведа» описывает Шиву с синим горлом и тысячей глаз. В брахманизме трехликие изображения Шивы имели широкое распространение, в Хотане они получили дальнейшее развитие. В сочинении «Супрабхедагама» Машехвара описывается с тремя ликами. В середине VI в. трехликий Шива встречается и среди образов Элефанты, одно из лиц — гневное, второе — милостивое, а третье имеет третий глаз и усы. Атрибутами Шивы могут служить в разных иконографических формах трезубец, барабанчик-дамару, боевой топор или дубинка с черепом у основания, лук, аркан (пашу).

Трехликие образы Шивы появляются на монетах кушанского правителя Хувишки (предположительно 131–166 гг.) и затем тиражируются на монетах с различными атрибутами до XI в. Такие образы являются реминисценцией искусства Гандхары (*Saletore, 1982. Vol. 4. P. 1355–1359*).

В Хотане индуистские элементы обретают буддийский контекст. Присутствие Шивы в форме Махешвары в этом контексте представляет собой развитие двух религиозных направлений: шиваизма и тантрического буддизма.

В Индии с культом Шивы связан и фаллический культ. Представление о созидательной энергии Шивы воплощено в его основном символе — линге-фаллосе. В собрании С. А. Колоколова имеется каменный фаллос (выс. 12 см; инв. № Га-336), происходящий из Хотана, что может свидетельствовать о распространении там подобного культа. Однако был ли фаллический культ в Хотане связан с культом Шивы, остается не ясным.

В музее г. Кливленда хранится каменная скульптура Шивы этого же времени из Кашмира. Шива изображен с двумя сыновьями: Ганешей, предводителем свиты (ганы) Шивы, и Картикеей. У Ши-

Рис. 1. Хотан:

1–2 — «Шива с быком»; 3, 7 — «Ганеша»; 4–5 — фигурки слонов; 6 — «Ганеша с Наной (или Анахитой)»; 8 — ваза в форме слона; 9 — «Картиккея».

1 — настенная роспись; 2–3 — бронза; 4–5, 9 — стеатит; 6 — дерево; 7 — штук; 8 — терракота (1 — коллекция Соболевского; 2–3 — коллекция Н.Ф. Петровского; 4 — коллекция С.А. Колоколова)

Fig. 1. Khotan:

1–2 — «Shiva with a bull»; 3, 7 — «Ganesha»; 4–5 — elephant figurines; 6 — «Ganesha with Nana (or Anahita)»; 8 — vase shaped as an elephant; 9 — «Kartikkeya».

1 — wall painting; 2–3 — bronze; 4–5, 9 — steatite; 6 — wood; 7 — stucco; 8 — terracotta (1 — Sobolevskiy's collection; 2–3 — N.F. Petrovskiy's collection; 4 — S.A. Kolokolov's collection)

1

2

3

4

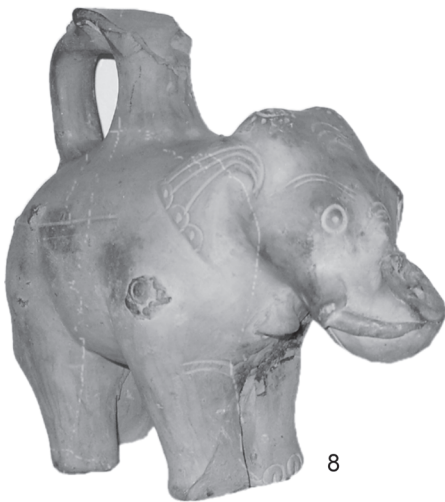
5

6

7

8

9

вы также четыре руки и три лица. Ганеша и Карттикея представлены тоже четырехрукими (*Pal*, 2003. P. 112).

По разным публикациям известно пять изображений Ганеши, происходящих из Хотана. Они все живописные и были найдены в таких центрах, как Хадалик (*Stein*, 1928. Vol. 3, pl. XII), Эндере (*Stein*, 1907. Vol. 2, pl. LXXVIII) и Дандан-уйлык (*Дьяконова*, 1961. С. 259). Ганеша в индийской мифологии является богом мудрости и предусмотрительности. По индийской иконографии он изображается с человеческим телом красного или желтого цвета, большим шарообразным животом, четырьмя руками и слоновьей головой, из пасти которой торчит лишь один бивень. Один из сакских текстов, найденных в Хотане, называет его Винаяка (санскр. Vināyaka), то есть «устранитель препятствий». Индийским атрибутом Ганеши является редис. Редис присутствует на трех изображениях Ганеши из Хотана. Именно с этим атрибутом в двурукой ипостаси (при том, что для Ганеши наиболее характерна иконография с четырьмя руками) изображен Ганеша в пещере № 120 в Дуньхуане (*Williams*, 1973. P. 146–147). Эта роспись датируется VI в.

На дощечке из Эндере, которая была найдена Стейном, Ганеша имеет четыре руки (*Stein*, 1907. Vol. 2, pl. LXXVIII). Помимо редиса его атрибутами служат индийские сладости, топор и ромбовидный нож. Топор в качестве атрибута Ганеши описан в «Брихатсамахите» (санскр. Bṛhatsamhitā). В Индии среди атрибутов Ганеши может встречаться и стрекало для слона, но это приспособление неизвестно в Восточном Туркестане, поэтому в Хотане оно не изображается. В более поздней ваджраянской традиции стрекало встречается среди атрибутов Ганеши в Тибете и Монголии.

Кроме того, Ганеша изображен на теле космического Будды Вайрочаны из Балавасте (*Williams*, 1973. P. 146).

На двух росписях из Хотана Ганеша держит Луну и Солнце, атрибуты характерные для Шивы. На других образах его атрибутами являются ромбовидный нож и стрекало. Одежанием Ганеши, так же как и Шивы, служит дхоти из шкуры тигра.

На некоторых образках из Хотана Ганеша представлен с двумя бивнями, хотя по индийской иконографии у него должен быть только один бивень.

К коллекции Н. Ф. Петровского относится литой миниатюрный бронзовый рельеф слоноволого сына Шивы — Ганеши. На нем Ганеша показан стоящим, у него две руки, в левой он держит редис, а правой какой-то длинный предмет

(выс. 7 см; инв. № Га-0503; рис. 1, 3) (Пещеры тысячи Будд..., 2008. С. 82).

На другом фрагменте из коллекции С. А. Колоколова, выполненном из штука, сохранились только голова и плечи Ганеши (выс. 15 см, инв. № Га-0294; рис. 1, 7). Это изображение происходит из буддийского храма в Дандан-уйлыке и датируется IV–VI вв. (*Дьяконова*, *Сорокин*, 1960. Табл. 48, ил. 1929). Оно аналогично опубликованному А. Стейном из материалов экспедиции Хардинга (*Stein*, 1928. Vol. 3, pl. XII). Можно предположить, что это изображение именно Ганеши, хотя слон, сам по себе, белого цвета, как символ счастья и победы почитается в буддизме.

В коллекции Эрмитажа имеется еще одна дощечка, на которой можно рассмотреть изображение Ганеши. Количество рук и атрибуты его не ясны, у него хорошо просматривается только головной убор (размер 24,5 × 10 см; инв. № Га-1121; рис. 1, 6). Рядом с ним находится четырехрукая богиня, которую Н. В. Дьяконова отождествляла с Наной или Анахитой (*Дьяконова*, 1961. С. 259–260).

Позднее в «Садханамаале» Ганеша приобретает две ипостаси: он может изображаться в качестве Вигха, распростертого демона, которого попирает дхармапала Махакала, и самостоятельного божества Ганапати. Для хотанских изображений Ганеши характерны тюрбанообразная корона и отсутствие толстого живота (*Williams*, 1973. P. 147).

Кроме того, среди пластики Хотана имеются изображения слона. Слон описан в сакских текстах, найденных в Хотане, как необычное индийское животное.

Изображения слона встречаются на терракотах из Йоткана, один такой образ находится в неопубликованной коллекции Тринклера (*Ibid.* P. 146), в коллекции Эрмитажа хранится терракотовая ваза в форме слона (размер 14,5 см; инв. № Га-2719; рис. 1, 8), датируемая III–IV вв. (*Дьяконова*, *Сорокин*, 1960. Табл. 2, ил. 40). Фигура слона выполнена вполне реалистично. Сосуд украшен наклепными розетками.

В коллекции Эрмитажа имеется две миниатюрные фигурки слона, выполненные из мыльного камня, датируемые V–VI вв. (размер 4,3 × 2,6 см; инв. № Га-2828; размер 3 × 2 см; инв. № Га-2917; рис. 1, 4, 5). Попоны и тела фигурок животных также украшены розетками. Таким образом, в коллекции Эрмитажа представлено шесть изображений слона.

Кроме того, в хотанской коллекции имеется одна миниатюрная статуэтка Карттикеи (санскр.

Kārttikeya), выполненная из стеатита (мыльного камня) (выс. 7 см; инв. № Га-2765; рис. 1, 9). Она датируется V–VI вв. (Пещеры тысячи Будд..., 2008. С. 99). Карттикея почитается как бог войны. Он известен и под именами Субрахманья, Агнибхува, Сканда и др. Иногда он изображается сидящим на павлине, иногда павлин находится рядом с ним. Статуэтка изображает шестирукое стоящее божество (часть рук утрачена). В центральных руках он держит копьё и петуха, в двух нижних руках расположены сеть и один из видов оружия (?). Лицо у фигурки оббито. Сзади него находится павлин. Карттикея считается также богом-покровителем воров.

В Индии Карттикея изображается на монетах эпохи Гупта. Особенно популярно его изображение было во времена правления Кумара Гупта (415/416–455).

С шестью ликами и с шестью руками Карттикея вошел в пантеон буддизма Ваджаяны. Он изображается с телом красного цвета, с праджней, его атрибутами служат ваджра и петух, две руки находятся в жесте анджали-мудра. Ваханой божества является павлин (*Saletore*, 1982. Vol. 2. P. 707–709; *Bhattacharyya*, 1968. P. 364).

Таким образом, культы Шивы и Ганеши получают распространение в Хотане из Индии. Их образы были найдены в основном в буддийских храмах, что еще раз свидетельствует о том, что культы этих божеств, как и некоторых других, особенно почитаемых в этой местности, были адаптированы буддизмом. Культы и иконография этих

божеств были заимствованы из Индии, а к VIII в. появились их местные формы. Иконография Шивы и Ганеши в Хотане варьируется, но в целом есть ряд характерных признаков, по которым они хорошо узнаваемы. Их изображения встречаются в бронзе, камне, настенной живописи, штучке и на деревянных дощечках.

Дьяконова, 1961 — *Дьяконова Н. В.* Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Т. 5.

Дьяконова, *Сорокин*, 1960 — *Дьяконова Н. В.*, *Сорокин С. С.* Хотанские древности: терракота и штуч. Л., 1960.

Косолапов, *Маршак*, 1999 — *Косолапов А. И.*, *Маршак Б. И.* Стенная живопись Средней и Центральной Азии. СПб., 1999.

Пещеры тысячи Будд..., 2008 — Пещеры тысячи Будд. Российские экспедиции на Шелковом пути: К 190-летию Азиатского музея. СПб., 2008.

Bhattacharyya, 1968 — *Bhattacharyya B.* The Indian Buddhist Iconography. Calcutta, 1968.

La Route..., 2009. — La Route de la Soie: Un Voyage á travers la Vie et la Mort. Bruxelles, 2009.

Pal, 2003 — *Pal P.* Himalayas. An Aesthetic Adventure. Chicago, 2003.

Saletore, 1982 — *Saletore R. N.* Encyclopaedia of Indian culture. New Delhi; Bangalore, 1982. Vol. 1–5.

Stein, 1907 — *Stein A.* Ancient Khotan. Oxford, 1907. Vol. 1–2.

Stein, 1928 — *Stein A.* Innermost Asia. Oxford, 1928. Vol. 3.

Williams, 1973 — *Williams J.* The Iconography of Khotanese Painting // East and West. Pome. N. S. 1973. Vol. 23, No 1–2, March–June.

The cults of Shiva and Ganesha in the Art of Khotan

Yu. I. Elikhina

The cults of Shiva and Ganesha dispersed to Khotan from India. Their images are found mostly in Buddhist temples, suggesting that cults of these deities, like of some others particularly worshipped in the locality in question, were adapted by Buddhism. By the 8th century, their cults and iconography had acquired

local forms. The iconography of Shiva and Ganesha vary throughout Khotan but in general there are a number of features through which they are fairly well distinguishable. Their representations are found in bronze, stone, wall painting, stucco and on wooden tablets.

Данные антропологии к проблеме заселения Ижорского плато. Могильник Ново-Сиверская-2

С. Л. Санкина¹

Территория Ижорского плато, представляющая обособленный физико-географический район Русского Северо-Запада, возможно, из-за мало благоприятных условий для жизни (отсутствие на плато рек и ручьев и тяжелые суглинистые почвы, затрудняющие проведение земледельческих работ) была заселена довольно поздно. Возможное появление первых поселенцев относится к X в., а массовое заселение плато относится к рубежу X—XI вв. (*Кольчатов*, 1982. С. 61—65). Территория Ижорского плато входит в состав летописной Водской земли, автохтонным считается здесь водское население. В курганно-жальничных могильниках, получивших распространение в древнерусское время, обнаружен синтетический славяно-финский обряд погребений. Исследователи-археологи, обращавшиеся к данной проблеме, говорят о существовании на Ижорском плато как славянских и водских групп населения, так и смешанных славяно-водских (*Спицын*, 1896; *Седов*, 1953; *Рябинин*, 2001). Всего на плато известно около 150 могильников.

В частности, для изучения проблемы времени и путей заселения плато важен могильник у д. Ново-Сиверская, раскопанный Л. К. Ивановским в 1873 г. Общая дата могильника, установленная по вещевым комплексам, — XIII—последняя четверть XIV в. Н. Н. Чебоксаров, изучивший в 40-х гг. прошлого века черепа из нескольких могильников у д. Ново-Сиверская, однозначно относил это население к летописной воде (*Чебоксаров*, 1947. С. 235—267). Указанный материал хранится в Музее антропологии и этнографии РАН (Санкт-Петербург). По современным краниометрической и

краниоскопической программ (Алексеев, Дебец, 1964; *Козинцев*, 1988) автором данной статьи был изучен обширный (83 черепа) материал из могильника Ново-Сиверская-2, наилучшим образом обеспеченный вещевыми комплексами. На основании предоставленных археологом М. С. Павловой новейших данных о наборах украшений внутри женской серии были выделены подгруппы, что позволило детализировать представление о населении, оставившем могильник (табл. 1, 2). В работе использовались методы многомерной статистики: на внутригрупповом уровне применялся факторный анализ, на межгрупповом — канонический анализ.

Мужская часть группы имеет грацильную мезокранную черепную коробку, лицо низкое и узкое, широкий нос и среднеширокие низкие орбиты. Переносье высокое, угол выступания носовых костей большой. Лицо резко профилировано в горизонтальной плоскости как в верхнем, так и в среднем отделах. По своим характеристикам население данного могильника отличается от основной массы населения Ижорского плато как более раннего времени, так и синхронного, имеющего гораздо более крупную и высокую черепную коробку и иное строение лица, зачастую уплощенного в верхнем отделе.

Женская часть группы относится к тому же краниологическому варианту, что и мужская, имеет мезокранную черепную коробку средних размеров, лицо низкое и среднеширокое, широкий нос, широкие низкие орбиты. Профилированность лица достаточно резкая, переносье высокое, угол выступания носа средний.

Серия женских черепов была разделена на две подгруппы. Из исследования были исключены те индивидуумы, в погребениях которых не сохранились вещи (хотя они несомненно были, судя по оставшимся на черепах следам бронзы). Одну из

¹ Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3. Музей антропологии и этнографии РАН. Отдел антропологии.

Таблица 1. Средние размеры и указатели мужских и женских черепов серии из могильника Ново-Сиверская-2**Table. 1.** Average dimensions and indexes for male and female skulls from the cemetery of Novo-Siverskaya-2

Признак	Мужчины	Женщины
	М (n)	М (n)
1. Продольный диаметр	177,5 (31)	170,0 (51)
8. Поперечный диаметр	137,9 (32)	134,8 (51)
8:1. Черепной указатель	78,2 (31)	79,3 (51)
17. Высотный диаметр	133,7 (32)	128,0 (49)
17:1. Высотно-продольный указатель	75,4 (31)	75,5 (49)
17:8. Высотно-поперечный указатель	97,0 (32)	95,1 (49)
5. Длина основания черепа	98,5 (31)	95,2 (48)
9. Наименьшая ширина лба	96,7 (30)	92,8 (48)
9:8. Лобно-поперечный указатель	69,8 (30)	68,7 (47)
10. Наибольшая ширина лба	118,2 (30)	114,3 (48)
9:10. Лобный указатель	81,9 (30)	81,1 (47)
40. Длина основания лица	95,1 (22)	93,0 (39)
40:5. Указатель выступания лица	96,3 (22)	97,2 (41)
45. Скуловой диаметр	130,5 (27)	122,8 (40)
45:8. Горизонтальный фацио-церебральный указатель	94,2 (27)	91,2 (39)
48. Верхняя высота лица	66,4 (29)	63,2 (45)
48:45. Верхний лицевой указатель	51,7 (25)	51,4 (37)
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	49,6 (28)	49,1 (42)
51. Ширина обреты	42,2 (29)	40,3 (46)
52. Высота орбиты	31,6 (28)	30,8 (45)
52:51. Орбитный указатель	74,8 (28)	76,2 (45)
54. Ширина носа	24,8 (29)	24,0 (44)
55. Высота носа	48,6 (30)	46,4 (46)
54:55. Носовой указатель	51,4 (29)	51,8 (44)
77. Назомалярный угол	137,3 (26)	139,6 (33)
zm'. Зигомаксиллярный угол	122,8 (13)	125,3 (18)
SS:SC. Симотический указатель	51,5 (26)	41,7 (45)
75(1). Угол выступания носа	28,8 (10)	22,9 (10)

М — средняя арифметическая; n — количество наблюдений.

подгрупп составили черепа из погребений, содержащих в наборе украшений пластинчатый браслет с орнаментом в виде плетенки. Прототипом этого украшения послужили браслеты, известные в древностях Золотой Орды. Появление подобного заимствования на Северо-Западе связывается с приходом баскаков в Новгород (Лесман, 1998. С. 78–81). Ю. М. Лесман также считает, что производство этих браслетов было налажено вблизи территории Ново-Сиверской; это украшение в пределах Северо-Запада встречается исключительно на Ижорском плато и датирует погребения концом 1250-х–1313 гг. Подгруппа из восьми женщин, имевших такой браслет (всего погребений с

браслетами было 13, но не во всех сохранились черепа), относится к возрастной группе 35–55 лет и несколько отличается от основной (38 индивидуумов) женской подгруппы за счет более широкого лица, существенно более резкой горизонтальной профилировки и сильнее выступающего переносья. Данные признаки являются расоразграничительными на территории Русского Северо-Запада и указывают на различия в происхождении женщин из Ново-Сиверской-2. Однако сходные размеры и пропорции черепа, лица, орбит и носа также свидетельствуют о существовании родственных связей между женщинами двух подгрупп (табл. 2).

Таблица 2. Средние размеры черепов из двух подгрупп могильника Ново-Сиверская-2

Table. 2. Average dimensions of skulls from two subgroups of the cemetery Novo-Siverskaya-2

Признак	Женщины	
	подгруппа 1 М (n)	подгруппа 2 М (n)
1. Продольный диаметр	169,9 (38)	171,9 (8)
8. Поперечный диаметр	134,5 (38)	135,1 (8)
17. Высотный диаметр	127,8 (36)	128,4 (8)
9. Наименьшая ширина лба	92,4 (38)	93,6 (7)
45. Скуловой диаметр	122,5 (30)	125,0 (6)**
48. Верхняя высота лица	63,1 (33)	63,6 (7)
51. Ширина обреты	40,2 (34)	41,4 (7)
52. Высота орбиты	31,0 (33)	31,3 (7)
54. Ширина носа	23,9 (33)	24,8 (6)
55. Высота носа	46,4 (34)	46,7 (7)
77. Назомалярный угол	140,8 (24)	135,9 (5)*
zm'. Зигмаксиллярный угол	125,4 (14)	124,4 (3)
SS:SC. Симотический указатель	39,9 (33)	45,4 (7)*
75(1). Угол выступания носа	22,9 (10)	—

М — средняя арифметическая; n — количество наблюдений.

* Признаки, по которым отмечены достоверные различия между подгруппами.

Значения критерия Стьюдента *P<0.05; **P<0.01.

По результатам канонического анализа с участием более 40 средневековых и близких к современности черепных серий Русского Северо-Запада и Севера (из них 16 групп — с территории Ижорского плато) разница между женскими подгруппами оказалась довольно заметной. Подгруппа 1 (основная) демонстрирует наибольшее сходство с населением Пскова XIV–XVI вв. и курганов бывших Гдовского и Лужского уездов XI–XIII вв. (сборная серия).

Подгруппа 2 (с браслетами с плетеным орнаментом) показывает наибольшее сходство с женским населением XI–XIII вв. из могильника Которск (Верховья Плюсы) и именно теми группами Ижорского плато, в женских погребениях которых также, хотя и в меньшем количестве, обнаружены подобные браслеты: соответственно Ожогоино (XIII–XIV вв.), Рутулицы (XIII–XV вв.) и Калитино (XII–XIII вв.). Возможно, браслеты попадали туда из Ново-Сиверской вместе с женщинами.

Мужчины из Ново-Сиверской-2 обнаружили наибольшее сходство с населением, оставившим курганы XI–XIII вв. бывших Гдовского и Лужского уездов, близкой ему по морфологии синхронной группой Большое Ретенское оз. (Верхнее Полужье), а из групп Ижорского плато — с населением из могильника Рутулицы (XIII–XV вв.).

Следует заметить, что рассматриваемая группа как в мужской, так и в женской части показывает большее сходство с населением других территорий, преимущественно с территории определенной части Псковщины, чем собственно с Ижорского плато (из 16 черепных серий только три оказались сходными с группой из Ново-Сиверской-2). Также необходимо особо отметить плохое состояние зубного аппарата обитателей Ново-Сиверской (одонтогенный остеомиелит, массовая прижизненная потеря зубов, другие выраженные признаки заболеваний пародонта), большую частоту *cribra orbitalia* (показатель анемии и перенесенных в детстве инфекционных заболеваний) как в мужской, так и в женской части серии (в целом 22 %). Частота *cribra orbitalia* на территории Руси колеблется в пределах 0–25 % (Бужилова, 1999. С. 251). Для сравнения, в другой представительной группе Ижорского плато — из синхронного Ново-Сиверской-2 могильника Волосово (69 индивидуумов) этот показатель составил всего 14,5 %. Все вместе говорит об определенном стрессе, связанном с неблагоприятными факторами окружающей среды, который может испытывать группа в результате миграции. Указанные признаки на черепах Ново-Сиверской-2 встречаются существенно чаще, чем в других группах Ижорского плато.

Полученные в результате анализа данные не противоречат предположению о том, что Ижорское плато с XI в. заселяли выходцы из соседнего региона «гдовских курганов», занимающего северо-восточное Причудье, бассейн р. Плюссы, и выходящего к границам Ижорского плато (Лесман, 1982. С. 73.). К этому можно добавить, что на примере могильника Ново-Сиверская-2, который функционировал в XIII–XIV вв., мы наблюдаем более позднюю волну миграции из этого региона. В это время на Ижорском плато в целом уже сформировался несколько иной по своим антропологическим характеристикам тип населения. Это может объясняться участием в его сложении групп с территории Верхнего Полужья, которые отличались в XI–XIII вв. преимущественно балтскими антропологическими чертами, и предположительно «водского» населения, также обитавшего на Ижорском плато, имевшего общие черты с современными карелами (Хартанович, Чистов, 1984; Санкина, 2000).

Таким образом, суммируя результаты исследования, можно предположить, что население, оставившее могильник Ново-Сиверская-2, появилось на Ижорском плато позже других групп населения, скорее всего, из области распространения «гдовских курганов», и в период функционирования могильника находилось в процессе налаживания социальных и родственных связей с соседями.

Алексеев, Дебец, 1964 — Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. М., 1964.

Бужилова, 1999 — Бужилова А. П. Болезни в средневековой Руси // Восточные славяне: антропология и этническая история. М., 1999.

Козинцев, 1988 — Козинцев А. Г. Этническая краниоскопия: расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л., 1988.

Кольчатов, 1982 — Кольчатов В. А. О времени заселения Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.

Лесман, 1982 — Лесман Ю. М. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато.

Лесман, 1998 — Лесман Ю. М. Монгольское завоевание в зеркале ювелирных украшений Новгородской земли // Славяне и кочевой мир: Средние века — раннее Новое время. М., 1998 (Славяне и их соседи: Сб. тезисов 17-й конф. памяти В. Д. Королюка).

Рябинин, 2001 — Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода. СПб., 2001.

Санкина, 2000 — Санкина С. Л. Этническая история средневекового населения Новгородской Земли по данным антропологии / Ред. А. Г. Козинцев. СПб., 2000.

Седов, 1953 — Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // СА. 1953. № 18.

Спицын, 1896 — Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб., 1896 (МАР. № 20).

Хартанович, Чистов, 1984 — Хартанович В. И., Чистов Ю. К. Антропологический состав средневекового населения Ижорского плато // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л., 1984.

Чебоксаров, 1947 — Чебоксаров Н. Н. Ильменские поозеры // Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. М.; Л., 1947 (Новая серия; Т. 1: Памяти Д. Н. Анучина (1843–1923)).

Craniometric data to the problem of settlement of the Ingrian Plateau. Burial ground of Novo-Siverskaya-2

S. L. Sankina

The mass settlement of the Izhora (Ingrian) Plateau by natives of the neighbouring regions is dated to the turn of the 11th century. Presumably the first wave of the settlers came from the territory of distribution of the so-called «Gdov» kurgans. For solution of the problem of the date and routes of settlement of the plateau, of importance is burial ground no. 2 near the village of Novo-Siverskaya (13th — last quarter of the 14th century) which yields the richest complexes of grave goods. Craniometric studies of the populace who left this cemetery (83

skulls) have shown its essential difference from the main population of the Izhora Plateau.

The female series of the crania was divided into two subgroups. One of these is constituted by skulls from the burials which contained sets of ornaments including a lamellar bracelet with a guilloche design. This subgroup is similar to the population of the Upper Plyussa River and to those female groups of the Izhora Plateau in the burials of which bracelets of this type also have been found: Ozhogino (Ožogino) (13th–14th

century), Rutilitsy (13th–15th century) and Kalitino (12th–13th century). The other subgroup (the main) shows resemblance with the population of Pskov (14th–16th centuries) and that which left kurgans of the former Gdov and Luga uyezds (11th–13th centuries).

The males from Novo-Siverskaya-2 show the utmost resemblance to the people found in kurgans of the former Gdov and Luga uyezds, while the groups from the Izhora Plateau are similar to those from the burial ground of Rutilitsy.

The populace from Novo-Siverskaya-2 is notable through the inferior, by contrast to the synchronous people of the Izhora Plateau, state of the dental apparatus and increased frequency of *cribra orbitalia* (indication of anemia and infections suffered in childhood).

These facts suggest a stress related to unfavourable factors of the environment which may influence a migrating group.

Summing up, the people of Novo-Siverskaya represented the later wave of migrants from the neighbouring region of the «Gdov kurgans». During the period of functioning of the cemetery this population was undergoing the process of establishing social and kindred relations with the neighbours. By that time, a new type of biological features of the populace had evolved on the Izhora Plateau. This is explained by its participation in the establishment of groups of the Upper Luga River, of whom in the 11th–13th centuries, mostly the Baltic trait combination was characteristic and that of the autochthonous Finnish tribes.

Амулеты средневекового Новгорода из зубов и костей животных¹

Е. А. Тянина²

Амулеты из зубов и костей животных являются одной из древнейших категорий культовых предметов. Их появление восходит к каменному веку и тесно связано с тотемизмом — системой первобытных религиозных верований, в основе которой лежало поклонение тотему — животному, считавшемуся первоначально родоплеменного коллектива. В материальной культуре тотемизм проявлялся в изображениях почитаемого животного, а также в использовании в качестве оберегов частей его тела (Голубева, 1997. С. 156–157). Ношение такого амулета не только передавало человеку силу, ловкость или плодовитость зверя, но и обеспечивало магическую связь между человеком и его предком-животным.

Однако бытование амулетов из зубов и костей животных намного переживает и первобытный общественный строй, и тотемизм как один из вариантов первобытного религиозного мировосприятия. Об этом свидетельствуют многочисленные находки просверленных зубов, когтей и костей животных в слое раннесредневековых памятников Восточной Европы, в том числе и древнерусских городов. В контексте средневековой духовной культуры эту категорию предметов языческого культа принято считать угасающим пережитком первобытной эпохи, сохранившим лишь общие расплывчатые представления об охранительной силе части тела либо изображения того или иного животного (Там же. С. 156; Воронин, 1941. С. 149). Но в какой степени средневековые амулеты из костей и зубов животных связаны с тотемистическими представлениями глубокой древности? Со-

хранялась ли вера в их апотропеическую силу лишь в качестве туманного архаизма, истинный смысл которого был утрачен, а люди, носившие эти амулеты, не понимали их значения? Или речь идет о переосмыслении древней традиции, и эту категорию амулетов следует считать неотъемлемой частью языческой культуры более позднего периода?

Основная масса амулетов из зубов и костей животных известна по погребениям на широкой территории Древней Руси IX–XI вв. Но для понимания указанных выше процессов новгородская коллекция амулетов представляется не менее значимой. Во-первых, изучение данной категории амулетов в культурном слое поселения позволяет выявить широту распространения и значение их не только как погребального атрибута, но и как оберегов, использовавшихся при жизни. Во-вторых, новгородская коллекция амулетов представляет собой элемент городской культуры, то есть ту часть средневековой культуры Руси, где пережитки первобытного мировосприятия должны были утрачиваться быстрее. Работа по исследованию новгородских амулетов из зубов животных уже была проделана автором по материалам Троицкого раскопа. Ее итоги показали, что эта категория предметов языческого культа была популярна среди населения Людина конца в языческое время и первые десятилетия после принятия христианства, затем количество амулетов резко сокращается, однако нельзя говорить о полной утрате веры в магическую силу этих предметов. Лишь с начала XIII в. их находки становятся единичными. Это же исследование показало, что наибольшей популярностью у населения Людина конца пользовались амулеты из клыков кабана и медведя (Тянина, 2009. С. 380–383). Для продолжения работы были привлечены материалы с других раскопов Новгорода, а также амулеты из костей животных, не вошедшие в прежнее исследование.

На сегодняшний день археологическая коллекция Новгорода насчитывает 188 отдельных эк-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 10-06-00164а) «Язычество и христианство древнерусского города в свете историко-археологических данных: комплексное источниковедение».

² Россия, 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4. МГУ. Исторический факультет.

© Е. А. Тянина, 2011

земляров амулетов и два достоверных комплекса, состоящих, соответственно, из 2 и 9 предметов. Из них 140 амулетов изготовлены из клыков, 19 — из зубов (резцы и моляры), 2 — из когтей, 33 — из костей животных. Пять предметов неопределены из-за фрагментации или утраты.

Основную массу амулетов из зубов и костей животных, безусловно, можно отнести к личным апотропеям, то есть носимым человеком при себе для магической защиты или в благопожелательных целях. Этот вывод подтверждается и материалами погребений. Такие амулеты имеют отверстия для ношения. Они могли носиться на шею (одиночно либо в составе ожерелья), прикрепляться к поясу или нашиваться за отверстие на одежду. Отверстие просверливалось по центру или по краю амулета. На трех клыках было обнаружено по два отверстия. Возможно, за них амулеты нашивались на одежду, либо мы имеем дело со «следами починки», так как два из трех указанных предметов были сломаны по линии одного из отверстий. Визуальное наблюдение выявило, что некоторые амулеты, обколотые в древности, продолжали носить и после повреждения. На местах сломов прослежены характерные следы залощенности, которые могли появиться в результате трения об одежду или тело при длительном ношении. Четыре экземпляра амулетов являются заготовками, так как отверстия в них просверлены не до конца.

В этнографической литературе имеются данные и об иных формах использования некоторых типов амулетов из зубов и костей животных. В частности, их применяли в качестве оберегов стойла или детской колыбели либо использовали в лечебной и отгонной магии (*Левкиевская*, 2002. С. 79; *Гура*, 1997. С. 65). В этом случае амулет не носился, а помещался внутрь охраняемого объекта или рядом с ним. Обереги такого рода обнаружить археологически крайне сложно, так как они могли не иметь отверстия и ничем не отличаться от просто попавшего на усадьбу клыка либо когтя животного (например, с охотничьей добычей). Возможно, такое применение имели три новгородских амулета, на которых отверстие заменено пропиленными в кости небольшими желобками для шнура или веревки. Предмет с подобным креплением при ношении на себе непременно бы выскользнул и потерялся, чего нельзя сказать, если бы он был просто подвешен в хлеву или в доме.

Амулеты из зубов и костей животных встречаются на территории средневекового Новгорода повсеместно. Их удалось обнаружить на 12 раскопах

Новгорода, расположенных в Людином, Неревском, Славенском и Плотницком концах. Наиболее значительная коллекция происходит с Троицкого раскопа, здесь обнаружено 113 предметов. На Неревском раскопе было найдено 57 амулетов. Девять экземпляров происходят с Федоровского раскопа, на Ильинском раскопе обнаружено 8 амулетов. По 2 амулета выявлено на Кировском, Лубяницком и Дмитровском раскопах. По одному экземпляру — на Суворовском, Тихвинском, Нутном, Десятинном-II и Никитинском раскопах.

Анализ хронологического распределения амулетов из зубов и костей животных в целом подтверждает тенденцию постепенного сокращения бытования предметов языческого культа в Новгороде, которая была прослежена при исследовании амулетов с Троицкого раскопа (рис. 1, 1). Наибольшее количество амулетов приходится на языческое время — слои второй половины X в. Примерно на рубеже X—XI вв. общее количество находок резко падает, что, безусловно, маркирует время принятия христианства. Однако на протяжении XI—XII вв. можно проследить некую стабилизацию интереса горожан к амулетам из зубов и костей, в пределах этих двух столетий их количественные характеристики с учетом статистической погрешности остаются неизменными. То есть христианизация существенно снизила интерес к этой категории предметов языческого культа в Новгороде, но они все равно сохраняли популярность и в первые века после крещения. Лишь к первой половине—середине XIII в. количество амулетов из зубов и костей вновь начинает сокращаться, а в XIV—XV вв. их находки можно назвать спорадическими. Если сравнивать хронологию описываемых предметов с другими категориями языческих оберегов Новгорода, то можно выявить существенное своеобразие. С одной стороны, эта категория амулетов не исчезает к началу XII в., как большая часть амулетов из цветного металла (*Покровская*, 2006. С. 107), с другой стороны, в графике их хронологического распространения не фиксируется подъема во второй половине XIII в., характерного для таких категорий, как «громовые орудия» и полые шумящие амулеты-коньки.

Таким образом, традицию использования зубов и костей животных в качестве амулетов в Новгороде можно назвать устойчивой. Они не только пользовались популярностью в городской среде, но в значительной мере сохранили ее даже в христианское время. О постепенной утрате интереса к этой разновидности предметов языческого культа можно говорить лишь в позднесредневековую

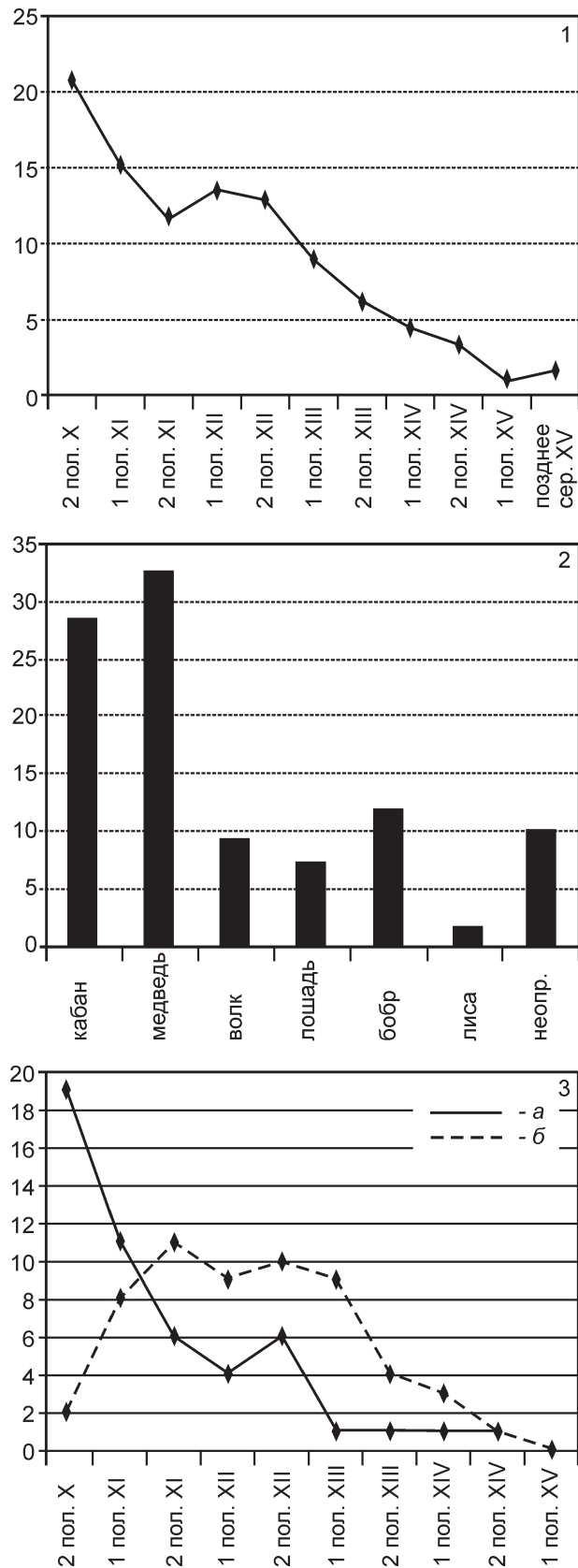

Рис. 1. 1 — хронологическое распространение амулетов из зубов и костей животных в культурном слое Новгорода; 2 — фаунистический состав новгородских амулетов из зубов и костей животных; 3 — сравнительная хронология «кабаний» и «медвежьих» амулетов в культурном слое Новгорода (а — «кабаны» амулеты; б — «медведи» амулеты)

Fig. 1. 1 — chronological distribution of amulets from teeth and bones of animals throughout the cultural levels of Novgorod.; 2 — faunal composition of Novgorod amulets from animal teeth and bones; 3 — comparative chronology of and «bear» amulets at the cultural levels of Novgorod (a — «boar» amulets; б — «boar» amulets)

эпоху. Такое наблюдение заставляет иначе посмотреть на семантику средневековых амулетов из зубов и костей животных. Не отрицая ее генезиса, восходящего к тотемизму, сложно предположить прямую связь их довольно широкого распространения и использования в средневековом городе с пережитками этой формы первобытной религии. Новгородцы, на усадьбах которых были обнаружены амулеты из зубов и костей того или иного животного, вряд ли имели представление о нем как о родоначальнике. Поэтому, говоря о семантике этих магических предметов в средневековом Новгороде, следует иметь в виду некое переосмысление их значения.

Классифицировавшая славянский оберег Е. Е. Левкиевская рассматривала семантику звериных клыков и когтей более широко, относя их к категории оберегов отгонно-поражающей магии, предполагающей нанесение противнику предупредительного магического удара. Автор ставит клыки и когти в один ряд с набором колющих и режущих предметов, а также колючих и едких растений, обладавших теми же магическими свойствами (Левкиевская, 2002. С. 73–79). В целом это наблюдение согласуется и с новгородским набором амулетов. Отгонно-поражающие свойства приписывались, прежде всего, клыкам зверей, служившим основным орудием нападения и уничтожения противника. Именно они в подавляющем большинстве используются в качестве амулетов. Эта часть семантики, возникшая в тотемистическую эпоху, могла сохраняться и бытовать и в периоды, хронологически отдаленные от родоплеменного строя. При этом магические свойства звериного клыка как защищающего его носителя от опасности уже не были связаны с представлениями о предке-тотеме. Гораздо реже в новгородских материалах встречаются резцы и моляры хищников, а также амулеты из костей. Говоря об общем семантическом значении звериных клыков, нельзя упускать из виду и их специфические отличия от других колюще-режущих или жгучих апотропеев, использовавшихся в отгонно-поражающей магии. При определении семантики амулетов из звериных клыков в средневековье следует учитывать, что культ некоторых животных (медведя, волка, кабана и пр.) находился в системе мифологических представлений различных народов Европы и был связан с теми или иными языческими божествами. Такой амулет мог носиться как знак покровительства со стороны данного божества и быть напрямую связан с теми функциями, которыми

это божество наделялось. Кроме того, отгонно-поражающей семантики не имели амулеты из резцов, моляров и костей, и эти предметы, очевидно, носились с другой магической целью. В связи с этим особенно важным становится анализ фаунистического состава зубов и костей, из которых изготавливали амулеты.

В новгородском культурном слое встречены амулеты из зубов и костей шести видов животных.³ Это — медведь, кабан, бобр, волк, лошадь и лиса (рис. 1, 2). Внутри этих шести групп можно выделить отдельные подвиды амулетов, в зависимости от того, из каких именно частей тела этих животных их изготавливали. Так большинство медвежьих амулетов изготавливалось из клыков этого зверя (рис. 2, 1–4), в единичных экземплярах встречены амулеты из резцов, моляров (рис. 2, 5–6), а также когтей медведя (рис. 2, 7–8). Кабаны амулеты представлены преимущественно нижними клыками самцов — бивнями (рис. 2, 12–15). Редкими находками являются амулеты из клыков самок (рис. 2, 9–11) и резцов (рис. 2, 16–18) кабана. Для изготовления амулетов, связанных с волком и лисой, использовались исключительно клыки этих зверей (рис. 2, 19–22, 23–24). Бобр в составе новгородских амулетов представлен таранными костями и, в редких случаях, резцами (рис. 2, 25–30). И наконец, лошадь — амулетами из тарзальных и карпальных костей ног (рис. 2, 31–34). Более 60% от общего количества составляют кабаны и медвежьи амулеты, что согласуется с ранее произведенными наблюдениями над амулетами Троицкого раскопа (Тянина, 2009. С. 382–385). Фаунистический состав амулетов в целом демонстрирует ограниченный круг представителей фауны, зубы и кости которых использовались в этом качестве. Это указывает, во-первых, на некий осмысленный подход новгородского средневекового населения к изготовлению и ношению этой категории оберегов, во-вторых, на различия в семантическом значении амулетов, изготовленных из зубов и костей разных видов животных.

Наибольшее количество амулетов (около трети), найденных в культурном слое Новгорода, связано с медведем. Вместе с тем медвежьи амулеты имеют и наиболее широкое топографическое рас-

³ Остеологический анализ 114 амулетов был произведен научным сотрудником лаборатории археологических технологий ИИМК РАН Н. Д. Буровой в рамках гранта РФФИ № 10-06-00164а. Автор статьи выражает Н. Д. Буровой свою благодарность.

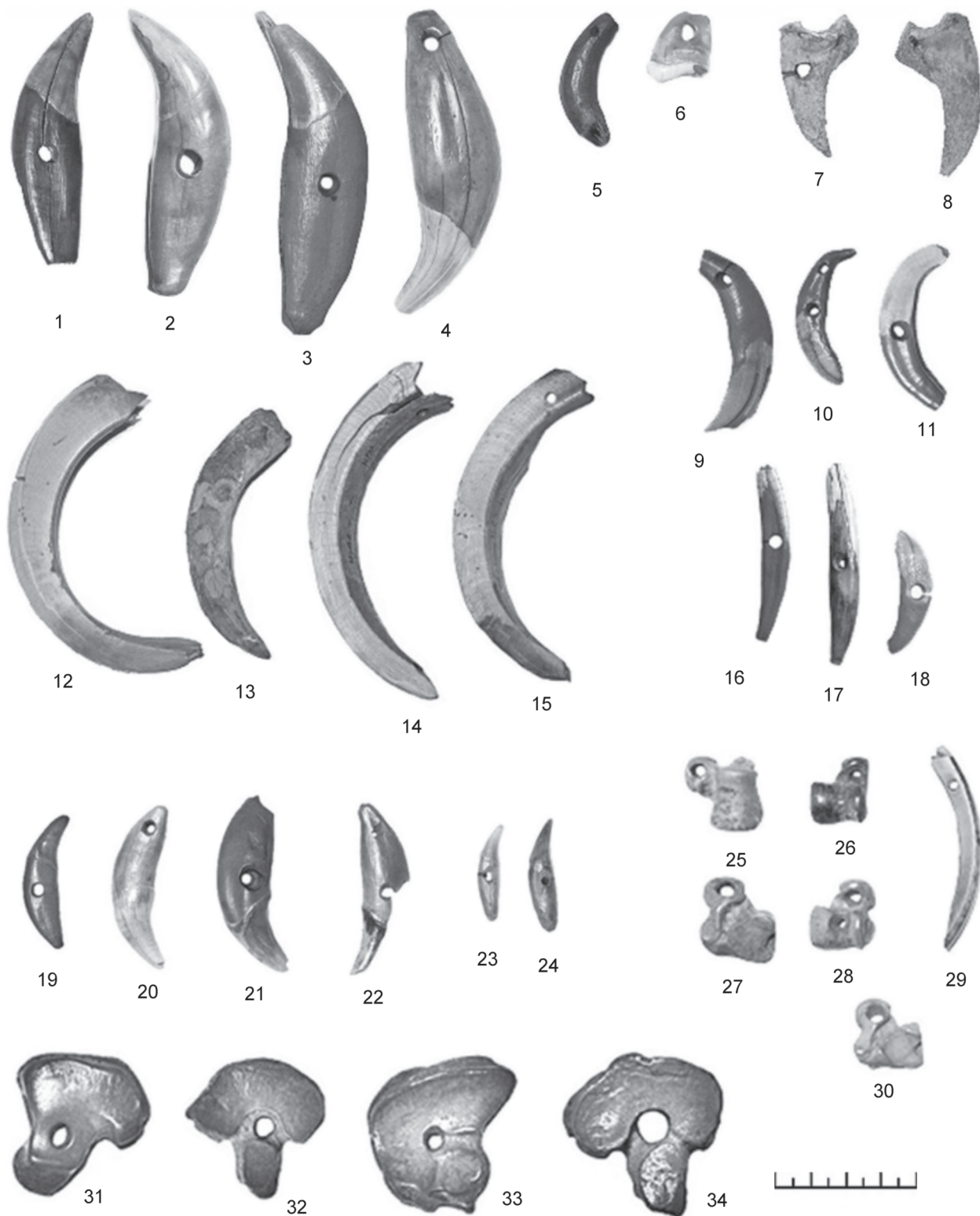

Рис. 2. Виды амулетов:

1–4 — клыки медведя; 5–6 — зубы медведя; 7–8 — когти медведя; 9–11 — клыки самок кабана; 12–15 — клыки самцов кабана; 16–18 — резцы кабана; 19–22 — клыки волка; 23–24 — клыки лисицы; 25–30 — таранные кости и резец бобра; 31–34 — кости лошади

Fig. 2. Types of amulets:

1–4 — bear fangs; 5–6 — bear teeth; 7–8 — bear claws; 9–11 — fangs of wild sows; 12–15 — fangs of wild boars; 16–18 — incisors of wild boars; 19–22 — wolf fangs; 23–24 — foxes' fangs; 25–30 — astragali and an incisor of beavers; 31–34 — horse bones

пространение: они найдены на 11 раскопах из 12. Анализ хронологии бытования медвежьих амулетов (рис. 1, 3) выявил неожиданную для предметов языческого культа картину. Они практически отсутствуют в слое второй половины X в., то есть собственно в языческий период (в этих слоях встречено всего 2 экземпляра). Пик их популярности падает на XI—первую половину XIII вв. В этот период интерес к ним выглядит довольно устойчивым, не обнаруживая спада ни в середине, ни в конце XI в., которые можно было бы связать с христианизацией. Лишь к середине XIII в. их количество начинает сокращаться в соответствии с общим хронологическим графиком амулетов из зубов и костей животных.

Почитание медведя было распространено с древнейших времен практически во всем ареале обитания этого зверя. Он наделялся антропоморфными чертами, символикой плодородия, здоровья и силы. Согласно польским, севернорусским и белорусским поверьям медведь способен устрашать нечистую силу, к медведю обращаются в заговорах от болезней, сглаза и всякой нечисти (Славянские древности, 2004. С. 211—213). В этнографических материалах медведь выступает как животное, распознающее и снимающее порчу и сглаз. С целью изгнания порчи в дом или на скотный двор могли помещать части тела медведя, при помощи «вождения медведя» утихомиривали либо изгоняли со двора «шалящего» домового или дворового духа (Гура, 1997. С. 165; Воронин, 1941. С. 169—173). В язычестве славян культ медведя был связан с Велесом (Рыбаков, 2002. С. 407—410), который считался покровителем скота и богатства. Связь медведя со «скотным богом» Велесом сохранилась в некоторых приемах скотоводческой магии, направленной как на отгон болезней и порчи, так на увеличение приплода (Воронин, 1941. С. 169; Гура, 1997. С. 165), а также в связи культа медведя с культом св. Власия, заместившего языческого Велеса в христианскую эпоху (Воронин, 1941. С. 151—155). Почитание медведя в «народном православии» сохранилось и в мотиве чистоты и божественности медведя, выступающего в качестве «лесного священника» или как орудие Божьей кары (Гура, 1997. С. 159; Славянские древности, 2004. С. 211—212).

Исходя из вышесказанного, амулет из клыка медведя мог сочетать в себе сразу несколько функций. Он играл роль отгонно-поражающего апотропея, защищающего от нечистых духов, порчи и сглаза. Одновременно амулеты из зубов медведя могли иметь и благопожелательную символику и

должны были приносить обладателю здоровье, силу, а также способствовать увеличению достатка. При этом если для амулета из медвежьего моляра или резца можно предположить преимущественно благопожелательную семантику, то клык медведя являлся «универсальным» амулетом, сочетавшим в себе как отгонно-поражающее, так и благопожелательное свойство. Вопрос об отсутствии медвежьих амулетов в новгородском слое X в. пока остается открытым и может быть решен лишь на основе сравнительного анализа новгородского материала с материалами других древнерусских городов Северо-Запада, а также новгородской округи.

Отдельно следует сказать о находках амулетов из медвежьих когтей. Этот тип амулета, широко распространенный в погребальных памятниках Восточной Европы, в Новгороде встречен лишь в 2 экземплярах. Однако это находит реальное объяснение в магическом значении этого вида амулетов. Амулет из когтя медведя составляет семантическое единство с другой известной категорией культовых предметов — глиняными «медвежьими лапами», которые известны как по финноугорским, так и по славянским погребениям IX—XI вв. Н.Н. Воронин относил глиняные лапы исключительно к погребальному культу, справедливо отмечая, что такие предметы вряд ли могли носиться при жизни (Воронин, 1941. С. 162—166). При этом, по мнению А. С. Уварова, семантика глиняных лап и когтей медведя в погребальном культе была связана с конкретными представлениями о «мировой горе», на которую душа с их помощью забиралась после смерти (Уваров, 1872. С. 700—703). Такое представление зафиксировано средневековыми письменными источниками и в язычестве балтов (ПСРЛ. 1975. Т. 32. С. 31). Согласно данным летописей Великого княжества Литовского, в погребальный костер литовца клались медвежьи и рысьи когти, чтобы с их помощью душа умершего могла взобраться на крутую гору Анапилис, где находилось жилище богов. Это предание хорошо согласуется и с частыми находками в погребениях XIII—XV вв. на территории Латвии, Литвы и Восточной Пруссии амулетов из медвежьих когтей в бронзовой оправе, которые практически неизвестны по материалам поселений этого времени (Svetikas, 2009. Р. 171—200). Все это позволяет предположить, что когти медведя в рассматриваемое время были атрибутом прежде всего погребального культа, и этим объясняется исключительность их находок на новгородских жилых усадьбах.

Амулеты из клыков и резцов кабана, составляя чуть больше четверти от всех амулетов рассматриваемой категории, имеют ограниченное распространение в топографии Новгорода, по сравнению с амулетами из зубов медведя. Из 12 раскопов кабаны амулеты найдены только на 5: Троицком, Неревском, Федоровском, Дмитровском и Ильинском, при этом 70% находок происходит с Троицкого раскопа. График хронологического распространения кабаньих амулетов также существенным образом отличается от хронологии медвежьих амулетов (рис. 1, 3). Основная их масса происходит из слоя второй половины X—первой половины XI в. Начиная со второй половины XI в. наблюдается резкое падение количества этого вида амулетов, а в XII—XIV вв. находки кабаньих амулетов единичны. Исключение составляют 4 находки второй половины XII в. с Неревского раскопа. Они происходят из одного пласта и квадрата и, возможно, составляли единый комплекс.

Семантика амулетов из клыков кабана в Новгороде не вполне ясна. Их широкое распространение в языческое время должно свидетельствовать о традиционном культе. Но в язычестве славян культура кабана не зафиксирована. В свою очередь, в поздних этнографических материалах данная тематика связана уже исключительно с домашней свиньей и имела благожелательную направленность. Свинья считалась символом плодородия и была у славян традиционным блюдом на рождественском столе (Славянские древности, 2009. С. 575). Полное отсутствие следов культа дикого кабана у славян вряд ли свидетельствует о том, что именно эта традиция была начисто забыта с введением христианства. Это наглядно демонстрирует поздний этнографический материал, связанный с другими представителями фауны, в частности, с медведем и волком.

В связи с вышесказанным в популярности амулетов из клыков кабана в ранний период, возможно, следует видеть скандинавское культурное влияние. В Скандинавии культ вепря был широко распространен и связан с почитанием одного из главных языческих божеств — бога плодородия Фрейра. Пик бытования амулетов из кабаньих клыков и резцов хронологически совпадает со временем наиболее тесных контактов Новгорода со Скандинавией, в частности, присутствия варягов в составе дружин новгородских князей, фиксировавшегося в летописях до середины XI в., когда со смертью Ярослава Мудрого эти связи теряют интенсивность. Нужно отметить также то, что хронология распространения амулетов из ка-

баньих клыков и резцов в Новгороде совпадает с хронологией скандинавских языческих древностей из цветного металла на территории Руси, выявленной в исследовании Г. Л. Новиковой (Новикова, 1992. С. 18–20). Популярность этого амулета у новгородцев могла быть связана с общими представлениями об отгонно-поражающих свойствах кабаньего клыка, которые наложились на семантику образа домашней свиньи как символа плодородия и достатка. Со снижением интенсивности контактов, совпавшим с процессом христианизации, этот тип оберега быстро утрачивает свое значение и в дальнейшем его используют крайне редко. Во всяком случае, резкое падение количества амулетов из клыков кабана в середине XI в. нельзя объяснить одним лишь усилением влияния христианства, коль скоро амулеты из зубов медведя продолжают пользоваться популярностью.

Амулеты из клыков волка являются редкой находкой в Новгороде, всего их найдено 18. Но, несмотря на редкость, этот тип амулета встречается практически весь рассматриваемый период, со второй половины X по вторую половину XIV вв. Топографический анализ также показывает некий разброс: просверленные волчьи клыки найдены на 4 раскопах в 4 концах средневекового города.

Образ волка в славянском фольклоре и мифологии наделен ярко выраженной хтонической символикой, он традиционно является медиатором, посредником между мирами живых и мертвых. Его образ связывают с умершими предками, колдунами и оборотнями. С одной стороны, известна разнообразная охранительная обрядность, направленная на защиту скота от волков, с другой — унесенная волком добыча считалась жертвой божеству или умершим предкам, поэтому ее запрещено было отнимать (Гура, 1997. С. 122, 143–144). В «народном православии» этот хищник оказывается в тесной взаимосвязи с образом св. Юрия, считавшегося пастырем и покровителем волков: «что у волка в пасти, то Юрий дал» (Славянские древности, 1995. С. 415). Для определения семантики амулетов из волчьих клыков важен также образ волка в вербальной отгонно-поражающей магии, где он выступает в качестве зверя, истребляющего либо отпугивающего нечистую силу: чертей, заложенных покойников, вампиров, ведьм. Это, безусловно, выдвигает на первый план отгонно-поражающую семантику волчьего амулета. Нужно также отметить, что волчьи зубы, когти и шерсть имели еще одно своеобразное магическое значение. Они нередко выступают в качестве мла-

денческих и детских апотропеев. На Руси их привешивали к колыбели «от сглаза», в белорусском Полесье вешали на шею ребенку от «босорки» — злого духа-оборотня, который ночью пугал детей до истощного крика. Волчий зуб давали грызть детям либо вешали им на шею, когда у них резались зубы (Левкиевская, 2002. С. 79; Славянские древности, 1995. С. 416–417). Какую конкретно семантику имели найденные в Новгороде амулеты из волчьих клыков, достоверно установить нельзя. Однако редкость их использования, по сравнению с амулетами из клыков медведя, в сочетании с широким хронологическим разбросом найденных предметов, указывает на некую специфику, особый случай, требовавший применения именно этого апотропея.

В отличие от вышеприведенных видов амулетов, просверленные кости лошади, находимые на новгородских усадьбах, нельзя было однозначно толковать как культовые предметы. Просверленные астрагалы домашних животных часто выступали в качестве игральных бабок и не имели отношения к язычеству. Отнести эту незначительную категорию предметов к культовым позволила находка на Троицком раскопе «комбинированного» амулета (рис. 3, 2). На кольце из свинцово-оловянистого сплава были найдены 2 предмета: клык (вероятно, медвежий) и просверленная тарзальная кость лошади. Магическое предназначение этого предмета, датируемого второй половиной XII в., не вызывает сомнений, что позволило отнести и остальные просверленные кости лошади не к игральным бабкам, а к предметам языческого культа. Таких амулетов всего 15, они найде-

ны только на Троицком, Неревском и Федоровском раскопах. Хронологический разброс находок так же широк, как и у клыков волка, они встречаются в пределах X–XIV вв. Но при этом треть амулетов происходит из слоев второй половины XIII в. При небольшом общем количестве этого типа амулетов такое наблюдение, однако, показательным тем, что оно согласуется с данными по некоторым другим категориям предметов языческого культа. Прежде всего, это касается полых шумящих коньков-амулетов, в основе семантики которых также лежит образ коня. Пик их распространения падает на вторую половину XIII–начало XIV в. (Покровская, 2006. С. 108).

О распространении культа коня в славянском язычестве хорошо известно. В мифологии конь выступает как солнечный символ, в бытовой магии — как основной оберег дома, тесно связанный с верой в домового духа (Криничная, 2004. С. 96–101). Эта семантика коня, связанная с жилищем, безусловно, имеет древние корни. В Новгороде по археологическим данным хорошо известны «строительные жертвы» — ритуальные захоронения конских черепов под нижними венцами построек (Седов, 1957. С. 20–27). Семантика изображений коня на русских избах носила благопожелательный характер, направленный на плодородие, домашнее благополучие и увеличение достатка. Личные обереги, изготовленные из костей коня, должны были иметь то же значение. Не исключено также, что в качестве амулетов использовались кости не любой лошади, а коня, приносимого в жертву при исполнении каких-либо ритуалов (например, строительной жертвы). Именно такой конь считался священным, и его части, не использовавшиеся в основном ритуале, могли приносить обладателям благополучие и удачу. Таким образом в «комбинированном» обереге XII в. сочетается кость лошади, имеющая ярко выраженный благопожелательный характер, и клык, связанный с отгонно-поражающей магией.

Амулеты из таранных костей и резцов бобра встречены лишь на Троицком и Неревском раскопах, и, за редким исключением, в слоях второй половины X–первой половины XI в. Всего их найдено 23 экземпляра, но в это число входит комплекс из 9 таранных костей бобра (рис. 3, 1), найденный на усадьбе II Троицкого раскопа в слое второй половины X в. Такие «ожерелья» из бобровых астрагалов встречались в финно-угорских женских погребениях (Голубева, 1997. С. 157). В научной литературе господствует гипотеза о финно-угорской принадлежности этого типа амулетов, а

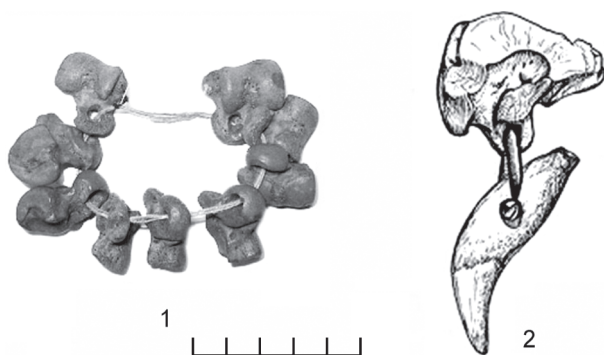

Рис. 3. Наборы амулетов с Троицкого раскопа: 1 — набор амулетов из таранных костей бобра (9 экз.); 2 — клык и кость лошади на кольце из свинцово-оловянистого сплава

Fig. 3. Assemblages of amulets from Troitsky Excavation: 1 — assemblage of amulets from astragali of beaver (9 specimens); 2 — horse fang and bone on a ring from lead-tin alloy

также о связи их с людьми, занимавшимися бобровым промыслом (*Матехина*, 2008, С. 193; *Голубева*, 1997, С. 157). Последнее находит подтверждение в новгородских материалах. Согласно результатам остеологических исследований, находки костей бобра в новгородском культурном слое приходятся на вторую половину X—первую половину XI в. (*Матехина*, 2008, С. 194), что совпадает с датировкой этого типа апотропеев. Поэтому наиболее вероятно, что основная часть бобровых амулетов в Новгороде была связана именно с промысловиками-бобровниками, а найденный на Троицком раскопе комплекс по аналогии с погребениями следует относить к финно-угорским древностям. В славянской этнографии образ бобра представлен слабо. Он, как и некоторые другие пушные звери, имел эротическую и брачную символику, вместе с тем в образе бобра, связанного с водной стихией, проступают хтонические черты и связь с водяным (*Славянские древности*, 1995, С. 199—200).

Наиболее редким типом среди оберегов в Новгороде являются амулеты из клыков лисицы. Их найдено всего 3 экземпляра. Редкость этого типа амулетов вполне соответствует весьма слабому отражению образа лисицы в мифологических поверьях и обрядах славян. Это животное известно лишь в позднем фольклоре, где оно выступает как женский брачный символ или как олицетворение хитрости (*Славянские древности*, 2004, С. 115). Одновременно лиса является традиционным объектом отгонно-поражающей магии, направленной на защиту домашней птицы (*Левкиевская*, 2002, С. 80—93). Подтверждением существования подобных магических ритуалов в языческое время в Новгороде служит находка на Троицком раскопе жертвенной ямы, содержащей ритуальное захоронение черепа лисицы (*Тянина*, 2010, С. 151—158). В лечебной магии части тела лисы (череп, язык, хвост) использовались для лечения некоторых заболеваний (*Славянские древности*, 2004, С. 117). Возможно, амулет из клыка этого животного имел ту же апотропеическую символику либо был связан с промыслом этого зверя. В любом случае, этот тип амулета не пользовался популярностью у средневекового населения Новгорода.

Таким образом, на основе анализа материалов можно установить, что амулеты из зубов и костей животных являлись одной из распространенных категорий языческих культовых предметов в средневековом Новгороде, являющихся личными апотропеями. Они бытуют на всем протяжении исследуемого периода, однако пик их распространения падает на период до середины XI в., что

согласуется с общей тенденцией распространения в Новгороде предметов языческого культа. Среди амулетов из зубов и костей животных встречаются предметы, связанные как с отгонно-поражающей, так и с благопожелательной магией. Некоторые амулеты сочетали и ту и другую функции, кроме того, новгородцы могли носить наборы амулетов с разным магическим предназначением. Ограниченный круг представителей фауны, из зубов и костей которых изготавливались амулеты, указывает на то, что средневековые новгородцы не утратили представлений о семантике этих предметов. На это указывает и факт, что основные виды животных, кости или зубы которых использовались в качестве амулетов, известны по данным фольклора, народной медицины и мифологии славян либо соседних народов. Поздние этнографические материалы свидетельствуют, что культ некоторых животных, прежде связанный с тем или иным языческим божеством, оказался тесно переплетен с культом христианских святых, заместивших этих богов. И есть основания предполагать формирование этой синкретической связи уже в средневековую эпоху, чем отчасти объясняется использование амулетов из зубов и костей в христианское время. Зубы и кости различных животных, безусловно, имели отличия как в семантическом значении, так и в магическом применении. Об этом свидетельствуют различия как в количестве, так и в хронологии и топографии разных видов амулетов. Наибольшей популярностью в ранний период (вторая половина X—первая половина XI в.) пользовались амулеты из клыков кабана, в более позднее время (первая половина XI—середина XIII вв.) — из клыков медведя — животных, не только обладающих значительной силой и ловкостью, но и наиболее почитаемых у разных народов Северной Европы и связанных с культами языческих богов.

Воронин, 1941 — *Воронин Н. Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // *Этногенез восточных славян*: М.; Л., 1941. Т. 1 (МИА. № 6).

Голубева, 1997 — *Голубева Л. А.* Амулеты // *Археология СССР. Древняя Русь. Быт и культура*. М., 1997.

Гура, 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции М., 1997.

Криничная, 2004 — *Криничная Н. А.* Русская мифология: мир образов фольклора. М., 2004.

Левкиевская, 2002 — *Левкиевская Е. Е.* Славянский оберег. Семантика и структура. М., 2002.

Матехина, 2008 — *Матехина Т. В.* Археологические находки из необычной кожи // *Новгород и Новгородская Зем-*

- ля. История и археология. Великий Новгород., 2008. Вып. 22.
- Новикова, 1992 — Новикова Г. Л. Скандинавские языческие культы на территории Древней Руси (культовые предметы: типология и хронология): Автореф. дис. ... канд. ист. наук, М., 1992.
- Покровская, 2006 — Покровская Л. В. Привески-амулеты средневекового Новгорода // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб., 2006.
- ПСРЛ, 1975. Т. 32 — ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). М., 1975. Т. 32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца.
- Рыбаков, 2002 — Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 2002.
- Седов, 1957 — Седов В. В. К вопросу о жертвоприношениях в Древнем Новгороде // КСИА. М., 1957. № 58.
- Славянские древности, 1995, 2004, 2009. — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1; М., 2004. Т. 3; М., 2009. Т. 4.
- Тянина, 2009 — Тянина Е. А. Амулеты из зубов животных Троицкого раскопа Людина конца средневекового Новгорода (хронология и топография) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2009. Вып. 23.
- Тянина, 2010 — Тянина Е. А. Жертвенная яма X в. на Троицком раскопе (раскопки 2009 г.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2010. Вып. 24.
- Уваров, 1872 — Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.
- Svetikas, 2009 — Svetikas E. XIV a. pabaigoje — XV a. amuleta iš ap-laustyto lokio nago lietuovs didžioje kunigaikštysteje ir kaimyniniuose kraštuose // Lietuvos archeologija. Vilnius, 2009. T. 34.

Amulets Made from Animal Teeth and Bones in Mediaeval Novgorod

E. A. Tyanina

Talismans made from teeth or claws of animals are one of the most ancient types of personal amulets. Their appearance is commonly linked with totemism. However, the use of that category of amulets long outlived the primeval social order and the forms of its Weltanschauung. This fact is suggested by numerous finds from the cultural levels of mediaeval sites. Amulets of the type in question are found among the Novgorod archaeological materials from all districts of the mediaeval city. Their greatest numbers have been reported from the Lyudin End (Troitsky Excavation). They are dated to all chronological phases from the second half of the 10th to the second half of the 15th century. However, the chronological curve of their distribution tends to decrease from the earliest layers to the later ones as is characteristic for the majority of other objects linked with the heathen cult. Practically all of the amulets have suspension holes for wearing, suggesting their belonging to personal apotropaioi. In the Novgorod cultural layer, amulets made from teeth and bones of only six animal species are found. These are wild boar, bear, beaver, wolf, horse and fox. The predominant numbers of the amulets were made from fangs, the incisors being more uncommon, while molars or claws are rare specimens. Beaver and horse are represented exclusively by amulets made from foot bones. Among the most popular were amulets made from fangs of boar and bear, their quantity amounting to about two thirds of all the amulets unearthed. The species of fauna from teeth and bones of which the amulets were made suggest that the mediaeval Novgorodians even in the Christian times, as like as in the pagan period, had not forgotten the semantics of these objects. All

animal species mentioned are well represented in the folklore, popular medicine and ethnography of the East Slavs. Moreover, the cult of some animals (bear, wolf, horse) was within the system of mythological notions of the Slavs and was linked with some or other pagan deities. The semantics of the amulets may have been influenced by the pre-Christian mythology of neighbouring peoples. Indeed, the peak of distribution of amulets made from wild boar fangs coincides with the period of the most intensive contacts of Novgorod with the Scandinavians among whom the cult of this animal was very widespread. The bones and teeth of different animals may have differed both in semantic terms and in their magic application. The fangs of animals must be attributed to the category of talismans of repelling-striking magic. Moreover, fangs of boars and bears may have had also an additional beneficial function since these animals in the heathen notions were linked with richness and fertility. Exclusively good-wishing function belonged to amulets made from bones of horse and beaver.

The composition, distribution and semantics of amulets made from teeth and bones of animals in mediaeval Novgorod suggest that these objects were no remnants of totemism, the notions of which having been already lost. Seemingly we are dealing with a reinterpretation of an ancient tradition that had been an indispensable part of the heathen mediaeval culture. The use of this category of amulets continued also to the Christian times and their final disappearance from the urban culture of Novgorod took place only in the late Middle Ages.

Реконструкция процесса ткачества на горизонтальном станке в средневековом Новгороде (по материалам Новгородской археологической экспедиции)

М. М. Савенкова¹

В данной статье предпринята попытка на основе анализа археологических текстильных фрагментов сделать некоторые выводы о характере горизонтального ткацкого станка в средневековом Новгороде. Среди археологических находок выявлены детали станков: нитченки, собачки, подножки, коромысла, части берда, траверсы, юрки, челноки. Были созданы реконструкции нескольких типов приспособлений для ткачества: поясное устройство, станок с двумя подножками, много-ремизочный станок. На основе конструкции горизонтальных станков делается вывод о возможном наличии в Новгороде мануфактурного текстильного производства.

Свидетельством уровня развития средневекового текстильного производства являются археологические находки фрагментов тканей и деталей станков. Последний раз широкое исследование текстиля средневекового Новгорода проводилось в 1963 г. А. Нахликом (*Нахлик*, 1963). Атрибуцией деталей горизонтального станка в археологическом материале и его реконструкцией занимался Б. А. Колчин (*Колчин*, 1968). Новые археологические материалы, накопленные за прошедшие несколько десятилетий после издания этих исследований, позволяют рассмотреть проблему использования различных видов текстильных приспособлений в Новгороде под другим углом зрения.

Важнейшие детали горизонтального станка, которые делают определяемым его наличие в археологическом материале, — это части ремизочного механизма, служащие для разделения нитей основы на верхние и нижние. Для осуществления процесса ткачества необходимо одну часть нитей основы поднять, а другую опустить. Инструментом, выполняющим эту функцию, являются ре-

мизки, состоящие из двух палочек одинаковой длины (нитченки) и нитяных петелек (галев), навязанных между ними. К ремизкам прикрепляются подножки. Для приведения ремизок в движение используются различные устройства: блоки, собачки, коромысла.

На основе анализа новгородских археологических текстильных находок были выделены три типа горизонтальных станков: с двумя, тремя и четырьмя ремизками. Большое количество новгородских тканей изготовлено в технике полотняного и саржевого переплетений.

Ткани полотняного переплетения традиционно вырабатываются на станке с двумя подножками, плотной структуры — на четырех, шести, восьми ремизках. Ткани саржевого переплетения имеют смещение на одну нить в сторону для каждой нити основы. Это дает диагональные полосы в структуре ткани. Нити основы и утка перекрывают более чем одну нить в зависимости от структуры переплетения. Минимальное число ремизок для получения саржевого переплетения — три. Саржевые переплетения обозначают дробью 2/1, 2/2. Первое число обозначает число основных, а знаменатель — число уточных перекрытий в раппорте переплетения. Новгородские саржевые ткани вырабатывались на трех и четырех ремизках.

Перед тем как приступить к восстановлению внешнего вида ткацкого станка, требуется выяснить, как он действует, для чего служит каждый элемент станка, выявить возможные его конструктивные варианты. Анализ необходимо провести с учетом компоновки комплектующих узлов, технической эксплуатации и эргономических требований.

Анализ археологических находок. Для осуществления реконструкции ткацкого станка необходимо выявить находки в археологическом материале, имеющие отношение к ткацкому производству. Чаще всего встречаются движущиеся части

¹ Россия, 394043, Воронеж, ул. Ленина, 86. Воронежский государственный педагогический университет.

станков, наиболее подверженные поломке в процессе работы. Часть деталей и приспособлений: челноки, нитченки, собачки, юрки, подножки — были выявлены и описаны Б. А. Колчиным (*Колчин*, 1968. С. 68–82).

Подножки. В археологическом материале обнаружены детали различной сохранности, которые можно идентифицировать как подножки горизонтального ткацкого станка (рис. 1, 1–4). В основе разнообразия форм данных изделий лежит единый конструктивный принцип. Технологическое назначение подножки в станке — приведение в действие ремизочного механизма. Путем нажатия на подножку производится смена зева в процессе тканеобразования. По свидетельству Б. А. Колчина, несколько раз подножки были обнаружены по две вместе (Там же. С. 69). Подножки представляют собой деревянные дощечки, длина которых колеблется в двух диапазонах размеров: 30–40 см, 54–60 см. Различная величина подножек косвенно указывает на количество ремизок, которые к ним подвязывались. Для удобства работы на станке с большим количеством ремизок подножки должны быть длиннее. Чем больше ремизок использовалось в станке, тем большее количество подножек необходимо было подвязать. Короткие подножки чаще всего имеют ширину 12–14 см, длинные — 10 см. Можно сделать вывод, что короткие подножки использовались на двухремизочных станках, длинные — на трех-четырёхремизочных. Для создания удобства при работе совокупная ширина подножек должна соответствовать ширине рабочего места.

Подножка имеет два узла крепления. Чаще всего поломки обнаруживаются в узлах крепления к станку и к ремизкам. Форма узла крепления к ткацкому станку в виде отверстия указывает на то, что подножка соединялась петлей с нижней переключной станины. Узел крепления к ремизкам имеет вид фигурных врезок в тело подножки. Через врезки перекидывалась петля, которая затем подвязывалась к нижней части ремизки.

Подножка, обнаруженная на Троицком раскопе в слое XIV–XV вв., имеет два отверстия, через которые и осуществлялось крепление при помощи веревочных петель (рис. 1, 2; табл. 1, 23). Этот тип подвески соответствует конструкции этнографических станков. Две находки XII и XIII вв. имеют и отверстие, и фигурный вырез в узле крепления к ремизкам (рис. 1, 1, 4; табл. 1, 38, 22). Применение нового узла крепления при сохранении старой формы характерно для многих новгородских изделий.

Собачки — палочки, применявшиеся при соединении двух ремизок друг с другом. В этнографическом материале описывается способ соединения между собой нитченок при помощи гусиных, собачьих, горностаевых косточек (*Левашева*, 1959а. С. 59). Приспособление «даров природы» для создания орудий производства соответствует наиболее раннему периоду конструирования — интуитивно-изобретательскому. Палочки с тремя кольцевыми канавками для фиксации нитей в центре и по краям представляют собой технически усовершенствованные приспособления. В дальнейшем эти части станка сохранили название «собачки», «волчки», «горностаечки».

Размеры собачек колеблются в пределах 10–18 см в длину и 2–5 см в диаметре (рис. 1, 15, 17; 2, 10, 11). За центральное углубление собачка подвешивалась или к потолку, или к верхней части станины. Несколько раз обнаружены собачки с привязанными веревками и ремнями (*Колчин*, 1968. С. 70).

Коромысла. А. Нахлик отмечает два типа приспособлений для образования зева, использовавшихся в средневековье, — блочки и коромысла (*Нахлик*, 1963. С. 281). Блочки встречаются в археологическом материале Новгорода, но в небольшом количестве. Судя по заполированности поверхности их осевого канала и присутствию смазки, скорее всего, они применялись для строительных и корабельных работ (*Колчин*, 1959. С. 78). Коромысло — архаичное приспособление, во многих

Рис. 1. Детали горизонтального ткацкого станка:

1–4 — подножки; 5, 6 — тормозные устройства вала; 7–9, 12–14, 16, 18–19, 21, 23 — коромысла; 10 — деталь берда; 11 — крюк; 13–15, 17 — собачки; 20, 22 — батан; 24, 25 — поднебник; 26 — вал; 27–30 — заготовки зубьев берда.

1–6, 10–11, 13–30 — Новгород; 7–9 — финские; 12 — Белоозеро

Fig. 1. Parts of horizontal loom:

1–4 — treadles; 5, 6 — brakes of the shaft; 7–9, 12–14, 16, 18–19, 21, 23 — rocker arms; 10 — detail of the reed; 11 — hook; 13, 15, 17 — ratchets; 20, 22 — batten; 24, 25 — 'podnebnik' (bars with holes for holding the gear); 26 — shaft; 27–30 — blanks for reed cogs.

1–6, 10–11, 13–30 — Novgorod; 7–9 — Finnish; 12 — Beloozero

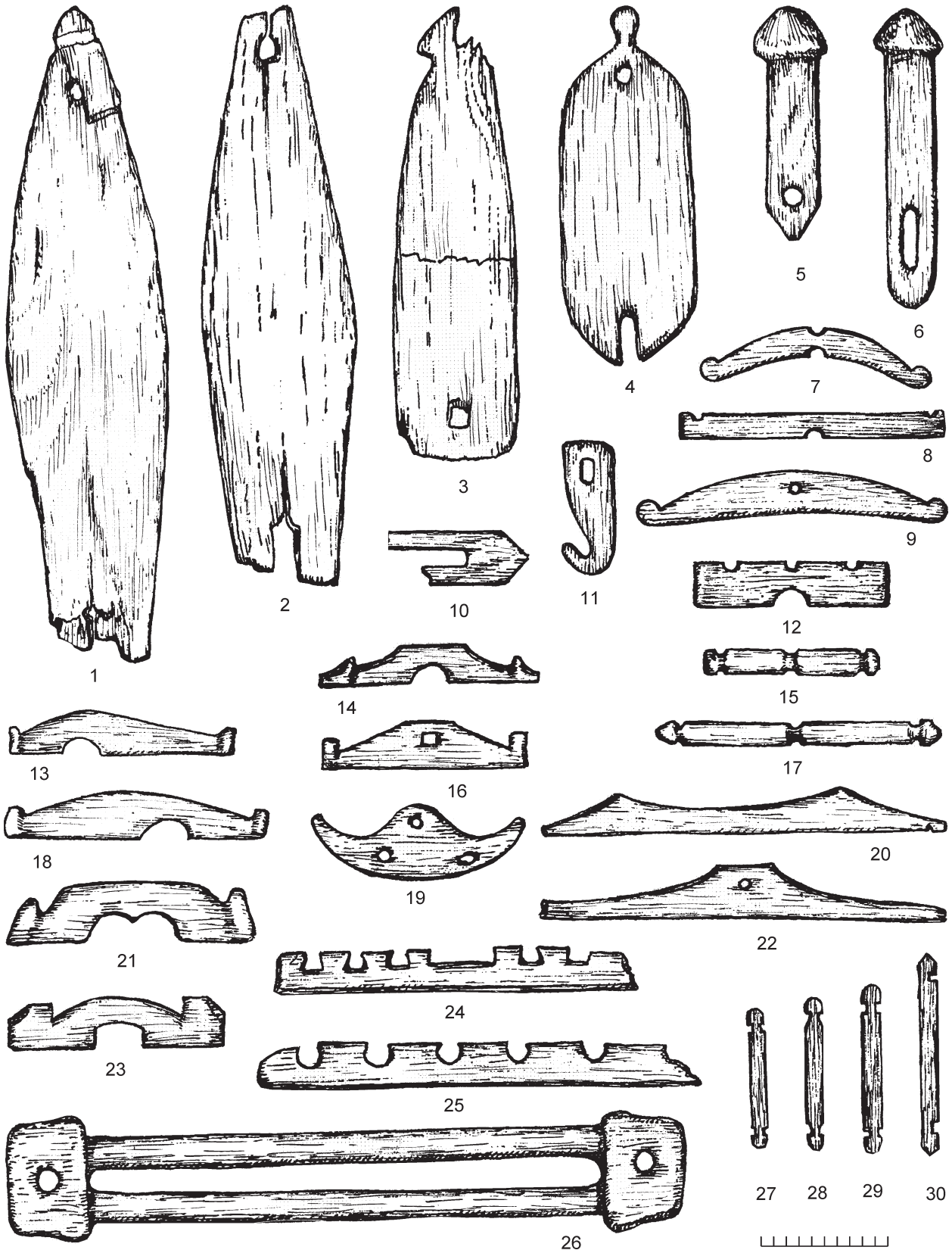

Таблица 1. Детали горизонтального ткацкого станка

Table 1. Parts of horizontal loom

№ п/п	Название	Год	Раскоп	Пласт	Квад-рат	Ярус	Дата
1	тормозное устройство вала	1955	Неревский		903	29	X
2	коромысло	1955	Неревский		1204	9	XIV
3	заготовка зубьев берда	1959	Тихвинский	15	68		XII
4	собачка	1971–1973	Троицкий II	11	1245		XIII
5	крюк	1971–1973	Троицкий II	9	1245		XIV
6	траверс	1976	Троицкий IV	11	208		XIII
7	траверс	1976	Троицкий IV	11	222		XIII
8	собачка	1979	Нутный	9	20		XV
9	собачка	1980	Нутный	17	59		XIV
10	коромысло	1981	Троицкий VI	9	476		XIV
11	коромысло	1982	Троицкий VI	20	419		XI
12	коромысло	1983	Троицкий VI	23	413		X–XI
13	коромысло	1983	Троицкий VII	3	494		XIII
14	заготовка зубьев берда	1987	Троицкий VIII	10	778		XII
15	заготовка зубьев берда	1987	Троицкий IX	+4	925		XIV
16	собачка	1989	Троицкий IX	1	810		XIV
17	заготовка зубьев берда	1989	Троицкий IX	2	869		XIV
18	заготовка зубьев берда	1990	Троицкий IX	3	946		XIV
19	коромысло	1991	Троицкий X	7	1190		XII
20	деталь поясного приспособления	1992	Федоровский	22	25		XII
21	заготовка зубьев берда	1992	Троицкий X	10	1203		XII–XIII
22	подножка	1993	Троицкий IX-B	13	892		XI
23	подножка	1996	Троицкий XI-A	+2	1269		XIV–XV
24	деталь берда	1998	Троицкий XI	20	1237		XI
25	батан	1998	Троицкий XII	10	1488		XII
26	поднебник	1999	Троицкий XII	16	1452		XI
27	поднебник	1999	Троицкий XII	17	1546		XI
28	заготовка зубьев берда	1999	Троицкий XII	17	1366		XI
29	вал	1999	Троицкий XII	18	1504		XI
30	тормозное устройство вала	2000	Троицкий XII	20	1440		X–XI
31	коромысло	2000	Троицкий XII	20	24		XI
32	коромысло	2000	Троицкий XII	20	1431		XI
33	батан	2000	Троицкий XII	22	1156		X
34	коромысло	2002	Никитинский	20	159		XV
35	коромысло	2003	Никитинский	22	165		XV
36	траверс	2003	Никитинский	24	54		XV
37	траверс	2003	Никитинский	25	15		XIV
38	подножка	2003	Троицкий XIV	7	1766		XIII

местах оно было вытеснено более совершенными устройствами — блочками.

Принцип работы ткацкого коромысла такой же, как у коромысла для переноски тяжестей и коромысла весов. Оно подвешивалось за середину к потолку или верхней части станка, а к концам симметрично крепились ремизки. Подвешивание ремизок на коромыслах характерно для финского народного ткачества (рис. 1, 7–9) (Hallgren, 1977). Способ подвески ремизок на коромыслах был достаточно распространен в средневековье. В. П. Левашева упоминает небольшие предметы

в виде коромысел как частые находки на городищах X–XIII вв. (Левашева, 1959б. С. 76). На Белом озере среди деталей ткацкого станка в слоях XIII в. было найдено коромысло (рис. 1, 12) (Голубева, 1973. С. 94).

Часть находок из Новгорода может быть атрибутирована как коромысла для ткацкого станка. Это изделия длиной от 10 до 20 см, шириной 2–4 см, имеющие углубления или отверстия, расположенные по центру, для подвески. Выемки на концах предназначены для крепления веревок, соединявших их с ремизками (рис. 1, 13–14, 16,

Рис. 2. Детали горизонтального ткацкого станка, Новгород:

1–5 — заготовки зубьев берда; 6–9 — траверсы; 10, 11 — собачки; 12–17 — коромысла; 18 — тормозное устройство вала; 19 — деталь поясного ткацкого приспособления

Fig. 2. Parts of horizontal loom, Novgorod:

1–5 — blanks for reed cogs; 6–9 — crossbars; 10, 11 — ratchets; 12–17 — rocker arms; 18 — shaft brake; 19 — part of a belt weaving device

18–19, 21, 23; 2, 12–17). Подобные коромысла использует в реконструкции новгородского станка Б. А. Колчин (*Колчин*, 1968. С. 72).

К коромыслу могли подвешиваться ремизки на простом двухремизочном станке. На основе анализа фрагментов саржевых и двухосновных тканей новгородских тканей можно сделать вывод об использовании в древнем Новгороде более сложной системы подвески. В Новгороде коромысла для ткацких станков встречаются в слоях с X до XV вв. В слоях X–XI вв. обнаружены коромысла с разной длиной плечиков. Эти изделия имеют плоскую форму, почти без изгиба в верхней части. Часто центральная выемка в них смещена к одному краю (рис. 1, 13, 18; 2, 16; табл. 1, 30, 12). Обоснованием конструкции такого приспособления является наличие на станке не двух, а трех ремизок.

По данным этнографических источников, в начале XX в. в Псковской области ткали на трех подножках, подвешенных к коромыслу следующим образом: к одному концу — одна ремизка и подножка, к другому концу — две ремизки и вторая подножка. При ткачестве опускались то одна ремизка, то две ремизки. Такая подвязка подножек применялась для выработки тканей с высокой плотностью по основе, для того чтобы уменьшить количество нитяных петелек-галев на одной ремизке. Разной длиной плеча коромысла достигалось равновесие всей конструкции (*Лебедева*, 1956. С. 523). Способ подвески аналогичный этнографическому мог применяться в средневековом Новгороде при выработке тканей полотняного переплетения большой плотности и переплетения саржа 2/1.

Количество подвешиваемых ремизок к коромыслам по материалам этнографии может варьироваться от трех до восьми. Наиболее примитивный способ подвески, когда коромысла располагаются параллельно основе. В этом случае к ним крепилось две или три ремизки. Когда одна ремизка при нажатии на подножку опускалась, то опускались и привязанные к ней концы коромысел, а противоположные поднимались, увлекая за собой привязанную вторую ремизку.

Второй способ более сложный, в этом случае коромысла располагаются параллельно утку в ткани. Возможна подвеска нескольких ремизок к коромыслам посредством собачек или блоков. Отполированность боковых узлов креплений в некоторых коромыслах указывает на то, что нити, соединяющие их с ремизками, скользили в боковых выемках. Это могло быть только в случае под-

вески вторым способом и прикрепления к каждому концу коромысла не по одной, а по две ремизки. При изготовлении тканей саржа 2/2, двухосновных тканей, 1-го и 2-го сортов полотняного переплетения для увеличения плотности ткани использовались четыре ремизки, которые подвешивались на двух коромыслах. Каждая пара крепилась к отдельной подножке.

В коромыслах XIII–XIV вв. появляются отверстия для крепления веревок, хотя они и сохраняют традиционную форму (рис. 1, 16, 19; 2, 12, 17; табл. 1, 10, 35, 2). Через центральное отверстие могло также осуществляться крепление коромысла со станком путем нанизывания его на стержень. В современном текстильном производстве на фабриках ручного ткачества применяются два ряда коромысел, расположенных параллельно утку, нанизанных на металлические оси. Наличие центрального отверстия указывает на появление полной станины у станка и подвешивание коромысел к его верхней части.

Бердо — важная деталь станка, необходимая для равномерного распределения нитей основы в ткани, которая указывает на его развитую конструкцию. При заправке станка бердо используется также для равномерного распределения нитей основы по навойному валу. Этнографические берда состоят из зубьев-тростей, соединенных сверху и снизу планками. Зубья этнографических берд изготавливались из тростинок-палочек длиной 13–14 см, шириной 0,8 см. Тростинки вставлялись в пазы двух планок шириной 2 см, толщиной 0,5 см, затем закреплялись веревкой репсовыми узлами. Таким образом, расстояние между зубьями равнялось толщине веревки. Для увеличения расстояния между зубьями веревка обвязывалась несколько раз. Бердо вкладывалось в батан или набилки — деревянную раму, служащую для придания берду веса, необходимого для прибивания нитей утка. Иногда для того, чтобы уток в ткани ложился ровнее, применялся гребень. Первые горизонтальные станки не имели берд, прибивание утка осуществлялось при помощи гребня или колотушки. Прибивание гребенкой как пережиточный архаизм отмечала Н. И. Лебедева (*Лебедева*, 1956. С. 500). Гребень был найден на Райковецком городище рядом с фрагментами горизонтального станка (*Гончаров*, 1950. С. 124).

В последние годы было сделано несколько археологических находок, имеющих большое значение для реконструкции средневекового горизонтального ткацкого станка. Фрагменты ткацких станков, датированные позже 1239 г., были обна-

ружены на территории Черниговского детинца (Крупа, 2008), в Твери в слое XIV в. (Момбекова, Кобозева, 2000). Ценность тверских и черниговских находок заключается в сохранившихся фрагментах берд от горизонтального станка.

Средневековое бердо было тяжелее этнографического и состояло не из тростниковых зубьев, а из деревянных. Бердо из Чернигова состоит из двух параллельных планок и закрепленных между ними зубьев. К круглым в сечении планкам с помощью навива веревкой по верхнему краю крепились зубья берда. В берде из Твери каждая планка собрана из двух полукруглых палочек диаметром 0,3–0,4 см, сложенных плоскими сторонами, и пропущенных между ними зубьев. Ширина зубьев 0,5 см, толщина 0,05 см, выпущенные концы имели подтреугольную форму. Каждый зуб обвязывался отдельно веревкой и закреплялся репсовыми узлами.

В. П. Левашева отмечала, что в догородских слоях Старой Ладogi VII–VIII вв.² встречаются детали горизонтального станка, в том числе зубья берда (Левашева, 1959б. С. 77). О. И. Давидан приводит размеры этих находок, оставляя вопрос об их атрибутировании как зубьев берда открытым. В Старой Ладогe найден комплект изделий одинаковой длины, состоящий из 18 целых и 10 обломков одинаковых палочек с вырезанными круглыми головками на конце. Длина палочек 17 и 27 см, ширина 0,3–1,2 см, толщина 0,3–0,4 см (Давидан, 1981. С. 112).

Часть находок из Новгорода по форме и параметрам размеров можно соотнести со староладожскими изделиями (рис. 1, 27–30; 2, 1, 5). Изделие из слоя XI в. имеет длину 17,5 см, ширину 1,2 см, толщину 1 см (рис. 2, 4; табл. 1, 28). Поделка XIV в. — в длину 12 см, в ширину 1,1 см (рис. 2, 1; табл. 1, 15). Изделие XII в. с обломанной головкой первоначально имело длину 13,3 см, ширину — 1,2 см, толщину — 0,8 см (рис. 2, 2; табл. 1, 3).

Размеры староладожских и новгородских находок соответствуют зубьям берд, обнаруженных в Чернигове и Твери, за исключением толщины, которая в несколько раз больше. Вероятно, изделия, обнаруженные в Старой Ладогe и Новгороде, являются заготовками зубьев берда. Для изготовления большого количества одинаковых изделий использовался метод шаблона. Во всех новгородских находках текстура древесины проходит па-

раллельно толщине изделий, что является необходимым условием для расщепления заготовок на тонкие пластинки-зубья.

Выделяются своими размерами палочки из Старой Ладogi, имеющие длину 27 см. Из этнографических материалов известно, что для производства поневных двухосновных тканей применялись широкие берда — «понешницы» (Куфтин, 1926. С. 58). При сложном тканье двухосновных понев на четырех подножках в две ремизки заправлялись холщовые нити (изнанка ткани), в две ремизки — шерстяные нити (лицевая сторона ткани). В каждый зуб берда заправлялось по две нити, с чередованием холщовых и шерстяных. Узор получался при переборе нитей основы дощечкой — бральницей, часть шерстяных нитей опускалась на изнаночную сторону, а часть белых — холщовых — поднималась на лицевую сторону. Увеличение ширины берда было необходимо, так как при ткачестве поочередно открывались два зева и прокидывались два утка.

Было установлено, что фрагменты «ажурных» тканей из курганов Московской, Владимирской, Смоленской областей, которые являются здесь обычной находкой, первоначально представляли собой двухосновный текстиль (Левинсон-Нечаева, 1959. С. 18, 25, 37). В Новгороде «ажурные» ткани встречаются в слоях X–XIV вв. Находки из Старой Ладogi могли принадлежать широкому берду, предназначенному для изготовления двухосновных тканей.

Все новгородские палочки снабжены боковыми врезками прямоугольной формы шириной 0,7–1 см. На некоторых изделиях врезки находятся с двух сторон, как на находках из Старой Ладogi, на одном изделии с одной стороны — аналогично зубьям берда из Чернигова. От конфигурации врезок зависело различное их крепление. Величина выемок новгородских находок указывает на то, что они вставлялись в рейку с пазом шириной 1 см. Фрагмент обломка планки с пазом, которая могла быть частью берда, обнаружен в слое X в. в Новгороде (рис. 1, 10; табл. 1, 24).

Нитченки представляют собой деревянные палочки, длиной равные ширине ткацкого станка, на которые навязываются нитяные петельки-галева. В глазки галев продеваются нити основы. Пара нитченок, с навязанными на них галевами, в сумме составляют ремизку. Трудность идентификации находок заключается в том, что они большей частью имеют фрагментарную сохранность. Некоторые нитченки были найдены по две вместе (Колчин, 1968. С. 69). Различная длина ре-

² Автор ссылается на устаревшую работу. В настоящее время доказано, что самые ранние слои Старой Ладogi относятся к середине VIII в. — Ред.

мизок (от 37 см до 155 см) указывает на производство тканей различной ширины. При выяснении отношения фрагментов археологических материалов к ткацким приспособлениям необходимо учитывать, что нитчатки использовались для работы и на вертикальном станке.

Батан. Находка из Новгорода X в. — предположительно верхняя часть батана имеет отверстие в центре для осуществления подвески (рис. 1, 22; табл. 1, 33). Находка XII—XIII вв. представляет собой верхнюю часть батана (рис. 1, 20; табл. 1, 25). На фрагменте сохранилось место подвески к станку путем подвязки во врезку и вертикальные углубления — места крепления зубьев. Верхняя часть имеет два выступа для рук, с помощью которых осуществлялось движение батана при набивании нитей утка.

Товарный и навойный валы. Находка XI в. с Троицкого раскопа представляет собой изделие длиной 58 см с пазом длиной 40 см и двумя отверстиями по краям (рис. 1, 26; табл. 1, 29). Данное приспособление могло быть использовано в качестве примитивного поясного крепления. В паз вкладывалась планка, на которую надевались петли нитей основы, а через боковые отверстия осуществлялось крепление веревками к спине ткача. Длина паза равна ширине ткани в народном ремесле. Раскрой деталей русского народного костюма велся из расчета ширины ткани в 37—40 см. Это приспособление могло использоваться также в качестве товарного вала в станке горизонтального типа (рис. 3, 2, 3).

Детали X—XI вв. могли использоваться для осуществления фиксации товарного и навойного валов, необходимой для натяжения нитей основы (рис. 1, 5, 6; 2, 18). Приспособление вставлялось в прорезь вала, круглой или прямоугольной в сечении рейкой создавался необходимый упор в поверхность пола.

Станина станка. В археологическом материале конкретные фрагменты, относящиеся к станине ткацкого станка, не были определены. Две археологические находки XI в. могут являться фрагментами верхней части станины — поднебника (рис. 1, 24—25; табл. 1, 26, 27). В углубления поднебника вкладываются поперечные планки для крепления на них берда и ремизок. Видимо, в первом случае использовались планки, имеющие в сечении прямоугольную конфигурацию, во втором случае — округлую.

Челноки. В материалах раскопок присутствуют челноки двух типов. Изделия простейшей формы представляют собой отрезок дощечки, снабжен-

ной на концах треугольными врезками. Это тип челнока, применявшийся повсеместно практически у всех народов для плетения сетей, ткачества циновок, выработки поясов. Длина челноков колеблется от 10 до 8 см. Сравнительно небольшая длина и короткие врезки в тело челнока указывают на то, что, скорее всего, изделия применялись для производства сетей, так как маленькая длина нити непроизводительна при ткачестве полотна, а короткий челнок трудно прокидывать в зев.

Более развитая форма — сквозной полой челнок, сохранившийся в крестьянском быту до начала XX в. Сквозной челнок из Троицкого раскопа длиной 27 см имеет все отличительные конструктивные признаки этнографических аналогов: внешний ладьевидный силуэт формы, сквозное отверстие в середине, дополнительные конусообразные углубления для крепления шпульки и отверстие в боковой части для пропускания нити утка. Конусообразные углубления указывают на то, что основой шпульки могло служить веретено. Вся конструкция шпульки состоит из веретена и надетого на него берестяного цилиндрика-цевки, свободно вращающегося вокруг него. Свободное вращение содействует быстрому раскручиванию нити, что увеличивает скорость работы.

Юрки встречаются в большом количестве экземпляров в слоях XIII—XIV вв. Юрок представляет собой полой цилиндр, имеющий два отверстия на концах и прорези. Нити продевались в отверстия и затем выводились наружу через прорези. Юрок применялся при сучении, способствуя более тугому натягиванию нитей; тарачению — перематыванию ниток с разных клубков в один; снованию, служа для предотвращения скручивания нитей. При заправке этнографического станка перед снованием две нити основы продевались через отверстия юрка или сновальную лопатку с двумя отверстиями.

Крюки различных размеров найдены в археологическом материале в большом количестве во всех слоях Новгорода. Очень часто подвеска берда ремизок к верхней части станины или потолочной балке осуществлялась при помощи деревянных крючков (рис. 1, 11; табл. 1, 5). Это давало всему ткацкому приспособлению большую мобильность, позволяло сокращать время на подготовку станка к работе, быстро производить сборку и разборку.

Траверы — многофункциональные приспособления могли использоваться в том числе для подвязывания ремизок к подножкам в горизонтальном станке. Они представляют собой изделия цилиндрической формы высотой 3—7 см, диаметром

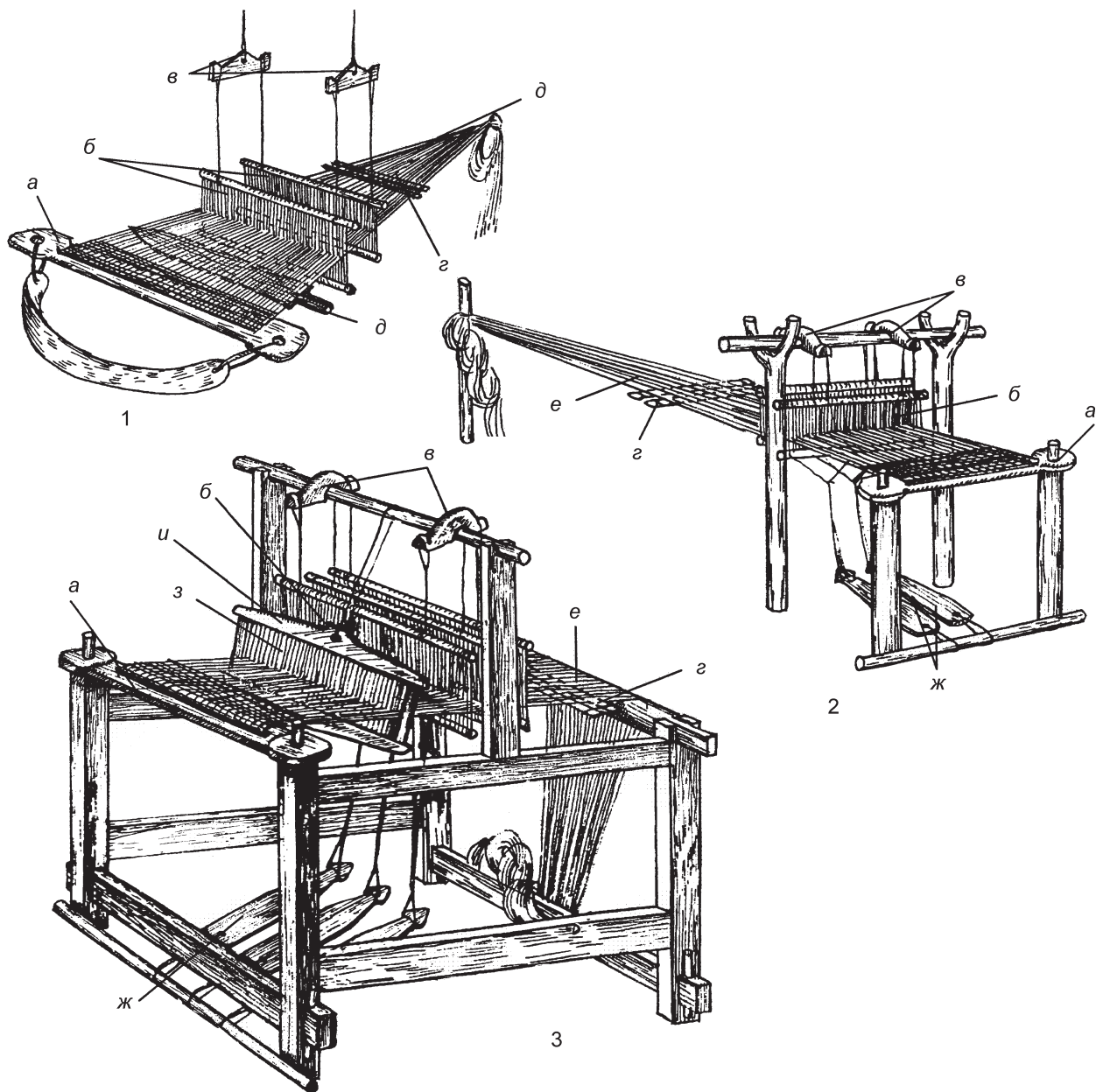

Рис. 3. Варианты текстильных приспособлений:

1 — поясное устройство; 2 — ткацкий станок с двумя подножками; 3 — ткацкий станок с тремя подножками.

Детали станка: а — товарный вал; б — ремизки; в — коромысла, г — ценовые палочки, д — нож-било; е — основа; ж — подножки, з — зубья берда, и — батан

Fig. 3. Variants of textile devices:

1 — belt device; 2 — a loom with two treadles; 3 — a loom with three treadles.

Parts of loom: а — wear beam; б — heddle frames; в — rocker arms, г — rods used to make a shed; д — blade; е — warp; ж — treadles, з — cogs of the reed, и — batten

2–4 см с одним или двумя сквозными отверстиями, расположенными под прямым углом друг к другу (рис. 2, 6–9; табл. 1, 6, 7, 36, 37). Отполированность внутренней поверхности отверстий в некоторых траверсах указывает на непрерывное скольжение в них веревок. Б. А. Колчин высказал предположение, что эти приспособления применялись в ремизочном аппарате горизонтального ткацкого станка для соединения тяг, идущих от концов нитченок к подножкам (Колчин, 1968. С. 79).

А. Нахлик предполагает, что в эпоху раннего средневековья подножки соединялись с нитченками примитивным способом — одна подножка с одной ремизкой. Для образования зева на станке с четырьмя ремизками нужно было нажимать две подножки одновременно (Нахлик, 1963. С. 282). В народных этнографических станках одна подножка соединяется с одной ремизкой и для выполнения сложного переплетения требуется одновременно нажимать на несколько подножек. Использование в конструкции станка траверсов способствовало при нажатии на одну подножку одновременному поднятию сразу двух ремизок. Траверсы найдены в большом количестве в слоях, относящихся к середине XIII–XV вв. Массовые находки траверсов могут указывать на механизацию горизонтального ткацкого станка и на возникновение ремесленного текстильного производства в этот период времени.

Реконструкция новгородских ткацких станков. На протяжении пяти веков новгородские ткацкие орудия претерпели ряд изменений. Анализ фрагментов ткацких приспособлений и образцов текстиля позволяет реконструировать внешний вид горизонтальных станков. Для реконструкций были предложены варианты решений наиболее рациональных приспособлений.

При реконструкции ткацких приспособлений были учтены особенности дизайнера ремесленных изделий, характерных для всего новгородского материала. Протодизайн орудий труда складывался на протяжении длительного периода времени. При ближайшем рассмотрении выясняется, что все предметы, созданные новгородцами, имеют некоторые общие характеристики. Одна из важнейших черт орудий труда и ремесленных изделий, имеющая значение для реконструкции, заключается в типизации приемов работы с каким-либо материалом. Стилевое единство внешней формы изделий сформировалось благодаря их конструктивно-технологической общности. Новгородцы в совершенстве знали и использовали

механические свойства дерева, которые легли в основу формы различных изделий. Эта особенность археологических находок предоставляет широкие возможности для реконструкции недостающих деталей ткацких приспособлений, используя форму и конструкцию сохранившихся фрагментов как типичную для целого ряда устройств. Для восстановления внешнего вида и устройства ткацкого станка особенное значение имеет применение традиционных стандартных соединений.

Поясное устройство. «Устаревшие» архаичные в конструктивном плане приспособления использовались в быту и производстве новгородцев наряду с усовершенствованными изделиями. Благодаря органичному соединению приспособлений различных эпох многие ткацкие инструменты сохранились до начала XX в.

Наиболее ранними по времени возникновения являются поясные устройства. Мобильные поясные приспособления использовались для изготовления как поясов, так и нешироких тканей полотняного переплетения, с применением бранной, закладной и выборных техник. Сложные узоры выбирались с помощью деревянного ножа или палочки-бральницы.

В основу конструкции поясного приспособления положена деталь с пазом, которая подвешивается к талии работницы при помощи ремня (рис. 3, 1а). В паз вставляется планка с петлями нитей основы. В качестве вала могло применяться облегченное устройство в виде реечки с двумя отверстиями по краям, неоднократно встречающееся в новгородском материале (рис. 2, 19). Бердо отсутствует, его роль выполняет деревянный нож или дощечка-бральница (рис. 3, 1д). Образование зева может производиться при помощи нитяных петель — нитченок, дощечек, ремизок. Ремизки подвешиваются к потолку жилища на собачках или коромыслах (рис. 3, 1в). Подножки отсутствуют или имеют упрощенную форму в виде веревочных петель. Основа заплетена в косу, закрепленную к кольщику. Исторически товарный вал, служащий для навивания готовой ткани, появился раньше навойного. Для древних форм станков характерно отсутствие навойного вала. На неполную станину станка указывает отсутствие в товарном валу отверстий для фиксации. Станки без заднего навоя были распространены на Украине, в Белоруссии, Воронежской и Курской губерниях, у чувашей и финнов Поволжья (Ходосов, 1930. С. 57).

Станок с неполной станиной. Средневековый станок мог иметь упрощенную мобильную конст-

рукцию с неполной станиной. Станок, в котором нити основы подавались в ремизки с косы, — наиболее архаичный вариант по материалам этнографии. В более примитивной конструкции ткацкого станка для прибавания утка могли применяться: нож-било, дощечка-бральница, гребень. Отсутствие в валу тормозного устройства указывает на отсутствие в станке навойного вала. Необходимое натяжение нитей основы задавалось путем привязывания их к кольшку или задней перекладине станка (рис. 3, 2, 3). В. П. Левашева считала, что станок восточных славян X–XI вв. был неподвижен, то есть не имел заднего навоя и рамы, ремизки и бердо подвешивались к потолку (*Левашева*, 1959б. С. 74). На основе анализа новгородских находок можно сделать вывод, что в это время станок уже имел примитивную станину, верхняя часть которой состояла из одного горизонтального бруса, приподнятого невысоко над основой. Изображение станков подобной конструкции сохранилось на средневековых миниатюрах XIII–XV вв., а также в материальной культуре белорусов (*Нахлик*, 1963. С. 281. Рис. 40; *Цейтлин*, 1940. С. 67, рис. 27; *Курилович*, 1981. С. 46. Рис. 11).

В предложенной реконструкции станка деталь с пазом использована в качестве стационарного товарного вала, укрепленного путем надевания его на кольшки (рис. 3, 2, 3). Многофункциональность приспособлений — качество, характерное для орудий крестьянского ремесла. Отсутствие узкой специализации, своеобразная модульность приспособлений облегчала некоторым образом жизнь, обеспечивала рационально-минимальный комплект орудий, экономила время на его изготовление.

Ткацкое коромысло формой повторяет приспособление для переноски тяжестей, которое размещается на плече человека. Естественно предположить его использование в аналогичном случае на станке. Первоначально коромысла для ткацкого станка не подвешивались, а, по-видимому, укладывались на горизонтальную планку, следуя тому же принципу, что и приспособление для переноски тяжестей. Вывод этот можно сделать на основе анализа формы выемок в средней части изделий, которые могут иметь как округлую конфигурацию, так и прямоугольную, не функциональную для подвешивания (рис. 1, 21, 23). Чаще всего заполированность поверхностей центральных выемок говорит о скольжении коромысла по цилиндрической поверхности. При подвеске за центральную часть заполировались бы и боковые стороны изделий, чего, однако, не наблюдается.

Бердо облегченной конструкции удерживается нитями основы аналогично чувашским и хантыйским станкам (*Ходосов*, 1930. С. 59; *Понов*, 1955. С. 122). Ценовые палочки по форме аналогичны нитченкам, используются для деления основы на верхние и нижние нити. Образование зева происходит при помощи нажатия на подножки. Появление подножек способствует освобождению рук при ткачестве, облегчает и ускоряет процесс работы. Благодаря появлению берда улучшается качество ткани. Механическое образование зева способствует повышению производительности труда. Станок позволяет выполнять те же виды переплетений, что и поясное приспособление при помощи палочки-бральницы.

Многоремизочный станок является наиболее совершенным приспособлением в техническом плане.

В ремесленном производстве для удобства работы и быстроты действий ткача ремизки горизонтального станка соединяются попарно. На современных фабриках ручного ткачества подножки и ремизки соединяются при помощи веревок и узлов. В этнографическом материале встречается способ соединения одной ремизки и подножки через траверс. Для соединения одной ремизки с подножкой достаточно одного сквозного отверстия в цилиндре. Такие приспособления встречаются в археологическом материале. Основная масса траверсов имеет два сквозных отверстия, расположенных во взаимно перпендикулярных плоскостях. Следовательно, нити, проходящие через эти отверстия, должны соединять детали станка, располагающиеся в этих же направлениях. В реконструкции предлагается способ подвески двух ремизок к одной подножке через траверс. Через верхнее отверстие траверса проходят нити, соединяющие ремизки, через нижнее отверстие, расположенное в перпендикулярном направлении, проходят нити, крепящие приспособление к подножке. Такая конструкция целесообразна на многоремизочном станке, так как каждая ремизка может соединяться через траверсы с несколькими подножками. Использование подвески через траверсы способствует увеличению скорости работы на станке, что в свою очередь повышает производительность труда.

Для изготовления ткани саржа 2/1 предлагается способ подвески трех ремизок (рис. 5, 1). Ремизки подвешены за коромысла. К длинному концу коромысла крепится одна ремизка, к короткому — две ремизки, которые в свою очередь присоединяются к концам собачек. Первая и вто-

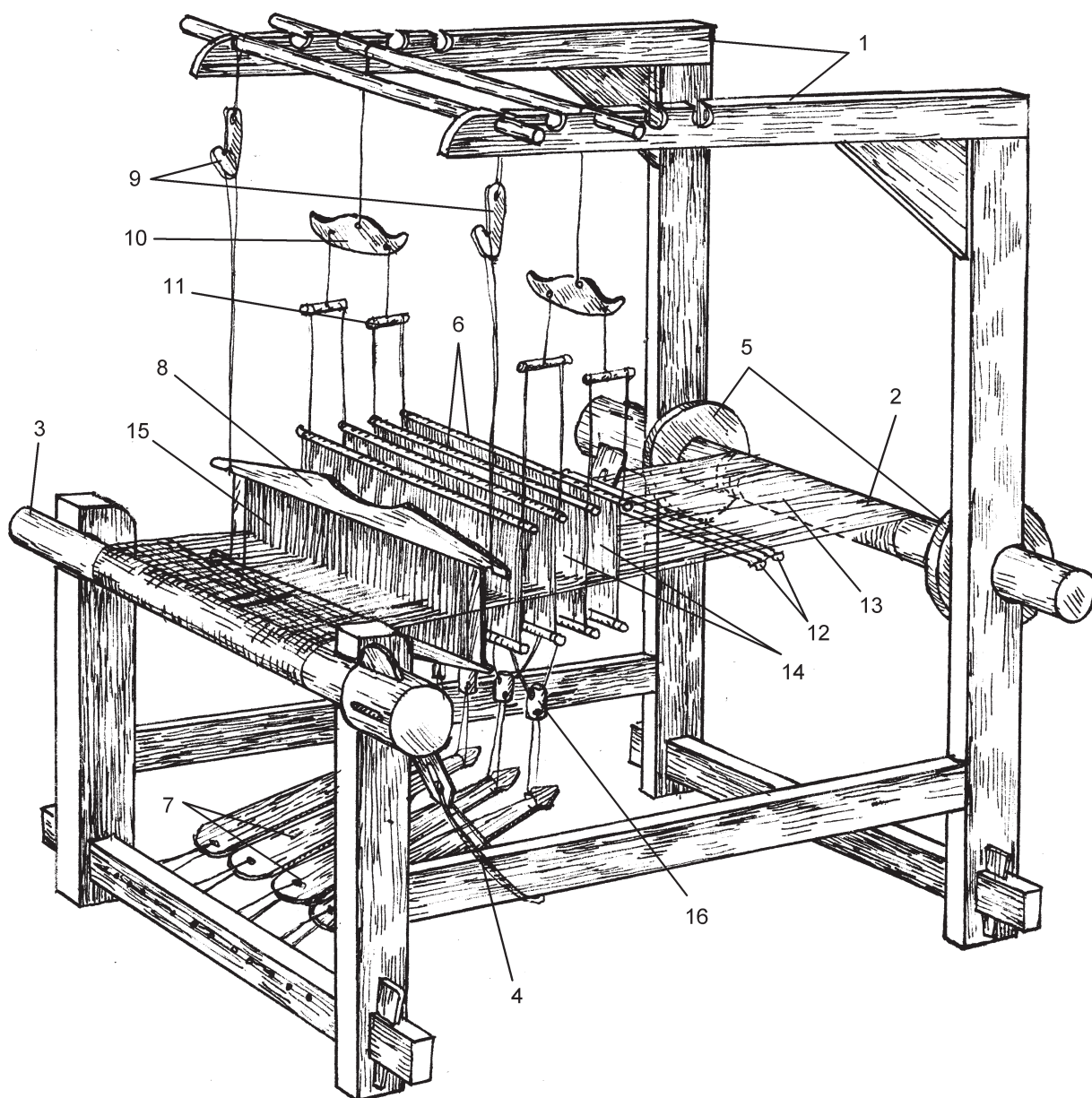

Рис. 4. Станок с четырьмя ремизками:

1 — поднебник, 2 — навойный вал, 3 — товарный вал, 4 — фиксатор натяжения нитей основы, 5 — ограничители навойного вала, 6 — ремизки, 7 — подножки, 8 — батан, 9 — крюки, 10 — коромысла, 11 — собачки, 12 — ценовые палочки, 13 — основа, 14 — нитяные галева ремизок, 15 — зубья берда, 16 — траверсы

Fig. 4. Loom with four heddle frames:

1 — *podnebnik*, 2 — beam shaft, 3 — wear beam, 4 — device for regulating the tension of the warp threads, 5 — keylocks of beam shaft, 6 — heddle frames, 7 — treadles, 8 — batten, 9 — hooks, 10 — rocker arms, 11 — ratchets, 12 — rods used to make a shed, 13 — warp, 14 — heddles, 15 — cogs of the reed, 16 — crossbars

рая ремизки присоединяются к первой подножке, вторая и третья — ко второй подножке, первая и третья — к третьей подножке. При таком способе подвязи при нажатии на одну подножку поднимаются сразу две ремизки, что значительно ускоряет процесс ткачества. Путем нажатия на первую подножку опускаются первая и вторая ремизки (рис. 5, 2). Третья ремизка свободно поднимается

вверх, так как этому способствует скольжение нитей подвязи через траверсы. Ход по второй подножке: вторая и третья ремизки опускаются вниз. Нити, соединяющие первую и вторую, первую и третью ремизки, скользят вверх через траверсы (рис. 5, 3). При ходе по третьей подножке первая и третья ремизки опускаются вниз, вторая ремизка поднимается вверх. Подвязь, соединяющая

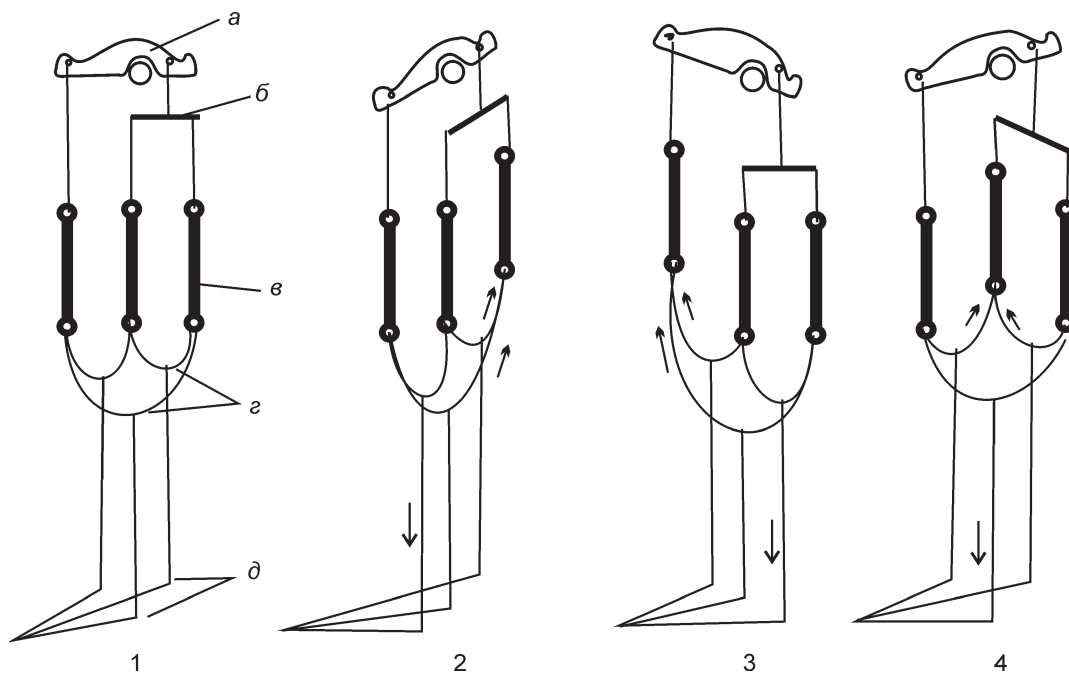

Рис. 5. 1 — схема работы станка с тремя ремизками для выработки ткани переплетения саржа 2/1; 2 — ход по первой подножке; 3 — ход по второй подножке; 4 — ход по третьей подножке
 Детали станка: а — коромысло, б — собачка, в — ремизка, з — траверсы, д — подножки

Fig. 5. 1 — scheme of operation of a loom with three heddle frames for manufacturing textiles with twill weave 2/1; 2 — motion of the first treadle; 3 — motion of the second treadle; 4 — motion of the third treadle.
 Parts of the loom: а — rocker arm, б — ratchet, в — heddle frame, з — crossbars, д — treadles

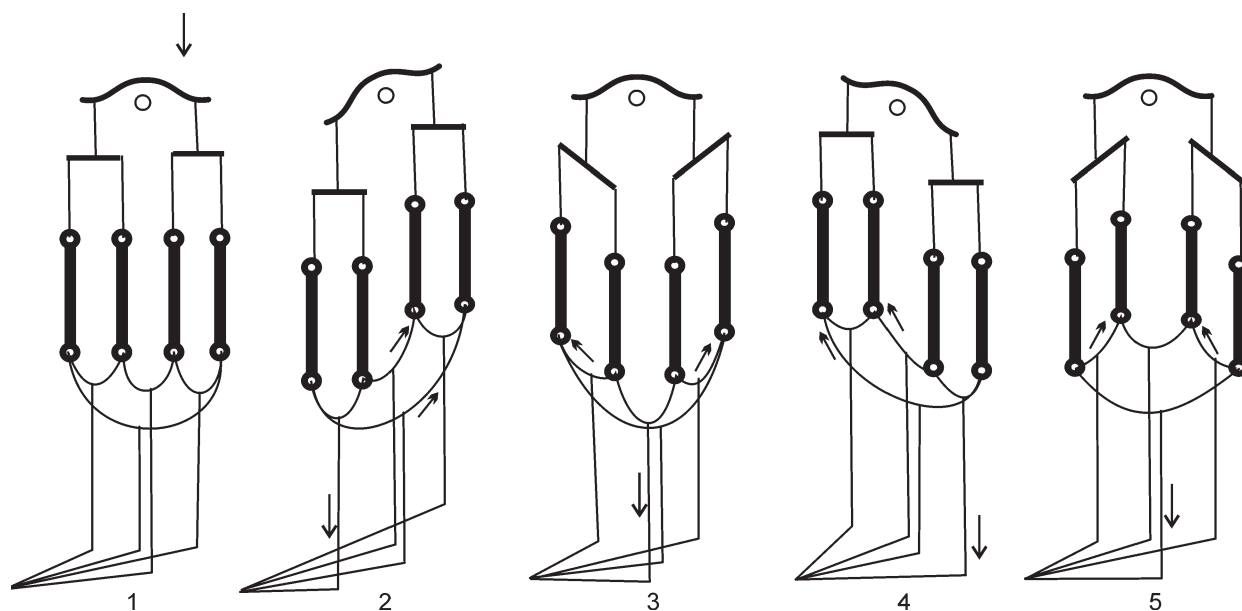

Рис. 6. 1 — схема работы станка с четырьмя ремизками для выработки ткани переплетения саржа 2/2; 2 — ход по первой подножке; 3 — ход по второй подножке; 4 — ход по третьей подножке; 5 — ход по четвертой подножке

Fig. 6. 1 — scheme of operation of a loom with four heddle frames for manufacturing textiles with twill weave 2/2; 2 — motion of the first treadle; 3 — motion of the second treadle; 4 — motion of the third treadle; 5 — motion of the third treadle

первую и третью, вторую и третью ремизки, скользит вверх (рис. 5, 4).

Четыре ремизки на станке подвешиваются попарно к собачкам, а затем собачки за середину прикрепляются к концам симметричных коромысел (рис. 6, 1). Подвеска ремизок к подножкам через траверсы осуществляется следующим образом: первая подножка связывается с первой и второй ремизками, вторая подножка соединяется со второй и третьей ремизками, третья подножка — с третьей и четвертой ремизками, четвертая подножка — с четвертой и первой ремизками. Ход по первой подножке: первая и вторая ремизки опускаются вниз, третья и четвертая поднимаются вверх. Нити, соединяющие первую и вторую ремизки, первую и четвертую, скользят вверх через траверсы (рис. 6, 2). Ход по второй подножке: вторая и третья ремизки опускаются, первая и четвертая поднимаются (рис. 6, 3). Ход по третьей подножке: третья и четвертая ремизки опускаются, первая и вторая поднимаются (рис. 6, 4). Ход по четвертой подножке: опускаются первая и четвертая ремизки, вторая и третья поднимаются (рис. 6, 5).

Реконструированный многоремизочный станок имеет полную станину с поднебником, два вала — навойный и товарный (рис. 4, 2, 3). Оба вала снабжены продольными узкими прорезями, в которые вставляются планки с закрепленной на них основой. В булавообразный конец валов с перекрещивающимися отверстиями вставляются фиксаторы (рис. 4, 4), которые удерживают натяжение нитей основы. Фиксация могла осуществляться при помощи рейки или ременной петли. Фиксатор навойного вала располагается на левой стороне станка, что способствует равномерному натяжению нитей основы. На навойном валу присутствуют ограничители в виде деревянных колес, которые при осуществлении заправки станка препятствуют соскальзыванию нитей основы в зазор между валом и станиной (рис. 4, 5). Ремизки (рис. 4, 6) соединяются с подножками (рис. 4, 7) через траверсы (рис. 4, 16). Бердо вставлено в деревянную раму-батан, служащую для осуществления функции прибивания нитей утка к опушке ткани (рис. 4, 8). Батан берда, выполненный на основе археологической находки, подвешен на крюках (рис. 4, 9) к верхней части станка — поднебнику (рис. 4, 1). Четыре ремизки подвешены к коромыслам попарно (рис. 4, 10). Подвеска ремизок осуществляется через палочки-собачки (рис. 4, 11). Ценовые палочки, которые вставляются позади ремизок на этапе заправки станка, делят нити основы на четные и нечетные (рис. 4, 12).

В предложенной реконструкции учтена возможность трансформации станка. Различные детали могут добавляться или убираться в зависимости от характера изготавливаемой ткани. Для добавления ремизок в верхней части станка — поднебнике — выполнены лишние врезки. В нижней части станины для увеличения числа подножек предусмотрены дополнительные места креплений.

* * *

Сопоставление характеристик многоремизочного горизонтального станка с этнографическими орудиями позволяет сделать следующий вывод. Реконструированный станок по своим технологическим показателям выше этнографических экземпляров, так как предназначался для массового производства шерстяных и суконных тканей саржевого переплетения. В крестьянском быту происходило совершенствование станка путем постепенного наращивания мелких изменений в другом направлении. Введение дополнительных ремизок и полуремизок способствовало производству ткани, имитирующей самый архаичный способ выработки — бранный. Для этой цели усовершенствовался ремизочный механизм путем доведения числа ремизок к XIX в. до 8–12 штук на станке. Для натурального хозяйства скорость и производительность не имели такого значения, как для производства, ориентированного на продажу. А. Нахлик отмечает изменения технологического характера в производстве тканей, которые происходили в Новгороде в XIII в., с переходом от натурального производства к товарному (*Нахлик*, 1963. С. 281). Крепление ремизок к подножкам через траверсы способствовало увеличению скорости движения станка, что отвечало потребностям мануфактурного производства.

На основе анализа тканей из раскопок сельских курганов X–XIII вв. среднерусской полосы в коллекции ГИМ М. Н. Левинсон-Нечаева сделана выводов о применении в домонгольский период горизонтального станка с двумя и более ремизками (*Левинсон-Нечаева*, 1959). Новые исследования археологов подтверждают наличие горизонтального станка у восточных славян уже в XI в. На поселении Луковец на правом берегу р. Шексны были обнаружены детали горизонтального ткацкого станка в слоях XI в. (*Кудряшов*, 2007. С. 217). А. В. Кудряшов предполагает, что со второй половины XI в. жители усадьбы поселения Луковец не участвовали в первичной обработке сырья, но пряли и ткали, автор не исключает наличие профессионального ткачества уже в XI–XII вв.

В Новгороде — крупном средневековом городе — появление ремесленного ткацкого производства произошло, возможно, еще раньше, чем на Луковце — рядовом поселении среди других древнерусских центров. Фрагменты деталей ткацких станков в археологическом материале прямо указывают на сложившуюся конструкцию горизонтального станка в Новгороде в X—XI вв. Для формирования такого сложного технического приспособления потребовалось, возможно, не одно столетие.

Новые данные археологии позволяют поставить вопрос о более точной датировке времени появления и распространения горизонтального ткацкого станка в средневековом Новгороде, выдвинуть предположение об одновременном использовании нескольких видов текстильных приспособлений.

- Голубева*, 1973 — *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973.
- Гончаров*, 1950 — *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев, 1950.
- Давидан*, 1981 — *Давидан О. И.* Ткани старой Ладogi // Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1981 (АСГЭ. № 22).
- Колчин*, 1959 — *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее производство Новгорода Великого // Труды новгородской археологической экспедиции: М., 1959. Т. 2 (МИА. № 65).
- Колчин*, 1968 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968 (САИ. Вып. Е 1—55).
- Крупа*, 2008 — *Крупа Т.*, 2008. Ткацкий комплекс из Чернигова древнерусского времени // Музеї України. Інтернет-журнал: <http://www.museum-ukraine.org.ua/index.php?go=New s&in=view&id=3057>

- Кудряшов*, 2007 — *Кудряшов А. В.* Деревянные орудия и приспособления для обработки прядильных растений с поселения Луковец // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. (Великий Новгород, 23—25 января 2007). Великий Новгород, 2007. Вып. 21.
- Курилович*, 1981 — *Курилович А. Н.* Белорусское народное ткачество. Минск, 1981.
- Куфтин*, 1926 — *Куфтин Б. А.* Материальная культура русской Мещеры. М., 1926. Ч. 1: Женская одежда: рубаха, понева и сарафан.
- Лебедева*, 1956 — *Лебедева Н. И.* Прядение и ткачество восточных славян в XIX—начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник: Очерки материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX—начале XX вв. / Отв. ред. С. А. Токарев. М., 1956 (ТИЭ; Новая серия. Т. 31).
- Левашева*, 1959а — *Левашева В. П.* Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // Очерки по истории русской деревни X—XII вв. М., 1959 (Труды ГИМ. Вып. 33).
- Левашева*, 1959б — *Левашева В. П.* Изделия из дерева, луба и бересты // Там же.
- Левинсон-Нечаева*, 1959 — *Левинсон-Нечаева М. Н.* Ткачество // Там же.
- Момбекова, Кобозева*, 2000 — *Момбекова А. А., Кобозева Е. В.* Ткацкий станок XIV в. из Твери // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. (Великий Новгород, 25—27 января 2000). Великий Новгород, 2000. Вып. 14.
- Нахлик*, 1963 — *Нахлик А.* Ткани Новгорода: Опыт технологического анализа // Труды новгородской археологической экспедиции: Т. 4: Жилища древнего Новгорода. М., 1963 (МИА. № 123).
- Попов*, 1955 — *Попов А. А.* Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Сборник музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1955. Т. 16.
- Ходосов*, 1930 — *Ходосов А. А.* Ткачество деревни. М., 1930.
- Цейтлин*, 1940 — *Цейтлин Е. А.* Очерки по истории текстильной техники. М.; Л., 1940.
- Hallgren*, 1977 — *Hallgren A.-K.* Opi kutomaan. Helsinki, 1977.

Reconstruction of process of weaving on the horizontal machine tool in Medieval Novgorod (on materials of Novgorod archaeological expedition)

M. M. Savenkova

This article presents some conclusions derived from examination of textile fragments and finds of weaving devices relative the use of horizontal weaving looms in medieval Novgorod. Reconstruction of weavers' manufacturing tools was focused on the features of the products characteristic of the entire Novgorod material.

Archeological finds from Novgorod include different parts of looms: shuttles, ratchets, treadles, rockers,

crossbars etc. A reconstruction of several types of weaving devices is proposed including shedding rods, looms with several heddle frames and looms with two treadles.

The new finds from medieval Novgorod allow us to revise the dates of the appearance and spread of horizontal looms here, as well as to suppose the use of diverse weaving techniques in the town.

К вопросу об атрибуции одной из категорий кожаных изделий

Д. О. Осипов¹

Скудость и противоречивость письменных источников, отсутствие традиции бытописания и реалистического изображения существенно затрудняют наши исследования материальной культуры. В полной мере эту ситуацию можно отнести и к костюму, что прекрасно иллюстрирует высказывание И. Е. Забелина: «Древние наши летописи, как и другие древние письменные памятники, не оставили нам подробностей о старом быте, при помощи которых возможно было бы с точностью изобразить всю обстановку древней жизни. Так, относительно древней нашей одежды мы получаем некоторые очень и очень немногие ее названия и не имеем понятия, какого покрова была эта одежда. С другой стороны мы имеем даже рисунки верхней одежды и не можем достоверно сказать, как эта уже видимая нами одежда называлась» (Забелин, 1915. С. 430).

В изучении истории материальной культуры удалось существенно продвинуться благодаря масштабным археологическим исследованиям, начавшимся в древнерусских городах со второй половины XX столетия. Благодаря раскопкам, в наши руки попадает ценнейший материал, коллекции которого ежегодно пополняются. Говоря об изучении истории кожевенно-сапожного ремесла, можно констатировать возрастание интереса к массовому материалу, начавшееся в последнее время. Описанию и систематизации кожаных футляров Великого Новгорода посвящена кандидатская диссертация Т. С. Матехиной (Матехина, 2009), процесс развития кожевенно-сапожного ремесла ханской Казани рассмотрен в кандидатской диссертации Р. Р. Валиева (Валиев, 2010). В научный оборот вводятся результаты исследования коллекций «археологической кожи» из раскопок древнерусских городов: Владимира (Курба-

тов, 2008а. С. 171–190), Москвы² (Осипов, 2008), Переяславля Рязанского (Фатюнина, 2011. С. 158–167), долгие годы не привлекавшие внимания исследователей.

Благодаря этому в составе коллекций «археологической кожи» удалось выявить новые категории находок, ранее относившихся к «неопределенным предметам». Среди них можно отметить конские шоры, наперстки (Курбатов, 2004), разнообразные футляры (Матехина, 2009), соколиные клубочки, долгики и другие атрибуты охотничьего снаряжения (Осипов, 2009. С. 237–250) и пр.

«В то же время найденные при раскопках вещи сами по себе не могут считаться полноценным историческим источником, поскольку для перехода древних вещей в новое качество требуется серьезная работа по их интерпретации. Сталкиваясь с серией неопределенных стандартизованных находок, исследователь, прежде всего, стремится понять их функциональное назначение, найти аналогии, установить время бытования». Эта справедливая мысль принадлежит А. В. Курбатову, высказавшему ее в статье «Кожаные фартуки в археологических коллекциях» (Курбатов, 2009).

Однако парадокс заключается в том, что сама статья, посвященная выявлению новой группы археологических находок, на мой взгляд, полностью противоречит принципу, озвученному ее же автором.

Прежде всего, при изложении материала нарушены причинно-следственные связи — выводы предшествуют доказательству. Уже в самом начале статьи группа находок, определенная А. В. Курбатовым как «края с завязками», сразу же именуется им фартуками. В подтверждение этого приводятся выдержки из письменных источников XVII–XIX вв., где этот вид хозяйственной одеж-

¹ Россия, 103073, Москва, Кремль, Музеи Московского Кремля.

© Д. О. Осипов, 2011

² В данном случае имеются в виду материалы из раскопок Московского Кремля.

ды именуется «завесами», «каптурами», «перепрядами» и пр.

Нет никаких сомнений в том, что различные виды фартуков, упоминавшиеся в письменных источниках, активно использовались рыбаками, мясниками, сапожниками и другими ремесленниками различных российских регионов. Но крой этих изделий, а зачастую и материал, из которого они изготовлены, определить по приведенным отрывкам нельзя. Это констатирует и сам автор, сетующий на «невозможность понять, являются ли различные названия передников и фартуков своеобразием их конструкции и пошива, или здесь имеет место региональное словоупотребление» (Там же. С. 326).

Не лучше обстоит дело и с западноевропейскими гравюрами, изображения которых в статье не представлены. Насколько мне известно, на большей части гравюр крой фартуков можно определить довольно приблизительно, а материал, из которого они изготовлены, и вовсе невозможно (рис. 1, 2). Таким образом, представленные А. В. Курбатовым данные письменных и изобразительных источников могут подтвердить лишь факт существования такого типа хозяйственной одежды как фартук.

Переходя к данным археологии, автор опять совершает ту же методическую ошибку. Вначале предлагается конструктивная классификация, а затем перечисляются признаки, по которым фрагменты изделий могут быть отнесены к фартукам.

Предложенная в статье конструкция фартуков, лишенная графических рисунков, включает четыре варианта, различающиеся по форме кроя и расположению завязок:

Конструкция 1. Прямоугольный пласт, закрывающий нижнюю часть туловища (от пояса) и верхнюю часть ног до колен.

Верхний край — горизонтальный. От верхних углов отходит два кожаных ремешка — завязки, связываемые узлом на спине.

Конструкция 2. Прямоугольный пласт кожи с зауженной и скругленной верхней стороной, закрывающей грудь. Эта часть фартука могла называться грудинка. Завязки, обернутые на поясе, расположены в средней части фартука.

Конструкция 3. Прямоугольный пласт кожи, закрывающей грудь и бедра, с широкими выступами по верхним углам, доходящим до плеч. На этих выступах, имеющих вид скругленного язычка, закреплены петли — завязки. Через петли, вероятно, протягивался широкий ремень, накидываемый на спину мастера.

Der Schuhmacher.

Рис. 1. Гравюра из «Описания...» Йоста Аммана и Ганса Закса (Франкфурт-на-Майне, 1568 г.)

Fig. 1. Gravure from the «Description ...» by Jost Ahman and Hans Sachs (Frankfort on the Main, 1568 г.)

Конструкция 4 предполагает соединение через петли с другой половиной фартука, закрывающей спину. В любом случае завязки располагаются на середине длины.

Эти, по мнению самого автора, умозрительные реконструкции необходимы для представления о возможных вариантах обрезков, которые могут быть выделены в археологических коллекциях. На мой взгляд, такая группировка вряд ли поможет определить функциональное назначение предмета, тем более что страницей выше А. В. Курбатов (совершенно справедливо) говорит об уникальности подобных находок, поскольку большие куски кожи, как правило, использовались вторично.

При перечислении признаков, позволяющих отнести найденный фрагмент кожи к фартукам, помимо размера изделия и наличия завязок абсолютно правильно указаны следующие приметы:

1. Использование толстой, стойкой к разрыву кожи КРС (крупного рогатого скота).

2. Следы засаливания или истирания поверхности.

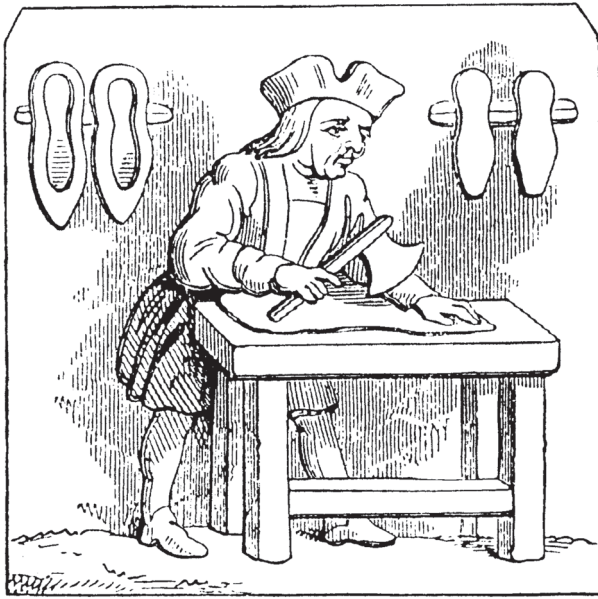

Рис. 2. Сапожник.

Прорись рельефа из церкви в Карбейле.
Шотландия XIV в. (Гуревич, 1989. Ил. 218)

Fig. 2. Cobbler.

Drawing from a relief from the church in Karbeyle.
Scotland, 14th century

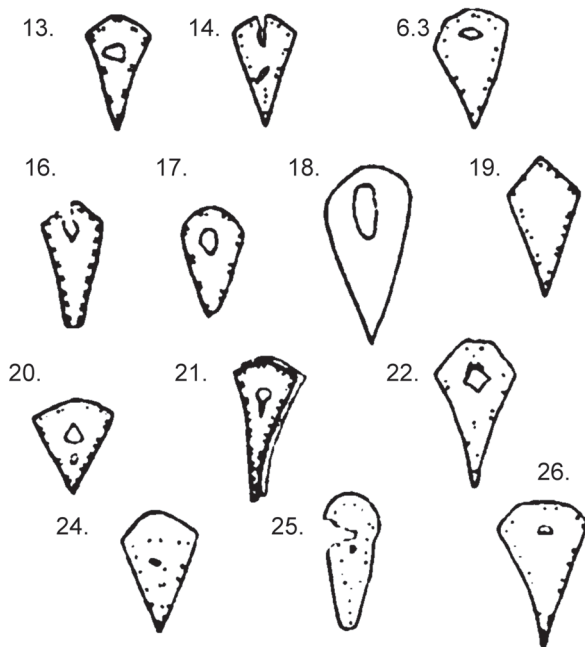

Рис. 3. Усилительные накладки с отверстиями для продевания кожаных ремешков

Fig. 3. Strengthening overlays with holes for threading leathern straps

3. Наличие порезов и повреждений ножами или другими инструментами.

4. Следы от попаданий капель раскаленного металла.

5. Однотипные обрезки с усилительными накладками с отверстиями для продевания ремней.

Выделение названных выше признаков свидетельствует о большом практическом опыте автора при работе с археологическими коллекциями. В то же время последний пункт, в отличие от остальных четырех, вызывает возражения, поскольку имеет широкие аналогии, что и демонстрирует представленный ниже материал.

В археологических коллекциях Твери и Пскова, в слоях последней четверти XIII—первой четверти XIV в. А. В. Курбатов выделяет два типа серийных предметов:

1. Усилительные накладки с отверстиями для продевания кожаных (почему только кожаных? — Д. О.) ремешков (рис. 3).

2. Обрезки верхней части со следами кожаных ремешков, образующих петли (рис. 4).

Упомянув второй тип предметов, Курбатов сообщает, что в Новгороде подобные находки считают фартуками. К сожалению, это заявление никак им не прокомментировано, хотя на иллюстрации из статьи Е. А. Рыбиной (*Rybina*, 2001. S. 211), на которую ссылается А. В. Курбатов, изображено археологически полное голенище, которое очень сложно принять за что-либо иное (рис. 5). Аргументом, на основании которого упомянутые выше предметы определены как фартуки, служит «стандартная и своеобразная форма фрагментов». Заметим, что в этом случае ни один из признаков, приведенных автором, к этим предметам не подходит. Они изготовлены из тонкой кожи, не засалены, на них не видно следов порезов или попадания расплавленных капель металла.

Следует отметить, что обрезки края с ременными петлями, вопреки мнению А. В. Курбатова, находят не только в Твери и Пскове. Известны они и в Москве. На примере новгородской находки очевидно, что это высокие (50 см и выше) голенища, которые, в отличие от стандартных сапог, не будут самостоятельно держаться в вертикальном положении (рис. 6). Для предотвращения сползания такие голенища привязывали к поясу. Высокие сапоги, крепившиеся к поясу, известны с глубокой древности (*Яценко*, 1999. С. 101). Более близкие аналогии нашим находкам можно обнаружить среди реалистичных изображений половецких каменных изваяний XI—начала XIII вв. (рис. 8, 1) (*Плетнева*, 1974. С. 37). Однако найденные в Новгороде сапоги с высокими голенищами не следует относить к обу-

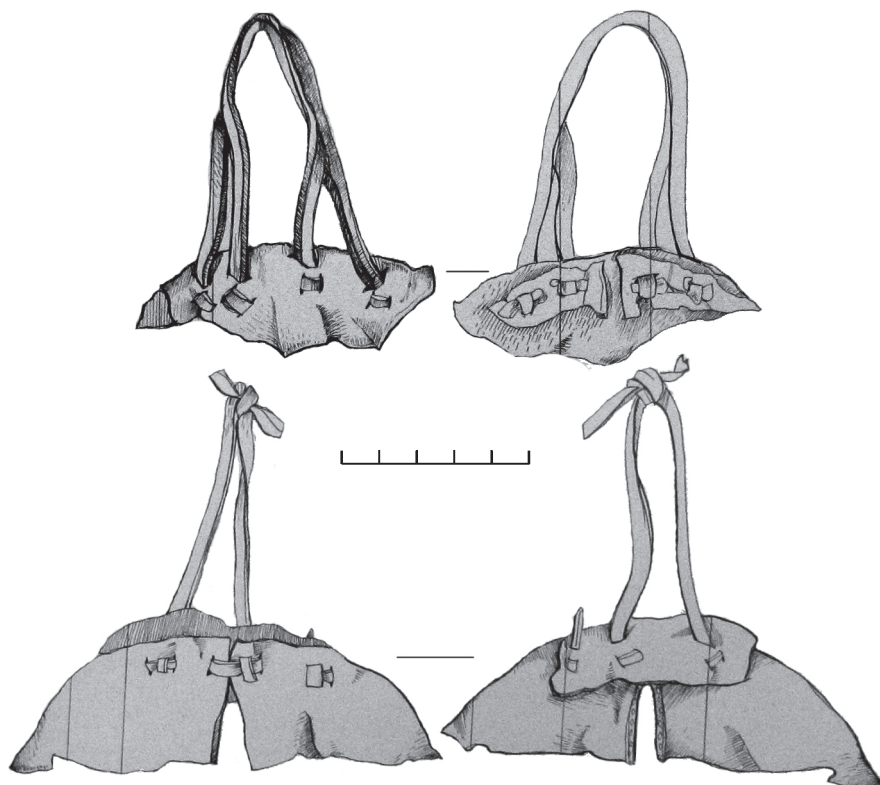

Рис. 4. Обрезки верхней части со следами кожаных ремешков, образующих петли

Fig. 4. Scraps of a the upper part of an article with traces of looped leathern straps

ви только кочевников. Скорее всего, перед нами детали охотничьей обуви, аналогичной современным болотным сапогам.

Некоторые из сапог, голенища которых достигали 60 см, имели иной способ крепления завязок. В их верхней части сохранились следы накладок со сквозными отверстиями, очень похожих на «фартуки» первого типа. У таких голенищ, которые также сохранились в напластованиях Великого Новгорода XII–XIII вв., завязки крепились не за ременные петли, а продевались в сквозные отверстия, причем форма верхней части этих голенищ аналогична обрезкам, представленным в таблицах А. В. Курбатова (рис. 7).

В то же время в письменных источниках упоминаются промысловые сапоги с высокими голенищами, именовавшиеся «бахилами»,³ которые использовали на рыбных промыслах. В отличие от охотничьих сапог, голенища таких бахил, как правило, крепились к ноге веревкой, привязанной у щиколотки и под коленом (Вахрос, 1959. С. 63, 64).

На мой взгляд, усилительные накладки, о которых говорит А. В. Курбатов, могут принадлежать самым различным предметам, в числе которых

могут быть и фартуки. Аналогичные по форме накладки со сквозными отверстиями использовались для подвешивания ножен (рис. 8, 5), стяжных сумок (рис. 8, 3) или других предметов. Нужно быть очень пристрастным, чтобы видеть в них исключительно детали фартуков.

То же самое можно сказать и о многочисленных ремнях и завязках, которые, на мой взгляд, не позволяют реконструировать по ним целое изделие. Также не совсем понятно, зачем вообще в таблицах даны изделия различного назначения (кошельки, пуговицы, шоры, детали мячей, чехлы для ножей), среди которых присутствуют усилительные накладки и обрывки ремней. Все эти предметы не имеют никакого отношения к «фартукам», тем более что в статье эти находки никак не комментируются. Скорее всего, они были механически перенесены из публикаций массового материала, посвященных коллекциям Твери и Пскова.

Настойчивое исключение голенищ из списка возможных атрибуций вызывает закономерный вопрос, ответ на который, как мне кажется, можно обнаружить в другой публикации автора, посвященной голенищам (Курбатов, 2008б. С. 231).

Речь идет о парных сквозных отверстиях, расположенных в верхней части голенищ (рис. 8, 2).

³ По мнению И. С. Вахроса, это слово восходит к тюркским языкам (Вахрос, 1959. С. 65).

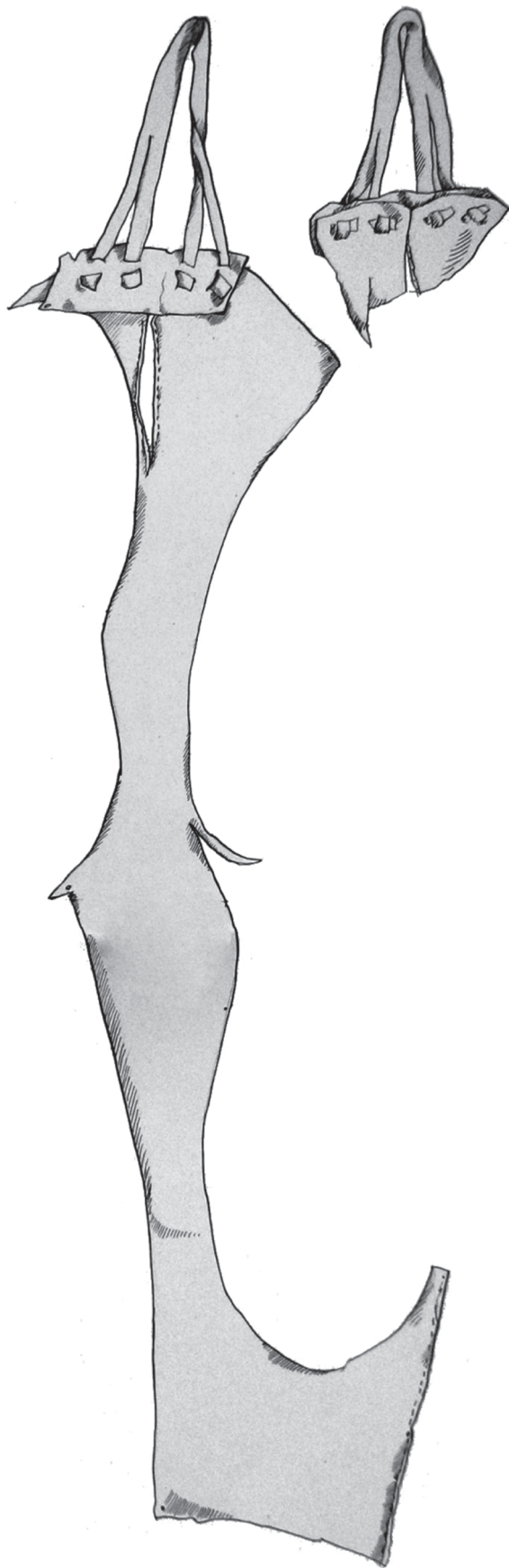

Рис. 5. Голенище из Троицкого IX раскопа. Великий Новгород
Fig. 5. Boot-top from Troitsky IX Excavation. Veliky Novgorod

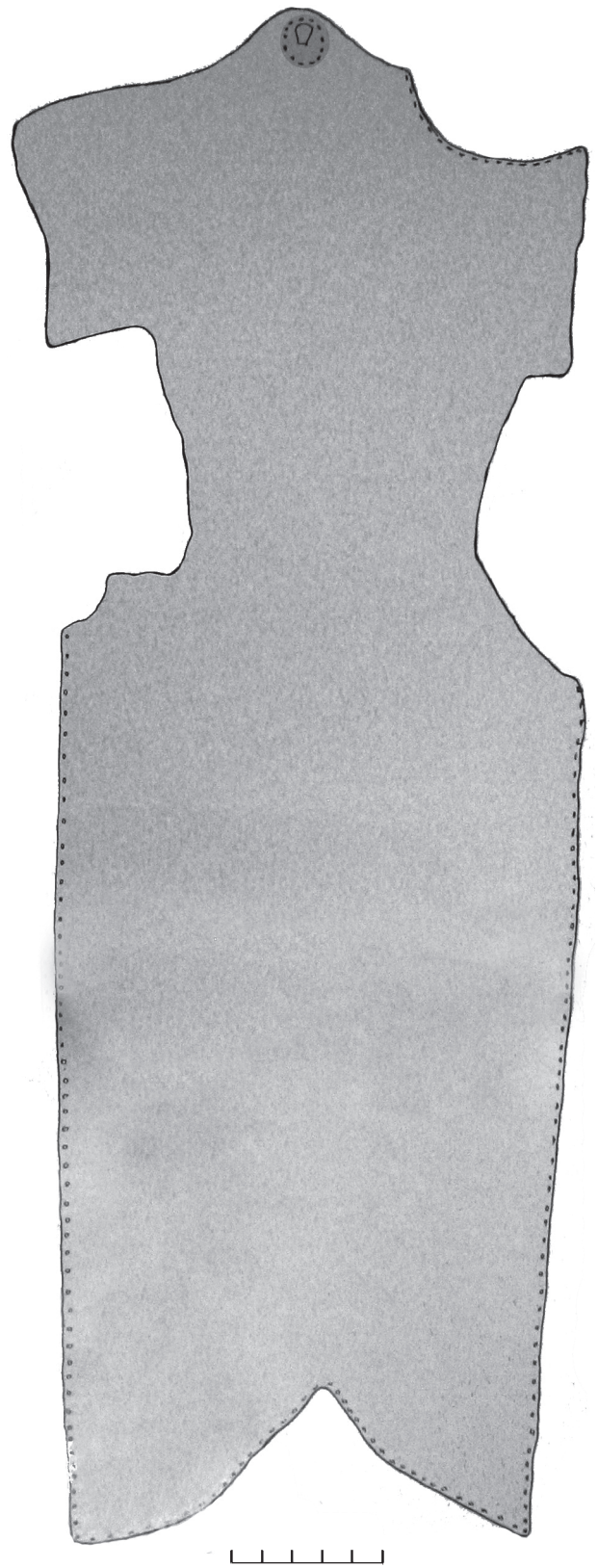

Рис. 6. Высокое голенище со следами усилительных накладок. Великий Новгород
Fig. 6. High boot-top with traces of strengthening overlays. Veliky Novgorod

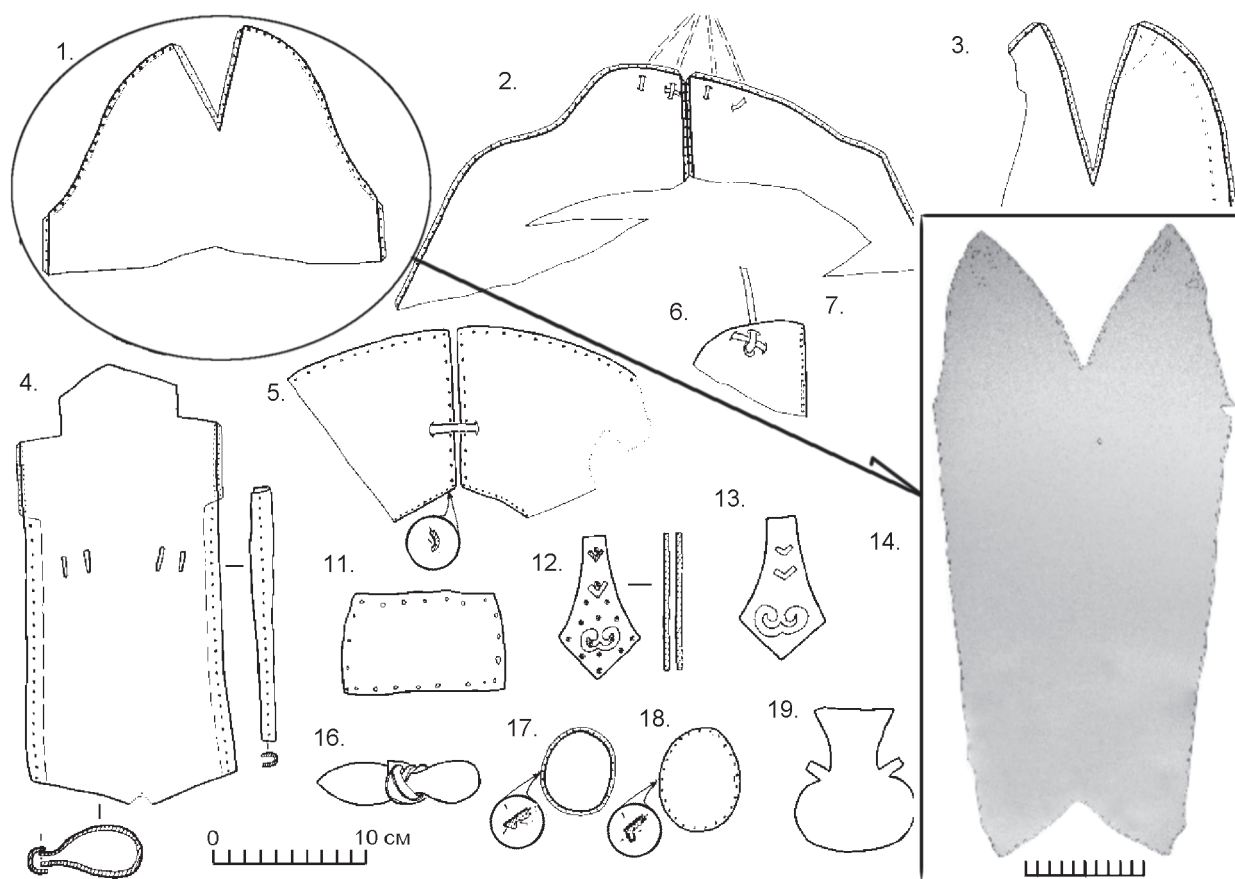

Рис. 7. Голенища сапог аналогичные обрезкам «фартуков»

Fig. 7. Tops of boots resembling cuttings of «aprons»

Ранее эти отверстия считались декоративными. Основанием для такой версии служили швы, расположенные по периметру отверстий. По мнению Ю. П. Зыбина,⁴ в отверстие вставлялась цветная ткань или кожа (*Зыбин и др.*, 1952. С. 8).

Однако в Пскове, в восточной части Окольного города, А. В. Курбатовым были зафиксированы обрезки голенищ, в отверстиях которых сохранились кожаные кольца. Эта находка послужила основанием для пересмотра декоративной функции отверстий, которые получили статус сугубо утилитарного элемента, служившего для подтяжки обуви (*Курбатов*, 2008б. С. 231).

На мой взгляд, такая атрибуция неоднозначна по следующим причинам:

1. Тонкая кожа голенищ и близкое расположение отверстий к верхнему краю при постоянном механическом воздействии приведет к деформации и разрыву кожи.

2. Вшитое в отверстие кожаное кольцо является слишком сложным приспособлением для сугубо прагматичной операции подтяжки.

3. В коллекциях этого времени нередко встречаются голенища, имеющие две пары таких отверстий.

4. Голенища с отверстиями соответствуют конкретной модели сапог, распространенных на протяжении XVI в. Они появляются и исчезают вместе с ними (рис. 8, б).

Для подтяжки сапог удобнее использовать петли, пришитые внутри голенища. Похожие петли изображены на иконе святого Дмитрия Солунского (конец XII—начало XIII в.), хранящейся в Государственной Третьяковской галерее (рис. 8, 4).

Кроме того, вызывает удивление, почему А. В. Курбатов называет круглые вырезы псковской традицией (Там же. С. 230), ведь аналогичные модели широко известны в других древнерусских городах.

На мой взгляд, распространение такого способа декорирования сапог, появившегося в начале XVI в., можно связывать с проникновением в Россию западноевропейской моды. Историкам кос-

⁴ Обувщик-технолог, доктор наук, зав. кафедрой кожи и меха московского Института легкой промышленности. В 1952 г. по приглашению М. Г. Рабиновича обрабатывал коллекцию обуви из раскопок московского Зарядья.

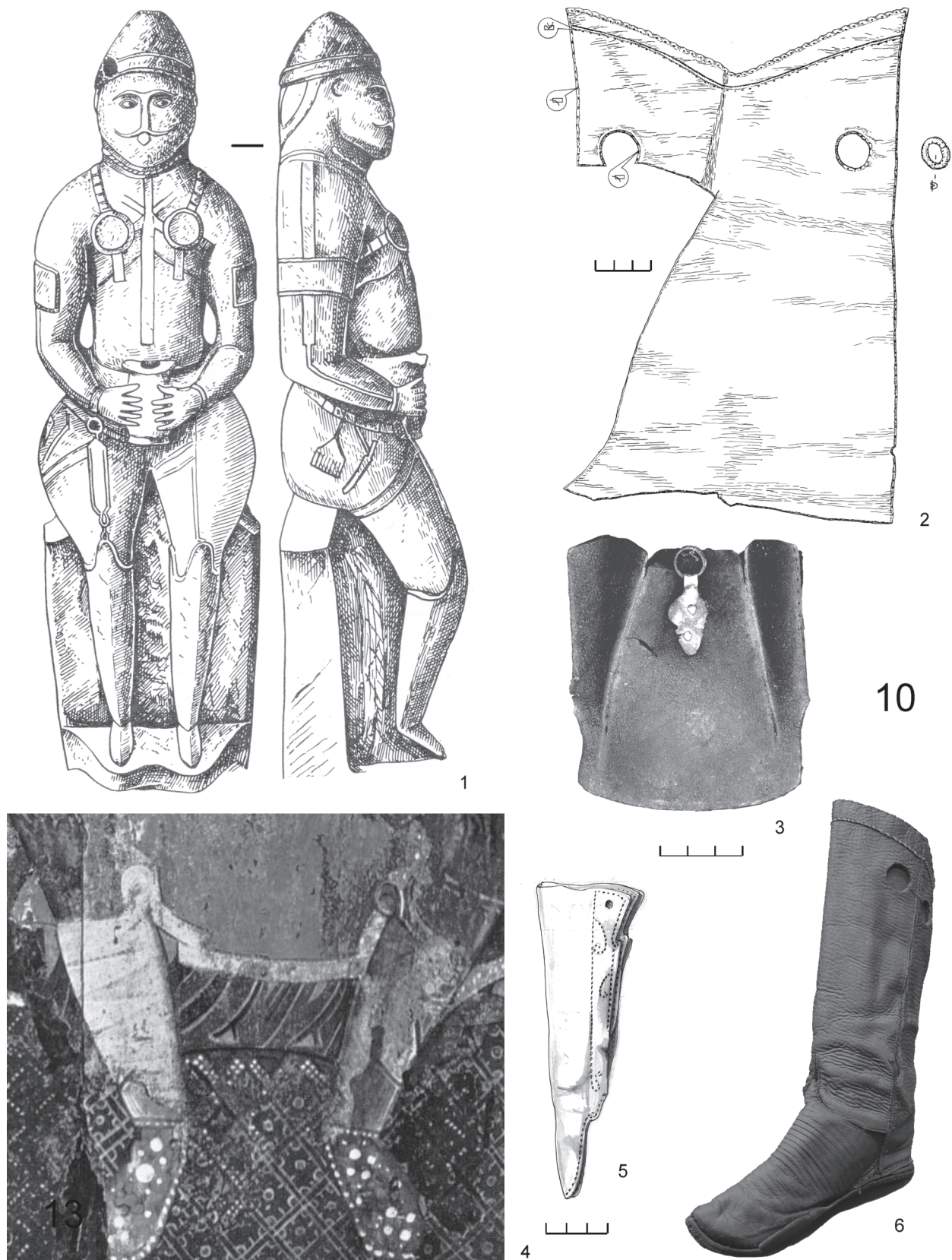

Рис. 8. 1 — половецкая каменная стела; 2 — голенище сапога со сквозными отверстиями в верхней части; 3 — стяжная сумка с накладкой; 4 — фрагмент иконы «Дмитрий Солунский» (XII–XIII вв., Государственная Третьяковская галерея. Инв. № 28600); 5 — кожаные ножны с отверстием для подвешивания; 6 — сапог со сквозными отверстиями

Fig. 8. 1 — polovets stone stele; 2 — boot-tops with perforations in the upper part; 3 — tightened bag with an overlay; 4 — fragment of Icon St Demetrius of Thessalonike, (12th or 13th century, State Tretyakov Gallery, inv. № 28600); 5 — leathersheath with a suspension hole; 6 — boot with perforations

тюдма хорошо известна мода на разрезные одежды, зарождение которой приписывается швейцарским и немецким ландскнехтам, латавшим дыры на разодранной в клочья одежде обрывками цветных бургундских знамен. Бравый вид ландскнехтов, выигравших в 1477 г. сражение у герцога Бургундского, дал начало новой моде: «*zerbauen und zerschnitten nach adeligen Sitten*» — разрублено и разрезано по благородному обычаю, так сами ландскнехты называли новый костюм, у которого штаны и куртка разрезались, а в прорези вставлялась цветная ткань. Довольно быстро разрезы распространились и на остальные части одежды, в том числе и на обувь. Поначалу такая мода считалась вульгарной, но впоследствии она становится популярной у широких слоев населения не только в Германии, но и в других европейских странах (Брун, Тильке, 2005. С. 19).

Европейцев в разрезных одеждах можно видеть и на миниатюрах Лицевого летописного свода. Отсутствие прямых контактов и существенная разница культур могли способствовать трансформации разрезов в круглые вырезы на сапожных голенищах.

Косвенным подтверждением такой версии служит упоминание сапог во «Временнике дьяка Ивана Тимофеева». Среди перечня погребальных одежд царевича Дмитрия упоминаются «сандалейца со обувными платы багряновиденъ тех зракъ». В переводе В. П. Адриановой-Перетц этот отрывок следует читать как «обувь с платками темно-красного вида» (Временник Ивана Тимофеева, 2004. С. 217). Учитывая тот факт, что сапоги с отверстиями «доживают» до конца XVI столетия, можно предположить, что на Дмитрии была именно такая обувь. На мой взгляд, под определение «обувные платы» более всего подходят декоративные тканевые вставки, о которых говорил Ю. П. Зыбин.

В зависимости от назначения отверстий, расположенных в верхней части голенища, можно сделать важные выводы относительно всего костюма, поскольку их декоративная функция подразумевает укороченные полы верхней одежды, при которых эти вставки были видны. Нам известно, что до «революционной вестернизации», окончательно узаконившей отказ от традиционных форм русской культуры (Беляев, 2006. С. 7), в Россию постепенно проникала культура европейская. Начало этого процесса, называемого в истории Московского государства «итальянским периодом», относится к последней четверти XV столетия (Скржинская, 2000. С. 185).

Подводя итог сказанному выше, можно еще раз отметить важность историко-культурной атрибуции изделий из кожи, содержащих разнообразную информацию о различных аспектах жизнедеятельности средневекового города. В то же время следует избегать соблазна строить гипотезу обратным порядком — подгонять факты под уже сложившуюся схему, игнорируя данные, которые в нее не вписываются. Примером являются представленные выше изделия из кожи, которые вызывают столь неоднозначное понимание их функционального назначения. Однако истина, как известно, рождается в спорах, поэтому хотелось бы надеяться, что альтернативное мнение будет воспринято доброжелательно.

Беляев, 2006 — Беляев Л. А. Европеизация России и ее исторические этапы: археологическая модель // Ростовский Архиерейский дом и русская художественная культура второй половины XVII в.: Материалы конф. (21–23 сентября 2005 г., Ростов). Ростов, 2006.

Брун В., Тильке, 2005 — Брун В., Тильке М. Всеобщая история костюма. М., 2005.

Валиев, 2010 — Валиев Р. Р. Кожевенно-сапожное производство ханской Казани: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2010.

Вахрос, 1959 — Вахрос И. С. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки, 1959.

Временник Ивана Тимофеева, 2004 — Временник Ивана Тимофеева. М., 2004.

Гуревич, 1989 — Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989.

Забелин, 1915 — Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI–XVII вв. М., 1915.

Зыбин и др., 1952 — Зыбин Ю. П. Шестакова И. С. Богданов И. А. Изучение древнего производства кожи и изделий из кожи // Архив ИА РАН. Ф-1. № 555.

Курбатов, 2004 — Курбатов А. В. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.). СПб., 2004.

Курбатов, 2008а — Курбатов А. В. Археологические данные о кожевенно-сапожном ремесле в древнем Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы науч. семинара. М., 2008.

Курбатов, 2008б — Курбатов А. В. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН. СПб., 2008. № 3.

Курбатов, 2009 — Курбатов А. В. Кожаные фартуки в археологических коллекциях // Хорошие дни: Сб. памяти А. С. Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М., 2009.

Матехина, 2009 — Матехина Т. С. Кожаные изделия средневекового Новгорода. Чехлы, футляры, сумки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новгород, 2009.

Осипов, 2008 — Осипов Д. О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском

- Кремле) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. М., 2008. Т. 2.
- Осипов, 2009 — Осипов Д. О. Из истории великокняжеских и царских «потех» (по материалам раскопок в Московском Кремле) // Археология Подмосквья: Материалы науч. семинара. М., 2009.
- Плетнева, 1974 — Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974 (САИ. Вып. Е 4–2).
- Скржинская, 2000 — Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2000.
- Фатюнина, 2011 — Фатюнина О. А. Изделия из кожи Кремля города Переславля Рязанского XVI–первой половины XVII вв. // Материалы по археологии Переславля Рязанского. Рязань, 2011. Вып. 1.
- Яценко, 1999 — Яценко С. А. Костюм племен пазырыкской культуры Горного Алтая как исторический источник // ВДИ. М., 1999. № 3.
- Rybina, 2001 — Rybina E. Die Funde als Spiegel des Lebens Alltag im mittelalterlichen Novgorod // Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete. Wachholtz, 2001.

Attribution of a Category of Leather Objects

D. O. Osipov

In A.V. Kurbatov's article «Leather aprons in archaeological collections», the author proposes an attribution of a group of serial finds from excavations in Pskov and Tver. In Kurbatov's opinion, the artefacts published in his paper are off-cuts of aprons made for different purposes. However it seems that the system of arguments, as well as the presumable functions of the serial leather objects, both are not indisputable. More probably, the scraps in question belonged to boot tops, scabbards or tightened bags, etc.

Надымский городок в XV–XVI вв. (по результатам полевых исследований 2006–2008 гг.)

О. В. Кардаш¹

Результаты комплексных исследований культурного слоя Надымского городка (рис. 1), относящегося к периоду конца XVI–первой трети XVIII вв. (раскопки 1998–2005 гг.), неоднократно освещались в докладах на научных конференци-

2002; 2003; 2004; 2005; 2006; 2008а, б; 2009; *Вершинин*, 2005; *Косинцев*, 2006). Однако археологические материалы, связанные с периодом конца XV–конца XVI в., пока еще не вводились в широкий научный оборот.

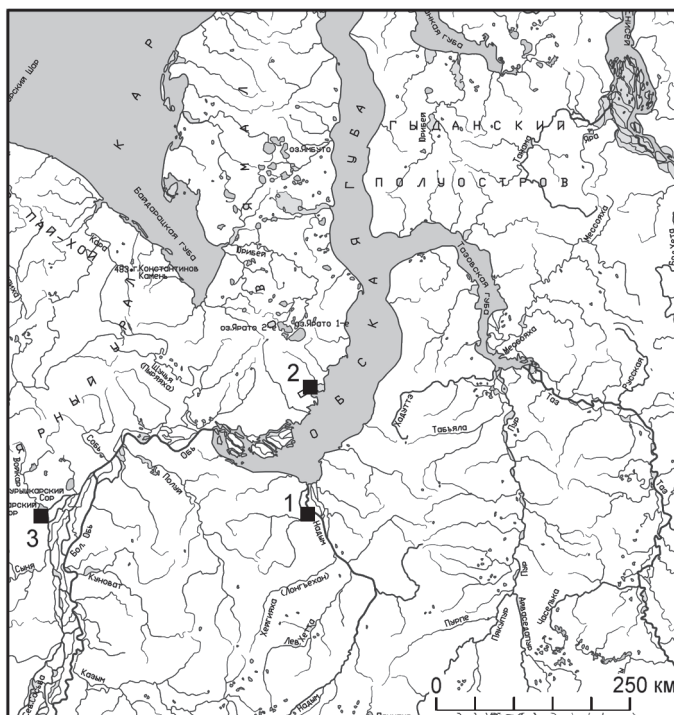

Рис. 1. Карта-схема расположения Надымского городка на территории Северо-Западной Сибири: 1 — Надымский зимний городок XV–XVI вв.; 2 — городище Бухта Находка XIII–XIV вв.; 3 — Войкарский городок XIII–XIV вв.

Fig. 1. Schematic map of the location of Nadymsky Gorodok in North-Western Siberia: 1 — Nadym winter fortress in the 15th and 16th cens.; 2 — the townsite of Bay Nakhodka of the 13th–14th cens.; 3 — Voykarsky Gorodok 13th–14th cens.

ях, представлены в серии статей, диссертационной работе и монографии (*Кардаш*, 2000; 2001а, б;

В процессе археологических исследований 2006–2007 гг. слоев раннего периода на отдельных участках памятника еще продолжались исследования отложений конца XVI–первой трети XVIII вв. В 2008 г. при исследовании городка выявлены археологические комплексы, позволяющие сделать ряд определенных исторических заключений.

¹ Россия, 628300, Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО, Югра, Нефтеюганск, ул. Мира. Пионерная зона. Стр. 8/1.

В задачи работ 2006–2008 гг. входило проведение раскопок оборонительно-жилого комплекса конца XV–конца XVI в. и площадки, примыкающей к нему с северо-запада. В результате работ выявлены остатки сооружения, функционировавшего до середины XVI в. и имевшего ряд особенностей в архитектуре и планировке, которые отличают его от более позднего сооружения, исследованного ранее.

Оборонительно-жилой комплекс Надымского городка конца XVI–середины XVII в. реконструируется как фортификационное сооружение размером 35 × 20 м с планировочной структурой, сформированной в виде овала, разделенного на два сегмента центральным проходом шириной 1 м. Каждый из сегментов был разделен на сектора (жилые кварталы) перегородками, расположенными перпендикулярно центральной улице. Такое разграничение внутреннего пространства каждого сегмента позволяет охарактеризовать общую планировку жилого комплекса городка как уличную. Наличие в застройке северного и южного сегментов жилых построек, обращенных друг к другу выходами, позволяет рассматривать ее как зеркально-симметричную. В течение времени планировка и архитектура застройки сегментов изменялись. Неизменными оставались контуры внешних конструкций и основной оси и принцип зеркальности.

Исследования 1998–2005 гг. Надымского городка позволили выделить два основных этапа его развития. Первый этап — с конца XVI по середину XVII в. — «предпоследний», и второй этап — с середины XVII по первую треть XVIII в. — «последний». Вероятно, выделенные этапы в определенной степени отражают геополитические изменения, происходившие на территории Северо-Западной Сибири, в частности — начало в последней четверти XVI в. активной «русской колонизации Сибири» — официальной экспансии с целью фактического присоединения «земель Сибирских» к государству Московскому. Этот процесс не только сопровождался приходом русскоязычного населения с новыми культурными традициями, но и влиял на миграции в среде аборигенных жителей. Появление иноэтничного

населения так или иначе влияло на архитектуру поселений коренных жителей и отражалось в материальной культуре.

В начале «предпоследнего» этапа — в конце XVI в. функционировала двухквартальная структура городка (рис. 2). Площадь «самоедских» (южных) кварталов № V и VI составляет примерно 10 × 15 м. Кварталы состояли из больших домов каркасно-столбовой конструкции размером 8 × 10 м, с центральным очагом и наружной галереей. Постройки с такой или близкой архитектурной традицией известны на территории Северо-Западной Сибири по археологическим данным как минимум с середины I тыс. н. э. (Федорова и др., 1991. С. 126–145; Зыков и др., 1994. С. 8–42; Чемакин, Карачаров, 2002. С. 44–73). По данным этнографических исследований, в бассейне р. Надым проживало древнесамодийское население — *пяки* (*няд' хасово*), и некоторые информаторы именно с ними связывают Надымский городок (Кардаш, 2001б; 2008а, б; Мартынова, Кардаш, 2001). Скорее всего, постройки в этих кварталах были сооружены предками данной этнической группы, проживавшими в городке. На принадлежность построек автохтонному и, кроме того, более привилегированному населению указывает расположение домов в наиболее освещенной, теплой, защищенной от северных ветров южной части жилого комплекса.

К северо-западу от «самоедских» кварталов № V и VI располагались «остяцкие» кварталы № I и II, каждый площадью 10 × 20 м. В кварталах размещались по восемь отдельно стоящих построек жилого и хозяйственного назначения размерами не более 2,5 × 3,0 м, а также хранилища (погреба) для пищевых продуктов. При большой схожести материальной культуры всего населения Надымского городка в целом этническая атрибуция жителей этих кварталов не вызывает особых сомнений. Предметы материальной культуры, найденные в пространстве северного и западного кварталов, их архитектура находят больше всего аналогий в хорошо изученной и описанной культуре остяков начала XX в. и современной хантыйской (Дунин-Горкавич, 1995–1996; Сирелиус, 2001; Мартин, 2004; Мартынова, 1998; Лукина, 1985).

Рис. 2. Надымский городок:

А — фрагмент плана северо-западной части оборонительно-жилого комплекса первой половины XVII в.;
Б — фрагмент плана северо-западной части оборонительно-жилого комплекса первой половины XVI в.

Fig. 2. Nadymsky Gorodok:

A — fragment of plan of the north-western section of the defensive and dwelling complex of the first half of the 17th cen.;
B — fragment of plan of the north-western section of the defensive and dwelling complex of the first half of the 16th cen.

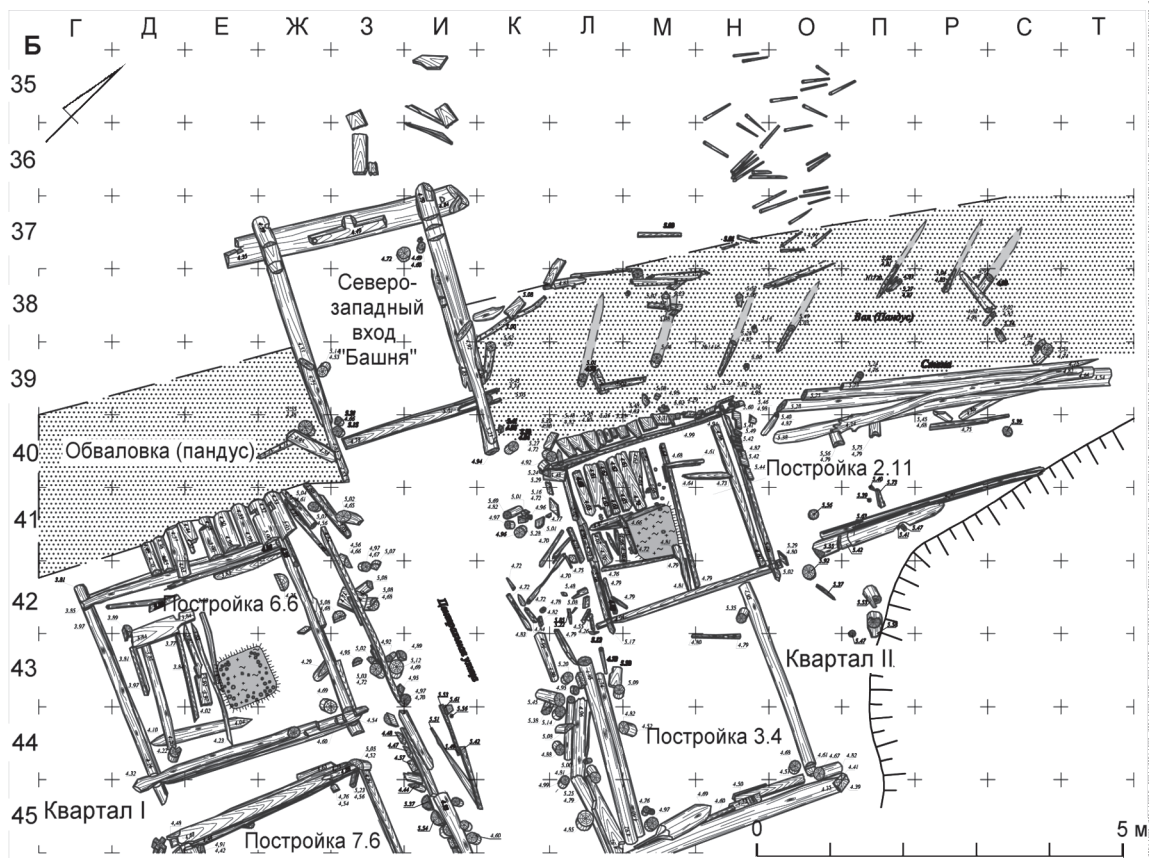
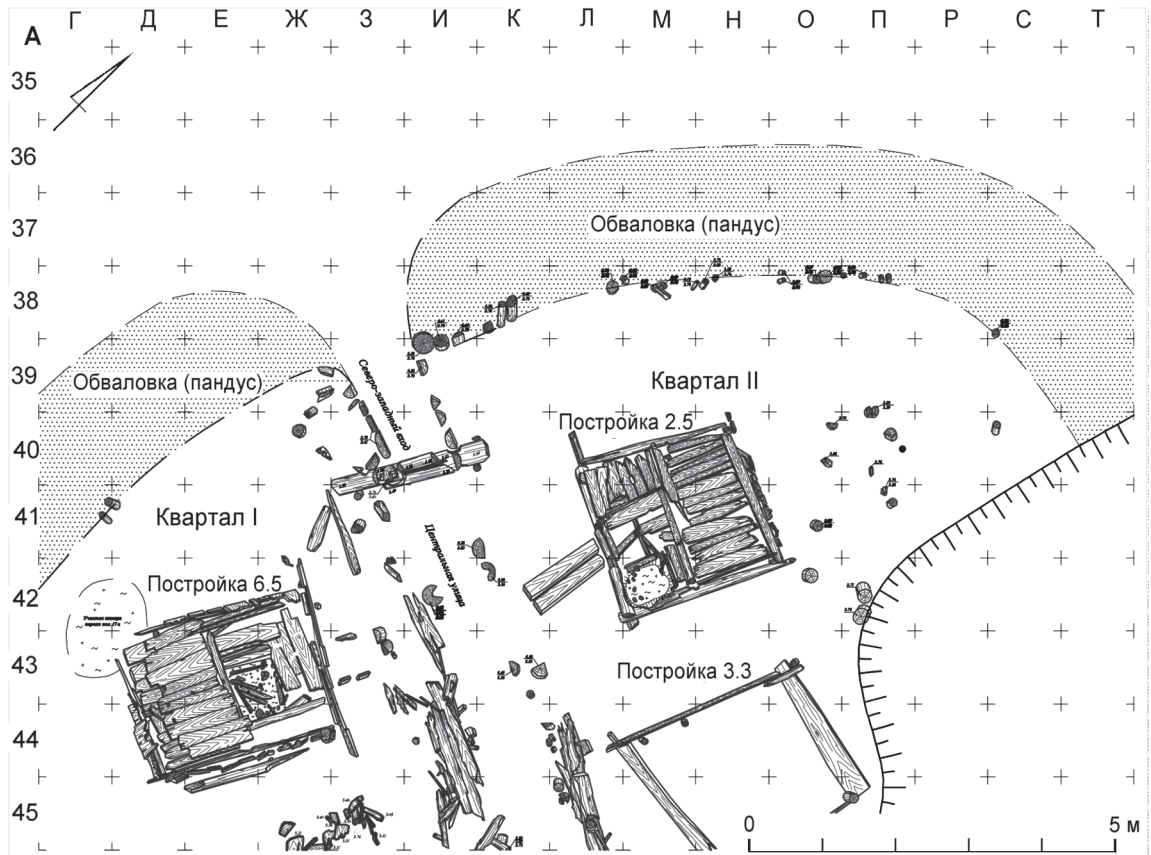

Рис. 3. Надымский городок. Московская денга времени княжения Ивана IV Грозного (1533–1547)

Fig. 3. Nadymsky Gorodok. Moscow *denga* — coin of the rule of Ivan IV the Terrible (1533–1547)

Кроме этого, факт проживания остяков засвидетельствован письменными источниками XVII в. (Обдорский край..., 2004. С. 20–72; Кардаш, 2009).

В последние три года работы были сконцентрированы в северо-западной части городка на территории многофункциональной площадки и «остяцких» кварталов № I и II. Именно в этой части городка сохранились остатки фортификационных сооружений оборонительно-жилого комплекса и общий вход в него, служивший на протяжении всех хронологических периодов. Рассмотрение конструктивных изменений позволяет проследить характер развития архитектуры Надымского городка на разных этапах его существования.

Полученные данные дали возможность выделить ранний строительный этап и уточнить датировку начала предпоследнего этапа реконструкции Надымского городка.² Хронология культурного слоя и строений этого горизонта определена по результатам перекрестного дендрохронологического и радиоуглеродного датирования построек. Время строительства жилых домов № 2 (9-го уровня реконструкции) и № 6 (6-го уровня реконструкции), раскопанных в 2007 г., определено 50-ми гг. XVI в. В 2008 г. в нижележащем слое, который перекрывал окладной венец конструкции северо-западного входа и был синхронен жилому дому № 2 (10-го и 11-го уровней реконструкции), впервые в комплексе находок городка найдена монета. На аверсе монеты сохранилась верхняя часть титульной надписи «князь великий». На реверсе — изображение всадника с мечом. Монета является московской деньгой и датируется време-

нем княжения Ивана IV — 1533–1547 гг. (Орешиков, 1896. С. 280–290; Гарост, 2003. С. 21–30; рис. 3). По ряду признаков монета может быть отнесена к дореформенным монетам Ивана IV Грозного, которые чеканились с 1533 по 1535 г. Весь комплекс хронологических данных с учетом времени накопления культурного слоя и периодов функционирования построек позволяет определить дату предпоследнего этапа реконструкции городка в интервале между 1530–1540 и 1550–1560 гг.

Следует отметить ряд особенностей оборонительно-жилого комплекса городка, появившихся с этого времени и не изменявшихся на протяжении всего предпоследнего и последнего этапов строительства, которые важны для последующего сравнительного анализа. Первая особенность — это неопределенная (нечеткая) в плане форма, напоминающая овал или вытянутый шестиугольник. Второй важной чертой можно назвать каркасную конструкцию стен, состоявшую из вертикально вмороженных в грунт тонких бревен и плах. На разных участках плотность прогонов была разной. Коридор, ведущий внутрь пространства сооружения к общему северо-западному входу, и прилегающая наружная часть стены были укреплены сплошным тыном. Остальная часть стены набиралась из удаленных друг от друга столбов разного диаметра, пространство между которыми заполнялось жердями или ветками. Дополнительно снаружи стеновой конструкции была сделана насыпь из культурного слоя, имевшая в основании бессистемный каркас из веток и жердей. Третьей значимой чертой является конструкция и размеры общего входа. Его проеомобразующие конструкции располагались внутри периметра наружной стены, имели дверной проем шириной до 0,6 м, за которым следовал тамбур и далее центральный проход шириной до 1,0 м.

Архитектура Надымского городка до 1530 г. значительно отличается от предпоследнего и последнего этапов по всем трем вышеописанным конструктивным особенностям. В связи с этим и был выделен строительный этап, который предварительно может быть датирован серединой XV–началом XVI в. Нижняя дата данного этапа условно определяется максимально возможным интервалом функционирования деревянного сооружения до времени его обветшания в соответствующих природных условиях.

Одно из отличий — форма городка в плане. При почти неизменном размере форма оборонительно-жилого комплекса на раннем этапе была прямоугольной. Иной была и конструкция стен.

² Речь идет о строительстве новых жилищ и сооружений на том же самом месте взамен обветшавших. — О. К.

Судя по обнаруженным остаткам, в середине XV—начале XVI в. стены были наборные. Между вертикально установленными столбами набирались горизонтально лежащие бревна. Такая стена совмещалась с фасадами построек, примыкавших к наружной стене. Их собственные стены сложены из плах и брусьев в «охряпку». Перед ограждающей стеновой конструкцией зафиксированы вмороженные в грунт под углом около 45° к напольной стороне тонкие бревна и жерди. Они находились на расстоянии 1,0 м от стены, на удалении друг от друга также около 1,0 м и, очевидно, являются остатками оборонительных «рогатов». С наружной стороны вся стеновая конструкция, скорее всего, была засыпана грунтом, из которого торчали только заостренные колья.

Вместо северо-западного общего входа в сооружение за периметром ограждающей стены были обнаружены остатки срубной постройки, которая за монументальность конструкции получила название «проходной башни» (рис. 4). Эта постройка, очевидно, выполняла функции предвходового тамбура (своего рода захаба). Сооружение имело прямоугольную в плане форму с внутренними размерами помещения 2,5 × 2,0 м. Судя

по всему, надежности конструкций входа придавалось большое значение, поскольку все детали строения выполнены из массивных бревен. Окладной венец сложен из бревен диаметром 30–40 см. В наружном венце диаметром 40 см зафиксирован порог шириной 1,0 м для шарнирной двери. Нижняя чаша под дверной шарнир находится с правой стороны от входа, что говорит об открывании двери направо вовнутрь помещения. За пространством постройки начинался центральный проход шириной 2,0 м. Таким образом, северо-западный общий вход на период до 1530 г. реконструируется как бревенчатое сооружение, срубленное «в обло с остатком», с дверным проемом шириной 1,0 м. Датировать его строительство без дендрохронологического анализа сложно, но предварительно можно определить в интервале середина—конец XV в.

На основе трех основных признаков изначальный оборонительно-жилой комплекс Надымского городка реконструируется как прямоугольное в плане сооружение с двумя входными срубными постройками-«башнями». Оборонительная стеновая конструкция сооружения была дополнительно укреплена валообразной насыпью с заост-

Рис. 4. Надымский городок. Остатки сооружения конца XV—середины XVI в.

На переднем плане окладной венец северо-западного общественного входа «башни». Вид с северо-запада

Fig. 4. Nadymsky Gorodok. Remains of a building of the late 15th and mid — 16th centuries.

At the foreground a stone corona of the north-western public entrance to the «tower». View from northwest

ренными кольями-«рогатками». Общие принципы такого сооружения находят аналогии в архитектуре русских острогов конца XVI–XVIII вв., известных на территории Северо-Западной Сибири. Примерно так выглядел Юильский Казымский острог и ряд других сибирских крепостей XVII–XVIII вв. (*Крадин*, 1988. С. 62–173). По описанию 1789 г. очень близок к Надымскому городку Обдорский острог: «Обдорский острог на реке Полуи на правом берегу на горе, церковь и крепость четверугольная загорожена стоячим тыном, две проезжие и две на северных углах башни, обнесенный вокруг рогатками...» (Описание Тобольского наместничества, 1982. С. 166).

Кроме внешнего сходства по ряду строительных приемов Надымский городок середины XV–начала XVI в. близок древнерусскому деревянному зодчеству. Одним из первых элементов следует отметить устройство северо-западного входа и конструкцию дверей. Конструктивная особенность дверного проема северо-западного входа такая же, как в синхронных строениях и в жилых помещениях более позднего времени. Этот факт особо важен для последующего анализа этнической принадлежности архитектуры Надымского городка.

В настоящее время раскопками исследовалось два городища аборигенного населения региона с замороженным культурным слоем, в котором сохранились жилые дома XIII–XIV вв. Это постройки № 10, 11 Войкарского городка, расположенного в зоне северной тайги на р. Обь в Шурышкарском р-не, и постройки № 1, 2 городища Бухта Находка, находящегося в тундровом ландшафте на полуострове Ямал (*Федорова*, 2006. С. 11–12; *Кардаш*, 2008а, б). При всех различиях в архитектуре Войкарские и Находкинские постройки имеют определенные объединяющие черты. Во-первых, в основе тех и других каркасная конструкция строения, стены которого формируются из вертикально установленных тонких бревен или жердей. Вторая черта — это отсутствие двери, то есть проемообразующая конструкция не предусматривала монтажа какого-либо деревянного дверного полотна. Проем-лаз, скорее всего, закрывался выделанной шкурой, обеспечивавшей беспрепятственный проход в любую сторону, как из помещения, так и в помещение. В итоге можно заключить, что аборигенное население северотаежных и субарктических районов Северо-Западной Сибири до XV в. при возведении срубных построек не делало специальных дверных конструкций.

Эти факты являются ключевыми в понимании формирования архитектуры Надымского городка,

где все жилые постройки уже с начала XVI в. выполнены в срубной технике и снабжены шарнирными дверями. Правда, зачастую дома выполнены из грубого бруса и плах в «охряпку», иногда в совмещенной технике с рубкой «в обло» из бревен. В одном случае постройка № 7 срублена в технике заплота. Тем не менее везде вход в пространство жилого помещения построек закрывался дверными полотнами, выполненными из досок, скрепленных шпонками (снаврами). Двери монтировались в проем на боковых шарнирах и открывались только вовнутрь. Все эти технологические приемы домостроения хорошо известны в русском деревянном зодчестве (*Маковецкий*, 1955; *Ополовников*, 1983; 1989).

Таким образом, формируется ряд археологических фактов, позволяющих поставить вопросы о причинах и времени появления русских домостроительных традиций в архитектуре Надымского городка середины XV–начала XVI в., а также заимствований и использования этих традиций аборигенным населением городка — остяками и самоедами в последующие столетия.

В вещевом комплексе конца XV–середины XVI в., как и в более позднем, имеется достаточно много импортных предметов. Значительную часть привозных вещей мы небесспорно, но тем не менее в первую очередь связываем с русским происхождением. Среди этих товаров: сукно и одежда из цветного сукна (зеленого, красного, коричневого, желтого), выделанная телячья кожа и обувь из телячьей кожи (коты), голубые бусы (голландские?), медные котлы, железные крицы и ряд изделий из железа. С конца XVI по первую треть XVIII в. этот перечень не остается неизменным, но значительно расширяется. Совершенно очевидно, что со второй половины XV в. между аборигенным населением бассейна р. Надым в лице жителей Надымского городка и русскими торговцами существовали прочные и постоянные торгово-меновые отношения. Каким образом и где происходил торг, пока остается достоверно не известным. Пребывание русских купцов в городке позднее середины XVI в. археологически не зафиксировано. Это позволяет предполагать, что в XVII–XVIII вв. торгово-меновые операции происходили далеко за пределами данного населенного пункта.

По нашему мнению, характерные русские домостроительные приемы и традиции в архитектуре Надымского городка не могли опосредованно появиться на территории Северо-Западной Сибири и осваиваться аборигенным населением. Для

второй половины XV—первой половины XVI в. очевидно посещение Надымского городка русскими первопроходцами или, как минимум, людьми, тесно связанными с русской культурой.

Этот хронологический период хорошо известен в истории Московского государства как время активизации продвижения на северо-восточные территории. В 1465 г. военный отряд под руководством устюжанина Василия Скрябы был послан великим князем Иваном III «Югорскую землю воевати» (ПСРЛ, 1982. С. 91). Немногим позже в 1472 г. московские воеводы князь Федор Пестрый Стародубский и Гаврила Нелидов направлены покорять Пермь Великую (ПСРЛ, 1965. С. 147).

Через несколько лет неоднократные разорительные набеги пелымских вогулов на колонизированные восточные провинции стали поводом для организации Москвой в 1483 г. большой военной экспедиции «на Асыку на вогульского князя, да в Югру на Обь великую реку» под руководством воеводы Ивана Салтык Травина и князя Федора Курбского Черного (ПСРЛ, 1982. С. 95). Кроме собственно московских служилых людей в походе участвовали и другие подданные Московского государства: вологжане, устюжане, вычегжане, вымичи, сысоличи и пермяки. Этот поход оказался наиболее результативным. После него в 1484 г. в Усть-Выме между Москвой, восточными московскими провинциями и югорскими князьями был официально заключен и документально зафиксирован мир. После этого акта великий князь Иван III дополнил свой титул наименованием «великий князь Югорский». Хотелось бы подчеркнуть, что именно в этой документальной записи о мире впервые появляется термин «Обдор» и «обдорцы».

Из зырянского языка понятие Обдор (Обдория) означает место (местность) возле устья р. Обь (Дмитриев, 1991. С. 14). Это обстоятельство следует отметить особо, поскольку географически место впадения р. Обь в Обскую губу (залив Карского моря) находится в 30 км на северо-запад от Надымского городка. Там и находится одно из самых известных с древности и особо почитаемых святых мест коренных жителей — Святой Мыс — Хэбидя сале (Поляков, 2005. С. 117–119; Дмитриев-Садовников, 1918. С. 41). Не исключено, что в числе обдорцев, заключавших Усть-Вымский мир, могли быть и представители из Надымского городка.

Несмотря на успехи второго Югорского похода 1483 г. и мирный Усть-Вымский договор 1484 г.,

вероятно, административно-политическая ситуация с Югорской провинцией не была стабильной, что потребовало ее разрешения путем организации в 1499 г. третьего Югорского похода войск Московского государства. Этой военной экспедицией, в состав которой входило более чем 4000 ополченцев, руководили князья Петр Ушатый и Семен Курбский (сын Федора Черного) (ПСРЛ, 1982. С. 98). Важным итогом этого похода стало пленение и подтверждение покорности Москве многих вогульских и югорских вождей, а также прибавление к титулу великого князя Ивана III нового звания «князь Обдорский и Кондинский».

По мнению некоторых исследователей XIX в., в частности Н. А. Абрамова и А. А. Дмитриева, именно во время похода 1499–1500 гг. московские воеводы князья С. Ф. Курбский и П. Ф. Ушатый основали русские крепости на месте семи вогульских и югорских городков, одним из которых считался Обдорский (Абрамов, 1857. С. 362; Дмитриев, 1991. С. 21). Правда, следует заметить, что эта точка зрения критиковалась современными исследователями за необоснованность (Шашков, 2000. С. 97–98).

Все же по данным письменных источников известно, что маршрут последнего похода проходил в низовьях р. Обь. Косвенным свидетельством того, что отдельные отряды во время третьего Югорского похода 1499–1500 гг. могли доходить до географического устья р. Обь и, соответственно, р. Надым, является упоминание последней в «Записках о Московии» австрийского имперского посла барона Сигизмунда фон Герберштейна, который составлял описание «Пути к Печере, Югре и до самой реки Оби», опираясь на сведения, полученные прежде всего от князя Семена Курбского (Герберштейн, 1988. С. 160–161). В качестве самого крайнего, расположенного в районе устья р. Обь, отправного населенного пункта Герберштейном упоминается некая Обская крепость (Там же. С. 157). Ряд исследователей, в частности А. Т. Шашков, идентифицирует ее со столицей Обдорского княжества, располагавшейся в районе устья р. Полуй (правый приток р. Обь) (Шашков, 2000. С. 102).

Весь круг источников археологических и письменных в совокупности с мнениями различных исследователей позволяет нам выдвинуть собственный вариант развития исторических событий, связанных с третьим Югорским походом и Надымским городком на рубеже XV–XVI вв. Вероятно, не закреплённые военным присутствием Усть-Вымские договоренности о мире и выплате

великому московскому князю дани мехами перестали выполняться значительной частью вогульских и югорских князей. Такое обстоятельство могло послужить поводом для военной операции не просто с целью устрашения и возобновления даннических отношений югорских князей, но и фактического закрепления этого статуса путем строительства опорных крепостей, в том числе для контроля за торговлей. Возможно, именно поэтому был снаряжен и направлен столь большой отряд (более 4000 человек), который, скорее всего, весной 1500 г. не весь вернулся на Русь. Кстати, в источниках говорится о возвращении князей С. Ф. Курбского и П. Ф. Ушатого со своими ратями, но не упоминаются возможные потери среди участников военной экспедиции (ПСРЛ, 1982. С. 98).

Принимая во внимание вышеприведенные данные, вполне логично предположить, что на месте аборигенного Надымского городка зимой 1499–1500 гг. одним из отрядов третьего Югорского похода был построен небольшой острог, и остатки именно его строений (стены и «башня») были обнаружены при раскопках 2008 г. Не исключено, что это его назвал Обской крепостью С. Герберштейн. Возможно, именно этот населенный пункт и был в то время центром Обдории, резиденцией обдорских князей. Не исключено, что этот пункт упоминается в письме четырех русских промышленников-поморов, нанятых для торговой экспедиции на Обь в 1584 г. Их письмо было адресовано находившемуся в Москве служащему английской торговой компании Антону Маршу. Промышленники описывали путь через «Камень» (горы Северного Урала) и назвали последний из пяти городков, расположенных в низовьях Оби: «Надежная (Nadesneaa), то есть крепость спокойствия и доверия. Она стоит на реке ниже всех других городков и ближе к морю» (Алексеев, 1932. С. 187). Возможно, что А. Марш прочитал в письме русифицированное название городка Надымский — Надежный, хотя таким эпитетом мог именоваться городок, сохранивший свой статус по праву нахождения на его месте русского острожка, выполнявшего функции охраны порядка для приезжающих промышленников и торговцев. В любом случае идентификация Надымского городка с самым крайним, в низовьях Оби, пунктом на пути в Мангазею — крепостью «Надежная» подерживается современными исследователями (Шашков, 2000. С. 107).

Вместе с тем существует еще один факт, который следует привести в контексте наших постро-

ений. Судя по зафиксированной в результате археологических исследований стратиграфии нижней, еще не раскопанной части культурного слоя, мощность отложений, содержащих срубные строения, составляет от 0,7 до 1,1 м. Такой слой даже при большой интенсивности формирования вряд ли мог сложиться за период менее чем 50 лет. По крайней мере, мощность культурного слоя Мангазейского городища, активно развивавшегося ограниченный период с 1601 по 1660–1670-е гг., составляет 0,5–1,0 м (Визгалов, Пархимович, 2008. С. 152–153; Приложение: Карты и чертежи, л. 11). Если наше предположение верно, то самые первые русские строения Надымского городка могли появиться ранее, предположительно в 1483–1484 гг.

Таким образом, исследования Надымского городка в 2008 г. позволили получить новые археологические данные, являющиеся важным источником для реконструкции исторических событий раннего и позднего периодов колонизации Сибири при отсутствии достаточного количества письменных материалов для этого времени.

Абрамов, 1857 — Абрамов Н. А. Описание Березовского края // Записки РГО. СПб., 1857. Кн. 12.

Алексеев, 1932 — Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск. Т. 1, ч. 1 (XIII–XVII вв.).

Вершинин, 2005 — Вершинин Е. В. Надымский городок в письменных источниках XVII–XVIII вв. // Русское освоение Ямала до начала XX века (документы и исследования): К 75-летию Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург, 2005.

Визгалов, Пархимович, 2008 — Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург, 2008.

Гарост, 2003 — Гарост С. А. Справочное пособие русских монет с 1462 г. по 1717 г. Минск, 2003.

Герберштейн, 1988 — Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. Б. Назаренко. М., 1988.

Дмитриев, 1991 — Дмитриев А. А. История Угорских княжеств // Уральский областник. Екатеринбург, 1991.

Дмитриев-Садовников, 1917, 1918 — Дмитриев-Садовников Г. М. Река Надым // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1917. Вып. 28; 1918. Вып. 29.

Дунин-Горкавич, 1995–1996 — Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1995–1996. Т. 1–3.

Зыков и др., 1994 — Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие: древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург, 1994.

Кардаш, 2000 — Кардаш О. В. Надымский городок и русское освоение Северо-Западной Сибири в XVII в. (по материалам археологических исследований) // Культурное насле-

- дие народов Западной Сибири: Русские: Тез. докл. III Сибирского симпозиума. Тобольск; Омск, 2000.
- Кардаш*, 2001a — *Кардаш О. В.* Материальная культура населения низовой реки Надым в XVII—начале XVIII вв. (по материалам археологических исследований Надымского городища) // Самодийцы: Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2001.
- Кардаш*, 2001b — *Кардаш О. В.* Археологические исследования // Отчет о НИР: Комплексное изучение Надымского городища летом 2000 года. Нефтеюганск, 2001. Т. 1, 2.
- Кардаш*, 2002 — *Кардаш О. В.* Материальная культура остяков Надымского городка // Северный археологический конгресс (9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск): Тез. докл. Екатеринбург, 2002.
- Кардаш*, 2003 — *Кардаш О. В.* Эволюция элементов традиционного жилища народов Севера (по материалам археологических исследований поселений XVI–XIX вв.) // Угры: Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003.
- Кардаш*, 2004 — *Кардаш О. В.* Комплексные исследования Надымского городища // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2004. Вып. 2.
- Кардаш*, 2005 — *Кардаш О. В.* Комплексное изучение Надымского городища. Итоги исследований 1998–2003 годов // Научный вестник. Салехард, 2005. Вып. № 4 (35): Обдорья: История, культура, современность.
- Кардаш*, 2006 — *Кардаш О. В.* Административные центры аборигенных «княжеств» Северо-Западной Сибири в конце XVI—первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского и Обдорского городков) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2006. № 13.
- Кардаш*, 2008a — *Кардаш О. В.* Отчет о НИР: Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2007 году. Нефтеюганск, 2008.
- Кардаш*, 2008b — *Кардаш О. В.* Оборонительно-жилые комплексы аборигенного населения субарктических районов Западной Сибири (по материалам комплексного изучения укрепленных поселений XIV–XVII вв.) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 2.
- Кардаш*, 2009 — *Кардаш О. В.* Надымский городок. История и материальная культура конца XVI—первой трети XVIII вв. Екатеринбург; Нефтеюганск, 2009.
- Косинцев*, 2006 — *Косинцев П. А.* Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники. Екатеринбург; Салехард, 2006.
- Крадин*, 1988 — *Крадин Н. П.* Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988.
- Лукина*, 1985 — *Лукина Н. В.* Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск, 1985.
- Маковецкий*, 1955 — *Маковецкий И. В.* Памятники народного зодчества Русского Севера. М., 1955.
- Мартин*, 2004 — *Мартин Ф. Р.* Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. Екатеринбург; Сургут, 2004.
- Мартынова*, 1998 — *Мартынова Е. П.* Очерки истории и культуры хантов. М., 1998.
- Мартынова, Кардаш*, 2001 — *Мартынова Е. П., Кардаш О. В.* Этнологические исследования // Отчет о НИР: Комплексное изучение Надымского городища летом 2000 года. Нефтеюганск, 2001. Т. 6.
- Обдорский край..., 2004 — Обдорский край и Мангазея в XVII в.: Сб. документов. Екатеринбург, 2004.
- Описание Тобольского наместничества, 1982 — Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982.
- Ополовников*, 1983 — *Ополовников А. В.* Русское деревянное зодчество: Гражданское зодчество. М., 1983.
- Ополовников*, 1989 — *Ополовников А. В.* Сокровища Русского Севера. М., 1989.
- Орешников*, 1896 — *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 года (с дополнениями 1901 г.) // Императорский Российский исторический музей им. Имп. Александра II: Описание памятников. М., 1896. Вып. 1.
- Поляков*, 2005 — *Поляков И. С.* Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук: Приложение к XXX-му тому Записок Имп. Академии наук; № 2. Тюмень, 2005.
- ПСРЛ, 1965, 1982 — ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). Т. 12: Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 1901 (фототипическое переизд.: М., 1965); Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI—XVIII вв. / Сост. Н. А. Казакова, К. Н. Сербина. Л., 1982.
- Сирелиус*, 2001 — *Сирелиус У. Т.* Путешествие к хантам. Томск, 2001.
- Федорова*, 2006 — *Федорова Н. В.* Войкарский Городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник. Салехард, 2006. Вып. № 4 (41): Научно-практич. конф. «Обдорья: история, культура, современность».
- Федорова и др.*, 1991 — *Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М.* Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991.
- Чемякин, Карачаров*, 2002 — *Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г.* Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2002.
- Шашков*, 2000 — *Шашков А. Т.* Северный Урал и Нижнее Приобье в конце XV—XVI вв. (по русским и иностранным письменным источникам) // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000.

Nadymsky Gorodok in the 15th and 16th centuries: Results of Field Investigations of 2006–08

O. V. Kardash

The present article is a publication of the first results of interdisciplinary studies of the cultural level of Nadymsky Gorodok (Military Camp of Nadym) dated to the period from the late 15th to the late 16th century. Excavations of 2006–2008 revealed the remains of a structure of rectangular plan with two entrance «towers» built of massive logs as lobbies or outer entrance halls. The defensive wall of the structure was constructed of a horizontal set of logs fixed between vertically installed pillars. Inside, the ensemble was constituted by dwelling houses of blockhouse or paling type construction. The houses were provided with swivel doors. The general principles of this structure have parallels among the architecture of Russian stockade settlements of the late 16th to 18th century throughout North-Western Siberia.

The latter fact suggests that, in the second half of the 15th and first half of the 16th century, among the builders of Nadymsky Gorodok there were Russian pioneers or

people closely related with Russian culture. In the opinion of a number of researchers, during the campaign of 1499–1500, Moscow voivodes princes S.F. Kurbskiy and P.F. Ushatyi founded Russian fortresses, among which supposedly was Obdorsky Gorodok, at the sites of seven Vogulian and Yugorian military camps.

Taking in consideration the above facts, it is quite plausible that one of the detachments of the third Ygor Raid founded a small stockade fort (*ostrog*) and exactly the remains of this structure (the walls and the «tower») have been revealed during the excavations of 2006–2008. It is possible also that exactly this fort was called the «Obskaya Fortress» by Sigmund Herberstein. The archaeological evidence obtained suggests that the remains of Nadymsky Gorodok are an important source for studies and understanding of the history of the early and later periods of colonisation of Siberia for which so far no satisfactory number of written documents are available.

Рабочая одежда и обувь средневековых горожан

А. В. Курбатов¹

Введение. Необычайно широкое использование изделий из кожи в быту, повседневных занятиях и ремесле средневековых русских горожан получает все более широкое подтверждение по мере накопления и обработки новых археологических коллекций. Сегодня мы можем говорить не просто о видах изделий, но и различать варианты изделий по их конкретному использованию.

До настоящего времени в работах отечественных историков понятие «рабочая одежда и обувь» как дефиниция материальной культуры не нашло своего самостоятельного развития. При описаниях одежды (как комплекта одеяний вообще) или костюмов (деталей одежды, намеренно сочетаемых в комплекте полного одеяния), как правило, рассматриваются носимые в конкретное время и в определенном обществе формы одежд. Выделяются теплые (зимние) формы одежды, а также одежды, надеваемые по случаю, — парадные, праздничные, ритуальные (погребальные, свадебные). При этом общественные нормы ношения одежды, прослеживаемые в многочисленных этнографических заметках и описаниях с XVIII в. и позднее, нередко переносятся на более раннее время. Это видно из той необычайно широкой временной «амбразуры», в которой дается характеристика одежды и норм ее ношения. Например, в работе М. Г. Рабиновича (*Рабинович*, 1988. С. 199 и сл.) традиции в одеждах рассматриваются в русском городе на всем исторически прослеживаемом диапазоне — с X в. по XVIII—XIX вв.

В упомянутой работе отмечается очень важная черта быта XVI—XVII вв. — бережное отношение к одежде и ее сохранению, на что указывают многие статьи Домостроя (Там же. С. 201). В городской семье различалась одежда — рабочая, повседневная и праздничная. Домострой предписывал хозяевам и даже слугам в богатом доме иметь не менее трех *перемен* платья: *ветшаное* (старое) — для работы, чистое всedневное — надевать перед

хозяином и лучшее — носить «в праздник и при добрых людях» (Домострой, 1994. Гл. 26. С. 34). Сама трудоемкость домашней выделки тканей и пошива одежды была, надо полагать, основной побудительной причиной ее сбережения. Это предположение можно распространить на все периоды русского средневековья, так же как и на XVIII—XIX вв., что дает основания для поиска археологических соответствий понятиям рабочая одежда, или *ветшаное платье*, в археологических коллекциях XI—XVI вв. В настоящей работе мы остановимся только на изделиях из кожи, иногда в сочетании с растительным сырьем, находимых в археологических раскопках, которые можно наиболее определенно считать предназначенными для разного рода работ.

Прежде всего, объяснения существовавшего разделения одежды по занятиям дают письменные документы. Рабочую одежду можно разделять на две группы, находящие отражение в письменных источниках, — рабочую вообще, предназначенную для «грязных» работ, и специализированную, используемую при определенных видах хозяйственной или ремесленной деятельности, а также на промыслах. Археологические материалы дают визуальное и конструктивное деление изделий, но не объясняют их назначения. В настоящее время мы можем провести самостоятельный анализ форм рабочей одежды и обуви по письменным и археологическим источникам, различая три их вида — обувь, рукавицы и фартуки.

Письменные источники. Имеется много источников для изучения средневековых одеяний, относимых к XVI—XVII вв. Еще больше данных обнаруживают письменные документы XVIII—XIX вв. И большое число сведений об одежде и обуви для конкретных занятий содержат этнографические коллекции и полевые сборы конца XIX—XX в. При использовании данного рода исторической информации необходимо учитывать, что из контекста не всегда можно понять, являются ли различные названия изделий указанием на своеобразие их конструкции и пошива или здесь имеет место региональное словоупотребление. Очень осторожно следует подходить и к реконструкции

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

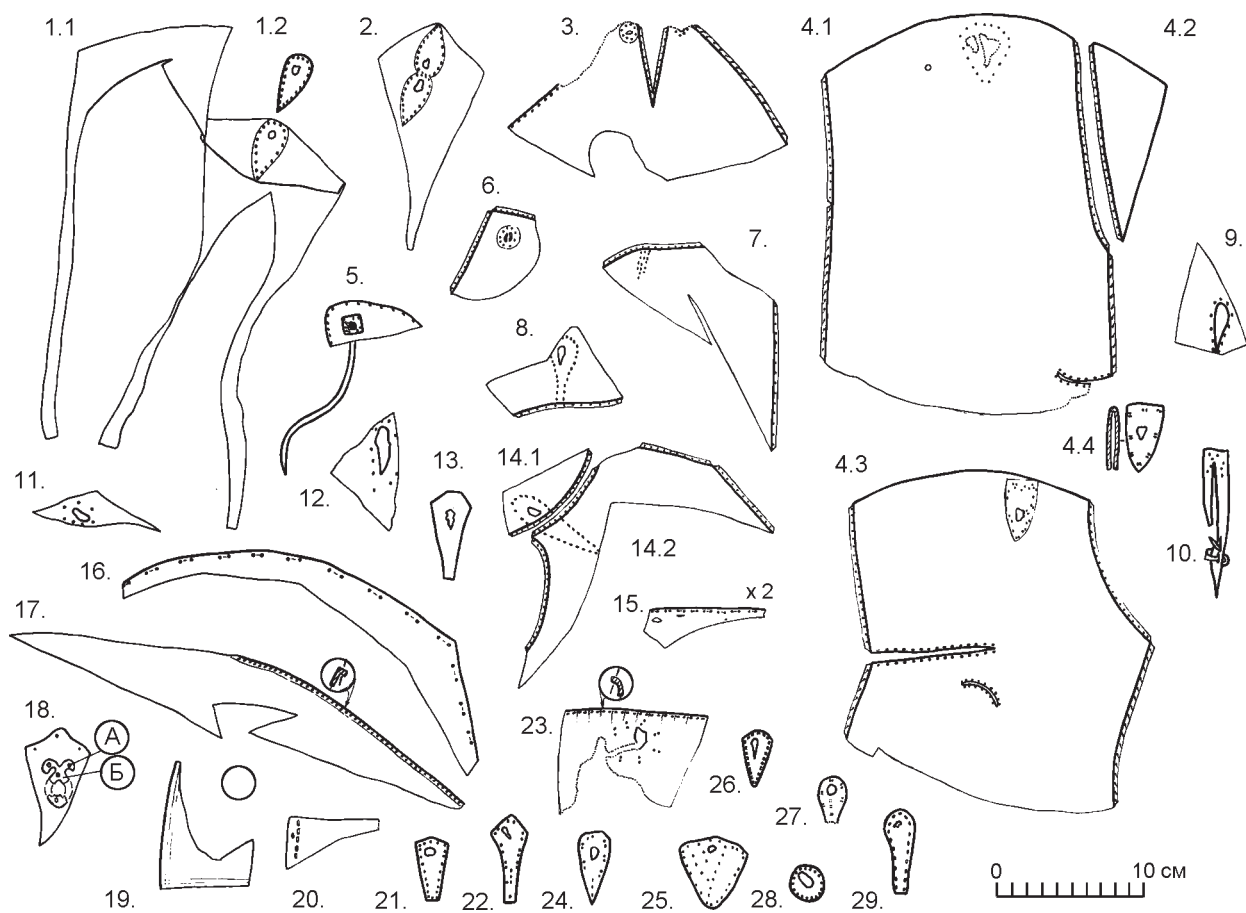

Рис. 1. Тверской кремль, 1993–1997. Завязки с усилительными накладками на деталях разного назначения; детали неопределенных изделий

Fig. 1. Tver Kremlin, 1993–1997. Laces with strengthening overlays on parts of different purpose; parts of unidentifiable leather articles

формы предметов XVI–XVII вв. по описаниям одноименных вещей более позднего времени. В некоторой степени уточнить содержание ранних названий вещей помогают изобразительные и археологические материалы.

Обувь рабочая. Из древнейших наименований обуви, которую можно было бы считать «рабочей», до нас дошли названия *поршни*, *лапти* и *постолы*. В целом, все эти наименования отражают близкие по конструкции формы низкой обуви, покрывающие ступню, но не закрывающие лодыжку. При этом нельзя забывать, что названия обуви в древности могли относиться к иной по материалу и способу изготовления обуви, чем это известно из позднейших этнографических источников.

Название *поршни* встречается в летописной записи, относящейся к 1074 г., но сама запись, по времени составления дошедшего до нас источника, относится только к XVI в.: «Егда же приспеаше зима и мрази лютии, стояше въ порхшьныхъ въ протоптанныхъ». С этого времени мы имеем

много письменных вариантов названия этой обуви (СлРЯ XI–XVII вв., Вып. 17, 1991. С. 145). Но материал и техника изготовления могли быть различными в разных местностях и в различное время. Предполагается изготовление древних *поршней* из одного куска кожи, сгибаемого по ноге и фиксируемого завязками, продеваемыми сквозь вырезы вдоль всего верхнего края. В позднейшее время данное название относится к широкому кругу обувных форм из кожи и растительного сырья (СРНГ, Вып. 30, 1996. С. 116–118).

То же самое относится и к другому названию обуви — *постолы*. Это название отмечено в одном из списков уже цитированной летописной записи и также может быть объективно отнесено только к XVI в. В отличие от названия *поршни*, название *постолы* можно считать древним славянским, поскольку оно известно во многих славянских языках. Более того, М. Фасмер сближает его происхождение с древнеиндийским *padatale* — «подшвы башмаков». С другой стороны, есть осно-

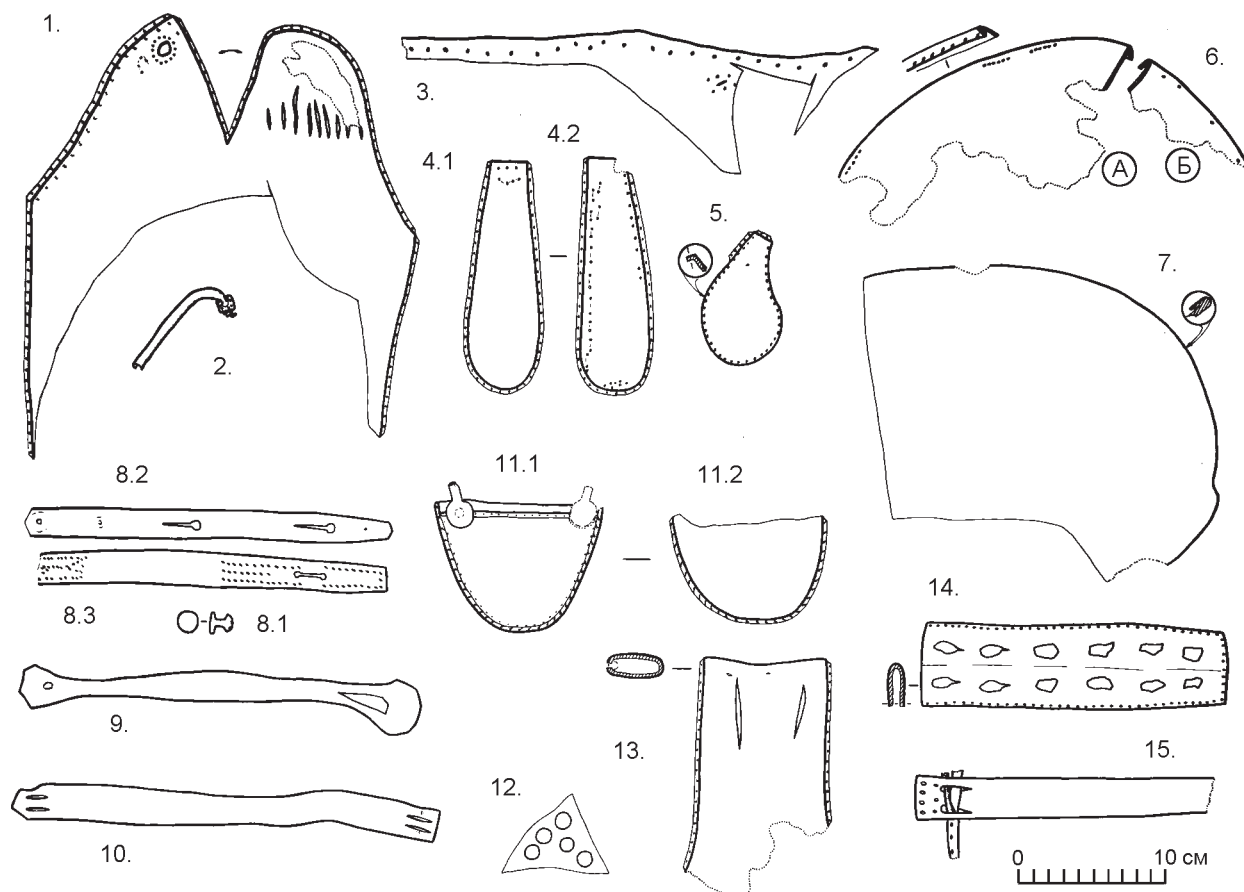

Рис. 2. Тверской кремль, 1993–1997. Детали разного назначения

Fig. 2. Tver Kremlin, 1993–1997. Leathern parts of different purpose

вания считать, что это название могло быть заимствовано из тюркских языков (Фасмер, Т. 3, 1996. С. 341–342). Так же как и *поршни*, название *постолы* в позднейшее (в новое и новейшее) время связывается с широким спектром различной низкой обуви — кожаной, матерчатой или сплетенной из веревок. Последнее сближает ее с такими названиями обувных форм, как *плетежки*, *плетенки* (СРНГ, Вып. 27, 1992. С. 120–121; Вып. 30, 1996. С. 232; СРГС, Вып. 3, 2002. С. 180, 250–251), а также *тюни*, *чуни* (Фасмер, Т. 4, 1996. С. 383; НОС, Вып. 12, 1995. С. 68).

Археологические находки плетенных из бересты *лаптей* не встречаются в археологических комплексах ранее XVI в. Но из древнерусских комплексов происходят низкие обувные модели, плетенные из кожаных ремней, которые и могли называться лаптями. В ГИМе хранится пара подошв таких лаптей, но происхождение их остается неясным (Левашева, 1959. С. 42). Такого мнения придерживался и Д. К. Зеленин (Зеленин,

1982. С. 135–136). Остается археологически неподтвержденным и древнерусское название *лыченица*, отмеченное в «Слове» Даниила Заточника и понимаемое как «лапоть, плетенный из лыка». «Слово» известно только по спискам XVII в., хотя и восходящим к редакциям XII и XIII вв. Кроме этого упоминания имеется запись в Степенной книге 1560 г., включенная в Никоновскую летопись: «Во вся бо дньи жизни сея хожаше (Касиянь Босый) обувень просто въ сандалеицо лычьно» (Вахрос, 1959. С. 126). Таким образом, написание текстов, содержащих названия *лапоть* и *лыченица*, относится только к XVI–XVII вв., когда лыковые лапти уже появились в археологических слоях и когда они начинают встречаться в письменных контекстах, позволяющих видеть в них рабочую обувь, преимущественно употребляемую при сельскохозяйственных работах (Курбатов, 2001. С. 230–231; Громов, 1977. С. 202, 205).

Группа названий определяет высокие сапоги и сапоги с обрезанными голенищами в качестве

повседневной обуви для работ во дворе, на огороде и в других случаях — это *бахилы*, *боты*, *скрешни* и *ступни*. Слово *бахилы* встречается в документах с XVII в., где означает «высокие мягкие сапоги вроде чулок, подвязываемые выше колен, жесткая обувь с голенищем». Раннее употребление связано с обозначением солдатской обуви — «[1674 г.] въ бахилкахъ въ салдатскихъ», но также известно и как имя собственное «[1646] лавка ... Федки Бахилова» (*Вахрос*, 1959. С. 63–64). Словарь Академии Российской конца XVIII в. определяет *бахилы* как «род крестьянской обуви, делаемой наподобие котов; но передки у них бывают короче и подвязываются ремнями, как лапти» (СлРЯ XVIII в., Вып. 1, 1984. С. 152). На Русском Севере в XIX в. так называли «рабочие сапоги, обычно без ранта и каблуков, с круглыми носками и высокими голенищами». В Верхнем Поволжье и Предуралье это — «большие мужские сапоги-коты, с пришитыми или привязанными голенищами». Могли быть *бахилы* и с обрезанными голенищами. Общее для этой обуви — простота пошива, большая ширина и просторность для ноги при обувании. Варианты использования — для хождения в грязное время вообще, для полевых работ, для работ на реке, на рыбной ловле и звериных морских промыслах (СРНГ, Вып. 2, 2002. С. 156; *Подвысоцкий*, 1885. С. 5; ПОС, Вып. 1, 1967. С. 133; *Куликовский*, 1898. С. 3; НОС, Вып. 1, 1992. С. 39). По позднейшим этнографическим материалам *бахилами* считали преимущественно кожаные сапоги домашнего изготовления с длинным голенищем или любую рабочую простую обувь, а также род низкой обуви и женских туфель, скорее всего, также предназначенных для работы во дворе, огороде (АОС, Вып. 1, 1980. С. 130–132; СРНГ, Вып. 2, 2002. С. 153).

Ботами в XVIII в. считали «род кожаной крестьянской обуви» (СлРЯ XVIII в., Вып. 2, 1985. С. 117). Записи XIX–XX вв. дают широкий спектр значений *бот* как повседневной обуви — сапоги, мужские полусапожки, ботинки, галоши, туфли, лапти (СРНГ, Вып. 3, 2002. С. 139). Ранее XVIII в. это название, вероятно, также относилось к повседневной обуви, хотя упоминаний очень мало. Известны расшифровка *бота* как «пол. сапога» в Алфавите XVII в. и сообщение о покупке в 1693 г. «к темь ботамъ... гвоздья» (СлРЯ XI–XVII вв., Вып. 1, 1975. С. 303; Вып. 19, 1994. С. 93). В Радзивилловской летописи под 1074 г. имеется известная фраза: «Егда же приспеяше зима и мрази лютии, и стояше (Исакии. — А. К.) въ утлых ботех яко примерзнути ногама къ камени и не двигнѣ-

шес(я) ногама; донде же отпояху утренюю». Но сам список по времени написания (т. е. переписывания с более ранних списков) датируется XV в. (*Вахрос*, 1959. С. 70). В свете того, что для XV–XVI вв. упоминаний *бот* в хозяйственных документах нет, написание самой фразы тоже может быть отнесено к более позднему времени.

Скрешни для XIX–XX вв. определялись как «сапоги с отрезанными голенищами, босовики» (*Даль*, Т. 4, 1882. С. 208; *Вахрос*, 1959. С. 169; СРНГ, Вып. 38, 2004. С. 135). Самое раннее их упоминание, единственное для XVI–XVII вв., найдено в приходо-расходной книге Корнильева Комельского монастыря за 1577 г.: «Курбатку Гридину сну Бирюлину служити во вся дни, ... а доживет до рож[е]ства Хрства ино ему додати полпята ж алтна да скрешни» (СлРЯ XI–XVII вв., Вып. 25, 2000. С. 21). Близкими к *скрешням* были *ступни* — «короткие кожаные сапоги». Слово встречается в деловых документах со второй половины XVI в.: «[1563] Ступни — дал семь денег, две окончины — алтын». Из разговорной речи псковичей начала XVII в. мы знаем о существовании особых мастеров-ступников (СлРЯ XI–XVII вв., Вып. 28, 2008. С. 221).

К повседневной рабочей обуви следует отнести и *ходаки*, встречаемые в челобитной грамоте XVII в. «И он им ходаки двои и чулки купил и понес было, и стрелцы ево згребли и учили спрашивать, кому ходаки и чулки купил» (СлРЯ XI–XVII вв., Вып. 23, 1996. С. 238).

Обувь рыбаков и моряков. В письменных источниках мало прямых указаний на бытование специальной обуви для отдельных занятий, и те относятся только к XVI–XVII вв., когда регламент хозяйственной деятельности повсеместно записывали. В приходо-расходных книгах отмечены разные названия обуви для рыбаков. Чаше других встречается название *долгари*, сохранявшееся длительное время (СлРЯ XI–XVII вв., Вып. 4, 1977. С. 296; СПЛ, XV–XVII вв., Вып. 1, 2003. С. 167, 182; СРНГ, Вып. 8, 1972. С. 105). К рыболовецкой обуви иногда относили *пришитки* — сапоги с высокими голенищами: «[1592] Дано от шитья от троих сапогов от пришитков от ловецких гривна» (СлРЯ XI–XVII вв., Вып. 20, 1995. С. 85). Кроме того, известны *баламутные сапоги*, название которых происходит от названия рыболовной снасти, невода — *баламут*, а также *ловчие сапоги* (СлРЯ XI–XVII вв., Вып. 1, 1975. С. 67; Вып. 7, 1980. С. 116; Вып. 8, 1981. С. 97, 265, 269). В XIX в. самыми известными среди специальных рыболовецких сапог в северо-западных областях были *осташки* — продукция мастеров города Осташкова.

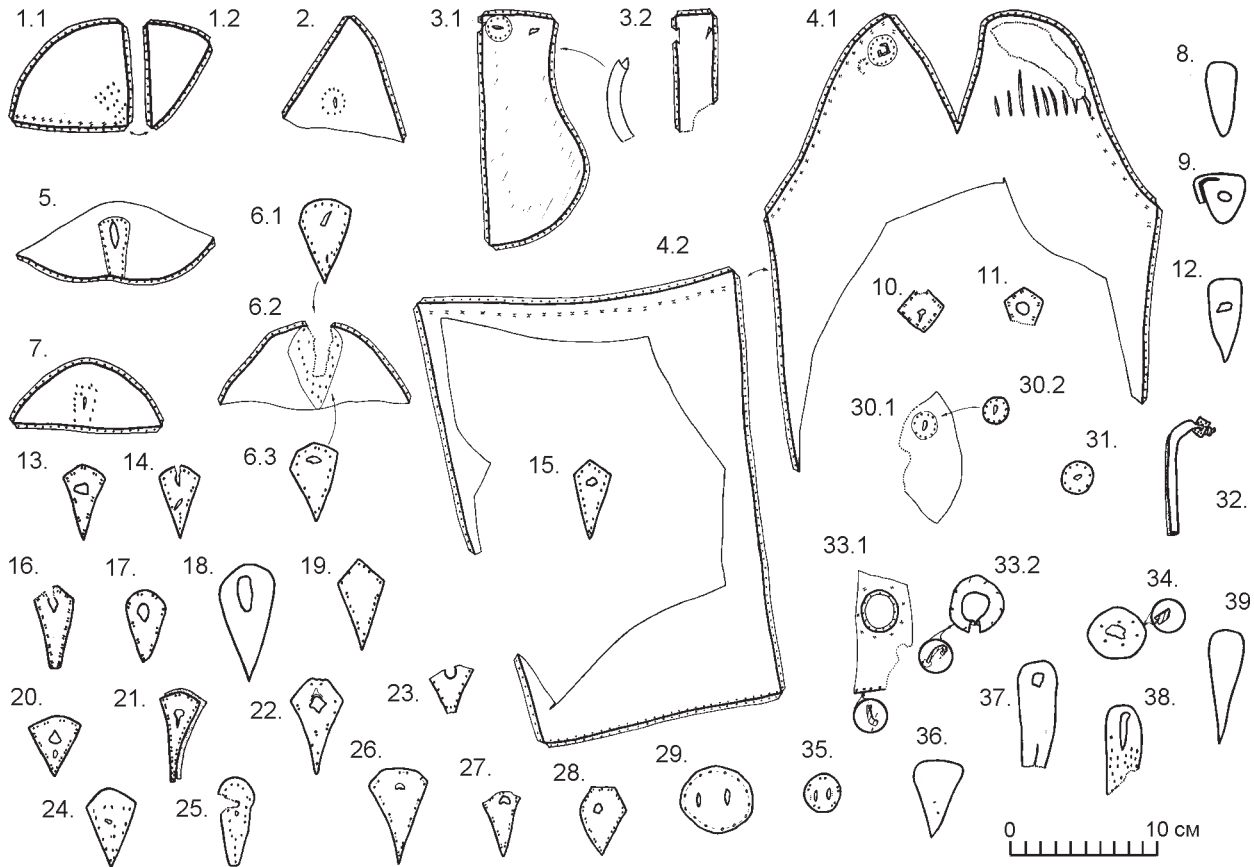

Рис. 3. Тверской кремль, 1993–1997. Завязки, усилительные накладки и обшивка на предметах разного назначения
 Fig. 3. Tver Kremlin, 1993–1997. Laces, strengthening overlays and sewn-on covers on different articles

Это высокие (в аршин высотой) выворотные, непромокаемые сапоги без гвоздей (СРНГ, Вып. 24, 1989. С. 61–62). На Севере России со второй половины XVII в. известны широкие рыбацкие сапоги — *хайлы*: «[1684] Мережа редкая... ветха жъ; 8 хайль кожаныхъ ловецкихъ, одиннадцатеры водяницы ветхи жъ» (СлРЯ XI–XVII вв., Вып. 2, 1975. С. 260). Возможно, подобную обувь в регионе Северной Двины в XVII в. называли «уляди с голенищами рыбацкие» (СлРЯ XI–XVII вв., Вып. 22, 1995. С. 271), а во второй половине XIX–XX в. — *батыры* (СРНГ, Вып. 2, 2002. С. 141).

Рукавицы — это общее название детали одежды, закрывающей руки и пальцы. Рукавицы впервые упомянуты в смоленской грамоте 1229 г. В документах разного времени называются несколько видов рукавиц, различных по материалу и манере изготовления, — *вареги*, *верхницы*, *голицы* и *перчатые* (*перстатые*). В крае основное отличие существует между рукавицами и перчатками — *рукавицами перстатыми*. По материалу различались рукавицы: кожаные (дубленые и замшевые — мятинные), меховые (собольи, оленьи, барановые,

волчьи, лисьи), матерчатые (холщовые, атласные, бархатные), а по назначению известны: *рукавки* — рукавицы для ношения ловчего сокола (СлРЯ XI–XVII вв., Вып. 22, 1995. С. 244–245), *водяницы* — кожаные рыбацкие рукавицы (СПЛ XV–XVII вв., Вып. 1, 2003. С. 93), голицы «для рыбной ловли», рукавицы для работы при засолке рыбы — *солильные*, рукавицы охотничьи, разделяемые на три вида по толщине, рукавицы — *верхницы надолонки*, для работы на скотном дворе (СлРЯ XI–XVII вв., Вып. 5, 1978. С. 156; Вып. 10, 1983. С. 75; Вып. 18, 1992. С. 12). Также часто упоминаются рукавицы — *дельницы*, *деяницы* — специальные вязаные рукавицы — варежки, предназначенные, видимо, для всякой ручной физической работы. В текстах они порой отделяются от других рукавиц: «[1651] Вкладная в полтретя рубли двои рукавицы з деяницами цена восьми алтын» (СлРЯ XI–XVII вв., Вып. 4, 1977. С. 210, 240–241).

В письменных источниках с XVI в. одно из значений слова *голица* — это кожаная рукавица без подкладки. Их также называли *голянками* и *голяншинными рукавицами*, что заставляет по-иному по-

нимать специальность *голяничника*, отмечаемую в Новгородских писцовых и лавочных книгах XVI в.: «[1592] Куплены шестеры рукавицы голенишные» (СлРЯ XI–XVII вв., Вып. 4, 1977. С. 61, 71). В холодное время кожаные голицы надевали поверх вязанных рукавиц — *варег*: «Привозят на продажу... также голицы черныя юфтяныя, которыя носят на варигах» (СлРЯ XVIII в., Вып. 5, 1989. С. 152). Голицы можно назвать универсальной частью одежды, предназначенной для защиты рук от натирания при различных работах.

Кожаные фартуки были незаменимы в ряде производств и хозяйственных занятий городских и сельских жителей. На это указывают многочисленные упоминания фартуков в документах. Средневековый *завод*, т. е. весь комплекс оборудования и снаряжения разных средневековых ремесел, включал и рабочий фартук. Их использовали рыбаки, мясники, кузнецы, сапожники, кожевники и представители иных профессий. С XVII в. кожаный передник, или фартук, называли *завес(-а)*, *завеска*: «[1678] Кормщиком и рядовым... дано... на завесы кожа мячинная белая большая» (СлРЯ XI–XVII вв., Вып. 5, 1978. С. 145, 153). *Завесы* различали по назначению и месту изготовления, например: «3 завеса ярославских» (СПЛ, XV–XVII вв., Вып. 1, 2003. С. 210). Среди аналогичных рабочих одеяний называются *каптурь*, *передовик* — передник для рыбаков (СлРЯ XI–XVII вв., Вып. 7, 1980. С. 67; Вып. 14, 1988. С. 238) и *запон* (*запона*). Последний, видимо, представлял собой кожаный или холщовый фартук с рукавами и вырезом для головы: «[1646] Роспись кужгорским всяким снастем рудокопнаго горнаго дела... 2 запонишка ветхих кожаных дироватых, заслонь железной пешной» (СлРЯ XI–XVII вв., Вып. 5, 1978. С. 275). Название сохраняется и в XIX–начале XX в. (СРНГ, Вып. 10, 1974. С. 342–343).

Еще одно название легче устанавливается в ретроспективе. В конце XIX в. в Архангельской губернии широко использовался *перепряд* — кожаный фартук рыбаков, который делался из целой кожи и опоясывал тело кругом (Куликовский, 1898. С. 80; СРНГ, Вып. 26, 1991. С. 200). Для XVI–XVII вв. документы не содержат такого названия, но известно слово *перепряти*, которое можно считать названием фартука во множественном числе: «[1600] Того ж(е) дни куплено у Фетки у Наумова две кожи на перепряти» (СлРЯ XI–XVII вв., Вып. 14, 1994. С. 282).

Изобразительные материалы показывают некоторые варианты рабочей обуви и фартуков. Например, в Житии Сергия этот святой чудотворец показан в лаптях в сцене пахоты, а в сцене «Труды Сер-

гия» монахи изображены в низкой обуви, не закрывающей лодыжку (Арциховский, 1944. С. 187, 189, рис. 50, 51).

Многие позднесредневековые изображения ремесленников разных специальностей в странах Западной и Восточной Европы показывают, что в своей работе мастера могли использовать разные формы передников (фартуков). Такие одеяния, в частности, присутствуют у кожевников и обувщиков. Длинные погрудные фартуки с завязками на плечах отчетливо видны, например, на фигуре раскройщика кожи в Кракове, рисованной в 1505 г., а также на немецкой гравюре XVI в., показывающей деятельность трех человек в обувной мастерской, одновременно служившей и торговой лавкой. Фартук, закрывающий грудь, изображен и на рисунке варшавского сапожника 1799 г. С другой стороны, короткий — поясной фартук показан на краковском кожевнике, запечатленном в 1505 г. По-видимому, такие же поясные завесы были надеты на кожевниках в Гродно, изображенных на гравюре 1568 г. в момент скобления кож на реке. Хотя в последнем случае остается непонятной изображенная стадия работы — это могло быть мездрение или обезволашивание шкур (*Turnau*, 1983. No 18, 24, 38, 111, 112). Погрудный и поясной фартуки надеты на фигурах обувщиков, вытканых на знамени цеха сапожников одного из белорусских городов. Само знамя относится к XVII–XIX вв. (Археология Беларуси, 2001. Т. 4. Мал. 249).

С другой стороны, известны рисунки сапожников за раскройкой обуви в Mendel Housebook (Нюрнберг) XV в., где мастера одеты в какое-то длинное нераздельное одеяние, типа рясы, с отвернутым широким воротником. Но особого фартука на них не было (*Grew, de Neergaard*, 1988. Fig. 71). Можно ли считать изображенное одеяние специальным (тогда оно сравнимо с фартуками белорусских рыбаков по описаниям конца XIX в. — см. выше) или же это обычная одежда. Последнее может означать, что мастера работали очень аккуратно, и фартук им не требовался.

Археологические материалы. В археологических коллекциях кожаные изделия представлены деталями обуви, которые дают возможность выделения среди них рабочих форм, а также различными деталями рукавиц и фрагментами фартуков. В коллекции из раскопок Тверского кремля в 1993–1997 гг., в слоях и комплексах последней четверти XIII–первой четверти XIV в. встречена простая по конструкции мягкая обувь, без декора, что позволяет видеть в ней обувь для повседневного хождения и работ. Такие «рабочие туфли» выделены и в других городах — в Торопце, Полоц-

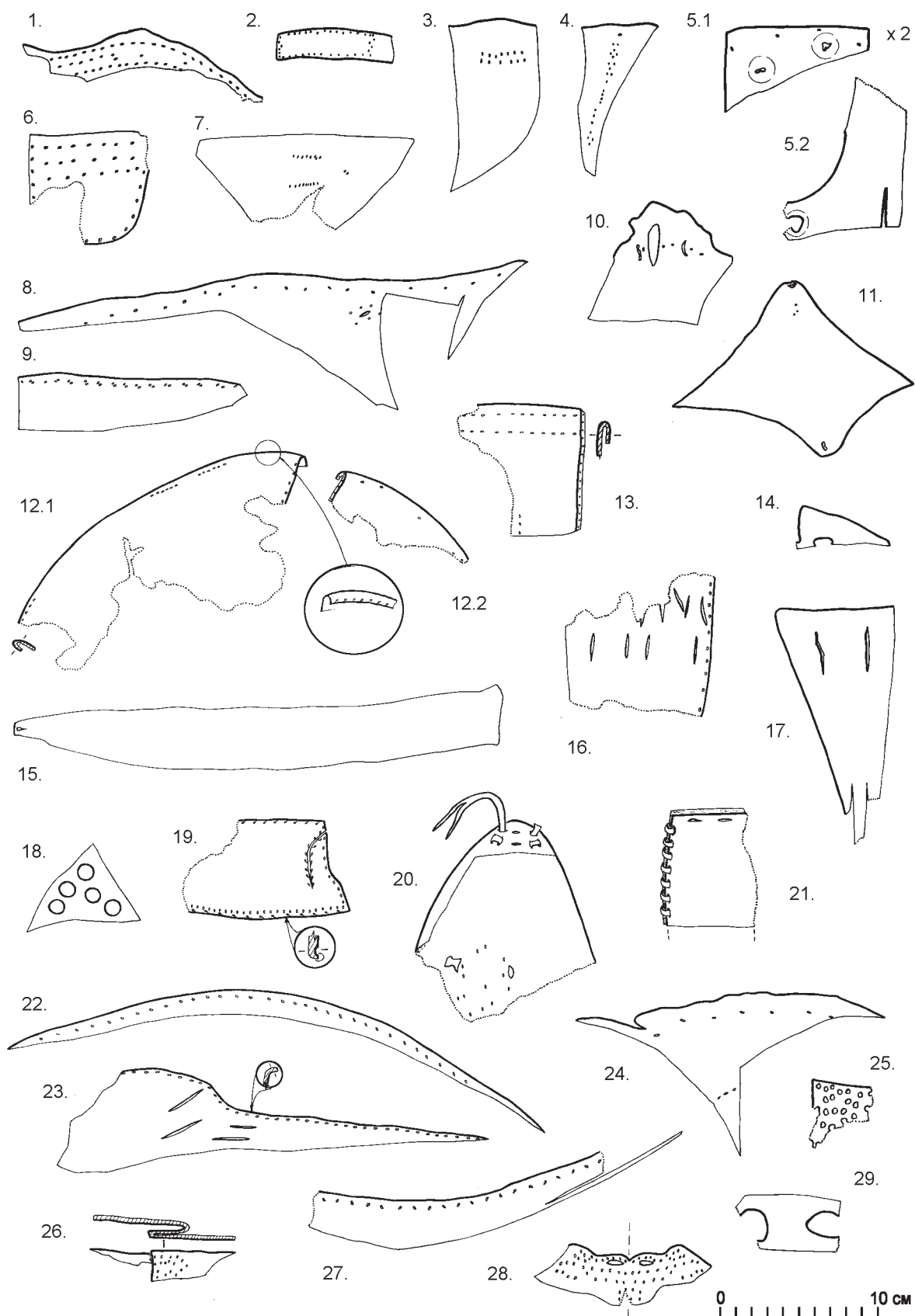

Рис. 4. Тверской кремль, 1993–1997. Фрагменты и обрезки неопределенных изделий
 Fig. 4. Tver Kremlin, 1993–1997. Fragments and cuttings of unidentifiable articles

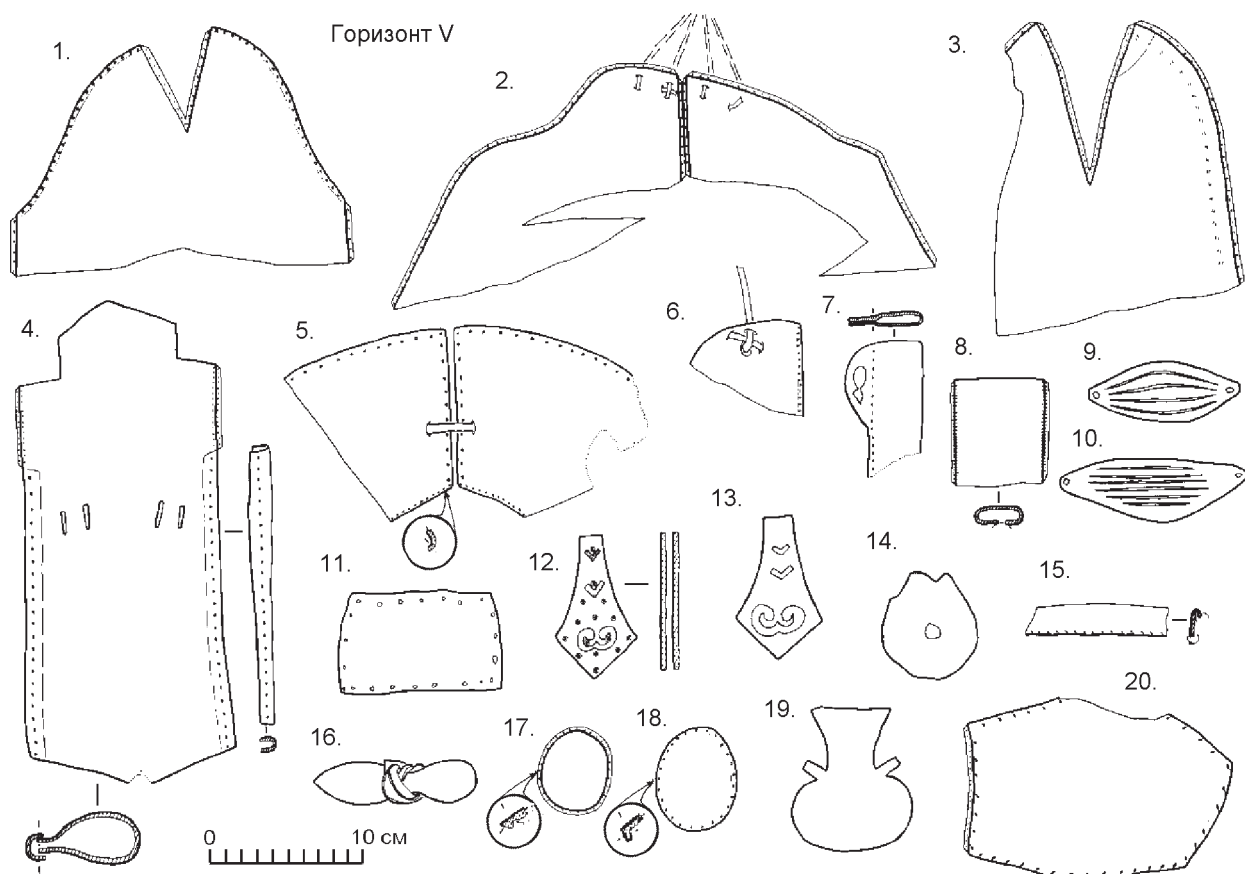

Рис. 5. Тверской кремль, 1985. Детали различных изделий, горизонт 5

Fig. 5. Tver Kremlin, 1985. Parts of different articles, horizon 5

ке, Берестье, Новгороде, Пскове, Старой Руссе. Их конструкцию можно считать исключительно древнерусской, неизвестной в других регионах Европы. Встречены ранний и поздний варианты «рабочих туфель». Ранний вариант обуви изучен в комплексе кожаных предметов с Рюрикова городища, датированных концом XI—первой половиной XII в., или более узко — первой четвертью XII в. Полная модель представляет цельнокроеную форму низкой мягкой обуви, где основной шов лежал на продольной оси подошвы. Обувь скроена из очень тонкой (0,8–1,0 мм) кожи мелкого рогатого скота и дополнительно уплотнена шестью внутренними деталями и прокладками. Верхний край основной детали был загнут внутрь и подшит к внутренним деталям (Курбатов, 2007. С. 94, рис. 13, I). Близкая по конструкции пара туфель найдена и в Старой Руссе в слоях второй половины XI—XII в. (Антропова, Торопова, 2001. С. 245, 255).

Поздний вариант, наряду с ранним, встречен в материалах первой половины XII в. с Рюрикова городища. В раскопе 2004 г. он представлен шестью деталями, причем четыре из них являются парными, т. е. относятся к двум моделям, сохра-

нившимся полностью. Но здесь показательно полное отсутствие обрезков деталей такой обуви, которые обычно в других городах составляют значительный процент от всех находок. Например, в Твери в последней четверти XIII—первой половине XIV в. «домашние туфли» были едва ли не самой популярной и общедоступной обувью (Курбатов, 2004. С. 48, рис. 43, 5, табл. 12).

Конструктивно поздний вариант состоит из двух основных деталей (передней и задней) и кожаной прокладки в подошвенный шов. Форма передней детали напоминает головку сапога, но ее ширина значительно больше длины, а боковые обрезы имеют тупой угол на стыке с передним обрезом — около 125°. Характерная стертость по краю головки говорит, что деталь является одновременно и верхом и подошвой, так как сложенный вдвое передний обрез сшивается на месте подошвы. Для герметизации нижнего соединения служит уплотнительная кожаная прокладка, представляющая узкую полоску кожи, шириной 10–12 мм, сложенную вдвое мереей наружу. Задник также напоминает однотипную деталь сапога, но отличается большей высотой и характерной стер-

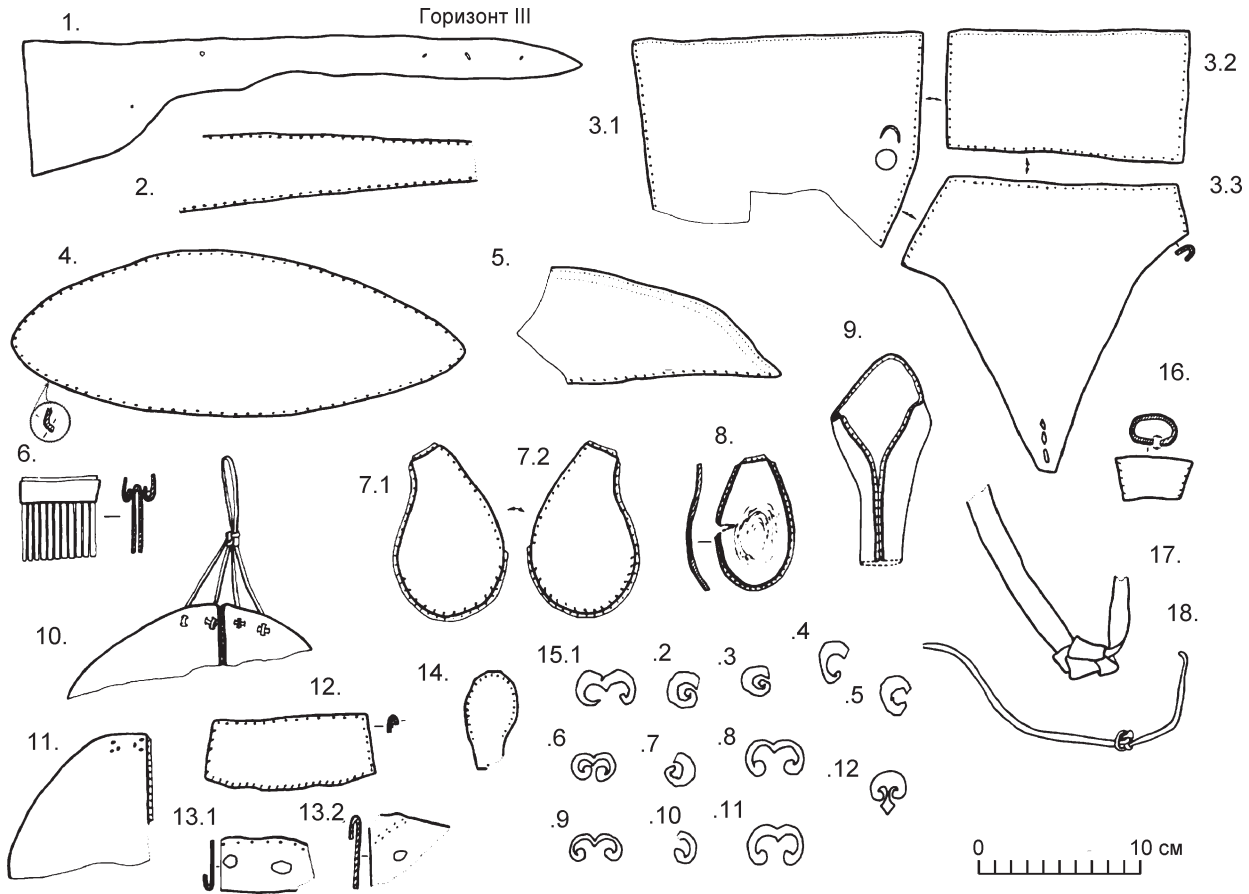

Рис. 6. Тверской кремль, 1985. Детали различных изделий, горизонт 3
 Fig. 6. Tver Kremlin, 1985. Parts of different articles, horizon 3

тостью краев на «подошве». В слое, как правило, встречаются не целые модели, а только обрезки деталей с подошвенной зоной со следами сильного износа. Это объясняется своеобразием «домашних туфель», не имеющих отдельно кроеной подошвы. Истирание подошвенной зоны приводило к тому, что широкий «верх» вырезался для повторного использования, а в отходы попадали узкие обрезки «подошвы» и прокладка в шов. Выделению обрезков такой обуви способствуют стабильные и выразительные черты конструктивного своеобразия, например, складки на передней и задней деталях по краю «подошвенного» шва. Оригинален и способ починки изношенных туфель, при котором стертый участок «подошвы» заменяется полуовальной вшивной заплатой.

Модели «домашних туфель» можно сопоставлять с изображениями простейших по пошиву форм обуви монахов, узнаваемых на рисунках из Жития Сергия Радонежского (Житие, 1853).

В коллекции конца XV—первой половины XVI в. из Ивангородской крепости кроме поршней и сапог встречены детали обуви, позволяющие реконструировать своего рода рабочие башмаки, пе-

решиваемые из старых сапог (Курбатов, 1991. С. 73, рис. 1, 5). Голенища сношенных сапог обрезались, а на подошвы ставились заплаты. В головках и задниках делались прорезы, сквозь которые продевались оборы, закреплявшие обувь на ноге. Подобное же использование старых сапог прослеживается и в других городах. Учитывая, что количество поршней и в Ивангороде и слоях этого времени в других городах относительно невелико, а мягкие туфли отсутствуют, такие обрезанные сапоги — опорки могли служить повседневной и рабочей обувью, называемой в разных местах *ступнями*, *скрешнями*, *ботами*. В связи с этими находками надо упомянуть и выделение в Пскове мастерской сапожника, который специализировался на ремонте и перешиве обуви в конце XV—XVI в. (Курбатов, Харлашов, 2004. С. 150—151).

Данные археологии о плетеной обуви не слишком представительны, несмотря на широкомасштабные раскопки в городах с хорошей сохранностью органических материалов. Во многих городах Руси лыковые лапти не были найдены. Это относится к древнейшим горизонтам Старой Ладogi VIII—X вв., синхронным упоминанию ла-

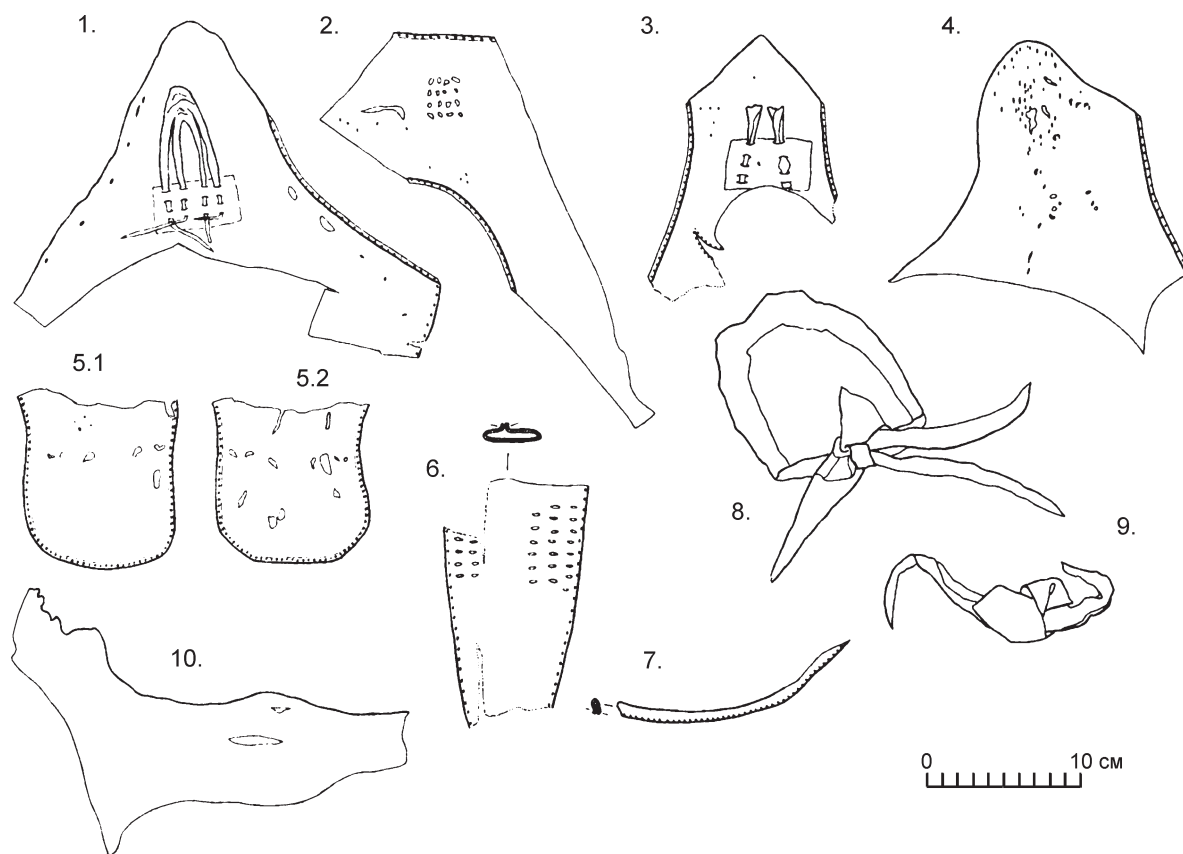

Рис. 7. Псков, ул. Ленина, 1988–1989, раскоп XIV. Различные кожаные изделия:

1–4 — обрезки фартуков; 5 — кошелек; 6 — чехол для ножа; 7 — обшивка края изделия — ?; 8 — петля с узлом; 9 — узел на обрезке кожи; 10 — обрезок с края кожаного листа

Fig. 7. Pskov, Lenina Street, 1988–1989, Excavation XIV. Different leathern articles:

1–4 — cuttings of aprons; 5 — purse; 6 — case for a knife; 7 — trimming of the edge of a leather article — ?; 8 — loop with a knot; 9 — knot on a leathern cutting; 10 — snap from the edge of a leathern sheet

потников в Повести временных лет, к средневековому Полоцку, Минску, Берестью и другим городам. Рассмотрение этого вопроса показало, что берестяная обувь появляется только в слоях и комплексах с XVI в. (Курбатов, 2001. С. 230). Эти выводы заставляют осторожно подходить к оценке находок в слоях древнерусского времени, сделанных в последние годы в Новгороде, Старой Руссе и других местах (Гайдуков, 1992. С. 110; Торопова и др., 2005. С. 52).

Описания и изображения фартуков в источниках XVI–XVIII вв. позволяют предполагать четыре конструкции. По ним можно составить представление о вариантах обрезков, которые могут быть выделены в археологических коллекциях. Первые три вида конструкций следуют из изобразительных источников XVI–XVIII вв., а четвертый вариант определяется по описаниям конца XIX в.

1). Прямоугольный пласт кожи, закрывающий нижнюю часть туловища (от пояса) и верхнюю часть ног до колен (бедр). Верхний край — горизонтальный. От верхних углов отходят два кожаных

ремешка — завязки, связываемые узлом на спине. Концы завязок могут быть пришиты на лицевой стороне или на изнаночной.

2). Прямоугольный пласт кожи с зауженной и скругленной верхней стороной, закрывающей грудь. Завязки, обернутые на поясе, расположены в средней части фартука. Кроме того, надо предполагать завязки на верхнем крае зауженного выступа, закрывающего грудь, так называемая грудинка (СРНГ, Вып. 7, 2002. С. 160).

3). Прямоугольный пласт кожи, закрывающий грудь и бедра, с широкими выступами по верхним углам, доходящими до плеч. На этих выступах, имеющих вид скругленного язычка, закреплены петли — завязки. Через петли, вероятно, протягивался широкий ремень, накидываемый на шею мастера. Вторым вариантом может быть соединение через петли с другой половиной фартука, закрывавшей спину (конструкция 4). В любом случае, завязки располагаются на середине длины, обертываются по поясу и завязываются на спине или в другой части туловища. Вариацией 4-й кон-

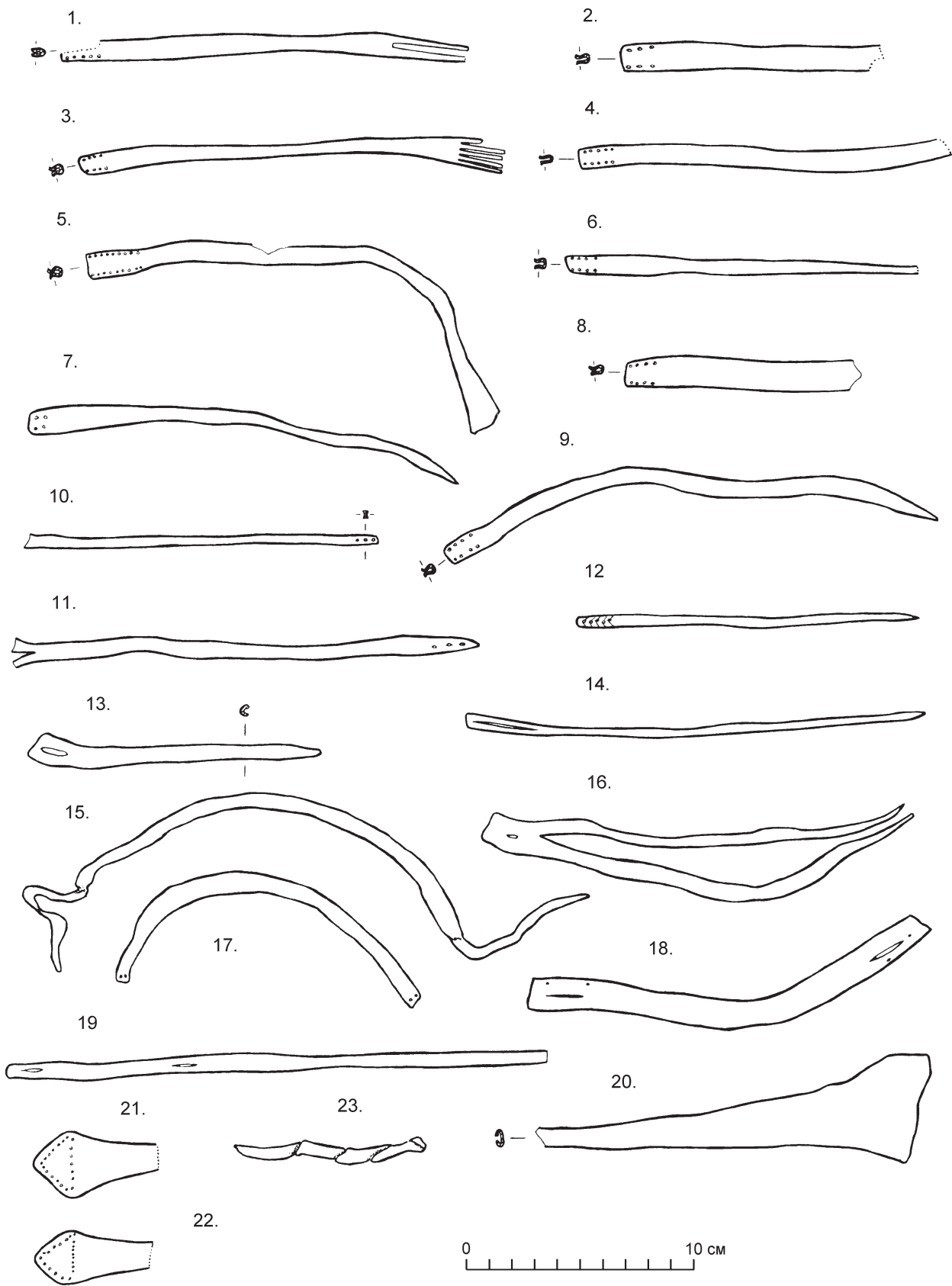

Рис. 8. Псков, 2007. Раскопы Петровские VIII и IX. Завязки различного назначения
 Рис. 8. Pskov, 2007. Excavations Petrovskoye VIII and Petrovskoye IX. Laces of different purpose

струкции можно считать большой пласт кожи с вырезанным посередине отверстием для головы и завязками (поясом) на уровне талии.

Признаками для отнесения к фартукам может быть большая форма изделия (при вероятной реконструкции), наличие завязок или следов от них, а также, что не менее важно, качество кожевенного материала. На такие изделия должна использоваться относительно толстая и стойкая к разрыву кожа крупного рогатого скота. Кроме того, фартуки должны быть подвержены истиранию и засаливанию поверхности, ее повреждению ножами и другими инструментами. В случаях использования фартуков при металлообработке на них встречаются следы попадания раскаленных капель металла — *прожиг*, заваривание и растрескивание поверхности. Все это может служить основанием для поиска подходящих обрезков фартуков в крупных собраниях археологического кожевенного материала.

В археологическом материале эти изделия выделены только в последние годы (Курбатов, 2009), первоначально в материалах из раскопок Тверского кремля в 1993–1997 гг. Они происходят преимущественно из комплексов и слоев последней четверти XIII–первой четверти XIV в. Фартуками можно считать фрагменты однотипных изделий — обрезки края изделий вытянутой, округлой формы с усилительными накладками, в которых имеются отверстия для продергивания кожаных ремешков с узлами на концах (рис. 1; 2, 1; 3, 1–7; 4, 20). Концы ремешков могли также продергиваться сквозь пару прорезов, образуя петлю, и крепиться узлами и без усилительных накладок (Курбатов, 2004. Рис. 131, 24; 132, 1–7; 135; 137, 20). Такие предметы, также в виде обрезков верхней части, со следами кожаных завязок, были найдены в южной части Тверского кремля в раскопе 1985 г. (рис. 5, 1–3, 6; 6, 10–11), в слоях XIV–XV вв. (Курбатов, 2006а. Рис. 2, 10–11; 13, 1–3, 6).

К кожаному предмету с поврежденной поверхностью условно можно относить обрезок размерами более 22 × 20 см, на котором не сохранилось швов, но кроеный из жесткой кожи крупного рогатого скота толщиной 2,2–2,5 см (рис. 2, 7), с затертой и потрескавшейся мереей (Курбатов, 2004. Рис. 123, 7).

В числе других городов, где встречены подобные однотипные предметы, сегодня можно назвать только Псков и Новгород. В псковских материалах привлекает внимание коллекция из раскопа XIV на ул. Ленина. Здесь в слоях XIV–XV вв. присутствуют четыре обрезка от углов крупных кожаных деталей, на которых сохраняются скопления много-

численных сшивных отверстий возле углов (рис. 7, 1–4). Края первоначально кроеных деталей несут следы подшивания — тачные и выворотные швы. На двух деталях сохраняются в первоначальном положении пришитые дополнительные прямоугольные куски кожи. Они сшиты кожаными ремешками, образующими петлю длиной 5–6 см, вытянутую в сторону верхнего угла изделия (Курбатов, 2006б. С. 107–108, рис. 16, 1–4).

Также предположительно фрагменты фартуков можно выделить среди крупных обрезков со швами и ремешков-завязок в собрании кожаных изделий Петровского VIII и IX раскопов 2007 г. в Пскове, преимущественно связанных с комплексом мастерской рукавичника рубежа XV–XVI вв. (рис. 8). В настоящее время эта коллекция введена в научный оборот только частично (Курбатов, 2008. С. 210 и сл., рис. 6).

Крупный обрезок фартука с «лямками» и широкой частью «полотна» завеса найден в Новгороде, хотя здесь он назван голенищем сапога (Rybina, 2001. P. 211, abb. 11, 5).

Выводы. На сегодня мы можем отметить постепенное накопление конкретных археологических данных, свидетельствующих о круге повседневных занятий древних жителей и особенностях их бытового поведения. В этом отношении особенно велико значение массового археологического материала, способов его полевой фиксации и камеральной обработки. Получают археологическое подтверждение и письменные упоминания разного рода рабочих одежд. Можно говорить о выделении в археологических коллекциях рабочей кожаной обуви, рукавиц и фартуков.

- Антропова, Торопова, 2001 — Антропова Я. В., Торопова Е. В. Средневековая кожаная обувь Старой Руссы: первые результаты исследований // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Материалы науч. конф. (Великий Новгород, 23–25 января 2001 г.). Великий Новгород, 2001. Вып. 15.
- АОС — Архангельский областной словарь. М., 1980. Вып. 1.
- Археалогія Беларусі. 2001. Т. 4. — Археалогія Беларусі. Т. 4: Помнікі XIV–XVIII стст. Минск, 2001.
- Ариховский, 1944 — Ариховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
- Вахрос, 1959 — Вахрос И. С. Наименования обуви в русском языке. Вып. 1: Древнейшие наименования до петровской эпохи. Хельсинки, 1959.
- Гайдуков, 1992 — Гайдуков П. Г. Славенский конец средневекового Новгорода: Нутный раскоп. М., 1992.
- Громов, 1977 — Громов Г. Г. Русская одежда // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 1.
- Даль, 1880–1882 — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и значит. умнож. по рукоп. авт. СПб.; М., 1880–1882. Т. 1–4.

- Домострой, 1994 — Домострой. СПб., 1994 (серия «Литературные памятники»).
- Житие, 1853 — Житие Преподобного и Богоносного Отца нашего Сергия Радонежского и всея России Чудотворца. Троице-Сергиева лавра, 1853.
- Зеленин, 1982 — Зеленин Д. К. Терминология лапотного дела // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Л., 1982 (Сб. МАЭ. Т. 38).
- Куликовский, 1898 — Куликовский Г. И. Словарь областного Олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Курбатов, 1991 — Курбатов А. В. Коллекция кожаных предметов из Ивангорода (по раскопкам 1980–1986 гг.) // КСИА. М., 1991. Вып. 205.
- Курбатов, 2001 — Курбатов А. В. К истории лаптя на Руси (жизнь историографических мифов XVIII в.) // ТАС. Тверь, 2001. Вып. 4, т. 2.
- Курбатов, 2004 — Курбатов А. В. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв.: по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг. СПб., 2004.
- Курбатов, 2006а — Курбатов А. В. Археология и палеоэтнография средневековой Твери: по материалам кожевенного ремесла // Древняя Тверь: Материалы науч. конф. Тверь, 2006.
- Курбатов, 2006б — Курбатов А. В. Кожаные предметы из раскопов IVA и XIV на ул. Ленина // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы LI науч. семинара, посвящ. памяти академика В. В. Седова. Псков, 2006.
- Курбатов, 2007 — Курбатов А. В. Новгородская «революция XII века» и прогресс в кожевенном ремесле // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Историко-археологический сб. Материалы Междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия). СПб., 2007.
- Курбатов, 2008 — Курбатов А. В. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН. СПб., 2008. № 3.
- Курбатов, 2009 — Курбатов А. В. Инструменты и приспособления для пошива кожаных изделий в средневековой России // Stratum plus (2005–2009). СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2009. № 5: Русское время.
- Курбатов, Харлашов, 2004 — Курбатов А. В., Харлашов Б. Н. Кожевенное производство древнего Пскова по материалам Васильевского раскопа 1990 г. // Археология и история Пскова и псковской земли: Материалы L науч. семинара. Сб. статей / Под ред. В. В. Седова. Псков, 2004.
- Левашева, 1959 — Левашева В. П. Изделия из дерева, луба и бересты // Очерки по истории русской деревни. М., 1959 (Труды ГИМ. Вып. 33).
- НОС — Новгородский областной словарь. Новгород, 1992. Вып. 1; Новгород, 1995. Вып. 12.
- Подвысоцкий, 1885 — Подвысоцкий А. О. Словарь областного Архангельского наречия. СПб., 1885.
- ПОС — Псковский областной словарь. Л., 1967. Вып. 1.
- Рабинович, 1988 — Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
- СПЛ XV–XVII вв. — Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. СПб., 2003. Вып. 1.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 3.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 8; Л., 1974. Вып. 10; Л., 1989. Вып. 24; СПб., 1991. Вып. 26; СПб., 1992. Вып. 27; СПб., 1996. Вып. 30; СПб., 2002. Вып. 2, 3, 7 (2-е изд.); СПб., 2004. Вып. 38.
- СЛРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1, 2; М., 1977. Вып. 4; М., 1978. Вып. 5; М., 1980. Вып. 7; М., 1981. Вып. 8; М., 1983. Вып. 10; М., 1988. Вып. 14; М., 1991. Вып. 17; М., 1992. Вып. 18; М., 1994. Вып. 19; М., 1995. Вып. 20, 22; М., 1996. Вып. 23; М., 2000. Вып. 25; М., 2008. Вып. 28.
- СЛРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. Л., 1984. Вып. 1; Л., 1985. Вып. 2; Л., 1989. Вып. 5.
- Торопова и др., 2005 — Торопова Е. В., Торопов С. Е., Самойлов К. Г., Доброва О. П., Мясникова С. В. Итоги археологических исследований на Пятницком раскопе в Старой Руссе в 2004 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. (Великий Новгород, 18–20 января 2005 г.). Великий Новгород, 2005. Вып. 19.
- Фасмер, 1996 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 3-е изд. СПб., 1996.
- Grew, de Neergaard, 1988 — Grew F., de Neergaard M. Medieval finds from excavation in London. London, 1988. No 2: Shoes and pattens.
- Rybina, 2001 — Rybina E. A. Die Funde als Spiegel des Lebens. Alltag im mittelalterlichen Novgorod // Novgorod. Das mittelalterliche Zentrum und sein Umland im Norden Russlands. Neumünster, 2001 (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete; Bd 1).
- Turnau, 1983 — Turnau I. Polskie skórnictwo. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1983.

Work Clothes and Footwear of Russian Mediaeval Townsmen

A. V. Kurbatov

Today we may notice a gradual accumulation of archaeological evidence on the everyday occupations of ancient people and peculiarities of their domestic customs. Of much importance here are the mass archaeological finds, methods of their field treatment

and laboratory studies. There are archaeological confirmations of written records on different kinds of working clothes. Among archaeological collections, inter alia, leathern work clothes have been identified — gauntlets and aprons, as well as footwear.

Актуальные проблемы археологии

Этнографический и археологический костюмы скотоводов Внутренней Азии в контексте географической обстановки (опыт сравнения)

А. В. Соколов¹

В большинстве работ, посвященных одежде древнего населения Внутренней Азии, основное внимание исследователями уделяется этнокультурным аспектам, а также выделению признаков, сближающих ее с современным костюмом скотоводов, в то время как проблемы соответствия одежды эколого-географическому фактору и роду занятий затрагиваются обычно в одном абзаце или в нескольких предложениях.² Очевидно, что сложившаяся ситуация во многом объясняется недостатком источников, и в настоящее время изучение костюма с этнографической подробностью возможно лишь применительно к Синьцзяну, Горному Алтаю и комплексам, подобным Кенколу и Ноин-Уле.³

Дополнительную трудность вызывает принадлежность анализируемых материалов к кочевой

культуре, то есть культуре наиболее мобильных групп, что затрудняет выяснение происхождения тех или иных деталей костюма, давая возможность только векторного определения, часто сквозь призму этнографических примеров. Попытки же прямого сопоставления костюма этнографического и археологического вызывают справедливые возражения при отсутствии доказательства их преемственности.

Как представляется, выходом из создавшегося положения может стать выявление на этнографическом материале определенных эколого-хозяйственных региональных шаблонов, позволяющих проводить последующие сопоставления с археологическими артефактами.

При этом помимо внимания к типам кроя и фасонам одежды необходимо учитывать и взаимосвязи между сезонностью и длиной, типами материалов и их географической инверсией, что позволяет по-новому взглянуть на корреляцию характеристик одежды в зависимости от различных природных условий и определить первичные модели (соотнесенные с временами года и родом занятий). Формирование представлений о таких географических шаблонах делает возможным, во-первых, определить место археологических материалов в рамках существующего прежде всего хозяйственно-культурного модельного ряда, а во-вторых, сопоставить географию типов костюмов древности с одеждой XVIII–начала XX вв.

Костюм. Особенности изготовления одежды носителей пазырыкской культуры в технологическом отношении, а также в подборе изначально-

¹ Россия, 199178, Санкт-Петербург, 10-я линия Васильевского острова, д. 33. СПбГУ, факультет географии и геоэкологии, кафедра физической географии и ландшафтного планирования.

² Исключение составляет работа «Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.)», где данная тема представляет собой самостоятельную линию. Важнейшим итогом этого исследования стал вывод не о скотоводческом, а о смешанном — скотоводческо-охотничьем характере культуры (Полосьмак, Баркова, 2005. С. 25, 100).

³ Интересной попыткой частично восполнить «вещевой дефицит» может служить книга «Костюм древней Евразии» (Яценко, 2006), написанная по статуарным, этнографическим и изобразительным материалам. Ее достоинством является широкий круг задействованных источников и большой территориально-хронологический охват.

ного сырья для их изготовления, приемах утепления и фасонах, позволяют говорить о различных традициях, которые порой совмещаются в отдельных образцах одежды. Исходя из данных характеристик, можно выделить три группы памятников: *башадаро-туэктинскую*, *катандинско-пазырыкскую* и *укокско-монгольскую*.

В силу плохой сохранности и фрагментарности костюмный комплекс из *башадаро-туэктинской группы* памятников значительно реже привлекается при описании костюма древних горноалтайцев, однако даже сохранившиеся немногочисленные образцы из Центрального Алтая позволяют реконструировать ряд специфических черт костюма, не встречаемых в других группах или присутствующих в них единично. Итак, гардероб пазырыкцев *башадаро-туэктинской группы* представлен широкими замшевыми штанами из Туэкта 1, «собранными» из множества прямоугольных кусочков (Руденко, 1960. С. 119); кожаным кафтаном из Башадара 2, покрытым с наружной стороны мехом, вырезанным в виде мелких квадратиков (Там же. С. 208); сапогами, отделанными мехом, с кожаной головкой и меховым голенищем (оформлены сшитыми «шашечкой» квадратиками из цветного меха; квадратик светлого-коричневого меха имели кожаную подоснову) из Башадара 2 (Там же. С. 53). Отсюда же происходят фрагменты второй пары обуви с остатками кожаных голенищ, покрытых «мозаичным» верхом из прямоугольных лоскутов меха и фетра (Там же). В Туэкте 2 найдены остатки кожаных рукавов (Там же. С. 111). Таким образом, к числу типичных черт *башадаро-туэктинской группы* относятся: 1) кожаная основа, 2) лоскутная техника, часто с использованием прямоугольных форм. Надставочный характер и небольшие размеры кусочков меха указывают на их вторичное происхождение и утепляющую функцию (в то время как первичные образцы происходят от кожаной модели).

Схожие приемы утепления известны и в последующие периоды развития культуры на примере войлочных сапог с полосками меха из могильника Верх-Кальджин 2 (Яценко, 2002. С. 171), замшевого кафтана с меховой опушкой ворота, подола и обшлагов из кургана № 2 могильника Уландрык I (Кубарев, 1987. С. 84), головного убора женщины из 2-го Пазырыкского кургана (в виде покрывала до плеч) из тонкой кожи, покрытой мехом жеребенка (Руденко, 1953. С. 122; табл. XXVI, 4, XCVI, 3) и пр. В Сынцзяне это реконструируемые шерстяные ноговицы из могильника Субаши, у которых центральный элемент колена собран из узких полосок меха (Яценко, 2002. С. 170).

Во всех этих случаях речь идет о явлении, которое следует связывать с механизмом приспособления первичного варианта одежды к более суровому климату.

Если сравнивать между собой особенности верхней плечевой одежды из *башадаро-туэктинских*, с одной стороны, и *катандинско-пазырыкских* и *укокско-монгольских* памятников, с другой стороны, то обнаруживается большое количество различий.

Во-первых, по сравнению с башадаро-туэктинской серией для более южных памятников свойствен меховой гардероб, состоящий из двусторонних шуб: из соболя (2-й Пазырыкский курган — Руденко, 1953. С. 106), из сурка (курган № 1 могильника Ак-Алаха 3 — Полосьмак, Баркова, 2005. С. 64), из сурка, мехом наружу, и овцы, мехом внутрь (курган № 1 могильника Верх-Кальджин 2 и Олон-Курин-гол 10 (Северо-Западная Монголия) — Полосьмак, 2001. С. 127–128; Полосьмак, Баркова, 2005. С. 50; Молодин, 2007).

Во-вторых, в изготовлении меховых изделий доминирующей является не лоскутная техника. Напротив, отмечается, что, например, шубы из барана сшиты из цельных шкур (Полосьмак, Баркова, 2005. С. 45). Указанные различия позволяют говорить о присутствии в культуре, по крайней мере, двух комплексов — северного (башадаро-туэктинский) и южного (катандинско-пазырыкский — укокско-монгольский).

Вместе с тем при кажущемся различии между северным и южным комплексами существуют точки соприкосновения. Главное свидетельство в пользу этого — кандис из Катанды. Кожаное оплечье, лоскутная техника и широкое использование кожаных прямоугольных фигур в отделке (Видонова, 1938. С. 178)⁴ сближает его с традицией северного комплекса, в то время как двойной слой меха — снаружи сурок, внутри соболя (Там же. С. 170, 174) — с южной.

Шубы южного комплекса, по признаку двуслойности, находят многочисленные параллели в этнографической культуре сибирских народов. Наибольшее сходство как по признаку двуслойности, так и по использованию меха диких животных наблюдается между катандинско-пазырыкской серией шуб и двусторонними шубами энцев, нганасан, чукчей, хантов, использовавших при их пошиве мех оленя, белки, зайца (Прыткова, 1961. С. 228, 231; 1970. С. 55).

⁴ Их общее количество доходило до 3000! (Видонова, 1938. С. 178).

Особенностью костюма *укокско-монгольской группы* памятников является унификация пошива и материалов. Если двойная сурочья шуба из кургана № 1 могильника Ак-Алаха 3 (*Полосьмак, Баркова, 2005. С. 64*) представляет собой изделие из меха дикого животного (и в этом она схожа с шубами катандинско-пазырыкской, то есть с охотничьими традициями в выборе материала), то образцы верхней плечевой одежды из кургана № 1 могильника Верх-Кальджин 2 и Олон-Курин-Гол 10 хотя и сохраняют сурочий мех с лицевой стороны, но изнутри уже подбиты овчиной. По наличию овчинной подкладки к сурочье-овчинным шубам примыкает и однослойная, мехом внутрь, овчинная шуба-дубленка из кургана № 3 могильника Верх-Кальджин 2 (*Полосьмак, 2001. С. 130; Население Горного Алтая..., 2003. С. 42*). Последняя, в свою очередь, совершенно справедливо поставлена в один ряд с целой серией односторонних, мехом внутрь, шуб из могильников Кызылчок (Хами, VIII–VI вв. до н.э.), Субаши (Турфан, IV–III вв. до н.э.) и пр. (*Полосьмак, 2001. С. 128, 130–131; Полосьмак, Баркова, 2005. С. 45*). Объединяет все эти вещи не только происхождение сырья, из которого они изготовлены, но и выявляющаяся взаимосвязь между продуктами труда и способами их использования.

Возвращаясь к принципу двуслойности в одежде пазырыкцев, следует заметить, что такая технология направлена на создание терморегулирующего слоя для борьбы с холодным фактором.⁵ Идея многослойности покровов (для борьбы с низкими температурами) фиксируется и в двуслойном плаще-дождевике из 3-го Пазырыкского кургана (*Руденко, 1953. С. 107*). В таштыкской культуре мумии также были одеты в две шубы — мехом наружу и мехом внутрь (*Вадецкая, 1999. С. 54*). Летом носилась только нагольная — мехом внутрь, в которой улавливается связь с нательным/домашним бельем.⁶ Два четырехслойных войлочных кафтана найдены в кургане № 6 могильника Ноин-Ула (*Руденко, 1962. С. 41*). Отсюда происходят и двойные войлочные сапоги (Там

⁵ По всей видимости, такой признак пазырыкских шуб, как их большой размер (*Полосьмак, 1997. С. 13; Полосьмак, Баркова, 2005. С. 51*), также определяется решением этой задачи.

⁶ Односторонние, мехом внутрь, катандинский «фрак», мужской соболий кафтан из 2-го Пазырыкского кургана, с наружной стороны выделанный под замшу (*Руденко, 1953. С. 105–106*), овечья шуба из кургана № 3 Верх-Кальджин 2 (*Полосьмак, 2001. С. 130*) являются сезонно-климатическими аналогами минусинских образцов.

же. С. 40), как будто бы повторяющие манеру ношения двух пар чулок тоджинцами и тофаларами, что позволило С. И. Вайнштейну предположить влияние лесной охотничьей традиции на материальную культуру погребенных в Ноин-Уле (*Вайнштейн, 1991. С. 187–188*). Однако представляется более оправданным считать многослойность одежд явлением надэтническим и не зависящим от хозяйственно-культурного типа, но напрямую связанным с концепцией защиты тела от низких температур. Многочисленность халатов, шуб, штанов как у охотничьих, так и у скотоводческих народов хорошо известна.

В примере уже упоминавшегося женского головного убора (покрывала из тонкой кожи, покрытой мехом жеребенка), найденного во 2-м Пазырыкском кургане, просматривается несколько иной механизм адаптации, более широко представленный в могильнике Ноин-Ула. В хуннском некрополе большое количество артефактов представляют собой комбинированные вещи, сочетающие различные по сырьевой основе материалы. Так, в кургане № 6 обнаружены: войлочная наголовная повязка с нашитым сзади и по бокам мехом (соболь); трапецевидный кусок войлока, напоминающий воротник, крытый с одной стороны мехом (соболь); обшлаг шелкового рукава, обшитый мехом бобра; обрывки шелковой одежды на подкладке из шерстяной ваты с обрывками меха; лоскут ткани с остатками меха соболя; обшлаг из бараньей кожи с мехом соболя (*Руденко, 1962. С. 42, 118–119, 121*).

В связи с климатическими условиями Горного Алтая обращают на себя внимание еще две детали, встречающиеся уже на демисезонно-летней одежде. Первая — воротник-стойка — известна на женском платье из Катанды 1 (*Захаров, 1926. С. 79*), по изображениям женского платья, камзола всадника на ковре из 5-го Пазырыкского кургана, а также «сфинкса» (*Руденко, 1953. С. 110*). Согласно одной из версий интерпретации костюма, воротник указывает на поддевание под низ другой — нательной одежды (*Сухарева, 1979. С. 85*). Однако более верным представляется другой подход, который определяет взаимосвязь между существованием воротников (и их типов) и климатом, акцентируя покровно-защитную функцию одежды (*Полосьмак, Баркова, 2005. С. 47*). Исходя из такой трактовки, воротники-стойки, функционально близкие шарфам, относятся к деталям глухого зимнего варианта одежд, что, кстати, согласуется с их широким распространением в Сибири и на севере. Археологическим примером здесь

могут служить воротники-стойки таштыкских шуб (*Вадецкая*, 1999. С. 54). К существенно более позднему времени относится мужская шелковая рубашка из Кенкольского могильника в Северной Киргизии. Нелишне заметить, что ее надставной подол, зашитые борта, шерстяные манжеты и воротник (*Бернштам*, 1940. С. 10) указывают на переработку изначальной модели и приспособление ее к более холодному климату.

Другая деталь — система фиксации одежд пазырыкцев — завязки на полах одежд. Они известны для войлочного плаща из 3-го Пазырыкского кургана, еще один комплект завязок (найден отдельно от одежды) происходит из Башадара 2 (*Руденко*, 1960. С. 56). Однако они отсутствуют на шубах, в комплекте с которыми находят пояса, намного менее эффективные при фиксации пол одеяний. В таштыкской культуре, например, борта шуб соединяются кожаными ремешками (*Вадецкая*, 1999. С. 54).

Таким образом, воротники и завязки, фиксируемые в пазырыкской культуре в демисезонно-летнем костюме, обычно присущи верхней зимней одежде, что наводит на мысль о том, что костюм древних горноалтайцев, являясь летним по функции, одновременно отражает традицию зимней одежды более южных территорий, но не Саяно-Алтая с его суровыми природно-климатическими условиями. В таштыкских же шубах,⁷ в свою очередь, следует усматривать пример адаптации к условиям Сибири.

Важными отличительными признаками пазырыкских шуб является манера зашивания рукавов, что известно для катандинских кандиса и «фрака», а также собольей одежды из 2-го Пазырыкского кургана (*Руденко*, 1953. С. 109, 166; *Полосьмак*, 2001. С. 129). Эта черта, по-видимому, может считаться наследием южной одежды, связанным с ее изначальным накидочным характером. Однако и здесь не обходится без исключений. Так, в ряде погребений могильника Верх-Кальджин 2 руки погребенных были продеты в рукава (*Полосьмак*, 2001. С. 130). Данные факты свидетельствуют, во-первых, о частичном отступлении от иранской традиции и, во-вторых, убедительно говорят об использовании рукавов по прямому назначению,⁸ объяснение чему, в частности, может заклю-

⁷ В наибольшей степени соответствуют современному самодийскому и древним энецким, ненецким и нганасанским костюмам (*Вадецкая*, 1999. С. 54).

⁸ У персов в рукава кандиса руки продевали лишь в присутствии царя — в знак подчинения ему (*Яценко*, 2002. С. 57).

чаться в том, что при переносе на алтайскую почву персидских нарядов они были адаптированы к нуждам рядового населения, которое, в отличие от иранской знати, использовало этот фасон как повседневный, в том числе, видимо, и в процессе трудовой деятельности. Таким образом, приспособление одежды к значительно более суровому климату выразилось в запахивании кандисов (в отличие от остальных иранских народов, которые крепили его полы завязками на груди), в зауживании рукавов и стягивании их ремешком на запястье (*Яценко*, 2002. С. 156), а также в «возрождении» рукавов как актуальной детали одежды.

Было высказано мнение, что длинные зашитые рукава одновременно могли служить и «варежками», в подтверждение приведены примеры из могильника Кызылчок (Хами, VIII–VI вв. до н. э.), где найдены шубы с пристегивающимися на деревянные пуговицы варежками (*Полосьмак*, 2001. С. 130). Схожая по целеполаганию ситуация наблюдается и в кургане № 6 могильника Ноин-Ула, где войлочные сапоги пришиты к шелковым штанам (*Руденко*, 1962. С. 40). В обоих случаях эти особенности конструирования костюма связаны с логикой создания цельно-глухой одежды промыслового назначения (такой, как комбинезоны коряков и чукчей) для продолжительного нахождения на открытом воздухе, что характерно, например, для зоны холодного климата у народов Сибири и Крайнего Севера (*Монго*, 2008. С. 306). Обувь, пришиваемая к штанам, известна в якутском шаманском костюме (*Прокофьева*, 1971. С. 44).

Особый интерес представляет информация о длине плечевых одежд у населения древних культур Южной Сибири: таштыкские шубы — почти по колено (*Вадецкая*, 1999. С. 54), пазырыкские — это скорее даже полушубки (*Полосьмак*, *Баркова*, 2005. С. 56), до низа бедер (*Яценко*, 2006. С. 87). К этому же стандарту относится кафтан (*Руденко*, 1953. С. 110) и плащ всадника с ковра (*Яценко*, 2006. С. 89). Катандинский «фрак» также представляет собой скорее куртку с длинной спиной (*Василевич*, 1951. С. 183; *Потапов*, 1953. С. 70).

Таким образом, речь идет об унификации длинны одежд. При этом показатели длины древних одежд существенно отличаются от известных по этнографии казахов, алтайцев (*Полосьмак*, 2001. С. 131) и других скотоводов Внутренней Азии.

Нетрудно показать, что стирание сезонных различий в длине одежды и формирование единого усредненного стандарта — демисезонно-зимнего — от колена и ниже объединяет одежду тюрков и монголов, что наиболее целесообразно в

экологических условиях Центральной (и Высокой) Азии (Викторова, 1977. С. 179; 1986. С. 42). Неудобные при ходьбе длиннополые одежды встречаются у групп населения, проводящего долгое время на открытом воздухе — прежде всего овцеводов и табунщиков. Такая одежда обеспечивает покрытие ног при посадке в седло, защиту от снега, дождя и ветра (Захарова, 1956. С. 118; Потанов, 1948. С. 45; 1957. С. 59; 1984. С. 137–138; Даржа, 2003. С. 124; Кон, 2000. С. 106). Вместе с тем в лесу, во время охоты или путешествия, в военном походе, при пешем подъеме в гору, в процессе работы, а также для облегчения вскакивания в седло и спрыгивания с него длинные полы халатов и шуб заправлялись в чамбары (шалбары) (Захарова, Ходжаева, 1964. С. 40; Абрамзон, 1945. С. 174; 1946. С. 35; Антипина, 1962. С. 222; Левшин, 1832. С. 43; Марков, 1901. С. 144; Федоров, 1903. С. 277).

Укороченная плечевая одежда чаще отмечается у населения с охотничьим и земледельческим укладами, то есть укорочение и подборание одежд наблюдается во всех тех случаях, когда человек занят активной физической деятельностью.

Одежда укороченного типа в той или иной мере находит аналогии как в кочевом комплексе, так и в охотничьем, а равно и в земледельческом, но не скотоводческом, где наличие длиннополых одежд является обязательным условием.

Следовательно, необходимо признать, что характер хозяйства носителей пазырыкской культуры, во-первых, не может быть определен исключительно как скотоводческий, а во-вторых, само скотоводческое направление качественно отличалось и стадийно находилось на существенно более низкой ступени, чем та высокоспециализированная модель, которая известна по этнографическим источникам XVIII—начала XX вв.

Обувь. В большинстве работ, посвященных археологическому костюму или отдельным его аспектам, обувь, за редким исключением,⁹ находится на периферии исследовательского интереса, выступая скорее в качестве дополнения, и большей частью представлена описательно. Однако ее параметры и многие характеристики выступают не только важными, но и крайне познавательными, в связи с чем тема выведена в отдельный раздел. В зависимости от материала исполнения по данным Южной Сибири известны три ее типа: войлочная, меховая и кожаная, а также промежуточные (комбинативные) варианты.

А) Меховая обувь носится при низких температурах и влажном климате. В пределах Внутренней

Азии она известна, прежде всего, в Саяно-Алтае, где стандарты ее изготовления определяются практическим опытом сибирских народов, для которых характерен ее пошив без головки, когда голенище пришивается непосредственно к подошве (Вайнштейн, 1991. С. 187).¹⁰ Аналогичное распределение наблюдается и по археологическим материалам. Так, высокие меховые сапоги известны в таштыкской культуре (Вадецкая, 1999. С. 54). В пазырыкских памятниках также найдена высокая обувь в могильнике Олон-Курин-Гол 10 (Молодин, 2007. С. 49), 2-м Пазырыкском и 2-м Башадарском курганах.¹¹

Одна из двух пар сапог, найденных во 2-м Башадарском кургане, заслуживает специального внимания, поскольку имеет разделение на голенище и головку. Та же особенность присутствует и на женских сапожках из 2-го Пазырыкского кургана: они имеют широкие «леопардовые» голенища до колен, переходящие внизу в кожаную головку (Руденко, 1953. С. 121). В обоих случаях отмечается покрытие шва на стыке двух материалов шерстяной тесемкой (Там же. Табл. ХСVI, 4; Полосьмак, Баркова, 2005. Рис. 2, 67). Тесьма красного цвета на стыке двух материалов в «леопардовых» сапожках имеется и на замшевых полусапожках из того же кургана (Руденко, 1953. С. 119–120). Рассуждая об этой детали, С. И. Руденко полагал, что она прикрывает швы от дождя, и указал на непрактичность такого элемента для пешехода. Кроме того, исследователь отметил, что позже такая обувь получила распространение, в частности, у киргизов и казахов (Руденко, 1960. С. 206). Не отрицая функциональной значимости этого элемента на кожаной обуви, приведенное объяснение нельзя считать убедительным в отношении войлочных чулок из курганов № 1 могильника Ак-Алаха 3 и № 1, 3 могильника Верх-Кальджин 2 (Полосьмак, Баркова, 2005. Рис. 2, 63, 65, 66), где красная тесьма имеет то же расположение, что и на образцах из 2-го Пазырыкского и 2-го Башадарского курганов. Чтобы ответить на вопрос о ее назначении, необходимо обратиться к регионально-географическому распределению типов обуви в зависимости от ее высоты.

¹⁰ Для других территорий такой тип отмечается редко. Заслуживают внимания войлочные сапоги казахов, киргизов, хотанских уйгур с подошвой из кожи головы или ног крупного рогатого скота мехом наружу (Захарова, Ходжаева, 1964. С. 77). Другой пример — меховые лапти (Громбчевский, 1890. С. 95). Общим для них является малая высота меховых частей.

¹¹ Мало что известно о меховых сапогах из кургана № 2 могильника Уландрык I (Яценко, 2002. С. 170).

⁹ См.: Яценко, 2002; 2006.

Известно, что для холодного сезона характерно столь типичное для скотоводов (*Кушнер*, 1929. С. 39) удлинение и расширение голенища сапог, что объясняется поддеванием войлочных чулок. Однако если на юге и юго-востоке, в Сынцзяне и Монголии голенище короткое или невысокое (*Певцов*, 1879. С. 16; 1951. С. 114; *Абрамзон*, 1959. С. 356; 1961. С. 127; *Майский*, 1921. С. 45), то к северу, прежде всего в Саяно-Алтае, голенище существенно выше за счет того, что появляется комплекс пришивных или приставных наколенников (*Адрианов*, 1888. С. 301; *Вайнштейн*, 1961. С. 122; 1991, С. 175; *Дьяконова*, 1960. С. 261; *Захарова*, *Ходжаева*, 1964. С. 74, 77; *Кон*, 2000. С. 107; *Потанина*, 1895. С. 64; *Потанов*, 1969. С. 224; *Руденко*, 1926. С. 66; Современный аул..., 1927. С. 9; *Яковлев*, 1900. С. 70). Одновременно с этим задача максимальной защиты ног от неблагоприятных условий среды (сырость, вода, снег) наиболее эффективно решается при помощи цельных сапог без швов. Представление о принципах пошива такой обуви дает двусоставная по конструкции, чулок-образная по форме и камусная по материалу обувь, где голенище вместе с головкой было цельным и пришивалось непосредственно к подошве.

Однако в случае пары обуви из 2-го Башадарского кургана, состоящей из кожаной головки и мехового мозаичного голенища, совмещаются свойства обуви теплого (кожа) и холодного сезонов (мех), что фиксируется и в «леопардовых» сапожках из 2-го Пазырыкского кургана, где толстая подошва (в этнографических материалах именно такая ее характеристика отражает уличное использование) сочетается с узором, указывающим на манеру сидеть «по-турецки» на коврах и кошмах, то есть в домашней обстановке (*Руденко*, 1953. С. 121–122). Одновременное наличие в сапогах характеристик разных сезонов, совмещение «домашних» и уличных свойств, стыковка материалов в точках анатомического сгибания конечности находит аналогии в обуви не только киргизов и казахов, но и шорцев, челканцев, телеутов, сойотов, голенище сапог которых делалось из конопли и холста, а головка — из кожи. Обычно это объясняется бедностью, экономией кожи, уменьшением копытных в лесах (Народы Сибири, 1956. С. 342, 509; *Потанов*, 1935. С. 101 и пр.). Но ношение челканцами калош (черка) (*Бельгибаев*, 2004. С. 95) указывает на то, что формирование стандарта сапог происходило на базе шаблона летнего сезона. Если обратиться к этнографическим материалам по Средней Азии, то можно заметить, что здесь получила распространение составная обувь — сапоги с мягкой подошвой (меси,

маасты, ичиги, етік), на которые надевались калоши (чирка, чарык, черки) с жесткой подошвой. Нет оснований сомневаться в ношении каждого из элементов по отдельности, в том числе калош (*Алымбаева*, 1966. С. 205; *Бурковский*, 1957. С. 78; *Роборовский*, 1949. С. 87).¹²

Основания для такого вывода дают и другие находки. Так, в соответствии с описанием С. И. Руденко удлиненное с фронтальной стороны голенище женских замшевых полусапог «с причудливой бахромой» по верхнему краю из 2-го Пазырыкского кургана на задней стороне было не зашито. То есть голенище прикрывало ногу только с передней стороны (*Руденко*, 1948. С. 39; 1953. С. 118, 120). Высота заднего тыльного шва, таким образом, фиксирует норму ношения короткой обуви по щиколотку, в то время как высокая часть, включая бахрому, является более поздним, может быть, алтайским, нововведением. Такой вывод напрашивается и в отношении коротких войлочных носочков также с удлиняющей их «бахромой» во фронтальной части (*Руденко*, 1953. С. 120–121).

Возвращаясь к красной тесьме на войлочных чулках, можно отметить, что она носит символический характер, сохраняя более ранние нормы разделения обуви на зоны, но ее связь с конструкцией теряется.

При ответе на вопрос о происхождении короткого стандарта обуви следует обратить внимание на широкий ассортимент такой обуви в Сынцзяне и Средней Азии. Это хотанские и тоглыкские лапти (*Малов*, 1961. С. 31; *Громбчевский*, 1890. С. 95), поршни казахов и киргизов (*Захарова*, *Ходжаева*, 1964. С. 72; *Абрамзон*, 1946. С. 37; 1959. С. 351), сандалии киреев и казахов (*Руденко*, 1930. С. 64; *Захарова*, *Ходжаева*, 1964. С. 77, 78), пейчаки киргизов (*Антипина*, 1962. С. 232), башмаки хамийских сартов (*Потанин*, 1881. С. 12), деревянные галоши таджиков и узбеков (*Антипина*, 1962. С. 232), в то время как для Алтая примеры единичны (*Бельгибаев*, 2004. С. 95; *Соболев*, 1896. С. 80).

Археологические материалы подтверждают географическую картину распределения признаков. В Сынцзяне, в могилах Хамийского оазиса и в могильнике № 5 около оз. Лобнор находят мокасины, в Хотане, Лоулане, Куче, бассейне Кончедарьи — плетеные туфли из шнура, в Куюке — сандалии, у оз. Ярлыккель (южный берег р. Кумда-

¹² Схожая мысль — о происхождении «леопардовых» сапожек именно от короткого стандарта обуви типа калош и приставленного к ним позже голенища — высказывалась еще более 40 лет назад Г. М. Василевич (*Василевич*, 1963. С. 58).

рья), в могильнике L.F. — короткие ичиги (Восточный Туркестан..., 1995. С. 36, 83–84, 86, 268, 272, 276).

Б) Войлочная обувь. В покрытии ног войлоком, в зависимости от влажности климата, выявляются два способа, которые условно можно назвать континентальным и горным. При *континентальном* способе (распространен в наиболее аридных областях с минимальным количеством осадков) кошма несет барьерную и теплотворную функции. Примерами могут служить уже упоминавшиеся войлочные сапоги с меховой подошвой (*Абрамзон*, 1971. С. 126; *Захарова, Ходжаева*, 1964. С. 77; *Народы Средней Азии и Казахстана*, 1963. С. 249), чулки с кожаной подошвой (*Абрамзон*, 1959. С. 356) и с лаптями и калошами (*Захарова, Ходжаева*, 1964. С. 77; *Громбчевский*, 1890. С. 95). Территориально их ареал соответствует Южному Казахстану и Синьцзяну (Кашгария).

При *горном* способе войлок использовался как утеплитель, в то время как барьером по отношению к внешней среде выступает влагозащитный материал (кожа). Это нашло отражение в традиции ношения байпаков, поверх которых надевают сапоги.¹³

Образцы войлочной обуви встречаются в могилах Синьцзяна уже в конце бронзового века (*Яценко*, 2002. С. 170; 2006. С. 96). Можно утверждать, что древним горноалтайцам были знакомы и горный, и континентальный способы защиты ног войлоком. Присутствие подошвы и стелек в пазырыкских образцах (*Руденко*, 1953. С. 120; *Полосьмак, Баркова*, 2005. С. 92; *Яценко*, 2002. С. 171; 2006. С. 97) сближает чулки не с носками этнографического времени, а с технологией пошива обуви, и выявляет аспект самостоятельного их ношения. Но из известных образцов «уличными», вероятно, являются только сапоги с «кожаными калошами» из кургана № 3 могильника Верх-Кальджин 2 (*Молодин и др.*, 2004. С. 211) и войлочные сапоги с толстой подметкой, найденные в одном из катандинских курганов (*Радлов*, 1884. С. 26). Возможность использования других известных, так называемых сапог-чулок без подходящей для каменистых и влажных местностей твердой подошвы представляется маловероятной.

Интересный пример переплетения местных и пришлых традиций и адаптации континентально-

го «войлочного комплекса» к северным условиям зафиксирован в могильнике Ноин-Ула. В кургане № 6 найдены войлочные сапоги, пришитые к шелковым китайским штанам (*Руденко*, 1962. С. 40).¹⁴ Поверх этих войлочных сапог надевалась еще одна пара войлочных сапог, обтянутых кожей (Там же), что имеет очевидное модельное сходство с надеванием поверх байпаков кожаных сапог, то есть с горным вариантом. Таким образом, это зимний южный вариант континентального типа обуви, а его «акклиматизация» в горно-таежной зоне проявляется в обтяжке кожей.

Из сказанного можно сделать следующие выводы:

1) Общее направление эволюции костюма в пазырыкской культуре связано с последовательным, с севера на юг, накоплением экологических признаков одежды зимнего сезона, что, как представляется, иллюстрирует рассмотренный выше механизм адаптации одежды южной геокультурной зоны к условиям Саяно-Алтайской горной системы и прежде всего к экстремально низким климатическим показателям.¹⁵

Приспособление к суровым условиям происходит двуступенчато и в отношении верхней плечевой одежды характеризуется переходом от лоскутной меховой техники, надставочной по своему происхождению и характеризующей первичный механизм адаптации (*башадаро-туэктинская группа*), к цельномеховым, в том числе двухслойным изделиям (*катандинско-пазырыкская группа*), с преимущественным использованием мехов диких животных (белка, сурок, соболь).

В костюме *укокско-монгольской группы* при формальном сохранении охотничьих норм и традиций одежды пошив верхней плечевой одежды связан с широким использованием продуктов скотоводства (бараний мех), что свидетельствует не просто о скотоводческой направленности культуры, а о форми-

¹⁴ Пришивной характер обуви отмечается в якутском шаманском костюме (*Прокофьева*, 1971. С. 44).

¹⁵ Для элитных комплексов Центрального Алтая отмечается более ранняя датировка: 1-й Туэктинский курган — 620–540 гг. до н. э.; 2-й Башадарский курган — близок к 1-му Туэктинскому; Катандинский курган — 500–200 гг. до н. э.; Шибинский — 380–260 гг. до н. э.; 1-й и 2-й Пазырыкский курганы — 490–410 гг. до н. э.; 5-й Пазырыкский — 440–360 гг. до н. э. (*Марсадалов и др.*, 1994. С. 148). Даже с учетом более поздних поправок и уточнений в общей и относительной хронологии более ранняя датировка элитных курганов Центрального Алтая никем пока не оспаривается.

¹³ Русские Восточного Казахстана, перенявшие такую манеру у местного населения, объясняли, что здесь это самый удобный тип обуви: сапоги не пропускают воду, а чулки греют (*Аргынбаев*, 1959. С. 88).

ровании взаимосвязи между продуктами труда и способами его использования.

2) При сравнении модельных рядов трех рассмотренных групп памятников выявляются определенные различия в типах хозяйства каждой, что связано, в том числе, и с культурными контактами. Если в хронологически самой ранней *башадаро-туэктинской группе* доминирует кожаный гардероб (что наводит на мысль о знакомстве с кочевым бытом в относительно теплых и влажных климатических условиях, а также об их «жизни в седле»), то в *катандинско-пазырыкской* и *укокско-монгольской группах* преобладают черты, свойственные охотникам-скотоводам,¹⁶ что проявляется, прежде всего, в изготовлении двусторонне-меховых шуб. При этом шубы с овчинной подкладкой (могильник Олон-Курин-Гол 10, курган № 1 могильника Верх-Кальджин 2), как и овчинные дубленки (курган 3 могильника Верх-Кальджин 2), известны на плато Укок и прилегающих к нему монгольских территориях, в то время как шубы, сшитые только из меха диких животных, на сегодняшний день обнаружены во внутренних районах.

Ареальный тип распределения признаков позволяет допустить их взаимосвязь с типом хозяйства: укокско-монгольская серия шуб связана с высокогорным скотоводческо-охотничьим типом хозяйства, а катандинско-пазырыкская — с охотничье-скотоводческим типом хозяйства на границе средне- и высокогорных ландшафтов.

Абрамзон, 1945 — Абрамзон С. М. Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса «Манас») // Труды ИЯЛИ Киргизского филиала АН СССР. Фрунзе, 1945. Вып. 1.

Абрамзон, 1946 — Абрамзон С. М. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946.

Абрамзон, 1959 — Абрамзон С. М. Киргизское население Синьцзян-уйгурской автономной области Китайской Народной Республики // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М., 1959. Т. 2.

Абрамзон, 1961 — Абрамзон С. М. Киргизы Китайской Народной Республики // Известия АН Киргизский ССР. Серия общественных наук. Фрунзе, 1961. Т. 3, вып. 2.

Абрамзон, 1971 — Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.

Адрианов, 1888 — Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Записки ИРГО по общей географии. СПб., 1888. Т. 11.

Алымбаева, 1966 — Алымбаева Б. К. вопросу о сближении народов Киргизии // Трудящиеся Киргизии в борьбе за строительство социализма и коммунизма. Фрунзе, 1966.

Антипина, 1962 — Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962.

Аргынбаев, 1959 — Аргынбаев Х. Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX и начале XX вв. (по материалам Восточного Казахстана) // Труды ИИЭА АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1959. Т. 6.

Бельгибаев, 2004 — Бельгибаев Е. А. Традиционная материальная культура челканцев бассейна р. Лебедь (вторая половина XIX—XX вв.). Барнаул, 2004.

Бернштам, 1940 — Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.

Бурковский, 1957 — Бурковский А. Ф. К вопросу обработки животноводческого сырья у киргизов // Учен. зап. киргизского женского Педагогического института им. В. В. Маяковского. Фрунзе, 1957. Вып. 2.

Вадецкая, 1999 — Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999.

Вайнштейн, 1961 — Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961.

Вайнштейн, 1991 — Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991.

Василевич, 1951 — Василевич Г. М. Ессейско-чирингдинские эвенки (по коллекции В. Н. Васильева, МАЭ, № 1004) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1951. Т. 13.

Василевич, 1963 — Василевич Г. М. Типы обуви народов Сибири: [Якутов, долганов, эвенков, эвенов, юкагиров, чукчей] // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1963. Т. 21.

Видонова, 1938 — Видонова Е. С. Катандинский халат // Сборник статей по археологии СССР М., 1938 (Труды ГИМ. Вып. 8).

Викторова, 1977 — Викторова Л. Л. Монгольская одежда // Одежда народов зарубежной Азии. Л., 1977 (Сб. МАЭ. Вып. 32).

Викторова, 1986 — Викторова Л. Л. Монголы: происхождение народа и истоки культуры. М., 1986.

Восточный Туркестан, 1955 — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство, материальная культура. М., 1995.

Громбчевский, 1890 — Громбчевский Б. Л. Вести из экспедиции // Известия ИРГО. СПб., 1890. Т. 26, вып. 1.

Даржа, 2003 — Даржа В. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл, 2003.

Дьяконова, 1960 — Дьяконова В. П. Материалы по одежде тувинцев // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1957–1958 гг. М.; Л., 1960.

Захаров, 1926 — Захаров А. А. Материалы по археологии Сибири: раскопки акад. В. В. Радлова в 1865 г. // Труды ГИМ. М., 1926. Вып. 1. Разряд археологический.

Захарова, 1956 — Захарова И. В. Материальная культура казахов-колхозников юго-восточного Казахстана (по матери-

¹⁶ Термин был предложен С. И. Вайнштейном в отношении групп населения Тоджи и подразумевает комплексный характер ведения хозяйства (*Вайнштейн, 1961. С. 27*).

- алам Алма-Атинской и Джамбульской областей) // Труды ИИЭА Казахской ССР. Алма-Ата, 1956. Т. 3.
- Захарова, Ходжаева*, 1964 — *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда (XIX—начало XX вв.). Алма-Ата, 1964.
- Кон*, 2000 — *Кон Ф.* За пятьдесят лет // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX—начало XX века). Кызыл, 2000.
- Кубарев*, 1987 — *Кубарев В. Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
- Кушнер*, 1929 — *Кушнер П.* Горная Киргизия (социологическая разведка). М., 1929.
- Левшин*, 1832 — *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 3.
- Майский*, 1921 — *Майский И.* Современная Монголия. Иркутск, 1921.
- Малов*, 1961 — *Малов С. Е.* Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961.
- Марков*, 1901 — *Марков Е.* Россия в Средней Азии. СПб., 1901. Т. 2, ч. 4.
- Марсадалов и др.*, 1994 — *Марсадалов Л. С., Зайцева Г. И., Лебедева Л. М.* Корреляция дендрохронологических и радиоуглеродных определений для больших курганов Саяно-Алтая // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994.
- Молодин*, 2007 — *Молодин В. И.* Исследование российско-германско-монгольской экспедиции на северо-западе Монголии летом 2006 г. // РА. 2007. № 4.
- Молодин и др.*, 2004 — *Молодин В. И., Полосьмак Н. В., Новиков А. В., Богданов Е. С., Слюсаренко И. Ю., Черемисин Д. В.* Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск, 2004 (Материалы по археологии Сибири. Вып. 3).
- Монго*, 2008 — *Монго Н. В.* Эвенкийский костюм — творение рук человека (на материале Этнографического музея народов Забайкалья) // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск, 2008.
- Народы Сибири, 1956 — Народы Сибири. М., 1956.
- Народы Средней Азии и Казахстана, 1963 — Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. Т. 2.
- Население Горного Алтая..., 2003 — Население Горного Алтая в эпоху раннего железа как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы: По данным археологии, антропологии, генетики. М., 2003.
- Певцов*, 1879 — *Певцов М. В.* Путевые очерки Джунгарии // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Омск, 1879. Кн. 1.
- Певцов*, 1951 — *Певцов М. В.* Путешествия по Китаю и Монголии. М., 1951.
- Полосьмак*, 1997 — *Полосьмак Н. В.* Пазырыкская культура: реконструкция мировоззрения и мифологических представлений: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1997.
- Полосьмак*, 2001 — *Полосьмак Н. В.* Всадники Укока. Новосибирск, 2001.
- Полосьмак, Баркова*, 2005. — *Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л.* Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV—III вв. до н. э.). Новосибирск, 2005.
- Потанин*, 1881 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881. Вып. 2.
- Потанина*, 1895 — *Потанина А. В.* Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895.
- Потапов*, 1935 — *Потапов Л. П.* Разложение родового строя у племен Северного Алтая. М.; Л., 1935.
- Потапов*, 1948 — *Потапов Л. П.* Краткий очерк культуры и быта алтайцев. Горно-Алтайск, 1948.
- Потапов*, 1953 — *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953.
- Потапов*, 1957 — *Потапов Л. П.* Из истории кочевничества // Вестник истории мировой культуры. М., 1957. № 4.
- Потапов*, 1969 — *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.
- Потапов*, 1984 — *Потапов Л. П.* Географический фактор в традиционной культуре и быте тюркоязычных народов Алтае-Саянского нагорья // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л., 1984.
- Прокофьева*, 1971 — *Прокофьева Е. Д.* Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX—начале XX века. Л., 1971 (Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 27).
- Прыткова*, 1961 — *Прыткова Н. Ф.* Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.
- Прыткова*, 1970 — *Прыткова Н. Ф.* Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л., 1970.
- Радлов*, 1884 — *Радлов В. В.* Древние аборигены Сибири // Живописная Россия. СПб., 1884. Т. 1.
- Роборовский*, 1949 — *Роборовский В. И.* Путешествие в Восточный Тянь-Шань и в Нань-шань. М., 1949.
- Руденко*, 1926 — *Руденко С. И.* Алтайская экспедиция // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Гос. Русского музея. Л., 1926.
- Руденко*, 1930 — *Руденко С. И.* Очерк быта северо-восточных казахов // Казаки: Сборник статей антропологического отряда Казахстанской экспедиции. Исследование 1927 г. Л., 1930 (Материалы Комиссии экспедиционных исследований; Серия Казахстанская. Вып. 15).
- Руденко*, 1948 — *Руденко С. И.* Второй Пазырыкский курган. Л., 1948.
- Руденко*, 1953 — *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
- Руденко*, 1960 — *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
- Руденко*, 1962 — *Руденко С. И.* Культура хуннов и ноин-улинские курганы. М.; Л., 1962.
- Соболев*, 1896 — *Соболев М. Н.* Русский Алтай: Из путешествия на Алтай в 1895 г. // Землеведение. М., 1896. Т. 3, кн. 3—4.
- Современный аул..., 1927 — Современный аул Средней Азии. Быстрореченская волость (Фрунзенского кантона Киргизской АССР). Ташкент, 1927. Вып. 8.

- Сухарева*, 1979 — *Сухарева О. А.* Опыт анализа покровов в традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежде в плане их истории и эволюции // *Костюм народов Средней Азии*. М., 1979.
- Федоров*, 1903 — *Федоров Д.* Опыт военно-статистического описания Илийского края. Ташкент, 1903. Ч. 1.
- Яковлев*, 1900 — *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела Музея. Минусинск, 1900.
- Яценко*, 2002 — *Яценко С. А.* Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции: Рукопись дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. Т. 1.
- Яценко*, 2006 — *Яценко С. А.* Костюм древней Евразии. М., 2006.

**Ethnographic and Archaeological Costumes of Pastoralists
of Interior Asia in the Context of Geographical Environment
(comparative essay)**

A. V. Sokolov

This article is dedicated to studies of establishment of ecological features of clothes of the people of the Pazyryk culture. The author presents a comparative analysis of the specifics of Pazyryk costume with consideration of ethnographic evidence and both the natural-geographic conditions in Interior Asia and the peculiarities of the economic management in this

region. Examination of this problem enables us to distinguish between three geographic areas and three costume complexes corresponding to them. It also demonstrates the natural character of the interrelations between the types and forms of clothing, on the one hand, and climatic factors and economic traits of populations in different regions of Interior Asia, on the other.

О главных храмах и праздниках древнегреческих божеств в городах Северного Причерноморья

А. С. Русяева¹

Отрывочные и лаконичные литературные и эпиграфические свидетельства о святилищах и храмах в Северном Причерноморье вне археологического контекста, как это неоднократно отмечали многие исследователи, дают мало доказательств того, что они собой представляли, сколько времени существовали, в каком именно месте находились, а тем более, какие именно праздники здесь проводились. Общеизвестно, что только специальный подбор всех видов имеющихся источников и изучение их в комплексе гарантирует определенный результат при решении того или иного вопроса. Однако в последнее время были опубликованы и противоположные точки зрения в статье, посвященной главным храмам и праздникам в античных государствах Северного Причерноморья в литературных и эпиграфических источниках (Скржинская, 2008. С. 102–111). Отметив, что археологи и историки архитектуры привлекают их в качестве второстепенных и дополнительных, М. В. Скржинская таким образом противопоставляет их археологическим исследованиям. Для примера упомянута монография С. Д. Крыжицкого (Крыжицкий, 1993) об архитектуре античных государств Северного Причерноморья в противопоставлении ее иным знаниям, которые «может предоставить внимательный анализ древних надписей и античной литературы, сохранивших свидетельства о многих святилищах и храмах, остатки которых не уцелели. С помощью этих источников можно точно узнать или воссоздать наименования и некоторые функции ряда храмов и праздников в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре» (Скржинская, 2008. С. 102).² В итоге она

приходит к выводу, что главные храмы и праздники назывались по эпikleze главного божества полиса, их «наименования возникли в милетских колониях в архаический период и продолжали появляться в классический», в Ольвии и на Боспоре они сохранялись в эпоху эллинизма, «а в Херсонесе вплоть до заката античности» (Там же. С. 109).³ Хотя здесь не указаны наименования главных храмов и соответствующие им праздники, но из текста статьи можно узнать, что к ним отнесены зафиксированный в граффито Иетроон и названный по милетскому образцу Дельфинион в Ольвии, по ним именуются и праздники; название первого из них перенесено на храм в Пантикапее, который, как известно, лишь предположительно относится к Аполлону Иетросу; уверенно считается, что в Херсонесе с рубежа V–IV вв. до н. э. вплоть до конца античной эпохи существовал храм Партеон. Аргументированность всех вышеотмеченных положений М. В. Скржинской любопытно проследить, сопоставив их с археологическими источниками и последними работами ученых.

ленко, 1999. С. 147–160)» (Скржинская, 2008. С. 102). К сожалению, здесь не только ошибочно указаны страницы первого из них, но и не рассмотрены совершенно разные интерпретации этими авторами смыслового содержания мифа (по Тохтасеву, легенды) и святилища Афродиты Урании, их суждения о празднике Апатурии на Боспоре (ср.: Тохтасев, 1983. С. 111–117; 1986, С. 138–145; Кошеленко, 1999. С. 147–160; Скржинская, 2008. С. 102–104); проигнорированы также работы многих ученых и их мнения, в том числе и новейшие данные о святилище и характере культа Афродиты Урании владычицы Апатура (см. с лит.: Ustinova, 1999. P. 29–53, 129–176; Кузнецов, 2006. С. 156–172).

³ Из этих суждений как будто вытекает, что северопонтийские города постоянно были милетскими колониями и к таковым относился также Херсонес. Вместе с тем создается впечатление, что в первые века нашей эры в Ольвии и на Боспоре не существовало главных храмов верховных сакральных покровителей и не проводились общественные праздники.

¹ Украина, 04210, Киев, пр. Героев Сталинграда, 12, Институт археологии НАН Украины, Отдел античной археологии.

² Автор также считает, что в «этом ключе специальные исследования за последние десятилетия появились лишь об Апатуре на Тамани (Тохтасев, 1986. С. 131–141; Коше-

© А. С. Русяева, 2011

У каждого из современных археологов есть приоритетное направление в избранной области науки, обычно обусловленное собственными открытиями, сочетающее как исследования прошлых веков, так и современные достижения. Однако это не значит, что они не используют для доказательства тех или иных интерпретаций, выводов и гипотез соответствующие литературные и эпиграфические источники. В полной мере это также относится к святилищам и храмам, о которых в античной литературной традиции и надписях в большинстве случаев сохранились только краткие упоминания (*Пичикян*, 1984. С. 151–156, 188, 197–199 сл.; *Крыжицкий*, 1993. С. 14–24, 47 сл.; *Крыжицкий*, *Буйских*, 1998; *Русяева*, 2005. С. 94–160 сл.).⁴ При этом нельзя забывать, что сакральные граффити и лапидарные надписи, в том числе и посвященные многим божествам, во всех северопонтийских городах можно получить благодаря главным образом археологическим раскопкам.

Так, изучение разнообразных эпиграфических материалов, найденных в процессе многолетних исследований Восточного и Западного теменосов Ольвии в совокупности со множеством других находок, предоставило возможность предположительно установить структуру и расположение на их территории именных святилищ, время существования, обряды и характер почитания отдельных божеств (*Карасев*, 1964. С. 27–130; *Леви*, 1964. С. 131–174; 1985. С. 65–88; *Русяева*, 1992. С. 29–39; 2005. С. 124–139; *Древнейший теменос...*, 2006. С. 16–27, 117–136, 226–242 — с лит.). К этому следует еще добавить, что только после открытия строительных остатков можно было в той или иной степени уверенно говорить о храмах в некоторых святилищах, а при наличии обнаруженных синхронных архитектурных деталей представить их более или менее достоверно обоснованную графическую реконструкцию. Отсюда ясно, что археологические исследования действительно дают важные данные о размерах храмов и алтарей в огражденных святилищах, их местоположении и свободной площади возле них, что в комплексе с другими материалами способствует изучению обрядов и общественных праздников, а также представлению о том, как практически и реально можно было их здесь проводить — причем с учетом

⁴ Я бы не стала обращаться к этой же теме, если бы и в статье М. В. Скржинской не были высказаны некорректные замечания по поводу не только моих отдельных точек зрения, но и мнений археологов, не знающих древних языков, а ею самой не допущены ошибки по ряду вопросов (*Скржинская*, 2008).

времени их функционирования, поэтапного культурно-исторического и экономического развития полиса, особенно в переломные периоды его расцвета и тяжелых кризисов, относительного количества участников религиозных процессий, их социального статуса и т. д.

Обратим внимание и на то, что в вышеотмеченной статье сначала храм Аполлона Иетроса, а затем — Аполлона Дельфиния в Ольвии с соответствующими им праздниками рассматриваются вне археологического контекста и упоминаний о том, что они собой на самом деле представляли (*Скржинская*, 2008. С. 102–103). Здесь же приведены ошибочные данные о том, что, исходя из посвящения Аполлону Иетросу на полихромной терракотовой детали, ольвийское святилище с названием Иетроон существовало уже во второй четверти VI в. до н. э. Однако к этому времени относятся посвященные граффити богу лишь на фрагментах восточнореческих сосудов, а отдельные обломки архаических архитектурных терракотовых деталей датируются третьей и последней четвертями этого столетия (*Русяева*, 1986. С. 42–45; *Древнейший теменос...*, 2006. С. 100–114, 119).⁵ Поскольку оригинальное граффито последней четверти VI в. с названием Иетроон было прочерчено на фрагменте расписного антефикса того же типа, которыми был украшен храм, то не исключено, что только начиная с этого времени, то есть синхронно с его сооружением и открытием, он получил наименование по эпikleзе Аполлона Иетрос (*Русяева*, 1986. С. 45; 1992. С. 33; *Dubois*, 1996. Р. 110–111). Между тем этот храм просуществовал сравнительно недолго (менее столетия), многие детали от него были сброшены в ботрос последней четверти V в. (см. подробнее: *Древнейший теменос...*, 2006. С. 36–39). Графическая реконструкция храма С. Д. Крыжицким была сделана на основании не остатков фундаментов (от них дошло лишь две плиты), а плана храма на местности благодаря тщательной расчи-

⁵ Ю. Г. Виноградов необоснованно датировал это граффито на обломке симы, якобы украшавшей самый ранний храм Аполлона Врача, второй четвертью VI в. до н. э. на основании одной буквы — замкнутой *эты*, существовавшей в Милете до середины этого столетия (*Виноградов*, 1989. С. 79). Однако в Западном теменосе строительные остатки древнейшего, к сожалению, анонимного храма относятся к третьей четверти VI в., и данный тип архитектурной терракоты появляется не раньше этого времени. Следует также отметить, что некоторыми эпиграфистами данное посвящение вообще датируется второй половиной VI в. (*Dubois*, 1996. Р. 109).

стке траншей от его выборок и многим каменным и терракотовым архитектурным деталям из теменоса (Там же. С. 43–52).

Непосредственно около этого небольшого храма, расположенного в тесном окружении святилищ других божеств с их алтарями, священными оградами, пропилями и другими постройками, при отсутствии соответствующей площади рядом с храмом, никакого городского праздника, как бы он ни назывался, провести было невозможно. Не храмы, а алтари играли главную роль в ольвийских теменосах. В святилище Аполлона Иетроса, в частности, во второй–третьей четвертях VI в. до н. э. прослежены остатки от сгоревших деревянных алтарей, в нем было и значительно больше свободного места, где могли бы разместиться и численно небольшие группы людей. Однако после сооружения храма лишь на принадлежащих ему двух каменных алтарях (один перед его фасадом, другой с западной стороны возле ограды) проводились, по всей вероятности, обряды с возлияниями и жертвоприношениями. Для устройства же различных полисных праздничных мероприятий в честь главных ольвийских божеств, в том числе религиозных процессий и сакральных церемоний, могли использоваться прежде всего самая широкая в городе так называемая священная дорога, специально проложенная между двумя теменосами, и агора (Русяева, 2005. С. 125, 139; Древнейший теменос..., 2006. С. 8–10, 233–238).⁶

Аполлон Дельфиний почитался в Милете в огражденном теменосе — Дельфинионе, в котором, однако, на протяжении всей античной эпохи его существования так и не было храма, а находились периодически перестраивавшийся монументальный алтарь почти в центре и другие алтари; судя по ним, совместно с верховным богом в разное время почитались Артемида, Зевс, Геката, Гермес (Milet, I, 3. S. 406–409; Кобылина, 1965. С. 76–83; Виноградов, Русяева, 1980. С. 28; Ehrhardt, 1983. S. 130). М. М. Кобылина не писала о наличии в нем главного городского храма Аполлона Дельфиния и устройстве около него праздников; наоборот, она пришла к выводу, что открытые в святилище этого бога памятники показывают, какое большое место в строительстве культовых сооружений Милета занимали алтари (Кобылина, 1965. С. 82). Таким образом, только на основании археологических исследований можно

⁶ Все предыдущие работы А. С. Русяевой о Западном теменосе представлены в обобщающей работе (Древнейший теменос..., 2006).

было установить местонахождение и структуру святилища Аполлона Дельфиния в ольвийской метрополии и значение алтаря для проведения обрядов и праздников. Согласно гомеровскому гимну Аполлону Пифийскому, сам бог велел на его алтаре разжигать огонь, приносить в жертву ячмень и, окружив его, произносить ему молитвы как Дельфинию, называя этим культовым именем и алтарь; после этого обряда можно было совершить трапезу с возлияниями олимпийским богам (Hom. Hymn. II, 312–320, 330–335; ср. Milet, I, 3. S. 406).

Учреждение культа Аполлона Дельфиния в Ольвии, выделение для его святилища сравнительно большой площади в Восточном теменосе в третьей четверти VI в. до н. э., наряду с другими источниками, в частности новым денежным знаком в виде литой фигурки дельфина — его символа и вотивного дара, свидетельствуют, что этот бог занял главное место в ольвийском пантеоне (Русяева, 1992. С. 41–46). Аналогичная эпиклеза этого бога в Ольвии засвидетельствована не в археологических материалах, как ошибочно пишет М. В. Скржинская, ссылаясь на работу А. С. Русяевой, где на самом деле речь идет о разновременных эпиграфических свидетельствах (ср.: Там же. С. 42–43; Скржинская, 2008. С. 103).⁷ В последнее время подвергается сомнению и наличие храмов в святилище Аполлона Дельфиния в Ольвии (Крижицкий, Буйских, 1990; Древнейший теменос..., 2006. С. 252–255). Как бы то ни было, но в нем важнейшее значение, как и в Милете, имел монументальный алтарь на протяжении всего периода его существования. Его остатки неплохо сохранились до нашего времени, хотя все храмы были почти полностью снесены (Карасев, 1964. С. 73–102; Леви, 1985. С. 73, 81). Ни в одном из письменных источников не отмечены названия праздников Аполлона, почитавшегося в Ольвии с разными эпиклезами (Дельфиний, Иетрос, Борей, Таргелий, Ликей, Эгинский, Простат и, возможно, с другими, не отмеченными в посвящениях). Более всего, как известно, аполлоновские праздники были связаны с календарем, покровителем которого он был и в этом полисе.⁸ Поэтому вряд ли право-

⁷ Ошибочно указаны страницы и дата в ссылке (Скржинская, 2008. С. 103) на работу А. С. Русяевой относительно культа Аполлона Дельфиния (ср.: Русяева, 1992. С. 41–46, а не с. 65–70, где рассматривается полисно-сакральная эмблема).

⁸ В настоящей статье нет возможности более подробно повторить ранее рассмотренные данные о праздниках Аполлона в Ольвии (Виноградов, Русяева, 1980. С. 32–40; Русяева, 1999. С. 555–556).

мерно придумывать их названия, как и распространять наименование совсем небольшого храма Иетроон, простоявшего сравнительно непродолжительное время, на храмы Аполлона «и в других милетских колониях, в частности в Пантикапее» (Скржинская, 2008. С. 102–103), который с самого начала основания конституировался как автономный полис, а не представлял собой колонию, тем более в период сооружения намного более монументального храма, по сравнению с ольвийским.

Значительно больше внимания в рассматриваемой статье уделено анализу письменных и эпиграфических источников о главном храме верховной богини Херсонеса, остатки которого археологами не найдены, но, по мнению М. В. Скржинской, был высказан ряд ошибочных суждений при интерпретации сведений о нем (Там же. С. 104–109). В данном случае моя задача облегчается тем, что эта часть ее статьи почти полностью опубликована ранее, в ней основное внимание также было обращено на сведения Страбона в сопоставлении с трагедией Еврипида об Ифигении в Тавриде (Скржинська, 2006. С. 67–85). Все ее суждения и замечания по поводу неправильного толкования мной краткого пассажа Страбона критически уже пересмотрены в специальных статьях (Русяева, 2007а. С. 92–111; 2007б. С. 19–42). В последней из них проанализированы отдельные переводы этого пассажа, в том числе и М. В. Скржинской;⁹ рассмотрены разноречивые взгляды ученых о местоположении упомянутого в нем мыса Партений, храма и ксоана херсонесской богини Партенос с попыткой совершенно новой их локализации на высоком мысу в северо-восточ-

ной части Херсонеса, где, согласно последним исследованиям, находился теменос с храмами Партенос и Афины раннеэллинистического времени (см. с лит.: Русяева, 2007б; Буйских, 2008. С. 171–173). Исходя из этого, представляется наиболее рациональным не касаться здесь ранее рассмотренных вопросов, а затронуть относящиеся к интерпретации храма Партенос в Херсонесе, аналогичного по наименованию храму Афины Партенос на афинском акрополе.

Общепризнанно, что культ Партенос в ипостаси верховной богини занимал главное место в пантеоне Херсонесского государства на протяжении античной эпохи. Это нашло яркое отражение сначала в мифологии, а впоследствии и в религиозных представлениях херсонеситов. Единство гражданской общины укреплялось и ежегодным проведением календарно-религиозных праздников (Партений) с жертвоприношениями, религиозными процессиями, агонами и коллективными сакральными трапезами. Интерес к уникальному культу Партенос, в частности, попытка ученых решить некоторые дискуссионные вопросы, не угасает и теперь, судя по возрастающему количеству научных работ и в наше время.¹⁰ Однако, как уже неоднократно отмечено, остаются однозначно не решенными не только точная дата основания Херсонеса, но и взаимосвязанные с ней время внедрения и происхождения культа его главной сакральной защитницы и покровительницы. Вместе с этим все еще нуждаются в более детальном изучении и проблемные вопросы о святилищах Партенос и ее храме, как в центре города, так и за его пределами, всестороннему выяснению которых могут помочь только дальнейшие археологические исследования.

Пока же не найдено достоверных источников, свидетельствующих о том, каким образом отправлялся здесь как культ Партенос, так и культы других божеств в ранний период существования этого полиса. Неизвестно, синхронно ли с переселением гераклеотов и делосцев для их святилищ были отведены определенные участки земли, согласно общеэллинистической религиозно-колониционной традиции. Основные эпиграфические источники датируются преимущественно второй половиной IV–III в. до н. э., когда Херсонес получил статус крупного политического и экономиче-

⁹ Во второй статье после наших критических замечаний М. В. Скржинская все-таки заменила приведенный ею с ошибками в украинском варианте греческий текст пассажа Страбона из статьи С. А. Жебелева (ср.: Скржинська, 2006. С. 78; Скржинская, 2008. С. 105; Русяева, 2007а. С. 98–101; 2007б. С. 27–29). Однако по-прежнему для всех остается загадкой следующее утверждение: «Поэтому, по моим наблюдениям, ее (то есть Русяевой) перевод Страбона и ссылки на древних писателей уже упоминаются в работах археологов, многие из которых, не зная древнегреческого языка, не могут критически отнестись к перечисленным сведениям о прошлом Херсонеса» (Скржинська, 2006. С. 80; Скржинская, 2008. С. 107). Возникают закономерные вопросы: с какой же целью проводились такие наблюдения, кто же относится к не критически мыслящим археологам, почему не указаны их имена и почему оппонентом постоянно используются не только археологические, но и эпиграфические исследования многих археологов, в том числе и автора этой статьи?

¹⁰ Например: Бондаренко, 2007. С. 81–108; Макаров, Ушаков, 2008 (в этой статье упомянута не известная мне работа Д. Браунда о Партенос и нимфах в крымском Херсонесе, изданная в 2007 г.); Шевченко, 2008.

ского центра со всеми характерными признаками в Северном Причерноморье (*Виноградов, Щеглов, 1990. С. 310–370; Зубарь, 2005а. С. 121–208*). Открытие святилища того или иного божества, как известно, дает наибольшую информацию о культуре. Лишь в последние десятилетия опубликованы археологические данные о святилище с храмом Партенос и его реконструкции в Херсонесе раннеэллинистического времени (*Золотарев, Буйских, 1994. С. 78–101; Буйских, 2005. С. 314–320; 2008. С. 171–174; ср.: Русяева, 2007б. С. 30–33*). Однако за пределами города конкретные следы ее почитания до сих пор не обнаружены.

Важный вопрос в данном аспекте касается и понимания топонима Партенон, который был зафиксирован только в различных версиях «Житий св. епископов Херсонских». При рассмотрении этого вопроса в вышеупомянутых статьях М. В. Скржинская заодно уверенно отметила, что А. С. Русяева не обращалась к греческим оригиналам этих Житий, а поэтому неправильно интерпретировала данные о Партеноне, ссылаясь лишь на упоминание пещеры Партенон и не учитывая других сведений о его местонахождении в Житии Капитона (*Скржинская, 2006. С. 80; Скржинская, 2008. С. 106*). После такого поучительного замечания появился предлог для дискуссии, хотя у меня никогда не возникало желания специально заниматься выяснением этих вопросов. Кроме того, зная о пересмотре исследователями хронологии пребывания в этом городе епископов, а также о намерениях переиздания Житий с широким историческим и археологическим комментарием,¹¹ хорошо понимая, что не смогу сказать ничего существенно нового, я и не пыталась анализировать топоним Партенон в контексте культа Партенос, а тем более столь разноречивые его упоминания в сочинениях агиографов. Мной лишь кратко были упомянуты пещера Партенон и так называемый идол Партения, отождествленный с ксоаном (идолом) Партенос (*Русяева, Русяева, 1999. С. 79, 90; Русяева, 2005. С. 263*). Да и сейчас только на основании новых исследований ученых, о которых М. В. Скржинская даже не упоминает, мной здесь будет представлена достаточно краткая, но совсем иная информация, а не специальное исследование, о хронологии и возможной идентификации упомянутых в Житиях топонимов. Ведь после их первой публикации В. В. Латы-

шевым (*Латышев, 1906*), на которую она исключительно ссылается, прошло уже более 100 лет.

В своей работе М. В. Скржинская использовала перевод В. В. Латышева, а не собственный. В ее статьях отсутствуют конкретные данные о различных вариантах Житий, а также проигнорированы работы многих современных ученых по данной тематике. К ним в первую очередь относится фундаментальный труд о византийском Херсоне, в котором затрагиваются и вопросы из истории и культуры античного Херсонеса (*Сорочан, 2005. С. 6–677; С. 680–1640*). В дополнениях к нему опубликовано кроме многочисленных письменных источников две версии «Жития св. епископов Херсонских» в переводе В. В. Латышева с греческого и «Жития св. епископов Херсонских в грузинской минее» протоиерея К. Кекелидзе (Там же. С. 1255–1281). Наибольшая ценность их переиздания заключается в широком историческом и археологическом комментарии, дающем всестороннее представление о современном состоянии изучения этих произведений анонимных агиографов и библиографии значительного количества изданий различных вариантов Житий, а заодно и современные точки зрения относительно их датировки (Там же. С. 94–95). Кроме того, С. Б. Сорочан, на основании новых археологических исследований в Херсонесе, впервые рассмотрел и вопрос локализации агоронима Партенон (Там же. С. 880–886).

Вместе с этим нельзя не отметить, что отношение к произведениям агиографов о херсонских епископах как полноценному и достоверному историческому источнику и теперь не является однозначным (см. с лит.: *Завадская, 2003. С. 402–426*). Не все современные исследователи раннего христианства в Херсонесе / Херсоне придают им особое значение, сомневаются в их реальности, особенно в пребывании здесь первых епископов, резонно опираясь на эпиграфические и археологические материалы (*Диатроптов, 1986. С. 130–135; 2002. С. 99; Зубарь, Хворостяный, 2000. С. 90–103; Зубарь, 2004. С. 613–619*). В то же время с учетом разнообразных материалов и критическим пересмотром Житий продолжается изучение многих дискуссионных вопросов, в том числе выяснение более достоверных дат их написания и пребывания в Херсонесе христианских проповедников в сопоставлении со строительством первых храмов.

Следует прежде всего обратить внимание на то, что в статьях М. В. Скржинской не рассмотрены вопросы историографии и доказательства Житий как исторического источника. Только уверенно

¹¹ Первоначально эти сведения были получены от Ю. Г. Виноградова, сообщившего, что переиздание Житий готовится А. Ю. Виноградовым.

утверждается, что упоминания о главной богине античного Херсонеса и о ее храме Партедон неоднократно использовались исследователями в контексте изучения религии эллинов Северного Причерноморья, но еще никогда их не собирали вместе и не анализировали как единый комплекс уцелевших сведений о главном святилище херсонеситов (*Скржинська, 2006. С. 67*). Дальше даются объяснения различных значений слова *parthenos*, как нужно понимать афинский Партедон и Артемиду Партедон, которая отличалась от Афины Партедон;¹² упоминаются также давно известные данные о Партедон в Херсонесе и свидетельство из декрета в честь Диофанта о главном городском празднике Партедонии, соответственно которому «ее храм должен был называться Партедоном», подтверждение чего можно найти в Житиях епископов херсонесских (*Скржинская, 2008. С. 104–105*).

Отметим, что в различных местах ее обеих статей уже с самого начала приведены не просто

¹² В отличие от статьи 2006 г., в своей последней статье М. В. Скржинская исправила имя Афины Партедон на имя Артемиды Партедон. Однако она произвольно извлекла из контекста моей работы отдельные части предложений, и потому не сумела понять историческую ситуацию, сложившуюся в период основания Херсонеса гераклеотами и делосцами, особенно в ракурсе их взаимоотношений с афинянами (ср. *Русяева, Русяева, 1999. С. 68–76; Скржинська, 2006. С. 68–69; Скржинская, 2008. С. 104–105; Русяева, 2007а. С. 91–92*). Я считаю, что эта богиня как партедоненная (непорочно зачатая, рожденная из головы Зевса) в большей степени, чем Артемиды Партедон, зачатая Лето от Зевса, должна была почитаться как девственница, целомудренная Партедон. Для афинян с древнейших времен девственность и мудрость «совершенно» верховной богини Афины были символом неприступности их города. И в данном случае неважно, когда ее храм получил соответствующее ее эпитетизации наименование; главное заключается в том, что именно так именовалась ее обитель в нем, и афиняне не забывали обращаться к ней как к Деве Афине и Деве Палладе, в честь которой начиная с 566 г. до н. э. регулярно проводили празднества Великие Панафинеи (*Суриков, 2005. С. 202–203*). Во всех своих многочисленных ипостасях Афина мыслилась как Партедон, в том числе и Полиада, независимо от места и времени ее почитания. При этом нельзя не отметить, что в фундаментальных исследованиях религии греков вообще не упоминается Артемиды с эпитетом Партедон (*Nilsson, 1976; Burkert, 1985; Simon, 1998*). В данном случае я не выступаю с замечаниями о понимании смыслового значения сущности и культов обеих богинь. Каждый вправе иметь свои соображения, но вряд ли методически правомерно, тем более для их доказательства, изымать из контекста отрывки из предложений или отдельные предложения.

предположения, а не обоснованные должным образом следующие утверждения: память о храме пережила два тысячелетия в отрывочных свидетельствах письменных и эпиграфических источников, в которых кратко упоминалась главная богиня античного Херсонеса Артемиды с ее постоянным эпитетом Партедон (Дева) и ее храм Партедон; главный херсонесский храм Артемиды в ипостаси Партедон соответственно назывался Партедоном, документальное свидетельство о таком наименовании храма сохранилось только в Житиях, в которых описывались подвиги первых епископов в Херсонесе в III–IV вв.; центральное святилище с храмом верховной богини называлось Партедоном, древнейшее свидетельство об этом храме содержится в почетном декрете историка Сирииска; херсонесский Партедон, возможно, неоднократно перестраивавшийся, занимал центральное место в городе в течение многих веков и был уничтожен в IV в., когда сюда прибыл епископ Капитон; в отличие от главных храмов других государств Северного Причерноморья, о которых ничего не сказано в античной литературе, херсонесский несколько раз упоминается у древних писателей; херсонесский Партедон существовал с рубежа V–IV вв. до н. э. вплоть до первой половины 325 г. н. э., то есть около 800 лет (*Скржинська, 2006. С. 67–73, 83; Скржинская, 2008. С. 104–105, 109*).

При этом отсутствуют какие-либо объяснения, с какого времени произведен отсчет именно в две тысячи лет и какими исследователями упоминания о Партедон и Партедонне использовались только в контексте изучения религии эллинов Северного Причерноморья. Уже неоднократно указывалось, что ни в одном из источников не зафиксировано имя Артемиды с эпитетом Партедон как херсонесской богини, а только Партедон, что и дает основания некоторым исследователям до сих пор дискутировать о ее происхождении. Ни в одном из вариантов Житий не упоминается Партедон в значении храма богини Партедон, а тем более в почетном декрете Сирииска, сына Гераклиды, нет никаких оснований видеть именно Партедон, ибо в нем сказано только об установлении плиты с надписью постановления в пронаосе храма Партедон (IOSPE, II, 344). Так же в многочисленных надписях не отмечено, что херсонесский храм Партедон на самом деле когда-либо назывался Партедоном и что он несколько раз упоминался древними авторами.

Общеизвестно, что в Северном Причерноморье наименование святилища, а тем более храма по имени или эпитету божества в античной литературной традиции и надписях встречается

чрезвычайно редко, вследствие чего появление новых названий, в основном благодаря находкам лапидарных надписей и граффити во время раскопок, тщательно изучается эпиграфистами. Этим самым не утверждается, что в Херсонесе не могло быть храма либо святилища, которые имели бы название Партеон, согласно культу верховной богини Партенос. Однако, если отсутствуют какие-либо достоверные письменные свидетельства, можно только выдвигать гипотезы, а не утверждать, вопреки всем источникам, что Партеон существовал в Херсонесе с рубежа V–IV вв. до н. э. до середины 325 г. н. э. и «что мы имеем уникальный для Северного Причерноморья случай указания конечной даты существования главной святыни античного Херсонеса» (Скржинська, 2006. С. 71; Скржинская, 2008. С. 105).

Согласно новым исследованиям о херсонских епископах, первая версия Житий была сложена не ранее третьей четверти VI в. и не позже конца этого века (Сорочан, 2005. С. 94–100; С. 880, 1255). Пребывание первых епископов-мучеников в Херсонесе и их смерть (Василя/Василия, Евгения, Агафодора и Элпидия) относятся ко второй–третьей четверти IV в., а назначение Капитона на епископскую кафедру в Херсон датируется приблизительно серединой 380-х–началом 390-х гг. (Цукерман, 1995. С. 548–549; Сорочан, 2005. С. 1270, комментарий 181; Бондаренко, 2007. С. 86). Как видно, эти уточнения имеют значительные хронологические расхождения с вышеотмеченными датировками (III–IV вв., 325 г.) М. В. Скржинской. Следовательно, между временем деятельности Капитона, историческая личность которого вызывает меньше всего сомнений, и датой написания первого Жития прошло свыше двух веков. А самая ранняя известная запись Житий относится вообще к X в. Каждый из авторов того или иного варианта мог, естественно, что-нибудь в них менять, корректировать, дополнять либо сокращать. Поэтому так важно при исследовании древней топонимики византийского Херсона делать их сопоставления, а не использовать только одну из версий Житий, особенно при решении вопроса о наличии в античном Херсонесе храма Партеон и его уничтожении по приказу Капитона, вследствие чего сразу же прекратилось почитание не только Партенос, но и других эллинских богов, что вряд ли возможно даже при более насильственной смене одной религии другой.

Исходя из этого, рассмотрение Житий для изучения топонима Партеон следует начинать в хронологической последовательности с Жития Васи-

лия, где упоминается пещера, которая именно так и называется (*spelaion tini Parthenoni*), а не с Жития Капитона. М. В. Скржинская относит это упоминание к второстепенному факту, предполагая, что в пещере праведник укрывался от преследований язычников; вырубленное в скале помещение составляло древнейшую часть святилища или подземный храм Партенос, обладавший правом асилии (Скржинська, 2006. С. 71; Скржинская, 2008. С. 105). Однако об этой пещере, в христианскую эпоху ставшей склепом, и ее возможной идентификации с названной Партеоном в Житии Василия высказано немало различных гипотез (Латышев, 1906. С. 50–53; Сорочан и др., 2003. С. 104–110; Сорочан, 2005. Часть 2. С. 1263–1264, комментарий 138; Бондаренко, 2003. С. 30–31; 2007. С. 85, 87).

Исследователи позднеантичного Херсонеса и византийского Херсона резонно считают, что пока что не имеется достоверных данных, позволяющих отождествлять этот склеп с пещерой Партеон в качестве подземной части главного храма херсонесской богини Партенос или с пещерой нимф (Ромр. Мела. II, 3), местонахождение которой тоже не установлено (Сорочан, 2005. Часть 2. С. 748; Русяева, 2007а. С. 107–108; Буйских, 2008. С. 173). Почти каждое святилище эллинских божеств, согласно древней традиции, пользовалось правом защиты (асилией). Комментируя данные о названии пещеры Партеон в Житиях, В. В. Латышев резонно высказал предположение, что, с одной стороны, ее можно отождествлять с упомянутой Помпонием Мелой (II, 3) пещерой нимф, а с другой — что посвященная Деве пещера пользовалась правом защиты (Латышев, 1906. С. 50–54).¹³ Однако, как видно из Жития Василия, херсонеситы игнорировали эту традицию, извлекли его из пещеры и жестоко убили. Возможно, потому, что эта пещера не была на акрополе, а находилась в менее многолюдной прибрежной части города, где легче было спрятаться. Она, вероятно, носила название Партеон не в связи с культом верховной богини, а потому, что ассоциировалась с нимфами — непорочными де-

¹³ В данном аспекте заслуживает внимания недавняя публикация граффито на краснофигурном килике, на основании которого авторы считают, что Партенос в Херсонесе почиталась как Предводительница нимф и что В. В. Латышев привел убедительные доводы в пользу локализации пещеры Партеон на херсонесском акрополе, высказав предположение о возможности ее отождествления с пещерой нимф (Макаров, Ушаков, 2008. С. 173–183).

вами, постоянными спутницами Артемиды. Вместе с этим, несмотря на все сомнения и предположения, если свидетельство об убежище христианского проповедника Василия в пещере с названием Партедон и его безжалостном убийстве херсонесскими язычниками является на самом деле достоверным, то оно еще не дает права для утверждения, что в Северном Причерноморье только этот храм владел правом асии (Скржинська, 2006. С. 83; Скржинская, 2008. С. 109).

Совсем другая информация сохранилась в Житии св. епископа Капитона, который уже позже для собственной защиты привез с собой 500 воинов во главе с Феонией, хотя в Херсонесе находилась группа христиан, встречавших его с радостью (Латышев, 1906). М.В. Скржинская уверена, что по его велению в первой половине 325 г. построили печи, в которых сгорели мраморные детали и скульптура храма верховной херсонесской богини, а известь, полученная из пережженного мрамора, пошла на строительство храма во имя апостола Петра, построенного на месте античного Партедона (Скржинська, 2006. С. 71–72; Скржинская, 2008. С. 105). Однако для доказательства такого важного утверждения в первую очередь необходим сравнительный анализ различных версий этих Житий, в которых совсем неоднозначно говорится о действиях Капитона. Так, согласно греческой версии Житий (из минеи Михаила IV Пафлагона), в переводе В. В. Латышева, дается совсем другая информация: «На следующий день, когда собралась большая толпа и епископ стройно излагал им слова благочестия, сторонники неверия стали кричать: „Ты нечто странное вносишь в слухи наши и нечто странное возвещаешь. Но если ты хочешь внушить всему доверие и убедить нас в [истине] твоих слов, сделай то, что мы скажем. Вот две печи, разожженные для выделки извести для нашего храма. Если тебя, вошедшего в одну из них, не сожжет огонь, то мы уверуем в проповедуемого тобой Бога”» (Латышев, 1907. Гл. 15).

Вот как комментирует этот отрывок известный исследователь византийского Херсона С. Б. Сорочан: «Очевидно, херсонеситы собирались обновлять языческий храм, поскольку, если учесть прибытие Капитона из Константинополя не раньше 10 марта — открытия навигационного сезона, приближался знаменательный для горожан праздник Партений, справлявшийся в марте—апреле и посвященный главной патронессе города — высокочтимой богине Деве. В этом нельзя усматривать некое отставание херсонеситов от общего положения, их затянущееся отклонение от про-

цессов, шедших в Империи, ибо в Риме до конца IV в. тоже еще приносили жертвы языческим богам» (Сорочан, 2005. Часть 2. С. 1271, комментарий 168). Выйдя из печи невредимым, что поразило народ, Капитон велел построить «крещальню из обожженной извести, всех окрестил в ней, воздвиг он и храм, примыкавший к ней, во имя первого и верховного из апостолов Петра»; для поселения этому епископу и воинам была выделена восточная часть города, а именно от Малой агоры к месту, названному Партедоном (Латышев, 1907. Гл. 16–17). Но и по этим сведениям топоним Партедон нельзя прямо отождествлять с эллинским храмом или теменосом богини Партедон. В Житиях (грузинская минея) также не говорится об изготовлении извести из уничтоженного храма и статуй для строительства христианского храма. Капитон собрал всех у себя на молитву, а потом около купели, в которой произошло крещение, на знак благочестия, построили большой и прекрасный храм святого верховного апостола Петра, но в какой год это произошло и сколько времени его возводили, здесь также не указывается (Житие..., 1913. С. 83–88). По мнению С. Б. Сорочана, такой храм не мог возводиться слишком поспешно.¹⁴ В этом же варианте Житий тоже идет речь о восточной части города «от регеона, называемого малым торжищем, до так именуемого Парфенеона; на всем этом пространстве поселены были сопровождавшие преподобного епископа Капитона и Феонии» (Житие..., 1913. Гл. 9). Такое название происходит уже не от Партедон, а от имени Партений, то есть сходного с ним мыса Партений. Только в Житии Капитона, за синаксаром византийского императора Василия II, объяснялось, что возведенная церковь апостола Петра заменила храм идола Партения, а район, примыкавший к ней, сохранил старое название Партедон. Следовательно, и здесь отсутствует документальное свидетельство собственно о храме Партедон, а сказано только о месте, которое примыкало к храму, а после него — к церкви апостола Петра. Все эти противоречивые сведения, тем более связанные с легендарным выходом из печи Капитона, с одной стороны, вызывают сомнения, дискуссии, разные интерпретации, а с другой — как бы то ни было, но требуют более

¹⁴ Данные О. И. Домбровского и В. А. Кутайсова о раскопках четырехкапсидного мартирия подтверждают, что он был сооружен над остатками легендарной известьобжигающей печи не ранее VI и не позднее середины VII в. (Сорочан, 2005. Часть 1. С. 97).

объективного подхода и более тщательного изучения всего комплекса разновременных источников, которые лучше антиковедов могут знать исследователи раннего христианства.

В связи с этим обращают на себя особое внимание следующие факты. Прежде всего, Страбон, несмотря на взятое им из сочинений своих предшественников достоверное свидетельство о местонахождении в Херсонесе храма и ксоанона Партенос (Strabo. VII, 4, 2), не привел его название Партедон, что в связи со всем контекстом, а также его сведениями о других святилищах, представляется не совсем понятным, поскольку этого автора действительно интересовали места, где эллины почитали свои божества, в том числе и в Северном Причерноморье (*Грацианская*, 2007. С. 97–99). Поэтому остается предполагать, что такого названия еще не существовало либо его никто ни в городе, ни в гавани не произносил. Выдающийся ученый и признанный знаток классических языков В. В. Латышев, который перевел тексты всех Житий и специально занимался их исследованием в течение многих лет, даже не подумал сопоставить упомянутые в них названия Партедон с храмом главной херсонесской богини.¹⁵ Ведь он писал о ее культуре, прочитал и опубликовал многочисленные лапидарные надписи, в том числе и с посвящениями этой богине. Кроме того, И.И. Толстой, впервые в антиковедении тщательно проанализировавший все известные на то время источники о Партенос и, бесспорно, читавший Жития, только в одном примечании своей монографии отметил, что в отдельных из них упоминается храм идола Партения и пещера (spelaiou) «Парфенон» (*Толстой*, 1918. С. 98, примеч. 1). На мой взгляд, это также одно из надежных доказательств того, что, согласно всему комплексу источников, в них отсутствует достоверное упоминание о Партедоне как главном храме богини Партенос. В дальнейших исследованиях ее культа и святилищ никто из ученых также не пытался доказать, что в Херсонесе в течение восьми веков существовал храм с таким же названием, как и знаменитый Партедон на афинском акрополе.

Большинство исследователей раньше отождествляло храм апостола Петра с самой большой базиликой города — Уваровской (№ 23). В последнее время считается, что она была построена в честь

апостолов Петра и Павла, а храм Петра, о котором упоминается в Житии Капитона, можно локализовать на Восточной площади города, где был расположен теменос греческих божеств и где находилась большая Восточная базилика (№ 36) (*Сорочан*, 2005. Часть 1. С. 98–99; *Виноградов*, 2005. С. 91–93). Насильническое превращение херсонесского храма в церковь при активном участии имперской власти и епископа Капитона, считает С. Б. Сорочан, целиком отвечало политике Феодосия II, в результате которой в середине 380-х гг. произошло массовое закрытие языческих храмов, а в 391 г. был принят закон, по которому окончательно запрещалось их функционирование (*Сорочан*, 2005. Часть 2. С. 1973–1974, комментарий 184). В различных регионах античные храмы, в том числе и афинский Партедон, также превращали в христианские культовые сооружения (*Завадская*, 2003. С. 413). Но на самом ли деле храм Петра построили непосредственно на месте снесенного храма Партенос, установить точно не удалось. Более достоверная, хотя и не окончательная, идентификация храма Петра стала возможной благодаря исследованиям херсонесского теменоса с двумя храмами, вероятно, Афины и Партедон раннеэллинистического времени в северо-восточном районе Херсонеса (*Золотарев*, *Буйских*, 1994; *Сорочан*, 2005. С. 886; *Русяева*, 2007б. С. 30–35, 39; *Буйских*, 2008. С. 172–173). Однако стояли здесь эти же храмы или вновь сооруженные в первые века новой эры, пока не установлено.

Существующие противоречия о названии Партедон отмечены и М. Е. Бондаренко, также обратившего особое внимание только на одну синаксарную версию Житий: «Однако, как мы знаем, Парфеноном называлась пещера Девы, а не храм, и располагалась она, согласно 17 главе Житий, именно в восточной части города. Не исключено, что пещера со временем обрушилась в море и найти ее теперь не представляется возможным. Храм Девы, по нашему мнению, располагался на акрополе. Таким образом, получается, что либо епископ Капитон разрушил храм не Девы, а Афины Парфенос, либо существовало два храма Девы» (*Бондаренко*, 2003. С. 31; 2007. С. 87). Действительно, если в северо-восточной части Херсонеса святилища с храмами Партедон и Афины Сотейры (тоже в своей основе Партедон) были расположены на скалистом мысе, где, что особенно важно, был установлен алтарь, украшенный рельефными изображениями щитов как одним из атрибутов именно Афины, возвышалась ее почти пятиметровая статуя, то вполне вероятно, что пе-

¹⁵ О научной деятельности В. В. Латышева, который «являет собой практически идеальный тип ученого-классика», прекрасно написано Э.Д. Фроловым (*Фролов*, 2006. С. 253–289).

щера в какое-то время получила неофициальное название Партеон, которое вместе с тем надолго закрепилось и за ближней к ней местностью. Расположенная в скале на мысе, она могла быть сакрализована по причине естественного происхождения и необычной формы в религиозном сочетании с нимфами и их преводительницей Артемидой, получила такое же название благодаря местонахождению в ней общего святилища. Такая пещера, конечно, давно разрушена морскими водами или же христианами, ибо напоминала им о несправедливом и жестоком отношении к проповеднику Василию херсонесских язычников: вряд ли случайно авторы Житий так конкретно отождествили бы место его укрытия именно с пещерой, именуемой Партеон. Не исключено, что в ней хранился ксоанон Партеос во времена гонения на ее почитателей.¹⁶ Однако и такая версия может быть только сугубо гипотетической.

Многие исследователи, в том числе и автор, предполагали, что святилище Партеос с храмом было расположено в центральной части Херсонеса под современным Владимирским собором. Вероятно, и далее после его восстановления можно только думать, что на этом месте в античную эпоху происходило почитание херсонесской богини. Как упомянуто выше, в почетном декрете историка Сириска сказано только о его установке в пронаосе Партеос (IOSPE, II, 344); о том же идет речь в другом фрагментированном декрете в честь неизвестных (IOSPE, II, 353); статую стратега Диофанта должны были установить на акрополе возле алтарей Партеос и Херсонас, а увенчать его золотым венком в праздник Партении во время процессии, что в общем также не удостоверяет точное местонахождение храма (IOSPE, II, 352). Последнее свидетельство, вне всяких сомнений, указывает на то, что и в Херсонесе главную роль в проведении праздников Партеос играл алтарь. Показательно, по мнению В. М. Зубаря, что в районе Владимирского собора найдены эпиграфические памятники общегосударственного значения, но, к сожалению, о наличии священного участка на центральном плато, возможной агоре, можно и теперь говорить только в гипотетическом плане, ибо активное строительство христианских храмов навсегда уничтожило его следы (Зубарь, 2005б. С. 33).

¹⁶ Любопытно, что в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» (Ст. 106–107, 118–119, 251–258) неоднократно упоминается пещера в скале возле храма Артемиды, в которой прятались прибывшие в таврийский край за ее ксоаном Орест и Пилад.

Наличие еще одного теменоса раннеэллинистического времени в Херсонесе подтверждается рядом архитектурных деталей, позволивших графически реконструировать храм ионического ордера (Пичикян, 1984. С. 207–218; Буйских, 2008. С. 174). Само собой разумеется, что в будущем с накоплением археологических и эпиграфических источников будут выдвинуты новые гипотезы, а возможно, найдены и несомненные доказательства существования храма или святилища Партеос с алтарем в центральном районе Херсонеса. Пока же М. И. Золотаревым и А. В. Буйских опубликованы более достоверные предположения о храме этой богини эллинистического времени на высоком мысу в северо-восточной части города, которые находят подтверждение в архитектурной детали с посвящением Партеос и свидетельстве Страбона (Золотарев, Буйских, 1994; Русяева, 2007б. С. 30–37; Буйских, 2008. С. 172–173).

Таким образом, отсутствие соответствующих источников и ограниченность данных о святилищах Партеос позволяют выдвигать только гипотезы. В Херсонесе пока что не открыто остатков ни одного храма, который можно было, — хотя бы предположительно, — продатировать концом V — началом IV в. до н. э. Для исследователей в будущем еще остается немало вопросов относительно достоверной идентификации пещеры и места Партеон, которые только упоминаются в Житиях, но ни в одном из них не говорится конкретно ни о святилище, ни о храме богини Партеос с таким названием. Еще раз следует сказать, что достаточно краткая и, естественно, неполная информация о топониме Партеон приведена здесь исключительно по последним исследованиям античного Херсонеса и византийского Херсона ради того, чтобы показать важное значение археологических источников, новых открытий археологов и их научных работ. Без ознакомления с ними, как и при отсутствии объективного сравнительного сопоставления различных версий Житий, можно делать лишь произвольные утверждения, которые еще не являются доказательством того, что в центре Херсонеса, соответственно названию праздников Партении, находился храм богини Партеос (Партеон) с подземным храмом под ним с древнейших времен его исторического развития до полного уничтожения епископом Капитоном в середине 325 г., вследствие чего почитание эллинских божеств, а особенно Партеос, навсегда прекратилось.

Тем не менее остается много нерешенных и дискуссионных вопросов. Верховенство богов в

пантеонах всех античных государств Северного Причерноморья, как известно, не было постоянным и незыблемым. Достоверное название позднеархаического храма Аполлона Иетроса Иетроон зафиксировано только в Ольвии, где, в отличие от всех других западно- и северопонтийских городов, еще во второй половине VI в. до н. э. был учрежден культ Аполлона Дельфиния — верховного бога Ольвийского полиса на протяжении догетского периода его истории. В первые века новой эры здесь сложилась совершенно иная ситуация. В отдельных боспорских городах и в Боспорском государстве в целом тоже происходили изменения в пантеонах во взаимосвязи с политической деятельностью царей. В таком случае требуется более веское обоснование основных критериев для определения главных храмов в разные периоды исторического развития античных государств Северного Причерноморья и достоверности прямого переноса их названий на праздники либо названий праздников на храмы из одного региона в другой, в особенности при отсутствии близких политических и культурно-религиозных отношений и взаимовлияний.

- Бондаренко*, 2003 — *Бондаренко М. Е.* Пантеон Херсонеса Таврического. М., 2003.
- Бондаренко*, 2007 — *Бондаренко М. Е.* Государственные пантеоны древнегреческих полисов Северного Причерноморья. М., 2007.
- Буйских*, 2005 — *Буйских А. В.* Градостроительство и архитектура // Херсонес Таврический в третьей четверти VI—I вв. до н. э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005.
- Буйских*, 2008 — *Буйских А. В.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum. Симферополь, 2008. Вып. 5.
- Виноградов*, 2005 — *Виноградов А. Ю.* Херсонесский храм св. Петра и его эпиграфические памятники // Херсонесский сборник. Севастополь, 2005. Вып. 14.
- Виноградов*, 1989 — *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э.: историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.
- Виноградов*, *Русяева*, 1980 — *Виноградов Ю. Г.*, *Русяева А. С.* Культ Аполлона и календарь в Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья: Сб. статей / Отв. ред. В. А. Анохин. Киев, 1980.
- Виноградов*, *Щеглов*, 1990 — *Виноградов Ю. Г.*, *Щеглов А. Н.* Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.
- Грацианская*, 2007 — *Грацианская Л. И.* Место теологии в светском литературном памятнике (теологические изыскания Страбона) // Боспор Киммерийский и варварский мир в

- период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты: Боспорские чтения. VIII. Керчь, 2007.
- Диатроптов*, 1986 — *Диатроптов П. Д.* Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV–VI вв. // Античная гражданская община: Межвузовский сб. науч. трудов / Отв. ред. И. С. Свенцицкая. М., 1986.
- Диатроптов*, 2002 — *Диатроптов П. Д.* Некоторые дискуссионные моменты начального этапа христианизации Северного Причерноморья // Сугдея, Сурож, Солдая в истории и культуре Руси — Украины: Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002.
- Древнейший теменос...*, 2006 — *Древнейший теменос Ольвии Понтийской: Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии: Supplementum* / Отв. ред. В. Н. Зинько. Симферополь, 2006. Вып. 2.
- Житие...*, 1913 — *Житие св. епископов Херсонских в грузинской минее* / Вступ. ст. В. В. Латышева; Пер. К. Кекелидзе. СПб., 1913 (ИАК. Вып. 49).
- Завадская*, 2003 — *Завадская И. А.* Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV–VI вв.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2003. Вып. 10.
- Золотарев*, *Буйских*, 1994 — *Золотарев М. И.*, *Буйских А. В.* Теменос античного Херсонеса: Опыт архитектурной реконструкции // ВДИ. 1994. № 3.
- Зубарь*, 2004 — *Зубарь В. М.* Проникновение и утверждение христианства // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э.—VI в.: Очерки истории и культуры. Харьков, 2004.
- Зубарь*, 2005а — *Зубарь В. М.* Херсонес и Западная Таврика в последней четверти VI—середине I в. до н. э. // Херсонес Таврический в третьей четверти VI—I вв. до н. э.: Очерки истории и культуры. Киев, 2005.
- Зубарь*, 2005б — *Зубарь В. М.* Места отправления религиозных культов в Херсонесе Таврическом и его округе в эллинистический период // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2005. Вып. 11.
- Зубарь*, *Хворостяный*, 2000 — *Зубарь В. М.*, *Хворостяный А. И.* От язычества к христианству. Киев, 2000.
- Карасев*, 1964 — *Карасев А. Н.* Монументальные памятники ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. М.; Л., 1964.
- Кобылина*, 1965 — *Кобылина М. М.* Милет. М., 1965.
- Кошеленко*, 1999 — *Кошеленко Г. А.* Боспорский вариант мифа о гибели гигантов // Древности Боспора. М., 1999. № 2.
- Крыжицкий*, 1993 — *Крыжицкий С. Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Крыжицкий*, *Буйских*, 1990 — *Крыжицкий С. Д.*, *Буйских А. В.* Реконструкция споруд Центрального теменосу в Ольвии // Археология. Київ, 1990. № 3.
- Крыжицкий*, *Буйских*, 1998 — *Крыжицкий С. Д.*, *Буйских А. В.* Боговете на Понта: Сб. статей / Ред.-сост. М. Лазаров. Варна, 1990.
- Кузнецов*, 2006 — *Кузнецов В. Д.* Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2006. № 1.
- Латышев*, 1906 — *Латышев В. В.* Жития св. епископов Херсонских: Исследование и тексты // Записки Императорской Академии

- наук по историко-филологическому отделению. СПб., 1906. Т. 8. № 3.
- Латышев*, 1907 — *Латышев В. В.* Страдания св. священномучеников и епископов Херсонских Василия и иных с ними // Известия Имп. археологической комиссии. СПб., 1907. Вып. 23.
- Леви*, 1964 — *Леви Е. И.* Материалы ольвийского теменоса // Ольвия. Теменос и агора / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. М.; Л., 1964.
- Леви*, 1985 — *Леви Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.
- Макаров, Ушаков*, 2008 — *Макаров И. А., Ушаков С. В.* Краснофигурный килик с надписью из раскопок Херсонеса Таврического // ВДИ. 2008. № 4.
- Пичикян*, 1984 — *Пичикян И. Р.* Малая Азия — Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 1984.
- Русяева*, 1986 — *Русяева А. С.* Милет — Дидимы — Борисфен — Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2.
- Русяева*, 1992 — *Русяева А. С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.
- Русяева*, 1999 — *Русяева А. С.* Религиозные празднества // *Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Крапивина В. В., Лейпунская Н. А., Скржинская М. В., Анохин В. А.* Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999.
- Русяева*, 2005 — *Русяева А. С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005.
- Русяева*, 2007а — *Русяева А. С.* Проблемні питання інтерпретації культу Партенос — верховної богині Херсонесської держави // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2007. Вып. 16.
- Русяева*, 2007б — *Русяева А. С.* Свидетельство Страбона о мысе Партеций, храме и ксоаноне херсонесской богини Партенос // Древности Северного Причерноморья в античное время: Сб. статей / Отв. ред. В. Н. Зинько, В. В. Крапивина. Симферополь, 2007.
- Русяева, Русяева*, 1999 — *Русяева А., Русяева М.* Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999.
- Скржинська*, 2006 — *Скржинська М.* Парфенон у Херсонесі Таврійському // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2006. № 6.
- Скржинская*, 2008 — *Скржинская М. В.* Главные храмы и праздники античных государств Северного Причерноморья в литературных и эпиграфических источниках // Археологические вести. СПб., 2008. Вып. 15.
- Сорочан*, 2005 — *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI—первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 1, 2.
- Сорочан, Зубарь, Марченко*, 2003 — *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Херсонес — Херсон — Корсунь. Киев, 2003.
- Суриков*, 2005 — *Суриков И. Е.* Античная Греция: политика в контексте эпохи: архаика и ранняя классика. М., 2005.
- Толстой*, 1918 — *Толстой И. И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918.
- Тохтасьев*, 1983 — *Тохтасьев С. П.* Боспорская легенда об Афродите Апатурос // ВДИ. 1983. № 2.
- Тохтасьев*, 1986 — *Тохтасьев С. П.* Апатур. История боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. 1986. № 2.
- Фролов*, 2006 — *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 2006.
- Цукерман*, 1995 — *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1995. Вып. 4.
- Шевченко*, 2008 — *Шевченко Т. М.* Особливості релігійного світогляду населення античного Херсонеса: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2008.
- Burkert*, 1985 — *Burkert W.* Greek Religion. Cambridge, 1985.
- Dubois*, 1996 — *Dubois L.* Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève, 1996.
- Ehrhardt*, 1983 — *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main; Bern; New York, 1983.
- IOSPE. II — *Latyshev B.* Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropoli, 1916.
- Milet, I, 3 — *Wiegand Th.* Milet. Ergebnisse des Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899–1929: Kawerau G. und Rehm A. Das Delphinion in Milet. Berlin, 1914. Bd 1. Heft 3.
- Nilsson*, 1976 — *Nilsson M. P.* Geschichte der griechischen Religion. Bd 1. München, 1976.
- Simon*, 1998 — *Simon E.* Die Götter der Griechen. München, 1998.
- Ustinova*, 1999 — *Ustinova Y.* The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden; Boston; Köln, 1999.

The Main Temples and Feasts Devoted to Greek Gods in Cities of the Northern Black Sea Littoral

A. S. Rusaeva

This paper presents a critical analysis of certain points of M. V. Skrzhinskaya's conception (*Скржинская*, 2006, 2008), put forward on the basis of literary and epigraphic sources on the major temples and feasts in the ancient northern Black Sea area. Through a number of examples it is here demonstrated that these sources should be studied methodologically in a single complex with archaeological evidence from the sanctuaries. Only such interdisciplinary studies are able to yield reliable information. It seems unfounded, inter alia, to relate the name of the small and shortly used Ietron temple in Olbia to temples in other poleis. It was possible to practice no city's feasts near it due to the absence of available area nearby. In Delphinion of Miletos there were no temples. The dominating point throughout the antique period was held there by the monumental altar. This fact has been established only through archaeological excavations. The cult of Apollo Delphinios, the supreme god in Olbia, was founded in the third quarter of the 4th century BC. In this sanctuary, also the altar was of the primary importance. The public calendar feasts of Apollo with processions and other activities with participation of many Olbia residents can have been organized in the agora. For this purpose, the broadest in the city and specially built between the two temenoi road, called the Sacred, was used.

Also the statement seems dubious that the main Chersonesean temple of Parthenos was called the Parthenon from the turn between the 5th and 4th century BC until the middle of 325 AD. As suggested by archaeological investigations, the most ancient temple

of the goddess was constructed in the last third of the 4th century BC. It was situated not in the centre of the city but in an area of the temenos on a high promontory in the north-eastern district. It is probable that exactly this sanctuary and the temple are reported by Strabo (VII, 4. 2). The Chersonesean Parthenon is mentioned in none of the epigraphic or literary sources. In different writings of hagiographers about the saint bishops of Cherson also there are no reliable information on the temple named the Parthenon. They mention now the Parthenon Cave, now a similar name of some place in the eastern area of the city. Not each of these written sources notes the annihilation of the heathen temple. Unbiased studies of the sources by different researchers have enabled to obtain more precise dates of the residence of the bishops in Chersonesos (second to last quarter of the 4th century BC). Therefore there are so far no reliable or particular evidence that the temple of Parthenos was destroyed in the mid-325 AD according to an order of Bishop Kapiton. Also, it cannot be stated with certainty that simultaneously the worshipping of this goddess ended. Indeed, many unsolved and arguable problems still remain. The supremacy of gods in the pantheons of all the antique states of the northern Black Sea region is known to have been in no way constant and unshakeable. Therefore good reasons are necessary to establish the basic criteria of defining the main temples during different periods of their historical existence and the trustworthy of the transference of their names onto feasts or, vice versa, the names of the feasts onto particular temples in the given region.

Курганы у с. Котюжень на юге Среднего Поднестровья и проблема «фрако-киммерийских» древностей (опыт изучения «пустых» погребений)¹

О. Г. Левицкий, М. Т. Кашуба²

Введение. Изучение комплексов ранних кочевников в Северном Причерноморье имеет давнюю историю и насчитывает обширную библиографию из работ русскоязычных авторов и зарубежных коллег. Многие специалисты уже отошли от расширительного толкования этнонима «киммерийский» в применении к доскифским раннекочевническим древностям региона. Как оказалось, если понимать под киммерийцами исторический народ, то собственно культуру киммерийцев еще надо поискать (выборочно см.: *Медведская*, 1992. С. 86 сл.; *Алексеев и др.*, 1993; *Иванчик*, 1996, 2001; *Алексеев*, 2003; *Тохтасьев*, 2008. С. 193–204; и др.). Другие исследователи, напротив, без сомнений связывают эти памятники с историческими киммерийцами (например, *Махортых*, 2005).

Ситуация с «фрако-киммерийскими» древностями или «фрако-киммерийским» феноменом — термином, который достаточно давно применяется в отношении раннекочевнических древностей в Карпатской котловине и Юго-Восточной Европе, — выглядит еще более неоднозначно. Несмотря на радикальные попытки отказа (*Kemenczei*, 1994. P. 591 сл.; *Metzner-Nebelsick*, 1998. S. 361 сл.; 2005. S. 504–508), вновь прозвучали мнения о возможном существовании такого феномена. И это,

¹ Работа выполнена в рамках международного независимого проекта 2009 г. (по Академии наук Молдова — шифр 09.820.07.01 UIA) как составной части общего проекта «Скифо-сарматский мир и античная цивилизация», поддержанного Международной ассоциацией Академий наук (Брюссель).

² Левицкий О. Г. — Республика Молдова, Кишинэу, МД-2001, Бул. Штефан чел Маре, 1. Академия наук Молдовы. Институт культурного наследия. Центр археологии.

Кашуба М. Т. — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

© О. Г. Левицкий, М. Т. Кашуба, 2011

в частности, коснулось доскифских древностей Днестровского бассейна.

Так, факт присутствия лощенной керамики с геометрическим узором в большинстве предскифских погребений Северо-Западного Причерноморья побудил И. В. Бруяко провести анализ состава погребального инвентаря и основных признаков погребальной обрядности населения степи и лесостепи этого региона. В результате он пришел к выводу о единстве материальной культуры населения лесостепи и степи в Северо-Западном Причерноморье, в рамках которого родственные группы различались лишь способами ведения хозяйства. В этом случае, по его мнению, термин «фрако-киммерийцы» в отношении населения региона наиболее точно отражает существовавшую реальность (*Бруяко*, 2005. С. 76 сл.). В дальнейшем И. В. Бруяко развил тему фрако-киммерийского культурного диалога на примере реконструируемых им взаимоотношений между жителями городища Картал (Орловки), материальная культура которых принадлежала балканской традиции, и кочевниками предскифского периода (*Бруяко*, 2009. С. 52–55).

В свою очередь, Б. Тержан обратилась к хорошо известнымкладам из Михалкова в Среднем Поднестровье и установила, что найденные в их составе золотые фибулы вышли из восточнобалканских мастерских, хотя прототипами послужили кавказские образцы. Такие неординарные украшения и детали одежды, несущие особую культовую символику и распространенные в Юго-Восточной Европе, по ее мнению, принадлежали некоей господствующей группе. Эта обладающая властью группа (или общность), существовавшая в короткий период времени на рубеже IX–VIII вв. до н. э. (то есть около 800 г. до н. э.) между Кавказом, Днестровским бассейном и восточноальпийской зоной, демонстрировала контакты между этими регионами и подтверждала само наличие

этой «общей» обширной территории. Все это было возможно благодаря некоему единству, которое, по ее мнению, и можно обозначать как «фрако-киммерийский» феномен или «фрако-киммерийский» горизонт (*Teržan*, 2009. S. 190 сл.).

В Среднеднестровском регионе известны и другие памятники, которые с известной долей вероятности могут быть отнесены к числу «фрако-киммерийских», если будет признан сам факт наличия такого феномена. Речь идет о нескольких курганных захоронениях, исследованных во второй половине 80-х гг. XX в. возле с. Котюжень на юге Среднего Поднепровья. В первичной публикации комплексов лишь одно погребение 16 кургана 3 было идентифицировано как черногоровское, а культурная принадлежность остальных, аналогичных, но безынвентарных захоронений, оставалась неопределенной (*Агульников*, 1992. С. 104–120). Проведенный в дальнейшем анализ этих погребений позволил датировать их ранним железным веком, при этом наиболее близкие аналогии они показывали с комплексами жаботинского этапа из лесостепного Правобережного Поднепровья (*Levički, Demcenco*, 1996. P. 107–115). Эти наблюдения и выводы остались фактически неизвестными специалистам, а сами курганные погребения из Котюжень, за исключением черногоровского захоронения 16/3, не были включены ни в один из опубликованных в последнее время сводов раннекочевнических («киммерийских») комплексов (см.: *Махортых*, 2005. С. 339; *Бруяко*, 2005. С. 29, 36, рис. 3; табл. III). Эти обстоятельства, появившиеся новые уточнения по датировкам опорных и/или эпонимных комплексов, синхронизация северопричерноморских доскифских древностей с обновленной европейской схемой классического гальштаттского³ периода (см.: *Кашуба и др.*, 2010. Рис. 5), а также сам факт сравнительно малого числа собственно раннекочевнических («киммерийских») памятников в Северном Причерноморье (225 инвентарных погребений — по *Махортых*, 2005. С. 29) дают возможность вновь обратиться к курганным захоронениям раннего железного века у с. Котюжень на юге Среднего Поднепровья.

Курганы раннего железного века у с. Котюжень. Раскопанная в окрестностях с. Котюжень (район Шолдэнешть, Республика Молдова) курганная группа все еще остается чуть ли не единственным

археологически исследованным курганным могильником в южной зоне бассейна Среднего Днестра (рис. 1, Котюжень). Не много курганных групп раскопано и в примыкающих с востока к Днестру лесостепных районах Днепроовского Правобережья (ср. *Скорый*, 1999. Рис. 1).

Курганная группа была расположена на вершине водораздельного холма: из пяти исследованных курганов два (1 и 3) относились к эпохе бронзы. Насыпи курганов раннего железного века (2, 4 и 5) земляные, округлой формы: высота курганов 4 и 5 составила 0,5 м от уровня современной дневной поверхности при диаметре 24 м, а кургана 2 — 1 м при диаметре 36 м. Все они были сооружены в один прием и только для одного захоронения (рис. 2, 1, 3, 6).

Конструкция насыпей. В самом большом кургане 2 были зафиксированы материковый выкид с прожогом, который располагался двумя полукольцами диаметром 6 м, а также дополнительная яма прямоугольной формы с округленными углами (1,1 × 0,75 м, глубина 1,05 м), заполнение которой аналогично заполнению самого погребения — чернозем с песком, значительными вкраплениями кусков обожженной глины и древесные угольки. В остальных курганах также зафиксированы следы прожогов от костров, возведенных над погребениями (куски обожженной глины и древесные угольки), а в кургане 4 была найдена и обожженная кость животного.

Погребальные сооружения. Основные погребения всех описываемых курганов были обнаружены в центральных частях насыпей на глубине от 0,7 до 1,6 м (рис. 2, 1, 3, 6). Погребальные сооружения представлены прямоугольными ямами (с округленными углами), имеющими конструктивные особенности (рис. 2, 2, 4, 5). В кургане 2 могильная яма (запад—северо-запад — восток—юго-восток; 1,95 × 0,8 м, глубина 0,85 м) имела с северо-востока входную камеру (1,45 × 0,75 м, глубина 0,5 м) и небольшой подбой с противоположной, юго-западной стены (рис. 2, 5). В кургане 4 могильная яма (восток—запад; 1,38 × 0,8 м, глубина 0,3 м) имела в северной части две ступеньки (ширина 0,2 м, высота от 0,1 до 0,2 м) и небольшой подбой с противоположной, южной стороны (рис. 2, 4). В кургане 5 могильная яма (восток—запад; 1,75 × 0,95, глубина 1,2 м) имела в северной части вдоль длинной стороны ступеньку (ширина 0,35 м, высота 0,2 м) и небольшой подбой с противоположной, южной стороны (рис. 2, 2).

Погребальный обряд. Обнаруженные в курганах захоронения ограблены, однако имеющиеся в на-

³ В статье используется наиболее употребляемое в русскоязычной археологической литературе написание термина «Гальштатт» вместо «Галлштатт/Hallstatt».

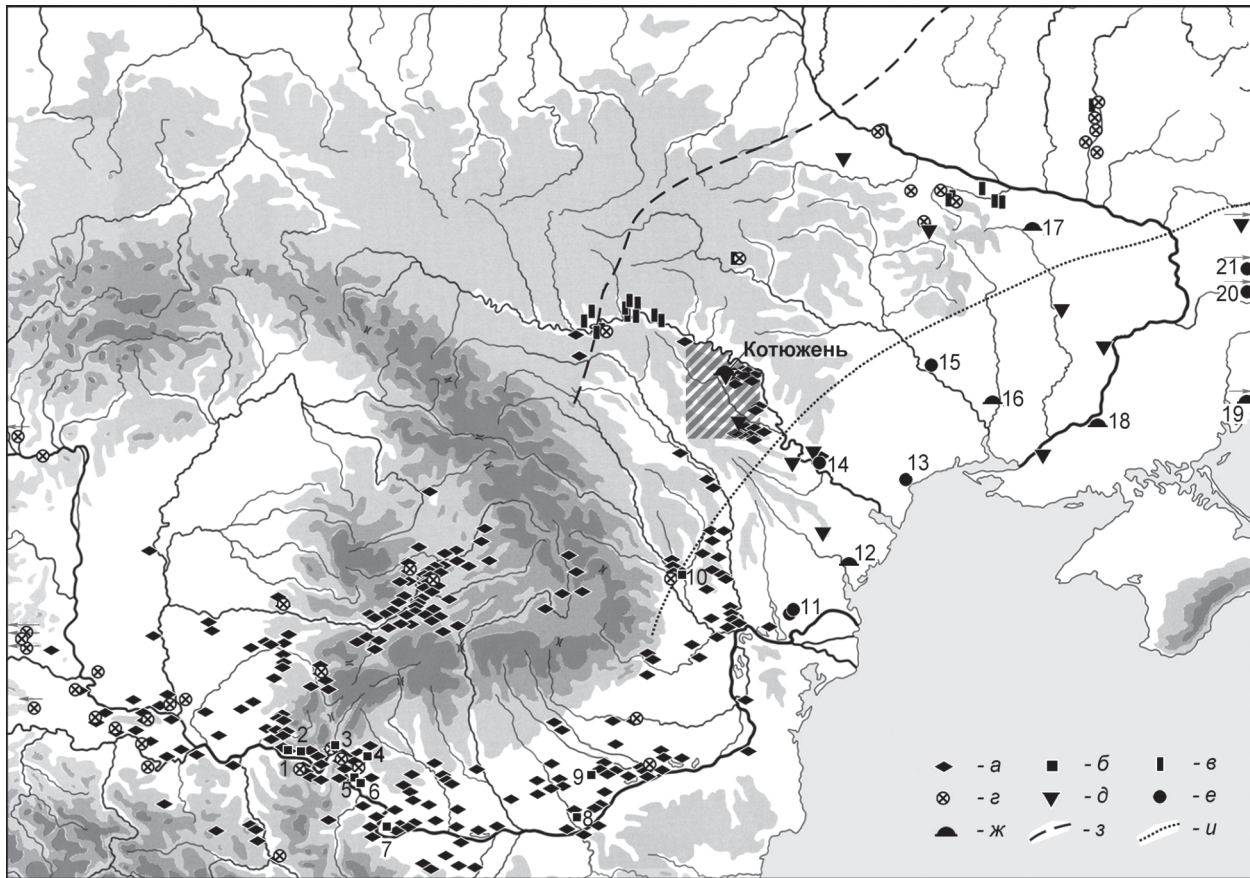

Рис. 1. Среднее Подунавье и Северное Причерноморье в период HaC1 (позднейший предскифский период). Упоминаемые в статье могильники и погребальные комплексы: 1 — Молдова Веке—Остров/Moldova Veche—Ostrov; 2 — Берзаска/Berzasca; 3 — Ешелница/Ieşelnița; 4 — Островул Корбулуй/Ostrovul Corbului; 5 — Островул Маре/Ostrovul Mare; 6 — Балта Верде III /Balta Verde III; 7 — Басарабь/Basarabi; 8 — Бужору/Вижору; 9 — Блешешть/Blejești; 10 — Матка/Matca; 11 — Суворово; 12 — Новоселица; 13 — Петродолино; 14 — Слободзея; 15 — Новопетровка; 16 — Костычи; 17 — Александрия; 18 — Старобогдановка; 19 — Кременевка; 20 — Большемихайловка; 21 — Провалье. Условные обозначения: а — местонахождения культурного комплекса Басарабь; б — могильники культурного комплекса Басарабь; в — восточные (северопричерноморские) импорты культурного комплекса Басарабь; г — изображения мальтийского креста в Юго-Восточной Европе и Северном Причерноморье; д — раннекочевнические («киммерийские») погребальные комплексы с керамикой Басарабь и Басарабь-Шолдэнешть; е — раннекочевнические («киммерийские») черногоровские и новочеркасские основные погребения в курганах; ж — раннекочевнические («киммерийские») погребения с противоположно расположенными ступеньками (С) и подбоем (Ю); з — граница лесостепи и леса; и — граница степи и лесостепи

Fig. 1. Middle Danube and northern Black Sea regions in HaC1 period (the latest pre-Scythian period). The cemeteries and burial complexes mentioned in the article: 1 — Moldova Veche — Ostrov; 2 — Berzasca; 3 — Ieşelnița; 4 — Ostrovul Corbului; 5 — Ostrovul Mare; 6 — Balta Verde III; 7 — Basarabi; 8 — Bujoru; 9 — Blejești; 10 — Matca; 11 — Suvorovo; 12 — Novoselitsa; 13 — Petrodolino; 14 — Slobodzeya; 15 — Novopetrovka; 16 — Kostychi; 17 — Aleksandriya; 18 — Starobogdanovka; 19 — Kremenevka; 20 — Bol'shemikhaylovka; 21 — Proval'nyy. Notations: а — sites of the Basarabi cultural complex; б — burial grounds of the Basarabi cultural complex; в — eastern (northern Black Sea region) imports of the Basarabi cultural complex; г — representations of the Maltese cross in South-Eastern Europe and northern Black Sea region; д — early nomadic («Cimmerian») burial complexes with the Basarabi and Basarabi-Șoldănești pottery; е — early nomadic («Cimmerian») Chernogorov and Novocherkassk main graves in kurgans; ж — early nomadic («Cimmerian») burials with oppositely constructed steps (С) and catacombs (Ю); з — boundary between forest-steppe and forest zones; и — boundary between steppe and forest-steppe

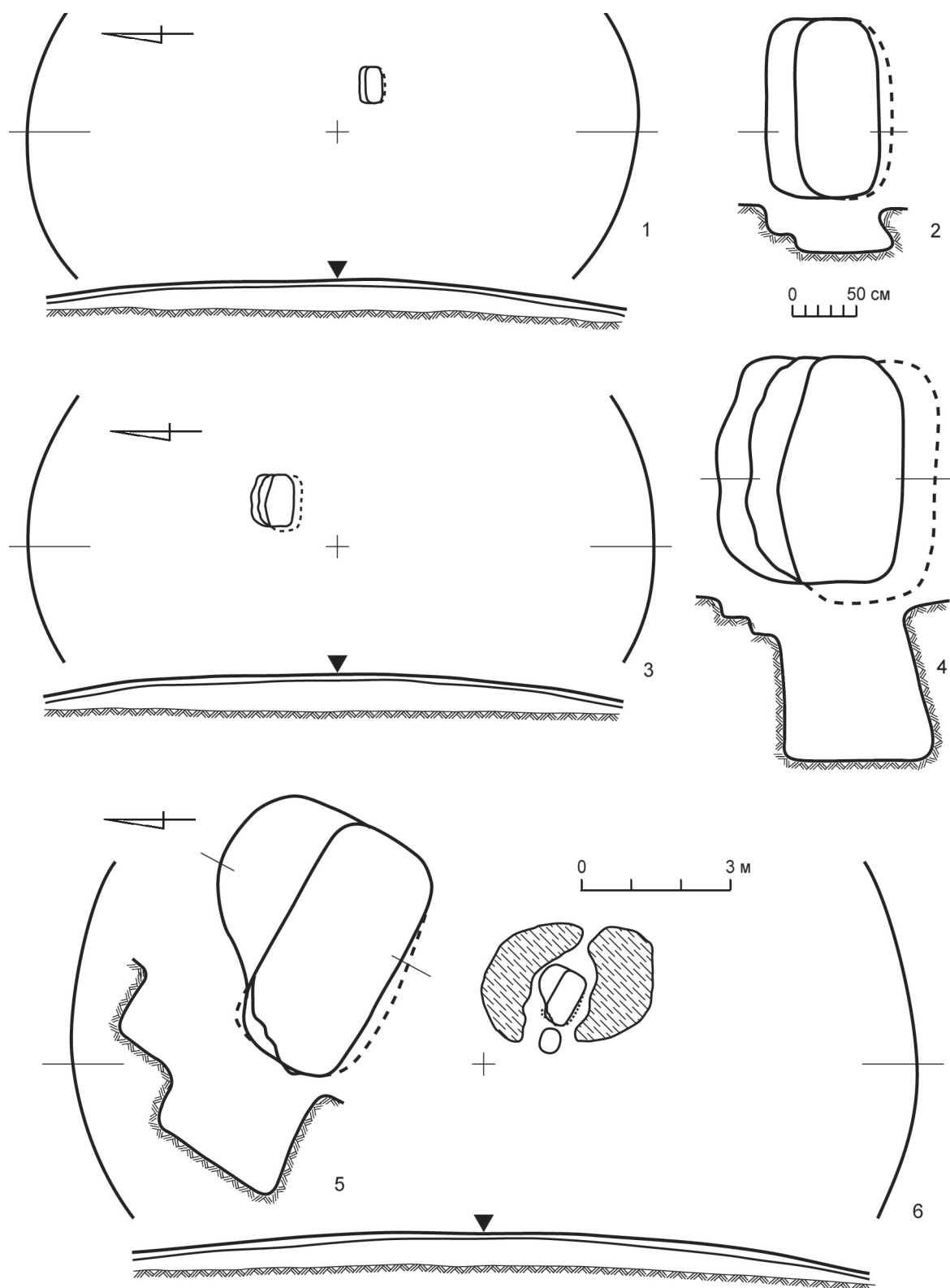

Рис. 2. Курганы у с. Котюжень на юге Среднего Поднестровья:

1–2 — курган 5; 3–4 — курган 4; 5–6 — курган 2.

1, 3, 6 — планы и профили курганов; 2, 4, 5 — планы и разрезы погребений

Fig. 2. Kurgans near v. Cotiujeni in the south of the Mid-Dniester region:

1–2 — kurgan 5; 3–4 — kurgan 4; 5–6 — kurgan 2.

1, 3, 6 — plans and profiles of kurgans; 2, 4, 5 — plans and sections of graves

шем распоряжении материалы позволяют предположить, что они были совершены по обряду трупоположения (ингумация).

Погребальный инвентарь. Остатки инвентаря в виде небольшого количества керамики (53 фр.) сохранились лишь в основном погребении 1 кургана 4 и происходят от шести лепных сосудов (пять лощеных и один, изготовленный из более грубого глиняного теста): 1) глубокая биусеченноконическая миска с отогнутым, граненным с внутренней стороны краем. Изготовлена из хорошо отмученного теста с мелким шамотом. Поверхности качественно залощены: внешняя серого, внутренняя черного цвета. Диаметр отогнутого края 26 см (рис. 3, 1); 2) аналогичная миска, но больших размеров, с диаметром края 32 см; 3) большой сосуд с шаровидным или биусеченноконическим туловом и отогнутым под углом венчиком. Изготовлен из хорошо отмученного теста с мелким шамотом. Поверхности качественно залощены, коричневого цвета (рис. 3, 2); 4) сосуд больших размеров, с округлобким туловом. Изготовлен из хорошо отмученного теста с мелким шамотом. Поверхности качественно залощены: внутренняя темно-коричневого, внешняя светло-коричневого цвета (рис. 3, 3); 5) черпак с низким туловом и возвышающейся над краем ручкой. Изготовлен из хорошо отмученного теста с мелкими примесями. Поверхности качественно залощены, серого цвета. Передняя часть ручки украшена тремя продольными параллельными фасетками (рис. 3, 4); 6) горшок с коротким, слегка отогнутым венчиком. Изготовлен из сравнительно грубого теста с примесью крупного шамота. Поверхности заглажены, серого цвета (рис. 3, 5).

Возможности изучения. Исходя из компактного расположения изучаемых курганов в одной группе, способа сооружения и размеров насыпей, а также предназначения только для одного захоронения, можно говорить об их идентичности. Открытые в них погребальные сооружения по форме, размерам, ориентировке и конструктивным особенностям также во многом аналогичны. Эти обстоятельства свидетельствуют в пользу культурного единства раскопанных погребальных комплексов, что позволяет их рассматривать совокупно.

Определение культурно-хронологической принадлежности этих комплексов, учитывая степень их информативности, может быть осуществлено с помощью выявления культурно-хронологических параметров керамики из основного погребения кургана 4, а также привлечением ана-

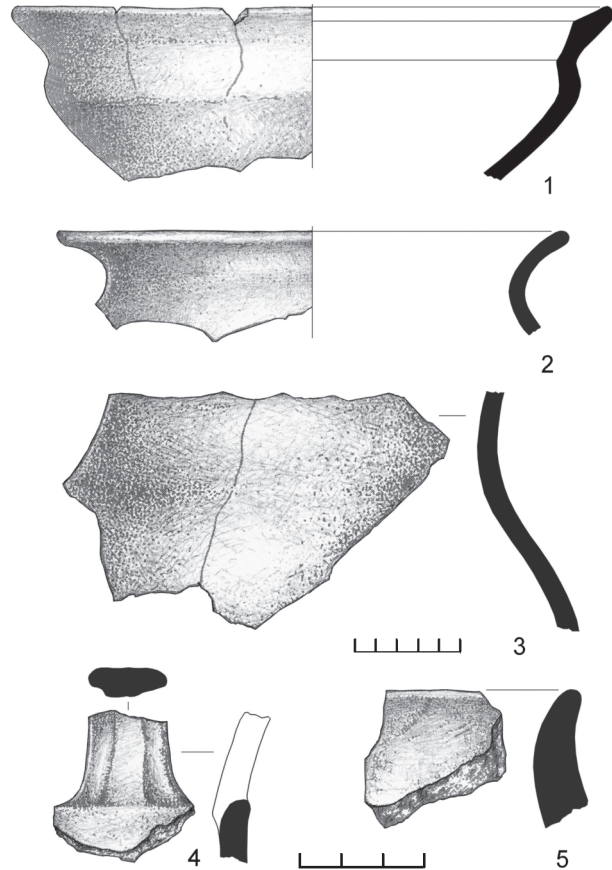

Рис. 3. Керамика из погребения 1 кургана 4 у с. Котюжень на юге Среднего Поднестровья

Fig. 3. Pottery from burial 1 in kurgan кургана 4 near v. Cotiujeni

логий для погребальных конструкций как сохранившихся элементов погребального обряда.

Культурная идентификация и датировка керамики из погребения кургана 4 у с. Котюжень. Все фрагменты керамики из кургана 4 принадлежали шести лепным сосудам и содержали в качестве примесей шамот, их поверхности, за исключением заглаженного горшковидного сосуда, залощены (рис. 3). Подобные технико-технологические и морфологические параметры свойственны лощеной (столовой) и грубой (кухонной) керамике начального периода раннего железного века (в том числе первой половины I тыс. до н.э.), известной как в лесостепи Днестровского бассейна, так и в более западных и восточных регионах. Вместе с тем с точки зрения культурной принадлежности (что служит основанием для датировки) диагностичны только биусеченноконические миски и черпак.

Глубокие биусеченноконические миски с отогнутым, граненным с внутренней стороны краем (рис. 3, 1) указывают на хронологический период,

соответствующий времени существования в регионе шолдэнештских памятников или культуры Басарабь-Шолдэнешть культурного комплекса Басарабь (*Мелюкова*, 1972. С. 57–72), когда отмечается распространение таких сосудов (*Лапушнян*, 1979. С. 85–87). В предшествующий период, среди материалов памятников раннегалыштатских культур Кишинэу–Корлэтен и Сахарна,⁴ к сосудам этого типа относятся лишь отдельные фрагменты, но и они не принадлежат этому раннему периоду, а подтверждают присутствие в культурном слое этих местонахождений шолдэнештских древностей.

Рассматриваемые биусеченноконические миски представляют собой один из культуропределяющих типов керамики культурного комплекса Басарабь и распространены во всем его ареале. Сосуды подобного типа не являются исключением и для постшолдэнештского времени (ср. *Нукулицэ*, 1987. С. 3, рис. 1). В то же время следует отметить, что сосуды из Котюжень, исходя из таких параметров, как относительно короткий, отогнутый, граненный с внутренней стороны и лишенный орнамента край и резко выделенные плечики, отличаются как от собственно басарабских экземпляров, так и более поздних образцов. Возможно, миски с такими морфологическими особенностями представляют собой отдельный вариант этого типа сосудов (рис. 3, 1).

Прямые аналогии биусеченноконическим мискам из Котюжень известны среди материалов Жаботинского поселения Днепроовского Правобережья, где отдельные экземпляры мисок действительно имеют граненую внутреннюю поверхность (*Покровская*, 1973. С. 178, рис. 5, 16–19; *Daragan*, 2004. Abb. 15, 1, 2, 4; 16, 5; 17, 6). Широко открытые чернолощенные глубокие миски конической формы с отогнутым наружу широким краем на поселении Жаботин были выделены в отдельный тип 3 столовой посуды, который появляется и становится одним из ведущих типов на втором этапе функционирования поселения (горизонт Жаботин-II), начало которого было помещено в период от середины VIII в. до н.э. (*Daragan*, 2004. S. 74 сл., 120 сл.; *Daragan*, *Кашуба*, 2008. Рис. 1).

⁴ Археологические культуры раннего железного века Восточного Прикарпатья (включая территорию Днестровско-Прутского междуречья), Карпатского бассейна, Среднего и Нижнего Подунавья описываются как ранне- (XII–IX вв. до н. э.), средне- (VIII в. до н. э.) и позднегалыштатские (VII–VI вв. до н. э.), согласно принятой археологической систематике для этих регионов (см. *Vulpe*, 1990. S. 102–130, Taf. 62).

Относительно биусеченноконических мисок необходимо уточнить, что этот тип лощеной посуды в Карпато-Дунайском регионе появляется еще в конце эпохи бронзы в культурах Тей, Гырла Маре, Виттенберг и др. (рис. 4). Далее в раннегалыштатских керамических комплексах (соответственно, от HaA1, XII в. до н. э.) они являются менее представительными. В среднем галыштатте (соответственно, HaC1a или HaC1 ранний, от второй четверти VIII в. до н. э.) они становятся одной из ведущих керамических форм культурного комплекса Басарабь (*Vulpe*, 1965. P. 127), оставаясь характерными в позднегалыштатское время (соответственно, VII–VI вв. до н. э.) преимущественно для культур северофракийского круга (*Vulpe*, 1967. P. 44).

В контексте данной статьи важно отметить присутствие сосудов этого типа (с некоторыми формообразующими и объемобразующими особенностями) в ассортименте керамики раннегалыштатских культурных образований в регионе сложения культурного комплекса Басарабь в Подунавье: в Банате (Сусань — *Stratan*, *Vulpe*, 1977. Taf. 17, 18) и Олтении (*Hänsel*, 1976. T af. 37, 15; *Gumă*, 1995. Pl. XII, 12–14), но также в Восточно-Карпатском регионе (*Levişki*, 1994. P. 92–94, fig. 66, 4, 8, 9) (рис. 4, 5–8). Среди материалов Олтении и Восточно-Карпатского региона также известны экземпляры мисок с гранением по внутренней отогнутой стороне (*Gumă*, 1995. Pl. XII, 12; *Florescu*, 1957. Fig. 11, 3). Гранение (или параллельное горизонтальное фасетирование) отогнутого венчика сосудов в Среднем Подунавье применялось начиная с эпохи бронзы: средний этап культуры Жуто Брдо–Гырла Маре (поселение Свиница–Пятра Елишовой — *Gumă*, 1993. Pl. XI, 9). Этот прием использовался керамистами культурной группы Горня-Калакача/Босут IIIa (поселение Саткинез — *Ibid.* Pl. XLIII, 1–3) и культурного комплекса Басарабь (*Ibid.* Pl. LX, 14) (рис. 4, 1–4).

Черпаки типа, найденного в Котюжень, *возвышающиеся над краем ручки* которых слегка отогнуты назад (рис. 3, 4), также имеют прямые аналогии в материалах поселения Жаботин, где они появляются и широко распространяются в период Жаботин-II (тип 2 черпаков — с мелкой, широко открытой чашечкой и отогнутым наружу или невыделенным венчиком), но продолжают использоваться и во время горизонта Жаботин-III (*Покровская*, 1973. С. 179, 185, рис. 7, 3, 14; *Daragan*, 2006а. С. 11; *Daragan*, 2004. S. 74 сл., Abb. 30, 3, 5, 11; 32, 8–14; 36, 7). Единственное отличие состоит лишь в том, что передняя широкая поверхность ручек жаботинских черпаков бывает укра-

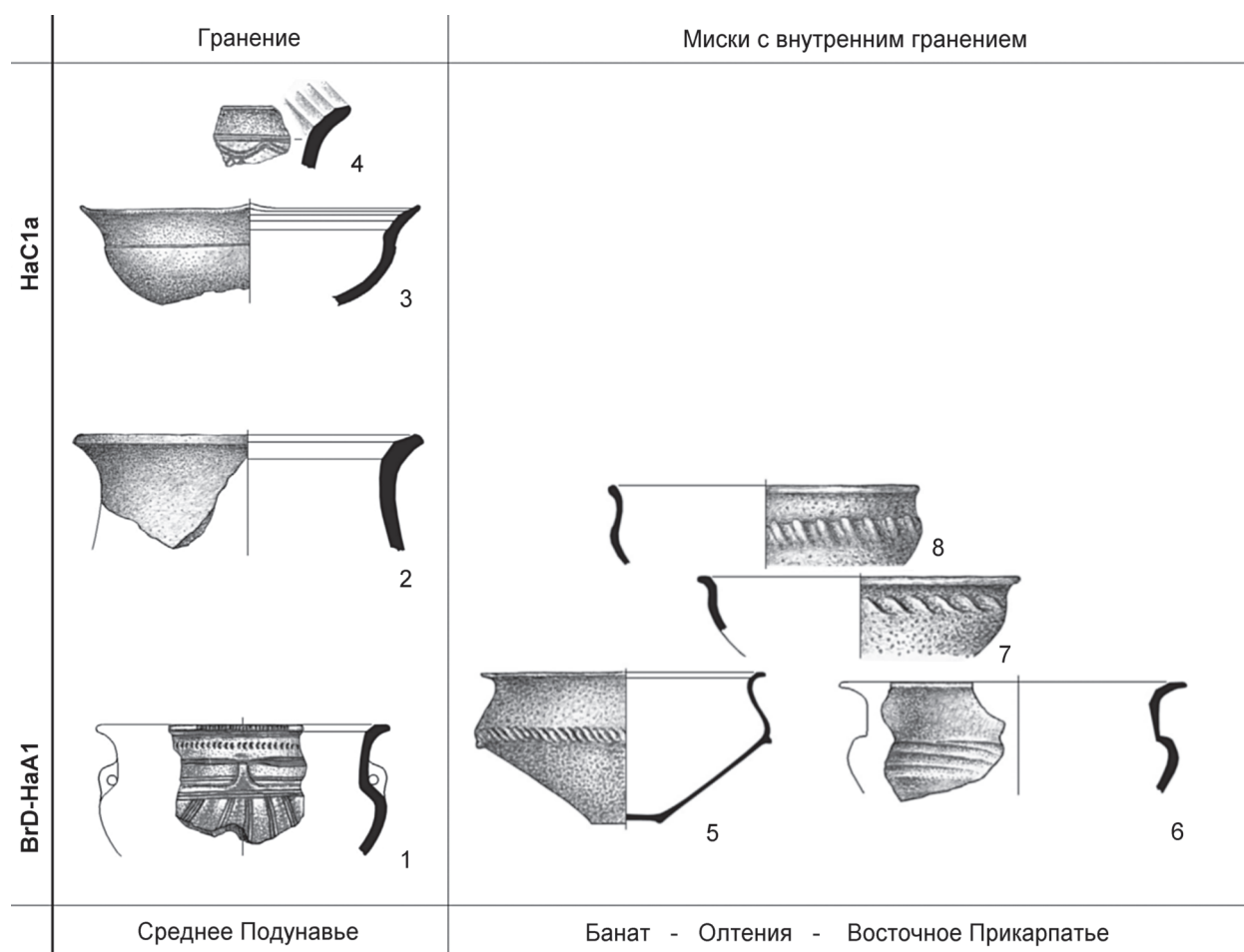

Рис. 4. Развитие гранения на внутренней поверхности сосудов в Среднем Подунавье и Восточном Прикарпатье в периоды BrD — HaC1a:

1 — Свиница—Пятра Елишовой/Svinița—Piatra Elișovei; 2 — Саткинез/Satchinez; 3 — Басарабь/Basarabi; 4 — Реметья Маре—Гомила луй Габор/Remetea Mare—Gomila lui Gabor; 5 — Сусань/Susani; 6 — Трушешть/Trușești; 7, 8 — Выртоп-Плопшор/Vîrtop-Plopșor (Florescu, 1957; Gumă, 1993; 1995)

Fig. 4. Development of faceting the inner surface of ware in the Mid-Danube and Eastern Carpathian regions during BrD — HaC1a periods:

1 — Svinița—Piatra Elișovei; 2 — Satchinez; 3 — Basarabi; 4 — Remetea Mare—Gomila lui Gabor; 5 — Susani; 6 — Trușești; 7, 8 — Vîrtop-Plopșor

шена резным геометрическим узором, тогда как у котюжанского сосуда на ней имеются продольные параллельные фасетки/каннелюры.

Черпаки с возвышающейся над краем ручкой и мелкой, широко открытой чашечкой с отогнутым наружу или невыделенным венчиком в гальштатский период были распространены в четко определенной культурной среде (рис. 5). В позднегальштатское/раннескифское время они широко известны в погребениях и на поселениях различных культур довольно обширной территории. Так, они найдены в западноподольской группе раннескифской культуры (далее РСК) и подольско-молдавской группе южной Буковины (Sulimirski, 1936. Tab. XIII, 5, 6, 11; Мелюкова, 1958.

С. 47; Смирнова, 1968. Рис. 2, 4; Ignat, 2006. P. 58–60, fig. 8, 1a; Levijki, 2006. P. 74–78, fig. 9, 12; и др.), в куштановицкой культуре Транскарпатской Украины (Смирнова, Бернякович, 1965. С. 98–99, табл. IV, 5; Попович, 1993. С. 272, рис. 136), в культуре Векерцуг северо-восточной Венгрии, юго-восточной Словакии и северо-западной Румынии (Romsauer, 1993. T ab. I, 16; Chochorowski, 1987. Рус. 6, 15), а также в раннескифской культуре лесостепного Побужья и Днепровского Правобережья (Смирнова, 2001. С. 38, рис. 2, 4, 6; Ильинская, 1975. С. 118–119; Ковпаненко, 1981. С. 81–86; Ковпаненко и др., 1989. С. 52, рис. 9). При этом они отсутствуют на памятниках предшествующего периода среднего гальштатта, особенно в культур-

ном комплексе Басарабь Подунавья и Среднеднепровского бассейна (*Vulpe*, 1967. P. 45; *Kaşuba*, 2008. Fig. 6), а также в позднечернолесской культуре лесостепного Днепровского Правобережья (*Тереножкин*, 1961. С. 78; *Смирнова*, 2001. С. 38).

Дискуссия о происхождении и дальнейшем развитии черпаков с мелкой чашечкой и возвышающейся ручкой способствовала формированию различных концепций. А. И. Тереножкин считал, что такие черпаки зарождаются в Среднем Поднепровье в самом начале скифского периода и вырабатываются, вероятнее всего, не в гончарном производстве, а в местной резьбе по дереву, что в дальнейшем было воспроизведено древними керамистами (*Тереножкин*, 1961. С. 78). Другие исследователи указывали, что в Среднем Поднепровье эти черпаки появляются на раннем жаботинском этапе, развиваясь здесь на основе бело-грудовско-чернолесских прототипов (*Ильинская*, 1975. С. 118; *Ковпаненко*, 1981. С. 135; *Ковпаненко и др.*, 1989. С. 138). По мнению Г. И. Смирновой, в начале скифского периода в культуре лесостепной зоны Северного Причерноморья имело место заимствование новой, более совершенной технологии производства и новых типов тонкостенной посуды (мелких черпаков с резким изломом на тулове, мисок с широким отогнутым краем и др.), а также приемов и композиций каннелированного узора, демонстрирующих прямые аналогии в керамике культур классического гальштаттского периода (HaC), что особенно хорошо видно на материалах могильников восточной Австрии и примыкающих областей. Однако и она отмечала отсутствие аналогий низким черпакам как в Восточном Гальштатте, так и на памятниках гальштаттской периферии — в группе Бырсешть-Фериджиле Южного Прикарпатья (*Смирнова*, 1998. С. 114; 1999. С. 241–244; 2001. С. 33–44).

А. Вулпе полагал, что черпаки с мелкой чашечкой и возвышающейся над краем ручкой в Карпато-Дунайском регионе имеют раннегальштаттское происхождение, начиная свое бытование еще в добасарабских керамических комплексах Олтении и Трансильвании. Однако отсутствие этой формы среди керамики культурного комплекса Басарабь в Олтении позволило ему сделать предположение, что эти черпаки развивались в Трансильвании, откуда они могли распространиться на восток в раннескифскую культурную среду (*Vulpe*, 1967. P. 45–46).

При дальнейшем обсуждении вопроса о происхождении черпаков с низкой чашечкой необходимо учитывать, что морфологически они имеют

ярко выраженную спецификацию: одни из них имеют ломаный профиль с отогнутым наружу венчиком, тогда как другие характеризуются полусферическим профилем с невыделенным венчиком (рис. 5).

Для уточнения пути эволюции черпаков первой разновидности (с ломаным профилем) особую важность представляют материалы многослойного укрепленного поселения Телеак культуры Гава из Трансильвании, где в наборе лощеной керамики выделяется отдельный тип черпаков — VIe (рис. 5, 10–11). В основном, черпаки происходят из комплексов II и III горизонтов обитания, относящихся к периодам HaB3 — HaC (*Vasiliev et al.*, 1991. P. 90, fig. 38, 15–19, 21–22, 24–25).⁵ Прототипами этих черпаков считаются сосуды из керамических комплексов периодов BrD–HaA: культура Пилини (*Kemenczei*, 1984. Pl. XVIII, 2, 16) и группа Игрица (*Chidioşan, Emödi*, 1983. Fig. 5, 1–4) (рис. 5, 1–2), откуда они были переняты керамистами культуры Гава (*Kemenczei*, 1984. Pl. CXXV, 9–10; CXXXI, 13; CXXXII, 7; CXXXIII, 13, 17; CXXXIV, 8–10; CLVIII, 14) (рис. 5, 3–9).

В Трансильвании, наряду с поселением Телеак, подобные черпаки засвидетельствованы и на других гавских поселениях: Чичеу-Корабия (*Vasiliev*, 1995. Fig. 8, 1), Тилишка (*Lupu*, 1989. Pl. 4, 6, 10–11) (рис. 5, 12–13), а также на памятниках более позднего времени, периода HaD — Бэица (*Vasiliev*, 1980. Pl. 8, 8) (рис. 5, 14).

⁵ В. Василиев придерживается более высоких датировок культуры Гава как внутри Карпатской котловины, так в Восточно-Карпатском регионе (*Vasiliev*, 1988. P. 83–102; 2004–2005. P. 10 сл.). Это встречает критику со стороны многих исследователей, рассматривающих, в том числе, и материалы самого поселения Телеак (ср. *Ciugudean*, 2009. P. 65–85). Здесь важно отметить, что керамика горизонта Телеак II (HaB3, VIII в. до н.э., по старой терминологии) синхронизируется В. Василиевым с горизонтами культуры Гава Магала III — Сомотор и Бабадаг II — Козия — Инсула Банулуй, а керамика горизонта Телеак III (HaC, VII в. до н.э., по старой терминологии) — с горизонтами Магала IV — Сомотор II и Бабадаг III — Басарабь — Мезлчат поздний (*Vasiliev et al.*, 1991. P. 99–100). Общепринятые даты этих культур определялись в пределах HaB1–HaB3 (*Vulpe*, 1990; *László*, 1994; *Смирнова*, 1990; *Gumă*, 1993; 1995). По обновленной европейской схеме классического гальштаттского периода это приходится на периоды HaB1–B3 и HaC1a (см. *Каууба и др.*, 2010. Рис. 5). Согласно новому анализу материалов горизонты Телеак II и Телеак III были закономерно помещены в периоды HaB1–HaC1a, соответственно, X–начало VIII в. до н.э. (*Ciugudean*, 2009. Abb. 2).

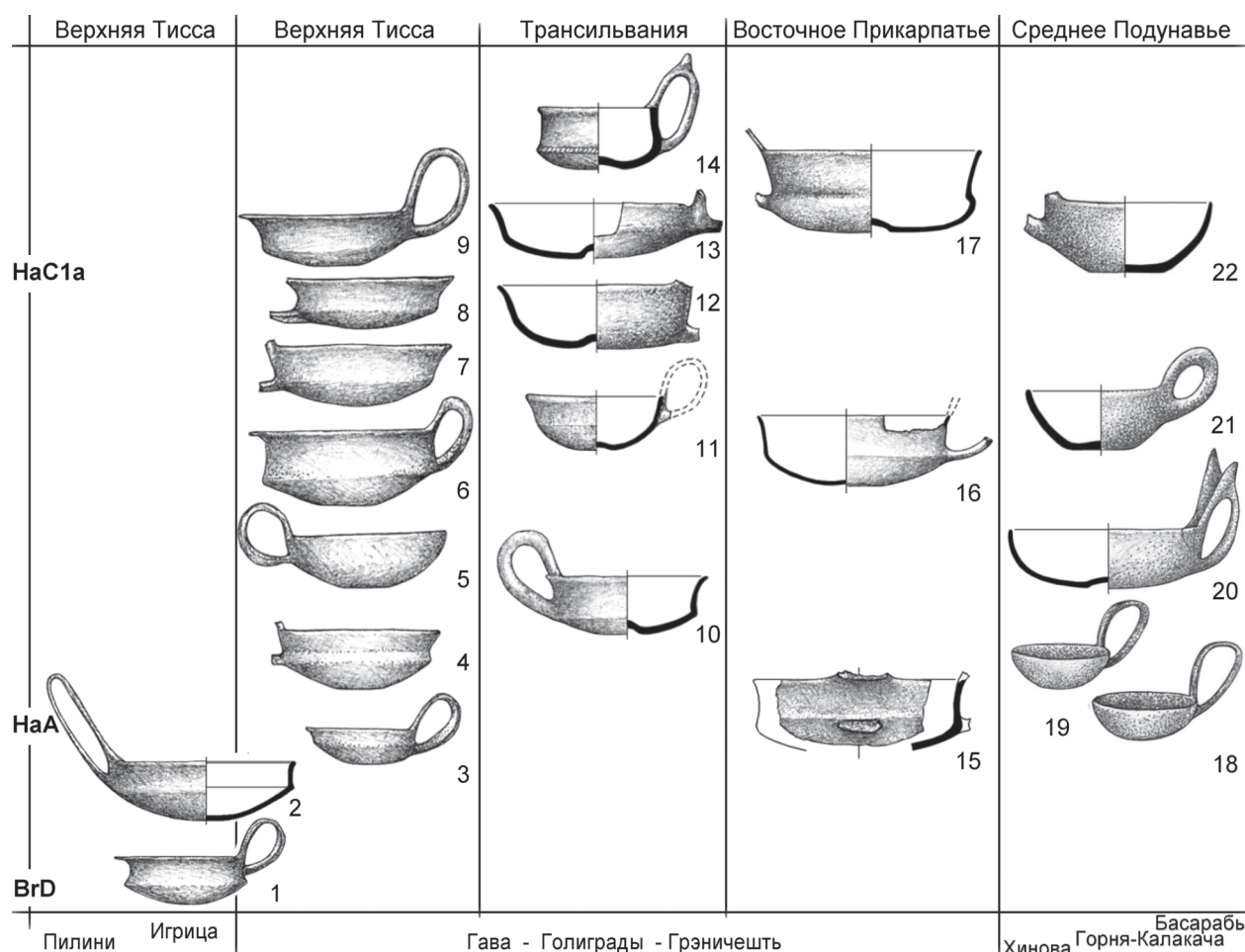

Рис. 5. Развитие формы низких черпаков с возвышающейся ручкой в Трансильвании, Восточном Прикарпатье и Среднем Подунавье в периоды BrD — HaC1a:

1 — Гелей, Каналиш-дюль/Gelej, Kanális-dűlő; 2 — Пештера Избындиш/Peștera Izbindiș; 3 — Дебрецен-Ньюлаш/D ebreceen-Nyulas; 4 — Ракамаз/Rakamaz; 5 — Ароктё/Aroktő; 6 — Хейёкюрт/Hejőkürt; 7–9 — Тискаси, Тотардомб/Tiszakeszi, Tatárdomb; 10–11 — Теляк/Teleac; 12–13 — Тилишка/Tilișca; 14 — Бэица/Băița; 15 — Грэничешть/Grănicești; 16 — Гирска; 17 — Мышковцы; 18–19 — Ваюга-Песак/Vajuga-Pesak; 20 — Бешка-Калакача/Beșka-Kalakaca; 21 — Горня-Кэуница де Сус/Gornea-Căunița de Sus; 22 — Валя Тимишулуй-Ровина/Valea Timișului-Rovina (*Chidioșanu, Emödi, 1983; Kemenczei, 1984; Lupu, 1989; Vasiliev, 1980; Vasiliev et al., 1991; Gumă, 1993, 1995; László, 1994; Малеев, 1991; Крушельницка, 1993*)

Fig. 5. Development of the form of the shallow ladles with raised handle in T ransilvania, Estern Carpathian region and on the Middle Danube during the BrD — HaC1a periods:

1 — Gelej, Kanális-dűlő; 2 — Peștera Izbindiș; 3 — Debreceen-Nyulas; 4 — Rakamaz; 5 — Aroktő; 6 — Hejőkürt; 7–9 — Tiszakeszi, Tatárdomb; 10–11 — Teleac; 12–13 — Tilișca; 14 — Băița; 15 — Grănicești; 16 — Girska; 17 — Myshkovtsy; 18–19 — Vajuga-Pesak; 20 — Beșka-Kalakaca; 21 — Gornea-Căunița de Sus; 22 — Valea Timișului-Rovina

Черпаки с аналогичными морфологическими характеристиками известны и в восточнокарпатском ареале культуры Гава — в группе Грэничешть (*László, 1994. Fig. 35, 1, 2*) (рис. 5, 15) и на поселениях позднего этапа культуры Гава-Голиграды — городище Гирске в Прикарпатье, материалы которого были отнесены к периоду HaB-HaC (*Крушельницка, 1993. С. 120–122, рис. 66, 1*). Более того, в восточнокарпатской части ареала культуры Гава (Голиграды-Грэничешть) черпаки с ана-

логичными морфологическими параметрами использовались и в постгавское время. В западно-подольской группе РСК и подольско-молдавской группе южной Буковины такие сосуды известны среди керамики из кургана 1 у с. Мышковцы (*Малеев, 1991. С. 126, рис. 2, 1*) (рис. 5, 17) и кургана 3 могильника Кажвана-Кодру (*Ignat, 2006. P. 58. Pl. XI, 3b*).

Черпаки второй разновидности (с полусферическим профилем и невыделенным венчиком)

представляют собой один из ведущих типов сосудов раннегалльских культур с каннелированной керамикой круга Белегиш II — Кишинэу—Корлэтенъ (*Levițki*, 1994. P. 94). Соотношение между диаметром венчика и высотой черпаков, найденных на этих памятниках, как и у котюжанских сосудов, составляет 2 (и более) к 1. Единственное их отличие — более прямой угол возвышающейся ручки. В большинстве случаев они имеют орнаментированную каннелированными мотивами переднюю широкую поверхность (*Vukmanovic*, 1983. Fig. 5, 6; *Premk et al.*, 1984. Fig. 99, 1–3; *Gumă*, 1993. Pl. XXIV, 3c; XXV, 1b, 2b; 1995. Pl. VII, 26, 28, 31; X, 42, 46, 53; *Reșta*, 2008. Fig. 57, 1, 5–7; 58, 5, 7, 8; 60, 4; 61, 1–2; *Levițki*, 1994. Fig. 10, 1–5; 16, 10–11; 17, 18; 19, 3; 24, 10–16; 26, 8–9; 27, 4; 31, 3–4; 32, 1–2; 35, 1–4; 37, 7, 9–10; 39, 6, 11), включая и продольные неглубокие каннелюры или фасетки (*Levițki*, 1994. P. 94, fig. 24, 13; *Reșta*, 2008. Fig. 58, 8). Важно подчеркнуть, что черпаки с такими морфологическими характеристиками в Среднем Подунавье (особенно в Банате), в отличие от Восточно-Карпатского региона, продолжают бытовать и в последующие периоды: в культуре Горня-Калакача (*Gumă*, 1993. Pl. LII, 13; 1995. Pl. XV, 6, 41) и даже культурном комплексе Басарабь как на раннем, так и на позднем его этапах (*Ibid.* Pl. LXX, 3; LXXXVII, 19, 25).

Вышеизложенное показывает, что обе разновидности черпаков с низкой чашечкой, бытующие в раннегалльской культурной среде Подунавья и Днестровского региона, восходят к прототипам позднего периода эпохи бронзы. В керамическом комплексе культуры Гава—Голиграды—Грэничешть линия их постепенной эволюции прослеживается вплоть до постгавского времени (рис. 5, 1–17). Что касается комплексов Белегиш II—Кишинэу—Корлэтенъ, то в Банате они продолжают существовать и во время культурного комплекса Басарабь, тогда как в Восточно-Карпатском регионе традиция использования черпаков этого типа прерывается одновременно с прекращением существования культуры Кишинэу—Корлэтенъ в конце периода NaB1 (*Levițki*, 1994. P. 144–148).

Таким образом, появление черпаков с низкой чашечкой как на Среднем Днестре, так и в лесостепном Днепро-Правобережье может быть связано только с населением культуры Гава—Голиграды Восточно-Карпатского региона. Значительную роль культуры Гава—Голиграды в культурогенезе обществ раннего железного века в Прикарпатье и Западной Волыни убедительно показала Л. И. Крушельницкая (*Крушельницкая*, 1991. С. 24

сл.). Также можно говорить о вкладе гавско-голиградского населения в сложение керамического комплекса позднечернолесской культуры Среднеднестровского региона (*Смирнова*, 1984. С. 43–60).

В лесостепных областях Правобережья Днепра появление биусеченноконических мисок с отогнутым краем, в том числе и на поселении Жаботин, ставится в зависимость от влияний со стороны культурного комплекса Басарабь (*Мелюкова*, 1979. С. 81; *Смирнова*, 1985. С. 37; 1996. С. 196; *Кашиба*, 2008. P. 46; и др.). Для черпаков с низкой чашечкой и высокой петлевидной ручкой, широко распространенных в лесостепной зоне Днепро-Правобережья в раннем железном веке, наиболее аргументированным является их раннегалльское происхождение. Отсутствие прямых аналогий низким черпакам с возвышающейся ручкой и геометрическим радиальным узором может быть объяснено их особой ролью в обрядах скорее солярного цикла, для чего такие сосуды здесь специально производились (*Кашиба*, *Дараган*, 2009. С. 81–82).

На основании последних разработок, посвященных материалам Жаботинского поселения и этапа в целом (*Дараган*, 2006б; 2007. С. 124–242; *Дараган*, *Кашиба*, 2008. С. 40–73), период его функционирования определяется в пределах VIII—первой половины—середины VII в. до н. э. Проведенный анализ типологических серий керамики, соответствующих этапам функционирования поселения Жаботин, показал, что миски с отогнутым наружу краем различных модификаций появляются только во втором горизонте и редко встречаются в третьем горизонте существования памятника (при этом грани исчезают), а низкие черпаки с высокой петельчатой ручкой появляются и широко распространяются также на втором этапе жизни на поселении и продолжают использоваться и на третьем, но они уже лишены орнамента (*Дараган*, 2006а. С. 11; *Daragan*, 2004. S. 74 сл.). Эти наблюдения имеют важное значение для датировки мисок и черпака из Котюжень, так как начало горизонта Жаботин-II было помещено в период от середины VIII до н. э. (*Daragan*, 2004. S. 120 сл.; *Дараган*, *Кашиба*, 2008. Рис. 1). Кроме того, дальнейшее изучение характера гибели комплексов этого горизонта позволяет сделать заключение, что слой разрушения этого периода может датироваться не позднее конца третьей четверти VIII в. до н. э. (*Дараган*, *Подобед*, 2009). Это означает, что и рассматриваемые здесь сосуды из Котюжень, по аналогиям с отдельными экземплярами мисок типа 3 и низких черпаков из второго го-

ризонта Жаботинского поселения, также могут быть продатированы временем начиная с середины VIII в. до н. э.

Жаботинский этап в целом синхронизируется с раннекочевническими древностями типа Новочеркасского клада, этапами РСК-1 и РСК-2 (по Коссаку—Медведской) Северного Причерноморья, культурой Шолдэнешть—Басарабь лесостепной Молдовы (этапы Сахарна—Шолдэнешть/Шолдэнешть I и Шолдэнешть), а также фазами I—III культуры Басарабь Среднего Подунавья, хронологические рамки которых укладываются в пределах VIII—первой половины VII в. до н. э. (Смирнова, 1985. Рис. 4; László, 1985. P. 16—17; Vulpe, 1990. S. 107—120; Дараган, Кашуба, 2008. Рис. 1; и др.).

Басарабский облик биусеченноконических мисок с отогнутым краем, раннегалльское происхождение черпаков с низкой чашечкой и возвышающейся над краем ручкой, а также расположение курганов у с. Котюжень в ареале культуры Шолдэнешть—Басарабь (рис. 1) и прямые аналогии этим сосудам среди керамики Жаботинского поселения позволяют определить хронологические рамки керамики из кургана 4 периодом существования культуры Шолдэнешть—Басарабь и горизонта Жаботин-II эпонимного поселения, то есть середина—третья четверть/вторая половина VIII в. до н. э.

Погребальные конструкции курганов у с. Котюжень — метод исключения и аналогии. Исследованные у с. Котюжень курганы представляют собой небольшие земляные насыпи округлой формы, сооруженные только для одного захоронения. В качестве погребальных сооружений использовались прямоугольные с округленными углами ямы (восток—запад или северо-восток—юго-запад), со ступеньками вдоль длинной северной стороны и небольшим подбоем в южной противоположной стене (рис. 2). Во всех случаях удалось зафиксировать лишь общий контур, однако и это позволяет констатировать, что они представляют собой погребальные сооружения подбойного типа, в которых входная яма и камера расположены параллельно, имеют примерно одинаковую длину и разделены между собой невысокой ступенькой. Пропорции камер (приблизительно 2 к 1), по-видимому, были рассчитаны на вытянутое, слегка изогнутое или слабо скорченное положение погребенных на спине, левом или правом боку. Учитывая, что в подбойных могильных сооружениях, известных в среде различных культур от катакомбного до скифского времени, погреб-

енные, за редкими исключениями, располагались лицевой частью к входной яме, а также ориентировку самих камер, можно полагать, что погребенные в курганах у с. Котюжень имели широтную ориентировку, скорее всего, западную.

Поиск аналогий выявленным особенностям погребальных конструкций проводился среди синхронных и частично синхронных культур и культурных групп Днестровского бассейна, Восточно-Карпатского региона, Среднего Подунавья, а также лесостепных и степных регионов Северного Причерноморья. Были получены следующие результаты.

Культура Шолдэнешть—Басарабь. Первоначально наше внимание привлекли захоронения именно этой культуры, так как курганные комплексы из Котюжень не только синхронны по времени, но также находятся в ареале этой культуры. Сопоставление рассматриваемых комплексов с точки зрения типа погребального памятника, сравнительный анализ погребальных сооружений и, в определенной мере, погребального обряда свидетельствуют об их радикальном отличии от погребальных памятников и практиковавшегося обряда, которые были характерны для культуры Шолдэнешть—Басарабь.

Погребальные памятники культуры Шолдэнешть—Басарабь лесостепной зоны Молдовы представлены исключительно грунтовыми могильниками, на которых погребения совершены по обряду кремации с захоронением кальцинированных костей в урнах или без них в простых маленьких ямах или больших прямоугольных камерах с дерево-глинобитной конструкцией перекрытия и дополнительными элементами (Лапушнян, 1979. С. 37—50; Kaşuba, 2008. P. 41). Известно лишь одно захоронение в каменном ящике, совершенное по обряду труположения в скорченном положении с восточной ориентировкой (Мелюкова, 1958. С. 71; Лапушнян, 1979. С. 38; Kaşuba, 2008. P. 41).

Могильники культурного комплекса Басарабь Подунавья (рис. 1, 1—10), восточным вариантом которого является вышерассмотренная культура Шолдэнешть—Басарабь, исследованы в настоящее время практически во всех зонах его обширного ареала (Vulpe, 1986. Abb. 19). Установлено, что погребальные памятники и погребальный обряд достаточно разнообразны. Погребальные памятники преимущественно представлены курганными могильниками, состоящими из 6—12 каменно-земляных насыпей небольших размеров: Басарабь (Dumitrescu, 1968. P. 261—304), Островул Маре

(*Moscalu*, 1981. P. 343–344; *Moscalu, Beda*, 1990. S. 27), Балта Верде III (*Berciu, Comşa*, 1956. P. 321 сл.), Ешелница (*Moscalu*, 1981. P. 344–345; *Moscalu, Beda*, 1990. S. 27), Молдова Веке—Остров (*Gumă*, 1993. P. 220–223), Берзаска (*Ibid.* P. 223; и др.) (рис. 1, 1–3, 5–7). В то же время к культуре Басарабь также относятся одиночные курганы с земляной насыпью (Бужору — *Moscalu, Beda*, 1990. S. 23–47) (рис. 1, 8), впускные погребения в курганах эпохи бронзы (Матка — *Brudiu*, 1985. P. 31–36; 2003. P. 73) (рис. 1, 10), а также погребения на поселениях более раннего времени типа теллей: культуры Гумельница (Блешешть — *Berciu, Comşa*, 1956. P. 547) и культуры Коцофень (Островул Корбулуй — *Moscalu*, 1990. P. 117–123) (рис. 1, 4, 9; 6, 4, 5).

Погребения независимо от типа погребального памятника совершались как по обряду ингумации (преобладающем), так и кремации. В большинстве случаев в курганах находилось несколько захоронений (ингумация или кремация), расположенных на уровне древнего горизонта (непосредственно на грунте или на каменных вымостках). В единичных случаях (Ешелница) остатки кремации помещались в небольшие, слегка углубленные округлые ямы, расположенные в центре каменных кромлехов (*Moscalu*, 1981. P. 343–347; *Gumă*, 1993. P. 220, 272). На уровне древнего горизонта находилось и основное захоронение, совершенное по обряду ингумации в кургане у с. Бужору (*Moscalu, Beda*, 1990. S. 23 сл.).

Погребения в углубленных в грунт сооружениях известны в единичных случаях. В кургане III могильника Молдова Веке—Остров (Банат, Румыния) основное, ограбленное захоронение (обряд не установлен) было совершено в подпрямоугольной яме с округленными углами (север—юг, информация о профиле ямы отсутствует) (*Gumă*, 1993. P. 220). Впускное погребение 1 кургана 53 у с. Матка (южное Прикарпатье, Румыния) (рис. 6, 9–10), представляющее собой ингумацию в вытянутом положении с северо-восточной ориентировкой, совершено в подпрямоугольной яме с деревянным перекрытием из продольно расположенных плах (*Brudiu*, 1985. P. 31–36; 2003. P. 73). Погребение на поселении Островул Корбулуй культуры Коцофень (Мунтения, Румыния) (рис. 6, 11–12) совершено в овальной яме с вогнутым дном (юго—юго-запад — северо—северо-восток) по обряду ингумации в вытянутом положении на спине, черепом на северо—северо-запад, средняя и верхняя части скелета (от тазовых костей до черепа) были обложены камнями (*Moscalu*, 1990. P. 117). Курганные могильники и биритуализм,

практиковавшиеся населением культурного комплекса Басарабь юго-запада Румынии, по мнению некоторых специалистов, восходят к раннегалльско-латтским традициям, засвидетельствованным на этих территориях в культурах и культурных группах Сусань, Мерь, Радовану, Симерия, Зимница, Стойкань, Капидава и др. (*Moscalu*, 1981. P. 344; *Moscalu, Beda*, 1990. S. 28; *Brudiu*, 1985. P. 35–36).

Таким образом, сопоставление курганов у с. Котюжень с вышеописанными погребальными памятниками культурного комплекса Басарабь, равно как и последующими культурами в Среднем Подунавье и Среднеднестровском регионе (*Вулне*, 1961. С. 181–199; *Моринци*, 1957. С. 117–132; *Мелюкова*, 1979. С. 89 сл.), демонстрирует существенные различия по типу надмогильных сооружений и погребальному обряду.

В период, предшествующий возведению курганов у с. Котюжень, южная часть Среднего Поднестровья была заселена племенами культуры Сахарна, которая на позднем этапе сосуществовала с культурой Шолдэнешть—Басарабь (*Гольцева, Кашиба*, 1995. С. 32 сл.; *Кашиба*, 2000. С. 340 сл.; *Кашиба*, 2008. P. 41). Сахарнянские погребальные памятники представлены курганными и грунтовыми могильниками. Среди преобладающих курганных захоронений (I тип) отмечены погребения в чашеобразных углублениях под каменно-земляной (реже земляной) насыпью с кромлехом (вариант I.1), на каменных вымостках под каменно-земляной насыпью (вариант I.2) и в каменных ящиках под земляной насыпью без кромлеха (вариант I.3). Общим признаком всех погребений культуры Сахарна является использование камня известняка в конструкциях, ингумация (93%), скорченное положение погребенных на левом или правом боку, преимущественная широтная (юго-восток—восток) ориентировка. В погребальном инвентаре неограбленных захоронений преобладают керамика и украшения (*Кашиба*, 2000. С. 270–291, 368–402; *Кашиба*, 2009. Abb. 2, 1–4; 6–7). Представляется очевидным, что курганы у с. Котюжень конструктивными особенностями насыпей и непосредственного места погребения отличаются от захоронений, характерных для культуры Сахарна.

Дальнейшие поиски аналогий приводят к погребальным древностям *жаботинского этапа* раннего железного века Днепропровской Правобережной лесостепи, среди керамики которого имеются отмеченные выше прямые аналогии сосудам из кургана 4 у с. Котюжень. В настоящее время, после возобновления целенаправленных исследова-

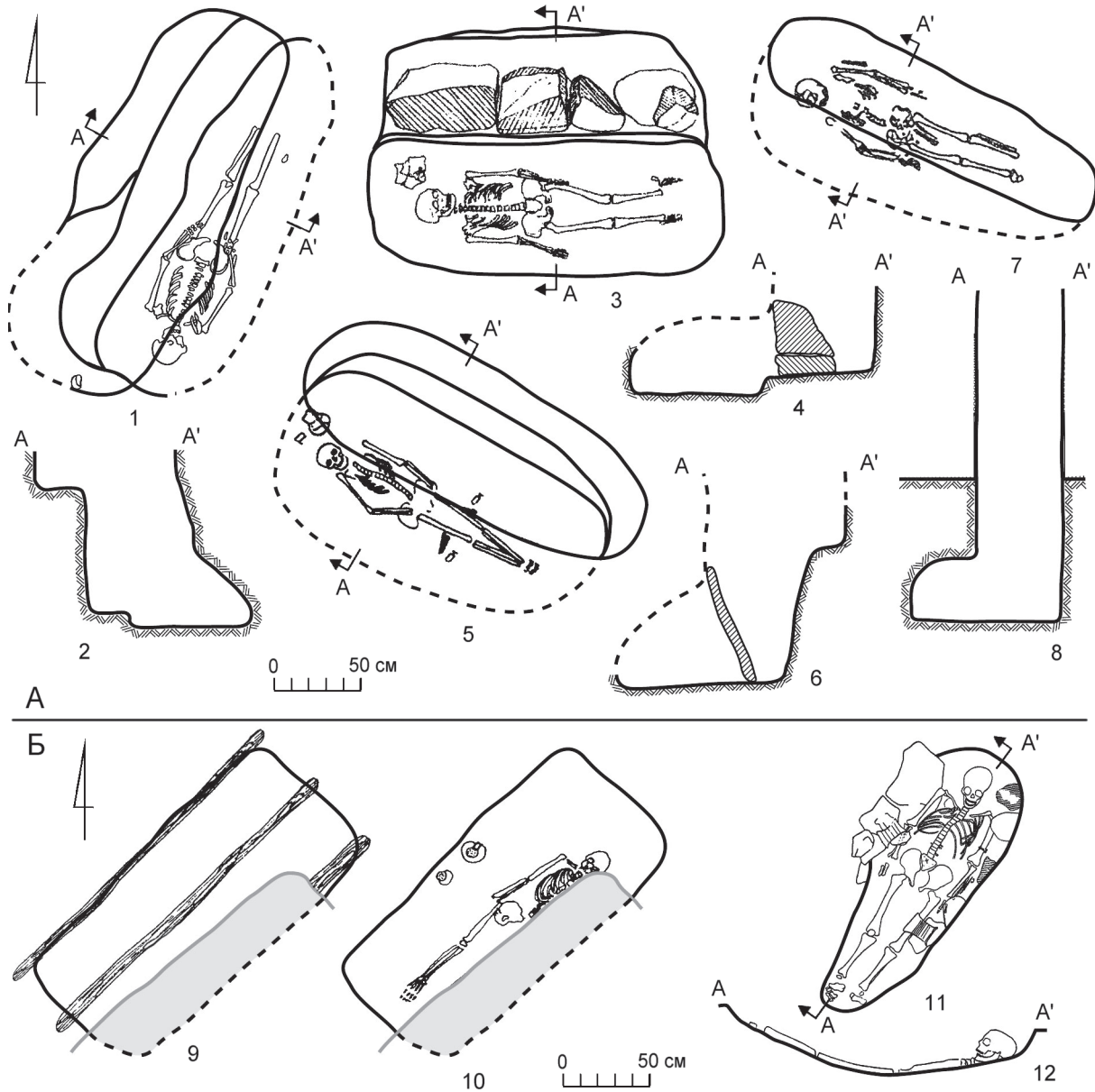

Рис. 6. Аналогии погребальным конструкциям из курганов у с. Котюжень в южной части Среднего Поднестровья. А — Северное Причерноморье, раннековечнические («киммерийские») комплексы: 1–2 — Кременевка, погребение 9, курган 3; 3–4 — Костычи, погребение 8, курган 1; 5–6 — Александрия, погребение 7, курган 2; 7–8 — Новоселица, погребение 1, курган 3; Б — Среднее Подунавье и южное Прикарпатье, ареал культурного комплекса Басарабь: 9–10 — Матка/Матса; 11–12 — Островул Корбулуй/Ostrovul Corbului (Махортых, 2005; Brudiu, 1985, 2003; Moscalu, 1990)

Fig. 6. Parallels of funeral structures of the barrows near v. Cotiujeni.

А — northern Black Sea littoral, early nomadic («Cimmerian») complexes: 1–2 — Kremenevka, burial 9, kurgan 3; 3–4 — Kostychi, burial 8, kurgan 1; 5–6 — Aleksandriya, burial 7, kurgan 2; 7–8 — Novoselitsa, burial 1, kurgan 3; Б — Middle Danube region and southern Carpathian regions, area of the cultural complex of Basarabi: 9–10 — Matca; 11–12 — Ostrovul Corbului

ний по выявлению специфических характеристик горизонтов поселения у сел. Жаботин–Тарасова Гора, разработки хронологии и внутренней периодизации этапа в целом, его синхронизации с предскифскими–раннескифскими древностями Северного Причерноморья, а также установления

соответствующих горизонтам Жаботин–I–III и пост-Жаботин (Жаботин IV) погребальных комплексов, жаботинский погребальный обряд сравнительно хорошо известен (Дараган 2006б; 2007. С. 124–142; Daragan, 2004. S. 55 сл.). Эти разработки позволяют соотнести с горизонтом Жаботин–

II курганные комплексы, исследованные у сел. Квитки, Ольшана, Яснозорье и Константиновка, относящиеся к РСК-1, новочеркасско-раннекифский комплекс (по *И. Н. Медведской*, 1992. С. 87), а также и курганы 2 и 524 у с. Жаботин — РСК-2, соответствующие верхнему хронологическому диапазону этого горизонта. Перечисленные курганы, отнесенные С. А. Скорым, за исключением двух жаботинских, к киммерийским (*Скорый*, 1999. С. 80 сл.), имели черноземные насыпи (диаметром 30–40 м и высотой 2–2,5 м), где захоронения совершались по обряду ингумации в вытянутом положении на спине (запад — Константиновка, курган 376, или юго-юго-восток — Ольшаны). Основные погребения представлены разнообразными типами: шатровая конструкция на уровне горизонта (Квитки), простая грунтовая прямоугольная яма довольно больших размеров (восток-запад, Константиновка, курган 376), деревянный склеп в грунтовой яме (восток-запад, Константиновка, курган 377). Среди впускных захоронений отмечены шатровые конструкции на уровне древнего горизонта (Константиновка, курган 375), а также деревянные частокольные гробницы прямоугольной формы (северо-северо-запад-юго-юго-восток, Ольшаны) (Там же. С. 11–13, 80–92). В деревянном склепе из вертикально стоящих бревен со слегка впущенным в грунт основанием совершенно и разграбленное основное парное захоронение в кургане 524 у с. Жаботин (*Ильинская*, 1975. С. 20–21; *Рябкова*, 2005. С. 240–243). Данная выборка подкурганых погребальных сооружений из рассмотренных курганов отличается от котюжанских. Более того, среди шести типов погребальных конструкций, характерных для жаботинского и постжаботинского горизонтов, выделенных на основе комбинаций пяти признаков погребального обряда, сооружения подбойного типа не выявлены (*Дараган*, 2007. С. 127). В этом контексте важно отметить, что подбойные могилы также отсутствуют в курганах могильника VIII–VII вв. до н. э. у сел. Бандышевка, наиболее территориально близкого к котюженским комплексам, где одна из двух исследованных насыпей черноземная (курган 2), а вторая была сооружена из камней и пластов дерна (курган 1) (*Скорый*, 1999. С. 12, 79–80). Таким образом, сопоставление с погребальными сооружениями и погребальным обрядом жаботинского этапа также не привело к установлению культурной принадлежности рассматриваемых комплексов.

Дальнейшее выявление культурной атрибуции котюженских комплексов будет осуществляться

методом сравнительного анализа и установления прямых параллелей их конструктивным особенностями *среди культур с курганным обрядом погребения* эпохи бронзы–раннего железного века Северного Причерноморья. Подобный подход вполне оправдан, так как в курганной группе у с. Котюжень курган 1, сооруженный над основным ямным погребением, содержал и впускное захоронение катакомбной культуры (№ 1), а среди впускных погребений кургана 3, также сооруженного над основным ямным захоронением, имеются два погребения (№ 1 и № 2) культуры Бабино (КМК) и одно киммерийское (№ 16) (*Агульников*, 1992. С. 105, 111, 116). Население всех вышеперечисленных культур в качестве погребальных сооружений использовало в том числе ямы с подбоями, которые в некоторых случаях являлись основными подкурганскими насыпями (*Савва*, 1992. С. 21–23, 94; *Дубовская*, 1993. Рис. 74; 1997. Рис. 12; *Махортых*, 2005. С. 29). Погребальные сооружения из курганов у с. Котюжень по морфологическим признакам конструкции, ориентировке и размерам имеют много общего с овальными ямами с подбоями, известными в культуре Бабино (КМК) среднего периода эпохи бронзы (*Савва*, 1992. С. 21–23), однако хронологический разрыв между временем существования этой культуры и датировкой обнаруженной здесь керамики (рис. 3) не позволяет соотносить рассматриваемые комплексы с культурой Бабино (КМК).

Широкие возможности для сравнения и идентификации не полностью документированных погребальных комплексов предоставляет *массив раннекопечнических («киммерийских») памятников Северного Причерноморья* и современное состояние их изученности. В недавно опубликованном своде раннекопечнических («киммерийских») памятников Северного Причерноморья учтено 225 достоверных (инвентарных) погребальных комплексов (129 черноговорской группы и 96 новочеркасской), основная масса которых является впускными в курганы эпохи бронзы (*Махортых*, 2005. С. 29).

Немногочисленная группа основных захоронений в курганах представлена черноговорскими погребениями Суворово 5/2 и 6/1 на Нижнем Дунае и Провалье 8/1 на востоке Украины, а также новочеркасскими комплексами Петро долино 2/1, Слободзея 3/3, Суворово 4/1 в Днестро-Дунайском регионе, Новопетровка на Южном Буге и Большемихайловка 1/1 в Орельско-Самарской подгруппе (Там же. С. 52, 95) (рис. 1е: 11, 13–15, 20, 21). Перечисленные «киммерийские» курганы, как и котюженские комплексы, за редким

исключением (Новопетровка — высота 2,35 м), имели высоту от 0,4 до 1,5 м и сооружались только для одного захоронения. Хотя большинство насыпей были земляные, известны каменно-земляные (Провалье), с каменным закладом и перекрывавшими могильную яму досками (Новопетровка) или с каменной вымосткой на земляной подсыпке до 0,4 м (Петродолино). Сооружения основных «киммерийских» захоронений чаще всего имеют сравнительно большие размеры (Слободзея 3/3, Новопетровка, Суворово 6/1 и 4/1 — *Яровой и др.*, 2002. С. 292 сл., рис. 3; 5; *Тереножкин*, 1976. С. 63–69), но известны комплексы, по своим размерам сопоставимые с котюженскими могилами — это овальная яма (юго-запад–запад — северо-восток–восток, 1,8 × 0,7 × 0,4 м) с вогнутым дном (Петродолино, курган 2 — *Ванчугов, Островерхов*, 1984. С. 55–57) и подпрямоугольная яма (1,17 × 0,75 × 1,37 м), перекрытая крупными плитами песчаника (Провалье, курган 8 — *Махортых*, 2005. С. 353, рис. 130; 131, 1–4). Однако несколько подбойных могил, исследованных среди основных «киммерийских» захоронений (Суворово 5/2 на Нижнем Дунае и Большемихайловка, курган 1 в Орельско-Самарской подгруппе — *Тереножкин*, 1976. С. 63–64, рис. 33; *Махортых*, 2005. С. 317–318, рис. 54, 7–8), существенно отличаются от подбойных котюженских сооружений на юге Среднего Поднепровья.

Выявленные в Котюжень подкурганые подбойные сооружения по отдельным специфическим признакам конструкции (входная яма и камера расположены параллельно, имеют примерно одинаковую длину, разделены между собой невысокой ступенькой, широтно ориентированы) сопоставимы только с овальной ямой с подбоем из кургана № 1 у с. Большемихайловка новочеркасской группы (*Махортых*, 2005. С. 95), но в то же время отличаются от нее прямоугольной формой ямы с округленными углами, а также противоположным расположением ступеньки (север) и подбоя (юг). По этим же параметрам котюженские конструкции отличаются и от всей массы подбойных сооружений впускных «киммерийских» погребений из всего ареала, для которых, в основном, характерны ямы овальной формы, когда входная яма расположена с южной стороны от погребальной камеры. В то же время известно несколько впускных «киммерийских» захоронений, совершенных в подбойных сооружениях, где разделенные ступеньками входные ямы и погребальные камеры (в отдельных случаях и подпрямоугольной формы) имеют противопоставленное расположение: Но-

воселица 3/1 (*Субботин и др.*, 1995. С. 70, рис. 23, 1–9), Костычи 1/8 (*Гребенников и др.*, 1984. С. 39, рис. 3, 5), Александрия 2/7 (*Махортых*, 2005. С. 313, рис. 48, 1–3), Кременевка 3/9 (*Гошко, Отрощенко*, 1986. С. 179, рис. 5, 2–3) и Старобогдановка 1/1 (Там же, 1986. С. 177, рис. 6, 1) (рис. 1ж: 12, 16–19). За исключением последнего комплекса (слегка скорченный на правом боку скелет, с юго-восточной ориентировкой), в остальных захоронениях погребенные были положены в вытянутом положении на спине головой на запад (рис. 6, 1–8).

Важно отметить, что камерные сооружения подбойного типа с узкой входной ямой и вытянуто овальной камерой, пропорции которых (примерно 2 к 1) рассчитаны на вытянутое положение покойников на спине преимущественно широтной ориентировки, представляют собой одну из ведущих форм погребальных конструкций новочеркасской ступени (Там же. С. 180; *Дубовская*, 1997. Рис. 12; *Махортых*, 2005. С. 98 сл.). Проблема происхождения камерных сооружений подбойного типа в историографии и в настоящее время остается дискуссионной. Подходы к ее решению напрямую связываются с взглядами того или иного исследователя на появление и эволюцию «киммерийской» культуры в целом, в том числе в Северном Причерноморье (*Тереножкин*, 1976. С. 93, 96, 102; *Гошко, Отрощенко*, 1986. С. 180; *Поллин*, 1992. С. 77–78; *Дубовская*, 1997. С. 201; *Махортых*, 2005. С. 275 сл.).

Параллели между курганами у с. Котюжень и «киммерийскими» погребальными комплексами также устанавливаются по другим элементам погребальной обрядности: *использование огня* и наличие *напутственной пищи*. В насыпях и заполнении погребальных ям рассматриваемых курганов были отмечены куски обожженной глины и древесные угольки, представляющие собой следы прожогов от погребальных костров, а также обожженная кость животного (курган 4). Подобные ритуальные действия фиксируются и в погребальном обряде ранних кочевников. На памятниках черноморской группы отмечены следы использования огня в виде обожженных деревянных плах перекрытия, углей и гранул обожженного грунта в заполнении ям, углей в заполнении и пепла с мелом под черепом, а также обожженных частей костей скелета (6 %). Использование огня прослежено и в захоронениях новочеркасской группы (8 %), где обожженными являются камни заклада, простые и шатровые деревянные перекрытия, помост, на котором укладывался погребенный, кости скелета, остатки тризн, а также

угли, обнаруженные возле черепа или в средней части скелета (*Махортых*, 2005. С. 53, 96). Обожженная кость животного, найденная лишь в кургане 4 у с. Котюжень, все же позволяет предполагать соблюдение обычая положения в погребения заупокойной пищи. Напутственная пища представляет собой один из ведущих обрядовых признаков «киммерийцев» Северного Причерноморья: ее остатки в виде костей овцы и/или козы отмечены в 46 % черноморовских и в 14 % новочеркасских погребений (Там же. С. 56, 98, табл. 3; 11) или в 50 % и, соответственно, 19 % (*Дубовская*, 1997. Рис. 12).

Представляет интерес сопоставление рассмотренных выше (рис. 3–5) сохранившихся шести керамических сосудов из основного погребения кургана 4 Котюжень (двух мисок, двух сосудов с выпуклым туловом, черпака с возвышающейся ручкой и горшка — рис. 3) и керамики из погребального инвентаря «киммерийских» захоронений Северного Причерноморья. Последняя зафиксирована в 69 % черноморовских и 79 % новочеркасских комплексов, где встречена как лошенная (столовая), так и грубая (кухонная) посуда, при этом в Суворово 5/1 найдены сосуды обеих категорий (*Махортых*, 2005. С. 72, 106). В «киммерийских» комплексах, как и в погребении 1 кургана 4 у с. Котюжень, преобладает лошенная посуда, среди категорий которой более широкое распространение имеют кубки, кубковидные сосуды и корчажки: на черноморовском этапе их доля составляет 15 % (кубки), 12 % (кубковидные сосуды) и 17 % (корчажки), на новочеркасском — соответственно, 25 %; 13 % и 10 %. Остальные типы встречаются в значительно меньшем количестве (Там же. С. 72, 107, табл. 8; 15).

В контексте настоящей статьи важно отметить следующее: киммерийские захоронения, как правило, содержат по одному сосуду и очень редко — большее их количество (Там же. С. 72, 106). В инвентаре черноморовских погребений миски не представлены ни в одном комплексе, а черпаки известны только в двух (Бутор 14/5 в Дунайско-Днестровской группе и Виноградный Сад 4/2 в Побужской — Там же. С. 72, 75, рис. 37, 4–5). На новочеркасском этапе в инвентаре появляются миски (два экземпляра в Суворово 4/1 — Там же. Рис. 40, б) и возрастает число комплексов с черпаками: три в Дунайско-Днестровской группе (Киркэешть 2/6, Паркань 98б; Петродолино 2/1), по одному в Побужье (Привольное 3/1), Крыму (Марьино 2/1) и восточнорусской группе (Кременевка 3/9) (Там же. С. 75, 107, 109, рис. 44, 10–15).

Однако совместное нахождение мисок, черпаков и сосудов других типов, как в Котюжень, не зафиксировано ни в одном «киммерийском» погребальном комплексе из степной части Северного Причерноморья. В то же время по количеству сосудов (шесть экз.) и ассортименту (две миски, черпак, два сосуда с выпуклым, шаровидным или биусеченноконическим туловом и горшок), а также по их морфологическим параметрам (за исключением биусеченноконических мисок с внутренним гранением отогнутого края) сохранившийся котюженский керамический набор (рис. 3) сопоставим с материалами из погребений некоторых «киммерийских» курганов, обнаруженных в лесостепной части Днестровского Правобережья, например, Квитки (*Скорый*, 1999. С. 43 сл., рис. 18, 7–14). Эти погребения, относящиеся к жаботинскому этапу, сопоставимы с горизонтом Жаботин-II эпонимного поселения (*Дараган*, 2007. С. 124 сл.), среди материалов которого имеются уже отмеченные выше прямые аналогии глубоким биусеченноконическим мискам с внутренним гранением отогнутого края и низкому черпаку с возвышающейся над краем ручкой.

Таким образом, аналогии погребальным конструкциям и обряду позволяют отнести курганные погребения у с. Котюжень на юге Среднего Поднестровья к числу раннекочевнических («киммерийских») захоронений Северного Причерноморья (новочеркасская группа?), а также сопоставить с позднейшими предскифскими лесостепными комплексами второй половины VIII в. до н. э.

Заключение. Изучение, на первый взгляд, малоинформативных комплексов у с. Котюжень на юге Среднего Поднестровья (рис. 1), представленных тремя основными курганными погребениями и остатками погребального инвентаря от шести лепных сосудов (рис. 2–3), открывает новые перспективы в исследовании не только раннекочевнических («киммерийских») погребений Северного Причерноморья, но также дает возможность вновь обратиться к проблеме «фрако-киммерийского» феномена.

Специфические категории лошенной керамики (миски с внутренним гранением отогнутого края и низкие черпаки с возвышающейся ручкой) показывают длительные традиции своего развития в среде ранне- и среднегалльштатских культур Среднего Подунавья, Карпатского бассейна и Восточного Прикарпатья в периоды BrD–HaC1, соответственно, XIII–VIII вв. до н.э. (рис. 4–5). Представляя собой ведущие типы раннегалльштатской культуры с каннелированной керамикой

Гава—Голиграды—Грэничешть Трансильвании и Восточного Прикарпатья, низкие черпаки под непосредственным влиянием носителей этой культуры на начальном этапе раннего железного века были переняты северопричерноморским населением, проживавшим в лесостепных областях Среднего Поднестровья и восточнее — на Правобережье Среднего Поднепровья (жаботинский этап). Такая керамика гальштатских типов с известной долей условности и необходимой осторожностью может рассматриваться и как так называемая «фракийская» посуда — в том смысле, что она ведет свое происхождение из региона, который позже был заселен историческими фракийцами.

Поиск аналогий погребальным конструкциям и обряду, зафиксированным в котюженских комплексах, привел к констатации их принадлежности к раннекочевническим («киммерийским») захоронениям Северного Причерноморья (новочеркасская группа?). Исследованная курганная группа у с. Котюжень дает новые свидетельства проникновения ранних кочевников («киммерийцев») на юг лесостепной зоны Среднеднестровского бассейна.

Анализ подобной керамики, аналогичных погребальных конструкций и инвентаря позволяет датировать курганные комплексы из Котюжень в пределах середины—третьей четверти (или второй половины) VIII в. до н. э.

Вышеизложенное показывает, что в материалах курганной группы Котюжень сочетаются погребальные традиции степных раннекочевнических культур и керамика гальштатских типов. Если считать раннекочевнические комплексы «киммерийскими», а выявленные гальштатские типы керамики относить к «фракийской» посуде, то курганные захоронения у с. Котюжень (а также некоторые аналогичные им погребения) могут быть отнесены к кругу так называемых «фрако-киммерийских» комплексов Северного Причерноморья.

Агульников, 1992 — Агульников С. М. Исследование курганов у с. Котюжень // Археологические исследования в Молдавии в 1986 г. Кишинев, 1992.

Алексеев, 2003 — Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII—IV вв. до н. э. СПб., 2003.

Алексеев и др., 1993 — Алексеев А. Ю., Качалова Н. К., Тохтаев С. Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993.

Бруяко, 2005 — Бруяко И. В. Ранние кочевники в Европе (X—V вв. до н. э.). Кишинев, 2005.

Бруяко, 2009 — Бруяко И. В. Киммерийский псалий из окрестностей городища Картал на Нижнем Дунае // Эпоха раннего железа: Сб. науч. трудов к 60-летию С. А. Скорого. Киев; Полтава, 2009.

Ванчугов, Островерхов, 1984 — Ванчугов В. П., Островерхов А. С. Позднекиммерийский курган близ Одессы // Новые археологические исследования на Одессчине. Киев, 1984.

Вулле, 1961 — Вулле А. Вопросы в связи с концом раннежелезного века в свете раскопок в Фериджеле // *Dacia. București*, 1961. N.S. T. 4.

Гольцева, Кашуба, 1995 — Гольцева Н. В., Кашуба М. Т. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья. Тирасполь, 1995.

Гошко, Отрощенко, 1986 — Гошко Т. Ю., Отрощенко В. В. Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях // СА. 1986. № 1.

Гребенников и др., 1984 — Гребенников Ю. С., Елисеев В. Ф., Ключинцев В. Н. Погребения предскифского периода в Южном Побужье // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984.

Дараган, 2003 — Дараган М. Н. Периодизация Жаботинского поселения // Археологічні відкриття в Україні 2001—2002 рр. Київ, 2003. Вип. 5.

Дараган, 2005 — Дараган М. М. Перегляд основ хронології передськіфського та ранньоскіфського часу Північного Причорномор'я // Археологія. Київ, 2005. № 2.

Дараган, 2006a — Дараган М. М. Жаботинський етап раннього залізного віку Дніпровського Правобережного лісостепу (за матеріалами Жаботинського поселення): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2006.

Дараган, 2006b — Дараган М. Н. Жаботинський етап раннього залізного віку Дніпровської Правобережної лісостепи (по матеріалам Жаботинського поселення): Дис. ... канд. іст. наук. Киев, 2006.

Дараган, 2007 — Дараган М. Н. Погребальные конструкции начала раннего железного века Днепропровской Правобережной лесостепи. Типология и пространственный анализ средствами ГИС-технологий // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007.

Дараган, Кашуба, 2008 — Дараган М. Н., Кашуба М. Т. Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения // *Revista Arheologică. Chișinău*. S.N. 2008. Vol. 4, No 2.

Дараган, Подобед, 2009 — Дараган М. Н., Подобед В. А. О датировке слоя разрушения (горизонт Жаботин II) на Жаботинском поселении начала раннего железного века // Старожитності степового Причорномор'я і Криму: Матеріали конференції «Проблеми скіфо-сарматської археології північного Причорномор'я» (до 110-річчя з дня народження Б. М. Гракова). Запоріжжя, 2009. Т. 15.

Дубовская, 1993 — Дубовская О. Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса Черногоровской культуры // Археологический альманах. Донецк, 1993. № 2.

Дубовская, 1997 — Дубовская О. Р. Об этнокультурной атрибуции «новочеркассских» погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. Донецк, 1997. № 6.

- Иванчик*, 1996 — *Иванчик А. И.* Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII—VI вв. до н. э. М., 1996.
- Иванчик*, 2001 — *Иванчик А. И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001 (Степные народы Евразии. Т. 2).
- Ильинская*, 1975 — *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.). Киев, 1975.
- Кашуба*, 2000 — *Кашуба М. Т.* Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // *Stratum plus*. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000. № 3: Скифские интерпретации.
- Кашуба, Дараган*, 2009 — *Кашуба М., Дараган М.* «Чудесные знаки» гальштатского периода в Юго-Восточной Европе и Северном Причерноморье: 1. Мальтийский крест // *Studia archaeologiae et historiae antiquae: Doctissimo viro Scientiarum Archeologiae et Historiae Ion Niculit ă, anno septuagesimo aetatis suae, dedicatur* / Eds A. Zanoci et al. Chişinău, 2009.
- Кашуба и др.*, 2010 — *Кашуба М. Т., Смирнова Г. И., Вахтина М. Ю.* Немировское городище: сто лет археологических исследований // *Древние культуры Евразии: Материалы Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама* / Ред. В. А. Алёшкин и др. СПб., 2010.
- Ковпаненко*, 1981 — *Ковпаненко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1981.
- Ковпаненко и др.*, 1989 — *Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А.* Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев, 1989.
- Крушельницкая*, 1991 — *Крушельницкая Л. И.* Северо-Восточное Прикарпатье в эпоху поздней бронзы и раннего железного века (проблемы этнокультурных процессов): Дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. доклада. Киев, 1991.
- Крушельницка*, 1993 — *Крушельницка Л. И.* Нові пам'ятки культури Гава-Голігради // *Памятки гальштатского периода межиріччя Вісли, Дністра і Прип'яті*. Київ, 1993.
- Лапушнян*, 1979 — *Лапушнян В. Л.* Ранние фракийцы X—начала IV вв. до н. э. в лесостепной Молдавии. Кишинев, 1979.
- Малеев*, 1991 — *Малеев Ю. Н.* Курган скифского времени у с. Мышковцы в бассейне р. Збруч // *Курганы степной Скифии*. Киев, 1991.
- Махортых*, 2005 — *Махортых С. В.* Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005.
- Медведская*, 1992 — *Медведская И. Н.* Периодизация скифской архаики и Древний Восток // *СА*. 1992. № 3.
- Мелюкова*, 1958 — *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. М., 1958 (МИА. № 64).
- Мелюкова*, 1972 — *Мелюкова А. И.* О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии // *СА*. 1972. № 1.
- Мелюкова*, 1979 — *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979.
- Моринци*, 1957 — *Моринци С.* Новая гальштатская группа в Молдове (курганный могильник в Быршешти, район Вранча, Галацкой области) // *Dacia. Bucureşti N.S.* 1957. Т. 1.
- Никулицэ*, 1987. — *Никулицэ И. Т.* Северные фракийцы VI—I вв. до н. э. Кишинев, 1987.
- Покровская*, 1973 — *Покровская Е. Ф.* Предскифское поселение у с. Жаботин // *СА*. 1973. № 1.
- Полин*, 1992 — *Полин С. В.* О раннескифских катакомбах // *Киммерийцы и скифы: Тезисы и доклады Междунар. науч. конф., посвящ. памяти А. И. Тереножкина. Мелитополь*, 1992.
- Попович*, 1993 — *Попович І.* Куштановицька група пам'яток // *Памятки гальштатского периода межиріччя Вісли, Дністра і Прип'яті*. Київ, 1993.
- Рябкова*, 2005 — *Рябкова Т. В.* Курган 524 у с. Жаботин // *Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады*. Краснодар, 2005.
- Савва*, 1992 — *Савва Е. Н.* Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1992.
- Скорый*, 1999 — *Скорый С. А.* Киммерийцы в Украинской Лесостепи. Киев, 1999.
- Смирнова*, 1968 — *Смирнова Г. И.* Раскопки курганов у сел Круглик и Долиняны на Буковине // *АСГЭ*. Л., 1968. Вып. 10.
- Смирнова*, 1984 — *Смирнова Г. И.* О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре. По материалам поселения Днестровка-Лука // *Материалы и исследования по археологии СССР: Контакты и взаимодействие культур Евразии*. Л., 1984 (АСГЭ. Вып. 25).
- Смирнова*, 1985 — *Смирнова Г. И.* Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // *СА*. 1985. № 4.
- Смирнова*, 1990 — *Смирнова Г. И.* Памятники типа Кишинев-Корлатень в Днестро-Сиретском междуречье и группа Белегиш II в югославском Подунавье // *Материалы и исследования по археологии СССР*. Л., 1990 (АСГЭ. Вып. 30).
- Смирнова*, 1996 — *Смирнова Г. И.* Предварительные данные о Немировском городище (По первым результатам обработки полевой документации и коллекции находок) // *Більське городище в контексті вівчення пам'яток раннього залізного віку Європи* / Відп. ред. О. Б. Супруненко. Полтава, 1996.
- Смирнова*, 1997 — *Смирнова Г. И.* Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь*, 1997. Вып. 6.
- Смирнова*, 1999 — *Смирнова Г. И.* О гальштатских традициях в культуре лесостепной зоны Северного Понта (VII—VI вв. до н. э.) // *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья*. Запорожье, 1999.
- Смирнова*, 2001 — *Смирнова Г. И.* Гальштатский компонент в раннескифской культуре лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища) // *РА*. 2001. № 4.
- Смирнова, Бернякович*, 1965 — *Смирнова Г. И., Бернякович К. Ф.* Происхождение и хронология памятников Куштановицького типа Закарпатья // *Материалы и исследования*

- по археологии европейской части СССР Л., 1965 (АСГЭ. Вып. 7).
- Субботин и др., 1995 — Субботин Л. В., Островерхов А. С., Дзиговский А. Н. Археологические древности Буджака. Курганы восточного побережья озера Сасык. Одесса, 1995.
- Тереножкин, 1961 — Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961.
- Тереножкин, 1976 — Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.
- Тохтасьев, 2008 — Тохтасьев С. Р. Рец.: А.И. Иванчик. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции. Фольклор, литература и история. Москва; Берлин: Палеограф, 2005. 312 с. (Pontus septentrionalis III) // ВДИ. 2008. № 1.
- Яровой и др., 2002 — Яровой Е. В., Кашуба М. Т., Махорных С. В. Киммерийский курган у пгт. Слободзея // Северное Причерноморье: от энеолита к античности / Отв. ред. Н. А. Кетрару. Тирасполь, 2002.
- Berciu, Comşa, 1956 — Berciu D., Comşa E. Săpăturile arheologice de la Balta Verde și Gogoşu (1949–1950) // Materiale și cercetări arheologice. Bucureşti, 1956. T. 2.
- Brudiu, 1985 — Brudiu M. Descoperiri aparținând culturii Basarabi on sud-estul Moldovei // Thraco-Dacica. Bucureşti, 1985. T. 6, No 1–2.
- Brudiu, 2003 — Brudiu M. Lumea de sub tumuli din sudul Moldovei. De la indo-europeni la turanicii târzii — mărturii arheologice. Bucureşti, 2003.
- Chidioşan, Emödi, 1983 — Chidioşan N., Emödi I. Descoperirile arheologice din Peştera Izbindiş (comuna uncuiuş) aparținând grupului cultural Igrîta // Crisia. Oradea, 1983. T. 13.
- Chochorowski, 1987 — Chochorowski J. Rola signynov herodota w srodowsku kulturowym wczesnel epoki zelaza na Nijnie Wegierskiej // Przegląd Archeologiczny. Poznan, 1987. Vol. 4.
- Ciugudean, 2009 — Ciugudean H. Bemerkungen zur Chronologie der befestigten Siedlung von Teleac // Aes aeterna. Omagiu dōnului Tudor Soroceanu, cu ocazia împlinirii a 65 de ani / Hrsg. L. und O. Dietrich et al. Tmişoara, 2009 (Analele Banatului. N.S. Arheologie — Istorie. Vol. 17).
- Dumitrescu, 1968 — Dumitrescu V. La nécropole tumulaire du premiere âge du fer de Basarabi (dép. de Dolj, Olténie) // Dacia. Bucureşti, 1968. NS. T. 12.
- Florescu, 1957 — Florescu F. Şantierul Truşeşti // Materiale și cercetări arheologice. Bucureşti, 1957. T. 3.
- Gumă, 1993 — Gumă M. Civilizaţia primei epoci a fierului în sud-vestul României. Bucureşti, 1993 (Bibl. Thracol. 3).
- Gumă, 1995 — Gumă M. The End of the Bronze Age and the Beginning of the Early Iron in South-Western Romania, Western Serbia and North-Western Bulgaria. A short review // Thraco-Dacica. Bucureşti, 1995. T. 16, No 1–2.
- Daragan, 2004 — Daragan M. N. Periodisierung und Chronologie der Siedlung Źabotin // Eurasia Antiqua. Berlin, 2004. Bd 10.
- Hänsel, 1976 — Hänsel B. Beitr äge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Bonn, 1976 (Beitr äge für Ur- und Frühgeschichtliche Archäologie des Mittelmeer Kulturraumes; Bd 27).
- Ignat, 2006 — Ignat M. Necropolele tumulare din zona R ädăuţi în cadrul lumii traco-getice (sec. VII–V a.Chr.). T ärgovişte, 2006.
- Kaşuba, 2008 — Kaşuba M. Materiale ale culturii Źoldăneşti on bazinul Nistrului de Mijloc — Observaţii preliminare // Tyragetia. Chişinău, 2008. S.N. Vol. 2 (17), No 1.
- Kaşuba, 2009 — Kaşuba M. Die Bestattungen der Saharna-Kultur. Ein Beitrag zum frühhallstattzeitlichen Bestattungsritus im Mitteldnestrgebiet, Nordwestpontikum // Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Frühbronzezeit (5000–500 v. Chr.). Kommunikationsebenen zwischen Kaukasien und Karpaten. Beitr. zum Humboldt-Kolleg Archäologisches Symposium in Tiflis / Hrsg. J. Apakidze et al. Berlin, 2009.
- Kemenczei, 1984 — Kemenczei T. Die Spätbronzezeit Nordostungarns. Budapest, 1984.
- Kemenczei, 1994 — Kemenczei T. Hungarian Early Iron Age Metal Finds and Their Relations to the Steppes // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies: Papers from the International Symposium held in Naples 1992 / Ed. B. Genito. Napoli, 1994 (Dipartimento di studi Asiatici. Series Minor 44).
- László, 1985 — László A. Hallstattul timpuriu și mijlociu pe teritoriul Moldovei: Rez. tezei de doctorat. Iași, 1985.
- László, 1994 — László A. Începuturile epocii fierului la Est de Carpați. Bucureşti, 1994 (Bibliotheca Thracologica. Vol. 6).
- Levişki, 1994 — Levişki O. Cultura hallstattului canelat la R äşărit de Carpați. Bucureşti, 1994 (Bibliotheca Thracologica. Vol. 7).
- Levişki, 2006 — Levişki O. Necropola tumulară hallstattiană târzie Trinca: «Drumul Feteştilor» Iași, 2006 (Bibl. Archaeol. Moldaviae; 3).
- Levişki, Demcenco, 1996 — Levişki O., Demcenco T. Tumuli din epoca fierului timpuriu de lângă satul Cotiujeni // Tyragetia. Chişinău, 1996. Vol. 3.
- Lupu, 1989 — Lupu N. Tilişca. Aşezările arheologice de pe C âţănaş. Bucureşti, 1989.
- Metzner-Nebelsick, 1998 — Metzner-Nebelsick C. Abschied von den «Thrako-Kimmeriern»? — Neue Aspekte der Interaktion zwischen karpatenländischen Kulturgruppen der späten Bronze- und frühen Eisenzeit mit der osteuropäischen Steppe // Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Neolithikum, Bronzezeit und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000–500 v.Chr.): Symposium Mogilany 1995 / Hrsg. B. Hänsel, J. Machnik. München; Rahden/Westf., 1998.
- Metzner-Nebelsick, 2005 — Metzner-Nebelsick C. Thrako-kimmerischer Formenkreis // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde, Bd 30 / Hrsg. H. Beck et al. Berlin; New York, 2005.
- Moscalu, 1981 — Moscalu E. Problemes concernant la culture Thraco-gete de Oltenie // Dacia. Bucureşti, 1981. N.S. T. 25.
- Moscalu, 1990 — Moscalu E. Noi materiale apartinând culturii tracice Basarabi de la Ostrovul Corbului (jud. Mehedinţi) // Thraco-Dacica. Bucureşti, 1990. T. 11, No 1–2.
- Moscalu, Beda, 1990 — Moscalu E., Beda C. Bujoru. Un tumul cu car-cazan votiv aparținând culturii Basarabi // Thraco-Dacica. Bucureşti, 1990. T. 9, No 1–2.
- Premk et al., 1984 — Premk A., Popovic P., Bjelajac Lj. Vajuga-Pesak. Fouilles des sondages de 1980 // Djerdapske Sv eske. Beograd, 1984. T. 2.

- ReŃa*, 2008 — *ReŃa E.* Prima epocă a fierului pe cursul râului Ialomița. Târgoviște, 2008.
- Romsauer*, 1993 — *Romsauer P.* Nove naslezy Věkerzugskej skupiny z Nitry // *Slovenská archeológia*. Bratislava, 1993. Roč. 41, čís. 1.
- Stratan I., Vulpe*, 1977 — *Stratan I., Vulpe A.* Der Hügel von Susani // *Praehistorische Zeitschrift*. Berlin; New York, 1977. Bd 52. H. 1.
- Sullimirski*, 1936 — *Sullimirski T.* Scytowie na zachodniem Bódlu. Lwów, 1936.
- Teržan*, 2009 — *Teržan B.* Kaukasisches Symbolgut in Südosteuropa — Bemerkungen zu Goldfibeln von Michałków — Fokoru — Dalj // *Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000–500 v.Chr.)*. Kommunikationsebenen zwischen Kaukasien und Karpaten. Beitr zum Humboldt-Kolleg Archäologisches Symposium in Tiflis / Hrsg. J. Apakidze et al. Berlin, 2009.
- Vasiliev*, 1980 — *Vasiliev V.* Scioii Agatârși pe teritoriul României. Cluj–Napoca, 1980.
- Vasiliev*, 1988 — *Vasiliev V.* Problèmes de la chronologie du Hallstatt sur le territoire de la Roumanie (II) // *Apulum*. Alba Iulia, 1988. T. 25.
- Vasiliev*, 1995 — *Vasiliev V.* Fortifications de refuge et établissements fortifiés du premier âge du fer en Transilvanie. București, 1995.
- Vasiliev*, 2004–2005 — *Vasiliev V.* Despre epoca bronzului și prima epocă a fierului // *Istoria Românilor*. Cluj–Napoca, 2004–2005. Vol. 1 (Ephemeris Napocensis. T. 14–15).
- Vasiliev et al.*, 1991 — *Vasiliev V., Aldea I., Ciugudean H.* Civilizația dacică timpurie în aria intracarpatică a României. Contribuții arheologice: Așezarea fortificată de la Teleac. Cluj–Napoca, 1991.
- Vukmanovic*, 1983 — *Vukmanovic M.* Novi nalazi fibule tipa «Peschiera» na Djerdapu // *Zbornik Narodnog Muzeja u Beogradu*. Beograd, 1983. T. 11.
- Vulpe*, 1965 — *Vulpe A.* Zur mittleren Hallstattzeit in Rumänien (Die Basarabi-Kultur) // *Dacia*. București, 1965. N.S. T. 9.
- Vulpe*, 1967 — *Vulpe A.* Necropola hallstattiană de la Ferigile: Monografie arheologică. București, 1967.
- Vulpe*, 1986 — *Vulpe A.* Zur Entstehung der geto-dakischen Zivilisation. Die Basarabi-Kultur. I // *Dacia*. București, 1986. N.S. T. 30.
- Vulpe*, 1990 — *Vulpe A.* Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien // *Prähistorische Bronzefunde*. München, 1990. Abt. 6. Bd 9.

Kurgans Near the Village of Cotiujeni in the South of the Middle Dniester Region and the Problem of the «Thraco-Cimmerian» Antiquities (Studies of the «Empty» Burials)

O. G. Levitskiy, M. T. Kashuba

The small kurgan group excavated near the village of Cotiujeni (the southern area of the Middle Dniester basin in what is now the Republic of Moldova) (Fig. 1, Cotiujeni) included three barrows of the Early Iron Age (nos. 2, 4 and 5). These were earthen mounds (0.5–1.0 m high, 24 m and 36 m in diameter) with burnt layers. The kurgans were constructed each at a time for a single interment (Fig. 2, 1, 3, 6). The mortuary structures are rectangular pits with certain peculiarities, namely undercuts and steps (Fig. 2, 2, 4, 5). The rite of interment was inhumation. Of the grave goods, 53 ceramic fragments were preserved: from five burnished vessels (Fig. 3, 1–4) and a pot (Fig. 3, 5). Bitruncated-conical bowls appeared in the Carpathian–Danubian region as early as the Late Bronze Age and further on became one of the leading pottery types of the cultural complex of Basarabi (beginning from the second quarter of the 8th century BC) throughout the entire area of its distribution, including the Basarabi–Șoldănești variant in the Middle-Dnieper basin (Fig. 4). Direct parallels to bowls of this type are known among the materials from the Zhabotin (Žabotin) settlement-site on the right bank of the Dnieper where similar vessels were among the most

widely distributed ones in horizon Zhabotin-II (from the mid-8th century BC). Ladles with shallow bowls from the Carpathian–Danubian region are of an early Hallstatt origin (Fig. 5). The appearance of such scoops on the Middle Dniester and in the forest-steppe region of the Dnieper right bank is linked with the archaeological culture of Gáva–Holigrady–Grănicești in the East-Carpathian region. In addition, they have direct parallels among the finds from the settlement of Zhabotin (horizons Zhabotin-II and Zhabotin-III). Notwithstanding the fact that the kurgan complexes of Cotiujeni are situated within the area of the Basarabi–Șoldănești culture, analysis of the burial structures and the rite allows us to link them with the early nomadic (Cimmerian) burials of the northern Black Sea littoral (the Nocherkassk group — ?) and to compare them with the latest pre-Scythian forest-steppe complexes of the second half of the 8th century BC (Fig. 6). The Cotiujeni kurgan group combines the funerary traditions of the early steppe nomads and the pottery of Hallstatt types. The Cotiujeni barrows can be attributed to the circle of «Thraco-Cimmerian» complexes of the northern Black Sea area and are dated to the second half of the 8th century BC.

Контакты населения Приильменья и Поволховья с народами Балтики в IX–X вв. по керамическим материалам¹

В. М. Горюнова, А. В. Плохов²

Последняя четверть I тыс. н. э. занимает важнейшее место в истории Северо-Запада России. Это время, когда на этой территории, заселенной прежде финно-угорскими и балтскими племенами, расселяются славяне. Сложные этнокультурные процессы к концу этого тысячелетия привели к образованию одного из центров Древнерусского государства — Верхней или Северной Руси. Важным фактором в его становлении стали крупные международные торговые пути раннего средневековья, трассы которых частично пролегли по рекам Восточной Европы, — Волжский и Балтийско-Днепровский («из варяг в греки»).

Функционирование этих путей послужило основой для активных контактов населения Северо-Запада России с народами Балтийского региона, что нашло отражение в разнообразных письменных источниках, антропологических, нумизматических и археологических материалах. Среди последних определенное место занимают керамические находки.

В керамических коллекциях, полученных при исследованиях памятников Приильменья и Поволховья, можно выделить четыре группы изделий, свидетельствующих о связях этого региона с территориями, прилегающими к Балтийскому морю. Это скандинавская, прибалтийско-финская, западнославянская керамика, а также посуда так называемого татингского типа.

К первой группе можно отнести грубые лепные глиняные сосуды с загнутыми внутрь или прямыми

венчиками. Подобная кухонная посуда характерна для памятников эпохи викингов Швеции, причем истоки этих форм прослежены в материалах предшествующих эпох (*Selling*, 1955. S. 166–174, 196–203; Taf. 47–50; 63; 64). Д. Селлинг полагала, что районом концентрации сосудов с загнутым внутрь венчиком является регион озера Меларен в Центральной Швеции. По ее подсчетам, в материалах некрополя Бирки, крупнейшего торгового и ремесленного центра раннего средневековья, расположенного на маленьком острове Бьёрко этого водоема, среди продукции местного скандинавского производства (группа A IV), изделия с подобным профилем (подгруппа A IV: 3a1) составляют 28 % (*Ibid.* S. 218). Однако сосуды этого типа широко представлены и на памятниках в других частях Швеции. Так на поселениях Лёддечёпинг и Треллеборг, расположенных на юге страны, в Сконе, их доля составляет 73,3 % и 90 % местной посуды соответственно (*Ohlsson*, 1976. S. 125; *Brorsson*, 1999. S. 55). Немало среди лепной керамики Швеции и изделий с прямым венчиком. Причем если среди скандинавской керамики Бирки таких сосудов (A IV: 4a–b) только 11 % (*Selling*, 1955. S. 219), то на некоторых рядовых могильниках Центральной Швеции они являются единственной формой глиняной посуды (*Hansson*, 1983. S. 13).

На памятниках Северо-Западной России отмеченные типы скандинавской посуды немногочисленны. Обломки сосудов этого вида встречены в материалах двух крупнейших раннесредневековых торгово-ремесленных и административных поселений Поволховья — Старой Ладогге и Рюриковом городище под Новгородом (рис. 1, 1–5) (*Сениченкова*, 1998; *Носов и др.*, 2005. С. 80, табл. 58, 3–5). Целые либо фрагментированные экземпляры посуды, близкие скандинавским образцам, представлены в инвентаре кургана № 5 могильника в урочище Плакун (рис. 1, б), расположенного

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ОИФН РАН в рамках Программы фундаментальных исследований «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

² Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

© В. М. Горюнова, А. В. Плохов, 2011

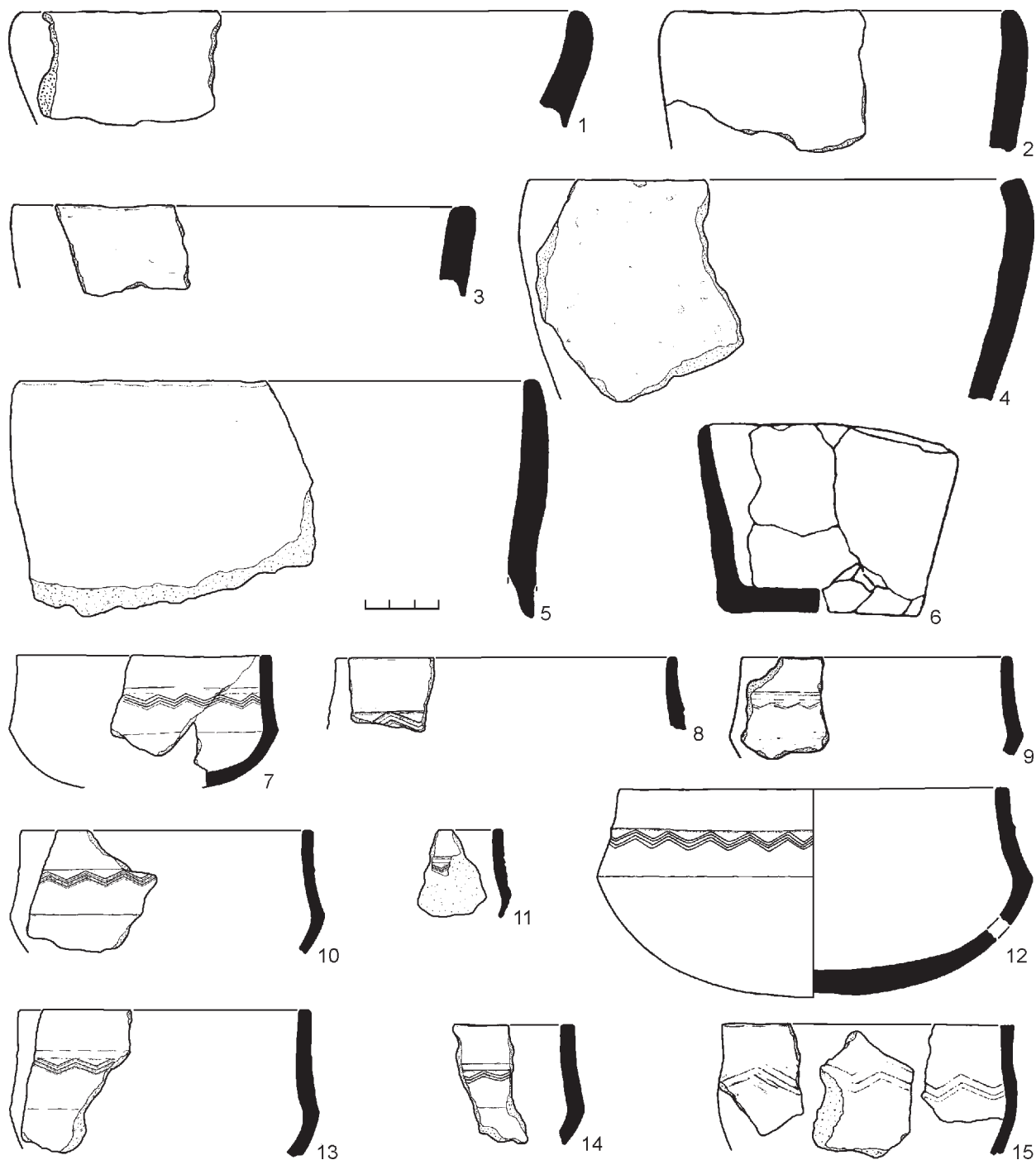

Рис. 1. Скандинавская и прибалтийско-финская керамика из Поволжья:

1–3, 7–14 — Рюриково городище; 6 — могильник в урочище Плакун; 15 — Холопий городок

Fig. 1. Scandinavian and Baltic-Finnic pottery from the Volkhov region:

1–3, 7–14 — Ryurik Gorodishche; 6 — cemetery in the urochishche of Plakun; 15 — Kholopy Gorodok

на правом берегу Волхова, напротив Староладожской каменной крепости (Назаренко, 1985. Рис. 7, 2), а также кургане № 4 могильника у д. Гайгово на р. Оять в юго-восточном Приладожье (Спирidonov, 1986. С. 26, рис. 2, 3, 4). На Земляном городище Старой Ладogi скандинавская керамика

встречена в горизонтах E_{3-1} (первая треть IX в.) и E_1 (вторая половина IX—первая четверть X в.), а в раскопе на Варяжской улице — в слоях первой половины и третьей четверти X в. (Сениченкова, 1998. С. 49). Результаты рентгено-спектрального флуоресцентного анализа двух обломков керами-

ки этой группы,³ найденных на Земляном городище Старой Ладogi, показали, что их тесто по своему химическому составу не отличается от местной посуды (рис. 2), и, следовательно, эти изделия были изготовлены скандинавами на нижнем Поволховье. Аналогичную картину дало петрографическое изучение находок с Рюрикова городища (*Brorsson*, 2001. P. 56).

При анализе керамических комплексов Старой Ладogi и Рюрикова городища бросается в глаза малое число находок северо-европейской посуды притом, что на этих поселениях встречено значительное количество разнообразных вещей скандинавского происхождения, а также предметов хотя и сделанных на Руси, но сохраняющих северные традиции в стиле и орнаментике. Похожая ситуация наблюдается на других памятниках Северной Руси, где имеются свидетельства присутствия варягов. Этот факт можно объяснить целым рядом причин, главными из которых являются, по-видимому, приготовление викингами пищи в металлических котлах, а также использование ими изделий местных гончаров. Последнее находит подтверждение в материалах могильника в урочище Плакун. Курганы этого некрополя, датированного концом IX—X в., по особенностям погребального обряда, а именно: сожжению в ладьях, погребению в камере, порче и особому расположению оружия, исследователи относят к памятникам, оставленным выходцами из Скандинавии. Однако из пяти лепных сосудов этого могильника, форма которых поддается реконструкции, «северное» происхождение можно предположить только для одного горшка с коническим туловом (*Назаренко*, 1985. Рис. 7, 2).

Вторая группа керамики с памятников Северо-Запада России объединяет изделия, имеющие ближайшие аналогии в раннесредневековых древностях юго-западной Финляндии и Эстонии. Это тонкостенные округлодонные миски и плоскодонные сосуды с хорошо заглаженной, часто лощеной поверхностью. Большая часть этой посуды декорирована небольшими валиками и горизонтальными, зигзагообразными или волнистыми линиями, выполненными зубчатым орудием или отпечатками шнура.

Больше всего — 20 подобных изделий (рис. 3) встречено в культурном слое Старой Ладogi (*Пло-*

хов, 2010). Древнейшие обломки прибалтийско-финской посуды происходят из отложений горизонта E₃, датированных концом VIII—началом IX в. В незначительном количестве такие сосуды встречены также в горизонтах E₂ и E₁, а наибольшее их число связано с напластованиями горизонта D. Фрагменты 8 однотипных лощеных округлодонных ребристых мисок найдены на Рюриковом городище (рис. 1, 7–14), причем часть них зафиксирована в стратифицированных слоях, относящихся к X в. (*Носов и др.*, 2005. С. 80, табл. 58, 6–10). Несмотря на то что обломки сосудов найдены в разных частях памятника, они очень схожи друг с другом, и можно уверенно говорить о едином их происхождении и датировке. Кроме этих двух крупных раннесредневековых центров находки прибалтийско-финских сосудов на Северо-Западе России отмечены на поселении Холопий городок под Новгородом (рис. 1, 15), в одном из могильников на р. Оять в юго-восточном Приладожье (*Спиридонов*, 1986. С. 27, рис. 2, 8), а также на территориях, пограничных с Эстонией: некоторых городищах нижнего течения р. Великая, в могильниках у д. Залахтово в восточном Причудье и у д. Ратчино на западной окраине Ижорского плато.

Зафиксированные в Старой Ладoge фрагменты принадлежали изделиям, различающимся по профилировке, орнаментации, а также, очевидно, и месту изготовления. Последнее заключение было проверено с помощью рентгено-спектрального флюоресцентного анализа. Им был изучен количественный состав главных порообразующих элементов 12 образцов от изделий, имеющих аналогии в древностях прибалтийских финнов. Полученные результаты были обработаны методами математической статистики. Факторный анализ химического состава образцов показал, что, во-первых, тесто лощеных сосудов отличается от материала основной массы местной керамики, и, следовательно, эти изделия были произведены не на Староладожском поселении, а во-вторых, оно существенно разнится у исследованных обломков прибалтийско-финской керамики (рис. 3). Последнее является отражением несхожести по геохимическим характеристикам сырья, из которого была изготовлена эта посуда. Этот факт, наряду с морфологией, подтверждает предположение о том, что рассматриваемые изделия были привезены в нижнее Поволховье из различных регионов Восточной Балтики. Не случайно, что датировка древнейших находок таких изделий совпадает со временем становления Волжского пути, связав-

³ Исследование староладожской керамики методами естественных наук было проведено канд. геолого-минерал. наук М. А. Кульковой (Кафедра геологии и геоэкологии географического факультета РГПУ им. А. И. Герцена).

Рис. 2. Прибалтийско-финская керамика из Старой Ладоги

Fig. 2. Baltic-Finnic pottery from Staraya Ladoga

шего народы Балтики со странами Востока. Интересно также, что часть обломков рассматриваемой посуды найдена в напластованиях, связанных с ладожскими «большими домами», служившими, по мнению исследователей Старой Ладogi, постоянными дворами для купеческих артелей. Археологические материалы, полученные при раскопках поселения, однозначно свидетельствуют о проживании здесь скандинавов. Как известно, основной морской путь IX–XIII вв., связывающий Центральную Швецию с Русью, шел мимо Аландских островов к юго-западному побережью Финляндии, откуда через «Эстонское море» в окрестности Таллина, а далее вдоль густонаселенного южного берега Финского залива к устью Невы (Шаскольский, 1954). В своем движении «на Восток» викинги грабили население прибрежных поселений и/или вели с ним торговлю, запасаясь продовольствием для дальнейшей дороги. При этом на корабли в качестве военной добычи или контейнеров для хранения продуктов могли попасть и лощеные финские сосуды, отличающиеся в лучшую сторону от посуды скандинавских гончаров. Так что, по-видимому, прибалтийско-финская керамика была завезена на Староладожское поселение путешественниками по «восточному пути» скандинавскими купцами-войнами, причем не в качестве товара, а в составе предметов личного обихода. В то же время лощеные миски, найденные на Рюриковом городище, судя по их однотипности, а также по результатам петрографических исследований, выполненных в Лаборатории керамических исследований Лундского университета Т. Брорссоном, изготовлены приездом финским гончаром на месте. Судя по результатам анализа, в лощеных сосудах, так же как в части образцов местных сырой глины и керамики, зафиксирован схожий состав диатомовых водорослей (Brorsson, 2001. P. 56–58; Hulthén, Brorsson, 2007. P. 601–604, 607).

Скорее всего, с пребыванием викингов на Руси следует связывать и появление в Поволховье керамики третьей группы — сосудов типа Татинг. К изделиям этого типа исследователи относят тонкостенную гончарную посуду, главным образом кувшины, характерной особенностью которых является чернолощенная поверхность, декорированная, в основном, оловянной фольгой (Stilke, 2001. S. 258). Английский ученый Р. Ходжес считал татингские изделия одним из наиболее интересных построманских артефактов (Hodges, 1981. P. 68). К настоящему времени керамика этого типа зафиксирована более чем в 50 пунктах в регионе

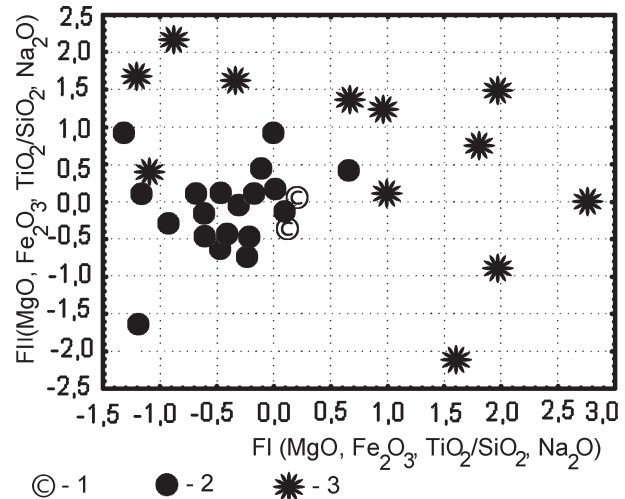

Рис. 3. Распределение образцов по данным факторного анализа химического состава:

1 — скандинавская керамика; 2 — «местная» керамика; 3 — прибалтийско-финская посуда

Fig. 3. Distribution of samples according to results of factor analysis of the chemical composition:

1 — Scandinavian pottery; 2 — «local» ware; 3 — Baltic-Finnic pottery

Балтийского и Северного морей от Майнца и Лорша в Германии до Борга на Лофотенских островах в северной Норвегии, от Саутгемптона, Йорка в Англии и Сен-Дени во Франции до Старой Ладogi в России (Плохов, 2007. С. 26, рис. 3). Исходя из имеющихся в настоящее время данных, можно говорить о существовании нескольких гончарных центров, в которых делали украшенные фольгой сосуды. Петрографические исследования, результаты нейтронно-активационного анализа, а также ряд морфологических признаков свидетельствуют о производстве некоторых изделий, отнесенных к татингскому типу, в регионе Майена (Hodges, 1981. P. 18, 66; Redknap, 1999. S. 86, 88; Stilke et al., 1996. P. 28, 30). Изучение керамики методами естественных наук показало также, что «классические» кувшины изготавливались в другом месте (Stilke et al., 1996. P. 30). Наиболее вероятно, что этот гончарный центр, как считала Д. Селлинг, располагался несколько выше по Рейну. В этом регионе к обломку из монастыря в Лорше в последние десятилетия добавились находки из Майнца и поселений в бассейне Майна, отнесенные исследователями к изделиям татингского типа (Ring, Wiczorek, 1979. S. 355, 358, abb. 2, 3; Wamser, 1999. S. 212, 213). Значительное сходство в металлическом декоре между «классическими» кувшинами и сосудом из англосаксонского Хемвика (предшественник Саутгемптона), по-види-

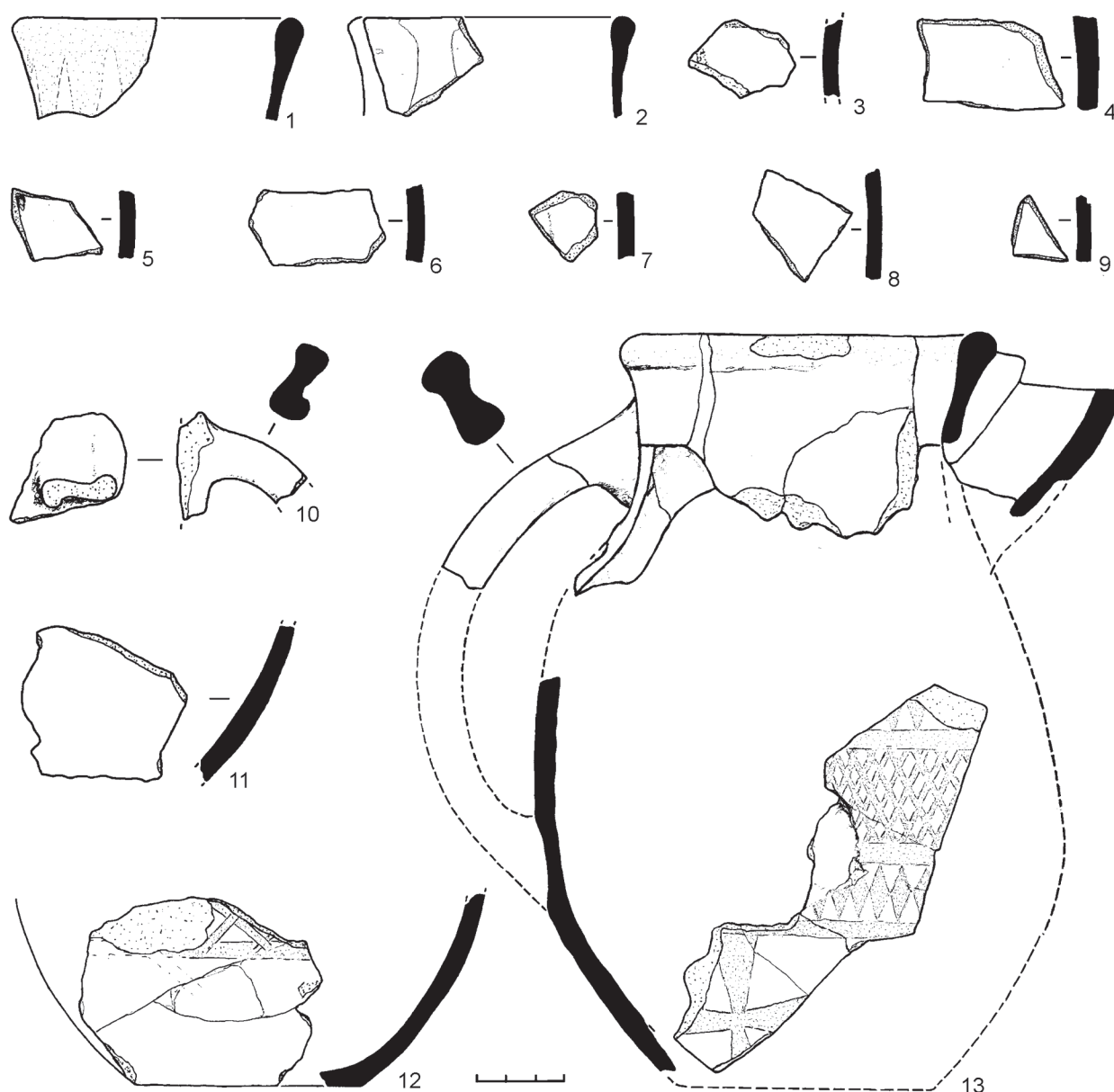

Рис. 4. Изделия типа Татинг нижнего Поволжья:

1–12 — обломки сосудов из культурного слоя Старой Ладоги; 13 — кувшин из могильника в урочище Плакун

Fig. 4. Specimens of the Tating type from the Lower Volkhov:

1–12 — pottery fragments from cultural layers of Staraya Ladoga; 13 — jug from the cemetery in the urochishche of Plakun

тому, являющимся продукцией мастеров Майена, также свидетельствует о соседстве керамических мастерских, в которых они были изготовлены. Особую группу составляют сосуды, встреченные во Франции (в Сен-Дени) и на ряде английских памятников. По форме и по способу нанесения декора они отличаются от «типичных фризских» кувшинов. Р. Ходжес отнес эту керамику к изделиям франкских гончарен, расположенных в северной Франции или, возможно, в долине р. Маас (Hodges, 1981. P. 66). Судя по датировке, предлага-

емой исследователями для находок из Сен-Дени и Wharrem Percy (Hurst, Hodges, 1976. P. 249; Meyer-Rodrigues, 1993. P. 271; Redknap, 1999. S. 88), эта группа является самой ранней среди татингских сосудов, возможно, наряду с майенской.

Единственным местом находки кувшинов татингского типа в Восточной Европе является нижнее Поволжье. Здесь они встречены в кургане № 7 могильника в урочище Плакун, а также в отложениях IX–первой половины X в. Земляного городища Старой Ладоги (рис. 4). К настоящей-

му времени с этого поселения происходят 12 чернолощенных обломков от разных частей этих сосудов. Они встречены в раскопах разных лет, причем наибольшее расстояние между местами находок фрагментов составляет свыше 40 м. Одиннадцать обломков залегало в двух смежных горизонтах культурного слоя памятника Е₁ и Д. Возможно, что какая-то их часть относится к одному кувшину.⁴ Тогда как древнейший обломок, происходящий из горизонта Е₃, имеющий более качественную поверхность, явно принадлежит другому изделию.

Интересным вопросом являются пути поступления изделий типа Татинг на территорию Северной Руси. По-видимому, появление в южном Приладожье такой посуды вряд ли можно объяснить непосредственными контактами местного населения с Франкской империей. Однако нельзя полностью отвергать возможности того, что эти чернолощенные изделия поступили в Поволховье при посредничестве фризских купцов. Предположение о посещении ими Старой Ладogi высказывала О. И. Давидан, рассматривая происхождение ранних гребенок этого памятника (Давидан, 1968. С. 62).

Возможно, как предполагала в своих работах Г. Ф. Корзухина, что кувшин из плакунского могильника попал в нижнее Поволховье, побывав прежде в Швеции (Корзухина, 1971. С. 63). В пользу гипотезы Г. Ф. Корзухиной говорят многочисленные предметы, выполненные в северном стиле, оставленные, в основном, выходцами из региона озера Меларен, фиксируемые с момента возникновения Староладожского поселения, но особенно заметные в отложениях X в., с которыми связаны почти все находки обломков татингских изделий последних лет.

Нельзя исключать, что эти сосуды могли попасть в Поволховье и через южную Ютландию, поскольку, по мнению К. А. Михайлова, в могильнике в урочище Плакун имеются некоторые южноскандинавские черты (Михайлов, 1996). Исследователь полагает, что «на рубеже IX–X вв. в Ладoge присутствовала группа скандинавов, имевших представление о специфическом погребальном обряде франкско-датского пограничья» (Там же. С. 58). Располагающееся на этом

пограничье крупное торгово-ремесленное поселение Хедебю в эпоху викингов было важной гаванью на пути из Западной Европы на Балтику, а также местом раннехристианской миссионерской деятельности. В культурном слое этого памятника встречены многочисленные обломки импортной западноевропейской керамики, среди которых посуда типа Татинг занимает заметное место (Janssen, 1987. S. 71). Отмеченные факты позволяют предполагать, что появление такой посуды в Старой Ладoge было результатом прямой связи с Хедебю.

В последнюю, четвертую группу включены глиняные изделия, найденные на памятниках Северной Руси, которые в той или иной степени связаны с керамическими традициями славянского населения южнобалтийских земель. Сравнительный анализ раннегончарной посуды Северо-Запада России и западнославянских древностей позволил выявить не только наличие отдельных аналогичных форм, но и констатировать определенное влияние гончарства балтийских славян на местное керамическое производство Новгородской земли X в. (Горюнова, 2007а. С. 45–80). Его проявление прослежено на трех уровнях.

К первому уровню следует отнести присутствие в ряде пунктов Приильменя и Поволховья крайне небольшого числа сосудов, полностью аналогичных западнославянским образцам. Хотя однозначно об импортном характере этой посуды можно будет говорить только после исследования состава их керамического теста методами естественных наук. Найденные изделия относятся к различным типологическим группам. Для X в. это Фельдберг, Менкендорф, Гросс-Раден, Торнов и Фрезендорф.

Самая ранняя фельдбергская (рис. 5, 3, 6), как и более поздняя гросс-раденская (рис. 8, 3, 4; 11, 1) группы представлены одиночными фрагментами только на Рюриковом городище. Менкендорфские изделия встречены в Приильмене значительно шире. Они найдены не только на Рюриковом городище, но также в Старой Ладoge, Новгороде и в Городке на Ловати под Великими Луками, причем на этих памятниках присутствует несколько разных вариантов Менкендорфа (рис. 6). Сосуды фрезендорфского типа двух вариантов: один — с валиками, линейно-волнистым орнаментом, наколами и штампами (рис. 7, 15–17; 10, 2, 3), другой — с бедной линейной орнаментацией, лишенной валиков и штампов (рис. 7, 1, 2, 14, 15), — зафиксированы в предматериковых отложениях Неревского раскопа Новгорода, на Рюри-

⁴ Важно отметить, что все 8 обломков татингских сосудов, найденных при исследованиях Старой Ладogi в последние годы, происходят из отложений, связанных с «большим домом», которые, как уже отмечалось, ассоциируются с пребыванием на поселении купеческих артелей.

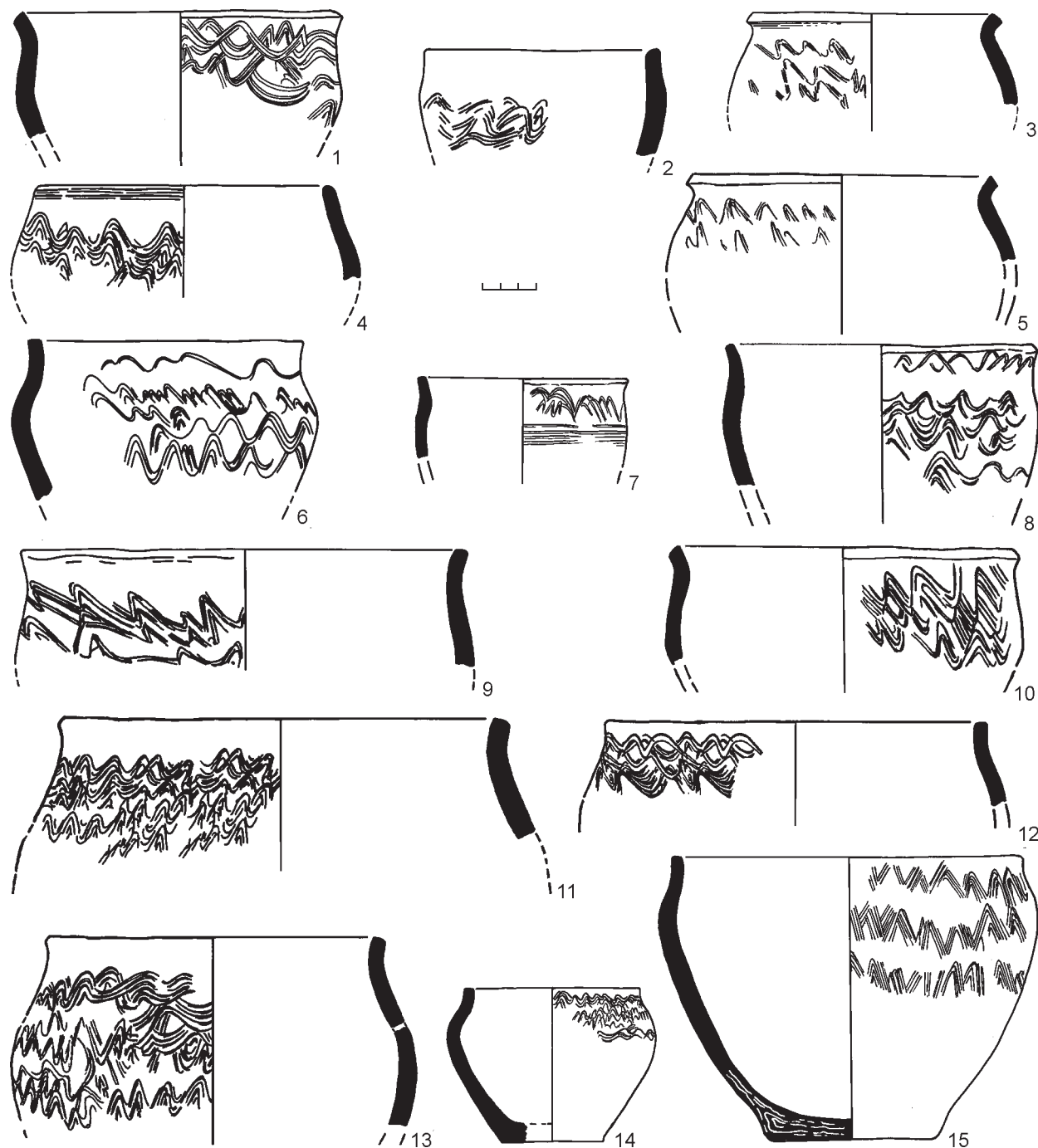

Рис. 5. 1, 2, 4, 6–15 — сосуды, украшенные так называемой «путаной» волной; 3, 5 — фельдбергская керамика. 1, 7 — Бирка, «Черная земля»; 2–5, 9, 11–13 — Рюриково городище; 6, 8, 10 — Старая Ладога; 14 — Бирка, Bj 617; 15 — Бирка; Bj 612

Fig. 5. 1, 2, 4, 6–15 — ware decorated with the so-called «entangled wave»; 3, 5 — Feldberg pottery.

1, 7 — Birka, «Black Earth»; 2–5, 9, 11–13 — Rurik Gorodishche; 6, 8, 10 — Staraya Ladoga; 14 — Birka, Bj 617; 15 — Birka; Bj 612

ковом городище, в Городке на Ловати, в Старой Ладоге (в переотложенных слоях) и в могильнике Боково на Валдае. Торновский тип имеется на территории Северной Руси только на одном памятнике — в Городке на Ловати (рис. 8, 1, 7).

Второй уровень влияния западнославянской посуды на керамическое производство Северо-Западной Руси представлен несколько бóльшим числом находок, чем первый. Он определяется наличием отдаленных подражаний западносла-

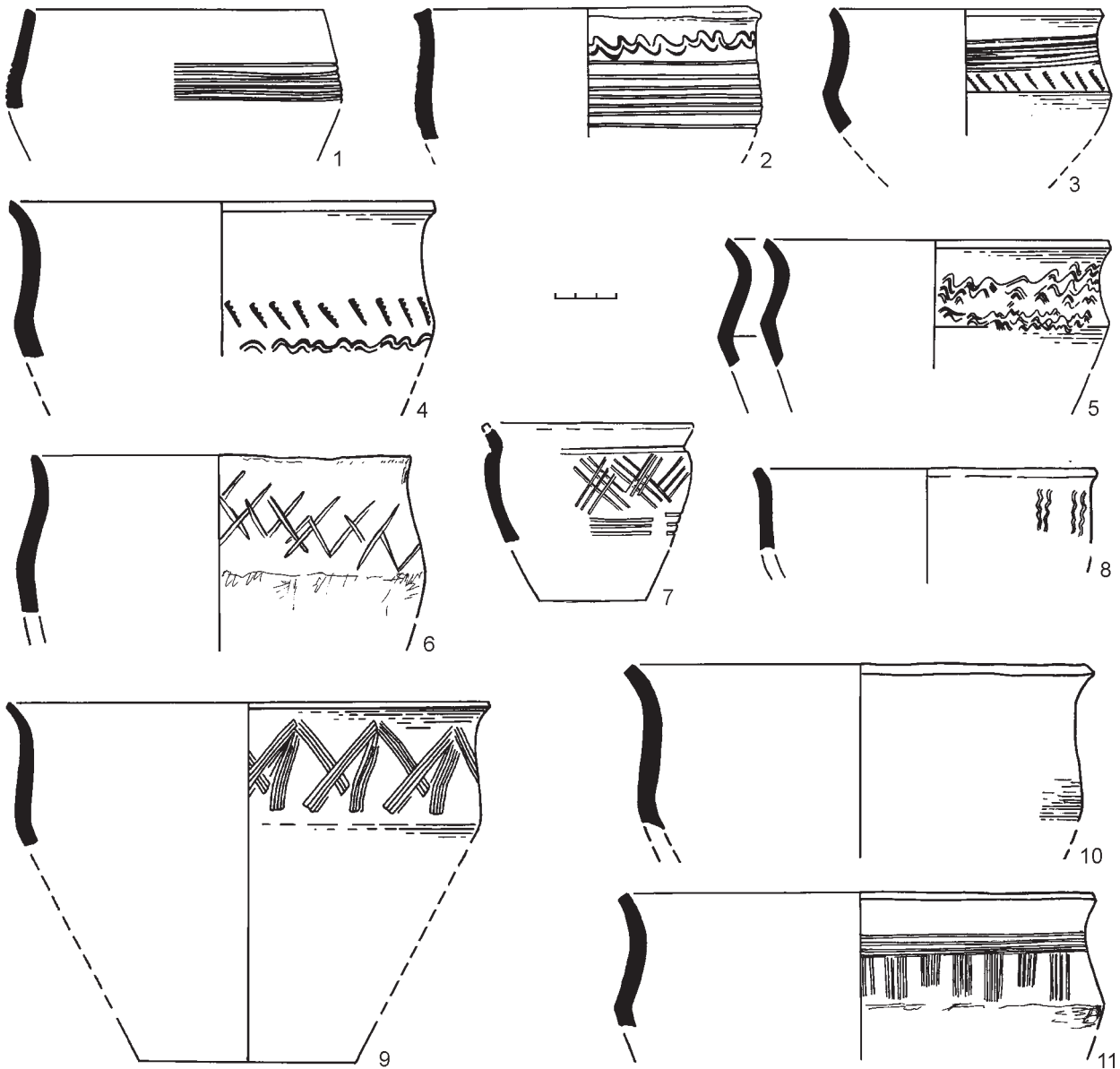

Рис. 6. Керамика типа Менкендорф:

1, 5, 7 — Городок на Ловати; 2–4, 10 — Рюриково городище; 6, 8, 11 — Старая Ладога; 9 — Новгород

Fig. 6. Pottery of the Menkendorf type:

1, 7, 8 — Gorodok-on-Lovat; 2–4, 10 — Rurik Gorodishche; 6, 8, 11 — Staraya Ladoga; 9 — Novgorod

вянским образцам, а также возникших в Приильменье и Поволховье гибридов западнославянских типов, не имеющих точных аналогий на территории Северной Польши и Германии. Процесс подражания и гибридизации исходных форм продолжался на протяжении всего X в. Особенно интенсивным он был во второй его половине, но существование отдельных гибридных групп, судя по дендродатам Старой Ладоги, Рюрикова городища и Новгорода (Носов и др., 2005. С. 94, 104, табл. Б; 109, 111, табл. В; 113, 248, табл. 76), чаще всего ограничивалось периодом от 30 до 50 лет.

Весь керамический материал второго уровня можно разделить на четыре группы. В первую объединены горшки Старой Ладоги и Рюрикова городища, только слегка правленные в верхней части на круге и украшенные так называемой «путаной» волной. Предполагается, что появление этих сосудов связано с попыткой производства посуды на примитивном гончарном круге под влиянием первых раннегончарных образцов западнославянского происхождения — керамики типа Фельдберг и Менкендорф. Чаще всего они представляют собой реплики, не всегда точно повторяющие

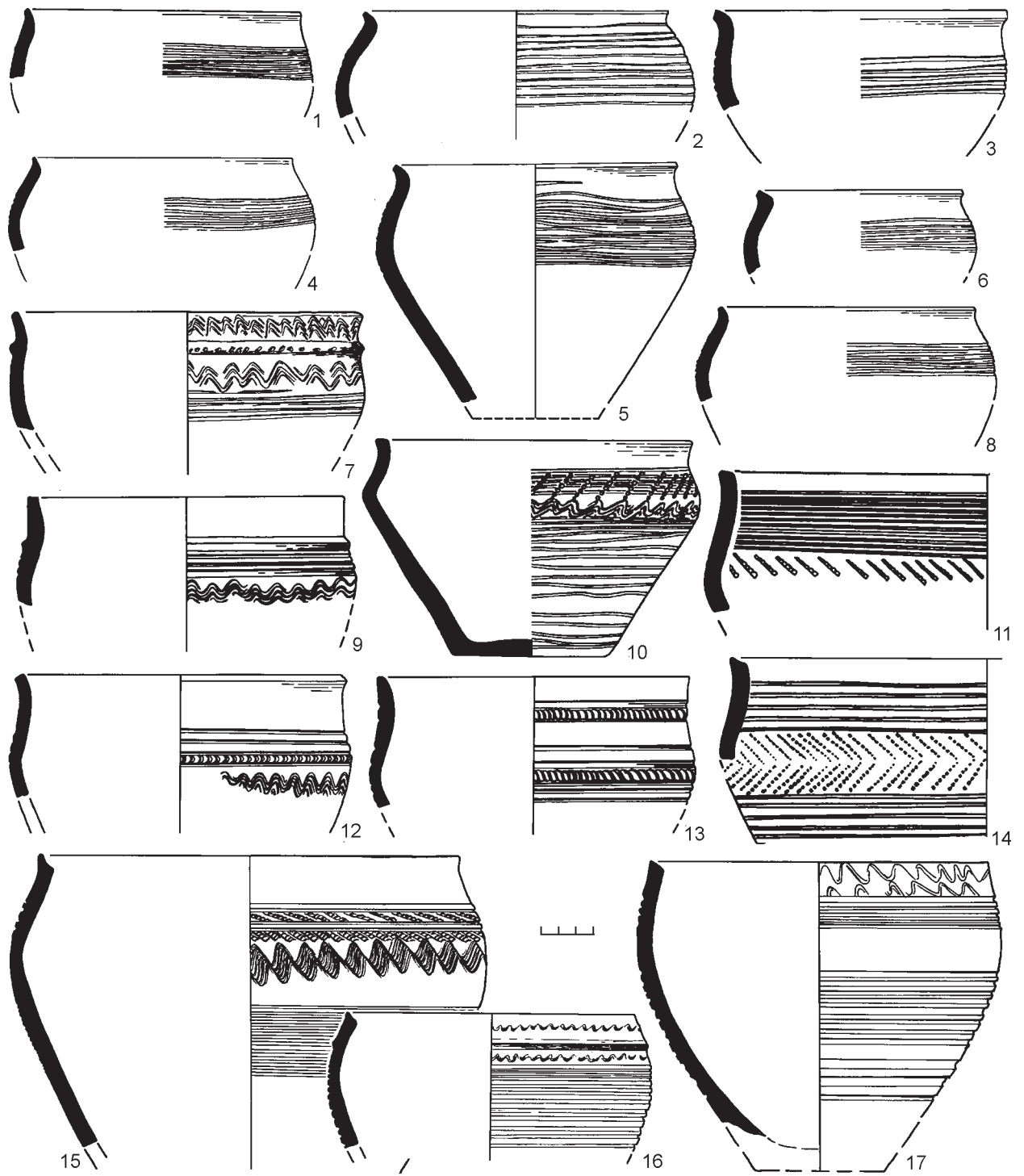

Рис. 7. Керамика:

1, 2, 4, 8, 15–17 — фрезендорфского типа; 3, 5–7, 9 — подражания сосудам фрезендорфского типа;

10–14 — фрезендорфско-менкендорфские гибриды.

1, 3–6, 4, 8, 11 — Городок на Ловати; 2 — Старая Ладога; 7, 9, 12, 13, 15–17 — Новгород; 10 — могильник Боково, курган 20, погребение № 1 (Валдай); 14 — Рюриково городище

Fig. 7. Pottery:

1, 2, 4, 8, 15–17 — Fresendorf type; 3, 5–7, 9 — imitations of pottery of the Fresendorf type; 10–14 — Fresendorf-Menkendorf hybrids;

1, 3–6, 4, 8, 11 — Gorodok-on-Lovat; 2 — Staraya Ladoga; 7, 9, 12, 13, 15–17 — Novgorod; 10 — cemetery of Bokovo, kurgan 20, burial № 1 (Valday); 14 — Rurik Gorodishche

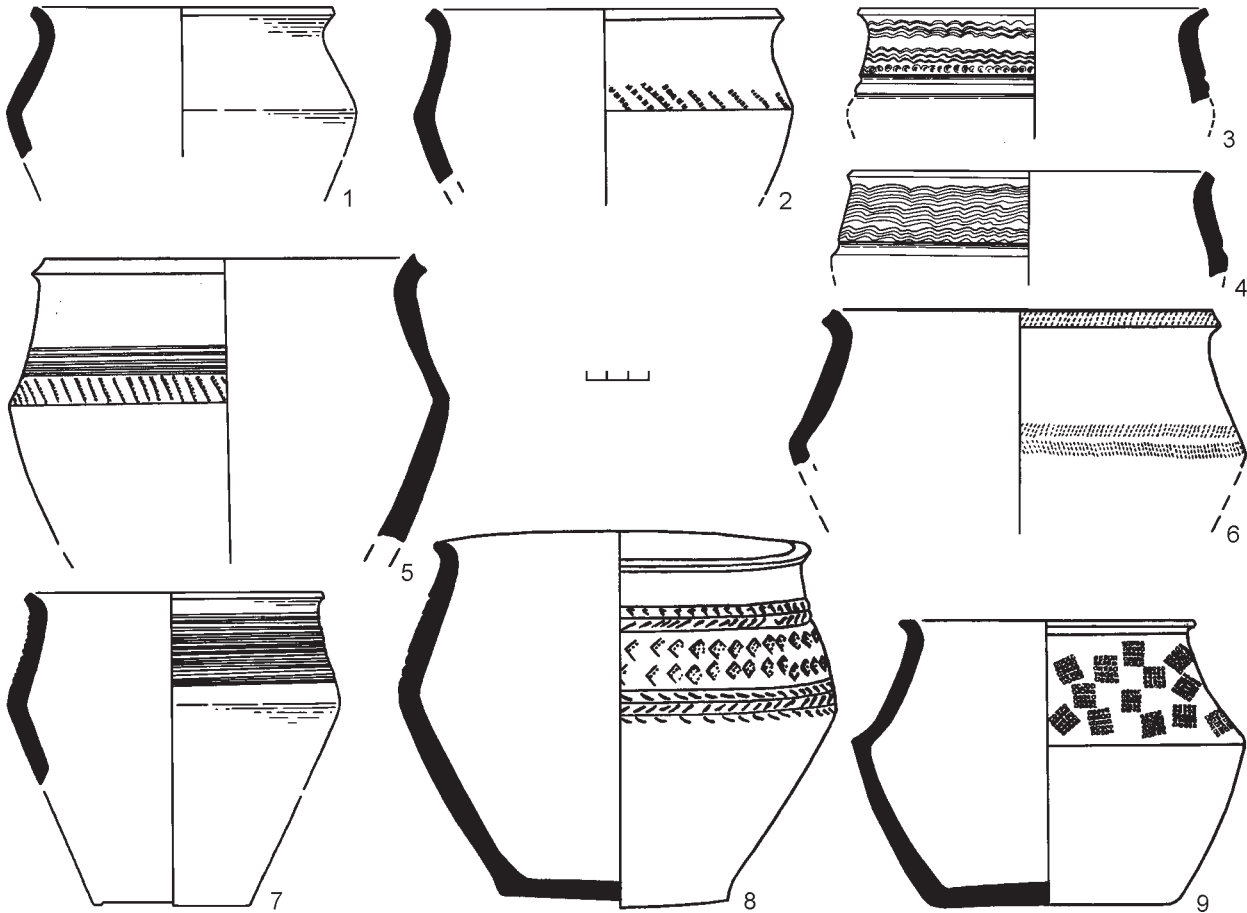

Рис. 8. 1, 7 — керамика торновского типа; 2, 5, 6 — подражание сосудам гросс-раденского типа; 3, 4, 8, 9 — гросс-раденская керамика.

1, 7 — Городок на Ловати; 2–4, 5, 6 — Рюриково городище; 8, 9 — Гросс-Раден, Германия

Fig. 8. 1, 7 — pottery of the Tornow type; 2, 5, 6 — imitations of ware of the Gross-Raden type; 3, 4, 8, 9 — Gross-Raden ware. 1, 7 — Gorodok-on-Lovat; 2–4, 5, 6 — Ryurik Gorodishche; 8, 9 — Gross Raden, Germany

профилировку исходных образцов. Это горшки с туловом, имеющим выпуклость в своей верхней трети и вертикальный короткий венчик, край которого имеет горизонтальный срез (рис. 5, 6, 11, 12, 13), сосуды с плавным биконическим изломом в верхней трети тулова без явно выделенного венчика (рис. 5, 4) и с отогнутым наружу венчиком (рис. 5, 1, 10), а также изделия слабопрофилированных форм со слегка отогнутым наружу или вообще не выделенным венчиком (рис. 5, 2, 8, 9). По профилировке сосудам, украшенным «путаной» волной, можно найти большое число аналогий среди менкендорфской посуды Северной Германии и Польши.⁵ Вторую группу составляют реб-

⁵ Необходимо иметь в виду, что на Рюриковом городище и в Старой Ладогe часть сосудов, украшенных «путаной» волной, не является результатом западнославянского влияния, так как их S-видная профилировка свидетельствует о южной восточноевропейской традиции. Появление на Городище S-видных горшков, технически более

развитых, чем сосуды с «путаной» волной, несколько опережает распространение последних. S-видные сосуды, так же как менкендорфские и фельдбергские, в одинаковой степени и в одно время послужили образцами для подражания местным мастерам при создании керамики с «путаной» волной, правленной на гончарном круге только в верхней своей трети (Горюнова, 2007б. С. 225–226).

⁶ На рис. 8, 8, 9 представлены исходные гросс-раденские формы из одноименного городища в северной Германии.

⁷ Следует отметить, что торновско-менкендорфские гибриды могут быть отнесены и к первому уровню влия-

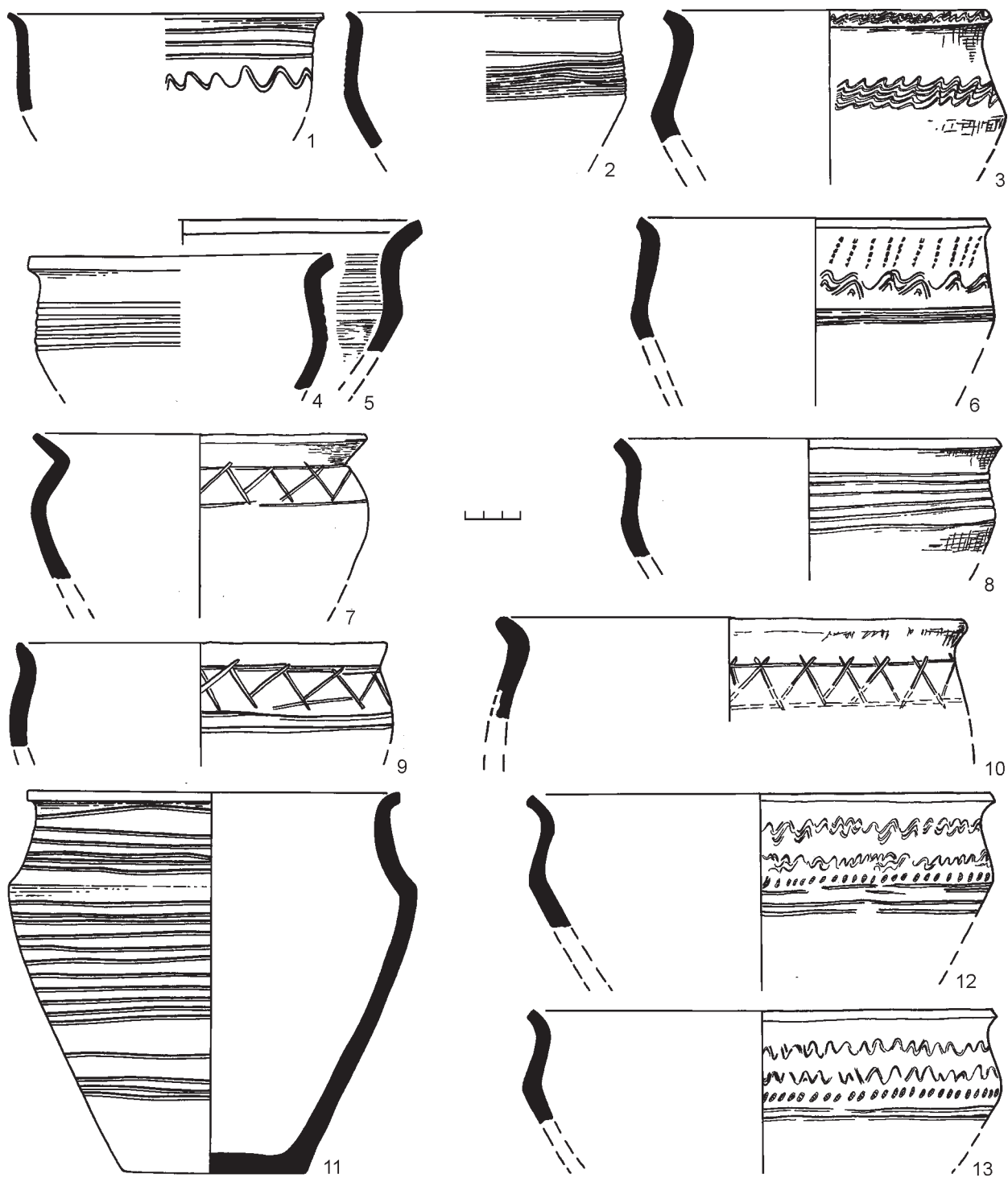

Рис. 9. 1–6, 8, 12, 13 — торновско-менкендорфские гибридные формы; 7, 9, 10 — реплика менкендорфского типа; 11 — реплика торновского типа.

1, 2, 4, 5 — Городок на Ловати; 3, 6, 8 — Старая Ладога; 7, 9, 10, 12, 13 — Новгород; 11 — Рюриково городище

Fig. 9. 1–6, 8, 12, 13 — Tornow-Menkendorf hybrid forms; 7, 9, 10 — replica of the Menkendorf type; 11 — replica of the Tornow type.

1, 2, 4, 5 — Gorodok-on-Lovat; 3, 6, 8 — Staraya Ladoga; 7, 9, 10, 12, 13 — Novgorod; 11 — Ryurik Gorodishche

группу выделены изделия, представляющие собой подражания сосудам фрезендорфского типа как «классического» облика, украшенного псевдоваликовой орнаментацией (рис. 7, 7, 9; 10, 6; Рюриково городище, Новгород), так и горшков, имеющих только бедный линейный декор (рис. 7, 3, 5, 6; Городок на Ловати, городище Княжая гора на Валдае). В эту же группу входят и возникшие на Северо-Западе Руси сосуды гибридных форм, сочетающие во внешнем виде черты «классического Фрезендорфа» с валиками и Менкендорфа второй группы по Э. Шульдту. Такая керамика представлена в коллекциях Новгорода, Рюрикова городища, Пскова, Городка на Ловати, а также в могильниках Боково и Деревяницы (рис. 7, 10–14; 10, 4, 5). **В четвертую группу** собраны изделия местного производства, найденные в Новгороде, в отношении которых можно лишь предполагать возможное влияние сосудов менкендорфского типа. По своему технологическому уровню они соответствуют группе сосудов с «путаной» волной, но представляют собой реплику, еще более отдаленную от исходных образцов, чем сосуды мастеров Старой Ладogi и Рюрикова городища (рис. 9, 7, 9, 10).

Последний, **третий уровень** влияния западнославянского гончарного производства прослеживается на примере возникновения на рубеже X–XI вв. двух новгородских групп горшков — III и V (*Носов и др.*, 2005. С. 286, табл. 114; 288, табл. 116). Возникновение этих групп было спровоцировано формами из первого и второго уровней. Изделия сохранили лишь некоторую часть типологических признаков западнославянской посуды или в пропорциях, или в приемах орнаментации, но при этом имели более усложненную профилировку в своей верхней части. Если группа III, состоящая из сосудов с вертикальным горлом, украшенных многоваликовой орнаментацией в сочетании с наколами и штампами и линейно-волнистым орнаментом (рис. 10, 7, 8), несомнен-

ния, так как такие формы возникли уже на исходной западнославянской территории. На многих памятниках северного пограничья ареала торновского типа эта посуда сопровождается менкендорфскими сосудами, что и привело к возникновению в этом регионе нескольких вариантов таких гибридных форм. В материалах Городка на Ловати и Старой Ладogi есть сосуды, наиболее точно воспроизводящие торновско-менкендорфские гибридные формы западнославянского происхождения (рис. 9, 1, 2, 6). Однако гораздо чаще такие гибридные формы представлены в искаженном виде (рис. 9, 3, 4, 5, 8, 12, 13), и тогда речь может идти только о втором уровне влияния.

но, связана с гибридными фрезендорфскими формами местных мастеров, то группа V, объединяющая горшки S-видной профилировки, украшенные валиками, штампами и линейно-волнистым узором (рис. 11, 3, 4), восходит к гросс-раденским прототипам. Линия развития горшков групп III и V по новгородской типологии керамики от исходных западнославянских форм через местные гибридные формы представлена на рис. 10 и рис. 11. В отличие от единичных сосудов, отнесенных к первому и второму уровням, этим двум группам принадлежит вполне ощутимая доля в керамическом материале. Так в Новгороде она составляет до 10–11 %. Достаточно часто встречаются эти формы и в материалах Пскова. Сосуды с вертикальным венчиком, пышно украшенные валиками, штампами и линейно-волнистой орнаментацией, получили широкое распространение на памятниках Северо-Западной Руси и приобрели роль хронологического индикатора конца X—первой половины XI в. В более позднее время орнаментация изделий с такой формой становится более скромной.

Если появление первых трех групп керамики на территории Северной Руси, очевидно, можно связать с торговой активностью скандинавов, то за распространением начиная с рубежа X в. в этом регионе западнославянских круговых сосудов стоят, по-видимому, не столько экономические, сколько социально-политические причины. Данный процесс, возможно, являлся результатом социально-политического катаклизма, который нарушил начиная с середины IX в. функционирование больших городищ в районах Мекленбурга и Бранденбурга. Разорение и вытеснение с исконных территорий их обитателей привело в течение второй половины этого столетия к переселению какой-то части ремесленников, носителей высокотехнологичного процесса изготовления посуды фельдбергского типа, в достаточно удаленные центры, расположенные на торговых магистралях, ведущих далеко на восток.⁸ В X в. рост раннегородских центров Северо-Запада Древней Руси стимулировал развитие местного ремесленного керамического производства, которое с самого своего начала попало в сферу влияния не только западнославянских мастеров, но и гончаров из южных регионов Восточной Европы (*Горюнова,*

⁸ Фельдбергские формы зафиксированы в Гнездилово под Суздаlem в районе Поволжья в комплексе до 30-х гг. X в. Там же, в комплексах этого столетия, отмечено присутствие менкендорфских сосудов (*Горюнова, Лапшин,* 2004. С. 68–69).

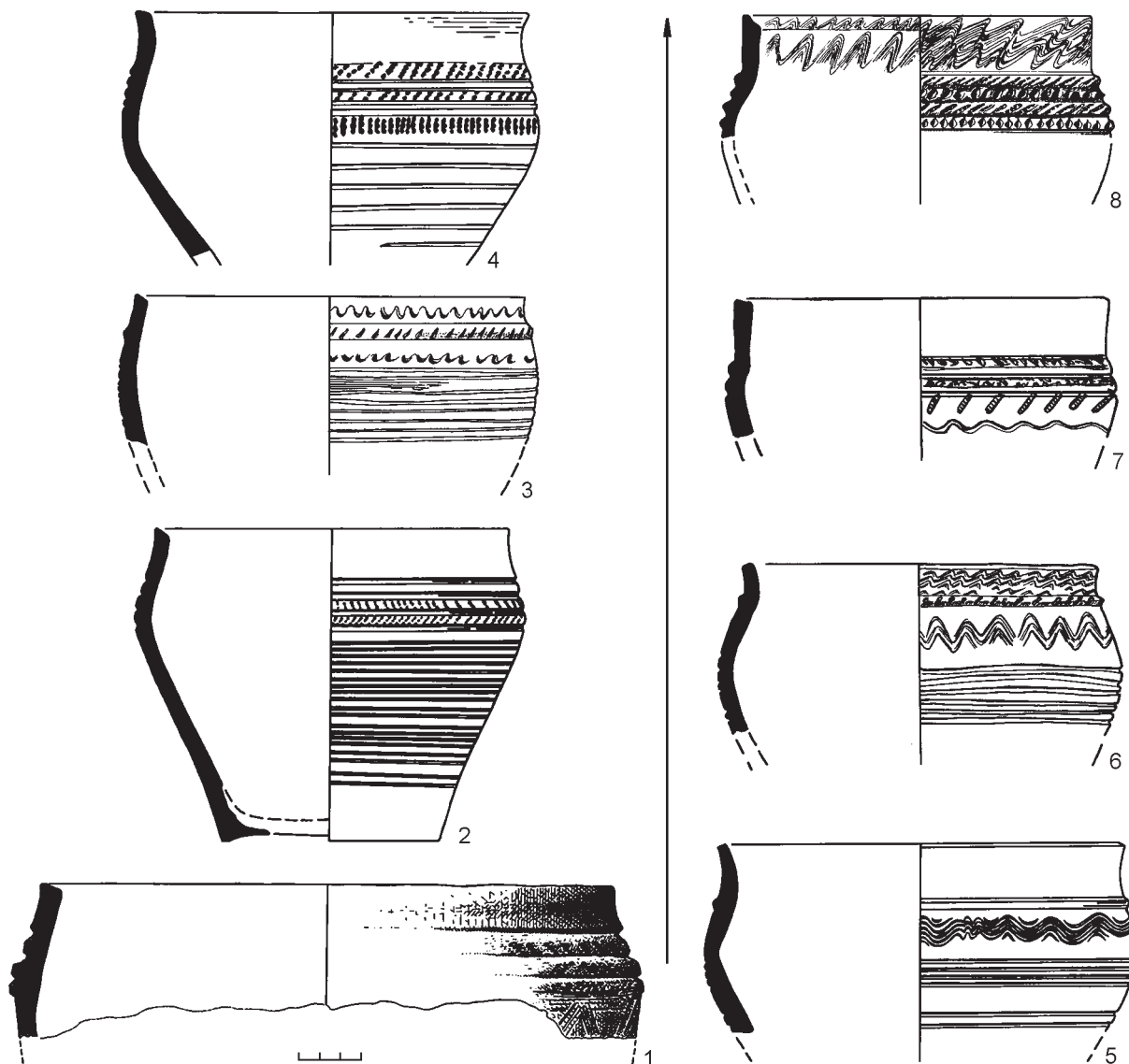

Рис. 10. Линия развития сосудов группы III по новгородской типологии:

1, 2, 3 — Фрезендорф по Э. Шульдту; 4, 5 — фрезендорфско-менкендорфские гибриды; 6 — местное подражание Фрезендорфу; 7, 8 — группа III.

1 — Северная Германия; 2 — могильник Боково, курган № 1 (Валдай); 3, 5–8 — Новгород; 4 — могильник Деревяницы под Новгородом

Fig. 10. Line of the development of pottery of group III according to Novgorod typology:

1, 2, 3 — Fresendorf according to E. Schuldt; 4, 5 — Fresendorf-Menkendorf hybrids; 6 — local imitation of Fresendorf; 7, 8 — group III.

1 — Northern Germany; 2 — cemetery of Bokovo, kurgan 1 (Valday); 3, 5–8 — Novgorod; 4 — cemetery of Derevyannitsy near Novgorod

20076. С. 226). Однако на первых порах — в первой половине—сердине X в., судя по регулярному поступлению на территорию Новгородской земли посуды различных западнославянских типологических форм, более интенсивным было воздействие именно южнобалтийских традиций. Подражая привозным изделиям, местные гончары первоначально создают сосуды, в разной степени близкие оригиналам, от удачных реплик до

весьма отдаленных имитаций, а затем вырабатывают, не исключено, что с участием приезжих мастеров, две новые севернорусские формы горшков (III и V, по новгородской номенклатуре), которые только генетически связаны с западнославянской посудой. В конце X—первой половине XI в. они получили заметное место в керамическом комплексе Новгорода и Пскова, а позднее и остальных памятников Северной Руси.

Следует остановиться и на пространственном распределении посуды, имеющей балтийские аналогии, по территории Северо-Запада России. Практически все известные нам находки происходят с памятников, лежащих на ключевых отрезках раннесредневековых трансевропейских торговых путей, связывающих народы Балтики с Византией и странами арабского Востока (рис. 12). Наибольшее их количество и наибольшее разнообразие самых ранних форм отмечено в низовьях Волхова, в устье р. Ладожки, где в середине VIII в. возникло торгово-ремесленное поселение, ставшее на несколько столетий главными «воротами», через которые по «Восточному пути» шли военные отряды, посольские и торговые караваны. В Старой Ладоге они останавливались, происходила пересадка путешествующих с больших морских судов на небольшие лодки или сани для преодоления бескрайних просторов Восточной Европы. Здесь происходил обмен между местными и приезжими купцами, ремонтировались и строились новые корабли. Но, даже несмотря на ключевое положение Староладожского поселения на международных торговых путях, число обломков импортных изделий в его керамическом комплексе очень незначительно,⁹ как, впрочем, и на других раннесредневековых славянских памятниках Балтийского региона (Bäck, 1995. Fig. 5). Очевидно, такая картина объясняется тем, что отмеченные керамические изделия не являлись предметами дальней торговли. Они прибывали в Приладожье среди прочего личного имущества воинов-торговцев. Лишь немногие сосуды в силу их не очень большой прочности могли выдержать дальнейшее тяжелое путешествие по порожистым речным путям Восточной Европы, поэтому большинство изделий с памятников Верхнего Поволжья и Приильменя, имеющих аналогии в древностях балтийских народов, вероятно, было изготовлено представителями этих этносов уже на месте, на поселениях Северной Руси. При этом только западнославянским мастерам удалось оказать существенное влияние на гончарное производство Новгородской земли.

Внедрению в местную восточнославянскую материальную культуру различных западнославянских керамических традиций способствовал не только более высокий технологический уровень

⁹ Аналогичная ситуация наблюдается и в средневековых материалах Новгорода и Пскова. Импортная западноевропейская посуда составляет мизерную долю от всего керамического корпуса этих городов (Брисбейн и др., 1999. С. 76; Кильдюшевский, 2002. С. 27, 28).

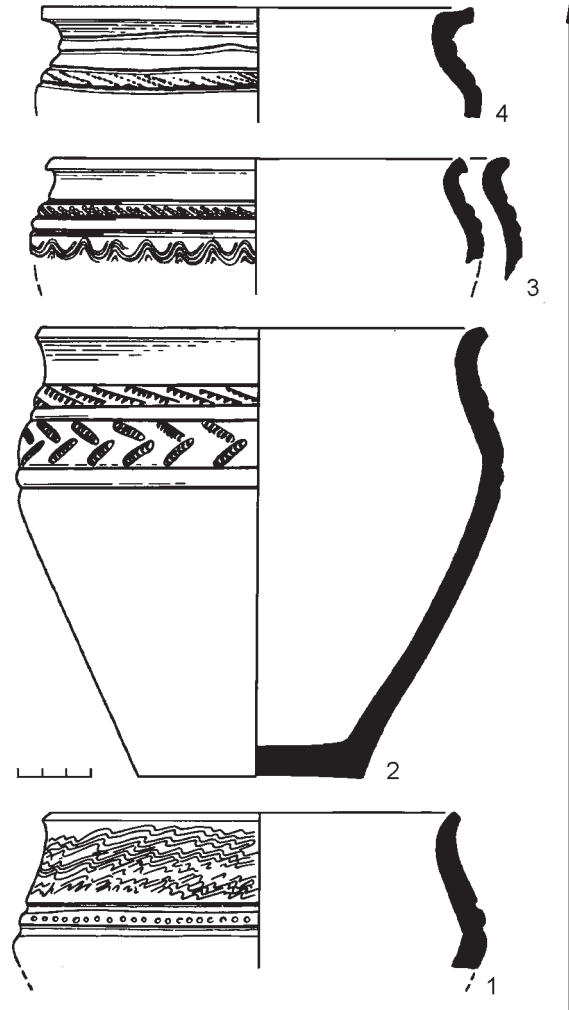

Рис. 11. Линия развития сосудов группы V по новгородской типологии:
1 — исходная гросс-раденская форма; 2 — подражание гросс-раденскому образцу; 3, 4 — группа V.
1 — Рюриково городище; 2 — Псков, грунтовое погребение № 31; 3–4 — Новгород

Fig. 11. Line of the development of pottery of group V on the Novgorod typology:

1 — original Gross-Raden type; 2 — imitation of a Gross-Raden example; 3, 4 — group V.

1 — Rurik Gorodishche; 2 — Pskov; burial ground, burial No 31; 3, 4 — Novgorod

южнобалтийских мастеров, но и схожесть в структуре керамического комплекса у славян разных регионов. Характерной чертой керамического набора средневековых памятников Новгородской земли вплоть до позднего средневековья является абсолютное доминирование в нем незамысловатых кухонных горшков. Другие формы сосудов немногочисленны и представлены незначительным количеством экземпляров.¹⁰ Прежде всего, сложение такого комплекса керамических изделий

¹⁰ Так в средневековом Пскове горшки составляют до 95 % от всей керамической коллекции (Кильдюшевский, 2002. С. 10).

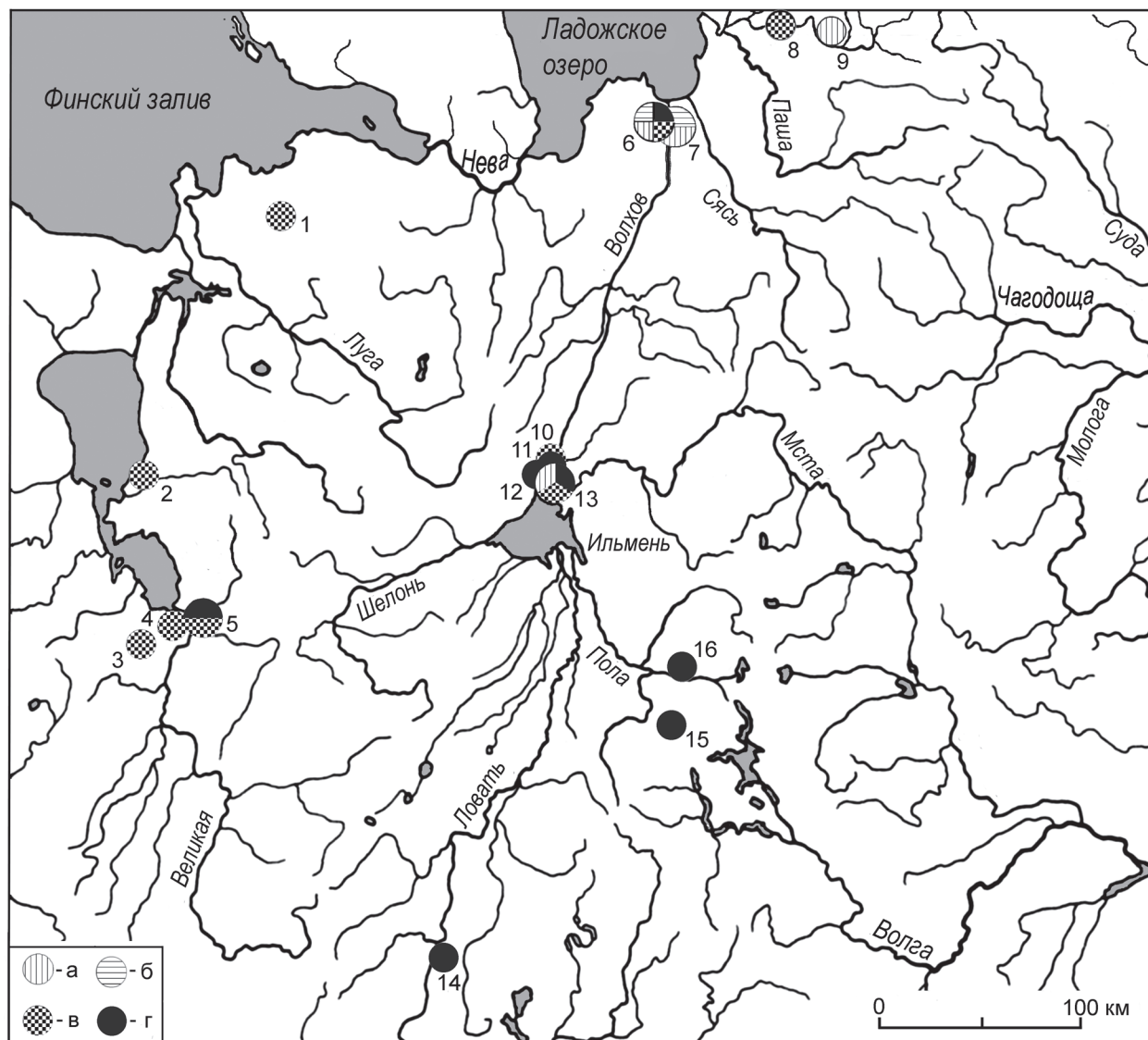

Рис. 12. Распространение на территории Северо-Запада России керамики, происхождение которой связано с народами Балтики:

а — скандинавская; *б* — типа Татинг; *в* — прибалтийско-финская; *г* — западнославянская.

1 — Ратчино; 2 — Залахтовые; 3 — Камно; 4 — Изборск; 5 — Псков; 6 — Старая Ладога; 7 — Плакун; 8 — Шангеничи-село; 9 — Гайгово; 10 — Холопий городок; 11 — Деревяницы; 12 — Новгород; 13 — Рюриково городище; 14 — Городок на Ловати; 15 — Боково; 16 — Княжая гора.

Fig. 12. Distribution of pottery related with peoples of the Baltics throughout North-W estern Russia:

a — Scandinavian; *b* — Tating type; *v* — Baltic-Finnic; *g* — West-Slavic.

1 — Ratchino; 2 — Zalakhtovye; 3 — Kamno; 4 — Izborsk; 5 — Pskov; 6 — Staraya Ladoga; 7 — Plakun; 8 — Shangenichi-selo; 9 — Gaygovo; 10 — Kholopiy Gorodok; 11 — Derevyanitsy; 12 — Novgorod; 13 — Rurik Gorodishche; 14 — Gorodok-on-Lovat; 15 — Bokovo; 16 — Knyazhaya Gora.

связано с широким использованием населением Северной Руси, как и народами других частей славянского мира, большого количества разнообразной деревянной посуды как для приготовления и хранения пищи, подачи ее на стол, так и для иных разнообразных хозяйственных надобностей. При этом новгородцы с их «деревянной культурой» на протяжении всего средневековья не были расположены к использованию чуждой для них керами-

ческой столовой посуды. В этих условиях финские высококачественные столовые сосуды и изделия типа Татинг, как, впрочем, и примитивные скандинавские горшки, не имели перспективы стать образцами для подражания у местных гончаров.¹¹

¹¹ Следует учитывать и факт сильного технико-технологического различия в раннесредневековом керамическом производстве между новгородскими гончарами, с

Судя по незначительному числу, а также определенной связи такой посуды в Старой Ладогe с постоянными дворами для купеческих артелей, она, по-видимому, привозилась или изготавливалась на месте приезжавшими на Русь участниками торговых экспедиций исключительно для собственных нужд.

В заключение следует отметить наличие в древностях Северной Европы керамических материалов, свидетельствующих о контактах скандинавов с населением Новгородской земли. Знакомство с фондами Государственного исторического музея в Стокгольме, а также Аландского музея в Марианхаме показало, что среди инвентаря погребений Центральной Швеции и Аландских островов имеется некоторое количество сосудов, которые по профилировке, формовочной массе можно сопоставить с посудой так называемого «ладожского типа»¹² (Плохов, 2002). Этот тип, доминирующий в конце I тыс. н. э. на памятниках Поволжья и северного Приильменья, объединяет изделия с четко выраженным изломом, часто ребром, расположенным на месте перехода от плечика к конически сужающейся нижней части тулова (Носов и др., 2005. С. 76, 77). В Скандинавии наибольшее число таких изделий — 12 было найдено в некрополе Бирки, в погребениях Bj2; Bj11a и c; Bj42; Bj103; Bj123; Bj131; Bj381; Bj533; Bj779; Bj894c (рис. 13; 14, 4–7).¹³ Обломки еще 6 горшков, близких керамике «ладожского типа» (рис. 14, 1–3), имеются среди материалов поселения Бирки, так называемой «Черной земли» — мощного культурного слоя внутри городского вала (раскопки 1870-х гг. Х. Столпе и 1990–1995 гг. Б. Амбросиани). Один «ребристый» горшок найден в кургане № 6 могильника Stora Dalby на соседнем с Биркой острове Адельсё (рис. 14, 9). Два сосуда «ладожского типа» были обнаружены при раскопках могильников 116 (курган № 30, погребение В) и 118 (курган № 42) на острове Хельгё (рис. 15, 1, 2), который расположен в 10 км к востоку от Бирки. Из могильника Тагу прихода Knivsta, Упланд происходят обломки еще двух, извест-

одной стороны, и ремесленниками Восточной Прибалтики и Каролингской империи — с другой.

¹² Благодарим за помощь и содействие в организации нашей работы в фондах музеев профессора И. Янссон, М. Карлссон и Я.-Е. Томтлунда.

¹³ В своем фундаментальном труде Д. Селлинг отнесла эти сосуды в группу А IV, состоящую из посуды, которая, по ее мнению, являлась продуктом местного производства (Selling, 1955. Taf. 45, 4–8; 55, 3, 6).

ных нам «ребристых» сосудов (рис. 14, 8, 10). Почти все отмеченные нами погребения представляют трупосожжения (урновые и безурновые) и датируются ранним и средним этапом эпохи викингов (вторая половина VIII—конец X вв.).

Три лепных сосуда, близкие посуде Северного Приильменья и Поволжья, имеются в древностях эпохи викингов Аландских островов. Они происходят из могильников Johannisberg, Knösbuskarna и Västergårds Söderåker,¹⁴ которые расположены в разных частях острова Аланд (рис. 15, 3–5). Еще один горшок, происходящий из могильника Långängsbacken, близок по профилировке верхней части к рассматриваемым нами сосудам, но несколько отличается от «ладожских» по своим пропорциям (рис. 15, 6). Все погребения представляют собой трупосожжения и могут быть по инвентарю отнесены к IX–X вв.

Важным представляется и то, что лепные сосуды, имеющие аналогии в материалах Приильменья и Поволжья, найдены исключительно в Бирке, старейшем и крупнейшем торговом и ремесленном центре Швеции эпохи викингов, и его ближайшей округе, а также на Аландах, являющихся промежуточным пунктом морского пути, связывающего Северную Европу и Русь. Эта примитивная кухонная посуда являлась продуктом домашнего производства, а не специализированного ремесла. Она предназначалась для удовлетворения внутренних потребностей общины, а не была предметом торговли. Хрупкость лепных горшков вряд ли позволяла перевозить их на дальние расстояния, поэтому, скорее всего, посуда «ладожского типа» была изготовлена на месте людьми, приехавшими из Северной Руси.¹⁵ Тесные контакты этого региона с Центральной Швецией подтверждаются и присутствием на поселениях и в могильнике (Bj612, Bj617) Бирки несколь-

¹⁴ Следует упомянуть, что в кургане могильника Västergårds Söderåker кроме горшка «ладожского типа», заклепок, гребня, бубенчика и глиняной лапы была также найдена костяная копоушка — предмет, характерный для древностей поволжских и прикамских финнов.

¹⁵ Кем были эти мастерицы, а по этнографическим данным изготовлением лепной керамики у восточных славян, как и других народов, почти повсеместно занимались женщины, можно лишь в некоторых конкретных случаях высказать более или менее правдоподобные предположения. Возможно, они являлись восточнославянскими рабынями викингов или участницами купеческих артелей, приехавших из Новгородской земли. Нельзя исключать, что некоторые сосуды были вылеплены скандинавками как подражание привозным образцам.

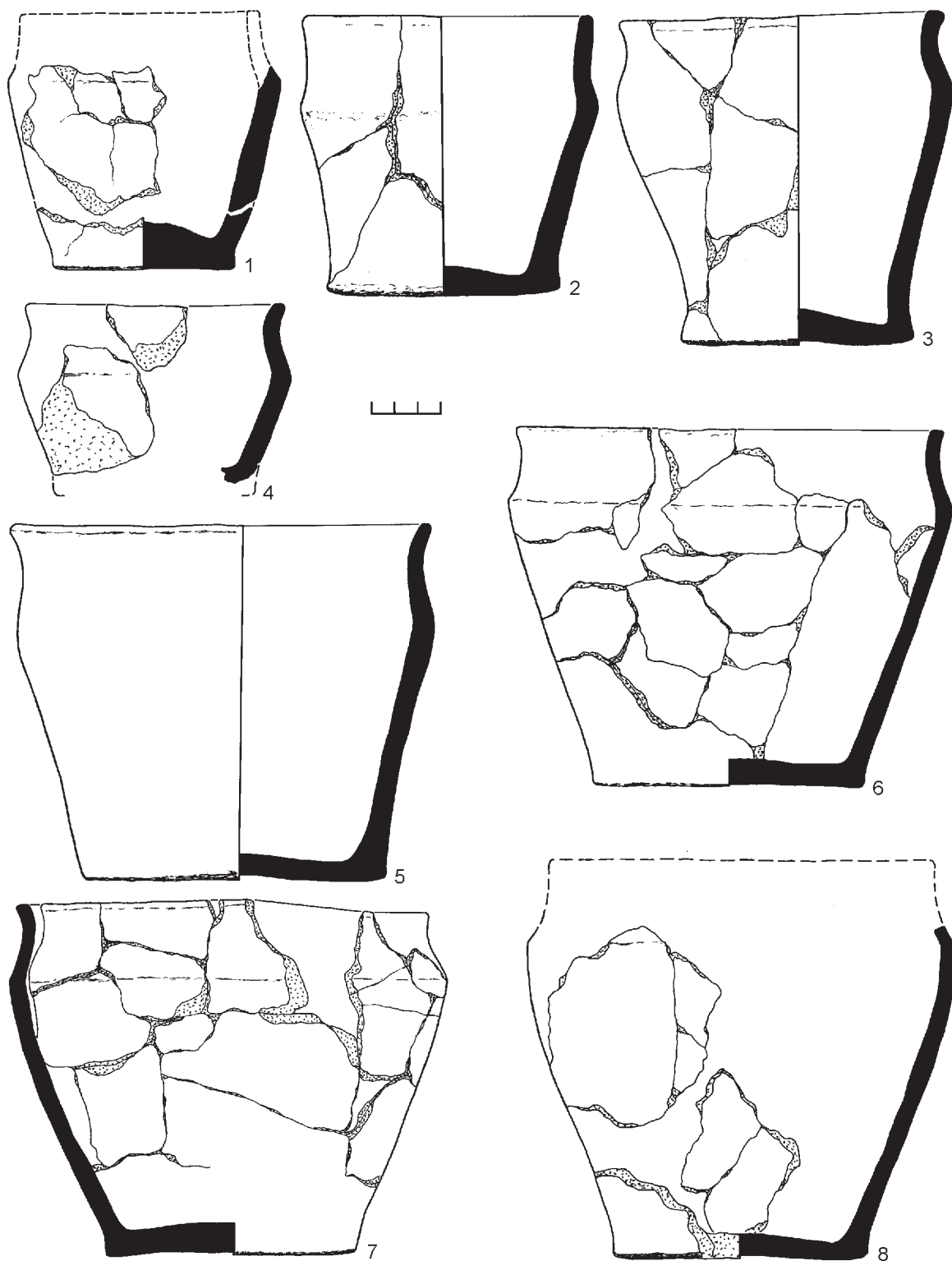

Рис. 13. Керамика «ладожского типа» из погребений могильника Бирки:
 1 — Bj2; 2 — Bj381; 3 — Bj11c; 4 — Bj11a; 5 — Bj103; 6 — Bj131; 7 — Bj123; 8 — Bj533

Fig. 13. Pottery of the «Ladoga type» from burials of the cemetery of Birka:
 1 — Bj2; 2 — Bj381; 3 — Bj11c; 4 — Bj11a; 5 — Bj103; 6 — Bj131; 7 — Bj123; 8 — Bj533

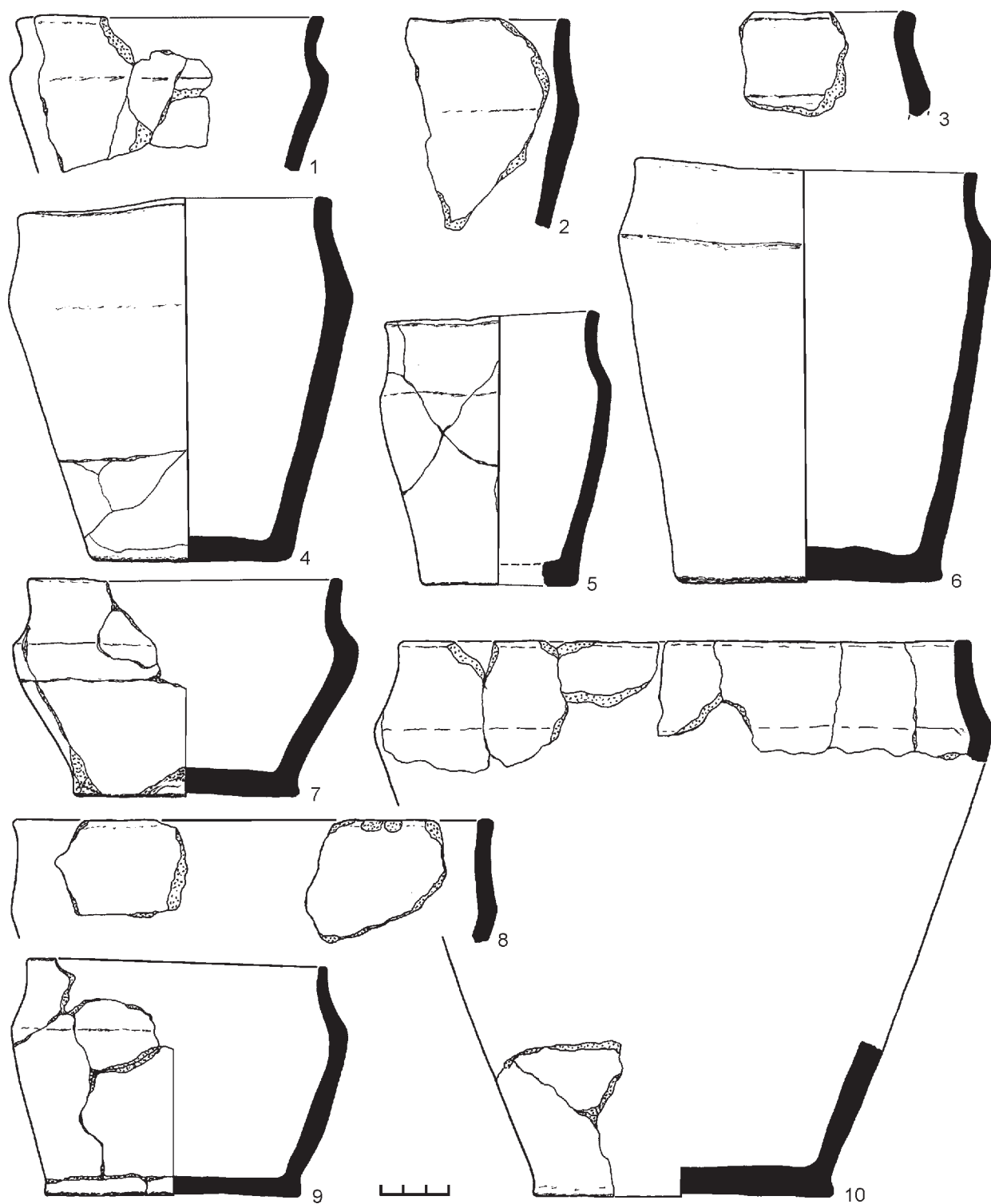

Рис. 14. Керамика «ладожского типа» в древностях Центральной Швеции:

1–3 — поселение «Черная земля»; погребения: 4 — Bj779; 5, 6 — Bj894; 7 — Bj42 на о. Бьёрко; 8, 10 — могильник Тэри прихода Книвста, 9 — могильник Стора Дэлби, Адельсё

Fig. 14. Pottery of the «Ladoga type» in antiquities of the Central Sweden:

1–3 — settlement «Black Earth» on Björkö Island; burials: 4 — Bj779; 5, 6 — Bj894; 7 — Bj42 on Björkö Island; 8, 10 — cemetery of Tagu in Knivsta parish; 9 — cemetery of Stora Dalby, Adelsö

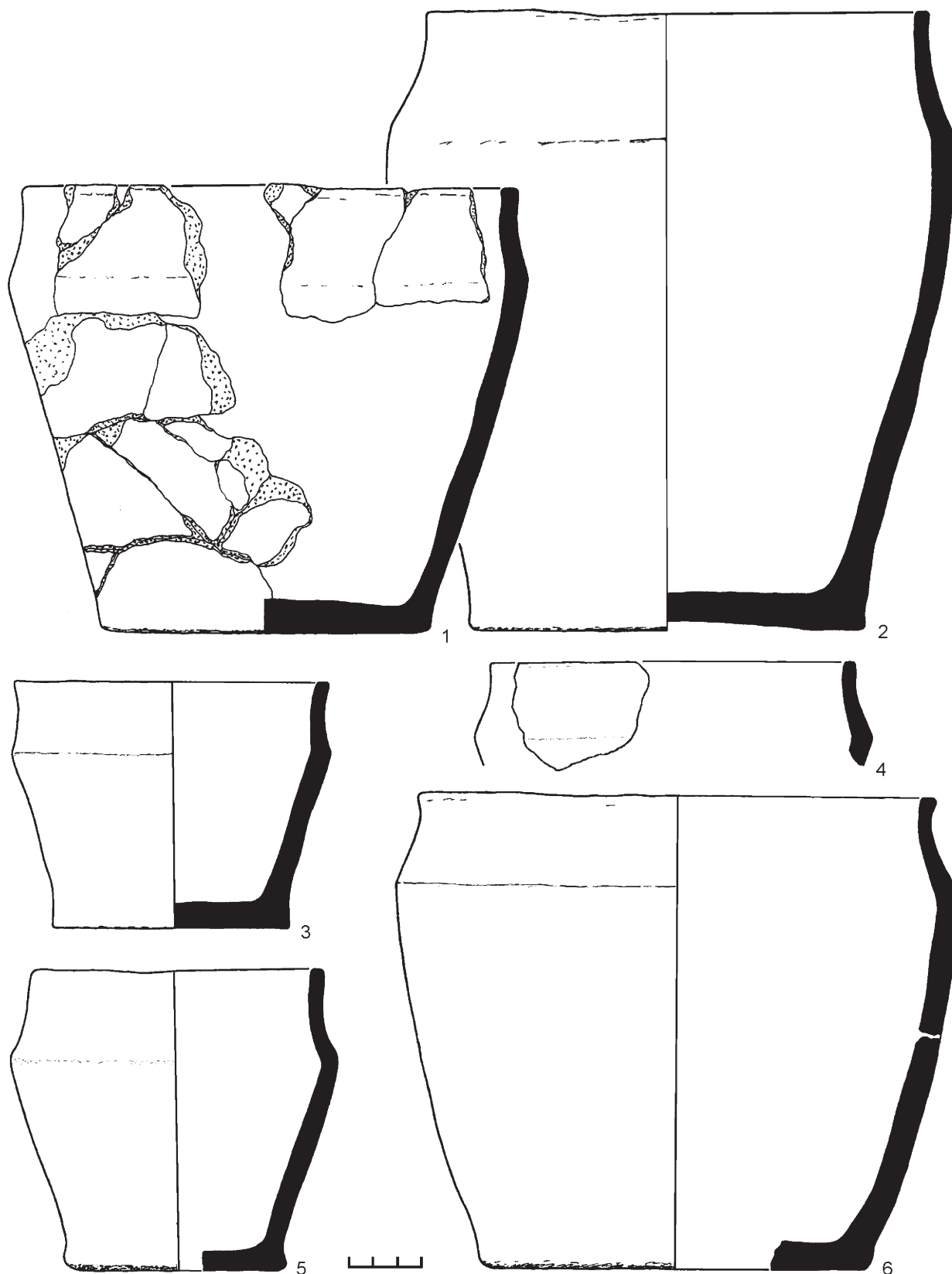

Рис. 15. Керамика «ладожского типа»:

1, 2 — погребения на о. Хельгё; 3 — могильник Кнёсбускарна; 4 — могильник Юханнисберг; 5 — могильник Вастергодс Сёдерокс; 6 — могильник Лангангсбэкен на о. Аланд

Fig. 15. Pottery of the «Ladoga type»:

1, 2 — burials on Helgö Island; 3 — cemetery of Knösbuskarna; 4 — cemetery of Johannisberg; 5 — cemetery of Västergårds Södereker; 6 — cemetery of Långängsbacken on Åland Island

ких экземпляров раннегончарных сосудов, украшенных «путаной» волной (рис. 5, 1, 7, 14, 15), происхождение которых связано с керамическим производством Старой Ладogi или Рюрикова городища (Горюнова, 2007б. С. 230–235).

В целом, следует сказать, что, несмотря на малочисленность керамических свидетельств, они являются весьма важным материалом при изучении контактов населения Приильменя и Поволховья с народами, заселявшими берега Балтийского моря.

Брисбейн и др., 1999 — *Брисбейн М., Геймстер Д., Ортон К.* Новгородская керамика. Некоторые предварительные результаты исследования // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Материалы науч. конф. (Новгород, 26–28 января 1999). Новгород, 1999. Вып. 13.

Горюнова, 2007а — *Горюнова В. М.* Роль западнославянского элемента в формировании раннегончарного комплекса Северо-Западной Руси // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007.

Горюнова, 2007б — *Горюнова В. М.* О возникновении раннегончарного производства в Северо-Западной Руси // У истоков русской государственности: К 30-летию археологического исследования Новгородского Рюрикова городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Историко-археологический сборник: Материалы междунар. науч. конф. «У истоков русской государственности» (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород) / Ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб., 2007.

Горюнова, Лапшин, 2004 — *Горюнова В. М., Лапшин В. А.* О появлении раннекруговой керамики в Северо-Восточной Руси // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. статей памяти проф. И. В. Дубова. СПб., 2004.

Давидан, 1968 — *Давидан О. И.* К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1968. Вып. 10.

Кильдюшевский, 2002 — *Кильдюшевский В. И.* Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладoga и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.

Корзухина, 1971 — *Корзухина Г. Ф.* Курган в урочище Плакун близ Ладogi // Памятники славяно-русской археологии. М., 1971 (КСИА. Вып. 125).

Михайлов, 1996 — *Михайлов К. А.* Южноскандинавские черты в погребальном обряде плакунского могильника // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. (Новгород, 23–25 января 1996). Новгород, 1996. Вып. 10.

Назаренко, 1985 — *Назаренко В. А.* Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладoga. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.

Носов и др., 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения северного Приильменя. СПб., 2005.

Плохов, 2002 — *Плохов А. В.* Керамика «ладожского» типа в Скандинавии // У истоков Новгородской земли: Сб. ст. / Отв. ред. В. Л. Янин. Любытино, 2002 (Любытинский археологический сборник. Вып. 1).

Плохов, 2007 — *Плохов А. В.* О связи нижнего Поволховья с Западной Европой по керамическим материалам // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007.

Плохов, 2010 — *Плохов А. В.* Контакты населения Старой Ладogi с финно-угорскими племенами в VIII–X вв. (по керамическим материалам) // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. Т. 2.

Сениченкова, 1998 — *Сениченкова Т. Б.* Об одном типе керамики из Старой Ладogi // Ладoga и эпоха викингов: Четвертые чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладoga, 21–23 декабря 1998 г.): Материалы к чтениям. СПб., 1998.

Спиридонов, 1986 — *Спиридонов А. М.* Лепная керамика из курганов юго-восточного Приладожья // Славяно-русские древности. М., 1986 (КСИА. Вып. 187).

Шаскольский, 1954 — *Шаскольский И. П.* Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX–XIII вв. // Географический сборник. М.; Л., 1954. Вып. 3.

Bäck, 1995 — *Bäck M.* Importkeramiken i Birka // *Meta*. Lund, 1995. No 1.

Brorsson, 1999 — *Brorsson T.* Keramik // *Trelleborgen i Trelleborg: Förhistoriska boplatsslämningar och graver, vikingatida ringborg och medeltida bebyggelslämningar: Skåne, Trelleborg, kv Gröningen, kv Kråkvinkeln, Bryggaregatan och Svenstorpögatan / V. Jacobsson (ed.).* Lund, 1999 (Riksantikvarieämbetet: Arkeologiska undersökningar: UV Syd Rapport 1999).

Brorsson, 2001 — *Brorsson T.* Behind the pottery — signs of trade across the Baltic Sea // *Nogorod: Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland.* London, 2001 (British Museum Occasional Paper. 141).

Hansson, 1983 — *Hansson P.* Jägarbacken (Borrbacken) ett gravfält från yngre järnålder. Örebro, 1983.

Hodges, 1981 — *Hodges R.* The Hamwih pottery: the local and imported wares from 30 yearsTM excavations at Middle Saxon Southampton and their European context. Southampton Archaeological Research Committee. Report 2. The Council for British Archaeology. Research Report 37. London, 1981.

Hulthén, Brorsson, 2007 — *Hulthén B., Brorsson T.* Viking Age and early Medieval pottery in Western Russia // *Arch äologisches Korrespondenzblatt.* Regensburg, 2007. Vol. 37. Hf. 4.

Hurst, Hodges, 1976 — *Hurst J. G., Hodges R.* A Tating-type ware sherd from Wharram Rercy, North Yorkshire // *The Antiquaries Journal.* Oxford, 1976. Vol. 56.

Janssen, 1987 — *Janssen W.* Die Importkeramik von Haithabu. Neumünster, 1987 (Die Ausgrabungen von Haithabu. Bd 9).

Meyer-Rodrigues, 1993 — *Meyer-Rodrigues N.* Tessons de céramique dite «de Tating» découverts a Saint-Denis // *La céramique du Vme au Xme siècle dans l'Europe du nord-Ouest: Actes du colloque d'outreau (10–12 avril 1992) / Ed. D. Piton.* Saint-Josse-sur-Mer. Travaux du groupe de recherches et d'essur la céramique dans le Nord — Pas-de-Calais; Nord-Ouest Archéologie. Numéro hors-série. Arras, 1993.

- Ohlsson*, 1976 — *Ohlsson T.* The Löddeköpinge Investigation: I: The Settlement at Vikhögsågen // Meddelanden från Lunds universitets historiska museum 1975–1976. Lund, 1976 (Papers of the Archaeological Institute; University of Lund 1975–1976. New Series, Vol. 1).
- Redknap*, 1999 — *Redknap M.* Die römischen und mittelalterlichen Töpfereien in Ma y en, Kreis Ma y en-Koblenz // Berichte zur Archäologie an Mittelrhein und Mosel. Bd 6 / Hrsg. v on Hans-Helmut W egner. Trier, 1999 (Trierer Zeitschrift für Geschichte und Kunst des Trierer Landes und seiner Nachbargebiete, Beih. 24).
- Ring, Wieczorek*, 1979 — *Ring E., Wieczorek A.* Tatinger Kannen aus Mainz // Archäologisches korrespondenzblatt. Mainz, 1979. № 9.
- Selling*, 1955 — *Selling D.* Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955.
- Stilke*, 2001 — *Stilke H.* Tatinger Ware // Handbuch zur mittelalterlichen Keramik in Nordeuropa. Neumünster, 2001 (Schriften des Archäologischen Landesmuseums. 6).
- Stilke et al.*, 1996 — *Stilke H., Heih A., Mommsen H.* Results of Neutron Activation Analysis on T ating Ware and the Ma y en Industry // Medieval Ceramics. 1996. Vol. 20.
- Wamser*, 1999 — *Wamser E.* Zu einer T ating Kanne und ausgewählten Kleinfunden aus Karburg am Main // Dedicato: H. Dannheimer zum 70. Geburtstag. München, 1999 (Kataloge der Prähistorischen Staatssammlung. Beih. 5).

Contacts of the Populace of the Volkhov and Ilmen Areas with Peoples of the Baltic Region in the 9th — 10th Centuries (evidence of pottery)

V. M. Goryunova, A. V. Plokhov

In the ceramic collections yielded by ancient sites at Lake Ilmen and the Volkhov River, four groups of artefacts are identifiable suggesting links between this region and the territories along the Baltic Sea. These groups are constituted by Scandinavian (Fig. 1, 1–6), Baltic-Finnic (Fig. 1, 7–15; 2) and West-Slavic (Fig. 5–9) pottery, as well as by ware of the so-called Tating type (Fig. 4).

Practically all the known finds of this pottery come from the sites in North-Western Russia ranged throughout the key segments of the early medieval trans-European trade routes which connected people of the Baltic region with Byzantium and countries of the Arabic East (Fig. 12).

The most numerous and diverse among the early forms have been found in the cultural level of Staraya Ladoga, however, even in the latter, the number of fragments of imported ware is very small. Judging by the insignificant quantity, as well as by the supposed links of the Finnic and Tating pottery in Staraya Ladoga with «victualling-houses» of merchant artels here, this ware, similarly to the Scandinavian products, was imported or manufactured at the site by participants of trade expeditions visiting Rus — exclusively for their own needs. Only West-Slavic potters succeeded in influen-

cing essentially the pottery-making of the Novgorod Land. That influence was favoured not only by the high technological skills of the South-Baltic artisans but also by the homogeneity of the ceramic complex among the Slavs of different regions. Using the imported West-Slavic articles, local potters first started to manufacture vessels similar to the originals, varying to some extent from exact replicas to very remote imitations. Afterwards, however, they introduced, perhaps with the participation of foreign craftsmen, two new North-Russian forms of pots (types III and V according to the Novgorod classification), which only genetically were tied with the ware of the Baltic maritime zone (Fig. 10, 11). In the late 10th and first half of the 11th century, these forms became markedly established among the ceramic complex of Novgorod and Pskov, and later, moreover, at other sites of northern Rus.

The close contacts between the populations of the Ilmen and Volkhov regions with Scandinavia are additionally confirmed by the presence of some amounts of certain handmade (Fig. 13–15) and early wheelmade (Fig. 5, 1, 7, 14, 15) pottery among antiquities from Central Sweden and the Eland islands. The provenance of this ware is related with pottery-making in Northern Rus.

Археология и палеогеография Берингии: новые данные, старые проблемы

Hoffecker J. F., Elias S. A. Human Ecology of Beringia.
New York: Columbia University Press, 2007. 304 p.

Основополагающие труды по археологии палеолита Берингии — обширной суши, существовавшей в плейстоцене и включавшей Северо-Восточную Сибирь, Аляску и верховья бассейна р. Юкон (от Верхоянского хребта на западе до р. Макензи на востоке), вышли в свет в 1970—1980-х гг. (Диков, 1977; 1979; Мочанов, 1977; West, 1981). В 1990—2000-х гг. появился ряд работ, которые дополнили свод памятников финала плейстоцена и начала голоцена российского сектора Берингии (Диков, 1993; Кирьяк, 1993; Воробей, 1996; 1999; Слободин, 1999; Кирьяк (Дикова), 2005; Pitulko et al., 2004); продолжались работы и в американском секторе (см. West, 1996; Bonnicksen, Turnmire, 1999; Васильев, 2004). Анализ концепций археологии палеолита западной (то есть российской) части Берингии дан В. А. Кашиным (Кашин, 2003); по западной части берингийской суши обзор состояния дел сделан М. Р. Бевером (Bever, 2001; 2006) и Р. Е. Акерманом (Ackerman, 2007). Список радиоуглеродных (^{14}C) дат для центральной Аляски (где находится наибольшее количество изученных памятников полуострова) по состоянию на 2007 г. представлен Б. А. Поттером (Potter, 2008). Составлена библиография по палеосреде и археологии Берингии (1950—1993 гг.) (Beaudoin, Rentjes, 1994).

Среди проблем археологии и палеогеографии Берингии в качестве первоочередных могут быть названы: 1) природная среда времени последнего максимального похолодания (20 000—18 000 ^{14}C лет назад, далее — л. н.); 2) древнейшие памятники на западе Берингии — их возраст, тип каменной индустрии и связь с древнейшими стоянками Аляски; 3) время и пути миграции человека из Сибири на Аляску в позднем плейстоцене. От их решения зависит понимание многих важнейших

аспектов мировой археологии; в частности, закономерностей расселения древнего человека на севере Евразии и Америки и его адаптации к природной среде в позднем плейстоцене (см. обзор: Goebel et al., 2008). В данном сообщении представлено обсуждение некоторых из упомянутых проблем.

До недавнего времени не существовало единого монографического исследования на основе новых данных, в котором были бы представлены археология и природная среда обеих частей Берингии; сводка Ф.Х. Веста (West, 1981) явно устарела. Такой работой является недавно вышедшая книга Дж. Ф. Хоффекера и С.А. Элайаса (Hoffecker, Elias, 2007), критический разбор которой составляет основу данной статьи. Широкий географический охват и доисторические связи Азии и Северной Америки делают ее интересной для российских исследователей. Основные хронологические рамки работы — от максимума последнего похолодания (20 000—18 000 л. н.) до 10 000 л. н.; это время носит в палеогеографии название «позднеледниковье». В монографии два основных аспекта: 1) природная среда Берингии 20 000—10 000 л. н.; 2) памятники конца среднего палеолита (мустье) Сибири, стоянки позднего палеолита Северо-Восточной Сибири и палеоиндейские комплексы Аляски и Юкона (ненана, денали и др.; см. Васильев, 2004. С. 98—116; Слободин, 2004). Книга состоит из семи глав, примечаний к ним, списка литературы и указателя. Авторы посвятили свой труд памяти известного американского геолога Дэвида М. Хопкинса (David M. Hopkins; 1921—2001), которого они называли «первым гражданином Берингии». Рассмотрим возникающие при знакомстве с данной работой проблемы и спорные моменты с их расширенным толкованием.

В главе 1 «Введение в Берингию» (с. 1—21; здесь и далее — ссылка на номера страниц монографии)

дается общий обзор природной среды и археологии региона в позднем плейстоцене. Подчеркивается, что берингийская суша, обязанная своим существованием низкому уровню Мирового океана во время глобальных похолоданий, практически отсутствовала во время сравнительно теплого межстадиала 60 000–28 000 л. н. (с. 6–9), была наибольшей по размеру во время максимума последнего похолодания и перестала существовать около 11 000 л. н. (в главе дается калиброванная дата 12 900 календарных лет назад, далее — кал. л. н.; для конвертации дат см.: *Reimer*, 2004. P. 1029–1058, 1225–1238). «Безледный коридор» между Лаврентийским и Кордильерским ледниковыми щитами в Северной Америке, по мнению авторов, был закрыт около 25 000–12 700 л. н. (30 000–15 000 кал. л. н.) (с. 11). Следует отметить, что в книге отсутствует важнейший рисунок — кривая изменения уровня Мирового океана у берегов Берингии в позднем плейстоцене, а даны лишь реконструкции береговой линии в позднеледниковье (с. 10).

Авторы присоединяются к мнению Т. Гобела о вероятном отсутствии стоянок в Сибири севернее 55° с. ш. в период максимально холодного климата 19 500–15 800 л. н. (или 23 000–19 000 кал. л. н.) (с. 9, 17). Точка зрения об «обезлюдении» Сибири около 20 000–16 000 л. н. является явно устаревшей и неверной. Как было неоднократно показано, даже в максимум похолодания (20 000–18 000 л. н.) на юге и в центре Сибири (52–58° с. ш.; возможно, вплоть до 63° с. ш.) сохранялись древние поселения (*Кузьмин и др.*, 2004; *Kuzmin, Keates*, 2005; см. обзор литературы 1990–2000-х гг.: *Kuzmin*, 2008. P. 171–173, 201–207). Однобокость позиции авторов монографии в этом вопросе очевидна, несмотря на то что упомянутые выше работы им известны (см. примечание № 9 к главе 1, с. 230). Неясно также, почему в качестве границы обитания в максимум похолодания выбрана параллель 55° с. ш. — какой природный или культурный рубеж она характеризует?

Спорным является утверждение о том, что неспособность древних людей «удержаться» в Сибири 19 400–16 800 л. н. (23 000–20 000 кал. л. н.) была связана с их ограниченными технологическими возможностями (с. 18). Вероятно, имеется в виду неспособность к производству эффективных орудий охоты и одежды (см. примечание № 13 к главе 1, с. 230). Однако хорошо известно, что данный отрезок времени отвечает средней поре верхнего палеолита, когда технология изготовления каменных орудий была достаточно развитой (см., например: *Vasil'ev*, 2000). Что касается

возможности изготовления меховой одежды, то она уже существовала у обитателей Сибири как минимум 24 000 л. н., о чем свидетельствуют находки костяных игл (см. обзор: *Kuzmin*, 2008. P. 206–207). Таким образом, позиция авторов является несостоятельной. Наконец, тезисы о «реколонизации» северо-восточной Азии после 17 000 л. н. (20 000 кал. л. н.) и обитании человека в бассейне р. Лена лишь около 12 700 л. н. (15 000 кал. л. н.) (с. 18) не подтверждаются фактическими данными. Так, в пещере Хайыргас в среднем течении р. Лена (60° с. ш.) для культурных слоев 7 и 5 получены ¹⁴C даты 21 500 ± 775 л. н. (СОАН-4249) и 16 000 ± 200 л. н. (ИМ-887) соответственно (*Степанов и др.*, 2003). Можно также напомнить хорошо известные ¹⁴C даты стоянки Авдеиха (58° с. ш.) в бассейне Средней Лены: 15 200 ± 300 л. н. (ИМ-236) и 12 900 ± 300 л. н. (ГИН-1022) (см., например: *Vasil'ev et al.*, 2002. P. 527).

Следует отметить, что в качестве сводных источников по археологии Сибири привлечены в основном работы зарубежных ученых, в частности Т. Гобела (*Goebel*, 1999), а оригинальные исследования российских специалистов часто остаются вне поля зрения авторов. Такой подход не способствует объективному освещению материалов по палеолиту Сибири и резко контрастирует с предыдущей книгой Дж. Ф. Хоффекера (*Hoffecker*, 2002), где автор показал прекрасное знание первоисточников на русском языке. В данной же монографии практически не использован большой массив информации по памятникам среднего и позднего палеолита Сибири, накопленный к концу 1990-х—началу 2000-х гг. Так, в доступном англоязычной аудитории журнале «Археология, этнография и антропология Евразии» («Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia») в 2000–2005 гг. опубликовано не менее 30 работ по данной тематике; большинство их собрано в виде отдельного тома на русском и английском языках (*Деревянко*, 2005). Незнание материала подчас приводит авторов к ошибкам, например, со стоянкой Двуглазка. Ее мустьерские культурные слои датируются временем последнего межледниковья, около 128–116 тыс. л. н. (с. 6, 230). Хорошо известно, что в Двуглазке культурный слой 7, содержащий орудия среднего палеолита, датирован около 27 200 л. н. Скептицизм авторов по отношению к каменным изделиям стоянки Диринг-Юрях в Якутии (примечание № 11 к главе 1, с. 230), которые они вслед за Т. Гобелом (насколько мне известно, лично не знакомым с памятником и его коллекцией) считают созданными природой, а не человеком, на мой взгляд, необо-

снован. Мнение об аутентичности Диринг-Юряха признают не только зарубежные специалисты, посещавшие стоянку и знакомые с ее коллекцией каменных изделий (*Ackerman, Carlson, 1991; Carlson, 2001*), но и те российские археологи, которые не согласны с выводом Ю. А. Мочанова (*Мочанов, 1992*) об очень древнем возрасте памятника (см., например: *Derevianko et al., 2006. P.60–61*). В. А. Ранов, лично знакомый с памятником и его орудиями (см. *Ранов, 1992. С. 90*), сомневался в отношении антропогенного происхождения только скопления № 16. Опираясь на точку зрения мало знакомого с материалами Диринг-Юряха археолога (*Goebel, 1999*) и игнорировать авторитетное мнение ряда исследователей — по меньшей мере неосмотрительно.

Тезис о незначительном количестве древесной растительности в Берингии во время максимума последнего похолодания (с. 14–15), что, по мнению авторов, ограничивало возможность пребывания древнего человека в регионе 25 000–13 000 л. н. (30 000–15 000 кал. л. н.) (с. 14), является еще одним примером предвзятого подхода. Как было показано российскими и американскими исследователями, древесные породы сохранялись в долинах рек Северо-Восточной Сибири в течение всего последнего похолодания (*Brigham-Grette et al., 2004*, и др.; см. обзор: *Kuzmin, 2008. P. 172*). Знакомство Дж. Ф. Хоффекера и С. А. Элайаса с работой Дж. Брайем-Гретт (*J. Brigham-Grette*) с соавторами очевидно (см. список литературы, с. 249). Однако они проигнорировали эту точку зрения. Мне представляется, что не отсутствие древесной растительности, использовавшейся в качестве топлива (см. также главу 3, с. 98), а в первую очередь дефицит пищевых ресурсов (прежде всего животных) мог лимитировать пребывание древнего человека в Сибири. Поскольку в Берингии вплоть до 13 000–10 000 л. н. сохранялась мегафауна (мамонт, лошадь, бизон; см. с. 54) и постоянно обитали такие виды млекопитающих, как северный олень, лось и бурый медведь, палеолитический человек всегда мог найти подходящие условия для существования.

Глава 2 «Берингийские ландшафты» (с. 22–76) посвящена характеристике современной и древней природной среды региона. Подчеркивается, что по новейшим данным окончательное исчезновение сухопутной связи между Азией и Северной Америкой произошло около 11 000 л. н. (12 900 кал. л. н.), а это означает, что берингийский мост мог служить для миграции людей из Азии на Аляску фактически до конца плейстоце-

на (с. 47). Учитывая, что возраст древнейших памятников Аляски как минимум 11 800 л. н. (что соответствует 13 700 кал. л. н.) либо 12 500–11 700 л. н. (14 500–13 500 кал. л. н.; с. 18), данный вывод выглядит логичным. При обсуждении природной среды Берингии в межстадиале 50 000–28 000 л. н. авторы упустили из вида важные результаты работ по изучению ботанического состава содержимого желудков ископаемых животных Северо-Восточной Сибири и истории растительности (см., например: *Кожневников, Украинцева, 1997; Украинцева, 2002; Ukraintseva, 1993*).

Важнейшим для палеоэкологии Берингии остается вопрос о том, какой была природная среда во время максимума последнего похолодания. Данные российских ученых (с. 62) свидетельствуют о, казалось бы, парадоксальном факте — летние температуры на западе Берингии (то есть арктических районах Северо-Восточной Сибири) в это время были примерно близки современным! По мнению В. И. Астахова (*Astakhov, 2008*), на основе работ на побережье моря Лаптевых, где изучены ископаемые остатки насекомых в позднплейстоценовых отложениях, летние температуры во время максимума последнего похолодания превышали современные на 6–8 °С, а зимние были на 7–8 °С ниже нынешних. Авторы книги вслед за другими исследователями справедливо отмечают, что проблема реконструкции ландшафтов Берингии в позднем плейстоцене сложна в силу того, что изучение пыльцевых спектров не дает возможности проводить видовые определения (с. 64). Упоминая о точке зрения ряда американских и российских палинологов о наличии древесных пород в Берингии во время максимума последнего похолодания (с. 66, 69–70), авторы придерживаются мнения об их отсутствии. Они ссылаются на то, что такие растения, как ива, ольха и береза, имеют не только древесную, но и кустарниковую формы, что невозможно распознать при изучении только ископаемой пыльцы в отсутствие макроостатков (древесина, плоды, семена). При этом упускается из вида, что лиственница имеет только древесную форму, и находка остатков хвои этого вида в желудке мамонта на Таймыре (возраст около 20 600 л. н.), в 200 км к северу от современной границы леса (см. *Kuzmin, 2008. P. 172*), однозначно свидетельствует о сохранении элементов древесной растительности на северо-востоке Сибири в эпоху максимально холодного и сухого климата 20 000–18 000 л. н. Новые данные по истории растительности Аляски в позднем плейстоцене свидетельствуют о сохранении ели и

сосны в рефугиумах во время максимума последнего похолодания (*Cheddadi et al.*, 2006; *Anderson et al.*, 2006).

Обсуждая вымирание мегафауны (с. 73–75), авторы подчеркивают, что данная проблема и связанный с ней вопрос о роли человека в исчезновении ряда плейстоценовых видов млекопитающих на рубеже голоцена пока не решены однозначно. Для Аляски приводятся даты окончательного вымирания мамонта (12 500–11 300 л. н.), лошади (12 400 л. н.) и бизона (8900 л. н.). Учитывая, что древнейшие надежно документированные следы пребывания человека на Аляске имеют возраст около 11 800 л. н., «безледный коридор» открылся около 12 700 л. н., а мамонт, бизон и лошадь сохранились в Сибири до 12 000–9000 л. н. (см. *Orlova et al.*, 2004), говорить о значительной роли человека в вымирании плейстоценовой мегафауны в Берингии и Евразии не представляется возможным.

Глава 3 «Заселение Северной Азии» (с. 77–100) посвящена истории заселения человеком Сибири. Занимая позицию об освоении северных регионов Евразии лишь современным человеком (*Homo sapiens*), а не его предшественниками (с. 85–88), авторы не доверяют данным о заселении Якутии около 340–300 тыс. л. н. (стоянка Дириг-Юрях) (с. 82). Следует отметить, что существуют и другие сомнения в столь древнем возрасте Дириг-Юряха (см., например: *Ранов, Цейтлин*, 1991; *Kuzmin*, 2000. Р. 33–35; см. обзоры: *Kuzmin, Krivonogov*, 1994; 1999). Однако из-за невозможности продолжения исследования вопрос остается открытым. Повторяется ошибочное мнение о межледниковом возрасте стоянки Двуглазка (с. 83–84); при этом отмечается, что состав фауны млекопитающих отражает теплые природные условия (с. 84). Обратившись к первичным данным (см., например: *Vasil'ev*, 2003. Р. 530), можно увидеть, что в мустьерских слоях 5–6 Двуглазки преобладают лошадь (32,8–37 %), шерстистый носорог (16,1–23,2 %), монгольская газель (10,1–14,1 %) и пещерный лев (12,2–17,4 %), а кости «теплолюбивого» оленя единичны. Неясно, что дало основание З. А. Абрамовой (*Абрамова*, 1989. С. 166) говорить об «относительно теплом и сухом климате» во время накопления слоев 5–6. Таким образом, исходные данные по мустье Двуглазки — фауна слоев 5–6 и ¹⁴C дата слоя 7 (около 27 000 л. н.) — совершенно не учитываются. Не упоминается важнейший памятник среднего палеолита на Енисее Усть-Ижуй, с возрастом около 125 тыс. л. н. (*Chlachula et al.*, 2003).

Тезис об отсутствии в Сибири вплоть до 35 000 кал. л. н. (30 000 л. н.) таких признаков современного человека, как украшения, костяные орудия и предметы искусства (с. 89–90), совершенно не соответствует действительности. Принимая фигурку медведя со стоянки Толбага за самое раннее проявление искусства (примечание № 21 к главе 3, с. 237), авторы демонстрируют незнание современных материалов по археологии начала позднего палеолита Сибири (см., например: *Деревянко*, 2005. С. 183–255); согласно им, украшения, изделия из кости и предметы искусства появляются на Алтае и в Забайкалье не позднее 43 000 л. н. (47 000 кал. л. н.). Наличие на Толбаге игл с ушками (с. 90) проблематично в силу фрагментарности изделий (см. *Васильев и др.*, 1987 С. 115–116). Более надежными свидетельствами являются иглы со стоянок Игетейский Лог 1 (около 24 000 л. н.) и Усть-Кова (24 000–21 000 л. н.; см. *Kuzmin*, 2008), а также из слоя 11 Денисовой пещеры (точная датировка отсутствует, но вполне вероятно, что она древнее 37 000 л. н.; *Деревянко*, 2005. С. 293). Тезис о наличии игл с ушками в Восточной Европе (Костенки) и южной Сибири (Толбага) около 35 000–30 000 кал. л. н. (30 000–26 000 л. н.) требует уточнения. Данные по Толбаге малонадежны (см. выше). ¹⁴C даты Костенок 15, где найдены иглы с отверстием, около 25 700–21 700 л. н.; сходный комплекс Костенок 8 (слой 2) датирован около 27 700–23 000 л. н. (см. *Аникович*, 2005). Таким образом, говорить об изготовлении теплой одежды из шкур животных в северной Евразии около 30 000 л. н. преждевременно; более реалистичной является дата около 26 000 л. н. (см. *Kuzmin*, 2008. Р. 206–207).

Для понимания заселения Берингии современным человеком огромное значение имеет недавно открытая на Крайнем Севере (71° с. ш.) Янская стоянка (с. 92–94). Артефакты залегают в полигенетических едомных (а не в речных — «stream sediments», с. 92) отложениях, ¹⁴C даты из культурного слоя — 28 600–27 100 л. н. (*Питулько и др.*, 2007). По новейшим данным, климат в это время был близок к современному; растительность вблизи стоянки представляла собой остепненную тундру или тундростепь (Там же. С. 104). Предположение о наличии топлива в виде деревьев и кустарников как необходимого ресурса (с. 94) в это время вряд ли можно отнести к Янской стоянке. Представляется, что, имея богатые источники пищи (лошадь, северный олень, бизон, зайцы) и бифасиальную технику, люди вполне могли существовать (как минимум сезонно, см. с. 93) в условиях тундростепи; топливо явно не было ос-

новным лимитирующим фактором их пребывания в данной местности. Если учесть, что Янская стоянка расположена далеко за Полярным кругом, «зимние квартиры» ее обитателей все равно находились в холодном регионе Северо-Восточной Сибири, и человек уже около 28 500–27 000 л. н. был адаптирован к существовавшим природным условиям. Предположение о том, что памятники дюктайской культуры на р. Алдан могли быть зимними лагерями обитателей Янской стоянки (примечание № 23 к главе 3, с. 237), не совсем логично: во-первых, на Алдане нет подобных типов каменной индустрии (с бифасами и без клиновидных нуклеусов); во-вторых, возраст самых ранних объектов позднего палеолита Алдана (35 000–25 000 л. н., см. *Мочанов*, 1977) до сих пор остается дискуссионным, как справедливо отмечают авторы (с. 237).

Касаясь вопроса о древнем человеке в Сибири в максимум похолодания (19 400–17 700 л. н., с. 94–97), отмечается, что памятники предшествующего периода 27 000–23 000 кал. л. н. (22 000–19 400 л. н.) известны на Енисее, Верхней Лене и в Забайкалье, хотя они есть и севернее — на Верхней Лене (Алексеевск; см. *Vasil'ev et al.*, 2002), Средней Лене (Хайыргас, см. выше) и, вероятно, на Алдане (см.: Там же). Вслед за Т. Гобелом повторяется тезис об отсутствии стоянок в Сибири в течение как минимум 1000 лет. Вероятно, авторы не знакомы с результатами анализа серий ^{14}C дат по ряду палеолитических памятников, на основании которых показано, что время обитания человека обычно составляло не менее 1000–3000 лет (*Соколов и др.*, 2004; см. также *Аникович*, 2005. С. 73–74). Таким образом, пытаться с помощью анализа ^{14}C дат установить хиатус (перерыв) продолжительностью всего 1000 лет — непродуктивно (см. *Kuzmin, Keates*, 2005. Р. 775). В. Роеброкс (*Roebroeks*, 2003. Р. 99) справедливо отмечает, что «разрешающая способность» ^{14}C метода в изучении процесса заселения Европы составляет несколько тысяч лет.

Неверие в адаптивные способности человека ранее 19 000 л. н. заводит авторов в тупик: они не находят разумного объяснения феномену «обезлюдения» Сибири и Восточной Европы (с. 95–96) в максимум последнего похолодания. Более того, они противоречат данным, опубликованным ранее ими самими. Так, в работе Дж. Ф. Хоффекера (*Hoffecker*, 2002. Р. 201) для памятников центра Русской равнины в интервале 20 000–18 000 л. н. показано 45 ^{14}C дат (см. *Kuzmin*, 2008. Р. 203). А все дело-то в том, что никакого «обезлюдения» не было!

Рассматривая «реколонизацию» Сибири после 19 000 л. н. (с. 97–100), авторы утверждают, что после 17 000 л. н. на юге Сибири неизвестны *полуподземные* жилища (о других жилищах не упоминается). Данное заключение весьма спорно; только в Забайкалье в это время известно значительное количество памятников с наземными жилыми постройками (*Константинов*, 2001), но ведь от этого они не перестали быть *жилищами*! Полуподземные жилища есть в позднеледниковье на Енисее (Афонтова Гора 2 и Кокорево 2; см.: Там же. С. 194–196). Вероятно, для позднего палеолита Сибири заглубленные жилые сооружения вообще были не характерны, однако это не играет особой роли в дискуссии о наличии жилищ как таковых — они, несомненно, были! Остается сожалеть, что серьезное исследование А. В. Константинова неизвестно авторам книги.

В главе 4 «Начало позднеледниковья» (с. 101–131) характеризуются памятники Берингии в интервале около 12 700–11 700 л. н. (15 000–13 500 кал. л. н.); описывается девять объектов, из которых только пять-шесть являются несомненными следами древнего человека. Для памятника Берелёх на северо-востоке Сибири упоминаются новые ^{14}C даты около 12 400–11 500 л. н. (14 200–13 300 кал. л. н.) (с. 112). Подчеркивается, что в бассейне р. Танана на Аляске древнейшие стоянки (Брокен Маммут (Broken Mammoth), Мид (Mead) и Сван Пойнт (Swan Point)) датируются 14 500 (14 400)–13 000 кал. л. н. (с. 119, 129–130), то есть 12 900 (12 400)–11 500 л. н. Однако в таблице дат (с. 107–108) для этих памятников значения ^{14}C возраста, полученные по углю как наиболее надежному материалу, составляют 11 800–11 000 л. н. (Брокен Маммут), 11 600 л. н. (Мид) и 12 300–12 000 л. н. (Сван Пойнт); неясно, что дает основание авторам удревять их вплоть до 12 700 л. н. В этой же таблице отсутствуют ^{14}C даты стоянок Ушки (14 300–13 600 л. н.) и Сибердик (13 200 л. н.) (см. ниже).

Новой важной информацией является находка в самом нижнем слое памятника Сван Пойнт клиновидного нуклеуса для получения микропластин (с. 121). Данный компонент связывается рядом авторов с древнейшим на Аляске комплексом ненана, в котором микропластины отсутствуют (см. обзор: *Васильев*, 2004. С. 99–109). Ситуация с микропластинами в комплексе ненана остается сложной. Недавняя находка плитчатого клиновидного нуклеуса в коллекции компонента I с артефактами типа ненана на стоянке Драй Крик (Dry Creek) (*Odess, Shirar*, 2007) может означать,

что микропластинчатая техника была знакома носителям комплекса ненана. Не исключена возможность того, что весь компонент I Драй Крика относится к комплексу денали (Ibid. P. 130).

Изучение геохимии обсидиановых артефактов из древнейших слоев стоянок Брокен Маммут и Сван Пойнт (с. 122) показало, что источники сырья находятся на значительном расстоянии от археологических объектов — до нескольких сотен километров. Новейшие результаты для Сван Пойнта (*Speakman et al.*, 2007) демонстрируют, что обсидиан происходит из трех источников, два из которых находятся на расстоянии не менее 400–500 км от памятника. Эти *прямые* данные о размахе контактов и миграций древнейших обитателей Аляски очень важны для изучения экологии человека в Берингии. Можно также отметить, что первые результаты по Ушковским стоянкам на Камчатке говорят об использовании в финале палеолита от четырех до семи источников обсидиана, удаленных не менее чем на 200–300 км (*Kuzmin et al.*, 2008).

Раздел по микропластинчатой технике в Берингии (с. 122–125) написан К. М. Ли (С. М. Lee). В нем постулируется, что зарождение этой технологии в Сибири (Забайкалье) относится к 20 000 кал. л. н. (17 000 л. н.). Эта точка зрения явно устарела и не соответствует новым данным по Алтаю, опубликованным в 2001–2004 гг. (см. *Деревянко*, 2005. С. 183–231, 283–311; *Kuzmin et al.*, 2007); согласно им, микропластины и (прото)клиновидные нуклеусы появляются ранее 35 000 л. н. (слой 11 стоянки Усть-Каракол 1).

Авторы бегло упоминают о находках в бассейне Олд Кроу (Old Crow) в верховьях р. Юкон костей животных, которые, возможно, несут следы обработки человеком (с. 128). Приводится только одна ^{14}C дата около 27 000 л. н.; позже данный образец был передатирован около 1350 л. н. Однако не упоминается о двух других датах по костям со следами от каменных орудий — 42 000 и 36 500 л. н., а также о многочисленных ^{14}C датах по фрагментированным костям, которые, возможно, были разломаны человеком (от 39 500 до 25 200 л. н.) (см. обзор: *Morlan*, 2003). В свете новых данных о присутствии человека в низовьях р. Яна уже около 28 600–27 100 л. н., а также о возможном антропогенном характере фрагментации костей мамонта в низовьях р. Колымы и на о. Врангеля, датированных около 33 800–22 400 л. н. (см. *Kuzmin, Orlova*, 2004. P. 156), даты по модифицированным (вероятно) человеком костям из Олд Кроу уже не кажутся неправдоподобными. Если люди

проникли на азиатский Крайний Север около 29 000–27 000 л. н., они вполне могли быть и на крайнем востоке Берингии в это время; эта информация заслуживает внимания, которое авторы ей почему-то не уделили. Возможно, они считают, что вплоть до 24 000 л. н. отсутствовал сухопутный мост между Азией и Америкой, что делало миграции невозможными (см. с. 9).

Следует отметить, что в западной Берингии количество доголоценовых (то есть древнее 10 000 л. н.) памятников все еще очень невелико — к ним можно отнести стоянки Яна, Берелех, Ушки и Сибердик. Разведки и раскопки в долинах основных речных систем Северо-Восточной Сибири до настоящего времени не выявили финальноплейстоценовых стоянок (*Диков*, 1993; *Кирьяк*, 1993; *Слободин*, 1999; *Кирьяк (Дикова)*, 2005 и др.; см. списки ^{14}C дат: *Кузьмин*, 2002; *Питутько*, 2004). В этом отношении восточный сектор Берингии выгодно отличается по количеству фактического материала; здесь известно не менее 15 объектов с археологическим материалом древнее 10 000 л. н. (см. главы 4–5).

Глава 5 «Конец позднеледникового межстадиала» (с. 132–161) посвящена памятникам, датированным 11 700–10 700 л. н. (всего 12 объектов). Берингийская суша в это время еще существовала, и «безледный коридор» во внутренние районы Северной Америки уже открылся, поэтому возможности для миграций древнего человека были весьма велики. Именно к этому интервалу авторы относят древнейший слой (№ 7) Ушковских стоянок. Как известно, Н. Н. Диков (1979) определял возраст нижнего слоя Ушков как 14 300–13 600 л. н. По данным Т. Гобела и др. (*Goebel et al.*, 2003), возраст слоя 7 составляет около 11 300–10 700 л. н. (с. 137). Такая интерпретация, на мой взгляд, необъективна. Следует учитывать, что образцы угля, по которым Н. Н. Диковым были получены ^{14}C даты 14 300–13 600 л. н., были собраны в отдалении от места работ ограниченного масштаба, проведенных М. А. Диковой, Т. Гобелом и др. в 2000 г. (Т. Гобел, личное сообщение 2007 г.). Таким образом, возможность того, что слой 7 Ушковских стоянок существовал и до 11 300 л. н., не исключена, и только новые широкомасштабные работы могут подтвердить или опровергнуть это. Авторы признают, что стоянки на Ушковском озере существовали достаточно долго (с. 141); таким образом, учитывая эмпирические данные о продолжительности обитания палеолитических стоянок (см. *Соколов и др.*, 2004), логично допустить, что ^{14}C даты 14 300–13 600 л. н. для

слоя 7 имеют право на существование. Описывая геологию и геоморфологию Ушковских стоянок, авторы не упоминают о результатах исследований российских ученых (Иванов, 1990), проведенных задолго до российско-американских работ 2000 г. (Goebel et al., 2003), хотя выводы В. Ф. Иванова (Иванов, 1990) полностью подтвердились.

Авторы приводят данные о стоянке Ногахабара 1 (Nogahabara 1) с ^{14}C датой около 13 000 кал. л. н. (11 100 л. н.; с. 157, 160); в наборе ее артефактов присутствуют как унифасиальные и бифасиальные изделия, характерные для комплекса нана, так и микропластины и клиновидные нуклеусы. В последнее время опубликовано описание памятника (Odess, Rasic, 2007), в котором приводятся две ^{14}C даты по кости — около 10 800 и 11 800 л. н. (12 900 и 13 700 кал. л. н., соответственно). Очевидно, что, несмотря на скептицизм авторов по поводу очень раннего появления микропластинчатой техники на Аляске (см. гл. 4), данная технология теперь известна в восточной Берингии почти на тысячу лет раньше, чем это считалось еще недавно.

В главе 6 «Поздний дриас и конец Берингии» (с. 162–204) рассматриваются древние поселения, существовавшие около 11 000–10 000 л. н., то есть уже после исчезновения берингийского сухопутного моста. Количество памятников по сравнению с предыдущими этапами резко увеличивается — в главе упомянуто не менее 25 объектов. Однако среди них нет стоянки Дручак в бассейне р. Пижига, данные о которой неоднократно опубликованы (см., например: Vorobei, 2003). В описании другого памятника в Северо-Восточной Сибири — Сибердик (с. 174–175) — отвергнута ^{14}C дата $13\,225 \pm 230$ л. н. (МАГ-916) (Ложкин, Трумпле, 1990), и возраст стоянки определен как 9600–7200 л. н. (11 000–8000 кал. л. н., с. 174). В примечании № 6 к главе 6 (с. 242) упоминается о шести ^{14}C датах в интервале 9700–7080 л. н. из нижнего (№ 3) слоя Сибердика со ссылкой на работу Т. Гобела и С. Слободина, хотя опубликовано лишь пять дат из этого слоя (см. Питулько, 2004. С. 149–150). При этом дата 4570 ± 370 л. н., которая явно должна относиться к вышележащему слою № 2 (другие даты из слоя № 2 — 4720–4420 л. н.; Ложкин, Трумпле, 1990. С. 178), объявляется принадлежащей слою № 3. Проведя осреднение ^{14}C дат, авторы определяют возраст слоя № 3 как 8212 л. н., исключив как ошибочные даты 4570 и 13 225 л. н. (с. 242).

По поводу интерпретации серии ^{14}C дат стоянки Сибердик следует заметить, что практика «ос-

реднения» серий ^{14}C дат и отбрасывания «ошибочных» значений возраста для палеолита и неолита в корне неверна (см., например: Kuzmin, Keates, 2006. Р. 889–890; Кузьмин, 2007. С. 170). Учитывая находку зубов лошади в слое № 3 Сибердика (Диков, 1979. С. 96) и тот факт, что лошадь обитала в Сибири вплоть до 11 600 л. н. и лишь на Крайнем Севере до 9000 л. н. (Orlova et al., 2004. Р. 313), следует признать, что ^{14}C дата около 13 200 л. н. должна рассматриваться всерьез, особенно если принять во внимание феномен разброса дат для палеолита (см. Соколов и др., 2004). Также в пользу доголоценового возраста слоя № 3 на Сибердике свидетельствуют эпигенетические (то есть одновременные формированию; см. Диков, 1977. С. 216–219) мерзлотные нарушения этого слоя. По моему мнению, стоянка Сибердик вполне могла существовать уже в позднеледниковье, чему не противоречат археологические данные (с. 174–175).

В книге дается достаточно краткое описание стоянки Мейза (Mesa) на севере Аляски (с. 179–182), для которой из очагов получено более 50 ^{14}C дат (с. 166–167). Авторы считают, что памятник существовал в основном около 10 700–9900 л. н. (12 000–11 000 кал. л. н.). Однако в таблице ^{14}C дат есть два более поздних значения возраста, 8820–7620 л. н., которые авторы раскопок (Kunz et al., 2003. Р. 19–23) отбраковали. В отчете о раскопках также приводятся очень показательные данные о серии из 13 дат по углю из одного очага — 10 260–9850 л. н., то есть разброс составляет около 400 ^{14}C лет! Самые древние даты Мейзы, 11 660–11 190 л. н., полученные по одному очагу, осторожно сопоставляются с новыми ^{14}C датами стоянки Тулуак (Tuluqaq) 11 200–11 100 л. н. (Ibid. Р. 23). Подчеркивается также, что если признать многократное посещение стоянки людьми, то время ее существования составляло около 400–800 лет (Ibid.). Эти данные подтверждают концепцию о многократности обитания и значительном разбросе ^{14}C дат палеолитических памятников (см., например: Соколов и др., 2004; Kuzmin, Keates, 2005. Р. 779–780). Есть также интересные данные о наличии обсидиана на стоянке Мейза, источник которого расположен на расстоянии 300 км (Kunz et al., 2003. Р. 40; см. Васильев, 2004. С. 114); по какой-то причине авторы монографии не упоминают об этом.

Глава 7 «Берингия и Новый Свет» (с. 205–228) является заключительной. В ней синтезируются данные по археологии и палеогеографии берингийской суши во второй половине позднего плейстоцена. Здесь, на мой взгляд, авторы не совсем

объективны. Так, рассматривая Янскую стоянку, они считают, что здесь найдено очень немного артефактов (с. 209), хотя в первой публикации упомянуто 383 изделия, более 90% которых найдено на берегу в переотложенном состоянии (*Pitulko et al.*, 2004. Р. 54). Тем не менее присутствие артефактов на Янской стоянке *in situ* ни у кого сомнений не вызывает. Вероятно, проникновение человека в столь высокие широты около 28 600–27 100 л. н. не увязывается с тезисом о сильной чувствительности верхнепалеолитического человека к холоду вплоть до 20 000 кал. л. н. (16 900 л. н.; с. 210). В действительности же умение изготавливать теплую одежду в середине позднего палеолита в Евразии (примеры — Сунгирь с датой около 26 000–24 000 л. н.; Мальта и Буреть с датами около 21 000–20 000 л. н.) несомненно, и скептицизм авторов в отношении адаптивных способностей человека необоснован. Другой сходный тезис — об отсутствии стоянок в Берингии после 27 000 кал. л. н. (22 000 л. н.) севернее 60° с. ш. (с. 209) — также не совсем верен, если мы примем во внимание некоторые стоянки дюктайской культуры на Алдане, в частности Эжанцы, Верхнее-Троицкая, Ихинэ 2 с возрастом около 20 100–17 200 л. н. (см. *Vasil'ev et al.*, 2002. Р. 529–530). Связывать появление микропластинчатой техники с потеплением после 17 000 л. н. (20 000 кал. л. н.; с. 210) — анахронизм. «Повторное заселение» Берингии около 15 000–14 000 кал. л. н. (12 700–12 100 л. н.; с. 210) в результате распространения кустарниковых форм древесной растительности — также спорное мнение. Согласно новым данным, даже во время существования Янской стоянки около 29 000–27 000 л. н. основным природным фоном была тундростепь, хотя кустарниковая береза также произрастала вблизи памятника (*Питулько и др.*, 2007. С. 104–105). Кустарники и отдельные деревья никогда не исчезали из берингийского ландшафта (см. выше).

Авторы рассматривают три возможных сценария заселения Нового Света: 1) через Атлантический океан; 2) по западному побережью Северной Америки; 3) через «безледный коридор» (с. 216–224). Как наиболее вероятный из них принимается миграция людей на юг по «безледному коридору», который открылся около 12 700 л. н., примерно за 1000 лет до появления культуры кловис к югу от ледниковых щитов. В отношении «берегового» сценария отмечается, что пока неизвестны стоянки на побережье южной Аляски старше 12 000 кал. л. н. (10 700 л. н.). Однако новые данные по островам Королевы Шарлотты (непосредственно к югу

от Аляски) говорят о присутствии человека уже около 10 000 л. н. (11 500 кал. л. н.), а лежащие еще южнее у побережья Калифорнии острова Ченнел (Channel Islands) посещались около 10 500 л. н. (12 700 л. н.) (*Fedje et al.*, 2004). Если принять, что древнейшие памятники культуры кловис датированы около 11 600–11 300 л. н. (см. *Васильев*, 2004), то интервал между ними и прибрежными стоянками сейчас уже менее 1000 лет. Это дает возможность предполагать, что в будущем могут обнаружиться следы очень ранней миграции из Аляски на юг вдоль западного побережья Америки.

В списке литературы допущена досадная оплошность: в ссылке на работу Y. V. Kuzmin, S. G. Keates (2005) название вместо «Dates are not just data...» дано как «Dates are not data...» (с. 263).

В целом книгу Дж. Ф. Хоффекера и С. А. Элайаса можно назвать полезной. В ней собрана важная информация как о материальной культуре, так и природной среде большого региона, часть которого находится в современной России. Однако авторы часто не учитывают или не замечают (а иногда и просто игнорируют) данные, которые не вписываются в их концепцию экологии человека в Берингии, что явно ослабляет монографию. Обращает на себя внимание слабое знание источников по археологии Сибири, несмотря на то что в последние 10–15 лет значительное количество работ по данной тематике опубликовано и на английском языке. В этом отношении данная книга не является исключением; подобный стиль типичен и для других зарубежных исследователей, время от времени работающих на российской территории (см. дискуссию: *Kuzmin*, 2008; *Kuzmin, Krivonogov*, 1999; *Kuzmin, Rybin*, 2005).

Заключая обзор состояния дел в области палеолитической археологии и природной среды позднего плейстоцена Берингии, необходимо отметить, что многие проблемы все еще не решены. Так, известно очень мало археологических памятников древнее 10 000 л. н. на северо-востоке Сибири. Возможно, активное таяние мерзлоты на рубеже плейстоцена и голоцена (15 000–9000 л. н.) сопровождалось смещением вниз по склонам оттаявших отложений (в которых, вероятно, изначально находились культурные слои палеолита), что привело к уничтожению следов обитания человека в этом регионе (Л. Д. Сулержицкий, личные сообщения 2000–2005 гг.; см. *Питулько*, 2008. С. 28). Открытие Янской стоянки на западной периферии Берингии дает надежду на то, что памятники древнее 20 000 л. н. будут открыты и в центре берингийской суши, на Чукотке и Аляске.

В определенном смысле подтверждением этому могут служить модифицированные человеком кости животных в бассейне Олд Кроу и сходные находки в низовьях р. Колыма и на о. Врангеля (см. выше). Особое направление — экология палеолитического человека. Явное неверие ряда исследователей в высокие адаптационные способности людей в холодных регионах Евразии ранее 18 000 л. н. препятствует пониманию процесса колонизации Сибири современными людьми. В этом смысле открытие Янской стоянки, наряду с другими памятниками на крайнем северо-востоке Русской равнины (см. *Pavlov et al.*, 2001; 2004), является переломным моментом в интерпретации данных по проникновению человека в Арктику накануне максимума последнего похолодания, а также возможности его достаточно долговременного проживания в условиях перигляциальных ландшафтов, широко развитых в это время на севере Евразии. Остается надеяться, что новые находки и их непредвзятое осмысление приведут хотя бы к частичному решению проблем изучения прошлого Берингии.

- Абрамова*, 1989 — *Абрамова З. А.* Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л., 1989 (Палеолит мира).
- Аникович*, 2005 — *Аникович М. В.* О хронологии палеолита Костенковско-Боршевского района // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2005. № 3 (23).
- Васильев*, 2004 — *Васильев С. А.* Древнейшие культуры Северной Америки. СПб., 2004.
- Васильев и др.*, 1987 — *Васильев С. Г., Кузнецов О. В., Мещерин М. Н.* Поселение Толбага (новый этап исследований) // Природная среда и древний человек в позднем антропогене / Отв. ред. И. Н. Резанов. Улан-Удэ, 1987.
- Воробей*, 1996 — *Воробей И. Е.* Стоянка Дручак-Ветренный // Археологические исследования на севере Дальнего Востока / Отв. ред. М. А. Кирьяк, А. А. Орехов. Магадан, 1996.
- Воробей*, 1999 — *Воробей И. Е.* О находках палеолита на Омолоне // Исследования по археологии севера Дальнего Востока / Отв. ред. Р. С. Васильевский, А. И. Лебединцев. Магадан, 1999.
- Деревянко*, 2005 — *Деревянко А. П.* (ред.). Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск, 2005.
- Диков*, 1977 — *Диков Н. Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М., 1977.
- Диков*, 1979 — *Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979.
- Диков*, 1993 — *Диков Н. Н.* Азия на стыке с Америкой в древности. СПб., 1993.
- Иванов*, 1990 — *Иванов В. Ф.* Проблемы геоморфологии и четвертичной геологии в районе стоянки Ушки (долина реки Камчатки) // Древние памятники севера Дальнего Востока / Отв. ред. Н. Н. Диков. Магадан, 1990.
- Кашин*, 2003 — *Кашин В. А.* Палеолит Северо-Восточной Азии. История и итоги исследований 1940–1980 гг. Новосибирск, 2003.
- Кирьяк*, 1993 — *Кирьяк М. А.* Археология Западной Чукотки. М., 1993.
- Кирьяк (Дикова)*, 2005 — *Кирьяк (Дикова) М. А.* Каменный век Чукотки. Магадан, 2005.
- Кожевников, Украинцева*, 1997 — *Кожевников Ю. П., Украинцева В. В.* Тундростепи плейстоцена: аргументы «за» и «против» // Известия РАН. Серия географическая. М., 1997. № 3.
- Константинов*, 2001. — *Константинов А. В.* Древние жилища Забайкалья. Новосибирск, 2001.
- Кузьмин*, 2002 — *Кузьмин Я. В.* Радиоуглеродные даты памятников каменного века Северо-Востока Азии (материалы к своду радиоуглеродных данных) // II Диковские чтения: Материалы науч. конф. Магадан, 2002.
- Кузьмин*, 2007 — *Кузьмин Я. В.* [Рецензия] В. И. Тимофеев, Г. И. Зайцева, П. М. Долуханов, А. М. Шукуров. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб.: Теза, 2004. 157 с. // РА. 2007. № 3.
- Кузьмин и др.*, 2004 — *Кузьмин Я. В., Зольников И. Д., Орлова Л. А., Зенин В. Н.* Палеогеография Западно-Сибирской равнины во время максимума сарганского оледенения (в связи с находками мамонтов и палеолитических памятников) // Доклады РАН. 2004. Т. 398. № 4.
- Ложкин, Трумпе*, 1990 — *Ложкин А. В., Трумпе М. А.* Систематизация радиоуглеродных датировок археологических памятников Магаданской области // Древние памятники севера Дальнего Востока / Отв. ред. Н. Н. Диков. Магадан, 1990.
- Мочанов*, 1977 — *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977.
- Мочанов*, 1992 — *Мочанов Ю. А.* Древнейший палеолит Диринга и проблема внетропической прародины человечества. Новосибирск, 1992.
- Питулько*, 2004 — *Питулько В. В.* Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене / Отв. ред. П. А. Никольский, В. В. Питулько. М., 2004.
- Питулько*, 2008 — *Питулько В. В.* Основные сценарии раскопочных работ в условиях многолетнемерзлых отложений (по опыту работ на Жоховской и Янской стоянках, северная Якутия) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2008. № 2 (34).
- Питулько и др.*, 2007 — *Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Кузьмина С. А., Никольский П. А., Басилян А. Э., Тумской В. Е., Анисимов М. А.* Природно-климатические изменения на Яно-Индибирской низменности в конце каргинского времени и условия обитания людей верхнего палеолита на севере Восточной Сибири // Доклады РАН. 2007. Т. 417. № 1.
- Ранов*, 1992 — *Ранов В. А.* Древнейшие стоянки палеолита на территории СССР // РА. 1992. № 2.

- Ранов, Цейтлин, 1991 — Ранов В. А., Цейтлин С. М. Палеолитическая стоянка Диринг глазами геолога и археолога // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.; Л., 1991. № 60.
- Слободин, 1999 — Слободин С. Б. Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан, 1999.
- Слободин, 2004 — Слободин С. Б. К вопросу об определении палеолита Аляски // III Диковские чтения: Материалы науч. конф. Магадан, 2004.
- Соколов и др., 2004 — Соколов Д. Д., Сулержицкий Л. Д., Тутубалин В. Н. Время активности людей на палеолитических памятниках по данным радиоуглеродного датирования // РА. 2004. № 3.
- Степанов и др., 2003 — Степанов А. Д., Кириллин А. С., Воробьев С. А., Соловьева Е. Н., Ефимов Н. Н. Пещера Хайыргас на Средней Лене (результаты исследований 1998–1999 гг.) // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика / Отв. ред. А. Н. Алексеев. Новосибирск, 2003.
- Украинцева, 2002 — Украинцева В. В. Растительность и климат Сибири эпохи мамонта. Красноярск, 2002.
- Ackerman, 2007 — Ackerman R. E. The microblade complexes of Alaska and the Yukon: Early interior and coastal adaptations // Origin and Spread of Microblade Technology in Northern Asia and North America / Y. V. Kuzmin, S. G. Keates, C. Shen (eds.). Burnaby, 2007.
- Ackerman, Carlson, 1991 — Ackerman R. E., Carlson R. L. Diring Yuriakh: An Early Paleolithic site in Yakutia // Current Research in the Pleistocene. 1991. Vol. 8.
- Anderson et al., 2006 — Anderson L. L., Hu F. S., Nelson D. M., Pettit R. J., Paige K. N. Ice-age endurance: DNA evidence of a white spruce refugium in Alaska // Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA, 2006. Vol. 103. No 33.
- Astakhov, 2008 — Astakhov V. I. Geographical extremes in the glacial history of northern Eurasia: Post-QUEEN consideration // Polar Research, 2008. Vol. 27. No 2.
- Beaudoin, Rentjes, 1994 — Beaudoin A. B., Rentjes F. D. Late Quaternary Studies in Beringia and Beyond, 1950–1993: An Annotated Bibliography. Edmonton, 1994.
- Bever, 2001 — Bever M. R. An overview of Alaskan Late Pleistocene archaeology: Historical themes and current perspectives // Journal of World Prehistory. 2001. Vol. 15. No 2.
- Bever, 2007 — Bever M. R. Too little, too late? The radiocarbon chronology of Alaska and the peopling of the New World // American Antiquity. 2007. Vol. 71. No 4.
- Bonnichsen, Turnmire, 1999 — Bonnichsen R., Turnmire K. L. (eds.). Ice Age People of North America: Environments, Origins, and Adaptation. Corvallis, 1999.
- Brigham-Grette et al., 2004 — Brigham-Grette J., Lozhkin A. V., Andersen P. M., Glushkova O. Y. Paleoenvironmental conditions in western Beringia before and during the Last Glacial Maximum // Entering America: Northeast Asia and Beringia before the Last Glacial Maximum / D. B. Madsen (ed.). Salt Lake City, 2004.
- Carlson, 2001 — Carlson R. L. Diring Yuriakh: an Early Palaeolithic site on the Lena River, Eastern Siberia // Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association. 2001. Vol. 21.
- Cheddadi et al., 2006 — Cheddadi R., Verdamin G. G., Litt T., Francois L., Kageyama M., Lorentz S., Laurent J. -M., de Beaulieu J. -L., Sadori L., Jost A., Lunt D. Imprints of glacial refugia in the modern genetic diversity of *Pinus sylvestris* // Global Ecology and Biogeography. 2006. Vol. 15. No 3.
- Chlachula et al., 2003 — Chlachula J., Drozdov N. I., Ovodov N. D. Last Interglacial peopling of Siberia: The Middle Palaeolithic site Ust'-Izhul', the upper Amur area // Boreas, 2003. Vol. 32. No 3.
- Derevianko et al., 2006 — Derevianko A. P., Zenin V. N., Shewkomud I. Y. Palaeolithic of the Priamurye (Amur River basin) // Archaeology of the Russian Far East: Essays in Stone Age Prehistory / S. M. Nelson, A. P. Derevianko, Y. V. Kuzmin, R. L. Bland (eds.). Oxford, 2006.
- Fedje et al., 2004 — Fedje D. W., Mackie Q., Dixon E. J., Heaton T. H. Late Wisconsin environments and archaeological visibility on the northern Northwest Coast // Entering America: Northeast Asia and Beringia before the Last Glacial Maximum / D. Madsen (ed.). Salt Lake City, 2004.
- Goebel, 1999 — Goebel T. Pleistocene human colonization of Siberia and peopling of the Americas: An ecological approach // Evolutionary Anthropology. 1999. Vol. 8. No 6.
- Goebel et al., 2003 — Goebel T., Waters M. R., Dikova M. The archaeology of Ushki Lake, Kamchatka, and the Pleistocene peopling of the Americas // Science. 2003. Vol. 301. No 5632.
- Goebel et al., 2008 — Goebel T., Waters M. R., O'Rourke D. H. The Late Pleistocene dispersal of modern humans in the Americas // Science. 2008. Vol. 319. No 5869.
- Hoffecker, 2002 — Hoffecker J. F. Desolate Landscapes: Ice-Age Settlement in Eastern Europe. New Brunswick, 2002.
- Hoffecker, Elias, 2007 — Hoffecker J. F., Elias S. A. Human Ecology of Beringia. New York, 2007.
- Kunz et al., 2003 — Kunz M., Bever M., Adkins C. The Mesa Site: Paleoindians above the Arctic Circle. Anchorage, 2003.
- Kuzmin, 2000 — Kuzmin Y. V. Geoarchaeology of the Lower, Middle, and Early Upper Palaeolithic of Siberia: A review of current evidence // The Review of Archaeology. 2000. Vol. 21. No 1.
- Kuzmin, 2008 — Kuzmin Y. V. Siberia at the Last Glacial Maximum: Environment and archaeology // Journal of Archaeological Research. 2008. Vol. 16. No 2.
- Kuzmin, Keates, 2005 — Kuzmin Y. V., Keates S. G. Dates are not just data: Paleolithic settlement patterns in Siberia derived from radiocarbon records // American Antiquity. 2005. Vol. 70. No 4.
- Kuzmin, Keates, 2006 — Kuzmin Y. V., Keates S. G. Response to «Reply to Y. V. Kuzmin, S. G. Keates (Journal of Archaeological Science 31 (2004) 141–143)» by P. M. Dolukhanov, A. M. Shukurov, P. E. Tarasov, G. I. Zaitseva (Journal of Archaeological Science 32 (2005) 1125–1130) // Journal of Archaeological Science. 2006. Vol. 33. No 6.
- Kuzmin et al., 2007 — Kuzmin Y. V., Keates S. G., Shen C. (eds.). Origin and Spread of Microblade Technology in Northern Asia and North America. Burnaby, 2007.

- Kuzmin et al.*, 2008 — *Kuzmin Y. V., Speakman R. J., Glascock M. D., Popov V. K., Grebennikov A. V., Dikova M. A., Pta-shinsky A. V.* Obsidian use at the Ushki Lake complex, Kamchatka Peninsula (Northeastern Siberia): Implications for terminal Pleistocene and Early Holocene human migrations in Beringia // *Journal of Archaeological Science*. 2008. Vol. 35. No 8.
- Kuzmin, Krivonogov*, 1994 — *Kuzmin Y. V., Krivonogov S. K.* The Diring Palaeolithic site, Eastern Siberia: Review of geoarchaeological studies // *Geoarchaeology*. 1994. Vol. 9. No 4.
- Kuzmin, Krivonogov*, 1999 — *Kuzmin Y. V., Krivonogov S. K.* More about Diring Yuriakh: Unsolved geoarchaeological problems at a «Lower» Paleolithic site in Central Siberia // *Geoarchaeology*. 1999. Vol. 14. No 4.
- Kuzmin, Orlova*, 2004 — *Kuzmin Y. V., Orlova L. A.* Radiocarbon chronology and environment of woolly mammoth (*Mammuthus primigenius* Blum.) in northern Asia: Results and perspectives // *Earth-Science Reviews*. 2004. Vol. 68. No 1–2.
- Kuzmin, Rybin*, 2005 — *Kuzmin Y. V., Rybin E. P.* The Palaeolithic of Northeast Asia and Beringia from the Siberian perspective: When quality suffers // *The Review of Archaeology*. 2005. Vol. 26. No 1.
- Morlan*, 2003 — *Morlan R. E.* Current perspectives on the Pleistocene archaeology of eastern Beringia // *Quaternary Research*. 2003. Vol. 60. No 1.
- Odess, Rasic*, 2007 — *Odess D., Rasic J. T.* Toolkit composition and assemblage variability: the implications of Nogahabara I, northern Alaska // *American Antiquity*, 2007. Vol. 72. No 4.
- Odess, Shirar*, 2007 — *Odess D., Shirar S.* New evidence of microblade technology in the Nenana complex type site at Dry Creek, central Alaska // *Current Research in the Pleistocene*. 2007. Vol. 24.
- Orlova et al.*, 2004 — *Orlova L. A., Kuzmin Y. V., Dementiev V. N.* A review of the evidence for extinction chronologies from five species of Upper Pleistocene megafauna in Siberia // *Radiocarbon*. 2004. Vol. 46. No 1.
- Pavlov et al.*, 2001 — *Pavlov P., Svendsen J. I., Indrelid S.* Human presence in the European Arctic nearly 40,000 years ago // *Nature*. 2001. Vol. 413. No 6851.
- Pavlov et al.* 2004 — *Pavlov P., Roebroeks W., Svendsen J. I.* The Pleistocene colonization of northeastern Europe: a report on recent research // *Journal of Human Evolution*. 2004. Vol. 47. No 1.
- Pitulko et al.*, 2004 — *Pitulko V. V., Nikolsky P. A., Giryа E. Yu., Basilyan A. E., Tumskey V. E., Koulakov S. A., Astakhov S. N., Pavlova E. Yu., Anisimov M. A.* The Yana RHS site: humans in the Arctic before the Last Glacial Maximum // *Science*. 2004. Vol. 303. No 5654.
- Potter*, 2008 — *Potter B. A.* Radiocarbon chronology of central Alaska: technological continuity and economic change // *Radiocarbon*. 2008. Vol. 50. No 2.
- Reimer*, 2004. — *Reimer P. J.* (guest ed.). *IntCal04: Calibration Issue* // *Radiocarbon*. 2008. Vol. 46. No 3.
- Roebroeks*, 2003 — *Roebroeks W.* Landscape learning and the earliest peopling of Europe // *Unfamiliar Landscapes: The Archaeology of Adaptation* / M. Rockman, J. Steele (eds.). New York, 2003.
- Speakman et al.*, 2007 — *Speakman R. J., Holmes C. E., Glascock M. D.* Source determination of obsidian artifacts from Swan Point (XBD-156), Alaska // *Current Research in the Pleistocene*. 2007. Vol. 24.
- Ukrainitseva*, 1993 — *Ukrainitseva V. V.* Vegetation Cover and Environment of the «Mammoth Epoch» in Siberia. Hot Springs, 1993.
- Vasil'ev*, 2000 — *Vasil'ev S. A.* The Siberian mosaic: Upper Palaeolithic adaptations and change before the Last Glacial Maximum // *Hunters of the Golden Age: The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30 000–20 000 B. P.* / W. Roebroeks, M. Mussi, J. Svoboda, K. Fennema (eds.). Leiden, 2000.
- Vasil'ev*, 2003 — *Vasil'ev S. A.* Faunal exploitation, subsistence practices and Pleistocene extinctions in Palaeolithic Siberia // *Advances in Mammoth Research* / J. W. F. Reumer, J. de Vos, D. Mol (eds.). Rotterdam, 2003.
- Vasil'ev et al.*, 2002 — *Vasil'ev S. A., Kuzmin Y. V., Orlova L. A., Dementiev V. N.* Radiocarbon-based chronology of the Upper Palaeolithic of Siberia and its relevance to the peopling of the New World // *Radiocarbon*. 2002. Vol. 44. No 2.
- Vorobei*, 2003 — *Vorobei I.* Druchak microblade industry of Northeast Asia // *Current Research in the Pleistocene*. 2003. Vol. 20.
- West*, 1981 — *West F. H.* *The Archaeology of Beringia*. New York, 1981.
- West*, 1996 — *West F. H.* (ed.). *American Beginnings: The Prehistory and Palaeoecology of Beringia*. Chicago, 1996.

Я. В. Кузьмин
Россия, Новосибирск.
Институт геологии
и минералогии СО РАН

Современное введение в археологию

Gamble C. Archaeology: the basics.
London; New York: Routledge, 2000 (2nd ed., 2008). 256 p.

На рубеже тысячелетий в Англии вышло введение в археологию известного палеолитчика Клайва Гэмбла (*Gamble, 2000*). К 2008 г. он выпустил второе, переработанное и дополненное издание. После немецкого введения Ганса Юргена Эггера (*Eggers, 1959*; см. *Клейн, 1978*. С. 54–55, 66, 106–108; 1995, С. 104–109, 156–157, 225–231) и шведского — Карла Акселя Муберга (*Moberg, 1969*; см. *Клейн, 1973*. С. 294–300) это — лучшее из всех попадавших в мои руки. Оно заметно уступает введению Эггера в иллюстративной части и в подробности конкретных примеров, а введению Муберга — в ясности и приближенности к сердцевине археологии, но зато это введение в современную археологию (в основном англоязычного мира). Разумеется, англоязычные археологи располагают великолепным всеобъемлющим руководством Ренфру и Бана, но я сейчас говорю о введениях более сжатого формата.

С самого начала хочу отметить, что все перечисленные введения в археологию обладают, на мой взгляд, преимуществами перед нашими традиционными «введениями» или «основами археологии». Каждое из наших с легкой руки А. В. Арциховского (он заложил эту традицию) представляет собой перечень памятников и культур, преимущественно нашей страны, по эпохам. Все эти сведения, годные для справочника, ничем не связаны и быстро улечиваются. В памяти у студентов после сдачи экзаменов по такому учебнику не остается ничего. В противоположность этому западные учебники представляют собой систематическое описание науки — характеристику ее предмета, структуры, задач, методов и проблем. Преподавая в университете, свое введение в археологию я строил именно так (см. *Клейн, 1982*. С. 3–7). Так строилось и более раннее введение Жебелева. Таким образом, это не различие двух традиций — российской и западной, а скорее двух методологических подходов — советского (в основе сугубо эмпирического) и общенаучного.

Гэмбл написал умную и компетентную книгу, написал живым и афористичным языком. Книга

состоит из восьми глав, каждая разбита на разделы и подразделы. Разъяснения терминов и понятий сведены в четкие формулировки и выделены из текста в затененных боксах. В таких же помещены резюме некоторых глав. За текстом следуют объемистый список литературы (но только англоязычной) и указатель. В Англии книга бойко раскупается, и она этого заслуживает. Тем не менее у меня есть и критические замечания.

В первой главе Гэмбл разбирает неизбежный и спорный вопрос: «Что такое археология?». Это вопрос, на который сэр Мортимер Уиллер, один из столпов британской археологии, отвечал: «Что на самом деле есть археология? Я, собственно, и сам по-настоящему не знаю» (*Wheeler, 1956*. P. 16). Американец Бредвуд добавил: «Археология — это то, что делают археологи» (*Braidwood, 1960*. P. 1). Гораздо раньше немец Кепп сформулировал парадокс: «Нет археологии, есть только археологи» (*Koepf, 1939*. S. 11). Этот вопрос Гэмбл разбирает в разделах «Археологическое воображение», «Память и общество» и «Встречи с археологией». Он приходит к схожему выводу: «археология может быть всем, чем вы хотите чтобы она стала» (с. 3). Это остроумно, но непродуктивно. Все же в его разборе есть и более узкое определение: «Археология — это изучение прошлого через материальные остатки. Она о трех вещах: предметах, ландшафтах и о том, что мы делаем из них» (с. 2). Ландшафты Гэмбл внес в определение из своей второй специальности: он также географ, профессор географии Лондонского университета. Здесь он продолжает давнюю и развитую британскую традицию географической археологии, блистающую такими именами, как Крофорд, Фокс и Грэйем Кларк. Да и Дэвид Кларк также с ней связан.

Развивая ту же главу, Гэмбл рассматривает, как археология начиналась, рассказывает о Томсене и системе трех веков и приходит к вопросу о том, как археология изменилась. Для иллюстрации того, как изменилась археология, Гэмбл рассматривает две истории археологических исследований — раскопки кургана англосаксов раннего средневековья Саттон Ху в Англии, с погребением в корабле, и раскопки поселения раннего неолита

лита Чатал-хююк в Малой Азии, с домами, храмами и фресками первых земледельцев. В каждом случае было несколько кампаний раскопок, разделенных десятилетиями.

По Гэмблу, прежняя археология была эссенциалистской. *Эссенциализм* (от лат. эссенция — сущность) — это убеждение, что наука познает сущности, то есть скрытые за явлениями реальности, не нуждающиеся в дальнейшем объяснении, и что ученый может добиться несомненного обоснования этих истин. Они — в фактах, то есть наблюдениях реальных. Эссенциалисты уверены, что факты скажут сами за себя, тогда как в самих фактах скрыты общепринятые теории.

«Как вы можете увидеть нагруженный теорией факт? Легко. Просто спросите себя, какие сущности или свойства вы считаете задействованными... Такой эссенциализм это очень обычный подход к классификациям, и он особенно силен в археологии. Что происходит, если вещи определяются свойствами или сущностями, которых от них ожидают в первую очередь? Если это происходит, то тогда будет только одна версия прошлого» (с. 9).

А поскольку какая-то теория скрытно присутствует в факте, эта версия будет ее отражением, непроверяемым и, возможно, искажающим реальность. В современной же археологии, по Гэмблу, прошлое должно быть доступно разным подходам, возможны разные версии его интерпретации, и все они могут оказаться по-своему верными. Я сейчас не стану останавливаться на том, что противоположный эссенциализму подход, *релятивистский*, имеет свои слабости, о чем у Гэмбла нет ни словечка.

В другом разрезе, менее философском, более конкретно-методологическом, за последние полвека, по заключению Гэмбла, к археологии культурно-исторической добавилась археология антропологическая. Культурно-историческая археология была эссенциалистской, занималась сбором и упорядочением фактов, интерпретируя их в плане эволюционизма. Антропологическая перенесла центр тяжести на теорию, естественнонаучный подход, использование в социальных целях, интерпретацию. Все это началось с Новой Археологии (с. 6). Мне кажется, здесь критерии различения сдвинуты неправомерно: эволюционизм — это тоже теория и интерпретация, с естественнонаучным уклоном. В культурно-исторической археологии больше места занимают разные виды диффузионизма, а критерии различения с антропологической археологией — в другом: в расположении движущих сил развития внутри или вне

данной культуры. Антропологическая археология как раз ближе к эволюционизму.

Во второй главе книги автор ставит вопрос: «Сколько есть археологий?». Он имеет в виду течения в археологии, главным образом современные. Перечисляет основные фигуры каждого из выделенных им направлений. В культурно-историческую археологию зачисляет без различия Монтелиуса, Холмса, Эванса, Вулли, Брейля, Киддера, Ван Гиффена и Уиллера, хотя различия были весьма значительны. Холмс был эволюционистом, хотя и с колебаниями, Монтелиус — диффузионистом с эволюционистской фразеологией, Киддер — таксономистом, остальные принадлежали к очень разным течениям диффузионистского толка.

Антропологическую археологию Гэмбл рассматривает отдельно по течениям: процессуальная археология (Бинфорд, Ренфру, Флэннери), феминистская (Конки, Джироу, Спектор, Мескелл), марксистская (Чайлд, Триггер, МакГуайр), интерпретативная (Ходдер, Тили, Шэнкс, Томас), неodarвиновская (Бойд, Даннелл, Шеннан). Рассматривая каждую, он приводит соображения как в пользу нее, так и против нее.

Новой Археологией он считает каждую из основных новаций в североамериканской археологии: стратиграфическую революцию 1910-х гг., культурную экологию 1940-х (то есть практически неэволюционизм) и процессуальную археологию 1960-х. Это мне кажется не очень логичным: там были и другие важные новации (Боас, Кребер, Уолтер Тэйлор), а по сравнению с Европой стратиграфическая революция американцев выглядит запоздалой. Зато Гэмбл не делает различия между тремя весьма разными формами процессуальной археологии — гемпелианской (Бинфорд), аналитической (Д. Кларк) и серутанской, основанной на идее саморегуляции систем (Флэннери, Ренфру).

Феминистской археологии Гэмбл уделит мало места, что, с одной стороны, для нас сожалеательно, так как у нас эта отрасль археологии очень слабо развита и слабо известна, а с другой стороны, естественно, так как, на мой взгляд, роль и заслуги этого течения сильно преувеличены, оно порождено скорее политическими факторами, чем научными. Мне ближе точка зрения, высказанная Баном: «качнувшись в другую сторону от прошлого андроцентризма, маятник — в опасности снова уйти в крайность: сексизм раздражает двояко. ...Хорошее противоядие против мужского шовинизма в науке о прошлом — эгалитарная и нейтральная археология, а не феминистская археология... Впереди еще длинный путь к этому, но *реальный*

путь вперед — сбалансированная, асексистская археология, а вовсе не феминистская, которая по отношению к традиционной является просто оборотной стороной монеты» (Bahn, 2000. P. 87).

Марксистскому подходу Чайлда, а не Новой Археологии Гэмбл отводит роль инициатора теоретических исследований в археологии (с. 32–33). Роль Чайлда безусловно велика, но его «Составление прошлого из обломков» появилось в 1956 г., а «Исследование археологии» Уолтера Тэйлора и «Археология и общество» Грэйема Кларка вышли соответственно в 1948 и 1939 гг. Более ранние работы Чайлда («Новый свет на древнейший восток» 1935 г. и «Человек сам себя сделал» 1936 г.) вводили марксистские идеи в археологию (впрочем, после советских археологов), но собственно теорию археологии затрагивали косвенно. Более прямо к ней относилось его понятие археологической культуры середины 20-х гг., но его предшественником в этом был Косинна, а в более общем плане осмысливали теоретические проблемы археологии Монтелиус и Софус Мюллер в последние десятилетия XIX в. Марксизм тогда не затрагивал археологию.

В списке ведущих направлений второй половины XX в. мне не хватает так называемой бихевиорной археологии (перенос акцента на формирование археологического источника), которую я связываю не только с Майклом Шиффером, но и с поздними работами Бинфорда и Дэвида Кларка, а также с еще более ранними работами Эггерса.

Третья глава книги посвящена основным понятиям археологии — таким как: археологическая процедура («план археологического исследования»), репрезентативная выборка, разведки и раскопки, артефакты, признаки, стили, комплексы и археологические культуры, принципы стратиграфии, изменение употребительности и сериация, методы относительного и абсолютного датирования. К сожалению, эти наиболее важные для археолога понятия даны слишком бегло (все вместе на 26 страничках книжки небольшого формата, по 1–2 странички на понятие). Между тем в разнообразии каждого из этих понятий (выбор подходящего типа процедуры, разница между целевой и репрезентативной выборкой и поиски оптимальной выборки, различия и сложности монотетического и политетического группирования и т. п.) кроется большинство разногласий в археологии. Не войдя в эти споры, не понять, что творится в археологии.

Далее автор переходит к истолкованию археологического материала.

Глава четвертая называется «Люди». Ей уделены следующие 25 страниц. Гэмбл рассматривает три вопроса: «Кто тот, о ком мы хотим узнать?», «Что мы можем узнать?» и «Как мы узнаем?». Первый вопрос имеет дело с соотношением индивида с группой, обществом, системой. Мы можем распознать в археологии действия индивидов, даже различить их самих в погребениях, но мы не знаем их имен и вряд ли оценим их конкретные роли в истории. Поэтому обычно археологи интересовались больше результатами массовых действий, старались распознать законы и процессы изменения социальных систем. Гэмбл приводит шутку Колина Ренфру: мы не хотим знать, кто был верхней собакой (фразеологический оборот: победившей в драке = хозяином положения), мы хотим знать, какого рода собакой он был. Людям, констатирует Гэмбл, не нужны новые проделки собаки; по ним (людям), пусть она по-прежнему бежит в стае (с. 74). Он повторяет аргумент пост-процессуалистов: «С этой точки зрения индивиды становятся не чем иным, как слугами системы» (с. 75). Как у дарвиновских культурологов — индивиды это просто средство, которым гены и их культурные соответствия, мемы, воспроизводят себя. Один философ пошутил, что с точки зрения библиотеки ученый — это просто средство делать еще одну библиотеку. Для Гэмбла Редуолд, похороненный, вероятно, в кургане Саттон Ху, это есть предмет, воздействовавший на структуру общества и испытывавший воздействие от него. «Здесь, — наставительно замечает Гэмбл, — собака Ренфру завывает новым голосом» (с. 76).

Для меня игры с этим взаимодействием понятий ничего нового не вносят в археологию и ничего не проясняют в ней. Вопрос о роли личности в истории (включая преисторию), о ее соотношениях с закономерностями, процессами и системами — большой вопрос философии истории, он решается не в археологии и не ее средствами. В лучшем случае она лишь поставляет материалы для его решений. В ней есть результаты индивидуальных действий, есть результаты массовых действий, видны индивиды, как видны системы. И точка. Собаке лучше помолчать.

Таково же мое мнение о понятии *agency*, модном в западной археологии. Оно призвано артикулировать в интерпретативных рассуждениях слишком общее понятие индивида, придать ему теоретическую глубину.

«Индивид может быть *red herring* (фразеологический оборот: копченой селедкой = отвлекающим маневром. — Л. К.). На деле если мы не слыш-

ком осторожны, индивид может быть всего лишь небольшой институцией, наполненной сущностями (типа свободной воли) и признаками (как право носить оружие), которые мы считаем универсальными (или, по крайней мере, думаем, что они должны быть такими). Если это так, то индивид выдвигается как еще один идеальный тип или пустое место, чего нужно избежать. Вместо того чтобы составлять список таких признаков, которые мы чувствуем принадлежащими индивиду, лучше следовать теоретикам социологии и снабдить индивидов некоей *agency*, способностью действовать» (с. 82).

Agency, термин, введенный в социологию Гидденсом и Бурдье, очень трудно адекватно перевести на русский. В словаре этот термин разъясняется как «деятельность», «посредство», «сила», «фактор». Поскольку это понятие означает в социологии способность индивидов взаимодействовать с системами и обозначает человека как движущую силу в обществе, наиболее адекватный перевод должен быть «человеческий фактор».

В истории и социологии он, конечно, важен. В археологии как науке — тоже (это ведь мы, археологи). В археологии как сфере изучения — вряд ли.

В качестве примера значимости человеческого фактора для археологии как сферы изучения Гэмбл приводит расчеты количества приматов, способных составить сеть взаимного груминга (искания насекомых в шерсти) так, чтобы оставалось время на поиски еды. Эта сеть унаследована людьми. Все это очень разумно, но при чем здесь человеческий фактор как выявление роли индивидов? Это же типичный социологический расчет действующей массы. Отдельные индивиды могли быть исключительно преданы грумингу (или исключительно любить насекомых), другие успешно увиливать от него, но дело решала статистика, средние цифры.

Вопрос, что мы можем знать об этом всем, Гэмбл сводит к вопросу о том, откуда мы берем наши объяснительные идеи. Это проблема аналогий, которую автор, минуя проблему сходств и гомологии, сводит к проблеме этнографических аналогий. «Лестницу Хокса» (последовательное уменьшение познаваемости прошлого по источникам — от техники к религии) он переформулирует в «луковицу Хокса».

«Я думаю, ответить на трудность аналогии можно, распознав, что это луковица, миновавшая сроки продажи. Ошибка в самой идее слоев человеческой деятельности или систем внутри общей системной структуры. На деле же социальное

связано с техническим, как религиозное — часть подсистемы. Возможно, аналитически и удобно делить человеческую деятельность таким манером, но это не так, если все, чего можно этим достичь, это заблокировать большие ломты прошлого для интерпретации. Так что не лущите луковицу. Либо ешьте ее целой, либо замаринуйте ее в кувшине, называемом 'история предмета'. Думаю, вы увидите, что пределы для выводов, предложенные этой аналогией, станут менее проблемными» (с. 91).

Это пересказ иными словами (более изящными) гносеологического оптимизма Бинфорда, основанного на вере в силу системного подхода. Все же «лестница Хокса» остается в основном справедливой, потому что нельзя все сводить к закономерным связям внутри системы. Очень много места в культуре остается для индивидуальных вариаций и случайности.

На вопрос, как мы познаем, Гэмбл отвечает кратким (слишком кратким) рассказом о принципах построения гипотез и теорий. В боксе он приводит сведения об индукции, дедукции и абдукции. А в тексте два типа построения гипотез поясняет образами литературных героев-следователей (детективов) — Шерлока Холмса и Филиппа Марлоу. Шерлок Холмс обладал исключительной наблюдательностью и «археологическим воображением» — умел дедуцировать выводы из законов психологии и других, применяя их к частным признакам. Филипп Марлоу действует иначе. Он весь погружен в мир, который ему предстоит обследовать, хорошо его знает и имеет чутье. Он догадывается, как поступят те, кого он выслеживает, и исходит из контекста. Для археолога Гэмбл считает равно правомерными оба подхода, но артикулирует только первый. И это естественно: как транспонировать интуицию в логику?

Для подхода же Шерлока Холмса Гэмбл прибегает к разбору принципа униформизма, «синдрома Помпей» и методов этноархеологии (у него — «живой археологии»).

Он не замечает здесь только одного — насколько археология, изучающая материальные остатки, вообще близка по природе деятельности детектива, изучающего следы, и насколько синтезирующая деятельность историка, изучающего прошлое, присваиваемая многими археологами, близка по функциям действиям судьи, на которые детектив не должен претендовать (см. *Клейн*, 1991б. С. 3–12; *Klejn*, 1993. Р. 339–348; *Клейн*, 2004а. С. 159–163).

Пятая глава — «Предметы». В ней автор пишет о материальной культуре, мысленных шаблонах как

идеях типа, о классах артефактов (он игнорирует понятие типа), о символических значениях артефактов, о функциях и контексте, о дуализме природа—культура. Чтобы подчеркнуть и здесь роль индивидуального, он рассматривает биографии предметов (пишет о жизненном цикле горшков).

Значительное место он уделяет понятию «стиль», уже затронутому в главе об основных понятиях. Он задумывается: «почему нечто столь основное оказывается столь сложным. Мнения порою противоположны, а явное отсутствие согласия существует в том, что такое стиль и что он на деле осуществляет» (с. 108). В боксе 17 Гэмбл приводит разнообразные цитаты о том, что такое стиль, выбранные из разных авторов для доказательства разнобоя. В заключение приводит цитату из Роберта Боуста: «Я не решал проблему стиля, потому что она неразрешима» (с. 109). Сам Гэмбл добавляет: «Стиль эклектичен, и таковы же его интерпретация и объяснение» (с. 110).

На мой взгляд, можно, конечно, набрать много разных индивидуальных мнений и трактовок, но ведущие археологи пришли к дельному решению проблемы, изложенному у Г. Кларка, Бинфорда, Сэкета и Даннелла и хорошо аргументированному. Оно отлично от искусствоведческих поисков, к которым близки приведенные Гэмблом цитаты. Когда исходят из интерпретаций, то так и получается (интерпретации очень разнообразные), но когда хотят дать сначала формальное определение, а потом идти к интерпретациям, то нужно сопоставить понятие «стиль» с понятием «тип». То и другое образованы формально сочетанием признаков. Но тип выделяется внутри функциональной категории (типы топоров или типы горшков), а стиль — вне зависимости от функционального назначения вещей. Он вовлекает те признаки, которые образованы факторами вкуса или традиции, случайными связями. Это определение подходит практически к любому стилю, в археологии и вне ее (*Клейн*, 1991а. С. 161–164; 2004б. С. 22–23).

Глава шестая — «время и пространство». Гэмбл указывает, что время и пространство неразделимы и являются двумя главными опорами археологии. Я-то воспринимаю дело иначе. Для меня времени в археологическом материале нет. Оно есть в культурно-историческом процессе, а мы имеем дело только с его следами и отложениями. В археологическом материале время представлено только как пространственные отношения — в стратиграфии и в формах типологии. Стратиграфия и эволюционно-типологический метод — это

и есть перевод пространственных отношений во время.

Гэмбл несколько путанно представляет это как особенности контекста. «Как и время, контекст может быть вертикальным, как и горизонтальным» (с. 125). Поэтому он рассматривает именно в этой связи контекстуализм Ходдера и сопрягательный подход Тэйлора, замкнутые комплексы, археологические культуры Чайлда и технокомплексы Дэвида Кларка, а также что за ними стояло в реальности, разбирает вопрос о мировых системах Уоллерстайна и «одном мире» Аккоу. Дальше он все-таки переходит к аспектам именно времени — разбирает понятие темпоральности (как способы представления текущих процессов, их деление, метафоры времени), шкалы времени и усреднение измерений, описывает, как наши тела чувствуют и переживают время — в определенном месте и ландшафте, природном и социальном.

Это позволяет ему гладко перейти к рассмотрению пространства. Здесь он больше в своей тарелке. Он верно подмечает, что «археология как антропология» Северной Америки выступала (недолго) в Британии под знаменем «археология как география», «пока не была вполне осознана нехватка человеческого контекста в обоих подходах» (с. 141). Главным в пространственной археологии Гэмбл считает распознавание пэттернов — конфигураций на разных уровнях: на уровне местонахождений, внутри них и, наоборот, на уровне региона. Он выделяет четыре аналитических подхода к пространству в археологии: 1) операции с «центральными местами» и политиями, 2) анализ убывания качеств с расстояниями, 3) влюбленность археологов в карты распространения (достигшая апогея в компьютерных «географических системах информации») и 4) проникновение в социальное использование пространства (разное для разных возрастов, гендеров и т. п.).

Седьмую главу Гэмбл назвал «Изменение и застой». Он начинает эту главу с констатации: «В сердце археологических исследований лежат вопросы об изменениях. Это великие вопросы „почему“, которыми мы пытаемся понять движение к сельскому хозяйству или факторы, стоящие за распространением людей в Новый Свет, по крайней мере, 15 000 лет назад... Но изменения — это лишь одна сторона медали, на другой стороне — застой» (с. 153). Дальше он перечисляет пять таких вопросов, вокруг которых фокусировалась значительная часть археологических исследований. Это происхождение гоминид, происхождение современного человека, происхождение сель-

ского хозяйства и домашних животных, происхождение урбанизма и государства, происхождение современного общества с его техникой и организацией. Гэмбл подробно рассматривает, как эти вопросы решаются с помощью археологии.

С моей точки зрения, все эти вопросы не входят в компетенцию археолога. Это вопросы преистории и истории. В компетенции археолога вопросы о соотношениях следов и материальных остатков с событиями, процессами и деятелями прошлого (индивидуальными или коллективными), и только. Это источниковедческая дисциплина — такая же, как нумизматика или археография (Клейн, 1978; 1995; 2004а).

Специальный раздел посвящен вопросу: «Что является хорошим объяснением в археологии» (с. 179–185). Гэмбл перечисляет возможные парадигмы, в рамках которых даются объяснения, — культурно-историческая (с его точки зрения, описательная), теоретические — марксистская, неодарвиновская. Он предлагает ряд своих советов («мои директивы для хорошего объяснения в археологии») — советует подумать:

1) устраняет ли объяснение дуализм внутри/вне и природа/культура?

2) уходит ли оно от порочного круга, например, объяснения культуры культурой?

3) предлагает ли оно способы собрать новые данные, чтобы попытаться дать другую версию того же объяснения?

4) учитывает ли оно больше археологических данных, чем предшествующее объяснение?

5) удастся ли описанию не превращать прошлое в то, с чем мы просто знакомы в настоящем?

6) поражает ли оно вас как правдоподобное, и если так, достаточна ли правдоподобность для выдвинутого вопроса?

7) сплетает ли ваше объяснение (имеются в виду логические нити рассуждений, образующие гипотезу. — Л. К.) более сильный кабель?

За исключением первого (не очень понятного), это обычные критерии состоятельности гипотезы, рекомендуемые логикой и психологией науки. Ничего нового или какого-то персонального вклада в этом списке нет.

Последняя, восьмая глава называется «Идентичность и власть». Уже само определение темы подсказывает, что здесь также решаются вопросы истории и преистории, а не собственно археологии. «Какова идентичность личности, похороненной в корабле под курганом Саттон Ху 1400 лет назад? У нас есть имя Редуолд, но, как мы видели в главе 4, это все равно, что назвать любимца се-

мью (кличкой) Фродо. Дать имя собаке не значит установить ее идентичность» (с. 187). Под установлением идентичности человека Гэмбл имеет в виду отнесение к категориям пола, возраста, социального статуса. Власть он включает сюда с оговорками: «власть — более тонкая материя, чем это. ...Власть — скорее сеть отношений, чем ряд институций» (с. 188). Непосредственными аспектами идентичности, содержащимися в археологическом материале, он считает этническую принадлежность, класс, гендер, сексуальность, возраст и тело. Выводными аспектами, по Гэмблу, являются притязания современных национализма и этничности, а значит, и колониализма, на связь с этими объектами прошлого. Отсюда вся сеть рассуждений в этой главе вплоть до вопроса о политике наци в археологии. Сюда входит также и идея *хабитуса* — модное понятие в современной западной археологии. *Хабитус* — это осознание человеком своей идентичности, своей принадлежности к тому или иному сообществу, пола, возраста, социального статуса, этноса, вкуса.

«Но как мы концептуализируем *хабитус* и эти ландшафты привычки? Взглянем этому в лицо, *хабитус* — великая идея, но у краев она определенно расплывчата для предмета, столь „погруженного в данные“, как археология. Археологи знают, что там снаружи есть реальность, а именно прошлое. Мы проходим по нему, совершая разведку и собирая подъемный материал. Мы можем принять в руки горшок и поведать вам его культурное происхождение. Мы можем нацелить нашу хронологическую шкалу на стилевую зону. Мы можем картировать распределения, основанные на сходстве формы, облика, признаков и этой вещи, называемой стилем. *Хабитус* же — где-то „там, снаружи“, как истина в корреляционных таблицах» (с. 197).

Возникает вопрос, зачем нужно столь смутное и неопределенное понятие в археологии.

Оно связано с другим понятием, не менее сложным и подвижным, но более определенным — *этносом*. Это также не понятие археологии, но оно часто фигурировало в археологии — как цель, как то, что скрывается за археологической культурой. Гэмбл разумно и объективно разбирает это понятие. Приступая к нему, он включает читателя в анализ:

«Позвольте мне проиллюстрировать, сколь нагружены археологические факты понятиями этничности, спросив вас: Как вы думаете, кто вы? Как вы классифицируете себя? Как вы видите себя — по вашему телесному фенотипу (цвет кожи,

тип волос, рост, пол) — или по вашему внутреннему генотипу (по истории ваших генов)? Или вы подчеркнете важность культуры, в которой вы живете, со всеми ее хитрыми и чудесными способами приветствия людей, поведения за столом, языка тела в разных социальных ситуациях — не упоминая уже об условностях вокруг того, что вы носите из одежды, как вы варите («вы то, что вы едите»), и т. д.? Разные идентичности, применимые к вашему телу, классу, сексуальности, возрасту и гендеру, достаточны ли, чтобы очертить границы вокруг вашего этнического статуса? Ответы на эти вопросы в любом многокультурном обществе потребуют очень сложного набора признаков. Подумайте на этом... По-моему, вы очень быстро увидите, что большей частью ваши категории очень многозначны» (с. 207).

Далее следует всесторонний анализ этничности. В связи с ним очень кратко рассматривается и набивший оскомину вопрос — «кому принадлежит прошлое».

Завершает Гэмбл свою книгу разделом «Будущее археологии», который он целиком занял примером изучения кладбища рабов-африканцев в штате Нью-Йорк. С точки зрения Гэмбла, изучение позволило неграм установить свои связи с Африкой и миром, что как-то исцеляет исторические раны недавнего прошлого. Гэмбл видит будущее археологии в способствовании чувству ответственности. Мне представляется, что проблема будущего археологии более объемиста и включает вопросы об исчерпаемости археологических источников и об общественной ценности археологической информации. Ведь на Древнем Востоке и в античном мире средства для занятий археологией существовали, а нужды в ней не было. И не было археологии. Что же позволяет надеяться на ее сохранение в будущем?

Таковы мои замечания по книге Гэмбла. Предложенная критика не устраняет моей в общем очень положительной оценки этого введения. Многие замечания связаны с тем, что в книге, на мой взгляд, чего-то не хватает, но Гэмбл предупредил читателя, что не рассматривает свою книгу как учебник (с. X). Во многом мои замечания относятся к спорным вопросам, по которым в книге содержатся положения, непривычные для нашей, российской археологии и такие, которые мне лично представляются неправомерными для археологии вообще. Но они очень распространены в западной археологии, и введение Гэмбла от-

ражает современное состояние западной науки. Этим оно для нас и интересно.

В англоязычном мире вышло уже второе издание книги Гэмбла. Я бы считал, что оно заслуживает перевода на русский язык. Правда, у нас сейчас английский язык становится все более распространенным среди археологов, но в тексте много трудно переводимых понятий, а кроме того, в продаже английские книги не очень доступны для большинства наших археологов. Если мы хотим получить хорошее и лаконичное представление о нынешней западной археологии, то введение Гэмбла подходит более всего.

- Клейн*, 1973 — *Клейн Л. С.* Рец. на книгу К.-А. Муберга «Введение в археологию». Стокгольм, 1969 (К.-А. Moberg's Introduction till arkeologi. Stockholm, 1969) // *СА*. 1973. № 4.
- Клейн*, 1978 — *Клейн Л. С.* Археологические источники. Л., 1978.
- Клейн*, 1982 — *Клейн Л. С.* Введение в специальность: Программа спецкурсов по археологии и этнографии. Свердловск, 1982.
- Клейн*, 1991a — *Клейн Л. С.* Археологическая типология. Л., 1991.
- Клейн*, 1991b — *Клейн Л. С.* Рассечь кентавра: О соотношении археологии с историей в советской традиции // *Вопросы истории естествознания и техники*. М., 1991. № 4.
- Клейн*, 1995 — *Клейн Л. С.* Археологические источники. СПб., 1995 (2-е изд.).
- Клейн*, 2004a — *Клейн Л. С.* Введение в теоретическую археологию. СПб., 2004. Книга 1: Метаархеология.
- Клейн*, 2004b — *Клейн Л. С.* Путь к теории стиля: Рец. на книгу Е. Н. Устюговой «Стиль и культура: опыт построения общей теории стиля». СПб., 2003 // *Новый мир искусства*. 2004. № 3 (38).
- Bahn*, 2000 — *Bahn P.* Archaeology: a very short introduction. New York, 2000.
- Braidwood*, 1960 — *Braidwood R.* Archaeologists and what they do. New York, 1960.
- Eggers*, 1959 — *Eggers H. J.* Einführung in die Vorgeschichte. München, 1959.
- Gamble*, 2000 — *Gamble C.* Archaeology: the basics. London; New York: Routledge, 2000 (2nd ed., 2008).
- Klejn*, 1993 — *Klejn L. S.* To separate a centaur: On the relationship of archaeology and history in Soviet tradition // *Antiquity*. 1993. Vol. 67, No 255.
- Koepf*, 1939 — *Koepf F.* Archäologie. Berlin, Göschen, 1939 (сокращ. изд. 1911 г.).
- Moberg*, 1969 — *Moberg C. A.* Introduktion til arkeologi. Stockholm, 1969.
- Wheeler*, 1956 — *Wheeler M.* Archaeology from the earth. 2nd ed. Harmondsworth, 1956 (orig. 1954).

Л. С. Клейн
Россия, Санкт-Петербург

Сибирское воспитание Мерхарта

Merhart Gero, von. Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen /
Hrsg. von H. Parzinger. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2008. 287 p., 59 figs.

Можно без большого преувеличения сказать, что послевоенное лицо германской археологии во многом сформировал один человек — Мерхарт. Это его печать на ней привела к тому, что, восхищаясь ее солидностью и дотошностью, ее называют атеоретической (*Härke, 1991; Kossack, 1992*). Спорят о том, насколько эта его печать выражена (*Klejn, 1993*), но что это так, споров нет. Мерхарт воспитал когорту эмпирически ориентированных археологов, занявших виднейшие места в послевоенной археологии Германии (и не только Германии), способствовал тому, что принципы эмпиризма утвердились во многих центрах немецкой археологии. Конечно, этому способствовала не только личность Мерхарта — имели значение и события нацизма и Второй мировой войны, дискредитация националистической археологии и марксистской археологии. Но и личность научного лидера важна.

Вот сейчас вышла и стала доступна широким кругам археологов книга воспоминаний Мерхарта (*Merhart, 2008*), проливающая свет на формирование самого лидера. Это книга о его работе заведующим отделом первобытной археологии музея в далекой Сибири — в Енисейской губернии, в Красноярске (на полюсе холода). Попав в русский плен в самом начале Первой мировой войны, австрийский офицер с образованием археолога Геро Мерхарт фон Бернег¹ провел в плену шесть с половиной лет (1914–1921). Из них четыре он мыкался в сибирских концлагерях, а на два последних года сумел получить работу на свободе — в музее, по профессии. Вот этим годам и посвящена книга, которую автор назвал русским словом «Далёко» («Daljoko»).

То, как это слово написано, показывает, что русский язык Геро Вальтерович, как его звали в Рос-

¹ Попутно небольшое замечание о фамилии. Приставка «фон» пишется то перед второй частью фамилии (Мерхарт фон Бернег — напр., *Kossack, 1977*), то перед первой (фон Мерхарт). Это несколько сбивает с толку иностранцев, не знакомых с тонкостями немецкого дворянского титулования.

сии, осваивал не по учебникам и не от профессоров-лингвистов, а от окружающего простонародья — конвоиров, солдат, казаков, крестьян: «далёко» — просторечное словечко, литературное звучание — «далеко». «Крепче» он знает как «крепше», «лихорадку» вообще передает фонетически: «лихарапка».

Книга снабжена подробным предисловием Г. Парцингера, который в постсоветское время возглавил совместное русско-немецкое археологическое изучение Сибири, возобновив традицию Мерхарта. Повторено и предисловие Шпрокгофа из первого издания.

Сам Мерхарт считал свои работы в Сибири большой удачей. Он даже несколько раз отказывался использовать возможности и отправиться на родину, не закончив свои исследования в России. Открыв палеолит в Сибири, он опубликовал об этом статью в Америке, а свою диссертацию на родине назвал «Бронзовый век на Енисее» (*Merhart, 1926*). Книга получила мировую известность.

Воспоминания автор писал в ближайшие последующие годы, закончил уже в Марбурге в 1932 г. Заметим, что для содержания своих воспоминаний Мерхарт избрал не жуткие годы плена в сибирских лагерях, а годы работы и сотрудничества с сибирскими учеными, самоотверженными музейщиками. Первое издание вышло посмертно в 1959 г., крохотным тиражом — для близких. Парцингер задается вопросом, почему так поздно, и ищет ответ в личной скромности Мерхарта. Да как же было издавать дружественную книгу о России в годы нацизма и войны? Да и после 1945 г. атмосфера холодной войны не благоприятствовала таким воспоминаниям.

Структура книги (кстати, почему-то не отраженная в оглавлении) такова. После предисловия, объясняющего выбор названия, следуют главы (без нумерации): «Наконец! Первая зима за работой» — здесь Мерхарт не без юмора описывает, какие трудности и опасности пришлось преодолеть военнопленному, чтобы из концлагеря очутиться в неблагоустроенных комнатах музея вре-

мен Гражданской войны. Наконец он был зачислен на государственную службу. Как характеризует это событие Мерхарт, раньше он голодал за свой счет, теперь он стал голодать на государственные средства. Следующая глава «Весна и выезд» представляет Мерхарта, плывущего на пароходе вверх по Енисею с посещением знаменитых археологических мест — Афонтова гора, Минусинские степи. Сюда попадает и пожар, в котором сгорело строившееся новое здание Красноярского музея. Глава «Степи и могилы» — чисто археологическая. Здесь Мерхарт с энтузиазмом открывателя описывает памятники, которые он видит и обследует в степях, — курганы, стелы, петроглифы. Следующая глава «Татары и их железная дорога» посвящена местным жителям степей — кочевникам хакасам, качинцам и сагайцам, которых тамошние русские подгоняли под общую кличку «татары». Далее следует глава «Вниз по Енисею» — тут Мерхарт описывает свое лодочное путешествие на север к Бирюсе и Енисейску. Следующая глава «От оси до оси» описывает поездки на подводах по деревням и казачьим станицам.

«Новая зима» застаёт Мерхарта за нелегкими решениями: воспользоваться ли возможностью покинуть Россию и отбыть на родину, прервав работу, или продолжить изучение Сибири, исследуя памятники, о которых могут только мечтать его коллеги в далекой Европе, но возможность вернуться может и исчезнуть (как мы знаем, расстаться в скором будущем, в эпоху Большого Террора, можно будет и с жизнью). В это время Мерхарт свободен, его ценят как незаменимого работника, но он и военнопленный. Мерхарт затягивает отъезд на много месяцев и выбирает дорогу не через Владивосток и океан, а на запад. В главе «Калейдоскоп возвращения на родину» описаны его многодневные остановки по пути — в Казани, Москве и Петербурге. Везде он встречается с известными археологами, работает над коллекциями в музеях, а кроме того, приходится подрабатывать грузчиком и уборщиком, чтобы заработать на пропитание и продолжение пути.

Для современного немецкого читателя книга Мерхарта полна экзотических подробностей — смена властей (то белые, то красные, то австрийские интернационалисты, то белочехи), чекистские ночные визиты и аресты, эпидемии сыпного тифа, голод и примитивные условия жизни. На этом фоне радужным выглядит описание русской интеллигенции, самоотверженной и культурной (сотрудница музея столь чисто говорила по-немецки, что воспринимала южный (австрийский и

мюнхенский) говор Мерхарта с подозрением — верно ли, что он окончил университет).

По описаниям Мерхарта можно видеть, какие условия формировали его стремление избегать политики и партийности, не поддаваться идеологическим воздействиям, сохранять приверженность чистой науке и задачам сохранения культурного наследия. Эта настроенность, заложенная еще его учителями Гернесом, Ранке и Обермайером, окрепла в нем под воздействием частой смены властей и режимов и пронесена через всю жизнь. Она передана и его ученикам — под его руководством защитили диссертации 33 археолога (в России после сказок Пушкина вошла в оборот формула «33 богатыря»). Парцингер показал, что многие из них усвоили и тягу Мерхарта к сибирской археологии.

Для русских воспоминания Мерхарта — ценнейший источник по вымаранным и забытым страницам истории российской археологии. Мерхарт (не только в мемуарах, но и в письмах) оживает фигуры, вычеркнутые из жизни и памяти, а тех, кого Мерхарт по разным причинам не включил в воспоминания, присоединяет к ним Парцингер — по другим описаниям Мерхарта. Да и для современных русских описанная Мерхартом жизнь — почти такая же экзотика, как для немцев.

Кроме того, для русской археологии существенна традиция изначального участия немцев в изучении Сибири. Мерхарт вспоминает, что еще за 200 лет до него в такой же роли — военнопленного, ставшего исследователем, — оказался швед Табберт, опубликовавший книгу о Сибири под фамилией Страленберга. Но он упустил (это восстановил Парцингер), что главным в этой экспедиции был немец Мессершмидт. А вскоре после него 10 лет в Сибирской экспедиции провел немец и российский академик Миллер. За ним и другие немцы на русской службе изучали Сибирь — Паллас, Гмелин. Заслуги этих людей перед русской наукой некоторое время замалчивались и даже охаивались — из ложно-патриотических соображений. И сейчас пестуется в некоторых кругах идея обособления России от Запада. Надеюсь, что воспоминания Мерхарта выйдут и на русском, и это будет способствовать сближению русской науки с немецкой и европейской.

В книге помещены очень умело подобранные фотографии из Красноярского музея — город, его люди того времени, в том числе герои мерхартовских воспоминаний. Не помешало бы включение в иллюстративный материал карт, на которых были бы обозначены упоминаемые места, маршруты Мерхарта. Ведь даже для жителей Европей-

ской России Красноярск, Минусинск, Енисейск, Томск, Иркутск, Чита расположены где-то «далёко, далёко», и который из них перед Енисеем, который за ним, который южнее, который севернее — далеко не всякий скажет.

В глоссарии, который составлен самим Мерхарт, объяснены некоторые русские слова и выражения, но объяснения нуждаются в поправках. Кое-где эти поправки вставлены в квадратных скобках, но их явно недостаточно. Как это обычно для немцев, Мерхарт систематически не различал русских звонких и глухих согласных, путал их. «S» у него то «с» (*samowar, samochwal, Sam molo-diez*), то «з» (*saimka, sakurit, semskij*). Станным образом русские сотрудники, поправлявшие глоссарий Мерхарта, «исправили» его верное «пожар» (*poshar*) на неверное «пошар» (*poschar*), а «старошилец» не исправлен (верно: «старожилец»!). Неисправленным осталось «*Dawajte zakurit*». Тут явно слились два русских выражения: «Давайте закурим» и «Дайте закурить!». Это не упрек Мерхарту, он усваивал русский на ходу и на слух, упрек издателям. Однако упрек частный и небольшой.

Введением этой книги в широкий круг чтения издательство Бёлау внесло весомый вклад в историю немецкой и русской археологии и русско-немецких культурных связей.

Härke, 1991. — *Härke H.* All quiet on the Western front: Paradigms, methods and approaches in West German archaeology // Hodder I. (ed.). *Archaeological theory in Europe. The last three decades.* London; New York: Routledge, 1991.

Klejn, 1993. — *Klejn L. S.* Is German archaeology atheoretical? Comments on Georg Kossack. *Prehistoric archaeology in Germany: its history and current situation* // *Norwegian Archaeological Review.* Bergen, 1993. Vol. 26, No 1.

Kossack, 1977. — *Kossack G.* Gero Merhart von Bernegg (1886–1959) / *Vorgeschichtler.* — Schnack I. (Hrsg.). *Marburger Gelehrte in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Lebensbilder aus Hessen I* (Veröffentl. Hist. Komm. Hessen 35, 1). Marburg, 1977.

Kossack, 1992. — *Kossack G.* Prehistoric archaeology in Germany: its history and current situation // *Norwegian Archaeological Review.* Bergen, 1992. Vol. 25, No 2.

Merhart, 1926. — *Merhart G.,* von. *Bronzezeit am jensei.* Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien, 1926.

Merhart, 2008. — *Merhart G.,* von. *Daljoko.* Bilder aus sibirischen Arbeitstagen / Hrsg. Von H. Parzinger. Wien et al.: Böhlau, 2008.

Л. С. Клейн
Россия, Санкт-Петербург

Пересмотр катакомбной общности (о дискуссионном труде С. Ж. Пустовалова)

Пустовалов С. Ж. Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. Київ: Шлях, 2005. 412 с., табл., ил.

1. Археолог и его труд. Труд С. Ж. Пустовалова «Социальный строй катакомбного общества Северного Причерноморья», вышедший на украинском языке в Киеве в 2005 г., по ряду причин (среди которых и слабый книгообмен с Украиной) попал ко мне в руки только сейчас. Это самый солидный и содержательный труд по катакомбным культурам за последнее десятилетие. Моя научная деятельность начиналась с изучения катакомбных культур, а Пустовалов студентом учился у меня в Ленинградском университете, затем работал в Киеве под руководством В. Ф. Генинга, с которым я не раз дискутировал по теоретическим проблемам. Так что для меня естественно откликнуться на этот труд, хотя писать рецензию уже вроде бы и поздно — эти свои замечания я пишу вместо рецензии. Но поскольку труд вышел на украинском языке, его освещение на русском поможет археологам России и стран, где русский — язык международного общения, быть в курсе современных проблем изучения катакомбной свиты культур — одной из самых интересных в бронзовом веке Восточной Европы.

Пустовалов десятки лет участвовал в археологических экспедициях, с его участием в катакомбах открыты моделированные черепа (маски на черепе), он выявил (не упустил!) чрезвычайно важный памятник — Молочанское святилище. С 1980 г. Пустовалов выпустил не менее 70 работ по катакомбным культурам Украины, а четверть века спустя представил обобщающий труд. По тону и содержанию видно, что новации Пустовалова натолкнулись на неприятие и ожесточенную критику ряда коллег. Поэтому интересно разобраться.

Главная новация Пустовалова состоит вот в чем: он обобщил и развил суждения многих археологов о том, что катакомбные культуры некоторое время сосуществовали с ямными, что был переходный период с ямно-катакомбной культурой. Пустовалов выдвинул идею, что это был не пере-

ходный период, что он заполняет всё время бытования катакомбных культур и что все эти культуры сосуществовали на одной территории. Это существование он объяснил как их взаимодействие в сословно-кастовом обществе, где ямная культура представляла низший слой (побежденное местное население), а катакомбные культуры (их он выделяет в основном две — ингульскую и восточнорусскую) составляли высшие касты, произошедшие из мигрантов-завоевателей. Это был их путь к государственному строю.

Отчасти в этих идеях он опирается на мои старые представления о миграционном происхождении катакомбных культур и на мои не столь старые идеи об их связи с Индией. Но я говорил о миграции донецкой катакомбной культуры из Ютландии через Балканы и считал мигрантов индоевропейцами, а Пустовалов, не отвергая этого применительно к донецкой культуре, выдвигает на первый план другую катакомбную культуру — ингульскую, которую выводит из Анатолии. Индию я привлекал для объяснения некоторых особенностей катакомбных погребений, чтобы сделать вывод об их индоарийской принадлежности. Пустовалов же отказывается катакомбникам в индоевропейской принадлежности вообще, считая их культуру по происхождению ближневосточной, а по языку афро-азиатской (или северокавказской). Их знаковую систему он сближает с консонантным раннесемитским алфавитом Библии.

Это очень интересные идеи, они могли прийти в голову только несомненно талантливому, смелому и знающему археологу. Их выдвижение — большая заслуга Пустовалова. Вопрос, однако, в том, какова система доказательств.

Труд объемом свыше 400 страниц формата А4 состоит из восьми глав, приложений (каталоги некоторых категорий источников), а также цифровых таблиц и иллюстраций, которые вместе (таблицы и иллюстрации) занимают половину тома.

Автор хорошо владеет обширной литературой по избранному предмету. В библиографическом

списке 866 работ. Из них 87 работ — на иностранных языках. Эта часть списка, правда, могла бы быть пополнена важной литературой, особенно по методике социоархеологии и этнической интерпретации. Кроме того, в этой части списка названия работ (всех, кроме англоязычных) столь пестрят грамматическими ошибками, что указывать их бессмысленно, а вся диакритика (немецкие умляуты, французские аксаны и т. п.) просто опущена. Незнание немецкого приводит к именованию Ф. Бена (F. Behn) Бехном — в таких случаях нужно быть осторожнее.

Из относящихся непосредственно к теме могу отметить лишь три работы, которые автор упустил. Первая — это статья В. И. Равдоникаса (*Равдоникас*, 1929) о совместных погребениях «Обряд умерщвления женщин в древности». Статья важна для темы, потому что с нее началось социоархеологическое изучение совместных погребений. Вторая — это моя немецкоязычная статья «Богатые катакомбные погребения» (*Klejn*, 1967). Она, правда, в списке литературы есть, но (в отличие от других работ рядом) без указания страниц. Автор ее явно не читал, потому что она совершенно не присутствует в его анализе. В ней я отмечал, что в той выборке, которой я тогда владел, богатые погребения сопровождалась не боевыми топорами или булавами, а кремневыми наконечниками стрел. Поэтому я тогда пришел к выводу, что именно стрелы и являлись у катакомбников знаками власти. Это я сопоставлял с известной символикой власти у кочевников, когда царские чиновники предьявляли как знак власти стрелу или несколько стрел, а царь изображался с луком. С этой увязкой можно не соглашаться, но как-то отметить это было нужно. Не названа также моя русскоязычная работа о происхождении индоариев (*Клейн*, 1980б), хотя англоязычная работа 1984 г. приведена.

Главам книги предпослан список сокращений, на мой взгляд, слишком большой (запомнить их невозможно, приходится всё время к нему обращаться). А вот указатели отсутствуют, это жаль. Коль скоро я заговорил о технических недочетах труда, укажу и промахи с терминологией. Автор везде именуется «дромосом» коридорчик, связующий шахту с катакомбой. Дромос — слово греческое, а в Греции и у античников принято именовать дромосом саму шахту. Чтобы не было путаницы, лучше избегать иного употребления этого термина.

Второе замечание касается терминов «высокая» и «низкая», «повысить» и «понизить» применительно к датам. Автор применяет эти термины как идентичные со словами (соответственно) «позд-

няя» и «ранняя», «омолодить» и «удревнить». Он исходит из обычного археологического представления о стратиграфии (высокий=поздний). Но другие авторы столь же логично употребляют эти термины в противоположном значении (высокий=ранний), исходя из выражения «высокий возраст». Во избежание путаницы лучше и эти термины не употреблять или тут же значение оговаривать.

Продолжу о структуре книги.

В первой главе «Актуальные проблемы катакомбной общности» автор очерчивает состояние изученности катакомбной общности и намечает задачи исследования. Это, можно сказать, краткое введение ко всему труду.

Вторая глава (по сути, первая), очень важная, — «Теоретико-методологические основы исследования». Автор говорит о принципах социологической реконструкции и выявлении этнических отношений по археологическим материалам. Далее, рассматривает работу археологов по изучению взаимоотношений центра и периферии и в связи с этим очерчивает сословно-кастовую систему как модель и развитие подобных отношений. В этой главе представлены весьма интересные разработки кастовой системы как разновидности chiefdom (вождества) или первобытного общества на пути к государственности. Намечены возможные археологические признаки этих явлений. Например, выявление обряда *анулома* — перехода женщин замуж в высшую касту. Продумано, как это можно выявить, сравнивая погребения разных социально-этнических групп.

Не менее важна для последующего изложения и третья глава — «Общая характеристика источников». Автор описывает здесь курганные погребения и их инвентарь, затем грунтовые могильники и, наконец, бытовые памятники, прежде всего поселения. Казалось бы, что здесь кардинального? Просто описание и классификация материалов, охваченных исследованием. Но нет, здесь предпрешены многие качества всего исследования — как положительные, так и недостатки. В содержательном плане глава эта, как мне представляется, основная для всего труда.

Четвертая глава носит у Пустовалова название «Этносоциальная характеристика катакомбного населения по погребальному обряду». Тут можно увидеть такие разделы: «Этническая характеристика катакомбного населения», «Реконструкция этнической структуры», «Этнотипология» и даже «Этнолингвистическая характеристика катакомбного населения». На деле в главе разбирается воп-

рос о происхождении ингульской катакомбной культуры, далее следует социологический анализ — распределение погребений по полу и возрасту, территориальная их группировка и реконструкция социальных отношений. Рассматриваются особые, выдающиеся категории погребений — с моделированными черепами, с повозками, с профессиональными наборами и т. п.

Глава пятая, сравнительно короткая, «Этносоциальная характеристика ямного сообщества Северного Причерноморья», параллельна предшествующей.

Глава шестая — «Этносоциальная характеристика ямного и катакомбного населения по материалам керамического комплекса». Здесь представлена классификация керамики и следует вытекающий из нее социальный и этнический анализ населения.

Следующая глава, седьмая, называется «Экономическая характеристика ямно-катакомбного общества». В этой главе выясняется, насколько важны для первобытной экономики: динамика изменения климата, демографическая раскладка, модели скотоводческого хозяйства.

Последняя глава названа «Общие итоги». Здесь деление на две культуры возведено к неопубликованной рукописи Городцова. Развитие сословно-кастовой системы в бронзовом веке Северного Причерноморья рассмотрено в целом и поставлено в связь с аналогичными явлениями в других странах и временах. Это, можно сказать, заключение всего труда, так что, в сущности, труд состоит из шести глав, введения и заключения. Из этих шести глав две первые обычны для любой археологической монографии (теоретические основы и описание источников), а в остальных четырех главах проводятся параллельно этническая и социологическая интерпретации археологического материала сначала катакомбного (одна глава), а потом ямного (другая глава) по погребениям, потом обоих видов сразу по керамике (это третья глава), и наконец, их экономическая интерпретация (глава четвертая).

Изложение не очень четко распределено по всем этим разделам. Многие вопросы неоднократно излагаются в разных главах (вот тут бы и пригодились указатели). Скажем, символы власти (это уже интерпретация) описаны в главе 3 как источники, а затем в главе 4 — как предмет социальной интерпретации. Либо разбивка темы на главы не очень удачна, либо главы сформированы из предшествующих отдельных работ и материал не был в достаточной мере перераспределен

между ними. Поэтому я буду анализировать труд Пустовалова, не придерживаясь последовательности его глав, а исходя из логики его концепции, проходя по ее наиболее важным пунктам.

2. Теоретико-методологические основы. Теоретико-методологические основы своего исследования Пустовалов излагает более всего во второй главе, но не раз останавливается на этих вопросах и в других местах книги.

Он считает, что настоящее социоархеологическое изучение погребений началось со статьи Л. Бинфорда 1971 г. «Погребальные практики», поскольку там Бинфорд предложил метод измерения трудозатрат для социального ранжирования погребений. Ну, в американской археологии были и более ранние работы о методах социального ранжирования — статья 1958 г. У. Х. Сирса (W. H. Sears) о корреляции курганных обрядов с социальными классами, книга 1962 г. Дж. Гуди (J. Goody) «Смерть, собственность и предки». После Бинфорда критерий трудозатрат использовал Ренфру в своих работах по «социологической археологии» (он же и пропагандировал этот термин). Правда, Бинфорд не сводил социальное ранжирование к подсчету трудозатрат на погребение, он говорил вообще о возрастающей сложности погребения с ростом статуса покойного.

Действительно, в Новой Археологии инициатива Бинфорда считалась прорывом, но не потому, что он предложил наглядный экономический критерий ранжирования погребений, а потому что установил прямолинейную зависимость между формами погребений и организацией социальных систем (Tainter, 1978. P. 107). Но это как раз не достоинство, а недостаток бинфордовской Новой Археологии. «Новые археологи» (процессуалисты) практически отождествляли археологическую культуру с живой социальной системой, игнорируя искажения, вносимые ее археологизацией, и не учитывая воздействия других факторов, в частности ментальных систем, идеологии, религии (впоследствии на этом и сыграли постпроцессуалисты).

Между тем еще в середине XX в. немецкими археологами (особенно Г. Ю. Эггерсом) были разработаны принципы внутренней критики археологических источников и доказана необходимость предварительно (до всякого иного анализа) пропускать археологические материалы через фильтр внутренней критики источников, которая должна определить, насколько всякий иной анализ к ним применим.

Это особенно нужно учитывать при анализе погребений. Невозможно всё прямо раскладывать

по трудозатратной шкале, совершенно игнорируя воздействие религиозных представлений на погребальную практику. Например, А. Хойслер приво-дил этнографические свидетельства, что детей могли сопровождать богатейшим инвентарем просто потому, что они не прожили свое время и, злясь за это, особенно опасны для оставшихся в живых. То есть, прежде чем ранжировать погребения, нужно попытаться восстановить идейные представления данного населения о смерти и мире ином.

Приступая к социальному ранжированию парных погребений, Пустовалов с легким упреком отмечает (с. 32), что Клейн рассматривает их как проявления сексуальных этических норм, а не социальной градации. Он не хочет видеть, что покойники лежат именно в сексуальных позах (раскопщики мягко выражаются: «в супружеских объятиях»), а если так, что нужно пробиться к смыслу этого, и только потом смотреть, как это вписывается в социальную градацию. Нужно выяснять, потому ли у срубников почти нет совместных погребений, что они не имели покойников, достойных такого эскорта на тот свет, или просто потому, что у них вообще не было такого обычая. В третьей главе автор книги констатирует, что количество совместных погребений катакомбной общности приближается к 17 % (с. 36). Это чрезвычайно большой процент, резко выделяющий катакомбные культуры из всех других бронзового века — у тех количество совместных погребений ограничивается несколькими процентами. Никакими социальными факторами этого не объяснить (даже если предположить колебания прогресс—регресс), и нужно прибегнуть к привлечению иной религиозной традиции (объяснение я нахожу в Индии).

В четвертой главе автор анализирует погребения с производственными наборами (так называемые погребения ремесленников). Они характерны именно для катакомбных культур (до 30 комплексов): литейщики, кузнецы, плотники, оружейники, бальзамировщики и т. п. Это всего 2–3 % всех погребений. Но в других культурах бронзового века их нет вообще. Означает ли их наличие в катакомбной культуре ее особую продвинутость, особую выделенность ремесел в ней? Выделение профессионалов несомненно, но особое ли? Прежде всего, это означает, что в представлениях катакомбников инструментарий им понадобится в мире ином, то есть что они там будут продолжать ту же жизнь, которую вели в этом мире. Это особое эсхатологическое представление, которое существовало далеко не во всякой религии. В христи-

анской религии, например, мир иной рисуется как полная противоположность земному миру. Там инструмент не понадобится. У срубников инструмента было не меньше, чем у катакомбников, и мастера разных профессий существовали, но в мир иной срубники отправлялись без профессионального инструментария. Значит, собирались вести там другое существование.

Пищу (в небольшом количестве) брали с собой и те и другие, но это лишь в дорогу. Кроме того, неясно, не была ли сопроводительная пища лишь жертвоприношением богам или предкам.

Разбив могилы на шесть категорий по затратам труда на погребение, Пустовалов счел эти категории реальными слоями населения (знать I разряда, знать II разряда, знать III разряда, зажиточные рядовые, беднота и неполноправные) и далее уже манипулирует этими категориями как реальными слоями, рассматривает принадлежность к ним ремесленников, взаимоотношения между ними, территориальное распределение и т. д. Тогда как мы даже не можем быть уверены, что это условные показатели имущественного положения и статуса. Ведь причины, по которым затрачивали больше или меньше труда на могилу, могли быть самыми разными — ситуативными (зависящими от обстоятельств смерти), племенными (принято или нет в данном племени строить просторную могилу), категориальными, но не связанными с имуществом или статусом (например, погребение опасного чужака или заподозренного в злом колдовстве). Рассматривать трудозатратное ранжирование как отражение имущественного или статусного расслоения правомерно, но лишь как одна из гипотез.

Та работа Бинфорда, на которую ориентировался Пустовалов, слишком прямолинейна.

Ту же прямолинейную механистичность продемонстрировала команда В. Ф. Генинга (в которую входил Пустовалов), разрабатывая формализованную методику обработки погребений. Генинг исходил из своих представлений об этносе, построенных на основе догматического следования марксистской концепции формаций, и из ряда других своих представлений из разряда марксистской схоластики. Я не хочу этим сказать, что весь марксизм схоластичен. В марксизме, несмотря на его основные пороки, были и разумные частные разработки. Но построения Генинга были не из их числа. На этой основе Генинг навязывал своим подопечным жесткие схемы, по которым одни признаки — социальные, другие — экономические, третьи — этнические. О подобных своих ранних взглядах Бинфорд позже говорил, что они

были «глуповаты» (somewhat silly). В отличие от Бинфорда, Генинг держался своих теоретических основ до конца. Я не хочу этим подвергать шельмованию заслуженного археолога. Он сделал очень много в археологии. Просто он хотел достичь успеха и в разработке теории, к чему у него не было достаточной подготовки.

Думаю, что догматизм многолетнего руководителя повлиял и на методологические установки Пустовалова. Он пишет (с. 17), что после критики В. С. Ольховским (1995) методологической книги команды Генинга некоторые коллеги дистанцировались от Генинга, а он, Пустовалов, сохранил верность его принципам. Что ж, сохранять, видимо, не стоило.

В пятой главе автор упрекает Николову (с. 106 и с. 111) за то, что она не разделяет признаков на хронологические и этнические, то есть не следует Генингу. Я здесь на стороне Николовой: признаки не носят целевого характера. Они аккумулируют информацию, ее нужно проработать для типологических выводов, а как потом использовать получившиеся группировки и закономерности — в хронологических целях или в территориальных или для связи с языком и т. п. — зависит от ситуации. Далее, автор упрекает Николову за то, что у нее все признаки независимы. А он сначала хочет установить, какие из них зависимы, а какие независимы факторным анализом. Формальная независимость устанавливается не факторным анализом, а здравым смыслом — выявлением наглядных зависимостей (как это делается, показал шведский археолог Матс Мальмер в 60-е гг. — *Malmer*, 1962). Факторный же анализ, как и любая корреляция, устанавливает незримые связи между формально независимыми признаками, и эти связи являются историческими. Их мы обычно и ищем.

Однако, несмотря на несомненный ущерб от неверной постановки исходных положений, конкретные статистические выкладки могут привести к интересным результатам, пусть и с необходимостью оговорок и сдержанности в выводах.

Этническое определение само по себе также далеко не столь просто, как это казалось Генингу и как он это внушил своим соратникам. Подобно А. Хойслеру, позу покойников Пустовалов считает самым устойчивым признаком (с. 137), придавая ему ранг этнического (чего Хойслер не делал). Дело не в выявлении большей или меньшей устойчивости (и, следовательно, этнодиагностирующего значения) того или иного признака, и то это вопрос большей или меньшей вероятности. Вся заковыка в том, что, говоря об этносах в древ-

ности, мы прежде всего имеем в виду их языковую принадлежность, а язык передается новым поколениям иначе, чем культура. При всей возможности языковых заимствований и влияний язык передается как целое, как система. А культура системой не является, даже живая культура. Она передается любыми частями, в любых пропорциях. Археологам свойственна иллюзия, что языковая преемственность совпадает с наиболее мощной струей культурной преемственности. А это не так. Наша материальная культура сейчас почти целиком заимствована из более западных частей Европы, а язык остался русским.

Выяснить языковую принадлежность древних культур можно лишь сложными рассуждениями, учитывая общую ситуацию и картину миграций, сталкивающих очень разнородные культуры.

В сущности у археологов нет права говорить об этносах в первобытных культурах. Мы даже не знаем, были ли в первобытные времена этносы как четкое явление. Но как только мы переведем разговор с этноса на язык (а мы это ведь обычно и делаем), так сразу и станет ясно, что прав на манипулирование понятиями «этнические группы», «этносоциальная характеристика» и т. п. (то есть на деле «языковые группы», «лингвосоциальная характеристика») у нас нет. Мы можем лишь строить осторожные гипотезы о том, какие языки связаны с нашими археологическими явлениями, и выдвигать эти гипотезы мы можем лишь в самом конце археологического исследования. А до того следует говорить об обрядах, культурах, их вариантах, типах и т. п.

Предваряя свою классификацию керамики, автор вспоминает, что Клейн различает классификацию и типологию. Под первой — принято понимать группировку по внешним, формальным показателям, под второй — по содержательным признакам. Видимо, мою «Археологическую типологию» Пустовалов читал очень давно и совсем ее забыл. У меня классификация отличается от типологии совсем другим. Для меня формальные признаки важны в обеих. Но классификация отличается жестким делением и предстает чем-то вроде библиотечного куба, где объекты рассортированы по ящичкам. Каждый объект может попасть только в один ящичек. А типология рассматривает роение признаков вокруг неких центров притяжения, которые и образуют идеалы типов. По степени приближения к ним объекты могут быть более типичны или менее, а могут относиться к двум типам сразу. В отличие от классов, границы типов расплывчаты и условны, зависят от

того, какую степень учитываемой связности мы зададим. Это близко к различению монотетической и политетической группировки у Дэвида Кларка.

Я приводил также максимально жесткий вид классификации, назвав ее канонической. Это та, которую избрал Городцов, а за ним многие его ученики (Арциховский, Брюсов и др.). В этой классификации вдобавок критерии деления жестко фиксированы по шагам: сначала предметы делятся, скажем, по назначению, потом по материалу, потом по длине и т. д. Эта классификация очень удобна для учета и хранения, для публикации справочников и т. п., но обладает рядом недостатков при исследовании. Генинг, естественно, предпочитал ее, и именно этот вариант выбрал Пустовалов для своей классификации керамики. Он разработал новую схему классификации, отличную от стихийно бытующей, назвав ее «иерархической». Скажем, реповидным у него называется сосуд, у которого высота значительно меньше наибольшего диаметра (с. 111). Под это определение подойдут все миски. Для меня реповидный сосуд отличается небольшим горловым отверстием и сильно раздутым туловом, а также отвернутым и загнутым наружу приплюснутым венчиком. Высота может быть и приближающейся к диаметру.

Это показывает обычный грех классификаций команды Генинга: они идут не от реального материала, а от идеальной и весьма условной жесткой схемы, отвечающей неким абстрактным представлениям теоретика и навязываемой материалу. Между тем Пустовалов так формулирует ее особенность: «Подводя итоги классификации керамики данной выборки, нужно заведомо отметить, что она преследовала определенную цель — этническую характеристику данного населения. Выделенные типы посуды, особенно те, которые традиционно мыслятся ритуальными, выявились этнически информативными» (с. 115). Повторю, что нет особых этнически информативных типов, а для гибкого использования в сложных целях каноническая или «иерархическая» классификация подходит менее всего.

При всем том Пустовалову удалось установить некоторые особенности катакомбной керамики, выявить некоторые закономерности, которые нуждаются в истолковании. Например, что количество ямных типов в восточнокатакомбных могилах в пять раз больше, чем количество восточнокатакомбных — в ямных. Пустовалов объясняет это тяготением ямного населения к адаптации в катакомбное общество. Это может быть свиде-

тельством кастовых отношений, но может оказаться и простой ассимиляцией побежденных.

3. База исследования. Характеристику источников автор в основном рассматривает в специальной главе (третьей), но частично и в других главах. Что сразу же обращает на себя внимание: база исследования ограничена территорией Украины. Это имеет свои легко объяснимые мотивы, но с точки зрения выдвинутой проблемы (взаимодействие культур) такая постановка несколько ущербна. За бортом оставлены предкавказская катакомбная культура и среднедонская. Катакомбные культуры очень переплетены, они плохо расчленены, рассекать их современными политическими границами недавнего происхождения нерационально. Тем более, что автор смело ставит чрезвычайно важный и кардинальный вопрос о самом существовании традиционно принятых катакомбных культур.

У него в исследовании нет донецкой катакомбной культуры, предкавказской, нижнеднепровской и других. Вся совокупность катакомбных культур, по крайней мере Украины, расчленена на две культуры — восточную и ингульскую (или западнокатакомбную). Указаны (и статистически подтверждены) их признаки. Для ингульской характерны: овальные шахты, вытянутые на спине покойники, амфоры, прочерченная орнаментация керамики, моделирование черепов, много кенотафов. Для восточной культуры характерны: прямоугольные шахты, скорченные на правом боку покойники, кубки, шнуровая и тесемчатая орнаментация керамики, а особенно защитная, курильницы и жаровни, применение огня, свидетельства рыболовства, деформация черепа, лук и стрелы, украшения, сопроводительная пища.

Автор не подчеркивает этого кардинального пересмотра, не провозглашает его, но осуществляет на деле. Если не пересмотр (а может быть, и пересмотр!), то уж, во всяком случае, проверка традиционного членения давно назрела. Деление всей катакомбной общности на культуры было проведено постепенно и на глазок, так сказать, исходя из очевидности. Если бы катакомбные культуры существовали с территориальными делениями, то всё было бы о'кей. Никто же не сомневается в отдельности существования бишкентской или злотской культур. А с катакомбными культурами Украины, России и Молдавии не так. Из-за их стыка, взаимоналожения, взаимодействия и взаимовлияния, скажем прямо, очевидности их обособления нет. Его нужно доказывать корреляцией признаков, совпадениями (точ-

нее, сопряжениями) в их роении, кластерами. Строго говоря, никто и никогда этого не проделывал. Мы вползли тихой сапой в нынешнее существование «вариантов», затем с моей легкой руки ставших культурами.

В идеале нужно было бы провести заново типологический (чисто типологический!) анализ ямных и катакомбных культур Северного Причерноморья, корреляцией признаков выделить как можно более дробные и как можно более компактные группы памятников, затем определить их территорию и стратиграфические взаимоотношения, а уж затем установить их связи — посмотреть, в какие более крупные группы и в каких планах они объединяются. Этнические, социальные, экономические и прочие диагнозы — это всё последующие ступени исследований.

Труд Пустовалова нужно рассматривать как первый акт этой всеобщей ревизии основ. Как никак у него выявление культурных блоков основано на статистике признаков. К сожалению, нет их корреляции, нет графов связей, но некоторые очевидные совпадения этого плана отмечены. Однако не спрятаны ли под шапкой по крайней мере восточной культуры несколько весьма разнородных культур? Это остается неясным.

С недостаточной четкостью выделения культур связана и нечеткость представления в таблицах иллюстраций. Нет сравнительных таблиц, которые для целей Пустовалова были бы очень нужны. Так для него важно четкое различие катакомбных наконечников стрел и ямных — ведь он постулирует смерть подавляемых ямников именно от катакомбных стрел — случаев более 60 (с. 55)! На словах отличия их сформулированы не очень ясно, а в таблицах те и другие даны вперемежку.

4. Происхождение катакомбных культур. Это чрезвычайно сложная проблема. Огромные трудности встают при решении вопроса о происхождении любой археологической культуры. Обычно корни ее расходятся в разные стороны. Ничего удивительного, что предложения Пустовалова остаются спорными. Он рассматривает эту проблему в четвертой главе (параграф 4.1.1), но обращается и в главе третьей (вопрос о топорах-молотах).

Соглашаясь со мной в признании катакомбников пришельцами в Северном Причерноморье, Пустовалов не признает северо-западного источника миграции. Он считает вместе с Л. Н. Гумилевым, что мигрирующий народ обычно вселяется в природную зону, аналогичную исходной, и занимает там такую же нишу. Поэтому он отвергает возможность миграции лесных жителей Ютландии в степи Причерноморья, тогда как Анато-

лию он считает схожей зоной. Это не так. В Ютландии одиночные погребения были распространены не в лесах, а в лугах. Леса занимала культура, родственная нашей культуре ямочно-гребенчатой керамики. В Северном Причерноморье донецкая катакомбная культура также не уходила далеко в открытую степь, а держалась речных долин. Кроме того, гумилевское убеждение, что культура остается неизменной в своих странствиях, ошибочно. Миграция — это чрезвычайная встряска, пережив которую, культура радикально изменяется.

Далее, Пустовалов обращает внимание на то, что для ингульской культуры характерны овальные и круглые строения. Это он в малой степени берет из раскопок поселений, больше из погребения как модели жилища (кромлехи, овальные шахты и катакомбы). Именно таков характер жилищ на Ближнем Востоке с неолита. Этому он противопоставляет прямоугольный характер жилищ в энеолите и бронзовом веке Северного Причерноморья вне ингульской культуры. Но если он выводит эту культуру из Анатолии, то нужно сопоставлять с Анатолией, а там в бронзовом веке жилища — прямоугольные (см. Трой).

Далее автор рассматривает моделирование черепов (то есть покрытие их специальными масками из глиняной массы в смеси с охрой и другими веществами). Для него это несомненное свидетельство происхождения катакомбников с Ближнего Востока.

Он почему-то рассматривает это явление как разновидность культа черепов, тогда как это есть, конечно, обряд перехода в мир иной. Погребавшие исходили не из особой силы головы, а из особых возможностей покойника воздействовать на живых через слабо закрытые природой отверстия в теле. Поэтому нужно было, с одной стороны, обеспечить лучшую сохранность внешнего вида покойного, а с другой — специально закрывать отверстия для души. Этими действиями удержать душу покойного в теле. Недаром на маске прорисовывали закрытые глаза. Точно как на золотых масках Микен. Обряд открывания уст и очей в Египте рассчитан не на оживление покойника, а наоборот — на его «правильное» восприятие мира иного, то есть на его закрепление за миром иным. Это там он должен открыть очи и уста, а здесь держать их плотно закрытыми.

Двойное отношение к покойнику пронизывает всю погребальную обрядность катакомбников. С одной стороны, чувствовалось стремление обеспечить его душе покой и удовольствие пребывания в мертвом теле и в могиле (по крайней мере, на первое время), а с другой — удержать его силой в

могиле, охранить живых от него. Я прекрасно помню, как раскапывал камеры, вход в которые подперт снаружи, чтобы затруднить покойнику выход.

Весь этот комплекс действий и бальзамирование покойников распространялись из Египта — это впервые выдвинул и подробно разработал Эллиот Смит в начале XX в. Но у него получалось, что египетскую культуру разносили вот такими миграциями по всему миру некие «дети солнца», потому что такие же сходства с египетскими мумиями и обрядами (до деталей!) оказывались во всем мире — от Австралии до Америки. Постепенно это подорвало идею таких центробежных миграций из Египта — стало ясно, что часть этих сходств образовалась конвергентно, а часть — многостепенными влияниями. Идеи престижного погребения распространялись среди знати. Недавно К. Кристиансен и Т. Б. Ларсон построили целую концепцию о роли путешествий вождей в бронзовом веке для объяснения распространенности подобных заимствований (*Kristiansen, Larsson, 2005*).

По-видимому, так же распространялась и подземная камера (катакомба) как могильное сооружение. Автор отмечает идею В.Я. Кияшко 1979 г. о повторении в катакомбе плана дольмена. Идея о связи катакомб с дольменами принадлежит не Кияшко — она выдвинута в начале XX в. Эллиотом Смитом в специальной работе о генетической связи катакомб, египетских мастаба и дольменов (*Smith, 1913*). Но, по Смицу, катакомба возникла не из дольмена, а, вероятно, при переходе от погребений в естественных и искусственных пещерах горной местности в местность, лишенную гор. Это более реалистично. Так можно представить себе происхождение формы катакомбы в первой культуре, где она появилась, — халафской культуре V тыс. до н. э. в северной Месопотамии. Оттуда эта эффектная форма могилы быстро стала пробиваться во все концы — в Египет, Среднюю Азию, Закавказье, в Палестину, на Кипр, появилась она и в доямное время в Северо-Западном Причерноморье. Откуда и с кем она пришла в катакомбные культуры, вопрос сложный. Слишком много возможностей. Могло быть и так, что эту форму могилы принесла в Северное Причерноморье одна из катакомбных культур, а другие заимствовали у нее. Более ранние катакомбы есть в разных местах. Вероятно, этот вопрос нужно решать, учитывая другие компоненты катакомбных культур.

В частности, в третьей главе констатируется, что впускных погребений катакомбников 96,3 % (с. 34). Это означает, что идея возведения курганов была чужда катакомбникам. Они использова-

ли курганы просто как возвышенности, холмы, куда и предпочитали впускать покойников. Так что катакомбные культуры в сущности — не курганные. В этом плане нужно рассматривать грунтовые могильники катакомбных культур. С другой стороны, представленные в приложении грунтовые могильники включены в число катакомбных по неясным основаниям. У некоторых катакомбы отмечены лишь иногда. Я понимаю, что наличие катакомбы — не обязательно, могут быть и другие признаки, но тогда должны быть даны обоснованные критерии принадлежности к культуре.

Молочанское святилище также не может решить вопрос о происхождении культуры. Превращение кургана в святилище означает, что это новация в катакомбной культуре, что идея святилища не изначальна в ней, стало быть, не пришла с ними. От ближневосточного зиккурата, с которым его сравнивает Пустовалов, Молочанское святилище отличается отсутствием ступеней (по числу богов) и «алтарем» (то есть некой площадкой) на вершине. Зиккурат — не храм, внутренних помещений не имел. Служил лестницей для восхождения бога на небо. Рядом строился храм, причем не как молельня, а как обиталище бога. Индоевропейцы же храмов не имели, молились под открытым небом. Некоторые индоевропейские народы (арии, греки) представляли себе обиталище своих богов на горах (Меру у ариев, Олимп у греков). Вполне возможно, что катакомбники поместили своих богов на искусственную гору, и даже возможно, что воспользовались идеей, пришедшей с востока, возвести пандус на эту вершину. Но это не означает их происхождения с востока.

В третьей главе разбираются катакомбные топоры-молоты в качестве доказательства происхождения ингульской культуры из Анатолии через Балканы. Для этого сравниваются пропорции и форма боевых топоров с топорами Дорака и Трои II. Действительно, эти пропорции очень близки, но они близки также с топорами бородинского клада культуры многоваликовой керамики. Очевидно, топоры этого типа — престижные и традиционные — употреблялись очень долго, как и крестовидные булавы. Но Пустовалов будто не заметил, что по форме (на его же таблицах рисунков) топоры эти близки как раз топорам восточной катакомбной культуры (см. его рис. 3.4), а не ингульской (рис. 3.1–3.3). Восточной же он либо позволяет остаться связанной по происхождению с севером Центральной Европы, либо (на его карте 4.6) выводит из Ближнего Востока через Кавказ.

С ингульскими топорами-молотами автор, по-видимому, сопоставляет рельефную орнамента-

цию топоров Дорака и Трои. Но характер этой орнаментации совершенно иной. На анатолийских топорах это как бы поперечная перевязь в области проуха — как бы густые пучки веревок, между которыми в середине проходит полоса в несколько рядов шишечек. Остальная поверхность топора свободна от орнаментации. У ингульских же топоров, гораздо более кургуzych, это рельефные валики и зигзаги, идущие вдоль и поперек всего топора, треугольники и овалы. Орнаментацию эту можно сближать с катакомбной же орнаментацией на керамике.

А по форме эти топоры близки, как сам автор констатирует, топорам-молотам культуры воронковидных кубков типов F и K (по Запотоцкому) и (как я давно отмечал) топорам типа K (по П. Глобу) культуры одиночных погребений Ютландии, откуда легче всего предположить происхождение и донецких шнуровых кубков (сходство идеальное — см. *Klejn*, 1969).

Происхождение топоров-молотов самой Анатолии явно связано с Европой, с проникновением в Анатолию культур, подобных баденской и, видимо, индоевропейских. Это раньше, до радиоуглеродной революции, потрясающее сходство баденской культуры с Троей объясняли выведением баденской культуры из Анатолии (*Kalicz*, 1963). Теперь всё перевернулось. Происхождение баденской культуры из культуры воронковидных кубков давно прослежено Э. Неуступным (*Neustupný*, 1959; 1973), а новая хронология позволяет вывести культуры Трои из баденской. Видимо, это и было происхождением хетто-лувийского населения Анатолии.

С происхождением катакомбных культур связана их предполагаемая языковая принадлежность. В двух местах первой главы Пустовалов отмечает, что кастовую систему Индии создавали индоарии, которые (тут он принимает известные представления Е. Е. Кузьминой и др.) происходят из Аркаима и Синташты, а там первые погребения были в катакомбах (с. 9 и 12). Он не замечает, что это представление несколько подрывает его идею о том, что катакомбники — не индоевропейцы.

Очень интересными представляются мне выявленные в катакомбных погребениях Пустоваловым видовые соотношения в сопроводительной пище: на первом месте конь (16 %), а рогатый скот — на втором с большим отставанием (5,4 %), причем доля коня повышается с востока на запад. Во-первых, это повышает вероятность индоевропейской аттестации катакомбников, а во-вторых, ослабляет позиции тех, кто выводит коня в степные культуры бронзового века из Поволжья и Приуралья.

4. Проблема катакомбных начатков письменности. Видное место в системе взглядов Пустовалова занимает анализ катакомбных росписей — реконструкция из них знаковой системы, близкой к начаткам письменности и сближаемой с протобиблскими письменами ранних семитов. Это позволяет ему подчеркивать большую продвинутость ингульской катакомбной культуры к государственности (что важно для констатации сословно-кастовой системы) и усиливает аргументацию в пользу ближневосточного происхождения этой культуры. Все эти росписи даже вынесены на обложку книги. Основные материалы по этому вопросу собраны у него в четвертой главе (раздел 4.2.8). Полный сбор и систематизация материалов по этому вопросу — несомненная заслуга автора, как и рассмотрение возможных гипотез.

Тема в последнее время стала модной — ворохом сыплются работы по трипольской письменности, по срубной, по шумерским письменам в Северном Причерноморье. Поднять вопрос о катакомбной письменности в такой обстановке логично. Подозрительных в этом плане явлений в катакомбных погребениях много — изображения на керамике, узоры охрой на полу могил, на циновках. Но давайте рассмотрим их трезво и попытаемся уложить их на некое место в эволюционном ряду от обычных образцов первобытного изобразительного искусства и орнаментов к письменности.

Прежде всего, отрешимся от магии выражения «знаковая система». Доказывать ее наличие незачем: знаковая система у катакомбников несомненно была, коль скоро у них был язык. Ведь всякий язык — это знаковая система. Речь идет о том, была ли у них графическая знаковая система. И этот вопрос решается скорее положительно. Несомненно у них были некие условные сигналы не только звуковые, но и предметные — они есть у всех первобытных народов. Изображали ли катакомбные люди какие-либо предметы? Иногда. Например, стопы (следы ног) или закрытые веки на глине в глазницах черепов. Возможно, они изображали и что-то еще своими грубыми схематичными рисунками на керамике или полу могил, но в этих случаях понять, что они хотели изобразить (и хотели ли), так же невозможно, как узнать без опроса, что старались изобразить дети младшего детсадовского возраста.

Обычный путь от примитивных сигнальных систем к письменности проходит через пиктографию — письмо картинками, когда знак, более или менее реалистически изображающий событие, это событие и означает. В рамках пиктографии возможно постепенное усиление условности изобра-

жений. В грубом приближении, следующий этап составляет идеографическое письмо — иероглифами, когда каждый знак означает слово. Тут еще нет прочной связи графики со звуковой речью. Затем усовершенствование ведет к слоговому письму, в котором каждый знак означает комплекс звуков — часть слова, слог. Наконец, высшую ступень эволюции дает фонетическое письмо, где каждый знак совпадает с каким-то элементарным звуком.

Можно строить гипотезы о том, какой мифологический смысл вкладывали катакомбники в выложенные охрой стопы в катакомбных могилах — высшие качества души покойника, как пишет Пустовалов, или след одного из трех шагов бога Вишну или какого-нибудь еще, или место, куда должен ступить дух покойника, выйдя из тела и отправляясь в мир иной. Можно размышлять о том, не должны ли были изображенные на боевых топорах-молотах перевязи укреплять топоры и магически предохранять их от поломки. Можно также обсуждать (а обычно — гадать), каков смысл тех или иных орнаментальных мотивов на керамике и (еретическая мысль!) был ли у них вообще какой-либо смысл. Если и был, то это опять же знаковая система, но очень далекая от письменности.

Вопрос о начатках письменности для Пустовалова встает в тех случаях, когда в орнаментации нарушается принцип раппорта (ритмического повторения), когда в ряду орнаментов появляются разнообразные мотивы, когда орнаментируемое поле заполняется прихотливо изогнутыми линиями, игрой геометрических фигур. Но прежде чем объявлять их надписью, нужно рассмотреть, не является ли это всего лишь новым стилем орнамента. Дело в том, что для «первобытного барокко», как окрестили катакомбный стиль орнаментации немецкие исследователи, характерна «боязнь пустоты» (*horror vacui*), стремление произвести впечатление богатства и новизны, внушить мысль о большом труде, вложенном в изделие, придать изделию характер уникальности — ни у кого такого нет. В этом контексте отрыв от стандартных повторяемых мотивов орнамента становился приемом искусства. Само по себе это, конечно, свидетельство роста имущественного расслоения — богатство становится престижным.

Как отличить надпись от такого приема орнамента? Вероятно, длиной знакового ряда и его небольшим размером по сравнению со свободным полем. Таких надписей в распоряжении исследователя нет.

Знаки, ведущие к письму, — это средство коммуникации. Важно не только чтобы создатели

изображений вкладывали в них какой-то смысл, но и чтобы этот смысл был понятен окружающим, чтобы он был одним и тем же для одних и тех же знаков. А это означает повторяемость знаков. Пустовалов строит таблицу повторяемых знаков. Но и здесь есть одна иллюзия, в которую легко впасть. При простоте орнаментальных мотивов (точка, линия, дуга, зигзаг, крючок, треугольник, ромб из двух треугольников и т. п.) легко подобрать их повторения. Более того, схематизировав их, нетрудно усмотреть им аналогии в начальных алфавитах, что Пустовалов и делает (его рис. 4.43). Но пока нет надписей, нет и букв.

Есть еще одна возможность — появление псевдонадписей, то есть знаков, выстроенных в ряд и похожих на тексты, но не имеющих никакого смысла, а поставленных в подражание настоящим знакам людьми неграмотными. Такие имитации труднее всего отличить от надписей, разве что по неупорядоченности букв. Но появляются они обычно в непосредственной близости от письменных цивилизаций. Никаких признаков этих имитаций в катакомбной или ямной среде нет.

Таков вывод, который можно сделать на основе собранных Пустоваловым материалов. Так что до письменности катакомбникам было далеко, и ранние семиты тут ни при чем. А вот что мне кажется существенным — это то, что аналогичные узоры порошком охры принято выводить на полу жилищ у индийцев до сих пор каждое утро. Они называются там «ранголи». Схожие узоры, но особого рода (и выводимые по особым случаям), называются там «мандалами». На мой взгляд, это может быть одним из признаков индоарийской принадлежности катакомбного населения и заодно давать некоторое представление об истинном характере обсуждаемых Пустоваловым росписей.

5. Повозки и война. Рассуждая о повозках (раздел 4.2.5), Пустовалов причисляет их к вооружению и даже ставит в нем на первое место (табл. 4.18 — «Разделение видов вооружения между этническими массивами»), приравнивая колесницы по значению в войне к танкам. Он не одинок в этом мнении, но, приписывая всем повозкам боевые функции, автор явно перехватил. Для его концепции такая трактовка хороша тем, что усиливает военное превосходство ингульской культуры и подтверждает ее трактовку как высшей касты.

Но прежде всего нужно отвести все четырехколесные повозки с тяжелыми массивными деревянными колесами и ярмом, поскольку они явно были запряжены волами и предназначались не для боевых действий, а для транспортировки грузов. А Хойслер собрал все сведения о таких повозках по всей

Евразии, и везде, где можно установить запряжку, в ней были ярмо и волю (*Häusler*, 1984; 1986; 1992; 1994; 1999). Значит, речь может идти только о двуколках. Те из них, которые имели такие же массивные колеса, запрягались, скорее всего, тоже волами и использовались, вероятно, для более быстрых перевозок меньших грузов, а возможно, для престижных и сакральных процессий. Это могут быть парадные выезды вождя и похороны.

Обнаружив такую двуколку в катакомбном погребении кургана Тягунова могила, Пустовалов и Чередниченко предположили ее боевое назначение. Основаниями для этого служили легкость кузова, смещенная кзади ось, наклонный овальный передок, выгнутое дышло. Они полагали, что в повозку были запряжены кони, и это делало ее боевой колесницей, хотя тяжелые колеса и отсутствие удили и вожжей (найденно стрекало) делало бы такую колесницу вряд ли пригодной к боевым действиям.

Другая такая повозка была обнаружена Л. П. Крыловой в катакомбном погребении в Криворожье. Покойник найден в сидячем положении, прислоненный к задней стенке возка. В левой руке его — стрекало. По реконструкции Крыловой, возок был крытым, а в его ярмо (оно обнаружено) была запряжена пара волов.

Третья одноколка с массивными колесами и легким кузовом найдена Р. А. Литвиненко в Ижевке, в Донецкой области. В могиле оказались также череп и конечности быка.

Пустовалов настолько убежден, что это все боевые колесницы, предназначенные для конной упряжки, что несомненная находка ярма с такой колесницей заставляет его не отвести гипотезу о боевом назначении, а предположить искажение конструкции специально для похорон. «Тяжелое ярмо, найденное в камере, — пишет он, — вряд ли могло применяться к боевой колеснице. Вместе с этим бычья запряжка, логичная для тяжелых четырехколесных возов типа того, который был найден у хутора Кудинова..., в данном случае выглядит несуразной. Зачем, спрашивается, запрягать быков в такую легкую одноосную повозку? Можно было бы вполне обойтись более утонченными эквидами» (с. 80). Он считает: нет гарантии, что все детали принадлежали одной и той же повозке, «в погребении, очевидно, находились детали, несовместимые в одной конструкции» (там же).

Он привлекает для аналогии карпатские и другие славянские обычаи, по которым для похорон в телегу впрягали быков, тогда как обычно ездили на лошадях.

Автор проявил большую изобретательность и начитанность, но всё же это вспомогательные гипотезы. А чем больше вспомогательных гипотез требуется для обоснования основной, тем слабее считается система доказательств.

Даже в отношении колесниц из Синташты и родственных ей памятников — с колесами на спицах и запряженных конями — идут споры, было ли назначение этих колесниц боевым или только сакральным и престижным — для конных ристаний. Но вполне вероятно, что катакомбные двуколочки с легкими кузовами послужили образцами для усовершенствования и превращения в синташтинскую колесницу, годную в принципе и для боевых действий. Двуколочки из катакомбных погребений были всё же скорее парадными и церемониальными.

Количество колес могло иметь не практическое, а сакральное значение. Так, явно не для практического применения использовались те трехколесные колесницы Ригведы (I, 118.2), которые А. М. Гей трактует как трехрамные. Пустовалов резонно сомневается в этом. Так ведь этим выражениям Ригведы вполне соответствуют трехколесные модельки запряженных водоплавающими птицами повозок с возницей из бронзового века Подунавья (Дупле), в свою очередь сопоставляемые с мифическими поездками Аполлона на север на колеснице, запряженной лебедями.

6. Датировка и сосуществование культур. Большое значение для Пустовалова имеет датировка погребений, рассматриваемая в основном в третьей главе (с. 49–57). Чтобы утверждать сословно-кастовую систему, ему ведь нужно доказать, что ямная культура сосуществовала на большом протяжении времени с катакомбными. Случаев взаимовлияний много, и они давно известны. Пустовалову этого недостаточно, тем более, что некоторые коллеги объясняют эти факты коротким периодом контактов, а затем ассимиляцией ямного населения и его растворением в катакомбном. Поэтому Пустовалов обратился к радиоуглеродным датировкам. Его коллеги отвергают эти усилия, ссылаясь на шаткость и неточности радиоуглеродной хронологии. Я, кажется, был первым из советских археологов, кто обратил внимание на недостаточную выверенность радиоуглеродной хронологии. Но я тогда переоценил эти недочеты радиоуглеродного метода и, полагаясь на методичного Милойчича, задержался на короткой хронологии дольше, чем это было рационально. Я и теперь продолжаю держать в уме искажающие эффекты и ограничения метода, но при этом, пос-

ле дендрохронологической калибровки, сознаю его фундаментальную правоту — правоту в основных чертах.

Пустовалов взял сводку радиоуглеродных дат А. В. Николовой, разбив их по культурам и упорядочив лучше, чем это сделано у его оппонентов. Действительно, полоса дат ямной культуры на рис. 3.25 частично перекрывает полосу дат катакомбной культуры. В полосу совпадения попадает из почти трех десятков дат ямной культуры и двух десятков катакомбной по пять-шесть дат из каждой подборки. Из этого можно вывести лет 100 сосуществования. Но, во-первых, 100 лет — это маловато для реконструкции кастовой системы. Во-вторых, радиоуглеродные датировки предполагают вероятностный характер итогов. Некоторый разброс дат предусматривается. Если принять это во внимание, то в основном здесь хронология ямной и катакомбных культур не совпадает. То есть результат скорее не подтверждает вывод Пустовалова.

Иначе выглядит другая подборка дат, где Пустовалов дополнил сводку Николовой могилами из Мироновки и Буджака (табл. 3.26). Здесь ямные и катакомбные погребения из района Орджоникидзе и верховьев Ингульца совершенно четко разделились хронологически (никаких взаимоналожений), и ямные могилы возле Мироновки в основном совпали с поздней частью тех ямных могил (Орджоникидзе—Ингулец). Но ямные могилы из Буджака улеглись в диапазон катакомбных могил (Орджоникидзе—Ингулец), также и могилы многоваликовой керамики из Буджака, только чуть позже. Наконец, катакомбные погребения восточной Украины (их, правда, немного — менее десятка) охватили своим диапазоном оба диапазона ингульских — как ямный, так и катакомбный. Казалось бы, доказательства сосуществования налицо. Но какого сосуществования? На очень разных территориях! А для реконструкции кастовой системы нужно сосуществование на одной территории, пусть и на разных участках, но расположенных рядом. Иначе речь может идти не о кастовой системе, а только о даннических отношениях.

В таблицах 1 и 2 у Пустовалова приведено значительно больше радиоуглеродных дат (77 + 284), но они не распределены по культурам и районам. А стоило бы это сделать и рассмотреть датировки порайонно.

Для точного и тонкого различения дат, когда речь может идти о частичном взаимоналожении узких диапазонов, радиоуглеродная датировка пока не годится. Полагаться приходится на стра-

тиграфию, и отсутствие обратной стратиграфии ямных и катакомбных погребений в курганных колонках в этом смысле показательно. Пустовалов упоминает несколько случаев такой стратиграфии — им и следовало бы отвести главное место в аргументации. Но их мало, и Пустовалов объясняет это семейно-родовой принадлежностью курганов, при которой чужаки имели доступ к погребению в кургане, только будучи адаптированными и приняв соответствующий способ погребения (с. 138). Но это же и прямой стратиграфии должно было бы препятствовать, а кроме того, за несколько сотен лет в курган обычно впущено лишь несколько погребений одной культуры. Вряд ли это свидетельствует в пользу постоянного владения курганами и слежения за ними больше двух-трех поколений.

Апелляция же к астрономически-мифологической хронологии Н. А. Чмыхова — и вовсе ни в какие ворота.

7. О хозяйстве и быте катакомбников. Известные исследователи склонялись к увязке катакомбных культур с суббореальным климатом, очень подвижным скотоводством, близким к кочеванию (Артамонов, 1977). Но именно данные, приведенные в книге Пустовалова, побуждают подвергнуть ревизии и эти положения.

В седьмой главе автор анализирует хозяйство катакомбного населения, начиная с природной среды, с условий хозяйствования и главным образом с климата, формирующего флору и фауну и создающего условия определенных форм земледелия и скотоводства. Пустовалов собрал очень интересную информацию о климате. Суббореальный климат, охватывающий существование катакомбной культуры, мы обычно считаем связанным с осушением и похолоданием (впрочем, я еще в 1980 г. писал о том, что он не был засушливым — см. Клейн, 1980а. С. 32). Но, оказывается, аридизация и похолодание начались только в конце III тыс. и начале II, тогда как катакомбные культуры датируются с начала III тыс. Это значит, что катакомбные культуры существовали в весьма благоприятное для земледелия время, и впадать в кочевание им было незачем. Даже самый конец тоже неоднозначен: с XXIII по XX вв. повышенная влажность, и только с XIX по XVIII вв. — аридизация и установление сурового климата. Это значит, что даже если вести катакомбные культуры с XXIII в., как их приводит в Причерноморье Пустовалов (миграцией из Анатолии), то это весьма благоприятное время. А с аридизацией и похолоданием связан конец катакомбных культур — их

упадок и исчезновение (с моей точки зрения — уход на восток, в Среднюю Азию, а затем в Индию).

Из моделей ведения хозяйства В. П. Шилов в 1962 г. предложил для степей три варианта: два оседлых — основанный на разведении крупного рогатого скота и коневодстве, и один подвижный — на овцеводстве. Из них для катакомбных культур Пустовалов выделяет три формы в следующем виде: ранняя, выгонная, основанная на разведении крупного рогатого скота, а позже две формы: отгонное скотоводство с переложным земледелием и подвижное овцеводство. Отгонный выпас скота, по его представлениям, сначала проходил по маршрутам от приречных долин в открытую степь, позже по меридиональному маршруту: север—юг. Неясно, кто и как при таком подвижном скотоводстве обеспечил достаточное количество сельскохозяйственных продуктов, чтобы у катакомбников мог развиваться кариес в существенно большем размере, чем у ямников и срубников. Если ямники, то почему у них этого кариеса нет?

Еще в третьей главе Пустовалов отмечает гораздо большую долю кариеса у катакомбных (14 %) и многоярусной (20 %) культур (по сравнению с ямной и срубной — 5 %). Это говорит о значительной роли земледелия у этих культур — о потреблении углеводов: злаков и сахаросодержащих продуктов. О том же говорит и обнаружение свиньи среди пищевых остатков катакомбной культуры. Это противоречит выводу о большой подвижности катакомбного населения, о полукучевом образе жизни. Кто бы ни вел сельскохозяйственное хозяйство катакомбников, являясь их низшим слоем, это никак не ямники, которые сельскохозяйственных продуктов в таком объеме, как катакомбники, явно не ели.

Весьма интересны и демографические выкладки Пустовалова. Ориентировочные подсчеты количества населения бронзового века произведены, исходя из двух оснований, и образуют рамки диапазона: подсчет по кормовой базе дает наибольшее количество (могли использовать не всю базу), подсчет по количеству курганов дает наименьшее количество (многие курганы разрушены, да и не все люди могли быть похоронены в курганах). Но конечные цифры вызывают недоумение: при расчетах на продолжительность существования культуры в 400 лет население составляло 57 тыс., а при расчетах в 800—1200 лет население должно быть вдвое меньше (то же общее количество покойников делится на большее количество лет), но оно показано в 61—41 тыс.

8. Итоги критического рассмотрения. Подводя итог, я должен констатировать, что в своем инте-

ресном труде Пустовалов поставил ряд важнейших вопросов изучения катакомбной культуры, открыл новые ракурсы изучения и предложил заманчивые и плодотворные гипотезы. Его гипотеза о происхождении катакомбной культуры не может считаться доказанной, но таковы и другие, конкурирующие гипотезы. Состояние материала и методов таково, что остановиться на одной гипотезе в настоящее время невозможно, и в таких условиях обогащение спектра гипотез безусловно полезно. Не доказал исследователь и свою основную концепцию — сословно-кастовые отношения между ямным и катакомбным населением в Северном Причерноморье бронзового века, хотя и разработал эту тему с максимальной полнотой. Нет в нашем распоряжении значительного совмещения диапазонов радиоуглеродной датировки ямных и катакомбных погребений на одной территории, нет и достаточного количества случаев обратной стратиграфии.

Но сама постановка этого вопроса полезна, так как приведенные данные о соотношениях разнотипных групп населения, возможно, пригодятся для реконструкции других разновидностей эксплуатации или неравноправия.

С моей точки зрения, есть существенные огрехи в методологической базе исследования Пустовалова, связанные с тем, что он упорно придерживается некоторых догматических и прямолинейно-схематических принципов своего прежнего руководителя В. Ф. Генинга. С другой стороны, само применение статистических методов к огромному материалу несомненно должно было дать интересные результаты и дало их. А истолковывать их можно по-разному. Но это лучшая характеристика добротной работы — если ее можно использовать вне зависимости от намерений и целей автора.

При чтении книги бросается в глаза раздраженность автора в отношении несогласных коллег и оппонентов. Когда автор спорит с ними, его текст обретает резкий и агрессивный тон. Одних оппонентов (С. Н. Братченко и Э. Кайзер) он обвиняет в «недостаточном знании... материалов» (с. 13). Критическую статью других (своих коллег А. В. Николовой и Л. А. Черных) он считает «тенденциозной, полной неточностей и искажений («перекручувань»)» и полагает, что она «не ставит задачу разобраться в моей позиции и аргументации, а имеет целью только очернить автора» (с. 17). Он пишет об «упрямом отказе А. В. Николовой признать очевидные факты» (с. 54), а С. Н. Братченко обвиняет в «намеренных искажениях изображений вещей из погребений» (с. 55). О реконст-

рукции повозки А. М. Геом автор книги лишь недоумеает: «Что же перед нами: реальный экипаж, авторская небрежность или ошибка?» (с. 82). Наиболее мягкая оценка коллег заключена в фразе: «Неудачной следует признать попытку К. П. Бунятян и В. В. Отрошенко выявить археологические индикаторы частной собственности по материалам срубной культурно-исторической общности» (с. 146). Но автор тотчас исправляет свою мягкость: «Это спорное допущение К. П. Бунятян и В. В. Отрошенко в „Древней истории Украины“... уже подается как решение проблемы собственности» (там же).

Я отнюдь не сторонник воздержания от споров и не проповедник беззубой критики. Наука вообще изобилует конфликтами. Но когда речь идет не об идейных врагах, а просто об оппонентах и коллегах, тон дискуссии должен быть товарищеским.

Издали мне трудно разобраться, кто больше виноват в создании напряженности в отношениях исследователя с коллективом, в котором он работает. То ли автор требовал непрямого признания своих гипотез полностью как истины в конечной инстанции, то ли коллеги, высказывая здравые и трезвые суждения, чрезмерно иронизировали и отвергали труд многих десятилетий целиком. Возможно, обе стороны проявили досадное отсутствие доброжелательности и готовности увидеть ценные идеи в труде исследователя и в замечаниях оппонентов, а также свои огрехи.

Мне кажется, в труде С. Ж. Пустовалова есть много ценного, и его стоит сделать доступным русскоязычному читателю, а может быть, и англоязычному. Но, используя возможности переводов, то есть нового издания, его необходимо существенно доработать, проявив больше осторожности, смягчив ряд формулировок и проверив методические основы. Надеюсь, что мои критические замечания помогут автору в этой работе и побудят коллектив его сотрудников отнестись к его работе с большей толерантностью.

Артамонов, 1977 — Артамонов М. И. Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977. Вып. 1.

Клейн, 1980а — Клейн Л. С. Возникновение кочевого скотоводства // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы I Всесоюзной археологической конф. Кемерово, 1980.

Клейн, 1980б — Клейн Л. С. Откуда арии пришли в Индию? // Вестник Ленинградского университета. Л., 1980. Вып. 20.

Ольховский, 1995 — Ольховский В. С. Погребальная обрядность в археологической реконструкции // РА. 1995. № 2.

Пустовалов, 2005 — Пустовалов С. Ж. Социальный лад каткомбного суспільства Північного Причорномор'я. Київ, 2005.

Равдоникас, 1929 — Равдоникас В. И. Обряд умерщвления женщин в древности // Вестник знания. Л., 1929. № 2.

Häusler, 1984 — Häusler A. Neue Belege zur Geschichte von Rad und Wagen im nordpontischem Raum // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. Berlin, 1984. Vol. 25.

Häusler, 1986 — Häusler A. Rad und Wagen zwischen Europa und Asien // Treue W. (Hrsg.). Achse, Rad und Wagen, Fünftausend-jahre Kultur- und Technikgeschichte. Göttingen, 1986.

Häusler, 1992 — Häusler A. Der Ursprung des Wagens in der Diskussion der Gegenwart // Archäologische Mitteilungen aus Nordwestdeutschland. Oldenburg, 1992. No 15.

Häusler, 1994 — Häusler A. Archäologische Zeugnisse für Pferd und Wagen in Ost- und Mitteleuropa // Die Indogermanen und das Pferd / B. Hänsel, St. Zimmer (Hrsg.). Budapest, 1994.

Häusler, 1999 — Häusler A. Nomadenhypothese und Ursprung der Indogermanen // Miscellanea Indo-Europaea / E.C. Polomé (ed.). Washington, 1999 (Journal of Indo-European Studies. Monograph No 33).

Kalicz, 1963 — Kalicz N. Die Pécelér (Badener) Kultur und Anatolien. Budapest, 1963.

Klejn, 1967 — Klejn L. S. Reiche Katakombengräber // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. Berlin, 1967. Vol. 8, No 4.

Klejn, 1969 — Klejn L. S. Die Donez-Katakombenkeramik, eine Schnurkeramik der Becherkultur // Die neolithischen Becherkulturen in Gebiet der DDR und ihre europäischen Beziehungen / H. Behrens, F. Schlette (Hrsg.). Berlin, 1969.

Kristiansen, Larsson, 2005 — Kristiansen K., Larsson Th. B. The rise of Bronze Age society. Travels, transmission and transformation. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 2005 (repr. 2007).

Malmer, 1962 — Malmer M. P. Jungneolithische Studien. Bonn — Lund, Habelt — Gleeurup, 1962 (Acta Archaeologica Lundensia, series in 8°, No 2).

Neustupný, 1959 — Neustupný E. Zur Entstehung der Kultur mit kannelierter Keramik // Slovenska Archeologia. Bratislava, 1959. T. 7.

Neustupný, 1973 — Neustupný E. Die Badener Kultur // Symposium über die Entstehung und Chronologie der Badener Kultur. Bratislava, 1973.

Smith, 1913 — Smith G. E. The evolution of the rock-cut tomb and the dolmen // Essays and studies presented to W. Ridgeway / E.C. Quiggin (ed.). Cambridge, 1913 (Reprint).

Tainter, 1978 — Tainter J. A. Mortuary practices and the study of prehistoric social systems // Advances in Archaeological method and theory / M. B. Schiffer (ed.). New York, 1978. Vol. 1.

*Л. С. Клейн.
Россия, Санкт-Петербург*

Читая «Поливанов Яр»

Попова Т. А. Многослойное поселение Поливанов Яр. К эволюции трипольской культуры в Среднем Поднестровье. СПб.: МАЭ РАН, 2003. 240 с., ил.

Поселение Поливанов Яр открыто и раскопано в 1948–1951 гг. выдающимся русским археологом Т. С. Пассек. Благодаря своей многослойности, особому богатству и разнообразию археологических материалов оно является эталонным памятником одной из самых замечательных земледельческих культур эпохи энеолита — Кукутени–Триполья (V–IV тыс. до н.э). В его слоях стратиграфически зафиксирована тысячелетняя история развития Триполья в районе Среднего Поднестровья (этапы VI–VII–gII). После первых информационных публикаций и частичной интерпретации полученных материалов многочисленная коллекция (более 50 тыс. предметов) этого сложного объекта нуждалась в дальнейшей камеральной и научной обработке (Пассек, 1949; 1950. С. 40–56; 1951. С. 41–63; 1961). В 1970-х гг. по предложению Т. С. Пассек изучением уникального многослойного комплекса Поливанов Яр занялась Т. А. Попова, что стало основным делом всей ее научной жизни (Попова, 1979. С. 69–72; 1985. С. 22–32).

Эта работа, как демонстрирует рецензируемая монография, была проведена Татьяной Александровной на самом высоком профессиональном уровне. Результаты исследования принесли новые данные по многим дискуссионным и слабо освещенным в науке проблемам истории энеолита на юго-востоке Европы. Детальнейший анализ стратиграфии Поливанова Яра позволил выделить на памятнике не три, как предполагалось ранее, а пять поселков трипольского времени. Их керамические комплексы явились основным источником для создания хорошо документированной микрохронологии и периодизации культуры в Поднестровье, где, как и на остальной территории Триполья, большинство памятников однослойные. Материалы, полученные при исследовании, легли в основу анализа особенностей планировки поселков, типов жилых, хозяйственных и фортификационных сооружений, организации различных производств и эволюции экономики. Бо-

гатейший набор культовых объектов и предметов принес новые данные о духовной жизни трипольских общин. Прекрасное знание артефактов и широкая эрудиция Т. А. Поповой позволили очертить круг связей населения этого района с другими регионами Триполья и носителями соседних одновременных культур, что особенно важно для характеристики энеолитической эпохи Древней Европы.

Первая глава книги содержит краткое описание топографии, стратиграфии, планировки поселения Поливанов Яр, а также историю и методику его изучения.

Две следующие главы посвящены наименее изученному этапу Триполья — началу среднего периода VI.

Вторая глава характеризует древнейший поселок — Поливанов Яр III₁. Скрупулезно описав все виды археологического материала, исследовательница приводит данные о сосуществовании на поселении углубленных полуземлянок и наземных глинобитных жилищ в окружении хозяйственных объектов. Особенно важна характеристика рва — самого раннего фортификационного сооружения этого типа на данной территории. Анализ керамики, хозяйственного и сакрального инвентаря проведен автором с привлечением многочисленных аналогий. Основной группой керамического комплекса Поливанова Яра III₁ является керамика с углубленным орнаментом. Ряд признаков: светлорозовый ангоб сосудов, малый процент посуды, сочетающей в декоре каннелюры с отпечатками зубчатого штампа, а также некоторые другие факты свидетельствуют о локальных особенностях Поливанова Яра III₁. Вероятно, в период Триполья VI на Среднем Днестре получает развитие один из вариантов памятников «борисовского» типа, вместе с тем по ряду черт комплекс Поливанова Яра III₁ отличен от основного ядра указанных памятников. На сосудах в небольшом количестве (5 %) встречаются бихромная (красная по белому фону) и полихромная росписи (орнамент на красном или белом фоне нанесен белой или красной красками с тонкой черной окантовкой). Можно предполагать,

что сосуды этого типа импортировались из кукутенских центров. Сопоставляя Поливанов Яр III₁ с другими памятниками Кукутени–Триполья, Т. А. Попова относит его к концу культуры Прекукутень III, что соответствует самому началу этапа VI, однако сравнение с материалами поселения Красноставка восточнотрипольской культуры вызывает сомнение, так как этот памятник датируется более поздним временем (Цвек, 1985. С. 31–45; 2003. С. 175–182).

Следующая, третья глава посвящена поселку Поливанов Яр III₂, укрепленному, как и первое поселение, рвом. Жилища представлены только полужемлянками восьмеркообразной формы, которые станут характерным типом жилых построек для более позднего периода Триполья и не только в этом регионе. Как и ранее, в интерьере домов имеются купольные печи, лежанки, культовые места. Интересно отметить, что уже в столь ранний период в домостроительстве применялся обжиг глинобитных деталей. Среди находок обращают на себя внимание антропоморфные и зооморфные статуэтки, глиняные конусы и различные украшения.

Хозяйственно-бытовой материал Поливанова Яра III₂ разнообразен и обнаруживает много общих черт с комплексом первого поселка, но наблюдаются и некоторые инновации: наряду с керамикой с углубленным орнаментом, составляющей еще 30% всего комплекса, появляется посуда с каннелюрами и покраской поверхности между ними, которая получает широкое распространение к концу этапа Триполье VI–Кукутень A₄ в Друцах, Васильевке, Дрэгушенах. Т. А. Попова отмечает, что вместе с увеличением расписной керамики (50%) увеличивается и количество стилей росписи. Среди керамического комплекса Поливанова Яра III₂ выявлены импорты культуры Гумельница. Автор синхронизирует материалы этого поселения с памятниками Кукутени–Четецца I, Хэбешесты I, Трушешты I — в Румынии (Schmidt, 1932; Vulpe, 1957); с Новой Татаровкой — на Днестре; Верхними Жорами, Старыми Куконештами — в Молдавии и считает, что Поливанов Яр III₂ существовал несколько позднее, чем поселение Незвиско II. Заслуживает внимания предложение автора о разделении этапа Триполье VI на четыре фазы и распределение по ним памятников западного Триполья. Поливанов Яр III₂ отнесен к третьей фазе VI и сопоставляется с поселениями северо-восточного локального варианта (по В. Думитреску), являющимися генетической подосновой следующего периода развития кукутено-

трипольской мегаобщности — этапа Триполье B II — Кукутени A–B (Dumitrescu, 1969. P. 87–103).

Четвертая глава характеризует поселение Поливанов Яр II, в границах которого выявлены два комплекса: Поливанов Яр II₁ и более поздний — Поливанов Яр II₂. Этот поселок возник на месте двух предшествующих, он занимал ту же площадь, но представлял собой уже неукрепленный тип поселения с гнездообразным размещением жилищ и хозяйственных объектов, что было свойственно среднему периоду Триполья. Характерной чертой является наличие только углубленных полужемлянок, многокамерных в плане, имевших вид нескольких слившихся овалов. Их перекрытие, вероятно, было конусовидным, опиравшимся на столбовую конструкцию. В домах имелись глинобитные полы, купольные печи, очаги открытого типа, сводчатые ниши для посуды. Наличие в Поливановом Яре II только углубленных построек, тогда как в это время в других регионах Триполья превалировало глинобитное домостроительство, автор относит к локальным особенностям. Если в домостроительстве третьего поселка нет резких изменений, то в археологическом материале заметны новые элементы, а керамика с углубленным орнаментом почти отсутствует. Характеризуя керамический комплекс Поливанова Яра II, Т. А. Попова подробно описала расписную посуду, детально охарактеризовав различные стили орнамента, показала его эволюцию и новые черты. Отличия от посуды Поливанова Яра III проявились в изменении форм сосудов, но основным хронологическим признаком, по мнению автора, является цветовая гамма и стиль росписи. В Поливановом Яре II₁ посуда с росписью составляет 86%, а в Поливановом Яре II₂ ее количество возрастает до 95%. В первый период еще широко представлена бихромия (40%). Сосуды данного типа декорированы росписью, сочетающей ярко-красные элементы с черной окантовкой. Роспись наносилась на тщательно залощенную поверхность (стиль δ₃). Еще одним видом бихромии является красная роспись, нанесенная на белый фон (стиль δ_{1a}). В Поливановом Яре II сосуды описанных выше типов представлены яркой серией. В поселениях центральной и северо-восточной Молдовы, в Румынии подобная роспись не встречена. Но ее импорты выявлены на поселениях восточнотрипольской культуры (Шкаровка, Веселый Кут). В обоих комплексах Поливанова Яра II доминирует керамика с монохромной росписью. Среди этой группы сосудов имеются экземпляры с орнаментом, нанесенным красной

краской (стиль δ_{4a}), такая роспись на памятниках Румынии отсутствует. Ведущее место в Поливановом Яре II, особенно в комплексе II₂, занимает посуда, расписанная черной краской (стиль δ_4), она близка керамике из поселений: Траян, Яблона I, Блищанка. Присутствует в Поливановом Яре II и поздний стиль (E). Отмечается определенное сходство между вышеописанной керамикой и аналогичной посудой из памятников Восточного ареала Триполья.

Импорт расписной керамики свидетельствует о тесных контактах населения Среднего Поднепровья времени Поливанова Яра II с общинами буго-днепровского междуречья. В то же время ослабевают связи Среднего Днестра с кукутенскими племенами.

Для Поливанова Яра II характерна новая «кухонная» керамика. В основном это горшки с примесью ракушки в тесте и разнообразной орнаментацией (жемчужины, расчесы, зубчатый штамп, накольчатый орнамент). Такая посуда составляет в Поливановом Яре II₁ 14 %, а в Поливановом Яре II₂ — 5 %. Имея свои особенности, она обнаруживает сходство с аналогичной керамикой многих памятников Днестра, Южного Буга, Буго-Днепровского междуречья, а также поселений румынской Молдовы. Автор дает широкий историографический очерк ее происхождения. Приводится мнение румынской исследовательницы А. Додд-Оприцеску (*Dodd-Oprîtescu*, 1980. P. 547–557), предполагавшей, что керамика «С» («кухонная») отражает устойчивую раннетрипольскую традицию. Другие исследователи, в том числе Т. Г. Мовша и Т. Я. Телегин, высказали иную точку зрения (*Мовша*, 1981. С. 61–72; 2003. 85–88; *Телегин*, 1973). Они считали, что этот тип керамики сформировался под влиянием степных культур левобережья Днестра, так как на трипольской территории, и в частности на ранних восточных поселениях этапа VI (Березовка, Сабатиновка I, Красноставка), обнаружены прямые импорты керамических и других изделий из степи.

Результаты изучения расписной и «кухонной» керамики послужили критерием для подразделения Поливанова Яра II на два комплекса: более ранний Поливанов Яр II₁ и более поздний Поливанов Яр II₂. Автор аргументированно показала, что они отражают развитие культуры в рамках одного хронологического периода или микрохронологию памятника. Относительная хронология Поливанова Яра II определяется на основании сравнительных характеристик археологических материалов и стратиграфии: он существовал пос-

ле поселений начального этапа Триполья VI (Кукутень А–В1 — корлетенская фаза), синхронен поселениям второй половины этого периода (Кукутень А–В2 — траянская фаза) и содержит зачатки этапа CI (Кукутень В1а).

После некоторого перерыва в Поливановом Яре возникает четвертый поселок — Поливанов Яр I₁, результаты исследования которого приводятся в пятой главе. Для этого поселения характерны наземные глинобитные постройки, которые стратиграфически зафиксированы над жилищами Поливанова Яра II, а кремнеобрабатывающая мастерская залегала над полуземлянкой Поливанова Яра III₂. Дома поселка представляли собой однокамерные сооружения площадью до 55 кв. м. В одном из них обнаружена купольная печь, в другом — округлое глинобитное обожженное возвышение, имевшее, вероятно, культовый характер. Обращает на себя внимание появление в этом горизонте наземных жилищ, что не было свойственно предшествующему поселку Поливанова Яра II. Большой интерес представляет описание кремнеобрабатывающей мастерской площадью около 25 кв. м, расположенной рядом с одним из жилых сооружений.

Расписная посуда Поливанова Яра I₁ составляет 95% от общего числа керамики и включает три неравные в количественном отношении группы: с бихромной, полихромной и монохромной росписью; преобладает последняя, при этом сохраняются некоторые формы сосудов и орнаментальные композиции, характерные для предшествующих поселений Поливанова Яра. Отмечено, что большое распространение получают зооморфные миски на ножках, известные еще на поселениях Незвиско III, Старые Каракушаны. Они также широко представлены в предшествующей томашевско-сушковской группе памятников Буго-Днепровского междуречья, причем на ранних фазах ее существования. Присутствие в комплексе Поливанова Яра I₁ биноклевидных изделий Т. А. Попова рассматривает не только как ранний признак, но и как локальное своеобразие. Она обращает внимание на то, что в северной части Республики Молдова к этому времени биноклевидные изделия исчезают, но они широко бытуют в памятниках томашевско-сушковской группы, являясь отличительной чертой данного ареала. Наряду с этим в керамическом комплексе уже имеются биконические и сфероконические сосуды, характерные для позднего периода Триполья. В орнаментации преобладают поздние элементы: ленты, опоясывающие сосуд, распадающаяся

спираль, символы луны, солнца, фестоны, фигуры с сетчатым рисунком.

Детально проанализированный материал Поливанова Яра I₁ и сопоставление его с различными периодизационными схемами (Е. К. Черныш, В. Думитреску, М. Петреску-Дымбовицы) позволили автору определить хронологическое место этого поселка, поместив его после Брынзен IV, Старых Каракушан и Перегоновки, считая близким Петренам и поздним Шипенцам (Б). В то же время Поливанов Яр I₁ имеет ряд отличий от поселений петренской группы Триполья. Т. А. Попова подчеркнула, что на настоящем этапе исследования, и с этим можно согласиться, следует говорить не столько о хронологическом, сколько о локальном значении имеющейся специфики. Видимо, поселение Поливанов Яр I₁ представляло собой самостоятельный тип памятника с особыми элементами орнаментации керамики, что отражает местные черты отдельного района Среднего Днестра. Относительная датировка Поливанова Яра I₁ определяется на основании стратиграфических и типологических данных этапом Триполье СИ-γ₁, по периодизации Т. С. Пассек, или началом этапа В2 фазы Кукутень В (по М. Петреску-Дымбовице, *Petrescu-Dumbovita*, 1966).

В шестой главе дается характеристика материалов пятого поселения Поливанова Яра. Памятник, расположенный на труднодоступном естественно укрепленном мысу, отличается небольшой площадью. В ходе раскопок жилые сооружения не были обнаружены, но, судя по распределению материала, вероятно, имели небольшие размеры и находились в центральной и восточной частях мыса.

Ведущей категорией керамики Поливанова Яра I₂ является «кухонная», основной тип которой — открытые миски с утолщенным профилированным краем. Поливанов Яр I₂, в отличие от одновременных ему гордишештских памятников Молдовы, дает наибольший процент посуды с мелкотолченой ракушкой и растительной примесью и меньший — с дресвой. В его керамическом комплексе совсем немного расписной посуды, декорированной лишь одной черной краской по естественному фону, при этом наблюдается полное «распадение» спирального орнамента. Керамика Поливанова Яра I₂ находит аналогии в памятниках касперовской группы северного локального варианта позднего Триполья. Вместе с тем она сохраняет черты, присущие посуде жванецкой локальной группы (шишкообразные налепы, чередующиеся с рядами треугольного штампа). По мнению Т. А. Поповой, материалы Поливанова

Яра I₂, наряду с комплексами других памятников, отражают угасание трипольской культуры, связанное с активным внедрением в нее инокультурных групп населения, как западных (культура воронковидных кубков), так и восточных (степные культуры) регионов. Учитывая небольшое количество посуды с веревочным орнаментом, наличие плитчатой обмазки с аналогичным орнаментом, поселение Поливанов Яр I₂, по мнению автора, следует отнести к ранним памятникам касперовской группы и датировать начальной фазой этапа Триполья СИ, по периодизации Т. С. Пассек.

Итоговая седьмая глава посвящена вопросам хозяйства, социального устройства и духовной культуры жителей поселков Поливанов Яр.

Т. А. Попова, анализируя данные о природной среде, результаты палеоботанических и палеозоологических исследований, приходит к справедливому убеждению о том, что плодородные почвы, разнообразие растительного и животного мира, богатые леса и полноводные реки давали населению Поливанова Яра широкие возможности для развития хозяйства, как основных пищедобывающих отраслей — земледелия и животноводства, так и собирательства, охоты и рыболовства. Богатые месторождения кремня являлись источником первоклассного сырья для производства орудий труда. В Поливановом Яре, очевидно, практиковалась подсечно-огневая система земледелия в сочетании с перелогом. В период бытования ранних поселков выращивались следующие сорта пшеницы: однозернянка, двузернянка, спельта, карликовая, а также пленчатый и голозерный ячмень, в третьем поселке состав злаковых дополняется просом. О собирательстве говорят палеоботанические находки терна и дикой черешни. Обработка земли производилась с помощью мотыг, в ранний период — роговых, в поздний — кремневых. Особое значение имеет находка в материалах второго поселка пахотного орудия — рогового многозубчатого рала, что позволило автору книги говорить о качественных изменениях в агротехнике, о высоком уровне земледелия и расширении посевных площадей. Для уборки урожая использовались высокопроизводительные серпы, для двух ранних поселков — карановского типа с вкладышами из фрагментов кремневых пластин, позднее в Поливановом Яре II и I появляются вкладыши, обработанные зубчатой ретушью, и новый тип однолезвийного серпа, изготовленного из крупных пластин со струйчатой ретушью. Палеозоологические исследования свидетельствуют о том, что животноводство также играло большую

роль в хозяйстве. Домашние животные представлены крупным и мелким рогатым скотом и свиньей. Заметная роль на всем протяжении существования Поливанова Яра принадлежала охоте. Ее главными объектами были благородный олень, косуля, лось, кабан, медведь, волк, заяц, лисица, лесная куница. Интересно, что на Днестре лось выявлен только в Поливановом Яре, чаще же он встречается к востоку от Днестра на поселениях Березовка, Владимировка, Халепье.

В главе содержится характеристика производственных комплексов разных этапов существования Поливанова Яра. Источниками для рассмотрения этих вопросов послужили многочисленные орудия труда, продукция различных отраслей хозяйства и хозяйственные сооружения. Комплексные исследования этих артефактов, включающие типологическую и функциональную классификацию инструментов, их планиграфию, анализ многочисленных бытовых изделий (строительных остатков, керамики, предметов из кости и рога, находок пряжи), а также данные археологического контекста говорят о высоком уровне развития различных производств. Наличие производственных мест в жилищах и около них, обнаружение мастерских позволили автору показать особенности хозяйства, одним из ключевых моментов которого являлся процесс разделения производств на общинные и домашние, выявить основные тенденции его развития. В общинную группу включены добыча и обработка кремня, металлообработка и гончарство. Наиболее ярко инновации проявились в кремнеобрабатывающей отрасли. Благодаря многочисленным находкам кремневых изделий во всех поселках Поливанова Яра удалось не только проследить их эволюцию, но и выяснить некоторые детали организации производства. В самых древних поселениях Поливанова Яра III во всех жилищах имелись рабочие участки, где изготавливались кремневые орудия. В период Поливанова Яра II на поселении наряду с придомными рабочими площадками зафиксирована мастерская по первичной обработке кремневого сырья, в это же время возникает производство нового типа орудий — кремневых топоров. В следующий период в Поливановом Яре I существовала крупная специализированная мастерская, в которой помимо первичной обработки кремня производились заготовки для различных инструментов, в том числе и для топоров, в жилищах же осуществлялась только окончательная отделка орудий. Изобилие кремневых изделий позволяет предполагать, что в мастерских Полива-

нова Яра продукция изготавливалась не только для потребления на самом поселении, но и на обмен. Аналогичные наблюдения сделаны при изучении материалов других древнеземледельческих культур юго-восточной Европы, что говорит об оформлении кремнеобрабатывающего производства в специализированную отрасль общинного ремесла и свидетельствует о единой тенденции развития экономики этого времени (Скакун, 2000. С. 235–243). Для выделения домашних промыслов имеются сведения о кожевенном и костеобрабатывающем производствах, изготовлении одежды, бытовых предметов и украшений, ткачестве, прядении и плетении.

Социальная структура поселков Поливанова Яра реконструируется по данным планиграфии, комплексам раскопанных жилищ и сравнительного материала из близких по времени памятников. Все пять поселений Поливанова Яра принадлежат к небольшим (1,9–2,8 га) мысовым поселениям с природными и искусственными укреплениями. Постройки, расположенные группами или гнездообразно, дифференцируются на жилые, хозяйственные и мастерские. Автор считает, что группа построек соответствовала большесемейной общине (домохозяйству), а гнездообразное расположение домов в поселке Поливанов Яр II рассматривает как стремление родственных семей объединиться по производственному принципу (обработка кремня, гончарство). Этот вывод Т. А. Поповой подтверждается планиграфическими исследованиями на других трипольских памятниках. Дальнейшая специализация производств в поздний период существования Поливанова Яра вызвала изменения социального порядка, что усматривается в дроблении большесемейных коллективов, нашедшем отражение в преобладании в Поливановом Яре I однокамерных жилищ.

Т. А. Попова интерпретирует Поливанов Яр I как один из центров кремнеобрабатывающего производства, население которого выступает, очевидно, как сегментированная часть рода. В социальном плане основной единицей общины этого поселка является выделившаяся индивидуальная семья профессионалов. Автор классифицирует трипольское общество времени Поливанова Яра как военную демократию.

Для освещения духовной культуры населения Поливанова Яра привлекаются несколько категорий источников: пластика, конусы-фишки, сосуды с символикой и знаковой системой в орнаментальных композициях. Для каждого культурно-хронологического комплекса отмечен свой,

присущий только ему, набор культовых предметов. Уникальность собрания пластики Поливанова Яра состоит в том, что она происходит из слоев со строгой стратиграфией. Т. А. Попова рассматривает антропоморфные и зооморфные изображения по специально разработанной классификации, выделяя индивидуальные особенности статуэток разных поселений. Среди культовых находок первостепенная роль принадлежит женским изображениям. Привлекают внимание фигурки, передающие образ беременной женщины «роженицы». Они представлены во всех слоях Поливанова Яра. Их назначение связывается с весенним циклом земледельческих обрядов. Особое место занимают фигурки со своеобразным орнаментом в виде передника, который образован рядом углубленных зарубок из 7, 9, 12 линий. По мнению Т. А. Поповой, линии-зарубки представляют собой лунный календарь с циклом сельскохозяйственных работ. Этот вывод автора в какой-то мере подтверждают находки столика-алтаря и грушевидной вазы из восточнотрипольского поселения Березовка, изображения на которых рассматривались исследователями тоже как знаки древнего солнечно-лунного календаря (*Цыбесков*, 1962. С. 30–32; *Цвек*, 2004). Статуэтки, найденные вблизи печей, связываются с охранительницами домашнего очага. Мужские статуэтки, пишет Т. А. Попова, свидетельствуют о существовании культа предков. Значительное место уделено анализу антропоморфных, зооморфных, биноклевидных сосудов с их орнаментальными сюжетами, содержащими разноплановую информацию религиозно-магического характера. Следы закопченности на чаше с символами луны и змей позволили предположить, что подобные сосуды предназначались для возжигания ритуального огня. Т. А. Попова считает, что в мировоззрении древних земледельцев основным являлось сознание единства человека, общества и природы. Иконографические типы, представленные в пластике Поливанова Яра, ритуальные принадлежности и некоторые другие данные позволяют констатировать существование нескольких культов. При этом жители каждого поселка, несмотря на их одновременность, поклонялись двум главным божествам: женскому — великой богине матери-земле и мужскому, ее супругу, — лунному рогатому существу — быку.

В заключении книги автор, останавливаясь на основных культурно-исторических характеристиках каждого из пяти поселений Поливанова Яра, предлагает модель истории заселения и освоения района Среднего Поднестровья трипольскими

племенами. По совокупности базовых показателей культуры можно констатировать, что ядро жителей самого раннего поселка — Поливанова Яра III₁ составляли потомки одной из локальных групп «борисовских памятников» Триполья Среднего Поднестровья, представители населения из районов правобережного Прута и Прикарпатья, а также болгаро-алденский компонент. Процесс перемещения кукутенских племен следует рассматривать, по мнению автора, как закономерный результат постоянного притока на Днестр родственного населения из Молдовы, которое нуждалось в сырье для производства кремневых изделий. В это время интенсивно осваиваются местные ресурсы Поднестровья, о чем говорит возникновение штолен по добыче и мастерских по обработке кремня. Поселок Поливанов Яр II с характерными только для него домами-землянками, его керамический комплекс свидетельствуют, что процесс взаимной ассимиляции трипольцев, пришедших из-за Днестра, и местных жителей привел к исчезновению многих древних культурных традиций. Отношения жителей Поливанова Яра II с окружающими племенами трипольской общности носили мирный характер. Об этом говорят отсутствие оборонительных сооружений и «импорты» из Поливанова Яра в среду восточнотрипольской культуры (Клищев, Веселый Кут) и на Волинь. Однако Поливанов Яр II обладал и некоторым своеобразием, отражающим, видимо, собственную линию развития, связанную с формированием местной культурной традиции.

Последние поселки Поливанова Яра I связаны с очередной миграцией общин из перенаселенного прудо-днестровского междуречья на восток. Это движение отодвинуло восточнотрипольские общины с коренной территории буго-днепровского междуречья на Днепр. А в освободившейся нише возникает яркое явление — поселения-гиганты, в генезисе которых, по мнению Т. А. Поповой, приняло участие и население Поливанова Яра.

Завершая рецензию, хотелось бы подчеркнуть, что книга «Поливанов Яр» является прекрасным примером детального анализа археологических артефактов. Изложенный материал представляет собой своеобразный хронологический срез истории возникновения и развития одного из локальных образований на западе трипольской культуры от начала этапа VI и до конца существования Триполья. Отметим, что выводы автора, раскрывающие историю и духовную культуру племен трипольской общности этого региона, хорошо аргументированы. Книга Т. А. Поповой «Полива-

нов Яр» наряду с монографиями Т. С. Пассек (*Пассек*, 1949; 1961). С. Н. Бибикова (*Бибиков*, 1953), Е. К. Черныш (*Черныш*, 1982), В. Г. Збеновича (*Збенович*, 1980), М. М. Шмаглия (*Шмаглия*, 2001) и других войдет в золотой фонд литературы о европейском археологическом феномене — кукутено-трипольской мегаобщности, а память о прекрасном авторе этой книги останется в наших сердцах.

- Бибиков*, 1953 — *Бибиков С. Н.* Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре. М.; Л., 1953 (МИА. №38).
- Збенович*, 1980 — *Збенович В. Г.* Поселение Бернашевка на Днестре (к происхождению Трипольской культуры). Киев, 1980.
- Коробкова*, 1987 — *Коробкова Г. Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л., 1987.
- Мовша*, 1981 — *Мовша Т. Г.* Проблемы связей Триполья-Кукутени с племенами культур степного ареала // *Studia Prachistorica*. София, 1981. Vol. 5–6.
- Мовша*, 2003 — *Мовша Т. Г.* Головні транзитні шляхи взаємин трипільсько-кукутенських общин зі степовими культурами Дніпро-Бузького басейну // Трипільські поселення-гіганти: Матеріали міжнар. конф. Київ, 2003.
- Пассек*, 1949 — *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений. М.; Л., 1949 (МИА; № 10).
- Пассек*, 1950 — *Пассек Т. С.* Трипольские поселения на Днестре // КСИИМК. М.; Л., 1950. Вып. 32.
- Пассек*, 1951 — *Пассек Т. С.* Трипольское поселение Поливанов Яр // КСИИМК. М.; Л., 1951. Вып. 37.
- Пассек*, 1952 — *Пассек Т. С.* Итоги работ Трипольской (Днестровской) экспедиции // КСИИМК. М.; Л., 1952. Вып. 45.
- Пассек*, 1953 — *Пассек Т. С.* Раскопки трипольских поселений на Среднем Днестре // КСИИМК. М.; Л., 1953. Вып. 51.
- Пассек*, 1961 — *Пассек Т. С.* Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. М.; Л., 1961 (МИА. № 84).
- Попова*, 1979 — *Попова Т. А.* Хронология Поливанова Яра и ее значение для периодизации трипольской культуры // Памятники первобытной культуры. М., 1979 (КСИА. Вып. 157).
- Попова*, 1985 — *Попова Т. О.* Початок розвинутого Трипілья на Середньому Дністрі (за матеріалами Поливанового Яру) // *Археологія*. Київ, 1985. № 52.
- Скакун*, 2000 — *Скакун Н. Н.* Эпоха энеолита — время возникновения ранних форм ремесла в земледельческих культурах юго-восточной Европы // *Судьба ученого*. СПб., 2000.
- Телегин*, 1973 — *Телегин Д. Я.* Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973.
- Цвек*, 1985 — *Цвек О. В.* Особливості формування східного регіону трипільсько-кукутенської спільності // *Археологія*. Київ, 1985. № 51.
- Цвек*, 2003 — *Цвек Е. В.* Некоторые аспекты взаимодействия энеолитических обществ Триполья и Степи // *Трипільські поселення-гіганти: Матеріали міжнар. конф.* Київ, 2003.
- Цвек*, 2004 — *Цвек Е. В.* Гончарное производство племен трипольской общности. Киев, 2004.
- Цыбесков*, 1964 — *Цыбесков В. П.* Трипольское поселение возле Березовской ГЭС // *Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея*. Одесса, 1964.
- Черныш*, 1982 — *Черныш Е. К.* Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // *Энеолит СССР*. М., 1982 (Археология СССР).
- Шмаглия*, 2001 — *Шмаглия М. М.* Великі трипільські поселення і проблема ранніх форм урбанізації. Київ, 2001.
- Dodd-Oprîşescu*, 1980 — *Dodd-Oprîşescu A.* Considerații asupra ceramicii Cucuteni C // *Studii și Cercetări de Istorie Veche și Arheologie*. București, 1980. T. 31. No 4.
- Dumitrescu*, 1969 — *Dumitrescu V.* Betrachtungen zur chronologischen Ansetzung der Cucuteni-Kultur im Verhältnis zu den Nachbarkulturen // *Študijné zvesti Archaeologické Ústava Slovenské Akademie Vied*. Nitra, 1969. No 17.
- Petrescu-Dimbovita*, 1966 — *Petrescu-Dimbovita M.* Cucuteni. Bucuresti, 1966.
- Schmidt*, 1932 — *Schmidt H.* Cucuteni in der oberen Moldau (Rumänien): Die befestigte Siedlung mit bemalter Keramik von der Steinkupferzeit bis in die vollentwickelte Bronzezeit. Berlin; Leipzig, 1932.
- Vulpe*, 1957 — *Vulpe R.* Izvoare. Săpăturile din 1936–1948. București, 1957.

Н. Н. Скакун
Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН.
Экспериментально-трасологическая лаборатория

Е. В. Цвек
Украина. Киев.
Институт археологии НАН Украины.
Отдел археологии камня и бронзы

II (XVIII) Всероссийский археологический съезд

(Суздаль, 23–27 октября 2008)

2006 год вошел в историю развития археологии в нашей стране как время возобновления одной из старейших традиций — проведения археологических съездов, прерванной во время Первой мировой войны. Благодаря инициативе академика А. П. Деревянко в Новосибирске состоялся первый в постсоветское время археологический съезд. Очередной, второй по новой нумерации, археологический съезд прошел в Суздале. Он был посвящен памяти выдающихся представителей отечественной археологии — академиков А. П. Окладникова, Б. А. Рыбакова и Б. Б. Пиотровского.

На этот раз собрание объединило более 400 археологов, приехавших из различных городов нашей страны. В их числе была представительная делегация сотрудников ИИМК РАН (Н. А. Бокоренко, Е. Ю. Гиря, Г. И. Зайцева, М. Е. Килуновская, С. В. Красниенко, Е. Н. Носов, В. А. Семенов, А. А. Сеницын, Г. В. Сеницына, Л. А. Соколова, П. Е. Сорокин, В. А. Трифонов, Н. В. Хвошинская, О. В. Шаров, В. Я. Шумкин, В. Е. Щелинский и автор). Участники съезда помимо объемистого трехтомника текстов докладов (Труды, 2008) получили красочное справочно-информационное издание, рассказывающее о деятельности Института археологии РАН (Институт, 2008).

Работа съезда проходила в рамках 18 секций, организованных по большей части в хронологическом порядке — от палеолита до средневековья и даже времен Российской империи. Кроме того, отдельно рассматривались проблемы изучения первобытного искусства, междисциплинарных исследований в археологии, истории и теории нашей науки, усовершенствования методики полевых и кабинетных исследований, роли археологии в современном мире, вопросы охраны национального археологического наследия. Были проведены круглые столы, посвященные вопросам выработки ме-

тодов сохранения памятников археологии и организации спасательных работ.

Не имея возможности в кратком отчете охватить все стороны столь многогранного мероприятия, остановлюсь на близкой мне тематике древнекаменного века. Вопросы палеолита и мезолита (всего состоялось 29 устных выступлений и 6 стендовых докладов) рассматривались на заседаниях секций 1 («Культурно-исторические процессы в палеолите и мезолите Евразии: расселение человека, культурогенез, материальная культура и природная среда») и 2 («Новейшие открытия и исследования памятников палеолита и мезолита»). По сути дела, заседания второй секции просто продолжили тематику первой при неизменном составе участников, так что я далее буду группировать доклады по темам, не обращая внимания на искусственное деление на две секции. Заседания вели А. П. Деревянко, Х. А. Амирханов, В. Е. Щелинский, М. В. Шуньков и автор; четкую работу собрания обеспечивал секретарь К. Н. Гаврилов.

Прежде всего, отметим выступления, посвященные сенсационным открытиям неожиданно древних нижнепалеолитических памятников в различных уголках Кавказа — на Тамани (доклад В. Е. Щелинского) и в Дагестане (А. А. Анойкин). Вариативность среднепалеолитической культуры Алтая стала темой выступления Е. П. Рыбина.

Большая часть докладов затрагивала верхнепалеолитическую тематику. Общие аспекты расселения человека современного физического типа в Евразии были рассмотрены в кратком обзоре П. М. Долуханова. А. П. Бужилова рассказала об антропологических особенностях погребенных в двойных и тройных захоронениях эпохи позднего палеолита. Интерес вызвал стендовый доклад Е. Н. Машенко, в котором были проанализированы аргументы за и против существования систематической охоты на мамонта в палеолите.

Как обычно, в центре внимания находилась костенковская тематика. А. А. Синицын, используя новые материалы, обрисовал картину культурного развития в верхнем палеолите Европы и ее корреляцию с этапами природных изменений. К. Н. Гаврилов остановился на культурных связях верхнепалеолитических обитателей Костенок и Приазовья. В. В. Попов обобщил данные по характеру поселений и облику кремневого инвентаря группы памятников Костенок, отнесенных к так называемой «замятнинской культуре». Е. Ю. Гиря изложил предварительные результаты технологического и трасологического анализа обширной коллекции каменного инвентаря из основного комплекса Костенок 1. В докладе В. И. Беляевой была изложена попытка статистического анализа группы кремневых наконечников Костенок 1.

К. Н. Гаврилов с соавторами представили стендовый доклад с результатами многолетних исследований стоянки Хотылево 2 на Десне. Е. Г. Калечиц рассказала о современном состоянии знаний по древнекаменному веку на территории Белоруссии. А. А. Бессуднов проинформировал об изысканиях по палеолиту в Воронежской области. Схема функциональной дифференциации группы стоянок Быки в Курской области была дана в докладе Н. Б. Ахметгалеевой. Г. В. Синицына остановилась на сложной картине формирования культурных традиций финального палеолита—раннего мезолита на северо-западе Русской равнины. Е. В. Леонова сообщила о новых исследованиях пещерных комплексов верхнего палеолита и мезолита на Северо-Западном Кавказе.

П. Ю. Павлов изложил свое видение генезиса и культурных процессов на раннем этапе верхнего палеолита северо-востока Европы. Особняком стоял доклад В. С. Житенева, посвященный анализу минеральных красок, использовавшихся первобытными обитателями Южного Урала.

Ряд сообщений касался позднего палеолита Сибири. Я. В. Кузьмин представил радиоуглеродную хронологию верхнепалеолитических комплексов Сибири и Дальнего Востока. М. В. Шуньков развернул широкую панораму вариантов культуры раннего верхнего палеолита Северной Азии, представленных в основном на памятниках Алтая. М. В. Константинов продемонстрировал характер геологического строения толщ, содержащих остатки верхнепалеолитических и мезолитических поселений в Западном Забайкалье. Н. Е. Бердникова остановилась на палеогеографии финального палеолита и мезолита Байкальского региона,

связывая изменения характера осадконакопления с предполагаемой крупномасштабной космогенной катастрофой. В стендовом докладе М. Н. Мещерина были рассмотрены немногочисленные пока материалы по средней фазе верхнего палеолита Забайкалья, а И. В. Стасюк и Е. В. Акимова представили коллекции группы местонахождений Дербина на Енисее, относимых к ранней поре верхнего палеолита.

Особая тема — совершенствование приемов полевого и лабораторного исследования материалов позднепалеолитических поселений. В этой связи стоит упомянуть доклады Н. Б. Леоновой об общих принципах организации жилого пространства на памятниках Каменной Балки, Е. А. Виноградовой об особенностях орудийного набора на жилых площадках Каменной Балки II, С. Ю. Лева о планиграфии Зарайской стоянки. Здесь же отметим стендовый доклад М. Хамакавы о результатах планиграфического изучения нового вида источника — микродебитажа.

Ряд докладов касался мезолитической тематики. Процессы культурных изменений в Приморье на рубеже плейстоцена и голоцена (по материалам стоянки Устиновка-3) стали темой выступления А. В. Гарковик. В. М. и О. А. Лозовские рассказали о результатах технологического и типологического изучения каменных и костяных орудий стоянки Замостье 2 в Подмосковье. Отметим также сообщение А. В. Суворова о новых раскопках мезолитических погребений в Прионежье и стендовый доклад А. Ю. Тарасова о мезолите севера Карелии.

Помимо собственно докладов на заседании секции состоялась презентация изданного под редакцией А. А. Величко и С. А. Васильева сборника «Путь на Север. Древнейшие обитатели Арктики и Субарктики», и были подведены итоги работы по программе «Международный полярный год».

Отдельные выступления, посвященные палеолитической тематике, были представлены на других секциях съезда. Так, автор сделал доклад «Научное наследие А. П. Окладникова и современная наука о палеолите» на секции по истории археологии. Кроме того, несколько пленарных докладов затрагивали тематику археологии палеолита. А. П. Деревянко и В. Н. Зенин рассказали об открытиях древнейших памятников в Дагестане (Дарвагчай-1 и Рубас-1). Группа московских антропологов (А. П. Бужилова, М. В. Добровольская, М. Б. Медникова) охарактеризовала основные точки соприкосновения современной археологии и

физической антропологии, остановившись, в частности, на вопросах изучения стрессовых нагрузок и характера питания людей среднего и верхнего палеолита.

Второй археологический съезд продемонстрировал устойчивость возродившейся традиции и привлек внимание всего археологического сообщества России. Вместе с тем, как мне кажется, назрела необходимость некоторых перемен в структуре съезда. Простого деления на секции по эпохам явно недостаточно, тем более что в наше время практически все активно работающие исследователи имеют возможности относительно

быстрой публикации добываемых в поле материалов, и задача собственно информационного обмена отходит на второй план. Как мне кажется, пора дополнить секции организацией более узких проблемно ориентированных семинаров с приглашением заинтересованных специалистов.

Следующий археологический съезд состоится в Великом Новгороде в 2011 г.

Институт, 2008 — Институт археологии РАН. М., 2008.
Труды, 2008 — Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. М., 2008. Т. 1–3.

*С. А. Васильев.
Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории материальной культуры РАН,
Отдел палеолита.*

Международная выставка уникальных достижений техники обработки кремня в конце каменного века

Археологические выставки являются популярным мероприятием и вызывают неизменный интерес как у широкой публики, так и у научного сообщества. Как правило, экспонируются предметы искусства, оружие, богатые керамические комплексы, и очень редко внимание организаторов привлекают материалы, иллюстрирующие технические достижения разных этапов истории развития человечества. Данный международный проект, инициированный Н. Н. Скакун (ИИМК РАН, Россия) и осуществленный благодаря энергии Ж.-К. Марке (Региональная археологическая лаборатория г. Тур, Франция), получил финансирование от комиссии по культуре Европейского сообщества и в некоторой степени восполнил этот пробел.

Выставка, проходившая в музеях Франции (г. Орлеан, г. Тур), Болгарии (г. Варна) и Испании (г. Гренада, г. Барселона) в 2007–2008 гг., была посвящена уникальному явлению первобытной техники — производству длинных, суперправильных кремневых пластин, являющихся вершиной кремнеобработки (L'Europe..., 2007).

Возникновение этой технологии в разных районах Старого Света датируется по-разному, но стадийно относится к концу каменного века и началу эпохи ранних металлов. Как правило, места производства длинных пластин связаны с месторождениями высококачественного крупногалецкого мелового кремня. В европейской части наиболее известные из них — Спиенна в Бельгии, Гранд Приссенни во Франции, районы Добруджи в Болгарии, Волыни и Донбасса на Украине.

На выставке, открывшейся 30 ноября 2007 г. в Музее натуральной истории в г. Орлеан, были представлены материалы из мастерских, поселений и могильников разных культур конца каменного века Болгарии, Украины, Франции и Испании. Экспозиция, находившаяся в круглом выставочном зале, была разбита на четыре сектора, в каждом из которых демонстрировались матери-

алы из определенного региона. Основное внимание фокусировалось на центральной части зала, где на большом подиуме, на отдельных площадках были сосредоточены находки, непосредственно связанные с тем или иным кремнеобрабатывающим центром. Это образцы кремневого сырья, нуклеусы разнообразных форм, отходы производства, а также сколы с ударных площадок и реберчатые пластины, позволяющие судить о различных этапах процесса расщепления, о тщательности и мастерстве исполнителей. Здесь же демонстрировались орудия, применявшиеся в обработке кремня (отбойники, отжимники), и, самое главное, продукция древних мастеров — великолепные образцы длинных пластин (рис. 1) из производственных мастерских, кладов и поселений, в хозяйстве которых их фрагменты находили широкое употребление, а также находки из могильников, где целые пластины являлись престижными элементами погребального инвентаря.

Для наглядности реконструкции приемов изготовления пластин, характерных для того или иного центра, были показаны на графических изображениях. Безусловный интерес всех присутствующих вызвал эффективный прием получения длинных пластин с помощью рычага, предложенный выдающимся французским экспериментатором Ж. Пелегра. Этим способом ученому удалось изготовить опытные экземпляры, идеально повторяющие лучшие археологические находки (рис. 2).

В витринах каждого из секторов зала демонстрировались наиболее выразительные атрибуты археологических культур, связанные с производством или потреблением длинных пластин.

Во французской части помимо хорошо известных совершенством изготовления изделий из тулонского кремня, таких, как двусторонне обработанные тончайшей ретушью кинжалы, были представлены материалы, характеризующие одну из кремнеобрабатывающих мастерских, раскопанную полностью Ж.-К. Марке на памятнике Петит Палми, расположенном вблизи источников кремня у г. Гранд Приссенни. Посетители могли представить себе внутренний вид мастерской благода-

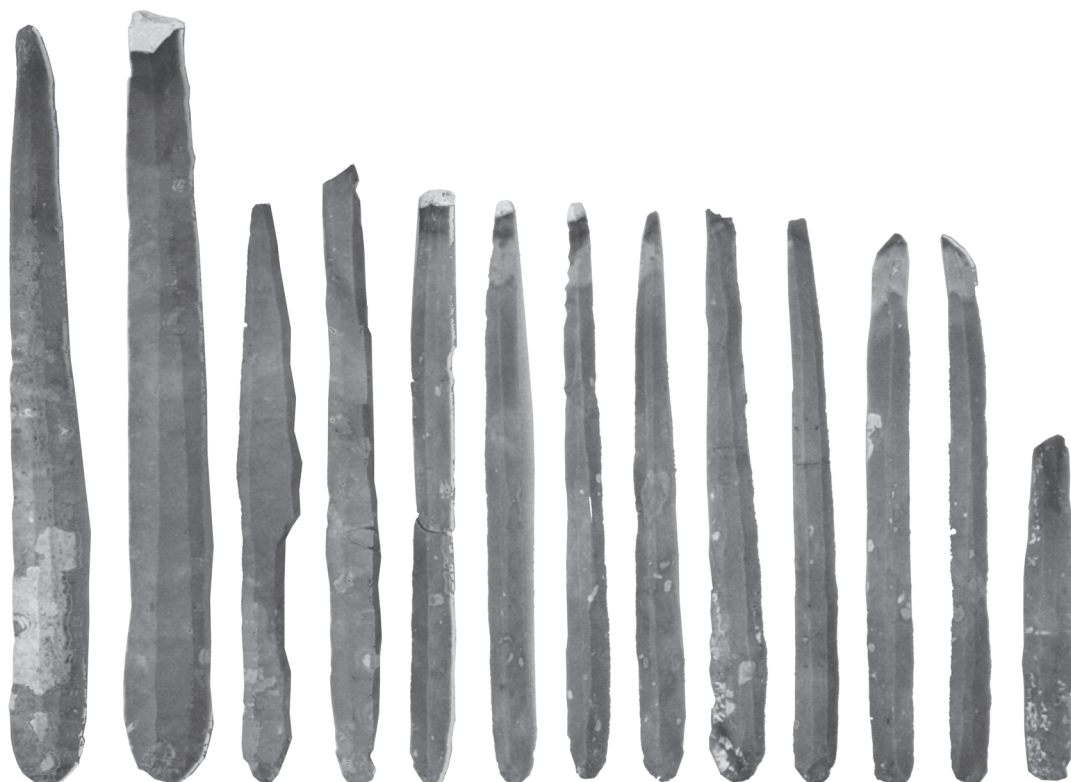

Рис. 1. Пластины из телля Сава (эпоха энеолита, Болгария — L'Europe..., 2007. P. 28)

Fig. 1. Blades from Tell Sava (an epoch Eneolithic, Bulgaria — L'Europe..., 2007. P. 28)

ря ее макету, выполненному на основании археологических данных, с воспроизведением найденных предметов утвари и указанием места скопления кремневых изделий. Назначение некоторых из них, установленное с помощью трасологии, было показано на специальных планшетах.

Испанская часть выставки содержала материалы нескольких поселений и могильников, в инвентаре которых имелись длинные пластины. Одна из пластин имела длину 35 см. Особый интерес вызывали находки пластин из погребений вблизи одного из самых загадочных поселений Европы Лос Милларес. Кроме кремня здесь экспонировались образцы керамики, и в их числе миниатюрный сосуд, изделия из кости, а также вотивные предметы.

Материалы из Болгарии были представлены разнообразными находками с поселений, где большинство орудий труда было изготовлено из фрагментов длинных пластин. Кроме того, здесь можно было увидеть отличные образцы энеолитической тонкостенной керамики, глиняные женские фигурки, клад из длинных пластин, найденный на телле Сава, а экспонаты из Варненского некрополя буквально завораживали посетителей. Вызывает восхищение профессионализм древне-

го мастера, получившего великолепную и пока единственную пластину длиной более 40 см. Вероятно, она была снята с нуклеуса при помощи рычага и медного посредника. Кроме того, здесь были выставлены медные вещи, копии золотых предметов из погребения вождя и его бюст, выполненный по методике М. Герасимова.

Украинскую часть выставки составляли лучшие образцы разнообразных находок из поселения-мастерской трипольской культуры Бодаки. Несмотря на то что его население специализировалось на обработке кремня, на поселении функционировали все производства, характерные для обычных поселков этого времени. Поэтому посетители выставки смогли увидеть шедевры трипольской расписной керамики, загадочные керамические предметы — бинокли, изделия из рога и кости, украшения, антропоморфную пластику.

Необходимо отметить, что несомненным украшением выставки были живописные картины, каждая из которых изображала тот или иной поселок древних мастеров, а также макеты жилищ и мастерских, выполненные на основании археологических данных.

Информация о местонахождении, культурной и хронологической принадлежности кремнеобра-

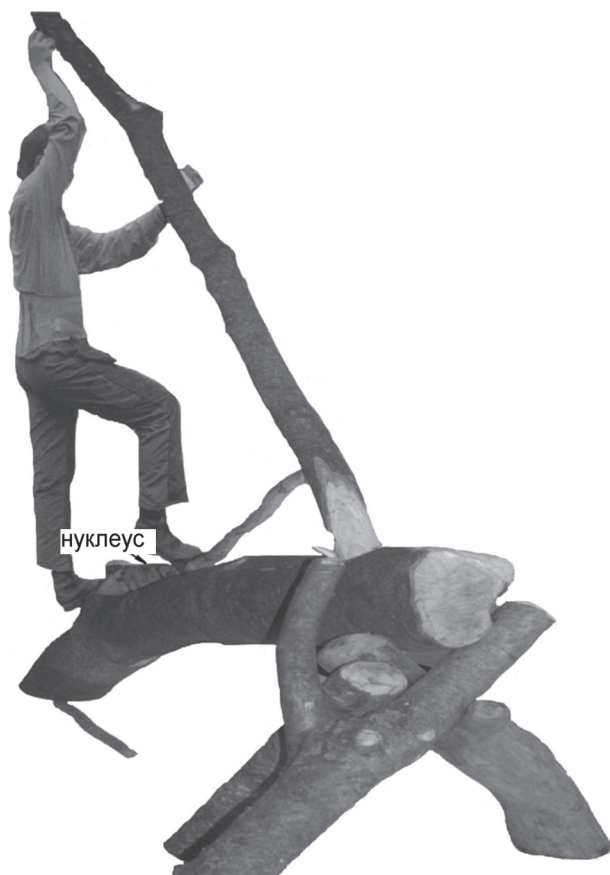

Рис. 2. Способ расщепления кремня с помощью рычага, предложенный Ж. Пелегра (L'Europe..., 2007. P. 13)

Fig. 2. Way of splitting a flint by means of the lever, the offered Z. Pelegra

батывающих центров, территории распространения их продукции содержалась на красочных картах, планшетах и постерах. На мониторах можно было посмотреть фильмы об экспериментах по добыче и расщеплению кремня, а также использованию длинных пластин и их фрагментов в качестве заготовок для различных орудий труда. Небольшой сюжет содержал рассказ о результатах трасологических исследований Н. Н. Скакун материалов из кремнеобрабатывающих мастерских Петит Палми (Франция) и Бодаки (Украина), а также нескольких поселений из Болгарии. Особый интерес присутствующих вызвал фильм об экспериментах с молотильной доской, вкладышами которой как в древности, так и до середины XX в. служили кремневые заготовки. Находки этих вкладышей из фрагментов длинных пластин в материалах энеолита Болгарии вызвали большой интерес среди археологов и стимулировали поиски подобных орудий в земледельческих культурах Юго-Восточной Европы и Малой Азии (Anderson, 1999; Chabot, 2002 и т. д.), но вызывает недоумение, что в

одной из недавних публикаций новых находок этих орудий (Зайцев и др., 2010. С. 78–88) приводятся археологические аналогии, этнографические и литературные данные, а также подборка иллюстраций без упоминания о том, что впервые они были собраны и опубликованы Н. Н. Скакун в российских, болгарских, украинских и западноевропейских изданиях (Скакун, 1985. С. 33–41; 2001. С. 106–119; 2003. С. 229–240; 2006; Skakun, 1992. P. 289–303; 1999. P. 199–210; и др.).

Подготовкой выставки был занят большой интернациональный коллектив, включавший членов региональной археологической лаборатории г. Тур (Франция), археологов из различных учреждений России, Франции, Испании, Болгарии, Украины. Среди них: Н. Н. Скакун, Ж.-К. Марке, Ж. Пелегра, Н. Маллет, Л.-А. Малет-Ришар, А. Самзун, А. Нерсессян, Г. Мартинес, А. Маргадо, Ж. Морреро, Б. Матева, В. Славчев, О. Пелевина, Е. В. Цвек, И. И. Мовчан, Л. В. Кулаковская, А. В. Маципура, В. И. Чайка и др.

Открытие выставки, собравшее более 400 человек из разных городов Франции, в их числе ученых, сотрудников местной и региональной администрации, представителей консульств некоторых европейских стран, происходило в торжественной обстановке. Главы делегаций стран участниц проекта Е. Н. Носов (Россия), Р. Лонгепа (Франция), А. Маргадо (Испания), Б. Матева, В. Йотов (Болгария), Е. В. Цвек, В. И. Чайка (Украина) и другие многочисленные ораторы отмечали неординарность тематики выставки и уникальность ее материалов. Резюмируя мнения выступавших, глава российской группы член-корр. РАН, директор ИИМК РАН, проф. Е. Н. Носов, особо отметил общественное значение подобных мероприятий, которые не только дают представление о современных направлениях археологических изысканий, но и демонстрируют со всей очевидностью значение научного сотрудничества ученых разных стран. В завершение торжественной части организаторы тепло поблагодарили всех участников проекта, дирекцию и сотрудников музея г. Орлеана за дружескую поддержку и всестороннюю помощь.

Первая экскурсия по выставке проводилась ее непосредственными авторами, поэтому посетители получили подробнейшую информацию об экспонатах, а также о значении экспериментов и трасологических исследований в археологии. Особый интерес вызвала небольшая лекция Ж. Пелегра о различных приемах расщепления кремня, сопровождавшаяся показом фильма. Каждый из желающих мог попробовать расколоть кремень или

попытаться найти следы работы на древних орудиях с помощью бинокля. После экскурсии состоялась презентация книги комиксов Ж.-К. Марке, в которой рассказывается о приключениях семейства, отправившегося в IV тыс. до н. э. на поиски длинных пластин.

Дальнейшее двухлетнее путешествие выставки в Болгарию и Испанию было успешным. Оно завершилось в Барселоне Круглым столом, на котором было продолжено научное обсуждение феномена длинных пластин, начатое во время экспонирования выставки в г. Туре. Специалисты из разных стран, занимающиеся изучением древних орудий труда, впервые смогли совместно обсудить интересные темы, многие из которых оживленно дискутировались, но ни у кого не вызывало сомнения, что производство длинных пластин представляет собой вершину кремнеобрабатывающей техники, когда древние мастера освоили новую технологию, «полностью исчерпавшую полезные свойства камня» (Семенов, 1957).

При подведении итогов все выступавшие единодушно отметили удачное объединение в одном проекте научного и культурно-просветительного мероприятия, целью которого являлись, с одной стороны, обмен накопленной информацией, необходимой для объединения усилий специалистов при разработке важнейшей проблемы первобытной археологии — изучения основных направлений технического прогресса, а с другой — демонстрация широкой публике достижений первобытной технологии, способов распространения технических открытий и их влияния на уровень развития общественно-экономической жизни в древности.

Зайцев и др., 2010 — *Зайцев Ю. П., Хелльштрем К., Хохмут М.* Фрагменты молотилок из Усть-Альминского позднескифского некрополя в Крыму // РА. 2010. № 2.

Семенов, 1957 — *Семенов С. А.* Первобытная техника. М., 1957 (МИА. № 54).

Скакун, 1985 — *Скакун Н. Н.* Новые данные о развитии производств в эпоху энеолита на территории Болгарии // Археология. Київ, 1985. № 52 (на укр. яз., рез. рус.).

Скакун, 2001 — *Скакун Н. Н.* Археологические вкладыши молотильной доски, эксперименты и этнографические параллели // Археологические вести. СПб., 2001. № 8.

Скакун, 2003 — *Скакун Н. Н.* Древние молотильные доски Закавказья // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии. СПб., 2003.

Скакун, 2006 — *Скакун Н. Н.* Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна). СПб., 2006 (Труды ИИМК РАН. Т. 21).

Anderson, 1999 — *Anderson P. C.* Experimental Cultivation, Harvest, and Threshing and Wild Cereals // Prehistory of Agriculture. New Experimental and Ethnographic Approaches / Ed. by P. C. Anderson. Los Angeles, 1999.

Chabot, 2002 — *Chabot J.* Tell'Atij Tell Gudeda. Industrie lithique. Laval, 2002.

L'Europe..., 2007 — *L'Europe, déjà, a la fin des temps préhistoriques: Des grandes lames en silex dans toute l'Europe: Catalogue de l'exposition.* Tours, 2007.

Skakun, 1992 — *Skakun N. N.* Évolution des techniques agricoles en Bulgarie chalcolithique (d'après les analyses tracéologiques) // Préhistoire de l'agriculture: nouvelles approches expérimentales et ethnographiques / P. C. Anderson (Dir.). Paris, 1992 (Monographie du CRA. Vol. 6).

Skakun, 1999 — *Skakun N. N.* Evolution of Agricultural (Chalcolithic) Bulgaria // Prehistory of Agriculture. New Experimental and Ethnographic Approaches / Ed. by P. C. Anderson. Los Angeles, 1999.

Н. Н. Скакун
Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН.
Экспериментально-трасологическая лаборатория.

Е. В. Цвек
Украина. Киев.
Институт археологии НАН Украины.
Отдел археологии камня и бронзы.

Б. Матева
Болгария, г. Исперих.
Исторический музей.

Ж.-С. Марке
Франция, г. Тур.
Региональная археологическая лаборатория.

Хотанская коллекция Государственного Эрмитажа

Ю. И. Елихина¹

Хотан — один из южных оазисов на территории Великого шелкового пути. Этот оазис населяли разные народы: иранцы, индийцы, китайцы, тюрки, тибетцы. Из Хотана происходят различные письменные памятники на санскрите, пракрытах, хотано-сакском, тибетском и китайском языках. Традиции и культуры этих народов оказали значительное влияние на становление и развитие искусства в регионе.

В основе коллекции хотанских древностей, хранящихся в Государственном Эрмитаже, лежит собрание Н. Ф. Петровского (1837–1908), русского консула в Кашгаре (1882–1902). С 1874 г. он исполнял обязанности чиновника Министерства финансов в Восточном Туркестане, а затем русского консула в Кашгаре (1882–1902). Н. Ф. Петровский хорошо знал местные языки, интересовался историей и культурой края. Он опубликовал немало статей и заметок (*Петровский*, 1892; 1893; 1906 и др.) и поддерживал тесные научные контакты с ведущими востоковедами того времени — С. Ф. Ольденбургем, В. В. Бартольдом, В. Р. Розеном. Как писал С. Ф. Ольденбург, именно Н. Ф. Петровский «первый заставил ученых обратить деятельное внимание на научные сокровища Китайского Туркестана» (*Ольденбург*, 1911. С. 3). В письме академику В. Р. Розену Н. Ф. Петровский писал: «...археологические предметы, входящие в коллекцию, приобретаются через агентов у местных жителей, происходят они с территории селения Баразан, где находятся преимущественно в русле арыка, размывающего почву древнего городища» (Записка Н. Ф. Петровского..., л. 24–32; Записка С. Ф. Ольденбурга..., л. 66–67).

Древности, относящиеся к собранию Н. Ф. Петровского, представляют собой подъемный материал. Они были приобретены Императорским Эрмитажем в 1897 г. Кроме того, в хотанской коллекции имеется значительное количество вещей, собранных С. А. Колоколовым (сменил Н. Ф. Петровского на посту консула), Соболевским и инженерами Л. Я. Лютшем и Белинко. Лишь незначительное число предметов поступило от ученых Н. И. Веселовского и С. Е. Малова. В целом эрмитажная коллекция насчитывает более 3 тысяч предметов.

В ее состав входят монеты (около 200), статуэтки из резного камня, мелкая бронзовая скульптура и рельефы, бронзовые печати и инталы (около 150), живопись и письменные документы на дереве.

Большую часть собрания составляют изделия из терракоты, около 2,5 тысяч. Они найдены преимущественно в Йоткане. Вопрос о статусе Йоткана до сих пор остается открытым: некоторые исследователи высказывали мнение, что он являлся столицей оазиса (*Stein*, 1907. Vol. 1. P. 200), другие считали, что там располагался некрополь (*Trinkler*, 1930. S. 35–37). Окончательный вывод может быть сделан только после планомерных археологических раскопок. Помимо Йоткана в Хотанском оазисе известны и другие центры: Ак-Терек, Ак-Сипил, Дандан-уйлык и Равак.

В коллекции имеются около 40 целых сосудов и более 800 их фрагментов. Обычно исследователи датируют керамику, происходящую из Йоткана, II–VI вв. н. э. (*Дьяконова, Сорокин*, 1960. С. 33; *Gropp G.*, 1974. S. 298).

Наиболее ценным экспонатом коллекции является ваза (выс. 28 см) (рис. 1, 4) с хотано-сакской надписью (рис. 1, 4а), которая до сих пор не поддается прочтению. Эта ваза с туловом яйце-

¹ Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел Востока.

© Ю. И. Елихина, 2011

видной формы имеет три ручки в виде стилизованных фигурок хищных животных, у основания ручек помещены налепы в виде женских голов, оттиснутые в одной матрице. В промежутках между ручками помещены еще три женские головки меньшего размера, а чуть ниже — головки обезьян. Хотанские вазы чаще всего декорированы многочисленными налепами, вероятно, исполнявшими роль оберегов-апотропеев. Они отличаются ручками разных типов: гладкие, украшенные фигурками птичек, орнаментированные, а также в виде фигурок хищных животных, обезьян и грифонов, и богатой декорировкой. До сих пор остается неясным вопрос об их назначении.

В эрмитажной коллекции есть еще два замечательных сосуда: бифасный кувшинчик (выс. 7 см) (рис. 1, 1) и сосуд в виде фигурки слона (выс. 8 см) (рис. 1, 3). Корпус первого сосуда образуют два обращенных в противоположные стороны женских лица. Для них характерны узкие раскосые глаза, прямой нос, маленький рот с ямочками по углам, волосы прямые, с пробором посередине, в ушах серьги. Второй сосуд представляет собой реалистически выполненную фигурку слона, полую внутри. На спине фигурки расположено расширяющееся кверху горло и одна вертикальная ручка.

Сосуды формовались на ножном гончарном круге, характерном для развитого ремесленного производства: корпус изготавливался вместе с горлом. Поддоны делали также на круге, но отдельно, затем их приклеивали к корпусу жидкой глиной. Ручки простой формы лепились от руки. Сложные, например, в виде птичек, составляли из двух половинок (правой и левой): оттиски делали в открытых формах и склеивали по предварительно насеченным плоскостям, шов заглаживали. Мелкие детали дорабатывали стекой и пуансоном после склейки. Все налепные орнаменты оттиснуты в плоских формах (Дьяконова, Сорокин, 1960. С. 25).

Хотан имел связи с Китаем, государствами Средней Азии и античным миром, поэтому местная керамика имеет много соответствий со среднеазиатской позднекушанской, и особенно бактрийской, керамикой (Восточный Туркестан..., 1995. С. 123). Имеются некоторые параллели с китайскими бронзовыми сосудами и античными вазами. В Хотане вазы изготавливали из тонкой глины с примесью лесса, принимавшей после обжига светло-красный или желтовато-красный цвет. Фигурные сосуды напоминают античные только своей формой. Согласно Г. Монтелю, лицевые сосуды восходят к античным прототипам (Montell, 1935. P. 158–159).

Своеобразие хотанской керамики заключается, прежде всего, в ее орнаментальной композиции. Для нее характерно сочетание налепных и штампованных рельефов, скульптуры, плоскостного орнамента, что свойственно также кушанской и бактрийской керамике. Вероятно, хотанские вазы являлись имитацией металлических (золотых или серебряных) (Дьяконова, Сорокин, 1960. С. 12, кат. № 1–32, табл. 1–5). Кроме ваз, все остальные сосуды использовались в быту.

Особого внимания заслуживают терракотовые статуэтки. Это изображения мужчин и женщин в светской одежде, получившей распространение в Восточном Туркестане IV–V вв. До сих пор остается неясным их назначение: они могли быть игрушками, votивными или погребальными статуэтками. Они тиражировались с помощью штампов в огромном количестве (рис. 1, 5–6) (Дьяконова, 2000. С. 229–230).

Так же довольно полно представлен в коллекции животный мир Хотана. Первое место здесь принадлежит двугорбому бактрийскому верблюду (рис. 1, 2). Он играл значительную роль в жизни Хотана как одного из перевалочных пунктов на пути караванных дорог древнего и средневекового Востока. Подобные фигурки изготавливались в формах большим тиражом. Особенно многочисленны среди хотанских находок изображения обезьян, исчисляющиеся сотнями (рис. 1, 7). Хотанские терракотовые обезьяны изображены с прекрасным знанием природы, реалистично, подчас с большим юмором. Хотя в историческое время суровый континентальный климат Хотана исключал возможность существования здесь этого животного в диком состоянии. Назначение этих фигурок также остается неясным.

Кроме керамических сосудов, фигурок людей и животных в искусстве Хотана получили распространение глиняные и штукковые рельефные изображения Будд и бодхисатв, начиная от миниатюрных и заканчивая крупной скульптурой. С первых веков нашей эры Хотан становится одним из крупнейших центров буддизма, который проникает сюда из Индии. В Хотане строится много монастырей, поэтому наряду с памятниками, относящимися к местным культам и культурам, привнесенным из других регионов, здесь встречаются многочисленные буддийские древности.

Для раннего буддизма характерными были изображения Будды, так как в то время наиболее распространенной буддийской школой в Восточном Туркестане были сарвастивадины. Они, по определению М. И. Воробьевой-Десятовской, были уже

не хинаянистами, но еще не стали последователями махаяны (*Воробьева-Десятовская*, 1989. С. 76).

Иконография Будды представлена двумя типами, сформировавшимися под влиянием гандхарской школы: Будда стоящий и Будда сидящий, изготовленные из штука в матрице. Каждый из этих типов представлен различной иконографией. Будда стоящий (рис. 2, 1) держит правую руку перед грудью в жесте спокойствия — абхайя-мудра, в его левой руке, опущенной вдоль тела, зажат конец плаща. Будда сидящий (рис. 2, 2) в позе лотоса — падмасана держит руки в жесте медитации — дхьяна-мудра. Подобные образки имеют небольшие размеры, они могли присутствовать в окружении крупной храмовой статуи. Кроме штука и глины изображения Будды изготавливали из бронзы и резного камня. Будда (выс. 9,3 см; бронзовый рельеф) (рис. 3, 1) изображен сидящим на фоне радужного сияния, исходящего от него, в виде круга. Одежанием служит свободный складчатый плащ.

Среди бронзовых рельефов и мелкой буддийской скульптуры можно выделить следующие изображения. Фигурка Авалокитешвары (выс. 7 см) (рис. 3, 2) представляет собой рельефное изображение стоящего бодхисаттвы. Его тело имеет S-образный изгиб (трибханга). В высокой прическе просматривается еще один нимб, характерный для иконографии Авалокитешвары в данном случае в форме Падмапани. Правая рука поднята к груди, в ней он держит стебель лотоса, в левой, опущенной вдоль тела, находится сосуд камандалу. Статуэтка датируется V–VI вв. О распространении культа Авалокитешвары, бодхисаттвы сострадания и милосердия, в Восточном Туркестане свидетельствуют археологические находки, фрески и тибетские тексты.

Рельефные бронзовые накладки с изображением Падмапани (выс. 8 см) (рис. 3, 5) из Хотана датируются IX в. Они использовались в качестве украшений для буддийских храмов. Кроме бронзовых накладок из коллекции Государственного

Эрмитажа из всех памятников с территории Хотана, хранящихся в разных музеях мира, известно всего 7 изображений Авалокитешвары (на фресках и деревянных дощечках). Он почитался как один из 8 бодхисаттв, имевших резиденцию в Хотане. Авалокитешвара упомянут в списке 8 бодхисаттв в тибетском тексте «Пророчество о стране Ли (Хотане)» (*Emmerick*, 1967. P. 13).

Храм Авалокитешвары находился на горе Гошринга, особо почитаемом месте Хотана. Имя бодхисаттвы присутствует в тибетских и сакских текстах, но наибольшее распространение получили дхарани, посвященные Авалокитешваре (*Emmerick*, 1979. P. 38). В сакских текстах особо подчеркнута его связь со светом (*Williams*, 1973. P. 130–131).

Фигурка Ваджрапани (выс. 9 см) (рис. 3, 3) представляет собой рельефное изображение стоящего бодхисаттвы. Его тело имеет S-образный изгиб (трибханга). Для него характерна высокая прическа. Правая рука поднята к груди, в ней он держит ваджру, левая покоится на бедре. В тибетском сочинении, опубликованном Ф. Томасом, «Аннлы страны Ли (Хотана)» бодхисаттва Ваджрапани, символизирующий силу и мужество, не упоминается. Вероятно, этот рельеф является единственным изображением Ваджрапани, происходящим из Хотана, хотя на территории Восточного Туркестана культ имел широкое распространение.

В махаяне Ваджрапани упоминается изредка, хотя с ним связаны различные легенды: он проводил Будду, когда тот покинул Капилавасту; присутствовал во время прихода к Будде нагов.

Фигурка Майтреи (выс. 9 см) (рис. 3, 4) представляет собой рельефное изображение прямо стоящего бодхисаттвы. Для него характерна высокая прическа. В правой руке, опущенной вниз вдоль тела, он держит сосуд, левая рука прижата к груди. Сосуд является характерным атрибутом для Майтреи. Культ Майтреи был весьма популярен в Хотане. В «Пророчестве о стране Ли (Хотане)» отмечено, что Будда повелел 8 бодхисаттвам охранять территорию Хотана. Среди них упомина-

Рис. 1. Хотанская коллекция Н.Ф. Петровского, 1897 г. Предметы из терракоты:

1 — фигурный сосуд (лицевая вазочка) (ГА-2158); 2 — фигурка верблюда (ГА-2578); 3 — сосуд в виде фигурки слона (ГА-2719); 4 — ваза с двумя фигурными ручками (ГА-2720); 4a — хотано-сакская надпись на вазе; 5 — мужская фигурка (ГА-2125); 6 — женская фигурка (ГА-2040); 7 — фигурка обезьянки (ГА-679); 8 — Заххак (ГА-3053).

1–7 — III–VI вв., коллекция Н.Ф. Петровского 1897 г.; 8 — VII–VIII вв., происхождение неизвестно

Fig. 1. N.F. Petrovsky's Hotansky collection, 1897. Subjects from a terracotta:

1 — a figured vessel (an obverse vase) (GA-2158); 2 — a figure of a camel (GA-2578); 3 — a vessel in the form of a figure of an elephant (GA-2719); 4 — a vase with two figured handles (GA-2720); 4a — hotano-sakskaja an inscription on a vase; 5 — a man's figure (GA-2125); 6 — a female figure (GA-2040); 7 — a figure of the monkey (GA-679); 8 — Zahhak (GA-3053)

1–7 — III–VI centuries, N.F. Petrovsky's collection of 1897; 8 — VII–VIII centuries, an origin it is not known

4

1

2

3

4a

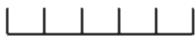
5

8

6

7

нут и Майтрея (*Emmerick*, 1967. P. 13). Один из хотанских царей по имени Виджая Самбхава был земным воплощением Майтреи. Он правил в течение 5 лет после 165 лет со времени образования хотанского государства (*Ibid.* P. 25). Вторым воплощением Майтреи был Виджая Вирья, оба они прославились строительством буддийских сооружений (*Ibid.* P. 29). С именем бодхисаттвы Майтреи связана следующая легенда. Когда-то во времена Будды Кашьяпы на территории Хотана была построена ступа. Позднее на месте Хотана образовалось озеро, а ступа была скрыта горами. Затем появился Будда Майтрея и озеро пересохло, горы рухнули, и ступа была освобождена (*Ibid.* P. 31). Царь Виджая Симха построил специальный монастырь, посвященный Майтрее, и возвел там его статую. Он почитал Майтрею в качестве божества-хранителя (*Ibid.* P. 55). В «Анналах страны Ли» Майтрея перечисляется среди бодхисаттв, пребывающих в Хотане.

Архитектурные сооружения, построенные из дерева, не сохранились до наших дней. Экспедиция Ауреля Стейна, работавшая в оазисе в 1900–1901 гг., обнаружила лишь фундаменты храмов. В коллекции Эрмитажа имеются три расписные деревянные балки, украшавших буддийские храмы. На них сохранились изображения Будд и следы позолоты и несколько фрагментов штукатурки со следами живописи.

О связях с Индией свидетельствует группа гандхарских памятников, изготовленных из резного камня, их насчитывается более 20 штук. Подобные votivные образцы являются предметами буддийского культа. Их привозили с собой паломники и монахи, переходя из одного монастыря в другой, они миниатюрны по размерам.

В первых веках нашей эры мелкая буддийская гандхарская пластика получила широкое распространение на территории Восточного Туркестана и Средней Азии. Подтверждением этому служат находки различных археологических экспедиций,

отраженные в многочисленных научных публикациях. Памятники гандхарской пластики, выполненные из камня и слоновой кости, находила в Хотане и экспедиция Ауреля Стейна (*Stein*, 1907. Vol. 2, Pl. XLVIII). Одной из первых научных публикаций на эту тему была статья С. Ф. Ольденбурга (*Ольденбург С. Ф. и Е. Г.*, 1930. С. 145–186) о гандхарских памятниках, найденных в Хотане. Большая часть этих памятников, описанных С. Ф. Ольденбургом, представлена на постоянной экспозиции. Примером подобной скульптуры являются и статуэтки из деревянного реликвария (рис. 2, 5), относящегося к коллекции Н. Ф. Петровского. На реликварии, как и на всех памятниках из коллекции Петровского, имеется старый номер с шифром «П».

Реликварий в форме бутона лотоса, символизирующего в буддизме святость и чистоту, вырезан из палисандра (анализ дерева реликвария выполнен кандидатом биологических наук М. И. Колосовой, Отдел научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа). Он состоит из двух половинок, внутри которых находятся две буддийские статуэтки. Реликварий скреплен петлей на оборотной части и закрывается на крючок на лицевой. По состоянию металла можно предположить, что крепежи более поздние по времени. Нам встречались в публикациях деревянные реликварии того времени, скрепленные следующим образом: в половинках проделывались отверстия, и части соединялись между собой бечевкой (*Sérinde...*, 1995. P. 396).

Реликварий небольшой по размеру. В каждой из половинок вырезана специальная ниша, в ней помещено миниатюрное скульптурное изображение буддийского божества. Высота каждой статуэтки 5,5 см.

Возвращаясь к материалу, из которого изготавливались гандхарские памятники, можно отметить, что обычно они делались из сланца, реже из мыльного камня и слоновой кости. В данном слу-

Рис. 2. Хотанская коллекция Н.Ф. Петровского, 1897 г. Предметы из штука и дерева:

1 — Будда стоящий (IV–VI вв., ГА-2477+2523); 2 — Будда сидящий (IV–VI вв., ГА-2485); 3 — иконка с изображением легенды о распространении в Хотане шелководства (VI в., ГА-1125); 4 — иконка с изображением божества ткачества (VI в., ГА-1120); 5 — реликварий со скульптурным изображением Будды Майтреи и бодхисаттвы (V–VI в., ГА-308).
1–2 — штука; 3–4 — дерево, минеральные краски; 5 — дерево, смола

Fig. 2. N.F. Petrovsky's Hotansky collection, 1897. Subjects from a piece and a tree:

1 — the Buddha standing (IV–VI centuries, GA-2477+2523); 2 — the Buddha sitting (IV–VI centuries, GA-2485); 3 — an icon with the legend image about distribution to Hotane шелководства (VI century, GA-1125); 4 — an icon with the image of a deity of weaving (VI century, GA-1120); 5 — реликварий with the sculptural image of Buddha Majtrei and бодхисаттвы (V–VI century, GA-308).

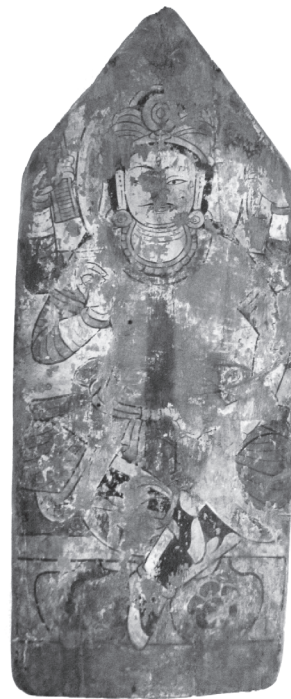
1–2 — pieces; 3–4 — a tree, mineral paints; 5 — a tree, pitch

1

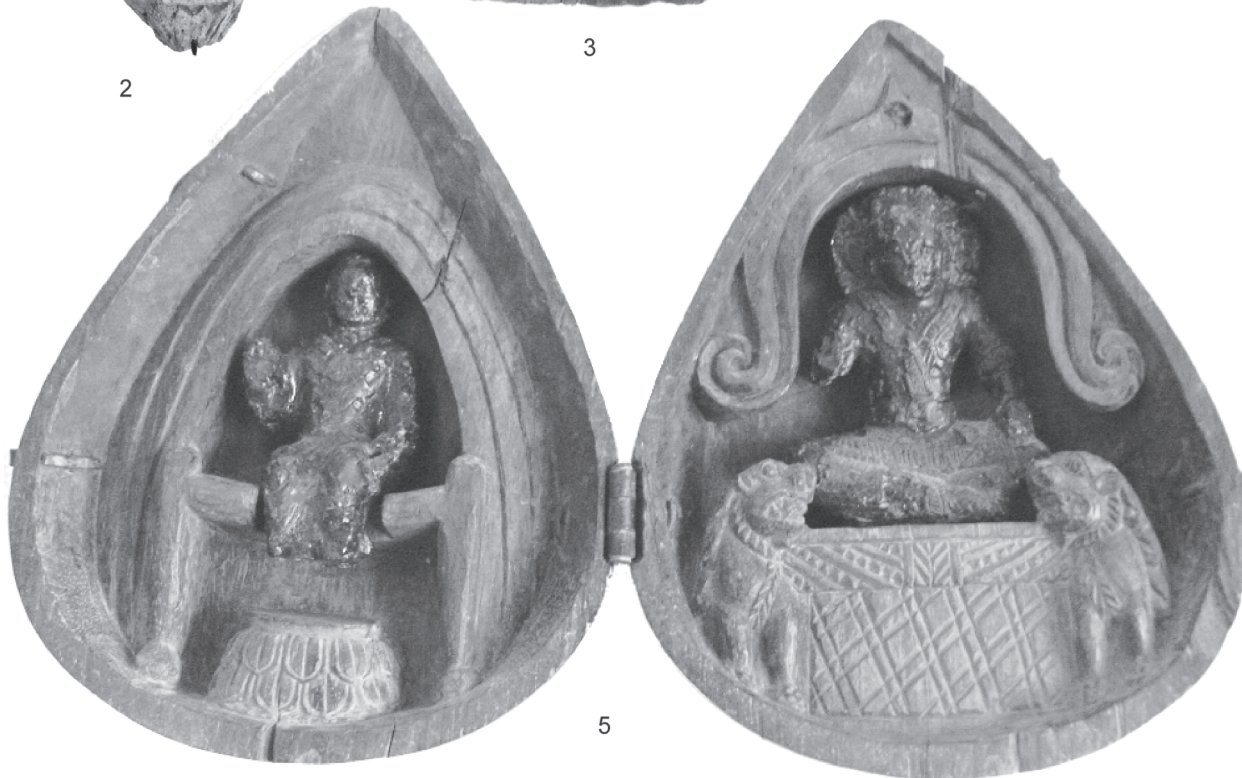
3

4

2

5

Рис. 3. Хотанская коллекция Н.Ф. Петровского, 1897 г.:

1 — Будда (IV–VI вв., ГА-1550); 2 — Бодхисаттва Авалокитешвара-Падмапани (V–VI вв., ГА-1552); 3 — Бодхисаттва Ваджрапани (V–VI вв., ГА-1080); 4 — Бодхисаттва Майтрея (V–VI вв., ГА-1031); 5 — Бодхисаттва Авалокитешвара-Падмапани (IX в., ГА-1080); 6 — печать (II–III вв., ГА-1041); 7 — обезьяна (II–III вв., ГА-1041).

1–6 — литые фигурки из бронзы; 7 — резная фигурка из нефрита

Fig. 3. N.F. Petrovsky's Hotansky collection, 1897:

1 — the Buddha (IV–VI centuries, GA-1550); 2 — Bodhisattva Avalokiteshvara-Padmapani (V–VI centuries, GA-1552); 3 — Bodhisattva Vajhrapani (V–VI centuries, GA-1080); 4 — Bodhisattva Majtreja (V–VI centuries, GA-1031); 5 — Bodhisattva Avalokiteshvara-Padmapani (IX century, GA-1080); 6 — the press (II–III centuries, GA-1041); 7 — a monkey (II–III centuries, GA-1041).

1–6 — cast figures from bronze; 7 — a carved figure from a nephrite

чае статуэтки выполнены из нетрадиционного материала — сандарака (смолы можжевельника). Анализ смолы выполнен А. А. Сушковым и К. Б. Калининой (Отдел научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа).

В одной части реликвария помещено изображение бодхисаттвы, восседающего на львином

престоле. Его голову окружает нимб, на нем многочисленные украшения, правая рука статуэтки обломана до локтя, левая лежит на колене в жесте медитации дхьяна-мудра. Из-за больших утрат невозможно определить, какой именно бодхисаттва представлен здесь. По форме украшений, позе и трактовке образа в целом его, без сомнения,

можно отнести к памятникам гандхарской пластики V–VI вв. вв. (*Zwalf*, 1996. S. 37–55).

В другой части реликвария под трехступенчатой аркой помещен Майтрея. Он изображен как грядущий Будда, без украшений, на голове ушнisha — один из признаков Будды. Он восседает в так называемой «европейской» позе со спущенными ногами (бхадрасана). Ноги статуэтки, частично утраченные, спускались на полукруглый лотосовый престол в позе бхадрасана, типичной только для Майтреи. Правая рука расположена, скорее всего, в жесте внимания абхая-мудра, но может находиться и в жесте поучения витарка-мудра, так как для Майтреи по иконографическому канону характерны оба жеста. Левая рука божества утрачена, возможно, в ней был атрибут Майтреи — сосуд кундика. В памятниках гандхарского круга именно сосуд служит атрибутирующим признаком для Майтреи.

Иконография Майтреи в памятниках, найденных в Восточном Туркестане, бывает самой различной: он может изображаться и как Будда, и как бодхисаттва, стоящим и восседающим в разных позах: в падмасане и бхадрасане (на дощечке из Кучи VI в., каменный китайский образец V в.) (*Sérinde...*, 1995. P. 263, 265). Мудры также могут быть самыми разными. Подобные изображения Майтреи встречаются в Хотане. Он в виде бодхисаттвы представлен на деревянных дощечках из коллекций Британского музея и музея в Нью-Дели, опубликованных Дж. Вильямс (*Williams*, 1973. P. 129–130).

С. Ф. Ольденбург опубликовал терракотовый образец Майтреи из Хотана (*Ольденбург*, 1898. С. 0106–0107), который, к сожалению, не сохранился. Для Майтреи на этих изображениях характерна определенная поза, когда ноги божества спущены с престола и перекрещены снизу.

Интересны и формы арок, под которыми восседают божества. Аналогией трехступенчатой арки, под которой восседает Майтрея, служит штукатурный рельеф с изображением сцены «Великого ухода Будды», происходящий из Гандхары и датируемый III–IV вв. Он хранится в музее г. Камакуры, в Японии (*Sérinde...*, 1995. P. 237). Лотосовые престолы характерны как для Гандхары, так и для Хадды. Форма арки, под которой помещен бодхисаттва, встречается среди гандхарских памятников, датируемых III в. (*Ibid.* P. 108).

Львиные лотосовые престолы также появляются в гандхарском искусстве, типичен для Гандхары и ромбовидный узор престола. Однако именно в Кучарском оазисе были найдены многочис-

ленные деревянные статуэтки и фрагмент деревянной резьбы, хранящиеся в Британском музее, музее Гимй и Государственном Эрмитаже. Они датируются VI в. Особенно интересен среди этих деревянных памятников образец Будды Шакьямуни, декорированный в верхней части таким же ромбовидным орнаментом, как и наш реликварий. Он происходит из Кучи и датируется VI в. (*Ibid.* P. 160).

Таким образом, можно предположить, что статуэтки и реликварий были изготовлены в гандхарском стиле в Куче, хотя сами вещи были найдены в Хотане. Этот реликварий со статуэтками по сохранности и материалу является одним из уникальных памятников, происходящих из Восточного Туркестана и хранящихся в Эрмитаже.

Хотан славился своим нефритом. Нефрит служил предметом экспорта, поэтому находок, выполненных из него, встречается немного, и они относятся к разному времени. В коллекции Эрмитажа представлены нефритовые фигурки животных и печати. Например, имеется одна нефритовая обезьянка (выс. 6 см). Она показана в сидячем положении, обхватив передними лапами задние. Голова ее втянута в плечи. Нефрит серый, с коричневыми пятнами (рис. 3, 7).

Интересна достаточно большая группа памятников из мыльного камня, более 30 предметов. Часть из них представляет Будд и бодхисаттв, другая часть состоит из антропоморфных образков, наделенных неестественно большими туловищами, назначение которых также неясно.

Античное и персидское влияния нашли свое отражение на резных интальях из полудрагоценных камней, в бронзовых печатях и мелкой коропластике.

Бронзовые печати делятся на несколько типов: китайские с иероглифическими надписями; «сакские» с изображением головы царя в профиль. Эти печати были изучены и опубликованы Н. В. Дьяконовой (*Дьяконова*, 1967). На некоторых печатях присутствует изображение Заххака (рис. 3, 6), персонажа иранской мифологии, иноземного царя и узурпатора иранского престола. Образ Заххака восходит к авестийскому Ажи-Дахака, трехглавому дракону, правившему в Иране после свержения первого царя Йимы. В произведении выдающегося персидского и таджикского поэта X–XI вв. А. Фирдоуси «Шахнаме» Заххак описан как сын арабского царя, совращенный дьяволом. От головы дьявола из плеч Заххака выросли две змеи, которых нужно было кормить человеческим мозгом, поэтому ежедневно ему должны были прино-

свить в жертву двух юношей. Народ поднял восстание против Заххака и сверг тирана. Заххака приковали в жерле потухшего вулкана. По народным преданиям, звуки, доносящиеся из жерла, являются стонами Заххака. В честь победы над Заххаком был установлен праздник осеннего плодородия. В коллекции имеется его скульптура из терракоты (выс. 63 см) (рис. 1, 8) (Дьяконова, 1940. С. 195–208).

Изображение Заххака свидетельствует о бытовании в Хотане иранских культов, которые получили распространение на территории Бактрии, Согда и других сопредельных государств.

Кроме этих изображений на печатях встречаются образы различных животных, птиц, крылатого коня и растительные орнаменты. На интальях, представленных различными резными камнями, такими как халцедон, сердолик, альмандин, аметист, сардоникс, лазурит и опал, присутствуют изображения Фортуны, грифона, барана, зебу, козла, льва, птиц, растений, мужских и женских человеческих головок. Всего в коллекции насчитывается 23 интальи.

Из местных культов наибольшее распространение получило почитание божества ткачества (рис. 2, 4), его живописные изображения представлены на двух деревянных иконках (размер 25 × 10 см). Они происходят из Дандан-уйлыка и датируются VI–VIII вв.

Авестийский Йима — Джемшид был первым, кто научил людей промыслам и ремеслам. С этим мифом о первом наставнике человечества, который научил возделывать землю, плавить и ковать металлы, сплести основу с утком, вероятно, связано изображение бога ткачества и покровителя шелковичного червя. Сюань Цзан (600–664) пишет о существовании в Хотане культа этого бога и о посвященном ему храме (Stein, 1907. Vol. 1. P. 259, 298; vol. 2. Pl. LXI). Шелководство и производство шелковых и хлопчатобумажных тканей в течение многих веков составляло важную статью в экономике Хотана. По данным А. Стейна, еще в начале XX в. хотанский оазис оставался главным производителем шелка и шелковых тканей в Восточном Туркестане (Ibid. Vol. 1. P. 259. Pl. LXIII).

Бог ткачества изображался хотанскими живописцами четырехруким, восседающим на троне. В правой руке он держит перед грудью кубок, левая лежит на колене, в двух других у него находятся ткацкий челнок и гребень (Дьяконова, 1961. С. 258).

На второй иконке (рис. 2, 3) представлены бог ткачества и его свита, состоящая из юноши в уборе индийского царевича, кисти рук его погружены в большую чашу на конической ножке. Можно предположить, что в чаше лежат коконы тутового шелкопряда. Перед ним на коленях сидит молодая женщина в китайской одежде. Ее прическа украшена длинными шпильками, в левой руке она держит большую двузубую вилку, на которую обычно наматывают нити с коконов, а в правой руке у нее находится белая ткань (Дьяконова, 1960. С. 66). Согласно легендам, 14-й царь Хотана Виджая Джасья (Rhie, 1999. P. 259) женился на китайской принцессе, которая привезла в прическе коконы. Так в Хотане началось производство шелка. Китайская принцесса дала обет не убивать бабочек, так как убийство любых живых существ по буддийским представлениям считается грехом. Поэтому местное население изготавливало ткани из сученых нитей шелка-сырца уже после того, как бабочки покидали кокон (Лубо-Лесниченко, 1995. С. 36–74).

Ниже расположены еще два изображения женщин: одна из них сидит перед ткацким станком, другая — прядет.

Шелководство проникло в Хотанский оазис не позднее III в. (Там же. С. 63).

Таким образом, из памятников Хотана можно выделить несколько групп: 1 — терракотовые вазы, сосуды и их фрагменты; 2 — миниатюрные изображения людей и животных; 3 — предметы буддийского культа (как местные, так и гандхарский импорт); 4 — памятники, представляющие местные божества; 5 — печати и интальи; 6 — монеты; 7 — письменные документы; 8 — предметы быта; 9 — архитектурные фрагменты.

Для хотанских находок существует проблема датировок. До сих пор нет единой для специалистов во всем мире системы датировки находок. Несколько проще обстоит дело с письменными памятниками, которые можно датировать по эпиграфике, или с нумизматикой. С остальными вещами вопрос остается открытым, хронологические рамки всех мировых собраний, судя по публикациям, в основном можно ограничить с III в. до н. э. по X в., что, конечно, является слишком большим временным промежутком, хотя и в этих пределах датировки английских, немецких, американских, корейских и российских специалистов значительно отличаются. Этот вопрос также требует всестороннего рассмотрения.

Большая часть коллекции, включающая в себя предметы из терракоты и штука, была опубликована Н. В. Дьяконовой и С. С. Сорокиным. Остальные памятники, за исключением нескольких, не публиковались и требуют дальнейшего изучения и ввода в научный оборот.

Воробьева-Десятовская, 1989 — Воробьева-Десятовская М. И.

О терминах «хинаяна» и «махаяна» в ранней буддийской литературе // Буддизм: история и культура. М., 1989.

Восточный Туркестан, 1995 — Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье / Под ред. Б. Я. Литвинского. М., 1995.

Дьяконова, 1940 — Дьяконова Н. В. Терракотовая фигурка Захака // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Т. 3.

Дьяконова, 1960 — Дьяконова Н. В. Материалы по культовой иконографии Хотана // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1960. Вып. 17.

Дьяконова, 1961 — Дьяконова Н. В. Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Т. 5.

Дьяконова, 1967 — Дьяконова Н. В. «Сакские» печати из Сериндии // ВДИ. 1967. № 2.

Дьяконова, 2000 — Дьяконова Н. В. Изобразительное искусство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье / Под ред. Б. А. Литвинского. М., 2000.

Дьяконова, Сорокин, 1960 — Дьяконова Н. В., Сорокин С. С. Хотанские древности: терракота и штук. Л., 1960.

Записка С. Ф. Ольденбурга... — Записка С. Ф. Ольденбурга о заслугах Н. Ф. Петровского при представлении его в почетные члены РАО // НА ИИМК РАН, РА, ф. 3, д. 444: Восточное отделение — извещения о случайных находках и археологических раскопках; посылки в дар Обществу монет и других предметов; переписка по изданию присылаемых с мест работ и рассылка изданий Общества.

Записка Н. Ф. Петровского... — Записка Н. Ф. Петровского об археологических памятниках Восточного Туркестана // НА ИИМК РАН, РА, ф. 3, д. 444: Восточное отделение — извещения о случайных находках и археологических раскопках; посылки в дар Обществу монет и других предметов;

переписка по изданию присылаемых с мест работ и рассылка изданий Общества.

Лубо-Лесниченко, 1995 — Лубо-Лесниченко Е. И. Ткачество // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье / Под ред. Б. А. Литвинского. М., 1995.

Ольденбург, 1898 — Ольденбург С. Ф. Два хотанских изображения Майтреи // ЗВОРАО. СПб., 1898. Т. 12.

Ольденбург, 1911 — Ольденбург С. Ф. Памяти Н. Ф. Петровского 1837–1908 // ЗВОРАО. СПб., 1911. Т. 20.

Ольденбург С. Ф. и Е. Г., 1930 — Ольденбург С. Ф. и Е. Г. Гандарские скульптурные памятники Государственного Эрмитажа // Записки Коллегии востоковедов. Л., 1930. Т. 5.

Петровский, 1892 — Петровский Н. Ф. Буддийский памятник близ Кашгара // ЗВОРАО. СПб., 1892. Т. 7.

Петровский, 1893 — Петровский Н. Ф. Ответ консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского на заявление С. Ф. Ольденбурга // ЗВОРАО. СПб., 1893. Т. 7.

Петровский, 1906 — Петровский Н. Ф. Заметка по поводу сообщения А. Киргофа о находке каменных орудий // Туркестанские ведомости. 24.11.1906 и др.

Emmerick, 1967 — Emmerick R. E. Tibetan texts concerning Khotan. London, 1967.

Emmerick, 1979 — Emmerick R. E. A Guide to the literature of Khotan. Tokyo, 1979.

Gropp, 1974 — Gropp G. Archäologische Funde aus Khotan, Chinesisch Turkistan // Die Trinkler Sammlung im Übersee Museum. Bremen, 1974.

Montell, 1935 — Montell G. Sven Hedin's archaeological collections from Khotan // Bulletin of the Museum of the Far Eastern antiquities. Stockholm, 1935. No 7.

Rhie, 1999 — Rhie M. M. Early Buddhist art of China and Central Asia. Leiden; Boston; Köln, 1999. Vol. 1.

Sérinde..., 1995 — Sérinde, Terre de Bouddha: Dix siècles d'art sur la Route de la Soie. Paris, 1995.

Stein, 1907 — Stein A. Ancient Khotan. Oxford, 1907. Vol. 1–2.

Trinkler, 1930 — Trinkler E. Im Land der Stürme. Mit Pak- und Kamelcaravanen Innerasien. Leipzig, 1930.

Williams, 1973 — Williams J. The Iconography of Khotanese Painting // East and West. Rome (New Series; vol. 23, No 1–2, March–June).

Zwalf, 1996 — Zwalf W. A Catalogue of the Gandhāra Sculpture in the British Museum. London, 1996. Vol. 2.

«...Для представления на высочайшее воззрение...»: история находки четырех серебряных сосудов

А. С. Вдовин¹

Одной из самых сложных проблем археологической науки на всем протяжении ее развития является проблема сохранения культурного наследия нашей страны. На повестку дня этот вопрос встал еще в период накопления археологического материала. Поэтому интересно на конкретном примере рассмотреть отношение простых людей и государственных чиновников к древностям в Российской империи в конце XIX в.

Императорское Московское Археологическое Общество (далее ИМАО) и Императорская Археологическая Комиссия (далее ИАК) неоднократно обращались непосредственно к губернской администрации за помощью о получении информации об археологических памятниках на территории Енисейской губернии. В одном из них от 15 июня 1889 г. за № 624 ИАК сообщила губернатору о том, чтобы он довел до сведения окружных исправников, что «Его Величество государь император во 2-ой день марта сего года Высочайше повелеть соизволил: ...Открытые при раскопках ценные вещи и особо важные в научном отношении предметы должны быть присланы в Императорскую Археологическую Комиссию, для представления на высочайшее воззрение...» (ГАКК, ф. 595, оп. 1, д. 3280, л. 91).

Так, открывая краткое описание «Выставки древностей, представленных Императорской Археологической Комиссией на воззрение государя императора» за 1894 г., мы видим, что на этой выставке были представлены предметы древности из 41 губернии и области империи. «...Наиболее значительные коллекции принадлежат Армении, Рязанской, Петербургской, Пермской, Нижегородской и Енисейской губерниям...» (Спицын, 1895. С. 3). Археологические находки из Енисей-

ской губернии были представлены материалами А. В. Адрианова из раскопок на острове Тагарском и в долине р. Тубы (Там же. С. 22), кроме того, парой «прекрасных золотых филигранных серег из кургана на р. Абакан, Минусинского округа...», а также «прекрасный золотой спиральный браслет, найденный по р. Бол. Кемчугу, Минусинского округа...» (Там же. С. 27).

Но не менее интересные предметы, представленные на этой выставке, были найдены в Красноярском округе. Примечательна история их обнаружения. Как и следует в подобных ситуациях, сообщение о нахождении древних предметов приходит с мест высшему губернскому начальству. Этот документ следует привести полностью, чтобы отчетливее понять интригу этой истории.

«Его Превосходительству
Господину Енисейскому губернатору
Красноярского окружного исправника

РАПОРТ

Частоостровское волостное правление, от 23 августа... донесло, что 22 августа крестьянин дер. Карымской Николай Филиппов Черкишин, являсь в волостное правление, заявил, что несколько дней тому назад крестьянские дети дер. Карымской Николай Харитонов Кашеев и Домна Николаевна Черкишина нашли на косогоре около заимки однодворки Додоновой (она же Ширичева) два серебряных татарских кувшина, по-видимому, очень древних, и отдали их своим родителям, из которых крестьянин Харитон Кашеев, по указанию сына, отправился на место находки и недалеко от поверхности земли вырыл еще два таких же кувшина. При этом Черкишин добавил, что сажень в 20 от места находки кувшинов имеется небольшой курган, в котором можно подозревать существование подобных же древних ценных вещей. Вследствие означенного заявления Черкишина волостное правление того же числа командировало волостного начальника для проверки

¹ Россия, 660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89. Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. Кафедра отечественной истории.

заявления Черкишина, который, удостоверившись в справедливости показаний заявителя, в присутствии Карымского старосты и понятых, отобрал от Кашеева и Черкишина 4 кувшина (от первого 3, а от второго 1) формою похожие на миску, весом: 1-й — $\frac{5}{8}$ фунта, 2-ой — $\frac{4}{8}$ фунта, 8 золотников, 3-й — $\frac{4}{8}$ фунта, 4 золотников и 4-й — 9 золотников.² Все эти кувшины представлены земскому заседателю 3 участка Хмелевскому, при рапорте, от 23 августа за № 193, к кургану же и месту находки поставлен караул. От заседателя Хмелевского сведения не получено.

О вышеизложенном имею честь доложить Вашему превосходительству.

Окружной исправник»

(ГАКК, ф. 595, оп. 1, д. 5016, л. 1).

Далее события развивались с такой быстротой и оперативностью, что можно усомниться во мнении о волоките, присущей бюрократическому аппарату России конца XIX в. Хотелось бы обратить внимание на даты представленных ниже документов.

Уже 24 августа, то есть на следующий день, губернатор дает распоряжение красноярскому окружному исправнику: «...поручаю Вам принять... к охране, как курган находящийся около заимки Додоновой, так и места, где найдены 4 серебряных кувшина, не допуская... раскопки около места и кургана...» (Там же, л. 2).

И в этот же день телеграммой отправляется сообщение в ИАК следующего содержания: «...Красноярского округа крестьянами начата раскопка кургана, найдены серебряные татарские кувшины. Предупреждения расхищения раскопки разрешены произвести... члену-секретарю статистического комитета — Зейтелю. Найденные вещи, отчет раскопок доставится Комиссии...» (Там же, л. 3; НА ИИМК, ф. 1, 1894, д. 140, л. 1).

Почему именно Зейтелю поручается произвести раскопки, не ясно. Вероятно, он был знаком с археологией, да и оказался рядом. Кроме того, в Красноярске к этому времени не оставалось специалистов, которые бы могли это сделать: И. Т. Савенков выехал в Варшаву, А. С. Еленев — в Читку, и оставался только П. С. Проскураков, которого в спешке не нашли, либо его просто не было в городе.

Ответ из Петербурга не заставил долго ждать. 26 августа ИАК отправляет исполняющему обязанности губернатора Д. Н. Давыдову разрешение на проведение раскопок на имя Зейтеля и ассиг-

нование 150 р., с последующим предоставлением отчета (ГАКК, ф. 595, оп. 1, д. 5016, л. 8; НА ИИМК, ф. 1. 1894, д. 140, л. 5).

Бюрократическая машина закрутилась, и не только губернская, но и местная. Каждый, вероятно, хотел отличиться в этом деле, показать свое рвение, а может быть, простой интерес заставил участников событий так активно включиться в них. И все же рапорт следовал за рапортом.

«Копия с рапорта земского заседателя 3 участка Красноярского округа, от 25 августа за № 1599 Красноярскому окружному исправнику

Около недели тому обратно (16 и 17 августа), верстах в 2-х от дер. Карымской, Частоостровской волости, в горе, где проложена по косоугору скотопронная дорожка, крестьянским сыном, мальчиком Николаем Кашеевым, случайно было усмотрено в одном месте, что из земли, на поверхности ее, просвечивается какая-то металлическая вещь. Выкопавши ее без труда, мальчик нашел металлическую чашу, которую и унес домой. Вслед за тем отец мальчика крестьянин Харитон Кашеев, отправившись из любопытства на место, вырыл из земли две такие же чаши, и одну нашел здесь же крестьянская дочь Домна Криволицкая. Предлагая находку не важной, а вещи жестяными, последний взял их себе, для употребления на домашний обиход, причем Кашеев, проколовши в одной из чашек дырки, обратил ее на рукомойник. Узнавши об этой находке, в поездке 22 августа, через село Частоостровское и дер. Карымскую, через посредства заявителя, крестьянина Николая Черкишина, я распорядился собрать эти вещи. Это оказались 4 серебряные, по-видимому, кованые, на фасон церковных, чаши с поддоном, из которых у трех эти поддоны отбиты, а 4-й уцелел. Весом все чаши 2 $\frac{1}{2}$ фунта 9 золотников. Вчера, на месте находки чаш, я (провел. — А.В.) пробную раскопку, но ничего больше не нашел и никаких признаков какого-либо потайника здесь не оказалось. Поблизости, саженой в 20 есть старый, оставшийся от первобытных жителей деревни Карымской, татар, громадный курган, который исследованию не подвергался и для раскопок которого нужны как разрешения начальства, так и материальные средства. Об этих с представлением четырех чаш с поддонами на основании 792 ст. II т. Общ. губернских учреждений из 1892 г., имею честь донести Вашему Высокоблагородию.

Подписал земский заседатель Хмелевский»

(ГАКК, ф. 595, оп. 1, д. 5016, л. 6).

² 1 фунт = 0,40951241 кг, 1 золотник = 4,266 г.

Рис. 1. Фото П.С. Проскурякова
Fig. 1. P.S. Proskuryakov's photo

По каким-то причинам Зейтель (имя и отчество не известно) не смог произвести исследования на месте находок, хотя Енисейская казенная палата на эти цели выделила 150 руб. (НА ИИМК, РА, ф. 1, 1894, д. 140 л. 10). Следовательно, финансовых затруднений не возникало. Но время ушло быстро, лето было на исходе.

Губернатор обращается 4 сентября к П. С. Проскурякову:

«...Милостивый государь Павел Степанович

Как Вам известно, близ дер. Додоновой случайно найдены древние вещи: серебряные чаши; у места находки расположен громадный курган. Нахожу полезным произвести немедленную раскопку этого кургана, покорнейше Вас уведомить меня, не возьмете ли Вы на себя труд произвести такую раскопку, при чем, что на проведения эту раскопку ассигновано 150 р. Примите уверения в совершенном почтении и преданности. Подписал Теляковский»

(ГАКК, ф. 595, оп. 1, д. 5016, л. 7).

П. С. Проскуряков — к 1894 г. известный в Красноярске знаток древностей (рис. 1). В 1888 г.

он проводит по поручению ВСОРГО исследования июских пещер (Проскуряков, 1889; 1890), в 1889 г. становится первым консерватором (директором) созданного в Красноярске городского музея, а пожертвованные им коллекции древностей положили начало археологическому отделу (Макаров, 1989. С. 131). В 1890 и 1892 гг. проводит раскопки Торгашинских пещер (Проскуряков, 1894).

В конце сентября П. С. Проскуряков выезжает в д. Карымскую и на месте знакомится с ситуацией. В докладной записке на имя губернатора он сообщает:

«...Благодаря любезно предоставленному мне г. Директором семинарии четырехдневного отпуска я имел возможность исполнить предложения Вашего Превосходительства от 4 сентября № 7212 относительно исследования местонахождения крестьянами четырех серебряных чаш. В настоящее время о результатах исследования имею честь доложить Вашему Превосходительству...»

(ГАКК, ф. 595, оп. 1, д. 5016, л. 10–11).

Далее он дает описание местности, подробно останавливаясь на геологическом строении. Курган, о котором упоминает окружной исправник в своем рапорте, просто песчаный холм. Во время посещения П. С. Проскуряков сделал разрез предполагаемого кургана до основания.

«...Но вопрос теперь в том, каким образом могли попасть сюда эти чаши?»

До некоторой степени это нахождение можно объяснить тем, что местность эта, во всяком случае в прежние времена, была обитаема чудскими племенами. В верстах в двух от места находки встречаются настоящие курганы-могильники, молчаливые свидетели прошлой обитаемости данной местности. Курганы эти еще не расхищены и нетронуты и можно надеяться, что они дадут интересный археологический материал, тем более что в Красноярском округе, насколько мне известно, никогда не было произведено правильных с научной целью курганных раскопок. Между тем и раньше данного случая в Красноярском округе были находимы археологические предметы из благородного металла, но или имели случайный характер, или были результатом хищнической добычи из курганов. Только немногие из них попали в руки археологов, большая же часть из них скупалась золотых или серебряных дел мастерами для переплавки. До перехода курганов во владение Археологической комиссии (в 1889 г. — А. В.) курганы Красноярского округа в значительном числе расхищались разными любите-

лями кладов. Следы расхищенных курганов находятся около города в местности „Таракановка” и между д. Коркиной и г. Красноярском.

Ввиду всего изложенного, не найдете ли возможности, Ваше Превосходительство, ходатайствовать перед Археологической комиссией о разрешении раскопок курганов вблизи д. Карымской с целью выяснения, не существует ли какой-нибудь связи между последней случайной находкой серебряных чаш и курганами той местности, тем более Археологическая комиссия уже ассигновала некоторую сумму для проведения археологических изысканий. П. Проскуряков 8 октября 1894 г.»

(Там же, л. 31–32).

Губернатор поддерживает предложение П. С. Проскурякова о необходимости проведения широкомасштабных археологических исследований у д. Карымской в 1895 г. и сообщает об этом ИАК (Там же, л. 35).

А что же делают наши «первоотрыватели»? Узнав о том, что это ценные вещи и к ним такое внимание со стороны властей, по простоте своей один крестьянин обращается прямо к губернатору. Крестьянин Черкишин просит вознаграждения за «доведения до сведения...». Губернатор распорядился дать исправнику заключение по этому вопросу «заслуживают ли Кашеев и Криволуцкая...» его (Там же, л. 31–32). Начинается тяжба — заслуживают или не заслуживают они вознаграждения. Окружной исправник вот как оценил действия крестьян: «...я со своей стороны домогательства Черкишина нахожу не заслуживающими уважения... о чем ему было сообщено и он поставил подпись» (Там же). Интересна формулировка, которая звучит как обвинение в доносительстве, а такие люди всегда не заслуживали уважения. А что касается других, «по мнению моему, — отмечает исправник, — Кашеевы и Криволуцкая не должны заслуживать никакого вознаграждения за найденные ими сосуды, так как они о находке в тот же раз по принадлежности не заявили, а Кашеев один из сосудов обратил в рукомойник» (Там же, л. 72–73). Казалось, на этом можно было поставить точку. После такого приговора вопрос о вознаграждении должен был бы быть снят. Но то ли крестьяне были настырные, то ли администрация была слишком добра к ним, то ли находки ценные. В конце концов, в мае 1896 г., то есть почти через два года, было выделено целых 60 руб. для выдачи крестьянам (Там же). Из документов остается не ясно, кто получил эти деньги — или оба крестьянина, или один из них.

В свою очередь, 25 апреля 1895 г. ИАК дала согласие выдать Открытый лист на имя П. С. Проскурякова и деньги в размере 136 руб. на раскопки в окрестностях д. Карымской, которые он провел тем же летом (Отчет ИАК, 1896).

Какова же судьба этих редких для Сибири предметов? Очень скоро сообщение о находке серебряных сосудов появилось на страницах столичной газеты «Новое время» (Новое время. 1894). В 1894 г. эти «четыре серебряные тонкие сосуды из д. Нарымской (именно так напечатано в путеводителе. — А. В.) Красноярского округа...» (Спицын, 1895. С. 22) были выставлены на выставке для обозрения императора.

Обычно выставленные экспонаты, тем более, если они были из благородного металла, передавались в фонды Эрмитажа. В мае 1895 г. ИАК получила подтверждение о поступлении одной из четырех чаш в Императорский Эрмитаж (НА ИИМК, РА, ф. 1, 1894, д. 140, л. 21) (рис. 2). Три сосуда были отправлены в Императорский Российский Исторический музей (Там же, л. 22) (рис. 3), о чем ИАК в сентябре получила уведомление за подписью И. Е. Забелина (Там же, л. 24).

В фотоархиве ИИМК сохранились снимки трех кубков, вероятно, тех, которые передавались в Исторический музей³ (рис. 4).

Их культурная принадлежность, несмотря на первоначальное мнение П. С. Проскурякова, не была связана с курганами раннего железного века. Кубки относятся к средневековым древностям, подобно раскопанным С. А. Теплоуховым в 1925 г. на Часовенной горе в Красноярске (Теплоухов, 1929; Гаврилова, 1965; Савинов, 1977; 1990). Аналогичные серебряные кубки на поддоне были найдены в виде «кладов» к югу от Красноярска (Абакан, Краснотуранск) (Кызласов, 1983).

Сведения о находках монгольского времени к северу от Красноярска, при слабой изученности данной территории, должны привлечь внимание исследователей. Как и многие предметы, попадавшие в столичные музеи, эти четыре сосуда не были опубликованы. Кроме того, искажена и информация о месте их обнаружения. Подобный случай, к сожалению, не единичен. Эта история лишней раз подчеркивает важность внимательно-го отношения к архивной документации, на осно-

³ «Три серебряных гладких кубка из д. Карымской Красноярского окр. Ен. губ. были обнаружены в 1894 г. В.С. № 207, 208, 209 (НА ФА, печ. III 8011, отп. Q 633/17, Q 476/61-62)» (Древности Восточной части Евразии..., 2005. С. 55).

№ 458
№ 110/1904
МИНИСТЕРСТВО
ИМПЕРАТОРСКАГО
ДВОРА.
ЭРМИТАЖЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

110. 1. 0111 11
21
Въ Императорскую Археологическую Комиссию.

16 мая 1895 г.

№ 329

Императорскій Эрмитажъ
имѣетъ честь уведомить Импера-
торскую Археологическую Комиссию
что препровожденная при отношеши
Комиссiи отъ 25 мая въ нынѣшней
за № 562, для коллекцiи Эрмитажа,
одна изъ четырехъ серебряныхъ
чашъ, найденная въ 1894 г.
близъ деревни Коромской,
Красноярскаго Округа,
Сибирской губерши,

въ Эрмитажъ получена.

Оберъ-Торникъ Михаилъ Антоновичъ
И. Шендеровъ
Ол. произв. Шендеровъ

Рис. 2. Копия документа о передаче одного сосуда в Эрмитаж
Fig. 2. Document copy about transfers of one vessel to the Hermitage

№ 198 22
1894

ИМПЕРАТОРСКОГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССИЯ

27го Мая 1894 г.
№ 294

Въ Императорскій
Россійскій Историческій Музей

Императорская
Археологическая Коммиссія, препровождая при сей для коллекцій Историческаго Музея три ~~копии~~ серебряные сосуда, медный котелъ и 2-е медные напольника ~~срнб~~ найденные въ 1874 г. въ с. Карамыкинъ Дмит. Краев. края,

имѣетъ честь покорнѣе просить о
паузеніи ихъ не оставитъ Ком-
миссію уведомленіемъ.

Подписалъ:

Предсѣдатель Коммиссіи П. П. Шенниковъ,
Секретарь В. П. Куропятниковъ,
Директоръ Музея М. С. Сушковъ

Рис. 3. Копия документа о передаче трех сосудов в Исторический музей

Fig. 3. Copy of the document on transfer of three vessels to the Historical museum

Рис. 4. Фото трех сосудов, переданных в Исторический музей

Fig. 4. Photo of three vessels transferred in the Historical museum

ве которой подчас можно сделать удивительные открытия.

Вдовин, Подъявилова, 2005 — Вдовин А. С., Подъявилова Г. В. И. Т. Савенков в Польше // История науки и образования в Сибири: Сб. докл. и сообщ. российской науч. конф. (Красноярск, 15–16 ноября 2005 г.). Красноярск, 2005.

Гаврилова, 1965 — Гаврилова А. А. Могильник Кудургэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.

Древности Восточной части Евразии..., 2005 — Древности Восточной части Евразии в материалах Научного архива Института истории материальной культуры РАН. СПб., 2005.

Кызласов, 1983 — Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М., 1983 (САИ. Вып. ЕЗ–18).

Макаров, 1989 — Макаров Н. П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярск, 1989.

Макаров и др., 1998 — Макаров Н. П., Макарова Н. А., Вдовин А. С. Материалы к биографии и научной деятельности П. С. Проскурякова // Архивные чтения: Становление Красноярска как экономического и общественно-политического центра Енисейской губернии (К 370-летию г. Красноярска, 80-летию Государственной службы России): Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. (Красноярск, 14 октября 1998 г.). Красноярск, 1998.

Проскуряков, 1889 — Проскуряков П. С. Июские пещеры // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск, 1889. Т. 20, № 2.

Проскуряков, 1890 — Проскуряков П. С. Отчет о предварительных исследованиях Июских пещер // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск, 1890. Т. 21, № 4.

Проскуряков, 1894 — Проскуряков П. С. К материалам пост-плиоценовой эпохи в окрестностях Красноярска // Отчет Общества врачей Енисейской губернии за 1892–1893 годы. Красноярск, 1894.

Савинов, 1977 — Савинов Д. Г. О памятниках «часовенногородского типа» в Южной Сибири // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977. Вып. 1.

Савинов, 1990 — Савинов Д. Г. Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990.

Спицын, 1895 — Спицын А. Выставка древностей, представленных Императорской Археологической Комиссией на воззрения государя императора. СПб., 1895.

Теплоухов, 1929 — Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. 4, вып. 2.

ГАКК, ф. 595, оп. 1, д. 3280: Циркуляры Департаментов. Переписка с Императорской Археологической комиссией о разрешении раскопок в губернии. 1889 г.; д. 5016: Дело о нахождении древних серебряных сосудов. 1894 г.

НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, 1894, д. 140: О найденных крестьянами 4-х серебряных сосудах у д. Карымской Енисейской губернии.

Археологическое изучение Фанагории в 20–30-х гг. XX в.

Е. Г. Панкратова¹

Октябрьская революция и смутные годы Гражданской войны сделали на некоторое время невозможным проведение археологических раскопок на юге России. Однако с начала 20-х гг. наблюдается восстановление археологической деятельности в этом регионе. В данной работе внимание будет уделено истории раскопок столицы Азиатского Боспора на протяжении 20–30-х гг. XX в.²

На настоящий момент сведения о раскопках, проводимых в Фанагории в этот период, весьма отрывочные и неполные. Особенно это относится к самому началу 20-х гг. Однако благодаря имеющемуся в распоряжении архивному материалу из Отдела рукописей ГМИИ им. А. С. Пушкина можно выявить некоторые, ранее не известные подробности относительно организации и проведения исследований на территории этого выдающегося античного памятника.

Известно, что наиболее масштабные раскопки на территории Фанагории проводились в середине XIX в., затем объем исследований постепенно начинает снижаться, так как внимание ученых обратилось на другие археологические объекты. После раскопок К. Е. Думберга в 1896 г. (*Думберг*, 1896; ОАК за 1896 г.) вплоть до 20-х гг. XX в. никаких официальных раскопок на территории Фанагории не проводилось. Лишь в мае 1921 г. К. Э. Гриневичу удалось выехать в район станции Сенной и зафиксировать физическое состояние памятника. Судя по его воспоминаниям, поездка проходила в нелегких условиях: «11 мая 1921 г. с большим трудом получив лошадь, я выехал из Тамани по направлению к Фанагории. Меня сопровождал местный счастливчик, известный в летописях ар-

хеологии казак Жегло, расхитивший сокровища северного погребения на Зеленской горе» (ОР ГМИИ, ф. 34, оп. 1, д. 217, л. 54). Через два с половиной часа (сейчас, как известно, путь на машине занимает 20 мин.) К. Э. Гриневич со своим провожатым доехали до станции Сенной и остановились на хуторе сельскохозяйственной коммуны «Объединенный мир» (другое название «Артель Равенства»). До революции этот хутор принадлежал казаку Семеняке, но что стало с ним и его семьей после 1918 г., неизвестно.

Свою работу К. Э. Гриневич начал с общего описания городища: «город простирается на огромное пространство. Его окрестности по всем направлениям испещрены аллеями курганов» (Там же, л. 57). Он отмечает, что «исследование этих мест началось с раскопок курганов, на городище же лишь несколько раз проводились раскопки. Но так как раскопки городища требуют большей точности и строгой системы, а таковая в то время отсутствовала, то они принесли больше вреда, чем пользы. А судя по всему, под землей скрываются значительные остатки города. Береговой обрыв дает нам следы городских построек, а в том месте, где К. К. Гёрц помещает мол (*Гёри*, 1869. С. 92. — *Е. Г.*), мной обнаружены остатки фундамента какой-то стены. В одном из выдающихся холмов мною были найдены следы прежних раскопок, но это лишь ничтожная часть от общего объема памятника» (ОР ГМИИ, ф. 34, оп. 1, д. 217, л. 57). Помимо этого К. Э. Гриневич констатирует постепенное разрушение памятника: «наиболее поучительное зрелище представляют курганы восточной части, так как вследствие береговой абразии обнажается весь срез курганных насыпей. Все они постепенно сползают в залив». Из этого описания можно заключить, что Фанагория находилась в весьма бедственном положении. Ее территория не охранялась государством и представляла собой благодатную почву для грабителей. Кроме того, абразия берега залива безвозвратно уничтожала многие курганы.

¹ Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Отдел информационного обеспечения.

² Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ № 08-01-91113а/У.

© Е. Г. Панкратова, 2011

Подобное состояние столь важного для науки памятника не могло оставаться неизменным, и летом 1926 г. состоялось первое археологическое обследование Таманского полуострова экспедицией Института археологии и искусствознания РАНИОН под руководством А. С. Башкирова. Группа исследователей в составе В. Д. Блаватского, М. М. Кобылиной, Л. П. Харко и других занималась исследованием восточной и юго-восточной частей Таманского полуострова для выявления и постановки на учет археологических объектов. В первую очередь планировалось проведение топографической фиксации и зондажных разведок культурных слоев. В ходе работ 1926 г. было заключено, что «необходимо постоянное и систематическое наблюдение за Фанагорией» (Башкиров, 1928. С. 82). Первоочередной задачей являлась фиксация топографии города и обследование разрушающихся частей акрополя и могильников.

В следующем году ГМИИ совместно с «Коллективом по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов» при РАНИОН начал стационарно-археологическое исследование в районе станции Сенной. На Таманский полуостров отправилась археологическая экспедиция под руководством Л. П. Харко в составе еще шести человек: С. В. Войцеховского, заведующего Темрюкским краеведческим музеем, С.Р. Разумовской, аспирантки РАНИОН, И. М. Лосевой, научного сотрудника ГМИИ, Е. В. Веймарна, В. И. Чепелева, И. П. Снегирева, студентов этнологического факультета МГУ.

Несколько слов следует сказать о руководителе экспедиции. Лев Петрович Харко родился в Москве 14 февраля 1899 г. В 1922 г. окончил историко-филологический факультет отделения истории и искусств Московского государственного университета. С 1924 по 1928 г. учился в аспирантуре РАНИОН, где начал готовиться к написанию кандидатской диссертации на тему «Культ Афродиты на Боспоре Киммерийском». 1 июля 1924 г. он был принят на работу в ГМИИ на должность научного сотрудника в отдел нумизматики (ОР ГМИИ, ф. 34, оп. 1, д. 217, л. 67).

Как уже было сказано, в 1927 г. ему было поручено руководство археологической экспедицией на территории Фанагории. Работы были начаты 5 июля и продолжались до 18 июля. За 13 дней экспедицией была осуществлена топографическая съемка предположительно центральной части городища — территории протяженностью 1,4 км вдоль берега Таманского залива и на 0,5 км

в южном направлении, в степь. Также была выполнена детальная съемка сплошного массива возвышенной части городища. Этот массив описывается Л. П. Харко как самая выдающаяся часть городища, «разделенная шестью широкими искусственными проходами на пять холмов». Именно эти холмы, по предположению археологов XIX в., скрывали древние башни и храмы (*Dubois de Montpereux*, 1839. P. 123).

У Л. П. Харко была своя рабочая гипотеза относительно этих возвышенностей. Он полагал, что второй холм с востока являлся главной возвышенностью городища. Наличие в центре этого холма выемки позволило ему сделать предположение о том, что на этом месте находился древний театр. Косвенным подтверждением этому могло служить благоприятное расположение возвышенности относительно солнца. Днем оно должно было находиться с правой стороны, а вечером позади. К тому же группа соседних холмов с востока могла способствовать хорошей акустике. Однако Л. П. Харко признавал, что никаких исторических и эпиграфических свидетельств о наличии в Фанагории театра не имеется. Тем не менее падкие на сенсации журналисты быстро воспользовались дошедшей до них информацией. В этом же году в «Известиях», «Вечерней Москве» и «Рабочей Москве» появилась информация о том, что «в песках на Таманском полуострове близ станции Сенной удалось обнаружить следы огромного античного театра». В результате в следующих номерах Л. П. Харко пришлось делать опровержения подобным статьям (ОР ГМИИ, ф. 34, оп. 1, д. 217, л. 56).

Возвращаясь к деятельности экспедиции, следует отметить, что под руководством Л. П. Харко были проведены археологическая разведка на всей территории городища и геологическое обследование естественных обнажений в берегах залива. По результатам этих работ впервые была составлена топографическая карта центральной части городища с отметкой высот горизонталей и выявлением конфигурации его рельефа. Были сделаны зарисовки панорамы городища со стороны Таманского залива, а также перспективный вид на город сверху. Проведенная археологическая разведка предоставила большое количество подъемного материала для исследований.

Помимо этого, под руководством С. В. Войцеховского были проведены археологические разведки на Фанагорийской сопке (Майской горе). Оказалось, что северные гребни склонов горы по-

крыты культурными слоями, идущими вниз, по направлению к городищу. Возможно, насыпи были сделаны для облегчения въезда и выезда на курганы Фанагорийской сопки.

Работы 1927 г. позволили Л. П. Харко выработать программу дальнейших исследований. По его мнению, для подготовки к ним было необходимо составить точную топографическую карту современной местности с фиксацией на ней всех участков, на которых велись работы, начиная с дореволюционного времени вплоть до 1927 г., провести ряд геологических исследований и археологических разведок на территории Фанагории. Немаловажным аспектом археологических исследований он считал обеспечение преемственности дореволюционной и современной археологии. Л. П. Харко полагал, что составить четкий план современных исследований можно, только учитывая ошибки и достижения ученых прошлого. Поэтому перед его рабочей группой встала задача систематизации всего имеющегося в распоряжении архивного материала. По возвращении из экспедиции сотрудники Л. П. Харко проводили изыскания в архивах Керченского музея и ГАИМКа, переписывая многочисленные дела для составления сводной «Летописи археологических раскопок Фанагории с конца XVIII в. до 1927 г.». Л. П. Харко совершенно справедливо отмечал, что «ранее такие подготовительные к раскопкам работы в нашей стране не проводились» (ОР ГМИИ, ф. 34, оп. 1, д. 217, л. 89).

В 1928 г. экспедиция ГМИИ в прежнем составе продолжила работу. Область исследований охватывала 114 кв. км в центральной части Таманского полуострова (Шимарданская бухта — Киммерийский вал, Тиздар — Пересыпь—Шимарданская бухта). В ходе работ была составлена археологическая карта указанного района, регистрирующая 629 археологических пунктов. Проведено было также геолого-археологическое исследование пограничных частей древнего «Фанагорийского» острова. Было определено прохождение трех древних русел Кубани, деливших современный полуостров на два параллельных друг другу острова. Кроме того, на месте был проработан материал к карте прежних исследований, производившихся в данном районе с конца XVIII в. до 1927 г. Масса подъемного материала, собранная на исследуемой территории, была отправлена в ГМИИ.

В октябре 1928 г. по материалам двухлетней работы состоялась отчетная выставка Таманской экспедиции, приуроченная к XI годовщине Ок-

тябрьской революции. На выставке были представлены картографический и чертежный материал, фотографии, рисунки, чертежи и археологические находки (417 экз.) (Харко, 1928).

Кроме того, после двух лет работы участниками экспедиции были подготовлены к изданию следующие материалы: отчет о работе за 1927—1928 гг., археологическая карта центрального района Таманского полуострова, летопись археологических исследований в районе древней Фанагории с конца XVIII в. до 1927 г., обзор найденных в районе древней Фанагории археологических памятников.

В 1929 г. раскопки велись с 1 по 11 сентября. Возглавлял экспедицию по-прежнему Л. П. Харко, топографическую съемку осуществлял Е. А. Столяровский, в экспедиции также приняли участие директор Керченского музея Ю. Ю. Марти, В. Ф. Гайдукевич и заведующий Таманской археологической станцией А. Г. Остроумов.

В ходе работ была выполнена топографическая съемка западной части городища и района юго-западного некрополя. На берегу Таманского залива в местах обрушения берега было заложено несколько шурфов. Первую разведку произвели в западной части городища на месте обнажения большого известнякового квадрата. За два дня раскрыли остатки постройки со стенами, сложеными из плохо отесанных камней известняка. Подквадратная в плане постройка с внешней стороны стены была окружена бутовой кладкой. Площадь комплекса приблизительно равнялась 9 кв. м. «На глубине 2,8 м, на уровне пятого ряда кладки началась вода. Исследование шупом внутренних углов стен показало, что углы закруглены и выполнены в виде полуцилиндрических сплошных каналов, проходящих сверху донизу в толще кладки». Л. П. Харко заключил, что «видимо, в этих углах были укреплены в вертикальном положении стойки, предназначавшиеся для несения стропил кровли, венчавшей данную постройку» (ОР ГМИИ, ф. 34, оп. 1, д. 217, л. 97). Находки керамики римского времени позволили датировать объект, который исследователь трактовал как оборонительную башню эллинистическо-римской эпохи.

Южнее этого объекта был обнаружен строительный комплекс, состоявший из трех небольших помещений, располагавшихся на «бетонированной площадке, выложенной кирпичами». Внутри помещений сохранились гладкие полы из цемьянки. С внутренней стороны камеры были

оштукатурены; на полу найдены куски угля и зола. На 0,2–0,3 м выше уровня помещений были найдены боспорские монеты I в. н. э. На основе этого Л. П. Харко датировал постройку I–II вв. н. э.

Кроме того, в 700 м от бывшего хутора Семеняки в обвале были обнаружены фрагменты известнякового пола, ярко окрашенного красной краской, и фрагмент мраморной плиты с изображением бегущей собаки. Там же, в слое строительного мусора, были обнаружены фрагменты штукатурки красного, желтого, черного, белого, лилового и голубого цветов с остатками расписного орнамента. Как заключил Л. П. Харко, это наиболее перспективное место для заведомо результативных раскопок. На своем сентябрьском докладе в Керченском Доме просвещения он поставил вопрос о необходимости национализации Фанагорийского городища как объекта, представляющего историческое и культурное значение. Однако ситуация с раскопками Фанагории в 1930 г. несколько осложнилась. В ноябре 1929 г. ГМИИ уведомил Главнауку, что в 1930 г. собирается проводить в Фанагории большую экспедицию совместно с ГАИМК и Германским археологическим институтом. Основная цель подобного проекта — «показать эволюцию стиля в мировом искусстве на фоне развития общественной формации и экспозиционно выявить экономические предпосылки искусства» (ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 5, д. 42, л. 45).

Позиция ГАИМК по этому вопросу была несколько иной. В июле 1930 г. А. А. Миллер в своем письме в Комиссию по раскопкам и экспедициям ГАИМК выражает недовольство деятельностью ГМИИ и выступает против выдачи Л. П. Харко Открытого листа, мотивируя это тем, что «нецелесообразно производить раскопки в разных пунктах без предварительного изучения всей стратиграфической картины». Кроме того, он настаивал на организации Таманской экспедиции ГАИМК, которая занялась бы изучением памятников Боспора. Н. Я. Марр направляет в Главнауку письмо, в котором заявляет, что «Академия категорически против выдачи открытого листа на один район двум учреждениям» (НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 1, 1930, д. 174, л. 15). На это он получил ответ о целесообразности объединения усилий в случае совпадения программ ГАИМК и ГМИИ.

В результате столь грандиозный проект не состоялся. Открытый лист на раскопки в Фанагории в 1930 г. получил заведующий Отделом скульптуры ГМИИ К. Э. Гриневиц, а Л. П. Харко стал по-

мощником руководителя. Основной целью ГМИИ в этом году было проведение систематической шурфовки городища и некрополя Фанагории. Кроме того, планировалось исследование «периферийных городищ — селищ, окружавших Фанагорию в древности» (хоры). Задача подобного исследования заключалась в «ознакомлении с экономикой древнегреческих колоний для подведения исторической базы под современное колхозное строительство» (ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 5, д. 42, л. 46).

Работы проводились с 20 июля по 9 августа. Исследования велись на берегу западной части городища, а также в юго-восточной его части, где была обнаружена гончарная печь. Из-за ограниченности средств экспедиция ГМИИ не смогла довести исследование печи до конца, и права на дальнейшее изучение были переданы В. Ф. Гайдукевичу. Это было сделано не случайно, так как в то время Виктор Францевич работал над монографией, посвященной античным керамическим обжигательным печам (*Гайдукевич*, 1934. С. 50). Доследование комплекса было осуществлено в 1931 г. Керченским археологическим музеем совместно с Таманской экспедицией ГАИМК.

Затем, вплоть до 1936 г., никаких исследований на территории Фанагории не проводилось. В 1931–1932 гг. ГМИИ производил археологические работы в районе Харакса в Ай-Тодоре; в 1933–1935 гг. — раскопки некрополя Камыш-Буруна. Раскопки в Фанагории возобновились лишь в 1936 г. под руководством сотрудников ГИМа. Начальником экспедиции был назначен научный сотрудник ГМИИ В. Д. Блаватский. Все находки из раскопок 1936 г., самыми значительными из которых были торс статуи Кибелы, статуэтка Тихэ и водомет в виде морды льва, поступили в ГИМ.

Для выработки дальнейшей стратегии работ в Фанагории 16 мая 1937 г. в ГМИИ состоялось заседание Директората по вопросу «О Фанагорийской экспедиции». На нем присутствовали 14 человек из Московского отделения ГАИМКа, ГИМа и античного Отдела ГМИИ, в том числе — В. Д. Блаватский, М. М. Кобылина, А. П. Смирнов, И. Д. Марченко и Л. П. Харко. По сути, на этом заседании решалась дальнейшая судьба раскопок в Фанагории. Были высказаны две точки зрения — Л. П. Харко и В. Д. Блаватского. Первый, высказав свое недовольство экспедиционной деятельностью ГМИИ, отметил, что невключение в смету средств на археологические работы в Фанагории повлечет за собой выпадение ГМИИ

из числа учреждений, ведущих археологические раскопки. Он считал, что необходимо проводить активное изучение территории Фанагории по нескольким направлениям: топографическое, геологическое и краеведческое. По его мнению, археологические работы должны включать проведение разведок и шурфовку.

В. Д. Блаватский придерживался иного мнения. Он считал, что для археологического изучения Фанагории ГМИИ необходимо присоединиться к ГИМу, так как Исторический музей уже начал масштабные работы на городище в 1936 г. Он предлагал распределить работы следующим образом: раскопки городища будет осуществлять ГИМ, некрополя — ГМИИ, по этому же принципу предполагалось и распределение находок. В. Д. Блаватский считал, что работы следует осуществлять путем планомерного вскрытия больших площадей.

Видимо, отношения между этими двумя исследователями были напряжены до предела, так как В. Д. Блаватский заявил, что ни Фанагорийская экспедиция, ни другие исследователи Фанагории не заинтересованы в кандидатуре Л. П. Харко, и потому «более рационально будет не включать его в состав экспедиции и предоставить ему возможность индивидуальной поездки с целью завершения работы и написания отчета» (ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 5, д. 49, л. 9).

В результате Дирекцией было принято решение, по которому проведение ГМИИ археологических работ в Фанагории признавалось целесообразным, а античный памятник следовало закрепить за Москвой, так как бывший глава ГАИМКа «Кипарисов оказался разоблаченным врагом народа, ведущим двурушническую политику» (Там же, л. 11). При проведении археологических работ ГМИИ следует присоединиться к ГИМу, который уже начал исследования в 1936 г. Распределение находок нужно осуществлять следующим образом: предметы искусства должны поступать в ГМИИ, все остальные находки — в ГИМ. В ходе обсуждений был принят метод поочередного вскрытия больших площадей, предложенный В. Д. Блаватским. Л. П. Харко должен был в четырехмесячный срок представить отчет о раскопках в Фанагории за 5 лет (1927–1930; 1937 гг.).

После долгого и сложного процесса оформления документов поучилось так, что летом 1937 г. в Фанагорию выехали две группы исследователей. 11 августа туда отправилась экспедиция под руководством А. П. Смирнова, в составе которой были

В. Д. Блаватский, М. М. Кобылина, а также специалисты ГМИИ и ГИМа. 26 августа в Фанагорию уехал археологический отряд под руководством Л. П. Харко для завершения работ прошлых лет.

Экспедиция, руководимая А. П. Смирновым, исследовала один из холмов Восточного некрополя. В нем были обнаружены погребения эллинистического и римского времени. Особую ценность представляли находки части конской упряжи, терракоты, ваза темно-синего стекла, монеты и амулет в виде Гарпократа. Кроме того, были найдены сарматские погребения с деформированными черепами (Там же, л. 55).

Задача Л. П. Харко состояла в проверке и уточнении археологической карты центральной части Таманского полуострова и нанесении на нее новых данных, отражающих историю археологических открытий. Кроме того, он должен был провести археологическую разведку в прибрежной части Кеп. Намеченный план был выполнен, и 11 декабря 1937 г. на заседании античного Отдела ГМИИ в присутствии В. Д. Блаватского, М. М. Кобылиной, Т. В. Блаватской и И. М. Лосевой был заслушан отчет о командировке Л. П. Харко. Выполненную работу признали удовлетворительной, и перед ученым встала задача подготовки к публикации отчета об археологических раскопках в Фанагории за 5 лет (1927–1930; 1937 гг.). Этот отчет должен был включать в себя, помимо описания работ, фотографий, зарисовок и эстампажей находок, еще и летопись археологических исследований на территории Фанагории с конца XVIII в. до 1937 гг., а также археологическую карту Фанагории с локализацией мест прежних раскопок (Харко, 1927–1930; 1937 гг.). Работа была закончена в 1939 г. и принята на очередном заседании Античного отдела ГМИИ. Не остался безучастным и ГАИМК. На XI заседании сектора Древнего Причерноморья было решено опубликовать отчет Л. П. Харко на свои средства, если у ГМИИ не окажется на то финансовой возможности. Однако после 1937 г. Л. П. Харко больше не участвовал в раскопках Фанагории.

С 1938 по 1940 г. археологическими исследованиями этого памятника руководил В. Д. Блаватский, пока Великая Отечественная война на 7 лет не прервала изучение столицы Азиатского Боспора.

В заключение необходимо отметить, что в столь тяжелые для России 20–30-е гг. закладывались методологические и организационные основы античной археологии. Перед учеными вставали вопросы о дальнейших путях и целях археоло-

гических исследований. Особенно актуальными являлись вопросы сохранности памятников в условиях их естественного разрушения и активного промышленного строительства. В подобной ситуации необходим был четко разработанный план действий. Именно ГМИИ смог создать группу исследователей для решения назревших проблем. Такие ученые, как Л. П. Харко, К. Э. Гриневич, В. Д. Блаватский, М. М. Кобылина, заложили прочную основу в сугубо научном, систематическом изучении истории и археологии Фанагории.

Башкиров, 1928 — Башкиров А. С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г. // Труды секции археологии РАНИОН. М., 1928. Вып. 3.

Гайдукевич, 1934 — Гайдукевич В. Ф. Античные керамические обжигательные печи. М.; Л., 1934 (Известия ГАИМК. Вып. 80).

Гёриц, 1869 — Гёриц К. К. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1869.

Думберг, 1896 — Думберг К. Е. Археологические работы, производимые на Таманском полуострове в 1896 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 1, оп. 1, 1896, д. 58.

ОАК за 1896 г. — ОАК за 1896 г. СПб., 1898.

Харко, 1928 — Харко Л. П. Археологические работы на Таманском полуострове в 1928 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 1, 1928, д. 177.

Харко, 1927–1930; 1937 — Харко Л. П. Отчет о научной командировке на Таманский полуостров для завершения археологических работ, производимых под его руководством в течение пяти лет (1927–1930, 1937) // ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 5, д. 54.

Dubois de Montpereux, 1839 — Dubois de Montpereux. Voyage autour du Caucase, chez les Tscherkesses et les Abkases, en Colchide, en Armenie, en Crimée. Paris, 1839.

НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 1, 1930, д. 174: Работы Л. П. Харко и К. Э. Гриневича на Таманском полуострове в 1929 г.

ОР ГМИИ, ф. 5, оп. 5, д. 42: Отчетный материал, дневники, перечень находок и зарисовок отдельных предметов, найденных в Фанагории в 1930 г.; д. 49: Переписка о проведении археологических работ в 1937 г.; ф. 34, оп. 1, д. 217: Выписки из архивных дел, касающихся истории исследования Таманского полуострова.

Возвращенная рукопись (из публицистического наследия А. Н. Бернштама)

Н. Ю. Смирнов¹

«Она для меня родная, хотя я у ней пасынок».

А. Н. Бернштам

(из письма по поводу выборов
в АН Киргизской ССР в 1954 г.)

На дворе 1955 г. Сорокашестилетнему доктору исторических наук, профессору А. Н. Бернштаму оставалось жить немногим более года. Он все еще действующий крупный ученый, но при этом уже бывший профессор ЛГУ, которому отказано в праве иметь учеников, археолог, проработавший четверть века в Средней Азии, в определенном смысле первооткрыватель древней Киргизии, которому запрещено возглавлять экспедиции (Массон, 2002. С. 281). Что за плечами? Стремительная научная карьера, многолетние полевые исследования, плодотворная работа за письменным столом, вылившаяся во впечатляющий список научных трудов, преподавательская деятельность, признательность учеников, уважение, хотя и неоднозначная оценка со стороны коллег.² Расцвет науч-

ной карьеры — 1930–1940-е гг. (Некролог, 1957. С. 289; *Заднепровский, Подольский*, 1981. С. 162, 168; *Алёшкин*, 2010. С. 14–17; *Кузьмина*, 2010. С. 27–30).

Но в багаже ученого есть и другой опыт. Чтобы осознать его, нам нужно увидеть двадцатилетнего Александра — не просто искреннего комсомольца и краеведа-марксиста, но уже общественного работника, уже пропагандиста новых, советских ценностей — отец, старый большевик, ставший после 1917 г. председателем джанкойского ревкома и погибший под Перекопом в Гражданскую, мог бы им гордиться.

В 1930 г. студент Бернштам набрасывает на четвертушке листа письмо к управделами ГАИМК В. А. Миханковой, своего рода краткий отчет о ходе собственных этнографических исследований в Туркмении: «...Федору Васильевичу³ (если он в Ленинграде) можете передать, что работа идет успешно. Сделал около 100 снимков, думаю еще штук 60–80, снято около 30 планов и т. д. В рабо-

публикации этой важной для биографии нашей науки статьи А. Н. Бернштама я затрагиваю только те события жизни этого неординарного человека, которые, на мой взгляд, могут объяснить ее появление.

³ Федор Васильевич Кипарисов (1886–1936) — член ВКП(б) с 1920 г. В 1930 г. исполнял должность заместителя Председателя ГАИМК. Этот пост он занял в январе 1929 г. в связи с «необходимостью привлечь к постоянному участию в работах Академии достаточного количества научных работников-марксистов...» (*Алёшкин*, 2007. С. 24). Этот тезис — краткое обоснование очередной реформы ГАИМК, нацеленной на изменение социального состава ее коллектива. С 1931 г. основным требованием для аспирантов и сотрудников стало наличие соответствующего классового происхождения (Там же. С. 26).

¹ Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

² Личные взаимоотношения ученых — неочевидны в том смысле, что не всегда поддаются логике стороннего наблюдателя или потомка. Часто отсюда возникает соблазн трактовать те или иные поступки и высказывания схематически или даже догматически. Особенно если данные протоколов заседаний, воспоминания свидетелей и мемуары участников, дополняя друг друга, создают такую пеструю картину, которая требует слишком вдумчивой и долгой критики источников. Бывает, что у историографа не хватает на это времени при написании статьи в очередной юбилейный сборник или пропадает желание понять, что же было на самом деле, и тема надолго исчезает с горизонта историографии. А. Н. Бернштаму в каком-то смысле повезло — существует около десятка посвященных ему кратких и пространных биографических очерков (см. библиографию к статье). В небольшой вступительной части к

тах связан с Колхозцентром⁴ ТССР, *вытянул в ауле одного крупного растратчика, участвовал в подготовительной кампании по хлеб. заготовкам*⁵ (курсив мой. — Н. С.) и т. д. Одним словом, вел вполне „этнограф.“ работу. Сейчас в Багир-Несу Александр Макед.⁶ И на этом закончу числа к 23-ему. 25 на Крым. Привет ГАИМК. А. Бернштам» (Письмо..., 1930, л. 6, об.).

Перед нами бесспорно характерный образ: энтузиаст 1930-х гг.

Энтузиазм и искренность оценок, подчас весьма нелицеприятных, а иногда и убийственных для окружающих — две, мне представляется, основные черты в характере А. Н. Бернштама, о которых нельзя забывать, размышляя о личности и судьбе этого человека. Поэтому та, трагическая по своей сути, мотивация, которую приписал А. Н. Берн-

⁴ Колхозцентр или Всероссийский союз сельскохозяйственных коллективов был образован согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 30 декабря 1926 г. «Об итогах колхозного и совхозного строительства» и постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 16 марта 1927 г. «О коллективных хозяйствах». Колхозцентр должен был осуществлять руководство строительством колхозов и их объединений, представительство интересов колхозного движения в правительственных учреждениях и общественных организациях, содействие организации хозяйства колхозов и устройству их внутреннего распорядка, организацию сбыта продукции колхозов и снабжения их средствами производства. Ликвидирован в декабре 1932 г., его функции перешли Наркомзему СССР.

⁵ Компании по хлебозаготовкам — одно из ярких проявлений хозяйственной политики советской власти на селе в 1918–1941 гг. — централизованная заготовка зерна для обеспечения продовольственных запасов и поддержания ценовой политики, соответствующей интересам государства. С 1928 г. изменяются формы хлебозаготовок: заготовка зерна в колхозах происходит на основе контрактации, в бедняцких и середняцких хозяйствах — на основе контрактации и самообложения, а от кулацких и зажиточных хозяйств требуется сдача государству всех товарных излишков. При сельсоветах создаются комиссии по содействию хлебозаготовкам из деревенской бедноты и середняков. В задачи комиссий входит выявление кулацких и зажиточных хозяйств, установление размера их товарных излишков хлеба, принуждение, путем общественного давления, к сдаче хлеба государству. Кроме того, члены комиссий обязаны проводить разъяснительную работу среди крестьян-бедняков и середняков о необходимости продажи зерна государству.

⁶ Имеется в виду городище Старая Ниса (Неса) близ с. Багир в Туркменистане, скрывающее руины одного из Александрополей, заложенных Александром Македонским.

штаму периода 1937 г. в своем биографическом очерке В. А. Алёкшин (*Алёкшин*, 2010. С. 13), — «пришлось действовать в соответствии с принятыми тогда правилами борьбы за выживание», видимо, не только не верна, но и по-своему несправедлива. Об этом свидетельствует все им написанное. Особенно написанное в пылу полемического задора.⁷ Недаром эпитафией к своей незначительной статье об «Идеализме в этнографии» А. Н. Бернштам избрал слова явно близкого ему по духу Готфрида Лессинга: «В борьбе с моими противниками, в борьбе с теми, кого я ненавижу, я полезу повсюду, и если противник запрячется в археологию, я изучу археологию и археологией поколочу его» (*Бернштам*, 1932. С. 22). Агрессивный пафос трибуна социальной борьбы Лессинга — явный образец для 22-летнего Александра. В этом факте нет ничего удивительного, ведь Лессингом восхищался еще создатель эпонимного для мировоззрения русской революционной интеллигенции романа — сам Николай Чернышевский!

Однако кроме ярких предшественников у А. Н. Бернштама был и не менее колоритный старший современник, чей противоречивый и трагический образ, крупнейший в ряду реформаторов русской археологической науки в начале ее советского периода, необходимо здесь вспомнить. Это лицо ленинградской довоенной археологии — ее «красный демон» В. И. Равдоникас (*Столяр*, 1988, 1994; *Бочкарев*, 1994; *Клейн*, 2010). Знаковые параллели в жизни этих не очень-то схожих людей, несомненно, заслуживают особого внимания историографов. Оба — провинциалы с краеведческим прошлым. Не просто старший и младший коллеги по ГАИМК, но идеологические союзники в борьбе за перевод археологии на марксистские «рель-

⁷ Пристрастный читатель может упрекнуть меня в подмене понятий, заметив, что «полемический задор», как минимум в одном случае, перешел, пользуясь определением, упомянутым самим А. Н. Бернштамом, в «уголовную критику». Но это не «уголовная» критика в нашем современном понимании и в понимании А. Н. Бернштама 1955 г., а та самая *классовая* критика и *классовая* же полемика, на волне обострения которой он и был контрактирован в ГАИМК 21 февраля 1930 г. научным сотрудником 2-го разряда и зачислен в аспирантуру обновленного учреждения (Распоряжение..., 1930, л. без №). Это надо понимать очень четко. О сложности нашего восприятия роли личности ученого в советскую эпоху специально написал в предисловии к биографии Н. М. Маторина один из лучших петербургских историографов А. М. Решетов (*Решетов*, 2003. С. 147–148).

сы», последовательные проводники марровского учения о языке. Тот и другой — участники идеологических чисток, выступавшие с беспощадной критикой оппонентов даже из числа ближайших коллег... (*Равдоникас*, 1930; 1937; *Бернштам*, 1932; *Об участии...*, 1938, л. 7, 8). Оба в конце 1940-х—начале 1950-х гг. подверглись шельмованию и проработкам на собраниях и в печати (*Арциховский*, 1953; *Борисов*, 1952; *Брюсов*, 1953; *Кызласов*, *Мерперт*, 1952; *Рафиков*, 1952; *Щетинин*, 1953; *Удальцова*, 1952) в рамках развязавшихся антимарровской кампании и кампании против космополитов (*Против вульгаризации...*, 1953). Но если В.И. Равдоникас на пике научной карьеры почти добровольно уходит со всех своих постов, то А. Н. Бернштам до самого конца в науке остается. Хотя его положение заметно меняется (*Горбунова*, 1995. С. 11; *Массон*, 2002. С. 281; *Алёкшин*, 2010. С. 18–19; *Кузьмина*, 2010. С. 29).

Кажется, что в начале 1950-х гг. мысль, вынесенную в эпиграф статьи и касающуюся частного вопроса, А. Н. Бернштам мог бы экстраполировать на свои взаимоотношения с археологией в целом, не столько с наукой, сколько, и в первую очередь, с советской академической административной реальностью. И здесь проявляется еще одна важная черта его личности — упорство в борьбе с жизненными обстоятельствами,⁸ по всей видимости, незавидное положение «пасынка» не только не заставляет его сложить руки, а, наоборот, дает опальному ученому пищу для критических размышлений. Причем размышлять он собирается публично!⁹

Вспомним, что на календаре 1955 год. Совсем недавно помер «корифей всех наук», с чьим име-

⁸ Как частный случай проявления такого рода упорства можно рассматривать его отношение к собственному здоровью. В 1933 г. у А. Н. Бернштама настолько обострилась болезнь ног, что ему пришлось отказаться от активной краеведческой работы в Крыму, более того, по болезни он был полностью освобожден от военной службы (*Алёкшин*, 2010. С. 10). Однако в археологии А. Н. Бернштам остался и, несмотря на проблемы с ногами, вел активные полевые исследования вплоть до последних лет жизни (*Заднепровский*, *Подольский*, 1981. С. 165).

⁹ Отмечу, что на тот момент у А. Н. Бернштама имелся очень большой публицистический опыт (*Некролог*, 1957. С. 290; *Заднепровский*, 1960. С. 7), хотя и связанный в основном с просветительской деятельностью (кроме непосредственно статей и монографий (179) им было опубликовано около 70 заметок в периодических журналах и газетах, последние в 1947 г).

нем на устах сотрудники ЛОИА под протокол развенчивали теории Марра и клеймили «безродных космополитов». До XX съезда должен пройти еще целый год. Но уже появляются отдельные вестники оттепели — статьи с призывами искоренить «огульную и зубодробительную» критику, которая часто выступает «средством сведения личных счетов» и даже «расправы с инакомыслящими» (*Куроедов*, 1954. С. 62–63).¹⁰ В этот период вновь проявляется характерный для А. Н. Бернштама энтузиазм. Так появляется достаточно необычный текст, в котором сквозь жизненный опыт, сквозь стилистику начала 50-х гг. прорывается ниспровергательный максималистский пафос начала 30-х. Через четверть века круг замкнулся...

На 15 машинописных страницах доктор исторических наук, опальный профессор ЛГУ А. Н. Бернштам, «порочная позиция» которого критиковалась еще совсем недавно (1953 г.) на страницах «Известий», страстно и полемично излагает свои «95 тезисов», волею судеб так и оставшихся неизвестными широкой общественности. Манифест советского ученого оказался неоглашенным завещанием.

К сожалению, сопроводительного письма к рукописи, которое могло бы пролить свет на мотивы создания настоящего манифеста, не сохранилось.¹¹ Имеется лишь сам машинописный текст и ответ из редакции «Литературной газеты».¹²

Вначале приведу ответ из газеты:

¹⁰ Характерно, что эту статью, которую А. Н. Бернштам несомненно читал (она соседствует со статьей, на которую он ссылается в своем тексте), написал В. А. Куроедов, секретарь Свердловского обкома КПСС по пропаганде и агитации, а это весьма важная должность в советской партийной иерархии!

¹¹ Среди непосредственных мотивов появления этого текста можно предположить как необходимость высказать свою принципиальную позицию, так и появившуюся возможность это сделать публично, учитывая намечающийся поворот к смягчению климата в науке и в стране в целом, — эти ощущения поддерживались и отдельными выступлениями представителей советских и партийных органов (например, см. примеч. 10).

¹² Характерно, что текст этот был отправлен в редакцию «Литературной газеты» — весьма специфического на тот момент органа печати, по сути своей являвшегося все послевоенные годы своеобразной трибуной для чрезвычайно критических, а в ряде случаев и погромных выступлений в литературной и научной среде. То есть органа, к которому, *volens-nolens*, должна была прислушиваться гуманитарная интеллигенция.

«При ответе ссылайтесь на наш № 6349/25
16 марта 1955 г.

Уважаемый Александр Натанович!

Присланная Вами статья содержит много интересных и важных для газеты тем. Их даже слишком много для одной статьи. Поэтому у редакции такое к Вам предложение: выделить и развить один вопрос: против упрощенчества в науке, против нигилистического отношения к мировой культуре с ложных позиций „квасного патриотизма” (3 и 4 разделы Вашей статьи). Хотела бы, чтобы Вы развернули свою аргументацию на совершенно конкретных примерах работ советских ученых. В связи с этим хорошо было бы сказать и о том, как вредно сказываются эти тенденции на научной молодежи.

Возвращаем рукопись, в которой не оказалось последней страницы.

С приветом

Зав. Отделом гуманитарных наук
„Литературной газеты”
(Петрашик)».

Вот такой краткий и недвусмысленный ответ. Однако дальнейшее общение с газетой не состоялось. Точные причины этого неизвестны, можно лишь предположить, что общее ухудшение здоровья автора и научная занятость не позволили осуществиться весьма интересным планам.

Ниже я привожу полный текст машинописной рукописи, в которой действительно «не оказалось последней страницы». Но, как будет понятно из текста, это не так уж и важно.

Текст имеет рукописные вставки и несет на себе следы незначительной авторской правки. Все рукописные вставки помещены в квадратных скобках. Слова, выделенные курсивом, выделены и в машинописном варианте. Орфография и пунктуация оригинала в целом сохранены без изменений, за исключением очевидных опечаток, связанных, по всей видимости, с эмоциональным состоянием автора.

НЕ ПОРА ЛИ ПЕРЕСМОТРЕТЬ ТРАДИЦИИ В НАУКЕ?

А. Н. Бернштам

Научный работник — творческий работник. Творчество в значительной степени зависит от творческого настроения. Под творческим настроением я подразумеваю [зачин, тему и] подготовку к окончательному акту — написанию работы, к творческой ее редакции. Следовательно, творческое настроение особо важно в период сбора материала, его обдумывания, композиции, сопоставлений; розыски аналогий, подобий в литературе вопроса, выводы и, главное, заключительное — открытие, хоть маленькое, но открытие. В этом и суть научной работы. Без открытий, без открытий — «винтиков» — нет науки в целом. Без этого остается голый ползучий эмпиризм, зачастую скрытый у нас под торжественным титулом — «публикация фактов». Спору нет: факты публиковать нужно и чем больше, тем лучше. Но факты без мысли, без освещения — это плюшкинское сборище хлама. Особенно, если учесть специфику моей специальности — специальности археолога.

Мне кажется, что это истина. Впрочем, истина эта всем известна, но не все из нее делают выводы. Не делают выводы, в частности, и о том, что всякая научная мысль должна иметь автора. Приведу примеры.

Музейная экспозиция — это творчество, это порой большее научное открытие, чем многие проходящие и быстро забываемые статьи в научных журналах. Да и музейная экспозиция и «читателей» имеет часто гораздо больше, чем статья в специальном журнале. Но почему-то авторы этой музейной творческой удачи не имеют права на известность. Как автор статьи всегда известен читателю для доброго слова и для критики, так и автор экспозиции, в иных случаях автор раскопок (к слову сказать, и архитектор дома тоже), должны быть известны советскому гражданину.

Почему же традиция прячет от нас их имена? Ведь, кажется, чего проще — на углу дома или у выставочного стенда повесить табличку с именами, которые должен знать советский человек.

Другой истиной (да простит мне читатель менторский тон) является то, что творчество имеет присущую ему болезнь — творческие муки, то есть полосу неудач, творческой неудовлетворенности, отсутствие важных звеньев, пробелы и т. д. и т. п., которые лишают возможности завершить в заданный срок работу, дать нечто цельное, законченное.

Наконец, последней истиной, известной каждому научному работнику, является необходимость «остыть» к своей работе, выработать само-

критическое к ней отношение, отложить ее на время в сторону и, как говорил Л. Н. Толстой, «лучше подождать печатать и объясниться».

Кто будет с этим спорить? Вряд ли я сказал что-нибудь спорное или что-нибудь новое для научного, творческого работника.

Однако перейдем к делу и рассмотрим всю серию традиций в планировании и организации науки (имею в виду гуманитарные) в системе Академии наук в частности.

1. План и его толкование

Указание гласит: темы должны быть крупными. Для этого под общей шапкой собираются частные заявки научных сотрудников, которые «возглавляются» общим названием и каким-нибудь одним крупным именем. Заглавие ни к чему не обязывает, крупное имя ни перед кем не обязательно. Оно (ИМЯ) за пятилетие не встречается с исполнителями темы, не руководит ими, а быть может оно, ИМЯ, и не знает, что [оно — ИМЯ] является руководителем.

Повторяю, темы должны быть крупными, а научные «рассказы», очерки, критико-библиографические статьи и т. п. почти не планируются.

Что же такое план? Считается, что творческий замысел, годами выношенный, вставленный в план, — это не план, а «личная заявка». В план можно и должно включать работы, составляющие в течение многих лет содержание научной жизни, разумеется, если эта тема нужна. Впрочем, можно с уверенностью сказать, что на 99,9 % творческие замыслы научных работников нашей страны совпадают с общей линией развития [науки] в СССР.

Как же порой эти творческие замыслы осуществляются и «принимаются»?

Проходит год. В ноябре уже нужно сдать план, так как в первых числах декабря будет «Комиссия». Текст должен быть готов, обсужден (если окончание темы падает на данный год), и, если это статья для сборника, — она должна иметь «открытие», иллюстративный материал, она должна быть представлена в «годном для печати виде».

Годовой план работы для старшего научного сотрудника — это статья объемом в 6–8 авторских листов; к тому же она должна быть [фактически] сдана на месяц раньше срока. Где же время для того, чтобы работа отстоялась? Где гарантия того, что в n-ском году будет сделано «открытие» и что очередное «открытие» обязательно будет в следующем году? Где возможность творчества, когда оно зажато в ненужно жесткий, нелепый срок?

И это не единственная нелепость в планировании научной работы.

Обычно большая работа планируется на три года. Следовательно, надо сдать 24–25 авторских листов, но Президиум АН СССР, точнее РИСО [редакционно-издательский совет], повело борьбу за сокращение объема печатаемых работ. Теперь обычно ее предлагают сокращать до 10–15 листов. Справедливо: многие расплывчатые описания можно сократить с помощью хорошо продуманных иллюстраций. Но почему же сотрудник института должен представить в декабре Комиссии по проверке плана не менее 150 стр. машинограммы, а в январе в издательство — не более 75? Получается так: по плану раздувай, для издания сокращай! Не устарела ли традиция плана? Не надо ли ее пересмотреть? Я беру на себя смелость утверждать, что, по мнению всех научных работников, такая система планирования неверна. Следует пересмотреть и нормы планирования и порядок контроля за выполнением плана.

2. Авторство и борьба мнений

Без борьбы мнений, суждений, предположений — научно обоснованных гипотез — не может быть науки. Об этом говорит вся наша печать. Все наше общественное мнение. Но где больше всего подавляется авторство и ликвидируется борьба мнений? В коллективных работах! Известно, что в науке много нерешенных вопросов, все знают, что наука не терпит резолюций, решений, принятых голосованием, и судебных приговоров. Однако есть случаи, когда все это проводится с завидной легкостью — в коллективных работах. Здесь редактор, не отмечая в тексте разногласия, оставляет то, что ему любо. А для того, чтобы все было гладко, исправляет текст автора. Имя последнего как автора существует либо в предисловии, либо в оглавлении, а иногда (к счастью автора) и вообще отсутствует. Неповинный автор становится носителем точки зрения редактора, кстати сказать, не всегда безупречной. Таков, например, опыт работ по однотомникам «Истории Казахстана и Киргизии» (с древнейших времен до 1917 г.), «История Монголии» и многих других.¹³ Почему-то там, где нет однотомников, все еще избегают «единоличных» работ, где автор-исследователь излагает свою точку зрения на историю того или иного народа. Но без накопления таких «единоличных» историй ведь не будет и коллективных работ, коллективных историй, ибо коллективная история будет в данном случае всего лишь едино-

¹³ Перечислены некоторые коллективные монографии, в написании которых А. Н. Бернштам принимал непосредственное участие.

личной точкой зрения по данному вопросу.. самого редактора.

Надо сказать, что еще до того, как редактор получит текст, где он будет гулять по строчкам красным [или иным] карандашом, текст несколько раз обсуждали. Автору несколько раз предлагали... В результате податливый специалист превращается в пишущую машинку, в своем тексте он должен излагать то, что ему предложат, к сожалению, согласно конъюнктуре (под конъюнктурой следует понимать всеильную точку зрения редактора на данный момент). Она еще не истреблена и в первую очередь расцветает своим ядовитым цветом именно в коллективных работах.

Но возвратимся к Истории. Совершенно разные вещи — «История СССР», когда за спиной творческого коллектива стоят Ломоносов, Карамзин, Соловьев, Ключевский и многие, многие другие; и другое положение с созданием истории Киргизстана, когда в научном багаже нет ничего, кроме одной брошюры Бартольда,¹⁴ а кандидатские и докторские диссертации на эту тему находятся в спецфонде Ленинской библиотеки в Москве и почти недоступны массовому читателю.

Мы изложили один вариант «борьбы мнений». Есть и другой. По целому ряду научных проблем отдельные ученые, коллективы стоят на разных точках зрения. Естественно, что разногласия эти должны выявиться в печати, в специальной печати, которой так богато снабжена наша наука. Ведь печать для нас — это трибуна. К сожалению, мы имеем только журналы, а нужна и газета. Печать для нас — все. Здесь столкновения, споры, пожелания и желания. Гуманитары многословны, в этом беда их специальности. Нам нужны не только письменные столы (это есть дома [и на работе]). Но и клубы, место встреч, разговоров, споров. Распорядок научных работ нельзя регламентировать восьмичасовым рабочим днем, даже и для младшего научного сотрудника, даже тогда, когда он, младший научный сотрудник, не имеет степени кандидата наук, тем более, что многие скороспелые кандидаты имеют степени без работ, а настоящие кандидаты, с работами, [по существу доктора (например, историк Руси М. К. Каргер¹⁵)], еще не оформлены в степени. К сожалению

¹⁴ Бартольд В. В. Киргизы (Исторический очерк). Фрунзе: Киргизское гос. изд-во, 1927. 57 с.

¹⁵ Михаил Константинович Каргер (1903–1976) — доктор исторических наук (1959), профессор, лауреат Сталинской премии 1951 г., с 1929 г. сотрудник ГАИМК, с 1951 по 1974 г. глава Группы славяно-русской археологии, с 1964 по 1971 г. заведующий ЛОИА АН СССР.

нию, примеров этому легион! Пора восстановить справедливость! Хочется надеяться, что дойдет же когда-нибудь до сознания многих, в том числе и до различных оппонентов, статья в журнале «Коммунист» № 18 за 1954 г. под скромным заголовком «Повысить уровень подготовки кадров в области общественных наук» (стр. 67–77).¹⁶

Однако во главе некоторых журналов и периодических сборников стоят такие «редакторы-деспоты», что попасть на страницы этого журнала невозможно. Мы не требуем «редактора-либерала», — просто нужен редактор умный (это весьма необходимая фигура в науке).

Некоторые журналы заняли очень странную позицию: они печатают собственную точку зрения (редактора и единомышленников) и не печатают даже письма в редакцию, где избобличаются противоречия, безграмотность и прочие ляпсусы, имеющие место в журнале. Очевидно, это делается по принципу сохранения «чести мундира». Прежде всего этим отличается журнал «Вестник древней истории» (отв. редактор С. В. Киселев).¹⁷

¹⁶ Эта статья, в целом посвященная проблемам подготовки аспирантов и преподавательских кадров в вузах, призывает «к творческому применению марксистского метода и избавлению от догматизма начетничества», рекомендуется усилить творческую составляющую в работе ученых коллективов (Повысить..., 1954. С. 68–76).

¹⁷ По всей видимости, такая негативная оценка редакционной политики ВДИ и лично С. В. Киселева связана с рядом фактов, которые следует здесь привести.

Во-первых, речь идет о работе А. Н. Бернштама «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. Восточнотюркский каганат и Кыргызы», вышедшей в 1946 г. и являвшейся публикацией его кандидатской диссертации. В №1 ВДИ за 1949 г. была опубликована критическая рецензия С. В. Киселева (Киселев, 1949), а вот ответа А. Н. Бернштама на нее не последовало. То, что какой-то ответ (по крайней мере, в виде письма в редакцию) все же был, можно понять не только из публикуемого текста, но и другого, ранее не попадавшего в поле зрения историографов источника. Это — машинописная копия письма А. Н. Бернштама в редакцию ВДИ (еще от 6 января 1947 г.), содержащего ответ на готовившуюся тогда к публикации рецензию Л. Н. Гумилева на его работу по орхоно-енисейским тюркам. Действительно ли редакция ВДИ собиралась опубликовать рецензию Л. Н. Гумилева, который в тот краткий момент между двумя посадками находился на свободе, достоверно неизвестно. Но текст этой рецензии точно существовал — кроме письма А. Н. Бернштама эта рецензия (и история ее передачи в библиотеку ИВ АН СССР в Ленинграде) упоминается самим Л. Н. Гумилевым в одном из вариантов его воспоминаний. В итоге рецензия Л. Н. Гумилева опубликована не была, как и

Кстати, об этом журнале и позиции его раздела «Критика и библиография», где перед словом «Критика» следовало бы поставить определение «уголовная» в том смысле, как это правильно определили на II Съезде писателей, определили, как и всегда писатели, резко, ядовито, но правильно.

Почему при оценке труда советского ученого интерес представляют не его творческие успехи, а лишь односторонний подбор отдельных промахов и естественных в процессе работы неудач? Почему только подбором этих, не всегда доказанных промахов раздел «Уголовной критики» старательно размешивает черную краску, схожую с дегтем, и даже ворота находят, которые можно измазать. Вряд ли следует приводить факты. Думаю, что в «научном плебисците» приведенный мною тезис будет поддержан большинством голосов в отношении некоторых наших толстых и в целом неплохих журналов.

Почему появляются сборники такие, как, например, «Вопросы скифо-сарматской археологии» (М., 1954), где происхождение скифов трактуется только с одной точки зрения и за борт выбрасывается одна из версий почтенного Геродота (V в. до н. э.) о том, что «скифы пришли из Азии»? Почему авторы статей вынуждены признать ира-

ответ на нее А. Н. Бернштама, а вместо этого в ВДИ вышла рецензия С. В. Киселева.

Во-вторых, возникли сложности с публикацией критической рецензии А. Н. Бернштама на работу С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири», вышедшую в 1949 г. (и вторым изданием в 1950 г.). Об этом он специально упоминает в своем выступлении на заседании ЛО ИИМК в ноябре 1950 г. Речь идет о том, что его рецензия была отклонена журналом «Вопросы истории», в то время как там же была опубликована положительная рецензия А. В. Арциховского, непосредственного редактора книги С. В. Киселева! (*Бернштам*, 1950а, л. 124, 128–129). В итоге рецензия А. Н. Бернштама вышла в «Вестнике ЛГУ» (*Бернштам*, 1950б).

В-третьих, А. Н. Бернштам явно имеет в виду ситуацию вокруг выхода его книги «Очерк истории гуннов» (Л., 1951) и начавшуюся после этого кампанию против него в прессе и научных журналах. В рамках этой кампании была опубликована в ВДИ разгромная рецензия Л. Р. Кызласова и Н. Я. Мерперта (*Кызласов, Мерперт*, 1952), на которую он ответить не смог.

В этой связи следует привести фрагмент из воспоминаний Б. Б. Пиотровского начала 1950-х гг.: «...Комиссии громили Ленинградское отделение как рассадник марризма. ...В журнале „Вестник древней истории“ в передовой статье громили А. П. Окладникова, В. И. Равдоникаса, А. Н. Бернштама как „ленинградских лидеров“» (*Пиотровский*, 1995. С. 264–265).

неязычность части европейских скифов, то есть тем самым и приход их из Средней Азии, а в то же время поносят (другого термина у меня под рукой не было) тех исследователей, которые указывают на азиатское происхождение скифов (напр., автора одной из статей С. И. Руденко и др.).¹⁸ Если вводная статья отмечает порочность автохтонной стадильности марровского толка в происхождении скифов, то как они, «борцы за чистоту» науки, не замечают, что признание ираноязычности хотя бы части европейских скифов несовместимо с отрицанием их азиатского происхождения? Этим самым авторы становятся на позиции по крайней мере «двоецентризм» происхождения иранских языков, то есть становятся на позиции марризма, а в критике — на позиции «держи вора».

Я «ударился» в науку, но вряд ли сложную. Речь идет о том, что часть скифов, которых делали славянами,¹⁹ говорила на иранском языке. Язык этот принесли с собой жители Азии. Это не означает, что пришельцы изменили характер культуры сте-

¹⁸ Это любопытный пассаж. На самом деле в разбираемом сборнике нет такой уж разгромной критики именно С. И. Руденко. В достаточно сдержанной форме критикуется лишь «расширительная тенденция в толковании скифской культуры, коренящаяся в марровской концепции скифской стадии», однако в ряду приверженцев этой тенденции кроме С. И. Руденко называются Б. Б. Пиотровский, С. П. Толстов и сам А. Н. Бернштам! (*Погребова*, 1954. С. 12; *Граков, Мелюкова*, 1954. С. 92). На самом деле такая резкая отповедь критикам во многом связана именно с антимарровским подтекстом замечаний московских оппонентов. Вспомним, что время проведения конференции ИИМК АН СССР по скифо-сарматской археологии — 1952 г. — на собраниях и в прессе еще продолжают нападки на А. Н. Бернштама и его ленинградских коллег за «приверженность марризму» (см. *Пиотровский*, 1995. С. 264–265). А упоминание в этом контексте имени С. И. Руденко может быть связано с изменением собственных взглядов А. Н. Бернштама на научные позиции и личность бывшего оппонента.

¹⁹ Здесь речь идет о популярной некоторое время идее родства скифов и славян, а точнее, происхождения последних от первых. Лингвистические эскерсисы Н. Я. Марра, основанные на его концепции стадий, актуализация дореволюционных представлений о скифах-пахарях как предках славян и доминирующая с определенного момента установка на разработку теории автохтонного эволюционного развития древних культур — вот те три слона, на которых покоилась эта гипотеза. Ее отголоски в околонучной и псевдонаучной литературе раздаются до сих пор. В 1940-е гг. гипотеза скифских корней славянства разрабатывалась А. Д. Удальцовым, П. Н. Третьяковым, П. Н. Шульцем и др.

пей Причерноморья, но определенную роль их нужно учитывать, как учитывается роль ирано-язычных племен в истории Индии. Территории и в древности не были изолированы друг от друга. Скифские племена были родственны протославянским. Пешие и конные, в большие промежутки времени, племена эти общались друг с другом.²⁰ Не случайно лопари Кольского полуострова монголоиды, хотя родина последних и в эпоху палеолита, и позднее была за Уралом. Не случайно современные тюркоязычные народы Средней Азии — потомки народов Центральной Азии. Но все это я говорю для того, чтобы привлечь внимание читателей к специальной литературе.

Возвратимся к старой теме.

Так причудливо переплетается мнимая ортодоксальность с неизмеримой глубиной падения в марризм, страстными борцами с которым пытается представить себя односторонне подобранный коллектив сборника.²¹

Скифы — важная, но далекая проблема; есть и более острые, правда, они ошельмованы опошленным пониманием борьбы с космополитизмом и упрощенчеством в науке. В чем дело?

3. Так называемая борьба с космополитизмом как форма упрощенчества в науке

Спору нет, что космополитизм как идеология современного этапа империализма — теория вред-

²⁰ Точка зрения А. Н. Бернштама о сосуществовании и культурных контактах скифов и «протославян», по сути, отражала современное ему состояние славянской археологии, когда нижняя граница славянских или «протославянских» древностей была не столько априорной, сколько зависела от политической конъюнктуры.

²¹ Замечание А. Н. Бернштама об «односторонне подобранном коллективе сборника» представляется закономерным — из оглавления видно, что основные авторы сборника московские и киевские археологи (единственное исключение — ленинградец А. А. Иессен). А среди ученых, чьи воззрения и разработки подвергаются критике, — все сплошь ленинградцы, начиная с Н. Я. Марра. Вот где снова отчетливо проявилось противостояние двух научных центров, обострившееся в околополитических дискуссиях (о языкознании и космополитизме) конца 1940—начала 1950-х гг. Подробно перипетии острой борьбы московского и ленинградского отделений ИИМК в 1949—1952 гг. рассмотрены С. Алымовым (*Алымов*, 2009. С. 7—36). Б. Б. Пиотровский пишет об этом времени: «Москвичи решили использовать критику Марра для того, чтобы Московское отделение в Институте стало основным, чтобы отобрать из Ленинграда издания Института, в первую очередь сборники „Советская археология“, чтобы перевести в Москву архив и полностью подчинить ленинградских археологов Москве» (*Пиотровский*, 1995. С. 264).

ная, опасная, требующая пристального, неустанного внимания от нашей научной общественности. Но во что превратили некоторые горе-ученые борьбу с космополитизмом? Они превратили это в нигилистическое отношение к знанию мировой культуры, которая все-таки существует, как существует независимо от социальных, политических, религиозных и иных убеждений вывод о том, что дважды два — четыре.

Этот несвойственный ученым страны социализма нигилизм привел к тому:

1. что знание иностранных языков и чтение литературы на этих языках стало не только необязательным, но и одиозным;

2. что всякие культурные влияния отождествлялись с идеологией агрессоров, которые размахивают термоядерными бомбами и заботятся о строительстве аэродромов, с площадок которых легче всего сбросить эти бомбы на города и села страны социализма;

3. что всякие передвижения народов (миграции), которых столь много имелось на памяти истории, рассматривались почти что как марш пехоты гитлеровского типа во время психической атаки. Но ведь на советских людей психические атаки каппелевцев и гитлеровцев не оказали действия!

В результате такого взгляда на историю (беру пример из своей специальности) общий голос передовых специальных (и не только специальных) журналов заявлял, что народы Средней Азии созрели сами, вне связи с зарубежными народами, забывая, что ведь и рубежи-то были не там и не те, которые нам сейчас известны. Более того, некоторым ученым инкриминировался такой факт, как [изучение] происхождения народов Средней Азии в [связи и] взаимоотношении с соседними племенами и народами, а не только с народами собственно Средней Азии. Например, отрицалось, что один из предков таджиков — согдийцы — внес немалый вклад в культуру отсталых кочевнических районов Северной Киргизии и Южного Казахстана, районов, занятых предками казахов и киргизов. Любого, кто привлекал к происхождению того или иного народа соседние племена и народы, кто не считал киргиза потомком «палеолитического киргиза», причисляли к... космополитам!

Что скрывается за оболочкой этой мнимой научной бдительности «ученых», отрицающих, что в образовании народов следует учитывать их широкие связи с племенами, жившими за пределами современных государственных границ, в

частности за пределами Средней Азии? Что в этом «худого»?

За этим скрывается научная безответственность, взращенная на безграмотности исследователей!

Предки народов Средней Азии не знали тюркских языков! Носителями тюркских языков были народы Центральной Азии (Монголия прежде всего, отчасти Южная Сибирь). В расовом отношении племена Средней Азии были европеоидами. Спрашивается, каким образом уже к XVI веку большая часть, особенно сельского населения, Средней Азии говорит на тюркских языках, а в расовом отношении они стали монголоидами, если не признать, что это произошло в результате многовекового скрещивания с народами Центральной Азии, исконными носителями тюркской речи и обладателями монголоидного расового типа, по крайней мере с рубежа нашей эры проникавшими в Среднюю Азию. Без этого вторжения не могли появиться указанные новые явления, хотя культуру, социально-экономический строй, способ производства завоеватели-вторженцы усвоили местный, среднеазиатский.

4. Упрощенчество и задачи борьбы с ним

Ошибки, проявившиеся в борьбе с космополитизмом, тесно связаны с позицией упрощенчества в науке. Приведу примеры опять же из сферы моей специальности.

Гунны — «нехорошие люди». Но не потому, что в их составе были тюркские племена Центральной и Средней Азии, в известной степени предки туркменов, узбеков, каракалпаков, казахов, киргизов. Не в том пантюркизм, что гунны были тюркоязычны, ибо скажи, что они ираноязычны, так это будет любезно персидскому шаху.²²

Следует различать, что такое прогрессивность и объективно-прогрессивная роль. Расценивать историческую роль древних племен с точки зрения их субъективных намерений — это историческая бессмыслица! Не было в первых веках нашей эры племен, народов, независимо от их этнической принадлежности, будь он славянин, тюрк, монгол, германец эпохи Тацита или колон Рима, которые ставили бы перед собой «благотворительные» задачи истории, то есть определяли бы свою «историческую задачу» — быть ли им прогрессив-

ными или реакционными? Их поведение определялось способом производства, и с этой точки зрения они все время выступали как объективно историческая сила, и их роль не определялась субъективными намерениями.

Разве лозунги восстания рабов звали к научному социализму, а не к власти рабов над рабовладельцами? Получили ли свое отражение идеальные теории Аристотеля и Платона в целой цепи восстаний до восстания зинджей в Ираке в IX веке?

Разве в крестьянских восстаниях Болотникова, Разина, Пугачева не было идеи крестьянского царя?

А разве эти восстания рабов и крестьян не сыграли в истории объективно-исторически прогрессивную роль?

Другой вопрос: разве не было другой стороны эксплуатации (я имею в виду глубокую древность), когда одни народы эксплуатировали другие? Были, ибо сознательность народа варварского периода (в моргано-энгельсовском смысле слова) была, мягко выражаясь, весьма относительной.

Стараясь очистить историю, приукрасить ее, сделать историю «в нашу пользу», в печати появилась статья по поводу хазар за подписью некоего Иванова.²³ Его «точка зрения» заклеяла позиции тех (М. И. Артамонова), кто в согласии с фактами показали эфемерное государственное образование на юго-востоке нашей страны, которое тесно связано с пришельцами из Средней Азии, где и ныне живут их потомки — братские народы Среднеазиатских республик.

²³ 25 декабря 1951 г. в газете «Правда» была опубликована статья П. Иванова «Об одной ошибочной концепции», направленная против М. И. Артамонова и его книги «Очерки древней истории хазар», которая вышла в Ленинграде еще в 1937 г. (sic!). Не известный никому автор заметки лаконично, но безапелляционно отметал даже саму мысль о том, что Хазарский каганат мог иметь хоть какое-то (положительное) отношение к становлению русской государственности. Заканчивалась заметка очень характерно: «Ошибочность этой концепции очевидна. Такая концепция не может быть принята советской исторической наукой» (Иванов, 1951). То есть это не было приглашением к дискуссии, каковым по форме была статья лингвиста А. С. Чикобавы (Правда. 1950. 9 мая), открывшая антимарровскую кампанию. Это был своего рода «рескрипт». Поэтому заслуживает определенного внимания дискуссионная концепция А. Либина и Д. Шапира о том, что под псевдонимом «П. Иванов» скрывался не кто иной, как «корифей всех наук» (подробнее см.: Либин, Шапира, 2007).

²² Здесь А. Н. Бернштам иронизирует по поводу обвинений в поддержке пантюркизма, брошенных ему некоторыми оппонентами (например, Рафиков, 1952) в качестве серьезных политических обвинений, после публикации «Очерков истории гуннов».

Что же делают «борцы» за «истинный» исторический процесс? Что же они предлагают? Вот здесь-то и начинается апогей упрощенчества.

Они, следуя стандартному рецепту, строят свои «концепции», исходя из двух постулатов:

1. Вторженцев из Азии либо не было (некие «поручики Кижэ»), либо это исторические «бандиты».

2. Культура района обитания этих «бандитов» это не их культура, а... славянская или, в лучшем случае, аланская (иранская — ехидно спрошу я?).

Захлебываясь от восторга, сообщают, что славянские черепки (еще премудрость — салтовомаяцкая [древняя культура на Дону]) уже найдены на Дону. Более того, чрезвычайно важным открытием оказалось, что славянские (опять салтовомаяцкая культура!) черепки от грубой, плохой посуды (!) найдены и на Волге. Теперь несомненно, что:

1. культура славяно-русских народов древняя и высокая;

2. на основании археологии можно доказать, что Волга — «Русская река».

Вот эта «неоаксаковщина», глупое «славянофильство» наших дней, начертанное пером далеко не детей от науки, — становятся законодателями «научных мод».

Ну, а думают ли эти товарищи, к чему приводит дальше их патриотическая истерия? Нет, не думают. Что же получится, если славянских черепков нет за Уралом, а тем более на берегах бухты Золотой Рог во Владивостоке? Не будет ли это означать, согласно их «теории», что эти земли не наши. А «их», дальневосточные?

А если все же высокая культура Киевской Руси на тысячелетия моложе культуры Древнего Востока — значит ли это, что русский народ должен встать на колени перед эфиопами? Этим ли определяется наше культурное богатство и наше право на это богатство? Думают ли ретивые борцы за время и пространство славяно-русских племен и народностей, что не черепки X—XI веков, а время сложения наций, сложение того класса, которому были чужды идеи обмена власти эксплуататоров, которому ясна была идея и пути ее осуществления, ликвидации всякой эксплуатации, идея, которая после 1917 г. получила свое материальное воплощение.

Несомненно, что в этой связи мы не отрицаем гордость прошлым, право на культурное наследие, но должно при этом смотреть на наше богатство исторически и понимать, что «все течет, все изменяется». Неужели наши, излишне увлеченные

современники не могут запомнить столь краткий текст Гераклита? Очевидно, не все могут. В качестве примера приведу «специалистов» по эпосу.

5. Эпос и его «хоронители»

Сколь много сохраняет народный эпос народную философию и историю! Кто с этим будет спорить? Разве только Люциан Климович, да и то не в любое время.²⁴ Я уже не говорю о его «фотокопиях» на местах, к сожалению, в одно время и во многих экземплярах размноженных. В «подполье» загнали эти «хоронители» эпоса со своими подручными — заплечных дел мастерами — монгольского Гэсэра, узбекского Алпамыша, киргизского Манаса и иже с ними. А повод для этого был один, два: то употребление термина «хан» (царь/бек/князь), то ясно выраженное стремление народа, воспетого в этом эпосе, обрести свою власть, свободу. Об этом втором положении говорить не будем: мечта о власти — это вариант мечты рабов и пособников фантастического крестьянского царя. А первое?

Где могла быть у народа иная (кстати сказать, о только что сказанном) философия, которая вырождалась бы в другой лексике?

М. И. Глинка назвал свою оперу о крестьянском герое Иване Сусанине — «Жизнь за царя». Ну и что же из этого следует? Что это, «жизнь за царя» или «жизнь за народ»? Почему в одних случаях исследователи судят по тексту, а в других — по терминологии? В одном случае учитывается содержание, а в другом лишь форма? Почему нас не коробят хоругви в первом акте «Князя Игоря», почему же лакированным пройдохам от науки противно мусульманское «бисмалля», хотя это абсолютно одно и то же. Почему? Да стоит ли задавать вопросы тем, кто на них все равно не ответит.

Перенесемся в другую область.

Возьмем современную киргизскую действительность. Если термин «хан» в эпосе «Манас» аргумент для доказательства феодального характера этого эпоса, то составная часть фамилии народного поэта Киргизии Токомбаева²⁵ — признак

²⁴ Люциан Ипполитович Климович (1907–1989) — член ВКП(б) с 1947 г., востоковед, заслуженный работник культуры РСФСР (1982). Критические «научные» выступления Л. И. Климовича, на примере его нападок на академика И. Ю. Крачковского в 1937 и 1948, 1949 гг., подробно описала А. А. Долинина (*Долинина*, 1994. С. 307–311, 379–388).

²⁵ А. Токомбаев (1904–?) — киргизский писатель, народный поэт Киргизии (1945), Герой Социалистического Труда (1974), академик АН Киргизской ССР (1954).

того, что он из кулаков (бай), в фамилии лауреата сталинской премии Сыдыкбекова²⁶ — признак того, что он князь (бек), а заслуженный деятель искусств Кубанычбек Маликов²⁷ вообще и князь (бек) и царь (малик)! Ну это ли не потолок упрощенства (к сожалению, не одинокого)!

Как я был рад, я, рядовой читатель «Литературной газеты», когда выяснил по докладу Рюрикова,²⁸ что наконец-то дошло до сознания людей, что нельзя от создателей эпоса требовать знания всех законов социалистического реализма. Тогда были иные нормы художественно-поэтических и эстетических воззрений, создатели эпоса жили до 1848 г. и не могли знать Коммунистический манифест!

Я не убежден в том, что сказанное мною дойдет до сознания «хоронителей» эпоса. Но нам ясно, во всяком случае, что в хранители эпоса они не годятся.

6. Вместо заключения — «Что следует из сказанного»

1. Настойчиво потребовать от редакторов журналов «свободу научного слова».

2. Лучший вариант: расчленив некоторые институты (соответственно ученые советы и издания) с тем, чтобы имеющие право в науке коллективы имели и свое право формулировать свое мнение.

3. Организовать газету, посвященную проблемам науки, по типу газет «Советская культура» или

«Литературная газета» примерно с названием «Советская наука».

4. Вменить в обязанность этой газете в первую очередь:

а) бороться с теми традициями в науке, которые стали тормозом. Хорошие традиции, наоборот, следует сохранять, популяризировать;

б) бороться с упрощенчеством в науке, под каким бы красивым покрывалом оно (упрощенчество) ни скрывалось;

в) усилить требования к советским ученым, к науке, понимая под этим не только знания, но и наличие творческого замысла, темперамента и открытости;

г) добиваться для научных работников «Ясной поляны» в виде научного спокойствия, такого положения, когда настоящий ученый будет изолирован от конъюнктурщиков — людей, искажающих те или иные трудные этапы нашей научной жизни, когда будут изолированы те, кто не имеет права называться научными работниками. Речь идет о тех, кто, имея степени и даже звания действительных членов союзных академий, не имеют ни одной научной печатной работы. Речь идет о тех, кто занимается не открытиями в науке, а скорее закрытием ее, независимо от штатной должности.

Короче, из сказанного следует: нельзя забывать, что борьба мнений в науке имеет государственную основу, что борьба мнений — это осуществление плана строительства коммунизма. Одна из...

На этом рукопись обрывается. В ней действительно «не оказалось последней страницы».

Этот текст выходит в свет спустя 56 лет с момента своего написания. Его историко-биографическая ценность очевидна. Так же как очевидно то, что он все-таки пережил свое время. Написанная в тот единственный период хрущевской «оттепели», когда только и могла появиться эта революционная по духу статья, она не была опублико-

вана в советское время. Сейчас, по прошествии многих лет, становится понятно, что эта статья — неслучившееся событие в истории отечественной археологии.

Уже в ноябре 1956 г. было подавлено Венгерское восстание. А 19 декабря того же года, всего через девять дней после смерти А. Н. Бернштама, ЦК КПСС выпустил письмо «Об усилении работы партийных организаций по пресечению вылазок антисоветских, враждебных элементов», обязательное для распространения и обсуждения в первичных партийных организациях. В тексте этого письма были и такие строки: «*За последнее время среди отдельных работников литературы и искусства, сползающих с партийных позиций, политически незрелых и настроенных обывательски, появились попытки подвергнуть сомнению правильность линии партии в развитии советской литературы и искусства, отойти от принципов социалистического реализма на позиции безыдейного искус-*

²⁶ Т. Сыдыкбеков (1912–?) — киргизский писатель, народный писатель Киргизской ССР (1968), академик АН Киргизской ССР (1954).

²⁷ К. И. Маликов (1911–?) — киргизский писатель, заслуженный деятель искусств Киргизской ССР (1947), народный поэт Киргизии (1969).

²⁸ Борис Сергеевич Рюриков (1909–1969) — член ВКП(б) с 1932 г., главный редактор «Литературной газеты» в 1953–1955 гг. Имеется в виду его доклад «Об основных проблемах советской критики», прозвучавший на II Всесоюзном съезде советских писателей.

ства, стали выдвигать требования „освободить” литературу и искусство от партийного руководства, обеспечить „свободу творчества”, понимаемую в буржуазно-анархистском, индивидуалистическом духе». Критиковалась редакционная политика и таких научных журналов, как «Вопросы истории» и «Вопросы философии» (Лихоя, 2000).

С этого момента и до конца 1980-х гг. никаких общественно-политических выступлений и манифестов научных работников, кроме тех, в которых поддерживалась линия партии и правительства, уже не предусматривалось.

Р. С. Мне бы не хотелось навязывать читателю свое мнение об актуальности текста А. Н. Бернштама, потому что сегодня каждый участник «научного плебисцита», думаю, способен привести свои параллели указанным в нем проблемам.

Наверное, самым лучшим ответом научного сообщества на эту запоздалую публикацию была бы организация открытой дискуссии о современных путях развития отечественной археологии, так как время для такой дискуссии давно пришло, а вот возможные участники обсуждают перспективы и тупики своей науки все больше в кулуарах.

Алёшкин, 2007 — Алёшкин В. А. Сектор/отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР—ЛОИА АН СССР—ИИМК РАН и его предшественники в ИАК—РАИМК—ГАИМК—ИИМК АН СССР (основные вехи истории) // Записки ИИМК РАН. СПб., 2007. № 2.

Алёшкин, 2010 — Алёшкин В. А. Александр Натанович Бернштам: Биографический очерк // Древние культуры Евразии: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб., 2010.

Альмов, 2009 — Альмов С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940—1950-х годов // Новое литературное обозрение. М., 2009. № 97.

Артамонов, 1937 — Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1937.

Арциховский, 1953 — Арциховский А. В. Пути преодоления влияния Н. Я. Марра в археологии // Против вулгаризации марксизма в археологии. М., 1953.

Бернштам, 1932 — Бернштам А. Н. Идеализм в этнографии (Руденко и руденковщина) // Сообщения ГАИМК. Л., 1932. № 1—2.

Бернштам, 1950а — Выступление А. Н. Бернштама // НА ИИМК РАН, РА, ф. 312, оп. 1, д. 316: «Стенограмма заседаний Ученого совета ЛО ИИМК. Доклад А. П. Окладникова «Труды т. Сталина по вопросам языкознания и задачи советской археологии». 22—25 ноября 1950 г.».

Бернштам, 1950б — Бернштам А. Н. Рец.: Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949 // Вестник ЛГУ. Л., 1950. № 4.

Бернштам, 1951 — Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.

Борисов, 1952 — Борисов А. П. Об изданиях Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова по древней истории и археологии. Рец. на: А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951. 256 с. // Вопросы истории. М., 1952. № 11.

Бочкарев, 1994 — Бочкарев В. С. В. И. Равдоникас и революция в советской археологии // Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса: Тезисы докладов. СПб., 1994.

Брюсов, 1953 — Брюсов А. Я. К критике ошибок археологов при истолковании древних петроглифов // Против вулгаризации марксизма в археологии. М., 1953.

Горбунова, 1995 — Горбунова Н. Г. А. Н. Бернштам — исследователь древних культур Средней Азии // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек, 1995.

Граков, Мелюкова, 1954 — Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.

Долинина, 1994 — Долинина А. А. «Невольник долга» (Научная биография академика И. Ю. Крачковского). СПб., 1994.

Заднепровский, 1960 — Заднепровский Ю. А. Александр Натанович Бернштам // КСИИМК. М., 1960. Вып. 80.

Заднепровский, Подольский, 1981 — Заднепровский Ю. А., Подольский А. Г. Александр Натанович Бернштам: К 70-летию со дня рождения // Народы Азии и Африки. М., 1981. № 2.

Иванов, 1951 — Иванов П. П. Об одной ошибочной концепции // Правда. 25.12.1951. № 359.

Киселев, 1949 — Киселев С. В. Рец.: А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков. Восточно-тюркский каганат и Кыргызы. Изд. АН СССР. М.; Л., 1946. 207 с., 2 карты // Вестник древней истории. М.; Л., 1947. № 1(19).

Клейн, 2010 — Клейн Л. С. Красный демон археологии. Сага о Равдоникасе // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. Т. 1.

Кузьмина, 2010 — Кузьмина Е. Е. А. Н. Бернштам и его место в археологии Казахстана и Киргизии // Древние культуры Евразии: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. СПб., 2010.

Куроедов, 1954 — Куроедов В. А. Партийные организации и научные учреждения // Коммунист. М., 1954. № 18.

Кызласов, Мерперт, 1952 — Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я. Рецензия на: А. Н. Бернштам Очерк истории гуннов. Л., 1951. 256 с. // Вестник древней истории. М., 1952. № 1.

Либин, Шапира, 2007 — Либин А., Шапира Д. Хазарская парадигма Сталина. Наука как политический продукт и лакмус империй. Электронная версия: <http://booknik.ru/context/?id=24498>

- Массон*, 2002 — *Массон В. М.* Александр Натанович Бернштам из плеяды первопроходцев среднеазиатской археологии (к 90-летию со дня рождения) // Археологические вести. СПб., 2002. № 9.
- Некролог, 1957 — Александр Натанович Бернштам // Советская археология. 1957. № 1.
- Об участии..., 1938 — Об участии в чистках ГАИМК и др. организациях // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 5, д. 22: Личное дело А. Н. Бернштама. 1938—1956 гг.
- Пиотровский*, 1995 — *Пиотровский Б. Б.* Страницы моей жизни. СПб., 1995.
- Письмо..., 1930 — Письмо В. А. Миханковой // НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 3, д. 56: Дело А. Н. Бернштама. Февраль 1930—1933 гг.
- Пихоя*, 2000 — *Пихоя Р.* Медленно тающий лед (март 1953—конец 1957 гг.). Политические итоги 1956 года // Международный исторический журнал. 2000. № 7, январь—февраль. Электронная версия: http://history.machaon.ru/all/number_07/analiti4/ice/17/index.html
- Повысить..., 1954 — Повысить уровень подготовки кадров в области общественных наук! // Коммунист. М., 1954. № 18.
- Погребова*, 1954 — *Погребова Н. Н.* Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР 1952 г. // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
- Против вульгаризации..., 1953 — Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953.
- Равдоникас*, 1930 — *Равдоникас В. И.* За марксистскую историю материальной культуры // Известия ГАИМК. Л., 1930. Т. 7, вып. 3—4.
- Равдоникас*, 1937 — *Равдоникас В. И.* О вредительстве в области археологии и ликвидации его последствий // Советская археология. 1937. Т. 3.
- Распоряжение..., 1930 — Распоряжение № 67 по ГАИМК (копия) // НА ИИМК РАН, РА, ф. 2, оп. 3, д. 56: Дело А. Н. Бернштама. Февраль 1930—1933 гг.
- Рафиков*, 1952 — *Рафиков А. Х.* Рецензия на: А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. Л., 1951. 256 с. // Вопросы истории. М., 1952. № 5.
- Решетов*, 2003 — *Решетов А. М.* Трагедия личности: Н. М. Маторин // Репрессированные этнографы. М., 2003. Вып. 2.
- Столяр*, 1988 — *Столяр А. Д.* Деятельность Владислава Иосифовича Равдоникаса // Тихвинский сборник. Тихвин, 1988. Вып. 1.
- Столяр*, 1994 — *Столяр А. Д.* Предисловие // Проблемы археологии. Памятники древнего и средневекового искусства: Сб. статей в память профессора В. И. Равдоникаса. СПб., 1994. Вып. 3.
- Толстов*, 1957 — *Толстов С. П.* Александр Натанович Бернштам // Советская этнография. М., 1957. № 1.
- Щетинин*, 1953 — *Щетинин С.* Порочная позиция профессора Бернштама // Известия. 1953. № 75.
- Удальцова*, 1952 — *Удальцова З. В.* Против идеализации гуннских завоеваний // Большевик. М., 1952. № 11.

«Горячо желаю продолжить учебу..., специализируясь по скифо-сарматскому периоду» (к 90-летию со дня рождения В. А. Ильинской)

С. А. Скорый¹

Варвара Андреевна Ильинская... Можно с абсолютной уверенностью утверждать, что в кругу специалистов, изучающих древности скифского времени Евразии, вряд ли найдется кто-либо, не знакомый с ее работами или, в крайнем случае, — не встречавший ее имя на страницах научной литературы. К сожалению, случилось так, что по прошествии времени имя ее, ушедшей от нас слишком рано, более 30 лет назад, оказалось в определенной степени в тени имени ее мужа, выдающегося археолога XX столетия Алексея Ивановича Тереножкина. И сейчас, в преддверии 90-летнего юбилея, пришла пора воздать должное памяти крупнейшего ученого-скифолога и яркой личности, каковой являлась В. А. Ильинская.

Итак, биография ученого в свете известных ранее и выясненных недавно фактов.²

Родилась В. А. Ильинская 19 сентября 1920 г. в г. Ижевск Удмуртской АССР, в семье интеллигенции. Ее мать Варвара Владимировна — учительница, преподаватель иностранных языков, в частности английского. Отец — военно-морской офицер, инженер, Андрей Николаевич Ильинский. Он был личностью неординарной и романтиче-

ской. В 1920-х гг. в качестве механика двигателей участвовал в походе российских кораблей («Таймыр» и «Вайгач») по Северному морскому пути, дрейфовал во льдах. Подорвав здоровье в условиях севера, умер в начале 30-х гг.³ Когда позже, в 1945 г., Варвара Ильинская встретила с известным московским скифологом Борисом Николаевичем Граковым, профессор, любивший огоршить собеседника, заявил ей: «А знаете, я ведь знаком с Вами еще до Вашего рождения». И рассказал историю о том, как в конце лета (?) 1920 г. в поезде его попутчиками оказались морской офицер Андрей Ильинский и его молодая жена, которая была на последних сроках беременности. Поезда в те годы ходили медленно, подолгу стояли, поэтому дорожные разговоры и знакомства запомнились. Сопоставив даты, Б. Н. Граков легко вычислил, что это были родители Варвары Андреевны.⁴

В 1927 г. Варвара Ильинская поступила в Ижевске в школу-десятилетку, но получила аттестат о среднем образовании в 1937 г. уже на Украине, в г. Черкассы, куда семья переехала после смерти отца. В Черкассах мать Варвары Андреевны работала преподавателем иностранных языков.⁵

В 1937 г. выпускница Черкасской школы стала студенткой археологического отделения исторического факультета Ленинградского государственного университета (рис. 1). Надо полагать, что выбор будущей профессии был вовсе не случаен.

К сожалению, у нас нет никаких сведений о студенческой поре В. А. Ильинской. В нашем распоряжении лишь некоторые страницы ее личной

¹ Украина, 04210, Киев, Пр. Героев Сталинграда, 12. Институт археологии НАН Украины. Отдел археологии раннего железного века.

² При подготовке данной статьи использованы не только все крайне малочисленные опубликованные источники, касающиеся биографии В. А. Ильинской, но и материалы архива Института археологии НАН Украины, Центрального научного архива НАН Украины, личного архива сына В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина — художника-керамиста А. А. Ильинского. Кроме того, привлечены воспоминания сотрудников ИА НАНУ, хорошо знавших В. А. Ильинскую, — Г. Т. Ковпаненко, С. С. Бессоновой, Ю. В. Болтрика, Е. П. Бунятян, Н. А. Гаврилюк, В. Н. Корпусовой.

© С. А. Скорый, 2011

³ Данные из личного архива А. А. Ильинского.

⁴ Рассказ В. А. Ильинской в воспоминаниях С. С. Бессоновой.

⁵ Информация А. А. Ильинского.

жизни — счастливые, но более трагические события начала 1940-х гг.

В январе 1940 г. Варвара Ильинская познакомилась со студентом биологического факультета ЛГУ 27-летним Леонидом Черного. Чувство между молодыми людьми было обоюдное и глубокое, и вскоре они поженились. 19 ноября 1940 г. в студенческой семье произошло счастливое событие — родился сын Марк.⁶

Как и у многих советских людей, начавшаяся война разрушила планы молодой семьи на будущее. В. Ильинская в сентябре 1941 г. завершила обучение в университете ускоренным выпуском, получив квалификацию историка-археолога. Ее муж, Л. Черного, через две недели после начала войны окончил пулеметное училище и 4 июля 1941 г. стал бойцом Армии народного ополчения. В. А. Ильинская осталась одна с маленьким ребенком в городе, которому суждено было пережить одну из самых страшных эпопей войны — ленинградскую блокаду. В начале 1942 г. на почве голода, общего истощения тяжело заболел Марк. В феврале, в возрасте немногим более года, он умер на руках Варвары Андреевны.⁷ Об этом трагическом факте из жизни В. А. Ильинской недавно написала в мемуарах О. Н. Мельниковская, также пережившая блокаду (*Мельниковская, 2007. С. 34*). Немногим позже, в апреле (?) 1942 г., погиб муж В. А. Ильинской — Леонид Никифорович Черного.

Очевидно, после смерти сына, как далее сообщается в нескольких автобиографиях, она «в феврале 1942 г. поступила работать инструктором Василеостровского райкома комсомола. В марте этого же года была переведена на работу старшей пионервожатой 32-го детдома Василеостровского района Ленинграда, с которым эвакуировалась из Ленинграда в июне 1942 г. в райцентр Варнавино Горьковской области, где продолжала работать старшей пионервожатой указанного детдома и преподавала историю в Варнавинской НСШ (неполной средней школе. — С. С.).

В апреле 1943 г. была принята на должность второго секретаря Варнавинского РК ВЛКСМ.

⁶ Здесь и далее — сведения из личного архива А. А. Ильинского.

⁷ В архиве А. А. Ильинского сохранились дневники В. А. Ильинской и Л. Н. Черного, ряд писем, в которых отражена не только большая любовь двух молодых людей, но страшные, трагические события блокады Ленинграда. Сама Варвара Андреевна об этих событиях никогда не упоминала в официальных автобиографиях.

Рис. 1. Ученица Варвара Ильинская. 1930-е гг. Научный архив Института археологии НАН Украины

Fig. 1. The schoolgirl of the Barbarian Il'yinsky. 1930th, Scientific archive of Institute of archeology National academy of Sciences of Ukraine

С мая 1943 г. работала первым секретарем Варнавинского РК ВЛКСМ.

В декабре 1943 г. была направлена в распоряжение комсомола Украины для работы в освобожденных от оккупации районах. Киевским областным комитетом ЛКСМУ направлена на работу в качестве первого секретаря Кагановического (ныне Московского) РК ЛКСМУ в г. Киев. В декабре 1944 г. (то есть через год! — С. С.) была переведена на работу в аппарат обкома комсомола на должность зам. зав. (заместителя заведующего. — С. С.) отдела школ и пионеров.⁸ В октябре 1944 г. В. А. Ильинская стала членом КПСС.

Таким образом, перед молодой энергичной женщиной, имеющей историческое образование и уже основательный опыт работы с молодежью, открывалась вполне заманчивая перспектива карьерного роста в комсомоле.

Однако В. А. Ильинская распорядилась своей судьбой по-иному.

⁸ Из автобиографий В. А. Ильинской в личном деле (Научный архив ИА НАН Украины, д. № 50/1979).

Рис. 2. В.А. Ильинская.

Фото конца 1940-х гг., архив Н.А. Гаврилюк

Fig. 2. V.A. Il'insky. A photo of the end of 1940th. N.A. Gavriljuk's archive

Еще работая в Киевском обкоме комсомола, 15 января 1945 г., она написала заявление на имя и.о. директора Института археологии АН Украины члена-корреспондента Л. М. Славина с просьбой допустить ее к сдаче экзаменов в аспирантуру института. При этом она подчеркивала следующее: «Война прервала мою учебу и работу по специальности. Однако я горячо желаю продолжить учебу, а затем работать в области археологии, специализируясь по скифо-сарматскому периоду».⁹ Итак, научные интересы были сформулированы четко и однозначно.

С 1 июня 1945 г. В. Ильинская была принята временно (сроком на 2,5 месяца) на работу в Институт археологии АН УССР на должность млад-

⁹ Документы о работе археологической экспедиции на территории Никопольского и Чкаловского р-нов Днепропетровской обл., Каменского, Ивановского, Белозерского р-нов Запорожской обл. // Центральный научный архив НАН Украины, оп. 1, д. 24, л. 16, 24.

шего научного сотрудника в Отдел археологии скифо-сарматских племен и греческих городов, а в октябре, успешно сдав экзамены, была зачислена в аспирантуру института. Тема диссертации ей была утверждена следующая — «Памятники скифского времени Посулья». Руководителем В. А. Ильинской стал известный ленинградский ученый, профессор М. И. Артамонов.

Однако следует подчеркнуть, что еще до поступления в аспирантуру с самого начала работы в Институте археологии В. А. Ильинская активно включилась в полевые археологические исследования. С середины июля 1945 г., на 2,5 месяца, она поехала в Никопольскую экспедицию, созданную Институтом археологии АН УССР, Институтом истории материальной культуры, Московским музеем изобразительных искусств, Московским и Киевским университетами.¹⁰ Руководил экспедицией уже упоминавшийся известный московский скифолог, профессор Б. Н. Граков. Экспедиция осуществляла раскопки скифского Каменского городища, скифских курганов вблизи Никополя, обследования многих памятников скифского времени на территории между Никополем и Запорожьем. В этой экспедиции работали сотрудник отдела Е. Ф. Покровская и молодые московские археологи А. И. Мелюкова и И. В. Яценко, которые с годами стали известными специалистами в области скифоведения. Впоследствии с ними В. А. Ильинскую свяжет многолетняя дружба.

В аспирантские годы В. Ильинская проявила себя не просто «способным и быстро растущим молодым исследователем»,¹¹ как сказано в архивных документах, но и активным археологом-полевиком. С 1946 г. она уже самостоятельно руководила полевыми работами по изучению памятников скифского времени Левобережья — в бассейне р. Сула, то есть на территории, древности которой были основным объектом ее диссертационного исследования. На первых порах (1946 г.) она являлась начальником Верхнесульского отряда Посульской экспедиции,¹² а в 1947–1948 гг. — начальником Посульской экспедиции. В ходе обширных разведок ею были обследованы огромные курганы

¹⁰ Там же.

¹¹ Из характеристики, написанной в 1948 г. Л. М. Славиним. Личное дело В. А. Ильинской // Научный архив ИА НАН Украины, д. № 50 /1979.

¹² Протокол № 17 заседания Отдела скифо-античной археологии от 13.02.1947 г. (Протоколы заседаний сотрудников Отдела археологии скифо-сарматских племен и античных городов // Центральный научный архив АН УССР, оп. 1, д. 53, л. 4, 5).

Посулья, откорректированы снятые ранее планы нескольких курганных могильников, осмотрено значительное число городищ, в частности Глинское, Свиридовское, Сухонососовское, Хатцовское. На ряде из них был обнаружен материал скифского времени. В 1947 г. были начаты раскопки Басовского городища скифского времени. Данные этих исследований легли в основу первых научных статей В.А. Ильинской (*Ильинська*, 1949. С. 139–148; 1952. С. 34–42).

В октябре 1948 г. В. А. Ильинская окончила аспирантуру (рис. 2), представив диссертацию, и была принята на должность младшего научного сотрудника в Отдел скифо-сарматских племен и греческих городов. В июне 1949 г. в Ленинградском отделении ИИМК ею успешно была защищена кандидатская диссертация (*Ильинська*, 1950. С. 184–191).

Но еще до окончания аспирантуры в жизни Варвары Ильинской произошло важнейшее, можно сказать — знаковое событие. Ее деятельная натура стремилась к новым горизонтам, и весной 1948 г. она воспользовалась возможностью поехать в экспедицию в Узбекистан и оказалась на раскопках Самарканда. Именно там 17 марта 1948 г. состоялось знакомство молодой украинской аспирантки и уже достаточно известного ар-

хеолога, энергичного исследователя среднеазиатских древностей и древнего Самарканда в частности, бывшего фронтовика, Алексея Ивановича Тереножкина (Из жизни Алексея Тереножкина, 2006. С. 59). Не исключено, что у Варвары Ильинской могло быть рекомендательное письмо к А. И. Тереножкину, написанное Б. Н. Граковым. Дело в том, что Б. Н. Граков, в Никопольской экспедиции которого Варвара Ильинская работала в течение летнего полевого сезона 1945 г. (о чем уже шла речь ранее), и А. И. Тереножкин были хорошо знакомы: по Москве, где Алексей Иванович проживал, учился и работал в 1928–1938 гг., участию в археологических исследованиях под руководством Б. Н. Гракова в 1933 г. в Приуралье (*Скорый*, 2007. С. 3–4) и в Нижнем Поднепровье в 1938 г. (*Кривцова-Гракова*, 1962. С. 5). К моменту их встречи за спиной А. И. Тереножкина были не только открытие великолепных среднеазиатских древностей, но и опаленные войной годы, в целом весьма не устроенная личная жизнь, двое детей от первого брака.

Но, вероятно, само Провидение свело этих двух талантливых людей, в судьбе которых было уже достаточно горечи и потерь. Варвара Андреевна Ильинская стала наибольшей любовью в жизни А. И. Тереножкина, женой и верным соратни-

Рис. 3. Семейное фото: сидят (слева направо) — А.И. Тереножкин, В.А. Ильинская, Андрей Ильинский, В.В. Ильинская (мать Варвары Андреевны); стоят — Дмитрий и Елена (дети от первого брака А.И. Тереножкина). Фото начала 1950-х гг., архив А.А. Ильинского

Fig. 3. Family photo: sit (at the left to the right) — A.I. Terenozhkin, V.A. Ilinskaja, Andrey Ilinsky, V.V. Ilinsky (mother Barbarians of Andreevny); stand — Dmitry and Elena (children from A.I. Terenozhkina's first marriage). Photo of the beginning of 1950th, archive A.A. Ilinsky

ком. Ей удалось убедить Алексея Ивановича заняться украинской археологией. В декабре 1948 г. А. И. Тереножкин переехал в Киев.

Вскоре после защиты кандидатской диссертации, в июле 1949 г., в семье А. И. Тереножкина и В. А. Ильинской родился сын Андрей.

Жизнь налаживалась, зарубцовывались раны, нанесенные войной. У Варвары Андреевны были любимые работа, муж. Она вновь познала счастье материнства (рис. 3).

После защиты кандидатской диссертации древности скифской эпохи Днепровского Левобережья по-прежнему остаются в сфере научных интересов В.А. Ильинской, но значительно расширяется их территориальный охват, распространяясь уже на всю Левобережную Лесостепь (рис. 4). В эти годы исследовательница не только публикует результаты своих разведок и раскопок, но и вводит в науку, творчески осмысливая, материалы исследований ряда дореволюционных археологов в Днепровском Левобережье (*Ильинская*, 1951. С. 196–215; *Ильинская*, 1954а. С. 24–41; 1954б. С. 66–70). Практически одновременно предпринимаются попытки выяснения генетической основы для древностей скифской поры в этом регионе, что было сопряжено с изучением памятников поздней бронзы (*Ильинская*, 1957. С. 50–64; *Ильинская*, 1959. С. 80–84) — в конечном счете позже это привело к выделению новой культуры эпохи поздней бронзы — бондарихинской (*Ильинская*, 1959. С. 80–84; 1961. С. 26–45), что позволило ей поставить проблему генезиса южновосточной культуры раннего железного века (*Ильинская*, 1969. С. 85–102). Ею критически рассматриваются существующие концепции о происхождении культур раннего железного века в Левобережной Лесостепи (*Ильинская*, 1950. С. 142–146; 1955) и дается собственное видение этой проблемы (*Ильинская*, 1957а. С. 14–27), предлагаются решения отдельных дискуссионных вопросов этнической географии Скифии — соотнесение древностей скифской поры отдельных регионов Лесостепи с нескифскими племенами Геродота, в частности — скифами-пахарями и будинами (*Ильинская*, 1951. С. 196–212); к этой проблеме она будет обращаться и позже (*Ильинская*, 1970. С. 23–39). По большому счету, в это время шло очень интенсивное наращивание ею знаний по археологии раннего железного века, в первую очередь — лесостепного региона, что в конечном счете привело к вполне обоснованному выбору темы будущей докторской диссертации. С 1956 г. В. А. Ильинская начала работать над переходящей темой «Скифский пе-

риод в Левобережной Лесостепи», которая затем оформилась в диссертационное исследование «Скифский период в Днепровском Лесостепном Левобережье», блестяще защищенное ею в Москве в Институте археологии АН СССР в мае 1971 г. (*Ильинская*, 1971а). защите диссертации предшествовала публикация обобщающей монографии В. А. Ильинской «Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья», в немалой степени аккумулировавшей знания исследовательницы по указанной проблеме и принесшей ей широкую известность (*Ильинская*, 1968).

Однако до этого триумфального события, к которому В. А. Ильинская шла в течение 15 лет, в ее научной жизни был еще ряд важнейших вех, в том числе участие в подготовке специалистами Института археологии АН УССР обобщающих трудов по археологии и древней истории Украины. Первым таким трудом явились «Нариси стародавньої історії УРСР» (Київ, 1957). Идея написания фундаментальной работы по итогам изучения древней истории и археологии Украинской ССР появилась в институте еще в конце 40-х гг., однако опыта создания подобных трудов у украинских археологов еще не было. Поэтому работа продвигалась медленно. Ставший во главе отдела в 1949 г. А. И. Тереножкин прилагал немало стараний для концентрации усилий сотрудников, работающих над разделами данной работы. В статьях, посвященных истории Отдела скифо-сарматской археологии (с 1968 г. — Отдела археологии раннего железного века), уже уделено внимание этому периоду в жизни отдела (*Скорый*, 2005. С. 4–5; *Скорый*, 2005. С. 252–253). В. А. Ильинская явилась одним из наиболее активных и продуктивных авторов указанного коллективного труда института. С 1953 по 1956 г. она написала ряд глав по истории и культуре скифов, а именно: скифы-кочевники, племена Левобережной Лесостепи, общественный строй скифов, скифское царство в Крыму и на Нижнем Днепре (*Ильинская*, *Тереножкін*, 1957). Понятно, что написание таких разделов требовало хорошего знания проблематики, далеко выходящей за пределы Лесостепной Скифии.

В ходе работы над «Очерками древней истории УССР» В.А. Ильинской был приобретен необходимый опыт и значительно расширены горизонты знаний, что сыграло чрезвычайно важную положительную роль при ее участии в создании в 1960-е гг. следующего фундаментального трехтомного труда — «Археології Української РСР». Основной раздел второго тома «Скіфський період»

Рис. 4. Вблизи Суботовского городища. Слева направо: Н.Г. Елагина, А.И. Тереножкин, В.А. Ильинская, Б.Н. Граков.

Фото 1950-х гг., архив В.Г. Петренко.

Fig. 4. Near the Subotovskiy site of ancient settlement. From left to right: N.G. Elagina, A.I. Terenozhkin, V.A. Ilinskaja, B.N. Grakov.

Photo of 1950th, V.G. Petrenko's archive

был написан В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным (*Ильинська, Тереножкін*, 1971. С. 8–180). Позже этот труд был издан на русском языке.

К концу 1960-х гг. В. А. Ильинская по праву вошла в число наиболее крупных, признанных исследователей Скифии. Это совпало и с карьерным ростом ученого: в марте 1960 г. В. А. Ильинской было присуждено ученое звание «старший научный сотрудник», а в октябре она была переведена на должность старшего научного сотрудника Отдела скифо-сарматской археологии. Спектр научных интересов у нее — широк и разнообразен. В их числе — углубленная разработка различных категорий материальной культуры скифов (*Ильинська*, 1961а. С. 27–52; 1961б. С. 38–61; 1961в. С. 33–60; 1973. С. 13–26; *Ильинская*, 1962; 1965а; 1966. С. 152–171; 1973а. С. 42–63), изучение тех или иных аспектов изобразительного искусства скифов, в частности — такого яркого и интерес-

ного явления, каковым являлся скифский звериный стиль (*Ильинская*, 1965б. С. 206–210; 1971б. С. 64–85; 1972. С. 41–44; 1976. С. 9–29). Варвара Андреевна была блестящим знатоком скифской материальной культуры. Помнится, в свое время А. И. Тереножкин говорил мне (его аспиранту в 1980–1981 гг.) по этому поводу буквально следующее: «Покажите Варваре Андреевне любую скифскую вещь, и она тут же Вам приведет аналогии!».

Работая в этот период над вопросами, которым она посвятила годы своей научной жизни, — происхождением и этническими связями племен скифского времени Днепровского Лесостепного Левобережья, она пришла к ряду важнейших выводов, в частности — о прошлом характере населения Посульско-Донецкого региона, которое, судя по характеру материальной культуры и особенностям погребального ритуала, относилось к иранскому этносу, продвинувшемуся с юга, в от-

личие от племен бассейна Ворсклы, генезис которых был связан с племенами Днепровского Правобережья. Эти важнейшие положения были отражены в упомянутых докторской диссертации, монографии, посвященной скифскому периоду в Днепровском Лесостепном Левобережье (1968), в разделе «Скіфський період» второго тома «Археології Української РСР», ряде последующих работ.

В начале 1970-х гг. в сферу научных интересов В. А. Ильинской попадает пласт архаических погребальных памятников, концентрирующихся в южной части Правобережной Лесостепи — бассейне р. Тясмин. Их изучение имело принципиальное значение для понимания ряда процессов, имевших место в Лесостепи Восточной Европы на заре скифской истории. Как и в случае с курганами Посулья, источник представлял собой материалы раскопок дореволюционных археологов, поэтому работа с ним требовала особой тщательности. Особое внимание при изучении памятников было уделено их хронологии (*Ильинская*, 1973б. С. 3—23). Результатом исследований нескольких лет явилась солидная монография (*Ильинская*, 1975).

Напряженную кабинетную работу В. А. Ильинская сочетала с активной полевой деятельностью. К слову сказать, активная полевая работа была характерна для В. А. Ильинской на протяжении практически всей ее жизни в науке. Свидетельство тому — в одной из последних, написанных ею автобиографий (12.11.1973 г.), где говорится о 40 экспедициях, в которых она принимала участие. В. А. Ильинская прекрасно, «вживую», знала многие памятники всего ареала скифской культуры Северного Причерноморья и по данным многочисленных разведок, и по раскопкам, осуществленным ею непосредственно или при ее участии. Помимо работ на Левобережье — Басовское городище в Посулье (*Ильинская*, 1962; 1966; *Ілїнська*, 1965), Кнышевское городище в бассейне Псла (*Ильинская*, 1957б), она, совместно с А. И. Тереножкиным и иными коллегами по отделу, принимала участие в раскопках в Днепровском Лесостепном Правобережье (поселение у с. Жаботин, курганы у с. Матусов) (*Тереножкин, Ильинская*, 1972; *Ильинская и др.*, 1980. С. 31—64). Немалый вклад внесла она также в изучение курганов северопричерноморской Степи (*Вязьмитіна и др.*, 1960. С. 22—135; *Тереножкин и др.*, 1973. С. 113—186; *Тереножкин и др.*, 1977. С. 152—199), а также Левобережной Террасовой Лесостепи, являющейся степным коридором в глубины лесостепной территории (*Ильинская*, 1966. С. 152—171).

Надо также отметить тот факт, что В. А. Ильинская в начале 1960-х гг. одна из первых в Отделе скифо-сарматской археологии осознала тот факт, что для успешного исследования истории Скифии необходимо возобновить раскопки курганов скифской элиты, высказав этот тезис на одном из заседаний отдела (*Скорий*, 2005. С. 8; *Скорий*, 2005. С. 256).

Последняя экспедиция, в которой принимала участие В. А. Ильинская совместно с А. И. Тереножкиным и Б. Н. Мозолевским, состоялась в 1974 г. на Черкасщине. Исследование ряда курганов близ с. Матусов, в том числе Репяховатой и Захарейковой Могили, дало блестящие результаты (*Ильинская и др.*, 1980).

Однако с начала 1970-х гг. у В. А. Ильинской, которая до этого отличалась «железным» здоровьем, резко сдало сердце, подорванное в годы войны. В 1974 г. случился инсульт.

И в эти нелегкие для нее годы В. А. Ильинская вместе с А. И. Тереножкиным приступила к написанию фундаментального исследования, подводящего итоги изучения Скифии несколькими поколениями специалистов, исследования, в котором были бы отражены современные представления о скифской истории и культуре. Без преувеличения можно сказать, что эта работа была ее заветной мечтой (Памяти Варвары Андреевны Ильинской, 1981. С. 317). В эти годы, летом, А. И. Тереножкин и она снимали полдома в дачной местности Коржи, восточнее Фастова, среди сосновых лесов. Здесь ей работалось особенно хорошо.¹³ Варвара Андреевна старалась больше ходить, проводить время на свежем воздухе, чтобы восстановить здоровье. В первой половине 1979 г. работа над рукописью «Большой Скифии» (а так первоначально называлась монография) была завершена. К сожалению, ни ей, ни А. И. Тереножкину увидеть изданной книгу «Скифия VII—IV вв. до н. э.» (*Ильинская, Тереножкин*, 1983) не удалось. Позже эту фундаментальную монографию по праву назовут «энциклопедией современного скифоведения» (*Яковенко*, 1987. С. 7), и она станет настольной книгой для всех специалистов, работающих в области археологии раннего железного века.

Одним из мажорных и важных событий последних лет жизни В. А. Ильинской явилось признание ей в числе иных авторов, написавших трехтомную «Археологію Української РСР», высокого звания лауреата Государственной премии Украины (1977).

¹³ Из воспоминаний С. С. Бессоновой.

Несмотря на ухудшившееся здоровье, В. А. Ильинская старалась по-прежнему активно заниматься наукой и общественными нагрузками (она являлась членом Ученого совета института, Полевого комитета, наставником молодых ученых).

Скончалась В. А. Ильинская 11 декабря 1979 г. в Киеве, в Республиканской больнице ученых, в возрасте 59 лет, от сердечной недостаточности.¹⁴

Очень не хочется оканчивать эту юбилейную статью на столь грустной ноте. А потому приведу несколько штрихов к образу В. А. Ильинской из воспоминаний людей, тесно общавшихся с ней на протяжении того или иного времени. Ведь была она не только одним из ведущих скифологов, но и весьма яркой, интересной личностью. По мнению ряда коллег, Варвара Андреевна производила впечатление человека строгого, зачастую бескомпромиссного. К слову сказать, с первого момента знакомства с ней, осенью 1979 г., она показалась мне именно такой. Но эта внешняя строгость у нее удивительно сочеталась с чрезвычайной эмоциональностью и почти молодым задором. «Ее всегда переполняли всякие идеи из всех гуманитарных областей — от кинематографа... до археологии. Она ими увлекалась и очень гордилась, глаза сияли».¹⁵ Любила и знала литературу, особенно поэзию. Отдавала предпочтение поэтам серебряного века, в частности А. Ахматовой. Однако с уважением относилась, например, и к стихам В. Маяковского, нередко с удовольствием цитируя те или иные его строки, о чем мне в свое время поведал Б. Н. Мозолевский. Пробовала сама писать прозу, сценарии фантастических фильмов, для «собственного употребления». Глаза перед «обнародованием» таких произведений хитро блестели, а чтение сопровождалось ремарками: «Правда, замечательно! Похвали меня!».¹⁶

Из «официальных» учеников у нее был лишь аспирант В. Ю. Мурзин. Однако темы кандидатских диссертаций, зачастую весьма сложные, ряду известных ныне специалистов-скифологов (например, С. С. Бессоновой, Н. А. Гаврилюк, которые были аспирантами А. И. Тереножкина) были предложены именно ею. При этом «Варвара Андреевна придерживалась точки зрения — только

человек, „влезший в аспирантский пиджачок”, способен „провернуть” ту работу, на которую потом не отважится».¹⁷ Сама В. А. Ильинская отличалась редкой трудоспособностью и организованностью, строго соблюдала дома рабочий график.

Квартира А. И. Тереножкина — В. А. Ильинской всегда была открыта для коллег, в том числе — зарубежных. Варвара Андреевна была очень гостеприимна, никогда и никого не отпускала из своего дома, не покормив чем-нибудь вкусным и основательным. Как пример, можно привести следующий эпизод: «Помню приход к шефам Э. А. Сымоновича — красивого, с седой гривой волос и с огромным букетом белых хризантем: „Варя, голодный — ничего не ел — знал — все равно кормить будешь”».¹⁸

Строгость по отношению к Алексею Ивановичу сочеталась у нее почти с материнской заботой о нем. «Очень трогательно было наблюдать ее отношение к мужу, как она любовалась им, купив ему обновку («правда, же Алеша такой красивый?»»)¹⁹

Любила все живое, не признавала срезанных цветов. И людей Варвара Андреевна Ильинская любила «солнечных», по ее выражению, то есть согревающих других. Именно таким человеком была она сама, оставив столь яркий след о себе в нашей благодарной памяти!

Вязьмитина и др., 1960 — Вязьмитина М. І., Іллінська В. А., Покровська Є. Ф., Тереножкін О. І, Ковпаненко Г. Т. Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу «Аккермень» // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1960. Т. 8.

Из жизни Алексея Тереножкина, 2006 — Из жизни Алексея Тереножкина. Написано его рукой, собрано его сыном. Киев, 2006.

Іллінська, 1949 — Іллінська В. А. Розвідка пам'яток скіфського часу на Посуллі (1946) // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1949. Т. 2.

Іллінська, 1950 — Іллінська В. А. Пам'ятки скіфського часу на Посуллі // Археологія. Київ, 1950. Т. 4.

Іллінська, 1951 — Іллінська В. А. Курган Старша Могила — пам'ятка архаїчної Скіфії // Археологія. Київ, 1951. Т. 5.

Іллінська, 1952 — Іллінська В. А. Верхньосулська експедиція 1947 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1951. Т. 4.

Іллінська, 1957 — Іллінська В. А. Нові дані про пам'ятки доби бронзи в Лівобережному Лісостепу // Археологія. Київ, 1957. Т. 10.

Іллінська, 1961a — Іллінська В. А. Скіфські сокири // Археологія. Київ, 1961. Т. 12.

Іллінська, 1961b — Іллінська В. А. Скіфська вузда VI ст. до н.е. (за матеріалами Посулля) // Археологія. Київ, 1961. Т. 13.

¹⁴ Позже А. И. Тереножкин говорил мне, что Варвару Андреевну «погубила Большая Скифия», имея в виду ее крайне напряженную работу над книгой. По прошествии времени, думаю, что в сказанном есть резон. По-видимому, ей подобные нагрузки были уже противопоказаны.

¹⁵ Из воспоминаний Н. А. Гаврилюк.

¹⁶ Из воспоминаний Е. П. Бунятян.

¹⁷ Из воспоминаний С. С. Бессоновой.

¹⁸ Из воспоминаний Н. А. Гаврилюк.

¹⁹ Из воспоминаний В. Н. Корпусовой.

- Ильинская*, 1961в — *Ильинская В. А.* Про скифські навершники // *Археологія*. Київ, 1961. Вип. 15.
- Ильинская*, 1965 — *Ильинская В. А.* Басівське городище // *Археологія*. Київ, 1965. Т. 18.
- Ильинская*, 1970 — *Ильинская В. А.* Андрофаги, меланхлени, будини або скифи? // *Археологія*. Київ, 1970. Т. 23.
- Ильинская*, 1973 — *Ильинская В. А.* Бронзові наконечники так званого жаботинського і новочеркаського типів // *Археологія*. Київ, 1973. Вип. 12.
- Ильинская, Тереножкін*, 1957 — *Ильинская В. А., Тереножкін О. І.* Племена скифського періоду // *Нариси стародавньої історії УРСР*. Київ, 1957
- Ильинская, Тереножкін*, 1971 — *Ильинская В. А., Тереножкін О. І.* Скифський період // *Археологія Української РСР*. Київ, 1971. Т. 2.
- Ильинская*, 1950 — *Ильинская В. А.* По поводу так называемой зольничной культуры // *Краткие сообщения ИИМК*. М.; Л., 1950. Т. 34.
- Ильинская*, 1951 — *Ильинская В. А.* О скифах-пахарях и будинах Геродота // *Краткие сообщения ИИМК*. М.; Л., 1951. Т. 40.
- Ильинская*, 1954а — *Ильинская В. А.* Курганы скифского времени в бассейне реки Сулы (раскопки И. А. Линниченко) // *Краткие сообщения ИИМК*. М.; Л., 1954. Т. 44.
- Ильинская*, 1954б — *Ильинская В. А.* Из неопубликованных материалов скифского времени памятников на Посулье // *Краткие сообщения Института археологии АН УССР*. 1954. Вип. 3.
- Ильинская*, 1955 — *Ильинская В. А.* О происхождении культур раннего железного века в Лесостепном Левобережье // *Краткие сообщения Института археологии АН УССР*. 1955. Вип. 4.
- Ильинская*, 1957а — *Ильинская В. А.* О происхождении культур раннего железного века на левобережье Среднего Днепра // *Краткие сообщения ИИМК*. М.; Л., 1957. Т. 70.
- Ильинская*, 1957б — *Ильинская В. А.* Памятники скифского времени в бассейне р. Псел // *СА*. 1957. Т. 27.
- Ильинская*, 1959 — *Ильинская В. А.* Раскопки поселения бондарихинской культуры у с. Оскол // *Краткие сообщения Института археологии АН УССР*. 1959. Вип. 8.
- Ильинская*, 1961 — *Ильинская В. А.* Бондарихинская культура бронзового века // *СА*. 1961. № 1.
- Ильинская*, 1962 — *Ильинская В. А.* Позднескифский слой Басовского городища // *Краткие сообщения Института археологии АН УССР*. 1962. Вип. 11.
- Ильинская*, 1965а — *Ильинская В. А.* Культовые жезлы скифского и предскифского времени // *Новое в советской археологии*. М., 1965.
- Ильинская*, 1965б — *Ильинская В. А.* Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // *СА*. 1965. № 1.
- Ильинская*, 1966 — *Ильинская В. А.* Скифские курганы у г. Борисполя // *СА*. 1966. № 3.
- Ильинская*, 1968 — *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.
- Ильинская*, 1969 — *Ильинская В. А.* Некоторые вопросы генезиса юхновской культуры // *СА*. 1969. № 2.
- Ильинская*, 1971а — *Ильинская В. А.* Скифский период в Днепровском Лесостепном Левобережье: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1971.
- Ильинская*, 1971б — *Ильинская В. А.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // *СА*. 1971. № 2.
- Ильинская*, 1972 — *Ильинская В. А.* Образ коня и быка в раннескифском искусстве // *Тезисы докладов III Всесоюзной конф. по вопросам скифо-сарматской археологии (скифо-сибирский «звериный» стиль)*. М., 1972.
- Ильинская*, 1973а — *Ильинская В. А.* Скифская узда IV в. до н. э. // *Скифские древности*. Киев, 1973.
- Ильинская*, 1973б — *Ильинская В. А.* Относительная хронология раннескифских курганов бассейна р. Тясмин // *СА*. 1973. № 3.
- Ильинская*, 1975 — *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975.
- Ильинская*, 1976 — *Ильинская В. А.* Современное состояние проблемы скифского звериного стиля // *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. М., 1976.
- Ильинская и др.*, 1980 — *Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкін А. И.* Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // *Скифия и Кавказ*. Киев, 1980.
- Ильинская, Тереножкін*, 1983 — *Ильинская В. А., Тереножкін А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.
- Кривцова-Гракова*, 1962 — *Кривцова-Гракова О. А.* Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // *Памятники скифо-сарматской культуры*. М., 1962 (МИА. № 115).
- Мельниковская*, 2007 — *Мельниковская О. Н.* Судьба моя — счастливица. М., 2007.
- Нариси стародавньої історії УРСР*. Київ, 1957.
- Памяти Варвары Андреевны Ильинской*, 1981 — *Памяти Варвары Андреевны Ильинской* // *СА*. 1981. № 2.
- Скорий*, 2005 — *Скорий С. А.* Відділ скифо-сарматської археології: історія, підсумки, перспективи // *Археологія*. Київ, 2005. № 1.
- Скорий*, 2007 — *Скорий С. А.* Олексій Іванович Тереножкін — видатний археолог ХХ ст. (до 100-річчя від дня народження) // *Археологія*. Київ, 2007. № 4.
- Скорий*, 2005 — *Скорий С. А.* 60 лет Отделу скифо-сарматской археологии Института археологии НАН Украины: история, итоги, перспективы // *Археологические вести*. СПб., 2005. № 12.
- Тереножкін, Ильинская*, 1972 — *Тереножкін А. И., Ильинская В. А.* Отчет о раскопках поселения на Тарасовой Горе и Субботовском городище // *Научный архив ИА НАН Украины*, д. 1972/15.
- Тереножкін и др.*, 1973 — *Тереножкін А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы Никопольщины // *Скифские древности*. Киев, 1973.
- Тереножкін и др.*, 1977 — *Тереножкін А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н.* Скифский курганный могильник Гайманово Поле (раскопки 1968 г.) // *Скифы и сарматы*. Киев, 1977.
- Яковенко*, 1987 — *Яковенко Э. В.* Энциклопедия современного скифоведения // *Киммерийцы и скифы: Тезисы докладов Всесоюзного семинара, посвященного памяти А. И. Тереножкина*. Кировоград, 1987. Ч. 1.

Жизнь человека: Пскович Юрий Павлович Спегальский и его Отечество (к 100-летию со дня рождения)

Вал. А. Булкин, О. В. Овсянников¹

«А мне бы снилось приволье былое, земля родная Псковская, Псков-река по камешкам журчащая, старинный дом, тихий наш старый сад, снились бы старые друзья каменщики да каменная работа».

Ю. П. Спегальский, фрагмент надписи на завесе опочивальной, 1958 г.

Крест был большой, кряжистый, с широко раздвинутыми лопастями перекрестия, и, казалось, он совсем не хочет устремиться вверх, а желает остаться поближе к этой покрытой белым саваном-снегом земле. «Псковский крест», — говорили в притихшей толпе, сжавшейся и от страшно-го мороза, и от горя.

В тот морозный день 19 января 1969 г. могильный крест, сооруженный по старинному псковскому обычаю, поставили на груде комьев замерзшей желтой глины, среди венков и цветов — здесь нашел упокоение коренной пскович Юрий Павлович Спегальский (рис. 1, 2). У этого креста-перекрестка, как многим казалось, разминулись навсегда две его жизненные дороги: прежняя и нынешняя.

Рядом стояла жена, ставшая теперь вдовой, Ольга Константиновна Аршакуни, у которой тоже разошлись две ее жизненные дороги, но которая уже твердо и ясно определила, какой нелегкой, но единственно приемлемой для нее будет новая стезя. И опять их новые судьбы будут, как и прежде, неразрывно связаны между собой сначала более чем на 22 года, а потом навсегда....

3 июня 1909 г. в Пскове, в семье Ольги Михайловны (урожденной Печенко) и Павла Констан-

тиновича Спегальских родился сын Юрий, при крещении в церкви Георгия на Взвозе получивший имя Георгий.

Первые запомнившиеся впечатления детства — большой старинный дом с садом. Стол отца. На столе краски, карандаши, чертежные и рисовальные принадлежности. И все это можно брать в руки, можно рисовать красками, карандашами, трогать инструменты отца, мять в слабых детских руках теплую вязкую глину.

Память об отце... Позднее Юрий Павлович напишет в автобиографии в 1959 г.: «Отец был рабочим строителем (лепщиком)». Конечно, Павел Константинович был не просто строительным рабочим — он являлся высококвалифицированным мастером. Его ищущей творческой натуре не чужда была самостоятельная работа художника и проектировщика. Известно, что первоначальная лепка на здании нынешнего драматического театра им. А. С. Пушкина в Пскове выполнена Павлом Константиновичем Спегальским. Сохранился проект бани, выполненный им акварельными красками. Сам Юрий Павлович говорил, что ему известно не одно здание в Пскове, которое декорировал его отец. Образ отца воплотил самое светлое и доброе. Не очень ясные, отрывочные воспоминания об этом человеке позволяли тем не менее Ю. П. Спегальскому всю жизнь считать отца «самым лучшим из всех людей на свете». Образ отца прочно слился в детской памяти с задорной работой каменщика. Даже испачканные известью фартуки и инструменты возбуждали у подростка

¹ Булкин Вал. А. — Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., д. 5. СПбГУ. Исторический факультет.

Овсянников О. В. — сотрудник Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН.

© Вал. А. Булкин, О. В. Овсянников, 2011

воспоминания об отце. Не потому ли работа каменщика стала для Юрия Павловича, как он говорил, не только его «первым университетом, но и своего рода священнодействием на всю жизнь»?

Павел Константинович уехал и не вернулся в свой старинный дом в Пскове — он умер в Челябинске в 1919 г. Потом в доме поселился другой мужчина. Между отчимом и пасынком сложились трудные отношения. Обостренная память подростка с неумолимой жестокостью противопоставляла обыденности и размеренности жизненного бытия отчима-врача романтический образ отца-художника? Сцена объяснения с отчимом была бурной, и подросток ушел из дома... Он унес с собой не только воспоминания об отце, но и его инструменты и рисунки. Эти вещи стали его «наследством». В автобиографии Юрия Павловича это событие обозначено кратко: «После того, как мать вторично вышла замуж, примерно, в 1925 году, я начал жить самостоятельно, работая каменщиком и одновременно учась в школе». Спегальский поселяется, если можно так сказать, в руинах старинного каменного дома XVII в. — «дома Печенко», убрав строительный мусор и отремонтировав одну из комнат.

Поражает зрелость 16-летнего юноши: он твердо знает, чего хочет (быть похожим на отца), какого рода деятельность его влечет (строителя) и что он любит (Псков). Можно полагать, что именно в те ранние нелегкие для него годы закладывались основные черты Спегальского как сильной, целеустремленной, высокодуховной личности. Да, поражает, как среди жизненных передряг, материальных лишений и неустроенности бытия он научился быть скромным и возвышенным! Четко определен нравственный идеал. Для Юрия Павловича — это прежде всего человек труда. Вот они, псковские каменщики: крепкие, уверенные в себе; в рабочих фартуках, за опояски засунуты лопаточки-мастерки и кирочки — молоточки для отсеки камня. Такими видит их Ю. П., описывая живописное произведение кисти Л. К. Плахова «Портрет каменщика»: «Веселая улыбка на губах и в глазах, лицо спокойное, даже чуть-чуть насмешливое. В глазах какое-то сознание своего превосходства. Смышленость и ясность ума, бодрость и здоровье, общительность и добродушие, умение постоять за себя, смелость, прямота — все это так и написано на его лице». Работа каменщика приносила моральное удовлетворение, она же давала и средства к самостоятельной жизни. Из записей: «1927 г. — поступление в артель Колышкина; К. объясняет, как класть портал». Можно

предполагать, что, работая в артели Василия Лаврентьевича Колышкина, Спегальский постиг свои первые «строительные университеты». А рядом лежал величавый старинный Псков — город, который останется для Юрия Павловича на всю жизнь самым любимым на всем белом свете.

В 1925 г. Спегальский впервые провел раскопки, в буквальном смысле этого слова, в «доме Печенко» и нашел много изразцов XVII в. Любовь к псковской старине все больше захватывает юношу. Уже в 1927 г. при школе № 1 второй ступени в Пскове действует организованный им ученический кружок краеведения, в котором Спегальский делает доклады по материальным памятникам Пскова. Один из докладов был взят для опубликования в сборник Псковского общества краеведения — «Познай свой край» (вып. 3). Результаты первой самостоятельной исследовательской работы произвели на юношу сильное впечатление. Выбранные из строительного мусора фрагменты старинных псковских печных изразцов казались «окнами» в давно ушедший мир. В 1927–1929 гг. Ю. П. Спегальский работал каменщиком на строительстве Псковской ТЭЦ.

Сны и письма — они, словно второе наше «я», неотступно следуют за нами на протяжении всей нашей жизни, напоминая о том, что уже навсегда ушло в небытие... Ведь и упоминания Юрия Павловича — ... «старинный дом, тихий наш старый сад...» — ностальгия по детству в родном доме — «доме Печенко».

Письма... Мы еще часто будем обращаться к письмам Юрия Павловича — письмам умным и страстным, порой печальным и нежным, а то и насмешливым, ибо в письмах раскрылись те стороны его личности, о которых со стороны трудно было догадаться.

15.01.1967 г. (из письма к Ю. И. Бродскому, другу детства):

«Сегодня мне снился сон, очень-очень яркий, а самое главное такой, о каком я мечтал уже много лет, — приснилось, будто я забрался с какими-то еще мальчишками в заброшенное строение XVII века и в развороченной стене нашел набросанные внутрь стены, в кладку, как мусор для заполнения, изразцы XVII века и даже посуду. Там была даже расписная бутылка. Я с жадностью вынимал эти драгоценности, а в голове была только одна мысль — как бы не упустить чего, не забыть какого-либо рисунка, не оставить чего-либо, не забыть подмеченной связи между разными кусками. Утром я стал думать и пришел к заключению, что те дни лета 1925 года, когда я выкапывал обломки печи внизу „дома Печен-

ко”, и некоторые дни лета 1926 года, когда я охотился за такими обломками, клеил их и рисовал, — были счастливейшими днями моей жизни, и это, конечно, не просто потому, что мне было интересно это занятие, как какая-то игра. Очевидно, это занятие оказалось именно тем, что глубоко соответствовало всей моей натуре».

Ю. П. самостоятельно пришел уже в те годы к мысли о необходимости углубленного натурального исследования памятников псковской старины. В том же письме он писал далее:

«Все же перебирать старые рисунки и чертежи — это не то, что вынимать черепки на месте, искать их, исследовать здания в натуре, ощупывать старые стены, находя их остатки и детали утерянных частей. В рисунках уже не найдешь ничего неожиданного, такого, что повело бы мысль в совсем новую сторону, не найдешь чего-то совершенно нового, о чем не мог и подразумевать. А в натуре — всегда можно, и именно это придает особенный интерес и вкус работе настоящего исследователя. Исследование памятников можно уподобить чтению книги...».

Но ведь это те же самые ощущения жизни, впечатления от псковской старины, которые так эмоционально и подробно описывал Ю. П. своему другу (адресат тот же!) 37 лет назад — в 1930 г.:

«Я ничего не делаю. Летом не вставил стекла в своей комнате, не починил двери, теперь страдаю от своей дурости. В голове сумбур от наплыва псковских впечатлений. Целую тучу чувств навеивает каждый раз Псков. Видно, я по гроб так и останусь псковским патриотом. После Ленинграда меня привел в умиление мягкий псковский ветерок и пушистый снег, покрывший все здоровым слоем. Никогда не представлял, с каким удовольствием можно лезть по снежным сугробам. Но самое ценное для меня — это псковские рынки и ярмарки! Большой псковский рынок, деревянная или конная ярмарка — это зрелище, которое для меня в тысячу раз сильнее лучшей картины Рериха. Общая картина замечательная. Детали попадают тоже интересные. Расписная посуда, сундуки, попоны, кафтаны, рукавицы, пояски и прочее! Черт знает, какие стильные есть вещи, целый ходячий музей. Если бы изучить досконально хоть один большой псковский рынок, то материал остался бы незаменимым! А сколько этих рынков в году?!».

Он ошеломлен этим настоящим «хороводом» народного творчества, глубины которого постепенно открывались ему во многом. Он запоминает узоры рукавиц и поясков («Зарисовал по памяти больше 25 узоров рукавиц»), сожалеет, что не

Рис. 1. Ю. П. Спегальский.

Рисунок О. В. Овсянникова. 1968 г.

Fig. 1. Yu. P. Spiegalsky.

Drawing by O. V. Ovsyannikov. 1968

может сфотографировать и части увиденного. Мечтает о том, что сделает росписи в «доме Печенко», в руинах которого живет:

«Обдумываю фрески. Хочу отказаться от прежних тем композиций и наполнить весь наш сводчатый зал исключительно сценами хозяйничанья Кудекушки и его компании в год его господства над Псковом.

Словом, роспись будет сделана по эскизам авторитетнейшего лица, таинственного маэстро, самого высокого знатока Пскова в прошлом, профессора псковских рукавиц, доктора расписных горшков и пр. и пр. Стиль фресок не должен расходиться с характером дома. Но сделать их „под древние фрески”, в иконном стиле было бы не только смешно, но и позорно. Все-таки не способен же я на „реставрации” в духе „реставрации XIX века”, в утвержденном русском стиле.

В композиции, рисунке, цвете, фигурах, их движениях и пропорциях, в типах лиц и архитектуре нужно найти и дать что-то существенное, характерное для Пскова. Найти существенно характер-

ные черты крестьянства, так как Кудекушкина революция была, в конце концов, крестьянской. Фрески должны сочетаться неразрывно с архитектурой всего здания и самого зала, в котором были написаны.

...Приезжай ко мне. Вставлю двойные рамы, двери закончу новые, и тогда будем населять Печенкины палаты зимой и летом... Будут к нам приезжать гости... Дивны дела твориться будут».

Тут изложена целая программа деятельности. Какое прекрасное восприятие жизни молодым человеком в 20 лет! Изложена с молодым задором и верой в то, что она обязательно будет выполнена. Несомненно, Юрий Павлович обладал ценнейшим врожденным качеством — необыкновенной остротой эмоционального восприятия, и эта острота не притупилась, не сточилась в нем на

протяжении всей его жизни — он так и не «привык» к Пскову! Этот необыкновенный город волновал, радовал, беспокоил его постоянно, наяву и во сне...

Осенью 1965 г. он напишет тому же адресату:

«Теперь уже о лени нет и речи — неделями, месяцами и годами (долгими ли?) приходится корпеть над тем, что надо сделать в жизни (и все равно — не успеешь!). Изразцы, печки, киоты, интерьеры псковских палат, книги о псковских каменщиках, о древнем русском жилище, виды древнего Пскова, картины его жизни — все это требует — сделай, сделай меня скорее, неужели ты так и уйдешь, не породив нас, не дав нам жизни? И я чувствую, что не сделать что-либо из этого — предательство с моей стороны, смертельное предательство по отношению к тому, что я люблю. И сижу. Но какой темп исполнения моих замыслов! Чтобы сделать все, нужны десятилетия!».

Первые шаги самостоятельных исследований, опьяняющий «вкус» первых, пускай еще скромных результатов, первые страницы по существу никем не прочитанной «книги» о Пскове. И опять зрелое решение: уехать на учебу, не оставаться интересующимся любителем-краеведом, а овладеть основами архитектурной науки.

Из автобиографии: «Еще в школьные годы я увлекался псковской стариной и желал в дальнейшем серьезно заняться ею, изучением и реставрацией памятников архитектуры Пскова, в 1929 г. поступил на архитектурный факультет ВХУТЕИНа (теперь — Институт им. И. Е. Репина Академии художеств СССР). В дальнейшем этот факультет был переведен в ЛИКС (теперь ЛИСИ), где я его и окончил».

Закончив курс обучения в 1935 г., Ю. П. защитил дипломную работу лишь в 1936 г. (диплом был отложен «в связи с болезненным состоянием»).

С 1933 по 1935 г. он работал в Пскове в качестве техника-смотрителя: на льночесальной фабрике, а в 1935 г. судьба заносит его далеко — в Алма-Ату, где Ю. П. трудится в проектной организации.

После защиты диплома Ю. П. начинает работу в отделе охраны памятников при Леноблисполкоме: в это время обследовал крепостные сооружения Кирилло-Белозерского монастыря, начал реставрацию Гремячей башни в Пскове (реставрационные работы в Пскове до войны проводила Ленинградская государственная инспекция охраны памятников — ГИОП). Обстановка, методы и характер реставрационных работ в Пскове в то время разочаровали его. Опыта и знаний у реставраторов было недостаточно. Работа шла из рук вон

Рис. 2. Ю. П. Спегальский.

Западная Украина. Экспедиция М. К. Каргера. 1961 г.

Fig. 2. Yu. P. Spigalsky.

West Ukraine. M. K. Karger's expedition. 1961

плохо. Памятники русской старины для Ю. П. всегда были священны. Мириться с тем, как велись реставрационные работы на Гремячей башне и в «доме Яковлева», он не хотел, и через год Спегальскому пришлось уйти.

С этого периода и до самого конца жизни Спегальского непреклонно звучит нота высокой гражданственности его позиции реставратора, ученого, художника. В 1939 г. Ю. П. обратился в Совет Народных Комиссаров с просьбой помочь ему снова стать псковским реставратором. В 1939–1940 гг. он вновь руководит реставрационными работами — на этот раз по «дому Яковлева». Снова производственный конфликт. Местное начальство опять отстраняет его от руководства реставрационными работами...

Вернувшись в Ленинград, Ю. П. работает как архитектор-реставратор и обмерщик, а с начала войны входит в группу архитекторов, которые разрабатывали проекты защиты и укрепления наиболее ценных скульптурных групп. Под руководством архитекторов Н. В. Баранова, М. В. Морозова и А. И. Наумова был разработан генеральный план маскировки Ленинграда. С. Н. Давыдову поручили руководить специальной бригадой, которая должна была маскировать высотные точки Ленинграда. В состав сформированной бригады верхолазов вошли альпинисты и архитекторы: О. Фирсов, М. Шестаков, Л. Земба, М. Бобров, Т. Визель, В. Захаров, Н. Милорадов и Ю. Спегальский. На огромной высоте ослабевшие люди стояли на шатких опорах — досках, подвешенных на веревках, специально сшитыми из мешковины чехлами укрывали купол Николы Морского, шпиль главного здания Адмиралтейства, купол Инженерного замка, шпиль колокольни Иоанна Предтечи на Лиговке и главки на Петропавловском соборе.

Из воспоминаний архитектора В. И. Пилявского:

«На территории Адмиралтейства за войну разорвалось более 70 бомб и снарядов. Группа из 16 „эксплуатационников” на ходу пыталась устранять повреждения: чинили крыши, закладывали трещины, замуровывали окна, меняли разможенные трубы. Здесь трудился молодой Дмитрий Алексеевич Соломин и выполнял каменные работы „понавыкший каменотесной хитростью” архитектор Юрий Павлович Спегальский. Юрий Павлович одновременно выполнял обязанности верхолаза: укрывал шпиль Адмиралтейства, участвовал в маскировке куполов Иоанна Предтечи на Лиговке и Михайловского замка». Эти воспо-

минания опубликованы в книге «Подвиг века» — так назывался сборник, выпущенный Лениздатом в 1969 г.

Темный, тревожный город. Первая блокадная зима. Уходят последние силы, все труднее принимать участие в верхолазных работах. Многие товарищи-верхолазы совсем ослабели... И вот Спегальский, облачившись в верхолазное снаряжение, один совершает опасный подъем на купол церкви Екатерины (на Васильевском острове) с целью устранить повреждения от прямого попадания вражеского снаряда. Метр, еще метр, отдых, еще метр... Не от высоты, а от недоедания кружится голова, ноги становятся ватными. Потом, выполнив там, наверху, работу, Юрий Павлович спустится вниз и, ослабев, упадет в снег и скажет сам себе: «Все..., верхолазные работы для меня закончились».

Зима 1941/42 г. — самая страшная. Спегальский от истощения почти не мог ходить... Но он чувствовал, что еще может рисовать! «Подробности прошлой жизни памятников, яркое представление о их былом виде, убранстве, о характере их использования, о людях, личные особенности которых отразились на их архитектуре, представления об обычаях и взглядах, выразившихся в характерных чертах отдельных памятников, — все, что дается исследованием в результате проникновения в изучаемый предмет, делает рассказ о нем (о Пскове. — В. Б., О. О.) живым и увлекательным» — так напишет Юрий Павлович позднее. А тогда, в те страшные дни борения между жизнью и смертью, родилась и была полностью осуществлена идея создания большой серии рисунков о Пскове XVII в.

В Доме архитекторов на улице Герцена в дни блокады собирались оставшиеся в живых ленинградские ученые. Приходил сюда и Ю. П. Он рисовал. Красками писать было невозможно — в нетопленной комнате вода быстро превращалась в лед. Рисовать можно было только цветными карандашами. Было плохо видно — мигалка едва едва освещала краешек стола. Замерзали руки, приходилось часто отогревать дыханием непослушные пальцы.

Это не была стилизация под старину — в его рисунках есть особого рода реализм, порожденный точным знанием и страстным желанием вдохнуть жизнь в свои реконструкции прошлого. Сквозь легкий цветовой флер проступают зыбкие, но до странности похожие «на самих себя» уголки древнего Пскова, его храмы, купеческие палаты, грозные каменные стражи — башни и стены. В этом нет

ничего мистического. Просто Ю. П. счастливо соединил в себе дар историка и поэта, внимательно-го аналитика и вдохновенного художника.

Потом, после войны, мысли Ю.П. Спегальского о Пскове, о его роли в истории русской культуры приобретут отточенную законченность:

«Псков является исключительным городом, как комплекс сохранившихся памятников русской архитектуры — и церковной, и крепостной, и гражданской — он не имеет себе равных. В изучении русской допетровской гражданской архитектуры градостроения Псков будет играть особую роль, так как он сохранил очень большое по сравнению с другими древними городами количество памятников гражданской архитектуры и до некоторой степени сохранил особенности и следы его старой планировки и композиции».

Окончится война, и древний Псков придется возрождать. Каким быть городу?

«В условиях Пскова вопрос сохранения памятников, их включения в общую композицию, в систему городских улиц, их выявления, их реставрации, их содержания в порядке неизбежно является важным для жизни города». Эти слова Юрий Павлович произнесет позднее, в докладе «По вопросу о состоянии дела охраны и реставрации памятников архитектуры в г. Пскове», сделанном в январе 1953 г. в Ленинградском отделении Союза советских архитекторов на основании проведенного им по поручению Союза обследования.

Общие контуры обширного и детального плана реставрации и музеефикации древних архитектурных памятников Пскова выкристаллизовались у Ю. П. уже к 1943 г.: «Думая о Пскове, о его восстановлении, которое должно было наступить после войны, думая об этом еще в 1941–1942 гг. и прикидывая всяческие вариации и возможности, я самостоятельно пришел не к идее, а, как так сказать, *псковскому* варианту идеи *сохранения* остатков старины в современном городе путем создания *архитектурных* заповедников».

Темный зимний вечер 1942 г. По переулку медленно, часто останавливаясь, идет человек. Адреса он уже не может вспомнить. Он идет только потому, что хочет жить и должен найти квартиру, где бывал раньше. Внутренний «компас» довел Ю. П. до знакомой двери, но постучать сил уже не было. Его давнишний приятель, известный ленинградский архитектор В. М. Савков, и его супруга много лет спустя рассказывали, что открыли дверь, услышав на площадке какой-то шорох. Они втащили замерзающего Юрия Павловича в комнату, дали ему кипятку... Жизнь продолжалась.

Из воспоминаний О. К. Аршакуни: почти в самом начале блокады она потеряла грудного ребенка — в те дни любая болезнь была равносильна смертному приговору...

«В первую блокадную зиму трагическая развязка, казалось, была для меня неминуемой. Но в конце зимы я получила возможность лечь в стационар, организованный для спасения жизни архитекторов — членов Союза архитекторов. Здание, где размещался стационар, находилось на улице Герцена, но человеку, находящемуся уже в последней стадии истощения, да еще в мороз и вьюгу трудно было до него добраться. Шла я на костылях. Ноги были в кровавых цинготных ранах, и каждый шаг причинял острую, нестерпимую боль. Не дойдя до стационара лишь каких-то пятьсот шагов, я упала и подняться уже не смогла». Ее узнала и дотащила до стационара бухгалтер Союза архитекторов Валентина Горобченко. Свободных мест не оказалось...

Тогда мужчина встал и жестом предложил свою койку, сам же собрал вещи и вышел. Через несколько часов он вернулся и сел на пол в коридоре, прислонясь головой к стене (мужчина вернулся, потому что в его квартире было так холодно, что не удавалось даже вздремнуть). Это был Юрий Павлович Спегальский. А встретились и официально познакомились они позднее, почти через полгода, и после уже не расставались. Летом 1943 г. пришло предписание отправить ленинградских архитекторов на лесозаготовки в район р. Сясь, куда добирались поездом, потом паромом и на барже. Ольга Константиновна (из-за тяжелой болезни глаз ее не мобилизовали) в последний момент прыгнула в отходящий от вокзала поезд, чтобы поехать вместе с мужем. Людям, еще не оправившимся от блокадной дистрофии, многим из которых никогда в жизни не доводилось держать пилу и топор, пришлось валить лес. Размер продовольственного пайка зависел от выполнения нормы. Аршакуни вспоминала: «необходимой сноровкой в этом деле обладал только один член бригады — Юрий Павлович. Он безрассудно взял на себя одного почти всю работу бригады для того, чтобы сохранить для всех норму продовольственного пайка... Эта щедрая отдача сил для других закончилась для него серьезной угрозой для жизни, вызвав ряд сердечных приступов с длительной потерей сознания». Во время одного из приступов она вдруг почувствовала, как теряет его... Надо было спасти его, надо было спасти этих истощенных людей, голодных, в истрепавшихся одеждах, а по существу, уже забытых.

Она единственная, кто имел право покинуть эти лесозаготовки, поехала в Ленинград, где бежала из ГИОПА в ЛОССА, просила, умоляла, требовала подписать и поставить на ходатайстве печати о вызове архитекторов в город, на место их непосредственной работы.

Город интенсивно обстреливала немецкая артиллерия. В тот день обязательно нужно было получить последнюю подпись и поставить последнюю печать в ГИОПе (он располагался тогда на пл. Искусств). Едва она вышла из своей квартиры на ул. Софьи Перовской и побежала к мостику через канал Грибоедова, как в их дом попал и разорвался снаряд (впоследствии она с ужасом увидела, что натворили в комнате осколки этого снаряда). Второй снаряд ударил впереди нее, в самое начало ул. Ракова, разворотив мостовую и разорвав на части пешехода. В тот день она сумела уцелеть и сумела получить так необходимые и подпись, и печать (после этого подписанные бумаги ушли на «большую землю» — тоже для подписи). Тогда ей удалось спасти мужа и, наверняка, не только его...

О. К. вспоминает: «С приездом Юрия Павловича я вдруг стала бояться обстрелов. Не верилось, что когда-то была такой храброй... Однако случилось еще одно событие, которое снова вызвало у меня нервное потрясение. Утром, когда мы с Юрием Павловичем завтракали, в нашем районе начался обстрел. С грохотом и оглушительным треском упал первый снаряд. Он разорвался рядом, на соседней улице. Я вскочила из-за стола. „Пойдем скорее в коридор!“ — крикнула я и бросилась к двери. Но Юрий Павлович остался спокойно сидеть на своем месте, даже позу не переменял и головы не повернул. Я остановилась в нерешительности. И в этот момент грохнул второй снаряд. Его падению предшествовал воющий гул, а затем страшной силы оглушительный треск разрыва. Пол заходил под нашими ногами.казалось, что стены сдвинулись со своих мест, грозя обрушиться и задавить. Этот снаряд, как потом выяснилось, летел прямехонько к нам в окно, но траектория его полета закончилась раньше, и он ткнулся в квартиру нижнего этажа под нами и разорвался. Там жили мать с дочерью. Мать не вставала с постели, медленно угасая от дистрофии. Накануне катастрофы ее увезли в больницу. Дочери по счастливой случайности не оказалось дома. Мы спустились вниз. Нашим глазам представилось безобразное разрушение: пол стоял в квартире дыбом. Огромные выбоины в стенах, трещины, вмятины в потолке, разбитая в щепки мебель, скрюченная железная кровать».

Ю. П. Спегальский не стал ждать, пока его позовут работать в родной город. Еще в 1943 г. он написал письмо академику Н. Э. Грабарю с просьбой после освобождения Пскова направить его на восстановление псковских памятников. И вот в 1945 г. Ю. П. вновь в Пскове. Он отлично понимает и убеждает других, что успешное выполнение работ по восстановлению и необходимой реставрации памятников невозможно без прочной материально-технической базы, без специальной организации. Такой организацией, по мнению Ю. П., должна быть проектно-реставрационная мастерская.

Постановлением Правительства от 1 ноября 1945 г. Псков был включен в число 15 старейших русских городов, которые подлежали первоочередному восстановлению. Предстояло выполнить гигантский объем восстановительных работ. В 1946 г. усилия ученого увенчались первым успехом — в Пскове была организована первая в его истории проектно-реставрационная мастерская, а ее руководителем стал Ю. П. Спегальский. Мастерская была создана, но не было кадров реставраторов, не было необходимых помещений и строительного оборудования, не хватало материалов, рабочей силы. На первых порах вместо 20 человек, необходимых для реставрационной мастерской, было выделено лишь двое. Ю. П. ходил буквально по дворам — собрал из своих друзей группу каменщиков и плотников и организовал первую реставрационную бригаду рабочих-исполнителей.

Эти годы работы в Пскове были необычайно плодотворными: проведено тщательное натурное обследование памятников, созданы проекты для реставрации их первоначального вида. Огромная работа была сделана «впрок» — как для научных исследований, так и для практической реализации. Мысли по восстановлению Пскова, реставрации его памятников обрастали научной и технической документацией.

29 декабря 1945 г. было принято постановление областного Совета депутатов о проекте генеральной планировки Пскова. В «Основных положениях генплана города Пскова» (приложенных к постановлению) было сказано, что «город Псков восстанавливается как административно-политический, хозяйственно-культурный и промышленный центр Псковской области и как центр уникальных памятников древнерусского зодчества».

Итак, предложения по составлению проекта охранных зон, выдвинутые Ю. П. Спегальским, были включены в последний вариант проекта генплана, над которым работали ленинградские архитекторы во главе с Н. В. Барановым. Начинали

получать практическое осуществление планы Ю. П., над которыми он так много думал в годы войны.

Ю. П. горячо убеждал:

«Мы должны не только восстановить памятники Пскова... но и возродить красоту Пскова, чтобы он был именно Псковом, чтобы не померкла именно его красота, ему одному присущая... Можно ли восстанавливать Псков, создавать его новую архитектуру, не учитывая его замечательного прошлого? Это было бы непростительной ошибкой».

Работая над проектом детальной планировки архитектурных заповедников, Ю. П. Спегальский воплотил в нем глубокие теоретические основы дела охраны памятников и их реставрации. Это был довольно объемистый труд: «Пояснительная записка к проекту планировки архитектурных заповедников в г. Пскове. 1946—1947 гг.». Документ этот заслуживает особого внимания, ибо представляет собой уникальный проект сохранения и музеефикации памятников старины в функционирующем организме большого современного города. В «Пояснительной записке» Ю. П. уточняет намеченные схемы генплана, воссоздаваемые древние площади и улицы, решает также вопросы планировки особых микрорайонов города и охранных зон у памятников и, что очень важно, связывает эти территории в единую логическую систему: «Интересы охраны и изучения памятников и интересы красоты города и сохранения его характера древнего русского города, требующие восстановления некоторых древних улиц и площадей и создания в городе архитектурных заповедников, не вступают в противоречие с утилитарными, санитарно-гигиеническими или экономическими интересами города в целом». По предложению автора на территории города устанавливались архитектурные и архитектурно-археологические заповедники трех групп.

К заповедникам первой группы относились «территории, сохранившие памятники архитектуры и археологии, как над землей, так и под землей, не имеющие или почти не имеющие новой застройки и имеющие большое архитектурно-археологическое значение и интерес». К таким заповедникам были отнесены: Кремль, Довмонтов город, Гремячая гора и Волчья Ямы, Пески и Городец.

К заповедникам второй группы отнесены участки застроенных территорий, на которых имеется сосредоточение памятников архитектуры: на Полонище, в Петровском конце, на Запсковье и

Завеличье, а также охранные зоны у отдельно стоящих памятников архитектуры.

К заповедникам последней, третьей группы отнесены древние улицы, сохранившие конфигурацию и рельеф и не имеющие (или почти не имеющие) древних зданий. Такие улицы сами по себе являются памятниками древней планировки Пскова и должны быть сохранены. Сохранить их можно только при условии особой их застройки. К таким улицам автор отнес бывшую Бармиху на Завеличье и др.

В «Пояснительной записке» определялись и размеры территории заповедников, и порядок их застройки. Большое внимание было уделено практическим мероприятиям: Ю. П. подробно остановился на основных положениях и очередности восстановления памятников архитектуры на территории заповедников, дал детальную классификацию тем конкретным работам, которые необходимо было провести на том или ином памятнике (ремонт, консервация, реставрация), и краткую характеристику этим работам. «Пояснительная записка» была послана в Комитет по делам архитектуры при Совете Министров СССР. Составленный Юрием Павловичем документ был отдан на рецензирование профессору Д. П. Сухову и главному архитектору сектора фиксации и методики реставрации памятников архитектуры Академии архитектуры СССР П. Н. Максиму и получил положительный отзыв. П. Н. Максимов, в частности, писал: «Вообще полагаю, что в связи с объявлением архитектурными заповедниками ряда территорий в наших городах будет своевременным выработать твердое правило как застройки этих территорий, так и режимов и содержания, что не менее важно, чем проекты их осуществления». 25 ноября 1947 г. из Комитета пришел ответ на «Пояснительную записку»: «Главное управление охраны памятников, рассмотрев представленные эскизы планировки заповедников г. Пскова Ю. П. Спегальского, считает необходимым: 1. Всемерно форсировать работу по проектированию заповедника...».

В 1947 г. Ю. П. приступил к практическому осуществлению своих проектов, предполагая начать с одного из центральных районов Пскова — Романовой горки (Романихи). Не хватало машин, жилья, стройматериалов. Люди жили в землянках, в руинах былых зданий. Это были объективные трудности, их нельзя было не учитывать. Но существовали и трудности субъективные. Нашлись люди, которые взяли на себя смелость обвинить Спегальского в том, что он не хочет восстано-

ния и реконструкции города. В ряде газетных статей (и даже в одном романе!) выводился образ архитектора, который намеревался якобы отстраивать послевоенный Псков деревянными рублеными избами! В самом конце 1947 г. Ю. П. вынужден был уйти из Псковской реставрационной мастерской. Супруги вернулись в Ленинград, в квартиру на ул. Софьи Перовской...

В послевоенные годы верхолазные работы Юрия Павловича хотя и носят эпизодический характер, но занимают довольно много времени. По заданию ГИОП ученый обследует и составляет научно-техническую документацию на высотные части памятников — обмеры с представлением чертежей (планов и разрезов). Например, так были выполнены разрезы купольной части (вертикальной и горизонтальной) церкви Ильи Пророка в Пороховых. С 1948 г. началась дружба Юрия Павловича с Олегом Павловичем Тихоновым, выпускником факультета физической культуры Ленинградского педагогического института им. Герцена. Молодой спортсмен-альпинист возглавил верхолазов, работавших на архитектурных высотных памятниках Ленинграда.

Это о них так начинала свою корреспонденцию журналистка Ю. Юношева в «Ленинградской правде» от 7 июля 1956 г.:

«Всякий, кто проходил в этот день по Исаакиевской площади, невольно останавливался, пораженный необычным зрелищем. На кресте главного купола огромного собора, на невероятной, головокружительной высоте работали два человека. Работа велась на высоте 102 метра. Верхолазам пришлось снять облицовку купола и очистить железные конструкции от ржавчины. Была проверена и прочность конструкции, ее годность к дальнейшей „службе”. После того как снятая обшивка была выправлена и подновлена другими специалистами — медниками, ее поставили обратно — на свое место. Несомненно, работать на такой высоте было трудно. „Теперь это не так сложно, — говорит Юрий Павлович. — Там уже есть крепления для страховки, а к высоте мы давно привыкли и просто не замечаем ее”. Трудным был первый подъем. Влезать на крест менее сложно, чем на шпиль. Но здесь встретилась одна непредвиденная трудность — выступающий на метр карниз верхнего малого купола. Раздвижная лестница, поставленная на перила верхней галереи, не доставала до него почти на человеческий рост. Нужно было откинуться назад, подпрыгнуть и, ухватившись за край карниза, подтянуться на него на вытянутых руках. Даже такой отличный спортсмен,

как Олег, смог это сделать только с четвертой попытки».

При работах на Исаакиевском соборе были обследованы не только купол и крест, но и весь наружный и внутренний декор. Работа велась все лето. Собор пострадал во время войны и нуждался в «лечении». Реставрационные работы велись под общим руководством архитектора А. Л. Ротача. С разных «архитектурных Монбланов» в те годы смотрел Юрий Павлович на Ленинград: подъемы на Смольный собор и Александровскую колонну на Дворцовой площади, на Казанский и Исаакиевский соборы. Проводимые высотно-реставрационные работы тех лет, наиболее широкие по своему масштабу, были связаны с приведением города в порядок к славному юбилею — 250-летию со дня основания.

В феврале 1957 г., когда ленинградские улицы, площади и скверы были покрыты снегом, Спегальский и Тихонов пошли на «штурм» самой высокой точки Ленинграда в то время — шпиля Петропавловской крепости. Две трети этого восхождения верхолазы прошли по лестнице шпиля. Затем через специальное окно вышли наружу. Далее к основанию «яблока» и кресту по гладкой поверхности шпиля вели только узкие железные скобы. Вот и флюгер-ангел, размах его крыльев около 4 м. Внизу — весь Ленинград. Первое восхождение началось 21 февраля. Перед верхолазами стояла задача — обследовать всю поверхность шпиля и укрепленного на нем флюгера — ангела с крестом, определить объем реставрационных работ, подготовить техническую документацию для установки подвески лесов, с помощью которых специалисты будут проводить ремонт самых высоких частей Петропавловки. Научные реставрационные мастерские получили всю необходимую информацию для ремонта исторического сооружения. Оказалось, что позолота на шпиле пострадала, а балтийские ветры расшатали прочное основание креста. Ю. П. блестяще справился со своей задачей — было составлено полное описание технического состояния конструкции шпиля и его частей, определена общая площадь позолоты. В мае начались реставрационные работы. Это стало возможным благодаря устройству подвесных лесов. На основании обмера Ю. П. Спегальского были изготовлены подвесные леса особой конструкции. Обмеры шпиля были почти филигранными — они обладали высочайшей степенью точности. Это имело практическое значение — изготовленные по чертежам подвесные леса монтировались на огромной высоте, под постоянным напором ветра. Установка таких

лесов на высоте 122 м была сопряжена с немалым риском: вместе с подвесными лесами увеличивалась не только ветровая нагрузка, но и парусность конструкции.

22 яруса крупных площадок лесов, обтянутых стальными сетками, стали удобными, а главное, надежными рабочими местами для специалистов-реставраторов. В работах принимал участие слесарь П. П. Буданов, тоже альпинист. За проделанную работу верхолазы и реставраторы были удостоены правительственных наград. Ю. П. Спегальский был награжден медалями «За трудовую доблесть» и «250 лет основания Ленинграда».

Так уж вышло, что все правительственные награды Ю. П. Спегальского были связаны с работой, в которой сочетались знания архитектора и верхолаза (в декабре 1944 г. — медаль «За оборону Ленинграда», в июле 1946 г. — медаль «За доблестный труд»).

Верхолазные работы Ю. П. совмещал с одним из самых любимых своих занятий — работой каменщика. Из письма Ю. И. Бродскому (9 сентября 1952 г.):

«Вот уже месяца два, как я вечерами работаю, а в последний месяц прямо с одной работы еду на другую без всякого перерыва и приезжаю домой только спать. В выходной также работаю весь день. Вечером работаю каменщиком — моя мечта осуществилась, я опять зарабатываю мастерком и кирочкой и очень доволен этим. Первое время руки разъело цементом и известкой, а теперь руки привыкли и зажили».

В период 1947–1951 гг. Ю. П. Спегальский закончил аспирантуру в Академии художеств, защитился и получил научную степень кандидата архитектуры. Своей кандидатской диссертацией о псковских жилых каменных зданиях XVII в. он как бы подвел черту определенному этапу научного исследования каменного зодчества древнего Пскова. Натурные наблюдения, накопленные с юношеских лет, тонкое понимание и знание жизни старинного Пскова позволили Ю. П. написать глубокий и оригинальный научный труд. Работа сразу же привлекла внимание широкого круга специалистов, ибо имела большое значение не только для истории псковской каменной гражданской архитектуры, но и для изучения древнерусской архитектуры в целом. Ю. П. блестяще доказал наличие над сохранившимися каменными зданиями XVII в. верхних деревянных собственноручно жилых этажей.

Несомненно — тема исследования, последующая публикация на эту тему — своеобразная дань, отданная Юрием Павловичем не только любимому Пскову, но и семейной традиции Печенко–Спегальских.

В январе 1953 г. Юрий Павлович опять выступил в Ленинградском отделении Союза архитекторов с докладом «По вопросу о состоянии дела охраны и реставрации памятников архитектуры в г. Пскове», констатируя, что город-памятник несет существенные потери: во время реставрационных работ (!) была уничтожена уникальная подлинная кровля XVII в. на Пароменской церкви, уничтожена без фиксации и исследования правая половина корпуса под колокольной церкви Михаила-архангела. Спегальский говорил, что «конкретные задачи реставрации требуют применения разнообразных приемов работ, различных способов отделки, различных методов инженерного укрепления зданий». Заканчивая свой доклад, Ю. П. сказал: «Я был бы счастлив взять на себя создание в Пскове двух-трех „эталонных“ реставрации памятников, потому что всю жизнь стремился к этому и до сих пор не получил возможности довести до конца хотя бы одну из начатых работ».

Спегальский вновь и вновь «стучится» в ту же «дверь». 23 апреля 1959 г. Ю. П. вновь выступил с докладом «О состоянии и реставрации памятников архитектуры в г. Пскове» в Союзе архитекторов. Он говорил: «В 1947 году был разработан и одобрен проект планировки особых зон или, как их еще называли, архитектурных заповедников. Создание в Пскове архитектурных заповедников — в сущности, единственный выход из положения, если считать нужным сохранять памятники древнепсковской архитектуры. В условиях современной жизни, современного строительства другого решения этого вопроса быть не может».

В 1959 г. у Ю. П. начинается новый период в его научной работе, да и, пожалуй, в жизни тоже — 15 июня 1959 г. заведующий ЛО ИИМК АН СССР Б. Б. Пиотровский подписывает Приказ № 67 о зачислении Ю. П. Спегальского на должность младшего научного сотрудника. Ю. П. начинает работать в составе группы славяно-русской археологии, во главе которой стоял его научный руководитель по аспирантуре проф. М. К. Каргер. Он становится активным участником экспедиций, возглавляемых М. К. Каргером (рис. 3–5). Работа в Институте археологии, несомненно, расширила хронологические и территориальные рамки интересов Ю. П., открыла более широкие воз-

Рис. 3. Западная Украина. Экспедиция М. К. Каргера. 1961 г.
Слева направо — А. Н. Свешникова, И. И. Плешанова, Ю. П. Спегальский

Fig. 3. West Ukraine. M. K. Karger's expedition 1961.
From left to right: A. M. Svshnikova, I. I. Pleshakova, Yu. P. Spiegalsky

возможности для публикации его работ — им в первые годы была сдана в печать монография о каменной гражданской архитектуре Пскова, вышедшая в 1963 г., в журнале Краткие сообщения (КСПА) выходят его статьи о памятниках Пскова XVI–XVII вв. Однако М. К. Каргер «выбрал»

Спегальского (и этот выбор был очень точен и перспективен) для разработки актуальной, но одновременно и сложной темы — «Деревянные жилища Северо-Западной Руси IX–XIII вв.».

Природные условия северного края, влажность и кислотность грунта и культурного слоя в этих

древних городских центрах способствовали великолепной сохранности строительных остатков. Фрагменты жилых и хозяйственных построек, детали входов, полов, крыш — все это тщательно фиксировали археологи. Порой все эти строительные элементы было легче зафиксировать, чем достоверно интерпретировать. Только историк архитектуры, обладающий специфическими знаниями и навыками, опираясь на обнаруженные археологами строительные остатки, мог вернуть из небытия давно разрушенные и погибшие сооружения. Нужно было особое чутье архитектора, который бы увидел за отдельными бревнами и настилами возвышавшиеся некогда комплексы построек, смог восстановить их облик, дать графическую реконструкцию усадеб — своеобразных составных «кубиков» древней городской застройки.

В мучительных поисках формировались основные методологические принципы исследования: характеристику древнего жилища необходимо давать по строго ограниченному хронологическим периодам; в основу характеристики жилищ в тот или иной период положить самый яркий, а главное — наиболее достоверный материал, наиболее полно сохранившиеся жилищно-хозяйственные комплексы.

Это — трудоемкая и кропотливая работа — просмотр сотен чертежей и фотографий, отбор наибо-

лее достоверного материала и фиксирование всех тех деталей, которые могли пригодиться при графических реконструкциях. Речь шла об истории развития жилой деревянной архитектуры на протяжении более чем трех столетий. Сама мысль о развитии того или иного историко-культурного явления представляется вполне закономерной, но в данном случае важно было выявить конкретные элементы динамики. В развитии памятников архитектуры эти элементы могли быть планировочные и конструктивные или их сочетание, а также функциональные. Чтобы осуществить такое исследование, нужно было переосмыслить сложившуюся методологию изучения древнерусского жилища, отказавшись от «удобной» теории, что жилище — наиболее консервативный элемент материальной культуры народа, а раз так, то русское жилище домонгольской эпохи мало изменилось даже к XIX в.

Исследователь нашел свой метод: поиски среди археологического материала основных конструктивных элементов, функциональное объяснение основным элементам здания и конструктивным приемам, гипотетическая объемно-пространственная реконструкция жилищ и жилищно-хозяйственных комплексов. Результат — неожиданный, непредвиденный: в рубленые бревенчатые конструкции, которые нашли археологи, были

Рис. 4. Западная Украина. Экспедиция М. К. Каргера. Рабочий момент. 1961 г.

Fig. 4. West Ukraine. M. K. Karger's expedition. Working episode. 1961

Рис. 5. Западная Украина. Экспедиция М. К. Каргера. Сотрудники экспедиции. 1961 г.

Fig. 5. West Ukraine. M. K. Karger's expedition. Excavation team. 1961

внесены элементы, изменившие не только их внешний, но и внутренний облик. Яркая, оригинальная, а в ряде моментов и дискуссионная работа была закончена к 1968 г.

Уже первые доклады Ю. П. по разрабатываемой им теме о древнем жилище Северо-Западной Руси содержали послышки такой новизны, что порой вызывали недоумение у ученых «мужей». А удивить ведущих специалистов — М. К. Каргера, И. И. Ляпушкина, П. А. Раппопорта или П. Н. Третьякова, надо сказать, было нелегко.

Разбирая причины коренных ошибок в изучении древнерусских жилищ, Ю. П. писал:

«Обыкновение основывать реконструкцию древних русских жилищ на весьма поздних образцах, представляемых этнографией, получило в наше время широкое распространение. Этот соблазнительный своей легкостью метод властно сковывает мысли исследователя. Уподобляя древние строения крестьянским постройкам XIX—XX вв., археологи отвлекаются от глубокого анализа памятников и всестороннего сопоставления первоисточников, которые становятся в этом случае лишь помехой для исследователя, наперед уже знающего, какие он сделает „выводы”». Обобща-

ющий доклад по теме Ю. П. сделал в январе 1968 г. Из воспоминаний О. В. Овсянникова:

«Протокол Группы славяно-русской археологии того заседания вел я и хорошо помню атмосферу того заседания и общий смысл всех выступлений (по непонятным причинам в Рукописном архиве института этот протокол не сохранился). Лейтмотивом выступлений: тема выполнена не совсем качественно, за основу реконструкций жилищ взята скандинавская литература, именно по ней сделаны основные реконструкции, некорректно освещены вопросы этнической истории городских центров Северо-Западной Руси, и работу нельзя в таком виде рекомендовать к печати. Юрий Павлович был подавлен. Дипломатичный, как всегда, П. А. Раппопорт пытался смягчить общую тональность выступлений. Я не помню точно, в этот же день или на следующий, Ю. П. подошел ко мне, достал листочки и стал читать написанные им стихи!! Он очень волновался, голос его почти дрожал, когда он читал строки, написанные черными чернилами на желтоватой бумаге из разлинованной тетрадки. Конечно, я не запомнил все, что он читал, но слова — „душа моя горит” вряд ли можно забыть. После смерти Ю. П., уже в 1970 г., я отослал

Ольге Константиновне несколько листочков с этими стихами и заодно нарисованным мной наброском Ю. П. (сейчас все это в архиве музея-квартиры Ю. П. Спегальского)».

Как известно, монография «Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв.» была опубликована лишь в 1972 г., и это благодаря титаническим усилиям О. К. Аршакуни и компромисса после согласия, что красный карандаш Б. А. Рыбакова вычеркнул из текста «спорную» главу, затрагивающую вопросы этнической смены населения.

В кратком, но очень емком вступлении на заседании отдела доктор исторических наук П. А. Раппопорт, как всегда, очень конкретно и четко определил ценность исследования:

«Выводы Ю. П. Спегальского, несомненно, очень интересны. Попытки осмыслить всю картину развития жилищ, понять смысл и назначение как отдельных помещений, так и целых комплексов привели в ряде случаев к таким неожиданным, но убедительным выводам, отбросить которые нельзя. Концепция Ю. П. Спегальского будит мысль, заставляет новыми глазами смотреть на многие известные факты. Даже если некоторые его соображения окажутся ошибочными и будут в дальнейшем опровергнуты другими исследователями, эта работа все равно принесет пользу науке, поскольку приведет к решению таких проблем, которые без работы Ю. П. Спегальского, может быть, еще долгие годы не были бы поставлены и, следовательно, не были бы решены».

Надо ли говорить, что даже в период интенсивной работы над этой книгой Юрий Павлович много сил и времени уделял своим псковским привязанностям. Здесь и новые рисунки изразцовых печей XVII столетия, и небольшие статьи об отдельных памятниках древнего Пскова, и работа над осуществлением обобщающего исследования о псковской каменной архитектуре. «Зодчество псковских каменщиков» — так должна была называться книга. Желание применить результаты своих многолетних научных исследований в области псковского зодчества на практике, воплотить в натуре свои творческие замыслы, неугаваемая в течение всей жизни любовь к Пскову — все это опять привело Спегальского в город его детства. В Ленинграде оставлены квартира, спокойная жизнь — он едет в родной Псков главным архитектором Псковских специализированных научно-производственных реставрационных мастерских.

Осень 1968 г. В Псков уже перевезены мебель, книги, рукописи, предметы прикладного искусства

ва; уже в бывшей квартире Спегальского на улице Софьи Перовской в Ленинграде разобрана расписная изразцовая печь. Начинался новый период в жизни ученого, к сожалению, очень короткий. Никто не мог предположить, что приближается трагическая развязка...

Чем ты жив, Человек? У Александра Меня есть суждение такое: «Человек имеет две родины, два отечества. Одно отечество — это наша земля и та точка земли, где ты родился и вырос. А второе отечество — это тот сокровенный мир духа, который око (никто)? не может услышать, но которому мы принадлежим по природе своей». Для Юрия Павловича эти два «Отечества» составляли единое целое на протяжении всей его жизни и, по сути, были и целью и смыслом жизни, и этому можно только позавидовать...

«Земля родная Псковская» — слова, которые своеобразным рефреном сопровождали всю его жизнь, и самое сокровенное желание: «...дать очам возрети хоть на не велик час на то, что сердцу любо, хоть единый раз, открыв окно, узрети за ним стародавний Псков, и мужей пскович, и жен-псковитянок, и избы, и палаты славного города...» (подпись на занавеси).

Каждый раз, посещая Псков, радовался, если что-нибудь привозил в Ленинград:

«Привезли мы из Пскова грибов, брусники, меду и прочих съедобных вещей, а я там обулся и оделся. Теперь у меня псковские туфли, псковские ботинки, псковские свитера», — как мальчишка, хвастается он в письме к знакомым.

Будучи яркой художественной натурой, и при этом счастливо сочетавшей практицизм ремесленника-каменщика, и талант тонкого и внимательного исследователя, Юрий Павлович не был лишен тяги к живописному натурному оформлению своих представлений и понятий об образе жизни, то есть к определенному перформансу. Прежде всего, это сказывалось в облике его собственной персоны, манере одеваться и, что очень важно, — в окружении себя такими знаковыми предметами (преимущественно выполненными им самим), которые тесно связаны с культурой Пскова XVII в.

Без сомнений — это не была «игра» на публику, скорее в этом можно усмотреть желание выразить определенные «внутренние» потребности. Конечно, отдельные элементы такого перформанса носили публичный характер (например, выход в яркой расшитой русской рубахе, в сапогах, смазанных дегтем, вызывал различную реакцию окружающих, хотя запах дегтя полезен при

слабых легких!). Вообще-то Ю. П. ходил на работу в институт в другой одежде — сероватый пиджак, свободные брюки, короткая рубашка — обязательно навывпуск: носить рубаху навывпуск, а не «заправлять» ее в брюки под ремень — типичная привычка работающего физическим трудом человека — нет стеснения в движениях для рук, спины.

Из воспоминаний О. В. Овсянникова:

«В 1961 г. я, сотрудник Архангельского областного краеведческого музея, приехал на Отчетный археологический пленум ЛОИА с докладом о раскопках в Холмогорах и Орлецкой крепости и в один из дней стоял в коридоре у зала заседаний и вдруг... от парадной лестницы на наш этаж, в самом начале коридора появилась необычная фигура — мужчина плотного телосложения с большой бородой, в русской расшитой рубахе и, если мне не изменяет память, в сапогах. Казалось, что мужчина не шел, а просто двигался. Пока я закрывал от удивления рот, он куда-то буквально растворился... Конечно же, это был Юрий Павлович Спегальский.

Осенью 1962 г. после участия в экспедиции М. К. Каргера, я был принят на работу в ЛОИА, и с этого времени уже более близко познакомился с Ю. П. Наше общение стало почти ежедневным — лаборанты должны были тогда ходить на работу каждый день с 9.30, а научные сотрудники только определенное количество часов в неделю (при этом в день заседания Ученого совета или нашего отдела — обязательно) и могли свои „часы” распределять так: на работу в обязательные дни приходиться попозже и в какие-то дни недели работать дома. Ю. П. с самого утра приходил обычно рано, к 9.30, а я еще раньше — детский сад, куда я отводил в те годы сына, располагался на площади Искусств у Русского музея и начинал работу с 8.30.

Как это началось, не помню, лучше помню, как продолжалось: я приходил раньше Ю. П. и занимал исходную позицию — вдоль нашего отдела стоит длинный стол заседаний, а стулья ставили плотно вдоль его сторон. Я залезал под стол и ложился на несколько стульев (стол Ю. П. находился у самого конца этого общего стола), и он проходил вдоль длинного стола, а я „выпадал” со стульев и с воплем „Прости, мя, владыко!” старался схватить его за ботинок. Начиналась возня, во время которой стулья, стол сдвигались в разные стороны, в общем, был полный бедлам. Конечно, у нас не было намерений целовать ботинок (главное было — «захватить» его) у друг друга, но сам факт объявления таких намерений вызывал бурную реакцию. Однажды невольным свидетелем

такой сцены стал Иван Иванович Ляпушкин, живший тогда на третьем этаже нашего институтского здания. Обозрев все, что мы натворили, он без юмора сказал: „Это вам когда-нибудь может нехорошо откликнуться”. Мы с Ю. П. переглянулись, не совсем понимая, каким образом это может „откликнуться”. Но вот однажды я поставил Ю. П. действительно в неловкое положение. Точно не помню — весной или осенью это было, на углу ул. Халтурина (теперь снова Миллионная) находился магазин и около него часто на прилавках что-нибудь продавали. В тот раз „давали” дефицит — апельсины. Очередь человек 20 или более, молчаливая, серая, вытянулась вдоль мокрого тротуара и терпеливо ждала. И вдруг я увидел Ю. П. — в шапке-„пирожок”, в темно-сером пальто, очень задумчиво, меня не замечая, он стоял в очереди. Бросив себе под ноги портфель, чтобы не запачкать брюки, я рухнул перед Ю. П. на колени с традиционным воплем — „Прости, мя, владыко!” и тут же испугался, потому что увидел, как испугался Ю. П. Надо сказать, что стоящая рядом в очереди за апельсинами публика не выглядела ни шокированной, ни удивленной, твердо веря, что апельсинов хватит на всех».

Можно только догадываться, что Ю. П. не хватало общения с коллегами архитекторами-реставраторами, с исследователями по его основной, «псковской» тематике, в институте он мало с кем мог говорить «на равных» по теме проблем, которые волновали его. Не исключено также, что ему часто хотелось просто показать и рассказать о своих проектах, рисунках. Из воспоминаний О. В. Овсянникова:

«Однажды Ю. П. предложил пойти к нему в обеденный перерыв и разделить с ним трапезу, тем более, что Ольга Константиновна в этот день уходила к родственникам. Ю. П. предупредил — разносолов не будет — только винегрет с селедкой, каша и кисель. Конечно, я с радостью согласился. В доме на ул. Софьи Перовской, этот дом стоит в тупике — в него упирается Шведский переулок, чтобы войти в квартиру Спегальских, надо пройти во двор, в первый или второй подъезд, лестница ведет на второй этаж, потом — длиннющий коридор, по которому можно свободно устраивать соревнования по велосипедным гонкам, потом... Открывается дверь — и предстает необыкновенная картина: изразцовая печь, портрет, стол, большой сундук, везде коробки, шкапулы — мелкие расписные поделки на столе, крупные — стоят на шкафах, на окне расписная занавесь. Впечатление такое, что попал на экспозицию или

в художественный салон. Внимательный хозяин-экскурсовод рассказывал о назначении, технике изготовления каждого из этих экспонатов. Потом вспомнил о нашем разговоре в секторе — мы говорили об изразцах, изразцовых печах, а Ю. П. вдруг предложил: „А не махнуть ли нам во Псков или Вяжищи? Верхолазное снаряжение у меня сохранилось. Поднимемся и порисуем изразцы”. Я с ужасом представил себя подвешенным на верхолазной страховке. Ю. П. вспомнил и тут же кинулся искать это снаряжение. „Наверное, Ольга Константиновна куда-то убрала”, — резюмировал он в конце своих безуспешных поисков, и мы приступили к трапезе.

Обед прошел согласно тому меню, что и обещал хозяин (был и обещанный кисель, но без пряников, хотя пряничная форма с надписью — «Ах, как вкусен кисель!» была вырезана уже давно; но пряники в этот день и не были обещаны!).

После этого Ю. П. пододвинул свой стул к большому расписному сундуку, раскрыл его и начал доставать из него большие листы с рисунками — реконструкциями, объединенными темой „По Пскову XVII века”, поясняя и рассказывая при этом о сюжете каждого. Казалось, что эти рисунки нескончаемы... То, что мы смотрели, все было в черно-белом варианте — Ю. П. объяснил, что имеющееся в Доме архитектора оборудование не позволило ему изготовить цветные автолитографированные копии. Конечно, это были только копии, которыми он одаривал своих гостей. С солидным рулоном таких подарков покидал квартиру Спегальского и я, причем каждый лист был подписан им пространной надписью пожеланий и т. д. (характер подобных надписей хорошо передают подписи к листам, которые Ю. П. подарил А. Н. Кирпичникову и который опубликовал их).

Несомненно, в надписях на подобных подарках, на отдельных оттисках своих статей, которые дарил Ю. П., он как бы продолжал свой перформанс, в котором элементы нарочитого самоуничтожения сочетались с традиционным на Руси юродством как формой правдолюбия.

Закрывая сундук, с обычной легкой усмешкой, в данном случае она была с примесью горечи, Ю. П. высказал уверенность, что вряд ли когда-нибудь это все будет опубликовано...».

На этот раз прогноз Ю. П. был не точен: все это могло быть опубликовано, проживи он еще 30–40 лет, или наоборот... Получилось «наоборот» — в те годы, когда опубликовать статью в несколько страничек или хотя бы тезисы объемом 1–2 странички считалось большой удачей, — почти все

научные работы, которые были написаны, и многое из нарисованного Юрием Павловичем увидело свет между 1969–1981 гг., «Лениздат» опубликовал альбом — те самые рисунки Ю. П., которые хранились в большом кованом сундуке.

В эти же годы Ольга Константиновна настойчиво решала еще одну, может быть, самую главную для нее проблему — чтобы квартира на Октябрьском проспекте, где находилось основное собрание предметов декоративно-прикладного искусства, созданное Юрием Павловичем, получила статус Мемориального музея-квартиры Ю. П. Спегальского. Потому что она была непоколебимо уверена — все сделанное, нарисованное, написанное, поставленное им в квартире должно быть вместе, ибо в этом единстве были его сердце, глаза, руки... был он сам... Наверное, много свидетелей этой настоящей «битвы» за музей могли бы рассказать — сколько душевных и физических усилий было затрачено Ольгой Константиновной на подступах ко многим областным и столичным кабинетам.

В 1974–1976 гг. мы проводили архитектурно-археологические работы на территории Спасо-Мирожского монастыря (участвовали — О. В. Овсянников, Вал. А. Булкин, И. И. Лагунин) и в эти годы встречались с О. К., на экспедиционной машине вместе ездили на кладбище на могилу Ю. П. Еще раньше, в 1972 г., А. Н. Кирпичников и О. В. Овсянников написали в «Псковскую правду» краткую заметку о только что вышедшей из печати книге Ю. П. Спегальского «Псков. Художественные памятники». В 1976 г. в выставочном зале Псковского Кремля усилиями сотрудников Псковского музея при активном участии О. К. Аршакуни была открыта выставка Ю. П. Спегальского «Декор псковских изразцовых печей XVII века» (заметка В. Булкина и О. Овсянникова об этой выставке — «Окно в XVII век. По залам выставки» была опубликована в «Псковской правде» в июне 1976 г.).

Очень важно, что уже в первые годы после смерти Ю. П. вступительные статьи к выходившим из печати книгам Спегальского были написаны П. А. Раппопортом — как всегда предельно четко и ясно он определил роль Ю. П. Спегальского как одного из крупнейших отечественных ученых — исследователей древнерусского зодчества. Заметную роль в сохранении и пропаганде научного и художественного наследия Ю. П. сыграла и «Комиссия по творческому наследию архитектора Ю. П. Спегальского», созданная решением Центрального совета ВООПИК от 26 января

1973 г. (в состав ее вошли — псковский писатель Л. И. Маляков, академик Д. С. Лихачев, доктора исторических наук П. А. Раппопорт, А. Н. Кирпичников, секретарь О. К. Аршакуни).

К концу 70-х гг. О. К. Аршакуни пришла к выводу, что становится крайне необходимой такая публикация о Юрии Павловиче, которая хронологически охватила бы весь жизненный путь Ю. П., отметив как основную проблематику его научных изысканий, так и принципиальную разработку им научных проектов реставрации отдельных архитектурных комплексов древнего Пскова и создание городских архитектурных зон-заповедников, над которыми он работал практически всю жизнь, до самых последних дней.

Идея Ю. П. Спегальского о «псковском варианте» сохранения памятников архитектуры, которую ученый начал разрабатывать еще в тяжелые военные годы, а потом постоянно совершенствовал, детализировал и уточнял, в «Перспективном плане реставрации, восстановления и консервации памятников архитектуры города Пскова» 1969 г. получила наиболее полное воплощение:

«Наилучшее решение этих задач может быть найдено только при учете всех возможностей реставрации и консервации памятников в масштабе всего города, при верной оценке перспектив использования их после реставрации, во вполне законченном и благоустроенном виде, и перспектив создания вокруг памятников обстановки, наиболее благоприятствующей выявлению их подлинных качеств». В плане детально перечислены основные комплексы, дома, их характеристика. Тут же — предложение по общему решению реставрационных, восстановительных и консервационных работ, а также предложение по практическому использованию памятников.

Это исследование по существу подвело итог изысканиям Юрия Павловича в области охраны, реставрации, восстановления и музеефикации памятников древней архитектуры в Пскове. Исследование оригинальное и в то же время добротное, оно может служить надежной основой для последующих разработок в этом направлении.

В это же время Ольгу Константиновну волновало и то, что в архитектурно-реставрационных кругах Пскова появилось мнение, что в научных реконструкциях Ю. П. каменных жилых зданий Пскова XVII в. довольно много существенных ошибок, что выявлены новые документы, которые позволяют поставить под сомнение и пересмотреть некоторые высказанные им суждения, подходы к реконструкциям и т. д. О. К., естествен-

но, не могла с этим смириться — еще в 20-х гг. Ю. П. при натурном исследовании этих зданий видел и фиксировал многие детали, которые позднее просто исчезали при разрушении, то есть были полностью утрачены.

Где-то в 1979 г. или в 1980 г. Ольга Константиновна обратилась к нам с просьбой: написать небольшую книгу о Юрии Павловиче (объем книги регламентировался «Лениздатом»), и предоставила в наше распоряжение рукопись своих воспоминаний. Мы не могли отказать ей в этой просьбе и сразу согласились. Работа над текстом шла у нас трудно — мы искали верное соотношение нашего личного восприятия Ю. П. как неординарной, очень интересной личности, и его вклада в науку. Конечно, речь шла не о соотношении объемов текста, а о поиске тех отправных «личностных» — нравственных и эмоциональных критериев, сочетание которых и являют нам эту личность.

Сейчас, когда с 90-х гг. появляются публикации архивных изысканий о родословной Ю. П., документы, связанные с его производственной деятельностью, масштабы личности Ю. П. Спегальского и в деталях и в целом начали приобретать новые очертания. Перечитывая наш текст, изданный в конце 1983 г., мы, конечно, отчетливо видим неточности, главным образом биографического характера, но и сейчас полагаем, что для многих читателей мы все-таки сделали своевременную попытку «открыть» Юрия Павловича. В некоторой степени это относится и к нам самим: мы узнали такие обстоятельства биографии Ю. П. (прежде всего это относилось к его научно-реставрационной деятельности), о которых и догадываться было трудно.

Но сам текст книги давался нам нелегко... Ольга Константиновна взяла на себя нелегкий труд «пробить» такое издание (напомним, что в те годы это сделать было очень трудно), и ей пришлось, по существу, трудиться на двух фронтах — вести постоянные переговоры (просить, убеждать, настаивать) с заведующим Псковской редакцией «Лениздата» Л. И. Маляковым и непрестанно торопить нас с написанием текста.

Из письма О. К.:

«6.04.81.

Дорогой Олег Владимирович!

15 февраля у меня был тяжелый сердечный приступ и ЭКГ оказалась плохой. Врач предложил ехать в больницу. Я отказалась, обманув, что за мной дома будут ухаживать. Пошла на этот обман и риск потому, что хотела дожидаться дома присылки последней главы В. А. (Булкин. — В. Б., О. О.). Но про-

шел февраль, весь март, начался апрель... За это время болезнь ухудшилась. Вторая ЭКГ была хуже, чем первая, 3-я хуже, чем 2-я. Теперь врач уже категорически настаивает на больнице.

Олег Владимирович, умоляю Вас повлияйте на В. А. Пожалуйста!!!

Упросите его закончить свою работу и выслать ее заказной бандеролью мне на дом. Я предупредила почтальона (если я буду в больнице), она оставит мне в почтовом ящике записку, что „пришла” бандероль, и я обязательно найду возможность ее получить.

Очень волнуюсь, что В. А. не выполнит работу до своего отъезда на летние работы. Ведь это бы было для меня самым настоящим несчастьем. Это постоянное волнение усугубляет мою болезнь. И в какое неловкое положение он меня уже поставил перед Л. И. Маляковым!!!

Милый, дорогой Олег Владимирович, я уверена, что Вы понимаете меня и поможете мне. Вы хороший, добрый человек! Страшно волнуюсь, что своей недоделкой В. А. поставил под угрозу жизнь всей книги. И не только этой недоделкой, но и в дальнейшем, такими темпами всей дальнейшей работы над нею.

Но эта недоделка решает сейчас определить организационный этап, и В. А. поставил его под угрозу... Помните!!!

Р. С. С. Л. И. Маляковым я говорила о желании авторов отдать работу на рецензию П. А. Раппопорту. Он согласен. Со своей стороны просил меня, чтобы я написала и свои замечания по рукописи Вашей и В. А.».

Вот еще одно письмо, написанное почти через год (это означает, что в течение года не было других писем):

«26.01.82.

Дорогой Олег Владимирович!

Сегодня наконец сходила в Редакцию и получила экземпляр рукописи. Об иллюстрациях: на 7 листов текста полагается 28 ил. Однако в плане у них стоит всего 24 иллюстрации. Уточнить не удалось, т.к. Маляков в Ленинграде и вернется только на той неделе. Какие представите иллюстрации? Это уже надо решить окончательно применительно к Вашему тексту.

После поездки в Ленинград почувствовала себя еще более скверно! Плохи мои дела.

О книге очень волнуюсь. Теперь на Вас, на нее все надежды. В ней необходимо сказать все самое главное. Как и говорила: приложение пришлю позже.

Крепко жму Вашу руку.

О. Аршакуни».

Мы привели полностью несколько писем Ольги Константиновны единственно с целью показать, сколько сил пришлось затратить О. К., чтобы весь тот огромный объем работы, который Ю. П. удалось осуществить с самой его юности, донести и до специалистов и до широкого читателя, ничего не забыв и ничего не утратив. Конечно, она понимала, что не может В. А. Булкин сесть и в течение месяца-двух написать обо всем научном архитектурном наследии Ю. П. Спегальского (а Булкиным написан весь основной текст нашей книги по этой теме!). Не исключено, что составленные ею Приложения — «Проектные и графические работы Ю. П. Спегальского», «Графика, живопись и эскизы к предметам декоративного искусства», «Каталог предметов декоративно-прикладного искусства, созданных Ю. П. Спегальским», «Опубликованные работы Ю. П. Спегальского», «Неопубликованные работы Ю. П. Спегальского» — были написаны гораздо раньше, чем мы подготовили свой текст.

Мы говорим пока только об одной книге, а после кончины Ю. П. усилиями Ольги Константиновны было издано 12 работ, начерно подготовленных Спегальским, из которых шесть — книги и альбомы! Кроме того, подготовка и передача материалов в Рукописный архив ИИМК РАН, хлопоты о создании квартиры-музея Ю. П. Спегальского. Какого напряжения физических и духовных сил, каких усилий все это потребовало от пожилой и больной женщины! Госкомиздат, Министерство культуры РСФСР, издательства, псковское начальство — а мы привели только краткий эпизод истории издания нашей небольшой книги!!!!

В конце 1986 г. произошло, пожалуй, самое главное событие в жизни О. К. после смерти Юрия Павловича — был открыт его мемориальный музей-квартира, и мы все получили приглашение на это открытие. Из письма О. К.:

«28.12.86.

Дорогой Олег Владимирович!

Я благодарю Вас за то, что вспомнили обо мне в предновогодней переключке. Но не могу удержаться, чтобы не высказать Вам свое огорчение по поводу того, что никто из вас — товарищей Юрия Павловича по сектору не приехал на открытие его музея?! (тов. Кильдюшевский не в счет — он не имел с Ю. П. никаких отношений).

Никто? А ведь это было событие, если хотите, событие всесоюзного значения! Впервые архитектор-реставратор удостоен такой почести. А его товарищи, несмотря на то что им были посланы

приглашения, заказаны номера в гостинице, не проявили даже элементарной вежливости, оставив без всякого объяснения причину такого странного равнодушного поведения? Один только Павел Александрович Раппопорт прислал поздравительную телеграмму ко дню открытия музея. И за это ему — земной поклон!

Более всего оскорбило поведение А. Н. Кирпичникова. Числится „членом комиссии по творческому наследию Ю. П. Спегальского” и какая душевная глухота? А может быть, и преднамеренное зло?..

Олег Владимирович, поясните мне, пожалуйста, какая причина невъезда всех к открытию музея Ю. П.?? Скорблю и плачу. Недоумеваю, как могло случиться такое с людьми, которых всегда воспринимала друзьями Юрия Павловича? И вот, вдруг, такое несчастье!..

О. Аршакуни».

Никакие обстоятельства (конец года, телеграмма П. А. Раппопорта: он, возможно, подписал ее только своим именем, хотя она рассылалась от имени всего нашего отдела, В. И. Кильдюшевский был откомандирован от имени всего Института археологии, не помню, было ли письмо от института для передачи О. К.) не могут оправдать многих из нас: в самый значимый и светлый день для Ольги Константиновны после смерти Юрия Павловича, день открытия мемориального музея его имени нас не оказалось рядом. Горько и совестно даже сейчас, когда перечитываешь это письмо.

Существует расхожее мнение, что мужчины — сильные и их не надо спасать. Ой, как надо!! Все последние годы своей жизни она только и делала, что спасала его, потому что твердо верила — он теперь в этих проектах, рисунках, книгах и статьях. Очень боялась только одного — не успеет. Но — успела! Ольга Константиновна подготовила и сдала в Рукописный архив ИИМК РАН рисунки, обмеры, проекты реставрации архитектурных памятников Пскова и окрестностей, рисунки и реконструкции псковского керамического производства — всего более 500 листов! Бывали ведь и такие случаи — сваленный в угол архив умершего ученого мог «обрабатываться» сотрудниками архива годами, или полученный в наследство «доброхотами»-наследниками разлететься по необозримым просторам Советского Союза.

Архив Ю. П. Спегальского — в полном порядке, и он был защищен юридически, так как доступ к нему для научной работы стал возможен только после 2010 г. Только сейчас появляется возможность в полной мере оценить всю значимость его

вклада в натурное изучение памятников, их фиксацию, в изучение многовековой истории псковского зодчества и народной культуры. Можно будет увидеть и эскиз чайной чашки «Александр Невский» — конкурсный проект художественного фарфора, и конкурсный проект монумента в парке Победы в Ленинграде, и, несомненно, еще много интересного и важного.

Из воспоминаний О. В. Овсянникова разных лет: «Однажды, в конце 1962 г. или в начале 1963 г., Ю. П. вошел в помещение сектора, с привычной легкой усмешкой стал рассказывать (я привожу не цитату, но очень близко по смыслу): „Был сейчас в издательстве «Искусство» — там рукопись второго варианта книги «Псков». Дали почитать рецензии. Мне еще раньше М. К. Каргер говорил, что по просьбе редакции дал рецензию на мою рукопись, конечно, положительную. Почитал: рецензия разгромная, вывод рецензента — к печати не рекомендовано”.

Я удивился и спросил, почему же так получилось. Ю. П. ответил — „Наверное, сам хотел подать заявку на эту тему”.

На мой вопрос, что же решила редакция, Ю. П. ответил коротко: „Печатать”. Прекрасная книга „Псков” вышла уже в 1963 г. Я вспомнил этот эпизод, когда в одном из воспоминаний о Ю. П. прочел, что написать и издавать эту книгу чуть ли не „благословил” его руководитель по аспирантуре М. К. Каргер.

Не такая уж простая жизнь у ученых, как, наверное, и у всех.

Как-то Ю. П. пришел в сектор чрезвычайно расстроенный. Потом сказал: „Гулял утром как всегда с собачонкой. Откуда-то выскочила бойцовская собака... Разорвала в клочки”. Я спросил — почему хозяин не остановил пса. Ю. П. ответил — „А что он мог сделать... Стоял, смотрел”. Уже совсем поникший пошел успокаивать Ольгу Константиновну.

Иногда вслух читал выдержки из писем, полученных от друзей и знакомых в Пскове. Помню курьезные выдержки из письма от Л. А. Творогова, они касались состояния памятников архитектуры Пскова.

Ю. П. ездил на школьный юбилей в Псков. Вернувшись, подробно рассказывал о встречах бывших соучеников, показывал фотографии. Много улыбался и усмехался.

Как-то я набрался нахальства и предложил ему написать совместную статью о каргопольской иконе начала XVIII в. с изображением Каргопольской крепости. Он согласился и обещал подумать.

Через несколько дней подошел ко мне, предложил поговорить на эту тему. Мы рассматривали фото иконы, говорили о типах деревянных построек. Потом он сказал — „Вы пишете один. Не надо, чтобы мое имя присутствовало, даже не упоминайте. Быстрее будет издано”.

Однажды пришел и сказал: „Сегодня опять Ольга Константиновна умирает”.

— ????

„Пришлось вызвать скорую. Еще раз два и — меня придется отвозить!”

Однажды осенью (а это «однажды» в советскую эпоху наступало каждую осень) Ленинград решал „продовольственную программу”, и из академических институтов тоже потянулись к овощебазам в Коломягах толпы кандидатов, младших научных сотрудников и, конечно же, лаборантов. Все мы (в иногда даже и доктора наук) разгружали вагоны с картошкой, заготавливали ее в деревянные ящики, относили для переборки, ящики с уже отобранной картошкой грузили в прибывающие грузовые машины, которые и доставляли картофель, лук, морковь в ленинградские магазины. Графики таких работ вывешивались на доске приказов, а мы расписывались об ознакомлении с ними.

Так вот, однажды осенью Юрия Павловича „послали” не на овощебазу в черте города, а отрядили работать не в самый близкий район области. Он, конечно, поехал, и... пропал. Обычно из таких „сельскохозяйственных командировок” посланцы старались вернуться как можно пораньше, а тут — нет и нет... Звонки к Ольге Константиновне успокоили: все в порядке, скоро вернется.

Вернулся, усмехаясь рассказывал: „Попал в деревню, в которой мужики кладут русские печи, а печи дымят. Я им печь сложил, не дымит. Тут народ со всех концов деревни: и мне, и мне!! Стал местных мужичков обучать, как надо печи делать. Председатель колхоза говорит: «Оставайся еще у нас, тут народ в окрестных деревнях прослышал о хорошем печнике!»”. Рассказывая, посмеивался и был очень доволен, что опять пришлось поработать мастерком, повозиться с кирпичами, и что все получалось, и народ был доволен и благодарен ему.

В конце 1967 г. или в самом начале 1968 г. мы стояли в секторе, и он вдруг сказал: „Мы, наверное, скоро с Ольгой Константиновной переедем в Псков” — и, увидев недоумение у меня на лице, добавил: „В общем-то, дело решенное. Вот так”.

Несомненно, он не поведал мне это „по секрету», значит, он уже имел разговор с М. К. Карге-

ром. Возможно, что намерение уйти из института обострило и без того непростые их отношения.

14 мая 1968 г. спецрейсом из Ленинграда в район Обской губы вылетели сотрудники Мангазейской экспедиции, и я в ее составе, а наш полевой сезон в том году окончился к середине сентября. Я вернулся, когда уже Юрий Павлович был в Пскове. Осенью мы обменялись письмами — я был готов ехать в Псков в гости, но Ю. П. просил повременить — они только что переехали в квартиру, вещи еще не разобрали, телефон не могут поставить несколько месяцев, немножко позднее — милости просим!

Я проводил время над обработкой мангазейских коллекций в здании Музея Арктики и Антарктики, вдруг звонок — позвонила М. В. Малевская — у Юрия Павловича обширный инфаркт, а потом пришло известие о его кончине.

В Псков поехали — А. Н. Кирпичников, О. В. Овсянников, М. А. Миролубов (сотрудник Эрмитажа) и С. С. Черников, сотрудник нашего института и страстный поклонник Спегальского. День прощания и похорон 19 января 1969 г. был очень холодным. Вернувшись в квартиру и сидя за поминальным столом, мы долго не могли согреться».

В январе 2009 г. исполнилось и 40 лет со дня кончины и более круглая и значимая дата — 100 лет со дня рождения Юрия Павловича Спегальского.

Так получилось, что всю совместную жизнь Юрий Павлович и Ольга Константиновна спасали друг друга. И это не образное выражение — речь всегда действительно шла о реальной жизни и реальной смерти. В тот январь 1969 г. не могла она, не имела никакой возможности спасти его физически, но она нашла в себе силы в течение более 20 лет спасать все, что было связано с его именем, до той последней минуты, когда 5 сентября 1991 г. сердце О. К. остановилось...

Много ласковых слов оставил Юрий Павлович своей Ольге Константиновне на подарках для нее — коробьях для шляп, шкатулах — и успел сказать самое главное: «Не дано нам было самим возвращать древо нашей жизни, но взлелеяли мы один росток его, росток взаимной любви и верности».

И поклонился родному Пскову:

«Помянем Псковскую землю и град Псков иже бе велик зело, преизобилен и преславен.

Помянем мужей пскович, мастеров делателей церковных и палатных, и хоромных, и городских, и воинов псковских, их же слава велика во всех странах есть и не предет никогда».

Персоналии

Памяти Евгения Александровича Рябинина (19.05.1948–17.12.2010)

17 декабря 2010 г. ушел из жизни историк и археолог, ведущий научный сотрудник ИИМК РАН, доктор исторических наук Евгений Александрович Рябинин — крупнейший специалист в области славяно-финских культурных связей. Уход Е. А. Рябинина — тяжелая утрата для друзей и коллег, для всей славяно-финской археологии.

Е. А. Рябинин родился 19 мая 1948 г. в селе Воронцово Ивановской области. Окончив школу в 1966 г. с серебряной медалью, он переехал в Ленинград, где поступил на исторический факультет ЛГУ. Решив связать свою жизнь с археологической наукой, Е. А. Рябинин с первых же шагов проявил себя как целеустремленный, вдумчивый и аккуратный

исследователь. Тогда же обозначился и интерес всей его жизни — средневековые финно-угорские племена на территории Руси и их взаимодействие со славянами.

В 1971 г. Е. А. Рябинин с отличием окончил кафедру археологии и поступил в аспирантуру ЛОИА, где под руководством П. Н. Третьякова защитил кандидатскую диссертацию «Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси X–XIV вв.».

За время работы в ЛОИА–ИИМК Е. А. Рябинин прошел путь от аспиранта и младшего научного сотрудника до авторитетного, признанного в нашей стране и за рубежом ученого. В течение многих лет он руководил работой Ижорской и Заволжской археологических экспедиций, проводил полевые исследования в Ленинградской,

Костромской и Ивановской областях, а также на Терском берегу Кольского полуострова и в Старой Ладогe. Накопленный Е. А. Рябининым материал лег в основу пяти монографий и более чем 150 научных статей. В этих работах он выдвинул и развил основополагающие положения о происхождении и динамике культуры финно-угорских племен и их отношениях с Русью. Изданный Е. А. Рябининым свод «Зооморфные украшения Древней Руси» по сей день является основополагающей публикацией по данной теме и настольной книгой многих исследователей.

В 1991 г. Е. А. Рябинин защитил докторскую диссертацию «Финно-угорские племена в составе Древней Руси», на основании которой в 1997 г. вышла в свет одноименная монография.

Отдав немало сил и времени изучению племен своего родного Верхнего Поволжья, Е. А. Рябинин с особым вдохновением и энтузиазмом проводил полевые исследования на территории западных районов Ленинградской области. В 1972–1992 гг. на Ижорском плато и в его ближайшей округе им было раскопано порядка 400 погребений эпохи средневековья, открыт и изучен целый ряд неизвестных ранее археологических памятников. Материалы этих работ были изданы исследователем в ряде статей и в обобщающей монографии «Водская земля Великого Новгорода» (2001), ставшей новым этапом в изучении «петербургских курганов» XI–XIV вв. В этой работе приведена характеристика вещевых наборов и погребальных обрядов сельского населения Ижорского плато, сделаны принципиально важные хронологические выводы, а также затронуты некоторые общеисторические вопросы, к которым исследователь подходит на основании комплексного изучения письменных и археологических источников. Среди прочего им был детально изучен этнический состав населения края и история его вхождения в состав Руси, а также сложный и длительный процесс христианизации новгородских окраин. Находки из раскопок Е. А. Рябинина составляют ныне основу археологических экспозиций ряда музеев Ленинградской области.

Помимо новой трактовки древнерусского курганного материала Е. А. Рябинин сделал два выдающихся открытия. Первым стало исследование грунтовых могильников средневековой воды — малого прибалтийско-финского племени, в первые зафиксированного русскими летописями в XI в. и по сей день проживающего на южном побережье Финского залива. До работ Е. А. Рябини-

на сведения о водских древностях ограничивались лишь скугими, слабо документированными материалами дореволюционных раскопок. Второе открытие — находка двух могильников эпохи римских влияний в той же этнографической зоне воды. Эта находка позволила исследователям по-новому взглянуть на разрозненные и казавшиеся случайными предметы первых веков нашей эры, обнаруженные в разные годы на территории Северо-Запада России.

Большой вклад Е. А. Рябинин внес в изучение средневековых поселений Ижорского плато. Его раскопки на Кайболовском городище, обследования других городищ и селищ дали важный материал к изучению поселенческой культуры Водской земли и истории военно-политического закрепления края за Новгородом. До работ Е. А. Рябинина выводы о средневековой истории этого ключевого пограничного региона делались исключительно на основании погребальных памятников.

Е. А. Рябинин предпринял важный в методическом плане опыт историко-географического исследования, основанного на сопоставлении археологических данных с писцовыми книгами рубежа XV–XVI вв. Это позволило проследить динамику поселенческой структуры одного из наиболее густонаселенных регионов средневековой Новгородской земли, выявить закономерности в формировании системы средневековых погостов.

Таким образом, Е. А. Рябининым были намечены важные направления в изучении древней и средневековой истории запада Новгородской земли, получившие дальнейшее развитие в работах петербургских археологов. Его находки в Старой Ладогe и Любше вызвали международный интерес. На их основании удалось уточнить и детализировать хронологическую шкалу староладожского Земляного городища, а раннесредневековый производственный комплекс из его нижних слоев получил мировую известность.

Очень важными и плодотворными оказались усилия Е. А. Рябинина по налаживанию российско-финляндских научных контактов, организации взаимодействия археологов России, Прибалтики и Финляндии, а также редактирование трудов совместных симпозиумов.

Помимо сугубо исследовательской работы ученый не пренебрегал педагогической и просветительской деятельностью. Он руководил работой аспирантов, неоднократно выступал с публичными лекциями в музеях, участвовал в подготовке тематических выставок, подготовил и издал пре-

красные фотоальбомы, посвященные древностям Старой Ладogi и ее окрyги.

Е. А. Рябинин отличался огромной работоспособностью, внимательно относился к трудам своих предшественников, не мыслил своей работы без исчерпывающих музейных, архивных и библиотечных поисков. Источниковедческий фундамент его сочинений всегда был безупречен.

В последние годы Е. А. Рябинин тяжело болел, перенес сложнейшую операцию. Болезнь прерва-

ла начатую работу по подготовке монографии «Чудь Водской пятины», которая должна была стать продолжением «Водской земли Великого Новгорода».

В нашей памяти Е. А. Рябинин остался вдумчивым и скрупулезным исследователем, внесшим неоценимый вклад в развитие современной финно-угорской археологии, чьи работы будут востребованы еще многими поколениями ученых.

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН в 2008–2009 гг.

В 2008–2009 гг. сотрудники ИИМК РАН продолжали выполнять задания и закончили научно-исследовательские работы по 15 темам, утвержденным Институтом на 2007–2009 гг. Президиумом РАН:

1. Ориньякоидные индустрии и проблема становления верхнего палеолита Евразии (происхождение, эволюция, сходство и разнообразие), руководитель — д. и. н. Аникович М. В.

2. Палеолит Евразии: общие черты и особенности регионального развития, руководитель — д. и. н. Васильев С. А.

3. Первоначальное заселение и расселение древнего человека на приморских территориях Севера России, руководитель — к. и. н. Шумкин В. Я.

4. Культурогенез и организация социального пространства в древнеземледельческих обществах юга Центральной Азии (архитектура, обряды, культурные взаимодействия), руководитель — к. и. н. Алёкшин В. А.

5. Культурные контакты и взаимодействия народов Центральной Азии в пределах Великого Шелкового пути (древность и средневековье), руководитель — к. и. н. Никоноров В. П.

6. Миграции и внешние контакты в культурно-историческом процессе эпохи бронзы Северо-Западного Кавказа и Нижнего Подонья, руководитель — с. н. с. Бочкарев В. С.

7. Культурная стратиграфия эпохи бронзы и раннего железного века Южной Сибири (бассейн среднего и верхнего Енисея и Тува), руководитель — к. и. н. Семенов В. А.

8. Торговля, ремесло градостроительство Северной Руси в свете международных этнокультурных связей, руководитель — д. и. н., проф. Кирпичников А. Н.

9. Славяне и финские племена в процессе межэтнического, культурного и хозяйственного развития, руководитель — д. и. н. Сакса А. И.

10. Проблема взаимодействия центра и периферии в процессе становления христианской культуры X–XV вв. (по материалам археологии), руководитель — д. и. н. Мусин А. Е.

11. Греческие города и поселения Северного Причерноморья в контексте межэтнических процессов на периферии античного мира, руководитель — д. и. н. Виноградов Ю. А.

12. Хронологические и географические аспекты распространения памятников археологии на территории Северо-Западной части России, Прикамья, Приуралья и Южной Сибири, руководитель — к. и. н. Субботин А. В.

13. Технология производств и культурная вариативность в каменном веке и эпохе ранних металлов (функционально-траасологические и технологические исследования индустрий), руководитель — д. и. н. Щелинский В. Е.

14. Памятники гунно-сарматского времени Евразии: радиоуглеродная хронология, изучение изменений климата и реконструкция древних технологий с использованием естественнонаучных методов, руководитель — к. х. н. Егорьков А. Н.

15. Археологическая и реставрационная деятельность на территории европейской части Российской империи в конце XIX–начале XX в. (по материалам научного архива ИИМК РАН), руководитель — к. и. н. Длужневская Г. В.

Итоговые отчеты, представленные руководителями тем, продемонстрировали, что коллектив Института успешно начал переход на новую систему выполнения научно-исследовательских работ в рамках государственной «Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2008–2012 годы».

Научные разработки сотрудников ИИМК РАН нашли отражение в публикации 48 книг и более чем 660 статей и заметок в российских и международных изданиях.

В 2008 г. сотрудники ИИМК успешно закончили научно-исследовательскую работу по 10 проектам Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»:

1. Адаптация культур среднего/верхнего палеолита Восточной Европы к изменениям природно-климатических условий (в контексте среднего/верхнего палеолита Евразии), руководитель — д. и. н. Аникович М. В.

2. Адаптации и расселение древнего человека в Северной Евразии на рубеже плейстоцена и голоцена, руководитель — д. и. н. Васильев С. А.

3. Адаптивно-адаптирующие процессы в формировании культурной дифференциации палеолита Восточной Европы, руководитель — к. и. н. Сеницын А. А.

4. Янская стоянка: культурное разнообразие, расселение и адаптации верхнепалеолитического населения Северо-Востока Азии, руководитель — к. и. н. Питулько В. В.

5. Адаптация культур палеолита—энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе, руководитель — к. и. н. Трифонов В. А.

6. Технологии производств древнеземледельческого населения Юга Евразии V—III тыс. до н. э. и его адаптация к изменениям природной среды. Комплексный подход, руководитель — д. и. н. Щелинский В. Е.

7. Характер изменений окружающей среды и ее влияние на развитие культур кочевников бронзового—железного веков в степной зоне Северной Евразии (II тыс. до н. э.—I тыс. н. э.), руководитель — к. х. н. Зайцева Г. И.

8. Древние культуры Центральной Азии в контексте глобальных и локальных климатических изменений: трансформация, культурное взаимодействие, эволюция мировоззрения, руководитель — к. и. н. Боковенко Н. А.

9. Миграции кочевников Евразии и процессы социокультурной адаптации греков и варваров на берегах Боспора Киммерийского, руководитель — д. и. н. Виноградов Ю. А.

10. Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири, руководитель — к. и. н. Длужневская Г. В.

Опубликовано около 200 научных статей. Результаты проведенных исследований по проектам

доклаживались на различных научных форумах, в том числе и на II (XVIII) Всероссийском археологическом съезде и на итоговой научной конференции по программе «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

В 2008 г. сотрудники Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН успешно закончили научно-исследовательскую работу по трем проектам программы Отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории»:

1. «Ладога и Ладожская земля в эпоху раннего средневековья. Славяне, скандинавы, финны в процессе культурной и торговой интеграции», руководитель — д. и. н., проф. Кирпичников А. Н.

2. «Рюриково городище. Новые этапы исследования», руководитель — чл.-корр. РАН, проф. Носов Е. Н.

3. «Характер рецепции христианской культуры Византии и Древней Руси по данным археологии», руководитель — в. н. с., д. и. н. Мусин А. Е.

В 2009 г. сотрудники ИИМК начали научно-исследовательскую работу по 10 проектам новой Программы фундаментальных исследований Президиума РАН на 2009—2011 гг. «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»:

1. «Палеолит как „terra incognita“: на пороге научной революции (некоторые итоги социокультурных исследований палеолита в России)», руководитель — д. и. н. Аникович М. В.

2. «Древнейшее население Сибири и миграции человека в Новый Свет: опыт междисциплинарного исследования (по данным археологии, антропологии, этнографии, фольклористики и лингвистики)», руководитель — д. и. н. Васильев С. А.

3. «Ашельские рубила Кавказа: развитие технологий и протодизайна», руководитель — д. и. н., проф. Любин В. П.

4. «Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность охотников раннего верхнего палеолита Северо-Восточной Азии», руководитель — к. и. н. Питулько В. В.

5. «Культурно-исторические процессы на рубеже плейстоцена—голоцена на северо-западе Русской равнины», руководитель — к. и. н. Сеницын Г. В.

6. «Сырьевые ресурсы и технологии обработки камня индустрий раннего и среднего палеолита юга европейской части России (Кавказ, Приазовье)», руководитель — д. и. н. Щелинский В. Е.

7. «Сравнительный анализ каменных индустрий костенковско-авдеевско-зарайского культурного единства», руководитель — к. и. н. Гиря Е. Ю.

8. «Географическое происхождение и миграции населения эпохи бронзы Евразийских степей и Северного Кавказа по данным археологии и результатам изотопных анализов», руководитель — к. х. н. Зайцева Г. И.

8. «Формирование окуневского культурного феномена», руководитель — к. и. н. Лазаретов И. П.

9. «Курганные древности Боспора Киммерийского (история изучения, хронология, социальная и этническая атрибуция)», руководитель — д. и. н. Виноградов Ю. А.

10. «Историко-культурное наследие севера Центральной Азии и Южной Сибири (по материалам фотоотдела Научного архива ИИМК РАН)», руководитель — д. и. н. Длужневская Г. В.

В 2009 г. сотрудники Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН начали научно-исследовательскую работу по двум проектам новой программы ОИФН РАН на 2009–2011 гг. «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей»:

1. «Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Взаимодействие и взаимовлияние славян, скандинавов и финнов в процессе становления древнерусской государственности», руководитель — д. и. н., проф. Кирпичников А. Н.

2. «Культурные взаимодействия славян, финнов и скандинавов в Приильменье в I тыс. н. э.», руководитель — чл.-корр. РАН, проф. Носов Е. Н.

Санкт-Петербургский научный центр РАН в 2008 г. профинансировал по Научной программе исследования по шести проектам сотрудников ИИМК РАН. Из них: два проекта комплексных междисциплинарных исследований, руководители — д. и. н. Васильев С. А. и к. и. н. Трифонов В. А., два издательских проекта, руководители — к. и. н. Шумкин В. Я., к. и. н. Шарафутдинова Э. С.; проект по подготовке и проведению международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения А. А. Спицына, руководитель — к. и. н. Богуславский О. И., и проект по проведению археологической экспедиции, руководитель — к. и. н. Кулаков С. А.

В 2008–2009 гг. сотрудниками ИИМК РАН на высоком научном уровне выполнены задания по проектам Федеральной целевой программы «Культура России 2006–2010 гг.».

1. «Охранно-спасательные раскопки поселения эпохи ранней бронзы «Новосвободненское», Майкопский район, Республика Адыгея» (к. и. н. Резепкин А. Д.).

2. «Охранно-спасательные раскопки поселения эпохи ранней бронзы Усть-Джегутинское,

Усть-Джегутинский район, Республика Карачаево-Черкесия» (к. и. н. Резепкин А. Д.).

3. «Охранно-спасательные научно-исследовательские работы на поселении эпохи ранней бронзы Беляевское, Красногвардейский район, Республика Адыгея» (к. и. н. Резепкин А. Д.).

4. «Археологические работы на памятнике археологии „Дольмен” п. Джубга, Туапсинского района, Краснодарского края» (к. и. н. Трифонов В. А.).

5. «Охранно-спасательные и исследовательские археологические работы на памятнике Ахштырская пещерная стоянка, г. Сочи» (к. и. н. Кулаков С. А.).

6. «Мероприятия по обеспечению сохранности историко-культурного наследия и мониторинг состояния сохранности и использования объектов культурного наследия, памятников истории и культуры на территории Карачаево-Черкесской Республики, Республики Хакасия, Республики Тыва» (к. и. н. Рысин М. Б., к. и. н. Боковенко Н. А., к. и. н. Килуновская М. Е.).

7. «Научно-исследовательские работы по обеспечению сохранности памятников археологии и выявлению новых объектов в Республике Тыва — мониторинг состояния сохранности и использования объектов культурного наследия федерального значения» (к. и. н. Килуновская М. Е.).

8. «Научно-исследовательские работы по обеспечению сохранности памятников археологии и выявлению новых объектов в Республике Хакасия — мониторинг состояния сохранности и использования объектов культурного наследия федерального значения» (к. и. н. Боковенко Н. А.).

9. «Археологические работы на группе дольменов „Джубга II” Краснодарский край, х. Полковничий» (к. и. н. Трифонов В. А.).

10. «Археологические работы на памятнике истории и культуры „Успенский монастырь (культурный слой Богородицкого конца Ладоги)”, Ленинградская обл., с. Старая Ладога» (д. и. н. Кирпичников А. Н.).

11. «Археологические работы на памятнике истории и культуры „Земляное городище Старой Ладоги”, Ленинградская обл., с. Старая Ладога» (д. и. н. Кирпичников А. Н.).

12. «Мониторинг объектов истории и культуры Карачаево-Черкесской Республики» (к. и. н. Рысин М. Б.).

13. «Мониторинг объектов истории и культуры Республики Тыва» (к. и. н. Семенов В. А.).

14. «Мониторинг объектов истории и культуры Республики Хакасия» (к. и. н. Лазаретов И. П.).

15. «Мониторинг (паспортизация) объектов истории и культуры на территории Хакасского республиканского музея-заповедника в Республике Хакасия» (к. и. н. Боковенко Н. А.).

16. «Мониторинг объектов истории и культуры Республики Адыгея» (к. и. н. Резепкин А. Д.).

Согласно техническому заданию по всем проектам в полном объеме выполнен весь необходимый комплекс работ.

В 2008–2009 гг. РФФИ финансировал 30 новых и продолжающихся инициативных и издательских проектов сотрудников ИИМК РАН, а также грантов на проведение и участие в научных мероприятиях и проекты полевых исследований.

РГНФ финансировал работы сотрудников ИИМК по 35 исследовательским и издательским проектам, а также грантам на проведение конференций и полевых исследований. Особо следует отметить работы по совместным проектам РГНФ: два проекта с НАН Украины (д. и. н. Васильев С. А. и к. и. н. Скакун Н. Н.), два проекта с АН Белоруссии (к. и. н. Поплевко Г. Н. и к. и. н. Сеницына Г. В.) и проект с АН Молдавии (к. и. н. Скакун Н. Н.); инициативные проекты с CNRS (Франция) (к. и. н. Скакун Н. Н.), с Эстонией (к. и. н. Лисицын С. Н.), с Вьетнамом (к. и. н. Алёшкин В. А.).

Д. и. н. Васильев С. А. в 2008–2009 гг. успешно выполнял руководство комплексным проектом «Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды» программы «Международного Полярного года». К. и. н. Еремеев И. И. в 2008–2009 гг. являлся руководителем проекта «Aristocratic Graves and Large Barrows to the East and West of the Baltic Sea (AD 500–1000)», Visby Programme (Swedish Institut) (Швеция). В 2008–2009 гг. к. х. н. Зайцева Г. И. возглавила российскую группу международного проекта по радиоуглероду F6. С 2009 г. к. и. н. Сеницын А. А. руководит совместным научным проектом РАН и АН Чешской Республики «Культурная адаптация к изменениям природной среды (климата) в верхнем палеолите Восточной (Костёнковская группа) и Центральной (Моравская группа) Европы». К. и. н. Гиря Е. Ю. и к. и. н. Лозовская О. В. с 2009 г. являются участниками от России в международном проекте Министерства науки и инноваций Испании «Забытые технологии в изучении древних обществ: пример рыболовства в мезо-неолитических обществах Русской равнины» (HAR2008-04461/HIST).

В 2009 г. к. и. н. Никоноров В. П. работал по гранту Министерства науки и высшего образования Республики Польша «Иран и степные наро-

ды Центральной Евразии в эллинистическо-парфянскую эпоху: политическая история, взаимоотношения и культурно-историческое наследие».

В 2008 г. в Институте были организованы полевые исследования 35 экспедиций и отрядов, а в 2009 г. — 33 экспедиции и отряда в различных регионах России, на Украине, в Туркмении и Вьетнаме. Кроме того, сотрудники Института принимали участие в работах совместных и международных экспедиций в Сибири, на Украине и в Средней Азии.

В 2008 г. ИИМК РАН и Департамент древностей Республики Кипр заключили договор о работе на острове российской экспедиции (начальник д. и. н. Горнчаровский В. А.). По итогам первых работ в июне–июле 2008 г. экспедиция получила Лицензию Департамента древностей Республики Кипр на право производства раскопок археологического местонахождения Влю близ сел. Аногира (округ г. Лимассол).

Заведующий Отделом истории античной культуры ИИМК РАН, д. и. н. Виноградов Ю. А., в течение ряда лет принимает участие в работах Российской археологической миссии в Йемене. Д. и. н., проф. Любин В. П., к. и. н. Беляева Е. В., к. и. н. Васильев Ст. А. в 2008–2009 гг. принимали участие в работе в Российско-Армянской экспедиции.

В 2009 г. к. и. н. Гиря Е. Ю., на базе Зарайской экспедиции ИА РАН, возобновил работу трасологической школы ИИМК для археологов: аспирантов и студентов России и ближнего зарубежья.

Наиболее важные результаты деятельности научного коллектива ИИМК РАН в 2008–2009 гг. нашли отражение в издании 24 монографических исследований, 16 сборников статей и материалов научных форумов, а также в публикации более 500 статей и заметок в российских и международных изданиях.

В 2008 г. вышли в свет крупные монографические исследования: д. и. н. Вишняцкого Л. Б. «Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции»; д. и. н. Астахова С. Н. «Палеолитические памятники Тувы»; д. и. н. Васильева С. А. «Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых»; к. и. н. Завьялова В. А. «Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок городища Зартепа)»; к. и. н. Соловьевой Н. Ф. «Антропоморфные изображения Туркменистана поры среднего энеолита (по материалам поселения Илгынлыдепе)»; к. и. н. Шауба И. Ю. «Италия — Скифия: культурно-исторические параллели»; д. и. н. Ви-

ноградова Ю. А. «Большой лекиф Ксенофанта (античность в Эрмитаже)». В 2009 г. были изданы монографии д. и. н. Вадецкой Э. Б. «Древние маски Енисея»; к. и. н. Абдуллоева Д. «Средняя Азия в VII—XIII веках и вопрос о согдийском культурном наследии»; д. и. н. Кирпичникова А. Н. «Раннесредневековые золоченые шлемы. Новые находки и наблюдения»; к. и. н. Лапшина В. А. «Тверь в XIII—XV вв. (по материалам раскопок 1993—1997 гг.)»; д. и. н. Горончаровского В. А. «Арена и кровь: Римские гладиаторы между жизнью и смертью»; к. и. н. Шауба И. Ю. «Греко-персидские войны».

Были изданы коллективные монографии: к. и. н. Миняева С. С. и Давыдовой А. В. «Художественная бронза сюнну: новые открытия в России»; д. и. н. Длужневской Г. В., д. и. н. Савинова Д. Г. «Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири»; к. и. н. Кирчо Л. Б., д. и. н., проф. Коробкова Г. Ф. (†), д. и. н., проф. Массона В. М. (†) «Техно-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации»; д. и. н., проф. Коробкова Г. Ф. (†), к. и. н. Рысина М. Б., Шапошниковой О. Г. «Проблема изучения древнейшей культурной общности в свете исследований Михайловского поселения» (*Stratum Plus* 2006—2007). Вышли в свет исследования д. и. н. Виноградова Ю. А. и д. и. н. Горончаровского В. А. «Военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э.—середина III в. н. э.)»; д. и. н. Аниковича М. В., к. и. н. Попова В. В. и д. и. н. Платоновой Н. И. «Палеолит Костенковско-Боршевского района в контексте верхнего палеолита Европы»; д. и. н. Васильева С. А., Березкина Ю. Е. и д. и. н. Козинцева А. Г. «Сибирь и первые американцы». К. и. н. Семенов В. А. опубликовал учебное пособие для студентов неархеологов «Первобытное искусство: каменный век, бронзовый век. Новая история искусства».

В 2008 г. вышел в свет сборник статей, посвященный 60-летию руководителя Кольской экспедиции ИИМК РАН Шумкина В. Я. — «Кольский сборник» (отв. ред. Л. Г. Шаяхметова). В 2009 г. были изданы сборники «Проблемы культурогенеза и культурного наследия: Сборник статей к 80-летию Вадима Михайловича Массона» (ред. С. В. Белецкий и Л. Б. Кирчо); «Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. Доклады Международного российско-литовского семинара. Санкт-Петербург, 4—8 декабря 2006 г.» (редакционная кол-

легия: Е. Н. Носов (отв. ред.), А. Н. Кирпичников, Н. И. Платонова).

В 2008 г. ИИМК РАН выпустил третий номер институтского сборника, издание которого было начато в 2006 г. «Записки ИИМК РАН. № 3» (отв. ред. Е. Н. Носов, отв. секретарь Л. Б. Кирчо). Основой выпуска стали статьи, освещающие разные аспекты истории Отдела палеолита ИИМК РАН. В 2009 г. вышел в свет 4-й номер Записок ИИМК РАН (отв. ред. Е. Н. Носов, отв. секретарь Л. Б. Кирчо). Его основой стали статьи, освещающие различные аспекты истории Отдела истории античной культуры Института. В специальных разделах обоих выпусков публикуются работы, отражающие новые открытия, исследования и аналитические разработки сотрудников, аспирантов и соискателей ИИМК РАН.

В 2008—2009 гг. ИИМК организовал и провел 10 крупных научных мероприятий.

1. В августе 2008 г. на базе Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН (начальник к. и. н. Шумкин В. Я) в с. Ловозеро Мурманской обл. был проведен Скандинавский полевой археологический семинар.

2. В сентябре 2008 г. на базе Приазовской экспедиции ИИМК РАН (руководители к. и. н. Кулаков С. А. и д. и. н. Щелинский В. Е.), в Краснодарском крае в поселке Пересыпь была организована и проведена значительная международная конференция «Ранний палеолит Евразии: новые открытия». Специалистам (археологам, геологам, палеонтологам) были продемонстрированы самые древние следы жизнедеятельности людей на раннепалеолитических памятниках Богатыри/Синяя Балка и Родники, возраст культуросодержащих слоев которых датируется временем более 1,5 миллионов лет тому назад. В работе конференции приняли участие более 70 ученых из России, стран СНГ и дальнего зарубежья. К началу работы конференции были изданы ее материалы «Ранний палеолит Евразии: новые открытия» (Материалы международной конференции: Краснодар—Темрюк, 1—6 сентября 2008 г.).

3. В октябре 2008 г. в ИИМК РАН проходили заседания Международной Саамской конференции. К ее началу выпущены тезисы докладов участников.

4. В ноябре 2008 г. Отделом истории античной культуры ИИМК РАН совместно с Государственным Эрмитажем и Музеем истории религии был проведен круглый стол по теме «Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху», посвященный 10-летию Международной научной кон-

ференции «Боспорский феномен». Ко времени работы стола были изданы материалы «Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху: К 10-летию Международной научной конференции. „Боспорский феномен”».

5. В ноябре 2008 г. ИИМК РАН совместно с Музеем истории Санкт-Петербургского университета, историческим факультетом и кафедрой археологии, а также Государственным Эрмитажем стал одним из организаторов крупной Международной конференции «История и практика археологических исследований», посвященной 150-летию со дня рождения одного из основоположников отечественной археологии А. А. Спицына. Конференция собрала более 100 ученых из России, ближнего и дальнего зарубежья. К началу работы конференции были изданы ее материалы: «История и практика археологических исследований: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения А. А. Спицына». СПб., 2008 (отв. ред. Е. Н. Носов, И. Л. Тихонов).

6. В ноябре 2008 г. ИИМК, при финансовой поддержке РГНФ, стал одним из организаторов Международной научной конференции «С. Н. Бибикив и первобытная археология», посвященной 100-летию со дня рождения С. Н. Бибикива, которая состоялась 2–7 ноября 2008 г. в г. Киеве (Украина). Материалы работы этого форума опубликованы в сборнике «С. Н. Бибикив и первобытная археология».

7. В ноябре 2009 г. ИИМК, при участии Государственного Эрмитажа, ИА РАН, Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия и Государственного центра фотографии, провел юбилейную научную конференцию, посвященную 150-летию Императорской Археологической Комиссии — Российской государственной археологической комиссии (1859–1919), «Археологическая наука в России». В ее работе приняли участие около 100 исследователей. Заседания проходили в ИИМКе и в Государственном Эрмитаже, где была открыта выставка «150 лет Императорской Археологической Комиссии». К юбилею Комиссии издан фундаментальный том «Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания» (науч. ред. А. Е. Мусин. Под общей ред. Е. Н. Носова).

8. В ноябре 2009 г. Отдел палеолита ИИМК организовал и провел международную конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения Н. Н. Гуриной. В ее работе приняли участие более 100 археологов — специалистов по позднему ка-

менному веку из многих археологических центров России, ближнего и дальнего зарубежья. К началу работы были изданы материалы конференции «Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы».

9. В декабре 2009 г. Отдел истории античной культуры ИИМК совместно с Государственным Эрмитажем и Музеем истории религии провел очередную Седьмую конференцию международного симпозиума «Боспорский феномен» по теме «Искусство на периферии античного мира». К конференции были подготовлены и изданы материалы «Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира (Материалы Международной научной конференции)».

10. Д. и. н. Мусин А. Е., в рамках международного проекта РАН и CNRS (Франция), стал одним из основных организаторов международного научного симпозиума, состоящего из двух сессий: «На Запад и на Восток: межэтнические контакты в эпоху становления Новгородской Руси: Культура. Память. Идентичность» (Россия, Санкт-Петербург, Великий Новгород, 21–24 июля 2009) и «На Запад и на Восток: комплексный подход к межэтническим контактам и культурной динамике эпохи викингов» (Франция, Кан, 22–24 сентября 2009).

Сотрудники ИИМК в 2008–2009 гг. принимали активное участие в работе целого ряда международных научных форумов как в России, странах СНГ, так и в дальнем зарубежье, где было прочитано более 400 докладов.

В 2008 г. в ИИМК заведующим Отделом славяно-финской археологии д. и. н. Кирпичниковым А. Н. был организован семинар по военной археологии. Проведено его четыре заседания.

Под руководством заведующего Отделом палеолита ИИМК д. и. н. Васильева С. А. в 2009 г. в Институте начал работать Методический семинар, выступления на заседаниях которого направлены в первую очередь на изучение применения компьютерных технологий в археологии. Проведено три заседания.

В 2008–2009 гг. сотрудники ИИМК РАН принимали самое активное участие в подготовке и проведении ряда выставочных мероприятий. Староладожская экспедиция ИИМК РАН (начальник д. и. н. Кирпичников А. Н.) в 2008 г. организовала постоянно действующую выставку древностей из раскопок в Старой Ладогге. По инициативе А. Н. Кирпичникова в Совете Федерации России работала выставка «Исторические сокровища Пскова. Открытия и находки».

В рамках работы международной конференции в Ницце (Франция) к. и. н. Шумкиным В. Я. в 2009 г. была развернута выставка «Петроглифы Кольского полуострова».

К. и. н. Гиря Е. Ю. был одним из авторов и организаторов ряда выставок, отражающих итоги изучения петроглифов Евразии как археологических источников по результатам работы Петроглифической экспедиции ИА РАН (Москва): «Петроглифы Чукотки и Беломорья», состоявшейся в Информационном центре ООН в Москве; «Наскальные изображения северных морей», прошедшей в г. Баренцбург (Шпицберген); «Петроглифы Пегтымеля», состоявшейся в Ректорском зале МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва); «Знаки северных морей», прошедшей в г. Кировске, Мурманской обл.; «Петроглифы Чукотки», посвященной закрытию Полярного года в России, состоявшейся в Информационном центре ООН в Москве.

Научный архив ИИМК РАН подготовил и провел выставки фотоматериалов архива:

1. «Французская фотография второй половины XIX в. из коллекции Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)» в Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде.

2. «Санкт-Петербург в фотографиях середины XIX—начала XX в.» в Санкт-Петербурге.

3. «Императорская Археологическая комиссия» в Государственном Эрмитаже, ноябрь 2009 г.

4. «Императорская Археологическая комиссия (1859—1917). К 150-летию со дня учреждения» в Санкт-Петербурге, в Государственном центре фотографии, декабрь 2009—январь 2010 г.

Заметным событием в культурной жизни Испании стала археологическая выставка по материалам работ Саяно-Тувинской и Средне-Енисейской экспедиций ИИМК РАН в археологическом музее г. Аликанте (Испания). К началу работы выставки был подготовлен каталог «Е. Н. Носов, Вл. А. Семенов, М. Е. Килуновская. Сокровища Тувы: Каталог выставки (на исп. и русск. языках). Издано в Испании в 2008 г.».

В 2008 г. в г. Ашхабаде (Туркмения) открыта постоянно действующая экспозиция археологических находок из поселения Ингынлы-депе, подготовленная к. и. н. Соловьевой Н. Ф.

Важным достижением для гуманитарного научного учреждения является получение в декабре 2008 г. ИИМК РАН Патента № 78945 на оптико-электронный прибор для определения кальций-содержащих компонентов строительных растворов, выписанный на имя чл.-корр. РАН Носо-

ва Е. Н., к. х. н. Медниковой Е. Ю., к. и. н. Липатова А. А.

В 2008—2009 гг., так же как и ранее, Институт продолжал интенсивно поддерживать старые и развивать новые научные контакты с зарубежными коллегами. В его стенах выступали с докладами, проходили стажировку и работали с археологическими материалами исследователи из Франции, США, Японии, Польши, Финляндии и стран СНГ. Сотрудники Института выступали с докладами на многих научных встречах в странах СНГ и дальнего зарубежья.

В 2008 г. д. и. н. Горнчаровский В. А. выступал с лекциями в Лодзинском, Торунском и Гданьском университетах Польши. К. и. н. Столба В. Ф. читал лекции в университетах г. Лозанны (Швейцария) и г. Гронингена (Нидерланды). Сотрудники ИИМК РАН включились в работы по нескольким программам международного сотрудничества Российской академии наук:

1. «Запад и Восток в формировании материальной культуры христианства в Северной Руси и Малопольше в X—XV вв.» программа сотрудничества ИИМК и Краковского отделения Института археологии и этнологии Польской академии наук.

2. «„Две Нормандии“: комплексное сравнительное исследование скандинавского присутствия в Нормандии (Франция) и в Новгородской земле (Россия) и оценка его культурно-исторического значения» программа сотрудничества ИИМК и CNRS Caen (Bass-Normandie).

3. Проект «Prosopographie Christliche Archæologie» Institut der Gorres-Gesellschaft, Rome, Italy (2008—2010).

4. Программа ИИМК и Института археологии Сербской АН (Белград) «Материальная культура Византии на западных и северных окраинах славянского мира по данным археологии на примере средневековой Сербии и Древней Руси».

Заведующий Отделом палеолита ИИМК РАН д. и. н. Васильев С. А. продолжал представлять археологов России в Комиссии по верхнему палеолиту Международного Союза доисторических и протоисторических наук (UISPP).

Д. и. н. Сакса А. И. является членом финского археологического общества, финского литературного общества, общества Калевала (Финляндия), координатором российско-финляндской рабочей группы комитета по празднованию 450-летия со дня смерти Агриколы (общество «Россия—Финляндия», администрация г. Выборга).

К. и. н. Столба В. Ф. несколько лет является координатором совместных российско-датских

работ в Датском Центре Черноморских исследований, Орхусский университет, принимает участие в пленарных заседаниях Датской Королевской академии (Копенгаген). Руководит Западно-Крымским международным Археологическим проектом, с участием Таврического национального университета (Крым, Украина), университета М. Складовской-Кюри (Люблин, Польша), университета г. Орхус (Дания), университета г. Гронинген (Нидерланды).

В 2009 г. ВВС (Англия) и Австрийское телевидение снимали фильмы о Костенковских стоянках и работах Костенковской экспедиции ИИМК (начальник к. и. н. Сеницын А. А.).

В 2009 г. заведующему Отделом славяно-финской археологии ИИМК д. и. н. Кирпичникову А. Н. была вручена Всероссийская премия ВООПИК «Хранители наследия» за 2008 г. в номинации «Историческая память». В июне 2009 г. А. Н. Кирпичников награжден губернатором и Правительством Ленинградской области Знаком отличия «За заслуги перед Ленинградской областью». А. Н. Кирпичников является членом Ученых советов по охране памятников Министерства культуры РФ и Совета по государственной культурной политике при Совете Федерации РФ; избран председателем комитета по историческому, культурному и духовному наследию Общественной палаты Ленинградской области.

К. и. н. Килуновской М. Е. в августе 2009 г. присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Тыва». Д. и. н. Васильев С. А. в 2009 г. получил «Сертификат признательности» Международного научного совета и Всемирной метеорологической организации за роль в проведении мероприятий Международного Полярного года.

Ученый совет ИИМК РАН в 2008 г. провел семь заседаний, на которых, наряду с организационными вопросами, рассматривались и научные проблемы. В январе 2008 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета и Отдела палеолита, посвященное 90-летию со дня рождения проф. Любина В. П. В феврале 2008 г. прошло расширенное заседание Ученого совета и Отдела истории античной культуры, посвященное памяти проф. Ю. А. Андреева. В апреле 2008 г. на совместном заседании Ученого совета и коллектива сотрудников ИИМК РАН был заслушан доклад заведующего Отделом палеолита д. и. н. Васильева С. А. «Отдел палеолита ИИМК РАН. Прошлое и настоящее». В апреле 2008 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета ИИМК, посвященное памяти Е. Г. Кастанаян. В сентябре 2008 г. совме-

стно с Отделом славяно-финской археологии было проведено расширенное заседание, посвященное 90-летию М. В. Малевской, в котором, наряду с сотрудниками Института и Государственного Эрмитажа, приняли участие коллеги из Польской академии наук.

В 2009 г. Ученый совет провел восемь заседаний, на которых рассматривались организационные и научные проблемы. 18 февраля 2009 г. на заседании Ученого совета был заслушан доклад руководителя радиоуглеродной группы Лаборатории археологической технологии к. х. н. Зайцевой Г. И. «Изотопные исследования в археологии». 25 февраля 2009 г. на расширенном заседании Ученого совета ИИМК РАН состоялось обсуждение доклада к. и. н. Соловьевой Н. Ф. «Илгынылы-депе: итоги и перспективы». 18 марта 2009 г. — доклада к. и. н. Шарова О. В. «Погребения сарматской знати на Боспоре в позднеархейскую эпоху. К проблеме происхождения полихромного стиля». 15 мая 2009 г. состоялось заседание Ученого совета Института, посвященное 80-летию д. и. н. Массона В. М., а 23 октября 2009 г. — посвященное 70-летию с. н. с. Бочкарева В. С.

22 апреля 2009 г. состоялось заседание Ученого совета ИИМК РАН, посвященное 150-летию со дня образования Императорской Археологической Комиссии. На заседании выступили: директор ИИМК РАН чл.-корр. РАН Носов Е. Н. «150 лет Императорской Археологической Комиссии и 90 лет ИИМК РАН, 90 лет ИА РАН»; зав. Отделом истории античной культуры ИИМК РАН, д. и. н. Виноградов Ю. А. «История изучения античности в Санкт-Петербурге — Ленинграде (ИАК, РАИМК, ГАИМК, ИИМК, ЛОИА, ИИМК РАН)».

13 мая 2009 г. на Общем собрании научных сотрудников тайным голосованием на должность директора ИИМК РАН на третий срок был выдвинут чл.-корр. РАН Е. Н. Носов. Во время майской сессии РАН на собрании ОИФН Е. Н. Носов был избран директором ИИМК РАН.

28 октября 2009 г. состоялись пере выборы Ученого совета Института. По результатам тайного рейтингового голосования избран новый состав Ученого совета, в количестве 21 члена: чл.-корр. РАН Носов Е. Н. (председатель), к. и. н. Кулаков С. А. (секретарь), к. и. н. Алёшкин В. А., д. и. н. Анисюткин Н. К., д. и. н. Астахов С. Н., д. и. н. Белецкий С. В., к. и. н. Богуславский О. И., д. и. н. Васильев С. А., д. и. н. Виноградов Ю. А., д. и. н. Вишняцкий Л. Б., к. и. н. Гиря Е. Ю., д. и. н. Длужневская Г. В., к. т. н. Егорьков А. Н., к. и. н. Завьялов В. А., д. и. н., проф. Кирпичников А. Н.,

к. и. н. Кирчо Л. Б., к. и. н. Миняев С. С., д. и. н. Сакса А. И., д. и. н. Хвошинская Н. В., к. и. н. Шумкин В. Я., д. и. н. Щелинский В. Е. 18 ноября 2009 г. новый состав Ученого совета ИИМК РАН был утвержден Бюро Отделения историко-филологических наук РАН.

На своем первом заседании вновь избранный Ученый совет тайным голосованием избрал к. и. н. Богуславского О. И. заместителем директора ИИМК РАН по научной работе, который был утвержден в должности Бюро Отделения историко-филологических наук 18 ноября 2009 г.

В 2008–2009 гг. Диссертационный совет ИИМК РАН (Д 200.15.01) провел защиты 6 докторских и 14 кандидатских диссертаций. Среди них состоялись защиты сотрудников ИИМК РАН на соискание ученой степени доктора исторических наук: к. и. н. Длужневской Г. В. по теме «Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX–первой половины XX в. (по фондам Научного архива Института истории материальной культуры

Российской академии наук)»; к. и. н. Платоновой Н. И. по теме «История археологической мысли в России (последняя треть XIX–первая треть XX вв.)»; к. и. н. Шарова О. В. по теме «Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеимперскую эпоху (сер. II–сер. IV вв. н. э.)»; к. и. н. Кирчо Л. Б. — «Формирование древнейшего протогородского центра бронзового века Средней Азии (процессы культурной и технико-технологической трансформации)».

К. и. н. Хвошинской Н. В. в октябре 2008 г. была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук — «Славяне и финны на Северо-Западе Древнерусского государства», состоявшаяся на заседании Диссертационного совета Д.501.001.78 исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

В 2008 г. согласно распоряжению Президиума РАН в ИИМК РАН было проведено очередное сокращение численности Института. После этого штат ИИМК РАН стал насчитывать 97 сотрудников, среди которых 85 научных сотрудников.

*к. и. н. С. А. Кулаков
Ученый секретарь ИИМК РАН*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АиИППЗ	— Археология и история Пскова и Псковской земли.	ННЗИА	— Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.	НОС	— Новгородский областной словарь.
АОС	— Архангельский областной словарь.	ОАК	— Отчеты Археологической комиссии. СПб.
АСГЭ	— Археологические сообщения Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.	ОПИ	— Отдел полевых исследований.
ВДИ	— Вопросы древней истории. М.	ОР ГМИИ	— Отдел рукописей Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.
ВСОРГО	— Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества.	о. с.	— оборотная сторона.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры.	ПОС	— Псковский областной словарь.
ГАКК	— Государственный архив Красноярского края. Красноярск.	ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
ГИМ	— Государственный Исторический музей. М.	РА	— Российская археология. М.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества. СПб.	РАН	— Российская академия наук.
ИА	— Институт археологии РАН. М.	РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
ИАК	— Известия Археологической комиссии. СПб.	РГО	— Русское географическое общество. СПб.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры РАН. СПб.	СА	— Советская археология. М.
ИРГО	— Известия Русского географического общества.	САИ	— Свод археологических источников. М.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии. М.	СлРЯ	— Словарь русского языка.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.	СПЛ	— Словарь промысловой лексики Северной Руси.
л. с.	— лицевая сторона.	СРГС	— Словарь русских говоров Сибири.
МАР	— Материалы по археологии России. Пг.	СРНГ	— Словарь русских народных говоров.
МАЭ РАН	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. СПб.	СЭ	— Советская этнография.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.	ТАС	— Тверской археологический сборник.
МОИП	— Московское общество испытателей природы. М.	ТИЭ	— Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.; Л.
НА ИИМК РАН, РА	— Научный архив Института истории материальной культуры РАН, Рукописный архив. СПб.	Труды ИИЭА	— Труды Института истории, археологии и этнографии. АН Казахской ССР. Алма-Ата.
		Труды ИЯЛИ	— Труды Института языка и литературы. Киргизский филиал АН СССР. Фрунзе.
		ХАС	— Харьковский археологический сборник. Харьков.
		СРА	— Centre de recherches archéologiques. Paris.

Научное издание

Археологические вести
Выпуск 17

Утверждено к печати
Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской академии наук

Издательская группа ИИМК РАН
А. В. Гилевич, Н. В. Головачева,
Т. С. Дорофеева, Г. А. Кузнецова,
В. Я. Стеганцева

Адрес редакции:

Россия. 191186. Санкт-Петербург.
Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры
Российской академии наук.
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-000-5-93; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Подписано в печать 31.10.11. Формат 60 × 90 ¹/₈
Гарнитура Newton. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 32. Печ. л. 51
Тираж 400 экз. Заказ 3905

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие
“Искусство России”»
198099, Санкт-Петербург, Промышленная ул., д. 38, корп. 2